ТВОРЕНІЯ

СВЯТАГО ОТЦА НАШЕГО

ІОАННА ЗЛАТОУСТА,

Архіепископа Константинопольскаго,

ВЪ РУССКОМЪ ПЕРЕВОДѢ.

Δόξα τῷ Θεῷ πάντων ἕνεκα. Ἀμήν.
Слава Богу за все. Аминь.

Св. Іоаннъ Златоустъ.

ТОМЪ ДЕСЯТЫЙ

ВЪ ДВУХЪ КНИГАХЪ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

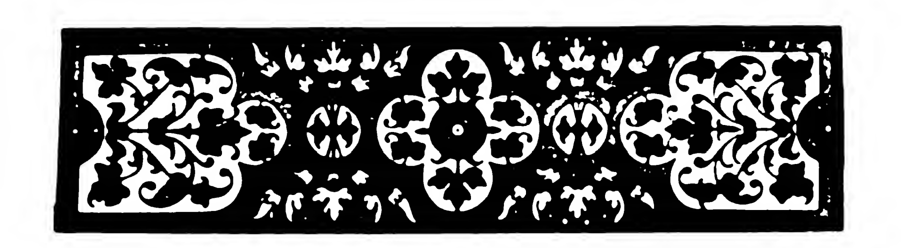
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе С.-Петербургской Духовной Академіи.
1904.

Отъ Совѣта С.-Петербургской Духовной Академіи печатать дозволяется.
С.-Петербургъ, 14 августа 1903 г.

Сергій, Епископъ Ямбургскій, ректоръ Академіи.

Reprinted by
JUH

Типографія М. Меркушева, Невскій пр., № 8.



СВЯТАГО ОТЦА НАШЕГО ІОАННА ЗЛАТОУСТАГО

БЕСѢДЫ НА ПЕРВОЕ ПОСЛАНІЕ КЪ КОРИНѲЯНАМЪ [1]).

СОДЕРЖАНІЕ ПЕРВАГО ПОСЛАНІЯ КЪ КОРИНѲЯНАМЪ. 9—10

КОРИНѲЪ, нынѣ первый городъ Греціи, въ древности славился многими удобствами жизни и въ особенности богатствомъ; потому одинъ изъ внѣшнихъ (языческихъ) писателей назвалъ его богатымъ мѣстомъ [2]). Онъ лежитъ на Пелопонезскомъ перешейкѣ и былъ весьма важенъ въ торговомъ отношеніи; также былъ наполненъ множествомъ риторовъ и философовъ; и одинъ изъ семи такъ называемыхъ мудрецовъ происходилъ изъ этого города. Это сказано нами не изъ тщеславія и не съ цѣлью
показать ученость,—что въ самомъ дѣлѣ за важное дѣло знать 11
это?—но потому что имѣетъ отношеніе къ предмету посланія. Много пострадалъ въ этомъ городѣ Павелъ; здѣсь ему явился Христосъ и сказалъ: *не молчи, но глаголи: зане людіе суть ми мнози во градѣ семъ* (Дѣян. XVIII, 9, 10); здѣсь онъ оставался два года. Здѣсь былъ изгнанъ злой духъ, отъ котораго іудейскіе заклинатели много потерпѣли; здѣсь разсѣявшіеся (жители), собравши волшебныя книги, сожгли ихъ, по исчисленію на пять-

---

[1]) Настоящія бесѣды произнесены святителемъ въ Антіохіи около 390 года.
[2]) ἀφνειόν. Гомеръ въ Иліадѣ, II, 570.

десять тысячъ драхмъ [1]). Здѣсь же, при проконсулѣ Галліонѣ, Павелъ былъ битъ предъ судилищемъ [2]). Діаволъ, видя, что великій и многолюдный, славный богатствомъ и мудростію и главный въ Греціи городъ принялъ истину, а дѣла аѳинянъ и лакедемонянъ, которыхъ владычество давно пало, были въ жалкомъ состояніи,—видя, что жители его съ великимъ усердіемъ принимали слово Божіе, что дѣлаетъ? Онъ раздѣляетъ ихъ, такъ какъ зналъ, что и самое сильное царство, раздѣлившись само въ себѣ, устоять не можетъ. Для исполненія своихъ козней онъ воспользовался богатствомъ и мудростію жителей. И вотъ между ними образовались отдѣльныя партіи: нѣкоторые самопроизвольно объявили себя предстоятелями народа, который приставалъ то къ однимъ, то къ другимъ, къ однимъ какъ богатымъ, къ другимъ какъ мудрымъ и способнымъ научить чему-то большему; а эти, привлекши его къ себѣ, хвалились, что они преподаютъ лучшее ученіе, нежели апостолъ,—на что намекая, онъ и говорилъ: *не могохъ глаголати вамъ, яко духовнымъ* (1 Кор. III, 1). Очевидно, что не отъ собственнаго его безсилія, а отъ ихъ немощи произошло то, что они не услышали многаго. На то же онъ указываетъ, когда говоритъ: *безъ насъ обогатистеся* (IV, 8). Такое раздѣленіе церкви было дѣломъ не маловажнымъ, но самымъ пагубнымъ. При этомъ тамъ былъ допущенъ и другой грѣхъ: нѣкто, жившій съ своею мачихою, не только не встрѣтилъ укора, но еще управлялъ народомъ и своимъ сообщникамъ подавалъ поводъ къ высокомѣрію; потому (Павелъ) и говоритъ: *и вы разгордѣсте, и не паче плакасте* (V, 2). Кромѣ того, нѣкоторые, почитавшіеся совершеннѣйшими, по чревоугодію вкушая отъ идоложертвеннаго и участвуя при возлежаніи въ капищахъ, позволяли себѣ всякую скверность. Еще иные, имѣя тяжбы и споры изъ-за имущества, обращались съ своими дѣлами къ внѣшнимъ судилищамъ. Также многіе ходили у нихъ съ отпущенными волосами; имъ онъ и повелѣваетъ остричься. Былъ и другой грѣхъ немаловажный,—именно тотъ, что они въ церквахъ вкушали пищу отдѣльно другъ отъ друга
12 и не удѣляли нуждающимся. Затѣмъ погрѣшали еще въ томъ, что превозносились (духовными) дарованіями и соревновали въ нихъ между собою, что всего болѣе и раздѣляло ихъ церковь. И ученія о воскресеніи держались не твердо; нѣкоторые изъ нихъ не очень вѣрили воскресенію тѣлъ, страдая еще недугомъ языческаго заблужденія. А все это происходило отъ безсмыслія внѣшней философіи; она была матерью золъ; оттого и раздѣлились

---

[1]) Это происходило въ Ефесѣ. Дѣян. XIX. 14—19.

[2]) Т. е. Сосѳенъ при Павлѣ. Дѣян. XVIII, 17.

они, научившись этому также отъ философовъ, которые возставали другъ противъ друга, постоянно изъ любоначалія и тщеславія противорѣча ученію одинъ другого и стараясь къ прежнему прибавить что-нибудь новое. Они страдали такимъ недугомъ потому, что во всемъ полагались на свои умствованія. Коринѳяне прислали Павлу посланіе чрезъ Фортуната, Стефана и Ахаика, съ которыми и онъ отправляетъ свое посланіе, какъ говоритъ онъ въ концѣ посланія; впрочемъ (они писали) не о всемъ, а только о бракѣ и дѣвствѣ; потому онъ и сказалъ: *а о нихъ же писасте ми* (VII, 1). Онъ пишетъ о томъ, о чемъ они писали и о чемъ не писали, обстоятельно развѣдавъ о всѣхъ ихъ погрѣшностяхъ. Съ посланіемъ онъ отправляетъ къ нимъ и Тимоѳея, зная, что хотя и посланіе будетъ имѣть большую силу, но не малую пользу принесетъ имъ также присутствіе этого ученика. Такъ какъ тѣ, которые были причиною раздѣленія церкви, стыдясь показаться дѣлающими это изъ честолюбія, прикрывали свою страсть тѣмъ, будто они преподаютъ совершеннѣйшее ученіе и будто сами мудрѣе другихъ, то Павелъ прежде всего возстаетъ противъ этого недуга, желая вырвать корень зла и прекратить происшедшее отсюда раздѣленіе, и возстаетъ съ большою силою. Вѣдь они, преимущественно предъ всѣми, были учениками его, какъ онъ самъ говоритъ: *аще инымъ нѣсмь апостолъ, но обаче вамъ есмь: печать бо моего апостольства вы есте* (IX, 2). Притомъ они были слабѣе другихъ, какъ онъ же говоритъ: *не глаголахъ вамъ, яко духовнымъ: ибо не у можасте; но ниже еще можете нынѣ* (III, 1, 2). Говоритъ же такъ, чтобы они не подумали, что онъ говоритъ о прошедшемъ времени,—поэтому и присовокупляетъ: *но ниже еще можете нынѣ*. Впрочемъ, вѣроятно, не всѣ были преданы порокамъ, но были нѣкоторые между ними и весьма благочестивые. На это указываетъ онъ въ срединѣ посланія, когда говоритъ: *мнѣ же не велико есть, да отъ васъ истяжуся* (IV, 3), и прибавляетъ: *сія же преобразихъ на себе и Аполлоса* (ст. 6). Такимъ образомъ, поелику все зло происходило отъ гордости и отъ того, что (нѣкоторые) почитали себя знающими болѣе другихъ, то онъ низлагаетъ ее прежде всего и начинаетъ такъ:

БЕСѢДА I.

11—12 **Павелъ званъ апостолъ Іисусъ Христовъ, волею Божіею, и Сосѳенъ братъ, церкви Божіей, сущей въ Коринѳѣ, освященнымъ о Христѣ Іисусѣ, званнымъ святымъ со всѣми призывающими имя Господа нашего Іисуса Христа во всякомъ мѣстѣ тѣхъ же и нашемъ: благодать вамъ и миръ отъ Бога Отца нашего и Господа Іисуса Христа (1 Кор. I, 1—3).**

1. Видишь ли, какъ Павелъ въ самомъ началѣ низложилъ гордость и ниспровергъ всякую надменность лжеучителей, назвавъ себя *званнымъ?* Не самъ я, говоритъ, изобрѣлъ то, чему наученъ, и не своею мудростію постигъ это, но будучи призванъ, когда гналъ и опустошалъ Церковь. Здѣсь, можно сказать, все принадлежитъ Призвавшему, а призванному ничего, развѣ только послушаніе. *Іисусъ Христовъ.* Учитель вашъ—Христосъ; а вы людей считаете начальниками ученія. *Волею Божіею,*—такъ какъ Богъ
13 восхотѣлъ, чтобы вы спаслись такимъ образомъ. Мы сами не совершили ничего, но по волѣ Божіей обрѣли спасеніе: призваны потому, что Ему было угодно, а не потому, чтобы мы были того достойны.

И Сосѳенъ братъ. Опять выражаетъ смиреніе, поставляя на ряду съ собою того, кто былъ гораздо меньше его; а разстояніе между Павломъ и Сосѳеномъ велико. Если же онъ, не смотря на такое разстояніе, поставилъ низшаго наряду съ собою, то что могутъ сказать тѣ, которые презираютъ равночестныхъ? *Церкви Божіей.* Не того или другого, но Божіей. *Сущей въ Коринѳѣ.* Видишь ли, какъ онъ каждымъ выраженіемъ низлагаетъ ихъ надменность, всячески возводя умъ ихъ къ небу? Церковь называетъ Божіею, выражая тѣмъ, что въ ней должно быть единеніе, потому что если она Божія, то соединена и едина, не только въ Коринѳѣ, но и во всей вселенной. Имя Церкви—это имя не раздѣленія, но единенія и согласія. *Освященнымъ о Христѣ Іисусѣ.* Опять приводитъ имя Іисуса, а не людей. Что такое—освященіе? Омовеніе, очищеніе. Напоминаетъ имъ о той нечистотѣ, отъ которой Онъ избавилъ ихъ, и научаетъ смиренномудрію, такъ какъ они освящены не за собственныя добрыя дѣла, но по человѣколюбію Божію. *Званнымъ святымъ.* И то самое, что вы спасаетесь вѣрою, не отъ васъ, говоритъ; не вы первые приступили, но были призваны, такъ что и это малое не вполнѣ принадлежитъ вамъ. Хотя вы приступили, будучи отягощены множествомъ золъ, но и этимъ обязаны не себѣ самимъ, а Богу.

Поэтому въ посланіи къ Ефесеямъ онъ говоритъ: *благодатію есте спасени чрезъ вѣру, и сіе не отъ васъ* (Еф. II, 8). И вѣра не вполнѣ принадлежитъ вамъ; вы не сами, предваривъ Бога, увѣровали, но послушались, когда были призваны. *Со всѣми призывающими имя Господа нашего Іисуса Христа.* Имя не такого-то или иного, но *Господа. Во всякомъ мѣстѣ тѣхъ же и нашемъ.* Хотя посланіе писано только къ коринѳянамъ, но онъ упоминаетъ о всѣхъ вѣрующихъ по всей вселенной, показывая, что Церковь должна быть едина вездѣ, хотя она находится въ различныхъ мѣстахъ, и тѣмъ болѣе—въ Коринѳѣ. Мѣсто раздѣляетъ, но Господь ихъ соединяетъ, какъ общій для всѣхъ; потому, чтобы внушить имъ единеніе, онъ и присовокупилъ: *нашемъ же и тѣхъ.* Послѣднее важнѣе перваго. Какъ находящіеся въ одномъ мѣстѣ, когда имѣютъ многихъ несогласныхъ между собою господъ, бываютъ раздѣлены, и мѣсто нисколько не способствуютъ имъ быть въ единеніи, потому что господа даютъ имъ различныя приказанія и каждый требуетъ своего,—*не можете*, сказано, *Богу работати и мамонѣ* (Мѳ. VI, 24),—такъ и находящіеся въ различныхъ мѣстахъ, когда имѣютъ не различныхъ господъ, а только одного, отъ мѣстъ не теряютъ согласія, потому что одинъ Господь соединяетъ ихъ. Итакъ, говоритъ, вы, коринѳяне, должны быть въ согласіи не только съ коринѳянами, но и со всѣми по всей вселенной, какъ имѣющіе общаго Владыку; поэтому вторично присовокупилъ: *нашемъ.* Чтобы кто-либо изъ неразумныхъ не подумалъ, что онъ допускаетъ раздѣленіе, когда сказалъ: *имя Господа нашего Іисуса Христа*, онъ опять присовокупляетъ: *Господа нашего же и тѣхъ.* А чтобы это было яснѣе, прочту такъ, какъ требуетъ смыслъ рѣчи: Павелъ и Сосѳенъ Церкви Божіей, находящейся въ Коринѳѣ, и всѣмъ, призывающимъ имя Господа нашего и ихъ, во всякомъ мѣстѣ, въ Римѣ ли, или гдѣ бы они ни были,—*благодать вамъ и* 14
миръ отъ Бога Отца нашего и Господа Іисуса Христа. Или можно такъ, и, мнѣ кажется, это будетъ еще точнѣе: Павелъ и Сосѳенъ находящимся въ Коринѳѣ освященнымъ, званнымъ святымъ со всѣми призывающими имя Господа нашего Іисуса Христа во всякомъ мѣстѣ, какъ ихъ такъ и нашего, т. е. благодать вамъ и миръ вамъ, находящимся въ Коринѳѣ освященнымъ, и сдѣлавшимся званными, не однимъ вамъ, но вмѣстѣ со всѣми, во всякомъ мѣстѣ призывающими имя Іисуса Христа, Господа нашего и ихъ. Если же миръ отъ благодати, то что ты высокоумствуешь, что надмеваешься, ты—спасающійся благодатію? Если ты въ мирѣ съ Богомъ, то для чего прилѣпляешься къ другимъ? Это вѣдь значитъ производить раздѣленіе. Для чего, если вы въ мирѣ съ тѣмъ или другимъ, обладаете и благодатью? А я желаю, чтобъ

отъ Бога было вамъ то и другое, отъ Него и для Него. То и другое не будетъ твердо, если не произойдетъ отъ мановенія свыше; и если не будетъ относиться къ Нему, то не принесетъ вамъ никакой пользы. Нѣтъ никакой для насъ пользы, если мы, будучи въ мирѣ, хотя бы со всѣми, будемъ во враждѣ съ Богомъ; и опять нѣтъ для насъ никакого вреда, если мы, будучи въ несогласіи хотя бы со всѣми, будемъ въ мирѣ съ Богомъ. Точно также нѣтъ никакой пользы, если мы у всѣхъ заслуживаемъ одобреніе, а Господа оскорбляемъ; и нѣтъ никакой опасности, если всѣ отвращаются и ненавидятъ насъ, а Богъ пріемлетъ и любитъ. Истинная благодать, истинный миръ — отъ Бога. Кто имѣетъ благодать у Бога, тотъ не боится никого, хотя бы терпѣлъ множество золъ, не только—человѣка, но—самого діавола. А кто оскорбилъ Бога, тотъ боится всѣхъ, хотя повидимому находится въ безопасности. Человѣческій родъ непостояненъ: не только друзья и братья, но и отцы, измѣняя свое расположеніе часто по маловажной причинѣ, хуже всякаго врага гнали того, кого родили, кого воспитали, и дѣти гнали отцовъ. Вотъ смотри.

2. Давидъ имѣлъ благодать предъ Богомъ; Авессаломъ имѣлъ благодать предъ людьми; а какой былъ конецъ того и другого и кто получилъ большую похвалу? Вы знаете это. Авраамъ имѣлъ благодать предъ Богомъ, а фараонъ предъ людьми, которые изъ угожденія ему предали жену праведника: кто же изъ нихъ оказался болѣе славнымъ и блаженнымъ? Это всякому извѣстно. И что говорить о праведныхъ? Израильтяне имѣли благодать предъ Богомъ и были ненавидимы отъ людей—египтянъ, но превзошли ненавидѣвшихъ и побѣдили ихъ, знаете, съ какою славою. Потому будемъ всѣ мы пещись объ этомъ: рабъ пусть старается обрѣсти благодать предъ Богомъ прежде, нежели предъ господиномъ; жена пусть ищетъ благодати предъ Спасителемъ Богомъ прежде, нежели предъ мужемъ; воинъ пусть ищетъ благоволенія свыше прежде, нежели отъ царя или начальника: такимъ именно образомъ ты заслужишь благоволеніе и отъ людей. Но какъ же обрѣсти благодать предъ Богомъ? Какъ же иначе, если не смиренномудріемъ? *Богъ*, говоритъ (Писаніе), *гордымъ противится, смиреннымъ же даетъ благодать* (Притч. III, 34); и: *жертва Богу духъ сокрушенъ, и сердце смиренно Богъ не уничижитъ* (Псал. L, 19). Если и людямъ пріятно смиреніе, тѣмъ болѣе Богу. Такъ язычники обрѣли благодать; такъ и іудеи отпали отъ благодати: *правдѣ бо*
15 *Божіей не повинушася* (Рим. X, 3). Смиренный угоденъ и пріятенъ всѣмъ, живетъ въ постоянномъ мирѣ и не имѣетъ никакой причины ко враждѣ. Будешь ли оскорблять его, порицать и говорить ему что бы то ни было, онъ станетъ молчать и переносить съ

кротостію и будетъ имѣть такой миръ со всѣми, какого и выразить невозможно, а вмѣстѣ съ тѣмъ—и съ Богомъ. А заповѣди Божіи къ тому и направлены, чтобы намъ пребывать въ мирѣ съ людьми, и вся жизнь наша хороша тогда, когда мы въ мирѣ другъ съ другомъ; Богу же никто не можетъ причинить зла; Онъ по природѣ Своей не подлежитъ вліянію зла и выше всякой страсти. Ничто такъ не дѣлаетъ христіанина достойнымъ удивленія, какъ смиренномудріе. Послушай, какъ говоритъ Авраамъ: *азъ есмь земля и пепелъ* (Быт. XVIII, 27); или Богъ о Моисеѣ—что былъ самый кроткій изъ всѣхъ людей (Числ. XII, 3). Никто не былъ смиреннѣе его: управляя такимъ народомъ, потопивъ въ морѣ и царя и все войско египетское, какъ мухъ, совершивъ такія дѣла въ Египтѣ, въ Чермномъ морѣ и въ пустынѣ, удостоившись такого свидѣтельства, онъ велъ себя, какъ заурядный человѣкъ. Зять былъ смиреннѣе тестя и принялъ совѣтъ его; не оскорбился и не сказалъ: „что это? послѣ такихъ-то и такихъ дѣлъ, ты пришелъ совѣтовать мнѣ?“ Такъ поступаютъ многіе, хотя бы имъ предлагаемъ былъ самый лучшій совѣтъ, пренебрегая совѣтующимъ за его скромность. А онъ не такъ; напротивъ, дѣлалъ все со смиренномудріемъ. Потому-то онъ презрѣлъ царскіе чертоги, что былъ истинно смиреннымъ; смиренномудріе дѣлаетъ умъ нашъ здравымъ и возвышеннымъ. Въ самомъ дѣлѣ, не знакъ ли высокой мудрости и великой души его — что онъ презрѣлъ и домъ и столъ царскій? Цари у египтянъ почитались какъ боги, и наслаждались безчисленными богатствами и сокровищами; но онъ оставилъ все это, отвергъ самый скипетръ египетскій и удалился къ плѣннымъ и угнетеннымъ, изнуреннымъ *бреніемъ и плинѳодѣланіемъ*, презираемымъ самими рабами его, — *гнушахуся ими*, говорится, *египтяне* (Исх. I, 12); этихъ людей онъ предпочелъ владыкамъ. Такъ-то смиренный бываетъ высокъ и великодушенъ! Вѣдь гордость есть знакъ низкаго ума и неблагородной души, кротость же—души высокой и великой.

3. Если угодно, объяснимъ то и другое примѣрами. Скажи мнѣ, кто былъ выше Авраама? А онъ говорилъ: *азъ есмь земля и пепелъ* (Быт. XVIII, 27); и еще: *да не будетъ распря между мною и между тобою* (XIII, 8). Онъ былъ такъ смиренъ, что пренебрегъ добычею отъ персовъ и отвергъ трофеи надъ иноплеменниками; онъ поступилъ такъ по высотѣ и величію души своей, потому что тотъ и высокъ, кто смиренъ истинно, а не мнимо и притворно. Одно—величіе души, а другое—надменность; это можно видѣть изъ слѣдующаго. Положимъ, что одинъ почитаетъ грязь грязью и пренебрегаетъ ею, а другой удивляется грязи, какъ золоту, и почитаетъ ее за нѣчто великое: кто изъ нихъ человѣкъ

16 высокій? Не тотъ ли, кто не удивляется грязи? А кто низокъ и жалокъ? Не тотъ ли, кто удивляется ей и считаетъ за нѣчто великое? Такъ и здѣсь. Кто называетъ себя землею и пепломъ, тотъ высокъ, потому что говоритъ это по смиренномудрію; а кто не почитаетъ себя землею и пепломъ, но превозносится и высокомудрствуетъ, тотъ низокъ, потому что малое почитаетъ великимъ. Слѣдовательно праотецъ (Авраамъ) по величію души сказалъ слова: *азъ есмь земля и пепелъ*, — по величію души, а не по надменности. Какъ въ тѣлѣ иное—полнота и дородность, а иное—опухлость, потому что хотя въ томъ и другомъ случаѣ тѣло бываетъ тучнымъ, но одно происходитъ отъ болѣзни, а другое отъ здоровья, такъ и здѣсь: иное—надменность,—это тоже, что опухлость,—а иное—величіе, это—полнота. Или еще положимъ, что одинъ высокъ ростомъ, а другой, хотя и малъ, но взявши ходули становится высокимъ: кого изъ нихъ, скажи мнѣ, назовемъ мы высокимъ и большимъ? Не того ли, кто высокъ по природѣ? Конечно, его, потому что у другого высота не своя, но онъ, ставши на ходули, дѣлается изъ низкаго высокимъ. Таковы многіе изъ людей, превозносящіеся богатствомъ и славою, которыя не составляютъ величія. Высокъ тотъ, кто ни въ чемъ подобномъ не имѣетъ нужды, презираетъ все (земное) и имѣетъ величіе въ самомъ себѣ. Будемъ же смиренными, чтобы намъ сдѣлаться высокими: *смиряяйся*, говоритъ (Господь), *вознесется* (Мѳ. XXIII, 12). Не таковъ человѣкъ надменный; напротивъ, онъ ничтожнѣе всѣхъ; и пузырь надувается, но пуста полнота его; оттого такихъ людей мы и называемъ надутыми. Смиренномудрый и при величіи своемъ не думаетъ о себѣ много, зная свое смиреніе, а ничтожный и при малости своей многое о себѣ воображаетъ. Будемъ же достигать величія смиренномудріемъ; будемъ помнить о природѣ (всего) человѣческаго, чтобы намъ воспламениться желаніемъ будущаго. Не иначе вѣдь можно сдѣлаться смиреннымъ, какъ любовію къ божественному и презрѣніемъ къ настоящему. Какъ тотъ, кто ожидаетъ получить царство, когда вмѣсто порфиры предложили бы ему какую-нибудь частную почесть, почелъ бы ее за ничто, такъ точно и мы посмѣемся надъ всѣмъ настоящимъ, если воспламенимся желаніемъ почести будущей. Посмотрите на дѣтей, когда они играя становятся въ строй,—какъ они ставятъ воиновъ и предъ ними глашатаевъ и ликторовъ, а въ срединѣ одинъ изъ нихъ идетъ въ видѣ начальника: не дѣтская ли это забава? Таковы отличія человѣческія, и даже—хуже: сегодня существуютъ, а завтра ихъ нѣтъ! Будемъ же выше ихъ и не только не станемъ желать, но еще — стыдиться, когда кто будетъ предлагать ихъ намъ. Отвергши такимъ образомъ любовь къ нимъ,

мы воспламенимся любовію божественною и удостоимся безсмертной славы, каковой и да сподобимся всѣ мы благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА II.

Благодарю Бога моего всегда о васъ, о благодати Божіей, даннѣй вамъ о Христѣ Іисусѣ: яко во всемъ обогатистеся о Немъ (1 Кор. I, 4, 5). 17

1. Чему другихъ научаетъ (Павелъ), когда говоритъ: *со благодареніемъ прошенія ваша да сказуются къ Богу* (Фил. IV, 6), — то дѣлаетъ и самъ, внушая намъ начинать все этими словами и благодарить Бога прежде всего. Ничто такъ не угодно Богу, какъ благодарность и за себя и за другихъ. Потому (Павелъ) начинаетъ такъ почти каждое посланіе; здѣсь же сдѣлать это было необходимѣе, нежели въ другихъ. Кто благодаритъ, тотъ благодаритъ какъ чувствующій благодѣяніе и какъ бы воздаетъ за дарованную благодать; благодать же не есть ни долгъ, ни награда, ни воздаяніе. Это нужно знать всѣмъ, тѣмъ болѣе нужно было коринѳянамъ, которые склонялись на сторону раздѣлявшихъ Церковь. *Бога моего.* По великой любви онъ усвояетъ себѣ принадлежащее всѣмъ, называетъ Бога своимъ, какъ обыкновенно выражались и пророки: *Боже, Боже мой.* Вмѣстѣ съ тѣмъ внушаетъ и имъ говорить тоже. Кто говоритъ такъ, тотъ, оставивъ все человѣческое, обращается къ Тому, Кого призываетъ съ великою любовію. Говорить такъ можетъ тотъ, кто, отъ житейскаго постоянно обращаясь къ Богу, предпочитаетъ Его всему и не только непрестанно благодаритъ за благодать уже дарованную, но возноситъ Ему хвалу и за всякое благо, какое ни получитъ. Потому не просто сказалъ: *благодарю*, но: *всегда о васъ*, научая ихъ благодарить всегда, и не другого кого, а только Бога. *О благодати Божіей.* Видишь ли, какъ онъ вездѣ исправляетъ ихъ? Гдѣ благодать, тамъ нѣтъ дѣлъ; а гдѣ дѣла, тамъ не благодать. Итакъ, если (вамъ дана) благодать, то что высокомудрствуете? Почему надмеваетесь? *Даннѣй вамъ.* И чрезъ кого она дана? Чрезъ меня ли, или чрезъ другого апостола? Нѣтъ, но чрезъ Іисуса Христа,—это и означаетъ выраженіе: *о Христѣ Іисусѣ.* Замѣть: онъ часто употребляетъ—о (ἐν) вмѣсто—*чрезъ* (διά). Слѣдовательно, это тоже, что—*чрезъ. Яко во всемъ обогатистеся.* Чрезъ кого? Опять *о Немъ*, говоритъ. И не просто *обогатистеся*, но *во всемъ*. Итакъ

у васъ есть богатство, и богатство Божіе, и во всемъ, и чрезъ
Единороднаго: какое неизреченное сокровище! *Во всякомъ словѣ
и всякомъ разумѣ. Словѣ* не внѣшнемъ, но Божіемъ. Есть разумѣ-
ніе безъ слова, и есть разумѣніе съ словомъ. Есть много имѣю-
щихъ разумъ и не имѣющихъ слова, каковы невѣжды и неумѣю-
щіе ясно выразить того, что содержатъ въ умѣ. А вы, говоритъ,
не таковы, но способны и разумѣть и говорить. *Якоже свидѣтель-
ство Христово извѣстися въ васъ* (ст. 6). Вмѣстѣ съ похвалами и
благодареніями сильно укоряетъ ихъ. Не внѣшнею философіею,
говоритъ, и не внѣшнимъ наученіемъ, но благодатію Божіею по
богатству разумѣнія и слова, отъ Него дарованному, вы научи-
лись догматамъ истины и утвердились во свидѣтельствѣ Господ-
немъ, т. е. въ проповѣди. Вы удостоились многихъ знаменій,
многихъ чудесъ, неизреченной благодати, когда приняли пропо-
вѣдь. Итакъ, если вы утвердились знаменіями и благодатію, то
для чего колеблетесь? Укоряя ихъ, онъ сказаннымъ и предрас-
18 полагаетъ ихъ къ себѣ. *Яко вамъ не лишитися ни во единомъ да-
рованіи* (ст. 7). Здѣсь представляется важный вопросъ: если они
обогащены всякимъ словомъ и не имѣютъ недостатка ни въ ка-
комъ дарованіи, то какъ они (остаются) плотскими? Если они въ
началѣ имѣли все это, то не тѣмъ ли болѣе теперь? Почему же
онъ называетъ ихъ плотскими? *Не могохъ*, говоритъ, *глаголати
вамъ яко духовнымъ, но яко плотянымъ* (III, 1). Что сказать на это?
То, что они, въ началѣ увѣровавъ и получивъ всякія дарованія,—
о которыхъ ревновали, — впослѣдствіи сдѣлались нерадивыми.
Или, если не такъ, то не ко всѣмъ говорится то и другое, но
одно къ достойнымъ обличенія, а другое къ достойнымъ похвалы.
А что у нихъ еще были дарованія, объ этомъ онъ говоритъ такъ:
*иной псаломъ имать, откровеніе имать, языкъ имать, сказаніе имать:
вся же къ созиданію да бываютъ* (XIV, 26); и еще: *пророцы же два
или тріе да глаголютъ* (ст. 29). Можно и иначе объяснить: какъ
мы имѣемъ обыкновеніе о большей части говорить какъ о цѣ-
ломъ, такъ и онъ здѣсь сказалъ. Кромѣ того, мнѣ кажется, онъ
намекаетъ и на свои дѣянія, т. е. на знаменія, которыя онъ самъ
явилъ у нихъ, о чемъ онъ говоритъ во второмъ къ нимъ посла-
ніи: *знаменія бо апостолова содѣяшася въ васъ во всякомъ терпѣніи*
(2 Кор. XII, 12); и еще: *что бо есть, егоже лишистеся паче прочихъ
церквей* (ст. 13)? Такимъ образомъ онъ или, какъ я сказалъ, на-
поминаетъ о своихъ дѣяніяхъ, или говоритъ это къ тѣмъ, кото-
рые еще были достойны похвалы, потому что тамъ было много
святыхъ, которые посвятили себя на служеніе святымъ и содѣ-
лались начаткомъ Ахаіи, какъ онъ говоритъ въ концѣ посланія
(1 Кор. XVI, 15). Съ другой стороны, если похвалы и не слиш-

комъ близки были къ истинѣ, то все же онѣ предусмотрительно приводятся для того, чтобы предрасположить ихъ къ принятію слова. Кто сейчасъ же съ самаго начала говоритъ строго, тотъ у немощныхъ заграждаетъ слухъ для своего слова. Если слушатели равны ему по достоинству, то сердятся; если гораздо ниже его, то скорбятъ. Чтобы не случилось этого, онъ и начинаетъ повидимому похвалою; самая похвала относилась не къ нимъ, а къ благодати Божіей, такъ какъ отпущеніе грѣховъ и оправданіе есть даръ свыше. Потому онъ и распространяется особенно о томъ, въ чемъ выражается человѣколюбіе Божіе, чтобы лучше исцѣлить ихъ отъ недуга. *Чающимъ откровенія Господа нашего Іисуса Христа.* Для чего вы смущаетесь, говоритъ, для чего безпокоитесь о томъ, что не предстоитъ Христосъ? Онъ предстоитъ и уже близокъ день Его. Смотри, съ какою мудростію, отклонивъ ихъ отъ всего человѣческаго, онъ приводитъ ихъ въ страхъ, напомнивъ о страшномъ судѣ и показавъ, что не начало только требуется доброе, но и конецъ. При дарованіяхъ и при всякой добродѣтели нужно помнить объ этомъ днѣ; и нужно много трудовъ, чтобы дойти до конца.

2. Онъ называетъ (этотъ день) *откровеніемъ*, выражая, что хотя онъ еще невидимъ, но онъ есть, предстоитъ и теперь, а тогда явится. Потому нужно имѣть терпѣніе; для того вы и удостоились чудесъ, чтобы пребывать твердыми. *Иже и утвердитъ васъ даже до конца неповинныхъ* (ст. 8). Здѣсь онъ, повидимому, говоритъ въ угожденіе имъ; но слова его чужды всякой лести. Онъ не оставлялъ и укорять ихъ, какъ, напримѣръ, когда говоритъ: *яко не грядущу ми къ вамъ, разгордѣшася нѣцыи* (1 Кор., IV, 19
18); и еще: *что хощете, съ палицею ли пріиду къ вамъ, или съ любовію и духомъ кротости* (ст. 21)? Также: *или искушенія ищете глаголющаго во мнѣ Христа* (2 Кор. XIII, 3)? И здѣсь онъ нѣкоторымъ образомъ обличаетъ ихъ; слова: *утвердитъ*, и: *неповинныхъ*— выражаютъ, что они еще не тверды и виновны. Замѣть, какъ часто онъ указываетъ имъ на имя Христово; не упоминаетъ ни о комъ изъ людей, ни объ апостолѣ, ни объ учителѣ, а постоянно объ этомъ вожделѣнномъ имени, желая воздвигнуть ихъ отъ состоянія какъ бы какого опьяненія. Въ другихъ посланіяхъ нигдѣ такъ часто не приводится имя Христово, а здѣсь въ немногихъ стихахъ непрестанно, такъ что изъ него составлено почти все вступленіе. Посмотри съ самаго начала: *Павелъ званъ апостолъ Іисусъ Христовъ; освященнымъ о Христѣ Іисусѣ съ призывающими имя Господа нашего Іисуса Христа; благодать вамъ и миръ отъ Бога Отца* и *Господа Іисуса Христа. Благодарю Бога моего о благодати, данный вамъ о Христѣ Іисусѣ; якоже свидѣтельство Хри-*

стово извѣстися въ васъ; чающимъ откровенія Господа нашего Іисуса Христа; иже и утвердитъ васъ неповинныхъ въ день Господа нашего Іисуса Христа. Вѣренъ Богъ, имже звани быстe во общеніе Сына Его Іисуса Христа Господа нашего; молю же вы именемъ Господа нашего Іисуса Христа. Видишь ли, какъ часто употребляется имя Христово? Отсюда ясно даже для неразумныхъ, что онъ не напрасно и не просто дѣлаетъ это, но частымъ употребленіемъ этого высокаго имени желаетъ низложить ихъ надменность и истребить злой ихъ недугъ. *Вѣренъ Богъ, имже звани быстe во общеніе Сына Его* (ст. 9). О, какъ много онъ сказалъ этимъ! Какое показалъ величіе дара! Вы призваны въ общеніе съ Единороднымъ и прилѣпляетесь къ людямъ? Что хуже этого неразумія? И кѣмъ призваны? Отцомъ. Такъ какъ онъ, говоря о Сынѣ, часто употреблялъ выраженія: *чрезъ Него, о Немъ*, то, чтобы не подумали, будто (объ Отцѣ) онъ упоминаетъ, какъ о меньшемъ, приписываетъ это Отцу. Не такимъ-то и такимъ-то, говоритъ, но Отцемъ вы призваны и Имъ обогащены. Опять: *звани быстe*, а не сами пришли. Что значитъ: *во общеніе Сына Его?* Послушай, какъ онъ говоритъ объ этомъ яснѣе въ другомъ мѣстѣ: *аще терпимъ, съ Нимъ и воцаримся; аще съ Нимъ умрохомъ, то съ Нимъ и оживемъ* (2 Тим. II, 12). Вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ какъ онъ сказалъ великую истину, присовокупляетъ въ подтвержденіе неопровержимое доказательство: *вѣренъ*, говоритъ, *Богъ*, т. е. истиненъ. Если онъ вѣренъ, то и сдѣлаетъ, что обѣщалъ; а обѣщалъ Онъ сдѣлать насъ общниками Единороднаго Сына; для этого Онъ и призвалъ: *нераскаянна бо дарованія его, и званіе Божіе* (Рим. XI, 29). Объ этомъ онъ говоритъ теперь прежде всего, чтобы послѣ сильныхъ обличеній они не впали въ отчаяніе. Обѣщанное Богомъ непремѣнно исполнится, если только мы сами не будемъ сильно противиться, подобно іудеямъ, которые, будучи призываемы, не захотѣли принять благъ.

Это зависѣло уже не отъ Призывающаго, но отъ ихъ неблагодарности: Онъ хотѣлъ даровать, а они не хотѣли принять, и такимъ образомъ лишили сами себя. Если бы Онъ призывалъ ихъ къ дѣлу трудному и тяжкому, то хотя бы неповиновеніе ихъ и тогда не заслуживало прощенія, но, по крайней мѣрѣ, они могли бы сослаться на это; если же призываются къ очи-
20 щенію, къ оправданію, къ освященію, къ искупленію, къ благодати, къ дару, къ уготованнымъ благамъ, *ихъ же око не видѣ, и ухо не слыша* (1 Кор. II, 9), если призываетъ Богъ и призываетъ самъ, то могутъ ли быть достойны прощенія необращающіеся къ Нему? Потому пусть никто не обвиняетъ Бога. Не отъ Призывающаго происходитъ невѣріе, а отъ неповинующихся. Но ска-

жешь: можно было бы привести и не желающихъ? Нѣтъ; Богъ не дѣлаетъ насилія или принужденія. И кто, призывая къ почестямъ, вѣнцамъ, пиршествамъ и торжествамъ, станетъ влечь кого-нибудь противъ воли и связаннаго? Никто, потому что это свойственно насилующему. Въ геенну Онъ посылаетъ противъ воли, а въ царствіе призываетъ добровольно; въ огонь ведетъ связанныхъ и плачущихъ, а къ безчисленнымъ благамъ—не такъ: самыя блага не были бы вожделѣнны, если бы они по свойству своему не были таковы, чтобы къ нимъ стремились добровольно и по сознанію великаго ихъ достоинства.

3. Почему же, скажешь, не всѣ стремятся къ нимъ? По своей немощи. А почему Онъ не избавляетъ ихъ отъ немощи? Но какъ, скажи мнѣ, и какимъ способомъ слѣдовало бы избавить? Не создалъ ли Онъ твореній, которыя возвѣщаютъ о Его человѣколюбіи и силѣ? *Небеса*, сказано, *повѣдаютъ славу Божію* (Псал. XVIII, 2). Не посылалъ ли пророковъ? Не призывалъ ли и не награждалъ ли почестями? Не совершалъ ли чудесъ? Не далъ ли закона писаннаго и естественнаго? Не послалъ ли Сына? Не послалъ ли апостоловъ? Не творилъ ли знаменій? Не угрожалъ ли геенною? Не обѣщалъ ли царствія? Не повелѣлъ ли солнцу сіять каждодневно? Не легки ли и не удобоисполнимы ли Его заповѣди, такъ что многіе силою любомудрія превышаютъ Его предписанія? *Что надлежало сотворити винограду, и несотворихъ ему* (Ис. V, 4)? А почему, скажешь, Онъ не сдѣлалъ для насъ естественными знаніе и добродѣтель? Кто говоритъ это: язычникъ или христіанинъ? И тотъ и другой, только не въ одномъ и томъ же отношеніи, но одинъ возражаетъ касательно знанія, другой—жизни. Скажемъ напередъ къ нашему, такъ какъ я говорю не столько ко внѣшнимъ, сколько къ собственнымъ нашимъ членамъ. Что же говоритъ христіанинъ? Слѣдовало (говоритъ онъ) вложить въ насъ познаніе добродѣтели. Онъ и вложилъ; еслибы не вложилъ, то откуда мы узнали бы, что должно дѣлать и чего не должно? Откуда законы и судилища? Но не знаніе только (говоритъ), а самую дѣятельность. За что же ты сталъ бы получать награды, если бы все происходило отъ Бога? Скажи мнѣ: если и ты и язычникъ согрѣшаете, то одинаково ли наказываетъ васъ Богъ? Нѣтъ; ты имѣешь преимущество по причинѣ знанія. Что, если бы теперь сказали тебѣ, что, не смотря на знаніе, ты и язычникъ достойны одного и того же,—ты не обидѣлся ли бы? Конечно, такъ; ты сказалъ бы, что язычникъ могъ внутри себя найти знаніе, но не захотѣлъ. А если бы тотъ сказалъ, что Богу слѣдовало вложить въ насъ знаніе естественнымъ путемъ, то ты не разсмѣялся ли бы и не сказалъ ли бы ему: почему же ты не

искалъ, почему не старался, какъ я? Не возсталъ ли бы ты противъ него съ великимъ дерзновеніемъ и сказалъ ли бы, что крайне безумно обвинять Бога, будто Онъ не вложилъ знанія въ нашу природу? Сказалъ бы это потому, что касательно знанія у тебя все исправно; если бы было все также исправно и касательно жизни, то ты не сталъ бы давать такихъ вопросовъ; но такъ какъ ты не твердъ въ добродѣтели, то предлагаешь такія безумныя сужденія. И какъ можно сдѣлаться добрымъ по необходимости? Тогда стали бы состязаться съ нами въ добродѣтели и безсловесныя животныя, изъ которыхъ нѣкоторыя воздержнѣе насъ.
21 Но, скажешь, я желалъ бы лучше быть добрымъ по необходимости и не получать никакихъ наградъ, нежели быть злымъ по свободному рѣшенію и терпѣть наказанія и мученія. Но невозможно быть добрымъ по необходимости. Если же ты не знаешь, что должно дѣлать, заяви, и тогда мы скажемъ, что слѣдуетъ сказать; а если знаешь, что невоздержаніе есть зло, то почему не убѣгаешь зла? Не могу, говоришь ты. Но другіе люди, совершившіе такіе великіе подвиги, осудятъ тебя и заградятъ тебѣ уста съ великою силою. Ты, можетъ быть, и жену имѣя, несоблюдаешь цѣломудріе; а другой, и не имѣя жены, хранитъ совершенную чистоту. Какое же ты имѣешь оправданіе, не соблюдая мѣры, тогда какъ другой восходитъ выше заподѣваннаго? Но я, говоришь, не таковъ по своей тѣлесной природѣ или по расположенію. Да—потому, что не хочешь, а не потому, что не можешь. Я утверждаю, что всѣ способны къ добродѣтели; кто чего не можетъ сдѣлать, тотъ не сможетъ и въ случаѣ необходимости; если же кто въ случаѣ необходимости можетъ, а безъ нея не дѣлаетъ, тотъ не дѣлаетъ по свободному рѣшенію. Напримѣръ: летать и подниматься къ небу человѣческому тѣлу трудно и даже невозможно; потому если бы какой-нибудь царь повелѣлъ дѣлать это, угрожалъ смертію (неповинующимся) и говорилъ: тѣхъ, которые не летаютъ, повелѣваю сѣчь, жечь, или подвергать чему-нибудь подобному, то послушался ли бы кто его? Нѣтъ, потому что это невозможно для нашей природы. А если бы тоже сдѣлано было касательно цѣломудрія и приказано было невоздержныхъ наказывать, жечь, сѣчь, подвергать безчисленнымъ мученіямъ, то не стали бы многіе повиноваться приказаніямъ? Нѣтъ, скажешь, потому что и теперь существуетъ законъ, повелѣвающій не прелюбодѣйствовать, и не всѣ повинуются. Но не потому, что законъ безсиленъ, а потому, что многіе надѣются укрыться. Если бы при томъ, кто склоняется на прелюбодѣяніе, присутствовали законодатель и судія, то страхъ былъ бы силенъ прогнать похоть. Если даже я представлю дру-

гую меньшую необходимость, напр. возьму и уведу его отъ любимой женщины и связавши запру гдѣ-нибудь, то и тогда онъ въ состояніи будетъ перенести и не потерпитъ ничего худого.

Итакъ, не будемъ говорить, что такой-то добръ по природѣ, а такой-то золъ по природѣ. Если бы кто былъ добръ по природѣ, то никогда не могъ бы сдѣлаться злымъ; а если бы былъ золъ по природѣ, то никогда не сдѣлался бы добрымъ. Между тѣмъ мы видимъ быстрыя перемѣны: люди впадаютъ то въ то, то въ другое состояніе, и переходятъ отъ одного къ другому. Это можно видѣть не только въ Писаніяхъ, гдѣ напр. мытари становятся апостолами, ученики предателями, блудницы цѣломудрен- 22
ными, разбойники добрыми, волхвы поклонниками, нечестивые благочестивыми, какъ въ новомъ, такъ и въ ветхомъ завѣтѣ, но и каждый день можно видѣть множество подобныхъ случаевъ. Если бы (добро и зло) были естественны, то такихъ перемѣнъ не было бы. Такъ,—мы чувствительны по природѣ, и при всемъ стараніи никогда не сдѣлаемся нечувствительными. Что свойственно природѣ, то не выйдетъ изъ природы. Никто, имѣющій нужду въ снѣ, не перестанетъ спать: никто, подвергающійся тлѣнію, не избавится отъ тлѣнія; никто алчущій не достигнетъ того, чтобы никогда не алкать. Потому это и не ставится въ вину, и мы сами за это не укоряемъ себя. Никто въ укоръ другому не говоритъ: о, тлѣнный, о, чувствующій!—но всегда на видъ обвиняемымъ мы поставимъ или прелюбодѣяніе или блудъ или что-нибудь подобное и за это приводимъ ихъ къ судьямъ, которые осуждаютъ и наказываютъ, а за противное тому награждаютъ. Итакъ, и изъ того, что мы дѣлаемъ между собою и что дѣлаютъ съ нами судьи, и изъ того, что мы написали законы и осуждаемъ сами себя, хотя бы не было противъ насъ никакого обвинителя, и изъ того, что отъ нерадѣнія становимся хуже, а отъ страха лучше, и изъ того, что видимъ другихъ добродѣтельными и восходящими на высоту любомудрія,—очевидно, что въ насъ находится возможность добродѣтели. Для чего же многіе изъ насъ понапрасну обольщаютъ себя холодными извиненіями и предлогами, не только не заслуживающими прощенія, но и навлекающими тяжкое наказаніе, тогда какъ слѣдовало бы заботиться о добродѣтели, имѣя предъ глазами тотъ страшный день, и, потерпѣвъ немного, достигать неувядаемыхъ вѣнцовъ? Эти извиненія не принесутъ намъ никакой пользы; рабы, намъ подобные и успѣвшіе въ противномъ, осудятъ всѣхъ согрѣшающихъ, жестокаго—милостивый, злого—добрый, дерзкаго—кроткій, завистливаго—дружелюбный, тщеславнаго—любомудрый, нерадиваго—усердный, развратнаго—цѣломудренный. Такъ совершитъ Богъ судъ надъ нами, раздѣливъ

насъ на двѣ части, и однихъ удостоитъ похвалы, а другихъ наказанія. Но да не будетъ никто изъ здѣсь присутствующихъ въ числѣ наказуемыхъ и мучимыхъ, а будетъ въ числѣ вѣнчаемыхъ и получающихъ царствіе Божіе, котораго и да сподобимся всѣ мы благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА III.

21 **Молю же вы, братіе, именемъ Господа нашего Іисуса Христа, да тожде глаголете вси, и да не будутъ въ васъ распри, да будете же утверждени въ томъ же разумѣніи и въ той же мысли (1 Кор. I, 10).**

1. Обличеніе, какъ я всегда говорилъ, надобно дѣлать постепенно и мало-по-малу; такъ Павелъ здѣсь и дѣлаетъ. Приступая къ предмету, исполненному великихъ опасностей и могшему поколебать церковь до самаго основанія, онъ начинаетъ рѣчь съ кротостію. Онъ умоляетъ коринѳянъ и умоляетъ Христомъ, какъ бы самъ одинъ не могъ предложить это наставленіе и убѣдить. Что
22 значитъ: *молю Христомъ?* Призываю на помощь Христа и имя Его, оскорбленное и поруганное. Весьма сильно (внушаетъ имъ), чтобы они не были безстыдными, такъ какъ грѣхъ именно дѣлаетъ людей безстыдными. Такъ всегда, если вдругъ станешь рѣзко обличать кого-нибудь, то онъ ожесточится и сдѣлается безстыднымъ; если же сдѣлаешь внушеніе, то преклонишь его выю, укротишь его дерзость и заставишь смириться. Это Павелъ и дѣлаетъ, умоляя именемъ Христа. О чемъ же онъ умоляетъ? *Да тожде глаголете вси, и да не будутъ въ васъ распри* (σχίσματα). Выразительное слово: *распри*, заключая въ себѣ и обличеніе,
23 могло сильно тронуть ихъ. У нихъ и части не были здравы, и цѣлое было расторгнуто. Если бы части церкви были здравы, то были бы многія соединенія. А если у нихъ были распри, то не было и цѣлаго. Когда цѣлое раздѣляется на многія части, то не только части не составляютъ многихъ (цѣлыхъ), но перестаетъ быть и одно цѣлое. Таково свойство распрей! Сильно тронувъ ихъ обличеніемъ въ распряхъ, онъ далѣе показываетъ свою кротость и смягчаетъ рѣчь: *да будете же*, говоритъ, *утверждени въ томъ же разумѣніи и въ той же мысли.* Послѣ словъ: *да тожде глаголете вси,* не подумайте, говоритъ, что я разумѣю согласіе только въ словахъ; нѣтъ, я желаю согласія въ мысляхъ. А такъ какъ можно имѣть и одинаковыя мысли, но не о всѣхъ предме-

такъ, то присовокупляетъ: *да будете же утверждени.* Кто согласенъ въ одномъ, но не согласенъ въ другомъ, тотъ еще не утвержденъ, не достигъ совершеннаго единомыслія. Бываетъ и то, что при согласіи въ мысляхъ, еще нѣтъ согласія въ духѣ,—напр., когда мы, имѣя одну и ту же вѣру, не соединены между собою любовію. Въ этомъ случаѣ мы согласны въ мысляхъ,—думаемъ вѣдь одинаково,—но еще не согласны по духу. Тоже было и въ Коринѳѣ, гдѣ одинъ держалъ сторону того, а другой—иного. Потому Павелъ и говоритъ, что надобно быть *утвержденными въ томъ же разумѣніи и въ той же мысли.* Распри у нихъ происходили не отъ различія въ вѣрѣ, но отъ несогласія въ духѣ, по человѣческому тщеславію. Но такъ какъ обвиняемый безъ свидѣтелей можетъ остаться упорнымъ до безстыдства, то чтобы они не могли отвергать сказаннаго, приводитъ свидѣтелей. *Возвѣстися бо ми о васъ, братіе моя, отъ (домашнихъ) Хлоиса* (ст. 11). Не вдругъ сказалъ это, но напередъ изложилъ обличеніе, потому что вѣрилъ возвѣстившимъ; еслибъ не вѣрилъ, то не сталъ бы и обличать; а повѣрить слѣпо Павелъ не могъ. Такимъ образомъ онъ не вдругъ сказалъ: *возвѣстися,* чтобы не показалось, что онъ обвиняетъ ихъ только по словамъ возвѣстившихъ, и не умолчалъ объ этомъ, чтобы не показалось, что онъ говоритъ только самъ отъ себя. Здѣсь опять называетъ ихъ *братіями.* Хотя грѣхъ ихъ былъ явный, но ничто еще не препятствовало называть ихъ братіями. Притомъ,—замѣть мудрость его,—онъ не указалъ на отдѣльное лице, но на цѣлый домъ, чтобы они не возстали противъ возвѣстившаго: такъ онъ и его сокрылъ и вину ихъ прямо открылъ! Онъ зналъ, что полезно для однихъ, и что нужно для другихъ. Потому не сказалъ: *возвѣстися ми* отъ нѣкоторыхъ; онъ указалъ на извѣстный домъ, чтобы это не показалось вымышленнымъ. Что же было возвѣщено? *Яко рвенія въ васъ суть.* Когда самъ укоряетъ ихъ, то говоритъ: *да не будутъ въ васъ распри;* а когда передаетъ слышанное отъ другихъ, то выражается болѣе кротко: *возвѣстися бо ми, яко рвенія въ васъ суть,*—чтобы не подвергнуть опасности возвѣстившихъ. Потомъ говоритъ, въ чемъ именно состояло несогласіе: *яко кійждо васъ глаголетъ: азъ убо семь Павловъ, азъ же Аполлосовъ, азъ же Кифинъ* (ст. 12). Разумѣю, говоритъ, несогласія не въ частныхъ дѣлахъ, но гораздо важнѣйшія. *Яко кійждо васъ глаголетъ.* Зло касалось не части, но всей церкви. Впрочемъ коринѳяне не говорили такъ ни о немъ, ни о Петрѣ, ни объ Аполлосѣ; но онъ показываетъ, что если и такихъ лицъ не слѣдуетъ ставить въ такое къ себѣ отношеніе, то тѣмъ болѣе другихъ. А что они не говорили этого, онъ самъ объясняетъ ниже: *сія же преобразихъ на себе и Аполлоса, да отъ насъ научитеся не* 24

паче написанныхъ мудрствовати (1 Кор. IV, 6). Если не слѣдуетъ называться именами Павла, Аполлоса и Кифы, то тѣмъ болѣе— другихъ. Если не слѣдуетъ усвоять имени учителя, перваго изъ апостоловъ и просвѣтителя столькихъ народовъ, то тѣмъ болѣе— людей ничего незначущихъ. Такимъ образомъ онъ только примѣнительно перечисляетъ эти имена, чтобы скорѣе исцѣлить ихъ болѣзнь. Притомъ дѣлаетъ рѣчь свою менѣе непріятною, не упоминая по имени раздѣлявшихъ церковь, но какъ бы прикрывая ихъ именами апостоловъ: *азъ убо есмь Павловъ, азъ же Аполлюсовъ, азъ же Кифинъ*.

2. Онъ поставилъ Петра послѣднимъ, не предпочитая ему себя, а напротивъ именно предпочитая себѣ Петра. Онъ ведетъ рѣчь отъ меньшаго къ большему; и чтобы не подумали, что онъ поступаетъ по зависти и предвосхищаетъ себѣ честь у другихъ по тщеславію, ставитъ себя первымъ. Кто себя перваго считаетъ недостойнымъ, тотъ дѣлаетъ это не изъ честолюбія, но по великому презрѣнію къ такой чести. Такъ и онъ прежде отъ себя самого отклоняетъ такую честь, а потомъ отъ Аполлоса, и наконецъ отъ Кифы; слѣдовательно дѣлаетъ это не изъ предпочтенія себя самого, но прежде всѣхъ на своемъ собственномъ лицѣ показываетъ, чего не должно быть. А что принимавшіе сторону того или другого грѣшили, это очевидно. Потому справедливо онъ и укоряетъ ихъ, внушая, что они худо дѣлаютъ, когда говорятъ: *азъ убо есмь Павловъ, азъ же Аполлосовъ, азъ же Кифинъ*. Но для чего онъ присовокупилъ: *азъ же Христовъ*? Если согрѣшали тѣ, которые прилѣплялись къ людямъ, то неужели грѣшили и тѣ, которые прилѣплялись ко Христу? Нѣтъ; онъ укорялъ ихъ не за то, что они назывались Христовыми, но за то, что не всѣ они (дѣлали это). Я думаю, что онъ прибавилъ это отъ себя, чтобы сдѣлать обличеніе болѣе сильнымъ, чтобы показать, что въ такомъ случаѣ и Христосъ усвояется только одной части, хотя они не дѣлали этого. Что онъ дѣйствительно внушалъ такую мысль, видно изъ слѣдующихъ словъ его: *еда раздѣлися Христосъ* (ст. 13)? Это значитъ: вы раздѣлили Христа и расторгли тѣло Его. Видишь ли его гнѣвъ, видишь ли укоризну, видишь ли рѣчь, исполненную негодованія? Онъ не доказываетъ, а только предлагаетъ вопросъ въ знакъ очевидной нелѣпости заключающейся въ немъ мысли. Нѣкоторые находятъ здѣсь и другую мысль въ словахъ -*еда раздѣлися Христосъ*, именно: развѣ Онъ расторгъ и раздѣлилъ Церковь между людьми, и одну часть взялъ себѣ, а другую отдалъ имъ? Далѣе старается уничтожить такую нелѣпость и говоритъ: *еда Павелъ распятся по васъ, или во имя Павлово креститеся*? Смотри, съ какою любовію ко Христу онъ

относитъ все доказательство къ своему имени, и тѣмъ самымъ ясно внушаетъ, что эта честь не принадлежитъ никому. Чтобы не подумали, что онъ говоритъ все это по зависти, онъ непрестанно повторяетъ свое имя, и замѣть, съ какою мудростію. Не сказалъ: развѣ Павелъ сотворилъ міръ, развѣ Павелъ привелъ васъ изъ небытія въ бытіе?—но представляетъ то, что было особенно близко къ вѣрующимъ и показывало великое промышленіе Божіе: крестъ и крещеніе и происходящія отъ нихъ блага. Человѣколюбіе Божіе открывается и въ сотвореніи міра, но особенно въ крестномъ Его уничиженіи. Не сказалъ также: развѣ Павелъ 25
умеръ за васъ? — но: *еда Павелъ распятся по васъ?* — представляя такимъ образомъ самый родъ смерти. *Или во имя Павлово креститеся?* Не сказалъ: развѣ Павелъ крестилъ васъ?—такъ какъ онъ крестилъ многихъ, и не въ томъ дѣло, кѣмъ они были крещены, а въ томъ, въ чье имя крещены. Такъ какъ причиною распрей было и то, что они назывались по именамъ крестившихъ ихъ, то онъ исправляетъ это и говоритъ: *или во имя Павлово креститеся?* То есть: не говори мнѣ, кто тебя крестилъ, но въ чье имя. Важно не то, кто крестилъ, но Кто призывается въ крещеніи, такъ какъ Онъ отпускаетъ грѣхи. Сказавъ это, онъ не распространяется о послѣдующемъ, не говоритъ: развѣ Павелъ обѣщалъ вамъ будущія блага?—развѣ Павелъ обѣщалъ вамъ царствіе небесное? Почему же онъ не присоединилъ и этого? Потому, что не одно и тоже—обѣщать царствіе и распяться; первое не представляло опасности и не приносило безчестія, а послѣднее заключало въ себѣ все это. Съ другой стороны, въ послѣднемъ разумѣется и первое: сказавъ: *Иже своего Сына не пощадѣ*, прибавилъ: *како убо не и съ Нимъ вся намъ дарствуетъ* (Рим. VIII, 32)? И еще: *аще бо врази бывше, примирихомся Богу смертію Сына Его, множаѐ паче примирившеся спасемся* (Рим. V, 10). Потому онъ и не присоединилъ этого; притомъ (вѣрующіе) перваго еще не имѣли, а послѣднее уже знали на опытѣ; первое было только обѣщаніемъ, а послѣднее дѣйствительностію. *Благодарю Бога, яко ни единаго отъ васъ крестихъ, точію Криспа и Гаіа* (ст. 14). Для чего вы гордитесь тѣмъ, что крестите, когда я благодарю Бога за то, что не совершалъ крещенія? Этими словами онъ мудро низлагаетъ такое ихъ высокомѣріе; унижаетъ не силу крещенія,—да не будетъ,—но гордость превозносившихся совершеніемъ крещенія, во-первыхъ, показывая, что это не ихъ даръ, и во-вторыхъ, за себя благодаря Бога. Крещеніе важно, но важность сообщаетъ ему не крещающій, а Призываемый въ крещеніи. Совершеніе крещенія ничего не значитъ относительно труда человѣческаго, а даже гораздо менѣе благовѣствованія. Крещеніе, повторю опять, есть дѣло важное, и безъ крещенія

невозможно получить царствія небеснаго; но совершить его можетъ человѣкъ и не очень важный, а благовѣствованіе требуетъ великаго труда.

3. Далѣе (Павелъ) приводитъ и причину, почему онъ благодаритъ Бога, что никого не крестилъ. Какую же? *Да не кто речетъ, яко въ мое имя крестихъ* (ст. 15). Что это? Не о нихъ ли (коринѳянахъ) онъ говоритъ здѣсь? Нѣтъ; но опасаюсь, говоритъ, чтобы болѣзнь не достигла до такой степени. Вѣдь если при совершеніи крещенія людьми неважными и незначительными произошло раздѣленіе, то если бы я, проповѣдавшій крещеніе, крестилъ многихъ, принявшіе его, вѣроятно, не только стали бы называться моимъ именемъ, но и приписали бы мнѣ самое крещеніе. Если по поводу низшихъ произошло такое зло, то по поводу высшихъ конечно произошло бы еще большее. Обличивъ такимъ образомъ заблуждающихъ и прибавивъ: *крестихъ же и Стефаниновъ домъ* (ст. 16), онъ опять низлагаетъ ихъ гордость словами: *прочее же не вѣмъ, аще кого иного крестихъ*. Здѣсь выражаетъ, что онъ и не старался снискать себѣ честь отъ народа такимъ дѣ-
26 ломъ и не для славы приступалъ къ нему. Не этими только, но и послѣдующими словами онъ сильно поражаетъ гордость ихъ: *не посла бо*, говоритъ, *мене Христосъ крестити, но благовѣстити* (ст. 17). Послѣднее гораздо труднѣе, требовало большихъ усилій и особенной твердости духа и заключало въ себѣ все; потому оно и поручено было Павлу. Но почему онъ, не будучи посланъ крестить, крестилъ? Онъ дѣлалъ это не изъ противленія Пославшему, но отъ избытка (усердія). Не сказалъ, что ему было это запрещено, но: я не былъ посланъ на это дѣло, а на гораздо важнѣйшее. Благовѣствовать предоставлено было немногимъ, а крестить могъ всякій, имѣвшій священство. Всякій можетъ крестить человѣка, наставленнаго въ вѣрѣ и увѣровавшаго, потому что расположеніе приступающаго и благодать Божія совершаютъ все; а чтобы невѣрныхъ наставить въ вѣрѣ, это требуетъ великаго труда, великой мудрости, и даже представляетъ опасности. Тамъ уже все сдѣлано, желающій принять таинство убѣжденъ въ вѣрѣ, и нисколько не трудно крестить увѣровавшаго; а здѣсь нуженъ великій трудъ, чтобы перемѣнить расположеніе, исправить нравъ, уничтожить заблужденіе и насадить истину. Впрочемъ, Павелъ не говоритъ объ этомъ такимъ образомъ, не доказываетъ и не утверждаетъ, что крестить не составляетъ никакого труда, а благовѣствовать напротивъ,—онъ всегда умѣетъ соблюдать умѣренность,—но особенно распространяется въ разсужденіи о внѣшней мудрости и предлагаетъ о ней сильнѣйшую рѣчь. Такимъ образомъ онъ крестилъ не изъ противленія Пославшему, но подобно

тому, какъ онъ имѣлъ попеченіе о вдовицахъ отъ избытка усердія, а не изъ противленія апостоламъ, которые сказали: *не угодно есть намъ, оставльшымъ слово Божіе, служити трапезамъ* (Дѣян. VI, 2), такъ и здѣсь. Такъ и теперь мы поручаемъ это дѣло простѣйшимъ изъ пресвитеровъ, а преподаваніе ученія благоразумнѣйшимъ, потому что тутъ нуженъ трудъ и усиліе. Потому и самъ онъ говоритъ: *прилежащіи добрѣ пресвитери сугубыя чести да сподобляются, паче же труждающіися въ словѣ и ученіи* (1 Тим. V, 17). Какъ для обученія ратоборцевъ нуженъ учитель мужественный и искусный, а возлагать вѣнецъ на побѣдителя можетъ и неискусный въ борьбѣ, хотя вѣнецъ прославляетъ побѣдителя,— такъ и въ крещеніи: хотя безъ него невозможно спастись, но не великое дѣло совершаетъ тотъ, кто креститъ, принимая расположеннаго и приготовленнаго къ тому. *Не въ премудрости слова, да не испразднится крестъ Христовъ* (ст. 17). Низложивъ гордость превозносившихся крещеніемъ, онъ переходитъ къ обличенію гордившихся внѣшнею мудростію, и говоритъ противъ нихъ съ особенною силою. Къ превозносившимся крещеніемъ говорилъ: *благодарю Бога, яко ни единаго крестихъ*, также: *не посла мене Христосъ крестити*, и для обличенія ихъ не употребилъ рѣчи сильной и разительной, но, нѣсколькими словами внушивъ имъ то, что хотѣлъ, перешелъ къ послѣдующему; а здѣсь съ самаго начала наноситъ сильный ударъ: *да не испразднится*, говоритъ, *крестъ Христовъ*. Что ты гордишься тѣмъ, чего слѣдовало бы стыдиться? Вѣдь если эта мудрость враждебна кресту и противна евангелію, то слѣдуетъ не хвалиться, а стыдиться ея. Потому-то апостолы и не были изъ такихъ мудрецовъ, — не по недостатку дарованій, но чтобы проповѣдь не потерпѣла вреда. Мудрецы не содѣйствовали проповѣди, а вредили ей; простые же люди утверждали ее. Это могло низложить гордость, поразить высокомѣріе, 27
расположить къ смиренію. Но, скажешь, если *не въ премудрости слова*, то почему былъ посланъ Аполлосъ, *мужъ словесенъ* (Дѣян. XVIII, 24)? Не потому, чтобы надѣялись на силу краснорѣчія, но потому, что онъ былъ свѣдущъ въ Писаніи и искусенъ въ обличеніи іудеевъ. Съ другой стороны нужно было, чтобы самые первые сѣятели слова были неученые. Имъ надлежало имѣть великую силу, чтобы положить начало истребленію заблужденій; нужна была великая крѣпость, чтобы приступить къ этому дѣлу.

4. Такъ (Богъ), не имѣвшій нужды въ ученыхъ вначалѣ, если принялъ ихъ впослѣдствіи, то сдѣлалъ это не потому, чтобы сталъ имѣть въ нихъ нужду, но потому, что не взиралъ на различіе (между учеными и неучеными). Какъ Онъ не нуждался въ мудрецахъ для исполненія Своихъ намѣреній, такъ и послѣ, когда

они являлись, не отвергалъ ихъ. Скажи мнѣ, были ли Петръ и Павелъ учеными? Этого ты сказать не можешь: они были простыми и неучеными. Какъ Христосъ, когда посылалъ учениковъ во вселенную, сначала показывая имъ въ Палестинѣ силу Свою, говорилъ: *егда послахъ вы безъ влагалища и безъ мѣха и безъ сапогъ, еда чесого лишени бысте* (Лук. XXII, 35)?—а потомъ позволилъ взять мѣшокъ и суму, такъ было и здѣсь. Нужно было явить силу Христову, а не отвергать приступающихъ къ вѣрѣ за внѣшнюю ихъ мудрость. Потому, если язычники будутъ укорять учениковъ Христовыхъ въ неучености, то мы скорѣе можемъ обратить укоризну противъ нихъ самихъ. Никто не говори, что Павелъ былъ мудрецъ; но, превознося славившихся у нихъ мудростію и краснорѣчіемъ, всѣхъ своихъ будемъ называть невѣждами. Это не мало послужитъ къ ихъ пораженію; это доставитъ намъ славную побѣду.

Говорю это потому, что нѣкогда слышалъ, какъ смѣшно одинъ христіанинъ состязался съ язычникомъ, какъ оба они въ состязаніи опровергали сами себя. Что надлежало говорить христіанину, то говорилъ язычникъ; а что надлежало говорить язычнику, то защищалъ христіанинъ. Споръ былъ о Павлѣ и Платонѣ; язычникъ старался доказать, что Павелъ былъ человѣкъ простой и неученый, а христіанинъ по простотѣ своей усиливался доказать, что Павелъ былъ ученѣе Платона. Между тѣмъ, если допустить послѣднее, побѣда оставалась на сторонѣ язычника. Вѣдь если Павелъ былъ ученѣе Платона, то многіе справедливо заключили бы, что онъ побѣдилъ не благодатію, а краснорѣчіемъ. Такимъ образомъ то, что говорилъ христіанинъ, обращалось въ пользу язычника, а то, что говорилъ язычникъ, обращалось въ пользу христіанина. Если же, какъ я сказалъ, Павелъ былъ неученъ, и однако превзошелъ Платона, то здѣсь славная побѣда, такъ какъ неученый убѣдилъ и привлекъ къ себѣ всѣхъ учениковъ ученаго. Отсюда ясно, что проповѣдь одержала побѣду не человѣческою мудростію, но благодатію Божіею. Итакъ, чтобы и намъ не подвергнуться такому же посмѣянію въ бесѣдѣ съ язычниками, будемъ всегда, когда случится состязаться съ ними, признавать апостоловъ неучеными: такое признаніе — имъ похвала.
25 Когда будутъ говорить, что апостолы были люди простые, то мы прибавимъ, что они были и неученые, и некнижные, и бѣдные, и незнатные, и немудрые, и неизвѣстные. Не къ безчестію, а къ славѣ апостоловъ служитъ то, что они, будучи такими, явились славнѣе всей вселенной. Эти простые, некнижные и неученые такъ побѣдили мудрыхъ, сильныхъ и державныхъ, хвалившихся богатствомъ, славою и всѣмъ внѣшнимъ, какъ будто это не были

люди. Отсюда ясно, что велика сила креста и что все это совершено не человѣческою силою. Дѣйствительно, такія дѣла не въ природѣ вещей, а выше природы. А когда что дѣлается не по законамъ природы, и гораздо выше природы, вмѣстѣ съ тѣмъ достодолжно и полезно, то очевидно, что это совершается нѣкоторою божественною силою и помощію. Смотри: рыбарь, скинотворецъ, мытарь, человѣкъ простой, неученый, приходятъ изъ отдаленной страны, Палестины, возстаютъ противъ всѣхъ философовъ, риторовъ и искусныхъ въ словѣ въ ихъ отечествѣ, и въ короткое время при множествѣ опасностей, когда имъ противоборствовали народы, цари и самая природа, когда имъ полагали сильныя препятствія давность времени и закоренѣлыя привычки, когда противъ нихъ ополчались демоны и діаволъ вооружался и употреблялъ всѣ усилія,—побѣдили царей, правителей, народы, языки, города, варваровъ, эллиновъ, философовъ, риторовъ, софистовъ, писателей, законы, судилища, различныя мученія, безчисленные и разнообразные роды смерти. Рыбари возвѣстили, и все это обличилось и исчезло, точно легкая пыль, возметаемая дуновеніемъ сильнаго вѣтра. Научимся же такъ бесѣдовать съ язычниками, чтобы намъ не оставаться безсмысленными животными, но быть готовыми дать отвѣтъ *о нашемъ упованіи* (1 Петр. III, 15). Особенно будемъ помнить это главное, немаловажное дѣло, и говорить имъ: какимъ образомъ слабые преодолѣли сильныхъ, двѣнадцать человѣкъ — цѣлую вселенную, не употребляя оружія, но безоружные сражаясь съ вооруженными?

5. Скажи мнѣ, если бы двѣнадцать человѣкъ, неопытныхъ въ военномъ дѣлѣ, не только безоружныхъ, но и слабыхъ тѣломъ, вступивъ въ борьбу съ многочисленнымъ отрядомъ вооруженныхъ воиновъ, не потерпѣли отъ нихъ никакого вреда, будучи осыпаемы безчисленнымъ множествомъ стрѣлъ, остались неприкосновенными, принимая стрѣлы обнаженнымъ тѣломъ, сами поражали всѣхъ, не употребляя оружія, но отражая рукою, однихъ били, а другихъ брали въ плѣнъ, не получая сами никакихъ ранъ, то кто сказалъ бы, что это дѣло человѣческое? Но побѣда апостоловъ гораздо болѣе удивительна: Не столько удивительно, если обнаженный не получаетъ ранъ, сколько удивительно, если простой, неученый, рыбарь побѣждаетъ столь сильныхъ, не смотря ни на свою незнатность и бѣдность, ни на опасности и закоренѣлыя привычки, ни на строгость предлагаемыхъ правилъ, ни на ежедневно угрожающую смерть, ни на множество обольщенныхъ, ни на важность обольстителей. /Такъ мы должны низлагать ихъ и состязаться съ ними, а прежде словъ мы должны поражать ихъ своею жизнію; это—великое состязаніе, это—неопровержимое

29 доказательство отъ дѣлъ; на словахъ сколько бы мы ни разсуждали съ ними, но если жизнь наша не лучше ихъ жизни, то не будетъ никакой пользы. Они обращаютъ вниманіе не на слова, но испытываютъ дѣла наши и говорятъ: ты прежде самъ убѣдись въ истинѣ словъ своихъ, и тогда убѣждай другихъ; если ты говоришь, что безчисленныя блага ожидаютъ насъ въ будущей жизни, а самъ поступаешь такъ, какъ бы ихъ не было, прилѣпляясь къ благамъ настоящимъ, то дѣла твои для меня сильнѣе словъ; когда я вижу, что ты похищаешь собственность другихъ, безъ мѣры скорбишь объ умершихъ и грѣшишь во многомъ другомъ, то какъ я повѣрю тебѣ, что есть воскресеніе? Хотя бы даже они такъ и не говорили, но они думаютъ такъ и содержатъ это въ своихъ мысляхъ. Вотъ что препятствуетъ невѣрнымъ сдѣлаться христіанами! Будемъ же обращать ихъ своею жизнію. Многіе и неученые люди поражали умъ философовъ, являя любомудріе въ дѣлахъ и громче трубы вѣщая поведеніемъ и любомудріемъ: это сильнѣе словъ. Если, напримѣръ, я буду утверждать, что не должно помнить зла, а между тѣмъ буду причинять язычнику множество золъ, то какъ могу привлечь его словами, когда отгоняю дѣлами? Итакъ будемъ уловлять ихъ жизнію, изъ душъ ихъ созидать Церковь, и собирать такое богатство. Ничто не можетъ сравниться съ душею, даже цѣлый міръ. Хотя бы ты роздалъ бѣднымъ безчисленныя богатства, ты не сдѣлаешь столько, сколько обратившій одну душу. *Изведяй честное отъ недостойнаго, яко уста Моя будетъ*, говоритъ Господь (Іер. xv, 19). Великое благо миловать бѣдныхъ; но не такое, какъ избавить кого-нибудь отъ заблужденія; кто дѣлаетъ это, тотъ уподобляется Петру и Павлу. Подлинно, можемъ и мы участвовать въ ихъ проповѣди, не тѣмъ, чтобы, подобно имъ, подвергаться опасностямъ, терпѣть
30 голодъ, мученія и другія бѣдствія, — теперь мирное время, — но тѣмъ, чтобы проявлять ревностное къ тому усердіе. Можно и сидя дома совершать эту ловитву. Кто имѣетъ друга, родственника, домашнихъ, пусть дѣлаетъ съ ними это, пусть говоритъ имъ это,—и онъ уподобится Петру и Павлу. Что я говорю: Петру и Павлу? Будетъ устами Христовыми: *изведяй честное отъ недостойнаго, яко уста Моя будетъ*, говоритъ Господь. Если ты не убѣдишь сегодня, убѣдишь завтра; если и никогда не убѣдишь, получишь полную награду; если не убѣдишь всѣхъ, то, можетъ быть, изъ многихъ—нѣкоторыхъ; вѣдь и апостолы убѣдили не всѣхъ людей, но ко всѣмъ простирали свое слово и получили награду за всѣхъ. Богъ обыкновенно назначаетъ вѣнцы, взирая не на конецъ подвиговъ, а на расположеніе подвизающихся. Если принесешь только двѣ лепты, Онъ приметъ; какъ Онъ поступилъ

съ вдовицею (Лук. xxi, 2—4), такъ поступаетъ и съ преподающими ученіе. Итакъ, изъ-за того, что ты не можешь спасти всю вселенную, не пренебрегай немногими, и, устремляясь къ великому, не лишай себя малаго. Если ты не можешь обратить ста человѣкъ, постарайся обратить десять; если не можешь десяти, не пренебрегай пятью; если не можешь и пяти, не пренебрегай однимъ; если не можешь и одного, и тогда не унывай и не оставляй дѣлать то, что можешь. Не видишь ли, какъ въ торговлѣ занимающіеся ею заключаютъ сдѣлки не только на золото, но и на серебро? Если мы не будемъ пренебрегать малымъ, то получимъ и многое; а если пренебрежемъ малымъ, то не легко получимъ и многое. Богатыми дѣлаются, собирая и малое и многое; такъ будемъ поступать и мы, чтобы, обогатившись всѣмъ, намъ сподобиться царствія небеснаго, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА IV.

Слово бо крестное погибающимъ убо юродство есть, а 29
спасаемымъ намъ сила Божія есть. Писано бо есть:
погублю премудрость премудрыхъ, и разумъ разумныхъ
отвергу: гдѣ премудръ, гдѣ книжникъ, гдѣ совопросникъ вѣка сего (1 Кор. I, 18—20)?

1. Для страждущихъ и умирающихъ бываетъ непріятна и здоровая пища, непріятны друзья и близкіе, которыхъ часто и не узнаютъ они и даже тяготятся ихъ присутствіемъ. Такъ обыкновенно бываетъ и съ страждущими душевно: они не знаютъ, что нужно для спасенія, и тяготятся тѣми, кто печется о нихъ. Это происходитъ не отъ свойства самаго дѣла (спасенія), а отъ ихъ болѣзни. Какъ помѣшавшіеся въ умѣ не терпятъ тѣхъ, кто заботится о нихъ, и даже порицаютъ ихъ, такъ поступаютъ и невѣрующіе. Но какъ эти оскорбляемые тѣмъ болѣе жалѣютъ и плачутъ о больныхъ, считая крайнею степенью болѣзни ихъ, когда они не узнаютъ самыхъ близкихъ людей, такъ будемъ поступать и мы въ отношеніи къ язычникамъ и плакать о нихъ болѣе, нежели о своихъ женахъ, потому что они не знаютъ общаго всѣмъ спасенія. Не столько мужъ долженъ любить свою жену, сколько мы должны любить всѣхъ людей и вести ихъ къ спасенію, будутъ ли они язычники, или кто бы то ни было. Бу- 30
демъ же плакать о нихъ,—о томъ, что слово о крестѣ, которое

есть премудрость и сила, для нихъ—безуміе. *Слово бо крестное*, говоритъ (Павелъ), *погибающимъ юродство есть*. Такъ какъ у язычниковъ крестъ подвергался осмѣянію, то они, вѣроятно, называли ученіе о немъ противнымъ своей мудрости и несогласнымъ съ своимъ ученіемъ; потому Павелъ, вразумляя, говоритъ: не почитайте его страннымъ и нелѣпымъ; это дѣло по свойству своему таково, что погибающіе не могутъ постигнуть силы его, такъ какъ они потеряли умъ и впали въ безуміе. Потому они и поносятъ и ненавидятъ спасительныя врачества. Что ты говоришь, человѣкъ? Христосъ сдѣлался рабомъ, принявъ для тебя *зракъ раба*, былъ распятъ и воскресъ; слѣдовало бы поклониться Воскресшему и подивиться Его человѣколюбію, такъ какъ все то, чего не сдѣлалъ для тебя ни отецъ, ни другъ, ни сынъ, сдѣлалъ Онъ для тебя, своего врага и оскорбителя; слѣдовало бы удивляться Ему за это; а ты называешь безуміемъ дѣло, исполненное такой мудрости! Но неудивительно; погибающимъ свойственно не познавать того, что ведетъ къ спасенію.

31 Поэтому не смущайтесь; нѣтъ ничего страннаго и неожиданнаго въ томъ, что безумные смѣются надъ великими предметами. Такихъ людей невозможно убѣдить человѣческою мудростію; и если станешь убѣждать ихъ такимъ образомъ, то сдѣлаешь противное; для того, что превышаетъ разумъ, нужна одна вѣра. Подлинно, если мы посредствомъ сужденій разума захотимъ объяснять (язычникамъ), какъ Богъ сдѣлался человѣкомъ, вселившись во утробу Дѣвы, и не признаемъ этого предметомъ вѣры, то они будутъ только смѣяться. Желающіе постигнуть это посредствомъ сужденій разума, они-то и погибаютъ. И что я говорю о Богѣ? Если мы будемъ дѣлать тоже въ отношеніи къ предметамъ сотвореннымъ,—и тогда вызовемъ великій смѣхъ. Пусть напр. человѣкъ, желающій убѣждаться во всемъ сужденіями разума, потребуетъ отъ тебя объяснить ему, какъ мы видимъ свѣтъ? А ты постарайся объяснить ему это посредствомъ сужденій разума. Но ты не смогъ бы этого сдѣлать. Если бы ты сказалъ, что довольно открыть глаза, чтобы видѣть, то объяснилъ бы способъ зрѣнія, а не самое дѣло. Онъ возразилъ бы тебѣ: почему мы видимъ не ушами и слышимъ не глазами? Почему слышимъ не ноздрями и обоняемъ не ушами? Если же онъ, не получивъ объясненія на свое недоумѣніе, будетъ смѣяться, то не болѣе ли того подвергнемся осмѣянію мы? Эти чувства имѣютъ свое начало въ одномъ и томъ же мозгѣ, эти члены находятся такъ близко другъ къ другу: почему же они не могутъ произвести одного и того же дѣйствія? Мы не можемъ объяснить ни причины, ни способа этого неизъяснимаго и разнообразнаго дѣй-

ствія; а если станемъ объяснять, то подвергнемся осмѣянію. Предоставимъ же это силѣ и безпредѣльной премудрости Божіей, и замолчимъ. Такъ точно, если мы захотимъ и предметы божественные объяснять при помощи внѣшней мудрости, то послѣдуетъ великій смѣхъ, не по свойству самыхъ предметовъ, но по неразумію человѣческому. Вѣдь великихъ предметовъ не можетъ выразить никакое слово. Смотри, если я скажу: Христосъ былъ распятъ, то язычникъ возразитъ: сообразно ли это съ разумомъ? Онъ не избавилъ Себя, когда распинали и мучили Его на крестѣ: какъ же Онъ послѣ того воскресъ и избавилъ другихъ? Если онъ имѣлъ на то силу, то слѣдовало показать ее прежде смерти (такъ дѣйствительно и говорили іудеи); если же Онъ не избавилъ Себя, то какъ могъ избавить другихъ? Это, скажетъ, несообразно съ разумомъ. И точно, это выше разума; въ крестѣ явилась неизреченная сила. Подвергнуться мученіямъ и быть выше мученій, быть связаннымъ и побѣдить, это—дѣло безпредѣльной силы. Какъ три отрока, будучи ввергнуты въ пещь и поправши пламень, явились болѣе чудными, нежели когда бы они въ нее не были ввергнуты; и какъ Іона, будучи поглощенъ китомъ и непотерпѣвши отъ него никакого вреда, сталъ болѣе великимъ, нежели когда бы онъ не подвергался такой опасности,— такъ и Іисусъ Христосъ, умерши и упразднивши смерть, явился болѣе славнымъ, нежели когда бы Онъ не умиралъ. Итакъ не говори: почему Онъ не избавилъ Себя на крестѣ? Ему угодно было сразиться съ смертію. Онъ не сошелъ съ креста не потому, что не могъ, но потому, что не хотѣлъ. Вѣдь если и сила смерти не могла удержать Его, то какъ могли бы удержать гвозди крестные?

2. Впрочемъ это извѣстно намъ, а невѣрнымъ нѣтъ. Потому апостолъ и сказалъ: *слово бо крестное погибающимъ убо юродство есть, а спасаемымъ намъ сила Божія есть. Писано бо есть: погублю* 32
премудрость премудрыхъ и разумъ разумныхъ отвергу. Доселѣ Онъ не говоритъ ничего обличительнаго; а теперь, приводя напередъ свидѣтельство Писанія и отъ него заимствуя дерзновеніе, начинаетъ обличительную рѣчь и говоритъ: *не обуи ли Богъ премудрость міра сего? Гдѣ премудръ? Гдѣ книжникъ? Гдѣ совопросникъ вѣка сего? Понеже бо въ премудрости Божіей не разумѣ міръ премудростію Бога, благоизволилъ Богъ буйствомъ проповѣди спасти вѣрующихъ* (ст. 20, 21). Сказавъ: *писано есть: погублю премудрость премудрыхъ,* онъ присовокупляетъ доказательство на это отъ дѣлъ и говоритъ: *гдѣ премудръ? Гдѣ книжникъ?* Касается вмѣстѣ и язычниковъ и іудеевъ. На самомъ дѣлѣ кто изъ философовъ, кто изъ искусныхъ въ сужденіяхъ, или кто изъ знающихъ іудейство да-

ровалъ спасеніе и научилъ истинѣ? Никто, но все сдѣлали ры-
бари. Доказавъ это положеніе и посрамивъ ихъ тщеславіе, ска-
завъ: *не обуи ли Богъ премудрость міра сего?*—онъ приводитъ и
причину, почему это такъ было. *Понеже бо*, говоритъ, *въ премуд-
рости Божіей не разумѣ міръ премудростію Бога*, то явился крестъ.
Что значитъ: *въ премудрости Божіей?* Въ твореніяхъ, посред-
ствомъ которыхъ Онъ благоволилъ открыться. Онъ устроилъ все
такъ, чтобы человѣкъ, переходя отъ предметовъ видимыхъ къ
Творцу, удивлялся Ему. Велико небо и необъятна земля: поди-
вись же Творцу ихъ. Вѣдь это великое небо не только Имъ со-
творено, но и сотворено легко, и эта необъятная земля произве-
дена Имъ, какъ ничто. Потому о первомъ сказано: *дѣла руку
твоею суть небеса* (Пс. ci, 26); а о землѣ: *сотвори землю, аки ни-
чтоже* (Ис. xl, 23). Такъ какъ міръ не хотѣлъ познать Бога
посредствомъ этой премудрости, то Онъ научилъ мнимымъ
буйствомъ проповѣди, не чрезъ сужденія, а чрезъ вѣру. Гдѣ пре-
мудрость Божія, тамъ нѣтъ нужды въ человѣческой. Сказать,
что создавшій столь прекрасный и столь великій міръ есть Богъ,
имѣющій безпредѣльную и неизреченную силу, это значило су-
дить по человѣческой мудрости и постигать Его посредствомъ
нихъ; но теперь нужны не сужденія, а одна вѣра. Чтобы при-
нять и убѣдиться, что Распятый и Погребенный воскресъ и сѣ-
дитъ горѣ, для этого нужны не сужденія, но вѣра. Апостолы
шли не съ мудростію, но съ вѣрою, и явились мудрѣе и выше
внѣшнихъ мудрецовъ, и тѣмъ болѣе, чѣмъ принятіе предметовъ
божественныхъ вѣрою выше разсужденій,—такъ какъ это превы-
шаетъ человѣческій разумъ. Какъ же онъ погубилъ премуд-
рость? Открывшись намъ чрезъ Павла и подобныхъ мужей и по-
казавъ, что она безполезна. Къ принятію евангельской пропо-
вѣди ни мудрость нисколько не помогаетъ мудрому, ни невѣ-
жество нисколько не препятствуетъ неученому, и даже, къ удив-
33 ленію надобно сказать, невѣжество гораздо скорѣе и легче мо-
жетъ принять ее, нежели мудрость. Пастухъ и земледѣлецъ, не
увлекаясь разсужденіями и предавая себя Господу, скорѣе при-
мутъ ее. Такъ Онъ погубилъ эту премудрость! Такъ какъ она
сама прежде посрамила себя, то и стала затѣмъ ни къ чему не-
годною. Когда она должна была показать себя и познать Господа
изъ дѣлъ Его, она не хотѣла; а теперь, хотя бы и хотѣла со-
дѣйствовать этому, не можетъ, потому что теперь не таково по-
ложеніе дѣлъ,—есть путь къ богопознанію гораздо лучше ея.
Теперь нужна простая вѣра; ее вездѣ надобно искать и пред-
почитать внѣшней мудрости: *обуи*, говоритъ, *Богъ премудрость*.
Что значитъ: *обуи?* Показалъ, что она неразумна для принятія

вѣры. Такъ какъ люди высоко думали о ней, то Онъ прямо обличилъ ее. Что въ самомъ дѣлѣ это за мудрость, если она не можетъ найти главнаго блага? Онъ обличилъ ея безуміе, потому что она напередъ обличила сама себя. Если она не открыла ничего тогда, когда можно было изслѣдовать посредствомъ сужденій, то какого успѣха ожидать отъ ней теперь, когда предстоятъ предметы высшіе, когда нужна одна вѣра, а не искусство сужденій? Такъ Богъ показалъ ея безуміе; *благоизволилъ же спасти буйствомъ проповѣди*, впрочемъ буйствомъ не дѣйствительнымъ, но кажущимся. Это особенно и важно, что не другою какою-нибудь мудростію, которая выше ея, а кажущимся невѣжествомъ Онъ превзошелъ ее. Платона Онъ низложилъ не другимъ какимъ-нибудь болѣе мудрѣйшимъ философомъ, но неученымъ рыбаремъ. Такое пораженіе—сильнѣе; такая побѣда—блистательнѣе. Выражая силу креста, Павелъ говоритъ далѣе: *понеже и Іудее знаменія просятъ, и Еллини премудрости ищутъ: мы же проповѣдуемъ Христа распята, Іудеемъ убо соблазнъ, Еллиномъ же безуміе, самѣмъ же званнымъ Іудеемъ же и Еллиномъ Христа Божію силу и Божію премудрость* (ст. 22—24).

3. Великая мудрость въ этихъ словахъ. Онъ хочетъ показать, какъ Богъ побѣдилъ тѣмъ, что не обѣщало побѣды, и какъ проповѣдь не есть дѣло человѣческое. Слова его означаютъ слѣдующее: когда мы говоримъ іудеямъ—вѣруйте, то они возражаютъ: воскресите мертвыхъ, исцѣлите бѣснующихся, покажите намъ знаменія. Что же вмѣсто этого говоримъ мы? Говоримъ, что Проповѣдуемый нами распятъ и умеръ. Это не только не можетъ привлечь противляющихся, но можетъ отогнать и не противляющихся; однако не отгоняетъ, а привлекаетъ, удерживаетъ и покоряетъ. Опять язычники требуютъ отъ насъ краснорѣчія въ словахъ и искусства въ сужденіяхъ, а мы и имъ проповѣдуемъ крестъ. Іудеямъ это кажется безсиліемъ, а язычникамъ—безуміемъ. Если же мы предлагаемъ имъ не только не то, чего они требуютъ, но и противное тому,—а крестъ, по сужденію разума, представляется не только не знаменіемъ, но чѣмъ-то противнымъ знаменію, не только не знакомъ силы, но знакомъ безсилія, не только не выраженіемъ мудрости, но доказательствомъ безумія,—если требующіе знаменій и мудрости не только не получаютъ требуемаго, но еще слышатъ отъ насъ противное тому, чего требуютъ, и однако этимъ противнымъ убѣждаются, то не есть ли это—дѣло неизреченной силы Проподѣдуемаго?

Если бы напр. кому-нибудь изъ обуреваемыхъ волнами и ищущихъ пристани ты указалъ не пристань, а другое мѣсто въ морѣ, еще болѣе опасное, и однако убѣдилъ бы его плыть туда 34

съ благодарностію, или если бы врачъ приступилъ къ раненому и ожидающему лѣкарствъ не съ лѣкарствами, а обѣщалъ бы исцѣлить его посредствомъ жженія, и однако убѣдилъ бы его, то это было бы дѣломъ великой силы; такъ и апостолы побѣждали не только не знаменіями, но тѣмъ, что повидимому противно знаменіямъ. Такъ и Христосъ поступилъ съ слѣпымъ: желая даровать ему исцѣленіе, Онъ уничтожилъ слѣпоту тѣмъ, что производитъ слѣпоту: *положи бреніе* (Іоан. IX, 15). Какъ слѣпого Онъ исцѣлилъ бреніемъ, такъ вселенную привлекъ къ Себѣ крестомъ,— тѣмъ, что увеличивало соблазнъ, а не уничтожало его. Такъ сдѣлалъ Онъ и при сотвореніи, устрояя противное противнымъ: оградилъ море пескомъ, обуздавъ сильное слабымъ; повѣсилъ землю на водѣ, утвердивъ тяжелое и плотное на жидкомъ и текучемъ. Чрезъ пророковъ опять Онъ заставлялъ желѣзо всплывать изъ воды посредствомъ малаго древа (4 Цар. VI, 6). Такъ и вселенную Онъ возстановилъ посредствомъ креста. Какъ вода держитъ землю, такъ и крестъ держитъ вселенную. Такимъ образомъ убѣждать противнымъ есть знакъ великой силы и премудрости. Крестъ повидимому производитъ соблазнъ, и однако онъ не только не соблазняетъ, но и привлекаетъ. Все это представляя и удивляясь, Павелъ говоритъ: *зане буее Божіе премудрѣе человѣкъ есть, и немощное Божіе крѣпчае человѣкъ есть* (ст. 25). Говоря о буйствѣ и немощи креста, разумѣетъ не то, чтобы онъ былъ дѣйствительно таковъ, но кажется такимъ; онъ говоритъ примѣнительно къ мнѣнію противниковъ. Чего не могли сдѣлать философы посредствомъ разсужденій, то сдѣлано кажущимся безуміемъ. Кто же мудрѣе? Тотъ ли, кто убѣждаетъ многихъ, или тотъ, кто—немногихъ, или, лучше сказать, никого? Тотъ ли, кто убѣждаетъ въ дѣлахъ важнѣйшихъ, или кто—въ маловажныхъ? Сколько трудился Платонъ съ своими послѣдователями надъ линіею, угломъ и точкою, надъ числами соизмѣримыми и несоизмѣримыми, равными между собою и неравными, и сказавъ намъ объ этихъ паутинахъ,—вѣдь все это для жизни безполезнѣе даже паутины,— и не принесши пользы ни большой, ни малой, затѣмъ окончилъ свою жизнь. Сколько онъ старался доказать, что душа безсмертна, но, не сказавъ ничего яснаго и не убѣдивъ никого изъ слушателей, затѣмъ скончался. Напротивъ крестъ чрезъ неученыхъ убѣдилъ и обратилъ цѣлую вселенную, убѣдилъ не въ предметахъ маловажныхъ, но въ ученіи о Богѣ, истинномъ благочестіи, евангельской жизни и будущемъ судѣ; онъ сдѣлалъ философами всѣхъ—земледѣльцевъ, неученыхъ. Видишь, какъ *буее Божіе премудрѣе и немощное Божіе крѣпчае человѣкъ есть*. Чѣмъ крѣпче? Тѣмъ, что оно распространилось по всей вселенной, покорило

всѣхъ своей власти, и, тогда какъ безчисленное множество людей усиливалось истребить имя Распятаго, содѣлало противное. Это имя прославлялось и возрастало болѣе и болѣе, а они погибали и исчезали; живые, возставая противъ Преданнаго смерти, не могли сдѣлать ничего. Потому, если язычникъ назоветъ меня безумнымъ, то обнаружитъ собственное крайнее безуміе, — такъ какъ, почитаемый отъ него безумнымъ, оказываюсь мудрѣе мудраго; если онъ назоветъ меня безсильнымъ, то обнаружитъ собственное еще большее безсиліе, такъ какъ, что благодатію Бо- 35
жіею совершили мытари и рыбари, того и философы, и риторы, и властелины, и вообще вся вселенная, при безчисленныхъ усиліяхъ, не могли даже и представить. Чего не сдѣлалъ крестъ? Онъ ввелъ ученіе о безсмертіи души, о воскресеніи тѣлъ, о презрѣніи благъ настоящихъ и стремленіи къ благамъ будущимъ; онъ сдѣлалъ людей ангелами; имъ всѣ и вездѣ стали любомудрыми и способными ко всякой добродѣтели.

4. Но и у нихъ, скажешь, многіе презирали смерть. Кто же, скажи мнѣ? Тотъ ли, кто выпилъ ядъ изъ цикуты? Но подобныхъ ему я представлю, если угодно, цѣлыя тысячи въ нашей Церкви; если бы во время гоненій позволено было умирать, принявъ ядъ, то всѣ (гонимые) явились бы славнѣе его.

Притомъ онъ выпилъ ядъ, не будучи властенъ пить или не пить; хотѣлъ или не хотѣлъ, но онъ долженъ былъ подвергнуться этому, и слѣдовательно это было дѣломъ не мужества, а необходимости; и разбойники, и убійцы, по приговору судей, терпѣли еще большія страданія. Но у насъ все напротивъ: мученики страдали не по неволѣ, но по своей волѣ, и тогда какъ были властны не подвергаться страданіямъ, явили мужество крѣпче всякаго адаманта. Неудивительно, что тотъ выпилъ ядъ, когда не могъ не пить, и притомъ, достигнувъ глубокой старости. Онъ говорилъ, что ему было уже семьдесятъ лѣтъ, когда онъ былъ готовъ презрѣть жизнь, если только можно назвать это презрѣніемъ жизни, чего впрочемъ я не скажу, и конечно никто другой не скажетъ. А ты укажи мнѣ на кого-нибудь такого, кто пострадалъ бы за благочестіе, какъ я могу указать тебѣ на безчисленное множество повсюду во вселенной. Кто мужественно терпѣлъ, когда у него вырывали ногти? Кто — когда терзали члены? Кто—когда разрывали тѣло его на части? Кто—когда исторгали кости изъ головы? Кто—когда постоянно клали его на раскаленную сковороду? Кто—когда бросали въ кипящую воду? Вотъ это укажи мнѣ! А умереть отъ цикутнаго яда — это почти тоже, что заснуть спокойно; даже такая смерть, говорятъ, пріятнѣе сна. Если же нѣкоторые дѣйствительно терпѣли муче-

нія, то и за это недостойны похвалы, потому что причина ихъ страданій была постыдна: одни пострадали за то, что открыли какую-нибудь тайну, другіе за то, что злоупотребляли властію, иные за то, что были застигнуты въ постыднѣйшихъ преступленіяхъ, а нѣкоторые и безъ всякой причины, напрасно и безразсудно, лишили жизни сами себя. Но у насъ совершенно не такъ. Потому-то дѣла ихъ преданы забвенію, а наши прославляются и возрастаютъ съ каждымъ днемъ. Все это представляя, Павелъ сказалъ: *немощное Божіе крѣпчае* всѣхъ *человѣкъ есть*. Божественность евангельской проповѣди открывается и изъ слѣдующаго: какимъ образомъ рѣшились на такія дѣла двѣнадцать человѣкъ, и притомъ простолюдины, жившіе при озерахъ, при рѣкахъ и въ пустыняхъ, и, можетъ быть, никогда не бывавшіе ни въ городахъ, ни на торжищахъ? Какъ они рѣшились идти противъ цѣ-
36 лой вселенной? Они были прежде робки и бояливы, какъ свидѣтельствуетъ писавшій о нихъ, не усумнившійся не скрывать ихъ слабостей, что и служитъ сильнѣйшимъ доказательствомъ истины. Что же говоритъ онъ о нихъ? То, что когда Христосъ былъ взятъ, не смотря на безчисленныя чудеса Его, одни изъ нихъ разбѣжались, а главный изъ нихъ оставшись отрекся (Марк. XIV, 50, 68). Отчего тѣ, которые при жизни Христа не могли снести нападеній отъ іудеевъ, послѣ смерти и погребенія Его рѣшились идти противъ цѣлой вселенной, если Онъ, какъ вы говорите, не воскресъ, не бесѣдовалъ съ ними и не укрѣпилъ ихъ? Не могли ли они сказать самимъ себѣ: что это? Онъ не могъ спасти Себя,—какъ же можетъ избавить насъ? Онъ не могъ отмстить за Себя при Своей жизни,—какъ же можетъ подать намъ руку помощи послѣ Своей смерти? Онъ при жизни Своей не покорилъ Себѣ ни одного народа,—какъ же мы можемъ убѣдить всю вселенную, возвѣщая Его имя? Не странно ли не только сдѣлать это, но даже и подумать? Отсюда ясно, что если бы они не видѣли Его воскресшимъ и не получили величайшихъ доказательствъ силы Его, то не рѣшились бы на столь опасное дѣло. Если бы они имѣли безчисленное множество друзей, то и тогда не обратили ль бы всѣхъ во враговъ, измѣняя древніе обычаи и отмѣняя отеческіе законы? Но имъ были враждебны всѣ, и свои и чужіе. Если бы они отличались всѣми внѣшними преимуществами, то и тогда не возбудили ль бы противъ себя всеобщую вражду, вводя новый образъ жизни? Между тѣмъ они не имѣли у себя ничего, и естественно поэтому, что были ненавидимы и презираемы всѣми. На кого указать тебѣ? На іудеевъ ли? Они питали къ нимъ невыразимую ненависть за ихъ Учителя. На язычниковъ ли? И эти не менѣе отвращались ихъ, о чемъ лучше

знають сами язычники. Платонъ, желавшій ввести новое гражданское управленіе, или, лучше, часть управленія, и не касаясь боговъ, а только измѣняя одни обычаи на другіе, подвергся опасности умереть изгнанникомъ въ Сициліи; хотя этого не случилось, однакожъ онъ былъ лишенъ свободы; и если бы не нашелся другой иноземецъ добрѣе властителя сицилійскаго, то этотъ философъ конечно навсегда остался бы рабомъ въ чужой странѣ. Между тѣмъ нововведенія въ дѣлахъ гражданскихъ не такъ еще опасны, какъ въ дѣлахъ вѣры; послѣднія особенно раздражають людей и приводять ихъ въ смятеніе. Сказать, что такой-то и такой-то должны вступить въ бракъ съ такою-то, или стражи должны стеречь такимъ-то образомъ, это еще не можетъ произвести большого смятенія, тѣмъ болѣе, если такія постановленія остаются въ книгѣ, и законодатель не много заботится о приведеніи ихъ въ дѣйствіе. Но сказать, что почитаемые боги не боги, а демоны, что истинный Богъ—Распятый, это, вы знаете, какой воспламеняло гнѣвъ, какую возбуждало месть, какую причиняло брань.

5. Протагоръ у нихъ (язычниковъ), дерзнувшій сказать: „не знаю боговъ“, и притомъ не вслухъ всей вселенной, по которой бы онъ расхаживалъ и проповѣдывалъ, а въ одномъ городѣ, подвергся крайней опасности. Діагоръ Мелійскій и Ѳеодоръ (Киринейскій), прозванный безбожникомъ, хотя имѣли друзей, 37
славились краснорѣчіемъ и удивляли своею философіею, но ни въ чемъ этомъ не нашли себѣ спасенія. Великій Сократъ, превосходившій всѣхъ ихъ своею философіею, потому и выпилъ ядъ, что былъ подозрѣваемъ въ нѣкоторыхъ нововведеніяхъ касательно боговъ. Если же одно только подозрѣніе нововведенія подвергало такой опасности философовъ и мудрецовъ, пользовавшихся великимъ уваженіемъ, и они не только не могли исполнить своего намѣренія, но сами лишались жизни и отечества, то какъ не удивляться и не изумляться, видя, что рыбари совершили столь великія дѣла во вселенной, исполнили то, что предприняли, и побѣдили всѣхъ, и варваровъ и эллиновъ? Но они, скажешь, не вводили новыхъ боговъ, подобно тѣмъ (философамъ). Весьма странно говорить это; они вводили двоякую новость: отвергали тогдашнихъ боговъ и проповѣдывали Распятаго. Какимъ же образомъ они рѣшились проповѣдывать это? Какимъ образомъ надѣялись достигнуть своей цѣли? Видѣли ль они, чтобы кто-нибудь прежде нихъ совершилъ что-либо подобное? Не всѣ ли тогда покланялись демонамъ? Не всѣ ли боготворили стихіи? Не были ли крайне разнообразны виды нечестія? Но они возстали противъ всего этого, ниспровергли все это и въ

короткое время протекли, какъ бы на крылахъ, по всей вселенной, не думая ни объ опасностяхъ, ни о смерти, ни о трудности дѣла, ни о малочисленности своей, ни о многочисленности противниковъ, ни о власти, ни о силѣ, ни о мудрости враговъ своихъ, потому что имъ содѣйствовала помощь превыше всего этого, сила Распятаго и Воскресшаго. Не столько было бы удивительно, если бы они рѣшились вести со вселенною чувственную войну, сколько удивительно дѣло, ими совершонное. По правиламъ войны можно было бы стать лицемъ къ лицу къ непріятелю, занять противоположную мѣстность и приготовить строй противъ врага, имѣть время для нападенія и отступленія; но здѣсь не такъ. Они не составляли особаго строя, но смѣшивались съ самими врагами, и такимъ образомъ поборали ихъ; находясь среди враговъ своихъ, отражали ихъ нападенія, преодолѣвали и одерживали славную побѣду, на которой исполнилось пророческое слово: *и господствуй посредѣ враговъ твоихъ* (Пс. cix, 2). Изумительно, какъ враги, имѣя ихъ въ рукахъ своихъ, ввергая въ темницы и узы, не только не преодолѣли ихъ, но и сами потомъ покорились имъ, притѣснители — притѣсняемымъ, связующіе — связуемымъ, гонители — гонимымъ. Все это мы можемъ сказать язычникамъ и даже болѣе того: обильна сокровищница истины. Если вы будете внимать предлагаемому, то мы научимъ васъ всячески бороться съ ними. Замѣтимъ пока два главныхъ обстоятельства: какъ слабые побѣдили сильныхъ, и какъ они, будучи такими, рѣшились бы на такія дѣла, если бы не содѣйствовала имъ божественная помощь?

38 6. Вотъ отвѣтъ съ нашей стороны. Между тѣмъ сами мы въ дѣлахъ своихъ будемъ соблюдать непорочность жизни и обильно возжигать огонь добродѣтели, потому что *есте*, говоритъ (апостолъ), *свѣтила*, сіяющія среди міра (Фил. ii, 15). Каждый изъ насъ получилъ отъ Бога возможность приносить большую пользу, нежели солнце, большую, нежели небо, земля и море, настолько большую, насколько духовное выше чувственнаго. Потому, взирая на кругъ солнца и удивляясь красотѣ, веществу и блеску этого свѣтила, будемъ вмѣстѣ съ тѣмъ представлять, что въ насъ есть свѣтъ высшій и лучшій, равно какъ можетъ быть и мракъ густѣйшій, если мы не будемъ внимательны. Глубокая ночь объемлетъ всю вселенную. Разгонимъ же и уничтожимъ ее. Ночь не только у еретиковъ и язычниковъ, но и у многихъ между нами, — какъ въ вѣрованіи, такъ и въ жизни. Многіе не вѣруютъ воскресенію, многіе гадаютъ при рожденіи, многіе наблюдаютъ примѣты, прибѣгаютъ къ чарованіямъ, волхвованіямъ, условнымъ знакамъ, повязкамъ и нашептываніямъ. Впрочемъ къ нимъ будемъ гово-

рить послѣ, когда окончимъ рѣчь къ язычникамъ. Помните же сказанное и окажите содѣйствіе мнѣ въ борьбѣ съ ними, обращая и привлекая ихъ къ намъ жизнію. Я всегда говорю, что кто учитъ любомудрію, тотъ долженъ напередъ являть его въ своей жизни и быть вожделѣннымъ для слушателей.

Постараемся же сдѣлаться вожделѣнными для язычниковъ и пріобрѣсти ихъ расположеніе къ намъ. А это будетъ тогда, когда мы будемъ готовы не только дѣлать добро, но и терпѣть зло. Не видимъ ли мы, какъ дѣти, находясь на рукахъ у отца, бьютъ его по щекамъ, какъ отецъ съ удовольствіемъ дозволяетъ дитяти насытить гнѣвъ свой и, когда видитъ, что гнѣвъ его прошелъ, утѣшается? Такъ будемъ поступать и мы: будемъ говорить съ язычниками, какъ отцы съ дѣтьми. Всѣ язычники—настоящія дѣти; нѣкоторые и изъ нихъ самихъ говорили, что они всегда дѣти и старца между ними нѣтъ ни одного. Дѣти не хотятъ думать ни о чемъ полезномъ; такъ и язычники хотятъ постоянно забавляться и пресмыкаются по землѣ, предавшись низкому и земному. Дѣти, слыша наши разговоры о предметахъ необходимыхъ, часто не понимаютъ ничего изъ сказаннаго, но постоянно смѣются; такъ и язычники: когда мы говоримъ о царствіи (небесномъ), они смѣются. У дѣтей изъ устъ часто течетъ слюна и оскверняетъ пищу и питіе; такъ и изъ устъ язычниковъ исходятъ слова суетныя и нечистыя; вы подаете имъ необходимую пищу, а они оскорбляютъ подающихъ злословіемъ, и надобно терпѣть это. Дѣти, видя вора, вошедшаго въ домъ и производящаго здѣсь хищеніе, не только не изгоняютъ его, но и забавляются его хитростію, если же отнимешь у нихъ корзиночку или побрякушку, или что-нибудь другое изъ игрушекъ, то огорчаются, сердятся, выходятъ изъ себя и бросаются на полъ; такъ точно и язычники, 39
видя діавола, отнимающаго у нихъ всѣ прирожденныя блага, необходимыя для ихъ жизни, смѣются и предаются ему, какъ другу, а если кто отнимаетъ у нихъ имущество, богатство или что-нибудь подобное изъ этихъ дѣтскихъ игрушекъ, они огорчаются и выходятъ изъ себя. Дѣти обнажаются, не чувствуя стыда и не краснѣя; такъ и язычники, смѣшиваясь съ блудниками и блудницами, извращая законы природы и вступая въ незаконныя связи, остаются безстыдными. Вы громко рукоплещете и одобряете, но при этихъ рукоплесканіяхъ смотрите, какъ бы это не оказалось сказаннымъ и на вашъ счетъ. Всѣхъ увѣщеваю—быть мужами; вѣдь, если мы сами будемъ дѣтьми, то какъ другихъ научимъ быть мужами? Какъ ихъ избавимъ отъ дѣтскаго неразумія? Будемъ же мужами, чтобы намъ *достигнуть въ мѣру возраста исполненія Христова* (Еф. IV, 13) и сподобиться будущихъ благъ, благодатію и чело-

вѣколюбіемъ (Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь).

БЕСѢДА V.

39 Видите бо званіе ваше, братіе, яко не мнози премудри по плоти, не мнози силни, не мнози благородни: но буяя міра избра Богъ, да премудрыя посрамитъ (1 Кор., XXVI, 27).

1. Сказавъ: *буее Божіе премудрѣе человѣкъ есть,* (ап. Павелъ) выразилъ, что мудрость человѣческая отвергнута, и доказалъ это какъ свидѣтельствомъ Писаній, такъ и самыми событіями,—свидѣтельствомъ Писаній въ словахъ: *погублю премудрость премудрыхъ,* а событіями въ предложенномъ вопросѣ: *гдѣ премудръ, гдѣ книжникъ?* Вмѣстѣ съ тѣмъ показалъ, что это дѣло не новое, но давно извѣстное, такъ какъ оно прообразовано и предсказано издревле: *писано бо есть,* говоритъ: *погублю премудрость премудрыхъ.* Затѣмъ доказалъ, что это было и полезно и нужно: *понеже бо въ премудрости Божіей не разумѣ міръ Бога, благоволи Богъ буйствомъ проповѣди спасти вѣрующихъ;* что крестъ есть доказательство неизреченной силы и премудрости, и что *буее Божіе* гораздо выше человѣческой мудрости. Теперь онъ доказываетъ тоже не со стороны только учителей, но и со стороны самихъ учениковъ: *видите бо,* говоритъ, *званіе ваше.* Не только неученые учители, но и ученики избраны такіе же: *яко не мнози,* говоритъ, *мудри по плоти.* Такъ открывается большая сила и большая премудрость, когда убѣждаются многіе и притомъ немудрые. Самое трудное дѣло—убѣдить невѣжду, особенно когда рѣчь о предметахъ необходимыхъ и великихъ. И однако ихъ убѣдили, чему свидѣтелями представляетъ ихъ же самихъ: *видите бо званіе ваше, братіе,* т. е. посмотрите, помыслите. Научить невѣждъ догматамъ столь мудрымъ и мудрѣйшимъ всего, это—знакъ величайшей мудрости учителя. Что значитъ: *по плоти?* По наружности, по-житейски, по внѣшнему ученію. Чтобы не подумали, что онъ противорѣчитъ себѣ,—а онъ убѣдилъ и проконсула, и Ареопагита, и Аполлоса, и другихъ мудрецовъ, о которыхъ мы знаемъ, что принимали проповѣдь,—онъ не говоритъ: никто изъ мудрыхъ, но: *не мнози мудри.* Онъ не исключительно призывалъ невѣждъ, а мудрыхъ отвергалъ, но принималъ и послѣднихъ, гораздо же больше первыхъ. Почему такъ? Потому, что мудрый по плоти исполненъ великаго неразумія, и особенно онъ бываетъ неразумнымъ

тогда, когда не хочетъ отвергнуть нечестиваго ученія. Какъ въ томъ случаѣ, когда какой-нибудь врачъ хочетъ научить другихъ своему искусству, люди мало знающіе, но худо и превратно пользующіеся этимъ искуствомъ и упорные не скоро могутъ на- 40
учиться, а ничего незнающіе могутъ скорѣе принять ученіе, такъ было и здѣсь. Невѣжды убѣждались скорѣе, потому что они не имѣли того крайняго безумія, чтобы считать себя мудрыми. Подлинно, весьма безумны тѣ, которые подвергаютъ сужденію разума то, что усвояется не иначе, какъ только вѣрою. Если бы какой-нибудь кузнецъ, вмѣсто того, чтобы вынимать раскаленное желѣзо щипцами, сталъ дѣлать это рукою, то мы приписали бы это крайнему его безумію; такъ и философы, стараясь сами собою постигнуть (предметы вѣры), унижали вѣру. Потому они и не нашли ничего изъ того, чего искали. *Не мнози силни, не мнози благородни.* Вѣдь и такіе люди бываютъ исполнены гордости; а ничто столько не вредитъ истинному богопознанію, какъ гордость и пристрастіе къ богатству, потому что преданные имъ удивляются настоящему, нисколько не заботятся о будущемъ и заграждаютъ слухъ свой множествомъ попеченій. *Но буяя міра избра Богъ.* Это величайшій знакъ побѣды—побѣждать посредствомъ немудрыхъ.

2. Язычники не столько посрамляются тогда, когда побѣждаются мудрецами, сколько тогда, когда видятъ, что люди, работающіе собственными руками и принадлежащіе къ простому народу, любомудрствуютъ лучше ихъ. Потому Павелъ и сказалъ: *да премудрыя посрамитъ.* И не только съ этимъ, но тоже сдѣлалъ Богъ и съ другими житейскими преимуществами. *И немощная міра избра, да посрамитъ крѣпкая.* Не только неученыхъ, но и бѣдныхъ, презираемыхъ и незнатныхъ Онъ призвалъ, чтобы посрамить сильныхъ. *И худородная міра и уничиженная и не сущая, да сущая упразднитъ* (ст. 28). Кто здѣсь называется *не сущая?* Тѣ, которыя считаютъ себя за ничто по великому уничиженію. Такъ Онъ явилъ великую силу, низлагая великихъ чрезъ тѣхъ, которые казались ничѣмъ, какъ Онъ и въ другомъ мѣстѣ говоритъ: *сила моя въ немощи совершается* (2 Кор. XII, 9). Въ самомъ дѣлѣ, нужна великая сила, чтобы людей уничиженнѣйшихъ и никогда не занимавшихся никакимъ ученіемъ вдругъ научить любомудрствовать о томъ, что выше неба. Врачу и ритору и всѣмъ другимъ мы удивляемся особенно тогда, когда они успѣшно убѣждаютъ и научаютъ невѣждъ. Если же великое дѣло—внушить невѣждѣ ученіе о какомъ-нибудь искусствѣ, то тѣмъ болѣе—такую мудрость. Впрочемъ Богъ сдѣлалъ это не только для того, чтобы явить чудо, или показать Свою силу, но и для

того, чтобы смирить превозносящихся. Потому апостолъ, какъ выше сказалъ: *да премудрыя посрамитъ, да сущая упразднитъ*,
41 такъ и здѣсь говоритъ: *яко да не похвалится всяка плоть предъ Богомъ* (ст. 29). Богъ дѣлаетъ все для того, [чтобы смирить гордость и надменность, чтобы низложить самохвальство; а вы, говоритъ, предаетесь этому? Онъ дѣлаетъ все для того], чтобы мы ничего не приписывали себѣ, чтобы все относили къ Богу: а вы предали себя такому-то и такому-то? И какого заслужите вы прощенія? Богъ показалъ, что намъ невозможно спастись самимъ по себѣ, и это Онъ устроилъ въ началѣ. И тогда невозможно было самимъ достигать спасенія, а нужно было созерцать красоту неба и величіе земли и изслѣдовать природу другихъ созданій, чтобы восходить къ Творцу вещей. Сдѣлалъ же это Онъ, чтобы низложить имѣвшее явиться высокоуміе. Подобно тому, какъ учитель, приказавшій своему ученику слѣдовать туда, куда ведетъ его, когда видитъ, что ученикъ забѣгаетъ впередъ и хочетъ научиться всему самъ по себѣ, то оставляетъ его блуждать и, давъ ему испытать, что онъ самъ по себѣ научиться не можетъ, тогда уже начинаетъ руководить его, такъ и Богъ въ началѣ повелѣлъ идти путемъ созерцанія твореній, а когда люди не захотѣли этого, то Онъ, давъ имъ испытать, что они сами по себѣ идти не могутъ, сталъ вести ихъ къ Себѣ иначе. Онъ далъ намъ міръ, какъ бы дощечку; но философы объ этомъ не думали, не хотѣли повиноваться Ему и идти къ Нему тѣмъ путемъ, которымъ Онъ повелѣлъ. Потому Онъ предложилъ другой путь яснѣе перваго, научающій, что самъ человѣкъ одинъ для себя недостаточенъ. Прежде можно было предаваться и разсужденіямъ, пользоваться и внѣшнею мудростію, при руководствѣ природы; а теперь, кто не будетъ *буіимъ*, т. е. не оставитъ всякія разсужденія и всякое мудрованіе и не предастся вѣрѣ, тотъ не можетъ спастись. Такимъ образомъ, Онъ совершилъ немаловажное дѣло: предложилъ удобный путь, а вмѣстѣ уничтожилъ бывшую болѣзнь и научилъ не хвалиться и не высокомудрствовать: *яко да не похвалится всяка плоть*. Грѣхъ происходитъ оттого, что люди хотятъ быть мудрѣе законовъ Божіихъ и не хотятъ учиться такъ, какъ Онъ заповѣдалъ; потому они ничему и не научаются. Такъ было и въ началѣ. Богъ сказалъ Адаму: это дѣлай, а этого не дѣлай; но онъ, думая найти что-то большее, не послушался—и потерялъ то, что имѣлъ. Потомъ Онъ сказалъ: не останавливайтесь на твореніи, но чрезъ него познавайте Творца; а люди, какъ бы найдя что-то болѣе мудрое сравнительно съ сказаннымъ, построили себѣ безчисленные лабиринты; потому и сами потерялись и другъ съ другомъ вошли въ столкновенія, ни Бога не

нашли, ни о твореніи не узнали ничего яснаго, и не составили о немъ надлежащаго и вѣрнаго понятія. Послѣ этого, желая рѣшительно уничтожить ихъ высокомѣріе, Онъ призвалъ прежде всего людей простыхъ, и тѣмъ показалъ, что всѣ имѣютъ нужду въ премудрости свыше. Не только въ отношеніи къ познанію, но и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ люди и всѣ прочія твари имѣютъ великую въ Немъ нужду; и это Онъ сдѣлалъ для того, чтобы дать имъ сильное побужденіе къ покорности и преданности, чтобы они, отлучившись отъ Него, не погибли. Потому Онъ и не попустилъ имъ быть самодовлѣющими. Вѣдь если и теперь, когда имѣютъ въ Немъ нужду, многіе оставляютъ Его, то, если бы этого не было, до какого забвенія не дошли бы они? Не по зависти Онъ лишилъ ихъ основанія къ превозношенію, но чтобы избавить ихъ отъ погибели, происходящей отсюда. *Изъ Него же вы есте о Христѣ Іисусѣ, иже бысть намъ премудрость отъ Бога, правда же и освященіе и избавленіе* (ст. 30). Словомъ: 42
изъ Него же, я думаю, апостолъ выражаетъ не приведеніе изъ небытія въ бытіе, но приведеніе къ вѣрѣ, т. е. то, что мы стали чадами Божіими *не отъ крове, ни отъ похоти плотскія* (Іоан. I, 13). Не думайте, что, лишивъ насъ основанія къ превозношенію, Онъ такъ и оставилъ насъ,—нѣтъ,—Онъ даровалъ намъ другую похвалу, большую. Не должно хвалиться предъ лицемъ Его. Вы—чада Его, и сдѣлались ими чрезъ Христа. Сказавъ: *буяя міра избра и худородная*, апостолъ теперь показываетъ, что они стали благороднѣе всѣхъ, потому что имѣютъ Отцемъ Бога; и виновникъ этого благородства не такой-то или такой-то, но Христосъ, содѣлавшій насъ мудрыми, праведными и святыми; это и означаютъ слова: *бысть намъ премудрость*.

3. Кто же мудрѣе насъ, имѣющихъ не Платонову мудрость, но—самого Христа, по волѣ на то Божіей? Что значитъ: *отъ Бога?* Сказавъ нѣчто великое о Единородномъ, апостолъ упоминаетъ и объ Отцѣ, чтобы кто не подумалъ, что Сынъ не рожденъ. Онъ сказалъ о столь великихъ дѣлахъ и все приписалъ Сыну, изъяснивъ, что Сынъ сдѣлался для насъ премудростію, правдою, освященіемъ и избавленіемъ; теперь чрезъ Сына возводитъ все къ Отцу, прибавляя: *отъ Бога*. Но почему онъ не сказалъ: умудрилъ насъ, а: *бысть намъ премудрость*? Этимъ онъ показываетъ обиліе дара, какъ бы такъ говоря: далъ намъ самого Себя. И смотри, какую онъ соблюдаетъ постепенность. Сначала (говоритъ) Богъ сдѣлалъ насъ мудрыми, освободивъ отъ заблужденія, потомъ праведными и святыми, даровавъ Духа, и такимъ образомъ избавилъ насъ отъ всѣхъ золъ, такъ что мы стали Его (достояніемъ), разумѣется не по существу, а по вѣрѣ.

Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ, что мы сдѣлались правдою въ Немъ: *невѣдѣвшаго грѣха по насъ грѣхъ сотвори, да мы будемъ правда Божія о Немъ* (2 Кор. v, 21); а теперь говоритъ, что Онъ сдѣлался для насъ правдою, такъ что всякій желающій можетъ пріобщаться Ея обильно. Не такой-то или такой-то сдѣлалъ насъ мудрыми, но Христосъ. Поэтому кто хочетъ хвалиться, тотъ пусть хвалится Имъ, а не такимъ-то или такимъ-то: все вѣдь совершено Христомъ. Потому, сказавъ: *Иже бысть намъ премудрость, правда же, и освященіе, и избавленіе,* апостолъ присовокупляетъ: *да, якоже пишется, хваляйся о Господѣ да хвалится* (ст. 31). Для того онъ сильно и возсталъ противъ языческой мудрости, чтобы этимъ убѣдить людей хвалиться Богомъ, какъ и слѣдуетъ. Когда мы ищемъ сами собою того, что выше насъ, тогда нѣтъ ничего глупѣе, нѣтъ ничего безсильнѣе насъ. Изощрить свой языкъ мы можемъ, но измыслить твердые догматы не можемъ: наши разсужденія сами по себѣ подобны ткани паутинной. Нѣкоторые дошли до такого безумія, что говорятъ, будто изъ всего существующаго нѣтъ ничего истиннаго, но все противно тому, что намъ представляется. Потому не приписывай ничего себѣ, но во всемъ хвались Богомъ. Не приписывай никогда ничего никакому человѣку; если не слѣдуетъ ничего приписывать Павлу, то тѣмъ болѣе другимъ: *азъ,* говоритъ онъ, *насадихъ, Аполлосъ напои, Богъ же возрасти* (1 Кор. ш, 6). Кто научился хвалиться Господомъ, тотъ никогда не будетъ превозноситься, но всегда будетъ смиряться и за все благодарить Его. Не такъ поступаютъ язычники,
43 но они все приписываютъ себѣ. Потому они и дѣлаютъ изъ людей боговъ: такъ гордость овладѣла ими! Впрочемъ, уже время выступить на борьбу съ ними. На чемъ же мы остановились въ прежней бесѣдѣ? Мы говорили, что, по человѣческому соображенію, невозможно было рыбарямъ побѣдить философовъ; однако это сдѣлано, и слѣдовательно сдѣлано силою благодати. Мы говорили, что невозможно было имъ и рѣшиться на такія дѣла, и показали, что они не только рѣшились, но и окончили съ великою легкостію.

Сегодня опять будемъ бесѣдовать главнымъ образомъ о томъ же: могли ли бы они надѣяться побѣдить вселенную, если бы не видѣли Христа воскресшимъ? Неужели они потеряли разсудокъ, такъ что рѣшились на такое дѣло просто и необдуманно? Подлинно было бы выше всякаго безумія ожидать успѣха въ столь великомъ дѣлѣ, безъ содѣйствія благодати Божіей. И какъ они могли бы совершить это, если бы были безумными и изступленными? Если же они были въ здравомъ умѣ, а это показали самыя дѣла ихъ, то какъ могли бы они, двѣнадцать человѣкъ,

препоясаться и выступить на такую брань, на землѣ и на морѣ, возстать противъ обычаевъ всей вселенной, укоренившихся въ теченіе столь долгаго времени, и возстать такъ мужественно, если бы они не имѣли вѣрныхъ залоговъ съ неба и не получили помощи свыше? И, что еще важнѣе, какъ они надѣялись убѣдить слушателей, призывая ихъ къ небу и горнимъ обителямъ? Если бы они были образованы и воспитаны въ славѣ, богатствѣ и почестяхъ, то хотя и тогда они едва бы рѣшились на столь великое дѣло, но по крайней мѣрѣ могли бы имѣть болѣе надежды; а здѣсь—одни изъ рыбарей, другіе—изъ кожевниковъ, иные—изъ мытарей. Такія занятія всего менѣе могли располагать къ любомудрію и способствовать высокимъ помысламъ, особенно если не было подобнаго примѣра. И не только у нихъ не было примѣровъ успѣха въ подобныхъ предпріятіяхъ; напротивъ были примѣры неуспѣха, и притомъ самые недавніе. Многіе, покушавшіеся на нововведенія,—говорю не объ язычникахъ, у которыхъ этого не было, а о самихъ іудеяхъ, въ то же самое время, — погибли, приступивъ къ дѣлу не съ двѣнадцатью человѣками, но съ великимъ множествомъ. Такъ Ѳевда и Іуда, собравъ множество сообщниковъ, погибли вмѣстѣ съ учениками своими (Дѣян. v, 36, 37). Страхъ отъ подобныхъ примѣровъ достаточно могъ бы вразумить ихъ, еслибъ они не были увѣрены, что одержать побѣду возможно не иначе, какъ силою божественною. И при надеждѣ на успѣхъ, какъ они рѣшились бы на такія опасности, если бы не имѣли въ виду будущаго? Положимъ, что они имѣли надежду на успѣхъ; но какой они могли ожидать пользы отъ того, что обращали всѣхъ къ не Воскресшему, какъ вы говорите?

4. Если теперь люди, вѣрующіе ученію о царствіи небесномъ и неисчислимыхъ благахъ, едва рѣшаются на опасности, то какъ апостолы рѣшились подвергаться имъ напрасно, или, лучше, ко вреду своему? Если бы не было того, что было, если бы Христосъ не восшелъ на небо, то, рѣшившись выдумать это и преподавать другимъ, они оскорбили бы Бога и должны были 44
бы ожидать себѣ грозныхъ наказаній свыше. Съ другой стороны, хотя бы при жизни Христа они имѣли такую рѣшимость, все же оставили бы ее по смерти Его, такъ какъ, если бы Онъ не воскресъ, то они почли бы Его обманщикомъ и обольстителемъ. Развѣ не знаете, что при жизни полководца и царя даже слабыя войска держатся, а по смерти даже и сильныя разстраиваются? Какими же, скажи мнѣ, соображеніями побуждались они, когда рѣшались начать проповѣдь и идти во всю вселенную? И какія препятствія не встрѣтили бы ихъ? Если бы они были изступлен-

ные,—не перестану повторять это,—то рѣшительно ничего не сдѣлали бы, потому что изступленныхъ никто не слушаетъ; а если они совершили свое дѣло такъ, какъ совершили, то и конецъ показываетъ, что они были мудрѣе всѣхъ. Если же они были мудрѣе всѣхъ, то очевидно, что они пошли на проповѣдь не просто. Если бы они не видѣли Христа воскресшимъ, то что могло бы вывести ихъ на такую брань? Что напротивъ не отклонило бы ихъ отъ ней? Онъ говорилъ имъ, что чрезъ три дня воскреснетъ, обѣщалъ царствіе небесное, предрекалъ, что они, получивъ Святаго Духа, побѣдятъ вселенную, и многое возвѣщалъ другое, превышающее всѣ законы природы. Послѣ этого, если бы ничего такого не исполнилось, то они, хотя бы и вѣрили Ему при жизни, по смерти Его перестали бы вѣрить, если бы не видѣли Его воскресшимъ. Они сказали бы: Онъ говорилъ, что чрезъ три дня воскреснетъ, и не воскресъ; обѣщалъ послать Духа, и не послалъ: какъ же мы можемъ вѣрить Ему въ дальнѣйшемъ, если оказалось ложнымъ ближайшее? Почему же они стали бы проповѣдывать, что Христосъ воскресъ, если бы Онъ не воскресъ? Потому, скажешь, что любили Его. Но тогда они конечно возненавидѣли бы Его, какъ обольстителя и предателя, который, воспламенивъ ихъ безчисленными надеждами, отлучивъ отъ домовъ, и отъ родныхъ, и отъ всего, вооруживъ противъ нихъ весь народъ іудейскій, потомъ оставилъ ихъ. Если бы это происходило только отъ слабости, то они могли бы простить Ему; но тогда они почли бы это великимъ злоумышленіемъ. Ему надлежало бы говорить истину и не обѣщать неба, если бы Онъ былъ человѣкъ смертный, какъ вы говорите. Тогда и они конечно стали бы дѣлать противное, стали бы открывать обманъ и называть Его обольстителемъ и злоумышленникомъ: такимъ образомъ они и избавились бы опасностей, и окончили бы брань. Если іудеи дали деньги воинамъ для того, чтобы они сказали, что тѣло Его украдено (Мѳ. XXVIII, 12), то чего не получили бы ученики, если бы пришли и сказали: мы украли Его, Онъ не воскресъ? Тогда, вѣроятно, наградили бы ихъ и почестями и вѣнцами. Почему же они предпочли всему этому поношенія и бѣдствія, если не было божественной силы, дѣйствовавшей въ нихъ могущественнѣе всего этого? Если ты еще не убѣждаешься, то обрати вниманіе на слѣдующее: если бы не было (воскресенія Христова), то апостолы, хотя бы были весьма готовы, не стали бы проповѣдывать о Немъ, но оказали бы къ Нему отвращеніе. Вы знаете, что мы не хотимъ даже слышать объ именахъ тѣхъ, которые жестоко обманули насъ. Почему же они проповѣдывали имя Его? Развѣ они надѣялись побѣдить этимъ именемъ? Напро-

тивъ, имъ надлежало бы ожидать, что и въ случаѣ побѣды они погибнуть, потому что возвѣщали имя обольстителя. А если бы они захотѣли утаить прошедшее, то не слѣдовало бы и проповѣдывать, потому что усилія ихъ еще болѣе возбуждали бы 45
только брань и смѣхъ. И какъ они могли бы выдумать все это? Напротивъ они забывали бы и то, что слышали. Если тогда, когда еще нечего было страшиться, они многое забывали, а иного не разумѣли, какъ замѣчаетъ евангелистъ (Іоан. XII, 16), то, при угрожающей опасности, не вышло ли бы все изъ ихъ памяти? И что говорить о словахъ? Самая любовь ихъ къ Учителю нѣсколько охладѣвала отъ страха будущихъ опасностей, за что Онъ и укорялъ ихъ. Прежде они, слѣдуя за Нимъ, часто спрашивали: *камо идеши* (Іоан. XIII, 36)? а потомъ, когда Онъ въ продолжительной бесѣдѣ представилъ имъ бѣдствія, какимъ они подвергнутся во время Его крестнаго страданія, то они, пораженные страхомъ, пребыли безмолвными, о чемъ, послушай, какъ Онъ самъ говоритъ: *никто же отъ васъ вопрошаетъ Мене: камо идеши? но яко сія глаголахъ вамъ, скорби исполнихъ сердце ваше* (Іоан. XVI, 5, 6). Если же они такъ скорбѣли, когда еще ожидали Его смерти и воскресенія, то, не увидѣвъ Его воскресшимъ, не пали ли бы духомъ совершенно, не пожелали бы сами быть погребенными въ землѣ, какъ отъ скорби при видѣ обмана, такъ и отъ страха будущаго?

5. Откуда у нихъ и это высокое ученіе? Имъ сказалъ (Христосъ), что высочайшее ученіе они услышатъ послѣ: *еще много*, говорилъ Онъ, *имамъ глаголати вамъ, но не можете носити нынѣ* (Іоан. XVI, 12). Слѣдовательно, высшее сообщено было имъ послѣ. Одинъ изъ учениковъ Его, услышавъ объ опасности, не хотѣлъ даже идти съ Нимъ въ Іудею, но сказалъ: *идемъ и мы, да умремъ съ Нимъ* (Іоан. II, 16): съ такою скорбію ожидалъ Его смерти! Если же онъ, ожидая смерти, въ присутствіи самого (І. Христа) терялъ бодрость, то безъ Него и безъ прочихъ учениковъ какимъ опасностямъ не подвергались его надежды? И много есть доказательствъ ихъ малодушія. Притомъ о чемъ имъ было говорить, вышедши на проповѣдь? Страданіе (Христово) было извѣстно вселенной, такъ какъ Онъ былъ распятъ на высокомъ древѣ, въ полдень, въ столичномъ городѣ, и въ величайшій праздникъ, на которомъ особенно должны были присутствовать всѣ (іудеи); а о воскресеніи Его не зналъ никто изъ постороннихъ, и это было для нихъ немалымъ препятствіемъ къ убѣжденію. О погребеніи Его была всеобщая молва, и воины со всѣми іудеями говорили, что ученики украли тѣло Его; а о томъ, что Онъ воскресъ, никто изъ постороннихъ не зналъ. Какимъ же образомъ они надѣялись убѣдить вселенную? Если стражи при видѣ чудесъ со-

гласились свидѣтельствовать противное, то какъ они безъ чудесъ рѣшились проповѣдывать, и, не обладая и малымъ количествомъ денегъ, надѣялись убѣдить всѣхъ на землѣ и на морѣ въ истинѣ воскренія? Если бы они дѣлали это изъ честолюбія, то каждый изъ нихъ приписывалъ бы свое ученіе скорѣе самому себѣ, а не Умершему. Но (скажешь) имъ люди не повѣрили бы? Напротивъ, кому они скорѣе могли вѣрить, Тому ли, Кто былъ взятъ и распятъ на крестѣ, или тѣмъ, которые избѣгли іудейскихъ рукъ? Почему, скажи мнѣ, рѣшившись на такое дѣло, они не тотчасъ оставили Іудею и ушли въ другіе города, но оставались тамъ? И какимъ образомъ они успѣли убѣдить, если не совершали знаменій? Если они совершали знаменія, — а они дѣйствительно совершали,—то это было дѣйствіе силы Божіей; если же не совершали и однако побѣдили, то сдѣланное ими еще болѣе удивительно. Развѣ, скажи мнѣ, они не знали іудеевъ, ихъ
46 злобное сердце и переполненную ненависти душу? Эти люди хотѣли побить камнями Моисея, послѣ того, какъ онъ провелъ ихъ по морю, послѣ побѣды и того чуднаго торжества, которое они чрезъ него одержали безъ пролитія крови надъ поработившими ихъ египтянами, послѣ манны, послѣ источниковъ водъ, изведенныхъ изъ камней, послѣ безчисленныхъ чудесъ въ Египтѣ, при Чермномъ морѣ и въ пустынѣ; Іеремію они ввергли въ ровъ и многихъ пророковъ убили. Послушай, что говоритъ о нихъ Илія, который былъ изгнанъ ими далеко изъ страны ихъ, послѣ страшнаго голода и чуднаго дождя, послѣ огня, низведеннаго имъ съ неба, и послѣ славнаго всесожженія: *Господи, пророки Твоя избиша, алтари Твоя раскопаша, и остахъ азъ единъ, и ищутъ души моея* (3 Цар. xix, 10). Между тѣмъ (пророки) не вводили никакихъ перемѣнъ въ законѣ. Какъ же, скажи мнѣ, могли слушать апостоловъ, которые были уничиженнѣе всѣхъ ихъ (пророковъ) и преподавали тоже новое ученіе, за которое Учитель ихъ былъ распятъ? Притомъ не столько могло казаться страннымъ, когда говорилъ это Христосъ, сколько когда они. О Немъ могли думать, что Онъ дѣлалъ это для своей славы, а ихъ могли ненавидѣть тѣмъ болѣе, что они подвизались за другого. Но не содѣйствовали ли имъ римскіе законы? Напротивъ, съ этой стороны было еще болѣе препятствій,—вѣдь сказано было: *всякъ, царя себе творяй, нѣсть другъ кесарю* (Іоан. xix, 12). Одно то могло служить для нихъ препятствіемъ, что они были учениками считавшагося за тирана и дѣйствовали въ Его пользу. Что же побуждало ихъ подвергаться такимъ опасностямъ? Что они могли сказать о Немъ такого, чѣмъ показались бы заслуживающими довѣрія? То ли, что Онъ былъ распятъ? То ли, что онъ родился отъ

бѣдной іудеянки, обрученной съ іудейскимъ плотникомъ? То ли, что Онъ происходилъ отъ народа, ненавидимаго въ цѣломъ мірѣ? Но все это могло не только не убѣждать и не привлекать слушателей, а напротивъ отвращать всѣхъ, тѣмъ болѣе, когда было возвѣщаемо скинотворцемъ и рыбаремъ. Не могло ли все это приходить на мысль ученикамъ Его? Люди робкіе могутъ воображать даже болѣе того, что есть на самомъ дѣлѣ; а таковы и были апостолы. На чемъ же они основали надежду успѣха? Скорѣе они не имѣли бы надежды при тѣхъ безчисленныхъ препятствіяхъ, которыя встрѣчались имъ, если бы не воскресъ Христосъ.

6. Не ясно ли для всѣхъ, даже самыхъ неразумныхъ, что апостолы не только не могли бы предпринять и исполнить такого дѣла, но даже и подумать о немъ, если бы не получили великой и обильной благодати и не имѣли залога воскресенія? Если при такихъ препятствіяхъ къ предпріятію, не говорю уже къ выполненію дѣла, они и рѣшились, и исполнили и совершили выше всякаго ожиданія, то не для каждаго ли ясно, что они дѣйствовали не человѣческою силою, но божественною благодатію? Будемъ же заниматься подобными разсужденіями не только сами съ собою, но и другъ съ другомъ: тогда удобнѣе можемъ научиться и прочему. Хотя бы ты былъ ремесленникъ, не считай такого занятія чуждымъ для себя. Вѣдь и Павелъ былъ дѣлателемъ палатокъ, однако исполнился великой благодати и ею возвѣщалъ все. Но прежде благодати онъ былъ при ногахъ Гамаліила; и самую благодать получилъ потому, что явилъ душу достойную благодати, и послѣ того опять занимался своимъ ремесломъ. Итакъ, не стыдись никто занимающійся ремесломъ; но 47
пусть устыдятся тѣ, которые напрасно ѣдятъ хлѣбъ и живутъ въ праздности, которые имѣютъ множество служителей и требуютъ безпрестанныхъ услугъ. Принимать пищу всегда послѣ труда— это родъ любомудрія: души такихъ людей бываютъ чище, мысли— основательнѣе. Человѣкъ праздный и говоритъ много пустого, и дѣлаетъ много пустого, и цѣлый день не занимается ничѣмъ, предаваясь нѣгѣ; а тотъ, кто занятъ работою, не скоро допуститъ что-нибудь излишнее ни въ дѣлахъ, ни въ словахъ, ни въ помышленіяхъ; душа его совершенно предана трудолюбивой жизни. Не будемъ же презирать тѣхъ, которые питаются отъ трудовъ рукъ своихъ, но будемъ еще болѣе ублажать ихъ за это. Какой, скажи мнѣ, достоинъ ты благодати, если, получивъ наслѣдство отъ отца, живешь, ничего не дѣлая, и расточаешь его по-пустому? Развѣ ты не знаешь, что мы не всѣ отдадимъ одинаковый отчетъ, но получившіе здѣсь больше благъ отдадутъ отчетъ труднѣйшій, а удрученные трудами, бѣдностію, или чѣмъ-нибудь другимъ подобнымъ—

легчайшій? Это видно и изъ притчи о Лазарѣ и богачѣ. Ты, не употребившій свободнаго времени ни на что дѣльное, справедливо будешь осужденъ; а бѣдный, при трудахъ своихъ употребившій остающееся время на дѣла достодолжныя, получитъ великіе вѣнцы.

48 Укажешь ли на свое военное званіе и приведешь его въ оправданіе своей безпечности? Но и это извиненіе неосновательно. Корнилій былъ сотникомъ, однакожъ воинская перевязь нисколько не препятствовала его благочестію. Ты, когда занимаешься съ шутами и танцовщицами, проводишь все время на зрѣлищахъ, не ссылаешься ни на необходимыя дѣла по военной службѣ, ни на страхъ предъ начальниками; а когда мы приглашаемъ въ церковь, тогда — безчисленныя препятствія. Что же ты скажешь въ тотъ день, когда увидишь пламя, огненныя рѣки и неразрѣшимыя узы, и услышишь скрежетъ зубовъ? Кто поможетъ тебѣ въ тотъ день, когда увидишь ремесленника, праведно проведшаго жизнь свою, наслаждающимся великою славою, а себя, который нынѣ украшаешься нѣжными одеждами и дышишь благовоніями, невыразимо страждущимъ? Какая польза будетъ тебѣ отъ богатства и изобилія, и какой вредъ ремесленнику отъ бѣдности? Потому, чтобы намъ не потерпѣть этого, устрашимся сказаннаго и приложимъ всякое стараніе къ совершенію дѣлъ необходимыхъ. Такимъ образомъ, умилостививъ Бога за прежніе грѣхи свои и присоединивъ добрыя дѣла въ будущемъ, мы сможемъ получить царствіе небесное, благодатію и человѣколюбіемъ (Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь).

БЕСѢДА VI.

47 И азъ пришедъ къ вамъ, братіе, пріидохъ не по превосходному словеси, или премудрости, возвѣщая вамъ свидѣтельство Божіе. Не судихъ бо вѣдѣти что въ васъ, точію Іисуса Христа, и сего распята (1 Кор. II, 1, 2).

1. Ничто не можетъ сравниться въ дѣятельности съ душею Павла, или лучше, не съ его душею,—такъ какъ онъ не самъ достигъ этого,—но съ благодатію, которая дѣйствовала въ немъ и побѣждала все. И сказаннаго прежде достаточно было для низложенія гордости превозносившихся своею мудростію; достаточно было даже и части сказаннаго. Но чтобы побѣда была славнѣе, онъ продолжаетъ свою рѣчь, попирая уже поверженныхъ противниковъ. Смотри: привелъ пророчество: *погублю премудрость пре-*

мудрыхъ; показалъ премудрость Божію въ томъ, что Богъ кажущимся безуміемъ низложилъ внѣшнюю мудрость; объяснилъ, что *буее Божіе премудрѣе человѣкъ*; указалъ, что Богъ не только научилъ чрезъ людей неученыхъ, но и призвалъ также неученыхъ; а теперь онъ доказываетъ, что и самый предметъ проповѣди и способъ проповѣданія могли бы иныхъ смутить, однако не смутили. Не только, говоритъ, ученики—люди простые, но и я проповѣдающій. *И азъ, братіе*,—опять называетъ ихъ братіями, чтобы смягчить суровость рѣчи, — *пріидохъ не по превосходному словеси, возвѣщая вамъ свидѣтельство Божіе*. Но, скажи мнѣ, если бы ты захотѣлъ придти съ высокимъ словомъ, могъ ли бы? Я, говоритъ, если бы и хотѣлъ, не могъ бы; а Христосъ, если бы восхотѣлъ, могъ бы (послать); но Онъ не восхотѣлъ, чтобы побѣда сдѣлалась славнѣе. Потому и выше, доказывая, что дѣломъ Христа и Его волею было, чтобы слово проповѣдывалось съ такою простотою, онъ говорилъ: *не посла бо мене Христосъ крестити, но благовѣстити, не въ премудрости слова* (1 Кор. I, 17). А воля Христа 48
много важнѣе, несравненно важнѣе воли Павла. Такимъ образомъ, говоритъ, не высокимъ словомъ и не помощію краснорѣчія я возвѣщаю свидѣтельство Божіе. Не сказалъ: проповѣдь, но: *свидѣтельство Божіе*, что также могло не нравиться, такъ какъ онъ вездѣ проповѣдывалъ о смерти; потому и присовокупилъ: *не судихъ бо вѣдѣти что въ васъ, точію Іисуса Христа, и сего распята*. Говоритъ это потому, что онъ былъ совершенно чуждъ внѣшней мудрости, какъ и выше сказалъ: *пріидохъ не по превосходному словеси*. Нѣтъ сомнѣнія, что ему можно было имѣть и это; тотъ, чьи одежды воскрешали мертвыхъ и тѣнь исцѣляла болѣзни, тѣмъ болѣе могъ душею своею усвоить краснорѣчіе. Послѣднее свойственно и ученикамъ, а первое выше всякаго искусства. Слѣдовательно, кто зналъ то, что выше искусства, тотъ тѣмъ болѣе могъ знать низшее. Но Христосъ не попустилъ этого, потому что это не было полезно. Потому Павелъ справедливо говоритъ: *не судихъ бо вѣдѣти что*, такъ какъ и я желаю того же, чего Христосъ. Мнѣ кажется, что апостолъ бесѣдуетъ съ ними (коринѳянами) гораздо проще, нежели съ другими, для того, чтобы низложить гордость ихъ. Итакъ слова: *не судихъ вѣдѣти что* сказаны въ противоположность внѣшней мудрости. Я пришелъ къ вамъ, говоритъ онъ, не сплетать силлогизмы и софизмы, или говорить что-либо подобное, но только возвѣстить, что Христосъ распятъ. Тѣ (мудрецы) говорятъ много и ведутъ длинныя рѣчи о безчисленныхъ предметахъ, составляя сужденія и умозаключенія и сплетая тысячи софизмовъ; а я пришелъ къ вамъ говорить не о чемъ другомъ, какъ только о томъ, что Христосъ распятъ,

49 и всѣхъ ихъ превзошелъ, что и служитъ неизреченнымъ знаменіемъ силы Проповѣдуемаго. *И азъ въ немощи и страсѣ и трепетѣ многѣ быхъ въ васъ* (ст. 3). Вотъ еще другое важное обстоятельство. Не только вѣрующіе — люди простые, не только проповѣдующій — человѣкъ простой, не только способъ ученія исполненъ простоты, не только самый предметъ проповѣди можетъ смущать, такъ какъ предметъ этотъ—крестъ и смерть; но вмѣстѣ съ тѣмъ были и другія препятствія, именно опасности и козни, ежедневный страхъ и гоненія. Немощію онъ часто называетъ гоненія, какъ напримѣръ: *немощи, яже во плоти моей, не уничижисте* (Гал. IV, 13, 14); и еще: *аще хвалитися подобаетъ, о немощи моей похвалюся* (2 Кор. XI, 30). О какой немощи? *Языческій князь Арефы царя стрежаше Дамаскъ градъ, яти мя хотя* (ст. 32). И еще: *тѣмже благоволю въ немощѣхъ*; а въ какихъ, объясняетъ далѣе; *въ досажденіихъ, въ бѣдахъ, въ тѣснотахъ* (2 Кор. XII, 10). Тоже говоритъ и теперь; сказавъ: *и азъ въ немощи*, онъ не останавливается на этомъ, но, чтобы показать, что подъ немощію онъ разумѣетъ опасности, присовокупляетъ: *и страсѣ и трепетѣ многѣ быхъ въ васъ.* Что это? Неужели и Павелъ боялся опасностей? Да, боялся и сильно боялся. Вѣдь онъ былъ хотя и Павелъ, а все же человѣкъ. И это не вина Павла, но слабость (человѣческой) природы, а вмѣстѣ и похвала его волѣ, если онъ, даже боясь смерти и ранъ, подъ вліяніемъ страха не дѣлалъ ничего недостойнаго. Потому тѣ, которые говорятъ, что онъ не боялся ранъ, не только не дѣлаютъ ему чести, но и много унижаютъ его достоинство. Если бы онъ не боялся, то какая твердость, или какое любомудріе было бы въ перенесеніи бѣдствій? А я потому и удивляюсь ему, что онъ, хотя боялся, и не просто боялся, а трепеталъ бѣдствій, однако всегда подвизался со славою и ни при какой опасности не ослабѣвалъ, очищая вселенную и вездѣ, на землѣ и на морѣ, посѣевая сѣмена проповѣди. *И слово мое и проповѣдь моя не въ препрѣтелныхъ человѣческія премудрости словесѣхъ* (ст. 4), т. е. чуждо внѣшней мудрости. Если же проповѣдь не имѣла въ себѣ ничего софистическаго, и призываемые были люди простые, и проповѣдующій таковъ же, и кромѣ того были гоненіе, страхъ и трепетъ, то, скажи мнѣ, какимъ образомъ одержана побѣда? Божественною силою. Потому, сказавъ: *слово мое и проповѣдь моя не въ препрѣтелныхъ человѣческія премудрости словесѣхъ*, присовокупляетъ: *но въ явленіи Духа и силы.*

2. Видишь ли, какъ *буее Божіе премудрѣе и немощное Божіе крѣпчае человѣкъ есть?* Простые проповѣдники, будучи стѣсняемы и гонимы, побѣдили гонителей. Почему? Не потому ли, что они внушали вѣру Духомъ? Это и значитъ *явленіе (Духа).* Кто, скажи

мнѣ, не увѣруетъ, видя воскресеніе мертвыхъ и изгнаніе бѣсовъ?
Но такъ какъ есть ложныя силы, каковы волшебныя, то апостолъ
устраняетъ и эту мысль; не просто говоритъ: *силы*, но напередъ—
Духа, а потомъ—*силы;* этимъ выражаетъ, что все сдѣланное со- 50
вершено Духомъ. Такимъ образомъ для проповѣди служитъ не
униженіемъ то, что она возвѣщается безъ помощи мудрости, но
напротивъ величайшимъ украшеніемъ. Это особенно и доказываетъ, что она божественна и имѣетъ высшее небесное происхожденіе. Потому онъ и присовокупляетъ: *да вѣра ваша не въ мудрости человѣчествѣй, но въ силѣ Божіей будетъ* (ст. 5). Видишь ли, какъ ясно онъ представляетъ великую пользу простоты и великій вредъ мудрости? Послѣдняя унижала крестъ, а первая возвѣщала силу Божію; послѣдняя производила то, что люди не познавали должнаго и хвалились самими собою, а первая располагала принять истину и хвалиться Богомъ; мудрость внушала многимъ считать ученіе (апостольское) человѣческимъ, а простота ясно выражала, что оно божественно и низошло съ неба. Когда доказательство составляется изъ мудрыхъ словъ, тогда часто и недостойные, будучи сильнѣе въ словѣ, одерживаютъ верхъ надъ достойнѣйшими, и ложь заступаетъ мѣсто истины. Здѣсь же не такъ: Святый Духъ не входитъ въ нечистую душу, а вошедши не можетъ быть побѣжденъ, хотя бы противъ него возстала вся сила краснорѣчія, такъ какъ доказательство посредствомъ дѣлъ и знаменій гораздо яснѣе доказательства посредствомъ словъ. Но, можетъ быть, кто скажетъ: если проповѣдь должна побѣждать и не имѣетъ нужды въ силѣ слова, *да не упразднится крестъ*, то почему нынѣ прекратились знаменія? Почему? Ты не вѣришь и думаешь, что ихъ не было и при апостолахъ, или въ самомъ дѣлѣ хочешь знать, когда говоришь это? Если не вѣришь, то я остановлюсь прежде на этомъ. Если тогда не было знаменій, то какимъ образомъ апостолы, будучи гонимы, притѣсняемы, подвергаясь страху и узамъ, будучи общими всѣхъ врагами и ненавистными для всѣхъ, не имѣя въ себѣ ничего привлекательнаго, ни краснорѣчія, ни знатности, ни богатства, ни извѣстности по городу, по народу, по происхожденію, или по искусству, и ничего другого подобнаго, но имѣя все противное тому, неученость, незнатность, бѣдность, простоту и уничиженіе, и притомъ возставая противъ цѣлыхъ народовъ и возвѣщая такія истины,—какъ они производили убѣжденіе? Правила ихъ были не легки, догматы опасны, а слушатели, которыхъ надлежало убѣждать, преданы были сластолюбію, пьянству и великому нечестію. Какъ *же они* убѣдили, скажи мнѣ? Какъ пріобрѣли довѣріе? Если они, *какъ я* и прежде говорилъ, убѣдили безъ знаменій, то это есть еще

большее знаменіе. Итакъ изъ того, что теперь нѣтъ знаменій, не заключай, что ихъ не было и тогда. Тогда полезно было имъ быть, а теперь полезно не быть. Впрочемъ изъ того, что теперь убѣжденіе производится однимъ словомъ, не слѣдуетъ, будто теперь проповѣдь зависитъ отъ мудрости. Какъ первоначальные сѣятели слова были простые и неученые и ничего не говорили отъ себя, но что приняли отъ Бога, то и преподали вселенной, такъ и мы теперь предлагаемъ не свое, но что приняли отъ нихъ, то и возвѣщаемъ всѣмъ. И теперь мы убѣждаемъ не умозаключеніями, но свидѣтельствами божественныхъ Писаній, и
51 тогдашними знаменіями внушаемъ вѣрить возвѣщаемому. Впрочемъ и апостолы убѣждали тогда не одними знаменіями, но и бесѣдами; только слова ихъ получали болѣе силы отъ знаменій и свидѣтельствъ ветхозавѣтнаго Писанія, а не отъ искусства краснорѣчія. Какъ же, скажешь, знаменія тогда были полезны, а теперь стали безполезны? Предположимъ, — я обращаюсь къ язычнику и потому называю предположеніемъ то, что несомнѣнно будетъ, — предположимъ и пусть невѣрный хотя на нѣсколько времени допуститъ, напримѣръ, что Христосъ придетъ. Итакъ, когда придетъ Христосъ и всѣ ангелы съ Нимъ; когда Онъ явится, какъ Богъ, и все покорится Ему,—тогда не увѣруетъ ли въ Него и язычникъ? Конечно, онъ и поклонится Ему и назоветъ Его Богомъ, хотя бы онъ былъ человѣкъ крайне упорный.

3. Кто, видя небеса отверстыя, Христа грядущаго на облакахъ, и все воинство горнихъ силъ вокругъ Него, текущія рѣки огненныя и всѣхъ предстоящихъ Ему съ трепетомъ, не поклонится Ему и не признаетъ Его Богомъ? Но, скажи мнѣ, замѣнитъ ли это поклоненіе и признаніе для язычника вѣру? Нѣтъ. Почему? Потому, что это—не вѣра; это—слѣдствіе необходимости величественнаго зрѣлища; не собственное рѣшеніе, но величіе созерцаемаго увлекаетъ въ этомъ случаѣ душу. Слѣдовательно, чѣмъ яснѣе и разительнѣе знаменія, тѣмъ менѣе бываетъ вѣра, потому знаменія теперь и не совершаются. Чтобы убѣдиться въ истинѣ этого, послушай, что говоритъ Христосъ Ѳомѣ: *блажени не видѣвшіи и вѣровавше* (Іоан. xx, 29). Слѣдовательно, чѣмъ очевиднѣе знаменіе, тѣмъ менѣе достоинство вѣры. Тоже самое было бы, если бы и теперь совершались знаменія. Что тогда (по пришествіи Христовомъ) мы уже не будемъ познавать Его вѣрою, это объяснилъ Павелъ въ словахъ: *нынѣ вѣрою ходимъ, а не видѣніемъ* (2 Кор. v, 7). Какъ тогда вѣра не вмѣнится тебѣ по причинѣ очевидности предмета, такъ и теперь она не вмѣнялась бы, если бы совершались такія же знаменія, какія были прежде. Вѣдь вѣра бываетъ тогда, когда принимаемъ то, чего никакимъ

образомъ, никакими разсужденіями невозможно постигнуть. Такъ, Богъ угрожаетъ геенною, но она невидима; если бы она была видима, то опять было бы тоже. Впрочемъ, если ты хочешь знаменій, то можешь и теперь видѣть ихъ, хотя и не такого рода, именно исполненіе безчисленныхъ пророчествъ о множествѣ событій, обращеніе вселенной, любомудріе язычниковъ, измѣненіе грубыхъ нравовъ, преуспѣяніе благочестія. Что это, скажешь, за пророчества? Вѣдь всѣ эти предсказанія написаны уже послѣ событій? Когда же, скажи мнѣ, гдѣ, кѣмъ и за сколько лѣтъ? За пятьдесятъ, или за сто? Значитъ, за сто лѣтъ совершенно не было ничего написано. Какъ же вселенная сохранила догматы и все прочее, когда одной памяти для этого недостаточно? Откуда узнали, что Петръ былъ распятъ? Откуда послѣдующимъ пришло на мысль предсказывать, напримѣръ, что евангеліе будетъ проповѣдано по всей вселенной, что іудейское царство прекратится и болѣе не возстанетъ? Полагавшіе душу свою за проповѣдь какъ могли бы допустить, чтобы проповѣдь ихъ подвергалась искаженію? Какъ стали бы вѣрить писателямъ, послѣ того какъ 52
знаменія уже прекратились? И какъ писанія проникли бы въ страну варваровъ и индійцевъ и до самыхъ предѣловъ океана, если бы сами писатели не были достовѣрными? Какіе же это писатели? Когда писали они, гдѣ и для чего? Не для того ли, чтобы пріобрѣсть себѣ славу? Но почему они надписывали свои книги именами другихъ? Не для того ли, чтобы придать твердость ученію? Но истинно оно, или ложно? Если они признавали его ложнымъ, то не стоило и заниматься имъ; если же признавали его истиннымъ, то не было нужды въ тѣхъ вымыслахъ, о которыхъ ты говоришь. Съ другой стороны эти предсказанія таковы, что даже до настоящаго времени ничто не могло измѣнить предсказаннаго. Такъ, разрушеніе Іерусалима совершилось за много лѣтъ. Есть и другія предсказанія, которыя со времени произнесенія ихъ будутъ имѣть силу до Его пришествія, какъ можешь видѣть, если хочешь, изъ слѣдующаго, напримѣръ: *Азъ съ вами есмь во вся дни до скончанія вѣка* (Мѳ. XXVIII, 20); *на семъ камени созижду церковь Мою и врата адова не одолѣютъ ей* (XVI, 18); *проповѣстся сіе евангеліе всѣмъ языкомъ* (XXIV, 14); *идѣже аще проповѣдано будетъ евангеліе сіе, речется и еже сотвори сія жена* (XXVI, 13), и другія весьма многія. Отчего эти предсказанія оказываются истинными, если они были вымышлены? Отчего не одолѣли Церкви врата адовы? Отчего Христосъ всегда пребываетъ съ нами? Вѣдь, если бы Онъ не былъ съ нами, то Церковь не одержала бы побѣды. Отчего евангеліе распространилось по всей вселенной? Древность книгъ нашихъ могутъ засвидѣтельствовать

даже тѣ, которые говорили противъ насъ, какъ-то: послѣдователи Цельса и бывшаго послѣ него Ватанеота (Порфирія),—они конечно опровергали не то, что было написано послѣ нихъ,—а также и вся вселенная, которая единогласно приняла это ученіе. Если бы не благодать Духа, то не было бы такого единодушнаго принятія его отъ концевъ до концевъ земли, но виновники вымысловъ были бы скоро обличены, и не совершились бы столь великія дѣла при помощи вымысловъ и лжи. А теперь не видишь ли, какъ вся вселенная обратилась, заблужденіе истреблено, любомудріе иноковъ сіяетъ свѣтлѣе солнца? Не видишь ли сонмовъ дѣвственницъ, благочестія между варварами и всѣхъ, смиряющихся подъ однимъ игомъ (Христовымъ)? Это не въ нашихъ только книгахъ предсказано, но еще издревле пророками; а ихъ предсказаній ты конечно не можешь отвергать, потому что ихъ книги есть и у враговъ и, по усердію нѣкоторыхъ язычниковъ, переведены на греческій языкъ. Онѣ содержатъ въ себѣ много пророчествъ и указаній на то, что имѣющій придти есть Богъ.

4. Почему же нынѣ не всѣ вѣруютъ? Потому, что дѣла наши не хороши, и причиною этому мы сами; обращаю слово къ намъ самимъ. И тогда обращались къ вѣрѣ не одними только знаменіями, но многіе изъ обращающихся привлекаемы были и жизнію (вѣрующихъ). *Тако,* говорится, *да просвѣтится свѣтъ вашъ предъ человѣки, яко да видятъ ваша добрая дѣла, и прославятъ Отца вашего, иже на небесѣхъ* (Мѳ. v, 16). Тогда у всѣхъ *бѣ сердце и душа едина, и ни единъ же что отъ имѣній своихъ глаголаше свое быти, но бяху имъ вся обща, даяшеся же коемуждо, его же аще кто требоваше* (Дѣян. iv, 32, 35), и жили они жизнію ангельскою. Если бы тоже
53 было и теперь, то мы обратили бы всю вселенную и безъ знаменій. Потому желающіе спастись пусть внимаютъ Писаніямъ; здѣсь они найдутъ и такія и еще высшія добродѣтели. И сами учители изобиловали ими, проводя жизнь въ голодѣ, жаждѣ и наготѣ. Мы хотимъ жить въ роскоши, въ нѣгѣ и удовольствіяхъ; они же не такъ жили, но говорили: *до нынѣшняго часа и алчемъ и жаждемъ и наготуемъ и страждемъ и скитаемся* (1 Кор. iv, 11). Одинъ изъ нихъ путешествовалъ отъ Іерусалима до Иллиріи, другой въ страну индійцевъ, третій въ страну мавровъ, иной въ другія части вселенной; а мы не рѣшаемся даже выйти изъ отечества, ищемъ роскоши, великолѣпныхъ жилищъ и всякаго другого богатства. Кто изъ насъ когда-нибудь терпѣлъ голодъ за слово Божіе? Кто былъ въ пустынѣ? Кто предпринималъ далекое путешествіе? Кто изъ учителей, живя трудами рукъ своихъ, помогалъ еще другимъ? Кто подвергался ежедневной смерти? Потому нерадивы и окружающіе насъ. Воины и военачальники, когда пере-

носятъ голодъ, жажду, смерть и всѣ бѣдствія, тогда побѣждаютъ и холодъ, и опасности, и все, какъ львы, и совершаютъ дѣла доблестныя; а потомъ, если, оставивъ такое любомудріе, предавшись нѣгѣ, пристрастившись къ земнымъ благамъ и занявшись куплею и продажею, будутъ побѣждаемы врагами, то было бы совершенно безумно искать причину этой перемѣны. Такъ и мы должны разсуждать о насъ самихъ и бывшихъ прежде насъ; мы сдѣлались изнѣженнѣе всѣхъ, прилѣпившись къ настоящей жизни. Если и найдется человѣкъ, имѣющій въ себѣ хотя нѣсколько древняго любомудрія, то онъ, оставляя городъ и торжища, не желая обращаться съ людьми и исправлять другихъ, удаляется въ горы; и если кто спроситъ его о причинѣ удаленія, то онъ даетъ отвѣтъ неуважительный: я, говоритъ, удаляюсь для того, 54
чтобы не погубить себя и не сдѣлаться неспособнымъ къ добродѣтели. Но не лучше ли было бы тебѣ быть не столь добродѣтельнымъ и доставлять пользу другимъ, нежели пребывать на высотѣ и съ презрѣніемъ взирать на погибель братій? Если же одни нерадятъ о добродѣтели, а другіе, пекущіеся о ней, удаляются изъ строя, то какъ мы будемъ побѣждать враговъ нашихъ? Кто убѣдился бы, если бы теперь и были знаменія? Кто изъ язычниковъ сталъ бы слушать насъ, когда нечестіе такъ распространяется? Праведная жизнь наша для многихъ бываетъ убѣдительнѣе знаменій. Люди безстыдные и злые могутъ взирать на знаменія съ мыслями коварными; а чистая жизнь можетъ съ великою силою заградить уста самого діавола. Говорю это и начальникамъ и подчиненнымъ, а прежде всѣхъ себѣ самому, чтобы мы проводили жизнь достохвальную, исправили себя и презирали все настоящее. Будемъ презирать имущество, но не геенну; будемъ презирать славу, но не спасеніе; будемъ здѣсь трудиться и терпѣть, чтобы тамъ не подвергнуться мученію. Такъ будемъ ратоборствовать съ язычниками; такъ будемъ увлекать ихъ въ плѣнъ, который превосходнѣе свободы. Впрочемъ это часто и непрестанно говорится нами, только рѣдко исполняется. Но исполняется, или нѣтъ,—нашъ долгъ непрестанно напоминать объ этомъ, такъ какъ, если иные, для обольщенія другихъ, говорятъ столько увлекательныхъ рѣчей, то тѣмъ болѣе ведущимъ къ истинѣ не слѣдуетъ утомляться, возвѣщая полезное. Если вводящіе въ заблужденіе употребляютъ столько усилій къ достиженію своей цѣли, расточаютъ имущество, прибѣгаютъ къ искуству краснорѣчія, подвергаются опасностямъ и сами являются впереди всѣхъ, то тѣмъ болѣе намъ, отклоняющимъ отъ заблужденія, должно терпѣть и опасности, и смерть, и все, чтобы, доставивъ пользу и себѣ и другимъ и оставшись непобѣдимыми отъ враговъ нашихъ, спо-

добиться обѣтованныхъ благъ, благодатію и человѣколюбіемъ (Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь).

БЕСѢДА VII.

53 **Премудрость же глаголемъ въ совершенныхъ: премудрость же не вѣка сего, ни князей вѣка сего престающихъ: но глаголемъ премудрость Божію въ тайнѣ, сокровенную, юже предъустави Богъ прежде вѣкъ въ славу нашу (1 Кор. II, 6, 7).**

1. Для больныхъ глазами мракъ кажется лучше свѣта; потому они любятъ находиться болѣе въ темныхъ жилищахъ. Тоже произошло и съ духовною премудростію: премудрость Божія язычникамъ казалась безуміемъ, а ихъ мудрость, которая дѣйствительно есть безуміе, почиталась ими мудростію. Съ ними случилось тоже, какъ если бы кто, зная искусство кормчаго, обѣщался переплыть безпредѣльное море безъ корабля и парусовъ и старался бы умствованіями своими доказать, что это возможно, а другой, совершенно неопытный, сѣвши на корабль и ввѣривъ себя кормчему и мореплавателямъ, совершилъ бы такимъ образомъ плаваніе безопасно. Кажущееся невѣдѣніе послѣдняго было бы мудрѣе мудрости перваго. Умѣнье править рулемъ, конечно, прекрасно; но когда оно обѣщаетъ слишкомъ много, то становится
54 безуміемъ; таково же и всякое знаніе, не удерживающееся въ своихъ предѣлахъ.

Такъ и внѣшняя мудрость была бы мудростію, если бы приняла Духа; но такъ какъ она все присвояла себѣ и думала, что не имѣетъ нужды въ высшей помощи, то сдѣлалась безуміемъ, хотя и казалась мудростію. Потому Павелъ, напередъ обличивъ ее самыми дѣлами, потомъ назвалъ ее безуміемъ, а премудрость Божію напередъ назвалъ *буйствомъ*, согласно съ мнѣніемъ язычниковъ, потомъ же доказываетъ, что она есть истинная мудрость,— а послѣ доказательствъ ужъ весьма легко посрамлять противниковъ,—и говоритъ: *премудрость же глаголемъ въ совершенныхъ*. Если я, почитаемый безумнымъ и проповѣдникомъ безумія, побѣдилъ мудрыхъ, то побѣдившая мудрость есть не безуміе, но совершеннѣйшая мудрость и настолько превосходнѣе внѣшней мудрости, что та кажется безуміемъ. Назвавъ ее сначала такъ, какъ называли ее тогда язычники, и доказавъ превосходство ея самыми
55 дѣлами, а ихъ обличивъ въ крайнемъ безуміи, онъ потомъ назы-

ваетъ ее свойственнымъ ей именемъ и говоритъ: *премудрость же глаголемъ въ совершенныхъ*. Премудростію онъ называетъ проповѣдь и способъ спасенія посредствомъ креста; совершенными же называетъ вѣрующихъ. Дѣйствительно совершенны тѣ, которые знаютъ, что все человѣческое весьма немощно, презираютъ все это и увѣрены, что оно не служитъ имъ ни къ чему; а таковы вѣрующіе. *Премудрость же не вѣка сего.* Къ чему въ самомъ дѣлѣ полезна внѣшняя мудрость, которая ограничивается здѣшнимъ міромъ и далѣе его не простирается, даже и здѣсь не можетъ принести никакой пользы обладающимъ ею? *Князьями вѣка* онъ называетъ здѣсь не бѣсовъ, какъ думаютъ нѣкоторые, но людей, облеченныхъ отличіями и властію и почитающихъ ее чѣмъ-то весьма важнымъ, философовъ, риторовъ и писателей, которые тоже часто обладали властію и бывали народными вождями. Князьями же *вѣка сего* называетъ ихъ потому, что власть ихъ не простирается далѣе настоящаго вѣка; потому и присовокупляетъ: *престающихъ*, и такимъ образомъ доказываетъ ничтожность внѣшней мудрости какъ самымъ ея свойствомъ, такъ и свойствомъ тѣхъ, которые обладаютъ ею. Доказавъ, что она ложна и безумна, что она не можетъ открыть ничего, что она безсильна, теперь онъ показываетъ, что она и кратковременна. *Но глаголемъ премудрость Божію въ тайнѣ.* Въ какой тайнѣ? Христосъ говорилъ: *еже во уши слышите, проповѣдите на кровѣхъ* (Мѳ. x, 17). Почему же Павелъ называетъ ее тайною? Потому, что ни ангелъ, ни архангелъ, и никакая другая сотворенная сила не знала ея прежде, нежели она открылась. Потому апостолъ и говоритъ: *да скажется нынѣ началомъ и властемъ на небесныхъ Церковію многоразличная премудрость Божія* (Ефес. III, 10). Богъ такъ почтилъ насъ, что и они услышали ее вмѣстѣ съ нами; и мы въ отношеніи къ друзьямъ считаемъ знакомъ нашей дружбы съ ними то, когда никому прежде нихъ не открываемъ тайны. Пусть внимаютъ тѣ, которые хвалятся проповѣдію, безъ разбора предлагаютъ всѣмъ бисеръ ученія, бросаютъ святыню псамъ и свиньямъ, и притомъ съ излишними мудрованіями. Тайна не допускаетъ прикрасъ, но какова есть, такою точно и возвѣщается; она не будетъ уже тайною божественною и неповрежденною, если ты прибавишь къ ней что-нибудь отъ себя. Тайною она называется и потому, что мы созерцаемъ въ ней не то, что видимъ, но одно видимъ, а другому вѣруемъ. Таково свойство нашихъ таинствъ. Иначе смотрю на нихъ я, иначе невѣрный. Слышу я, что Христосъ распятъ, и удивляюсь Его человѣколюбію; слышитъ невѣрный, и считаетъ это безсиліемъ. Слышу я, что Христосъ сдѣлался рабомъ, и удивляюсь Его промышленію; слышитъ невѣрный, и считаетъ это безчестіемъ. Слышу я, что Христосъ

умеръ, и изумляюсь Его могуществу, какъ Онъ, подвергшись смерти, не былъ удержанъ ею, но еще разрушилъ смерть; слышитъ невѣрный, и приписываетъ это Его немощи. Слыша о воскресеніи, онъ называетъ это баснею; а я, удостовѣряясь въ томъ самыми событіями, поклоняюсь домостроительству Божію. Слыша о крещеніи, онъ представляетъ одну воду; а я вижу не только видимое, но и невидимое очищеніе души, совершаемое Духомъ. Онъ думаетъ, что у меня только омыто тѣло; а я вѣрую, что и
56 душа стала чистою и святою, и представляю гробъ, воскресеніе, освященіе, оправданіе, искупленіе, усыновленіе, наслѣдіе, небесное царствіе, дарованіе Духа, такъ какъ я взираю на видимое не простымъ зрѣніемъ, но очами духовными. Говорится о тѣлѣ Христовомъ, и иначе разумѣю сказанное я, иначе невѣрный.

2. Дѣти, видя книгу, не понимаютъ значенія написаннаго и не разумѣютъ того, что видятъ, тоже бываетъ и со всякимъ человѣкомъ безграмотнымъ; между тѣмъ знающій грамоту найдетъ въ написанномъ смыслъ, цѣлыя жизнеописанія и повѣствованія; также, получивши письмо, безграмотный увидитъ только бумагу и чернила, а грамотный услышитъ голосъ отсутствующаго, будетъ бесѣдовать съ нимъ, и самъ посредствомъ письма отвѣтитъ ему, что угодно. Тоже бываетъ и съ таинствами: невѣрные, слыша о нихъ, какъ будто не слышатъ; а вѣрующіе, будучи научены Духомъ, разумѣютъ силу сокровеннаго. Потому Павелъ говоритъ, что и нынѣ *есть покровено благовѣствованіе: въ гибнущихъ бо*, говоритъ, *есть покровено* (1 Кор. IV, 3). Съ другой стороны, словомъ *тайна* онъ выражаетъ, что проповѣдь есть нѣчто необычайное; такъ обыкновенно Писаніе называетъ то, что бываетъ сверхъ чаянія и превышаетъ человѣческое разумѣніе. Потому и въ другомъ мѣстѣ говорится: *тайна моя и мнѣ и моимъ*; и опять Павелъ говоритъ: *се тайну вамъ глаголю: вси бо не успнемъ, вси же измѣнимся* (1 Кор. XV, 51). Хотя она проповѣдуется вездѣ, но, не смотря на то, она—тайна. Намъ и заповѣдано говорить съ кровлей то, что мы *слышали во уши* (Мѳ. X, 17), и повѣлено *не давать святая псомъ, и не метать бисеръ предъ свиніями* (VII, 6), потому что одни—люди душевные и не разумѣютъ, другіе имѣютъ покрывало на сердцѣ своемъ и не видятъ. Слѣдовательно тѣмъ болѣе тайна то, что хотя и проповѣдуется вездѣ, но не постигается не имѣющими здраваго разумѣнія, и открывается не съ помощію мудрости, но Духомъ Святымъ, сколько мы можемъ вмѣстить. Потому не погрѣшитъ тотъ, кто и вслѣдствіе этого назоветъ ее недовѣдомою тайною,—вѣдь и намъ вѣрующимъ не дано полное и совершенное вѣдѣніе, какъ говоритъ Павелъ: *отчасти разумѣваемъ и отчасти пророчествуемъ. Видимъ убо нынѣ*

якоже *зерцаломъ въ гаданіи, тогда же лицемъ къ лицу* (1 Кор. XIII, 9, 12). Потому онъ и говоритъ: *глаголемъ премудрость въ тайнѣ сокровенную, юже предъустави Богъ прежде вѣкъ въ славу нашу. Сокровенную*, т. е. такую, которой прежде насъ не зналъ никто изъ горнихъ силъ, или которой и нынѣ многіе не знаютъ. Это и выражаютъ слова: *юже предъустави въ славу нашу*; а въ другомъ мѣстѣ говоритъ: *въ славу Его* (Ефес. I, 12), потому что Богъ почитаетъ наше спасеніе Своею славою, также и Своимъ богатствомъ, хотя самъ есть сокровище благъ и ни въ комъ не нуждается, чтобы быть богатымъ. *Предъустави*, говоритъ, выражая этимъ попеченіе Божіе о насъ. Обыкновенно тѣ почитаются наиболѣе пекущимися о насъ и любящими насъ, которые издавна расположены дѣлать намъ добро, какъ поступаютъ и родители съ дѣтьми: они хотя отдаютъ имъ имущество впослѣдствіи, но бываютъ расположены къ тому за долгое время и съ самаго начала. Такъ и Павелъ старается здѣсь показать, что Богъ любилъ насъ издревле и всегда, даже и тогда, когда мы еще не существовали; если бы Онъ не любилъ насъ, то не предназначилъ 57
бы намъ богатства. Потому не думай о минувшей враждѣ,—любовь древнѣе ея. Слова: *прежде вѣкъ*—означаютъ вѣчность, подобно тому, какъ и въ другомъ мѣстѣ говорится: *сый прежде вѣкъ* (Пс. LIV, 20). Также доказано будетъ, что и Сынъ вѣченъ, потому что о немъ говорится: *имже и вѣки сотвори* (Евр. I, 2); это значитъ, что Онъ существуетъ прежде вѣковъ, потому что Творецъ, безъ сомнѣнія, существуетъ прежде тварей. *Юже никтоже отъ князей вѣка сего разумѣ: аще бо быша разумѣли, не быша Господа славы распяли* (ст. 8). Но если они распяли по неразумію, то, значитъ, они не виновны? И еще: если они не разумѣли, то почему Христосъ говорилъ имъ: *и Мене вѣсте, и вѣсте, откуда есмь* (Іоан. VII, 28)? Писаніе говоритъ о Пилатѣ, что онъ не уразумѣлъ; вѣроятно и Иродъ также не уразумѣлъ. Ихъ и можно назвать *князьями вѣка сего*. Если же кто скажетъ, что здѣсь говорится объ іудеяхъ и священникахъ, тотъ не погрѣшитъ; и имъ сказалъ Христосъ: *ни Мене вѣсте, ни Отца Моего* (Іоан. VIII, 19). Какъ же Онъ выше сказалъ: *и Мене вѣсте, и вѣсте, откуду есмь?* Впрочемъ какой смыслъ того и другого изреченія, объ этомъ уже сказано при изъясненіи Евангелія; а потому, чтобы часто не повторять одного и того же, туда отсылаемъ желающихъ.

3. Что же? Отпущенъ ли іудеямъ грѣхъ ихъ касательно креста, по слову Христову: *отпусти имъ* (Лук. XXIII, 34)? Если они покаялись, то отпущенъ. И Павелъ, воздвигшій множество рукъ на Стефана и гнавшій Церковь, сдѣлался защитникомъ Церкви.

Такъ отпущенъ былъ грѣхъ и тѣмъ изъ нихъ, которые захотѣли покаяться, о чемъ и Павелъ говоритъ: *глаголю убо: еда согрѣшиша, да отпадутъ? Да не будетъ.* И опять: *еда отрину Богъ люди своя, ихже прежде разумѣ? Да не будетъ.* Затѣмъ въ доказательство того, что и для нихъ не закрыто покаяніе, приводитъ собственное обращеніе: *ибо и азъ Израильтянинъ есмь* (Рим. XI, 1, 2, 11). Слово: *не разумѣша*, мнѣ кажется, сказано здѣсь не относительно Христа, но относительно дѣла домостроительства Божія, т. е. они не разумѣли того, что значили смерть и крестъ. И здѣсь Христосъ не сказалъ: не вѣдятъ Меня, но: *не вѣдятъ что творятъ*, т. е., не разумѣютъ совершающагося домостроительства и таинства. Они не понимали, что крестъ такъ просіяетъ, что имъ совершится спасеніе вселенной и примиреніе Бога съ людьми, что городъ ихъ будетъ взятъ и что они подвергнутся крайнимъ бѣдствіямъ. *Премудростію* Павелъ называетъ и Христа, и крестъ, и проповѣдь. Но не напрасно онъ называетъ здѣсь Христа *Господомъ славы*. Такъ какъ крестъ казался знакомъ безславія, то онъ показываетъ, что въ крестѣ великая слава. Большая нужна была мудрость, чтобы не только познать Бога, но и уразумѣть такое домостроительство Божіе; внѣшняя же мудрость была препятствіемъ не только къ первому, но и къ послѣднему. *Но, якоже есть писано, ихже око не видѣ, и ухо не слыша, и на сердце человѣку не взыдоша, яже уготова Богъ любящымъ Его* (ст. 9).

58 Гдѣ это написано? Такъ говорится и тогда, когда что-нибудь изображено не словами, а самыми дѣйствіями, какъ напр. въ повѣствованіяхъ, или когда выражена та же мысль, хотя и не тѣми же словами, какъ здѣсь; напримѣръ слова: *имже не возвѣстися о немъ, узрятъ, и иже не слышаша, уразумѣютъ* (Ис. V, 15)— означаютъ тоже, что и слова: *ихже око не видѣ, и ухо не слыша.* Такимъ образомъ апостолъ или это выражаетъ, или, можетъ быть, дѣйствительно было написано въ книгахъ, но самыя книги утратились. Въ самомъ дѣлѣ, многія книги потеряны и только немногія сохранились, еще во время перваго плѣненія. Это видно изъ книги Паралипоменонъ. Такъ апостолъ говоритъ, что *отъ Самуила и иже по сихъ вси пророцы предвозвѣстиша* о Немъ (Дѣян. III, 24); но этого не видно, между тѣмъ Павелъ, какъ свѣдущій въ законѣ и говорившій по внушенію Духа, вѣроятно, зналъ все въ точности. Но что я говорю о плѣненіи? Многія книги были потеряны еще прежде плѣненія, когда іудеи впали въ крайнее нечестіе. Это видно изъ конца четвертой книги Царствъ, гдѣ говорится, что Второзаконіе едва было найдено гдѣто въ нечистомъ мѣстѣ (23, 24). Притомъ есть много пророчествъ различнаго значенія, которыя понятны только мудрѣйшимъ и въ

которыхъ можно находить многое, неясное для другихъ. Что же? Ужели око не видало того, что уготовалъ Богъ? Точно не видало: кто изъ людей видѣлъ имѣвшее быть домостроительство Божіе? Ужели и ухо не слыхало и на сердце человѣку не входило? Такъ ли это? Если пророки предвозвѣстили, то какъ ухо не слыхало и на сердце человѣку не входило? Точно не входило. Апостолъ говоритъ не о пророкахъ только, но о всемъ естествѣ человѣческомъ. Какъ? Ужели и пророки не слыхали? Они слышали, но пророческій слухъ ихъ не былъ слухомъ человѣческимъ; они слышали не какъ люди, но какъ пророки. Потому и говоритъ Исаія: *приложи ми ухо, еже слышати* (L, 4), разумѣя приложеніе, даруемое Духомъ. Отсюда видно, что прежде, нежели они услышали, человѣку и на сердце не входило, такъ какъ послѣ дарованія Духа сердце пророковъ было не сердцемъ человѣческимъ, но сердцемъ духовнымъ, какъ и самъ Павелъ говоритъ: *умъ Христовъ имамы* (1 Кор. II, 16). Смыслъ словъ его слѣдующій: прежде, нежели намъ дарованъ Духъ и открыты недовѣдомыя тайны, не разумѣлъ ихъ никто ни изъ насъ, ни изъ пророковъ. И могло ли быть иначе, если не знали ихъ даже ангелы? Что же послѣ этого говорить о князьяхъ вѣка сего, если никто изъ людей и даже горнія силы не знали этого? Чего? Того, что кажущимся безуміемъ проповѣди будетъ побѣждена вселенная, обращены народы, совершено примиреніе Бога съ людьми и дарованы намъ столь великія блага. Какъ же мы познали это? *Намъ же*, говоритъ, *Богъ открылъ есть Духомъ своимъ* (ст. 10). Не внѣшнею мудростію, которой, какъ презрѣнной рабѣ, не дозволено входить внутрь и проникать въ тайны Господни.

4. Видишь ли, какое различіе между тою и другою мудростію? Одна научила насъ тому, чего не знали ангелы; а внѣшняя сдѣлала противное: не только не научила, но еще служила къ тому 59
препятствіемъ и, когда уже все совершилось, затмѣвала событія и уничижала крестъ. Такимъ образомъ Павелъ воздаетъ намъ честь, показывая, что мы не только научились, и притомъ вмѣстѣ съ ангелами, но и научились отъ самого Духа. Далѣе, показывая важность знанія, говоритъ, что если бы намъ не открылъ этого Духъ, знающій тайны Божія, то мы и не познали бы. Такъ Богъ благоволилъ хранить это дѣло въ тайнѣ. Потому мы имѣли нужду въ такомъ учителѣ, который бы зналъ это ясно. *Духъ бо*, говоритъ, *вся испытуетъ, и глубины Божія. Кто бо вѣсть отъ человѣкъ яже въ человѣцѣ, точію духъ человѣка, живущій въ немъ? Такожде и Божія никто же вѣсть, точію Духъ Божій. Мы же не духа міра сего пріяхомъ, но Духа иже отъ Бога, да вѣмы яже отъ Бога дарованная намъ* (ст. 11, 12). Здѣсь слово *испытуетъ* озна-

чаетъ не незнаніе, а точное знаніе; такое же выраженіе онъ употребляетъ и о Богѣ, когда говоритъ: *испытаяй же сердца вѣсть, что есть мудрованіе Духа* (Рим. VIII, 27). Сказавъ о совершенномъ знаніи Духа, показавъ, что оно равно знанію Божію, какъ знаніе человѣческое равно самому себѣ, и доказавъ, что мы познали все отъ Него, и не иначе, какъ отъ Него, онъ продолжаетъ: *яже и глаголемъ не въ наученыхъ человѣческія премудрости словесѣхъ, но въ наученыхъ Духа Святаго, духовная духовными сразсуждающе* (ст. 13). Видишь ли, какъ онъ возвеличилъ насъ достоинствомъ Учителя? Мы настолько мудрѣе язычниковъ, насколько Платонъ отстоитъ отъ Святого Духа. Они имѣютъ своими учителями риторовъ, а мы—Святого Духа. Что значитъ: *духовная духовными сразсуждающе*? Если касательно духовнаго встрѣчается какое-либо недоумѣніе, то мы приводимъ и объясненія отъ предметовъ духовныхъ; напримѣръ: я говорю, что Христосъ воскресъ, что Онъ родился отъ Дѣвы, и для объясненія привожу свидѣтельства и прообразованія, пребываніе Іоны внутри кита и послѣдующее освобожденіе, рожденіе безплодными женами, Саррой, Ревеккой и другими, произрастеніе деревъ въ раю, тогда какъ еще не были брошены сѣмена, не проливались дожди, не были проведены борозды. Будущія событія были начертаны и прообразованы, какъ бы въ тѣни, прежними, чтобы увѣровали въ нихъ послѣ ихъ исполненія. Показываю и еще, какъ человѣкъ произошелъ изъ земли, какъ безъ всякаго совокупленія жена произошла отъ одного мужа, какъ самая земля произошла изъ ничего, какъ вездѣ и во всемъ достаточно было могущества Создателя. Такъ я объясняю духовное духовнымъ и нигдѣ не прибѣгаю къ внѣшней мудрости, къ разсужденіямъ и умозаключеніямъ. Языческіе мудрецы напрягаютъ и терзаютъ слабый разумъ свой, и никакъ не могутъ объяснить того, о чемъ говорятъ, но еще дѣлаютъ противное, приводятъ въ большее замѣшательство, увеличиваютъ мракъ и недоумѣніе. Потому апостолъ и говоритъ: *духовная духовными сразсуждающе*. Видишь ли, какъ онъ доказываетъ, что внѣшняя мудрость излишня, и не только излишня, но даже враждебна и вредна? Это выразилъ онъ, когда сказалъ: *да не испразднится крестъ Христовъ*, и: *да вѣра ваша не въ мудрости человѣчестѣй будетъ*. А теперь доказываетъ, что тѣ, которые надѣются и во всемъ полагаются на нее, не могутъ познать ничего полез-
60 наго. *Душевенъ бо человѣкъ и пріемлетъ, яже Духа* (ст. 14). Потому прежде всего надобно отвергнуть ее (внѣшнюю мудрость). Какъ, скажешь, неужели внѣшняя мудрость достойна отверженія? Вѣдь и она—дѣло Божіе. А откуда это видно? Нѣтъ, не Богъ создалъ ее, но ты изобрѣлъ; мудростію же здѣсь апостолъ называетъ

чрезмѣрную пытливость и излишнее краснорѣчіе. А если скажешь, что онъ говоритъ здѣсь о разумѣ человѣческомъ, то и въ такомъ случаѣ твоя вина. Ты самъ унижаешь его, употребляя во зло, во вредъ себѣ и на противленіе Богу, и требуя отъ него того, чего онъ не имѣетъ. Ты хвалишься имъ и возстаешь противъ Бога,—поэтому Богъ и обличилъ его безсиліе. Такъ и сила тѣлесная—добро; но когда Каинъ употребилъ ее не такъ, какъ должно, то Богъ навелъ на него разслабленіе и трясеніе. Вино также—добро; но когда іудеи стали неумѣренно употреблять его, то священникамъ Богъ совершенно запретилъ его употребленіе. Такъ, когда и ты сталъ употреблять мудрость на противленіе Богу и приписалъ ей большую силу, нежели какую она имѣетъ, то Онъ, отклоняя тебя отъ человѣческаго упованія, показалъ ея безсиліе. Душевный человѣкъ—тотъ, кто все подчиняетъ холоднымъ умствованіямъ и не считаетъ нужною для себя высшую помощь; а это—безуміе. Богъ даровалъ намъ разумъ для того, чтобы онъ познавалъ и принималъ сообщаемое отъ Бога, а не для того, чтобы онъ считалъ самого себя достаточнымъ для себя. Прекрасны и полезны—глаза; но если бы они захотѣли видѣть безъ свѣта, то красота и собственная сила ихъ нисколько не принесли бы имъ пользы, но еще причинили бы вредъ. Такъ и душа, если захочетъ видѣть безъ Духа, то сама себѣ послужитъ препятствіемъ. Какъ же, скажешь, прежде она видѣла сама собою? Никогда она не видѣла сама, но имѣла предъ собою творенія, какъ бы книгу. Когда же люди, не восхотѣвъ идти путемъ, заповѣданнымъ отъ Бога, и изъ красоты видимаго познавать Творца, вручили скипетръ знанія умствованіямъ, то впали въ безсиліе и пучину нечестія, допустили бездну золъ и стали утверждать, что изъ ничего не бываетъ ничего, а все произошло изъ несозданнаго вещества, откуда и родились безчисленныя ереси. Въ самыхъ странныхъ нелѣпостяхъ они соглашались между собою, а въ томъ, что представляли себѣ нѣсколько здраво, хотя какъ бы въ тѣни, разногласили другъ съ другомъ, и оказались въ томъ и другомъ случаѣ смѣшными. Что изъ ничего не бываетъ ничего, это они почти всѣ единогласно утверждали и писали, и притомъ съ большимъ усердіемъ: такъ діаволъ опуталъ ихъ нелѣпостями! А о предметахъ полезныхъ, въ которыхъ они, повидимому, уразумѣвали нѣчто какъ бы въ гаданіи, они спорили между собою, какъ, напримѣръ, о томъ, что душа безсмертна, что добродѣтель не имѣетъ нужды ни въ чемъ внѣшнемъ, что люди бываютъ добрыми или злыми не по необходимости и не по опредѣленію судьбы.

5. Видишь ли злоухищреніе діавола? Когда онъ видѣлъ,

что люди говорятъ нѣчто нечестивое, то устроялъ всеобщее въ томъ согласіе, а когда видѣлъ, что они утверждаютъ нѣчто здравое, то возбуждалъ однихъ противъ другихъ, — для того, чтобы нелѣпое, будучи утверждаемо общимъ согласіемъ, не уничтожалось, а доброе, будучи понимаемо различно, истреблялось. Смотри, какъ душа всегда безсильна и недостаточна сама по себѣ. И это устроено не напрасно. Если она, будучи такою, думаетъ не имѣть нужды ни въ комъ и уклоняется отъ Бога, то до какого не дошла бы она безумія, если бы не была такою? Если она, получивъ тѣло смертное, хотѣла достигнуть слишкомъ
61 многаго, по ложному обѣщанію діавола: *будете яко бози* (Быт. III, 5), то какому не подверглась бы она паденію, если бы въ началѣ получила тѣло безсмертное? Она и послѣ этого, нечистыми устами манихеевъ, называла себя нерожденною и происшедшею изъ существа Божія; по той же болѣзни (гордости) она выдумала боговъ, признаваемыхъ язычниками. Потому-то, мнѣ кажется, и добродѣтель Богъ сдѣлалъ трудною для нея, чтобы обуздать ее и научить смиренію. А что это справедливо, покажемъ изъ примѣра израильтянъ, заключая отъ малаго къ великому. Когда израильтяне вели жизнь безбѣдную и наслаждались спокойствіемъ, то впадали въ нечестіе, не умѣя пользоваться своимъ благоденствіемъ. Что же Богъ? Онъ далъ имъ множество законовъ, чтобы обуздать ихъ своеволіе. Эти законы не вели къ добродѣтели, а только служили для нихъ какъ бы уздою, не позволявшею имъ предаваться праздности; вотъ, послушай, что говоритъ о нихъ пророкъ: *дахъ имъ заповѣди недобры*. Что значитъ: *недобры*? Не много способствующія добродѣтели; потому и прибавляетъ: *оправданія, въ нихже не будутъ живи* (Іез. XX, 25). *Душевенъ же человѣкъ не пріемлетъ яже Духа*. Справедливо: какъ тѣлесными глазами никто не можетъ видѣть того, что находится на небесахъ, такъ и душа сама по себѣ (не можетъ постигать) предметовъ духовныхъ. И что я говорю: на небесахъ? Даже и всего того, что находится на землѣ. Такъ, взирая издали на четырехъугольную башню, мы думаемъ, что она круглая; а такая мысль есть обманъ зрѣнія. Подобнымъ образомъ, если кто по одному умозаключенію станетъ судить о предметахъ отдаленныхъ, то послѣдуетъ великій смѣхъ; онъ не только не скажетъ, каковы они на самомъ дѣлѣ, но и почтетъ ихъ противоположными тому, каковы они дѣйствительно. Потому апостолъ и присовокупляетъ: *юродство бо ему есть*. Это происходитъ не отъ свойства предметовъ, но отъ слабости того, кто очами души не можетъ обнять ихъ величія. Далѣе прибавляетъ и причину: *не можетъ разумѣти, зане духовнѣ востязуется*, т. е. возвѣщаемое имъ требуетъ

вѣры и не можетъ быть постигнуто разумомъ, потому что величіе этого далеко превосходитъ нашъ слабый разумъ. Потому онъ говоритъ далѣе: *духовный же востязуетъ убо вся, а самъ той ни отъ единаго востязуется* (ст. 15). Видящій видитъ все и даже то, что относится къ невидящему; а что къ нему относится, того не видитъ никто изъ невидящихъ. Такъ и здѣсь: мы знаемъ и свое и все то, что относится къ невѣрнымъ, а они нашего не знаютъ. Мы знаемъ, каково свойство предметовъ настоящихъ и каково достоинство будущихъ, что будетъ съ міромъ впослѣдствіи, какое понесутъ наказаніе грѣшники и чѣмъ будутъ наслаждаться праведники; знаемъ, что блага настоящія не имѣютъ никакого достоинства, и обличаемъ ихъ ничтожность,—*востязать* значитъ вмѣстѣ и обличать, — а будущія вѣчны и неизмѣнны. Духовный знаетъ все это, и то, какое понесетъ наказаніе человѣкъ душевный въ жизни будущей, и то, чѣмъ будетъ наслаждаться вѣрующій, переселившись отсюда; а душевный не знаетъ ничего такого. Потому, для объясненія сказаннаго, апостолъ присовокупляетъ: *кто бо разумѣ умъ Господень, иже изъяснитъ и? Мы же умъ Христовъ имамы* (ст. 16), т. е. мы знаемъ то, что въ умѣ Христовомъ, чего Онъ хочетъ и что Онъ открылъ намъ. Такъ какъ апостолъ выше сказалъ, что Духъ открылъ намъ, то, чтобы кто не отвергъ Сына, присовокупляетъ, что и Христосъ открылъ, выражая не то, будто мы знаемъ все, что знаетъ Христосъ, но что все наше знаніе не есть человѣческое, и потому 62
подверженное сомнѣнію, но есть знаніе ума Христова и духовное.

6. Умъ, который мы на этотъ счетъ имѣемъ, есть Христовъ, т. е. знаніе, которое мы имѣемъ о предметахъ вѣры, есть знаніе духовное, а потому дѣйствительно никто о насъ судить не можетъ, такъ какъ человѣкъ душевный не можетъ знать предметовъ божественныхъ. Потому апостолъ и сказалъ: *кто бо разумѣ умъ Господень*, утверждая, что нашъ умъ на счетъ этихъ предметовъ есть Его умъ. И слова: *иже изъяснитъ и*—онъ прибавилъ не напрасно, но соотвѣтственно вышесказаннымъ словамъ: *духовный ни отъ единаго востязуется*. Если никто не можетъ узнать ума Божія, то тѣмъ болѣе учить и исправлять его; это и означаютъ слова: *иже изъяснитъ и*. Видишь ли, какъ разнообразно онъ опровергаетъ внѣшнюю мудрость и показываетъ, что духовный человѣкъ знаетъ и больше и лучше? Такъ какъ вышеприведенныя причины: *да не похвалится всяка плоть*; *буяя избра Богъ, да премудрыя посрамитъ*; *да не испразднится крестъ Христовъ*—для невѣрныхъ могли казаться не слишкомъ убѣдительными, сильными, необходимыми и полезными, то онъ приводитъ наконецъ главнѣйшую причину, т. е. что мы только такимъ

образомъ можемъ видѣть и познавать предметы высокіе, таинственные и находящіеся выше насъ; а разумъ оказался недостаточнымъ потому, что посредствомъ мірской мудрости мы не можемъ постигнуть того, что выше насъ. Не очевидно ли, какъ полезно принимать ученіе отъ Духа? Такое ученіе есть и самое легкое и самое ясное. *Мы же умъ Христовъ имамы*, т. е. духовный, божественный, не имѣющій въ себѣ ничего человѣческаго; не Платоново, или Пиѳагорово, но свое Христосъ сообщилъ нашему разуму. Устыдимся же, возлюбленные, и будемъ проводить жизнь добродѣтельную. Самъ Христосъ знакомъ великой дружбы представляетъ то, что Онъ открылъ намъ тайны: *не ктому*, говоритъ, *васъ глаголю рабы: вы друзи мои есте, яко вся, яже слышахъ отъ Отца, сказахъ вамъ*, т. е. ввѣрилъ вамъ (Іоан. XV, 14, 15). Если же и одно только довѣріе служитъ знакомъ дружбы, то подумай, какую любовь выразилъ Онъ, ввѣривъ намъ тайны не на словахъ только, но и сообщивъ ихъ намъ на самомъ дѣлѣ. Устыдимся же; и если не слишкомъ устрашаетъ насъ геенна, то пусть будетъ для насъ страшнѣе геенны — оказаться непризнательными и неблагодарными къ такому другу и благодѣтелю. Будемъ дѣлать все не какъ наемные рабы, а какъ сыны и свободные — изъ любви къ отцу, и перестанемъ прилѣпляться къ міру, чтобы посрамить язычниковъ. Желая теперь состязаться съ ними, я опасаюсь, чтобы, опровергая ихъ словами и истиною ученія, не подвергнуться намъ великому осмѣянію въ разсужденіи нашей жизни, такъ какъ они, находясь въ заблужденіи и ничему нашему не вѣруя, соблюдаютъ любомудріе, а мы совсѣмъ напротивъ. Впрочемъ стану говорить: можетъ быть, стараясь опровергнуть ихъ, мы постараемся оказаться лучше ихъ и по самой жизни. Прежде я говорилъ, что апостоламъ не пришло бы на мысль проповѣдывать то, что они проповѣдали, если бы они не имѣли благодати Божіей, и что они не только не совершили бы, но и не предприняли бы столь великаго дѣла. Будемъ
63 говорить и теперь объ этомъ же предметѣ и покажемъ, что имъ невозможно было бы предпринять и даже помыслить о томъ, если бы съ ними не было Христа, не потому только, что они слабые выступали противъ сильныхъ, немногіе — противъ многихъ, бѣдные — противъ богатыхъ, неученые — противъ мудрыхъ, но и потому, что велика была сила предразсудковъ. Вы знаете, что у людей нѣтъ ничего сильнѣе давней привычки, и слѣдовательно, если бы ихъ было и не двѣнадцать человѣкъ, если бы они были и не столь уничиженны, но хотя бы на ихъ сторонѣ была другая такая же вселенная и число людей, равное противникамъ и даже гораздо большее, и тогда это было бы трудно.

тѣмъ помогала привычка, а ихъ затрудняло нововведеніе. Ничто такъ не возмущаетъ душу, какъ введеніе чего-нибудь новаго и необычайнаго, хотя бы это служило къ пользѣ, особенно если это касается богослуженія и богопочтенія. Какъ сильно было это препятствіе, я объясню послѣ; а напередъ скажу, что со стороны іудеевъ было еще другое препятствіе. У язычниковъ апостолы ниспровергли боговъ и все ихъ ученіе; но съ іудеями разсуждали не такъ: изъ ученія ихъ многое отвергали, а Богу Законодателю повелѣвали покланяться; заповѣдуя почитать Законодателя, они говорили: не во всемъ повинуйся закону, данному отъ Него, какъ-то: касательно храненія субботы, обрѣзанія, приношенія жертвъ и другого подобнаго. Такимъ образомъ здѣсь не только жертвы были препятствіемъ, но и то, что они, заповѣдуя покланяться Богу, повелѣвали оставить многіе изъ Его законовъ. У язычниковъ же велика была сила привычки.

7. Если бы апостолы вышли противъ людей, коснѣющихъ въ привычкѣ только въ теченіе десяти лѣтъ, не говорю въ теченіе столь долгаго времени, противъ людей немногихъ, не говорю противъ всей вселенной, то и въ такомъ случаѣ совершить перемѣну было бы трудно. А тогда преданы были заблужденію философы и риторы, отцы и дѣды, прадѣды и дальнѣйшіе предки, земля и море, горы и долины, всѣ племена варваровъ и всѣ народы язычниковъ, мудрые и неученые, начальники и подчиненные, жены и мужи, юноши и старцы, господа и рабы, земледѣльцы и ремесленники, всѣ жители городовъ и селеній. Слыша проповѣдь, они могли бы сказать: что это значитъ? Неужели всѣ жители вселенной находятся въ заблужденіи, и софисты, и риторы, и философы, и писатели, и настоящіе и прежде бывшіе, послѣдователи Пиѳагора и Платона, военачальники, сановники и цари, древніе жители городовъ и ихъ основатели, варвары и эллины? Неужели двѣнадцать рыбарей, скинотворцевъ и мытарей мудрѣе всѣхъ ихъ? Кто могъ бы допустить это? Однако они не говорили этого и не думали, но согласились и признали, что мудрѣе всѣхъ были апостолы, которые потому всѣхъ и побѣдили. А какъ велика сила привычки, можешь видѣть изъ того, что она часто дѣйствовала сильнѣе заповѣдей Божіихъ. Что я говорю: заповѣдей? Даже благодѣяній Божіихъ. Такъ іудеи, получая манну, желали чеснока; пользуясь свободою, вспоминали о рабствѣ и часто жалѣли о Египтѣ по привычкѣ. Такъ велика сила привычки! Если хочешь видѣть это и изъ примѣровъ отъ внѣшнихъ, то о Платонѣ говорятъ, что онъ, хотя призналъ ученіе о богахъ заблужденіемъ, однако участвовалъ въ празднествахъ и во всемъ прочемъ, потому что не могъ преодо- 61

лѣтъ привычки и научился тому изъ примѣра учителя. И этотъ (Сократъ), будучи подозрѣваемъ въ нѣкоторыхъ нововведеніяхъ, не только не достигъ желаемаго, но и лишился жизни, хотя и говорилъ въ свое оправданіе. Сколько и теперь мы видимъ людей, которые коснѣютъ въ нечестіи по предразсудку и, будучи обвиняемы въ язычествѣ, не могутъ сказать ничего основательнаго, а только ссылаются на отцевъ, дѣдовъ и прадѣдовъ! Потому-то нѣкоторые изъ внѣшнихъ (языческихъ писателей) называли привычку второю природою. Но привычка въ предметахъ вѣры бываетъ еще сильнѣе; люди ничего не перемѣняютъ съ такимъ трудомъ, какъ богопочтеніе. Вмѣстѣ съ привычкою, не малымъ препятствіемъ былъ и стыдъ—учиться въ глубокой старости, и притомъ отъ людей, почитаемыхъ неразумными. И удивительно ли, что такъ бываетъ съ душею, когда привычка имѣетъ великую силу и надъ тѣломъ? При апостолахъ было еще другое, сильнѣйшее препятствіе: имъ нужно было не только измѣнить столь древнюю и давнюю привычку, но притомъ измѣнить съ опасностями. Они не просто отъ одной привычки склоняли къ другой, но отъ привычки безопасной — къ тому, что было сопряжено съ опасностями. Вѣрующій тотчасъ долженъ былъ лишиться имущества, подвергнуться изгнанію, удалиться изъ отечества, терпѣть крайнія бѣдствія, быть ненавидимымъ всѣми, сдѣлаться общимъ врагомъ и для своихъ и для чужихъ. Если бы они обращали отъ нововведенія къ прежнимъ обычаямъ, то и это дѣло было бы трудно; но склоняя отъ обычаевъ къ нововведенію, и притомъ съ такими бѣдствіями, представь, какія они встрѣчали препятствія. Между тѣмъ, кромѣ сказаннаго, имъ предстояло еще другое, не меньшее препятствіе, затруднявшее дѣло перемѣны. Кромѣ привычки и опасностей, самыя заповѣди ихъ были болѣе трудны, а то, отъ чего отклоняли они, было легко и удобно. Они призывали отъ прелюбодѣянія къ цѣломудрію, отъ пьянства къ посту, отъ смѣха къ слезамъ и сокрушенію, отъ любостяжанія къ нестяжательности, отъ пристрастія къ жизни къ смерти, отъ спокойствія къ опасностямъ, и во всемъ требовали крайняго воздержанія. *Сквернословіе*, говорили они, *и буесловіе и кощуны да не исходятъ изъ устъ вашихъ* (Еф. v, 4), и говорили это тѣмъ, которые ничего другого не знали, какъ только предаваться пьянству и пресыщенію, которыхъ празднества состояли не въ чемъ другомъ, какъ только въ сквернословіи, смѣхотворствѣ и всякихъ непристойностяхъ. Такимъ образомъ ученіе (апостоловъ) было тягостно не только потому, что требовало любомудрія, но и потому, что предлагаемо было людямъ, воспитаннымъ въ своеволіи, безстыдствѣ, пустословіи и

порочныхъ весельяхъ. Кто изъ привыкшихъ къ такой жизни не изумился бы, слыша: *иже не пріиметъ креста своего, и въ слѣдъ Мене грядетъ, нѣсть Мене достоинъ*, и: *не пріидохъ воврещи миръ, но мечь, и раздѣлити человѣка на отца своего, и дщерь на матерь свою* (Мѳ. x, 38, 34)? Кто не усумнился бы и не отошелъ бы прочь, слыша: *иже не отречется дома и отечества и имѣнія, нѣсть Мене достоинъ* (Лук. xiv, 26, 33)? Однако слышавшіе не только не изумлялись и не отходили прочь, но прибѣгали и устремлялись на дѣла трудныя и съ ревностію принимали заповѣдуемое. Кто изъ тогдашнихъ не удалился бы, слыша, что за *всякое слово праздное* мы отдадимъ отчетъ (Мѳ. xii, 36), что *всякъ, иже воз-* 65
зритъ на жену, ко еже вожделѣти ея, уже любодѣйствова съ нею (v, 28), что *гнѣваяйся всуе, верженъ будетъ въ геенну* (v, 22)? Однако всѣ прибѣгали, а многіе даже превосходили заповѣданное. Что же привлекало ихъ? Не явно ли, сила Того, кого апостолы проповѣдывали? Если бы было не такъ, а было бы напротивъ, если бы они были на мѣстѣ тѣхъ, а тѣ на мѣстѣ ихъ, то легко ли было бы привлечь противящихся? Нельзя сказать.

8. Такимъ образомъ все доказываетъ, что здѣсь дѣйствовала божественная сила. Иначе какъ, скажи мнѣ, убѣдили бы они людей изнѣженныхъ и сластолюбивыхъ вести жизнь суровую и строгую? Таковы-то были заповѣди апостоловъ. Посмотримъ, не было ли привлекательно ихъ ученіе? И оно было таково, что могло отвратить невѣрныхъ. Проповѣдуя, что говорили они? Говорили, что должно покланяться Распятому и почитать Богомъ Того, который родился отъ жены іудеянки. Кто повѣрилъ бы имъ, если бы не содѣйствовала этому сила божественная? О томъ, что Христосъ распятъ и погребенъ, всѣ знали; а того, что Онъ воскресъ и вознесся, не видалъ никто, кромѣ апостоловъ. Но они, скажешь, воспламеняли людей обѣщаніями и увлекали обольстительными словами? Это самое, даже безъ всего вышесказаннаго, особенно и доказываетъ, что наше ученіе не ложно. Все непріятное предстояло здѣсь, а пріятное было обѣщаемо послѣ воскресенія. Это самое, повторю опять, и доказываетъ божественность нашей проповѣди. Почему никто изъ вѣрующихъ не говорилъ: я не принимаю и не могу снести этого; непріятнымъ ты угрожаешь мнѣ здѣсь, а пріятное обѣщаешь по воскресеніи? Откуда извѣстно еще, что будетъ воскресеніе? Кто изъ отшедшихъ возвращался сюда? Кто изъ умершихъ воскресалъ? Кто изъ нихъ сказалъ, что будетъ по отшествіи отсюда? Вѣрующіе ничего такого не думали, но и полагали души свои за Распятаго. Такимъ образомъ это самое особенно и служитъ доказательствомъ великой силы, что людей, никогда ничего подобнаго

не слышавшихъ; апостолы внезапно убѣждали въ столь великихъ истинахъ и дѣлали готовыми испытывать непріятное на дѣлѣ, а пріятное имѣть только въ надеждѣ. Если бы они обманывали, то поступали бы напротивъ: пріятное обѣщали бы здѣсь, а о непріятномъ, какъ настоящемъ, такъ и будущемъ, умалчивали бы. Такъ именно поступаютъ обманщики и обольстители: они не представляютъ ничего суроваго, непріятнаго и тягостнаго, а все напротивъ; въ этомъ и состоитъ обманъ. Но многіе, скажешь, по неразумію повѣрили сказанному? Что ты говоришь? Пока они были язычниками, до тѣхъ поръ не были неразумными, а когда обратились къ намъ, то стали неразумными? Но апостолы взяли и привели къ вѣрѣ не другихъ людей и не изъ другой вселенной. Притомъ эти люди держались язычества безопасно, а принятіе нашего ученія сопряжено было для нихъ съ опасностями. Слѣдовательно, если они держались язычества съ разумнымъ убѣжденіемъ, то, живя въ немъ столь долгое время, не отступили бы отъ него, тѣмъ болѣе, что отступить отъ него было не безопасно. Нѣтъ, они по самому существу вещей разумѣли, что язычество смѣшно и нелѣпо, и потому, не смотря на угрожавшую имъ смерть, отступали отъ своихъ обычаевъ и прибѣгали къ новому ученію, видя, что послѣднее согласно съ природою,
66 а первое противно природѣ. Но вѣровавшими, скажешь, были рабы, женщины, кормилицы, старухи и евнухи? Нѣтъ, не изъ такихъ только людей составилась наша Церковь, какъ извѣстно всѣмъ; если бы и изъ такихъ, то это и дѣлаетъ особенно чудною проповѣдь, что рыбари, люди самые необразованные, могли внезапно убѣждать къ принятію такого ученія, котораго никакъ не могъ изобрѣсти Платонъ съ своими послѣдователями. Если бы они убѣждали только мудрыхъ, это еще не было бы удивительно; а если слугъ, старухъ и евнуховъ они приводили къ такому любомудрію, что дѣлали ихъ подобными ангеламъ, то въ этомъ заключается величайшее доказательство ихъ божественнаго вдохновенія. Если бы они преподавали что-нибудь маловажное, то убѣжденіе такихъ людей можно было бы приводить въ доказательство низости ученія; а если они любомудрствовали о предметахъ важныхъ и высокихъ, даже превышающихъ человѣческую природу и доступныхъ для ума высокаго, то чѣмъ менѣе разумными представишь убѣждавшихся, тѣмъ болѣе мудрыми и исполненными благодати Божіей окажутся убѣждавшіе. Но, скажешь, они убѣждали величіемъ обѣщаній? А это самое, скажи мнѣ, неужели не удивляетъ тебя, что они убѣждали людей ожидать наградъ и воздаяній послѣ смерти? Меня это приводитъ въ изумленіе. Но и это, скажешь, происходило отъ неразумія? Отъ

какого же неразумія, скажи мнѣ? Что душа безсмертна, что послѣ здѣшней жизни ожидаетъ насъ нелицепріятный судъ, и мы отдадимъ Богу, знающему самое сокровенное, отчетъ и въ словахъ, и въ дѣлахъ, и въ помышленіяхъ, и увидимъ наказаніе злыхъ и награжденіе добрыхъ,—такія убѣжденія означаютъ не неразуміе, но великое любомудріе.

9. Это самое, чтобы презирать блага настоящія, высоко цѣнить добродѣтель, ожидать наградъ не здѣсь, а простираться надеждами гораздо далѣе, имѣть душу столь твердую и исполненную вѣры, чтобы ни отъ какого настоящаго бѣдствія не ослабѣвать въ надеждахъ на будущее, это, скажи мнѣ, не есть ли знакъ великаго любомудрія? Хочешь ли видѣть силу самыхъ обѣтованій и предсказаній и истину прошедшаго и будущаго? Посмотри на золотую цѣпь (истинъ), разнообразно сплетенную отъ начала. (Христосъ) возвѣщалъ ученикамъ о Себѣ самомъ, о Церкви и будущихъ событіяхъ, и, возвѣщая, совершалъ чудеса.

Исполненіе сказаннаго Имъ служитъ доказательствомъ истинности и чудесъ Его и будущихъ обѣтованій. Чтобы это было яснѣе, представлю примѣры. Христосъ воскресилъ Лазаря, однимъ словомъ возвративъ ему жизнь. Онъ же сказалъ: *врата адова не одолѣютъ Церкви* (Мѳ. XVI, 18); также: *всякъ, иже оставитъ отца или матерь, сторицею пріиметъ въ вѣцѣ семъ, и животъ вѣчный наслѣдитъ* (Мѳ. XIX, 29). Здѣсь одно чудо—воскресеніе Лазаря, и два предсказанія, изъ которыхъ одно исполняется теперь, а другое исполнится въ будущемъ. Смотри же, какъ все это взаимно подтверждается. Кто не сталъ бы вѣрить, что Лазарь воскресъ, тотъ долженъ повѣрить этому чуду по предсказанію касательно 67
Церкви; вѣдь сказанное о ней за столько времени сбылось и исполнилось впослѣдствіи: врата адова дѣйствительно не одолѣли Церкви. Потому ясно, что изрекшій истину въ предсказаніи совершилъ и чудо, а совершившій чудо и исполнившій сказанное изрекъ истину и въ предсказаніи будущаго, т. е. что презирающій настоящія блага *сторицею пріиметъ, и животъ вѣчный наслѣдитъ*. Въ томъ, что уже совершилось и было сказано, заключается великій залогъ истинности и того, что имѣетъ исполниться въ будущемъ. Такимъ образомъ, заимствуя все это и подобное тому изъ Евангелій, будемъ говорить имъ (язычникамъ) и заграждать имъ уста. Если же кто скажетъ: отчего еще не совсѣмъ уничтожилось (языческое) заблужденіе?—на это мы отвѣтимъ: виновны въ томъ вы сами, дѣйствующіе противъ своего спасенія; а Богъ все устроилъ такъ, чтобы не осталось даже и слѣдовъ нечестія. Повторимъ теперь кратко сказанное. Что естественнѣе: слабымъ ли побѣждать сильныхъ, или напротивъ? Пред-

лагающимъ легкое, или трудное? Склоняющимъ къ дѣлу опасному, или безопасному? Вводящимъ что-либо новое, или подтверждающимъ прежніе обычаи? Ведущимъ на путь неудобный, или удобный? Отвергающимъ отеческія преданія, или внушающимъ нечуждое? Обѣщающимъ все пріятное по отшествіи отсюда, или обольщающимъ надеждами въ жизни настоящей? Немногимъ
63 (побѣждать) многихъ, или многимъ—немногихъ? Но, скажешь, и вы обѣщаете нѣчто здѣсь. Что же мы обѣщаемъ здѣсь? Отпущеніе грѣховъ и очищеніе банею пакибытія. Но и крещеніе доставляетъ больше благъ въ будущемъ; и Павелъ говоритъ: *умросте бо, и животъ вашъ сокровенъ есть со Христомъ въ Бозѣ. Егда же животъ вашъ явится, тогда и вы съ Нимъ явитеся въ славѣ* (Кол. ш, 3). Если же оно и здѣсь доставляетъ блага, какъ и дѣйствительно доставляетъ, то это особенно и чудно, что людей, совершившихъ безчисленное множество грѣховъ, какихъ никто другой не совершалъ, апостолы могли убѣдить, что всѣ ихъ нечистоты омоются, и они уже не будутъ давать никакого отчета въ грѣхахъ своихъ. Подлинно, это особенно и удивительно, что люди грубые убѣдились принять такую вѣру, питать благія надежды въ будущемъ, свергнуть прежнее бремя грѣховъ съ великимъ усердіемъ и немедленно приступить къ подвигамъ добродѣтели, не прилѣпляться ни къ чему чувственному, сдѣлаться выше всего плотского и принять дары духовные,—что персъ и сарматъ, мавръ и индіецъ познали чистоту души, силу и неизреченное человѣколюбіе Божіе, любомудріе вѣры, наитіе Святого Духа, ученіе о воскресеніи тѣлъ и жизни вѣчной. О всемъ этомъ и многомъ другомъ подобномъ рыбари научили любомудрствовать племена варварскія, просвѣтивъ ихъ таинствомъ крещенія. Будемъ же тщательно сохранять все это и говорить имъ (язычникамъ), а вмѣстѣ доказывать имъ это и собственною жизнію, чтобы намъ и самимъ спастись и ихъ обратить къ прославленію Бога, Которому слава во вѣки. Аминь.

БЕСѢДА VIII.

67 **И азъ, братіе, не могохъ вамъ глаголати яко духовнымъ, но яко плотянымъ, яко младенцемъ о Христѣ. Млекомъ вы напоихъ, а не брашномъ: ибо не у можасте. Но ниже еще можете нынѣ: еще бо плотстіи есте (1 Кор. ш, 1—3).**

1. Обличивъ внѣшнюю (языческую) мудрость и низложивъ всю происходящую отъ нея гордость, апостолъ переходитъ къ дру-

тому предмету. Они (коринѳяне) могли сказать: если бы мы проповѣдывали ученіе Платона, или Пиѳагора, или другого какого-либо философа, то ты справедливо могъ бы такъ много говорить противъ насъ; если же мы проповѣдуемъ о предметахъ духовныхъ, то для чего ты опровергаешь внѣшнюю мудрость? Какъ онъ на это отвѣчаетъ — послушай: *и азъ, братіе, не могохъ вамъ глаголати яко духовнымъ*. Если бы вы, говоритъ, были даже совершенны въ предметахъ духовныхъ, то и тогда не надлежало бы вамъ превозноситься, такъ какъ вы проповѣдуете не свое, не то, до чего вы сами достигли; а теперь вы и этого не знаете, какъ должно знать; вы только еще ученики, и притомъ послѣдніе изъ всѣхъ. Потому, если вы гордитесь внѣшнею мудростію, то она, какъ уже и доказано, не только не значитъ ничего, но и препятствуетъ вамъ въ познаніи предметовъ духовныхъ; если же гордитесь духовнымъ (знаніемъ), то и въ этомъ вы еще весьма несовершенны и стоите между послѣдними. Потому, говоритъ, *азъ не могохъ вамъ глаголати яко духовнымъ*. Не сказалъ: я не говорилъ,—чтобы не подумали, что это происходило отъ зависти, 68
но низлагаетъ ихъ высокомѣріе двоякимъ образомъ: во-первыхъ, тѣмъ, что они не знаютъ предметовъ духовныхъ совершенно, и во-вторыхъ, тѣмъ, что они сами причиною этого незнанія; къ этому присовокупляетъ, въ-третьихъ, что они и теперь еще не могутъ (знать ихъ). Если они не могли—вначалѣ, то это, можетъ быть, зависѣло отъ сущности самыхъ предметовъ, хотя и такого оправданія, какъ онъ доказалъ, представить они не могутъ: не потому, говоритъ, они не приняли высокихъ истинъ, что не могли принять, а потому, что они *плотяны*. Впрочемъ, вначалѣ это было еще не такъ предосудительно; а не достигнуть знанія предметовъ совершенныхъ въ теченіе столь долгаго времени— это уже знакъ крайней безпечности. Въ томъ же апостолъ обличаетъ и евреевъ, но не съ такою силою. Тѣ, говоритъ онъ, были такими по причинѣ прискорбныхъ обстоятельствъ, а эти по своимъ порочнымъ наклонностямъ; но то и другое не одно и то же. Тѣмъ онъ говоритъ такія же истины для назиданія, а этимъ—для ихъ возбужденія; этимъ говоритъ: *но ниже еще можете нынѣ*, а тѣмъ: *тѣмже оставлше начала Христова слово, на совершеніе да веденися;* и еще: *надѣемся же о васъ лучшихъ и придержащихся спасенія, аще и тако глаголемъ* (Евр. VI, 1, 9). Но какъ онъ называетъ плотскими людей, которые получили столько (даровъ) Духа и которыхъ онъ въ началѣ посланія превозносилъ такими похвалами? Точно также, какъ были плотскими тѣ, которымъ говоритъ Господь: *отъидите отъ Мене, не вѣмъ васъ, дѣлающіи беззаконіе* (Мѳ. VII, 69
23), хотя они изгоняли бѣсовъ, воскрешали мертвыхъ и изрекали

пророчества. Слѣдовательно и тотъ, кто совершалъ знаменія, можетъ быть плотскимъ. Такъ Богъ дѣйствовалъ и чрезъ Валаама, открывалъ будущее и фараону и Навуходоносору, и Каіафа пророчествовалъ, самъ не зная, что говорилъ, и другіе нѣкоторые изгоняли бѣсовъ Его именемъ, хотя сами не были съ Нимъ,—потому что все это бываетъ не для совершающихъ, а для другихъ. Часто это совершалось и чрезъ недостойныхъ. И удивительно ли, что это бываетъ чрезъ людей недостойныхъ для другихъ, если и чрезъ святыхъ (Богъ дѣйствуетъ для другихъ)? Такъ Павелъ говоритъ: *вся ваша суть, аще Павелъ или Аполлосъ или Кифа, или животъ или смерть* (1 Кор. III, 22); и еще: *той далъ есть овы убо апостолы, овы же пророки, овы же пастыри и учители, къ совершенію святыхъ, въ дѣло служенія* (Еф. IV, 12). Если бы этого не было, то всѣ безпрепятственно впадали бы въ погибель. Случается, что начальники бываютъ злы и невоздержны, а подчиненные добры и воздержны, міряне живутъ благочестиво, а священники порочно; и если бы благодать всегда искала достойныхъ, то не было бы ни крещенія, ни совершенія тѣла Христова, ни приношеній. Но теперь Богъ дѣйствуетъ и чрезъ недостойныхъ, и благодать крещенія нисколько не терпитъ вреда отъ жизни священника; иначе и пріемлющій терпѣлъ бы вредъ. Хотя это бываетъ рѣдко, однако бываетъ. Говорю это для того, чтобы кто-нибудь изъ предстоящихъ, наблюдая за жизнію священника, не соблазнялся касательно совершаемыхъ имъ таинствъ. Человѣкъ ничего не привноситъ въ нихъ отъ себя, но все — дѣло силы Божіей; Богъ дѣйствуетъ на васъ въ таинствахъ. *И азъ, братіе, не могохъ вамъ глаголати яко духовнымъ, но яко плотянымъ. Млекомъ вы напоихъ, а не брашномъ: ибо не у можасте.* Чтобы не подумали, что онъ изъ честолюбія сказалъ вышеприведенныя слова: *духовный востязуетъ убо вся,* и еще: *той ни отъ единаго востязуется,* и еще: *умъ Христовъ имамы,* и чтобы низложить гордость ихъ, Павелъ, смотри, что говоритъ: я не потому, говоритъ, умалчивалъ, чтобы не могъ сказать вамъ ничего больше, но потому, что вы *плотстіи есте. Но ниже еще можете нынѣ.*

2. Почему апостолъ не сказалъ: не хотите, но: *не можете?* Послѣднее онъ поставилъ вмѣсто перваго, такъ какъ они не могли потому, что не хотѣли, а это и служитъ для нихъ обвиненіемъ, для учителя же оправданіемъ. Если бы они не могли по природѣ, то можно было бы извинить ихъ; но такъ какъ они не могли по своей волѣ, то имъ нѣтъ прощенія. Далѣе онъ высказываетъ и признакъ, почему они плотскіе: *идѣже бо въ васъ зависти и рвенія и распри, не плотскіи ли есте, и по человѣку ходите* (ст. 3)? Онъ могъ бы укорять ихъ и въ прелюбодѣяніи и

въ невоздержаніи, но особенно указываетъ на тотъ грѣхъ, который теперь старается искоренить. Если же зависть дѣлаетъ плотскими, то всѣмъ намъ должно возрыдать, облечься во вретище и посыпать пепломъ. Кто въ самомъ дѣлѣ чистъ отъ этой страсти, если только могу по себѣ заключать о другихъ? Если зависть дѣлаетъ плотскими и препятствуетъ быть духовными даже такимъ людямъ, которые пророчествовали и совершали другія чудныя дѣла, то что̀ будетъ съ нами, которые и не имѣемъ та- 70
кой благодати и предаемся не только этому, но и другимъ важнѣйшимъ грѣхамъ? Отсюда мы научаемся, какъ справедливо сказалъ Христосъ, что *дѣлаяй злая не приходитъ къ свѣту* (Іоан. III, 20), что нечистая жизнь препятствуетъ познанію высокихъ истинъ, не позволяя разуму проявлять свою мыслительность. Какъ невозможно, чтобы заблуждающійся, но живущій хорошо, навсегда остался въ заблужденіи, такъ, напротивъ, ведущему жизнь порочную не легко возвыситься до познанія нашихъ догматовъ; но должно очиститься отъ всѣхъ страстей желающему постигнуть истину. Кто очистится отъ нихъ, тотъ избавится и отъ заблужденія и познаетъ истину. Не думай, что для этого тебѣ довольно только не быть корыстолюбивымъ и не прелюбодѣйствовать; нѣтъ, кто ищетъ истины, въ томъ должны соединиться всѣ добродѣтели. Потому и говоритъ Петръ: *поистинѣ разумѣваю, яко не на лица зритъ Богъ, но во всякомъ языцѣ боящйся Его, и дѣлаяй правду пріятенъ Ему есть*, т. е. такого человѣка Богъ призываетъ и привлекаетъ къ истинѣ (Дѣян. x, 34, 35). Павелъ не былъ ли ревностнѣе всѣхъ въ гоненіи и преслѣдованіи (вѣрующихъ)? Но такъ какъ онъ проводилъ жизнь безукоризненную и поступалъ такъ не по страсти человѣческой, то и былъ принятъ и превзошелъ всѣхъ. Если же кто скажетъ: почему такой-то язычникъ, добрый, милостивый и человѣколюбивый остается въ заблужденіи? — на это я отвѣчаю: потому, что онъ имѣетъ другую страсть, тщеславіе, или душевную лѣность, или нерадѣніе о собственномъ спасеніи, и думаетъ, что все съ нимъ бываетъ просто и случайно. Дѣлающимъ *правду* Павелъ называетъ того, кто во всемъ безупреченъ по правдѣ, предписанной закономъ (Фил. III, 6), и (въ другомъ мѣстѣ говоритъ): *благодарю Бога, Ему же служу отъ родителей чистою совѣстію* (2 Тим. I, 3). Но почему, скажешь, люди нечистые удостоились слышать проповѣдь? Потому, что они сами желали того и усердно желали. Богъ привлекаетъ къ Себѣ и заблуждающихся, если они очищаютъ себя отъ страстей; не отвергаетъ и тѣхъ, которые сами приходятъ къ Нему. Такъ многіе изъ предковъ нашихъ приняли благочестіе. *Идѣже бо въ васъ зависти и рвенія.* Здѣсь онъ обращается къ подчиненнымъ; въ предыду-

щихъ словахъ онъ обличалъ начальниковъ и говорилъ, что мудрость краснорѣчія не имѣетъ никакого достоинства, а теперь обличаетъ подчиненныхъ и говоритъ: *егда бо глаголетъ кто: азъ убо есмь Павловъ, азъ же Аполлосовъ, не плотстіи ли есте* (ст. 4)? Показываетъ, что это не только не принесло имъ никакой пользы, или пріобрѣтенія, но и воспрепятствовало полученію высшаго. Это именно произвела зависть; зависть сдѣлала ихъ плотскими; а когда они сдѣлались плотскими, то помѣшала слушать о высшихъ предметахъ. *Кто убо есть Павелъ, кто же ли Аполлосъ* (ст. 5)? Объяснивъ и доказавъ свою мысль, онъ уже открыто приступаетъ къ обличенію, и поставляетъ свое имя, чтобы смягчить суровость рѣчи и не оскорбить ихъ своими словами. Вѣдь если Павелъ—ничто, и не огорчается этимъ, то тѣмъ болѣе они не должны огорчаться. Такъ онъ успокоиваетъ ихъ двоякимъ образомъ: и представляя въ примѣръ самого себя, и ихъ не лишая всего, какъ ничего не сдѣлавшихъ; онъ уступаетъ имъ нѣчто, хотя и немногое, а именно, сказавъ: *кто есть Павелъ, кто же ли Аполлосъ?* присовокупляетъ: *но точію служителіе, имиже вѣровасте*. Это, конечно, само по себѣ важно и достойно великихъ наградъ, но въ сравненіи съ первообразомъ и источникомъ благъ—ничто,
71 потому что не тотъ благодѣтель, кто служитъ при раздаяніи благъ, а тотъ, кто сообщаетъ и даруетъ ихъ. Не сказалъ: благовѣстники, но: *служителіе*, что означаетъ болѣе. Они не просто благовѣствовали, но и служили намъ; первое требуетъ слова, а послѣднее заключаетъ въ себѣ и дѣло. Если и Христосъ—только служитель благъ, а не самъ виновникъ и источникъ ихъ,—что свойственно Ему, какъ Сыну,—то ясно, какъ надобно судить объ этомъ дѣлѣ.

3. Въ какомъ же смыслѣ апостолъ называетъ Христа *служителемъ обрѣзанія* (Рим. xv, 8)? Тамъ онъ говоритъ о домостроительствѣ Его по плоти и не въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы теперь говоримъ; тамъ подъ словомъ *служитель* разумѣется исполнитель, а не то, что Онъ не отъ Себя самого сообщаетъ блага. Не сказалъ: приведшіе васъ къ вѣрѣ, но: *имиже вѣровасте*, чтобы опять и вѣрующимъ воздать должное и показать, кто—служители. Если же (учители) служили другимъ, то могутъ ли они присвоять себѣ какія-либо достоинства? Впрочемъ, замѣть, онъ нигдѣ не осуждаетъ ихъ какъ присвояющихъ себѣ, но говоритъ противъ приписывающихъ имъ это; причина раздѣленія заключалась въ народѣ, такъ что если бы онъ не производилъ смятенія, то и тѣ перестали бы. Такимъ образомъ апостолъ поступилъ вдвойнѣ мудро: искоренилъ грѣхъ тамъ, гдѣ слѣдовало, и въ другихъ не возбудилъ къ себѣ негодованія и не подалъ

имъ повода къ словопреніямъ. *И комуждо якоже Господь даде.* И это малое дѣло зависѣло не отъ нихъ самихъ, а отъ Бога, даровавшаго имъ. Но неужели мы, могли бы они сказать, не должны любить служащихъ намъ? Такъ, говоритъ онъ, но надобно знать, до какой степени; дѣло ихъ не отъ нихъ самихъ, а отъ Бога, даровавшаго имъ: *азъ насадихъ, Аполлосъ напои, Богъ же возрасти* (ст. 6), т. е. я первый посѣялъ слово; а чтобы сѣмена не засохли отъ искушеній, Аполлосъ прибавилъ нѣчто съ своей стороны; но все было дѣломъ Божіимъ. *Тѣмже ни насаждаяй есть что, ни напаяяй, но возращаяй Богъ* (ст. 7). Видишь ли, какъ онъ смягчаетъ рѣчь свою, чтобы они не ожесточились, если бы онъ сказалъ: кто такой-то и такой-то? То и другое непріятно, т. е. сказать ли: кто такой-то и такой-то, или сказать: *ни насаждаяй есть что, ни напаяяй.* Чѣмъ же онъ смягчаетъ эти слова? Тѣмъ, что принимаетъ уничиженіе на свое лице: *кто убо есть Павелъ, кто же ли Аполлосъ*, и тѣмъ, что все относитъ къ Богу, даровавшему все: сказавъ, что онъ *насадилъ* и что *насаждаяй* есть ничто, присовокупляетъ: *но возращаяй Богъ.* Не останавливается и на этомъ, но для той же цѣли присовокупляетъ еще слѣдующее: *насаждаяй же и напаяяй едино суть* (ст. 8). Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ этимъ внушаетъ, чтобы они не превозносились другъ предъ другомъ. *Едино* называетъ ихъ въ томъ отношеніи, что они ничего не могутъ безъ возращающаго Бога. Этими словами онъ не дозволяетъ и много трудившимся превозноситься предъ тѣми, которые совершили менѣе, и послѣднимъ завидовать первымъ. Но чтобы не подать повода къ нерадѣнію тою мыслію, что всѣ, и много и мало трудящіеся, *едино суть,* онъ далѣе, смотри, какъ предупреждаетъ это: *кійждо же*, говоритъ, *свою мзду пріиметъ по своему труду.* Какъ бы такъ говоритъ: не бойся, когда я говорю, что они *едино суть*; они одно по отношенію къ дѣлу Божію, но не одно по трудамъ своимъ, а каждый *свою мзду пріиметъ.* Внушивъ то, что́ хотѣлъ, онъ потомъ еще болѣе смягчаетъ рѣчь и съ любовію говоритъ имъ пріятное столько, сколько можно. *Богу* 72
бо есмы споспѣшницы: Божіе стяжаніе, Божіе зданіе есте (ст. 9). Видишь ли, какъ онъ и имъ (учителямъ) приписываетъ не малое дѣло, доказавъ напередъ, что все принадлежитъ Богу? Онъ всегда увѣщевалъ повиноваться предстоятелямъ; потому не слишкомъ уничижаетъ и учителей. *Божіе стяжаніе есте.* Сказавъ: *азъ насадихъ,* онъ продолжаетъ метафору. Если же вы—Божія нива, то вамъ слѣдуетъ носить имя не воздѣлывающихъ, но Божіе, такъ какъ нива называется именемъ не земледѣльца, а господина ея. *Божіе зданіе есте.* Также и зданіе принадлежитъ не строителю, а господину. Если же вы—зданіе, то вамъ не должно

распадаться на части; иначе не будетъ и зданія. Если вы—нива, то вамъ не должно раздѣляться, но ограждаться однимъ оплотомъ единомыслія. *По благодати Божіей, даннѣй мнѣ, яко премудръ архитектонъ, основаніе положихъ* (ст. 10). Здѣсь, называя себя премудрымъ, онъ не превозноситъ самого себя, но представляетъ имъ примѣръ и показываетъ, что мудрому свойственно полагать одно основаніе. И, смотри, какъ онъ и здѣсь соблюдаетъ скромность. Назвавъ себя премудрымъ, онъ не приписалъ этого себѣ, но напередъ всего себя предалъ Богу, и тогда уже такъ назвалъ себя: *по благодати*, говоритъ, *Божіей, даннѣй мнѣ*. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ внушаетъ, что все—Божіе, и что благодать въ томъ особенно и состоитъ, чтобы не раздѣляться, но утверждаться на одномъ основаніи. *Инъ же назидаетъ: кійждо же да блюдетъ, како назидаетъ*. Здѣсь, мнѣ кажется, онъ обращаетъ ихъ къ подвигамъ въ жизни, послѣ того, какъ соединилъ ихъ и сдѣлалъ единымъ. *Основанія бо инаго никтоже можетъ положити паче лежащаго, еже есть Іисусъ Христосъ* (ст. 11). Не можетъ, пока онъ (истинный) строитель; а если положитъ, то онъ уже и не строитель.

4. Видишь, какъ онъ доказываетъ предложенную мысль и общежитейскими соображеніями. Слова его означаютъ слѣдующее: я возвѣстилъ Христа, далъ вамъ основаніе; смотрите, какъ вы строите на немъ, не съ тщеславіемъ ли, не съ цѣлію ли—отклонять отъ Него учениковъ и привлекать къ людямъ? Не будемъ же увлекаться ересями: *основанія бо инаго никто же можетъ положити паче лежащаго*. Будемъ строить на этомъ основаніи и держаться на немъ, какъ вѣтвь на виноградной лозѣ, и пусть не будетъ никакого раздѣленія между нами и Христомъ, потому что если отдѣлимся отъ Него, то немедленно погибнемъ. Вѣтвь втягиваетъ въ себя сокъ потому, что соединена съ лозою, и зданіе стоитъ потому, что связано; а что отрывается, то погибаетъ, потому что ни на чемъ не держится. Потому будемъ не просто держаться Христа, но прилѣпляться къ Нему: если отдѣлимся, погибнемъ. *Удаляющіи бо себе отъ Тебе погибнутъ*, говоритъ Писаніе (Псал. LXXII, 27). Будемъ же прилѣпляться къ Нему, и прилѣпляться дѣлами, потому что *соблюдаяй*, говоритъ Онъ, *заповѣди моя, той во Мнѣ пребываетъ* (Іоан. XIV, 20, 21). Онъ внушаетъ намъ единеніе съ Нимъ многими сравненіями. Смотри: Онъ глава, мы тѣло; между главою и тѣломъ можетъ ли быть какое-либо разстояніе? Онъ основаніе, мы зданіе; Онъ лоза, мы вѣтви; Онъ женихъ, мы невѣста; Онъ пастырь, мы овцы; Онъ путь, мы идущіе; мы храмъ, Онъ обитатель; Онъ первенецъ, мы братія; Онъ наслѣдникъ, мы сонаслѣдники; Онъ жизнь, мы живущіе; Онъ

воскресеніе, мы воскресающіе; Онъ свѣтъ, мы просвѣщаемые. 73
Все это означаетъ единеніе и не допускаетъ никакого раздѣленія, даже малѣйшаго, такъ какъ кто отдѣлился немного, тотъ потомъ отдѣлится и много. Такъ тѣло, получивъ хотя малую рану отъ меча, портится; зданіе, расщелившись хотя немного, разрушается; и вѣтвь, отломившись отъ корня хотя немного, дѣлается негодною. Такимъ образомъ, это малое есть уже не малое, но почти все. Потому, когда мы погрѣшимъ въ чемъ-нибудь маломъ, или почувствуемъ лѣность, не будемъ презирать этого малаго, потому что, будучи оставлено въ небреженіи, оно скоро сдѣлается великимъ. Такъ одежда, если начнетъ раздираться и будетъ оставлена въ небреженіи, вся раздирается; и кровля, если обнажится отъ нѣсколькихъ черепицъ и будетъ оставлена въ небреженіи, разрушаетъ весь домъ. Итакъ, представляя себѣ это, никогда не будемъ пренебрегать малыми грѣхами, чтобы не впасть въ великіе; если же по небреженію впадемъ даже въ бездну золъ, то и тогда не будемъ отчаиваться, чтобы не потерять ясности ума. Оттуда уже не легко выйти тому, кто не бодрствуетъ надъ собою тщательно, не только по причинѣ глубины этой бездны, но и по самому положенію. Грѣхъ—это бездна, которая увлекаетъ въ глубину и гнететъ. Какъ упавшіе въ колодезь не скоро могутъ выйти оттуда и имѣютъ нужду въ другихъ, которые бы вытащили ихъ, такъ точно и тотъ, кто впалъ въ глубину грѣховъ. Спустимъ же къ нимъ вервіе и извлечемъ ихъ оттуда; или лучше сказать, не въ другихъ только здѣсь нужда, но и въ насъ самихъ, чтобы и сами мы препоясали себя и поднялись не настолько, насколько ниспали, но, если хотимъ, и гораздо выше. Самъ Богъ—помощникъ, потому что *Онъ не хощетъ смерти грѣшника, но еже обратитися ему* (Iез. XVIII, 23). Итакъ никто не отчаивайся, никто не подвергайся этой болѣзни нечестивыхъ, которымъ этотъ грѣхъ свойственъ: *нечестивый*, сказано, *егда пріидетъ во глубину золъ, нерадитъ* (Притч. XVIII, 3).

Такимъ образомъ не отъ множества грѣховъ происходитъ отчаяніе, но отъ нечестиваго настроенія души. Поэтому, хотя бы ты впалъ во всѣ роды пороковъ, скажи самому себѣ: Богъ человѣколюбивъ и желаетъ нашего спасенія: *аще бо*, говоритъ Онъ, *будутъ грѣси ваши, яко багряное, яко снѣгъ убѣлю* (Ис. I, 18), т. е. измѣню въ противное состояніе. Не будемъ же отчаиваться; не столь опасно пасть, какъ упавши лежать; не столь страшно быть раненнымъ, какъ, будучи раненнымъ, не желать исцѣленія, потому что *кто похвалится чисто имѣти сердце? Или кто дерзнетъ рещи чиста себе быти отъ грѣховъ* (Притч. XX, 9)? Говорю это не

для того, чтобы сдѣлать васъ болѣе безпечными, но чтобы удержать васъ отъ отчаянія.

5. Хочешь ли знать, какъ благъ нашъ Владыка? Къ Нему пришелъ мытарь, виновный въ безчисленныхъ порокахъ, и, сказавъ только: *милостивъ буди мнѣ грѣшнику*, ушелъ оправданнымъ (Лук. xviii, 13). И чрезъ пророка Богъ говоритъ: *за грѣхъ мало что опечалихъ его, и видѣхъ яко опечалися, и пойде дряхлъ, и исцѣлихъ пути его* (Ис. lvii, 17, 18). Что можетъ сравниться съ такимъ человѣколюбіемъ? Потому только, говоритъ, что онъ опечалился,
74 Я простилъ грѣхи его. А мы не дѣлаемъ и этого, и тѣмъ особенно прогнѣвляемъ Бога. Онъ, умилостивляющійся малымъ, когда не видитъ и этого, справедливо гнѣвается и подвергаетъ насъ великому наказанію, потому что мы обнаруживаемъ крайнее небреженіе. Кто когда-нибудь скорбѣлъ о грѣхахъ? Кто воздыхалъ? Кто билъ въ перси свои? Кто сокрушался? Я не знаю никого. Люди непрестанно плачутъ объ умершихъ рабахъ, о потерѣ имущества, а погубляя каждый день душу свою, даже и не думаютъ о томъ. Какъ же ты можешь умилостивить Бога, если даже и не знаешь, что ты согрѣшилъ? Правда, говоришь ты, я грѣшенъ; но это говоришь однимъ языкомъ; говори же и сердцемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ воздыхай, чтобы тебѣ постоянно быть въ добромъ настроеніи. Вѣдь если бы мы скорбѣли о грѣхахъ, если бы воздыхали о прегрѣшеніяхъ, то ничто другое не печалило бы насъ, потому что эта скорбь отгоняетъ всякую печаль. Такимъ образомъ, отъ исповѣданія грѣховъ мы получили бы и другую пользу, ту, что не стали бы падать духомъ въ горестныхъ обстоятельствахъ настоящей жизни, ни надмѣваться въ радостныхъ; а чрезъ это много умилостивили бы Бога; между тѣмъ теперь дѣлами своими оскорбляемъ Его. Скажи мнѣ: если бы твой рабъ, претерпѣвая много зла отъ своихъ товарищей, не обращалъ никакого вниманія на другихъ, а заботился бы только о томъ, чтобы не прогнѣвать господина, то не могъ ли бы онъ этимъ однимъ утолить гнѣвъ твой? Напротивъ, если бы онъ нисколько не заботился о проступкахъ своихъ предъ тобою, а заботился бы только объ отношеніяхъ своихъ къ товарищамъ, то не подвергъ ли бы ты его еще большему наказанію? Такъ поступаетъ и Богъ: когда мы пренебрегаемъ гнѣвомъ Его, тогда Онъ являетъ на насъ сильнѣйшій гнѣвъ; а когда бываемъ внимательны, тогда смягчаетъ, или, лучше, прекращаетъ гнѣвъ свой. Онъ желаетъ, чтобы мы сами себя наказывали за грѣхи, и тогда Онъ уже не наказываетъ. Для того Онъ и угрожаетъ наказаніемъ, чтобы страхомъ истребить въ насъ нерадѣніе; и когда мы страшимся одной угрозы, то Онъ уже не попускаетъ намъ испытать

ее на самомъ дѣлѣ. Смотри, что говоритъ Онъ Іереміи: *еда не видиши, что сіи творятъ? Отцы ихъ зажигаютъ огонь, сынове ихъ собираютъ дрова, жены ихъ мѣсятъ муку* (Ерем. VII, 17, 18). Боюсь, чтобы и о насъ не было сказано того же: не видишь ли, что они дѣлаютъ? Никто не ищетъ ничего Христова, а всѣ—своего. Сыновья ихъ предаются распутству, отцы ихъ—любостяжанію и хищенію, жены ихъ—житейской суетѣ, не только не удерживая мужей своихъ, но и поощряя ихъ. Стань на торжищѣ, спроси уходящихъ и приходящихъ, и увидишь, что никто не заботится о предметахъ духовныхъ, а всѣ гоняются за плотскими. Доколѣ мы не пробудимся? Доколѣ будемъ объяты глубокимъ сномъ? Неужели мы еще не насытились зломъ? Впрочемъ и безъ словъ самый опытъ достаточно можетъ научить насъ, что все настоящее низко и ничтожно. Люди, занимавшіеся внѣшнею (языческою) мудростію и не знавшіе ничего будущаго, уразумѣвъ со- 75
вершенное ничтожество вещей настоящихъ, удалялись отъ нихъ. Какъ же можешь получить прощеніе ты, пресмыкающійся по землѣ и не презирающій малаго и преходящаго для великаго и вѣчнаго, ты, который слышалъ отъ самого Бога, открывшаго и внушившаго тебѣ это, и получилъ отъ Него такія обѣтованія? Что эти вещи не стоютъ привязанности, доказательствомъ тому служатъ тѣ, которые оставляли ихъ безъ надежды благъ большихъ. Въ самомъ дѣлѣ, какого ожидая богатства, они избирали бѣдность? Никакого; они очень хорошо знали, что такая бѣд- 76
ность лучше богатства. Какой жизни надѣясь, они оставляли роскошь и предавались строгому житію? Никакой; они, познавъ свойство вещей, уразумѣли, что отсюда великая польза и для душевнаго любомудрія и для тѣлеснаго здоровья. Итакъ, представляя себѣ это и непрестанно помышляя о благахъ будущихъ, перестанемъ прилѣпляться къ настоящимъ, чтобы намъ сподобиться тѣхъ будущихъ благъ, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА IX.

75 **Аще ли кто назидаетъ на основаніи семъ, злато, сребро, каменіе честное, дрова, сѣно, тростіе: когождо дѣло явлено будетъ. День бо явитъ, зане огнемъ открывается: и когождо дѣло, яковоже есть, огнь искуситъ. И егоже аще дѣло пребудетъ, еже назда, мзду пріиметъ: а егоже дѣло сгоритъ, отщетится: самъ же спасется такожде, якоже огнемъ (1 Кор. III, 12—15).**

1. Здѣсь представляется намъ вопросъ не маловажный, но касающійся предмета самаго необходимаго и изслѣдуемый всѣми людьми: будетъ ли имѣть конецъ огонь геенскій? Христосъ открылъ намъ, что этотъ огонь не имѣетъ конца: *огнь ихъ не угасаетъ, и червь ихъ не умираетъ* (Марк. IX, 45). Вижу, что вы содрогаетесь, слыша это; но что дѣлать? Богъ повелѣваетъ непрестанно возвѣщать это: *возвѣсти*, говоритъ, *людемъ симъ* (Ис. LVIII, 1). Мы поставлены на служеніе слова, и потому нужно говорить и непріятное слушателямъ; хотя и вопреки желанію, а нужно. Впрочемъ, если хотите, это не будетъ для васъ непріятно. *Аще благое твориши*, говоритъ (апостолъ), *не бойся* (Рим. XIII, 3). Слѣдовательно вы можете слушать насъ не только безъ страха, но и съ удовольствіемъ. Итакъ, Христосъ открылъ, что геенскій огонь не имѣетъ конца; и Павелъ утверждаетъ, что мученіе будетъ нескончаемое, когда говоритъ, что грѣшники *муку пріимутъ, погибель вѣчную* (2 Солун. I, 9); и еще: *не льстите себѣ: ни блудницы, ни прелюбодѣи, ни малакіи царствія Божія не наслѣдятъ* (1 Кор. VI, 9, 10). И къ евреямъ онъ говоритъ: *миръ имѣйте и святыню со всѣми, ихже кромѣ никтоже узритъ Господа* (Евр. XII, 14). Также Христосъ на слова: *именемъ твоимъ силы многи сотворихомъ*, скажетъ: *отыдите отъ Мене дѣлающіи беззаконіе: не вѣмъ васъ* (Мѳ. VII, 22, 23). И дѣвы, для которыхъ затворились двери, уже не могли войти; и о тѣхъ, которые не питали Его, Онъ говоритъ: *идутъ въ муку вѣчную* (Мѳ. XXV, 46).

Не говори мнѣ: гдѣ же справедливость, если мученіе не будетъ имѣть конца? Когда Богъ дѣлаетъ что-либо, повинуйся Его опредѣленіямъ и не подчиняй ихъ умствованіямъ человѣческимъ. Притомъ развѣ это несправедливо, если человѣкъ, получившій сначала тысячи благъ, а потомъ совершившій достойное наказанія и не сдѣлавшійся лучше ни отъ угрозъ, ни отъ благодѣяній, подвергается наказанію? Если ты требуешь справедливости, то по закону правды намъ слѣдовало еще въ началѣ тотчасъ же по-
76 гибнуть; а лучше, и тогда это было бы не по одному закону

правды, но было бы дѣйствіемъ и человѣколюбія, если бы мы и это потерпѣли. Кто оскорбляетъ человѣка, не причинившаго ему никакого зла, тотъ по закону правды подлежитъ наказанію; если же кто своего благодѣтеля, не обязаннаго ему ничѣмъ, но оказавшаго ему безчисленныя благодѣянія, единственнаго виновника его бытія и притомъ Бога, вдохнувшаго въ него душу, даровавшаго тысячи благъ и хотѣвшаго возвести его на небо, если такого (благодѣтеля), послѣ такихъ благодѣяній, не только оскорбляетъ, но и каждый день огорчаетъ своими дѣлами, то какого прощенія онъ будетъ достоинъ? Не видишь ли, какъ (Богъ) наказалъ Адама за одинъ грѣхъ? Онъ, скажешь, далъ ему рай и удостоилъ его своего великаго благоволенія? Но не одно и тоже—грѣшить, наслаждаясь благоденствіемъ, или—проводя жизнь въ великой скорби. То и тяжко, что ты грѣшишь, находясь не въ раю, а среди безчисленныхъ бѣдствій настоящей жизни, и не вразумляешься несчастіями; это подобно тому, какъ если бы кто дѣлалъ зло, будучи связаннымъ. (Богъ) обѣщалъ тебѣ блага больше рая; еще не далъ ихъ, чтобы ты не облѣнился во время подвиговъ, но и не умолчалъ о нихъ, чтобы ты не ослабѣвалъ въ трудахъ своихъ. Адамъ, совершивъ одинъ грѣхъ, навлекъ на себя смерть; а мы каждый день совершаемъ тысячи грѣховъ. Если же онъ, совершивъ одинъ грѣхъ, навлекъ на себя столько зла и ввелъ смерть въ міръ, то чему не подвергнемся мы, постоянно живущіе во грѣхахъ, хотя и ожидающіе неба вмѣсто рая? Тяжко это слово и прискорбно для слушателя. Знаю это по чувству, которое самъ испытываю: сердце мое смущается и содрогается, и чѣмъ болѣе удостовѣряюсь въ несомнѣнности геенны, тѣмъ болѣе трепещу и объемлюсь страхомъ. Но нужно говорить объ этомъ, чтобы намъ не впасть въ геенну. Не рай, не древа и растенія получилъ ты, а небо и блага небесныя. Если же получившій меньшее осужденъ и ничто не могло оправдать его, то тѣмъ болѣе мы, призванные къ высшему и согрѣшающіе больше его, подвергнемся нестерпимымъ мученіямъ. Представь, сколько времени родъ нашъ за одинъ грѣхъ остается подъ владычествомъ смерти. Прошло уже пять тысячъ и болѣе лѣтъ, а смерть еще не прекратилась за одинъ грѣхъ. Притомъ мы не можемъ сказать, что Адамъ слушалъ пророковъ, что онъ видѣлъ наказанія, постигшія другихъ за грѣхи, что онъ могъ оттого придти въ страхъ и вразумиться этими примѣрами; онъ былъ тогда первый и единственный, однако же наказанъ. Ничего такого не можешь представить ты, который дѣлаешься хуже послѣ такихъ примѣровъ, который удостоился такихъ даровъ 77
Духа, и допускаешь не одинъ, не два и не три, а безчисленное

множество грѣховъ. Не смотри на то, что грѣхъ совершается въ краткое время и не думай, что потому и наказаніе будетъ кратковременное. Не видишь ли, какъ люди, совершившіе воровство или прелюбодѣяніе одинъ разъ и въ одну минуту, часто проводятъ цѣлую жизнь въ темницахъ и рудокопняхъ, подвергаясь непрестанному голоду и безчисленнымъ родамъ смерти? И однако никто не оправдывалъ ихъ и не говорилъ, что такъ какъ грѣхъ совершенъ ими въ краткое время, то и наказаніе должно продолжаться соотвѣтственное грѣху время.

2. Но, скажешь, такъ поступаютъ люди, а Богъ человѣколюбивъ? Во-первыхъ, и люди такъ поступаютъ не по жестокости, а по человѣколюбію; и Богъ такъ наказываетъ потому, что Онъ человѣколюбивъ; по величію милости Его велико и наказаніе Его. Слѣдовательно, когда ты говоришь, что Богъ человѣколюбивъ, то тѣмъ болѣе доказываешь справедливость наказанія, если мы грѣшимъ противъ такого (Существа). Потому и Павелъ говорилъ: *страшно есть еже впасти въ руцѣ Бога живаго* (Евр. x, 31). Вникните, увѣщеваю васъ, въ силу этихъ словъ; можетъ быть, вы получите отсюда нѣкоторое утѣшеніе. Кто изъ людей можетъ наказывать такъ, какъ наказывалъ Богъ, устроившій потопъ и истребленіе человѣческаго рода, а немного послѣ одождившій съ неба огонь и до основанія истребившій всѣхъ (жителей Содома)? Какое человѣческое наказаніе можетъ сравниться съ такимъ наказаніемъ? Не видишь ли и здѣсь почти безконечное наказаніе? Прошло четыре тысячи лѣтъ, а наказаніе содомлянъ доселѣ остается въ силѣ. Какъ велико человѣколюбіе Божіе, такъ и наказаніе Его. Притомъ, если бы Богъ заповѣдалъ что-либо трудное и невозможное, то иной могъ бы сослаться на трудность Его заповѣдей; если же Онъ заповѣдуетъ весьма легкое, то что мы можемъ сказать, не заботясь и объ этомъ? Развѣ ты не можешь поститься и сохранять дѣвство? Можешь, если захочешь, въ чемъ обличаютъ насъ тѣ, которые исполняли это; но Богъ не употребилъ противъ насъ всей строгости, не повелѣлъ и не заповѣдалъ этого, а предоставилъ волѣ слушателей; ты можешь быть цѣломудреннымъ и въ бракѣ, можешь воздерживаться и отъ пьянства. Развѣ ты не можешь раздать всего имущества? Можешь, какъ показываютъ сдѣлавшіе это; но Богъ не заповѣдалъ и этого, а повелѣлъ не похищать чужого и изъ имущества своего удѣлять нуждающимся. Если кто скажетъ, что онъ не можетъ довольствоваться одною женою, тотъ обольщаетъ и обманываетъ себя, въ чемъ обличаютъ его тѣ, которые сохраняютъ цѣломудріе и безъ жены. Развѣ ты не можешь не злословить, не можешь не клясться? Напротивъ, труднѣе дѣлать это,

нежели не дѣлать. Какое же мы имѣемъ оправданіе, когда не исполняемъ столь легкаго и удобнаго? Не можемъ представить никакого. Изъ всего сказаннаго очевидно, что мученіе будетъ вѣчно. Но нѣкоторымъ кажется, что изреченіе Павла противорѣчитъ этому; потому обратимся къ его объясненію. Сказавъ: *егоже аще дѣло пребудетъ, еже назда, мзду пріиметъ, а егоже дѣло сго-* 78
ритъ, отщетится, онъ присовокупилъ: *самъ же спасется такожде, якоже огнемъ.* Что сказать объ этомъ? Разсмотримъ, во-первыхъ, что такое *основаніе*, что *золото*, что *каменіе честное*, что *сѣно* и *тростіе*. Основаніемъ онъ самъ ясно назвалъ Христа: *основанія бо инаго*, говоритъ, *никтоже можетъ положити паче лежащаго, еже есть Іисусъ Христосъ;* а зданіе, мнѣ кажется, означаетъ дѣла. Правда, нѣкоторые утверждаютъ, что здѣсь говорится объ учителяхъ и ученикахъ, и о нечестивыхъ ересяхъ; но смыслъ рѣчи не допускаетъ этого. Вѣдь, если такъ, то какъ же дѣло погибнетъ, а назидающій спасется какъ бы изъ огня? Виновнику тѣмъ болѣе надлежало бы погибнуть, а здѣсь большему наказанію окажется подвергшимся тотъ, кто былъ назидаемъ. Если учитель былъ виновникомъ зла, то онъ и достоинъ большаго наказанія: какъ же онъ спасется? Если же онъ не виновенъ, а ученики сдѣлались такими по собственному развращенію, то хорошо назидавшій вовсе не заслуживаетъ наказанія или какого-нибудь вреда: какъ же говорится, что онъ *отщетится?* Отсюда видно, что здѣсь идетъ рѣчь о дѣлахъ. Намѣреваясь говорить о кровосмѣсникѣ, апостолъ заранѣе и еще задолго дѣлаетъ къ тому вступленіе. Онъ, обыкновенно, разсуждая о какомъ-либо предметѣ, въ этомъ самомъ разсужденіи напередъ намекаетъ на другой предметъ, къ которому намѣревается перейти. Напримѣръ, укоряя коринѳянъ за то, что они не дожидаются другъ друга на вечеряхъ, онъ сдѣлалъ вступленіе къ рѣчи о таинствахъ. Такъ и здѣсь, намѣреваясь говорить о кровосмѣсникѣ и сказавъ объ основаніи, присовокупилъ: *не вѣсте ли, яко храмъ Божій есте и Духъ Божій живетъ въ васъ? Аще кто Божій храмъ растлитъ, растлитъ сего Богъ* (ст. 16, 17). Этими словами онъ уже устрашалъ и потрясалъ душу кровосмѣсника. *Аще кто назидаетъ на основаніи семъ, злато, сребро, каменіе честное, дрова, сѣно, тростіе.* Послѣ вѣры нужно назиданіе; потому, и въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: *утѣшайте другъ друга въ словесѣхъ сихъ* (1 Солун. IV, 18). Въ назиданіи участвуютъ вмѣстѣ и художникъ и ученикъ; потому онъ и говоритъ: *кійждо же да блюдетъ, како назидаетъ.*

3. Если бы это было сказано о вѣрѣ, то было бы сказано неосновательно. Въ вѣрѣ должны быть всѣ равны, потому что вѣра одна; а въ дѣлахъ жизни не всѣ одинаковы. Вѣра не бы-

ваетъ ни хуже, ни лучше, но одинакова у всѣхъ истинно вѣрующихъ; а въ жизни одни ревностнѣе, другіе безпечнѣе, одни исправнѣе, другіе небрежнѣе, одни дѣлаютъ больше, другіе меньше, одни грѣшатъ тяжелѣе, другіе легче. Потому апостолъ и сказалъ: *злато, сребро, каменіе честное, дрова, сѣно, тростіе. Когождо дѣло явлено будетъ.* Здѣсь Онъ говоритъ о дѣлахъ. *Его же аще дѣло пребудетъ, еже назда, мзду пріиметъ: а егоже дѣло сгоритъ, отщетится.* Если бы это было сказано объ ученикахъ и учителяхъ, то учителямъ не надлежало бы терпѣть наказанія,
79 если ученики не слушали ихъ. Потому Онъ и говоритъ: *кійждо свою мзду пріиметъ по своему труду*, не по окончанію дѣла, а по труду. Что ему нужды, если слушатели не внимали? И отсюда также видно, что здѣсь говорится о дѣлахъ. А смыслъ словъ слѣдующій: кто при правой вѣрѣ ведетъ худую жизнь, того вѣра не защититъ отъ наказанія, когда дѣло будетъ горѣть. *Сгоритъ*, значитъ—не перенесетъ силы огня. Если бы кто съ золотымъ оружіемъ переходилъ огненную рѣку, то перешелъ бы ее со славою; а если напротивъ кто станетъ переходить ее съ сѣномъ, тотъ не только не будетъ имѣть успѣха, но и погубитъ самого себя: такъ бываетъ и съ дѣлами. Говоря это, апостолъ разумѣетъ не дѣйствительное сожженіе людей, но желаетъ внушить сильнѣйшій страхъ и показать, что живущій порочно находится въ опасности. Потому и говоритъ: *отщетится:* вотъ первое наказаніе. *Тойже спасется такожде, якоже огнемъ*: вотъ и другое. Эти слова означаютъ слѣдующее: онъ самъ не погибнетъ такъ, какъ дѣла, не обратится въ ничто, но останется въ огнѣ. Это апостолъ и называетъ спасеніемъ; потому не просто сказалъ: *спасется*, а прибавилъ: *якоже огнемъ*. Такъ и мы обыкновенно говоримъ: въ огнѣ сохраняются—о такихъ вещахъ, которыя не сгараютъ и не вдругъ обращаются въ пепелъ. Потому, слыша объ огнѣ, не думай, что сожигаемые обратятся въ ничто. Не удивляйся и тому, что апостолъ называетъ такое мученіе спасеніемъ; онъ нерѣдко о предметахъ непріятныхъ употребляетъ хорошія выраженія, а о предметахъ пріятныхъ — нехорошія. Напримѣръ, слово плѣнъ обозначаетъ дурной предметъ; но Павелъ употребляетъ его по хорошему, говоря: *плѣняюще всякій разумъ въ послушаніе Христово* (2 Кор. x, 5). Также, говоря о худомъ, употребляетъ хорошее выраженіе въ слѣдующихъ словахъ: *царствова грѣхъ* (Рим. v, 21); между тѣмъ слово царствованіе скорѣе хорошо звучитъ. Такъ и здѣсь, сказавъ: *спасется*, онъ выражаетъ не что иное, какъ продолженіе наказанія, и какъ бы такъ говоритъ: самъ же будетъ мучиться непрестанно. Далѣе говоритъ: *не вѣсте ли, яко храмъ Божій есте?* Сказавъ прежде о раздѣляю-

шихъ Церковь, онъ теперь касается кровосмѣсника, намекая, хотя
неясно и неопредѣленно, на его развратную жизнь и показывая
великость его грѣха изъ дарованной ему благодати. Также и
другихъ вразумляетъ тѣмъ самымъ, что они уже получили. Та-
кимъ образомъ онъ направляетъ къ одной цѣли и будущее и
настоящее, и прискорбное и пріятное; будущее: *день бо явитъ,
зане огнемъ открывается;* настоящее: *не вѣсте ли, яко храмъ Божій
есте, и Духъ Божій живетъ въ васъ? Аще кто Божій храмъ рас-
тлитъ, растлитъ сего Богъ.* Видишь ли, какова сила рѣчи? Впро-
чемъ доколѣ не открыто лице (обличаемаго), дотолѣ обличеніе
не такъ тяжко, потому что всѣ раздѣляютъ страхъ угоризны.
Растлитъ сего Богъ, т. е. предастъ погибели. Здѣсь апостолъ не
проклинаетъ, а предсказываетъ. *Храмъ бо Божій,* говоритъ, *святъ
есть,* и присовокупляетъ: *иже есте вы. Никтоже себе да прел-
щаетъ.* И это (относится) къ нему, такъ какъ онъ считалъ себя
чѣмъ-то важнымъ и хвалился мудростію. А чтобы не поразить
его слишкомъ много, апостолъ, приведши его въ страхъ и тре-
петъ, опять предлагаетъ общее обличеніе и говоритъ: *аще кто* 80
*мнится мудръ быти въ васъ въ вѣцѣ семъ, буй да бываетъ, яко да
премудръ будетъ* (ст. 18). Обличаетъ съ великою силою, какъ уже
довольно вразумившій ихъ. Хотя бы кто былъ богатъ, хотя бы
благороденъ, онъ будетъ презрѣннѣе презрѣнныхъ, если впадетъ
во власть грѣха. Какъ царь, если дѣлается рабомъ варваровъ,
бываетъ несчастнѣе всѣхъ, такъ дѣйствуетъ и грѣхъ. Грѣхъ
есть варваръ, который, однажды плѣнивъ душу, не щадитъ ее,
но мучитъ ее на погибель подпавшихъ власти его.

4. Подлинно, ничто такъ не безразсудно, ничто такъ не без-
смысленно, глупо и нагло, какъ грѣхъ. Куда онъ ни вторгнется,
все низвращаетъ, разстроиваетъ и губитъ; онъ безобразенъ на
видъ, несносенъ и отвратителенъ. Если бы какой живописецъ
захотѣлъ изобразить его, то, мнѣ кажется, не погрѣшилъ бы,
изобразивъ его въ видѣ женщины звѣроподобной, варварской,
дышущей огнемъ, безобразной и черной, какъ внѣшніе (языче-
скіе) поэты изображаютъ Сциллъ. Грѣхъ тысячію рукъ обхваты-
ваетъ наши мысли, вторгается неожиданно и терзаетъ все, по-
добно псамъ, кусающимъ внезапно. Впрочемъ, для чего намъ
живописное изображеніе, когда мы можемъ представить (самихъ
людей), подобныхъ ему? Кого же напередъ изобразить вамъ? Не
корыстолюбца ли и грабителя? Дѣйствительно, что можетъ быть
безстыднѣе глазъ его? Что безсовѣстнѣе его и болѣе похоже на
псовъ? Не такъ нагло приступаетъ песъ, какъ онъ, когда похи-
щаетъ имущество другихъ. Что сквернѣе рукъ его? Что гнуснѣе
устъ его, которыя пожираютъ все и не насыщаются? Не прини-

май лица и глазъ его за человѣческіе: не такъ глядятъ человѣческіе глаза. Онъ не смотритъ на людей, какъ на людей, не смотритъ на небо, какъ на небо, не устремляетъ взоровъ къ Господу, но во всемъ видитъ деньги. Человѣческіе глаза, видя удрученныхъ бѣдностію, обыкновенно проливаютъ слезы; а глаза грабителя, видя бѣдныхъ, выражаютъ звѣрство. Человѣческіе глаза не смотрятъ на чужое, не желаютъ принадлежащаго другимъ, но еще другимъ раздаютъ свое; а глаза корыстолюбца не успокаиваются дотолѣ, пока не похитятъ у другихъ всего, потому что смотрятъ не по-человѣчески, но по-звѣрски. Человѣческіе глаза не могутъ видѣть своего тѣла обнаженнымъ,—вѣдь для нихъ оно свое и тогда, когда по наружности принадлежитъ другимъ,—а глаза корыстолюбца не насыщаются дотолѣ, пока не обнажатъ кого-либо совершенно и не скроютъ всего у себя дома, или, лучше сказать, не насыщаются никогда. Потому руки такихъ людей можно назвать не только звѣрскими, но еще гораздо свирѣпѣйшими и опаснѣйшими, чѣмъ у звѣрей. Медвѣди и волки, насытившись, отступаютъ отъ пищи, а тѣ не насыщаются никогда. Между тѣмъ Богъ далъ намъ руки для того, чтобы мы помогали другимъ, а не вредили имъ. Если же мы станемъ употреблять ихъ на послѣднее, то лучше было бы отсѣчь ихъ и оставаться безъ нихъ. Ты скорбишь, когда дикій звѣрь растерзаетъ овцу; а когда самъ дѣлаешь тоже съ своимъ единоплеменникомъ, то и не считаешь этого дѣла ужаснымъ? Что же ты за человѣкъ? Развѣ ты не знаешь, что человѣческимъ
81 мы называемъ то дѣло, которое исполнено милосердія и человѣколюбія, а дѣло грубое и жестокое называемъ безчеловѣчнымъ? Такимъ образомъ характеръ человѣка мы изображаемъ дѣлами милосердія, а характеръ звѣря—дѣлами противными тому, и часто говоримъ: ужели онъ человѣкъ, а не звѣрь и не песъ? Людямъ свойственно облегчать бѣдность, а не увеличивать ее. У людей корыстолюбивыхъ и уста—уста звѣрскія, или еще хуже ихъ; они произносятъ слова, которыя своею ядовитостію гораздо скорѣе, нежели зубы звѣрей, причиняютъ смерть. И если бы исчислять все, то ясно видно было бы, какъ безчеловѣчіе дѣлаетъ людей звѣрями. А кто испытаетъ душу такихъ людей, тотъ назоветъ ихъ не только звѣрями, но даже демонами. Они исполнены крайней жестокости и вражды къ ближнимъ; нѣтъ въ нихъ ни желанія царствія, ни страха геенны, ни стыда предъ людьми, ни милосердія, ни сострраданія, но безстыдство, наглость и презрѣніе ко всему будущему; вѣщанія Божіи о (будущихъ) мученіяхъ кажутся имъ баснею, угрозы—посмѣшищемъ. Такова душа корыстолюбца! Если же они внутри демоны, а извнѣ звѣри

и даже хуже звѣрей, то за кого, скажи мнѣ, мы будетъ считать ихъ? Что они хуже звѣрей, это видно изъ слѣдующаго: звѣри таковы по природѣ, а они, получивъ отъ природы кротость, во-
преки природѣ стараются усвоить себѣ свойства звѣрей. Сами 82
демоны дѣлаютъ своими споспѣшниками людей неблагонамѣренныхъ, такъ какъ если бы послѣдніе не были ихъ споспѣшниками, то большая часть ихъ козней противъ насъ оставалась бы безъ успѣха; а тѣ стараются притѣснять и содѣйствующихъ имъ въ неправедныхъ дѣлахъ ихъ. Притомъ демонъ враждуетъ противъ человѣка, а не противъ подобныхъ ему демоновъ; а корыстолюбецъ старается всячески причинить зло и ближнему и родному, не стыдясь самой природы. Знаю, что многіе негодуютъ на меня за эти слова; но я не сержусь на нихъ, а жалѣю и плачу, что они находятся въ такомъ состояніи. Если бы они захотѣли даже бить меня, и это я съ удовольствіемъ перенесъ бы, только бы они оставили свое звѣрство. И не я только, но и пророкъ вмѣстѣ со мною исключаетъ такихъ изъ числа людей: *человѣкъ*, говоритъ, *въ чести сый не разумѣ*, но *приложися скотомъ несмысленнымъ* (Псал. XLVIII, 21). Постараемся же быть людьми; будемъ взирать на небо, *облекаться во образъ* (Создавшаго насъ) (Кол. III, 10) и не унижать себя самихъ, чтобы намъ сподобиться и будущихъ благъ, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА X.

Никтоже себе да прельщаетъ. Аще кто мнится мудръ 81
быти въ васъ въ вѣцѣ семъ, буй да бываетъ, яко да премудръ будетъ. Премудрость бо міра сего буйство у Бога есть (1 Кор. III, 18, 19).

1. Приступивъ къ обличенію кровосмѣсника еще заранѣе, какъ я выше сказалъ, сдѣлавъ это прикровенно и въ краткихъ словахъ, и пробудивъ совѣсть его, апостолъ опять обращается къ опроверженію внѣшней (языческой) мудрости и къ обличенію тѣхъ, которые, гордясь ею, раздѣляли Церковь, чтобы, присовокупивъ то, что еще оставалось сказать, и совершенно окончивъ этотъ предметъ, со всею силою направить рѣчь противъ кровосмѣсника, котораго онъ касался и прежде. Слова: *никтоже себе да прельщаетъ* направлены особенно противъ него, чтобы вразумить и устрашить его; также на него особенно дѣлается намекъ въ словѣ: *тростіе*, и въ словахъ: *не вѣсте ли, яко храмъ Божій*

есте, и Духъ Божій живетъ въ васъ? Обыкновенно два побужденія болѣе всего удерживаютъ насъ отъ грѣха: когда мы представляемъ слѣдующее за грѣхомъ наказаніе, и когда размышляемъ о собственномъ достоинствѣ. Такъ и апостолъ рѣчью *о сѣнѣ и тростіи* устрашаетъ, а указаніемъ на наше достоинство пристыжаетъ, исправляя первымъ болѣе нечувствительныхъ, а послѣднимъ—болѣе кроткихъ. *Никтоже себе да прелщаетъ. Аще кто мнится мудръ быти въ васъ въ вѣцѣ семъ, буй да бываетъ.* Какъ онъ повелѣваетъ быть мертвымъ для міра (Кол. II, 20), и эта
82 мертвенность не только не вредитъ, но еще приноситъ пользу, дѣлаясь источникомъ жизни, такъ теперь повелѣваетъ быть безумнымъ для міра, указывая намъ въ этомъ истинную мудрость. Безумнымъ для міра бываетъ тотъ, кто презираетъ внѣшнюю мудрость и убѣжденъ, что она нисколько не содѣйствуетъ ему къ принятію вѣры. Потому, какъ нищета по Богѣ ведетъ къ богатству, смиреніе—къ величію, презрѣніе (земной) славы—къ славѣ, такъ и это безуміе дѣлаетъ человѣка мудрѣе всѣхъ, потому что у насъ все бываетъ напротивъ. И для чего онъ не сказалъ: пусть оставитъ мудрость, но: *буй да бываетъ*? Для того, чтобы какъ можно болѣе унизить внѣшнюю ученость. Не одно вѣдь и то же сказать: оставь свою мудрость, или—будь безумнымъ. Съ другой стороны, онъ научаетъ насъ не стыдиться нашей неучености, представляя все внѣшнее достойнымъ осмѣянія. Онъ не стыдится названій, потому что полагается на силу дѣлъ. Какъ крестъ, вещь повидимому поносная, сдѣлался источникомъ безчисленныхъ благъ, причиною и виновникомъ неизреченной славы, такъ и кажущееся безуміе дѣлается для насъ виною мудрости. Какъ тотъ, кто худо научился чему-нибудь, если не оставитъ всего, не изгладитъ изъ души своей и не представитъ ее чистою для желающаго вновь учить его, не познаетъ ясно здраваго ученія, такъ и при внѣшней мудрости, если не оставишь всего, не очистишь ума своего и не предашь себя вѣрѣ, подобно простолюдину, то не познаешь ничего добраго надлежащимъ образомъ. Такъ и имѣющіе слабое зрѣніе, если, закрывъ глаза, не ввѣрятъ себя другимъ, а будутъ руководиться своимъ испорченнымъ зрѣніемъ, будутъ блуждать гораздо болѣе тѣхъ, которые совершенно ничего не видятъ.

83 А какъ можно, скажешь, оставить внѣшнюю мудрость? Не принимая ея ученія. Повелѣвъ такимъ образомъ оставить эту мудрость, апостолъ приводитъ и причину,—слѣдующую: *премудрость бо міра сего буйство у Бога есть.* Она не только не помогаетъ, но еще служитъ препятствіемъ; слѣдовательно надобно оставить ее, какъ вредную. Видишь ли, какъ побѣдоносно онъ

опровергъ ее, доказавъ, что она не только безполезна, но еще приноситъ намъ вредъ? Впрочемъ, онъ не довольствуется собственными доказательствами, а приводитъ еще свидѣтельство: *писано бо есть*, говоритъ: *запинаяй премудрымъ въ коварствѣ ихъ* (ст. 19). *Въ коварствѣ*, т. е. уловляя ихъ собственнымъ ихъ оружіемъ. Такъ какъ они употребляли мудрость свою на то, чтобы обходиться безъ Бога, то Онъ чрезъ нее именно и доказалъ имъ, что они имѣютъ великую нужду въ Богѣ. Какъ и какимъ образомъ? Они чрезъ нее сдѣлались безумными; слѣдовательно чрезъ нее и уловлены. Думая обходиться безъ Бога, они пришли въ такое бѣдственное состояніе, что оказались хуже рыбарей и неученыхъ, и въ нихъ же стали нуждаться. Потому онъ и говоритъ: *въ коварствѣ ихъ* уловилъ ихъ. Слова: *погублю премудрость*—выражаютъ совершенную ея безполезность; а слова: *запинаяй премудрымъ въ коварствѣ ихъ*—показываютъ силу Божію.

2. Далѣе апостолъ показываетъ и способъ, какимъ Богъ уловилъ ихъ, присовокупляя другое свидѣтельство: *Господь вѣсть*, говоритъ, *помышленія мудрыхъ, яко суть суетна* (ст. 20). А когда безпредѣльная Премудрость произноситъ о нихъ такой судъ и представляетъ ихъ такими, то какого другого требовать доказательства крайняго ихъ безумія? Человѣческія сужденія часто погрѣшаютъ, а судъ Божій всегда праведенъ и нелицепріятенъ. Воздавъ такимъ образомъ славу суду Божію, онъ съ большею силою обращается къ поучаемымъ и говоритъ: *тѣмже никтоже да хвалится въ человѣцѣхъ: вся бо ваша суть* (ст. 21). Опять повторяетъ прежнее и показываетъ, что они не должны гордиться и духовными дарованіями, потому что ничего не имѣютъ отъ себя самихъ. Итакъ, если внѣшняя мудрость вредна, а духовныя дарованія ваши не отъ васъ, то чѣмъ вы можете хвалиться? Касательно внѣшней мудрости онъ говоритъ: *никтоже себе да прельщаетъ*, потому что она служила имъ ко вреду; а здѣсь, гдѣ дѣло идетъ о предметѣ полезномъ, говоритъ: *никтоже да хвалится*, и смягчаетъ рѣчь свою слѣдующими словами: *вся бо ваша суть. Аще Павелъ или Аполлосъ или Кифа, или міръ, или животъ или смерть, или настоящая или будущая, вся ваша суть, вы же Христовы, Христосъ же Божій* (ст. 22, 23). Такъ какъ онъ сильно тронулъ ихъ, то опять ободряетъ. И выше онъ говорилъ: *споспѣшницы есмы Богу* (III, 9), и многимъ другимъ утѣшалъ ихъ; и здѣсь говоритъ: *вся ваша суть*, чтобы низложить гордость учителей и показать, что они не только ничѣмъ не обязали учениковъ своихъ, но еще сами обязаны имъ благодарностію, потому что для нихъ сдѣлались учителями и получили благодать. А такъ какъ 84
и ученики могли хвалиться, то онъ уврачевалъ и ихъ болѣзнь

словами: *комуждо якоже Богъ даде*, и: *Богъ возрасти* (III, 6), чтобы и тѣ не гордились, какъ подающіе, и эти не превозносились, услышавъ: *вся ваша суть*. Вѣдь хотя все и для васъ, но все отъ Бога. Замѣть, какъ онъ доселѣ продолжаетъ ставить свое имя и имя Петра. А что значитъ: *или смерть?* Учители, хотя бы умирали, умираютъ для васъ, подвергаясь опасностямъ для вашего спасенія. Видишь ли, какъ онъ опять низлагаетъ гордость учениковъ и превозноситъ учителей? Онъ бесѣдуетъ съ ними, какъ бы съ благородными дѣтьми, имѣющими пѣстуновъ и долженствующими наслѣдовать все. Также можно сказать, что для насъ и смерть Адамова, чтобы мы вразумились, и смерть Христова, чтобы мы спаслись. *Вы же Христовы, Христосъ же Божій*. Иначе мы—Христовы, иначе Христосъ—Божій, и иначе міръ—нашъ. Мы—Христовы, какъ твореніе Его; Христосъ—Божій, какъ истинный Сынъ Его, а не какъ твореніе и не такъ, какъ міръ—нашъ. Такимъ образомъ здѣсь, хотя выраженіе одно, но смыслъ различный. Міръ—нашъ, какъ созданный для насъ; Христосъ—Божій, потому что имѣетъ виновникомъ Своимъ Бога, какъ Отца; а мы—Христовы, какъ сотворенные Имъ. Если же, говоритъ, учители—ваши, то для чего вы поступаете напротивъ, называя себя именами ихъ, а—не Христа и Бога? *Тако насъ да непщуетъ человѣкъ, яко слугъ Христовыхъ и строителей таинъ Божіихъ* (IV, 1). Низложивъ гордость ихъ, смотри, какъ онъ опять ободряетъ ихъ словами: *яко слугъ Христовыхъ*. Потому не называйтесь именемъ исполнителей и служителей, оставляя Господа. *Строителями* назвалъ (учителей) для того, чтобы показать, что не всѣмъ должно присвоять это дѣло, но кому слѣдуетъ и кто достоинъ быть домоправителемъ. *А еже прочее, ищется въ строителехъ, да вѣренъ кто обрящется* (ст. 2), т. е. чтобы не присвоялъ себѣ того, что принадлежитъ Господу, и не приписывалъ себѣ вмѣсто Господа, а поступалъ бы, какъ домоправитель. Дѣло домоправителя—хорошо распоряжаться ввѣреннымъ ему, не называть своимъ принадлежащаго Господу, а напротивъ свое приписывать Господу. Каждый, владѣющій даромъ слова или имуществомъ, представляя это, т. е. что это ввѣрено ему Господомъ, а не его собственность, пусть не удерживаетъ у себя и не присвояетъ себѣ, но приписываетъ Богу, даровавшему все. Хочешь ли видѣть вѣрныхъ домоправителей? Послушай, что говоритъ Петръ: *на ны что взираете, яко своею ли силою, или благочестіемъ сотворихомъ его ходити* (Дѣян. III, 12)? Также Корнилію онъ сказалъ: *и азъ самъ человѣкъ есмь* (Дѣян. X, 26); и Христу: *се мы оставихомъ вся, и въ слѣдъ Тебе идохомъ* (Мѳ. XIX, 27). Равно и Павелъ, сказавъ: *паче всѣхъ ихъ потрудихся*, присовокупилъ: *не азъ же, но благодать*

Божія, яже со мною (1 Кор. xv, 10). И въ другомъ мѣстѣ, обращаясь къ нимъ же, сказалъ: *что имаши, егоже нѣси пріялъ* (1 Кор. iv, 7)? Ты ничего не имѣешь своего, ни богатства, ни дара слова, ни самой души,—и она отъ Господа.

3. Потому, когда потребуетъ нужда, отдай и душу свою. 85
Если же ты любишь ее и не хочешь отдать, когда тебѣ повелѣвается, то ты уже невѣрный домоправитель. Можно ли противиться, когда повелѣваетъ Богъ? Я вотъ что скажу: потому особенно я и удивляюсь человѣколюбію Божію, что Богъ, имѣя возможность взять у тебя все противъ твоей воли, не хочетъ дѣлать этого безъ твоей воли, чтобы ты заслужилъ награду. Напримѣръ, Онъ можетъ взять твою душу безъ твоей воли, но хочетъ, чтобы ты отдалъ ее по своей волѣ, говоря съ Павломъ: *по вся дни умираю* (1 Кор. xv, 31). Онъ можетъ лишить тебя почестей безъ твоей воли и сдѣлать тебя уничиженнымъ, но хочетъ, чтобы это было по твоей волѣ, чтобы ты получилъ воздаяніе. Онъ можетъ сдѣлать тебя бѣднымъ противъ твоей воли, но хочетъ, чтобы ты сдѣлался такимъ добровольно, чтобы даровать тебѣ вѣнцы. Видишь ли Божіе человѣколюбіе и наше ослѣпленіе?

Достигъ ли ты высокой степени достоинства и получилъ власть церковную? Не высокомудрствуй; не ты достигъ этой чести, а Богъ облекъ тебя ею; береги ее, какъ чужую; не злоупотребляй ею и не употребляй на то, на что не слѣдуетъ; не гордись и не присвояй себѣ, но считай себя бѣднымъ и безславнымъ. Если бы тебѣ поручено было хранить царскую порфиру, то ты, конечно, не сталъ бы злоупотреблять этою одеждою и портить ее, но съ великимъ тщаніемъ хранилъ бы ее для вручившаго тебѣ. Получилъ ли ты даръ слова? Не гордись и не надмевайся; это не твой даръ; не будь непризнателенъ за дары Господни, но раздѣляй ихъ съ подобными тебѣ рабами, не превозносись ими, какъ своими, и не жалѣй раздѣлять ихъ съ другими. Имѣешь ли дѣтей? Ты получилъ ихъ отъ Бога; если такъ будешь думать, то имѣя будешь благодарить, и потерявъ не будешь скорбѣть. Таковъ былъ Іовъ, который говорилъ: *Господь даде, Господь отъятъ* (Іов. I, 21). Все мы получили отъ Христа; отъ Него имѣемъ и самое бытіе, и жизнь, и дыханіе, и свѣтъ, и воздухъ, и землю. Если бы Онъ лишилъ насъ чего-нибудь изъ этого, то мы погибли бы и истлѣли, такъ какъ мы—пришельцы и странники. Выраженіе: *мое* и *твое*—только пустыя слова, а на дѣлѣ не то. Напримѣръ, еслы ты назовешь своимъ домъ, это—пустое слово, не соотвѣтствующее предмету, такъ какъ Творцу принадлежатъ и воздухъ, и земля, и вещество, и ты самъ, построившій его, и все прочее. Если же онъ въ твоемъ употреб-

ленія, то и это не вѣрно, не только по причинѣ угрожающей
смерти, но и, прежде смерти, по причинѣ непостоянства вещей.
Представляя это непрестанно, будемъ любомудрыми, и сдѣлаемъ
два весьма важныхъ пріобрѣтенія: будемъ благодарными и при
полученіи и при потерѣ, и не станемъ раболѣпствовать предме-
тамъ преходящимъ и не принадлежащимъ намъ. Лишаетъ ли
насъ Богъ имущества, Онъ беретъ Свое; лишаетъ ли тебя чести,
славы, тѣла, души, или сына твоего, Онъ беретъ не твоего сына,
а Своего раба,—не ты вѣдь, а Онъ сотворилъ его; ты только со-
дѣйствовалъ появленію его, а все сдѣлалъ Богъ. Будемъ же
благодарны, что мы удостоились содѣйствовать дѣлу Его. Но что?
Ты хотѣлъ бы навсегда удержать? Это свойственно неблагодар-
ному и незнающему, что у него все чужое, а не свое. Какъ раз-
стающіеся благодушно знаютъ, что находящееся у нихъ не при-
надлежитъ имъ, такъ скорбящіе (при лишеніи) присвояютъ себѣ
принадлежащее Царю. Если мы сами—не свои, то какъ прочее—
наше? Мы въ двухъ отношеніяхъ принадлежимъ Богу—и по
86 сотворенію, и по вѣрѣ. Такъ Давидъ говоритъ: *составъ мой отъ
Тебе есть* (Псал. XXXVIII, 7). Также Павелъ: *о Немъ живемъ и дви-
жемся и есмы* (Дѣян. XVII, 28); и, разсуждая о вѣрѣ, говоритъ:
нѣсте свои, и куплени есте цѣною (1 Кор. VI, 19). Все—Божіе. По-
тому, когда Онъ требуетъ и хочетъ взять обратно, то не будемъ
противорѣчить, подобно неблагодарнымъ рабамъ, и присвоять
себѣ принадлежащее Владыкѣ. Душа твоя—не твоя: какъ же
имущество—твое? И какъ ты тратишь не свое на то, на что не
должно? Развѣ ты не знаешь, что мы будемъ осуждены за то,
что худо употребляли данное намъ? Что не наше, а Владычне,
то намъ слѣдуетъ употреблять на подобныхъ намъ рабовъ. За то
и богачъ былъ осужденъ, что не дѣлалъ этого, равно и тѣ, ко-
торые не напитали Господа. Не говори же: я издерживаю свое и
наслаждаюсь своимъ; это не твое, а чужое. Говорю: чужое, по-
тому что ты самъ такъ хочешь; Богъ желаетъ, чтобы то, что
вручено тебѣ для братій, сдѣлалось твоимъ; чужое дѣлается
твоимъ, когда ты употребляешь его на другихъ; а когда невоз-
держно употребляешь на себя, тогда твое дѣлается чужимъ. Ты
не имѣешь состраданія и говоришь, что по праву употребляешь
свое только для своего наслажденія; потому я и говорю, что
оно—чужое. Все твое есть общее—для тебя и твоего ближняго,
какъ общее—солнце, и воздухъ, и земля, и все прочее. Какъ въ тѣлѣ
есть дѣятельность всего тѣла и каждаго члена порознь, и когда
какой-нибудь членъ дѣйствуетъ отдѣльно, то теряетъ и собствен-
ную дѣятельность, такъ бываетъ и съ имуществомъ.

4. Скажу яснѣе: пища тѣлесная, назначаемая вообще для

всѣхъ членовъ, если достанется одному члену, то дѣлается чужою и для него. Она не можетъ свариться и питать,—оттого дѣлается чужою и для него. А сдѣлавшись общею, она становится собственностію и его и всѣхъ членовъ. Тоже и съ имуществомъ: если ты одинъ будешь пользоваться имъ, то потерпишь вредъ и ты, потому что не получишь награды; если же будешь раздѣлять его съ другими, тогда оно болѣе будетъ твоимъ, тогда и получишь отъ него пользу. Не видишь ли, какъ руки служатъ, ротъ разжовываетъ, а желудокъ принимаетъ пищу; и желудокъ не говоритъ: я принялъ, потому и долженъ удержать все у себя? Не говори того же и ты объ имуществѣ. Кто принимаетъ, тотъ долженъ и давать. Какъ для желудка было бы порокомъ—удерживать пищу у себя, а не распредѣлять, потому что это повредило бы всему тѣлу, такъ и для богатыхъ порокъ—удерживать свое имущество у себя, потому что это губитъ и ихъ самихъ и другихъ. Также глазъ одинъ принимаетъ свѣтъ, но не удерживаетъ его у себя, а освѣщаетъ все тѣло, потому что ему неестественно удерживать его у себя, пока онъ остается глазомъ. Ноздри ощущаютъ благовоніе, но не удерживаютъ его у себя, а передаютъ мозгу, сообщаютъ благовоніе и желудку и доставляютъ усладу всему человѣку. Ноги однѣ ходятъ, но не себя только переставляютъ, а переносятъ и все тѣло. Такъ и ты не удерживай одинъ того, что тебѣ ввѣрено, потому что такимъ образомъ повредишь всѣмъ, а болѣе всѣхъ самому себѣ. И не на членахъ только (тѣлесныхъ) можно видѣть это. Кузнецъ, если не захо- 87
четъ ни съ кѣмъ дѣлиться своимъ искусствомъ, то нанесетъ вредъ и себѣ и другимъ искусствамъ. Также сапожникъ, земледѣлецъ, хлѣбникъ и всякій, занимающійся какимъ-нибудь необходимымъ ремесломъ, если не захочетъ сообщать другимъ произведеній своего искусства, повредитъ не только другимъ, но вмѣсъ другими и себѣ. И что я говорю о богатыхъ? Даже бѣдные, если бы стали подражать вашему, корыстолюбцы и богачи, пороку, то причинили бы вамъ великій вредъ, скоро сдѣлали бы и васъ бѣдными, или, лучше сказать, погубили бы, если бы не захотѣли сообщить своего нуждающимся, напр., земледѣлецъ—издѣлія рукъ своихъ, мореплаватель—пріобрѣтеній отъ мореплаванія, воинъ—воинской доблести. Устыдитесь же, если не другого чего, то хотя этого, и подражайте ихъ любомудрію. Ты не хочешь удѣлять никому изъ своего богатства? Не бери же и самъ ничего у другихъ. А если будетъ такъ, то все придетъ въ разстройство, потому что давать и принимать есть источникъ многихъ благъ, и въ сѣяніи, и въ ученіи, и въ искусствахъ. Если бы кто захотѣлъ удержать у себя свое искусство, то погубилъ бы и себя

и всю жизнь извратилъ бы. Земледѣлецъ, если бы сталъ хранить сѣмена у себя дома, закопавъ ихъ, произвелъ бы страшный голодъ. Такъ и богачъ, если сдѣлаетъ тоже съ имуществомъ, прежде бѣдныхъ погубитъ себя самого, навлечетъ на свою голову страшный пламень геены. Учители, хотя бы имѣли много учениковъ, сообщаютъ каждому свое знаніе: такъ и ты старайся пріобрѣсти многихъ облагодѣтельствованныхъ. Пусть всѣ говорятъ о тебѣ: онъ такого-то избавилъ отъ бѣдности, такого-то отъ опасности, такой-то погибъ бы, если бы, по милости Божіей, не
88 получилъ его помощи, такого-то онъ исцѣлилъ отъ болѣзни, другого освободилъ отъ клеветы, странника принялъ въ домъ, нагого одѣлъ. Такіе отзывы лучше неисчетнаго богатства и многихъ сокровищъ; они привлекаютъ всѣхъ гораздо болѣе, нежели золотыя одежды, лошади и рабы. Послѣднее представляется несноснымъ и дѣлаетъ человѣка ненавистнымъ, какъ общаго врага; а первое провозглашаетъ его общимъ отцемъ и благодѣтелемъ, и, что всего важнѣе, такія благодѣянія всегда сопровождаются благоволеніемъ Божіимъ. Пусть одинъ говоритъ о тебѣ: онъ помогъ мнѣ выдать дочь мою замужъ; другой: онъ постарался вывести сына моего въ люди; третій: онъ спасъ отъ несчастія; четвертый: онъ избавилъ отъ опасностей. Такія слова лучше золотыхъ вѣнцовъ, это—какъ бы безчисленные проповѣдники твоего человѣколюбія въ городѣ; такія слова гораздо пріятнѣе и сладостнѣе голоса вѣстниковъ, предшествующихъ повелителямъ, именно слова: спаситель, благодѣтель, покровитель, каковыя названія свойственны Богу, а не: корыстолюбецъ, гордецъ, ненасытный, скряга. Будемъ же, увѣщеваю, домогаться не этихъ послѣднихъ названій, а противоположныхъ. Вѣдь если такіе отзывы еще на землѣ дѣлаютъ человѣка столь славнымъ и знаменитымъ, то, когда они будутъ написаны на небѣ и Богъ провозгласитъ ихъ въ день будущій, представь, какою ты насладишься честью, какою славой,—которой и да сподобимся всѣ мы, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XI.

Мнѣ же не велико есть, да отъ васъ истяжуся, или отъ 87
человѣческаго дне: но ни самъ себе востязую (ничесоже бо въ себѣ свѣмъ: но ни о семъ оправдаюся): востязуяй же мя, Господь есть (1 Кор. IV, 3, 4).

1. Не знаю, какимъ образомъ между другими родами зла вошло въ природу человѣческую зло испытанія и неумѣстнаго осужденія ближнихъ, которое и Христосъ обличалъ, когда говорилъ: *не судите, да не судими будете* (Мѳ. VII, 1). Оно не доставляетъ даже никакого удовольствія, какъ другіе грѣхи, а ведетъ только къ непріятностямъ и наказанію. Между тѣмъ мы, будучи сами виновны въ безчисленныхъ грѣхахъ и имѣя въ глазахъ своихъ какъ бы бревно, тщательно разбираемъ грѣхи ближняго, которые не болѣе сучка (Мѳ. VII, 3). Такъ было и у коринѳянъ. Мужей благочестивыхъ и богоугодныхъ они осмѣивали и отвергали за неученость ихъ, а виновныхъ въ безчисленныхъ порокахъ уважали за ихъ краснорѣчіе. Принимая на себя роль судей, они съ дерзостію произносили приговоры: такой-то достоинъ, такой-то лучше такого-то, этотъ выше того, а тотъ ниже этого; вмѣсто того, чтобы оплакивать свои грѣхи, судили о другихъ, и такимъ образомъ возбуждали великую борьбу. Для уврачеванія этой болѣзни Павелъ, смотри, какъ мудро вразумляетъ ихъ. Сказавъ: *а еже прочее, ищется въ строителехъ, да вѣренъ кто обрящется*, и этими словами, повидимому, дозволивъ имъ судить и 88
изслѣдовать жизнь каждаго,—отчего и происходили смятенія,—онъ хочетъ освободить ихъ отъ такой страсти и говоритъ: *мнѣ же не велико есть, да отъ васъ истяжуся*, опять сводя рѣчь на свое лице. Что значитъ: *мнѣ же не велико есть, да отъ васъ истяжуся, или отъ человѣческаго дне?* Недостойно меня, говоритъ, быть судимымъ вами; что я говорю: вами?—и другимъ кѣмъ бы то ни было. Не подумайте, что Павелъ по гордости говоритъ, что никто изъ людей не достоинъ произносить о немъ судъ. Во-первыхъ, онъ не для себя говоритъ это, а для того, чтобы другихъ исцѣлить отъ ихъ болѣзни; во-вторыхъ, онъ не остановился на коринѳянахъ, но не приписалъ и себѣ права сужденія, сказавъ, что такое сужденіе выше его собственнаго разумѣнія: *но ни самъ себе*, присовокупляетъ онъ, *востязую*. Притомъ надобно смотрѣть, съ какимъ расположеніемъ онъ сказалъ это; онъ часто употреблялъ высокія выраженія, но не изъ гордости или тщеславія, а съ мудрою предусмотрительностію; такъ точно и теперь въ этихъ словахъ онъ не превозноситъ самого себя, но смиряетъ

89 другихъ и старается показать достоинство святыхъ. А что онъ былъ одинъ изъ числа весьма смиренныхъ, послушай, что говоритъ онъ, представляя свидѣтельство о себѣ враговъ своихъ: *пришествіе тѣла немощно и слово уничижено* (2 Кор. x, 10); и въ другомъ мѣстѣ: *послѣди же всѣхъ, яко нѣкоему извергу, явися и мнѣ* (1 Кор. xv, 8). И однако этотъ смиренный, въ случаѣ нужды, смотри, на какую высоту возводилъ понятія учениковъ, не гордости научая ихъ, но внушая имъ здравомысліе. Бесѣдуя съ тѣми же коринѳянами, онъ говоритъ: *и аще вами судъ пріиметъ міръ, не достойни есте судищемъ худымъ* (1 Кор. vi, 2). Христіанину слѣдуетъ удаляться какъ отъ гордости, такъ и отъ льстивости и неблагороднаго образа мыслей. Кто говоритъ, напримѣръ, что имущество онъ не вмѣняетъ ни во что и все настоящее считаетъ тѣнію, сновидѣніемъ и дѣтскими игрушками, того мы не обвиняемъ въ гордости,—иначе мы должны были бы обвинять въ гордости и Соломона, который, любомудрствуя объ этомъ, говоритъ: *суета суетствій и всяческая суета* (Еккл. i, 2). Но не будемъ называть любомудріе именемъ гордости. Презирать блага настоящія—это не гордость, а великодушіе, хотя не отвергаютъ ихъ и цари, и начальники, и вельможи. Бѣдный по любомудрію часто презираетъ ихъ; но мы не назовемъ его за это гордымъ; подобно какъ человѣка, слишкомъ привязаннаго къ нимъ, не назовемъ умѣреннымъ и смиренномудрымъ, а слабымъ, малодушнымъ и пристрастнымъ. Сына, который бы не думалъ о принадлежащемъ отцу его, а занимался свойственнымъ рабу, мы не назвали бы смиренномудрымъ, а осудили бы какъ человѣка съ неблагородными и рабскими чувствами; а того, который бы презиралъ рабское и дорожилъ отеческимъ, мы превознесли бы похвалами. Считать себя лучше подобныхъ себѣ людей—это гордость, а произносить истинное сужденіе о вещахъ—это не гордость, но любомудріе.

2. Такимъ образомъ Павелъ не превозноситъ себя, но смиряетъ другихъ, вразумляетъ превозносящихся и научаетъ ихъ смиренномудрію, когда говоритъ: *мнѣ же не велико есть, да отъ васъ истяжуся, или отъ человѣческаго дне.* Видишь ли, какъ онъ врачуетъ ихъ? Слыша, что онъ на (судъ) всѣхъ равно не обращаетъ вниманія и всѣхъ считаетъ недостойными судить его, никто изъ нихъ не могъ скорбѣть и говорить, что онъ только одинъ отвергнутъ. Если бы онъ сказалъ: *отъ васъ* только, и остановился бы, то они могли бы огорчиться, какъ отверженные, а присовокупивъ: *или отъ человѣческаго дне*, онъ облегчилъ ударъ, признавъ вмѣстѣ съ ними и другихъ недостойными. Далѣе смягчаетъ и это, присовокупляя: *но ни самъ себе востязую.* Видишь,

какъ слова его происходятъ не отъ гордости: я и самъ, говорить, не въ состояніи произносить судъ. А такъ какъ и эти слова могли быть приписаны чрезмѣрной гордости, то для отклоненія такого мнѣнія говоритъ: *но ни о семъ оправдаюся.* Какъ, неужели не должно осуждать себя и за грѣхи свои? Должно и даже очень, когда мы грѣшимъ; но Павелъ не о томъ говоритъ. *Ничесоже бо,* говоритъ, *въ себѣ свѣмъ.* За какой грѣхъ онъ сталъ бы осуждать себя, если онъ не знаетъ за собою ничего? И не смотря на то, говоритъ, *ни о семъ оправдаюся.* Что же скажемъ мы, которые имѣемъ совѣсть, пораженную безчисленными ранами, и не знаемъ за собою ничего добраго, но все противное тому? А почему онъ не оправданъ, если не знаетъ за собою ничего? Потому, что и ему случалось допускать нѣкоторыя прегрѣшенія,
безъ собственнаго сознанія этихъ прегрѣшеній. Отсюда можешь 90
заключать, какъ тщателенъ будущій судъ. Такимъ образомъ онъ считалъ другихъ недостойными судить о немъ не потому, что признавалъ себя безукоризненнымъ, но желая заградить уста безразсудно дѣлавшимъ это. Въ другомъ мѣстѣ, когда обстоятельства требовали, онъ запрещаетъ осуждать ближнихъ даже въ случаѣ явныхъ грѣховъ.

Ты же почто, говоритъ, *осуждаеши брата твоего? Или ты что уничижаеши брата твоего* (Рим. XIV, 10)? Тебѣ, человѣкъ, заповѣдано не другихъ осуждать, а смотрѣть за самимъ собою: для чего же ты присвояешь дѣло Владыки? Судить—Его дѣло, а не твое. Потому и продолжаетъ: *тѣмже прежде времени ничтоже судите, дондеже пріидетъ Господь, иже и* освѣтитъ *тайная тмы, и объявитъ совѣты сердечныя: и тогда похвала будетъ комуждо отъ Бога* (ст. 5). Какъ, неужели и учители не должны дѣлать этого? Должны въ случаѣ явныхъ грѣховъ, при исповѣди, въ надлежащее время, и притомъ со скорбію и сокрушеніемъ, а не съ гордостію и тщеславіемъ, какъ дѣлали коринѳяне. Апостолъ говоритъ здѣсь не объ исповѣдуемыхъ грѣхахъ, а о предпочтеніи такого-то такому-то и о сравниваніи ихъ жизни. Судить объ этомъ безошибочно можетъ одинъ только Тотъ, который будетъ судить сокровенныя наши помышленія и опредѣлять, какія изъ нихъ достойны большаго, какія меньшаго наказанія, или награжденія; а мы судимъ по внѣшности. Если я, говоритъ, не могу точно знать, въ чемъ я самъ грѣшенъ, то какъ почту себя достойнымъ произносить приговоръ о другихъ? Не зная съ точностію своихъ собственныхъ дѣлъ, какъ я могу судить о дѣлахъ другихъ? Если же таковъ былъ Павелъ, то тѣмъ болѣе мы. А говорилъ онъ это не для того, чтобы показать свою безукоризненность, но чтобы показать, что если бы даже былъ между ними

кто-нибудь непричастный никакому грѣху, и тотъ былъ бы недостоинъ судить о жизни другихъ, и что если онъ, ничего не знающій за собою, не считаетъ себя невиннымъ, то тѣмъ болѣе не могутъ считать себя такими они, знающіе за собою множество грѣховъ. Заградивъ уста дѣлавшимъ такія сужденія, онъ потомъ съ прискорбіемъ обращаетъ гнѣвъ свой на кровосмѣсника. Какъ при наступленіи бури напередъ появляются мрачныя облака, потомъ, когда прогремитъ громъ и все небо сдѣлается какъ бы однимъ облакомъ, внезапно низвергается на землю дождь, такъ и онъ поступаетъ здѣсь. Онъ могъ бы съ великимъ негодованіемъ прямо обратиться къ кровосмѣснику, но не дѣлаетъ этого, а напередъ низлагаетъ надменность его устрашающими словами, потому что и допущенъ былъ имъ сугубый грѣхъ, прелюбодѣяніе и, что еще хуже прелюбодѣянія, нераскаянность во грѣхѣ. Онъ скорбитъ не столько о согрѣшеніи, сколько о нераскаянности грѣшника: *да не восплачуся*, говоритъ, *многихъ* не просто *прежде согрѣшшихъ*, но *и не покаявшихся о нечистотѣ и блуженіи и студоложствіи, яже содѣяша* (2 Кор. xii, 21). Покаявшійся послѣ грѣха достоинъ не скорби, а ублаженія, какъ вступившій въ ликъ праведниковъ. *Глаголи ты* (говоритъ пророкъ) *беззаконія твоя прежде, да оправдишися* (Ис. xliii, 26). А кто послѣ грѣха не стыдится, тотъ достоинъ сожалѣнія не столько потому, что онъ палъ, сколько потому, что упавши лежитъ.

91 3. Если же не каяться въ грѣхахъ тяжело, то гордиться грѣхами какого достойно наказанія? Если превозносящійся своими добродѣтелями нечистъ, то превозносящійся своими пороками какое получитъ прощеніе? Таковъ былъ кровосмѣсникъ,—такъ душа его загрубѣла и ожесточилась во грѣхѣ; потому (апостолъ) нашелъ необходимымъ напередъ низложить его гордость, и обличаетъ его не прежде всѣхъ, чтобы онъ не сдѣлался еще болѣе безстыднымъ, какъ обличаемый прежде другихъ, и не послѣ всѣхъ, чтобы онъ не сталъ считать (своего преступленія) маловажнымъ, но, предварительно внушивъ ему большой страхъ вразумленіемъ другихъ и потрясши душу его обличеніемъ, направленнымъ противъ другихъ, потомъ уже обращается къ нему. Эти самыя слова: *ничесоже въ себѣ свѣмъ, но ни о семъ оправдаюся*. также: *востязуяй мя Господь есть, иже* и освѣтитъ *тайныя тмы и объявитъ совѣты сердечныя*,—сказаны не случайно, а касаются его же и его сообщниковъ, которые унижали святыхъ. Что изъ того, говоритъ, если нѣкоторые по внѣшности кажутся добродѣтельными и удивительными? Не по внѣшности только судитъ этотъ Судія, но обнаруживаетъ и сокровенное. Такимъ образомъ по двумъ или, лучше, по тремъ причинамъ, судъ нашъ не бы-

ваетъ правымъ: во-первыхъ, потому, что, хотя бы мы ничего не знали за собою, мы однакожъ повинны предъ судомъ обличающаго наши грѣхи съ точностію; во-вторыхъ, потому, что большая часть дѣлъ остается для насъ неоткрытою и неизвѣстною; въ-третьихъ, потому, что многія изъ дѣйствій другихъ кажутся намъ добрыми, но совершаются не съ добрымъ намѣреніемъ. Для чего вы говорите, что такой-то и такой-то не сдѣлали никакого грѣха, или такой-то лучше такого-то? Этого нельзя сказать даже и о томъ, кто ничего не знаетъ за собою; Кто видитъ сокровенное, Тотъ только произноситъ судъ правый. Вотъ и я *ничесоже въ себѣ свѣмъ, но ни о семъ оправдаюся*, т. е. не свободенъ отъ вины и осужденія. Не говоритъ: я не въ числѣ праведниковъ, но: я нечистъ отъ грѣха. И въ другомъ мѣстѣ говоритъ: *умерый* оправдися *отъ грѣха*, т. е: освободился (Рим. VI, 7). Мы совершаемъ много и добрыхъ дѣлъ, но не съ добрымъ намѣреніемъ. Такъ мы многихъ хвалимъ, но не для того, чтобы показать ихъ совершенства, а для того, чтобы чрезъ нихъ унизить другихъ. Дѣло само по себѣ доброе,—потому что хвалится человѣкъ добродѣтельный; но намѣреніе дурное,—потому что происходитъ отъ сатанинскаго расположенія; не изъ сорадованія брату, но изъ желанія повредить другому часто дѣлаютъ это. Еще: иной совершитъ тяжкій грѣхъ, а другой, желая погубить его, утверждаетъ, что онъ не совершилъ ничего худого, и ободряетъ согрѣшившаго, указывая на общее (свойство) природы; но часто не для того дѣлаетъ это, чтобы простить, а съ намѣреніемъ придать болѣе безпечности. А часто обличаетъ, но не для того, чтобы вразумить и исправить, а чтобы обнаружить и осмѣять грѣхъ его. Такихъ намѣреній люди не знаютъ, а *испытаяй сердца* (Псал. VII, 10) знаетъ ихъ въ точности и откроетъ все это въ свое время. Потому (апостолъ) и говоритъ: *иже* освѣтитъ *тайная тмы и объявитъ совѣты сердечныя.*

Если же мы и тогда, когда ничего не знаемъ за собою, не можемъ быть свободными отъ осужденія, и за самыя добрыя дѣла, 92
когда совершаемъ ихъ не съ добрымъ намѣреніемъ, подлежимъ наказанію, то представь, насколько неправы суды человѣческіе. Люди не могутъ видѣть всего; это возможно только для одного недремлющаго Ока; людей мы можемъ обмануть, но Его—никогда. Потому не говори: мракъ и стѣны окружаютъ меня: кто видитъ меня? *Создавый наединѣ сердца* наши (Псал. XXXII, 15) знаетъ все, потому что и *тма не помрачится отъ Него* (Псал. CXXXVIII, 12). Впрочемъ, справедливо говоритъ грѣшникъ, что мракъ и стѣны окружаютъ его. Если бы не было мрака въ душѣ его, то онъ не отвергъ бы страха Божія и не предавался бы безстыдству, такъ

какъ прежде, нежели помрачится главенствующая часть (душа), грѣхъ не смѣетъ войти. Потому не говори: кто видитъ меня? Есть Тотъ, Который проникаетъ *до души же и духа, членовъ же и мозговъ* (Евр. IV, 12), хотя самъ ты не видишь себя, не можешь разсѣять облака и, какъ бы окруженный со всѣхъ сторонъ стѣною, не въ состояніи воззрѣть на небо.

4. Мы представимъ тебѣ, какой угодно, грѣхъ, и ты увидишь, что дѣйствительно такъ бываетъ. Какъ воры и подкапыватели стѣнъ, намѣреваясь похитить что-нибудь драгоцѣнное, исполняютъ это, погасивъ свѣтильникъ, такъ порочный помыслъ поступаетъ и съ грѣшниками. Въ насъ есть умственный свѣтильникъ, постоянно горящій. Если духъ прелюбодѣянія, устремившись съ великою силою, погаситъ свѣтъ его, то немедленно помрачаетъ и преодолѣваетъ душу и тотчасъ расхищаетъ все, въ ней находящееся. Когда овладѣваетъ душею порочное пожеланіе, тогда разумное око ея, помрачившись, подобно какъ тѣлесныя очи помрачаются облакомъ и тьмою, не можетъ видѣть ничего, ни пропасти, ни геенны, ни страха, и она, будучи, наконецъ, не въ состояніи противиться силѣ пожеланія, дѣлается удобопреклонною ко грѣху; предъ очами ея какъ бы воздвигается непроницаемая стѣна, которая не позволяетъ лучу правды просвѣтить разумъ ея, потому что порочные помыслы, порождаемые пожеланіемъ, со всѣхъ сторонъ окружаютъ ее. Тогда представляется человѣку блудница, безпрестанно появляющаяся предъ его глазами, въ его разумѣ и мысляхъ; и какъ слѣпые, хотя бы стояли среди полудня подъ открытымъ небомъ, не могутъ видѣть свѣта, потому что закрыты глаза ихъ, такъ и онъ, хотя бы оглашали его со всѣхъ сторонъ безчисленные спасительные догматы, будучи напередъ охваченъ въ душѣ своей этою страстію, заграждаетъ слухъ свой для всѣхъ внушеній. Это хорошо знаютъ тѣ, которые испытали это. Но вамъ пусть не придется узнать это на опытѣ. И не одинъ только этотъ грѣхъ, но и всякая порочная страсть производитъ тоже самое.

Обратимъ, если угодно, рѣчь нашу отъ блудницы къ деньгамъ; здѣсь мы увидимъ густой и непроницаемый мракъ. Тамъ, гдѣ бываетъ одна любовница, заключенная въ одномъ мѣстѣ, страсть не такъ сильна; а когда вездѣ представляются деньги, въ мастерскихъ серебряныхъ и золотыхъ вещей, въ гостинницахъ, въ богатыхъ домахъ, тогда страсть дѣйствуетъ сильно. Когда больной этою страстію видитъ дѣтей, гуляющихъ на торжищѣ, лошадей, украшенныхъ золотомъ, людей, одѣтыхъ въ драгоцѣнныя одежды, тогда въ душѣ его разливается великій
93 мракъ. Но что говорить о домахъ и мастерскихъ? Такіе люди, я

думаю, когда увидятъ богатство, изображенное на картинѣ, и тогда возмущаются, досадуютъ и бѣснуются: такъ мракъ вездѣ окружаетъ ихъ! Если они обратятъ взоръ на изображеніе царя, то не удивляются ни красотѣ камней, ни золотой и пурпуровой одеждѣ, а мучатся страстію; и какъ несчастный любовникъ, увидѣвъ изображеніе любимой женщины, не можетъ оторваться отъ бездушной картины, такъ и они, видя бездушное изображеніе богатства, страдаютъ такъ же, и еще тѣмъ болѣе, чѣмъ сильнѣйшей преданы страсти; имъ остается или сидѣть дома, или, вышедши на торжище, получать тысячи ранъ и съ ними возвращаться домой, потому что слишкомъ много предметовъ, поражающихъ ихъ глаза. Какъ тотъ не видитъ ничего другого, кромѣ женщины, такъ и они не видятъ на пути ни бѣдныхъ, ни всего другого, отъ чего могли бы получить утѣшеніе, а устремляютъ глаза только на богатыхъ и, взирая на нихъ, собираютъ великій и сильный огонь въ свою душу. Подлинно, это—огонь, жестоко пожирающій подвергшагося ему; и если бы не было ни геенны, ни будущаго наказанія, то въ самой настоящей жизни было бы наказаніемъ — постоянно страдать и не видѣть конца своимъ страданіямъ. Одно это могло бы удерживать отъ такой болѣзни; но нѣтъ ничего хуже безумной страсти, которая заставляетъ прилѣпляться даже къ вещамъ, приносящимъ одну горечь и никакой пользы. Потому увѣщеваю васъ истреблять страсть въ самомъ ея началѣ. Какъ приключившаяся горячка вначалѣ не слишкомъ возбуждаетъ въ больныхъ жажду, а когда огонь ея возрастетъ и усилится, тогда производитъ неутолимую жажду, и если кто подастъ имъ питья, то не утоляетъ, но еще болѣе усиливаетъ пламень,—такъ бываетъ и съ этою страстію: если вначалѣ, когда она вторгается въ нашу душу, мы не остановимъ ее и не заключимъ двери, то вошедши она причиняетъ неисцѣльную болѣзнь въ принявшихъ ее. Все вѣдь, и доброе и злое, чѣмъ долѣе остается въ насъ, тѣмъ становится сильнѣе.

5. Тоже можно видѣть и во всемъ другомъ. Дерево, недавно посаженное въ землю, исторгается легко, а укоренившееся въ теченіе долгаго времени—не легко, но съ великимъ трудомъ; зданіе, недавно построенное, легко разрушается, если кто станетъ разрушать его, а долго стоявшее представляетъ много затрудненій для желающихъ разрушить его; и звѣрь, долго обитавшій въ какомъ-нибудь мѣстѣ, не легко выгоняется оттуда. Потому увѣщеваю тѣхъ, которыми еще не овладѣла страсть, не предаваться *ей*, потому что легче воздержаться, нежели, предавшись, *освободиться* отъ нея; а тѣмъ, въ которыхъ она поселилась и *произвела* вредъ, обѣщаю надежду совершеннаго исцѣленія бла-

годатію Божіею, если они захотятъ принять врачеваніе. Если они представятъ себѣ людей, впавшихъ въ болѣзнь страсти, и потомъ освободившихся отъ нея, то получатъ добрую надежду на исцѣлѣніе отъ болѣзни. Кто же впадалъ въ эту болѣзнь и скоро освобождался отъ ней? Закхей (упоминаемый въ Евангеліи). Кто болѣе мытаря пристрастенъ къ деньгамъ? Но онъ внезапно сдѣлался любомудрымъ и погасилъ въ себѣ весь огонь (страсти) (Лук. XIX, 8). Также апостолъ Матѳей: и онъ былъ мытарь и постоянно проводилъ жизнь въ дѣлахъ корыстолюбія; но внезапно оставилъ это пагубное занятіе, истребилъ въ себѣ жажду (корысти) и обратился къ стяжанію духовному (Мѳ. IX, 9). Представляя ихъ и подобныхъ имъ людей, не предавайся отчаянію.
94 Если захочешь, то и ты можешь скоро исцѣлиться. Если угодно, мы по примѣру врачей предпишемъ тебѣ и подробныя правила, какъ поступать. Прежде всего надобно не падать духомъ и не отчаиваться въ своемъ спасеніи; потомъ — взирать не на одни только примѣры людей исправившихся, но и погибшихъ отъ страстей. Вспоминая о Закхеѣ и Матѳеѣ, надобно представлять и Іуду, и Гіезія, и Ахара, и Ахаава, и Ананію, и Сапфиру, чтобы примѣрами первыхъ предохранить себя отъ отчаянія, а примѣрами послѣднихъ истребить въ себѣ нерадѣніе и не допустить душу — оставаться невнимательною къ предлагаемымъ увѣщаніямъ, но расположить себя—говорить тоже, что говорили приступившіе къ Петру іудеи: *что сотворимъ, да спасемся* (Дѣян. II, 37), и услышать, что нужно дѣлать. Что же нужно дѣлать? Нужно знать, что вещи ничтожны, что богатство есть бѣглый и неблагодарный рабъ, что оно подвергаетъ безчисленнымъ бѣдствіямъ владѣющихъ имъ, и тому подобныя истины постоянно повторять себѣ. Какъ врачи, для утѣшенія больныхъ, требующихъ себѣ холоднаго питья, увѣряютъ ихъ, что оно будетъ подано, упоминаютъ объ источникѣ, о сосудѣ, о потребномъ для того времени и о многомъ другомъ,—потому что если отказать вдругъ, то они могутъ придти въ гнѣвъ и бѣшенство,—такъ будемъ поступать и мы съ корыстолюбцами. Если они скажутъ: мы хотимъ обогатиться, — не будемъ тотчасъ же говорить, что богатство есть зло, но согласимся и скажемъ, что и мы желаемъ имъ того же, но желаемъ въ надлежащее время, — богатства истиннаго, доставляющаго радости вѣчныя, собираемаго для нихъ самихъ, а не для другихъ и часто для враговъ; обратимъ ихъ вниманіе на правила любомудрія и скажемъ, что мы запрещаемъ не обогащаться, но обогащаться дурными способами; можно обогащаться, но безъ корыстолюбія, безъ грабительства и насилія, безъ худой молвы. Располагая ихъ къ себѣ такими сло-

нами, не будемъ еще говорить имъ о гееннѣ, потому что больной сначала не можетъ переносить этихъ напоминаній; а будемъ въ разсужденіяхъ своихъ касаться болѣе предметовъ настоящихъ и говорить: для чего ты хочешь обогащаться несправедливо? Для того ли, чтобы другимъ собрать золото и серебро, а себѣ—безчисленныя укоризны и проклятія? Для того ли, чтобы ограбленный тобою терзался и мучился, имѣя нужду въ необходимомъ, вездѣ порицалъ тебя и при наступленіи ночи ходилъ по площадямъ и всѣмъ переулкамъ, недоумѣвая и не зная, какъ провести ночь? И можетъ ли онъ спать, когда терпитъ безпокойство отъ желудка, мучится безсонницей, терзается голодомъ, страдаетъ часто отъ холода и дождя? Ты, вымывшись въ банѣ, облекаешься въ мягкія одежды и возвращаешься съ радостію и веселіемъ, поспѣшая къ приготовленному роскошному ужину; а онъ, непрестанно гонимый холодомъ и голодомъ, ходитъ по всѣмъ площадямъ съ поникшею головою, протягивая руки и даже отъ страха не смѣя напомнить сытому и покоющемуся о необходимой пищѣ, а часто и отходитъ, осыпанный укоризнами. Потому, когда ты возвратишься домой, когда возляжешь на ложѣ, когда въ домѣ твоемъ будетъ устроено блистательное освѣщеніе и приготовлена роскошная трапеза, вспомни объ этомъ бѣдномъ и несчастномъ, который подобно псамъ ходитъ по переулкамъ во мракѣ и грязи, и возвращается оттуда часто не домой, не къ 95
женѣ, не на ложе, а на кучу сѣна, подобно псамъ, лающимъ во всю ночь. Ты, если увидишь одну малую каплю, упавшую съ кровли, то поднимаешь весь домъ, гоняешь слугъ, приводишь все въ движеніе; а онъ, лежа въ рубищѣ на сѣнѣ и въ грязи, переноситъ страшный холодъ.

6. Какой звѣрь не будетъ пораженъ этими обстоятельствами? Кто такъ жестокъ и безчеловѣченъ, что и при этомъ не преклонится на милость? Но есть люди, дошедшіе до такой жестокости, что говорятъ: они страдаютъ достойно. Вмѣсто того, чтобы жалѣть, плакать и облегчать несчастія, они безжалостно и безчеловѣчно обвиняютъ ихъ же самихъ. Хотѣлъ бы я спросить: почему они, скажи мнѣ, страдаютъ достойно? Потому ли, что хотятъ ѣсть, а не голодать? Нѣтъ, скажешь, но потому, что они проводятъ жизнь въ праздности. А ты развѣ не проводишь времени въ праздности и забавахъ? Или часто не предаешься такой дѣятельности, которая хуже всякаго бездѣйствія, занимаясь грабительствомъ, насиліемъ и любостяжаніемъ? Лучше было бы, если бы и ты предавался такой же праздности, потому что такая праздность гораздо лучше любостяжанія. Между тѣмъ ты нападаешь на чужія несчастія; не только проводишь время въ праздности,

не только предаешься дѣятельности, которая хуже бездѣйствія, но еще обвиняешь несчастныхъ. Будемъ же разсказывать имъ о чужихъ несчастіяхъ, о преждевременныхъ сиротствахъ, о заключенныхъ въ темницахъ, обижаемыхъ въ судилищахъ, о подвергающихъ опасности жизнь свою, о неожиданномъ вдовствѣ женъ и внезапной нищетѣ богачей, и этими страшными событіями трогать ихъ душу. Разсказами о другихъ мы внушимъ имъ бояться того же и за себя. Когда они услышатъ, что сынъ такого-то корыстолюбца и грабителя и жена такого-то, сдѣлавшаго множество несправедливостей, по смерти его, потерпѣли тысячи бѣдствій, потому что обиженные имъ приступили къ женѣ и дѣтямъ и сдѣлали со всѣхъ сторонъ общее нападеніе на домъ его, тогда всякій изъ нихъ, хотя бы былъ самый нечувствительный, ожидая и себѣ такихъ же бѣдствій, опасаясь того же и за своихъ домашнихъ, сдѣлается благоразумнѣе. Жизнь наша исполнена
96 подобныхъ случаевъ, и у насъ не будетъ недостатка въ способахъ такого вразумленія. Впрочемъ, сообщая все это, будемъ говорить не въ видѣ увѣщанія или совѣта, чтобы слова наши не показались непріятными, но въ видѣ разсказа; отъ другихъ предметовъ всегда будемъ склонять нашъ разговоръ также къ этому предмету и, какъ можно, чаще предлагать такіе разсказы, не позволяя останавливаться ни на чемъ, кромѣ слѣдующаго: какъ домъ такого-то, бывшій прежде богатымъ и знатнымъ, палъ; какъ онъ запустѣлъ до того, что все, бывшее въ немъ, перешло въ руки другихъ; сколько судебныхъ слѣдствій, сколько дѣлъ ежедневно открывается по его имуществу; сколько рабовъ его одни сдѣлались нищими, другіе умерли въ темницѣ. Все это будемъ разсказывать, выражая сожалѣніе о покойникѣ и свое презрѣніе къ благамъ настоящимъ, чтобы и страхомъ и сожалѣніемъ поразить жестокую душу ихъ. Когда же увидимъ, что они тронуты этими разсказами, тогда наконецъ будемъ говорить съ ними и о геенѣ; впрочемъ не какъ бы желая устрашить ихъ, но выражая сожалѣніе о другихъ, скажемъ: что говорить о настоящемъ?— жизнь наша здѣсь не оканчивается; въ будущемъ постигнетъ такихъ людей еще жесточайшее наказаніе, рѣка огненная, червь ядовитый, мракъ нескончаемый, мученія вѣчныя. Вразумляя ихъ такими разсказами, мы исправимъ и ихъ и себя самихъ, скоро исцѣлимъ ихъ отъ болѣзни и сами заслужимъ въ день будущаго суда похвалу отъ Бога, какъ говоритъ Павелъ: *и тогда похвала будетъ комуждо отъ Бога* (1 Кор. IV, 5). Похвала отъ людей ненадежна и часто проистекаетъ не изъ добраго намѣренія; а похвала отъ Бога остается навсегда и сіяетъ свѣтло, потому что когда воздаетъ похвалу вѣдущій все прежде исполненія и не-

причастный никакой страсти, тогда добродѣтель обнаруживается съ несомнѣнностію. Зная это, будемъ поступать такъ, чтобы намъ заслужить похвалу отъ Бога и получить величайшія блага, которыхъ и да сподобимся всѣ мы, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XII.

Сія же, братіе, преобразихъ на себе и Аполлоса васъ 95
ради, да отъ насъ научитеся не паче написанныхъ мудрствовати (1 Кор. IV, 6).

1. Пока нужно было употреблять рѣчь обличительную, (апостолъ) говорилъ прикровенно и бесѣдовалъ съ коринѳянами такъ, какъ будто бы дѣло касалось его самого,—чтобы осуждающіе, представляя достоинство лицъ осуждаемыхъ, не могли отъ обличеній придти въ гнѣвъ; а когда нужно было смягчить укоризну, тогда онъ оставляетъ переносную рѣчь и, разоблачивъ прикровенное, показываетъ лица, скрывавшіяся подъ именами Павла и Аполлоса. Потому и говоритъ: *сія же, братіе, преобразихъ на себе и Аполлоса*. Какъ поступаютъ съ больными, когда напр. больное дитя упрямится и не хочетъ принимать лѣкарствъ, предлагаемыхъ врачами, тогда ухаживающіе за нимъ приглашаютъ отца 96
или наставника и просятъ ихъ взять изъ рукъ врача лѣкарство и поднести къ дитяти, чтобы оно изъ страха къ нимъ приняло и успокоилось,—такъ и Павелъ, обличая коринѳянъ за другихъ, какъ осуждаемыхъ, такъ и чрезмѣрно превозносимыхъ, не открылъ самыхъ лицъ ихъ, но употребилъ въ рѣчи имя свое и Аполлосово, чтобы изъ уваженія къ этимъ именамъ они приняли врачеваніе; а когда приняли, тогда наконецъ и открылъ, о комъ идетъ рѣчь. Это—не притворство, а снисхожденіе и предусмотрительность. Если бы онъ прямо сказалъ: вы осуждаете святыхъ и достопочтенныхъ мужей, то они оскорбились бы и не стали бы слушать; а теперь, когда онъ сказалъ: *мнѣ же не велико есть, да отъ васъ истяжуся*, и еще: *кто есть Павелъ, кто же ли Аполлосъ?* 97
то они скорѣе могли принять внушеніе. Потому онъ и сказалъ: *сія же преобразихъ на себе васъ ради, да отъ насъ научитеся не паче написанныхъ мудрствовати*, выражая этимъ, что если бы онъ прямо сталъ говорить о тѣхъ мужахъ, то они не научились бы тому, чему слѣдовало научиться, и не приняли бы вразумленія, оскорбившись сказаннымъ. А теперь, изъ уваженія къ Павлу и

его спутнику, они скоро приняли обличеніе. Что значитъ: *не паче написанныхъ мудрствовати?* Въ Писаніи сказано: *что видиши сучецъ, иже во оцѣ брата твоего, бервна же, еже есть во оцѣ твоемъ, не чуеши?* И еще: *не судите, да не судими будете* (Мѳ. VII, 3, 1). Если мы соединены между собою и составляемъ одно, то мы не должны возставать другъ противъ друга. Также сказано: *смиряяйся вознесется* (Мѳ. XXIII, 12); и еще: *иже аще хощетъ первый изъ всѣхъ быти, да будетъ всѣмъ слуга* (Марк. X, 43, 44). Вотъ что написано! *Да не единъ по единому гордитеся на другаго.* Здѣсь онъ, оставивъ учителей, опять обличаетъ учениковъ, потому что послѣдніе превозносили первыхъ. Притомъ учители не скоро приняли бы такое внушеніе, потому что искали внѣшней славы и были ослѣплены этою страстію; а ученики, не получая славы, но воздавая ее другимъ, скорѣе могли принять вразумленіе и были способнѣе своихъ начальниковъ исцѣлиться отъ болѣзни. Дѣйствительно, и это—отъ гордости, когда кто, не имѣя ничего у себя, превозносится другимъ. Какъ превозносящійся чужимъ богатствомъ дѣлаетъ это отъ гордости, такъ и превозносящійся чужею славою. Потому справедливо (апостолъ) называетъ это *гордостію.*

Когда въ тѣлѣ одинъ членъ дѣлается выше другихъ, то это не что иное, какъ болѣзненная опухоль, такъ какъ одинъ членъ не иначе можетъ подняться выше другого, какъ отъ воспаленія. Такъ и въ тѣлѣ Церкви кто гордится и превозносится, тотъ находится въ болѣзненномъ состояніи, потому что онъ поднимается выше общаго соразмѣрнаго положенія, и слѣдовательно подвергается болѣзненной опухоли. Въ тѣлѣ это бываетъ тогда, когда накопляется какая-нибудь излишняя и вредная влага вмѣсто обыкновенныхъ питательныхъ соковъ. Такъ и въ душѣ раждается гордость, когда въ насъ входятъ чуждые помыслы. Видишь, какъ точно онъ выразился, сказавъ: *не гордитеся.* Гордость есть какъ бы воспалительная опухоль, наполненная вредными соками. Впрочемъ, говоря это, онъ не запрещаетъ оказывать почтеніе, но осуждаетъ почтеніе, соединенное со вредомъ. Ты хочешь оказать почтеніе такому-то? Не препятствую; но только бы безъ вреда другому. Не для того намъ даны учители, чтобы мы возставали другъ противъ друга, но чтобы всѣ соединялись другъ съ другомъ. Военачальникъ поставляется надъ войскомъ для того, чтобы изъ отдѣльныхъ членовъ составить одно тѣло; если же онъ станетъ производить въ войскѣ раздѣленіе, то онъ болѣе врагъ, нежели военачальникъ. *Кто бо тя разсуждаетъ? Что бо имаши, егоже нѣси пріялъ* (ст. 7)? Здѣсь, оставивъ подчиненныхъ, онъ обращается къ начальникамъ. А

смыслъ словъ его слѣдующій: откуда извѣстно, что ты достоинъ похвалы? Развѣ былъ судъ? Развѣ произведено испытаніе, изслѣдованіе, точное дознаніе? Ты не можешь сказать этого. Если же люди такъ разсудили, то судъ не вѣренъ. Положимъ даже, что ты достоинъ похвалы, что ты дѣйствительно имѣешь дарованія и судъ человѣческій не ложенъ; и тогда тебѣ не слѣдуетъ высокомудрствовать. Ты ничего не имѣешь отъ себя, но все получилъ отъ Бога. Почему представляешь себя имѣющимъ то, чего
не имѣешь? А что ты имѣешь, то же имѣютъ и другіе съ тобою. 98
Слѣдовательно, ты получилъ не только то или другое, но все, что имѣешь.

2. Достоинства твои не отъ тебя, но отъ благодати Божіей. Укажешь ли на вѣру,—она отъ призванія; укажешь ли на отпущеніе грѣховъ, на дарованія, на способность учительства, на добродѣтели,—все ты получилъ оттуда. Что же, скажи мнѣ, ты имѣешь такого, чего бы не получилъ, а достигъ самъ собою? Не можешь указать ни на что. Ты получилъ, и потому превозносишься? Поэтому слѣдовало бы смиряться, такъ какъ данное принадлежитъ не тебѣ, но давшему. Если ты получилъ, то получилъ отъ Него; если получилъ отъ Него, то получилъ не свое; если получилъ не свое, то почему превозносишься, какъ бы имѣя все отъ себя самого? Потому (апостолъ) и присовокупилъ: *аще же и пріялъ еси, что хвалишися, яко не пріемь* (ст. 7)? Такимъ образомъ послѣдовательно доказавъ свою мысль, онъ далѣе показываетъ, что еще многаго недостаетъ имъ, и говоритъ: если бы даже вы получили все, и тогда никакъ не слѣдовало бы хвалиться, потому что все это не ваше; но вы теперь еще многаго не имѣете. И въ началѣ онъ намекалъ на это, когда говорилъ: *не могохъ вамъ глаголати, яко духовнымъ* (III, 1), и еще: *не судихъ вѣдѣти что въ васъ, точію Іисуса Христа, и сего распята* (II, 2); а здѣсь съ укоризною внушаетъ имъ это и говоритъ: *се сыти есте, уже обогатистеся* (ст. 8), т. е. ни въ чемъ болѣе не нуждаетесь, сдѣлались совершенными, достигли самой вершины, почитаете себя не требующими ничьего содѣйствія—ни апостоловъ, ни учителей. *Уже сыти есте.* Не напрасно онъ употребляетъ слово: *уже*, но самымъ временемъ доказываетъ, какъ неосновательно и безразсудно ихъ мнѣніе. Онъ иронически говоритъ имъ: такъ скоро вы дошли до конца! Это не могло быть по самому времени; совершенство—въ будущемъ; довольствоваться малымъ, это—знакъ слабой души; при маломъ считать себя богатымъ свойственно душѣ болѣзненной и жалкой; благочестіе ненасытимо; при начаткахъ считать себя получившимъ все и только еще въ началѣ дѣла—достигшимъ конца свойственно дѣтскому

разсудку. Послѣдующими словами онъ укоряетъ ихъ еще болѣе. Именно, сказавъ: *уже сыти есте*, продолжаетъ: *уже обогатистеся, безъ насъ воцаристеся: и о дабы воцарилися есте, да и мы быхомъ съ вами царствовали* (ст. 8)! Эти слова исполнены великой укоризны. Потому онъ и привелъ ихъ въ заключеніе послѣ многихъ обличеній. Вразумленіе тогда болѣе уважается и скорѣе принимается, когда послѣ обличеній приводятся укоризны. Это можетъ тронуть самую безстыдную душу и поразить ее больше прямого обличенія, и вмѣстѣ съ тѣмъ облегчить происходящую отъ обличенія скорбь и досаду. Слова укоризны заключаютъ въ себѣ то удивительное свойство, что они производятъ вдругъ два противоположныхъ дѣйствія: наносятъ ударъ тяжелѣе прямого обличенія и располагаютъ обличаемаго, не смотря на тягчайшее пораженіе, къ большему терпѣнію. *Безъ насъ воцаристеся.* Сильная укоризна и учителямъ и ученикамъ! Здѣсь показывается и безстыдство
99 ихъ и великое безуміе. Смыслъ словъ его слѣдующій: въ трудахъ у насъ съ вами все общее, а къ наградамъ и вѣнцамъ вы— первые. Впрочемъ, говоритъ, я не скорблю объ этомъ; потому и присовокупляетъ: *и о дабы воцарилися есте!* А чтобы и эти слова не показались ироніею, продолжаетъ: *да и мы быхомъ съ вами царствовали.* Тогда, говоритъ, и мы получили бы эти блага. Видишь ли, какъ онъ въ одно и то же время выражаетъ и укоризну, и попеченіе, и любомудріе? Посмотри, какъ онъ низлагаетъ и гордость ихъ послѣдующими словами: *мню бо, яко Богъ ны посланники послѣднія яви, яко насмертники* (ст. 9). Опять великое обличеніе и укоризна заключаются въ словѣ: *ны.* Но онъ не остановился на этомъ словѣ, а указалъ и на свое достоинство, чтобы сильнѣе вразумить ихъ; *ны*, говоритъ, *посланники* (ἀποστόλους). Тѣхъ, которые претерпѣли множество бѣдствій, посѣяли проповѣдь благочестія, обратили васъ къ такому любомудрію, тѣхъ *Богъ послѣднія яви, яко насмертники*, т. е. какъбы осужденными на смерть. Сказавъ: *да и мы быхомъ съ вами царствовали*, онъ смягчилъ силу рѣчи; но, чтобы не сдѣлать имъ послабленія, опять продолжаетъ рѣчь еще болѣе укоризненную и говоритъ: *мню бо, яко Богъ ны посланники послѣднія яви, яко насмертники.* Я вижу, говоритъ, и изъ вашихъ словъ слѣдуетъ, что мы всѣхъ презрѣннѣе и осуждены терпѣть постоянныя бѣдствія; а вы уже мечтаете о царствіи, о почестяхъ и наградахъ. Желая еще болѣе показать нелѣпость такого мнѣнія и обличить крайнюю его неосновательность, не сказалъ просто: мы стали послѣдними, но: *Богъ ны послѣднія яви.* Не остановился и на словѣ: *послѣднія*, а присовокупилъ: *насмертники*, чтобы и самый неразумный могъ видѣть, какъ неосновательна мысль, заключаю-

щаяся въ этихъ словахъ, какъ онъ огорчается ими и сильно укоряетъ ихъ.

3. Посмотри на мудрость Павла. Чѣмъ онъ при настоящемъ случаѣ выражаетъ свое превосходство, важность и величіе, тѣмъ самымъ обличаетъ ихъ, называя себя осужденнымъ на смерть. Вотъ что значитъ дѣлать все въ надлежащее время! Выраженіе—*насмертники* означаетъ здѣсь осужденныхъ на смерть и достойныхъ всякаго рода смерти. *Зане позоръ быхомъ міру и ангеломъ и человѣкомъ* (ст. 9). Что значитъ: *позоръ быхомъ міру?* Не въ какомъ-нибудь углу, говоритъ, и не въ малой части вселенной мы подвергаемся этому, но вездѣ и при всѣхъ. А что значитъ: *и ангеломъ?* Иначе сказать: можно быть зрѣлищемъ для людей, но не для ангеловъ, когда совершаемое маловажно; а наши, говоритъ, подвиги таковы, что они достойны быть зрѣлищемъ и для ангеловъ. Смотри: чѣмъ повидимому онъ унижаетъ себя, тѣмъ же болѣе возвышаетъ; и чѣмъ они превозносились, тѣмъ же и доказываетъ ихъ ничтожество. Быть безумнымъ казалось хуже, нежели быть мудрымъ, также быть немощнымъ—нежели быть крѣпкимъ, быть безчестнымъ—нежели быть славнымъ и знаменитымъ; и однако послѣднее онъ приписываетъ имъ, а первое усвояетъ себѣ, и тѣмъ доказываетъ, что первое лучше послѣдняго, потому что обращаетъ на себя взоры не только людей, но и сонмы ангеловъ. *Яко нѣсть наша брань* съ человѣками только, но съ безплотными силами (Еф. VI, 12); потому и смотритъ на
насъ великое множество зрителей. *Мы убо буи Христа ради, вы* 100
же мудри о Христѣ (ст. 10). Этими словами онъ опять укоряетъ ихъ и показываетъ, что столь противоположнымъ качествамъ невозможно соединиться въ одно и столь различнымъ предметамъ невозможно быть вмѣстѣ. Какъ можно, говоритъ, чтобы вы были мудры, а мы безумны въ Христовыхъ дѣлахъ? Мы подвергаемся біенію, презрѣнію, безчестію, и почитаемся ни за что, а вы пользуетесь честію и отъ многихъ почитаетесь разумными и мудрыми; но возможно ли, чтобы проповѣдующіе одинаковое ученіе имѣли противоположныя качества? *Мы немощни, вы же крѣпцы*, т. е., насъ гонятъ, преслѣдуютъ, а вы наслаждаетесь спокойствіемъ и великимъ уваженіемъ: но это несообразно съ сущностію проповѣди. *Вы славни, мы же безчестни.* Здѣсь онъ обращается къ благороднымъ и превозносившимся внѣшними достоинствами. *До нынѣшняго часа и алчемъ и жаждемъ, и наготуемъ, и страждемъ, и скитаемся, и труждаемся дѣлающе своими руками* (ст. 11, 12), т. е. я говорю не о давно бывшихъ обстоятельствахъ, но о происходящемъ съ нами въ настоящее время; мы нисколько не заботимся о вещахъ человѣческихъ и о внѣшней славѣ, но обра-

щаемъ наши взоры только къ Богу. Точно такъ надобно всегда поступать и намъ, потому что не ангелы только взираютъ на насъ, но еще прежде нихъ самъ Заповѣдавшій намъ подвиги. Потому мы не имѣемъ нужды въ постороннихъ похвалахъ. Не довольствоваться Его вниманіемъ, а обращаться за похвалами къ подобнымъ намъ рабамъ, это значитъ оскорблять Его. Какъ борцы, дѣйствующіе на маломъ зрѣлищѣ, ищутъ большаго, считая первое недостаточнымъ для своего отличія, такъ и подвизающіеся въ очахъ Божіихъ, а потомъ ищущіе славы отъ людей, оставляя большее, домогаются меньшаго, и тѣмъ навлекаютъ на себя великое наказаніе. Оттого и извратилось все, отттого и произошло смятеніе во всей вселенной, что мы все дѣлаемъ, взирая на людей; въ дѣлахъ добрыхъ считаемъ ни за что благоволеніе Божіе, но ищемъ одобренія отъ подобныхъ намъ рабовъ, и въ дѣлахъ злыхъ также не смотримъ на Него, но боимся людей. Между тѣмъ люди вмѣстѣ съ нами предстанутъ на судъ и нисколько не помогутъ намъ; а Богъ, на котораго мы теперь не обращаемъ вниманія, произнесетъ Свой приговоръ надъ нами. Мы знаемъ это, и однако не перестаемъ искать вниманія людей: вотъ нашъ главный грѣхъ! Предъ очами человѣческими никто не рѣшится прелюбодѣйствовать, но, какъ бы сильно ни воспламеняла похоть, сила страсти побѣждается стыдомъ человѣческимъ; а предъ очами Божіими не только совершаютъ блудъ и прелюбодѣяніе, но дерзали и дерзаютъ и на другіе грѣхи еще болѣе тяжкіе. Это уже одно развѣ не способно низвести на насъ громы небесные? Но что я говорю о блудѣ и прелюбодѣяніи? Грѣхи гораздо болѣе легкіе дѣлать предъ людьми стыдимся, а предъ Богомъ—нѣтъ. Оттого и произошло все зло, что въ дѣлахъ злыхъ мы боимся не Бога, но людей; оттого мы и избѣгаемъ дѣлъ добрыхъ, которыя не кажутся таковыми людямъ, что взираемъ не на сущность вещей, но на мнѣнія другихъ.

4. Точно также мы поступаемъ касательно злыхъ дѣлъ: не
101 хорошее и не доброе само въ себѣ, но кажущееся такимъ для людей, мы по привычкѣ своей стараемся получить, какъ доброе, и такимъ образомъ совершенно развращаемся. Можетъ быть, эти слова многимъ представляются неясными; потому необходимо пояснить ихъ. Когда мы совершаемъ прелюбодѣяніе,—начнемъ съ того, о чемъ уже было упомянуто,—тогда боимся больше людей, нежели Бога. Имъ мы подчиняемъ себя; ихъ дѣлаемъ нашими владыками; и многаго такого, что этимъ владыкамъ кажется худымъ, на самомъ дѣлѣ и не худо, мы избѣгаемъ по той же причинѣ. Такъ, напр., жить въ бѣдности—многимъ кажется постыднымъ, и мы избѣгаемъ бѣдности, не потому, что она по-

стыдна, и не потому, что мы убѣждены въ этомъ, но потому, что владыкамъ нашимъ она кажется постыдною и мы боимся ихъ. Еще, подвергаться безчестію и презрѣнію и не имѣть никакой власти—многимъ также кажется весьма постыднымъ и жалкимъ. Этого мы также избѣгаемъ, не вникая въ дѣло, а слѣдуя мнѣнію нашихъ владыкъ. И касательно противоположныхъ предметовъ мы поступаемъ съ такимъ же для себя вредомъ. Быть богатымъ, знатнымъ, славнымъ и знаменитымъ кажется благомъ, и мы домогаемся этого, опять также не вникая въ сущность предметовъ, дѣйствительно ли хороши они, но повинуясь мнѣнію нашихъ владыкъ. Народъ—нашъ владыка; толпа — нашъ строгій господинъ и жестокій тиранъ. Даже не нужно ему приказывать, чтобы мы слушались его; для насъ довольно только знать, чего онъ хочетъ, и мы повинуемся безъ его приказанія: такъ мы преданы ему! Богъ ежедневно угрожаетъ и вразумляетъ,—и Его не слушаютъ; а безпорядочная и грубая толпа не имѣетъ нужды даже приказывать, довольно лишь сказать, что ей нравится, — и мы тотчасъ во всемъ повинуемся. Какъ же, скажешь, избавиться отъ этихъ владыкъ? Если будешь поступать благоразумнѣе ихъ, если будешь вникать въ сущность вещей, если не будешь взирать на мнѣніе людей, если прежде всего пріучишь себя — въ дѣлахъ дѣйствительно постыдныхъ бояться не людей, а недремлющаго Ока, и въ дѣлахъ добрыхъ ожидать вѣнцовъ также отъ Него. Такимъ образомъ и во всемъ прочемъ мы не будемъ зависѣть отъ людей. Кто, дѣлая добро, не считаетъ ихъ достойными судить объ его добродѣтеляхъ, но довольствуется судомъ Божіимъ, тотъ не будетъ обращать на нихъ вниманія и въ дѣлахъ противоположныхъ. Но какъ, скажешь, достигнуть этого?

Размысли, что такое человѣкъ и что такое Богъ, кого ты оставляешь и къ кому прибѣгаешь, — и ты скоро всего достигнешь. Человѣкъ вмѣстѣ съ тобою подверженъ тому же грѣху, тому же суду и наказанію: *человѣкъ суетѣ уподобися* (Псал. CXLIII, 4), судитъ не вѣрно и имѣетъ нужду въ высшемъ руководствѣ; человѣкъ—*земля и пепелъ* (Быт. XVIII, 27), и когда станетъ хвалить, то часто хвалитъ не истинно, или изъ угожденія, или изъ ненависти, а когда станетъ обвинять или порицать, то дѣлаетъ и это по тѣмъ же побужденіямъ. Но Богъ не такъ; напротивъ, нелицепріятенъ приговоръ Его и чистъ судъ Его. Слѣдовало бы поэтому всегда прибѣгать къ Нему, и не только поэтому, но и потому, что самъ Онъ создалъ, надѣлилъ тебя больше всѣхъ и любитъ тебя больше, чѣмъ ты самъ себя. Для чего же мы, оставляя дивнаго Мздовоздаятеля, прибѣгаемъ къ человѣку, который есть ничто, судитъ невѣрно и дѣйствуетъ неправо? Называетъ

ли тебя кто-нибудь злымъ и порочнымъ, тогда какъ ты совершенно не таковъ? Ты лучше жалѣй о немъ, плачь о томъ, что онъ развратился, и не смотри на его сужденіе, потому что ослѣп-
102 лены очи души его; и объ апостолахъ говорили то же, но они не обращали вниманія на клеветниковъ своихъ. Называетъ ли онъ тебя добрымъ и честнымъ? Если ты дѣйствительно таковъ, то не дѣлайся нерадивымъ отъ этого отзыва; если же не таковъ, то тѣмъ болѣе не обращай вниманія и принимай это за насмѣшку. Хочешь ли знать, какъ сужденія людей неправы, безполезны, смѣшны и похожи на сужденія бѣсноватыхъ и съумасшедшихъ, или грудныхъ дѣтей? Послушай, что было когда-то. Скажу тебѣ о сужденіяхъ не простого народа, но людей, почитавшихся мудрѣйшими, древнихъ законодателей. Кто изъ людей можетъ быть мудрѣе человѣка, признаннаго достойнымъ писать законы городамъ и народамъ? И однако эти мудрецы не считали прелюбодѣяніе дѣломъ порочнымъ и достойнымъ наказанія; ни одинъ изъ внѣшнихъ (языческихъ) законовъ не наказывалъ за это и не призывалъ виновнаго въ судилище, а если бы кто изъза этого сталъ призывать, то народъ осмѣялъ бы его и судья не принялъ бы. Гаданіе у нихъ также не подвергалось преслѣдованію и никто у нихъ не былъ наказываемъ за это. Пьянство и чревоугодіе не только не было порокомъ, но еще у многихъ считалось добродѣтелію; на воинскихъ пиршествахъ много состязались въ этомъ между собою, и тѣ, которымъ особенно нужно было имѣть здравый умъ въ здравомъ тѣлѣ, они-то особенно и предавались пьянству, разслабляя тѣло и помрачая душу; а изъ законодателей никто не полагалъ наказаніе за это преступленіе.

5. Что можетъ быть хуже такого безумія? А ты домогаешься похвалъ отъ людей съ такими наклонностями и не скрываешься. Если бы даже всѣ они удивлялись тебѣ, и тогда не слѣдовало ли бы стыдиться и удаляться, слыша сужденія и рукоплесканія отъ людей столь развратныхъ? Также и богохульство у законодателей не считалось дѣломъ предосудительнымъ; никто изъ богохульниковъ не былъ призываемъ въ судилище и наказываемъ. Кто украдетъ одежду или отрѣжетъ карманъ, тому терзаютъ бока и часто даже наказываютъ смертію; а кто хулитъ Бога, тотъ не осуждается внѣшними (языческими) законодателями. Если кто совершитъ прелюбодѣяніе съ служанкою, имѣя свою жену, это считается совершенно ничтожнымъ и предъ законами и предъ людьми.

Хочешь ли слышать и о многомъ другомъ, доказывающемъ ихъ безуміе? Иного они не наказываютъ, а иное сами предписываютъ закономъ. Что же такое? Они учреждаютъ зрѣлища, приводятъ

туда толпы блудницъ и блудодѣйствующихъ мальчиковъ, оскорбляющихъ самую природу, помѣщаютъ весь народъ на мѣстахъ возвышенныхъ, и такимъ образомъ какъ бы оживляютъ городъ и прославляютъ великихъ царей, которымъ удивляются при торжествахъ и побѣдахъ. Что постыднѣе такой чести? Что непріятнѣе такого удовольствія? И отъ такихъ людей ты домогаешься похвалъ за дѣла свои? Неужели, скажи мнѣ, ты хочешь слышать похвалы наравнѣ съ плясунами, развратниками, шутами и блудницами? Не знакъ ли это крайняго безумія? Хотѣлъ бы я сказать имъ: хорошо ли — извращать законы природы и допускать беззаконныя связи? Безъ сомнѣнія они отвѣтятъ: не хорошо; и сами повидимому наказываютъ это преступленіе. Для чего же ты выводишь на сцену людей развратныхъ, и не только выводишь, но и награждаешь безчисленными и невыразимыми подарками? Въ другомъ мѣстѣ ты наказываешь дерзающихъ совершать эти дѣла, а здѣсь расточаешь на нихъ деньги, какъ на общихъ благодѣтелей города, и питаешь ихъ на счетъ общественныхъ суммъ. 103
Но, скажешь, они считаются безчестными. Для чего же ты воспитываешь ихъ? Для чего чрезъ безчестныхъ хочешь воздавать честь царямъ? Для чего наносишь вредъ городу? Для чего издерживаешь на нихъ такія суммы? Если они безчестны, то слѣдовало бы прогнать ихъ, какъ безчестныхъ. Чѣмъ ты обыкновенно сопровождаешь безчестіе: похвалами, или порицаніемъ? Конечно, порицаніемъ. Почему же, презирая ихъ, какъ безчестныхъ, ты бѣжишь смотрѣть на нихъ, какъ на достойныхъ чести, удивляешься имъ, восхищаешься и рукоплещешь? А что еще сказать о забавахъ на конскихъ ристалищахъ и на звѣриныхъ травляхъ? Онѣ сопровождаются всякими безчинствами, научаютъ народъ быть всегда жестокимъ, безжалостнымъ и безчеловѣчнымъ, пріучаютъ смотрѣть на терзаемыхъ людей, на проливаемую кровь и на буйство звѣрей, ничѣмъ не удержимое. Мудрые древніе законодатели ввели всѣ эти недуги, а граждане рукоплещутъ и удивляются. Впрочемъ, если хочешь, оставимъ эти дѣла, которыя прямо и явно безнравственны, хотя и не считались такими у языческихъ законодателей; перейдемъ къ постановленіямъ достоуважаемымъ, и увидимъ, какъ и къ нимъ примѣшались злоупотребленія по неразумѣнію людей. Бракъ считается дѣломъ честнымъ и у насъ и у язычниковъ; и дѣйствительно онъ честенъ, но при совершеніи браковъ дѣлается много смѣшного, какъ сейчасъ услышите. Многіе, слѣдуя обычаю и жертвуя ему умомъ своимъ, даже не замѣчаютъ нелѣпости всего этого, но еще обращаются къ другимъ за наставленіями. Здѣсь бываютъ и хороводы, и кимвалы, и свирѣли, и безстыдныя рѣчи, и срамныя пѣсни, и пьянство, и

неприличныя шутки, и всякое діавольское безчинство. Знаю, что я могу показаться смѣшнымъ, порицая это, и быть принятъ людьми за безумнаго, возставая на старые обычаи, такъ какъ велика сила привычки, какъ я говорилъ и прежде; но, не смотря на то, не перестану говорить объ этомъ. Можетъ быть, и вѣроятно будетъ, что если не всѣ, то по крайней мѣрѣ немногіе выслушаютъ насъ, и согласятся лучше быть осмѣянными вмѣстѣ съ нами, нежели вмѣстѣ съ другими смѣяться надъ нами смѣхомъ, достойнымъ слезъ, всякаго порицанія и наказанія. Въ самомъ дѣлѣ, не достойно ли крайняго осужденія, когда дѣвица, всегда пребывавшая во внутреннемъ покоѣ и научившаяся стыдливости съ дѣтскаго возраста, вдругъ принуждается оставить всякій стыдъ, въ началѣ брака научается безстыдству и выводится на средину въ кругъ людей безчестныхъ и безнравственныхъ, блудниковъ и развратниковъ? Какое зло не посѣется въ душѣ невѣсты съ того дня? Безстыдство, дерзость, неуважительность, тщеславіе; она захочетъ проводить также и всѣ будущіе дни. Оттого бываютъ жены небережливыя и расточительныя; оттого въ нихъ безчисленное множество золъ. Не говори мнѣ объ обычаѣ. Если это—дѣло порочное, то пусть оно не бываетъ и однажды; если же—доброе, то пусть будетъ постоянно. Блудъ, скажи мнѣ, не есть ли дѣло порочное? Извинимъ ли мы, если онъ будетъ совершенъ хотя однажды? Отнюдь нѣтъ. Почему? Потому что, хотя бы онъ былъ совершенъ однажды, онъ всегда порокъ. Точно такъ и веселье невѣсты, если оно порочно, не должно быть и однажды; если же не порочно, то пусть будетъ постоянно.

6. Какъ, скажешь, ты позоришь бракъ? Да не будетъ! Не бракъ я осуждаю, но зло, прившедшее къ браку, притиранія, украше-
104 нія и всѣ прочія излишества. Подлинно, многіе влюбятся въ невѣсту въ тотъ день еще прежде будущаго ея супруга. Но, скажешь, многіе будутъ и удивляться женской красотѣ ея. Чтожъ изъ этого? Если она цѣломудренна, то съ трудомъ избѣгнетъ дурного подозрѣнія; если же неблагоразумна, то скоро будетъ уловлена, по случаю безпутствъ того дня. Столько здѣсь бываетъ зла, и не смотря на то, если его не будетъ, то люди, которые не лучше животныхъ, считаютъ это позоромъ и находятъ неприличнымъ, чтобы невѣста не являлась предъ всѣми и не представляла общаго позорища для любопытныхъ. Между тѣмъ слѣдовало бы считать позорнымъ, смѣшнымъ и неприличнымъ то, что бываетъ. Знаю и теперь, что за это будутъ осуждать меня, называть неразумнымъ и смѣшнымъ; но я перенесу насмѣшки, только бы произошла отсюда какая-нибудь польза. Да, я былъ бы достоинъ осмѣянія, если бы, научая презирать мнѣнія людей, самъ

прежде другихъ впалъ въ болѣзнь тщеславія. А вотъ что слѣдуетъ далѣе: не только днемъ, но и вечеромъ мущины пьянствуютъ и, одурѣвшіе и разгорячившіеся отъ пьянства, приготовляются смотрѣть на красоту дѣвичьяго лица; и не въ домѣ только пируютъ, но выходятъ и на площади, провожая ее въ глубокую ночь съ факелами, такъ чтобы всѣ видѣли ее, и тѣмъ внушая не что иное, какъ то, что здѣсь надобно оставить всякій стыдъ. Не останавливаются и на этомъ, но ведутъ ее съ срамными рѣчами; такой обычай у многихъ обратился въ законъ. Бродяги, негодяи и развратники въ безчисленномъ множествѣ смѣло говорятъ все, что вздумаютъ, какъ ей, такъ и будущему ея супругу; здѣсь ничего не дѣлается скромно, но все съ безстыдствомъ. Какой же добрый урокъ цѣломудрія получитъ невѣста, видя и слыша все это? Бываетъ даже какое-то діавольское соревнованіе приглашенныхъ—превзойти другъ друга искусствомъ позорнаго и срамнаго краснорѣчія, которымъ они пристыжаютъ присутствующихъ, и тѣ изъ нихъ уходятъ побѣдителями, которые болѣе другихъ наговорили позорнаго и срамнаго. Знаю, что слова мои непріятны, тяжелы и несносны, потому что направлены какъ бы противъ пріятностей жизни; но о томъ я и жалѣю, что непріятное стало считаться чѣмъ-то пріятнымъ. Не непріятно ли, скажи мнѣ, подвергаться оскорбленію, поруганію и безчестію отъ всѣхъ вмѣстѣ съ своею невѣстою? Если кто одинъ на площади скажетъ что-нибудь худое о твоей супругѣ, ты крайне огорчаешься и считаешь жизнь не въ жизнь; а когда безчинствуешь въ присутствіи цѣлаго города вмѣстѣ съ будущею супругою, то радуешься и восхищаешься. Не безумно ли это? Но таковъ, скажешь, обычай. Это-то особенно и достойно слезъ, что діаволъ ввелъ такой обычай. Такъ какъ бракъ—дѣло честное, служащее къ продолженію человѣческаго рода и доставляющее много благъ, то лукавый, снѣдаясь завистію и зная, что бракъ предохраняетъ отъ прелюбодѣянія, вводитъ другимъ путемъ всякое прелюбодѣяніе. Дѣйствительно, многія дѣвы въ такихъ собраніяхъ подвергались посрамленію; если же это бываетъ не всегда, то для діавола довольно и однихъ срамныхъ рѣчей и пѣсенъ, чтобы опозорить невѣсту и обезславить жениха среди площади. Далѣе, такъ какъ все это бываетъ вечеромъ, то, чтобы мракъ не покрывалъ зла, зажигаются факелы, не допускающіе скрыться безстыдству. Что значитъ это великое скопище? Что — это пьянство? 105
Что—эти свирѣли? Не очевидно ли, что они служатъ къ тому, чтобы находящіеся въ домахъ и погруженные въ глубокій сонъ узнали объ этомъ, пробудились отъ звуковъ свирѣли и, высунувшись за перила, были свидѣтелями этой комедіи? Что сказать

о самыхъ пѣсняхъ, которыя исполнены крайней безнравственности, изображаютъ безумную любовь, беззаконныя связи, низвращенія семейныхъ узъ и безчисленныя трагедіи, безпрестанно повторяютъ названія любовника и влюбленнаго, влюбленной и любовницы? А что всего хуже, и дѣвы, оставивъ всякій стыдъ, находятся при этомъ въ честь невѣсты, или лучше къ ея безчестію, и подвергаютъ опасности свое спасеніе, занимаясь среди развратныхъ юношей безчинными пѣснями, срамными рѣчами, сатанинскимъ веселіемъ. И послѣ этого ты спрашиваешь: отчего бываетъ распутство, отчего—прелюбодѣянія, отчего—распаденія браковъ? Но, скажешь, это дѣлаютъ не благородныя и не честныя дѣвы. Что ты смѣешься надо мною, зная самъ прежде меня этотъ обычай? Если совершаемое здѣсь хорошо, то пусть и тѣ дѣлаютъ то же самое; а если не хорошо, то бѣдныя, потому только, что онѣ бѣдны, развѣ также не дѣвы, развѣ и имъ не слѣдуетъ хранить цѣломудріе? А нынѣ, когда дѣва пляшетъ среди общаго собранія развратныхъ юношей, не кажется ли она, скажи мнѣ, безчестнѣе блудницы? Если же скажешь, что это дѣлаютъ служанки, то и въ такомъ случаѣ я не могу не осуждать тебя, потому что это непозволительно и имъ.

7. Все зло происходитъ оттого, что мы нисколько не заботимся о своихъ домашнихъ; чтобы выразить презрѣніе, довольно сказать, что онъ—рабъ, или она—служанка, хотя мы ежедневно слышимъ: *о Христѣ Іисусѣ нѣсть рабъ, ни свободь* (Гал. IV, 28). Ты не оставляешь безъ своего попеченія ни коня, ни осла, но употребляешь всѣ мѣры, чтобы они не были дурными; почему же презираешь рабовъ, которые имѣютъ одинаковую съ тобою душу? И что я говорю о рабахъ, когда ты не заботишься и о сыновьяхъ и о дочеряхъ? Что же выходитъ? По необходимости скоро приходится испытывать скорбь, когда всѣ они ведутъ себя безпорядочно; а нерѣдко и состояніе подвергается величайшему разстройству, потому что въ толпѣ и шумѣ тратится много золота и драгоцѣнностей. Потомъ послѣ брака, если родится дитя, опять мы видимъ тоже безуміе, видимъ множество символическихъ дѣйствій, достойныхъ смѣха. Когда нужно наречь имя младенцу, то, еще не называя его именемъ святого, какъ древніе дѣлали прежде всего, но засвѣтивши свѣтильники и давши имъ различныя названія, называютъ младенца именемъ того, который прогоритъ дольше всѣхъ, предполагая, что дитя оттого проживетъ долѣе. Потомъ, если съ нимъ приключится смерть (какъ часто случается), то слѣдуетъ множество смѣшныхъ дѣйствій, внушенныхъ діаволомъ, который играетъ людьми, какъ неразумными дѣтьми.

Говорить ли о перевязкахъ, о погремушкахъ, привѣшиваемыхъ къ рукѣ, о красной пряжѣ и о многомъ другомъ, доказывающемъ великое безуміе, тогда какъ не слѣдуетъ возлагать на младенца ничего другого, кромѣ спасительнаго креста? Между тѣмъ нынѣ крестъ, обратившій всю вселенную, поразившій діавола и ниспровергшій всю силу его, остается въ пренебреженіи; а ткани, пряжѣ и другимъ подобнымъ привѣскамъ ввѣряется 106
безопасность младенца. Сказать ли нѣчто еще болѣе смѣшное? Никто пусть не укоряетъ насъ въ непристойности, если слово наше касается такихъ предметовъ. Кто хочетъ очистить гнилые наросты, тотъ не отказывается напередъ запачкать свои руки. Что же это такое смѣшное? Это считается пустякомъ,—о чемъ я и жалѣю,—но доказываетъ неразсудительность и крайнее безуміе. Женщины, кормилицы и служанки берутъ въ банѣ грязь и, обмакнувши въ нее палецъ, помазываютъ чело младенца; если кто спроситъ: что значитъ эта грязь, это бреніе?—то говорятъ: она предохраняетъ отъ дурного глаза, отъ зависти и ненависти. Увы! Грязи и бренію приписываютъ такую способность и такую силу—разрушать всякія козни діавола! Не стыдно ли вамъ, скажите мнѣ? Поймете ли вы когда-нибудь, какъ діаволъ съ ранняго возраста человѣка мало-по-малу раскидываетъ свои сѣти и употребляетъ свои хитрыя уловки? Если грязь производитъ такія дѣйствія, то почему не помазываешь ею своего чела ты, достигшій возмужалаго возраста и имѣющій у себя завистниковъ болѣе младенца? Почему не помазываешь грязью всего тѣла? Если она на челѣ имѣетъ такую силу, то почему бы тебѣ не намазать грязью всего себя? Смѣшное и забавное внушеніе сатаны, впрочемъ не смѣху только, но и гееннѣ подвергающее обольщаемыхъ! Если это дѣлается у язычниковъ, то нисколько не удивительно; а когда покланяющіеся кресту, пріобщающіеся неизреченныхъ таинствъ и достигшіе любомудрія держатся такихъ постыдныхъ обычаевъ, это—достойно многихъ слезъ. Богъ удостоилъ тебя духовнаго мура; а ты пачкаешь младенца грязью? Богъ почтилъ тебя; а ты самъ себя безчестишь? Слѣдовало бы изображать на челѣ крестъ, сообщающій непреоборимую безопасность; а ты, оставивъ его, впадаешь въ сатанинское безуміе? Если кому это кажется маловажнымъ, тотъ пусть знаетъ, что это ведетъ къ великому злу, и что Павелъ не считалъ подобныхъ предметовъ маловажными и не оставлялъ ихъ безъ вниманія. Что можетъ быть, скажи мнѣ, маловажнѣе, какъ покрывать человѣку свою голову? Однако, смотри, какое онъ оказываетъ объ этомъ попеченіе и съ какою силою обличаетъ (молящихся съ покрытою головою), выражая, между прочимъ, что они *срамляютъ главу свою*

(1 Кор. xi, 4). Если же покрывающійся безчеститъ свою голову, то помазывающій грязью не дѣлаетъ ли младенца отвратительнымъ? Какъ онъ, скажи мнѣ, подведетъ его къ рукамъ священника? Какъ священникъ удостоитъ запечатлѣть рукою чело его, которое ты помазалъ грязью? Нѣтъ, братіе, не дѣлайте этого; но съ самаго перваго возраста ограждайте дѣтей духовнымъ оружіемъ и научайте ихъ запечатлѣвать рукою чело, а прежде, нежели они будутъ въ состояніи дѣлать это своею рукою, вы сами изображайте на нихъ крестъ.

Говорить ли о другихъ сатанинскихъ предразсудкахъ при беременности и родахъ, которые поддерживаются повивальными бабками на пагубу собственной ихъ головы, о предразсудкахъ при смерти и выносѣ каждаго, о стонахъ и безсмысленныхъ вопляхъ, о безумныхъ дѣйствіяхъ на гробахъ и попеченіи о надгробныхъ памятникахъ, о неблаговременномъ и смѣшномъ скопленіи плачущихъ женщинъ, о предразсудкахъ касательно дней, входовъ и выходовъ? И отъ нихъ, скажи мнѣ, ты ищешь про-
107 славленія? Не крайне ли безумно—искать славы у людей, которые такъ неправы въ своихъ мнѣніяхъ и все дѣлаютъ зря, вмѣсто того, чтобы постоянно прибѣгать къ недремлющему Оку, дѣлать и говорить все съ мыслію объ Его судѣ? Если будутъ хва-
108 лить насъ люди, то не принесутъ намъ никакой пользы; а если Ему будутъ угодны дѣла наши, то Онъ и здѣсь прославитъ насъ и въ будущій день удостоитъ неизреченныхъ благъ, которыхъ и да сподобимся всѣ мы, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XIII.

107 Мы буи Христа ради (необходимо опять отсюда начать слово), вы же мудри о Христѣ: мы немощни, вы же крѣпцы: вы славни, мы же безчестни (1 Кор. v, 10).

1. Высказавъ множество укоризнъ, которыя поражаютъ больше всякаго обличенія, апостолъ говоритъ здѣсь о томъ же съ свойственнымъ ему достоинствомъ. Сказавъ: *безъ насъ воцаристеся*, и: *Богъ ны послѣдніи яви яко насмертники*, далѣе онъ показываетъ, какимъ образомъ они дѣйствительно осуждены на смерть, и говоритъ: *мы буи, и немощни, и безчестни, и алчемъ и жаждемъ, и наготуемъ, и страждемъ, и скитаемся, и труждаемся дѣлающе своими руками* (ст. 11), что и было признакомъ истинныхъ учителей и апостоловъ. Но коринѳскіе учители хвалились

противоположнымъ: мудростію, славою, богатствомъ, почестями. Потому, желая низложить гордость ихъ и показать, что не только не слѣдуетъ хвалиться этимъ, но еще слѣдуетъ стыдиться, онъ напередъ посмѣивается надъ ними и говоритъ: *безъ насъ воцаристеся*. Я возвѣщаю, говоритъ онъ, что настоящее время не есть время почестей и славы, которыми вы наслаждаетесь, но гоненій и скорбей, которыя мы претерпѣваемъ. Если же это несправедливо, а напротивъ настоящее время есть время воздаяній,—здѣсь онъ говоритъ иронически,—то вы, ученики, уже царствуете, какъ я вижу, а мы, учители и апостолы, которымъ слѣдовало бы прежде всѣхъ получить награду, не только стали послѣдними предъ вами, но и насмертниками, т. е. осужденными на смерть, постоянно проводя жизнь въ безчестіи, голодѣ и опасностяхъ, претерпѣвая оскорбленія, какъ безумные, и гонимые, и подвергаясь невыносимымъ бѣдствіямъ. Говоритъ это для того, чтобы такими внушеніями убѣдить ихъ, что они должны подражать апостоламъ, предпочитать опасности и скорби почестямъ и славѣ, потому что проповѣдь обѣщаетъ не первое, а послѣднее. Впрочемъ говоритъ это не прямо, чтобы слова его не показались имъ слишкомъ тяжкими, но какъ ему прилично было, такъ и дѣлаетъ это внушеніе. Если бы онъ сталъ говорить прямо, то сказалъ бы такъ: вы заблуждаетесь и обманываетесь и далеко отстали отъ апостольскаго ученія, потому что апостолу и служителю Христову слѣдуетъ почитаться безумнымъ и проводить жизнь въ скорби и безчестіи, какъ происходитъ съ нами; а вы живете напротивъ. Но въ такомъ случаѣ слова его скорѣе показались бы имъ пристрастными, какъ заключающія похвалу апостоламъ, и произвели бы въ нихъ еще большую дерзость, какъ обличаемыхъ въ нерадѣніи, тщеславіи и невоздержаніи. Потому онъ и употребляетъ не такой образъ рѣчи, а другой, болѣе разительный, но не оскорбительный; продолжаетъ рѣчь ироническую и 108
говоритъ: *вы же крѣпцы и славни*. Если бы онъ не употребилъ ироніи, то сказалъ бы такъ: нельзя называться одному безумнымъ, другому мудрымъ, одному крѣпкимъ, другому немощнымъ; проповѣдь не требуетъ ни того, ни другого. Если бы позволительно было называться одному такъ, а другому иначе, то проповѣдуемое вами, быть можетъ, имѣло бы какое-нибудь основаніе; но теперь не позволительно ни почитаться мудрымъ или славнымъ, ни быть свободнымъ отъ опасностей. Если это несправедливо, то, значитъ, Богъ предпочелъ васъ намъ, учениковъ—учителямъ, претерпѣвшимъ безчисленныя бѣдствія. Если же этого никто сказать не можетъ, то остается вамъ подражать нашему *образу жизни*. И пусть не подумаетъ кто-нибудь, говоритъ, что

я говорю только о прошедшемъ; нѣтъ, *до нынѣшняго бо часа и алчемъ и жаждемъ и наготуемъ.* Видишь ли, что такова должна быть вся жизнь христіанъ, а не одинъ или два дня? Такъ и изъ борцевъ кто увѣнчанъ за побѣду въ одной только борьбѣ, тотъ не удостоивается вновь вѣнца, если падетъ (въ другой борьбѣ). *И алчемъ,* говоритъ противъ невоздержныхъ; *и страждемъ*—противъ высокомѣрныхъ; *и скитаемся*—противъ покоющихся; *и наготуемъ*—противъ богатыхъ; *и труждаемся*—противъ лжеапостоловъ, которые не хотѣли ни трудиться, ни подвергаться опасностямъ, но заботились о собственныхъ выгодахъ. А мы не такъ, говоритъ, но при внѣшнихъ опасностяхъ еще предаемся постояннымъ трудамъ; и, что еще выше, никто не можетъ сказать, чтобы мы негодовали на это или обвиняли гонителей; напротивъ, мы воздаемъ оскорбителямъ нашимъ добромъ за зло. Вѣдь не то важно, чтобы страдать,—это общая участь всѣхъ,—но чтобы страдая не роптать и не досадовать.

2. Мы же не только не досадуемъ, говоритъ, но и радуемся. Доказательствомъ служитъ то, что дѣлающимъ зло мы воздаемъ добромъ. А что они дѣйствительно такъ поступали, послушай далѣе: *укоряеми благословляемъ, гоними терпимъ, хулими молимъ: яко же отреби міру быхомъ* (ст. 12, 13), т. е. *буи Христа ради,* потому что кто терпитъ зло, и не мститъ и не гнѣвается, тотъ у внѣшнихъ (язычниковъ) почитается безумнымъ, безчестнымъ и слабымъ. А чтобы слова его не были слишкомъ тяжкими для нихъ, если бы онъ приписалъ свои страданія ихъ городу,—что онъ говоритъ? *Отреби,* говоритъ, не вашему городу, но *міру быхомъ;* и еще: *всѣмъ попраніе,* не вамъ только, но всѣмъ. Какъ, бесѣдуя о любви Христовой, онъ не упоминаетъ о землѣ, о небѣ, о всѣхъ тваряхъ, но указываетъ на крестъ, такъ и здѣсь, желая расположить ихъ къ себѣ, умалчиваетъ о знаменіяхъ и говоритъ
109 о своихъ страданіяхъ за нихъ. Подобнымъ образомъ поступаемъ и мы: когда какіе-нибудь люди обижаютъ или презираютъ насъ, мы обыкновенно представляемъ имъ то, что претерпѣли за нихъ. *Всѣмъ попраніе доселѣ.* Въ заключеніе наноситъ сильный ударъ. *Всѣмъ,* не гонителямъ, говоритъ, но тѣмъ, за кого страдаемъ, т. е. и къ нимъ я питаю великую благодарность. Вотъ слова души глубоко чувствующей, впрочемъ, не огорчающейся, но желающей тронуть другихъ! Хотя онъ могъ укорить ихъ во многомъ, но вмѣсто того привѣтствовалъ. Такъ и Христосъ повелѣваетъ намъ кротко переносить обиды, чтобы и сами мы научились любомудрію и другихъ лучше вразумляли, потому что не оскорбляющій, а молчаливо переносящій обиды скорѣе достигаетъ этого. Видя затѣмъ, что нанесъ тяжкую рану, онъ тотчасъ же врачуетъ ее,

продолжая: *не срамляя васъ сія пишу, но якоже чада моя возлюбленная наказую* (ст. 14). Не для того, говоритъ, я сказываю вамъ это, чтобы пристыдить васъ. О томъ, что уже сдѣлано словами его, говоритъ, что онъ не дѣлалъ; или лучше—говоритъ, что сдѣлалъ это, но не съ худымъ и ненавистнымъ намѣреніемъ; это—прекрасный способъ врачеванія—сказавши слово, оправдывать его намѣреніемъ. А не говорить невозможно было, потому что иначе они остались бы неисправленными; и сказавши оставить рану безъ врачеванія, также было бы опасно; потому онъ послѣ обличенія оправдывается. Это не только не уничтожаетъ дѣйствія врачества, но еще глубже внѣдряетъ его, и между тѣмъ утоляетъ всю боль раны; слышащій, что это говорится не съ огорченіемъ, но съ любовію, скорѣе принимаетъ вразумленіе. Впрочемъ, и здѣсь великое обличеніе и укоризна. Говоритъ не какъ учитель, не какъ апостолъ, не какъ имѣющій учениковъ,—что выражало бы достоинство,—но: *якоже чада моя возлюбленная наказую;* не просто: *чада*, но и: *возлюбленная*. Простите мнѣ, говоритъ; если сказано что-нибудь непріятное, то это произошло отъ любви. Не сказалъ: обличаю, но: *наказую* (вразумляю). Кто не сталъ бы слушать отца, сѣтующаго и предлагающаго полезные совѣты? Потому сказалъ это не прежде, но когда уже нанесъ ударъ. Но, скажутъ, развѣ другіе учители не любятъ насъ? Я не говорю этого, но они не столько любятъ. Для краткости онъ не объяснилъ этого, но указалъ на это занятіями и названіями, употребивъ слова: пѣстунъ и отецъ. *Аще бо и многи*, говоритъ, *пѣстуны имате о Христѣ, но не многи отцы* (ст. 15). Здѣсь онъ указываетъ не на достоинство свое, но на преизбытокъ любви; не укоряетъ ихъ, присовокупивъ: *о Христѣ*, но утѣшаетъ, назвавъ не льстецами, но *пѣстунами* тѣхъ, которые принимаютъ на себя заботы и труды; также выразилъ и свое попеченіе. Потому не сказалъ: не многи учители, но: *не отцы*. Такимъ образомъ онъ не хотѣлъ ни указывать имъ на свое достоинство, ни напоминать, какъ много они получили отъ него пользы, но согласившись, что и другіе учители много потрудились для нихъ,—а таково свойство пѣстуна,—преизбытокъ любви усвояетъ себѣ, такъ какъ это свойство отца. И не говоритъ только, что никто такъ не любитъ ихъ, какъ онъ,—это было бы недоказательно,—но указываетъ и на самое дѣло. Какое? *О Христѣ бо Іисусѣ благовѣствованіемъ азъ вы родихъ. О Христѣ Іисусѣ: я*, говоритъ, не приписываю этого себѣ самому. Опять намекаетъ на тѣхъ, которые присвояли ученіе себѣ самимъ. *Печать бо*, говоритъ, *моего апостольства вы есте* (1 Кор. IX, 2); и еще: *азъ насадихъ* (III, 6); а здѣсь: *азъ родихъ*. Не 110
сказалъ: я возвѣстилъ слово, но: *азъ родихъ*, употребивъ выраже-

ніе близкое къ природѣ, такъ какъ онъ старался объ одномъ, какъ бы выразить любовь, которую питалъ къ нимъ. Тѣ, принявъ отъ меня, воспитали васъ; а то, что вы стали вѣрующими, произошло чрезъ меня. Сказавъ имъ: *якоже чада*, и желая показать, что это не слово лести, онъ указываетъ на дѣло. *Молю же васъ, подобни мнѣ бывайте, якоже азъ Христу* (ст. 16). О, какое дерзновеніе учителя! Какимъ вѣрнымъ онъ былъ образомъ (Христа), если и другимъ указываетъ на это! Впрочемъ, здѣсь онъ не превозноситъ себя, но показываетъ легкость добродѣтели.

3. Не говори: я не могу подражать тебѣ; ты—учитель, и великій учитель. Не такое разстояніе между мною и вами, какое между мною и Христомъ, и однако я подражалъ Ему. Когда онъ пишетъ къ ефесеямъ, то не предлагаетъ въ посредники себя самого, но прямо руководитъ всѣхъ ихъ къ Нему: *бывайте*, говоритъ, *подражатели Богу* (Еф. v, 1); а здѣсь, такъ какъ обращалъ рѣчь свою къ немощнымъ, представляетъ посредствующимъ себя самого. Съ другой стороны показываетъ, что и такимъ образомъ можно подражать Христу. Кто подражаетъ вѣрному образу, тотъ подражаетъ первообразу. Посмотримъ же, какъ онъ подражалъ Христу. Это подражаніе не требуетъ ни времени, ни искусства, но одного желанія. Вошедши въ мастерскую живописца, мы не въ состояніи подражать его картинѣ, хотя бы тысячу разъ смотрѣли на нее; а Христу можно подражать даже по одному слуху. Итакъ, хотите ли, я покажу вамъ картину, изобразивъ предъ вами жизнь Павла? Представьте картину, которая гораздо лучше царскихъ изображеній. Основаніе ея—не склеенныя доски и не натянутое полотно, а дѣло Божіе служитъ ей основаніемъ; это—душа и тѣло. Душа есть твореніе Бога, а не людей; равно также и тѣло. Вы рукоплещете? Но теперь не время рукоплесканій, а послѣ можете и рукоплескать и подражать. Такимъ образомъ основаніемъ этой картины служитъ вещество общее для всѣхъ. Душа отъ души нисколько не отличается, какъ душа, но отъ желанія зависитъ ихъ различіе. Какъ тѣло отъ тѣла нисколько не отличается, какъ тѣло, но оно одинаково у Павла и у всѣхъ другихъ, и только подвиги дѣлаютъ одно чище другого, такъ надобно думать и о душѣ. Итакъ, представимъ картину—душу Павла. Эта картина была прежде закоптѣвшая и покрытая паутинами,—ничего вѣдь нѣтъ хуже вражды противъ Бога,—но когда пришелъ Преобразующій все и увидѣлъ, что она имѣетъ такой видъ не по лѣности и нерадѣнію, а по невѣдѣнію и потому, что не имѣетъ цвѣтовъ благочестія,—онъ вѣдь имѣлъ ревность, но красокъ не имѣлъ, потому что имѣлъ ревность не по разуму,—то сообщилъ ей цвѣтъ истины, т. е. благодать, и тотчасъ же сдѣлалъ ее цар-

скимъ изображеніемъ. Онъ, принявши краски и узнавъ то, чего не зналъ, не терялъ времени, но тотчасъ же сталъ превосходнымъ художникомъ. И во-первыхъ, глава его явилась царскою, когда онъ проповѣдывалъ Христа; затѣмъ и все тѣло стало такимъ же, по строгости жизни. Живописцы, заключившись у себя дома, исполняютъ свое дѣло съ великимъ тщаніемъ и безмолвіемъ и никому не отворяютъ двери; а онъ, выставивъ картину среди вселенной, гдѣ всѣ противились ему, возмущались и безпокоили его, довершалъ здѣсь это царское изображеніе, и не смотрѣлъ на препятствія. Потому и говорилъ: *позоръ быхомъ міру*
(1 Кор. IV, 9), на землѣ и на морѣ, для неба и всей вселенной, 111
для міра чувственнаго и духовнаго,—и между тѣмъ живописалъ свою картину. Хотите ли видѣть и прочія ея части, начиная съ головы? Или хотите, чтобы мы начали исчисленіе снизу? Посмотри же на эту статую изъ золота, или еще драгоцѣннѣйшую золота и достойную стоять на небѣ, не спаянную оловомъ и не прикрѣпленную къ одному мѣсту, но пробѣгающую отъ Іерусалима до Иллирика, достигающую Испаніи и какъ бы на крыльяхъ носящуюся по всей вселенной. Что можетъ быть прекраснѣе этихъ ногъ, прошедшихъ всю лежащую подъ солнцемъ землю? О красотѣ ихъ и пророкъ предвозвѣстилъ, когда сказалъ: *коль красны ноги благовѣствующихъ миръ* (Ис. LII, 7)! Видишь ли, какъ прекрасны ноги его? Хочешь ли видѣть грудь? Приди, я покажу тебѣ и ее, и ты увидишь, что она свѣтлѣе прекрасныхъ ногъ его и даже самой груди древняго законодателя. Моисей держалъ каменныя скрижали, а онъ имѣлъ внутри самого Христа, носилъ въ себѣ образъ самого Царя и очистилища; потому былъ честнѣе херувимовъ. Не такой голосъ оттуда исходилъ, какой отсюда; тамъ бесѣда касалась большею частію предметовъ чувственныхъ, а языкъ Павла возвѣщалъ о предметахъ, превышающихъ небеса; отъ очистилища произносились вѣщанія къ однимъ только іудеямъ, а отъ него—къ цѣлой вселенной; тамъ—чрезъ вещи бездушныя, а здѣсь—чрезъ добродѣтельную душу.

4. Онъ былъ очистилищемъ, свѣтлѣйшимъ неба, сіяющимъ не разнообразіемъ звѣздъ и не лучами солнечными, но имѣющимъ внутри себя самое Солнце правды, изливавшее оттуда лучи свои. На это (чувственное) небо иногда находитъ облако и потемняетъ его, а на грудь Павла не находила никогда никакая подобная непогода, или лучше, многія непогоды и часто находили на него, но не помрачали свѣта его, а напротивъ этотъ свѣтъ блисталъ среди искушеній и опасностей. Потому онъ, находясь самъ въ узахъ, восклицалъ: *слово Божіе не вяжется* (2 Тим. II, 9). Такъ всегда языкъ его изливалъ лучи и ни страхъ, ни

опасность не помрачали груди его. Эта грудь, повидимому, была превосходнѣе ногъ его; но и они также превосходны, какъ ноги, и она—какъ грудь. Хочешь ли видѣть, какъ прекрасенъ и желудокъ его? Послушай, что онъ самъ говоритъ о немъ: *аще брашно соблазняетъ брата моего, не имамъ ясти мяса во вѣки* (1 Кор, VI, 13). Хорошее дѣло не ѣсть мяса, не пить вина и не употреблять ничего такого, чѣмъ братъ твой оскорбляется, соблазняется, или смущается. *Брашно чреву и чрево брашномъ* (1 Кор. VI, 13). Что можетъ быть и прекраснѣе этого желудка, пріученнаго къ такому воздерженію, хранившаго всякое цѣломудріе, умѣвшаго поститься, алкать и жаждать? Какъ хорошо обученный конь, управляемый золотою уздою, такъ и онъ выступалъ стройно, побѣждая требованія природы, потому что въ немъ выступалъ Христосъ. А при такомъ цѣломудріи, очевидно, изчезало и всякое другое зло. Хочешь ли видѣть и руки его, каковы онѣ нынѣ? Или хочешь видѣть, какъ худы онѣ были прежде? Прежде онъ входилъ въ домы и влачилъ (въ темницу) мужей и женъ,
112 какъ бы имѣя руки не человѣка, но какого-нибудь дикаго звѣря (Дѣян. VIII, 3); а когда принялъ цвѣты истины и достигъ духовной опытности, тогда эти руки были уже не человѣческія, но духовныя, имѣвшія на себѣ узы каждый день; онѣ уже не наносили ударовъ никому и никогда, но сами тысячу разъ подвергались ударамъ. Этихъ рукъ даже устыдилась нѣкогда ехидна; онѣ были уже не человѣческія руки; поэтому она и не причинила имъ вреда (Дѣян. XXVIII, 3—6). Хочешь ли видѣть плечи его, столь же прекрасныя, какъ и прочіе члены? Послушай, что онъ самъ говоритъ о нихъ: *отъ Іудей пятькраты четыредесять разевъ единыя пріяхъ, трищи палицами біенъ быхъ, единою каменми наметанъ быхъ, трикраты корабль опровержеся со мною, нощь и день во глубинѣ сотворихъ* (2 Кор. XI, 24, 25). Но чтобы и намъ не погрузиться въ безпредѣльную глубину и не слишкомъ распространить рѣчь свою, перечисляя всѣ члены его порознь, оставимъ тѣло его и обратимъ взоры на другую красоту,—на красоту одеждъ его, которыхъ боялись злые духи, и потому бѣжали отъ нихъ, отъ которыхъ исцѣлялись и болѣзни (Дѣян. XIX, 12). Гдѣ ни являлся Павелъ, все уступало и покорялось ему, какъ бы побѣдителю вселенной. Подобно тому, какъ получившіе на войнѣ множество ранъ, увидѣвъ оружіе нанесшаго имъ раны, трепещутъ, такъ и злые духи, увидѣвъ только полотенца его, отступали. Гдѣ теперь богатые и гордящіеся своимъ имуществомъ? Гдѣ исчисляющіе свои достоинства и драгоцѣнныя одежды? Сравнивъ себя съ Павломъ, они увидятъ, что всѣ ихъ сокровища—грязь и пометъ. И что я говорю объ одеждахъ и

золотыхъ вещахъ? Если бы кто предложилъ мнѣ во власть цѣлую вселенную, то одинъ ноготь Павла я почелъ бы важнѣе такой власти, бѣдность его выше всякой роскоши, безчестіе—всякой чести, наготу—всякаго богатства, заушеніе священной его главы—всякаго удовольствія, брошенные въ него камни—всякой діадемы. Будемъ и мы, возлюбленные, желать себѣ такого же вѣнца; и хотя теперь нѣтъ гоненія, однако будемъ приготовлять себя къ тому. И онъ сдѣлался славнымъ мужемъ не отъ однихъ гоненій: *порабощаю тѣло мое*, говорилъ онъ (1 Кор. IX, 27); а это можно дѣлать и безъ гоненій. Также *плотоугодія*, увѣщевалъ онъ, *не творите въ похоти* (Рим. XIII, 14); и еще: *имѣюще пищу и одежду, сими доволни будемъ* (1 Тим. VI, 8); а для этого не нужно гоненій. Богатыхъ же онъ вразумляетъ такъ: *хотящіи богатитися впадаютъ въ напасти* (1 Тим. VI, 9). Потому если мы будемъ такимъ образомъ упражняться и подвизаться, то будемъ увѣнчаны и, хотя бы и не было гоненія, получимъ за то великія награды; а если станемъ утучнять тѣло свое и проводить жизнь свойственную свиньямъ, то и во время мира впадемъ во многіе грѣхи и подвергнемся стыду. Развѣ ты не знаешь, съ кѣмъ у насъ брань? Съ силами безтѣлесными (Ефес. VI, 12). Какъ же мы одолѣемъ ихъ, будучи плотскими? Если сражающійся противъ людей имѣетъ нужду въ благоразумномъ воздержаніи, то тѣмъ болѣе—противъ злыхъ духовъ. Если же мы при своей тучности будемъ еще привязаны къ богатству, то какъ одолѣемъ этихъ противниковъ? Богатство—это узы, тяжкія узы для неумѣющихъ пользоваться имъ, это жестокій безчеловѣчный тиранъ, направляющій все къ погибели раболѣпствующихъ ему. Но, если мы захотимъ, то можемъ низвергнуть съ престола тяжелую власть этого тирана и заставить его повиноваться намъ, а не повелѣвать нами. Какимъ же образомъ? Если будемъ раздѣлять свое богатство всѣмъ. Доколѣ оно находится наединѣ съ нами, то, какъ бы какой разбойникъ въ пустынѣ, причиняетъ всякаго рода зло; а когда мы выводимъ его въ общество людей, то оно уже не можетъ повелѣвать нами, потому что тогда всѣ со всѣхъ сторонъ обуздываютъ его.

5. Не то я говорю, чтобы имѣть богатство было грѣшно, 113
грѣхъ—не раздѣлять его бѣднымъ и худо пользоваться имъ. Богъ не сотворилъ ничего худого, но *вся добра зѣло* (Быт. 1, 31); слѣдовательно и богатство—добро, но тогда, когда оно не завладѣваетъ имѣющими его, когда оно избавляетъ ближнихъ отъ бѣдности. Какъ свѣтъ не былъ бы добромъ, если бы не прогонялъ мрака, но еще увеличивалъ его, такъ и богатство я не назову *добромъ*, если оно не избавляетъ отъ бѣдности, но умножаетъ

бѣдность. Богатъ тотъ, кто не нуждается брать у другихъ, но
самъ помогаетъ другимъ; а кто старается брать у другихъ, тотъ
не богатъ, но бѣденъ. Такимъ образомъ не богатство есть зло,
а бѣдственное настроеніе души, обращающее богатство въ бѣд-
ность. Такіе люди несчастнѣе просящихъ (милостыню) въ пе-
реулкахъ, слѣпыхъ и увѣчныхъ; облекаясь въ шелковыя и свѣт-
лыя одежды, они презрѣннѣе одѣтыхъ въ рубища; выступая
гордо на торжищѣ, они бѣднѣе скитающихся по перекресткамъ,
входящихъ во дворы и тамъ вопіющихъ и просящихъ помощи. Эти
послѣдніе прославляютъ Бога и изрекаютъ слова милости и великаго
любомудрія; потому мы и оказываемъ имъ состраданіе, прости-
раемъ руку (помощи) и никогда не осуждаемъ. А недобрые бо-
гачи изрыгаютъ слова жестокости и безчеловѣчія, любостяжанія
и сатанинскихъ похотей; потому они для всѣхъ ненавистны
и смѣшны. Посмотри, что у всѣхъ людей считается постыднымъ—
отъ богатыхъ ли брать, или отъ бѣдныхъ? Конечно, отъ бѣдныхъ.
А это и дѣлаютъ богатые, которые никогда не пойдутъ къ болѣе
богатымъ. Бѣдные же берутъ отъ богатыхъ; нищій не станетъ
просить у нищаго, но у того, кто достаточнѣе его; а богатый
требуетъ отъ бѣднаго. Притомъ, скажи мнѣ, что почтеннѣе—
брать ли отъ дающихъ добровольно и расположенныхъ къ тому,
или требовать и вынуждать нежелающихъ? Конечно, не вынуж-
дать нежелающихъ. А богатые поступаютъ напротивъ. Бѣдные
получаютъ отъ дающихъ добровольно и расположенныхъ къ тому,
богатые же отъ нежелающихъ и противящихся; а это и есть до-
казательство большой бѣдности (ихъ самихъ). Если и на обѣдъ
никто не рѣшится идти, когда приглашающій не будетъ имѣть
расположенія къ приглашаемому, то хорошо ли брать имущество
другого съ принужденіемъ? Не потому ли мы отвращаемся и
убѣгаемъ отъ лающихъ псовъ, что они неотступно нападаютъ
на насъ? То же дѣлаютъ и богатые. Развѣ почетнѣе, когда къ
потерѣ имущества присоединяется еще страхъ? Это хуже всего.
Потому употребляющій всѣ мѣры къ пріобрѣтенію имущества
114 не смѣшнѣе ли всѣхъ? Изъ страха мы часто и псамъ бросаемъ
все, что имѣемъ въ рукахъ. Притомъ что постыднѣе, скажи мнѣ,
просить ли одѣтому въ рубище, или облеченному въ шелковыя
одежды? Когда какой-нибудь богачъ держитъ у себя престарѣ-
лыхъ бѣдныхъ, чтобы овладѣть ихъ имуществомъ, тогда какъ у
нихъ еще есть дѣти, то достоинъ ли онъ прощенія? Если хотите,
обратимъ вниманіе на самыя слова, какія произносятъ богатые,
требуя себѣ чего-нибудь, и какія—бѣдные. Что же говоритъ
бѣдный? Подающій милостыню, говоритъ онъ, никогда не оску-
дѣетъ, потому что подаетъ изъ Божьяго достоянія; Богъ чело-

вѣколюбивъ и воздастъ больше. Все это—слова любомудрія, вразумленія и совѣта; они внушаютъ тебѣ взирать на Владыку и избавляютъ тебя отъ страха будущей бѣдности; вообще много назидательнаго всякій можетъ замѣтить въ словахъ нищихъ. А каковы рѣчи богатыхъ? Свойственныя свиньямъ, собакамъ, волкамъ и другимъ животнымъ. Одни изъ нихъ разсуждаютъ о трапезахъ, о блюдахъ, о сластяхъ, о винахъ, о благовоніяхъ, объ одеждахъ и всякаго рода излишествахъ; другіе—о процентахъ и закладахъ, о составленіи заемныхъ писемъ и уплатѣ неисчетнаго множества долговъ, получившихъ начало еще при отцахъ и дѣдахъ, объ отнятіи у одного—дома, у другого—поля, у иного—слуги и всего его имущества. Что сказать о духовныхъ завѣщаніяхъ, писанныхъ не чернилами, а кровію? Представивъ неизбѣжную опасность, или сдѣлавъ какія-нибудь обольстительныя обѣщанія тѣмъ, у кого видятъ нѣсколько имущества, они убѣждаютъ устранить всѣхъ прямыхъ наслѣдниковъ, часто угнетаемыхъ бѣдностію, и вмѣсто того вписать ихъ самихъ. Не хуже ли это всякаго неистовства и свирѣпости дикихъ звѣрей? Потому, увѣщеваю васъ, будемъ убѣгать всякаго такого богатства, покрытаго стыдомъ и убійствами, а пріобрѣтать богатство духовное, искать сокровищъ небесныхъ. Кто имѣетъ эти сокровища, тотъ только богатъ, тотъ достаточенъ, тотъ владѣетъ всѣми здѣшними и тамошними благами. Кто хочетъ быть бѣднымъ по слову Божію, для того бываютъ отворены двери всѣхъ,—потому что человѣку, не ищущему никакихъ стяжаній для Бога, всякій удѣлитъ отъ своего; а кто хочетъ получить неправедно хотя немногое, для того бываютъ заключены двери всѣхъ. Потому, чтобы намъ имѣть и здѣшнія и тамошнія блага, изберемъ сокровища непогибающія и богатство безсмертное, котораго и да сподобимся всѣ мы, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа (съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь).

БЕСѢДА XIV.

Сего ради послахъ къ вамъ Тимоѳеа, иже ми есть чадо возлюблено и вѣрно о Господѣ, иже вамъ воспомянетъ пути моя, яже о Христѣ Іисусѣ (1 Кор. IV, 17). 113

1. Посмотри и здѣсь, какъ доблестна душа (Павла), какъ она пламеннѣе и живѣе огня. Онъ хотѣлъ самъ придти къ коринѳянамъ, находившимся въ тяжкой болѣзни и смятеніи, потому что хорошо зналъ, какъ полезно было ученикамъ присутствіе его

и какимъ вредомъ сопровождалось его отсутствіе. Первое онъ
114 выразилъ въ посланіи къ филиппійцамъ, когда сказалъ: *не якоже въ пришествіи моемъ точію, но нынѣ много паче во отшествіи моемъ, со страхомъ и трепетомъ свое спасеніе содѣвайте* (Фил. II, 12); а послѣднее выражаетъ въ настоящемъ посланіи, словами: *яко не грядущу ми къ вамъ, разгордѣшася нѣцыи, пріиду же* (ст. 18). Онъ хотѣлъ и спѣшилъ самъ придти; но такъ какъ сдѣлать это было еще невозможно, то вразумляетъ ихъ обѣщаніемъ своего
115 прибытія, и кромѣ того отправленіемъ ученика: *сего ради*, говоритъ, *послахъ къ вамъ Тимоѳеа. Сего ради*. А почему? Потому что я пекусь о васъ, какъ о дѣтяхъ, какъ родившій васъ. Далѣе въ посланіи описываетъ личность его: *иже ми есть чадо возлюблено и вѣрно о Господѣ*. Этими словами выражаетъ свою любовь и вмѣстѣ располагаетъ ихъ—съ уваженіемъ принять его. Не просто: *вѣрно*, но: *о Господѣ*, т. е. въ дѣлахъ Господнихъ. Если быть вѣрнымъ въ житейскихъ дѣлахъ—похвально, то тѣмъ болѣе—въ духовныхъ. Если же онъ былъ сынъ его возлюбленный, то представь, какъ велика была любовь Павла, когда онъ рѣшился разлучиться съ нимъ для коринѳянъ. Если онъ вѣренъ, то устроитъ дѣла безукоризненно. *Иже вамъ воспомянетъ*. Не сказалъ: научитъ, чтобы они не огорчились, какъ бы долженствующіе учиться у него; потому и въ концѣ посланія сказалъ о немъ: *дѣло бо Господне дѣлаетъ, якоже и азъ* (1 Кор. XVI, 10), и потому никто пусть не унижаетъ его. Между апостолами не было зависти, но одно они имѣли въ виду—домостроительство Церкви; и хотя бы дѣйствовавшій былъ менѣе другихъ, они со всѣмъ усердіемъ содѣйствовали ему. Потому онъ не удовольствовался словами: *воспомянетъ вамъ*, но простираетъ далѣе слово, стараясь уничтожить въ нихъ зависть, такъ какъ Тимоѳей былъ молодъ,—почему и присовокупляетъ: *пути моя*. Не свои пути, но *моя*, т. е. распоряженія, опасности, обычаи, законы, учрежденія, правила апостольскія и все прочее. Послѣ того какъ сказалъ: *наготуемъ и страждемъ и скитаемся*, говоритъ: онъ воспомянетъ вамъ и это все и законы Христовы, чтобы уничтожить ереси. Далѣе, устремляя слово свое выше, присовокупляетъ: *яже о Христѣ*; по обычаю своему приписываетъ все Владыкѣ, и тѣмъ утверждаетъ достовѣрность послѣдующаго; потому и продолжаетъ: *якоже вездѣ во всякой церкви учу*. Ничего я не говорилъ вамъ новаго; это подтвердятъ и всѣ прочія церкви. О путяхъ своихъ говоритъ, что они *о Христѣ*, выражая, что они не имѣютъ въ себѣ ничего человѣческаго, и что онъ совершаетъ все при помощи свыше. Сказавъ это и вразумивъ ихъ, онъ, желая приступить къ обличенію кровосмѣсника, опять изрекаетъ слова, испол-

ненныя гнѣва, не потому, чтобы самъ былъ въ такомъ состояніи, но чтобы исправить ихъ, и притомъ, оставивъ кровосмѣсника, обращаетъ рѣчь свою къ другимъ, не удостоивая его даже словъ своихъ, какъ и мы поступаемъ съ слугами, которые слишкомъ оскорбили насъ. Сказавъ: *послахъ къ вамъ Тимоѳеа*, и опасаясь, чтобы они оттого не сдѣлались болѣе безпечными, смотри, что онъ говоритъ: *яко не грядущу ми къ вамъ, разгордѣшася нѣцыи*. Здѣсь касается и ихъ и нѣкоторыхъ другихъ, желая низложить ихъ высокомѣріе. Дѣйствительно, предаваться гордости во время отсутствія учителя, это грѣхъ властолюбія. Обращая рѣчь ко всѣмъ другимъ, смотри, какъ онъ пристыжаетъ ихъ; а обращаясь къ виновнымъ, выражается гораздо сильнѣе. Тѣмъ говоритъ: *всѣмъ попраніе*, и вразумляетъ ихъ словами: *не срамляя васъ сія пишу*; а этимъ говоритъ: *яко не грядущу ми къ вамъ, разгордѣшася нѣцыи*, выражая, что гордость свойственна дѣтскому разсудку, потому что и дѣти дѣлаются болѣе безпечными въ отсутствіе учителя. Такимъ образомъ открывается и то, что для исправленія ихъ достаточно его присутствія.

2. Какъ присутствіе льва приводитъ въ страхъ всѣхъ животныхъ, такъ и присутствіе Павла—развращающихъ Церковь. Потому онъ и продолжаетъ: *пріиду же скоро къ вамъ, аще Господь* 116
восхощетъ (ст. 19). Но сказать одни эти слова значило бы употребить угрозу; а указать на самое дѣло, обѣщать, что онъ потребуетъ съ нихъ отчета, это свойственно великой и мудрой душѣ; потому онъ и присовокупляетъ слѣдующее: *и уразумѣю не слово разгордѣвшихся, но силу*. Гордость ихъ была слѣдствіемъ не собственныхъ ихъ достоинствъ, но отсутствія учителя, что и было знакомъ низкаго расположенія ихъ души. Потому сказавъ: *послахъ Тимоѳеа*, онъ не тотчасъ прибавилъ: *пріиду*, но напередъ обличилъ ихъ въ гордости, а потомъ и сказалъ: *пріиду*. Если бы онъ сказалъ это прежде обличенія, то это было бы скорѣе оправданіемъ его въ томъ, будто онъ самъ не хочетъ придти, нежели угрозою, и самое обѣщаніе было бы не такъ несомнѣнно; а теперь, сказавъ это послѣ обличенія, онъ сдѣлалъ прибытіе свое достовѣрнымъ и страшнымъ. И замѣть, какъ онъ твердъ и осмотрителенъ. Не просто говоритъ: *пріиду*, но: *аще Господь восхощетъ;* не назначаетъ опредѣленнаго времени, — такъ какъ онъ могъ и замедлить,—чтобы неизвѣстностію поддержать въ нихъ бдительность; а чтобы съ другой стороны они не сдѣлались отъ того безпечными, присовокупляетъ: *скоро. И уразумѣю не слово разгордѣвшихся, но силу*. Не сказалъ: не посмотрю ни на мудрость, ни на знаменія, но что?—*не слово*, и этимъ выраженіемъ то унизилъ, а это возвысилъ. Доселѣ онъ обращаетъ рѣчь свою къ другимъ,

защищавшимъ кровосмѣсника; а если бы говорилъ къ нему самому, то не сказалъ бы—*силу*, но—*дѣла*, которыя у него были развратны. Почему же ты не ищешь *слова*? Не потому, что я скуденъ въ *словѣ*, но потому, что наше дѣло *въ силѣ*. Какъ на войнѣ одерживаютъ верхъ не много говорящіе, но много дѣлающіе, такъ и здѣсь побѣда принадлежитъ не говорящимъ, но дѣйствующимъ. Ты гордишься, говоритъ, краснорѣчіемъ; если бы теперь было поприще и время риторовъ, то ты справедливо могъ бы гордиться имъ; но такъ какъ теперь время апостоловъ, возвѣщающихъ истину и подтверждающихъ ее знаменіями, то для чего ты гордишься дѣломъ излишнимъ, ничего незначущимъ и не могущимъ принести въ настоящемъ никакой пользы? Можетъ ли краснорѣчіе послужить къ воскрешенію мертваго, къ изгнанію злыхъ духовъ, или къ совершенію какого-нибудь другого подобнаго чуда? А теперь нужно это, и чрезъ это утверждается наше дѣло. Потому и присовокупляетъ: *не въ словеси бо царство Божіе, но въ силѣ* (ст. 20). Мы побѣждаемъ, говоритъ, знаменіями, а не краснорѣчіемъ, и величайшимъ доказательствомъ того, что наше ученіе божественно и что мы возвѣщаемъ царствіе небесное, представляемъ знаменія, которыя совершаемъ силою Духа. Такимъ образомъ, если превозносящіеся нынѣ хотятъ быть великими, то когда я пріиду, пусть покажутъ, имѣютъ ли они такую же силу, а не выставляютъ мнѣ пышность краснорѣчія, потому что это искусство не служитъ намъ ни къ чему. *Что хощете? Съ палицею ли пріиду къ вамъ, или съ любовію и духомъ кротости* (ст. 21)? Эти слова заключаютъ въ себѣ много страшнаго и много кроткаго. Когда онъ говорилъ: *уразумѣю*, то еще удерживалъ себя; а теперь, когда говоритъ: *что хощете? Съ палицею ли пріиду къ вамъ?*—онъ восходитъ на сѣдалище учителя и оттуда говоритъ съ полною властію. Что значитъ: *съ палицею*? Для наказа-
117 нія, для мученія, т. е. чтобы умертвить, или ослѣпить, какъ поступилъ Петръ съ Сапфирою (Дѣян. V, 9), или какъ онъ самъ съ волхвомъ Елимою (Дѣян. XIII, 11). Здѣсь онъ уже говоритъ не сравнивая себя съ ними, но властно. И во второмъ къ нимъ посланіи онъ выражаетъ то же самое, когда говоритъ: *понеже искушенія ищете глаголющаго во мнѣ Христа* (2 Кор. XIII, 3). *Съ палицею ли пріиду, или съ любовію?* А придти съ палкою развѣ не было знакомъ любви? Да, было знакомъ любви; но сильно любящій не легко склоняется на наказаніе; потому онъ такъ и говоритъ. Потому, говоря о наказаніи, онъ не выразился: *духомъ кротости*, но: *палицею*, хотя и это было дѣломъ Духа,—такъ какъ есть Духъ кротости и Духъ крѣпости,—но онъ не желаетъ называть его такимъ образомъ, а приписываетъ Ему дѣла болѣе

кроткія. Потому и Богъ, хотя посылаетъ наказанія, но чаще называется милосердымъ, долготерпѣливымъ, богатымъ милостію и щедротами, а наказующимъ называется одинъ или два раза, вообще очень рѣдко и притомъ тогда, когда требуетъ того необходимость. И посмотри на мудрость Павла: имѣя у себя власть, онъ предлагаетъ имъ на выборъ то и другое, и говоритъ: *что хощете?*—отъ васъ это зависитъ. Отъ насъ зависитъ и то и другое,—попасть въ геену, или получить царствіе,—потому что такъ желаетъ Богъ. *Се,* говоритъ Онъ, *огнь и вода: на неже хощеши, простреши руку твою* (Сирах. XV, 16); и еще: *аще хощете, и послушаете Мене, благая земли снѣсте; аще же не хощете, мечъ вы поястъ* (Ис. 1, 19, 20).

3. Но, можетъ быть, скажетъ кто-нибудь: я хочу; и нѣтъ никого настолько безумнаго, чтобы не хотѣть; но хотѣніе не приноситъ мнѣ достаточной пользы. Нѣтъ, оно принесетъ пользу, если ты будешь хотѣть, какъ должно, и дѣйствовать сообразно съ хотѣніемъ; а теперь ты не совсѣмъ хочешь. Докажемъ это, если угодно, нѣкоторыми примѣрами. Скажи мнѣ: кто хочетъ жениться, тотъ довольствуется ли однимъ хотѣніемъ? Отнюдь нѣтъ; онъ приглашаетъ свахъ, проситъ друзей посмотрѣть вмѣстѣ съ нимъ невѣсту, собираетъ деньги. Также купецъ не сидитъ дома, довольствуясь однимъ хотѣніемъ торговать, но и нанимаетъ корабль, приглашаетъ кормчихъ и гребцовъ, занимаетъ серебро, развѣдываетъ о мѣстѣ торговли и цѣнѣ товаровъ. Не безразсудно ли въ дѣлахъ земныхъ оказывать такое усердіе, а для пріобрѣтенія неба довольствоваться однимъ хотѣніемъ, или, лучше, не имѣть и хотѣнія въ надлежащей степени? Вѣдь кто хочетъ, какъ должно, тотъ принимается и за дѣла, ведущія къ тому, чего онъ хочетъ. Когда голодъ принуждаетъ тебя искать пищи, ты не ожидаешь, чтобы пища пришла къ тебѣ сама собою, но употребляешь всѣ мѣры къ отысканію пищи; также въ случаѣ жажды, холода и всѣхъ подобныхъ обстоятельствъ ты бываешь дѣятеленъ и готовъ позаботиться о тѣлѣ. Поступай также и по отношенію къ царствію небесному, и непремѣнно достигнешь его. Для того Богъ и сотворилъ тебя съ свободною волею, чтобы ты впослѣдствіи не обвинялъ Бога, какъ бы связавшаго тебя необходимостію. А ты тѣмъ именно и недоволенъ, что составляетъ честь твою? Я слышалъ многихъ, говорившихъ: для чего Богъ сотворилъ меня самовластнымъ въ добродѣтели? Но какъ возвести на на небо тебя дремлющаго, спящаго, преданнаго порокамъ, роскоши и чревоугодію? Ты и тамъ не отсталъ бы отъ пороковъ. Если и теперь, когда положена угроза, ты не перестаешь грѣшить, то тогда, когда бы Онъ предназначилъ тебѣ въ награду

небо, оставилъ ли бы ты свою безпечность и не сдѣлался ли бы
118 гораздо хуже? Не можешь сказать и того, будто Богъ показалъ блага, но не подалъ помощи къ ихъ достиженію; напротивъ, Онъ обѣщалъ тебѣ великую помощь. Но, скажешь, добродѣтель трудна и тяжела, а порокъ сопровождается многими удовольствіями; послѣдній путь широкъ и пространенъ, а первый тѣсенъ и прискорбенъ. А всегда ли, скажи мнѣ, это было такъ? Было ли такъ въ началѣ? И ты самъ противъ воли говоришь о добродѣтели то, что говоришь: такъ убѣдительна истина! Если бы предъ тобою были два пути, одинъ ведущій въ пещь, а другой—въ рай, и ведущій въ пещь былъ широкъ, а ведущій въ рай—тѣсенъ, который путь скорѣе избралъ бы ты? Сколько бы ты ни старался возражать, но несомнѣнной истинѣ не можешь противорѣчить, какъ бы ни былъ безстыденъ. Впрочемъ постараюсь изъ предметовъ, находящихся у насъ подъ руками, доказать, что скорѣе тотъ путь достоинъ избранія, который имѣетъ трудное начало, а не конецъ. Возьмемъ для примѣра, если хотите, искусства; въ нихъ начало исполнено труда, а конецъ—пользы. Но, скажешь, никто не примется за искусство безъ принужденія; молодой человѣкъ, сдѣлавшійся господиномъ себя самого скорѣе изберетъ—въ началѣ предаваться удовольствіямъ, а въ концѣ терпѣть безчисленныя бѣдствія, нежели трудиться въ началѣ, а потомъ собирать плоды трудовъ. Значитъ, такой выборъ есть дѣло сиротливаго мышленія и дѣтской беззаботности, а выборъ противоположный—благоразумія и мужеской зрѣлости. Такъ и мы, если бы по уму не были дѣтьми, то уподоблялись бы не безразсудному сиротѣ, но сыну, руководимому отцемъ. Потому мы должны оставить дѣтское сужденіе, а не слагать вину на самые предметы, и приставить къ своей совѣсти возницу, который бы не дозволялъ намъ предаваться чревоугодію, а заставлялъ бы простираться впередъ и подвизаться. Не нелѣпо ли—дѣтей насильно принуждать заниматься предметами, имѣющими трудное начало, и полезный конецъ, а самимъ намъ вести себя противно тому въ отношеніи къ предметамъ духовнымъ? Между тѣмъ въ житейскихъ дѣлахъ совершенно неизвѣстно, будутъ ли они еще имѣть хорошій конецъ. Преждевременная смерть, бѣдность, клевета, перемѣна обстоятельствъ и многое другое подобное часто послѣ многихъ трудовъ оставляютъ безъ плодовъ; а если трудящіеся и не лишаются всего, то собираютъ не большіе плоды, потому что въ настоящей жизни все подвержено разрушенію. А мы и здѣсь стремимся не за пустыми и скоропреходящими вещами, и не боимся конца, но еще большая и несомнѣннѣйшая надежда остается намъ по отшествіи изъ настоящей жизни. Потому какое

прощеніе, какое оправданіе могутъ имѣть тѣ, которые не хотятъ трудиться для добродѣтели? Но, спросишь еще, для чего путь добродѣтели тѣсенъ? Какъ? Въ земные царскіе чертоги ты не позволяешь входить никому изъ прелюбодѣевъ, пьяницъ и развратниковъ, а на небо хочешь открыть путь людямъ, преданнымъ распутству, роскоши, пьянству, корыстолюбію и всѣмъ порокамъ? Достойно ли это какого-нибудь прощенія?

4. Не то я говорю, скажешь ты, но почему не широкъ путь добродѣтели? Нѣтъ, если захотимъ, то и очень удобенъ. Что въ самомъ дѣлѣ удобнѣе, скажи мнѣ, подкопать ли стѣну и, похитивъ чужую собственность, сидѣть потомъ въ темницѣ, или, довольствуясь своею собственностію, быть свободнымъ отъ всякаго страха? Но еще не все я сказалъ. Что удобнѣе, скажи мнѣ, отнять ли у всѣхъ собственность и, насладившись этою малостію въ теченіе краткаго времени, страдать и мучиться вѣчно, или, 119
поживъ краткое время въ праведной бѣдности, блаженствовать потомъ непрестанно? Мы пока не говоримъ, что полезнѣе, но что удобнѣе.

Что же лучше—видѣть ли пріятное сновидѣніе, а на самомъ дѣлѣ мучиться, или, увидѣвъ непріятное сновидѣніе, на самомъ дѣлѣ блаженствовать? Очевидно, что послѣднее. Почему же, скажи мнѣ, ты называешь добродѣтель тяжкою? Тяжка она для нашей лѣности, а сама по себѣ легка и удобна,—о чемъ, послушай, какъ говоритъ Христосъ: *иго мое благо, и бремя мое легко* (Мѳ. xi, 30). Если ты не чувствуешь ея легкости, то, значитъ, ты не имѣешь крѣпкаго усердія. Какъ при усердіи тяжелое бываетъ легкимъ, такъ безъ него и легкое—тяжелымъ. Что можетъ быть, скажи мнѣ, пріятнѣе и безтруднѣе пищи изъ манны? Но іудеи роптали, употребляя такую пищу (Числ. xi, 6). Что мучительнѣе голода и другихъ бѣдствій, которыя терпѣлъ Павелъ? Но онъ восхищался, радовался и говорилъ: *нынѣ радуюся во страданіихъ моихъ* (Кол. i, 24). Что же тому причиною? Различіе (душевнаго) расположенія. Если ты настроишь душу свою, какъ должно, то почувствуешь легкость добродѣтели. Слѣдовательно, скажешь ты, она бываетъ такою отъ расположенія людей? Не отъ одного только расположенія, но она такова и по существу своему. Если бы добродѣтель всегда была трудна, а порокъ всегда легокъ, то иной изъ падающихъ справедливо могъ бы сказать, что послѣдній легче первой; если же только въ началѣ первая тяжела, а послѣдній пріятенъ, а послѣ та и другой напротивъ, безконечныя же послѣдствія первой пріятны, а послѣдняго—тяжки, то, скажи мнѣ, что изъ нихъ скорѣе можно избрать? Почему же многіе не избираютъ удобнаго? Потому, что одни не вѣруютъ, а другіе,

хотя и вѣруютъ, но имѣютъ развращенную волю и избираютъ удовольствіе временное вмѣсто вѣчнаго. Легко ли и это? Не легко, но они дѣлаютъ это по немощи души своей. Какъ больные горячкою требуютъ холоднаго питья не потому, что пріятнѣе нѣсколько времени чувствовать удовольствіе, нежели постоянно быть въ жару, но потому, что не могутъ воздержаться отъ безразсуднаго желанія,—такъ и они. Между тѣмъ, если бы кто, предлагая имъ удовольствіе, предлагалъ вмѣстѣ и наказаніе, то и они не рѣшились бы на это. Видишь ли, какъ не легокъ и порокъ? Если хочешь, объяснимъ это самымъ дѣломъ. Что пріятнѣе, скажи мнѣ, и удобнѣе? Впрочемъ опять замѣчу, что мы будемъ судить о предметахъ не по желаніямъ многихъ людей, такъ какъ не сужденіями больныхъ, но здоровыхъ надобно руководствоваться въ этомъ случаѣ, и, хотя бы ты представилъ мнѣ тысячи людей, страдающихъ горячкою и желающихъ противнаго здоровью, не смотря на то, что послѣ придется имъ терпѣть мученіе, я не одобрю ихъ рѣшенія. Что же удобнѣе, скажи мнѣ, желать ли большого богатства, или быть выше такого желанія? Мнѣ кажется, что послѣднее удобнѣе; если же ты не вѣришь, то обратимся къ опыту. Представимъ, что одинъ желаетъ многаго, а другой—ничего. Кто изъ нихъ, скажи мнѣ, лучше и почтеннѣе?

5. Впрочемъ оставимъ это; несомнѣнно, что послѣдній почтеннѣе перваго; не объ этомъ мы теперь ведемъ рѣчь, но о томъ, кто изъ нихъ живетъ удобнѣе и пріятнѣе? Корыстолюбецъ не пользуется тѣмъ, что имѣетъ, такъ какъ къ чему онъ питаетъ любовь, того не рѣшится издержать, но скорѣе согласится разсѣчь себя самого и отдать тѣло свое, нежели золото; а презира-
120 ющій богатство имѣетъ по крайней мѣрѣ то преимущество, что онъ просто и съ полною свободою пользуется своею собственностію и ставитъ себя выше ея. Что же пріятнѣе—свободно ли пользоваться своимъ имуществомъ, или, проводя жизнь подъ властію богатства, не смѣть даже прикоснуться ни къ чему изъ своей собственности? Это мнѣ кажется подобнымъ тому, какъ если бы два мужа, имѣющіе женъ и сильно любящіе ихъ, были въ различныхъ къ нимъ отношеніяхъ: одинъ могъ бы находиться вмѣстѣ и бесѣдовать съ женою, а другой не смѣлъ бы даже подойти къ ней близко. Скажу и еще нѣчто въ доказательство, какъ пріятна жизнь одного и непріятна другого. Корыстолюбецъ никогда не оставитъ своей страсти, не потому только, что невозможно завладѣть имуществомъ всѣхъ, но и потому, что, сколько бы онъ ни имѣлъ, онъ считаетъ себя неимѣющимъ ничего; а презирающій богатство считаетъ все излишнимъ и не мучитъ свою душу безпредѣльными желаніями. Ничто не причиняетъ столько муче-

нія, какъ желаніе, не получающее удовлетворенія; это болѣе всего и служитъ доказательствомъ развращенія воли. Желающій богатства и пріобрѣтшій многое, какъ извѣстно, считаетъ себя какъ бы неимѣющимъ ничего; что же можетъ быть тревожнѣе такой болѣзни? И не только это дурно, но и то, что имѣя, онъ, повидимому, не имѣетъ того, что имѣетъ, и страдаетъ, какъ бы неимѣющій; чѣмъ болѣе онъ пріобрѣтаетъ, тѣмъ болѣе мучится; если получилъ сто талантовъ, скорбитъ, что не получилъ тысячи; если получилъ тысячу, досадуетъ, что не десять тысячъ; если получилъ десять тысячъ, терзается, что не въ десять разъ болѣе, — такъ что большее пріобрѣтеніе обращается для него въ большее приращеніе его мученій, потому что чѣмъ больше онъ получаетъ, тѣмъ большаго желаетъ. Такимъ образомъ чѣмъ болѣе онъ пріобрѣтаетъ, тѣмъ становится бѣднѣе; вѣдь кто желаетъ все большаго, тотъ становится все бѣднѣе. Когда онъ имѣетъ сто талантовъ, онъ еще не слишкомъ бѣденъ, потому что желаетъ тысячи; когда получитъ тысячу, то становится болѣе бѣднымъ, потому что, по его мнѣнію, нуждается уже не въ тысячѣ, какъ прежде, а въ десяти тысячахъ. Если же самое желаніе безъ удовлетворенія ты назовешь удовольствіемъ, то я скажу, что ты мнѣ кажешься совершенно незнающимъ свойства удовольствія. Это не удовольствіе, а мученіе; объяснимъ опять и это другими примѣрами. Когда мы чувствуемъ жажду и потомъ принимаемъ питье, то не потому ли получаемъ удовольствіе, что утоляемъ жажду, и не потому ли питье доставляетъ намъ удовольствіе, что освобождаетъ насъ отъ великаго мученія, т. е. отъ желанія пить? Это очевидно для всякаго. Если бы мы оставались всегда съ этимъ желаніемъ, то были бы въ состояніи мученія не менѣе того богача, который видѣлъ Лазаря; для него было наказаніемъ то, что онъ, сильно желая хотя малой капли воды, не получалъ ея ни отъ кого (Лук. XVI, 24). Такъ и сребролюбцы, кажется мнѣ, мучатся непрестанно, подобно этому богачу, просившему капли воды и не получившему ея; душа ихъ горитъ въ огнѣ даже болѣе, нежели его душа. Хорошо нѣкто сравнилъ сребролюбцевъ съ страдающими водяною болѣзнію. Какъ тѣ, чѣмъ болѣе имѣютъ воды въ своемъ тѣлѣ, тѣмъ болѣе чувствуютъ жажду, такъ и сребролюбцы, имѣя много, желаютъ большаго. А причиною то, что какъ у тѣхъ вода находится не въ надлежащемъ мѣстѣ, такъ и у нихъ желаніе не въ надлежащихъ предѣлахъ. Будемъ же избѣгать этой странной и опасной болѣзни, будемъ избѣгать этого корня золъ, будемъ избѣгать этой настоящей геенны; вѣдь желаніе такихъ людей — это геенна. Раскрой душу того и другого, не презирающаго богатство и презираю- 121

щаго, и ты увидишь, что первый подобенъ бѣснующимся, потому что не хочетъ ничего ни видѣть, ни слышать, а послѣдній подобенъ тихой пристани, не возмущаемой волнами, и есть другъ всѣхъ, тогда какъ тотъ—врагъ всѣхъ. Если кто у него отниметъ что-нибудь, онъ не печалится, а если кто опять дастъ ему что-нибудь, онъ не тщеславится, но сохраняетъ всегда какую-то свободу, сопровождающуюся совершеннымъ спокойствіемъ; тотъ принужденъ и льстить и лицемѣрить предъ всѣми, а онъ—ни предъ
122 кѣмъ. Если же сребролюбецъ и бѣденъ, и жалокъ, и неправдивъ, и лицемѣренъ, и подверженъ страху, наказанію и великому мученію, а презирающій богатство находится совершенно въ противоположномъ состояніи, то не очевидно ли, что добродѣтель пріятнѣе? Можно было бы доказать примѣрами и другихъ пороковъ, что никакой порокъ не заключаетъ въ себѣ удовольствія, если бы мы выше не сказали многаго. Итакъ, зная это, будемъ предпочитать добродѣтель, чтобы намъ и здѣсь имѣть удовольствіе, и сподобиться будущихъ благъ, благодатію и человѣколюбіемъ (Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь).

БЕСѢДА XV.

121 **Отнюдъ слышится въ васъ блуженіе, и таково блуженіе, яково же ни во языцѣхъ именуется, яко нѣкоему имѣти жену отчую. И вы разгордѣсте, и не паче плакасте, да изъмется отъ среды васъ содѣявый дѣло сіе (1 Кор. v, 1, 2).**

1. Когда апостолъ бесѣдовалъ (съ коринѳянами) объ ихъ раздѣленіи, то не тотчасъ началъ рѣчь обличительную, но напередъ говорилъ съ ними кротко, а потомъ уже перешелъ къ обличенію, сказавъ: *возвѣстися бо ми о васъ, братіе моя, отъ (домашнихъ) Хлоиса, яко рвенія въ васъ суть* (1 Кор. I, 11). А здѣсь не такъ, но тотчасъ же высказываетъ обличеніе, и силу укоризны направляетъ, сколько возможно, противъ всѣхъ. Не говоритъ: почему такой-то предается прелюбодѣянію?—но: *отнюдъ слышится въ васъ блуженіе*, чтобы они, считая себя совершенно свободными отъ обвиненія, не остались невнимательными, но видѣли бы, что все ихъ общество подлежитъ обличенію и вся ихъ церковь несвободна отъ обвиненія, и оттого были бы ревностны въ благочестіи. Никто не скажетъ, говоритъ, что такой-то предался прелюбодѣянію, но что въ коринѳской церкви совершилось преступ-

женіе. Не говоритъ: дерзаютъ на прелюбодѣяніе, но: *слышится, яково же ни во языцѣхъ именуется.* Онъ часто примѣромъ язычниковъ укоряетъ вѣрующихъ; такъ въ посланіи къ ѳессалоникійцамъ говоритъ: *комуждо свой сосудъ стяжавати во святыни не въ страсти похотнѣй, якоже и прочіи языцы* (1 Сол. IV, 4, 5); также къ колоссянамъ и ефесеямъ: *ктому не ходити вамъ, якоже и прочіи языцы ходятъ* (Еф. IV, 17). Если имъ непростительно грѣшить одинаково съ язычниками, то превосходить язычниковъ въ этомъ отношеніи, скажи мнѣ, какъ это считать? У нихъ, говоритъ, не только не совершается что-нибудь подобное, но *ниже именуется.* Видишь ли, какъ онъ оцѣниваетъ это преступленіе? Если они допускаютъ такой родъ безнравственности, какого не только не дѣлаютъ, но и не знаютъ невѣрные, то невыразима великость ихъ грѣха. Слово: *въ васъ* употреблено здѣсь съ особенною силою, т. е. у васъ вѣрующихъ, сподобившихся такихъ таинствъ, получившихъ неизреченныя блага, призванныхъ къ небу. Видишь ли, какого негодованія, какого гнѣва противъ всѣхъ исполнены его слова? Если бы онъ не чувствовалъ большого гнѣва, то и не обращалъ бы рѣчи своей ко всѣмъ, а сказалъ бы такъ: я слышалъ, что такой-то предается прелюбодѣянію; накажите его. Но теперь не такъ, а направляетъ рѣчь противъ всѣхъ. Если бы они предварительно написали ему объ этомъ, то 122
онъ выразился бы такимъ образомъ; но такъ какъ они не только не писали, но еще прикрывали грѣхъ, то онъ употребляетъ болѣе сильный образъ рѣчи. *Яко нѣкоему имѣти жену отчую.* Почему онъ не сказалъ: нѣкто прелюбодѣйствуетъ съ женою? Онъ ставилъ на видъ нѣчто слишкомъ постыдное; потому сказалъ объ этомъ съ нѣкоторою стыдливостію, какъ объяснено нами выше, но вмѣстѣ чрезъ это самое опять выразилъ важность преступленія, показавъ, что у нихъ совершается нѣчто такое, чего Павелъ не позволяетъ себѣ даже назвать прямо. Потому и далѣе онъ употребляетъ такой же образъ рѣчи: *содѣявый,* говоритъ, *дѣло сіе*; опять стыдится и не позволяетъ себѣ сказать прямо, подобно тому, какъ и мы имѣемъ обыкновеніе дѣлать касательно слишкомъ низкихъ поступковъ. Не говоритъ: мачиху, но: *жену отчую,* чтобы сильнѣе тронуть ихъ. Когда самыя названія достаточны для обличеній, тогда онъ употребляетъ ихъ, не прибавляя ничего другого. Не возражайте мнѣ, говоритъ, что одинъ только прелюбодѣйствуетъ; нѣтъ, это—грѣхъ общій всѣмъ. Потому и продолжаетъ: *и вы возгордѣсте.* Не сказалъ: такимъ грѣхомъ,—это было бы безразсудно,—но ученіемъ его (грѣшника). Впрочемъ, не выразилъ этого ясно, но опустилъ посредствующую мысль, чтобы сильнѣе тронуть ихъ. И посмотри на благоразуміе Павла. Онъ

напередъ низложилъ внѣшнюю мудрость и показалъ, что она ничтожна сама по себѣ, хотя бы не соединена была съ грѣхомъ, а потомъ уже говоритъ и о грѣхѣ. Если бы онъ доказалъ величіе духовныхъ дарованій сравнительно съ кровосмѣсникомъ, который, можетъ быть, отличался внѣшнею мудростію, то не сдѣлалъ бы ничего важнаго; но, низложивъ ее безъ отношенія къ грѣху и показавъ, что она ничтожна сама по себѣ, онъ доказалъ крайнюю ея негодность. Потому онъ напередъ произнесъ о ней такое сужденіе, а потомъ уже сталъ говорить о грѣхѣ. Впрочемъ, онъ не удостоиваетъ своей бесѣды его (кровосмѣсника), — чѣмъ выражаетъ чрезмѣрное безчестіе его поступка,—но говоритъ другимъ, что имъ слѣдовало бы плакать, рыдать и стыдиться; а вы, говоритъ, поступаете напротивъ; потому и присовокупляетъ: *и вы разгордѣсте, и не паче плакасте.* О чемъ, скажутъ, намъ плакать? О томъ, что нареканіе навлечено на церковное общество. А для чего намъ плакать? *Да изместся отъ среды васъ таковый.* Не называетъ его по имени здѣсь, или лучше—нигдѣ, подобно тому, какъ мы обыкновенно дѣлаемъ касательно предметовъ слишкомъ постыдныхъ. Не сказалъ: вы не отвергли его, но, какъ бы говоря о какой заразительной болѣзни, когда бываетъ нужно
123 плакать и усердно молиться, выражается: *да изместся*; слѣдуетъ и молиться, и употреблять всѣ мѣры къ тому, чтобы онъ былъ отлученъ отъ васъ. Не за то осуждаетъ ихъ, что они не увѣдомили его объ этомъ, но за то, что они не плакали, *да изместся*, выражая, что и безъ учителя имъ слѣдовало бы сдѣлать это по причинѣ важности преступленія. *Зане азъ убо аще не у васъ сый тѣломъ, ту же живый духомъ* (ст. 3).

2. Посмотри на ревность его: не позволяетъ дожидаться его прибытія и по принятіи его наказать кровосмѣсника, но какъ бы желая прекратить какую-нибудь заразу, прежде нежели она проникла во все тѣло, старается обуздать его. Потому и продолжаетъ: *уже судихъ, яко тамо сый*. Сказалъ это не только для того, чтобы побудить ихъ къ исполненію приговора и не думать ни о какомъ другомъ рѣшеніи дѣла, но и устрашить тѣмъ, что ему извѣстно все, имѣющее тамъ происходить и обсуждаться. Это и означаетъ выраженіе: *быть духомъ*, подобно какъ Елисеей говорилъ, что онъ былъ вмѣстѣ съ Гіезіемъ: *не ходило ли сердце мое съ тобою* (4 Цар. v, 26)? Вотъ какова сила духовнаго дарованія: оно доставляетъ возможность быть вмѣстѣ всѣмъ въ одно время, и сообщаетъ способность знать отдаленное! *Уже судихъ, яко тамо сый.* Не дозволяетъ имъ помышлять о чемъ-нибудь другомъ; я уже положилъ, говоритъ, какъ бы находясь у васъ; не представляйте мнѣ отговорокъ и промедленій; ничего другого

не должно быть. А чтобы власть его не показалась слишкомъ великою и чтобы слова его не были приняты за выраженіе гордости, смотри, какъ онъ дѣлаетъ и ихъ участниками суда. Сказавъ: *судихъ*, онъ продолжаетъ: *содѣявшаго сице сіе. О имени Господа нашего Іисуса Христа, собравшимся вамъ и моему духу, съ силою Господа нашего Іисуса Христа предати таковаго сатанѣ* (ст. 4, 5). Что значитъ: *о имени Господа нашего Іисуса Христа?* Значитъ—о Богѣ, руководствуясь не человѣческимъ сужденіемъ. Нѣкоторые читаютъ это мѣсто такъ: *содѣявшаго сице сіе о имени Господа нашего Іисуса Христа,* и поставивъ здѣсь точку или запятую, продолжаютъ читать далѣе: *собравшимся вамъ и моему духу, предати таковаго сатанѣ,* давая этому чтенію такой смыслъ: *содѣявшаго сіе о имени Христа* предайте сатанѣ, т. е. оскорбившаго имя Христово, бывшаго вѣрнымъ и называющагося такимъ именемъ и между тѣмъ дерзнувшаго на такое дѣло, предайте *таковаго* сатанѣ. Но мнѣ кажется болѣе истиннымъ первое чтеніе. Какое? *О имени Господа собравшимся вамъ,* т. е. самое имя соединяетъ васъ; о немъ и соберитесь. *И моему духу.* Опять представляетъ имъ себя, чтобы они, производя судъ, какъ бы въ его присутствіи, осудили кровосмѣсника на отлученіе, и чтобы никто не осмѣлился признавать его достойнымъ прощенія, имѣя въ виду, что Павелъ узнаетъ происходившее. Далѣе прибавляетъ болѣе страшныя слова: *съ силою Господа нашего Іисуса Христа,* т. е. или то, что Христосъ можетъ даровать имъ силу—предать таковаго діаволу, или то, что Онъ самъ вмѣстѣ съ ними произнесетъ противъ него приговоръ. Не говоритъ: *отдати таковаго сатанѣ,* но: *предати,* отверзая ему двери покаянія и какъ бы передавая его учителю. И опять: *таковаго;* нигдѣ не позволяетъ 124
себѣ назвать его по имени. *Во измождение плоти,* подобно какъ было съ блаженнымъ Іовомъ, хотя не съ одинаковою цѣлію: тамъ для славнѣйшихъ вѣнцовъ, а здѣсь для разрѣшенія отъ грѣховъ, чтобы сатана наказалъ его злокачественными ранами или другою какою-нибудь болѣзнію. Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: *судимся отъ Господа,* терпя это (1 Кор. xi, 32); а здѣсь, желая сильнѣе тронуть (грѣшника), предаетъ его сатанѣ, хотя и это зависитъ отъ воли Божіей, чтобы наказана была плоть его. Такъ какъ пожеланія рождаются отъ чревоугодія и невоздержанія плоти, то онъ и наказываетъ ее. *Да духъ спасется въ день Господа Іисуса,* т. е. чтобы спасена была душа, не въ томъ смыслѣ, чтобы она спасалась одна, но разумѣя ту несомнѣнную истину, что когда она спасется, тогда и тѣло непремѣнно будетъ участвовать въ спасеніи. Оно сдѣлалось смертнымъ за ея грѣхъ; потому, если она будетъ праведною, то и оно опять удостоится

великой славы. Нѣкоторые подъ *духомъ* здѣсь разумѣютъ (духовное) дарованіе, которое погашается нашими грѣхами. Чтобы этого не было, говоритъ, пусть онъ будетъ наказанъ, чтобы исправившись онъ сподобился благодати и оказался сохранившимъ ее цѣлою въ тотъ день. Такимъ образомъ эти слова означаютъ болѣе попеченіе и врачеваніе, нежели простое пораженіе, или напрасное и тщетное наказаніе: вѣдь польза больше наказанія; это—временное, а та—вѣчная. И не просто говоритъ: *да духъ спасется*, но: *въ тотъ день*. Прекрасно и благовременно напоминаетъ имъ объ этомъ днѣ, чтобы и они усерднѣе приступили къ врачеванію, и онъ скорѣе принялъ врачество, видя, что эти слова происходятъ не отъ гнѣва, но отъ заботливости попечительнаго отца. Для того онъ и сказалъ: *во изможденіе плоти*; здѣсь онъ предписалъ законы діаволу и не позволилъ ему простираться далѣе предѣловъ, подобно какъ объ Іовѣ Богъ сказалъ: *токмо души его да не коснешися* (Іов. I, 12; II, 6).

3. Высказавъ свое рѣшеніе, выраженное кратко и безъ замедленія, далѣе онъ опять обращается (къ коринѳянамъ) и употребляетъ обличеніе: *не добра похвала ваша* (ст. 6); показываетъ, что они, хвалясь имъ, были причиною его нераскаянности до настоящаго времени. Затѣмъ объясняетъ, что онъ дѣлаетъ это для блага не одного только грѣшника, но и всѣхъ ихъ: *не вѣсте ли*, продолжаетъ онъ, *яко малъ квасъ все смѣшеніе квасить?* Хотя, говоритъ, грѣхъ—его, но, будучи оставленъ безъ вниманія, можетъ заразить и все тѣло церкви, потому что, если первый согрѣшившій не будетъ преданъ наказанію, то скоро и другіе впадутъ въ тотъ же грѣхъ. Этими словами выражаетъ, что имъ слѣдуетъ опасаться и заботиться о всей церкви, а не объ одномъ только членѣ; для того и употребляетъ подобіе закваски. Какъ закваска, говоритъ, хотя и небольшая, измѣняетъ собою все тѣсто, такъ и онъ, если останется безъ обличенія и грѣхъ его безъ наказанія, то заразитъ и прочихъ. *Очистите ветхій квасъ* (ст. 7), т. е. этого грѣшника; или, лучше, не о немъ только говоритъ, но намекаетъ и на другихъ, потому что не только прелюбодѣяніе есть старая закваска, но и всякій порокъ. Не сказалъ: *очищайте*, но: *очистите*, тщательно очистите, чтобы не было ни остатковъ, ни тѣни его. Словомъ—*очистите* выражаетъ, что между ними есть пороки; а словами: *да будете ново смѣшеніе*,
125 *якоже есте безквасни*, ясно показываетъ, что зло господствуетъ не слишкомъ во многихъ. Впрочемъ выраженіе: *якоже есте безквасни*—означаетъ не то, чтобы они всѣ были чистыми, но что имъ должно быть такими. *Ибо и пасха наша за ны пожренъ бысть Христосъ. Тѣмже да празднуемъ не въ квасѣ ветсѣ, ни въ квасѣ злобы и лукав-*

ства, но въ безквасіихъ чистоты и истины (ст. 8). Такъ и Христосъ называетъ ученіе Свое *закваскою* (Мѳ. XIII, 33). Продолжая переносную рѣчь, (Павелъ) напоминаетъ имъ о древнихъ событіяхъ, о пасхѣ и опрѣснокахъ, о благодѣяніяхъ тогдашнихъ и нынѣшнихъ, о страданіяхъ и наказаніяхъ.

Подлинно, настоящее время есть время праздника. Онъ сказалъ: *да празднуемъ* не потому, чтобы тогда была пасха или пятидесятница, но чтобы показать, что для христіанъ всякое время есть время праздника, по преизбытку дарованныхъ имъ благъ. Какого въ самомъ дѣлѣ недостаетъ блага? Для тебя Сынъ Божій содѣлался человѣкомъ, освободилъ тебя отъ смерти, призвалъ въ царствіе. Получивъ и получая такія блага, не долженъ ли ты праздновать во всю жизнь? Итакъ, никто пусть не скорбитъ въ бѣдности, въ болѣзни и въ напастяхъ; для насъ всякое время есть время праздника. Потому Павелъ и говоритъ: *радуйтеся о Господѣ, радуйтеся, паки реку, радуйтеся* (Фил. IV, 4). Во время праздниковъ никто не одѣвается въ нечистыя одежды; такъ будемъ поступать и мы, потому что совершается бракъ, духовный бракъ. *Уподобися,* говоритъ (Господь), *царствіе небесное человѣку царю, иже восхотѣ сотворити браки сыну своему* (Мѳ. XXII, 2). А когда царь совершаетъ бракъ, и бракъ своего сына, то что можетъ быть болѣе такого праздника? Потому никто пусть не входитъ одѣтымъ въ рубище; говоримъ не объ одеждахъ, а о нечистыхъ дѣлахъ. Если въ то время, когда всѣ были облечены въ свѣтлыя одежды, одинъ только, оказавшійся на бракѣ въ нечистой одеждѣ, былъ изгнанъ съ безчестіемъ, то подумай, какая тщательность и чистота требуются отъ входящихъ на этотъ бракъ. Впрочемъ, не для этого только онъ напоминаетъ имъ объ опрѣснокахъ, но и желаетъ показать сродство ветхаго завѣта съ новымъ и вмѣстѣ объяснить, что послѣ опрѣсноковъ уже непозволительно возвращаться въ Египетъ, а кто пожелаетъ возвратиться, тотъ испытаетъ тоже, что тѣ (израильтяне), такъ какъ бывшее съ ними есть тѣнь настоящаго, хотя іудей безстыдно отвергаетъ это. Если спросишь его, то онъ не скажетъ ничего великаго; или, лучше, наскажетъ много, но ничего не скажетъ такого, что говоримъ мы, потому что не знаетъ истины. Онъ скажетъ, что египтянъ, удерживавшихъ насъ, Богъ привелъ въ такое положеніе, что они сами насильно стали гнать насъ, хотя прежде удерживали, и не дали времени даже заквасить тѣста. Если же кто спроситъ меня, то услышитъ не о Египтѣ и фараонѣ, но о свободѣ отъ демонскаго заблужденія и отъ діавольскаго мрака, не о Моисеѣ, но о Сынѣ Божіемъ, не о Чермномъ морѣ, но о крещеніи, которое изобилуетъ безчисленными благами и въ которомъ потопляется

ветхій человѣкъ. Опять, если спросишь іудея, почему онъ всячески избѣгаетъ закваски, то онъ и здѣсь будетъ молчать и не скажетъ причины, такъ какъ одно было у нихъ прообразомъ будущаго и имѣло свою причину въ настоящемъ, а другое напротивъ было для того, чтобы удержать іудеевъ отъ пороковъ и чтобы они не остались навсегда при тѣни. Что значитъ, скажи мнѣ, чтобы агнецъ былъ *мужескаго пола*, *непорочный*, *единолѣтній*, и чтобы *кость его не сокрушалась*? Что значитъ повелѣніе пригла-
126 сить сосѣдей, ѣсть стоя, вечеромъ, кровію помазать домъ (Исх. xii. 5—49)? Ничего другого онъ не скажетъ на это, а только будетъ твердить о Египтѣ. А я скажу, что значитъ кровь и что вечеръ, что значитъ, чтобы всѣ ѣли вмѣстѣ и стоя.

4. Напередъ скажемъ, для чего (у іудеевъ) рѣшительно изгоняется закваска. Что же это значитъ? Значитъ, что вѣрующему надобно быть свободнымъ отъ всякаго порока. Какъ іудей погибаетъ, если у него найдена старая закваска, такъ будетъ и съ нами, если въ насъ будетъ найденъ порокъ. Вѣдь, если ходящихъ въ тѣни постигаетъ такое наказаніе, то насъ не можетъ не постигать гораздо большее. Если они такъ тщательно очищаютъ свои домы отъ закваски, что осматриваютъ даже мышиныя норы, то тѣмъ болѣе намъ должно испытывать свою душу, чтобы извергнуть всякій нечистый помыслъ. Впрочемъ это дѣлалось у нихъ прежде, а теперь уже нѣтъ,—потому что вездѣ есть закваска, гдѣ только есть іудей. Если въ городахъ бываютъ опрѣсноки, то это болѣе шутка, нежели исполненіе закона. Когда явилась истина, то прообразованія уже не имѣютъ мѣста. Такимъ образомъ Павелъ и этимъ подобіемъ весьма разительно отлучаетъ кровосмѣсника отъ Церкви. Онъ не только, говоритъ, не приноситъ пользы своимъ присутствіемъ, но и причиняетъ вредъ, заражая все тѣло. Когда гніеніе скрывается внутри и невидно, откуда происходитъ зловоніе, тогда приписываютъ это всему тѣлу. Потому апостолъ съ особенною силою побуждаетъ ихъ очистить закваску: *да будете*, говоритъ, *ново смѣшеніе*, *якоже есте безквасни: ибо и пасха наша за ны пожренъ бысть Христосъ*. Не сказалъ: умеръ, но употребилъ выраженіе, болѣе близкое къ предмету: *пожренъ бысть*. Потому не ищи такихъ же опрѣсноковъ, такъ какъ и Агнецъ у тебя не такой; не ищи такой же закваски, такъ какъ и опрѣсноки твои не таковы. Отъ закваски чувственной прѣсное дѣлается кваснымъ, и квасное уже не можетъ сдѣлаться прѣснымъ; а здѣсь можетъ быть и наоборотъ. Впрочемъ онъ не выразилъ этого ясно.

И посмотри на мудрость его: въ первомъ посланіи (къ коринѳянамъ) онъ не подаетъ кровосмѣснику надежды на возвращеніе,

но повелѣваетъ ему проводить всю свою жизнь въ покаяніи, чтобы обѣщаніемъ прещенія не сдѣлать его болѣе нерадивымъ; не говоритъ: предайте его сатанѣ, чтобы послѣ покаянія онъ опять былъ принятъ въ Церковь, но что? *Да спасется въ послѣдній день*. Указываетъ на это время, чтобы сдѣлать его рачительнымъ; а того, что намѣревался даровать ему послѣ покаянія, не открываетъ, подражая своему Владыкѣ. Какъ Богъ сказалъ: *еще три дни, и Ниневіа превратится* (Іон. III, 4), и не прибавилъ: если же покается, то спасется, такъ и онъ не сказалъ: если же онъ надлежащимъ образомъ покается, то мы крѣпко будемъ любить его; но предоставляетъ ему самому сдѣлать это дѣло, чтобы тогда и получить благодать. Если бы онъ сказалъ такъ въ самомъ началѣ, то отогналъ бы отъ него страхъ; потому онъ не только не говоритъ этого, но подобіемъ закваски даже не оставляетъ ему надежды на возвращеніе, а отлучаетъ его до будущаго дня: *очистите*, говоритъ, *ветхій квасъ*; и еще: *да празднуемъ не въ квасѣ ветсѣ*. Когда же онъ покаялся, то со всею готовностію опять вводитъ его (въ общеніе съ Церковію). Почему онъ называетъ закваску *ветхою*? Или потому, что дѣйствительно такова прежняя наша жизнь, или потому, что ветхое близко къ разрушенію, смрадно и отвратительно, каковъ и есть грѣхъ. Впрочемъ не всегда ветхое порицается и не всегда новое одобряется, но смотря по предмету. Такъ въ одномъ мѣстѣ говоритъ (Писаніе): *вино новое, другъ новъ: аще обетшаетъ, тогда съ веселіемъ испіеши его* 127
(Сир. IX, 13), похваляя болѣе старую дружбу, нежели новую. И еще: *Ветхій денми сѣде* (Дан. VII, 9); здѣсь также ветхость принимается въ знакъ чести и величайшей славы. А въ другихъ мѣстахъ Писаніе поставляетъ ветхость въ укоризну. Такъ какъ различные предметы сочетаваются различно, то оно употребляетъ одни и тѣже выраженія и о предметахъ добрыхъ и о предметахъ дурныхъ въ различныхъ смыслахъ. Смотри, въ одномъ мѣстѣ оно принимаетъ ветхость въ смыслѣ неодобрительномъ: *обетшаша и охромоша отъ стезь своихъ* (Псал. XVII, 46); и еще: *обетшахъ во всѣхъ врагѣхъ моихъ* (Псал. VI, 8); и еще: *обетшалый злыми денми* (Дан. XIII, 52). Подобнымъ образомъ и закваска часто принимается въ смыслѣ царствія небеснаго (Мѳ. XIII, 33), а между тѣмъ здѣсь отвергается; тамъ — въ одномъ отношеніи, а здѣсь—въ другомъ.

5. Мнѣ кажется, что рѣчь о закваскѣ въ особенности относится къ священникамъ, которые терпятъ внутри много старой закваски, не извергая изъ предѣловъ, т. е. изъ Церкви, любостяжателей, хищниковъ и всего, что отлучаетъ отъ царствія небеснаго. Подлинно, любостяжаніе есть старая закваска, и куда оно ни попадетъ, въ какой домъ ни вторгнется, дѣлаетъ его не-

чистымъ. Хотя бы ты немногое пріобрѣлъ неправедно, заквасишь этимъ все свое состояніе. Потому часто немногое, пріобрѣтенное безчестно, ниспровергало многое, накопленное честно. Нѣтъ ничего опаснѣе любостяжанія; хотя бы ты къ своему казнохранилищу придѣлывалъ ключи, двери, запоры, напрасно будешь все дѣлать, если заперъ внутрь любостяжаніе, этого злѣйшаго разбойника, который можетъ отнять у тебя все. Какъ же, скажешь, многіе любостяжатели не подвергаются этому? Непремѣнно подвергнутся, хотя и не вдругъ; а если избѣгнуть теперь, то тѣмъ страшнѣе будетъ тогда; они соблюдаются для большаго наказанія. Притомъ, если они сами избѣгнутъ, то наслѣдники ихъ испытаютъ это. Но, скажешь, справедливо ли это? И весьма справедливо. Получившій наслѣдство, пріобрѣтенное неправедно, хотя самъ и не похищалъ, но владѣетъ чужою собственностію, знаетъ это хорошо, и потому справедливо можетъ пострадать. Если бы ты взялъ что-нибудь отъ грабителя, а потомъ ограбленный пришелъ бы къ тебѣ и сталъ требовать свое обратно, то могъ ли бы ты оправдываться тѣмъ, что не ты ограбилъ его? Отнюдь нѣтъ. Что отвѣчалъ бы ты, скажи мнѣ, противъ обвиненія? Что другой отнялъ? Но ты владѣешь. Что другой ограбилъ? Но ты пользуешься. Это извѣстно и изъ законовъ внѣшнихъ (языческихъ), которые, не касаясь похитителей и грабителей, повелѣваютъ взыскивать съ тѣхъ, у кого кто найдетъ свою собственность. Итакъ, если ты знаешь обиженныхъ, то вознагради ихъ и сдѣлай такъ, какъ сдѣлалъ Закхей, съ великимъ избыткомъ (Лук. xix, 8); а если не знаешь, то я укажу тебѣ другой путь и не лишу тебя врачества: раздай все бѣднымъ, и такимъ образомъ исправишь зло. Если же иные передали такое имущество дѣтямъ и внукамъ, то они испытали вмѣсто одного другое зло. Но что я говорю о томъ, что бываетъ здѣсь? Не будетъ говорено объ этомъ въ тотъ день, когда предстанутъ обнаженными тѣ и другіе, и ограбленные и грабители, или лучше сказать, не одинаково обнаженными. Отъ имущества они будутъ одинаково обнажены, но одни изъ нихъ будутъ покрыты грѣхами, нажитыми съ имуществомъ. Что мы сдѣлаемъ въ тотъ день, когда обиженный и лишившійся
128 всей своей собственности предстанетъ предъ страшнымъ судилищемъ, и никто не будетъ защищать тебя? Что ты скажешь Судіѣ? Теперь ты можешь обмануть судъ человѣческій, а тогда того суда уже—нѣтъ; или лучше, не можешь и теперь, потому что и теперь тотъ судъ—въ силѣ. Богъ видитъ все совершающееся и *близъ* есть къ обижаемымъ, даже и не *призываемый* (Псал. cxliv, 18). Пострадавшій, хотя бы онъ былъ и недостоинъ того, чтобы мстить за него, непремѣнно имѣетъ Бога мстителемъ за себя, потому что причинен-

ное ему зло неугодно Богу. Какъ же, скажешь, такой-то нечестивецъ благоденствуетъ? Но не до конца. Послушай, что говоритъ пророкъ: *не ревнуй лукавнующымъ, зане яко трава скоро изсшутъ* (Пс. xxxvi, 1, 2). Гдѣ, скажи мнѣ, хищникъ, переселившійся отсюда? Гдѣ его свѣтлыя надежды? Гдѣ громкое имя? Не все ли прошло? Не все ли, принадлежавшее ему,—тѣнь и сновидѣніе? Тоже будетъ и съ каждымъ такимъ человѣкомъ, настоящимъ и будущимъ. Но не такъ бываетъ съ святыми мужами, и объ нихъ нельзя сказать того же, т. е. что все, принадлежащее имъ,—тѣнь, сновидѣніе и мечта. Если хочешь, приведемъ въ примѣръ того, котораго изреченія предъ нами, скинотворца, киликіянина, котораго даже и отецъ неизвѣстенъ. Но возможно ли, скажешь, мнѣ быть такимъ же? А ты рѣшительно хочешь, твердо желаешь и стремишься быть такимъ же? Да, говоришь ты. Такъ иди же тѣмъ самымъ путемъ, которымъ шелъ онъ и другіе вмѣстѣ съ нимъ. А какимъ они шли путемъ? Одинъ говоритъ: *во алчбѣ и жажди и наготѣ* (2 Кор. xi, 27); другой: *сребра и злата нѣсть у мене* (Дѣян. iii, 6). Такъ они ничего не имѣли, и между тѣмъ всѣмъ обладали (2 Кор. vi, 10).

6. Что можетъ быть почтеннѣе этихъ словъ? Что блаженнѣе и счастливѣе (такого состоянія)? Другіе хвалятся противнымъ и говорятъ: я имѣю столько-то и столько-то талантовъ золота, множество десятинъ земли, домовъ и слугъ; а онъ—тѣмъ, что ничего не имѣетъ, и не стыдится своей бѣдности, какъ дѣлаютъ люди безразсудные, не скрывается, но даже хвалится. Гдѣ теперь богатые, считающіе проценты и проценты на проценты, готовые отнять собственность у всѣхъ и никогда не насыщающіеся? Послушайте словъ Петра, внушающихъ, что бѣдность есть мать богатства, что она, хотя не имѣетъ ничего, но богаче облеченныхъ въ діадемы. Она, не имѣя ничего, воскрешала мертвыхъ, исцѣляла хромыхъ, изгоняла бѣсовъ и дѣлала то, чего не могли дѣлать облеченные въ багряницы и управлявшіе великими и грозными войсками. Это—слова мужей, уже переселившихся на небо и достигшихъ самаго верха. Такъ, можно ничего не имѣть и всѣмъ обладать, ничего не пріобрѣтать и всѣмъ владѣть. А если мы будемъ стараться пріобрѣсти все, то лишимся всего. Можетъ быть, эти слова кажутся загадкою, но они—не загадка. Какъ же, скажешь, не имѣющій ничего обладаетъ всѣмъ? Не скорѣе ли имѣющій все? Нѣтъ, а совершенно напротивъ. Не имѣющій ничего имѣетъ въ своей власти все, какъ и было съ апостолами: во всей вселенной для нихъ были открыты всѣ домы, всѣ принимали ихъ съ радостію, какъ друзей и родственниковъ. Пришли они къ порфиропродательницѣ, и она, какъ служанка,

129 предложила имъ свою собственность (Дѣян. XVI, 16); пришли къ темничному стражу, и онъ открылъ имъ весь домъ свой (XVI, 34); также и ко многимъ другимъ. Такъ они ничего не имѣли, и всѣмъ обладали! Они *ничто отъ имѣній глаголаша свое быти* (Дѣян. IV, 32), и потому все принадлежало имъ. Кто считаетъ все общимъ, тотъ пользуется не только своею собственностію, но и собственностію другихъ, какъ своею; а отдѣляющій себя и считающій себя господиномъ только своей собственности не владѣетъ и ею. Это будетъ яснѣе изъ примѣра. Кто рѣшительно ничего не имѣетъ, ни дома, ни трапезы, ни лишней одежды, но всего лишилъ себя для Бога, тотъ пользуется чужимъ, какъ своимъ, и отъ всѣхъ получитъ, чего захочетъ; такимъ образомъ не имѣющій ничего обладаетъ всѣмъ. А имѣющій что-нибудь не владѣетъ и этимъ, потому что имѣющему никто ничего не дастъ, и его собственность скорѣе сдѣлается жертвою разбойниковъ, воровъ, клеветниковъ, перемѣны обстоятельствъ и всего другого, нежели будетъ его собственностію. Павелъ протекъ всю вселенную, не имѣя у себя ничего, шелъ не къ друзьямъ и не къ знакомымъ,—такъ какъ въ началѣ онъ былъ общимъ врагомъ всѣхъ,—и владѣлъ всѣмъ, когда приходилъ. Ананія и Сапфира, желая удержать малую часть изъ своей собственности, лишились всего вмѣстѣ съ самою жизнію (Дѣян. V, 9). Итакъ оставь свое, чтобы тебѣ пользоваться чужимъ, какъ своимъ. Впрочемъ не знаю, какимъ образомъ я дошелъ до такой крайности, бесѣдуя съ людьми, которые любятъ удѣлять хотя малую часть изъ своего имѣнія.

130 Пусть же наши слова относятся къ людямъ совершеннымъ; а менѣе совершеннымъ скажемъ слѣдующее: удѣляйте отъ имѣнія своего нуждающимся, и такимъ образомъ умножайте свое богатство, потому что подающій бѣдному *взаимъ даетъ Богови*, говоритъ (Премудрый) (Притч. XIX, 17). Если же ты не хочешь терпѣть и ожидать времени воздаянія, то вспомни о тѣхъ, которые даютъ взаймы деньги людямъ. Они не тотчасъ берутъ проценты, но стараются какъ можно долѣе держать капиталъ въ рукахъ должника, только бы вѣрно было возвращеніе и надеженъ взявшій взаймы. Пусть будетъ тоже и здѣсь: оставь свое въ рукахъ Божіихъ, чтобы Онъ воздалъ тебѣ многократную награду. Не старайся получить все здѣсь; если ты все получишь здѣсь, то какое воздаяніе получишь тамъ? Потому и Богъ соблюдаетъ награды тамъ, что настоящая жизнь скоропреходяща. Правда, Онъ подаетъ и здѣсь: *ищите*, говоритъ, *царствія небеснаго, и сія вся приложатся вамъ* (Матѳ. VI, 33); но мы будемъ взирать туда, и не будемъ спѣшить получать воздаяніе за все, чтобы не уменьшить нашей награды, но ожидать того времени. Тамош-

ніе проценты не таковы, какъ здѣсь, но какіе свойственно получать отъ Бога. Потому соберемъ ихъ тамъ, какъ можно болѣе, и такимъ образомъ перейдемъ отсюда, чтобы намъ сподобиться и настоящихъ и будущихъ благъ, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XVI.

Писахъ вамъ въ посланіи не примѣшатися блудникомъ: 129
и не всяко блудникомъ міра сего, или лихоимцемъ, или хищникомъ, или идолослужителемъ: понеже убо должни бы есте были отъ міра изыти. Нынѣ же писахъ вамъ не примѣшатися, аще нѣкій братъ именуемъ будетъ блудникъ, или лихоимецъ, или идолослужитель, или піяница, или досадитель, или хищникъ, съ таковымъ ниже ясти (1 Кор. v, 9—11).

1. Когда (апостолъ) говорилъ: *не паче плакасте, да изметется таковый,* и: *очистите ветхій квасъ,* то (коринѳяне) могли подумать, что надобно избѣгать всѣхъ блудниковъ (такъ какъ если согрѣшившій сообщаетъ свою заразу не согрѣшившимъ, то тѣмъ болѣе должно удаляться согрѣшающихъ изъ внѣшнихъ; если не должно щадить своего за тотъ вредъ, который происходитъ отъ него, то тѣмъ болѣе—чужихъ); а допустивъ это, они должны были удаляться и блудниковъ языческихъ. Такъ какъ это невозможно, и такое требованіе только болѣе раздражило бы ихъ, то апостолъ дѣлаетъ оговорку и говоритъ: *писахъ вамъ не примѣшатися блудникомъ: и не всяко блудникомъ міра сего.* Слово: *всяко* употребляетъ въ смыслѣ оговорки. Чтобы они не подумали, что онъ не заповѣдуетъ имъ этого, только какъ несовершеннымъ, а что совершенные могутъ дѣлать и это, онъ объясняетъ, что это невозможно, хотя бы они и желали; иначе надлежало бы искать другой вселенной. Потому и прибавляетъ: *понеже должни бы есте отъ міра изыти.* Видишь ли, какъ онъ не хочетъ отягощать ихъ, а всегда обращаетъ вниманіе не только на возможность, но и на удобство заповѣдей? Какъ возможно, говоритъ, чтобы человѣкъ, 130
имѣя домъ и дѣтей, исполняя общественныя обязанности, будучи ремесленникомъ или воиномъ, при такомъ множествѣ язычниковъ, всегда избѣгалъ блудниковъ? *Блудниками міра* онъ называетъ блудниковъ изъ язычниковъ. *Нынѣ же писахъ вамъ, аще нѣкій братъ будетъ* таковъ, *съ таковымъ ниже ясти.* Здѣсь онъ

намекаетъ и на другихъ, живущихъ порочно. Но какъ братъ можетъ быть идолослужителемъ? Такъ, какъ нѣкогда самаряне, которые только въ половину держались благочестія. Съ другой стороны онъ здѣсь предначинаетъ рѣчь объ идоложертвенномъ, которую намѣренъ былъ изложить послѣ. *Или лихоимецъ.* Отвергаетъ и такихъ людей; потому и говоритъ послѣ: *почто не паче обидими есте? почто не лишени бываете? но вы сами обидите и лишаете* (VI, 7, 8). *Или піяница.* И за это осуждаетъ послѣ, когда говоритъ: *овъ убо алчетъ, овъ же упивается* (XI, 21), и: *брашна чреву, и чрево брашномъ* (VI, 13). *Или досадитель, или хищникъ.* Такихъ людей онъ укорялъ прежде. Затѣмъ представляетъ причину, почему онъ не заповѣдуетъ не сообщаться съ такими людьми изъ язычниковъ, доказывая, что это не только невозможно, но и излишне. *Что бо ми и внѣшнихъ судити* (ст. 12)? Внутренними онъ называетъ христіанъ, а внѣшними—язычниковъ, какъ говоритъ и въ другомъ мѣстѣ: *подобаетъ ему и свидѣтельство добро имѣти отъ внѣшнихъ* (1 Тим. III, 7); и въ посланіи къ Ѳессалоникійцамъ говоритъ тоже: *не примѣшайтеся ему, да посрамится: и не аки врага имѣйте, но наказуйте, якоже брата* (2 Сол. III, 14, 15). Впрочемъ тамъ онъ не представляетъ причины. Почему? Потому, что
131 тамъ онъ хотѣлъ ободрить, а здѣсь не то; тамъ не такой грѣхъ, какой здѣсь; тамъ онъ обличаетъ меньшій грѣхъ—праздность, а здѣсь—блудъ и другіе тягчайшіе грѣхи. Кто будетъ сообщаться съ язычниками, тому онъ не запрещаетъ ѣсть съ ними, по той же причинѣ. Такъ поступаемъ и мы: о дѣтяхъ и братьяхъ имѣемъ полное попеченіе, а о чужихъ заботимся не много. Но что же? Развѣ Павелъ не заботился о внѣшнихъ? Заботился, но преподавалъ имъ заповѣди уже тогда, когда они принимали проповѣдь и покорялись ученію Христову; а пока они не обратились, дотолѣ излишне было бы говорить о заповѣдяхъ Христовыхъ тѣмъ, которые даже не знали Христа. *Не внутреннихъ ли вы судите? Внѣшнихъ же Богъ судитъ* (ст. 13). Чтобы изъ словъ его: *что ми и внѣшнихъ судити?*—кто-нибудь не вывелъ заключенія, что язычники останутся безнаказанными, онъ указываетъ имъ на другой судъ—страшный. Говоритъ это, чтобы устрашить внѣшнихъ и вмѣстѣ утѣшить своихъ, и чтобы показать, что это временное наказаніе избавляетъ отъ вѣчнаго и безконечнаго, какъ и въ другомъ мѣстѣ сказалъ: нынѣ же *судими наказуемся, да не съ міромъ осудимся* (1 Кор. XI, 32); и: *измите злаго отъ васъ самѣхъ* (Второз. XVII, 7).

2. Онъ заимствовалъ изреченіе изъ ветхаго завѣта, чтобы съ одной стороны внушить, что и они сами получатъ величайшую пользу, освободившись какъ бы отъ опасной заразы, а съ

другой стороны показать, что это не нововведеніе, а еще древнимъ законодателемъ заповѣдано отлучать такихъ людей. Впрочемъ тамъ было строже, а здѣсь снисходительнѣе. При этомъ справедливо можно спросить, почему тамъ законодатель позволялъ казнить грѣшника и побивать камнями, а здѣсь не такъ, но ведетъ его къ покаянію? Почему тамъ узаконено такъ, а здѣсь иначе? По двумъ причинамъ: во-первыхъ, потому, что новозавѣтные призваны къ большему подвигу, слѣдовательно имѣютъ нужду въ большемъ снисхожденіи; во-вторыхъ, и справедливѣе, потому, что облегченіе въ наказаніи скорѣе располагаетъ ихъ къ покаянію и исправленію, а ветхозавѣтныхъ оно привело бы къ большему развращенію. Если они, и видя наказаніе своихъ предшественниковъ, оставались при тѣхъ же грѣхахъ, то тѣмъ болѣе закоснѣвали бы въ такомъ состояніи, если бы иные изъ нихъ не были наказываемы. Потому-то тамъ прелюбодѣй и убійца немедленно предавались смерти, а здѣсь, если очистятся покаяніемъ, избѣгаютъ наказанія. Впрочемъ, можно встрѣчать и въ новомъ завѣтѣ наказанія болѣе строгія, нежели въ ветхомъ, и въ ветхомъ болѣе легкія, нежели въ новомъ, откуда видно, что эти завѣты сродны и принадлежатъ одному и тому же законодателю. Тамъ и здѣсь наказанія иногда вдругъ слѣдуютъ за преступленіемъ, иногда спустя долгое время, а нерѣдко не бываетъ и этого, но Богъ удовлетворяется однимъ покаяніемъ. Такъ въ ветхомъ завѣтѣ Давидъ, совершившій прелюбодѣяніе и убійство, спасся покаяніемъ, а въ новомъ Ананія, утаившій немного изъ цѣны за имѣніе, погибъ вмѣстѣ съ женою. Если же въ ветхомъ больше примѣровъ строгости, а въ новомъ—напротивъ, то различіе такого домостроительства происходитъ отъ различія лицъ. *Смѣетъ ли кто отъ васъ, вещь имѣя къ брату своему, судитися отъ неправедныхъ, а не отъ святыхъ* (VI, 1)? И въ этомъ опять апостолъ обличаетъ ихъ, какъ въ дѣлѣ извѣстномъ; тамъ говоритъ: *отнюдъ слышится въ васъ блуженіе*; а здѣсь: *смѣетъ ли кто отъ васъ?* Въ самомъ началѣ выражаетъ гнѣвъ и показываетъ, что это дѣло нескромное и законопреступное. Но почему онъ завелъ рѣчь о любостяжаніи и о томъ, что не должно судиться у внѣшнихъ? Слѣдуя своему правилу. А правиломъ его было—исправлять всѣ грѣхи, какіе встрѣчаются; напр., разсуждая объ общественныхъ трапезахъ, онъ завелъ рѣчь о таинствахъ. Такъ и здѣсь, упомянувъ о любостяжательныхъ братіяхъ, по пламенной ревности къ исправленію согрѣшающихъ, онъ уже не соблюдаетъ порядка, но обличаетъ грѣхъ, какой представился по ходу рѣчи, и потомъ возвращается къ прежнему предмету. Послушаемъ же, что онъ говоритъ объ этомъ. *Смѣетъ ли кто отъ васъ, вещь имѣя* къ брату 132

своему, *судитися отъ неправедныхъ, а не отъ святыхъ?* Самыми названіями раскрываетъ грѣхъ, обличаетъ и отклоняетъ отъ него. Сначала онъ не отвергаетъ вовсе суда у вѣрныхъ; но когда уже сильно обличилъ ихъ, тогда и вовсе запрещаетъ судиться. Если, говоритъ, непремѣнно нужно судиться, то не слѣдуетъ у невѣрныхъ, а лучше и вовсе не судиться. Впрочемъ послѣднюю мысль онъ высказываетъ послѣ, а теперь пока запрещаетъ только судиться у постороннихъ. Не странно ли, говоритъ, для примиренія съ другомъ избирать посредникомъ врага? Не стыдно ли и не срамно ли, что язычникъ садится судить христіанина? Если же не должно судиться у язычниковъ въ дѣлахъ частныхъ, то какъ можно обращаться къ нимъ въ дѣлахъ болѣе важныхъ? И смотри, какъ онъ выражается. Не сказалъ: у невѣрныхъ, но: *у неправедныхъ*; употребляетъ такое выраженіе, какое особенно нужно было ему для предположенной цѣли, для того, чтобы исправить и отклонить. Говоря о судѣ и имѣя въ виду, что судящіеся ничего такъ не желаютъ отъ судей, какъ великой заботы о правосудіи, онъ этимъ самымъ и вразумляетъ ихъ, какъ бы такъ говоря: куда ты идешь и что дѣлаешь, человѣкъ, поступая вопреки собственному желанію, ища правды у людей неправедныхъ? Тяжело было прямо услышать запрещеніе судиться; потому онъ не вдругъ заповѣдуетъ это, но сначала только перемѣняетъ судью, обращая судившихся отъ внѣшнихъ къ Церкви; а потомъ, такъ какъ судиться у своихъ казалось унизительнымъ, особенно тогда,—потому что они, будучи по большей части изъ простыхъ людей, можетъ быть, не способны были разбирать дѣла и были не столь свѣдущи въ законахъ и искусны въ краснорѣчіи, какъ судьи внѣшніе,—то смотри, какъ онъ дѣлаетъ ихъ достойными довѣрія, называя сперва *святыми*. Но такъ какъ это свидѣтельствовало о чистотѣ ихъ жизни, а не объ искусствѣ выслушивать дѣла, то смотри, какъ онъ обращаетъ рѣчь и къ этому предмету, и говоритъ: *не вѣсте ли, яко святіи міровы имутъ судити* (ст. 2)?

133 3. Если же ты будешь судить нѣкогда язычниковъ, то какъ допускаешь имъ судить тебя теперь? Судить будутъ (святые), не сами засѣдая и требуя отчета, но осудятъ. Это выражаетъ апостолъ словами: *аще вами судъ пріиметъ міръ, недостойни есте судищемъ худымъ*. Не сказалъ: отъ васъ, но: *вами*, какъ и Господь сказалъ: *царица южская востанетъ, и осудитъ родъ сей*; и: *мужіе ниневитстіи востанутъ и осудятъ родъ сей* (Мѳ. XII, 41, 42). Они видятъ одно и тоже съ нами солнце и участвуютъ въ одномъ и томъ же, и между тѣмъ если мы окажемся вѣрующими, а они невѣрующими, то имъ невозможно будетъ сослаться на незнаніе;

мы осудимъ ихъ тѣмъ, что мы сдѣлали; и много подобныхъ найдется тогда способовъ осужденія. А чтобы кто не подумалъ, что онъ говоритъ о комъ-нибудь другомъ, смотри, какъ онъ обобщаетъ рѣчь: *и аще вами судъ пріиметъ міръ, недостойни есте судищемъ худымъ.* Поведеніе ваше, говоритъ, наноситъ вамъ стыдъ и невыразимое безчестіе. Коринѳяне, вѣроятно, стыдились судиться у своихъ судей; потому онъ говоритъ: напротивъ, стыдитесь того, что вы судитесь у внѣшнихъ; ихъ судилища маловажны, а не тѣ. *Не вѣсте ли, яко ангеловъ судити имамы, а не точію житейскихъ* (ст. 3)? Нѣкоторые говорятъ, что здѣсь онъ разумѣетъ священниковъ; но нѣтъ, — онъ говоритъ о демонахъ. Если бы онъ говорилъ о порочныхъ священникахъ, то разумѣлъ бы ихъ выше, когда говорилъ: *вами судъ пріиметъ міръ,*—потому что порочныхъ людей Писаніе обыкновенно называетъ міромъ,— и не сталъ бы говорить о томъ же въ другой разъ, тѣмъ болѣе не сказалъ бы объ этомъ послѣ перваго, какъ бы о чемъ-то болѣе важномъ. Онъ говоритъ здѣсь о тѣхъ ангелахъ, о которыхъ говоритъ Христосъ: *идите во огнь, уготованный діаволу и ангеломъ его* (Мѳ. XXV, 41), и самъ Павелъ: *ангелы его преобразуются, яко служители правды* (2 Кор. XI, 15). Когда эти безтѣлесныя силы окажутся хуже насъ, облеченныхъ плотію, то подвергнутся тягчайшему наказанію. Если же кто еще станетъ спорить, что здѣсь говорится о священникахъ, то мы спросимъ: о какихъ священникахъ? Конечно о тѣхъ, которые вели себя по-житейски? Но какъ же онъ говоритъ, что *ангеловъ судити имамы, а не житейскихъ,* противопоставляя ангеловъ дѣламъ житейскимъ? Это справедливо въ томъ смыслѣ, что они по превосходству своей природы не имѣютъ нужды (въ житейскомъ). *Житейская бо судища аще имате, уничиженныхъ въ церкви, сихъ посаждайте* (ст. 4). Желая съ особенною силою вразумить насъ, что не должно, въ чемъ бы то ни было, обращаться къ внѣшнимъ судьямъ, и видя представляющееся возраженіе, онъ напередъ разрѣшаетъ его. Смыслъ словъ его слѣдующій: можетъ быть, кто скажетъ, что между вами нѣтъ ни одного мудраго или способнаго разбирать дѣла, но всѣ не способны къ тому: что же? Хотя бы, говоритъ, у васъ не было ни одного мудраго, поручайте это дѣло самымъ послѣднимъ. *Къ сраму вамъ сіе глаголю* (ст. 5). Осуждаетъ такое возраженіе, какъ пустой предлогъ; потому и продолжаетъ: *тако ли нѣсть въ васъ мудръ ни единъ?* Неужели, говоритъ, у васъ такая скудость? Неужели у васъ такъ рѣдки умные люди? Послѣдующимъ прибавленіемъ еще болѣе поражаетъ ихъ; именно, сказавъ: *тако ли нѣсть въ васъ мудръ ни единъ?*—присовокупляетъ: *иже можетъ разсудити* 134
между братіи своихъ. Когда братъ судится съ братомъ, то для

посредника въ тяжбѣ не нужны большая мудрость и искусство, но къ разрѣшенію спора много могутъ содѣйствовать расположенность и родство. *Но братъ съ братомъ судится, и то предъ невѣрными* (ст. 6). Видишь ли, какъ благоразумно онъ сперва унизилъ судей, назвавъ ихъ неправедными, а теперь пристыжаетъ (коринеянъ), называя (этихъ судей) невѣрными? И дѣйствительно, весьма стыдно, если между братьями не можетъ быть примирителемъ священникъ, но оказывается нужнымъ прибѣгать къ внѣшнимъ. Указавъ на *уничиженныхъ*, онъ не то говоритъ, что на мѣстѣ судей должны быть люди самые негодные, но пристыжаетъ ихъ. Что судъ надобно предоставлять людямъ, способнымъ разбирать дѣла, это онъ выразилъ въ словахъ: *тако ли нѣсть въ васъ мудръ ни единъ?* А чтобы совершенно заградить имъ уста, говоритъ, что еслибы даже между ними не было ни одного мудраго, то лучше предоставить дѣла на судъ немудрыхъ, нежели судиться у внѣшнихъ. Не нелѣпо ли, въ случаѣ домашней ссоры, не обращаться ни къ кому изъ посторонних и стыдиться, если домашнія дѣла разгласятся внѣ дома; а изъ Церкви, которая есть сокровищница неизреченныхъ таинствъ, все выносить наружу? *Но братъ съ братомъ судится, и то предъ невѣрными.* Двойная вина: та, что судится, и та, что судится у невѣрныхъ. Если судиться съ братомъ само по себѣ есть грѣшное дѣло, то судящійся у внѣшнихъ заслуживаетъ ли какого-либо оправданія? *Уже убо отнюдь вамъ срамъ есть, яко тяжбы имате между собою* (ст. 7). Видишь ли, до какихъ поръ онъ не высказывалъ этого и какъ благовременно искореняетъ это (зло)? Я еще не изслѣдую, говоритъ, того, кто правъ и кто неправъ; уже по тому самому, что судятся, оба они достойны осужденія и ничѣмъ одинъ другого не лучше.

4. Справедливо или несправедливо братъ судится съ братомъ, это—другой вопросъ. Не говори же, кто причинилъ обиду; осуждаю тебя уже за то, что судишься. Если не сносить обиды—грѣхъ, то нанесеніе обиды какого достойно осужденія? *Почто не паче обидими есте? Почто не паче лишени бываете? Но вы сами обидите и лишаете, да еще братію* (ст. 8). Здѣсь два преступленія, или лучше, три и даже четыре. Одно то, что не сносятъ обиды; другое, что сами обижаютъ; третье, что ищутъ суда у неправедныхъ; четвертое, что поступаютъ такъ съ братомъ. Не одинаково судятся грѣхи, когда они совершаются противъ кого-нибудь случайно попавшагося, или противъ собственнаго члена; въ послѣднемъ случаѣ обнаруживается больше безстыдства; тамъ оскорбляется одно естество, а здѣсь самая личность. Пристыдивъ ихъ такимъ образомъ общими соображеніями, а больше всего ожидающими ихъ наградами, онъ заключаетъ увѣ-

щаніе угрозою, усиливаетъ рѣчь и говоритъ: *или не вѣсте, яко неправедницы царствія Божія не наслѣдятъ? Не льстите себе: ни блудницы, ни идолослужители, ни прелюбодѣи, ни скверпители, ни малакіи, ни мужеложницы, ни лихоимцы,ни татіе, ни піяницы, ни досадители, ни хищницы царствія Божія не наслѣдятъ* (ст. 9, 10). Что говоришь ты? Бесѣдуя о любостяжателяхъ, для чего 135
упоминаешь о такомъ множествѣ беззаконниковъ? Такъ, отвѣчаетъ; но я дѣлаю это, не смѣшивая предметы рѣчи, а продолжая ее по порядку. Дѣйствительно, какъ въ бесѣдѣ о блудникахъ онъ упомянулъ о всѣхъ, такъ опять и здѣсь, бесѣдуя о любостяжателяхъ, исчисляетъ всѣхъ грѣшниковъ, чтобы приготовить къ обличенію тѣхъ, которые сознаютъ за собою такія дѣла. Когда кто беспрестанно слышитъ о наказаніи, ожидающемъ другихъ, то самъ дѣлается доступнѣе для вразумленія, потому что прилагаетъ это наказаніе и къ собственнымъ своимъ грѣхамъ. Апостолъ произноситъ здѣсь угрозу не потому, чтобы онъ зналъ за коринѳянами всѣ эти грѣхи и укорялъ за нихъ; но потому, что вниманіе слушателя привлекается и поддерживается преимущественно тогда, когда рѣчь касается его не прямо, а неопредѣленно, прикровенно поражая его совѣсть. *Не льстите себе.* Здѣсь онъ разумѣетъ нѣкоторыхъ говорившихъ, какъ и нынѣ многіе говорятъ: Богъ человѣколюбивъ и благъ, Онъ не мститъ за преступленія, намъ нечего бояться, Онъ никогда не накажетъ ни за какой грѣхъ. Потому и говоритъ: *не льстите себе.* Вѣдь крайнее обольщеніе и заблужденіе—надѣясь на пріятное, получить противное, и думать о Богѣ такъ, какъ не думаютъ и о человѣкѣ. Потому пророкъ говоритъ отъ лица Божія: *возненщевалъ еси беззаконіе, яко буду тебѣ подобенъ: обличу тя и представлю предъ лицемъ твоимъ грѣхи твоя* (Ис. xlix, 21). И Павелъ (говоритъ) здѣсь: *не льстите себе: ни блудницы,* — поставляетъ напередъ уже осужденнаго грѣшника,—*ни прелюбодѣи, ни малакіи, ни піяницы, ни досадители царствія Божія не наслѣдятъ.*

Многіе осуждали это мѣсто, какъ слишкомъ жестокое, такъ какъ апостолъ здѣсь наряду съ блудникомъ, прелюбодѣемъ и мужеложникомъ ставитъ пьяницу и злоязычника: грѣхи не равны,—почему же равны наказанія? Что сказать на это? А то, что пьянство и злорѣчіе—грѣхи немаловажные, если и Христосъ призналъ повиннымъ геенны того, кто назоветъ брата *уродомъ* (Мѳ. v, 22). Отсюда часто происходило убійство; отъ пьянства и народъ іудейскій впалъ въ весьма тяжкіе грѣхи. Притомъ апостолъ говоритъ здѣсь не о наказаніи, а о лишеніи царствія. Царствія одинаково лишатся, какъ тотъ, такъ и другой; а будетъ ли между ними какое-нибудь различіе въ гееннѣ, о томъ говоритъ теперь не

время; мы теперь разсуждаемъ не объ этомъ. *И сими нѣцыи бысте: но омыстеся, но освятистеся* (ст. 11). Сильно онъ укоряетъ ихъ этими словами; подумайте, говоритъ, отъ какихъ золъ Богъ избавилъ васъ, какое явилъ вамъ доказательство своего человѣколюбія; и не ограничилъ Своего милосердія однимъ избавленіемъ отъ золъ, но простеръ Свое благодѣяніе еще далѣе: сдѣлалъ васъ чистыми. Да и только ли? Нѣтъ,—еще и освятилъ; и это не все,—и оправдалъ. Освободиться отъ грѣховъ—уже великій даръ; но Онъ еще обогатилъ васъ безчисленными благами; притомъ *именемъ Господа нашего Іисуса Христа,* не такимъ-то и такимъ-то, но и *Духомъ Бога нашего.* Итакъ, возлюбленные, зная это и представляя величіе дарованныхъ намъ благъ, будемъ жить благочестиво, соблюдая себя чистыми отъ всѣхъ исчисленныхъ грѣховъ; будемъ убѣгать внѣшнихъ судилищъ, бывающихъ на торжищахъ, и сохранять благородство, которое даровалъ намъ Богъ. Подумай,
136 какой стыдъ, когда язычникъ возсѣдаетъ и производитъ надъ тобою судъ!

5. Но, скажешь, что, если свой судитъ несправедливо? Почему же такъ, скажи мнѣ? По какимъ законамъ судитъ язычникъ и по какимъ христіанинъ? Развѣ не извѣстно, что язычникъ—по человѣческимъ, а христіанинъ—по божескимъ? Слѣдовательно, правды больше здѣсь, потому что законы ниспосланы съ неба. Во внѣшнихъ судилищахъ, кромѣ сказаннаго, есть еще много подозрительнаго: и искусство риторовъ, и недобросовѣстность судей, и многое другое, чѣмъ нарушается правосудіе; а здѣсь нѣтъ ничего такого. Что дѣлать, скажешь, когда противникъ изъ числа сильныхъ? Тогда особенно и должно судиться здѣсь; во внѣшнихъ судилищахъ онъ непремѣнно преодолѣетъ тебя. Если же онъ не хочетъ этого и, презирая внутреннія судилища, насильно влечетъ къ внѣшнимъ, то лучше добровольно потерпѣть то, чему тамъ ты подвергнешься противъ воли, и не судиться, чтобы получить и награду. *Хотящемуся судитися съ тобою,* говоритъ (Господь), *и ризу твою взяти, отпусти ему и срачицу;* и: *буди увѣщаваяся съ соперникомъ твоимъ скоро, дондеже еси на пути съ нимъ* (Мѳ. v, 40, 25). Впрочемъ, нужно ли намъ распространяться? Сами защитники внѣшнихъ судилищъ очень часто говорятъ, что лучше обходиться безъ нихъ.

О, деньги, или лучше, о, безумная страсть къ деньгамъ! Она низвращаетъ и ниспровергаетъ все; для денегъ многимъ все кажется баснею и пустяками. Что мірскіе люди заводятъ тяжбы въ судилищахъ, это еще не удивительно; но когда многіе изъ отрекшихся отъ міра дѣлаютъ тоже, это уже не заслуживаетъ никакого прощенія. Если хочешь видѣть, какъ Писаніе повелѣ-

ваетъ тебѣ удаляться отъ этой нужды, т. е. отъ судилищъ, и для кого существуютъ законы, то послушай, что говоритъ Павелъ: *праведнику законъ не лежитъ, но беззаконнымъ и непокоривымъ* (1 Тим. I, 9). Если же онъ говоритъ такъ о (законѣ) Моисеевомъ, то тѣмъ болѣе — о (законахъ) внѣшнихъ. И подлинно, когда ты самъ оскорбляешь, то явно, что ты не праведникъ; а когда тебя оскорбляютъ и ты терпишь,—что особенно и свойственно праведнику, — но не имѣешь нужды въ законахъ внѣшнихъ. Но, скажешь, могу ли я терпѣть, когда меня оскорбляютъ? А Христосъ заповѣдалъ еще больше. Онъ заповѣдалъ оскорбляемому не только терпѣть, но и благодѣтельствовать оскорбляющему и готовностію къ терпѣнію побѣждать (злое) расположеніе оскорбляющаго. Онъ не сказалъ: желающему судиться съ тобой и взять у тебя ризу отдай ризу, но—вмѣстѣ съ нею отдай ему и срачицу. Побѣждай его, говоритъ, терпѣніемъ, а не оскорбленіемъ съ своей стороны: вотъ славная и блистательная побѣда! Потому и Павелъ далѣе говоритъ: *уже убо отнюдъ вамъ срамъ есть, яко тяжбы имате между собою. И почто не паче обидими есте?* Побѣда принадлежитъ скорѣе терпящему обиду, нежели не терпящему; постараюсь объяснить вамъ это. Положимъ, что не терпящій обиды ведетъ противника своего въ судилище и одерживаетъ верхъ; но тогда-то онъ самъ и остается побѣжденнымъ. Онъ подвергся тому, чего не хотѣлъ: противникъ принудилъ его огорчаться и судиться. Что въ томъ, что ты одержалъ верхъ? Что въ томъ, что обратно 137
получилъ всѣ деньги? Ты потерпѣлъ то, чего не хотѣлъ, будучи принужденъ судиться. Если же ты переносишь обиду, то побѣждаешь; теряешь деньги, но пріобрѣтаешь побѣду при такомъ любомудріи, потому что, значитъ, противникъ не могъ принудить тебя къ тому, чего ты не хотѣлъ. Чтобы видѣть, что это правда, скажи мнѣ: кто побѣдилъ—завистникъ, или сидѣвшій на гноищѣ? Кто побѣжденъ—лишенный ли всего Іовъ, или лишившій всего діаволъ? Явно, что лишившій всего діаволъ. Кого мы прославляемъ побѣдителемъ — діавола ли, который поражалъ, или Іова, который былъ поражаемъ? Явно, что Іова. Правда, онъ не могъ сохранить погибшаго имущества и спасти дѣтей своихъ; что я говорю: имущества и дѣтей?—не могъ сохранить даже тѣлеснаго здоровья; однако побѣдителемъ остался онъ, потерявшій все имущество. Онъ не могъ сохранить имущества, но всецѣло сохранилъ благочестіе. Онъ не могъ предотвратить погибель дѣтей; но что изъ этого? Случившееся сдѣлало ихъ болѣе славными и ему пособило среди искушеній. Если бы онъ не пострадалъ и не потерпѣлъ нападеній отъ діавола, то и не одержалъ бы такой блистательной побѣды. Если бы терпѣть обиды было зло, то Богъ не

заповѣдалъ бы намъ этого, потому что Богъ не заповѣдуетъ ничего худого. Или вы не знаете, что Онъ есть Богъ *славы* (Пс. XXIII, 10), и не желаетъ, чтобы мы подвергались безславію, осмѣянію и погибели, а доставляетъ намъ все противоположное тому? Онъ заповѣдуетъ намъ терпѣть обиды и все дѣлаетъ для того, чтобы отклонить насъ отъ житейской суеты и научить, въ чемъ состоятъ слава и безславіе, потеря и пріобрѣтеніе.

6. Но, скажешь, тяжело терпѣть оскорбленія и обиды? Нѣтъ, человѣкъ, не тяжело. Доколѣ ты будешь пристрастенъ къ благамъ настоящимъ? Богъ не повелѣлъ бы этого, если бы было тяжело. И смотри: нанесшій обиду отходитъ съ деньгами, но за то и съ порочною совѣстію; а потерпѣвшій обиду, хотя лишился денегъ, но получилъ дерзновеніе предъ Богомъ—стяжаніе, которое драгоцѣннѣе безчисленныхъ сокровищъ. Итакъ, зная это, будемъ любомудрыми по доброй волѣ,—и мы не подвергнемся участи людей неразумныхъ, которые не считаютъ обидою для себя, когда лишаются чего-нибудь по приговору судилища. Напротивъ, мы терпимъ величайшую потерю, когда любомудрствуемъ такъ не по доброй волѣ, а будучи принуждены къ тому, потому что проигравшій дѣло не выноситъ никакой пользы изъ судилища; любомудріе его есть слѣдствіе необходимости. Въ чемъ же блистательная побѣда? Въ томъ, когда ты презираешь обиду, когда не прибѣгаешь къ суду. Что ты говоришь, скажешь ты? У меня отнято все имущество, а ты повелѣваешь молчать? Я обиженъ, а ты совѣтуешь переносить это съ кротостію? Какъ я могу это сдѣлать? Легко сможешь, если воззришь на небо и красоту его, если вспомнишь, гдѣ Богъ обѣщалъ принять тебя за великодушное перенесеніе обидъ. Поступай же такъ и, воззрѣвъ на небо, помысли, что ты чрезъ это уподобляешься сѣдящему тамъ на херувимахъ. Онъ также былъ оскорбляемъ, и терпѣлъ; былъ поругаемъ, и не мстилъ; былъ оплеваемъ, и не отвѣчалъ,—но напротивъ воздавалъ оскорблявшимъ Его безчисленными благодѣяніями, и намъ повелѣлъ подражать Ему. Вспомни, что ты нагъ вышелъ изъ утробы матери своей, нагъ и отойдешь отсюда—и ты и обидѣвшій тебя, или лучше, онъ умретъ съ тысячью язвъ, пораждающихъ червей. Помысли, что настоящее временно; представь себѣ гробы прародителей; вникни внимательнѣе въ дѣло,—и увидишь, что нанесшій тебѣ обиду сдѣлалъ тебя болѣе крѣпкимъ: страсть сребролюбія—въ себѣ онъ сдѣлалъ сильнѣе, а въ тебѣ ослабилъ, отнявъ пищу у этого звѣря. Сверхъ того, онъ избавилъ тебя отъ заботъ, хлопотъ, зависти клеветниковъ, безпокойства, смятенія, безпрестаннаго страха, а на свою голову навлекъ множество золъ. Но что, скажешь, если я долженъ буду бороться

138

съ голодомъ? Будешь терпѣть это вмѣстѣ съ Павломъ, который говоритъ: *до нынѣшняго часа и алчемъ и жаждемъ и наготуемъ* (1 Кор. IV, 11). Но онъ, скажешь, для Бога? И ты для Бога: когда ты не мстишь, то дѣлаешь это для Бога. Но нанесшій мнѣ обиду наслаждается вмѣстѣ съ богачами? Лучше скажи: съ діаволомъ; а ты получишь вѣнцы вмѣстѣ съ Павломъ. Не бойся голода: *не убіетъ* (говоритъ Премудрый) *гладомъ Господь души праведныхъ* (Притч. X, 3); и другой говоритъ: *возверзи на Господа печаль твою, и той тя препитаетъ* (Псал. LIV, 23). Если Онъ питаетъ полевыхъ пташекъ, то не пропитаетъ ли тебя? Не будемъ же маловѣрны и малодушны, возлюбленные! Обѣщавшій намъ царствіе и такія блага лишитъ ли насъ настоящихъ благъ? Не будемъ желать лишняго, будемъ довольны малымъ,—и мы всегда будемъ богаты. Будемъ пецись только объ одеждѣ и пищѣ,—и получимъ какъ это, такъ и гораздо большее. Когда ты скорбишь и огорчаешься обидою, я желалъ бы показать тебѣ душу торжествующаго побѣду обидчика: она подобна пеплу! Таково свойство грѣха: пока онъ совершается, дотолѣ доставляетъ нѣкоторое удовольствіе; а когда совершится, то легкое удовольствіе проходитъ и наступаетъ скорбь. Тоже испытываемъ и мы, когда наносимъ кому-нибудь обиду: послѣ сами осуждаемъ себя. Точно также, когда мы удовлетворяемъ своему корыстолюбію, радуемся; а послѣ совѣсть угрызаетъ насъ.

Видишь ли ты у кого-нибудь домъ бѣднаго? Плачь не о томъ, кто лишился, но о томъ, кто взялъ его; не другому, а себѣ онъ причинилъ зло; бѣднаго онъ лишилъ блага настоящаго, а себя—благъ неизреченныхъ. Вѣдь если не подающій бѣднымъ идетъ въ геенну, то отнимающій у бѣдныхъ какому подвергнется мученію? Но какая, скажешь, польза отъ того, что я терплю зло? Большая польза. Не въ наказаніи причинившаго тебѣ зло Богъ поставляетъ для тебя воздаяніе: это значило бы немного. Что пользы, если я терплю зло и онъ терпитъ зло? Знаю, что многіе считаютъ величайшимъ для себя утѣшеніемъ и остаются совершенно довольными, когда видятъ обидѣвшихъ ихъ наказанными; но Богъ не въ томъ поставляетъ воздаяніе. А знаешь ли, какія ожидаютъ тебя блага? Онъ отверзаетъ тебѣ все небо, дѣлаетъ тебя сожителемъ святыхъ, включаетъ тебя въ ихъ ликъ, разрѣшаетъ отъ грѣховъ, вѣнчаетъ правдою. Вѣдь если прощающіе согрѣшившимъ получаютъ отпущеніе грѣховъ, то не только прощающіе, но и благодѣтельствующіе имъ какого не удостоятся благословенія? Потому не огорчайся, но еще молись за обидѣвшаго тебя; это принесетъ пользу тебѣ самому. Онъ взялъ твое 139
имущество, взялъ и грѣхи, какъ случилось съ Нееманомъ и Гіе-

зіемъ (4 Цар. v, 27). Какого не отдалъ бы ты богатства, чтобы тебѣ отпущены были грѣхи? Это можетъ случиться и теперь; если будешь терпѣть и не станешь проклинать, то получишь блистательный вѣнецъ. Не мои это слова, но Христовы: *молитеся*, сказалъ Онъ, *за творящихъ вамъ напасть*; и подумай, какая за это награда: *яко да будете* подобны *Отцу вашему, иже есть на небесѣхъ* (Мѳ. v, 44, 45). Такимъ образомъ ты ничего не теряешь, но еще пріобрѣтаешь, не терпишь вреда, но еще получаешь вѣ-
140 нецъ; душа твоя дѣлается болѣе любомудрою; ты уподобляешься Богу, избавляешься отъ заботъ объ имуществѣ, пріобрѣтаешь царствіе небесное. Итакъ, представляя все это, возлюбленные, будемъ любомудрствовать, когда насъ обижаютъ, чтобы избавиться отъ безпокойствъ настоящей жизни, освободиться отъ безполезныхъ огорченій и сподобиться радости будущей, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XVII.

139 Вся ми лѣть суть, но не вся на пользу: вся ми лѣть суть, но не азъ обладанъ буду отъ чего (1 Кор. vi, 12).

1. Здѣсь (апостолъ) указываетъ на чревоугодниковъ. Намѣреваясь снова обличать предавшагося прелюбодѣянію, которое происходитъ отъ пресыщенія и неумѣренности, онъ сильно поражаетъ эту страсть. Здѣсь говоритъ онъ не о запрещенныхъ яствахъ,—они не позволительны, — а о тѣхъ, которыя кажутся безразличными. Напримѣръ: можно, говоритъ, ѣсть и пить, но не слѣдуетъ — съ неумѣренностью. И вотъ что чудно и удивительно: какъ дѣлаетъ во многихъ другихъ мѣстахъ, такъ и здѣсь онъ показываетъ обратную сторону предмета и объясняетъ, что иногда состоящее въ нашей власти не только безполезно, но и обнаруживаетъ не власть, а рабство. И во-первыхъ, отклоняетъ отъ этого, какъ отъ неполезнаго, говоря: *не на пользу*, а во-вторыхъ, какъ отъ ведущаго къ противоположному: *не азъ обладанъ буду отъ чего*. Смыслъ словъ его слѣдующій: ты, говоритъ, властенъ ѣсть; сохраняй же свою власть и смотри, чтобы не сдѣлаться рабомъ этого пожеланія. Кто надлежащимъ образомъ пользуется имъ, тотъ властенъ надъ нимъ; а кто предается ему неумѣренно, тотъ не имѣетъ власти, но становится рабомъ, а властвуетъ надъ нимъ неумѣренность. Видишь, какъ онъ доказалъ, что считающій себя властелиномъ самъ находится подъ властію? Такъ часто Павелъ,

о чемъ раньше я говорилъ, обращаетъ возраженія въ обратную сторону,—тоже сдѣлалъ онъ и здѣсь. Вотъ смотри: каждый изъ коринѳянъ говорилъ: я властенъ пресыщаться; а онъ говоритъ: ты дѣлаешь это, не какъ властелинъ, а какъ находящійся подъ властію. Если ты невоздерженъ, то не ты имѣешь власть надъ чревомъ, а оно надъ тобою имѣетъ власть. Тоже можно сказать и о деньгахъ и о всемъ прочемъ. *Брашна чреву* (ст. 13). Чревомъ онъ называетъ здѣсь не желудокъ, а чревоугодіе, какъ и въ другомъ мѣстѣ, когда говоритъ: *имже богъ чрево* (Филип. III, 19), разумѣя не членъ (тѣла), но пресыщеніе. А что это такъ, выслушай дальнѣйшія слова: *и чрево брашномъ: тѣло же не блужденію, но Господеви*. Чрево также есть тѣло. Но Онъ дѣлаетъ два сочетанія: брашна и чревоугодіе, которое назвалъ чревомъ, Христосъ и тѣло. Что же значитъ: *брашна чреву*? Брашна, говоритъ, имѣютъ тѣсную связь съ чревоугодіемъ, и чревоугодіе съ брашнами; потому оно не можетъ вести насъ ко Христу, но влечетъ къ брашнамъ. Это—жестокая и дикая страсть; она порабощаетъ и принуждаетъ служить себѣ. Для чего же ты, человѣкъ, пристращаешься къ 140
пищѣ? Вотъ чѣмъ оканчивается это служеніе и болѣе не ведетъ ни къ чему; оно, покоряя, какъ бы какой госпожѣ, удерживаетъ въ этомъ рабствѣ и ничего другого не производитъ, кромѣ одной этой суеты. Притомъ, взаимно соединяясь, они взаимно и разрушаютъ себя, чрево брашна и брашна чрево, совершая безполезное круговращеніе, подобно какъ согнивающее тѣло порождаетъ червей, а черви уничтожаютъ это тѣло, или какъ волна поднимаясь опускается и не производитъ болѣе ничего. Онъ говоритъ это не о пищѣ и тѣлѣ, а порицаетъ страсть чревоугодія и неумѣренность въ пищѣ, какъ показываютъ дальнѣйшія слова: *Богъ же и сіе и сія упразднитъ*; разумѣетъ не желудокъ, а неумѣренное пожеланіе, не пищу, а пресыщеніе. Перваго онъ не осуждаетъ, но еще предписываетъ касательно его слѣдующее правило: *имѣюще пищу и одѣяніе, сими доволни будемъ* (1 Тим. VI, 8). Онъ осуждаетъ (порочное) дѣйствіе и въ заключеніе своей бесѣды исправляетъ его молитвою. А нѣкоторые говорятъ, что въ словахъ его заключается предсказаніе о состояніи въ будущемъ вѣкѣ, т. е. что тамъ мы не будемъ ни ѣсть, ни пить. Если же умѣренное употребленіе пищи будетъ имѣть конецъ, то тѣмъ болѣе должно воздерживаться отъ неумѣренности. Затѣмъ, чтобы кто не подумалъ, что онъ осуждаетъ тѣло, чтобы не заключилъ, что онъ отъ части переноситъ осужденіе на все цѣлое, и не сказалъ, что тѣло по природѣ своей служитъ причиною прелюбодѣянія, послушай, что онъ говоритъ далѣе: я, говоритъ, осуждаю не природу тѣла, а неумѣренное сластолюбіе души; потому и присово-

купляетъ: *тѣло же не блуженію, но Господеви.* Оно создано не для того, чтобы ты жилъ невоздержно и прелюбодѣйствовалъ, равно какъ и чрево не для того, чтобы ты предавался чревоугодію, но чтобы оно служило Христу, какъ главѣ, а Онъ былъ *Господь тѣлу.* Устыдимся же и устрашимся, что мы, удостоившись такой чести, содѣлавшись членами Его, главенствующаго надъ нами, безчестимъ себя такими пороками! Такимъ образомъ достаточно обличивъ чревоугодниковъ, (апостолъ) далѣе удерживаетъ ихъ отъ этого порока надеждою въ будущемъ: *Богъ же*, говоритъ, *и Господа воздвиже, и насъ воздвигнетъ силою своею* (ст. 14).

2. Видишь ли опять мудрость апостола? Достовѣрность воскресенія онъ всегда доказываетъ примѣромъ Христа, и особенно
141 теперь. Если тѣло наше есть членъ Христовъ, а Христосъ воскресъ, то и тѣло, безъ сомнѣнія, послѣдуетъ за Главою. *Силою своею.* Такъ какъ онъ упомянулъ о предметѣ непостижимомъ и необъяснимомъ соображеніями разума, то и приписываетъ воскресеніе Христово непостижимой силѣ Божіей, не мало опровергая этимъ доказательствомъ невѣрующихъ. О воскресеніи Христовомъ онъ не сказалъ: *Богъ и Господа воздвигнетъ,*—потому что оно уже совершилось,—а какъ? *Богъ же и Господа воздвиже*; и доказывать это не было нужды. О нашемъ же воскресеніи, котораго еще не было, сказалъ не такъ, но какъ? *И насъ воздвигнетъ силою своею*; несомнѣннымъ могуществомъ Виновника воскресенія заграждаетъ уста противниковъ. А что онъ приписываетъ воскресеніе Христово Отцу, не смущайся этимъ. Такое выраженіе не означаетъ, будто Христосъ безсиленъ, потому что самъ Онъ говоритъ: *разорите церковь сію, и треми денми воздвигну ю* (Іоан. II, 19); и еще: *область имамъ положити душу мою, и область имамъ паки пріяти ю* (Іоан. X, 18). И Лука въ Дѣяніяхъ говоритъ: *предъ ними и постави себе жива* (I, 3). Почему же Павелъ употребляетъ такое выраженіе? Потому, что свойственное Сыну приписывается Отцу и свойственное Отцу приписывается Сыну: *яже бо Онъ творитъ, сія и Сынъ такожде творитъ* (Іоан. V, 19). И весьма благовременно онъ упоминаетъ здѣсь о воскресеніи; такими надеждами онъ обуздываетъ силу чревоугодія и какъ бы такъ говоритъ: ты ѣшь и пьешь невоздержно,—какой же конецъ этого? Никакого, кромѣ одного тлѣнія. Ты соединился со Христомъ,—какой конецъ этого? Великій и дивный: будущее воскресеніе, славное и превосходнѣйшее всякаго описанія.

Итакъ, пусть никто не сомнѣвается въ истинѣ воскресенія. Если же кто не вѣруетъ, то пусть подумаетъ, сколько (тварей Богъ) сотворилъ изъ ничего, и приметъ это за доказательство истины воскресенія: вѣдь то, что уже случилось, гораздо удиви-

тельнѣе и представляетъ непостижимое чудо. Смотри: Богъ, взявъ землю, смѣсилъ ее и образовалъ человѣка,—землю, которая прежде не существовала. Какъ же земля стала человѣкомъ? Какъ она изъ небытія приведена въ бытіе? Какъ произошло изъ ней все: безчисленные роды животныхъ, сѣмянъ, растеній, тогда какъ при этомъ не было болѣзней рожденія, не ниспадалъ дождь, не было ни земледѣлія, ни воловъ, ни плуга, и ничего другого, что содѣйствовало бы къ ихъ появленію? Богъ для того и произвелъ въ началѣ изъ неодушевленнаго и безчувственнаго вещества столько родовъ растеній и безсловесныхъ животныхъ, чтобы тогда же внушить тебѣ истину воскресенія. Сотвореніе непостижимѣе воскресенія; не одно и тоже — зажечь угасшую свѣчу, или произвести огонь, никогда не существовавшій; не одно и тоже—возстановить разрушившійся домъ, или создать вовсе не существовавшій. Здѣсь есть по крайней мѣрѣ готовое вещество, а тамъ не было и вещества. Потому Онъ сдѣлалъ напередъ труднѣйшее, чтобы ты допустилъ легчайшее, — труднѣйшее, говорю, не для Бога, но для нашего представленія. Для Бога нѣтъ ничего труднаго, но какъ живописецъ, написавшій одну картину, легко можетъ написать ихъ и множество, такъ и Богъ еще легче можетъ сотворить безчисленное множество міровъ; или лучше, какъ для тебя легко представить городъ и множество міровъ, такъ для 142
Бога легко сотворить ихъ, или даже гораздо легче. Ты по крайней мѣрѣ употребляешь нѣсколько времени на представленіе, а Богъ—и того нѣтъ, но сколько камни тяжелѣе самыхъ легкихъ вещей или, лучше, разума нашего, столько нашъ разумъ уступаетъ въ быстротѣ творческой силѣ Божіей. Ты удивляешься могуществу Его на землѣ? Подумай же еще, какъ произошло небо, прежде не существовавшее, какъ безчисленныя звѣзды, какъ солнце, какъ луна, которыя всѣ прежде не существовали? Еще, скажи мнѣ, какъ по сотвореніи они держатся и на чемъ? Какое основаніе имѣютъ они, равно какъ и земля? Что за землею? Что опять за тѣмъ, что за землею? Видишь ли, въ какое недоумѣніе впадаетъ умственный взоръ твой, какъ скоро ты не прибѣгаешь къ вѣрѣ и къ непостижимой силѣ Творца? Если же хочешь объяснять это дѣлами человѣческими, то можешь и такимъ образомъ нѣсколько окрылить разумъ свой. Какими, скажешь, дѣлами человѣческими? Не видишь ли ты, какъ горшечники выдѣлываютъ сосудъ изъ смѣшаннаго и безформеннаго вещества, какъ рудокопы изъ металлоносной земли извлекаютъ золото, желѣзо и мѣдь, какъ выдѣлывающіе стекло обращаютъ песокъ въ твердое и прозрачное тѣло? Говорить ли о сыромятникахъ и красильщикахъ пурпуровыхъ одеждъ, какъ они при-

даютъ имъ одинъ цвѣтъ вмѣсто другого? Говорить ли о нашемъ рожденіи? Не малое ли сѣмя, сперва не имѣющее вида и очертанія, сообщается въ пріемлющую его утробу? Какимъ же образомъ является живое существо? А пшеница? Не голое ли зерно бросается въ землю? Не согниваетъ ли оно, будучи посѣяно? Откуда же является колосъ, стебли и все прочее? Какимъ образомъ малое зернышко смоковницы, упавши на землю, часто производитъ корни, вѣтви и плоды? Все это ты допускаешь и не подвергаешь сомнѣнію, а требуешь отъ Бога отчета только въ томъ, какъ онъ преображаетъ наше тѣло? Можно ли простить это?

3. Все это и подобное говоримъ мы язычникамъ; а вѣрующимъ Писанію мнѣ и говорить нѣтъ нужды. Если бы ты захотѣлъ изслѣдовать всѣ дѣла Божіи, то чѣмъ Богъ былъ бы больше человѣка? Даже и дѣла многихъ людей мы не изслѣдуемъ. Если же мы поступаемъ такъ по отношенію къ людямъ и не изслѣдуемъ дѣлъ нихъ, то тѣмъ болѣе не должно изслѣдовать премудрость Божію и требовать отъ нея отчета; и во-первыхъ, потому, что Возвѣстившій достоинъ вѣры; во-вторыхъ, потому, что самыя дѣла Его не доступны сужденіямъ разума. Богъ не такъ немощенъ, чтобы производить только то, что можетъ быть постигнуто твоимъ слабымъ разумомъ. Если ты не понимаешь дѣлъ художника, то тѣмъ болѣе—высочайшаго Художника, Бога. Итакъ, не сомнѣвайтесь въ истинѣ воскресенія; иначе вы будете весьма далеки отъ надежды (благъ) будущихъ. И чѣмъ выражаютъ свою мудрость или, лучше, свое безуміе возражатели? Какъ, говорятъ они, воскреснетъ тѣло, когда оно смѣшается съ землею, обратится въ прахъ и разсѣется по разнымъ мѣстамъ? Для тебя это кажется непостижимымъ, но не для недремлющаго Ока; для Него
143 все ясно. Ты не видишь раздѣльно того, что смѣшано, а Оно видитъ все; ты не знаешь и того, что въ сердцѣ ближняго, а Оно знаетъ все. Если же ты не вѣруешь воскресенію потому, что не знаешь, какъ Богъ совершитъ воскресеніе, то, значитъ, не вѣруешь и тому, что Онъ знаетъ сердечныя помышленія, которыя также невидимы. Вещество тѣла и по разрушеніи остается видимымъ, а помышленія невидимы. Потому Видящій невидимое со всею ясностію неужели не видитъ видимаго и не можетъ легко возстановить состава тѣлеснаго? Очевидно, можетъ. Итакъ не сомнѣвайся въ (истинѣ) воскресенія; это (сомнѣніе) — внушеніе діавольское. Діаволъ старается внушать это не только для того, чтобы не вѣрили воскресенію, но чтобы прекратились и погибли и дѣла добродѣтели. Въ самомъ дѣлѣ, человѣкъ, не ожидающій воскресенія и предстоящаго отчета въ дѣлахъ своихъ, едва ли

будетъ добродѣтеленъ, а не упражняющійся въ добродѣтели не станетъ вѣрить и воскресенію; то и другое взаимно подкрѣпляется: порокъ невѣріемъ и невѣріе порокомъ. Обремененная грѣхами совѣсть, страшась и трепеща предъ будущимъ воздаяніемъ и не желая находить утѣшеніе въ перемѣнѣ къ лучшему, старается успокоить себя невѣріемъ. Если ты будешь утверждать, что нѣтъ ни воскресенія, ни суда, онъ скажетъ: слѣдовательно, и я не буду отдавать отчета въ грѣхахъ своихъ. Но что говоритъ Христосъ? *Прельщаетеся, не вѣдуще писанія, ни силы Божія* (Мѳ. XXII, 29). Богъ не совершилъ бы такихъ дѣлъ, если бы не хотѣлъ воскресить насъ, но (предположилъ) разрушить и обратить въ ничто; не распростеръ бы неба, не основалъ бы земли, не создалъ бы и всего прочаго только для одной настоящей кратковременной жизни. Если же Онъ сдѣлалъ столько для настоящей жизни, то чего не сдѣлаетъ для будущей? А если нѣтъ жизни будущей, то мы гораздо презрѣннѣе (тварей), созданныхъ для насъ; вѣдь и небо, и земля, и море, и рѣки, и даже нѣкоторыя изъ безсловесныхъ животныхъ долговѣчнѣе насъ. Такъ воронъ, порода слоновъ и многія другія животныя долѣе насъ пользуются настоящею жизнію. Наша жизнь коротка и многотрудна, а ихъ — продолжительна и болѣе чужда попеченій и скорбей. Чтоже, скажи мнѣ, неужели Богъ сотворилъ рабовъ лучше ихъ владыкъ? Нѣтъ, увѣщеваю, человѣкъ, не думай такъ, не скудоумничай и не сомнѣвайся въ могуществѣ Бога, твоего Владыки. Богъ благоволилъ сотворить тебя въ началѣ безсмертнымъ, но ты не захотѣлъ быть такимъ. Знаменіями безсмертія были бесѣда съ Богомъ и безбѣдственная жизнь, чуждая печалей, заботъ, трудовъ и всего временнаго. Адамъ не имѣлъ нужды ни въ одеждѣ, ни въ кровлѣ, ни въ другихъ подобныхъ вещахъ, но уподоблялся ангеламъ, предвидѣлъ многое въ будущемъ и былъ исполненъ великой мудрости; зналъ и то, что Богъ сотворилъ тайно, именно касательно жены; потому и сказалъ: *се нынѣ кость отъ костей моихъ, и плоть отъ плоти моея* (Быт. II, 23). Трудъ привзошелъ послѣ, изнуреніе—послѣ, стыдъ, страхъ и трепетъ—послѣ, а прежде не было ни печали, ни болѣзни, ни воздыханія. Но (Адамъ) не устоялъ въ этомъ достоинствѣ.

4. Почему же, скажешь, я страдаю и погибаю за него? Нѣтъ, 144
не за него; и самъ ты не безъ грѣха, но совершилъ, если не тотъ же самый, то другой грѣхъ. Притомъ наказаніе принесло тебѣ не вредъ, а пользу. Слова твои, можетъ быть, имѣли бы нѣкоторое основаніе, еслибы ты навсегда остался смертнымъ; а теперь ты безсмертенъ и, если захочешь, можешь просіять болѣе солнца. Но, скажешь, если бы я имѣлъ тѣло не смертное, то не

согрѣшилъ бы. А тотъ (Адамъ), скажи мнѣ, смертное ли имѣлъ тѣло, когда согрѣшилъ? Нѣтъ, если бы тѣло его было смертно, то смерть не была бы назначена ему въ наказаніе. Впрочемъ смертное тѣло не служитъ препятствіемъ къ добродѣтели, но еще вразумляетъ и весьма много способствуетъ, какъ видно изъ слѣдующаго: если одно ожиданіе безсмертія такъ надмило Адама, то, если бы онъ въ самомъ дѣлѣ былъ безсмертенъ, въ какую не впалъ бы гордость? Теперь, согрѣшивъ, ты можешь исправиться потому самому, что тѣло твое уничиженно, слабо и подвержено разрушенію; эти мысли могутъ вразумить тебя; а еслибы ты грѣшилъ въ безсмертномъ тѣлѣ, то грѣхи твои, можетъ быть, остались бы неисправимыми. Итакъ, не смертность причиною грѣха,—не обвиняй ее,—но злое произволеніе есть корень золъ. Отчего тѣло не причинило вреда Авелю? Отчего безплотность не принесла никакой пользы злымъ духамъ? Хочешь ли знать, какъ смертное тѣло не только не вредитъ, но еще доставляетъ пользу? Послушай, сколько добраго ты можешь получить отъ него, если будешь бдителенъ. Оно отклоняетъ и отвлекаетъ тебя отъ зла болѣзнями, скорбями, трудами и тому подобнымъ. Но, скажешь, оно влечетъ и къ прелюбодѣянію? Нѣтъ, не тѣло, а разнузданность: тѣлу свойственно только то, о чемъ я выше сказалъ. Невозможно человѣку, вступившему въ эту жизнь, не терпѣть болѣзней, скорбей и печалей; а не блудодѣйствовать возможно. Потому, еслибы пороки зависѣли отъ природы тѣла, то они были бы общи всѣмъ: все естественное таково и есть; а прелюбодѣяніе не таково; болѣзни происходятъ отсюда, а прелюбодѣяніе—отъ произволенія. Итакъ, не обвиняй тѣла, чтобы діаволъ не отнялъ у тебя чести, которую даровалъ тебѣ Богъ. Если мы захотимъ, то тѣло можетъ быть прекрасною уздою, укрощающею похоти души, смиряющею гордость, низлагающею тщеславіе, способствующею намъ къ совершенію великихъ добродѣтелей. Не говори мнѣ о (людяхъ) невоздержныхъ: мы часто видимъ, какъ и кони несутся по стремнинамъ, свергнувъ возницу вмѣстѣ съ уздою, но не винимъ въ томъ узду. Не она опустившись причинила это, но возница, не удержавшій ея, все испортилъ. Точно такъ разсуждай и здѣсь. Если видишь молодого человѣка, живущаго невоздержно и предающагося порокамъ, то обвиняй не тѣло, а влекомаго возницу, т. е. разумъ. Какъ не возжи причиняютъ зло возницѣ, а самъ онъ бываетъ виновенъ во всемъ, не хорошо удерживая ихъ,—потому они и подвергаютъ его наказанію, запутывая его, увлекая и принуждая раздѣлять съ ними бѣдственную участь,—такъ и здѣсь. Мы, говорятъ онѣ, обуздывали коня, пока ты держалъ насъ; а когда выпустилъ изъ рукъ, то мы под-

вергаемъ тебя наказанію за небрежность, запутываемъ и увлекаемъ тебя, чтобы впредь не случилось того же. Итакъ, никто не обвиняй возжей, но себя самого и свою развращенную волю. Возница у насъ—разумъ, возжи, соединяющія коней съ возницею,—тѣло. Если онѣ будутъ удерживаемы хорошо, то не потерпишь ничего худого; а если выпустишь изъ рукъ, то испор- 145
тишь и погубишь все. Будемъ же благоразумны и станемъ обвинять не тѣло, а злое расположеніе. Діаволъ всячески старается внушить неразумнымъ, чтобы они обвиняли болѣе тѣло, или Бога, или ближняго, а не свою развращенную волю, чтобы, постигнувъ истинную причину зла, они не вырвали ея съ корнемъ. Но вы, зная коварство его, направьте на него гнѣвъ свой и, предоставивъ ярмо возницѣ, обратите умственный взоръ свой къ
Богу. Въ другихъ дѣлахъ назначающій подвиги самъ нисколько 146
не содѣйствуетъ, а только ожидаетъ окончанія; здѣсь же совершаетъ все подвигоположникъ Богъ. Будемъ же просить милости Его, и несомнѣнно сподобимся будущихъ благъ, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XVIII.

**Не вѣсте ли, яко тѣлеса ваша удове Христовы суть? 145
Веемъ ли убо уды Христовы, сотворю уды блудничи? Да не будетъ (1 Кор. vi, 15).**

1. Отъ блудника (апостолъ) перешелъ къ корыстолюбцу, а теперь опять переходитъ къ блуднику, обращая рѣчь не къ нему, но къ другимъ, не виновнымъ въ прелюбодѣяніи, и, предостерегая ихъ отъ того же грѣха, вмѣстѣ съ тѣмъ обличаетъ его, потому что грѣшникъ и въ томъ случаѣ, когда рѣчь обращается къ другому, трогается и мучится отъ пробуждающейся въ немъ совѣсти. Страхъ наказанія, конечно, могъ достаточно удерживать ихъ отъ нарушенія цѣломудрія; но (апостолъ) хочетъ достигнуть этого не однимъ страхомъ, и потому съ угрозами употребляетъ и вразумленія. Прежде, говоря объ этомъ грѣхѣ, онъ опредѣлилъ за него наказаніе, показалъ вредъ, происходящій для всѣхъ отъ общенія съ кровосмѣсникомъ, и, тѣмъ окончивъ, перешелъ къ корыстолюбцу; ему, равно какъ и всѣмъ другимъ исчисленнымъ грѣшникамъ, угрожалъ лишеніемъ царствія, и тѣмъ окончилъ рѣчь; а здѣсь онъ предлагаетъ и весьма сильное увѣща-

ніе. Кто назначаетъ только наказанія за грѣхъ, а не показываетъ, что онъ весьма тяжелъ, тотъ чрезъ наказанія не сдѣлаетъ ничего важнаго; также и тотъ, кто дѣлаетъ только увѣщанія, а не устрашаетъ наказаніями, не много тронетъ (людей) нечувствительныхъ. Потому Павелъ дѣлаетъ то и другое, и вразумляетъ словами: *не вѣсте ли, яко ангеловъ судити имамы?* и устрашаетъ словами: *не вѣсте ли, яко лихоимцы царствія Божія не наслѣдятъ?* Такимъ же образомъ онъ говоритъ и противъ кровосмѣсника. Устрашивъ его прежде сказаннымъ, отлучивъ, предавъ сатанѣ и напомнивъ о будущемъ днѣ, онъ теперь вразумляетъ: *не вѣсте ли,* говоритъ, *яко тѣлеса ваша удове Христовы суть?*—бесѣдуя съ ними, какъ бы съ благородными дѣтьми. Выше онъ сказалъ: *тѣло же Господеви;* теперь точнѣе объясняетъ это, какъ дѣлаетъ и въ другомъ мѣстѣ, когда говоритъ: *вы же есте тѣло Христово и уди отъ части* (1 Кор. XII, 27). Такое сравненіе онъ употребляетъ во многихъ мѣстахъ, хотя не въ одномъ и томъ же значеніи, но иногда для выраженія любви, а иногда для усиленія страха: здѣсь же употребляетъ его для внушенія страха и ужаса: *вземъ ли убо уды Христовы, сотворю уды блудничи? Да не будетъ.* Ничего не можетъ быть страшнѣе этихъ словъ. Не сказалъ: *вземъ ли убо уды Христовы,* соединю ихъ съ блудницею, но что? *Сотворю уды блудничи.* Такое выраженіе гораздо разительнѣе. Далѣе показываетъ, какъ съ блудникомъ дѣйствительно это бываетъ: *или не вѣсте,* говоритъ, *яко прилѣпляяйся сквернодѣйцѣ, едино тѣло*
146 *есть* (ст. 16)? Откуда это извѣстно? *Будета бо,* говоритъ, *два въ плоть едину. Прилѣпляйся же Господеви, единъ духъ есть* (ст. 17). Прилѣпившись другъ къ другу, два уже не могутъ быть двумя, но оба дѣлаются однимъ. И, смотри, какъ онъ опять съ помощію самыхъ именъ ведетъ обличеніе, употребляя слова: блудница и Христосъ. *Бѣгайте блудодѣянія.* Не сказалъ: воздерживайтесь отъ прелюбодѣянія, но: *бѣгайте,* т. е. тщательно старайтесь удаляться отъ этого порока. *Всякъ бо грѣхъ, егоже аще сотворитъ человѣкъ, кромѣ тѣла есть, а блудяй во свое тѣло согрѣшаетъ* (ст. 18). Это менѣе важно, нежели выше сказанное; но, говоря о блудникахъ, онъ со всѣхъ сторонъ обличаетъ грѣхъ ихъ и показываетъ важность вины ихъ и великимъ и малымъ; первое сказано для болѣе благоговѣйныхъ, а послѣднее для болѣе слабыхъ. Мудрость Павла обнаруживается именно и въ томъ, что онъ вразумляетъ представленіемъ не только великаго, но и малаго, и постыднаго и непристойнаго. Но, скажешь, развѣ убійца, корыстолюбецъ и грабитель не оскверняютъ своей руки? Это всякому извѣстно; но такъ какъ нельзя было сказать, что нѣтъ никого хуже блудника, то онъ иначе изображаетъ важность этого грѣха, объясняя, что

отъ блуда все тѣло становится нечистымъ; оно оскверняется такъ, какъ бы упадало въ грязный сосудъ, наполненный нечистотою. Потому и у насъ есть такой обычай: послѣ дѣлъ корыстолюбія и хищенія никто не заботится омыться, но прямо возвращается домой, а послѣ прелюбодѣянія идутъ омыться, какъ бы всецѣло сдѣлавшись нечистыми: такъ совѣсть стыдится по преимуществу этого грѣха! Тяжекъ и тотъ и другой грѣхъ, и корыстолюбіе и прелюбодѣяніе, и (тотъ и другой) ввергаютъ въ геенну; но, дѣлая все предусмотрительно, Павелъ показываетъ важность прелюбодѣянія всѣмъ, чѣмъ только могъ. *Или не вѣсте, яко тѣлеса ваша храмъ живущаго въ васъ Святого Духа суть* (ст. 19)?

2. Не просто онъ сказалъ: *Духа*, но: *живущаго въ васъ*, чтобы утѣшить слушателей, и въ поясненіе этихъ словъ присовокупилъ: *егоже имате отъ Бога;* указалъ Виновника, чтобы и возвысить ихъ и устрашить величіемъ дара и милостію Подателя. *И нѣсте свои.* Это не только служитъ къ обличенію, но и побуждаетъ къ добродѣтели. Какъ, говоритъ, можешь ты дѣлать, что хочешь? Ты не властенъ надъ собою. Говоря это, онъ не отвергаетъ свободной воли. Какъ словами: *вся ми лѣть суть, но не вся на пользу*, онъ не отнимаетъ у насъ свободы, такъ и здѣсь, выражаясь: *нѣсте свои*, онъ не нарушаетъ свободной воли, но отклоняетъ отъ по- 147
рока и показываетъ попеченіе о насъ Владыки. Потому и присовокупляетъ: *куплени бо есте цѣною* (ст. 20). Но если я самъ не свой, то какъ ты требуешь отъ меня исполненія обязанностей? Какъ, продолжая рѣчь, говоришь еще: *прославите убо Бога въ тѣлѣ вашемъ и въ дусѣ вашемъ, яже суть Божія*?

Что же значитъ: *нѣсте свои*? И что онъ хочетъ внушить чрезъ это? Утвердить насъ, чтобы мы не грѣшили и не слѣдовали неумѣстнымъ похотямъ души. У насъ бываетъ много неумѣстныхъ пожеланій, но мы должны воздерживаться, и можемъ; а еслибы мы не могли, то и увѣщаніе было бы излишне. Смотри, какъ онъ утверждаетъ насъ. Сказавъ: *нѣсте свои*, не говоритъ далѣе: а подчинены необходимости, но: *куплени есте цѣною.* Почему же онъ такъ говоритъ? Здѣсь, иной быть можетъ скажетъ, слѣдовало бы показать, что у насъ есть Владыка. Но это у насъ общее съ язычниками; а *куплени есте цѣною* принадлежитъ исключительно намъ. Онъ напоминаетъ о величіи благодѣянія и образѣ нашего спасенія, показывая, что мы искуплены тогда, какъ были чуждыми Ему, и не просто, но *цѣною. Прославите убо*, являйте *Бога въ тѣлѣ вашемъ и въ дусѣ.* Внушаетъ не только тѣломъ не совершать прелюбодѣянія, но и въ духѣ души не помышлять ничего порочнаго и не удалять благодати. *Яже суть Божія.* Послѣ слова: *вашемъ*, присовокупляетъ: *яже суть Божія*, постоянно

напоминая намъ, что все у насъ Владычне—и тѣло, и душа, и духъ. Нѣкоторые говорятъ, что подъ *духомъ* онъ разумѣетъ здѣсь духовное дарованіе; когда оно бываетъ у насъ, то Богъ прославляется; а бываетъ оно тогда, когда мы имѣемъ чистое сердце. *Божіими* же назвалъ онъ ихъ не только потому, что Богъ сотворилъ ихъ, но и потому, что когда они сдѣлались чуждыми Ему, Онъ вторично пріобрѣлъ ихъ цѣною крови Сына. Смотри, какъ онъ относитъ все ко Христу, какъ возводитъ насъ на небо. Вы, говоритъ, члены Христа, вы—храмъ Духа; не будьте же членами блудницы; вы безчестите не свое тѣло, потому что это тѣло—не ваше, а Христово. Этими словами показываетъ человѣколюбіе (Христа), Который сдѣлалъ наше тѣло Своимъ, и вмѣстѣ пресѣкаетъ нашу порочную власть (надъ нимъ). Если у васъ, говоритъ, тѣло не ваше, то вы не имѣете права безчестить тѣло другого, особенно когда оно принадлежитъ Владыкѣ, или осквернять храмъ Духа. Если вошедшій въ домъ частнаго человѣка и произведшій въ немъ безчинство подвергается великому наказанію, то, подумай, какому мученію подвергнется дѣлающій храмъ Царя вертепомъ разбойника! Представляя все это, стыдись живущаго въ тебѣ; это—Утѣшитель; страшись сочетавшагося съ тобою и усвоившаго тебя Себѣ; это—Христосъ. Не сдѣлался ли ты членомъ Христовымъ? Представляй это и будь цѣломудренъ. Подумай, чьи были и чьими стали члены твои. Прежде они были членами блудницы, а Христосъ сдѣлалъ ихъ членами собственнаго тѣла. Потому ты уже не имѣешь власти надъ ними, а долженъ служить Тому, кто освободилъ ихъ. Если бы ты, имѣя дочь, по великой глупости продалъ ее содержателю блудницъ на блудодѣяніе, а сынъ царя, случившійся при этомъ, освободилъ ее отъ такого рабства и взялъ себѣ въ супружество, то ты уже не былъ бы властенъ отвести ее въ распутный домъ, послѣ того,
148 какъ однажды отдалъ и продалъ. Тоже и съ нами. Мы продали плоть свою діаволу, этому жестокому содержателю блудницъ, а Христосъ, видя это, исторгнулъ и освободилъ ее отъ этой злой власти; потому она принадлежитъ уже не намъ, а освободившему ее. Пользоваться ею, какъ невѣстою царя, никто тебѣ не препятствуетъ; если же будешь употреблять ее на прежнія дѣла, то потерпишь то, что слѣдуетъ терпѣть подобнымъ оскорбителямъ. Итакъ надобно украшать ее, а не безчестить. Ты не имѣешь власти надъ плотію на удовлетвореніе порочныхъ пожеланій, а только на исполненіе заповѣдей Божіихъ. Подумай, отъ какого безчестія Богъ избавилъ ее. Естество наше прежде было безчестнѣе всякой блудницы: разбои, убійства, всякій порочный промыслъ, входя въ него, любодѣйствовали съ душею за малую

и ничтожную цѣну—за скоропреходящее удовольствіе; душа, сочетаваясь съ порочными помыслами и дѣяніями, получала отъ нихъ одно только это воздаяніе.

3. Но это, бывшее прежде, хотя и тяжко, все же не такъ тяжко, а оскверняться послѣ неба, послѣ царствія, послѣ пріобщенія страшныхъ таинъ,—заслуживаетъ ли это прощенія? Или ты не думаешь, что съ корыстолюбцами и со всѣми вышеисчисленными грѣшниками совокупляется самъ діаволъ? Или не думаешь, что онъ совокупляется и съ женщинами, украшающими себя для сладострастія? Кто станетъ противорѣчить этому? Если же кто станетъ возражать, то пусть раскроетъ душу столь безстыдныхъ женщинъ, и онъ увидитъ, что злой духъ тѣсно сочетался съ ними. Трудно, возлюбленные, трудно, а можетъ быть, и невозможно, украшая такимъ образомъ тѣло, украшать вмѣстѣ и душу; заботясь объ одномъ, приходится неизбѣжно опустить другое; то и другое по природѣ своей не можетъ быть вмѣстѣ. Потому (апостолъ) и говоритъ: *прилѣпляйся скверподѣйцѣ, едино тѣло есть: прилѣпляйся же Господеви, единъ духъ есть*. Послѣдній становится духомъ, хотя и облеченъ тѣломъ, потому что если въ немъ нѣтъ ничего тѣлеснаго, грубаго и земного, если онъ только обложенъ тѣломъ, а вся власть принадлежитъ душѣ и духу, то Богъ прославляется имъ. Потому намъ и заповѣдано говорить въ молитвѣ: *да святится имя твое* (Матѳ. VI, 9). И Христосъ говоритъ: *да просвѣтится свѣтъ вашъ предъ человѣки, яко да видятъ ваша добрая дѣла, и прославятъ Отца вашего, иже на небесѣхъ* (Матѳ. V, 16). Такъ прославляютъ Его небеса, не звукъ издавая, но своимъ видомъ возбуждая удивленіе и располагая къ прославленію Создателя. Такъ будемъ прославлять Его и мы, или даже еще болѣе; а мы можемъ это, если захочемъ. Не столько небо, день и ночь, сколько святая душа прославляетъ Бога. Кто взглянетъ на красоту неба, говоритъ: слава Тебѣ, Боже, сотворившему такія дѣла; такъ и взглянувшій на добродѣтель человѣка (будетъ говорить) тоже, и даже гораздо болѣе. При взглядѣ на творенія, не всѣ прославляютъ Бога, но многіе говорятъ, что они существуютъ сами собою, а другіе приписываютъ твореніе и промышленіе міра злымъ духамъ, впадая такимъ образомъ въ крайне непростительный грѣхъ; но при взглядѣ на добродѣтель человѣка, никто не сможетъ быть на столько безстыднымъ, а всячески прославитъ Бога, видя, что служащій Ему живетъ добродѣтельно. Кто не 149
подивится, когда какой-нибудь человѣкъ, имѣя общую съ другими природу, обращаясь среди людей, подобно адаманту, не сокрушается отъ множества страстей,—когда онъ среди огня, желѣза и звѣрей является крѣпче адаманта и преодолѣваетъ все

силою благочестія,—когда его оскорбляютъ, а онъ благословляетъ, его злословятъ, а онъ восхваляетъ, его обижаютъ, а онъ молится за обижающихъ, его гонятъ, а онъ благодѣтельствуетъ своимъ врагамъ и гонителямъ? Такія и подобныя дѣла гораздо болѣе неба прославятъ Бога. Язычники, взирая на небо, не стыдятся; но, видя святого мужа, строго исполняющаго правила любомудрія, стыдятся и осуждаютъ себя. Когда имѣющій одинаковую съ ними природу является столько выше ихъ, сколько небо—земли, и даже еще болѣе, то они невольно признаютъ, что это совершается силою божественною; потому (Христосъ) и говоритъ: *и прославятъ Отца вашего, иже на небесѣхъ*. Хочешь ли еще видѣть, какъ Богъ прославляется жизнію рабовъ Своихъ, равно какъ и чудесами? Нѣкогда Навуходоносоръ ввергнулъ въ пещь трехъ отроковъ; но увидѣвъ, что огонь не коснулся ихъ, сказалъ: *благословенъ Богъ, иже посла ангела своего и изъя отроки своя изъ пещи, яко уповаша на него, и слово царево премѣниша* (Дан. III, 95). Чтó говоришь ты? Тебѣ оказали презрѣніе, а ты удивляешься презрѣвшимъ? Да, говоритъ, за то самое, что они оказали мнѣ презрѣніе: это самое и представляетъ причиною удивленія. Такимъ образомъ здѣсь не только знаменіе послужило къ прославленію Бога, но и рѣшимость вверженныхъ. Кто сравнитъ то и другую, тотъ увидитъ, что послѣдняя не меньше перваго. Рѣшиться въ душѣ своей быть ввергнуту въ пещь,—это чудо не меньше того, какъ и остаться невредимымъ въ пещи. Не изумительно ли, что царя вселенной, имѣвшаго у себя столько оружія, войска, военачальниковъ, правителей и намѣстниковъ, обладавшаго землею и моремъ, презрѣли плѣнные отроки, связанные преодолѣвали связавшаго и побѣдили все это воинство? Окружавшіе царя не могли сдѣлать съ ними, что хотѣли, хотя призвали на помощь себѣ пещь; а обнаженные, порабощенные, пришельцы и не многіе числомъ — что въ самомъ дѣлѣ меньше трехъ?—будучи связаны, побѣдили несмѣтное воинство. Смерть уже была презираема, потому что имѣлъ придти Христосъ. Какъ предъ восходомъ солнца, прежде нежели явятся лучи его, уже бываетъ виденъ свѣтъ дневной, такъ и предъ восходомъ Солнца правды смерть уже стала отступать. Что можетъ быть блистательнѣе этого зрѣлища? Что славнѣе этой побѣды? Что знаменитѣе этихъ новыхъ трофеевъ?

4. То же бываетъ и съ нами. И нынѣ есть царь вавилонской пещи; и нынѣ онъ возжигаетъ пламень сильнѣе того; и нынѣ есть повелѣвающій покланяться истукану; у него есть и вельможи, и воины, и обольстительная музыка; и многіе поклоняются этому истукану, разнообразному и великому. Этотъ, подобный

тому, истуканъ есть корыстолюбіе, не пренебрегающее и желѣзомъ, слагающееся изъ самыхъ разнообразныхъ вещей и заставляющее покланяться всему, и мѣди, и желѣзу, и вещамъ го- 150
раздо худшимъ. Но какъ есть это, такъ есть нынѣ и подражатели отроковъ, которые говорятъ: *богомъ твоимъ не служимъ и образу твоему не кланяемся*, но лучше претерпимъ пещь нищеты и всякое другое бѣдствіе за законы Божіи. Обладающіе многимъ и нынѣ также, какъ тогда, часто покланяются этому (истукану) и опаляются; а не имѣющіе ничего и презираютъ его, и находящіеся въ нищетѣ наслаждаются большею прохладою, чѣмъ живущіе въ изобиліи, подобно тому, какъ и тогда ввергавшіе были опалены, а вверженные находились среди огня, какъ бы въ водѣ и росѣ. И самъ мучитель болѣе отроковъ горѣлъ тогда въ огнѣ, который сильно былъ воспламененъ въ немъ гнѣвомъ его. У нихъ огонь не могъ коснуться даже оконечностей волосъ; а у него гнѣвъ сильнѣе огня сожигалъ душу. Представь, каково было ему перенести презрѣніе отъ плѣнныхъ отроковъ въ глазахъ такого множества людей? Здѣсь онъ и показалъ, что и городъ ихъ онъ взялъ не собственною силою, а за грѣхи многихъ, потому что если онъ не могъ преодолѣть связанныхъ и притомъ вверженныхъ въ пещь, то какъ онъ могъ бы побѣдить ихъ, если бы они всѣ были таковыми? Очевидно, что грѣхи многихъ предали городъ. Посмотри и на то, какъ отроки были далеки отъ тщеславія. Они сами не бросались въ пещь, но напередъ уже соблюдали заповѣдь Христову: *молитеся, да не внидете въ напасть* (Матѳ. xxvi, 41); и не думали бѣжать, когда вели ихъ, но смѣло вышли на средину; не искали боя безъ вызова, и не устрашались послѣ вызова, а были готовыми на все, мужественными и неустрашимыми. Послушаемъ, что говорили они, чтобы и отсюда узнать ихъ любомудрое настроеніе. *Есть Богъ на небесѣхъ*, говорятъ они, *силенъ изъяти насъ* (Дан. iii, 17); не о себѣ заботятся, но, готовясь на сожженіе, безпокоятся о славѣ Божіей. Чтобы ты какъ-нибудь, говорятъ, не обвинилъ Бога въ безсиліи, если мы будемъ сожжены, для этого мы прямо возвѣщаемъ тебѣ все наше исповѣданіе: *есть Богъ на небесѣхъ*, не такой, какъ этотъ земной истуканъ, бездушный и безгласный, но могущій исторгнуть и изъ раженной пещи; не обвиняй же Его въ безсиліи за то, что Онъ попускаетъ впасть въ нее; Онъ такъ силенъ, что и вверженныхъ насъ можетъ исхитить изъ пламени. *И аще ли ни, вѣдомо да будетъ тебѣ, царю, яко богомъ твоимъ не служимъ, и образу златому, его же поставилъ еси, не кланяемся* (ст. 18). Смотри, какъ мудро и то, что они не знали будущаго. Если бы они предвидѣли будущее, то не было бы удивительно то, что они сдѣлали.

Въ самомъ дѣлѣ, удивительно ли было бы, если бы они рѣшились на опасность, будучи увѣрены въ спасеніи? Богъ прославился бы, смогшій избавить ихъ отъ пещи, а они не были бы достойны удивленія, какъ рѣшившіеся на дѣло, не опасное для нихъ. Потому Богъ и оставилъ ихъ въ невѣдѣніи будущаго, чтобы болѣе прославить ихъ, и какъ они убѣждали царя не обвинять Бога въ безсиліи, если бы они были сожжены, такъ и Богъ сдѣлалъ то и другое, и явилъ свою силу и показалъ во всей
151 славѣ неустрашимость отроковъ. Отчего же у нихъ, скажешь, могло быть сомнѣніе и неувѣренность въ томъ, что они непремѣнно спасутся? Оттого, что они признали себя ничтожными и недостойными такого благодѣянія. А что это не моя догадка, видно изъ прискорбныхъ словъ, которыя они произносили въ пещи: *согрѣшихомъ, беззаконновахомъ, нѣсть намъ отверсти устъ* (Дан. III, 29, 33); потому они и сказали: *и аще ли ни* (ст. 18). Если же они не сказали этого ясно, — напр. такъ: Богъ силенъ избавить насъ, но если не избавитъ, то не избавитъ за грѣхи наши,—не удивляйся этому; тогда варвары подумали бы, что они подъ предлогомъ своихъ грѣховъ скрываютъ безсиліе Божіе. Потому, сказавъ только о всемогуществѣ Божіемъ, они не высказываютъ (упомянутой) причины. Съ другой стороны они хорошо научены были не испытывать судебъ Божіихъ. Послѣ сказанныхъ словъ они пошли въ огонь, и при томъ ни царя не поносили, ни истукана не ниспровергали. (Человѣкъ) доблестный таковъ и долженъ быть—благоразуменъ и кротокъ, особенно въ опасностяхъ, чтобы видно было, что онъ идетъ на подвиги не по раздраженію и тщеславію, а по мужеству и благоразумію. Кто поноситъ, того подозрѣваютъ въ этихъ страстяхъ; а кто терпитъ и, будучи вле-
152 комъ, совершаетъ подвиги съ кротостію, тому не только удивляются за его мужество, но не менѣе прославляютъ его и за благоразуміе и кротость. Точно такъ поступили тогда и отроки: они явили и мужество и совершенную кротость, и сдѣлали все не ожидая награды и возмездія, или воздаянія. *И аще не восхощетъ*, говорятъ они, *изъяти насъ, богомъ твоимъ не служимъ;* мы получили награду уже въ томъ, что удостоились быть непричастными нечестію и за то предать тѣла на сожженіе. Такъ и мы, уже получивъ воздаяніе,—а получили мы его въ томъ, что удостоились познать Бога и содѣлаться членами Христовыми,—не будемъ дѣлать себя членами блудницы. Такимъ страшнымъ словомъ слѣдуетъ заключить нашу бесѣду, чтобы, живо чувствуя страхъ угрозы, мы дѣйствіемъ этого страха соблюдали себя чище золота. Такъ, отрѣшившись отъ прелюбодѣянія, мы сможемъ узрѣть Христа, на Котораго да сподобимся всѣ мы воззрѣть съ дерзнове-

ніемъ въ тотъ день, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XIX.

А о нихже писасте ми: добро человѣку женѣ не прикасатися: но блудодѣянія ради кійждо свою жену да имать, и каяждо своего мужа (1 Кор. VII, 1, 2). 151

1. Исправивъ три весьма важные недостатка, во-первыхъ, раздѣленіе церкви, во-вторыхъ, (порокъ) кровосмѣсника и, въ-третьихъ, корыстолюбіе, (апостолъ) говоритъ теперь болѣе кротко, и между прочимъ предлагаетъ наставленіе и совѣтъ касательно брака и дѣвства, чтобы успокоить слушателей послѣ тяжкихъ укоризнъ. Во второмъ посланіи (къ Коринѳянамъ) онъ поступаетъ иначе: начинаетъ кротко, а оканчиваетъ строго; здѣсь же, окончивъ рѣчь о дѣвствѣ, онъ опять обращается къ обличеніямъ, предлагая не все вдругъ, но разнообразя свою рѣчь тѣмъ и другимъ, сообразно съ требованіемъ времени и свойствами предметовъ. Говоритъ: *о нихже писасте ми*, потому что коринѳяне писали къ нему, должно ли воздерживаться отъ жены, или нѣтъ? Отвѣчая на это и постановляя правила о бракѣ, онъ заводитъ рѣчь и о дѣвствѣ. *Добро человѣку женѣ не прикасатися*. Если ты, говоритъ, ищешь блага весьма превосходнаго, то лучше совершенно не сочетаваться съ женщиною; если же ищешь состоянія безопаснаго и сообразнаго съ твоею немощію, то вступай въ бракъ. А такъ какъ могло случиться, какъ и нынѣ бываетъ, что мужъ желаетъ, а жена нѣтъ, или наоборотъ, то смотри, какъ онъ говоритъ о томъ и о другомъ. Нѣкоторые утверждаютъ, что слова его относятся къ священникамъ; но я, принимая въ соображеніе послѣдующія слова, не могу съ этимъ согласиться, — тогда онъ не преподалъ бы этого наставленія въ общемъ видѣ. Если бы онъ писалъ только о священникахъ, то сказалъ бы: *добро учителю женѣ не прикасатися*; а теперь говоритъ вообще: *добро человѣку*, не священнику только; и еще: *отрѣшился ли еси жены? Не ищи жены* (ст. 27). Не сказалъ: ты—священникъ и учитель, а неопредѣленно; такова и вся рѣчь его вообще. Сказавъ: *блудодѣянія ради кійждо* 152
свою жену да имать, онъ самою причиною дозволенія побуждаетъ къ воздержанію. *Женѣ мужъ должную любовь да воздаетъ; такожде и жена мужу* (ст. 3). Что значитъ: *должную любовь?* Жена не властна надъ своимъ тѣломъ, но есть и раба и вмѣстѣ госпожа мужа.

Если ты уклоняешься отъ должнаго служенія, то оскорбляешь Бога; если же хочешь уклониться, то лишь съ дозволенія мужа, хотя бы это и на короткое время. Потому и называетъ это дѣло *должнымъ*, чтобы показать, что никто (изъ супруговъ) не властенъ надъ собою, но — рабы другъ друга. Итакъ, когда ты видишь, что блудница искушаетъ тебя, ты скажи: мое тѣло принадлежитъ не мнѣ, а женѣ. Тоже пусть говоритъ и жена покушающимся нарушить ея цѣломудріе: мое тѣло принадлежитъ не мнѣ, а мужу. Если же ни мужъ, ни жена не властны надъ своимъ тѣломъ, то тѣмъ болѣе надъ имуществомъ. Послушайте, имѣющія мужей и имѣющіе женъ: если вамъ не слѣдуетъ считать тѣла своимъ, то тѣмъ болѣе имущества. Правда, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и ветхаго и новаго завѣта отдается мужу великое преимущество; такъ говорится: *къ мужу твоему обращеніе твое, и той тобою обладати будетъ* (Быт. III, 16); и Павелъ въ одномъ посланіи дѣлаетъ такое различіе (между супругами): *мужіе, любите жены, а жена да боится мужа* (Ефес. V, 25, 33); но здѣсь (приписывается обоимъ) одинаковая власть, ни больше, ни меньше. Почему? Потому, что у него рѣчь о цѣломудріи. Въ другихъ отношеніяхъ, говоритъ, мужъ пусть имѣетъ преимущество, а въ цѣломудріи—нѣтъ, *мужъ своимъ тѣломъ не владѣетъ, ниже жена* (ст. 4). Большое равенство чести и никакого преимущества.

Не лишайте себе другъ друга, точію по согласію (ст. 5). Что это значитъ? Жена не должна, говоритъ, воздерживаться противъ воли мужа, и мужъ (не долженъ воздерживаться) противъ воли жены. Почему? Потому, что отъ такого воздержанія происходитъ великое зло; отъ этого часто бывали прелюбодѣянія, блудодѣянія и домашнее разстройство. Вѣдь если иные, имѣя своихъ женъ, предаются прелюбодѣянію, то тѣмъ болѣе (будутъ предаваться
153 ему), когда лишены будутъ этого утѣшенія. Хорошо сказалъ: *не лишайте себе*; то, что здѣсь назвалъ *лишеніемъ*, выше назвалъ *долгомъ*, чтобы показать, какъ велика ихъ взаимная зависимость: воздерживаться одному противъ воли другого значитъ лишать, а по волѣ—нѣтъ. Такъ, если ты возьмешь у меня что-нибудь съ моего согласія, это не будетъ для меня лишеніемъ; лишаетъ тотъ, кто беретъ противъ воли и насильно. Это дѣлаютъ многія жены, совершая большой грѣхъ противъ справедливости и тѣмъ подавая мужьямъ поводъ къ распутству и все приводя въ разстройство. Всему должно предпочитать единодушіе; оно всего важнѣе. Если хочешь, докажемъ это опытомъ. Пусть будетъ жена и мужъ и пусть жена воздерживается, тогда какъ мужъ этого не хочетъ. Что произойдетъ? Не станетъ ли онъ тогда предаваться прелюбодѣянію, или, если не станетъ прелюбо-

дѣйствовать, не будетъ ли скорбѣть, безпокоиться, разжигаться, ссориться и причинять женѣ множество непріятностей? Какая польза отъ поста и воздержанія, когда нарушается любовь? Никакой. Сколько неизбѣжно произойдетъ отсюда огорченій, сколько хлопотъ, сколько раздоровъ!

2. Если въ домѣ мужъ и жена не согласны между собою, то ихъ домъ не лучше обуреваемаго волнами корабля, на которомъ кормчій не согласенъ съ рулевымъ. Потому (апостолъ) и говоритъ: *не лишайте себе другъ друга, точію по согласію до времене, да пребываете въ постѣ и молитвѣ.* Здѣсь онъ разумѣетъ молитву, совершаемую съ особеннымъ тщаніемъ, потому что если бы совокупляющимся онъ запрещалъ молиться, то откуда бы взялось время для непрестанной молитвы? Слѣдовательно можно и съ женою совокупляться и молиться; но при воздержаніи молитва бываетъ совершеннѣе. Не просто сказалъ: *молитеся*, но: *да пребываете*, потому что (брачное) дѣло только отвлекаетъ отъ этого, а не производитъ оскверненія. *И паки на тожде собирайтеся, да не искушаетъ васъ сатана.* Чтобы ты не подумалъ, что это—законъ, присоединяетъ и причину. Какую? *Да не искушаетъ васъ сатана.* А чтобы ты зналъ, что не діаволъ только бываетъ виновникомъ прелюбодѣянія, прибавляетъ: *невоздержаніемъ вашимъ. Сіе же глаголю по совѣту, а не по повелѣнію. Хощу бо, да вси человѣцы будутъ, якоже и азъ,* въ воздержаніи (ст. 6, 7). Такъ онъ часто поступаетъ, когда поучаетъ дѣламъ труднымъ, представляетъ въ примѣръ себя самого и говоритъ: *подражатели мнѣ бывайте. Но кійждо свое дарованіе имать отъ Бога, овъ убо сице, овъ же сице.* Высказавъ сильное обличеніе въ словахъ: *невоздержаніемъ вашимъ,* онъ опять ободряетъ ихъ и говоритъ: *кійждо свое дарованіе имать отъ Бога,* выражая не то, будто эта добродѣтель не требуетъ нашего усилія, но, какъ я сказалъ, ободряя ихъ. Если (воздержаніе) есть даръ, и человѣкъ самъ нисколько не содѣйствуетъ, то для чего онъ продолжаетъ: *глаголю же безбрачнымъ и вдовицамъ: добро имъ есть, аще пребудутъ, якоже и азъ. Аще ли не удержатся, да посягаютъ* (ст. 8—9)? Видишь ли благоразуміе Павла, какъ онъ и показываетъ превосходство воздержанія, и не дѣлаетъ принужденія тому, кто не можетъ воздержаться, боясь, чтобы не произошло паденія? *Лучше бо есть женитися, нежели разжизатися.* Показываетъ, какъ велика сила похоти. А смыслъ словъ его слѣдующій: если ты чувствуешь сильное влеченіе и разжженіе, то избавь себя отъ труда и изнуренія, чтобы тебѣ не развратиться. *А оженившимся завѣщаваю не азъ, но Господь* (ст. 10). 154
Намѣреваясь повторить заповѣдь, ясно предписанную Христомъ, касательно того, что не должно разводиться съ женою, развѣ въ

случаѣ прелюбодѣянія, говоритъ: *не азъ*. Сказанное выше не было ясно высказано (Христомъ), хотя и согласно съ Его ученіемъ; а это Онъ изложилъ ясно; таково различіе выраженій: *азъ* и *не азъ*. А чтобы ты не принялъ словъ (апостола) за человѣческія, онъ присовокупляетъ: *мнюся бо и азъ Духа Божія имѣти*. Что же это за заповѣдь, возвѣщенная Господомъ бракосочетавшимся: *женѣ отъ мужа не разлучатися; аще ли же и разлучится, да пребываетъ безбрачна, или да смирится съ мужемъ своимъ; и мужу жены не отпущати* (ст. 11)? Такъ какъ случается, что супруги разлучаются или по воздержанію, или по другимъ причинамъ, или по неудовольствію, то онъ говоритъ: лучше, еслибы этого совсѣмъ не было; если же это уже случилось, то пусть жена остается съ мужемъ, хотя и не для совокупленія, а для того, чтобы не знать никакого другого мужа. *Прочимъ же азъ глаголю, а не Господь: аще который братъ жену имать невѣрну, и та благоволитъ жити съ нимъ, да не оставляетъ ея; и жена, аще имать мужа невѣрна, и той благоволитъ жити съ нею, да не оставляетъ его* (ст. 12, 13). Какъ, бесѣдуя объ удаленіи отъ блудниковъ, (апостолъ) облегчилъ это дѣло, присовокупивъ: *и не всяко блудникомъ міра сего*, такъ и здѣсь заботится, чтобы (заповѣдь) была весьма удобною къ исполненію. Если, говоритъ, жена имѣетъ мужа невѣрнаго или мужъ жену невѣрную, то они не должны оставлять другъ друга. Что говоришь ты? Невѣрный долженъ оставаться съ женою, а блудникъ нѣтъ? Блудъ не маловажнѣе ли невѣрія? Блудъ маловажнѣе, но Богъ сильно печется о твоей пользѣ. Такъ и о жертвоприношеніи Онъ говоритъ: *остави даръ, и смирися съ братомъ твоимъ* (Мѳ. v, 24). Такъ и въ притчѣ о должникѣ десяти тысячъ талантовъ: того, кто былъ долженъ десять тысячъ талантовъ, Онъ не наказалъ; а того, кто требовалъ отъ подобнаго себѣ раба сто динаріевъ, наказалъ. Далѣе, чтобы жена не опасалась сдѣлаться нечистою отъ сожитія (съ такимъ мужемъ, апостолъ) говоритъ: *святится бо мужъ невѣренъ о женѣ, и святится жена невѣрна о мужѣ* (ст. 14). Но, если прилѣпляющійся къ блудницѣ дѣлается однимъ съ нею тѣломъ, то не слѣдуетъ ли, что и прилѣпляющаяся къ идолослужителю есть одно съ нимъ тѣло? Такъ, она одно съ нимъ тѣло, но не дѣлается нечистою; а чистота жены побѣждаетъ нечистоту мужа, равно какъ чистота вѣрнаго мужа побѣждаетъ нечистоту невѣрной жены.

3. Почему же здѣсь нечистота побѣждается и сожитіе дозволяется, а въ случаѣ прелюбодѣянія жены мужу не возбраняется изгонять ее? Потому, что здѣсь есть надежда, что погибшая часть спасется чрезъ бракъ; а тамъ бракъ уже нарушенъ; тамъ

оба лица растлѣваются, а здѣсь виновно одно. Скажу примѣрно: впавшая однажды въ прелюбодѣяніе нечиста; если же прилѣпляющійся къ блудницѣ есть одно съ нею тѣло и самъ сдѣлается нечистымъ, то они оба лишаются чистоты. А здѣсь не такъ, а какъ? Идолослужитель нечистъ, но жена не нечиста. Если бы она участвовала съ нимъ въ томъ, въ чемъ онъ нечистъ, т. е. въ нечестіи, то и сама стала бы нечистою; а теперь въ иномъ нечистъ идолослужитель, а въ иномъ участвуетъ съ нимъ жена, 155
въ чемъ онъ не нечистъ, потому что въ бракѣ и совокупленіи они взаимно участвуютъ. Притомъ здѣсь есть надежда, что жена невѣрнаго обратитъ его, такъ какъ она для него своя; а тамъ это очень трудно. Какъ можетъ жена, обезчестивъ прежде своего мужа, послуживъ другому и нарушивъ права супружества, сдѣлать опять своимъ мужа, обиженнаго и сдѣлавшагося для нея какъ бы чужимъ? Послѣ прелюбодѣянія мужъ уже не мужъ; а здѣсь, если жена—идолослужительница, права мужа не нарушаются. Притомъ съ невѣрнымъ она живетъ не просто, а по его желанію. Потому (апостолъ) и сказалъ: *и той благоволитъ жити съ нею*. И есть ли, скажи мнѣ, какой вредъ отъ того, что они остаются въ соединеніи, когда и благочестіе сохраняется въ цѣлости, и остается благая надежда на обращеніе невѣрнаго, и избѣгаются поводы къ напраснымъ ссорамъ? Здѣсь (апостолъ) говоритъ не о тѣхъ, которые еще не сочетались бракомъ, но о сочетавшихся; онъ не сказалъ: если кто хочетъ вступить въ бракъ съ невѣрнымъ, но: *аще* кто *иматъ* невѣрнаго, т. е. если кто послѣ женитьбы или замужества приметъ благочестивое ученіе, а другое лице останется въ невѣріи и между тѣмъ пожелаетъ жить вмѣстѣ, то бракъ не расторгается. *Святится убо*, говоритъ, *мужъ невѣренъ о женѣ*: таково обиліе твоей чистоты! Какъ, неужели язычникъ святъ? Нѣтъ, онъ не сказалъ: святъ, но: *святится о женѣ*; сказалъ это не для того, чтобы признать язычника святымъ, а для того, чтобы какъ можно болѣе успокоить жену и въ мужѣ возбудить желаніе истины. Нечистота заключается не въ тѣлахъ сочетавающихся, а въ произволеніи и помыслахъ. Затѣмъ представляется и доказательство: если ты, будучи нечистою, раждаешь дитя, которое происходитъ не отъ одной тебя, то неужели и оно нечисто или чисто только въ половину? Въ настоящемъ случаѣ оно не нечисто: *иначе бо*, продолжаетъ (апостолъ), *чада ваша нечиста были бы: нынѣ же свята суть*, т. е. не нечисты. Называетъ ихъ святыми для того, чтобы такимъ сильнымъ названіемъ опять отогнать опасеніе супруговъ. *Аще ли невѣрный отлучается, да разлучится* (ст. 15). Здѣсь дѣло уже не въ прелюбодѣяніи. Что же значитъ: *аще ли невѣрный отлучается*?

Напр., если онъ повелѣваетъ тебѣ приносить жертвы и участвовать въ его нечестіи по праву супружества, или уйти, то лучше оставить бракъ, нежели благочестіе. *Не поработися братъ или сестра въ таковыхъ*. Если невѣрный ежедневно изъ-за этого оскорбляетъ и заводитъ ссоры, то лучше разлучиться. Это выражаетъ (апостолъ) словами: *въ миръ же призва насъ Богъ*. Онъ (невѣрный) самъ подаетъ къ тому поводъ, подобно какъ и прелюбодѣйствующій. *Что бо вѣси, жено, аще мужа спасеши* (ст. 16)? Это относится къ словамъ: *да не оставляетъ его*. Если мужъ не безпокоитъ тебя, то оставайся, говоритъ, съ нимъ; отъ этого можетъ быть и польза; оставайся и увѣщевай, совѣтуй, убѣждай; никакой учитель не можетъ убѣдить такъ, какъ жена. Впрочемъ (апостолъ) не принуждаетъ ее и не требуетъ этого отъ ней непремѣнно, чтобы опять не возложить на нее слишкомъ тяжкаго бремени; совѣтуетъ не отчаиваться и оставляетъ это подъ сомнѣніемъ, по неизвѣстности будущаго. *Что бо*, говоритъ, *вѣси, жено, аще мужа спасеши? Или что вѣси, мужу, аще жену спасеши?* И далѣе: *точію коемуждо, якоже раздѣлилъ есть Богъ, кійждо, якоже призванъ есть Господемъ, тако да ходитъ. Во обрѣзаніи ли кто призванъ бысть? Да не отторгнется. Въ необрѣзаніи ли кто при-*
156 *званъ бысть? Да не обрѣзуется. Обрѣзаніе ничтоже есть, и необрѣзаніе ничтоже есть, но соблюденіе заповѣдей Божіихъ. Кійждо въ званіи, въ немже призванъ бысть, въ томъ да пребываетъ. Рабъ ли призванъ былъ еси? Да не нерадиши* (ст. 17—21). Все это, говоритъ, ничего не значитъ для вѣры; потому не спорь и не смущайся; вѣра выше всего этого. Каждый въ какомъ призванъ званіи, въ томъ и оставайся. Призванъ ли ты въ супружествѣ съ женою невѣрною? Оставайся съ нею; не изгоняй жены изъ-за вѣры. Призванъ ли рабомъ? Не заботься; оставайся рабомъ. Призванъ ли необрѣзаннымъ? Оставайся необрѣзаннымъ. Увѣровалъ ли, будучи обрѣзаннымъ? Оставайся обрѣзаннымъ. Это и означаютъ слова: *коемуждо якоже раздѣлилъ есть Богъ*. Все это не служитъ препятствіемъ благочестію. Ты призванъ въ состояніи раба, другой въ супружествѣ съ невѣрною, иной въ обрѣзаніи.

4. Вотъ какъ онъ смотритъ на рабство. Какъ обрѣзаніе нисколько не приноситъ пользы и необрѣзаніе нисколько не вредитъ, такъ равно и рабство и свобода. Но, чтобы показать это какъ можно яснѣе, онъ говоритъ: *но аще и можеши свободенъ быти, больше поработи себе* (χρῆσαι), т. е., тѣмъ болѣе служи. Для чего же онъ повелѣваетъ оставаться рабомъ тому, кто можетъ сдѣлаться свободнымъ? Для того, чтобы показать, что рабство не только не вредитъ, но еще доставляетъ пользу. Знаю, что нѣкоторые утверждаютъ, будто слова: *больше поработи себе* (χρῆσαι) ска-

заны о свободѣ, и объясняютъ ихъ такъ: если можешь сдѣлаться свободнымъ, то освободись. Но такая мысль была бы совершенно противна намѣренію Павла: утѣшая раба и доказывая ему, что рабство не причиняетъ ему никакого вреда, онъ не сталъ бы повелѣвать ему искать свободу, такъ какъ тогда иной могъ бы сказать: а если я не могу сдѣлаться свободнымъ, то терплю униженіе и вредъ?

Итакъ, Павелъ не это разумѣетъ, а хочетъ показать, какъ я сказалъ прежде, что освобождающійся отъ рабства не получаетъ никакой пользы: хотя бы, говоритъ, въ твоей власти было сдѣлаться свободнымъ, ты лучше оставайся рабомъ. Затѣмъ приводитъ и причину: *призванный бо о Господѣ рабъ, свободникъ Господень есть: такожде и призванный свободникъ, рабъ есть Христовъ* (ст. 22). Въ отношеніи ко Христу, говоритъ, тотъ и другой равны. Какъ ты—рабъ Христовъ, такъ и господинъ твой. Но какимъ образомъ рабъ можетъ быть свободнымъ? (Христосъ) освободилъ тебя не только отъ грѣха, но и отъ внѣшняго рабства, хотя ты остаешься рабомъ. Онъ не допускаетъ ни рабу быть рабомъ, ни человѣку оставаться въ рабствѣ; это и чудно. Когда же рабъ бываетъ свободнымъ, оставаясь рабомъ? Когда онъ освобождается отъ страстей и душевныхъ болѣзней, когда не предается корыстолюбію, гнѣву и другимъ подобнымъ страстямъ. *Цѣною куплени есте: не будите раби человѣкомъ* (ст. 23). Это сказано не только рабамъ, но и свободнымъ, потому что можно и въ рабствѣ не быть рабомъ, и въ свободѣ быть рабомъ. Когда же рабъ не бываетъ рабомъ? Когда онъ дѣлаетъ все для Бога, когда служитъ нелицемѣрно и не изъ человѣкоугодія: это и значитъ быть рабомъ людей и оставаться свободнымъ. А когда свободный бываетъ рабомъ? Когда онъ служитъ людямъ въ чемъ-нибудь худомъ, въ чревоугодіи, корыстолюбіи, или честолюбіи. Такой человѣкъ, хотя и свободенъ, порабощеннѣе всякаго раба. Вотъ примѣръ того и другаго: Іосифъ былъ рабомъ, но не раболѣпствовалъ людямъ, потому и въ рабствѣ былъ свободнѣе всѣхъ сво- 157
бодныхъ; онъ не покорился госпожѣ, склонявшей его къ удовлетворенію ея похоти. Госпожа напротивъ была свободна, но оказалась ниже всякаго раба, обратившись къ рабу и съ лестію и съ убѣжденіемъ, и однако не смогши склонить его, свободнаго, къ тому, чего онъ не хотѣлъ. Подлинно, онъ былъ не рабомъ, но въ высшей степени свободнымъ: развѣ рабство послужило ему препятствіемъ къ добродѣтели? Послушайте вы, рабы и свободные: кто оказался рабомъ, тотъ ли котораго просили, или та, которая просила? Та ли, которая убѣждала, или тотъ, который презрѣлъ ея убѣжденія? Такъ, есть предѣлы рабства, положен-

ные Богомъ, есть законы, до чего оно можетъ простираться, которыхъ преступать не должно. Когда господинъ не требуетъ ничего, противнаго волѣ Божіей, тогда должно повиноваться ему и покоряться; а простираться далѣе не должно: такъ рабъ остается свободнымъ! Если же ты простираешься далѣе, то дѣлаешься рабомъ, хотя и свободенъ. Это внушаетъ (апостолъ) словами: *не будите раби человѣкомъ*. А если бы не такъ, если бы онъ повелѣвалъ оставлять господъ и стараться получить свободу, то какъ онъ сталъ бы говорить слѣдующее: *кійждо, въ немже призванъ бысть, въ томъ да пребываетъ* (ст. 24)? И въ другомъ мѣстѣ: *елицы суть подъ игомъ раби, своихъ господій всякія чести да сподобляютъ, имущіи вѣрныхъ господій да не нерадятъ, понеже братія суть, иже благодать воспріемлющіи* (1 Тим. vi, 1. 2)? Тоже самое онъ повелѣваетъ и заповѣдуетъ въ посланіяхъ къ Ефесеямъ (vi, 5) и Колоссянамъ (iii, 22). Отсюда видно, что онъ отвергаетъ не внѣшнее рабство, а происходящее отъ пороковъ, бывающее и съ свободными, и самое тяжкое, хотя бы подвергался ему человѣкъ свободный. Какую пользу получили братья Іосифа отъ того, что они были свободны? Не оказались ли они раболѣпнѣе всякаго раба, обманувъ отца, солгавъ предъ купцами и предъ братомъ? А онъ былъ не таковъ, но вездѣ и во всемъ былъ правдивъ и оставался свободнымъ; и его ничто не могло поработить, ни узы, ни рабство, ни любовь госпожи, ни пребываніе въ чужой землѣ,— всегда онъ оставался свободнымъ. Это и есть высшая свобода, которая сіяетъ и въ рабствѣ.

5. Таково христіанство: оно и въ рабствѣ доставляетъ свободу. Какъ тѣло, по природѣ своей уязвимое, оказывается неуязвимымъ тогда, когда, будучи поражаемо стрѣлою, не терпитъ никакого вреда, такъ и истинно свободный оказывается такимъ тогда, когда, находясь подъ властію господъ, не дѣлается рабомъ. Потому (апостолъ) и повелѣваетъ оставаться въ рабствѣ. Если бы рабу невозможно было быть христіаниномъ, какимъ слѣдуетъ быть, то язычники обвиняли бы благочестіе въ большой немощи; но узнавъ, что рабство нисколько не препятствуетъ благочестію, они удивятся проповѣди. Подлинно, если намъ не причиняютъ вреда ни смерть, ни бичеванія, ни узы, то тѣмъ болѣе рабство; если огонь, желѣзо, тысячи насилій, болѣзни, бѣдность, дикіе звѣри и другія жесточайшія и безчисленныя бѣдствія не причинили вреда вѣрующимъ, а еще сдѣлали ихъ и сильнѣйшими, то какъ можетъ повредить имъ рабство? Вредно не это рабство, возлюбленный, а рабство истинное—рабство грѣху. Если ты не подвергся ему, то дерзай и радуйся; тебѣ никто не можетъ причинить никакого зла, потому что ты чуждъ рабства въ душѣ своей. Если же ты подвергся

ему, то, хотя бы ты былъ тысящекратно свободенъ, свобода не принесетъ тебѣ никакой пользы. Что пользы, скажи мнѣ, если ты
человѣку не служишь, а страстямъ раболѣпствуешь? Люди часто 158
умѣютъ и щадить, а эти властители никогда не насыщаются твоими бѣдствіями. Ты служишь человѣку? Но и тебѣ служитъ господинъ; онъ доставляетъ тебѣ пропитаніе, заботится о твоемъ здоровьѣ, одеждѣ, обуви и о всемъ прочемъ; не столько ты боишься оскорбить господина, сколько онъ безпокоится, чтобъ ты не терпѣлъ недостатка въ необходимомъ. Но онъ возлежитъ, а ты стоишь? Что жъ изъ этого? Это случается не только съ нимъ, но и съ тобою. Часто, когда ты лежишь и сладко спишь, онъ не только стоитъ, но и терпитъ множество непріятностей на торжищѣ и лишается сна хуже тебя. Что же? Потерпѣлъ ли Іосифъ отъ госпожи что-нибудь такое, что потерпѣла она отъ своей страсти? Онъ не исполнилъ того, къ чему она хотѣла принудить его, а она исполнила все, что повелѣвала ей госпожа ея, т. е. похоть, которая не прежде отстала отъ нея, пока довела ее до посрамленія. Какой господинъ, какой жестокій тиранъ дастъ такія приказанія? Проси, говоритъ, своего раба, умоляй плѣнника, прельщай невольника; если онъ отвергнетъ тебя, снова приступай; если, не смотря на частыя твои предложенія, онъ не изъявитъ согласія, найди уединенное мѣсто, употреби насиліе и предай себя посмѣянію. Что безчестнѣе, что постыднѣе такихъ внушеній? Если же ты и послѣ того не будешь имѣть успѣха, то оклевещи его и обмани мужа. Какія низкія, какія постыдныя приказанія, какія жестокія, безчеловѣчныя и безумныя! Повелѣваетъ ли какой-нибудь господинъ то, что повелѣвала тогда похоть этой женщинѣ—царицѣ? И она не смѣла ослушаться. Съ Іосифомъ ничего такого не было, напротивъ все послужило къ его славѣ и чести. Хочешь ли видѣть и другого мужа, который получилъ множество приказаній отъ жестокой госпожи, и не смѣлъ ослушаться?

Припомни Каина, какъ имъ овладѣла зависть. Она повелѣла ему убить брата, солгать предъ Богомъ, огорчить отца, оказаться безстыднымъ, и онъ сдѣлалъ все и не ослушался ни въ чемъ. Но удивительно ли, что надъ однимъ (человѣкомъ) эта госпожа имѣла такую силу? Она часто погубляла цѣлые народы. Такъ жены мадіамскія едва не плѣнили и не поработили іудеевъ, прельщая всѣхъ ихъ своею красотою (Числ. XXV). Отъ такого рабства и предохраняетъ Павелъ, когда говоритъ: *не будите раби человѣкомъ*, т. е. не повинуйтесь людямъ, когда они повелѣваютъ что-нибудь постыдное, и даже самимъ себѣ. Такимъ образомъ очистивъ и возвысивъ умъ слушателей, онъ говоритъ далѣе: *о дѣвахъ же пове-*

лѣнія Господня не имамъ: совѣтъ же даю, яко помилованъ отъ Господа вѣренъ быти (ст. 25). Продолжая рѣчь, онъ постепенно доходитъ наконецъ и до дѣвства; научивъ и вразумивъ ихъ (коринѳянъ) бесѣдою о воздержаніи, онъ переходитъ къ высшему предмету и говоритъ: *повелѣнія не имамъ, но мню добро быти* (ст. 26). Почему? По той же причинѣ, какую онъ привелъ въ бесѣдѣ о воздержаніи. *Привязался ли еси женѣ? Не ищи разрѣшенія. Отрѣшился ли еси жены? Не ищи жены* (ст. 27). Эти слова не противорѣчатъ прежнимъ, но совершенно согласны. Тамъ онъ говорилъ: *точію по согласію*; и здѣсь говоритъ: *привязался ли еси женѣ? Не ищи разрѣшенія.* Одно не противорѣчитъ другому, потому что совершаемое противъ воли есть расторженіе; а если оба (мужъ и жена) воздерживаются по согласію, это—не расторженіе.

159 6. Чтобы сказанное не было принято какъ законъ, (апостолъ) присовокупляетъ: *аще ли же и оженишися, не согрѣшилъ еси* (ст. 28). Далѣе ссылается на обстоятельства, настоятельную нужду, стѣснительное время и скорбь. Бракъ сопровождается многими затрудненіями, на которыя онъ и указываетъ какъ здѣсь, такъ и въ бесѣдѣ о воздержаніи. Тамъ онъ говорилъ: *жена не владѣетъ собою;* а здѣсь говоритъ: *привязался еси. Аще ли же оженишися, не согрѣшилъ еси:* разумѣетъ не дѣву, избравшую дѣвство; такая (вступая въ бракъ) грѣшитъ. Если осуждаются вдовы, которыя, однажды рѣшившись оставаться во вдовствѣ, вступаютъ во второй бракъ, то тѣмъ болѣе дѣвы. *Скорбь же плоти имѣти будутъ таковіи.* Но, скажешь, вмѣстѣ и удовольствіе. И это, смотри, какъ (Павелъ) ограничилъ краткостію времени: *время*, говоритъ, *прекращено есть* (ст. 29), т. е. намъ заповѣдано уже идти отсюда и готовиться къ исходу, а ты стремишься внутрь. Если бы бракъ не сопровождался никакими скорбями, и въ такомъ случаѣ надлежало бы стремиться къ будущему; если же онъ сопровождается скорбями, то какая нужда налагать на себя бремя? Какая необходимость принимать на себя такое бремя, которое и принявъ должно нести такъ, какъ бы не принявъ? *Да имущіи жены*, говоритъ, *якоже не имущіи будутъ*. Сказавъ нѣчто о будущемъ, далѣе онъ опять обращается къ настоящему,—именно: духовное, что одна заботится о дѣлахъ мужа, другая же о дѣлахъ Божіихъ (ст. 34); а житейское, что *хощу васъ безпечальныхъ быти* (ст. 32). Впрочемъ и это онъ предоставляетъ на ихъ волю. Кто, указавъ достойное избранія, снова понуждаетъ къ этому, тотъ какъ бы не довѣряетъ собственнымъ словамъ; (а Павелъ) самою уступчивостію еще болѣе побуждаетъ и склоняетъ: *сіе же*, говоритъ, *на пользу вамъ самѣмъ глаголю, не да сило вамъ наложу, но къ благообразію и благоприступанію* (ст. 35). Пусть дѣвы слы-

шать, что не этимъ опредѣляется дѣвство: та, которая заботится 160
о мірскомъ, не есть благообразная дѣва. Сказавъ: *раздѣлися и жена и дѣва,* (апостолъ) здѣсь объясняетъ, въ чемъ состоитъ ихъ различіе другъ отъ друга. Отличительнымъ признакомъ дѣвы и не дѣвы онъ поставляетъ не бракъ и не воздержаніе, а свободу отъ заботъ (у одной) и множество заботъ (у другой). Не сожитіе есть зло, а препятствіе къ любомудрію. *Аще ли же кто безобразити о дѣвѣ своей непщуетъ* (ст. 36). Здѣсь, повидимому, онъ говоритъ о бракѣ, но все направляетъ къ рѣчи о дѣвствѣ; дозволяя и второй бракъ, говоритъ: *точію о Господѣ* (ст. 39). Что значитъ: *о Господѣ?* Съ цѣломудріемъ, съ честностію. Эти добродѣтели вездѣ нужны, и о нихъ должно заботиться; иначе невозможно узрѣть Бога. Если мы не будемъ теперь распространяться о дѣвствѣ, пусть никто не обвиняетъ насъ въ лѣности. Объ этомъ предметѣ нами составлена цѣлая книга, въ которой мы изложили все съ возможною точностію, и потому считаемъ излишнимъ опять повторять здѣсь тоже самое. Отсылая туда слушателя, скажемъ здѣсь только, что должно соблюдать воздержаніе: *миръ,* говоритъ (апостолъ), *имѣйте и святыню, ихже кромѣ никтоже узритъ Господа* (Евр. 12, 14). Итакъ, чтобы намъ удостоиться узрѣть Бога, будемъ, въ дѣвствѣ ли, въ первомъ ли бракѣ, или во второмъ, преуспѣвать въ этой добродѣтели, и мы сподобимся царствія небеснаго, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XX.

О идоложертвенныхъ же вѣмы, яко вси разумъ имамы. 159
Разумъ кичитъ, любы же созидаетъ (1 Кор. VIII, 1).

1. Нужно напередъ сказать, чтó здѣсь имѣетъ въ виду (апостолъ), тогда и будетъ понятна намъ рѣчь его. Кто видитъ кого-нибудь обвиняемымъ и не узнаетъ напередъ свойства вины его, тотъ не можетъ понять сказаннаго. Въ чемъ же (апостолъ) обвиняетъ здѣсь коринѳянъ? Въ преступленіи великомъ и причинявшемъ множество золъ. Въ какомъ же именно? Многіе изъ нихъ, зная, что *не входящая сквернятъ человѣка, а исходящая* (Мѳ. XV, 17, 18), и что идолы, т. е. дерева, камни, демоны, не могутъ ни вредить, ни приносить пользу, употребляли такое совершенное знаніе неблагоразумно, ко вреду другимъ и себѣ. Они вхо-

дили въ капища, участвовали тамъ въ трапезахъ, и такимъ образомъ производили большую гибель. Тѣ, которые еще боялись идоловъ, не научились презирать ихъ и принимали участіе въ этого рода вечеряхъ, видя, что и совершеннѣйшіе дѣлають тоже, получали отъ того великій вредъ (такъ какъ они касались предлагаемаго не съ такимъ расположеніемъ, съ какимъ совершенные, но какъ идоложертвеннаго, чѣмъ и поддерживалось идолослуженіе); вмѣстѣ съ тѣмъ и сами совершенные впадали въ немаловажный грѣхъ, пользуясь бѣсовскими трапезами. Вотъ
160 въ чемъ состояла вина (коринеянъ)! Блаженный (апостолъ), желая исправить это, не вдругъ употребляетъ слова обличенія; происходившее у нихъ было слѣдствіемъ болѣе неразумія, нежели развращенія, а потому нужно было вначалѣ употребить болѣе увѣщаніе, нежели сильное и гнѣвное обличеніе. И смотри, съ какимъ благоразуміемъ онъ тотчасъ же начинаетъ увѣщаніе. *О идоложертвенныхъ же вѣмы, яко вси разумъ имамы*. Оставивъ слабыхъ, какъ онъ всегда дѣлаетъ, напередъ обращаетъ рѣчь свою къ сильнымъ. Тоже самое онъ дѣлаетъ и въ посланіи къ Римлянамъ, когда говоритъ: *ты же почто осуждаеши брата твоего* (XIV, 10)? Такой (человѣкъ) удобнѣе можетъ принять внушеніе. Также онъ поступаетъ и здѣсь: сперва низлагаетъ гордость ихъ, замѣчая, что совершенное знаніе, которое они считали своимъ особеннымъ преимуществомъ, принадлежитъ всѣмъ вообще. *Вѣмы*, говоритъ, *яко вси разумъ имамы*. Если бы онъ оставилъ безъ вниманія ихъ высокомѣріе и сталъ напередъ доказывать, что поведеніе ихъ причиняетъ вредъ другимъ, то не столько принесъ бы пользы, сколько повредилъ бы. Душа честолюбивая, гордясь чѣмъ-нибудь, хотя это и соединено со вредомъ для другихъ, не смиряется, пока тщеславіе владѣетъ ею. Потому Павелъ напе-
161 редъ раскрываетъ дѣло само по себѣ, какъ онъ прежде поступилъ и съ мірскою мудростію, когда рѣшительно отвергалъ ее. Но тамъ онъ справедливо могъ поступить такъ, потому что все въ ней было достойно полнаго осужденія и весьма легко было доказать, что она не только излишня, но и противна проповѣди. А здѣсь нельзя было поступить такъ же, потому что предметомъ рѣчи было знаніе и притомъ совершенное знаніе. Отвергать это знаніе было не безопасно, а съ другой стороны нельзя было иначе низложить гордость, которая происходила отсюда. Что же онъ дѣлаетъ? Показываетъ напередъ, что то (знаніе) принадлежитъ всѣмъ вообще, и тѣмъ смиряетъ гордость ихъ, потому что обладающіе чѣмъ-нибудь великимъ и прекраснымъ, обладая одни, болѣе превозносятся, а когда обнаружатъ, что и другіе имѣютъ тоже самое, то уже не столько превозносятся. Потому, во-пер-

выхъ, онъ обобщаетъ то, что коринѳяне присвояли себѣ однимъ; и обобщивъ, не представляетъ себя самого участникомъ знанія, чтобы они оттого не возгордились еще болѣе, потому что какъ имѣющій что-нибудь одинъ превозносится, такъ превозносится и тотъ, у кого одинъ или два соучастника изъ людей знатныхъ. Потому онъ не указываетъ на себя самого, а на всѣхъ; не говоритъ: и я имѣю знаніе, но: *вѣмы, яко вси разумъ имамы*. Такимъ образомъ, этимъ первымъ доводомъ онъ сильно поразилъ ихъ гордость, а вторымъ еще сильнѣе. Какимъ же? Тѣмъ, что самое знаніе не только не полно, но и весьма не совершенно, и не только не совершенно, но и вредно, если съ нимъ не будетъ соединено нѣчто другое. Сказавъ: *яко вси разумъ имамы*, онъ присовокупляетъ: *разумъ кичитъ, любы же созидаетъ;* если знаніе не соединено съ любовію, то оно производитъ гордость. Но, скажешь, и любовь безъ знанія не приноситъ никакой пользы. Не объ этомъ онъ говоритъ; оставляя это, какъ всѣмъ извѣстное, онъ доказываетъ, что знаніе имѣетъ великую нужду въ любви. Кто любитъ, тотъ, какъ исполняющій главнѣйшую изъ всѣхъ заповѣдей, хотя бы и имѣлъ какіе-нибудь недостатки, при помощи любви скоро можетъ пріобрѣсти знаніе, подобно Корнилію и многимъ другимъ; а кто имѣетъ знаніе, не имѣя любви, тотъ не только ничего не пріобрѣтетъ, но часто теряетъ и то, что имѣетъ, впадая въ гордость. Такимъ образомъ знаніе не производитъ любви, а напротивъ удаляетъ ее отъ человѣка невнимательнаго, пораждая въ немъ гордость и надменность. Гордость производитъ раздѣленія; а любовь соединяетъ и ведетъ къ знанію. Это выражаетъ (апостолъ), когда говоритъ: *аще же кто любитъ Бога, сей позванъ бысть отъ Него* (ст. 3). Я не запрещаю, говоритъ, имѣть совершенное знаніе, но заповѣдую имѣть его вмѣстѣ съ любовію; (иначе) оно не только безполезно, но даже вредно.

2. Видишь ли, какъ онъ уже предначинаетъ рѣчь о любви? Такъ какъ все зло происходило не отъ совершеннаго знанія, а отъ недостатка любви и снисхожденія къ ближнимъ; такъ какъ отъ этого происходили у нихъ раздѣленія, надменность и все прочее, въ чемъ онъ обличалъ ихъ и прежде и послѣ,—то онъ непрестанно старается внушить имъ (любовь, какъ) источникъ благъ. Что вы, говоритъ, гордитесь знаніемъ? Если не будете имѣть любви, то оно принесетъ вамъ вредъ,—вѣдь что хуже гордости? Если же будете имѣть любовь, то и знаніе будетъ надежно; когда знаешь болѣе ближняго и любишь его, то не станешь превозноситься, но и ему сообщишь тоже. Потому сказавъ: *разумъ кичитъ*, онъ присовокупляетъ: *любы же созидаетъ*. Не сказалъ: смиряетъ, а выразилъ нѣчто гораздо важнѣйшее и полез- 162

нѣйшее; знаніе не только надмеваетъ, но и производитъ раздѣленіе,—потому противопоставилъ одно другому. Далѣе представляетъ и третій (доводъ), который могъ смирить ихъ. Какой же? Тотъ, что наше знаніе, хотя бы и соединено было съ любовію, однако и тогда несовершенно: *аще ли кто*, продолжаетъ онъ, *мнится вѣдѣти что, не у что разумѣ, якоже подобаетъ разумѣти* (ст. 2). Сильный доводъ! Я уже не говорю, внушаетъ онъ, что знаніе принадлежитъ всѣмъ вообще; не говорю, что, ненавидя ближняго и надмеваясь, ты причиняешь великій вредъ себѣ самому; хотя бы ты одинъ владѣлъ знаніемъ, хотя бы не гордился, хотя бы и любилъ брата,—и въ такомъ случаѣ знаніе твое несовершенно, потому что ты еще не знаешь ничего, какъ должно знать. Если же мы ни о чемъ не имѣемъ точнаго познанія, то какъ нѣкоторые дошли до такого безумія, что говорятъ, будто они со всею точностію знаютъ Бога? Хотя бы мы имѣли точное познаніе обо всемъ другомъ, и тогда не можемъ имѣть такого познанія (о Богѣ), потому что невозможно выразить, какъ велико разстояніе между Нимъ и всѣмъ прочимъ. И смотри, какъ онъ низложилъ гордость ихъ. Не сказалъ: вы не имѣете надлежащаго познанія о предложенныхъ (предметахъ), но—обо всемъ вообще; не сказалъ: вы, но: всякій, Петръ ли, Павелъ, или кто бы то ни было. Этимъ онъ превосходно и утѣшилъ и смирилъ ихъ. *Аще же кто любитъ Бога, сей познанъ бысть отъ Него*; не сказалъ: позналъ Его, но: *познанъ бысть отъ Него* (ст. 3), потому что не мы познали Бога, а Онъ позналъ насъ. Потому и Христосъ говоритъ: *не вы Мене избрасте, но Азъ избрахъ васъ* (Іоан. XV, 16). И Павелъ въ другомъ мѣстѣ: *тогда же познаю, якоже и познанъ быхъ* (1 Кор. XIII, 12). Замѣть же, сколькими доводами онъ низложилъ гордость ихъ: во-первыхъ, показалъ, что не одни они знаютъ то, что знаютъ: *вси*, говоритъ, *разумъ имамы*; во-вторыхъ,—что знаніе безъ любви вредно: *разумъ*, говоритъ, *кичитъ*; въ-третьихъ,—что и соединенное съ любовію не бываетъ полно и совершенно: *аще кто*, говоритъ, *мнится вѣдѣти что, не у что разумѣ, якоже подобаетъ разумѣти*; притомъ, это (знаніе) они имѣютъ не отъ себя, а отъ Бога, даровавшаго имъ, потому что не сказалъ: позналъ Бога, но: *познанъ бысть отъ Него*; и еще, это (знаніе) зависитъ отъ любви, которой они не имѣютъ столько, сколько нужно: *аще кто*, говоритъ, *любитъ Бога, сей познанъ бысть отъ Него*. Смиривъ такимъ образомъ гордость ихъ, онъ начинаетъ излагать ученіе и говоритъ: *о ядені же идоложертвенныхъ, вѣмы, яко идолъ ничтоже есть въ мірѣ, и яко никтоже Богъ инъ, токмо единъ* (ст. 4). Смотри, въ какомъ онъ находился затрудненіи. Онъ хочетъ доказать два предмета, и то, что надобно воздерживаться отъ та-

кой трапезы, и то, что она не можетъ вредить вкушающимъ отъ
нея; эти предметы не совсѣмъ согласуются между собою. Слыша, 163
что (идольскія жертвы) не причиняютъ вреда, (коринѳяне) могли
пользоваться ими, какъ безразличными; а слыша запрещеніе прикасаться къ нимъ, они могли подозрѣвать, что эти вещи запрещены потому, что могутъ вредить. Потому, опровергнувъ понятіе объ идолахъ, первою причиною воздержанія онъ поставляетъ соблазнъ братій. *О ядeніи же*, говоритъ, *идоложертвенныхъ, вѣмы, яко идолъ ничтоже есть въ мірѣ*. Опять обобщаетъ это знаніе, не усвояетъ его имъ однимъ, а приписываетъ всей веленной. Не у васъ только, говоритъ, но по всей землѣ извѣстно это ученіе. Какое? *Яко идолъ ничтоже есть въ мірѣ, и яко никтоже Богъ инъ, токмо единъ*. Но развѣ нѣтъ идоловъ? Развѣ нѣтъ кумировъ? Есть; но они не имѣютъ никакой силы, и не боги, а камни и демоны. Онъ обращается теперь къ людямъ двоякаго рода, болѣе грубымъ и болѣе любящимъ разсуждать; одни не видятъ въ идолахъ ничего, кромѣ камней, а другіе полагаютъ, что въ нихъ живутъ нѣкоторыя силы, которыя и называютъ богами. Первымъ онъ говоритъ: *идолъ ничтоже есть въ мірѣ*; а послѣднимъ: *никтоже Богъ инъ, токмо единъ*.

3. Видишь ли, какъ онъ излагаетъ это ученіе не просто, а приспособительно къ язычникамъ? И вездѣ надобно смотрѣть, безотносительно ли онъ говоритъ что-нибудь, или относительно къ кому-нибудь. Это не мало можетъ способствовать намъ къ точному познанію ученія и къ уразумѣнію сказаннаго. *Аще бо и суть глаголеміи бози, или на небеси, или на земли, якоже суть бози мнози, и господіе мнози: но намъ единъ Богъ Отецъ, изъ негоже вся, и мы у него: и единъ Господь Іисусъ Христосъ, имже вся, и мы тѣмъ* (ст. 5, 6). Такъ какъ онъ сказалъ, что идолъ—ничто и нѣтъ другого Бога, а между тѣмъ были и идолы и такъ называемые боги, то, чтобы не подумали, что онъ отвергаетъ очевидное, присовокупляетъ: *аще и суть глаголеміи бози*: хотя и есть (боги), не просто (боги), а *глаголеміи*, т. е. не дѣйствительно существующіе, а только такъ называемые. *Или на небеси, или на земли*. На небѣ разумѣетъ солнце, луну и остальной хоръ свѣтилъ, потому что язычники покланялись и имъ; а на землѣ—бѣсовъ и всѣхъ обоготворенныхъ людей. *Но намъ единъ Богъ Отецъ*. Прежде не употребилъ слова: *Отецъ*, когда сказалъ: *никтоже Богъ инъ, токмо единъ*; а теперь, когда рѣшительно отвергъ ихъ (языческихъ боговъ), прибавляетъ и это слово. Потомъ приводитъ важнѣйшее доказательство божества, именно: *изъ него же вся*. Отсюда видно, что эти (идолы)—не боги: *бози*, говоритъ (Писаніе), *иже небесе и земли не сотвориша, да погибнутъ* (Іер. x, 11). Далѣе предлагаетъ и дру-

гое не менѣе важное (доказательство): *и мы у него*. Словами: *изъ негоже вся* онъ указываетъ на сотвореніе и приведеніе изъ небытія въ бытіе; а словами: *и мы у него* указываетъ на вѣру и со-
164 единеніе съ Нимъ, какъ онъ говорилъ и выше: *изъ негоже вы есте о Христѣ Іисусѣ* (I, 30). Мы отъ Него двоякимъ образомъ: по бытію и по вѣрѣ, которая также есть твореніе, какъ онъ говоритъ въ другомъ мѣстѣ: *да оба созиждетъ собою во единаго новаго человѣка* (Ефес. II, 15). *И единъ Господь Іисусъ Христосъ, имже вся, и мы тѣмъ*. Сказанное надобно опять разумѣть и о Христѣ; чрезъ Него родъ человѣческій приведенъ и изъ небытія въ бытіе, и отъ заблужденія къ истинѣ, такъ что выраженіе: *изъ негоже* не значитъ—безъ Христа; мы сотворены Имъ чрезъ Христа. Самыя названія, употребленныя апостоломъ, не надобно разумѣть такъ, будто бы исключительно принадлежали—Сыну названіе *Господь*, а Отцу названіе *Богъ*. Въ Писаніи часто употребляется одно вмѣсто другого, напр., когда говорится: *рече Господь Господеви моему* (Пс. CIX, 1); и еще: *сего ради помаза Тя, Боже, Богъ твой* (Пс. XLIV, 8); и еще: *отъ нихже Христосъ по плоти, сый надъ всѣми Богъ* (Рим. IX, 5). И во многихъ другихъ мѣстахъ эти названія употребляются одно вмѣсто другого. Если бы каждое изъ нихъ исключительно принадлежало одному Лицу, если бы Сынъ не былъ Богомъ и такимъ Богомъ, какъ Отецъ, а былъ бы только Сыномъ, то Павелъ, сказавъ: *но намъ единъ Богъ*, напрасно прибавилъ бы слово: *Отецъ*, для означенія Нерожденнаго, потому что для этого достаточно было бы сказать слово: *Богъ*, еслибы оно принадлежало Ему одному. Не только это, но и другое еще можно сказать. Если же бы ты сказалъ, что Богъ названъ единымъ, а слѣдовательно имя Бога не свойственно Сыну, то смотри: и о Сынѣ сказано тоже самое; и Сынъ названъ *единымъ Господомъ*; однако мы не говоримъ, что поэтому имя Господа свойственно Ему одному. Потому, какое значеніе имѣетъ слово: *единъ* по отношенію къ Сыну, такое же и по отношенію къ Отцу; какъ то, что Сынъ называется единымъ Господомъ, не препятствуетъ Отцу быть Господомъ и такимъ же Господомъ, какъ Сынъ, такъ и то, что Отецъ называется единымъ Богомъ, не препятствуетъ Сыну быть Богомъ и такимъ же Богомъ, какъ Отецъ. Если же кто спроситъ: почему (апостолъ) не упомянулъ о Духѣ?—то мы отвѣтимъ: потому, что онъ говорилъ къ идолослужителямъ и опровергалъ ихъ ученіе о множествѣ боговъ и множествѣ господъ. Потому Онъ и назвалъ Отца Богомъ, а Сына Господомъ. Если же онъ не рѣшился здѣсь назвать Господомъ Отца вмѣстѣ съ Сыномъ, чтобы не думали, что онъ признаетъ двухъ Господъ, равно назвать Богомъ Сына вмѣстѣ съ Отцемъ, чтобы не поду-

мали, что онъ признаетъ двухъ Боговъ, то удивительно ли, что онъ не упомянулъ о Духѣ? Онъ здѣсь имѣлъ въ виду язычниковъ и доказывалъ, что мы не признаемъ многобожія; потому и повторяетъ часто слово: *единъ: никтоже*, говоритъ, *Богъ инъ, токмо единъ*, и: *намъ единъ Богъ и единъ Господь*. Отсюда видно, что онъ, изъ снисхожденія къ немощи слушателей, употребилъ такой образъ рѣчи и изъ-за этого не упомянулъ о Духѣ. А если бы не такъ, то и въ другихъ мѣстахъ не слѣдовало бы упоминать о Духѣ и поставлять Его наравнѣ съ Отцемъ и Сыномъ. Если бы (Духъ) не былъ равенъ Отцу и Сыну, то особенно не слѣдовало
бы поставлять Его наравнѣ (съ Ними) въ крещеніи, въ которомъ 165
преимущественно открывается достоинство Божества и сообщаются такіе дары, которые сообщать свойственно одному Богу.

4. Такимъ образомъ я показалъ причину, почему здѣсь умолчано (о Духѣ). Если же не такъ, то ты скажи: почему Онъ поставляется наравнѣ (съ Отцемъ и Сыномъ) въ крещеніи? Не можешь указать другой причины, кромѣ той, что Они равночестны. Потому (и Павелъ), когда нѣтъ подобной надобности, смотри, какъ поставляетъ Ихъ вмѣстѣ, говоря: *благодать Господа нашего Іисуса Христа, и любы Бога и Отца, и общеніе Святаго Духа со всѣми вами* (2 Кор. XIII, 13). И еще: *раздѣленія же дарованій суть, а тойжде Духъ: и раздѣленія служеній суть, а тойжде Господь: и раздѣленія дѣйствъ суть, а тойжде Богъ* (1 Кор. XII, 4—6). А здѣсь онъ обращаетъ рѣчь къ язычникамъ, и притомъ къ слабѣйшимъ изъ язычниковъ, и потому пока умалчиваетъ (о Духѣ). Тоже дѣлаютъ и пророки по отношенію къ Сыну: они нигдѣ ясно не упоминаютъ о Немъ по немощи слушателей. *Но не во всѣхъ разумъ* (знаніе), продолжаетъ (апостолъ) (ст. 7). Какое знаніе? О Богѣ или о жертвахъ идольскихъ? Здѣсь онъ указываетъ или на язычниковъ, которые признавали многихъ боговъ и господъ и не знали Бога истиннаго, или на слабѣйшихъ изъ язычниковъ, которые еще не сознавали ясно, что не должно бояться идоловъ и что *идолъ ничтоже есть въ мірѣ*. Этими словами онъ слегка утѣшаетъ и ободряетъ ихъ, такъ какъ здѣсь не слѣдовало высказывать всего, особенно потому, что онъ намѣревался послѣ съ большею силою вразумлять ихъ.

Нѣцыи же совѣстію идолскою даже доселѣ якоже идоложертвенное ядятъ, и совѣсть ихъ немощна сущи сквернится. Еще доселѣ, говоритъ, боятся идоловъ. Не указывай мнѣ на настоящее состояніе, въ которомъ ты находишься, принявъ благочестіе отъ предковъ, но обратись мыслію къ тѣмъ временамъ, когда лишь только началась проповѣдь, когда еще господствовало нечестіе, курились жертвенники, совершали жертвоприношенія и возлія-

нія, когда еще было весьма много язычниковъ, и представь, что должны были чувствовать тѣ, которые наслѣдовали нечестіе отъ предковъ, произошли отъ такихъ отцевъ, дѣдовъ и прадѣдовъ, терпѣли отъ злыхъ духовъ множество золъ, и лишь только обратились въ христіанство,—какъ они должны были страшиться и трепетать козней діавола. Ихъ и разумѣетъ (апостолъ), когда говоритъ: *нѣцыи же совѣстію идолскою*; не называетъ ихъ прямо, чтобы не оскорбить ихъ, и не совсѣмъ умалчиваетъ, а упоминаетъ объ нихъ неопредѣленно: *нѣцыи же*, говоритъ, *совѣстію идолскою даже доселѣ якоже идоложертвенное ядятъ*, т. е. съ такими же мыслями, съ какими ѣли прежде. *И совѣсть ихъ немощна сущи сквернится*, потому что еще не можетъ считать за ничто и совершенно презирать этихъ жертвъ, но остается еще въ сомнѣніи. Какъ если бы кто, прикасаясь къ мертвецу, считалъ это оскверненіемъ для себя, по іудейскому образу мыслей, а потомъ видя, что другіе съ чистою совѣстію прикасаются къ нему, и касаясь не съ тою же самою мыслію, осквернился бы, такъ было тогда и съ ними (коринѳянами). *Нѣцыи совѣстію идолскою даже доселѣ.* Не напрасно сказалъ: *даже доселѣ*, но чтобы показать, что безъ снисходительности (къ ближнимъ) нисколько не получается
166 пользы, и что слѣдуетъ вразумлять ихъ не такъ, а иначе, напримѣръ, словомъ и ученіемъ. *И совѣсть ихъ немощна сущи сквернится.* Доселѣ не говоритъ еще о сущности дѣла, а только всячески обращаетъ вниманіе на совѣсть вкушающаго, опасаясь, чтобы, исправляя слабаго, не оскорбить сильнаго и не сдѣлать его также слабымъ; равно щадитъ того и другого; даже не допускаетъ ихъ и помыслить что-нибудь такое, но пространно раскрываетъ свою мысль, чтобы не родилось какое-нибудь недоумѣніе. *Брашно же насъ не поставляетъ предъ Богомъ. Ниже бо аще ямы, избыточествуемъ: ниже аще не ямы, лишаемся* (ст. 8). Видишь ли, какъ онъ опять низлагаетъ гордость ихъ? Сказавъ, что не только они, но и *вси разумъ имамы*, что никто *не у что разумѣ, якоже подобаетъ разумѣти*, и что *разумъ кичитъ*, потомъ, утѣшивъ ихъ словами, что *не во всѣхъ разумъ* и что иные *сквернятся по немощи*, и (предупреждая), чтобы они не сказали: какое намъ дѣло, что не всѣ имѣютъ такое знаніе?—а почему такой-то не имѣетъ знанія?—почему онъ немощенъ?—чтобы они не возразили въ этомъ смыслѣ, (апостолъ) не прямо переходитъ къ заключенію, что надобно воздерживаться (отъ жертвъ идольскихъ), чтобы не причинить вреда ближнему, но, предварительно только указавъ на это, внушаетъ нѣчто болѣе важное. Что же такое? То, что хотя бы (невоздержаніе) и не причиняло никому вреда и не соблазняло ближняго,—и въ такомъ случаѣ не должно

этого дѣлать, потому что это было бы дѣло безполезное. Кто знаетъ, что какое-нибудь дѣло, хотя причиняетъ вредъ другому, но ему самому приноситъ пользу, тотъ не скоро оставитъ его, но скорѣе оставитъ тогда, когда убѣдится, что и онъ самъ не получитъ отъ того никакой пользы. Потому онъ напередъ и говоритъ: *брашно же насъ не поставляетъ предъ Богомъ*. Видишь ли, какъ онъ унижаетъ то, что повидимому происходило отъ совершеннаго знанія? *Ниже бо аще ямы, избыточествуемъ*, т. е. заслуживаемъ благоволенія Божія, какъ бы сдѣлавъ что-нибудь доброе и великое; *ниже аще не ямы, лишаемся*, т. е. получаемъ какой-нибудь уронъ.

5. Такимъ образомъ доселѣ онъ доказывалъ, что (ядепіе жертвъ идольскихъ) излишне и ничтожно, такъ какъ что̀ не приноситъ пользы, когда есть, и не вредитъ, когда нѣтъ, то излишне. Далѣе показываетъ весь происходящій отъ того вредъ, и напередъ вредъ для братіи. *Блюдите бо*, говоритъ, *да не како власть ваша сія преткновеніе будетъ немощнымъ изъ братій* (ст. 9). Не сказалъ: *власть ваша служитъ преткновеніемъ*, не выразилъ этого положительно, чтобы они не сдѣлались болѣе безстыдными,—но какъ? *Блюдите*, говоритъ, возбуждая въ нихъ опасеніе, стыдъ и рѣшимость не дѣлать этого. Не сказалъ: *разумъ вашъ сей*, или: *совершенство ваше сіе*, что означало бы больше похвалу, но: *власть*, чѣмъ выражалось болѣе ихъ безстыдство, дерзость и гордость. Не сказалъ: *братіямъ*, а: *немощнымъ* изъ бра̀тій, увеличивая виновность ихъ тѣмъ, что они не щадятъ даже немощныхъ, и притомъ братій. Ты не исправляешь и не поднимаешь брата,—пусть будетъ такъ; но для чего поставляешь ему препятствіе и доводишь его до паденія, тогда какъ надлежало бы подать руку? Ты не хочешь помочь ему; по крайней мѣрѣ не повергай же его. Если онъ порочень, то имѣетъ нужду въ исправленіи; а если немощенъ, то ему нужно врачеваніе. Между тѣмъ онъ не только немощенъ, но и братъ твой. *Аще бо кто видитъ тя, имуща разумъ, въ требищи возлежаща, не совѣсть ли его немощна сущи созиждется идоложертвенная ясти* (ст. 10)? Сказавъ: *блюдите, да не како власть ваша сія преткновеніе будетъ*, онъ объясняетъ, какъ и какимъ образомъ это бываетъ. Постоянно указываетъ на немощь, чтобы не подумали, что вредъ происходитъ отъ свойства самаго дѣла, и чтобы демоны не представлялись страшными. Теперь, говоритъ, (братъ твой) близокъ къ тому, чтобы совершенно оставить идоловъ: но когда онъ видитъ, что ты охотно ходишь къ нимъ, то принимаетъ это за руководство для себя и самъ дѣлаетъ тоже. Такимъ образомъ соблазнъ происходитъ не только отъ его немощи, но и отъ твоего неблагоразумія; ты дѣлаешь его еще болѣе

167

немощнымъ. *И погибнетъ немощный братъ въ твоемъ ядeніи* (βρώσει), *егоже ради Христосъ умре* (ст. 11). Наносимый тобою вредъ непростителенъ по двумъ причинамъ: потому, что ближній твой немощенъ, и потому, что онъ братъ твой; но есть еще и третья причина, самая страшная. Какая? Та, что Христосъ не отказался умереть за него, а ты не хочешь даже оказать ему снисхожденія. Этими словами (апостолъ) напоминаетъ совершенному, чѣмъ онъ самъ былъ прежде, и что Христосъ умеръ за него. Не говоритъ: за котораго тебѣ надлежало бы умереть, но гораздо сильнѣе: *егоже ради Христосъ умре*. Владыка твой не отказался умереть за него, а ты не обращаешь на него никакого вниманія, не хочешь для него воздержаться даже отъ нечистой трапезы, но попускаешь ему погибнуть послѣ того, какъ такимъ образомъ совершено его спасеніе, и, что всего тяжелѣе, изъ-за пищи. Не сказалъ: *въ твоемъ совершенствѣ*, или: *въ твоемъ разумѣ*, но: *въ твоемъ ядeніи*. Итакъ, здѣсь четыре вины, и весьма важныя, именно: твой братъ, немощный, столь любезный Христу, что Онъ даже умеръ за него, и притомъ изъ-за пищи подвергается погибели. *Такожде согрѣшающе въ братію, и біюще ихъ совѣсть немощну сущу, во Христа согрѣшаете* (ст. 12). Видишь ли, какъ постепенно и мало-по-малу онъ доказалъ, что вина ихъ есть самое тяжкое преступленіе? И здѣсь опять упоминаетъ о немощи ихъ (соблазняемыхъ), обращая вездѣ на собственную голову ихъ (соблазняющихъ) то, что они приводили въ свое оправданіе. Не сказалъ: *соблазняюще*, но: *біюще*, чтобы такимъ выразительнымъ словомъ показать жестокость ихъ. Въ самомъ дѣлѣ, кто можетъ быть жесточе человѣка, который бьетъ больного? А соблазнъ тяжелѣе всякаго удара; онъ нерѣдко причиняетъ даже смерть. Но почему соблазняющіе грѣшатъ противъ Христа? Во-первыхъ, потому, что касающееся рабовъ Его Онъ усвояетъ Себѣ; во-вторыхъ, подвергающіеся біенію составляютъ тѣло Его и члены Его; въ-третьихъ, они (біющіе), по гордости своей, разрушаютъ дѣло, которое Онъ совершилъ Своею смертію. *Тѣмже аще брашно соблазняетъ брата моего, не имамъ ясти мяса во вѣки* (ст. 13). Поступаетъ, какъ отличный наставникъ, доказывая собственнымъ примѣромъ то, чему учитъ. Не говоритъ: будетъ ли это справедливо, или несправедливо, но какъ бы то ни было. Я уже не говорю, продолжаетъ онъ, объ идольскихъ жертвахъ, которыя непозволительны и по другой причинѣ; но если соблазняетъ (брата моего) что-нибудь, зависящее отъ моей власти и дозволенное, я буду воздерживаться и отъ этого, не одинъ и не два дня, а во всю
168 мою жизнь. *Не имамъ ясти мяса во вѣки*. Не сказалъ далѣе: *да не погублю брата*, но только: *да не соблазню*. Подлинно, крайне

безумно тѣхъ, о которыхъ Христосъ такъ печется, что благоволилъ умереть за нихъ, считать столь презрѣнными, чтобы не воздерживаться для нихъ даже отъ пищи. Это не только относится къ нимъ (коринѳянамъ), но—умѣстно сказать—и къ намъ, которые пренебрегаемъ спасеніемъ ближнихъ и произносимъ такія же сатанинскія слова. Вѣдь говоритъ: какое мнѣ дѣло, что такой-то соблазняется и такой-то погибаетъ?—это поистинѣ сатанинская жестокость и безчеловѣчіе. Тогда соблазнъ происходилъ по крайней мѣрѣ отъ немощи соблазнявшихся, а у насъ не такъ; мы совершаемъ такіе грѣхи, которые соблазняютъ даже сильныхъ. Такъ, когда мы бьемъ, грабимъ, лихоимствуемъ и съ людьми свободными поступаемъ, какъ съ невольниками, то кого это не можетъ соблазнить? Не говори, что такой-то—сапожникъ, другой—красильщикъ, третій—мѣдникъ; но подумай о томъ, что онъ—вѣрующій и братъ. Мы—ученики рыбарей, мытарей, скинотворцевъ, ученики Того, Который воспитывался въ домѣ плотника и обрученную Невѣсту его удостоилъ избрать Своею Матерію, возлежалъ въ ясляхъ повитый пеленами, не имѣлъ гдѣ преклонить главу, ходилъ пѣшкомъ до того, что утомлялся на пути, и получалъ пропитаніе отъ другихъ.

6. Представляй все это и не считай ни за что великолѣпіе человѣческое. Признавай своимъ братомъ и скинотворца и того, кто ѣздитъ на колесницѣ, имѣетъ множество слугъ и величается на торжищѣ, даже перваго болѣе, нежели послѣдняго. Вѣдь справедливѣе называть братомъ того, въ комъ видно болѣе сходства. А кто болѣе подобенъ рыбарямъ? Тотъ ли, кто снискиваетъ себѣ пропитаніе ежедневными трудами, не имѣетъ ни слуги, ни собственнаго жилища, и во всемъ нуждается, или тотъ, кто окруженъ такимъ великолѣпіемъ и поступаетъ вопреки заповѣдямъ Божіимъ? Не презирай же того, кто болѣе братъ, кто ближе стоитъ къ апостольскому образу. Но, скажешь, онъ таковъ не добровольно, а по необходимости; онъ живетъ такъ не по своей волѣ. Откуда это (извѣстно)? Развѣ ты не слышалъ: *не судите, да не судими будете* (Мѳ. VII, 1)? А чтобы убѣдиться, что онъ таковъ не противъ воли, поди, предложи ему тысячи талантовъ золота, и увидишь, что онъ отвергнетъ ихъ. Если же онъ и отъ предковъ не получилъ богатства и, когда можно получить, не ищетъ его и не привязывается къ имуществу, то весьма ясно, что онъ презираетъ богатство. Такъ и Іоаннъ Заведеевъ былъ сынъ весьма бѣднаго человѣка (Марк. X, 35); но отсюда еще не слѣдуетъ, что бѣдность его была невольная. Потому, когда увидишь дровосѣка, или кузнеца, покрытаго сажею, не презирай его за это, а окажи ему за это почтеніе. Петръ также препоясывался,

бралъ въ руки неводъ и ловилъ рыбу, даже и послѣ воскресе-
нія Господа. И что я говорю о Петрѣ? Самъ Павелъ, по совер-
шеніи столь многихъ путешествій и столь многихъ чудесъ, жилъ
въ мастерской скинотворца и сшивалъ кожи; его чтили ангелы
и трепетали бѣсы, а онъ не стыдился говорить: *требованію моему
и сущимъ со мною послужисте руцѣ сіи* (Дѣян. xx, 34). И что я
говорю: не стыдился? Даже хвалился этимъ. Кто же, скажешь,
нынѣ равенъ въ добродѣтели Павлу? Знаю, что—никто; но изъ-за
этого и нынѣшнихъ бѣдныхъ не слѣдуетъ презирать. Хотя бы
кто изъ нихъ былъ самый послѣдній, но только вѣрующій, онъ
169 достоинъ почтенія для Христа. Такъ, если бы пришли къ тебѣ
военачальникъ и простой воинъ, оба приближенные къ царю, и
ты для нихъ обоихъ открылъ бы домъ свой, то въ лицѣ кото-
раго изъ нихъ ты болѣе показалъ бы почтенія къ царю? Оче-
видно, что въ лицѣ воина, такъ какъ военачальникъ и безъ бли-
зости къ царю имѣетъ много такого, что можетъ побудить тебя
оказать ему честь; а простой воинъ не имѣетъ ничего другого,
кромѣ близости къ царю. Богъ потому и заповѣдалъ намъ при-
зывать на вечери и пиршества хромыхъ, увѣчныхъ и не имѣю-
щихъ возможности воздать намъ съ своей стороны (Лук. xiv, 13),
что такія благодѣянія преимущественно и въ собственномъ смыслѣ
совершаются для Бога. Если ты принимаешь у себя человѣка
великаго и знатнаго, то твое пожертвованіе не есть чистая ми-
лостыня, но часто примѣшивается къ тому и тщеславіе, надежда
получить что-нибудь и прославиться чрезъ него предъ другими.
Я могъ бы указать на многихъ, которые для того благодѣтель-
ствуютъ извѣстнѣйшимъ изъ святыхъ, чтобы чрезъ нихъ полу-
чить большую довѣренность въ глазахъ начальниковъ и чрезъ
то привести въ лучшее состояніе свои обстоятельства и семей-
ныя дѣла, и даже испрашиваютъ себѣ у святыхъ многихъ по-
добныхъ милостей, что и уменьшаетъ цѣну ихъ благодѣяній,
170 совершаемыхъ съ такою цѣлію. Но для чего говорить о святыхъ?
Вообще, кто ищетъ отъ Бога воздаяній за труды свои здѣсь и
дѣлаетъ добро для настоящаго, тотъ уменьшаетъ свою награду;
а кто всѣхъ вѣнцевъ ожидаетъ тамъ, тотъ гораздо болѣе достоинъ
воздаянія, подобно Лазарю, который получилъ всѣ блага тамъ,—
подобно тремъ отрокамъ, которые, готовясь быть вверженными
въ пещь, говорили: *есть Богъ на небесѣхъ, силенъ изъяти насъ:
аще ли ни, вѣдомо да будетъ тебѣ, царю, яко богомъ твоимъ не слу-
жимъ, и образу златому, егоже поставилъ еси, не кланяемся* (Дан.
ш, 17, 18),—подобно Аврааму, который возвелъ на гору сына
своего и хотѣлъ заклать его, дѣлая это не для какой-нибудь на-
грады, но поставляя величайшею и единственною для себя награ-

дою повиноваться Владыкѣ. Будемъ и мы подражать имъ. Если мы станемъ дѣлать все съ такимъ расположеніемъ, то получимъ въ воздаяніе изобильныя блага и удостоимся блистательныхъ вѣнцевъ, которыхъ да сподобимся всѣ мы, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XXI.

Нѣсмь ли апостолъ? Нѣсмь ли свободь? Не Іисуса Христа ли Господа нашего видѣхъ? Не дѣло ли мое вы есте о Господѣ (1 Кор. IX, 1)? 169

1. Выраженнаго въ словахъ: *аще брашно соблазняетъ брата моего, не имамъ ясти мяса во вѣки*, (апостолъ) еще не сдѣлалъ, а только изъявилъ готовность сдѣлать это, если потребуетъ нужда. Потому, чтобы кто-нибудь не сказалъ: „ты только хвалишься, показываешь любомудріе на словахъ и обѣщаешь,—что легко и для меня и для всякаго другого,—если же говоришь отъ души, то покажи на дѣлѣ, отъ чего ты отказался, чтобы не соблазнить брата“, онъ находитъ нужнымъ объяснить это и показать, какъ онъ воздерживался даже отъ позволеннаго, чтобы не соблазнить кого-нибудь, тогда какъ никакой законъ не принуждалъ его къ тому. Не то только удивительно,—хотя и это само по себѣ удивительно,—что онъ воздерживался отъ позволеннаго, лишь бы не соблазнить, но и то, что воздерживался съ великимъ трудомъ и среди опасностей. Для чего, говоритъ, толковать объ идольскихъ жертвахъ? Христосъ заповѣдалъ проповѣдникамъ евангелія получать содержаніе отъ поучаемыхъ, но я не дѣлалъ и этого, а рѣшился, въ случаѣ нужды, мучиться голодомъ и подвергнуться самой тяжкой смерти, только бы ничего не брать отъ поучаемыхъ, не потому, чтобы они соблазнялись, если бы я взялъ что-нибудь, но чтобы они назидались, что гораздо важнѣе. И свидѣтелями этого представляетъ ихъ самихъ, у которыхъ онъ работалъ, терпѣлъ голодъ, получалъ пропитаніе отъ другихъ и находился въ стѣснительномъ положеніи, чтобы не соблазнить ихъ, хотя они напрасно стали бы соблазняться, потому что это было бы дѣло законное: такъ много онъ щадилъ ихъ! Если же онъ самъ поступалъ выше закона, чтобы не подать повода къ соблазну, и воздерживался отъ позволеннаго въ назиданіе другимъ, то чего достойны они, не воздерживаясь отъ идольскихъ

жертвъ, тогда какъ много отъ того погибаютъ, и притомъ тогда, какъ и безъ соблазна слѣдовало бы воздерживаться по-
170 тому, что это бѣсовская трапеза? Вотъ главное содержаніе слѣдующимъ многихъ стиховъ. Но надобно возвратиться къ ранѣе предложенному, потому что, какъ я сказалъ, онъ изложилъ это не совсѣмъ ясно и высказалъ не вдругъ, а началъ издалека. *Нѣсмь ли апостолъ?* говоритъ онъ,—такъ какъ, кромѣ сказаннаго, и то немаловажно, что это дѣлалъ Павелъ. Чтобы (коринѳяне) не сказали, что можно ѣсть идоложертвенное, оградивъ себя крестнымъ знаменіемъ, онъ сначала не опровергаетъ этого и говоритъ, что, хотя бы и можно было, не должно дѣлать для избѣжанія соблазна братій; а потомъ показываетъ, что и не можно. Первое доказываетъ собственнымъ примѣромъ; и намѣреваясь говорить о томъ, что ничего не бралъ отъ нихъ, не вдругъ высказываетъ это, а говоритъ прежде о своемъ достоинствѣ: *нѣсмь ли апостолъ? Нѣсмь ли свободь?* Чтобы они не сказали: если ты не бралъ, то не бралъ потому, что нельзя было брать,—для этого онъ сперва излагаетъ причины, по которымъ справедливо могъ брать, если бы хотѣлъ.

Далѣе, чтобы не подумали, что онъ говоритъ это въ укоризну спутникамъ Петра, которые брали, доказываетъ напередъ, что имъ можно было брать. Потомъ, чтобы не сказали: Петру можно было брать, а тебѣ нельзя,—предупреждаетъ это похвалами самому себѣ. Видя, что ему предстоитъ необходимость хвалить самого себя,—а такимъ образомъ и можно было исправить коринѳянъ,—и не желая говорить о себѣ много, смотри, какъ мудро онъ исполняетъ то и другое, похваляя себя не столько, сколько сознавалъ въ себѣ, но сколько требовало настоящее дѣло. Онъ могъ бы сказать: мнѣ преимущественно предъ всѣми слѣдуетъ брать и болѣе другихъ, потому что я болѣе ихъ потрудился; но не указываетъ на такое свое преимущество, а говоритъ только о томъ, чѣмъ и другіе отличались и почему они имѣли право брать: *нѣсмь ли*, говоритъ, *апостолъ? Нѣсмь ли свободь?* т. е., не имѣю ли я власти надъ собою? Развѣ кто имѣетъ власть останавливать меня или запрещать мнѣ брать? Правда, другіе имѣли то пре-
171 имущество, что они были со Христомъ; но, говоритъ, и я не лишенъ этого: *не Іисуса Христа ли Господа нашего видѣхъ? Послѣди же всѣхъ*, говоритъ онъ (въ другомъ мѣстѣ), *яко нѣкоему извергу явися и мнѣ* (1 Кор. xv, 8). А это также немаловажно. *Мнози бо*, сказалъ (Господь), *пророцы и праведницы вожделѣша видѣти, яже видите, и не видѣша* (Мѳ., xiii, 17). И еще: *пріидутъ дніе, егда вожделѣете единаго дне сего видѣти* (Лук. xvii, 22). Положимъ, что ты апостолъ, свободенъ и видѣлъ Христа: но что если ты не совер-

шилъ апостольскаго дѣла, за которое имѣлъ бы право брать? Въ отвѣтъ на это онъ и присовокупляетъ: *не дѣло ли мое вы есте о Господѣ?* Это весьма важно; безъ этого и другія преимущества не принесли бы никакой пользы. И Іуда былъ апостолъ, и свободенъ, и видѣлъ Христа; но такъ какъ онъ не совершилъ дѣла апостольскаго, то не получилъ отъ всего этого никакой пользы. Потому онъ говоритъ и объ этомъ и свидѣтелями представляетъ ихъ самихъ. А такъ какъ онъ сказалъ здѣсь нѣчто великое, то, смотри, какъ опредѣляетъ это словомъ: *о Господѣ*, т. е. вы—дѣло Божіе, а не мое. *Аще инымъ и нѣсмь апостолъ, но обаче вамъ есмь* (ст. 2).

2. Видишь ли, какъ онъ не говоритъ лишняго? Онъ могъ бы указать на вселенную, на народы варварскіе, на землю и море; но не высказываетъ ничего такого, а говоритъ относительно къ нимъ и побѣждаетъ тѣмъ сильнѣе. Какая мнѣ нужда, говоритъ, распространяться слишкомъ много, когда и этого достаточно для настоящаго предмета? Я не говорю о подвигахъ, совершенныхъ мною у другихъ, а о тѣхъ, которыхъ вы сами свидѣтели; потому, если не отъ другихъ, то отъ васъ особенно мнѣ можно было брать. Но отъ кого особенно слѣдовало мнѣ брать,—вѣдь я былъ вашимъ учителемъ,—и отъ тѣхъ я не бралъ. *Аще инымъ и нѣсмь апостолъ, но обаче вамъ есмь:* опять говоритъ относительно. Онъ былъ апостоломъ вселенной; но я не говорю объ этомъ, продолжаетъ онъ, не спорю, не настаиваю, а упоминаю о томъ, что къ вамъ относится. *Печать бо моего апостольства вы есте*, т. е. доказательство. Кто хочетъ убѣдиться, говоритъ, въ моемъ апостольствѣ, тому я указываю на васъ. Все, свойственное апостолу, я сдѣлалъ у васъ и ничего не упустилъ. Тоже онъ изъясняетъ во второмъ посланіи: *аще и ничтоже есмь, знаменія же апостолова содѣяшася въ васъ во всякомъ терпѣніи, въ знаменіихъ, и чудесѣхъ, и силахъ. Что бо есть, егоже лишистеся паче прочихъ церквей* (2 Кор. XII, 11, 12, 13)? Потому и говоритъ: *печать моего апостольства вы есте.* У васъ я и показывалъ знаменія, и училъ словомъ, и подвергался опасностямъ, и проводилъ безукоризненную жизнь. Все это можно видѣть въ двухъ его посланіяхъ къ нимъ, въ которыхъ онъ со всею точностію изъясняетъ каждый изъ этихъ подвиговъ. *Мой отвѣтъ востязующымъ мене сей есть* (ст. 3). Что значитъ: *мой отвѣтъ востязующымъ мене сей есть?* Для тѣхъ, которые хотятъ знать, почему я апостолъ, или обвиняютъ меня, будто я беру деньги, или спрашиваютъ о причинѣ, почему не беру, или стараются доказать, что я не апостолъ, доказательствомъ и оправданіемъ моимъ служитъ ваше наученіе и то, что я намѣренъ сказать. Что же это такое? *Еда не имамы*

власти ясти и пити? Еда не имамы власти сестру жену водити
172 (ст. 4, 5)? Какъ же это можетъ служить оправданіемъ? Когда извѣстно, что я воздерживаюсь даже отъ позволеннаго, то несправедливо было бы подозрѣвать меня, будто я обманываю, или дѣлаю что-нибудь за деньги. Такимъ образомъ и сказанное прежде, и преподанное вамъ ученіе, и сказанное теперь достаточно къ моему оправданію предъ вами, и противъ всѣхъ, осуждающихъ меня, я неизмѣнно утверждаю какъ вышесказанное, такъ и слѣдующее: *еда не имамы власти ясти и пити? Еда не имамы власти сестру жену водити?* Но не смотря на то, что имѣю власть, я воздерживаюсь. Неужели же онъ ни ѣлъ, ни пилъ? Дѣйствительно, часто ни ѣлъ, ни пилъ. *Во алчбѣ*, говоритъ, *и жаждѣ, въ холодѣ и наготѣ быхомъ* (2 Кор. xi, 27). Впрочемъ здѣсь онъ не то разумѣетъ, а что? Мы не ѣдимъ и не пьемъ на счетъ учениковъ, хотя и имѣемъ право брать отъ нихъ. *Еда не имамы власти сестру жену водити, яко и прочіи апостоли, и братія Господня, и Кифа?*

Видишь ли мудрость его? Верховнаго (апостола) онъ поставляетъ послѣ; самое сильное доказательство помѣщаетъ на концѣ, потому что указаніе на другихъ, дѣлающихъ это, не было бы такъ разительно, какъ указаніе на перваго (апостола), которому ввѣрены ключи царствія небеснаго. Впрочемъ онъ указываетъ не на него одного, а на всѣхъ, и какъ бы такъ говоритъ: посмотришь ли на низшихъ, или на высшихъ, всѣ они служатъ примѣромъ. Братія Господа, оставившіе прежнее невѣріе, были также достославны, хотя и не равнялись съ апостолами; потому онъ и поставляетъ ихъ въ срединѣ, помѣщая главныхъ прежде и послѣ нихъ. *Или единъ азъ и Варнава не имамы власти еже не дѣлати* (ст. 6)? Видишь ли, какъ душа его смиренномудра и чиста отъ всякой зависти, какъ онъ не умалчиваетъ о томъ, кто участвовалъ въ трудахъ его? Если все прочее у насъ съ ними общее, то почему и этому не быть общимъ? И тѣ и мы—апостолы, и свободны, и видѣли Христа, и совершили, что слѣдуетъ апостоламъ; потому и мы имѣемъ право жить безъ трудовъ и получать содержаніе отъ учениковъ. *Кто воинствуетъ своими оброки когда* (ст. 7)? Приведши сильнѣйшее доказательство—примѣръ апостоловъ—на то, что можно дѣлать это, онъ теперь, по своему обыкновенію, обращается къ сравненіямъ и общепринятымъ обычаямъ и говоритъ: *кто воинствуетъ своими оброки?* Посмотри, какъ приличны настоящему предмету приводимыя имъ сравненія, и какъ онъ упоминаетъ напередъ о дѣлѣ, соединенномъ съ опасностями,—о воинской службѣ, оружіи и войнѣ. Таково и апостольство, и даже гораздо труднѣе. И у апостоловъ была брань не только съ людьми, но съ бѣсами

и съ предводителемъ ихъ. Смыслъ словъ его слѣдующій: если и внѣшніе (языческіе) начальники, жестокіе и несправедливые, не требуютъ отъ воиновъ, чтобы они шли на войну и подвергались опасностямъ, и между тѣмъ содержали сами себя, то возможно ли, чтобы Христосъ требовалъ этого (отъ апостоловъ)? И онъ не довольствуется однимъ сравненіемъ,—потому что обыкновенно простой и грубый человѣкъ скорѣе убѣждается тогда, когда видитъ, что общепринятый обычай согласуется съ заповѣдями Божіими.

3. Потому онъ приводитъ другое и говоритъ: *кто насаждаетъ виноградъ, и отъ плода его не ястъ?* Первымъ онъ выразилъ опасности, а послѣднимъ трудъ, великую ревность и усердіе. Потомъ присовокупляетъ третье сравненіе: *кто*, говоритъ, *пасетъ стадо, и отъ млека его не ястъ?* Этимъ означаетъ великую заботливость, какую свойственно имѣть учителю объ ученикахъ. Апостолы были и воины, и земледѣльцы, и пастыри, имѣвшіе дѣло не съ землею, не съ безсловесными животными, не съ чувственными врагами, а съ разумными душами и съ бѣсовскими ополченіями. Замѣть, какъ онъ вездѣ соблюдаетъ соразмѣрность, стараясь сказать только полезное, а не излишнее. Не сказалъ: какой воинъ служитъ и не богатѣетъ? но: *кто воинствуетъ своими оброки когда?* Не сказалъ: *кто насаждаетъ виноградъ*, и не извлекаетъ золота, или не собираетъ всего плода? но: *отъ плода его не ястъ?* Не сказалъ: кто, пася стадо, не продаетъ ягнятъ? но какъ?—*и отъ млека его не ястъ?* Не отъ ягнятъ, а *отъ млека*, выражая этимъ, что учитель долженъ довольствоваться малымъ утѣшеніемъ и одною только необходимою пищею. Это относится къ тѣмъ, которые хотятъ поѣдать все и собирать всѣ плоды. Такъ заповѣдалъ и Господь, когда сказалъ: *достоинъ дѣлатель пищи* (τροφῆς) *своея* (Мат. x, 10). И не одно это внушаетъ (апостолъ) такими сравненіями, а показываетъ и то, каковъ долженъ быть священникъ. Онъ долженъ имѣть мужество воина, трудолюбіе земледѣльца и попечительность пастыря, и при всемъ томъ не желать ничего, кромѣ необходимаго. Доказавъ и примѣромъ апостоловъ и сравненіями изъ жизни, что учителю не запрещено брать, (Павелъ) приступаетъ къ третьему доказательству и говоритъ: *еда по человѣку сія глаголю? Не и законъ ли сія глаголетъ* (ст. 8)? Доселѣ онъ не приводилъ ничего изъ Писаній, а ссылался на общепринятый обычай; потому не подумайте, говоритъ, что я основываюсь на этомъ одномъ, и утверждаю заповѣдь на мнѣніи человѣческомъ; я могу доказать, что такъ угодно Богу, и привести древній законъ, который повелѣваетъ тоже. Здѣсь онъ продолжаетъ рѣчь вопросомъ, какъ бываетъ (въ бесѣдѣ) о

чемъ-нибудь совершенно извѣстномъ, и говоритъ: *еда по человѣку сія глаголю?* т. е. развѣ я основываюсь только на человѣческихъ обычаяхъ? *Не и законъ ли сія глаголетъ? Въ Моисеовѣ бо законѣ писано: да не заградиши устенъ вола молотяща* (ст. 9). Для чего онъ упоминаетъ объ этомъ, имѣя примѣръ (іудейскихъ) священниковъ? Чтобы сильнѣе доказать свою мысль. Потомъ, чтобы кто не возразилъ: какое намъ дѣло до того, что сказано о волахъ?—обстоятельно изъясняетъ это и говоритъ: *еда о воловѣхъ не радитъ Богъ?* Неужели же, скажи мнѣ, Богъ не печется о волахъ? Печется, но не столько, чтобы поставлять о нихъ особый законъ. Если бы Богъ не имѣлъ въ виду чего-нибудь важнѣйшаго, если бы не хотѣлъ примѣромъ безсловесныхъ научить іудеевъ человѣколюбію и вмѣстѣ съ тѣмъ напомнить имъ объ учителяхъ, то не оказалъ бы такого попеченія о волахъ, чтобы предписывать законъ о незагражденіи устъ ихъ. Отсюда видно и дру-
174 гое,—какъ великъ бываетъ и долженъ быть трудъ учителя, и—еще нѣчто. Что же такое? То, что сказанное въ ветхомъ завѣтѣ касательно попеченія о животныхъ преимущественно относится къ назиданію людей, равно какъ и все другое, напримѣръ, сказанное о разныхъ одеждахъ, о виноградникахъ, о сѣменахъ, о томъ, чтобы не засѣвать землю разными сѣменами, о проказѣ и, можно сказать, обо всемъ прочемъ. Такъ какъ (слушатели) были люди грубые, то онъ говорилъ имъ такъ, чтобы возводить ихъ (къ разумѣнію) мало-по-малу. Впрочемъ (апостолъ) не доказываетъ того, что ясно и очевидно само по себѣ. Сказавъ: *еда о воловѣхъ не радитъ Богъ,* продолжаетъ: *или насъ ради всяко глаголетъ* (ст. 10)? Не напрасно поставилъ слово: *всяко,* но чтобы не подать слушателю повода возразить что-нибудь. Между тѣмъ продолжаетъ метафору и говоритъ: *насъ бо ради писася, яко о надеждѣ долженъ есть оряй орати,* т. е. учитель долженъ получать возмездіе за труды, *и молотяй съ надеждою своего упованія причащатися.* Посмотри на мудрость его: отъ сѣянія онъ переходитъ къ молотьбѣ, и тѣмъ опять внушаетъ, какъ велики труды учителей, которые сами и пашутъ и молотятъ, и такъ какъ *оряй* еще не можетъ ничего собирать, а долженъ только трудиться, то предоставляетъ ему *надежду;* а молотящему предоставляетъ уже пользованіе плодами: *и молотяй,* говоритъ, *упованія своего причащается.*

4. Далѣе, чтобы кто не сказалъ: это ли возмездіе за такіе труды?—онъ прибавляетъ: *съ надеждою,* т. е. на будущее. Такимъ образомъ законъ о незагражденіи устъ вола означаетъ не что иное, какъ то, что трудящіеся учители должны получать вознагражденіе. *Аще мы духовная сѣяхомъ вамъ, велико ли, аще мы ваша*

тѣлесная пожнемъ (ст. 11)? Вотъ и четвертое доказательство того, что надобно доставлять (пропитаніе учителямъ). Сказавъ: *кто воинствуетъ своими оброки когда?—кто насаждаетъ виноградъ?—кто пасетъ стадо?*—указавъ на *вола молотяща*,—онъ приводитъ новую основательнѣйшую причину, почему они имѣютъ право брать, именно ту, что они не только трудятся, но и сами доставляютъ ученикамъ гораздо важнѣйшее. Что же значитъ: *аще мы духовная сѣяхомъ вамъ, велико ли, аще мы ваша тѣлесная пожнемъ?* Видишь ли причину справедливѣйшую и основательнѣйшую прежнихъ? Тамъ, говоритъ, вещественныя сѣмена и вещественный плодъ; здѣсь же не такъ, но сѣмя духовное, а воздаяніе вещественное. Чтобы доставляющіе что-нибудь учителямъ не думали о себѣ много, онъ показываетъ, что они больше получаютъ, нежели даютъ. Земледѣльцы, что посѣютъ, то и пожинаютъ; а мы сѣемъ въ душахъ вашихъ духовное, а пожинаемъ вещественное, потому что такова доставляемая намъ пища. Потомъ еще болѣе пристыжаетъ ихъ: *аще*, говоритъ, *иніи власти вашея причащаются, не паче ли мы* (ст. 12)? Вотъ еще иное доказательство, заимствованное также отъ примѣровъ, только не такихъ, какъ прежніе: здѣсь онъ говоритъ не о Петрѣ, не объ апостолахъ, а о нѣкоторыхъ лжеучителяхъ, противъ которыхъ послѣ возстаетъ и о которыхъ говоритъ: *аще кто васъ поядаетъ, аще кто отъемлетъ, аще кто величается, аще кто по лицу біетъ вы* (2 Кор. xi, 20). Онъ теперь уже предначинаетъ борьбу съ ними, и потому не говоритъ: если другіе берутъ съ васъ; но, изображая ихъ дерзость, насиліе, корыстолюбіе, говоритъ: *аще* 175 *иніи власти вашея причащаются*, т. е. управляютъ вами, обладаютъ, поступаютъ съ вами, какъ съ рабами, не только берутъ съ васъ, но и съ великимъ настояніемъ и дерзостію. Затѣмъ продолжаетъ: *не паче ли мы?* Этого онъ не сказалъ бы, если бы говорилъ здѣсь объ апостолахъ; но очевидно, что онъ намекаетъ на какихъ-то зловредныхъ людей и обольстителей. Слѣдовательно, кромѣ закона Моисеева, вы и сами, говоритъ, постановили правиломъ доставлять (содержаніе учителямъ). Сказавъ: *не паче ли мы*, онъ не доказываетъ, почему такъ, но предоставляетъ это суду ихъ совѣсти, а вмѣстѣ съ тѣмъ желаетъ еще болѣе и устрашить ихъ и пристыдить. *Но не сотворихомъ по области сей*, т. е. мы не брали. Смотри, послѣ сколькихъ доказательствъ того, что брать—дѣло не беззаконное, онъ, наконецъ, сказалъ: мы не беремъ,—чтобы не подумали, что онъ воздерживается отъ этого, какъ отъ запрещеннаго. Не потому, говоритъ, я не беру, что не позволительно; это позволительно, какъ мы доказали многими примѣрами—и апостоловъ, и житейскими, какъ-то: воина, земле-

дѣльца, пастыря, закономъ Моисеевымъ, самымъ существомъ дѣла, такъ какъ мы *духовная сѣяхомъ вамъ*, и наконецъ тѣмъ, что вы сами дѣлаете это въ отношеніи къ другимъ. Но *(не сотворихомъ)*, говоритъ съ одной стороны для того, чтобы не подумали, будто онъ осуждаетъ апостоловъ, которые брали, чтобы пристыдить (коринѳянъ) и показать, что онъ воздерживается отъ этого, не какъ отъ запрещеннаго; а съ другой стороны, чтобы послѣ многихъ доводовъ и многихъ примѣровъ, доказывающихъ право на полученіе, не подумали, что онъ самъ хочетъ брать и съ этою цѣлію говоритъ все это,—онъ предотвращаетъ и такое подозрѣніе. Впослѣдствіи онъ выразилъ это яснѣе въ словахъ: *не писахъ же сія, да тако будетъ о мнѣ* (1 Кор. IX, 15); а здѣсь говоритъ: *не сотворихомъ по области сей*. И притомъ, что еще важнѣе, никто не можетъ сказать, будто мы *не сотворихомъ* потому, что жили въ изобиліи; нѣтъ, и будучи въ нуждѣ, мы не уступили нуждѣ. Тоже онъ говоритъ во второмъ посланіи: *отъ иныхъ церквей уяхъ, пріимъ оброкъ къ вашему служенію: и пришедъ къ вамъ и въ скудости бывъ, не стужихъ ни единому* (2 Кор. XI, 8); также и въ настоящемъ посланіи: *и алчемъ, и жаждемъ, и наготуемъ, и страждемъ* (1 Кор. IV, 11). И здѣсь опять намекаетъ на тоже словами: *но вся терпимъ*. Выраженіе: *вся терпимъ* и означаетъ и голодъ, и великую нужду, и всѣ другія бѣдствія. Однако все это, говоритъ, не принудило насъ нарушить законъ, который мы сами для себя постановили. Почему? *Да не прекращеніе* (ἐγκοπὴν—препятствіе) *кое дамы благовѣствованію Христову*. Коринѳяне были немощны; потому, говоритъ, чтобы не соблазнить васъ, принимая (мзду) отъ васъ, мы рѣшились лучше дѣлать болѣе, чѣмъ сколько заповѣдано, нежели полагать какую-нибудь преграду благовѣствованію, т. е. наученію вашему. Если же мы не дѣлали даже позволеннаго намъ, тогда какъ терпѣли великую нужду и имѣли въ свою пользу примѣръ апостоловъ, *да не прекращеніе дамы*,—не сказалъ: уничтоженіе, но: *прекращеніе*, и не просто прекращеніе, но: *прекращеніе кое*, т. е. чтобы не причинить ни малѣйшаго замедленія и остановки въ распространеніи слова; если, говоритъ, мы показали столько усердія, то тѣмъ болѣе слѣдуетъ воздерживаться вамъ, которые и весьма далеки отъ апостоловъ и не можете указать на законъ, позволяющій это, а напротивъ касаетесь запрещеннаго и причиняю-
176 щаго великій вредъ, не только что замедленіе, евангельской проповѣди, и притомъ не имѣете въ виду настоятельной нужды. Все это онъ сказалъ тѣмъ, которые вкушеніемъ идольскихъ жертвъ соблазняли немощнѣйшихъ братій.

5. Слыша это, возлюбленные, не будемъ и мы презирать

соблазняющихся, чтобы не положить какой-нибудь преграды благовѣствованію Христову и не утратить своего спасенія. Если братъ соблазняется, не говори мнѣ: то и то, чѣмъ онъ соблазняется, не запрещено, а позволено. Я скажу тебѣ болѣе: если бы это позволено было самимъ Христомъ, а ты видишь, что кто-нибудь соблазняется, то воздержись и не пользуйся позволеніемъ. Такъ поступалъ и Павелъ, имѣвшій право брать по дозволенію Христову, но не бравшій. Человѣколюбивый Владыка преподалъ заповѣди свои съ великою снисходительностію, чтобы мы дѣлали многое не по одному повелѣнію, но и по собственному расположенію. Онъ могъ, если бы хотѣлъ, увеличить строгость заповѣдей и сказать: кто не постится всегда, того наказывать; кто не хранитъ дѣвства, того предавать мученію; кто не раздаетъ всего имѣнія, того подвергать жестокой казни; однако не сдѣлалъ этого, предоставивъ тебѣ самому, если захочешь, дѣлать болѣе предписаннаго. Потому, бесѣдуя о дѣвствѣ, Онъ сказалъ: *могій вмѣстити, да вмѣститъ* (Мѳ. XIX, 12); и богатому одно повелѣлъ, а другое предоставилъ собственному его расположенію; не сказалъ: *продаждь имѣніе*, но: *аще хощеши совершенъ быти*, *продаждь* (Мѳ. XIX, 21). А мы не только не дѣлаемъ ничего болѣе предписаннаго и не простираемся далѣе заповѣданнаго, но далеко отстаемъ и отъ опредѣленнаго заповѣдями. Павелъ терпѣлъ голодъ, чтобы не положить преграды благовѣствованію; а мы не хотимъ прикоснуться къ сокровищамъ своимъ, хотя видимъ множество душъ погибающихъ. Пусть, говорятъ, съѣдаетъ моль, а не насыщается бѣдный; пусть истребляетъ червь, а не одѣвается нагой; пусть уничтожаетъ время, а не питается алчущій Христосъ.

Но, скажешь, кто же говоритъ такъ? То и прискорбно, что такъ говорятъ не словами, а дѣлами; не столь было бы тяжело, если бы говорили это на словахъ, а на дѣлѣ не исполняли. Не такъ ли ежедневно внушаетъ своимъ плѣнникамъ жестокій и безчеловѣчный тиранъ—сребролюбіе: пусть ваши сокровища обращаются въ пользу клеветниковъ, разбойниковъ и воровъ, а не на пропитаніе алчущихъ и нуждающихся? Не вы ли производите разбойниковъ? Не вы ли питаете огонь страсти у завистниковъ? Не вы ли вызываете воровъ и грабителей, выставляя имъ, какъ нѣкоторую приманку, свое богатство? Какое безуміе! Подлинно безуміе и явная нелѣпость—наполнять одеждами сундуки, а не обращать вниманія на того, кто сотворенъ по образу и по подобію Божію, и не имѣетъ одежды, дрожитъ отъ холода и едва держится на ногахъ. Но, скажешь, онъ притворяется дрожащимъ и немощнымъ. И ты не боишься такими словами навлечь на

себя молнію свыше? Простите, я дрожу отъ гнѣва. Ты пресыщаешься, утучняешь себя, продолжаешь упиваться до глубокой ночи, нѣжишься на мягкихъ коврахъ и не думаешь отдавать
177 отчета въ такомъ беззаконномъ употребленіи даровъ Божіихъ,— вѣдь вино не для того, чтобы мы упивались; пища не для того, чтобы мы пресыщались; яства не для того, чтобы мы расторгали ими свое чрево,—а отъ бѣднаго, несчастнаго, который ничѣмъ не лучше мертвеца, ты требуешь строгаго отчета, и не боишься грознаго и страшнаго суда Христова? Если онъ и притворяется, то притворяется по бѣдности и по необходимости, по причинѣ твоего жестокосердія и безчеловѣчія, требующаго такого притворства и иначе не преклоняющагося на милость. Кто, въ самомъ дѣлѣ, такъ несчастливъ и жалокъ, чтобы безъ всякой нужды, для куска хлѣба, принимать столь безобразный видъ, терзать себя и терпѣть такую муку? Итакъ, притворство его возвѣщаетъ всѣмъ о твоемъ безчеловѣчіи. Если онъ проситъ, умоляетъ, говоритъ жалостныя слова, плачетъ, рыдаетъ, скитается цѣлый день и не находитъ необходимой пищи, то, можетъ быть, и придумалъ такую хитрость, которая не столько ему, сколько тебѣ, служитъ безчестіемъ и обвиненіемъ. Онъ достоинъ состраданія, что дошелъ до такой крайности; а мы достойны тысячи казней, что принуждаемъ бѣдныхъ прибѣгать къ этому. Если бы мы легко склонялись на милость, то онъ никогда не рѣшился бы подвергнуться этому. Что я говорю о наготѣ и дрожаніи (отъ холода)? Скажу нѣчто, еще болѣе ужасное: нѣкоторые принуждены были ослѣплять малолѣтнихъ дѣтей, чтобы тронуть наше безчувствіе. Такъ какъ, скитаясь зрячими и обнаженными, они не могли привлечь вниманіе жестокосердыхъ ни нѣжностію возраста, ни несчастіемъ, то присоединяли къ своимъ бѣдствіямъ еще другое плачевнѣйшее бѣдствіе для утоленія голода, находя болѣе легкимъ лишиться общаго свѣта и дарованныхъ всѣмъ лучей солнечныхъ, нежели непрестанно бороться съ голодомъ и подвергнуться самой жалкой смерти. Вы не привыкли сострадать бѣдности, а забавляетесь несчастіями; потому они и удовлетворяютъ вашему ненасытному желанію, возжигая и въ себѣ и въ васъ пламень, лютѣйшій геенны. А чтобы вы убѣдились, что все это и подобное тому происходитъ именно по этой причинѣ, я представлю вамъ несомнѣнное доказательство, которому никто противорѣчить не можетъ. Есть бѣдные, легкомысленные и малодушные, которые не могутъ переносить голода и готовы терпѣть все другое, кромѣ этого. Они, неоднократно приступая къ вамъ съ жалкимъ видомъ и жалостными словами, но не получивъ никакой помощи, наконецъ оставляютъ просьбы и прибѣгаютъ къ

хитростямъ не хуже кудесниковъ: одни жуютъ кожу изношенной обуви, другіе вбиваютъ въ голову острые гвозди, иные ложатся на замерзшую отъ холода воду голымъ желудкомъ, а иные подвергаютъ себя еще болѣе нелѣпымъ (мученіямъ), чтобы представить жалкое зрѣлище.

6. Между тѣмъ какъ это дѣлается, ты стоишь и смѣешься, удивляясь и утѣшаясь бѣдствіями другихъ, подвергающихъ посрамленію общую нашу природу. Что хуже этого можетъ сдѣлать и человѣконенавистный діаволъ? А чтобы онъ усерднѣе дѣлалъ это, ты съ великою щедростію даешь деньги. Кто проситъ, призываетъ Бога и приступаетъ къ тебѣ кротко, того ты не удостоиваешь ни отвѣта, ни взгляда, и если онъ часто докучаетъ тебѣ, говоришь о немъ такія невыносимыя слова: ему ли жить, ему ли дышать, ему ли смотрѣть на солнце? А къ тѣмъ напротивъ ты благосклоненъ и щедръ, такъ что самъ ты дѣлаешься виновникомъ смѣшного и сатанинскаго ихъ безобразія. Потому о нихъ-то 178
самихъ, виновникахъ такихъ дѣлъ, не подающихъ ничего прежде, нежели увидятъ другихъ страждущими, съ большею основательностію можно было бы сказать: имъ ли жить, имъ ли дышать, имъ ли смотрѣть на солнце, столь тяжко согрѣшающимъ противъ общей природы и оскорбляющимъ Бога? Когда Богъ говоритъ: дай милостыню, а я дамъ тебѣ царствіе небесное, — ты не слушаешь; когда же діаволъ показываетъ голову, израненную гвоздями, ты вдругъ дѣлаешься щедрымъ; болѣе дѣйствуетъ на тебя ухищреніе злого демона, причиняющее столько вреда, нежели обѣтованіе Божіе, подающее множество благъ. Надлежало бы давать золото, чтобы этого не было, чтобы и не видѣть этого, надлежало бы дѣлать и выносить все, чтобы искоренить это великое безуміе; а вы, напротивъ, всячески стараетесь и заботитесь о томъ, чтобы это было, чтобы посмотрѣть на это. И ты, скажи мнѣ, еще спрашиваешь, для чего геенна? Спроси лучше, почему одна только геенна? Вѣдь какихъ наказаній не достойны тѣ, которые устрояютъ это жестокое и безчеловѣчное зрѣлище и смѣются надъ тѣми, о которыхъ надлежало бы плакать и имъ и вамъ самимъ, особенно же вамъ, принуждающимъ ихъ къ такимъ безобразнымъ дѣйствіямъ? Но, скажешь, я не принуждаю ихъ. Какъ же не принуждаешь, скажи мнѣ, когда не хочешь даже слушать кроткихъ, плачущихъ и призывающихъ Бога; а тѣмъ щедро подаешь серебро и приглашаешь другихъ подивиться имъ? Но, скажешь, мы отходимъ, пожалѣвъ ихъ. Но не ты ли требуешь того? Нѣтъ, человѣкъ, — это не жалость, когда ты заставляешь ихъ за нѣсколько оволовъ терпѣть такое мученіе, когда повелѣваешь имъ для полученія необходимой пищи терзать себя и

раздирать на головѣ кожу на многія части жалкимъ и плачевнымъ образомъ. Не правда, скажешь; не мы пробиваемъ головы ихъ гвоздями. О, если бы ты! Тогда зло не было бы такъ ужасно. Тотъ, кто убиваетъ человѣка, не такъ жестоко поступаетъ съ нимъ, какъ тотъ, кто повелѣваетъ ему умертвить себя самого. Тоже бываетъ и здѣсь: они терпятъ мучительнѣйшую боль, когда принуждены бываютъ собственноручно исполнять такія жестокія приказанія. И это дѣлается въ Антіохіи, гдѣ вѣрующіе первые стали называться христіанами, гдѣ они были добрѣе всѣхъ, гдѣ нѣкогда процвѣтали обильные плоды милосердія! Вѣдь они не только жившимъ здѣсь, но и находившимся на далекомъ разстояніи посылали пособіе, и притомъ тогда, когда угрожалъ голодъ. Что же, скажешь, надобно дѣлать? Оставить жестокость и внушить всѣмъ нуждающимся, что если они будутъ дѣлать это, то ничего не получатъ, а если будутъ приходить скромно, то получатъ щедрое подаяніе. Когда они будутъ знать это, то я ручаюсь, хотя бы они были несчастнѣе всѣхъ, никогда не рѣшатся подвергать себя такому мученію, а напротивъ будутъ благодарить васъ, что вы избавили ихъ отъ посмѣянія и страданій.

Между тѣмъ нынѣ за возницъ вы отдали бы дѣтей своихъ и за плясуновъ положили бы самыя души свои, а Христу алчущему не хотите удѣлить и малѣйшей части своего имущества; если же когда подадите немного серебра, то находитесь въ такомъ расположеніи духа, какъ будто вы отдали все, забывая, что не подавать только, а подавать щедро — вотъ въ чемъ особенно состоитъ милостыня. Потому пророкъ прославляетъ и ублажаетъ не тѣхъ, которые только подаютъ, а тѣхъ, которые подаютъ щедро; онъ не просто говоритъ: *даде;* но какъ? *Расточи, даде убогимъ*
179 (Пс. cxi, 8). Что пользы, если ты, будучи богатымъ, подаешь столько, сколько тотъ, напримѣръ, кто подалъ бы стаканъ воды изъ цѣлаго моря, и не подражаешь великодушію жены вдовицы? Какъ будешь говорить ты: *Господи, помилуй мя по велицѣй милости твоей, и по множеству милосердій твоихъ очисти беззаконіе мое* (Пс. L, 1), когда самъ не милуешь не только великою милостію, но, можетъ быть, и малою? Я крайне стыжусь, когда вижу, какъ многіе богачи ѣздятъ на коняхъ, украшенныхъ золотыми уздами, сопровождаются слугами, одѣтыми въ золотыя одежды, покоятся на серебряныхъ ложахъ и позволяютъ себѣ множество другихъ излишествъ; но какъ скоро надобно подать бѣдному, то представляются бѣднѣе самыхъ бѣдныхъ. А чѣмъ они часто оправдываются? Бѣдный, говорятъ, получаетъ изъ церковной казны. Какое тебѣ до того дѣло? Если я подаю, ты не спасешься за это; если церковь подаетъ, ты не загладишь этимъ своихъ

грѣховъ. Если ты не подаешь потому, что церковь должна подавать нуждающимся, то (равнымъ образомъ), если священники молятся, развѣ ты поэтому не долженъ молиться? Другіе постятся,— развѣ ты поэтому можешь постоянно предаваться пьянству? Или ты не знаешь, что Богъ предписалъ заповѣдь о милостынѣ не столько для бѣдныхъ, сколько для самихъ подающихъ? Но не подозрѣваешь ли ты священника? Это также весьма тяжкій грѣхъ, но я не буду распространяться объ немъ; въ такомъ случаѣ дѣлай все самъ, и ты получишь за то сугубую награду. Все, что мы говоримъ о милостынѣ, говоримъ не для того, чтобы ты приносилъ пожертвованія къ намъ, но чтобы подавалъ ихъ самъ отъ себя. Принося ко мнѣ, ты, можетъ быть, впадешь въ тщеславіе, а иногда соблазнившись отойдешь съ лукавымъ подозрѣніемъ; а если вы будете дѣлать все сами, то избавитесь отъ соблазна и неумѣстнаго подозрѣнія, и получите большую награду.

7. Говорю это не для того, чтобы побудить васъ приносить пожертвованія сюда, или выразить свое неудовольствіе на священниковъ, о которыхъ разносятся худые слухи. Если нужно огорчаться и скорбѣть, то болѣе о васъ, распространяющихъ худые слухи; тѣ, которыхъ порицаютъ напрасно и безъ причины, заслужатъ большую награду, а тѣ, которые порицаютъ ихъ, большое осужденіе и наказаніе. Итакъ, не за нихъ я говорю это, а для вашего блага. Удивительно ли, что въ наше время нѣкоторые подвергаются подозрѣнію, если еще во времена святыхъ, подражавшихъ ангеламъ и не имѣвшихъ никакой собственности, т. е. апостоловъ, происходилъ ропотъ, будто бы при служеніи бѣднымъ были пренебрегаемы вдовицы, тогда какъ *ни единъ что отъ имѣній своихъ глаголаше свое быти, но бяху имъ вся обща* (Дѣян. IV, 32)? Не будемъ же представлять такихъ предлоговъ и считать оправданіемъ для себя то, что Церковь имѣетъ много сокровищъ. Когда ты видишь у ней много имущества, то представь также великое число записанныхъ бѣдныхъ, множество больныхъ, тысячи случаевъ къ издержкамъ; разбери, разсчитай; никто не препятствуетъ; мы даже готовы дать вамъ отчетъ. Но скажу нѣчто важнѣйшее. Когда мы представимъ отчетъ и покажемъ, что расходъ не менѣе прихода, а иногда и болѣе, то я желалъ бы спросить васъ: когда мы предстанемъ туда и услышимъ слова Христовы: вы видѣли Меня *алчуща* и не напитали, *нага* и не одѣли (Мѳ. XXV, 44), тогда что мы скажемъ? Чѣмъ оправдаемся? Укажемъ ли на такого-то, и такого-то, которые не слушали этого, или на нѣкоторыхъ подозрительныхъ священниковъ? Но какое тебѣ 180
до нихъ дѣло? Я осуждаю тебя, скажетъ Онъ, за твои грѣхи. Чтобы получить оправданіе, надобно очистить собственные грѣхи,

а не указывать на другихъ такихъ же грѣшниковъ. Церковь принуждена имѣть то, что теперь имѣетъ, по вашей скупости; а если бы все дѣлалось по правиламъ апостольскимъ, то доходъ ея составляло бы ваше расположеніе, которое было бы и безопаснымъ хранилищемъ, и неистощимымъ сокровищемъ. А теперь, когда вы собираете сокровища на землѣ и запираете все въ своихъ хранилищахъ, Церковь же принуждена производить издержки на общества вдовъ, на сонмы дѣвъ, на пріемъ странниковъ, на вспомоществованіе пришельцамъ, на утѣшеніе узниковъ, на облегченіе больныхъ и увѣчныхъ и на другія подобныя нужды, то что ей дѣлать? Неужели оставить всѣхъ ихъ безъ вниманія и затворить пристанища? Кто же будетъ подавать помощь въ кораблекрушеніяхъ? Кто станетъ облегчать слезы, рыданія и вопли, раздающіеся со всѣхъ сторонъ? Итакъ, не будемъ говорить все, что вздумается. Мы теперь же, какъ я сказалъ, готовы дать вамъ отчетъ; а если бы и не такъ, если бы у васъ были порочные учители, все похищающіе и присвояющіе себѣ, и тогда ихъ порочность не могла бы служить оправданіемъ для васъ. Человѣколюбивый, премудрый и всевидящій единородный Сынъ Божій, зная, что въ теченіе долгаго времени и на пространствѣ обширной вселенной будетъ много порочныхъ священниковъ, и желая, чтобы отъ ихъ нерадѣнія не усилилась безпечность руководимыхъ ими, не оставилъ безпечнымъ никакого оправданія, сказавъ: *на Моисеовѣ сѣдалищи сѣдоша книжницы и фарисее: вся убо, елика аще рекутъ вамъ творити, творите: по дѣломъ же ихъ не творите* (Мѳ. XXIII, 2, 3). Этимъ Онъ выразилъ, что, хотя бы у тебя былъ порочный учитель, это нисколько не оправдаетъ тебя, если ты не слушаешь ученія его. Богъ произнесетъ надъ тобою приговоръ не за то, что сдѣлалъ учитель, а за то, что ты слышалъ отъ него и не исполнилъ. Если ты исполнишь заповѣданное, то предстанешь тогда съ великимъ дерзновеніемъ; а если не послушаешь ученія, то, хотя бы ты указалъ на тысячу порочныхъ священниковъ, это нисколько не оправдаетъ тебя. И Іуда былъ апостолъ; однако это нисколько не послужитъ къ оправданію святотатцевъ и сребролюбцевъ; никто изъ нихъ, будучи осуждаемъ, не сможетъ сказать, что и апостолъ былъ похититель, святотатецъ и предатель; напротивъ, за то особенно мы и будемъ осуждены и наказаны, что не вразумились пороками другихъ; они для того и описаны, чтобы мы остерегались подражать имъ. Потому, оставимъ другихъ, будемъ внимательны къ самимъ себѣ. Каждый изъ насъ дастъ отвѣтъ Богу за самого себя. А чтобы намъ дать такой отвѣтъ, который послужилъ бы къ нашему оправданію, будемъ вести жизнь благочестивую и простирать щедрую руку къ бѣд-

нымъ, помня, что исполненіе заповѣдей—вотъ единственное наше оправданіе, а другого нѣтъ никакого. Если мы будемъ въ состояніи представить такое оправданіе, то избавимся отъ нестерпимыхъ мученій геенскихъ и удостоимся будущихъ благъ, которыхъ да сподобимся всѣ мы, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XXII.

Не вѣсте ли, яко дѣлающіи священная, отъ святилища ядятъ? и служащіи олтарю, со олтаремъ дѣлятся? Тако и Господь повелѣ проповѣдающимъ благовѣстіе, отъ благовѣстія жити (1 Кор. ix, 13, 14). 181

1. Весьма тщательно (апостолъ) старается доказать, что брать (содержаніе отъ поучаемыхъ) не запрещено. Сказавъ объ этомъ и прежде, онъ тѣмъ не довольствуется, а снова обращается къ закону и представляетъ изъ него примѣръ болѣе близкій, чѣмъ прежній, потому что не одно и тоже представить въ примѣръ воловъ, или привесть ясный законъ о священникахъ. Посмотри и здѣсь на мудрость Павла, какъ благоприлично онъ излагаетъ предметъ. Не сказалъ: *дѣлающіи священная* берутъ отъ приносящихъ, но что?—*отъ святилища ядятъ*, чтобы и принимающихъ не унизить, и приносящимъ не подать повода къ гордости. И далѣе онъ выражается также. Не сказалъ: *служащіи олтарю* берутъ отъ приносящихъ жертвы,—но *со олтаремъ дѣлятся*, потому что принесенное принадлежитъ уже не приносящимъ, а святилищу и алтарю. Не сказалъ также: берутъ священное, но—*отъ святилища ядятъ*, выражая умѣренность и внушая, что не должно собирать имущество и обогащаться. Словами: *со олтаремъ дѣлятся*—означаетъ не раздѣленіе по равной части, а содержаніе, которое давалось (священникамъ) по праву. Но апостолы имѣли гораздо большее право, потому что тамъ соединялась честь со священствомъ, а здѣсь—опасности, мученія, смерть. Потому сильнѣе всѣхъ другихъ примѣровъ былъ выраженный въ словахъ: *аще мы духовная сѣяхомъ вамъ*. Слово *сѣяхомъ* указываетъ на бури, опасности, казни и невыразимыя бѣдствія, какимъ подвергались проповѣдники. Впрочемъ и при такомъ преимуществѣ онъ не сталъ ни унижать ветхозавѣтнаго, ни превозносить своего, а напротивъ еще съ униженіемъ говоритъ о своемъ, указывая

преимущество не въ опасностяхъ, но въ величіи дара. Не сказалъ: если мы подвергались опасностямъ или бѣдствіямъ, но: *аще мы духовная сѣяхомъ вамъ*; а говоря о священникахъ, возвышаетъ ихъ, сколько возможно, и выражается такъ: *дѣлающіи священная, служащіи олтарю*, желая этимъ показать непрестанное ихъ служеніе и постоянство. Разсуждая о священникахъ іудейскихъ, онъ указалъ какъ на левитовъ, такъ и на архіереевъ. на обѣ степени, низшую и высшую: на первую словами: *дѣлающіи священная*, а на вторую словами: *служащіи олтарю*. Не всѣмъ вѣдь было ввѣрено одно дѣло, но однимъ поручены были обязанности низшія, а другимъ высшія. Указавъ на всѣхъ ихъ, чтобы кто не сказалъ: что ты напоминаешь намъ о ветхомъ завѣтѣ? развѣ не знаешь, что теперь время совершеннѣйшихъ заповѣдей?—онъ далѣе поставляетъ то, что важнѣе всего: *тако и Господь*, говоритъ, *повелѣ проповѣдающимъ благовѣстіе отъ благовѣстія жити*. И здѣсь не говоритъ: питаться отъ людей, но, подобно какъ о священникахъ сказалъ: *отъ святилища* и *отъ олтаря*, такъ
182 и здѣсь: *отъ благовѣстія*; и какъ тамъ: *ясти*, такъ здѣсь: *жити*, а не торговать или обогащаться. *Достоинъ бо*, говоритъ, *дѣлатель мзды своея* (Матѳ. х, 10). *Азъ же ни едино сотворихъ отъ сихъ* (ст. 15). Если доселѣ не дѣлалъ этого, скажутъ, то не желаешь ли дѣлать на будущее время, и потому говоришь все это? Нѣтъ; и въ объясненіе этого тотчасъ же замѣчаетъ: *не писахъ же сія, да тако будетъ о мнѣ*. И смотри, съ какою силою опровергаетъ и отрицаетъ это: *добрѣе бо мнѣ паче умрети, нежели похвалу мою кто да испразднитъ;* употребляетъ такое выраженіе не однажды и не дважды, но нѣсколько разъ. Выше сказалъ: *не сотворихомъ по области сей:* потомъ опять: *во еже не творити ми по области моей;* и здѣсь: *азъ же ни едино сотворихъ отъ сихъ*. Что значитъ: *отъ сихъ?* Отъ многихъ примѣровъ. Многое давало мнѣ право: примѣры воина, земледѣльца, пастыря и апостоловъ, постановленія закона, дѣйствія наши по отношенію къ вамъ и ваши по отношенію къ другимъ, примѣръ священниковъ, повелѣніе Христа, и однако ничто не заставило меня нарушить свой законъ и брать. Не говорю о прошедшемъ; хотя могу сказать, что и въ прошедшемъ я много пострадалъ, но не останавливаюсь на этомъ одномъ, а даю обѣщаніе и на будущее время, что рѣшусь лучше умереть съ голода, нежели лишиться такихъ вѣнцовъ: *добрѣе бо мнѣ паче умрети, нежели похвалу мою кто да испразднитъ*. Не сказалъ: чтобы кто нарушилъ мой законъ, но: *похвалу*. Чтобы кто-нибудь не сказалъ, что хотя онъ и поступаетъ такъ, но не съ радостію, а съ воздыханіемъ и скорбію, онъ называетъ это похвалою, желая показать, съ какою великою радостію и съ какимъ великимъ

усердіемъ онъ поступаетъ такъ. Онъ такъ далекъ былъ отъ скорби, что даже хвалится и рѣшается лучше умереть, нежели потерять эту похвалу. Такъ она была для него пріятнѣе самой жизни.

2. Далѣе, онъ еще съ другой стороны показываетъ превосходство (своего поступка), не для того, чтобы прославить себя самого,—онъ далекъ былъ отъ такой страсти,—но для того, чтобы выразить свою радость и сильнѣе устранить подозрѣніе. Потому онъ и назвалъ, какъ я сказалъ прежде, это дѣло похвалою, и что говоритъ? *Аще бо благовѣствую, нѣсть ми похвала: нужда бо ми належитъ: горе же мнѣ есть, аще не благовѣствую. Аще убо волею сіе творю, мзду имамъ: аще же неволею, строеніе ми есть предано. Кая убо ми есть мзда? Да благовѣствуяй безъ мзды положу благовѣстіе Христово, во еже не творити ми по области моей въ благовѣствованіи* (ст. 16—18). Что, скажи мнѣ, говоришь ты? Если ты благовѣствуешь, то нѣтъ похвалы для тебя; а если преподаешь благовѣстіе безвозмездно, тогда есть? Слѣдовательно, послѣднее важнѣе перваго? Отнюдь нѣтъ; но въ нѣкоторомъ другомъ отношеніи послѣднее имѣетъ преимущество, именно въ томъ, что первое есть заповѣдь, а послѣднее—дѣло моего произволенія. Что дѣлается сверхъ заповѣди, то заслуживаетъ великой награды; а что по заповѣди, то не таково. Въ этомъ вотъ отношеніи послѣднее больше перваго, а не по самому существу дѣла. Что въ самомъ дѣлѣ можетъ сравниться съ проповѣданіемъ? Оно уподобляетъ ихъ ангеламъ. И однако, такъ какъ оно 183
для нихъ—обязанность и долгъ, а то (безвозмездное проповѣданіе)—дѣло добровольнаго усердія, то въ этомъ отношеніи послѣднее больше перваго. Изъясняя то самое, что я теперь сказалъ, онъ и говоритъ: *аще убо волею сіе творю, мзду имамъ: аще же неволею, строеніе ми есть предано.* Слова: *волею* и *неволею*—онъ употребляетъ въ смыслѣ: заповѣдано и не заповѣдано. Равно и слова: *нужда бо ми належитъ* надобно понимать не такъ, будто бы онъ дѣлалъ это противъ воли,—да не будетъ!—но такъ, что на немъ лежитъ обязанность, и въ противоположность съ свободою—брать или не брать. Потому и Христосъ сказалъ ученикамъ: *егда сотворите вся, глаголите, яко раби неключими есмы: яко, еже должни бѣхомъ сотворити, сотворихомъ* (Лук. XVII, 10). *Кая убо ми есть мзда? Да благовѣствуяй безъ мзды положу благовѣстіе.* Какъ, скажи мнѣ, неужели Петръ не имѣетъ награды? Кто можетъ получить такую награду, какую онъ? Также и прочіе апостолы? Почему же онъ сказалъ: *аще волею сіе творю, мзду имамъ: аще же неволею, строеніе ми есть предано?* Замѣть и здѣсь мудрость его. Онъ не сказалъ: *аще неволею,* то не имѣю награды; но: *строеніе ми есть предано,* выражая, что и въ этомъ случаѣ бываетъ награда, но

такая, какую получаетъ исполнившій повелѣніе, а не такая, какую получаетъ показавшій собственное усердіе и сдѣлавшій болѣе повелѣннаго. За что же такая награда? *Да благовѣствуяй*, говоритъ, *безъ мзды положу благовѣстіе, во еже не творити ми по области моей въ благовѣствованіи*. Видишь ли, какъ онъ вездѣ употребляетъ слово: *область*, чтобы показать, какъ я неоднократно повторялъ, что и тѣ, которые берутъ, не заслуживаютъ порицанія? А слово: *въ благовѣствованіи* прибавляетъ какъ для того, чтобы обозначить самое благовѣствованіе, такъ и для того, чтобы не дозволить пользоваться этимъ правомъ во всемъ, потому что можетъ брать учащій, а не праздный. *Свободенъ бо сый отъ всѣхъ, всѣмъ себе поработихъ, да множайшыя пріобрящу* (ст. 19). Здѣсь онъ представляетъ еще иное превосходство. И не брать—великое дѣло; а то, что хочетъ сказать, гораздо важнѣе. Что же такое? Я не только, говоритъ, не бралъ и не только не пользовался своимъ правомъ, но еще подвергалъ себя рабству, и рабству разнообразному и всестороннему; не въ деньгахъ только, но, что гораздо важнѣе денегъ, во многихъ и различныхъ дѣлахъ я поступалъ точно также; поработилъ себя, тогда какъ не былъ подчиненъ никому и не имѣлъ никакой необходимости,—это именно означаетъ выраженіе: *свободенъ сый отъ всѣхъ*,—и поработилъ не одному кому-нибудь, а всей вселенной; потому и присовокупляетъ: *всѣмъ себе поработихъ*. Проповѣдывать и возвѣщать ввѣренное мнѣ я былъ обязанъ, а изобрѣтать и измышлять тысячи къ тому способовъ—это зависѣло отъ моего усердія; я былъ обязанъ только передать серебро, но я употреблялъ еще всѣ мѣры къ тому, чтобы истребовать его обратно, исполняя болѣе повелѣннаго. Онъ дѣлалъ все по ревности, усердію и любви ко Христу, и имѣлъ ненасытное желаніе спасенія человѣческаго.

Поэтому, отъ большого избытка (ревности), онъ преступалъ предѣлы и во всемъ простирался выше самаго неба. Сказавъ о порабощеніи, онъ далѣе говоритъ о различныхъ родахъ его. Какихъ? *Быхъ*, говоритъ, *Іудеемъ яко Іудей, да Іудеи пріобрящу* (ст. 20). Какъ это было? Онъ обрѣзывалъ для того, чтобы уничто-
184 жить обрѣзаніе. Потому не сказалъ: іудей, но—*яко Іудей*, такъ какъ это было съ преднамѣренною цѣлію. Что говоришь ты? Проповѣдникъ вселенной, восходившій до самыхъ небесъ и сіявшій такою благодатію, могъ ли онъ внезапно такъ снизойти? Да, потому что это есть также и восхожденіе. Не на то только смотри, что онъ нисходитъ, но и на то, что нисходя возстановляетъ лежащаго внизу и возводитъ его съ собою. *Подзаконнымъ яко подзаконенъ*, не будучи самъ подъ закономъ, *да подзаконныя пріобрящу*.

3. Эти слова служатъ или изъясненіемъ сказаннаго прежде,

или означаютъ что-нибудь другое. Іудеями онъ называетъ тѣхъ, которые были такими издревле и съ самаго начала; а подзаконными—прозелитовъ, или тѣхъ, которые приняли вѣру, но еще держались закона, такъ какъ они не были уже іудеями, но были подъ закономъ. Когда же (апостолъ) былъ подъ закономъ? Когда остригся, когда приносилъ жертву. Онъ дѣлалъ это не потому, чтобы перемѣнилъ свой образъ мыслей,—это было бы порочное дѣло,—но по любви и снисхожденію. Чтобы обратить дѣйствительныхъ (іудеевъ), онъ самъ былъ *(яко Іудей)*, не дѣйствительно, а только повидимому, не на самомъ дѣлѣ будучи такимъ, а только поступая такъ безъ истиннаго расположенія. Да и могъ ли онъ искренно дѣлать это, когда старался обратить и другихъ, когда дѣлалъ все, чтобы освободить и другихъ отъ такого униженія? *Беззаконнымъ, яко беззаконенъ* (ст. 21). Эти не были ни іудеи, ни христіане, ни язычники, но были внѣ закона, каковъ напр. Корнилій и подобные ему. Приходя и къ нимъ, онъ во многомъ поступалъ по ихъ (обычаямъ). Впрочемъ, нѣкоторые говорятъ, что здѣсь онъ намекалъ на свою рѣчь къ аѳинянамъ, по поводу надписи, бывшей на капищѣ; потому и говоритъ: *беззаконнымъ, яко беззаконенъ*. Далѣе, чтобы кто не подумалъ, что его дѣйствія происходили отъ перемѣны образа мыслей, онъ присовокупляетъ: *не сый беззаконникъ Богу, но законникъ Христу*, т. е. не только не будучи беззаконникомъ, но подчиняясь закону, не обыкновенному, а гораздо высшему ветхаго, закону Духа и благодати; потому и прибавляетъ: *Христу*. Затѣмъ, увѣривъ въ неизмѣнности своего образа мыслей, онъ опять представляетъ пользу такого снисхожденія: *да пріобрящу беззаконныя*, такъ же, какъ и вездѣ онъ показываетъ причину своего снисхожденія. Не останавливаясь на этомъ, онъ продолжаетъ: *быхъ немощнымъ, яко немощенъ, да немощныя пріобрящу* (ст. 22). Здѣсь онъ говоритъ въ отношеніи къ нимъ (коринѳянамъ), какъ говорилъ и все прочее. Прежде сказанное было гораздо важнѣе, но это ближе къ нимъ; потому онъ и поставилъ это послѣ всего. Тоже самое онъ дѣлаетъ и въ посланіи къ Римлянамъ, когда вразумляетъ ихъ касательно пищи, и во многихъ другихъ мѣстахъ. Потомъ, чтобы исчисленіемъ всего порознь не слишкомъ распространить рѣчь, говоритъ: *всѣмъ быхъ вся, да всяко нѣкія спасу*. Видишь ли его превосходство? Для всѣхъ, говоритъ, я былъ все, не надѣясь спасти всѣхъ, а чтобы спасти хотя немногихъ. Усердіе и служеніе мое было таково, какое свойственно спасающему всѣхъ, хотя я не надѣялся обратить всѣхъ: дѣло великое и показывающее пламенную ревность! И сѣятель сѣетъ вездѣ и, хотя не все сѣмя остается въ сохранности, онъ во всякомъ случаѣ дѣлаетъ свое дѣло.

Указавъ на малочисленность спасаемыхъ прибавленіемъ слова: *всяко*, онъ утѣшаетъ тѣхъ, которые скорбятъ объ этомъ, такъ какъ, хотя невозможно, чтобы все сѣмя осталось въ сохранности, но невозможно и то, чтобы оно все погибло. Потому словомъ: *всяко* онъ даетъ понять, что усердный дѣлатель непремѣнно получитъ
185 успѣхъ. *Вся же творю за благовѣстіе, да сообщникъ ему буду* (ст. 23), т. е. чтобы и съ своей стороны содѣйствовать и быть участникомъ въ вѣнцахъ, которые соблюдаются для вѣрующихъ. Какъ прежде онъ говорилъ: *отъ благовѣстія жити*, т. е. отъ вѣрующихъ, такъ и здѣсь говоритъ: *сообщникъ буду благовѣстію*, т. е. буду сообщникомъ увѣровавшихъ благовѣстію. Видишь ли его смиренномудріе, какъ онъ въ полученіи наградъ поставляетъ себя на ряду съ другими, хотя трудами превзошелъ всѣхъ? Несомнѣнно, что онъ болѣе всѣхъ достоинъ почестей; но онъ не приписываетъ ихъ себѣ прежде всѣхъ, а желаетъ быть только сообщникомъ другихъ въ уготованныхъ вѣнцахъ. Говоритъ это не въ томъ смыслѣ, чтобы онъ дѣлалъ все для какой-нибудь награды, но чтобы такимъ образомъ расположить ихъ (коринѳянъ) и такими надеждами убѣдить дѣлать все для братій. Видишь ли его благоразуміе? Видишь ли чрезвычайную ревность, какъ онъ дѣлалъ болѣе заповѣданнаго и не бралъ, тогда какъ могъ брать? Видишь ли величайшее снисхожденіе, какъ онъ, будучи подъ закономъ Христовымъ и соблюдая высочайшій законъ, былъ для неимѣющихъ закона какъ безъ закона, для іудеевъ какъ іудей, являясь въ томъ и другомъ отношеніи совершеннѣе и выше всѣхъ? Такъ поступай и ты: не думай, что ты падаешь, если, будучи высокимъ, дѣлаешь для брата что-нибудь уничиженное. Это не значитъ падать, а снисходить; кто падаетъ, тотъ лежитъ и самъ едва ли можетъ встать; а кто снисходитъ, тотъ и встанетъ съ великимъ пріобрѣтеніемъ, подобно какъ Павелъ снисходилъ одинъ, а возсталъ со всею вселенною. Онъ не лицемѣрилъ; если бы лицемѣрилъ, то не искалъ бы пользы спасаемыхъ. Лицемѣръ ищетъ погибели другихъ и лицемѣритъ для того, чтобы взять, а не для того, чтобы дать. А онъ—не такъ; но какъ врачъ, какъ учитель, какъ отецъ снисходятъ первый къ больному, второй къ ученику и третій къ сыну для пользы ихъ, а не для вреда,—такъ и онъ.

4. Что сказанное имъ не лицемѣріе и что онъ не былъ принужденъ дѣлать или говорить что-либо подобное, а самъ добровольно выражаетъ свое расположеніе и убѣжденіе, послушай, какъ онъ самъ говоритъ о томъ: *ни смерть, ни животъ, ни ангели, ни начала, ниже силы, ни настоящая, ни грядущая, ни высота, ни глубина, ни ина тварь кая возможетъ насъ разлучити отъ любве*

Божія, яже о Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ (Рим. VIII, 38, 39). Видишь ли любовь, которая пламеннѣе огня? Такъ и мы будемъ любить Христа; это не трудно, если мы захотимъ. И онъ былъ таковъ не по природѣ. Для того и описаны прежнія его дѣйствія, противоположныя этимъ, чтобы мы знали, что перемѣна зависитъ отъ произволенія и что желающимъ все удобно. Не будемъ же отчаиваться; но хотя бы ты былъ злорѣчивъ, хотя бы корыстолюбивъ и каковъ бы ни былъ, вспомни, что и Павелъ былъ хулителемъ, гонителемъ, притѣснителемъ и первымъ изъ грѣшниковъ, но вдругъ достигъ высочайшей степени добродѣтели, и все прежнее нисколько не служило ему препятствіемъ. Никто съ такимъ неистовствомъ не предается пороку, съ какимъ онъ враждовалъ противъ Церкви; онъ отдалъ тогда свою душу и жалѣлъ, что не имѣлъ тысячи рукъ, чтобы всѣми ими поразить Стефана; впрочемъ и безъ того нашелъ способъ поразить его многочисленными руками, руками лжесвидѣтелей, одежды которыхъ онъ стерегъ. Потомъ входилъ въ домы, вторгался въ нихъ какъ дикій звѣрь, влачилъ и терзалъ мужей и женъ, наполняя все ужасомъ, смятеніемъ и тысячію браней. Онъ былъ 186
такъ страшенъ, что, даже послѣ чуднаго обращенія его, апостолы не смѣли войти съ нимъ въ сношеніе. Но, не смотря на все это, онъ сдѣлался такимъ, какимъ сдѣлался; не нужно прибавлять ничего болѣе. Гдѣ же тѣ, которые подчиняютъ свободу воли неизбѣжной судьбѣ? Пусть услышатъ это и заградятъ уста свои! Кто хочетъ быть добрымъ, тому ничто препятствовать не можетъ, хотя бы прежде онъ былъ однимъ изъ самыхъ порочныхъ. И мы тѣмъ болѣе способны къ этому, чѣмъ добродѣтель намъ естественнѣе, а порокъ противоестественнѣе, подобно какъ болѣзнь и здоровье. Такъ, Богъ далъ намъ глаза не для того, чтобы мы смотрѣли съ любострастіемъ, но чтобы, удивляясь созданіямъ, покланялись Создателю. Что дѣйствительно таково назначеніе глазъ, это видно изъ опыта: красоту солнца и неба мы видимъ чрезъ неизмѣримое пространство, а красоты женской никто не могъ бы увидѣть на такомъ разстояніи. Не очевидно ли, что глаза наши созданы болѣе для перваго? Также Богъ далъ намъ слухъ не для того, чтобы намъ воспринимать хульныя рѣчи, но чтобы слышать спасительные догматы. Потому-то, когда онъ воспринимаетъ что-нибудь непристойное, тогда душа и самое тѣло содрогаются. *Бесѣда бо многокленущагося*, говоритъ (Премудрый), *подъиметъ власы* (Сирах. XXVII, 14). Также, услышавъ что-нибудь грубое и жесткое, мы огорчаемся, а услышавъ что-нибудь нѣжное и человѣколюбивое, восхищаемся и радуемся. И уста наши, когда произносятъ срамныя слова, то заставляютъ

насъ стыдиться и закрываться; а когда—слова благопристойныя, то они текутъ спокойно и свободно; никто не станетъ стыдиться естественнаго, а стыдятся того, что не естественно. Руки также, когда похищаютъ, то скрываются и ищутъ защиты; а когда подаютъ милостыню, тогда выставляются на видъ. Итакъ, если мы захотимъ, то все будетъ много располагать насъ къ добродѣтели. Если же укажешь мнѣ на удовольствіе, проистекающее отъ порока, то замѣть, что еще большее удовольствіе мы получаемъ отъ добродѣтели. Имѣть добрую совѣсть, быть у всѣхъ въ уваженіи, питать въ себѣ сладостныя надежды—это всего пріятнѣе для того, кто понимаетъ сущность удовольствія; а противное тому для понимающаго сущность неудовольствія всего мучительнѣе, какъ-то: быть у всѣхъ въ презрѣніи, осуждать самому себя, трепетать и страшиться будущаго и настоящаго.

5. Чтобы еще болѣе объяснить это, представимъ, что кто-нибудь, имѣя жену, разрушаетъ бракъ ближняго и услаждается этимъ безчестнымъ воровствомъ, прелюбодѣйствуя съ любимою (женщиною); противопоставимъ ему другого, который любитъ свою жену; а для большаго и яснѣйшаго противоположенія предположимъ, что живущій съ одною своею женою также любитъ ту прелюбодѣйцу, но сдерживаетъ свою любовь и не дѣлаетъ ничего худого. Хотя и это—не чистое цѣломудріе, но мы нарочито представляемъ такой примѣръ, чтобы ты позналъ, каково удовольствіе отъ добродѣтели. Итакъ поставимъ ихъ обоихъ вмѣстѣ и спросимъ: чья жизнь пріятнѣе? Отъ одного услышимъ, какъ онъ услаждается и восхищается побѣдою надъ похотью; а отъ другого... но отъ него невозможно и узнать что-нибудь; окажется, что онъ несчастнѣе самихъ узниковъ, хотя бы тысячу разъ отрицалъ это. Онъ всѣхъ боится и подозрѣваетъ—и свою жену, и мужа прелюбодѣйцы, и самую прелюбодѣйцу, и домаш-
187 нихъ, и друзей, и родныхъ, и стѣны, и тѣни, и самого себя, и, что всего тягостнѣе, носитъ въ себѣ совѣсть, вопіющую и каждодневно угрызающую; а если вспомнитъ о судѣ Божіемъ, то не сможетъ и на ногахъ удержаться. Притомъ удовольствіе кратковременно, а скорбь отъ него постоянна: и вечеромъ, и ночью, и въ пустынѣ, и въ городѣ, и вездѣ за нимъ слѣдуетъ обличитель, показывая изощренный мечъ и нестерпимыя мученія, изнуряя и сокрушая его страхомъ. Напротивъ цѣломудренный свободенъ отъ всего этого и безмятеженъ, спокойными глазами смотритъ на свою жену, дѣтей, друзей и на все. Если же любящій, но только сдерживающій страсть свою наслаждается такимъ удовольствіемъ, то душа нелюбящаго и соблюдающаго чистое цѣломудріе не исполнена ли чувства сладостнѣе всякаго спокой-

ствія, пріятнѣе всякой пристани? Потому-то, конечно, прелюбодѣевъ ты видишь немного, а цѣломудренныхъ больше. А если бы (жизнь первыхъ) была пріятнѣе, то ее избрали бы многіе. Не говори мнѣ, что это происходитъ отъ страха предъ законами: не страхъ удерживаетъ ихъ, а крайняя гнусность порока, избытокъ происходящихъ отъ страсти огорченій предъ доставляемыми ею удовольствіями, и голосъ совѣсти. Таково состояніе прелюбодѣя! Если хотите, мы представимъ и корыстолюбца, обнажимъ и другую тоже порочную страсть. Мы увидимъ, что и онъ также мучится страхомъ и не можетъ наслаждаться чистымъ удовольствіемъ. Представляя себѣ обиженныхъ имъ и жалѣющихъ объ нихъ и всеобщее о себѣ мнѣніе, онъ обуревается безчисленными волнами. И не только это мучительно для него, но и то, что онъ не можетъ наслаждаться своимъ любимымъ (предметомъ). Таково именно свойство сребролюбцевъ: они имѣютъ не для того, чтобы пользоваться, но чтобы не пользоваться. Если это кажется тебѣ загадкою, то выслушай еще худшее и болѣе странное: они не потому только лишены удовольствія, что не смѣютъ пользоваться своимъ имуществомъ, какъ бы хотѣли, но и потому, что никогда не удовлетворяются, а томятся непрестанною жаждою. Что можетъ быть мучительнѣе этого? Не таковъ человѣкъ праведный; онъ свободенъ отъ опасенія, ненависти, страха и неутолимой жажды; какъ того всѣ проклинаютъ, такъ ему всѣ желаютъ добра; какъ тотъ не имѣетъ ни одного друга, такъ онъ не имѣетъ ни одного врага. Если же все это несомнѣнно, то что можетъ быть непріятнѣе порока и пріятнѣе добродѣтели? Впрочемъ, сколько бы мы ни говорили, невозможно выразить словами ни всѣхъ непріятностей перваго, ни всѣхъ удовольствій послѣдней,
если мы сами ихъ не испытаемъ. Тогда-то мы и узнаемъ, что 188
порокъ горче желчи, когда вкусимъ сладость добродѣтели. Порокъ и теперь непріятенъ, тягостенъ и несносенъ, чему не станутъ противорѣчить сами раболѣпствующіе ему; но когда мы отстанемъ отъ него, тогда еще лучше почувствуемъ, какъ горьки его требованія. А что многіе предаются ему, это нисколько не удивительно; вѣдь и дѣти часто избираютъ менѣе пріятное, пренебрегая тѣмъ, что доставляетъ болѣе пріятностей; и больные для кратковременнаго удовольствія отвергаютъ постоянное и надежное веселіе. Это зависитъ отъ немощи и неразумія преданныхъ страсти, а не отъ существа вещей. Въ удовольствіи живетъ только добродѣтельный; онъ истинно богатъ и истинно свободенъ. Если же кто, согласившись приписать добродѣтели безмятежность, спокойствіе, свободу отъ опасеній, отъ всякаго страха и всякаго подозрѣнія, не согласится только приписать ей удо-

вольствія, тотъ мнѣ кажется весьма смѣшнымъ. Въ чемъ же другомъ и состоитъ удовольствіе, какъ не въ томъ, чтобы быть свободнымъ отъ опасеній, страха и огорченій и ничему не рабо-лѣпствовать? Кто живетъ въ удовольствіи, скажи мнѣ, тотъ ли, кто неистовствуетъ, мятется, терзается множествомъ страстей и не владѣетъ самъ собою, или тотъ, кто свободенъ отъ всѣхъ этихъ волненій и пребываетъ въ любомудріи, какъ въ пристани? Не явно ли, что послѣдній? Но это свойственно одной добродѣтели. Порокъ только носитъ имя удовольствія, а на самомъ дѣлѣ лишенъ его; прежде, чѣмъ онъ выполненъ, онъ—неистовство, а не удовольствіе; а когда выполненъ, то (и неистовство) внезапно исчезаетъ. Если же ни въ началѣ, ни впослѣдствіи не видно въ порокѣ удовольствія, то гдѣ же оно и когда? Чтобы ты лучше понялъ слова мои, объяснимъ это примѣромъ. Положимъ, что кто-нибудь влюбился въ красивую и миловидную женщину; доколѣ не будетъ удовлетворена страсть его, онъ бываетъ подобенъ бѣснующимся и безумнымъ; а когда удовлетворена, то исчезаетъ и похоть. Если же ни въ началѣ онъ не чувствуетъ удовольствія,—потому что находится въ состояніи безумія,—ни впослѣдствіи,—потому что удовлетвореніемъ страсти прекращается пожеланіе,—то гдѣ же это удовольствіе? Напротивъ наши удовольствія не таковы: они и въ началѣ чужды всякаго смятенія, и до конца сохраняются въ своей силѣ, или, лучше, у насъ нѣтъ и конца удовольствію; блага наши не имѣютъ предѣла, и удовольствіе наше не исчезаетъ никогда. Итакъ, представляя себѣ все это и желая получить удовольствіе, будемъ любить добродѣтель, чтобы намъ достигнуть и настоящихъ и будущихъ благъ, которыхъ да сподобимся всѣ мы, благодатію и человѣколюбіемъ (Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь).

БЕСѢДА XXIII.

187 Не вѣсте ли, яко текущіи въ позорищи, вси убо текутъ, единъ же пріемлетъ почесть (Кор. IX, 24)?

1. Объяснивъ, что снисхожденіе весьма полезно, что оно составляетъ верхъ совершенства, и что самъ онъ, достигнувшій совершенства больше всѣхъ, вѣрнѣе же и превзошедшій тѣмъ, что не бралъ (содержанія отъ учениковъ), также снисходилъ больше всѣхъ, показавъ намъ и время, когда нужно то и другое,

совершенство и снисхожденіе, (апостолъ) далѣе съ большею си- 188
лою укоряетъ (коринѳянъ), внушая, что поступокъ ихъ, кажущійся слѣдствіемъ совершенства, есть напрасный трудъ. Онъ не говоритъ этого ясно, чтобы они не ожесточились, но выражаетъ это своими сужденіями. Сказавъ прежде, что они грѣшатъ про-
тивъ Христа, погубляютъ братій и сами не получаютъ никакой 189
пользы отъ совершеннаго знанія, если оно не соединено съ любовію, теперь онъ опять обращается къ общеизвѣстному примѣру и говоритъ: *не вѣсте ли, яко текущіи въ позорищи, вси убо текутъ, единъ же пріемлетъ почесть?* Говоритъ это не въ томъ смыслѣ, будто изъ всѣхъ можетъ спастись только одинъ,—да не будетъ,—но что мы должны прилагать великое тщаніе. Какъ тамъ изъ многихъ, выходящихъ на поприще, увѣнчиваются не многіе, а только одинъ достигаетъ этого, и потому не достаточно выйти лишь на подвигъ, намастить себя и бороться, такъ и здѣсь не достаточно лишь увѣровать и подвизаться какъ-нибудь, но если мы не будемъ подвизаться такъ, чтобы показать себя безукоризненными до конца и достигнуть награды, то не получимъ никакой пользы. Хотя бы ты, говоритъ, считалъ себя совершеннымъ по знанію, однако ты еще не достигъ всего; на это онъ намекаетъ словами: *тако тецыте, да постигнете*, изъ которыхъ слѣдуетъ, что они еще не достигли. Затѣмъ научаетъ и способу достиженія. *Всякъ же*, говоритъ, *подвизаяйся отъ всѣхъ воздержится* (ст. 25). Что значитъ: *отъ всѣхъ?* Не такъ, что отъ одного воздерживается, а въ другомъ грѣшитъ, но воздерживается и отъ чревоугодія, и отъ сладострастія, и отъ пьянства, и отъ всѣхъ вообще страстей. Такъ бываетъ, говоритъ, даже при внѣшнихъ подвигахъ; подвизающимся нельзя во время борьбы ни напиваться, ни прелюбодѣйствовать, чтобы не ослабить силъ, ни заниматься чѣмъ-нибудь другимъ; но, воздерживаясь совершенно отъ всего, они занимаются только упражненіями. Если же такъ бываетъ тамъ, гдѣ вѣнецъ дается одному, то тѣмъ болѣе должно быть здѣсь, гдѣ больше щедрости; здѣсь не одинъ только увѣнчивается, и самыя награды гораздо выше подвиговъ. Потому онъ, желая пристыдить ихъ, говоритъ: *и они убо да истлѣненъ вѣнецъ пріимутъ, мы же неистлѣненъ. Азъ убо тако теку, не яко безвѣстно* (ст. 26). Пристыдивъ ихъ тѣмъ, что бываетъ у внѣшнихъ (язычниковъ), (апостолъ) указываетъ потомъ на самого себя. Это лучшій способъ ученія; потому онъ постоянно поступаетъ такъ. Что же значитъ: *не яко безвѣстно?* Я имѣю въ виду, говоритъ, извѣстную цѣль, подвизаюсь не тщетно и не напрасно, какъ вы. Въ самомъ дѣлѣ, какая вамъ польза отъ того, что вы входите въ идольскія капища и какъ бы выказываете свое совершенство?

Никакой. Я же—не такъ, но все, что ни дѣлаю, дѣлаю для спасенія ближнихъ; показываю ли совершенство,—это для нихъ; снисхожденіе ли,—это для нихъ; превосходство ли предъ Петромъ тѣмъ, что не беру,—это для того, чтобы они не соблазнились; уничиженіе ли болѣе всѣхъ, обрѣзываясь и остригаясь,—это для того, чтобы они не преткнулись. Вотъ что значитъ: *не яко безвѣстно*. А ты, скажи мнѣ, для чего ѣшь въ капищахъ? Не можешь представить никакой основательной причины; пища не приближаетъ тебя къ Богу; ѣшь ли, ничего не пріобрѣтаешь; не ѣшь ли, ничего не теряешь; слѣдовательно, ты идешь напрасно и безъ цѣли; это и значитъ: *безвѣстно*. *Тако подвизаюся, не яко воздухъ біяй*. Этими словами также выражаетъ, что онъ дѣйствуетъ не напрасно и безъ цѣли. Я имѣю (врага), говоритъ, котораго поражаю, т. е. діавола; а ты не поражаешь его, а попросту истощаешь свои силы. Такъ онъ говоритъ потому, что щадитъ ихъ; раньше высказавъ имъ сильное обличеніе, онъ здѣсь смягчаетъ укоризну, отлагая сильный ударъ
190 къ концу рѣчи. Теперь говоритъ, что они дѣлаютъ это тщетно и напрасно, а послѣ доказываетъ, что такимъ поведеніемъ они навлекаютъ погибель на свою голову и, кромѣ вреда братіи, сами дѣлаются виновными. *Но умерщвляю тѣло мое и порабощаю, да не како, инымъ проповѣдуя, самъ неключимъ буду* (ст. 27). Здѣсь онъ показываетъ, что они и преданы чревоугодію, и не обуздываютъ этой страсти, и подъ предлогомъ совершенства удовлетворяютъ ей—о чемъ онъ и выше съ сожалѣніемъ говорилъ: *брашна чреву и чрево брашномъ*. Отъ пресыщенія раждается какъ блудъ, такъ и идолослуженіе; потому онъ справедливо во многихъ мѣстахъ поражаетъ эту болѣзнь. Показавъ, сколько бѣдствій онъ потерпѣлъ за проповѣдь, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ указываетъ и на это; я исполнялъ, говоритъ, больше, нежели сколько было заповѣдано, хотя это для меня было не легко,—*вся*, говоритъ онъ, *терпимъ*,—но кромѣ того принимаю на себя и тотъ великій трудъ, чтобы жить воздержно. Хотя трудно преодолѣть похоть и силу желудка, однако я обуздываю его, не предаюсь этой страсти, но всячески стараюсь, чтобы не увлечься ею.

2. Не думайте, что я успѣваю въ этомъ безъ труда; нѣтъ, это для меня подвигъ, воздержаніе и борьба съ природою, которая непрестанно возстаетъ и домогается свободы; но я не уступаю, а укрощаю и подчиняю ее съ великими усиліями. Говоритъ онъ это для того, чтобы никто не отчаивался въ подвигахъ добродѣтели изъ-за трудности дѣла; потому и выражается такъ: *умерщвляю и порабощаю*. Не сказалъ: уничтожаю или отсѣкаю, потому что плоть не есть врагъ; но: *умерщвляю* (ὑπωπιάζω—бью по лицу)

и порабощаю, что свойственно господину, а не врагу, учителю, а не злодѣю, пѣстуну, а не противнику. *Да не како, инымъ проповѣдуя, самъ неключимъ буду.* Если же Павелъ, учитель столь многихъ, опасался этого, и опасался послѣ того, какъ распространилъ проповѣдь, сдѣлался благовѣстникомъ и получилъ господство надъ вселенной, то что должны сказать мы? Не думайте, говоритъ, будто для вашего спасенія достаточно того, что вы увѣровали; если мнѣ, который проповѣдалъ, училъ, обратилъ тысячи людей, недостаточно этого для спасенія, когда самъ себя не буду вести безукоризненно, то тѣмъ болѣе вамъ. Потомъ онъ переходитъ къ другимъ примѣрамъ; и какъ прежде указывалъ на апостоловъ, на общій обычай, на (ветхозавѣтныхъ) священниковъ и на себя самого, такъ здѣсь указываетъ на олимпійскія игры. А затѣмъ, указавъ на себя, опять обращается къ событіямъ ветхаго завѣта. Намѣреваясь произнести весьма сильное слово, онъ предлагаетъ наставленіе въ общемъ видѣ и бесѣдуетъ не только о ближайшемъ, но и о всѣхъ вообще недугахъ коринѳянъ. О внѣшнихъ (языческихъ) подвигахъ онъ сказалъ: *не вѣсте ли?* а здѣсь говоритъ: *не хощу же васъ не вѣдѣти, братіе* (x, 1), выражая, что они слишкомъ были въ этомъ наставлены. О чемъ же ты не хочешь оставить насъ въ невѣдѣніи? *Яко отцы наши вси подъ облакомъ быша, и сквозѣ море проидоша, и въ Моѵсеа крестишася во облацѣ и въ мори: и вси тожде брашно духовное ядоша, и тожде питіе духовное пиша: піяху бо отъ духовнаго послѣдующаго камене: камень же бѣ Христосъ. Но не во множайшихъ ихъ благоволи Богъ* (ст. 2—5). Для чего онъ говоритъ это? Чтобы пока- 191
зать, что какъ тѣмъ (израильтянамъ) не послужили въ пользу такіе дары, такъ и имъ (коринѳянамъ) не послужатъ въ пользу крещеніе и участіе въ духовныхъ таинствахъ, если жизнь ихъ не будетъ соотвѣтствовать благодати; для того онъ и указываетъ на прообразы крещенія и таинствъ. Что значитъ: *въ Моѵсеа крестишася?* Какъ мы, вѣрующіе во Христа и воскресеніе Его, крещаемся для того, чтобы и самимъ имѣть участіе въ этихъ таинствахъ,—а мы крещаемся, говоритъ, *мертвыхъ ради* (1 Кор. xv), 29), т. е. тѣлъ нашихъ,—такъ и тѣ, полагаясь на Моисея, т. е., видя, что онъ первый вступилъ въ море, рѣшились и сами вступить туда же. А такъ какъ (апостолъ) желаетъ сблизить прообразъ съ истиною, то не выражается такъ, но называетъ и прообразъ именемъ истины. Здѣсь онъ указываетъ на прообразъ крещенія, а далѣе (на прообразъ) священной трапезы. Какъ ты вкушаешь тѣло Владычне, такъ тѣ (вкушали) манну; какъ ты пьешь кровь, такъ тѣ—воду изъ камня. Хотя это было чувственно, однако подавалось духовно, не по законамъ природы, а по благодати, и

вмѣстѣ съ тѣломъ питало душу, располагая къ вѣрѣ. О пищѣ онъ ничего не прибавилъ, потому что она была отлична отъ обыкновенной не только по способу (полученія), но и по существу,—а была это *манна*,—о питьѣ же, въ которомъ только способъ полученія былъ чудесенъ и требовалъ объясненія, послѣ словъ: *тожде пиво духовное пиша*, онъ присовокупилъ: *піяху бо отъ духовнаго послѣдующаго камене*; и еще: *камень же бѣ Христосъ*. Не камень, говоритъ, по естеству своему источалъ воду; иначе онъ источалъ бы ее и прежде; но все дѣлалъ нѣкоторый другой духовный камень, т. е. Христосъ, Который постоянно соприсутствовалъ имъ и творилъ всѣ чудеса; потому и говоритъ: *послѣдующаго*. Видишь ли мудрость Павла, какъ онъ объясняетъ, что Христосъ есть податель того и другого, и такимъ образомъ сближаетъ прообразъ съ истиною? Онъ подавалъ, говоритъ, и тѣ дары, Онъ же предлагаетъ и эту трапезу; Онъ провелъ тѣхъ чрезъ море, Онъ же проводитъ и тебя чрезъ крещеніе; тамъ Онъ доставлялъ манну и воду, а тебѣ тѣло и кровь. Таковы дары Его! Посмотримъ же, пощадилъ ли Онъ израильтянъ, когда они оказались недостойными даровъ Его? Нѣтъ; потому (апостолъ) и присовокупляетъ: *но не во множайшихъ ихъ благоволи Богъ*. Хотя Богъ удостоилъ ихъ такой чести, но это не принесло имъ никакой пользы, а большая часть ихъ погибла. Они всѣ погибли; но чтобы не подумали, что и имъ (коринѳянамъ) предстоитъ всеобщая погибель, (апостолъ) сказалъ: *множайшихъ*. Они составляли несмѣтное множество; но многочисленность нисколько не помогла имъ. Всѣ (благодѣянія) были знакомъ любви Божіей; но и это не помогло имъ, потому что они сами не явили дѣлъ любви. Такъ какъ многіе не вѣрятъ ученію о гееннѣ, какъ предмету неосязаемому и невидимому, то (апостолъ) бывшими уже примѣрами доказываетъ, что Богъ наказываетъ грѣшниковъ, хотя бы прежде изливалъ на нихъ безчисленныя благодѣянія: если вы, говоритъ, и не вѣрите будущему, то, конечно, не отнесетесь съ невѣріемъ къ прошедшему.

192 3. Смотрите, сколько благодѣяній Богъ оказалъ имъ: освободилъ изъ Египта и тамошняго рабства, провелъ чрезъ море, ниспослалъ съ неба манну, источилъ новые и чудные источники водъ, постоянно сопутствовалъ имъ, творя чудеса и вездѣ ограждая ихъ; и однако, когда они оказались недостойными такихъ даровъ, не пощадилъ ихъ, но всѣхъ погубилъ. *Поражени бо быша въ пустыни*, говоритъ (апостолъ), показывая этимъ выраженіемъ внезапную ихъ погибель, страданія и наказанія ниспосланныя на нихъ Богомъ, и то, что они не получили предстоявшихъ имъ наградъ. И притомъ не въ землѣ обѣтованной Онъ ниспослалъ

на нихъ все это, но внѣ и весьма далеко отъ нея, наказавъ ихъ сугубою казнію—тѣмъ, что не допустилъ видѣть земли обѣтованной, и тѣмъ, что наказалъ строго. Но какъ, скажешь, это относится къ намъ? Къ тебѣ именно и относится. Потому (апостолъ) и продолжаетъ: *сія же образы намъ быша* (ст. 6). Какъ дары ихъ были прообразами, такъ и наказанія были прообразами; какъ крещеніе и таинственная трапеза были прообразованы, такъ послѣдующими событіями было предвозвѣщено и то, что недостойные дара подвергнутся наказанію, чтобы мы такими примѣрами научились быть болѣе воздержными. Потому и присовокупляетъ: *яко не быти намъ похотникомъ злыхъ, якоже и они похотѣша.* Какъ въ благодѣяніяхъ предшествовали прообразы, а за ними слѣдовала истина, такъ будетъ и въ наказаніяхъ. Видишь ли, какъ онъ внушаетъ, что мы не только будемъ наказаны, но еще гораздо больше, нежели тѣ (израильтяне)? Вѣдь если тамъ были прообразы, а здѣсь истина, то и наказанія должны быть гораздо больше—такъ же, какъ дары. И смотри, противъ кого прежде говоритъ онъ: противъ тѣхъ, которые ѣли въ капищахъ. Сказавъ: *яко не быти намъ похотникомъ злыхъ,* что относилось ко всѣмъ вообще, и въ частности показавъ, что всякій грѣхъ происходитъ отъ злой похоти, онъ сначала говоритъ: *ни идолослужители бывайте, якоже нѣцыи отъ нихъ, якоже есть писано: сѣдоша людіе ясти и пити, и восташа играти* (ст. 7). Слышишь ли, какъ онъ называетъ (коринѳянъ) идолослужителями? Впрочемъ, здѣсь онъ только намекаетъ, а послѣ и доказываетъ это. Представляетъ и причину, почему они стекались къ трапезамъ; это—сластолюбіе. Сказавъ: *яко не быти намъ похотникомъ злыхъ,* и продолживъ: *ни идолослужители бывайте,* указываетъ причину такого нечестія—въ сластолюбіи. *Сѣдоша бо,* говоритъ, *людіе ясти и пити,* и вслѣдствіе того *восташа играти.* Какъ тѣ, говоритъ, отъ сластолюбія дошли до идолопоклонства, такъ надобно опасаться, чтобы и вы по той же причинѣ не дошли до того же. Видишь ли, какъ онъ доказалъ, что считавшіе себя совершенными несовершеннѣе другихъ? Обвиняетъ ихъ не только въ томъ, что они не оказываютъ снисхожденія, но и въ томъ, что одни грѣшатъ по невѣдѣнію, а другіе по сластолюбію, и за погибель первыхъ угрожаетъ наказаніемъ послѣднимъ, не оставляя послѣднимъ возможности слагать вину грѣха своего на другихъ, но объявляя ихъ виновниками погибели и своей и другихъ. *Ниже соблудимъ, якоже нѣцыи отъ нихъ соблудиша* (ст. 8). Для чего здѣсь онъ опять упоминаетъ о блудѣ, о которомъ столько говорилъ прежде? Такъ обыкновенно поступалъ Павелъ: обличая многіе грѣхи, онъ исчислялъ ихъ по порядку и указывалъ каждый отдѣльно, а

потомъ, говоря о другихъ, упоминалъ и о сказанныхъ прежде.
193 Точно также поступалъ Богъ въ ветхомъ завѣтѣ: при каждомъ преступленіи Онъ напоминалъ іудеямъ о тельцѣ и поставлялъ имъ на видъ этотъ грѣхъ. Подобнымъ образомъ Павелъ поступаетъ и здѣсь: онъ напоминаетъ имъ объ этомъ грѣхѣ и вмѣстѣ научаетъ, что это зло также происходитъ отъ сластолюбія и чревоугодія; потому присовокупляетъ: *ниже соблудимъ, якоже нѣцыи отъ нихъ соблудиша, и падоша во единъ день двадесять три тысящи.* А почему онъ не говоритъ, какое наказаніе постигло (іудеевъ) за идолопоклонство? Или потому, что это было извѣстно и очевидно, или потому, что наказаніе было не такъ велико, какъ при Валаамѣ, когда служили Веельфегору, будучи увлечены къ нечестію мадіанитскими женщинами, явившимися въ ихъ ополченіе по совѣту Валаама. А что это былъ коварный совѣтъ Валаама, видно изъ словъ Моисея, который въ концѣ книги Числъ говоритъ: *и Валаама сына Веорова убиша* на войнѣ Мадіамской *съ язвенными, и приведоша користи. И разгнѣвася Моисей и рече: вскую живъ остависте весь женскъ полъ? Тыя бо быша сыномъ Израилевымъ въ соблазнъ, по словеси Валаамлю, еже отступити и презрѣти слово Господне Фегора ради* (Числ. XXXI, 8—16). *Ни да искушаимъ Христа, якоже нѣцыи отъ нихъ искусиша, и отъ змій погибоша* (ст. 9).

4. Здѣсь онъ указываетъ еще на одно преступленіе, о которомъ бесѣдуетъ и при концѣ посланія, обвиняя ихъ (коринѳянъ) въ томъ, что они разногласили касательно знаменій, роптали на искушенія и говорили: когда будутъ блага, когда награды? Чтобы исправить ихъ и устрашить, онъ продолжаетъ: *ни ропщите, якоже нѣцыи отъ нихъ ропташа, и погибоша отъ всегубителя* (ст. 10). Нужно не только страдать за Христа, но и переносить все случающееся мужественно и съ полнымъ удовольствіемъ; это всему вѣнецъ; а если этого не будетъ, то наказаніе постигнетъ ропщущихъ. Апостолы радовались, когда ихъ бичевали; Павелъ хвалился страданіями. *Вся же сія образы прилучахуся онѣмъ: писана же быша въ наученіе наше, въ нихже концы вѣкъ достигоша* (ст. 11).

Опять устрашаетъ, указывая на конецъ, и внушаетъ ожидать большаго, нежели бывшее прежде. Что мы будемъ наказаны, говоритъ, это и невѣрующіе ученію о гееннѣ могутъ видѣть изъ сказаннаго; а что будемъ наказаны гораздо болѣе, это видно изъ того, что мы получили большія благодѣянія и что прежнее было только прообразомъ. Если дары больше, то и наказанія больше. Для того онъ и назвалъ прежнія событія *образами*, сказалъ, что они описаны для насъ, и упомянулъ о концѣ,

чтобы напомнить кончину міра. Тогда наказанія будутъ не кратковременныя и имѣющія предѣлъ, но вѣчныя. Настоящія наказанія оканчиваются съ настоящею жизнію, будущія продолжатся вѣчно. Словами: *концы вѣкъ*—онъ внушаетъ не что иное, какъ то, что страшный судъ уже близокъ. *Тѣмже мняйся стояти, да блюдется, да не падетъ* (ст. 12). Снова низлагаетъ гордость тѣхъ, которые превозносились знаніемъ. Если такъ пострадали получившіе столько (даровъ), и одни подверглись такому наказанію только за ропотъ, другіе за искушеніе (Бога), за то, что народъ 194
не благоговѣлъ предъ Богомъ, не смотря на то, что достигъ такихъ благъ,—то тѣмъ болѣе это послѣдуетъ съ нами, когда мы не будемъ внимательными. Хорошо сказано: *мняйся стояти:* надѣяться на себя самого не значитъ стоять такъ, какъ должно стоять; такой человѣкъ скоро упадетъ; и они (израильтяне), если бы не превозносились и не надѣялись на себя, а смирялись, то не потерпѣли бы такихъ бѣдствій. Отсюда очевидно, что въ особенности гордость, а затѣмъ безпечность и сластолюбіе — источники этихъ золъ. Потому, если ты стоишь, берегись, чтобы не упасть. Стоять здѣсь не значитъ стоять твердо, пока мы не избавились отъ волнъ настоящей жизни и не достигли тихой пристани. Итакъ, не гордись тѣмъ, что ты стоишь, а опасайся, чтобы не упасть. Если опасался и Павелъ, который былъ крѣпче всѣхъ, то гораздо болѣе должно опасаться намъ. Апостолъ сказалъ: *тѣмже мняйся стояти, да блюдется, да не падетъ:* а мы не можемъ сказать и этого, потому что всѣ мы, такъ сказать, пали, повержены и лежимъ на землѣ. Кого мнѣ представить въ примѣръ? Того ли, кто грабитъ каждый день? Онъ лежитъ, подвергшись великому паденію. Блудника ли? Онъ поверженъ на землю. Пьяницу ли? Онъ лежитъ, даже не чувствуя, что лежитъ. Потому не это изреченіе теперь нужно произносить, а другое, сказанное пророкомъ къ іудеямъ: *еда падаяй не возстаетъ* (Іер. VIII, 4)? Подлинно всѣ пали и не хотятъ возстать; и намъ слѣдуетъ внушать не то, чтобы не падали, но чтобы лежащіе постарались возстать. Возстанемъ же, возлюбленные, возстанемъ хотя теперь, и будемъ стоять твердо. Доколѣ мы будемъ лежать? Доколѣ будемъ упиваться и предаваться многимъ житейскимъ пожеланіямъ? И теперь благовременно сказать: *кому возглаголю и засвидѣтельствую* (Іер. VI, 10)? Такъ всѣ сдѣлались глухи къ ученію о добродѣтели, и потому исполнились множества пороковъ! Если бы можно было обнажить души, то какъ между воинами послѣ пораженія видны то мертвые, то раненные, такое (зрѣлище) мы увидѣли бы и въ Церкви. Потому увѣщеваю и прошу: подадимъ другъ другу руки и возстанемъ; вѣдь и я изъ числа

раненныхъ и требующихъ лѣченія. Впрочемъ, не отчаивайтесь; раны хотя тяжки, но не неисцѣльны. Врачъ нашъ таковъ, что мы только бы чувствовали раны, а Онъ, хотя бы онѣ были крайне опасны, откроетъ намъ много путей ко спасенію. Если ты оставишь гнѣвъ на ближняго, то и тебѣ будутъ прощены грѣхи твои: *аще бо отпущаете человѣкомъ*, говоритъ (Господь), *отпуститъ и вамъ Отецъ вашъ небесный* (Мѳ. VI, 14). Если ты подашь милостыню, то и тебѣ грѣхи будутъ прощены: *грѣхи твоя*, говоритъ (пророкъ), *милостынями искупи* (Дан. IV, 24). Если будешь усердно молиться, получишь прощеніе; это доказываетъ вдова, неотступною просьбою преклонившая на милость жестокаго судію (Лук. XVIII, 5). Если станешь осуждать себя за грѣхи, получишь утѣшеніе: *глаголи ты беззаконія твоя прежде, да оправдишися* (Ис. XLIII, 26). Если станешь скорбѣть о нихъ, и это будетъ для тебя величайшимъ врачествомъ: *видѣхъ*, говоритъ (Господь), *яко опечалися и пойде дряхлъ и исцѣлихъ пути его* (Ис.
195 LVII, 17). Если будешь великодушно переносить постигшее тебя бѣдствіе, отъ всего избавишься,—вѣдь и богачу Авраамъ сказалъ: *воспріятъ Лазарь злая своя, и здѣ утѣшается* (Лук. XVI, 25). Если окажешь милость вдовицѣ, очистятся грѣхи твои: *судите*, говоритъ (пророкъ), *сиру, и оправдите вдовицу, и пріидите, и истяжимся, глаголетъ Господь: и аще будутъ грѣси ваши, яко багряное, яко снѣгъ убѣлю: аще же будутъ, яко червленое, яко волну убѣлю* (Ис. I, 17, 18). Богъ не оставитъ на тебѣ и слѣда отъ ранъ твоихъ.

5. Хотя бы мы впали въ такую глубину золъ, въ какую впалъ сынъ, расточившій отеческое имѣніе и питавшійся шелухой, и тогда, если покаемся, непремѣнно спасемся; хотя бы должны были тысячу талантовъ, и тогда, если припадемъ (къ Господу) и не будемъ помнить зла, получимъ прощеніе во всемъ; хотя бы заблуждались такъ же, какъ овца заблудшая, и тогда (Господь) можетъ спасти насъ; будемъ только желать этого, возлюбленные, а Богъ человѣколюбивъ. Для него довольно было и того, что должникъ тысячи талантовъ припалъ къ Нему, что расточившій отеческое имѣніе только возвратился, что заблудшая овца пожелала быть спасенною. Потому, представляя себѣ Его человѣколюбіе, будемъ умилостивлять Его здѣсь и поспѣшимъ принести предъ лице Его исповѣданіе, чтобы, отошедши отсюда неоправданными, не подвергнуться крайнему наказанію. Если въ настоящей жизни мы покажемъ хотя нѣкоторое тщаніе, то получимъ величайшую пользу; а если отойдемъ отсюда, нисколько не исправившись, то какъ бы сильно мы ни раскаивались тамъ, не будетъ намъ никакой пользы. Надобно подвизаться, пока мы еще на

поприщѣ; а по окончаніи зрѣлища безполезно плакать и рыдать, какъ дѣлалъ богачъ, который, хотя плакалъ и рыдалъ, но напрасно и тщетно, потому что пропустилъ время, въ которое надлежало это дѣлать. Впрочемъ, не онъ одинъ, а много и нынѣ подобныхъ ему богачей, которые денегъ не желаютъ презирать, а душу презираютъ. Я удивляюсь, когда вижу, какъ часто они просятъ у Бога милости, а сами къ себѣ немилосерды, не щадятъ души своей, какъ будто она—врагъ ихъ. Не будемъ шутить, возлюбленные, не будемъ издѣваться и обольщать себя, прося себѣ у Бога милости, а сами предпочитая этой милости деньги, пресыщеніе и все прочее. Если бы кто предложилъ тебѣ на судъ дѣло какого-нибудь человѣка и сказалъ бы, что онъ, подвергаясь смертнымъ опасностямъ и будучи въ состояніи небольшимъ количествомъ денегъ освободить себя отъ погибели, рѣшился лучше умереть, нежели потерять сколько-нибудь изъ своего имущества, то ты, конечно, призналъ бы его недостойнымъ никакой милости или прощенія. Такъ суди и о себѣ самомъ: и мы дѣлаемъ тоже, пренебрегаемъ своимъ спасеніемъ, а дорожимъ деньгами. Какъ же ты можешь испросить милость у Бога, когда не щадишь самъ себя и предпочитаешь деньги душѣ? Крайне удивляюсь, какое обольщеніе скрывается въ деньгахъ, или, лучше, не въ деньгахъ, а въ душахъ обольщаемыхъ. А есть, дѣйствительно есть, люди, которые смѣются надъ этимъ обольщеніемъ. Въ самомъ дѣлѣ, что въ деньгахъ можетъ обольщать насъ? Не вещество ли онѣ бездушное и тлѣнное? Не обманчиво ли обладаніе ими? Не сопряжено ли со страхомъ и опасностями, съ убійствами и кознями, съ враждою и ненавистію, съ лѣностію и многими пороками? Не прахъ ли онѣ и пепелъ? Какое безуміе! Какая болѣзнь! Но, ска- 196
жешь, не осуждать только нужно зараженныхъ болѣзнію, а истреблять эту страсть. Какъ же иначе истреблять ее, если не доказывая, что она порочна и исполнена безчисленныхъ золъ? Впрочемъ не легко убѣдить пристрастившагося къ этимъ дѣтскимъ игрушкамъ. Ему надобно указать на другую противоположную красоту. Но, какъ больной, онъ еще не можетъ видѣть красоты безтѣлесной. Потому представимъ красоту тѣлесную и скажемъ ему: вообрази себѣ луга и на нихъ цвѣты, которые прекраснѣе всякаго золота, пріятнѣе и свѣтлѣе всякихъ драгоцѣнныхъ камней; вообрази прозрачныя струи потоковъ и рѣкъ, которыя тихо, подобно елею, протекаютъ по землѣ; обратись къ небу и посмотри на красоту солнца, благолѣпіе луны, сіяніе звѣздъ. Но что же изъ этого? Мы не можемъ, скажешь, пользоваться ими такъ, какъ деньгами? Напротивъ—болѣе, нежели деньгами, потому что и употребленіе ихъ необходимѣе, и наслажденіе надежнѣе; тебѣ не

нужно опасаться, чтобы кто не похитилъ ихъ, подобно какъ деньги, но можно всегда быть увѣрену въ нихъ, притомъ безъ заботъ и безпокойствъ. Если же ты скорбишь о томъ, что пользуешься ими вмѣстѣ съ другими, а не одинъ обладаешь ими такъ, какъ деньгами, то значитъ ты преданъ не деньгамъ, а только корыстолюбію. Ты не сталъ бы любить и денегъ, если бы онѣ были общими для всѣхъ. Итакъ, нашедши то, что ты любишь, т. е. корыстолюбіе, я теперь покажу тебѣ, какъ оно тебя не любитъ и ненавидитъ, сколько изощряетъ противъ тебя мечей, сколько ископываетъ пропастей, сколько раскидываетъ сѣтей, сколько приготовляетъ стремнинъ, чтобы хотя такимъ образомъ погасить страсть твою. Откуда же это видно? Изъ войнъ, изъ того, что на дорогахъ, на моряхъ, въ судилищахъ. Вѣдь оно и моря наполняетъ кровію, и мечи судей часто обагряетъ несправедливо, и вооружаетъ производящихъ засады на дорогахъ днемъ и ночью, и заставляетъ забывать самую природу, и создаетъ отцеубійцъ и матереубійцъ, и вводитъ вообще всякое зло въ жизни.

6. Потому-то Павелъ называетъ (сребролюбіе) корнемъ (всѣхъ золъ) (1 Тим. VI, 10). Оно приводитъ преданныхъ ему въ состояніе ничѣмъ не лучшее того, въ какомъ находятся вырабатывающіе металлы (въ рудникахъ). Какъ эти, будучи постоянно заключены во мракѣ и связаны, трудятся безъ пользы, такъ и тѣ, сокрывшись въ вертепахъ сребролюбія, безъ всякаго сторонняго принужденія, самопроизвольно подвергаютъ себя мученію и налагаютъ на себя неразрѣшимыя узы. Осужденные (на работы въ рудникахъ), по крайней мѣрѣ, при наступленіи вечера освобождаются отъ трудовъ; а тѣ и днемъ и ночью копаются надъ своими презрѣнными металлами. Притомъ первымъ опредѣлена мѣра тяжкой ихъ работы; а послѣдніе не знаютъ мѣры, но чѣмъ болѣе копаютъ, тѣмъ болѣе чувствуютъ недовольство. Но эти, скажешь, работаютъ по неволѣ, а тѣ добровольно? Тѣмъ тяжелѣе болѣзнь ихъ, что они не могутъ даже освободиться отъ нея, не чувствуя отвращенія къ своему бѣдственному состоянію. Какъ свинья въ грязи, такъ и они услаждаются, валяясь въ нечистотахъ сребролюбія и страдая тяжелѣе тѣхъ осужденныхъ. А что дѣйствительно они находятся въ худшемъ состояніи, послушай, въ какомъ состояніи—тѣ, тогда поймешь, въ какомъ—они. Говорятъ, что златоносная земля имѣетъ въ мрачныхъ своихъ пещерахъ разсѣлины и впадины; преступникъ, осужденный на работу въ нихъ, взявъ
197 лампаду и заступъ, входитъ внутрь, неся съ собою сосудъ съ масломъ, чтобы подливать изъ него въ лампаду, потому что тамъ, какъ я сказалъ, непроницаемая тьма и днемъ; потомъ, когда наступаетъ время несчастному принять пищу, а самъ онъ не знаетъ

времени, стражъ узниковъ сильно ударяетъ въ пещеру сверху, и этими ударами и звукомъ даетъ знать работающему внутри объ окончаніи дня. Не содрогаетесь ли вы, слыша это? Посмотримъ же, не тяжелѣе ли страдаютъ сребролюбцы. Подлинно, и стражъ ихъ жесточе, т. е. сребролюбіе, тѣмъ жесточе, что вмѣстѣ съ тѣломъ онъ связываетъ у нихъ душу; и тьма ихъ ужаснѣе той тьмы, потому что она не чувственная, но скрывается внутри, и куда ни идутъ они, всюду носятъ ее съ собою, такъ какъ у нихъ омрачилось душевное око. Потому и Христосъ, выражая крайнее ихъ несчастіе, говоритъ: *аще убо свѣтъ, иже въ тебѣ, тма есть, то тма кольми* (Мѳ. VI, 23)? Тѣ имѣютъ по крайней мѣрѣ свѣтъ лампады; а эти (сребролюбцы) лишены и такого свѣта, и потому ежедневно впадаютъ въ тысячи пропастей. Притомъ осужденные при наступленіи ночи успокоиваются, достигая общаго для всѣхъ несчастныхъ покоя, т. е. ночи; а для сребролюбцевъ заграждена и эта пристань корыстолюбіемъ; они обременены тяжкими заботами и ночью, и со всѣмъ усердіемъ изнуряютъ сами себя, безъ всякаго сторонняго принужденія. Это съ ними происходитъ здѣсь; а что тамъ,—какое можетъ выразить слово? Тамъ невыносимыя печи, огненосныя рѣки, скрежещущіе зубы, неразрѣшимыя узы, ядовитый червь, непроницаемый мракъ, безконечныя мученія. Убоимся же, возлюбленные, убоимся источника такихъ мученій, ненасытной страсти, пагубы нашего спасенія. Невозможно любить вмѣстѣ и серебро и душу. Будемъ знать, что деньги—земля и пепелъ, что онѣ покинутъ насъ при отшествіи нашемъ отсюда, или, лучше, часто покидаютъ насъ еще прежде отшествія, причиняя намъ вредъ и въ будущей и въ настоящей жизни. Еще прежде геенны и тамошнихъ мученій онѣ возбуждаютъ у насъ и здѣсь тысячи браней, производятъ несогласія и раздоры. Ничто въ самомъ дѣлѣ не вызываетъ такихъ браней, какъ сребролюбіе; ничто больше его не причиняетъ бѣдности, будетъ ли оно у богача, или у бѣдняка,—потому что эта тяжкая болѣзнь 198
зараждается и въ душахъ бѣдныхъ, и увеличиваетъ бѣдность ихъ. Если бѣдный окажется сребролюбивъ, то онъ будетъ мучиться не отъ денегъ, а отъ голода; онъ не будетъ спокойно пользоваться своимъ малымъ имуществомъ, но станетъ истощать желудокъ голодомъ, изнурять все тѣло наготою и холодомъ, вездѣ являться неопрятнѣе и грязнѣе узниковъ, безпрестанно плакать и рыдать, какъ будто онъ всѣхъ несчастнѣе, хотя есть тысячи бѣднѣе его; пойдетъ ли онъ на торжище, возвратится оттуда съ множествомъ ранъ; пойдетъ ли въ баню или на зрѣлище, получитъ еще больше ранъ не только отъ зрителей, но и отъ дѣйствующихъ на сценѣ, увидѣвъ много распутныхъ женщинъ, сіяю-

щихъ золотомъ; поплыветъ ли по морю, опять, видя тамъ купцовъ, корабли, нагруженные множествомъ товаровъ, и несмѣтныя выгоды, возненавидитъ жизнь свою; пойдетъ ли сухимъ путемъ, тамъ видя поля, дачи, гостинницы, бани, и воображая получаемые съ нихъ доходы, почтетъ жизнь свою не жизнію; заключится ли дома, и тамъ, растравляя раны, полученныя на базарѣ, тѣмъ болѣе будетъ терзаться душею, такъ что для него остается одно только утѣшеніе отъ угнетающихъ его страданій,—смерть и прекращеніе жизни. Тому же можетъ подвергнуться не только бѣдный, но и богатый, впавшій въ эту болѣзнь, и тѣмъ болѣе въ сравненіи съ бѣднымъ, чѣмъ сильнѣе въ немъ страсть и чѣмъ больше ослѣпленіе; онъ будетъ считать себя бѣднѣе всѣхъ, и дѣйствительно онъ бѣднѣе всѣхъ. Не по мѣрѣ имущества, но по расположенію души надобно судить о богатствѣ и бѣдности; бѣднѣе всѣхъ тотъ, кто всегда желаетъ большаго и никогда не можетъ остановить своего злого желанія. Итакъ, будемъ убѣгать сребролюбія, этого виновника бѣдности, губителя души, друга геенны, врага царствія небеснаго, источника вообще всѣхъ золъ; будемъ презирать имущество, чтобы лучше пользоваться имуществомъ, а вмѣстѣ съ имуществомъ получить и обѣтованныя намъ блага, которыхъ да сподобимся всѣ мы (благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь).

БЕСѢДА XXIV.

197 **Искушеніе васъ не достиже, точію человѣческое. Вѣренъ же Богъ, иже не оставитъ васъ искуситися паче еже можете, но сотворитъ со искушеніемъ и избытіе, яко возмощи вамъ понести, и пр. (1 Кор. x, 13).**

1. (Апостолъ) достаточно возбудилъ въ нихъ (коринѳянахъ) страхъ указаніемъ на древніе примѣры и опасеніе словами: *мняйся стояти, да блюдется, да не падетъ;* но такъ какъ они уже претерпѣли много искушеній и часто подвергались имъ: *въ немощи*, говоритъ онъ, *и страсѣ и трепетѣ мнозѣ быхъ въ васъ*,—то чтобы они не сказали: «для чего ты устрашаешь насъ и предупреждаешь? Намъ не безъизвѣстны бѣдствія, мы были гонимы и преслѣдуемы, подвергались многоразличнымъ и частымъ опасно-
198 стямъ»,—онъ опять смиряетъ гордость ихъ и говоритъ: *искушеніе васъ не достиже, точію человѣческое*, т. е. малое, краткое, умѣрен-

ное. *Человѣческое* онъ употребляетъ вмѣсто *малое*, какъ напримѣръ въ словахъ: *человѣческо глаголю, за немощь плоти вашея* (Рим. VI, 19). Не превозноситесь, говоритъ, будто вы устояли противъ бури: вы еще не видали опасности, которая угрожала бы смертію, и искушенія, которое могло бы погубить. Тоже говоритъ онъ и евреямъ: *не у до крове стасте, противу грѣха подвизающеся* (XII, 4). Устрашивъ и внушивъ смиренномудріе, далѣе, смотри, какъ онъ опять ободряетъ ихъ: *вѣренъ же Богъ*, говоритъ, *иже не оставитъ васъ искуситися паче еже можете*. Значитъ, есть искушенія, которыхъ нельзя перенести. Какія же это? Можно сказать—всѣ, по- 199
тому что возможность переносить ихъ зависитъ отъ помощи Божіей, которую мы пріобрѣтаемъ собственнымъ нашимъ расположеніемъ. Потому, чтобы ты вполнѣ убѣдился, что не только (искушеній) превышающихъ наши силы, но и человѣческихъ мы не можемъ переносить безъ помощи свыше, онъ присовокупляетъ: *но сотворитъ со искушеніемъ и избытіе, яко возмощи понести*. Даже умѣренныхъ (искушеній) мы не можемъ, какъ я сказалъ, переносить собственною силою, но и въ этомъ случаѣ имѣемъ нужду въ помощи (Божіей), чтобы преодолѣть, а прежде, нежели преодолѣемъ, переносить ихъ. Богъ подаетъ и терпѣніе и скорое освобожденіе, такъ что искушеніе дѣлается сноснымъ. Это разумѣетъ (апостолъ), когда говоритъ: *сотворитъ и избытіе, яко возмощи понести*; все приписываетъ Ему. *Тѣмже, братіе моя, бѣгайте отъ идолослуженія* (ст. 14). Опять выражаетъ свое расположеніе къ нимъ, называя ихъ родственнымъ именемъ, и побуждаетъ скорѣе отстать отъ грѣха; не просто сказалъ: отстаньте, но: *бѣгайте*; и называетъ дѣло идолослуженіемъ, чтобы они отстали отъ него не только потому, что оно причиняетъ вредъ ближнему, но и потому, что оно само по себѣ весьма гибельно. *Яко мудрымъ глаголю: судите вы еже глаголю* (ст. 15). Такъ какъ онъ сказалъ многое и усилилъ обличеніе, назвавъ идолослуженіемъ, то, чтобы не показалось, что онъ говоритъ имъ слишкомъ рѣзко и укоризненно, отдаетъ это на ихъ судъ и похваливъ поставляетъ ихъ судіями: *яко мудрымъ*, говоритъ, *глаголю*. Надобно быть совершенно увѣреннымъ въ собственной правотѣ, чтобы самого обвиняемаго ставить судіею дѣла. Это весьма много ободряетъ и слушателей, когда кто бесѣдуетъ съ ними, не какъ повелитель или законодатель, но какъ совѣтникъ, ожидающій суда ихъ самихъ. Съ іудеями, которые были несмысленны и дѣтски малоумны, Богъ не такъ бесѣдовалъ и не вездѣ открывалъ имъ причины повелѣній, а только повелѣвалъ; но здѣсь, такъ какъ мы удостоены великой свободы и способны участвовать въ совѣтѣ, (апостолъ) бесѣдуетъ, какъ съ друзьями, и гово-

ритъ: я не требую другихъ судей, вы сами произнесите этотъ судъ, васъ беру судіями. *Чаша благословенія, юже благословляемъ, не общеніе ли крове Христовы есть* (ст. 16)? Что говоришь ты, блаженный Павелъ? Ты желаешь пристыдить слушателя и напомнить о страшныхъ тайнахъ, а называешь эту страшную и грозную чашу *чашею благословенія*? Да, говоритъ, сказанное не маловажно; когда я говорю: *благословеніе*, то припоминаю все сокровище благодѣяній Божіихъ и великіе дары. Подлинно, приступая къ чашѣ и пріобщаясь, мы вспоминаемъ неизреченныя благодѣянія Божіи и все, что получили, и благодаримъ, что Онъ избавилъ родъ человѣческій отъ заблужденія, что бывшихъ далеко Онъ приблизилъ, что не имѣвшихъ упованія и безбожниковъ въ мірѣ Онъ сдѣлалъ своими братіями и сонаслѣдниками. За это и все тому подобное мы благодаримъ Его и такимъ образомъ приступаемъ. А вы, коринѳяне, говоритъ, не поступаете ли напротивъ, когда благословляя Бога, что Онъ избавилъ васъ отъ идоловъ, опять прибѣгаете къ ихъ трапезамъ? *Чаша благословенія,*
200 *юже благословляемъ, не общеніе ли крове Христовы есть*? Весьма вѣрно и страшно онъ выразился; а смыслъ словъ его слѣдующій: находящееся въ чашѣ есть то самое, что̀ истекло изъ ребра Господа; того мы и пріобщаемся. *Чашею благословенія* назвалъ ее потому, что мы, держа ее въ рукахъ, прославляемъ Его, удивляемся и изумляемся неизреченному дару, благословляя за то, что Онъ пролилъ ее для избавленія насъ отъ заблужденія, и не только пролилъ, но и преподалъ ее всѣмъ намъ. Итакъ, говоритъ, если ты желаешь крови, то обагряй не жертвенникъ идоловъ пролитіемъ крови безсловесныхъ, но Мой жертвенникъ Моею кровію. Что, скажи мнѣ, страшнѣе этого? Что любвеобильнѣе?

2. Такъ поступаютъ любящіе: когда они увидятъ, что любимые ими желаютъ чужого и чуждаются своего, то отдаютъ имъ свое, чтобы отвлечь отъ чужого. Впрочемъ любящіе оказываютъ такую щедрость въ деньгахъ, въ одеждахъ, въ имуществахъ, а въ крови никто и никогда; но Христосъ и ею доказалъ попечительность и горячую любовь къ намъ. Въ ветхомъ завѣтѣ, когда люди были несовершенны, Онъ такую же кровь, какую (язычники) приносили идоламъ, благоволилъ и самъ принимать, чтобы отвратить отъ идоловъ,—что также доказывало неизреченную Его любовь; а теперь Онъ преподалъ священнодѣйствіе болѣе страшное и совершенное, измѣнивъ жертву, повелѣвъ вмѣсто закланія безсловесныхъ приносить Его самого. *Хлѣбъ, егоже ломимъ, не общеніе ли тѣла Христова есть?* Почему не сказалъ: причастіе? Потому, что хотѣлъ выразить нѣчто большее, показать великое единеніе. Пріобщаясь мы не только дѣлаемся участни-

ками и сообщниками, но соединяемся со Христомъ. Какъ тѣло (Христово) соединено со Христомъ, такъ и мы чрезъ этотъ хлѣбъ соединяемся съ Нимъ. А почему прибавилъ: *егоже ломимъ?* Потому что это дѣлается въ евхаристіи; а на крестѣ этого не было, но было даже противное: *кость*, говоритъ Писаніе, *не сокрушится отъ него* (Іоан. XIX, 36). Чего Онъ не претерпѣлъ на крестѣ, то претерпѣваетъ въ приношеніи для тебя, и даетъ преломлять Себя, чтобы исполнить всѣхъ. Далѣе сказалъ: *общеніе тѣла;* такъ какъ пріобщающееся отлично отъ того, чему оно пріобщается, то уничтожаетъ и это, повидимому малое, различіе. Именно, сказавъ: *общеніе тѣла*, хочетъ выразить еще тѣснѣйшую близость и говоритъ: *яко единъ хлѣбъ, едино тѣло есмы мнози* (ст. 17). Что я говорю: *общеніе?*—продолжаетъ онъ,—мы составляемъ самое тѣло Его. Что такое этотъ хлѣбъ? Тѣло Христово. Чѣмъ дѣлаются причащающіеся? Тѣломъ Христовымъ, не многими тѣлами, а однимъ тѣломъ. Какъ хлѣбъ, составляясь изъ многихъ зеренъ, дѣлается единымъ, такъ что, хотя въ немъ есть зерна, но ихъ не видно, и различіе ихъ непримѣтно по причинѣ ихъ соединенія, такъ и мы соединяемся другъ съ другомъ и со Христомъ. Мы питаемся не одинъ однимъ, другой другимъ, но всѣ однимъ и тѣмъ же тѣломъ. Потому и присовокупляетъ: *вси бо отъ единаго хлѣба причащаемся.* Если же мы питаемся однимъ и всѣ дѣлаемся однимъ, то почему не оказываемъ одной и той же любви, не дѣлаемся однимъ и въ этомъ отношеніи? Въ древнія времена у предковъ нашихъ такъ именно и было: *народу же вѣровавшему*, говоритъ (Писаніе), *бѣ сердце и душа едина* (Дѣян. VI, 32). А теперь не такъ, но совершенно напротивъ: между всѣми множество 201
разнаго рода браней; мы—члены—расположены другъ къ другу хуже дикихъ звѣрей. Христосъ соединилъ съ Собою тебя, столько отдѣлившагося отъ Него; а ты не хочешь даже съ братомъ соединиться надлежащимъ образомъ, но отдѣляешься отъ него, удостоившись отъ Владыки такой любви и жизни. Онъ не просто далъ Свое тѣло, но вмѣсто прежней плоти, которая, по естеству своему происходя изъ земли, была умерщвлена грѣхомъ и лишена жизни, Онъ привнесъ, такъ сказать, другой составъ и другую закваску—свою плоть, которая хотя по естеству такая же, но чужда грѣха и исполнена жизни, и всѣмъ преподалъ ее, чтобы, питаясь ею и отложивъ прежнюю мертвенную (плоть), мы уготовились посредствомъ этой трапезы въ жизнь безсмертную. *Видите Исраиля по плоти: не ядущіи ли жертвы общницы олтареви суть* (ст. 18)? И это доказываетъ опять изъ ветхаго завѣта. А такъ какъ величіе сказаннаго много превышало ихъ понятія, то убѣждаетъ ихъ прежними и обыкновенными примѣрами. И хорошо

говоритъ: *по плоти,*—потому что они—по духу. А смыслъ словъ его слѣдующій: научитесь хотя изъ грубѣйшихъ (примѣровъ), что вкушающіе отъ жертвъ дѣлаются участниками жертвоприношенія. Видишь ли, какъ онъ доказываетъ, что считающіеся совершенными не имѣютъ совершеннаго знанія, если они не знаютъ даже того, что отъ такого общенія у многихъ происходитъ нѣкоторое дружество съ демонами, когда они мало-по-малу пріобрѣтаютъ къ тому навыкъ? Если у людей общеніе соли и трапезы бываетъ поводомъ и знакомъ дружбы, то тоже самое можетъ быть и въ отношеніи къ демонамъ. Замѣть, какъ онъ объ іудеяхъ не сказалъ, что они были общниками Богу, но: *общницы олтареви суть,* потому что сожигалось предлагаемое; а о тѣлѣ Христовомъ не такъ, но какъ? *Общеніе тѣла Господня есть,* потому что мы дѣлаемся общниками не жертвенника, а самого Христа. Сказавъ: *общницы олтареви суть,* и опасаясь, чтобы кто не подумалъ, будто онъ говоритъ объ идолахъ, какъ бы имѣющихъ нѣкоторую силу и могущихъ причинить вредъ,—смотри, какъ онъ далѣе отвергаетъ эту мысль и говоритъ: *что убо глаголю? Яко идолъ что есть? Или идоложертвенное что есть* (ст. 19)?

3. Говорю это, продолжаетъ онъ, и отклоняю васъ отъ идоловъ не потому, чтобы они могли причинить какой-нибудь вредъ, или имѣли какую-нибудь силу; они — ничто; но хочу, чтобы вы презирали ихъ. Если же онъ хочетъ, скажешь, чтобы мы презирали ихъ, то почему съ такимъ усиліемъ отклоняетъ насъ отъ нихъ? Потому, что (жертвы ихъ) приносятся не твоему Владыкѣ. *Зане юже жрутъ языцы,* говоритъ, *бѣсомъ жрутъ, а не Богови* (ст. 20). Не обращайтесь же къ тому, что противно (Богу). Если бы ты былъ сыномъ царскимъ и, участвуя въ трапезѣ отца, захотѣлъ оставить ее и принимать участіе въ трапезѣ преступниковъ и темничныхъ узниковъ, то отецъ позволилъ ли бы? Напротивъ, онъ строго запретилъ бы, не потому, чтобы эта трапеза могла повредить тебѣ, а потому, что она безчеститъ благородство твое и трапезу царскую. Такъ и эти (приносящіе жертвы идоламъ) суть низкіе рабы, преступные и осужденные узники, соблюдаемые для тяжкаго наказанія и достойные тысячи казней. Какъ же ты не стыдишься, подобно чревоугодникамъ и рабамъ, стремиться къ
202 трапезѣ, которую предлагаютъ эти преступники, и участвовать въ предлагаемомъ? Вотъ почему я отклоняю тебя отъ этого! Цѣль приносящихъ жертвы и свойство лицъ пріемлющихъ дѣлаютъ предлагаемое нечистымъ. *Не хощу же васъ общниковъ быти бѣсомъ.* Видишь ли любовь попечительнаго отца? Видишь ли, какъ самыя слова его выражаютъ великую доброжелательность? Не хочу, говоритъ, чтобы вы имѣли какое-нибудь общеніе съ ними (не-

вѣрными). А такъ какъ онъ говорилъ въ видѣ совѣта, то, чтобы кто изъ упорнѣйшихъ не ослушался и не счелъ себя въ правѣ (не дѣлать этого), послѣ словъ: *не хощу* и: *судите вы*, далѣе онъ произноситъ рѣшительное опредѣленіе и говоритъ: *не можете чашу Господню пити и чашу бѣсовскую: не можете трапезѣ Господнѣй причащатися и трапезѣ бѣсовстѣй* (ст. 21). Одни эти выраженія достаточны для вразумленія. Потомъ говоритъ съ укоризною: *или раздражаемъ Господа? Еда крѣпчайши его есмы* (ст. 22)? Т. е., неужели мы смѣемъ искушать Его, можетъ ли Онъ наказать насъ, и раздражать Его, переходя на сторону Его противниковъ и становясь наряду съ врагами Его? Здѣсь онъ напоминаетъ о ветхозавѣтныхъ событіяхъ и беззаконіяхъ предковъ; потому употребляетъ и то самое выраженіе, которое нѣкогда употребилъ Моисей, отъ лица Божія обличая іудеевъ въ идолопоклонствѣ: *тіи*, говорилъ онъ, *раздражиша мя не о Бозѣ, прогнѣваша мя во идолѣхъ своихъ* (Втор. XXXII, 21). *Еда крѣпчайши его есмы*? Видишь ли, какъ сильно, какъ страшно онъ поражаетъ ихъ, потрясая самые нервы ихъ, доводя ихъ сужденія до нелѣпости, и такимъ образомъ низлагая гордость ихъ? Но почему, скажешь, онъ не сказалъ этого въ началѣ, чтобы скорѣе отклонить ихъ? Таковъ его обычай: подтверждать ученіе свое многими доводами, полагая сильнѣйшіе на концѣ, и такимъ образомъ побѣждать совершенно. Такъ (и здѣсь), начавъ съ меньшаго, онъ дошелъ до самаго главнаго; послѣднее гораздо скорѣе могло быть принято послѣ того, какъ душа слушателей смягчилась прежними доводами. *Вся ми лѣть, суть, но не вся на пользу: вся ми лѣть суть, но не вся назидаютъ. Никтоже своего си да ищетъ, но еже ближняго кійждо* (ст. 23, 24). Видишь ли великую его мудрость? Такъ какъ иной изъ нихъ могъ сказать: я совершенъ, я властенъ надъ собою, я вкушаю предлагаемое безъ вреда для себя, то онъ говоритъ: положимъ, что ты совершенъ и властенъ надъ собою; но смотри не на это, а на то, не причиняетъ ли твое поведеніе какого-нибудь вреда, или какого-нибудь разстройства. То и другое онъ выразилъ словами: *не вся на пользу, не вся назидаютъ*, разумѣя первое о немъ самомъ, а второе о братѣ; выраженіе: *не на пользу* указываетъ на погибель его самого, а *не назидаютъ*—на соблазнъ брата. Потому и присовокупляетъ: *никтоже своего си да ищетъ*. Это раскрываетъ онъ во всемъ посланіи, равно какъ и въ посланіи къ Римлянамъ, когда говоритъ: *ибо и Христосъ не себѣ угоди* (Рим. XV, 3); и еще: *якоже и азъ во всемъ всѣмъ угождаю, не ищй своея пользы* (1 Кор. X, 33). Также и здѣсь онъ не распространяется объ этомъ. Выше онъ пространно доказывалъ и доказалъ, что онъ никогда не искалъ своей пользы, былъ для іудеевъ, какъ

іудей, для неимѣющихъ закона, какъ безъ закона, самою свободою и властію своею не просто пользовался, а (искалъ) пользы всѣхъ, служа всѣмъ; потому здѣсь онъ довольствуется немногими словами и прекращаетъ рѣчь, напоминая имъ этими немногими
203 словами все, что сказано было прежде. Зная это, возлюбленные, будемъ и мы пещись о братіяхъ и соблюдать единеніе съ ними. Къ этому побуждаетъ насъ та великая, страшная и ужасная Жертва, повелѣвающая намъ приступать къ ней съ совершеннымъ единодушіемъ и пламенною любовію, окрыляться подобно орламъ, и такимъ образомъ воспарять къ самому небу. *Идѣже бо трупъ*, говоритъ Господь, *тамо соберутся орли* (Мѳ. XXIV, 28). Трупомъ Онъ называетъ умершее тѣло, такъ какъ если бы Онъ не умеръ, то и мы не воскресли бы; а орлами называетъ приступающихъ къ этому тѣлу и внушаетъ, что они должны возвышаться, не имѣть ничего общаго съ землею, не оставаться долу, и не пресмыкаться, но непрестанно возлетать горѣ, стремиться къ Солнцу правды и имѣть острое око души. Вѣдь это — трапеза орловъ, а не галокъ. Достойно причащающіеся нынѣ срѣтятъ тогда (Господа) грядущаго съ небесъ; а (причащающіеся) недостойно подвергнутся погибели.

4. Если никто не приметъ просто царя,—что я говорю: царя? — если къ одеждѣ царской никто просто не посмѣетъ прикоснуться нечистыми руками, хотя бы въ сокровенномъ мѣстѣ, хотя бы наединѣ, хотя бы никого другого не было, тогда какъ одежда есть не что иное, какъ ткань червей, а краска, которой ты удивляешься, есть кровь мертвой рыбы, и однако никто не рѣшится взять ее нечистыми руками; если, говорю, къ человѣческой одеждѣ никто не посмѣетъ прикоснуться просто,—то какъ мы дерзнемъ принимать съ неуваженіемъ тѣло всѣхъ Бога, тѣло непорочное, чистое, соединенное съ божественнымъ естествомъ, которымъ мы существуемъ и живемъ, которымъ сокрушены врата смерти и отверсты своды небесные? Нѣтъ, умоляю, не будемъ губить себя безстыдствомъ, но будемъ приступать къ Нему съ трепетомъ и со всякою чистотою. Когда ты увидишь его предложеннымъ, то скажи самому себѣ: чрезъ это тѣло я уже не земля и пепелъ, уже не плѣнникъ, а свободный; чрезъ него я надѣюсь достигнуть небесъ и уготованныхъ тамъ благъ — безсмертной жизни, жребія ангеловъ, соединенія со Христомъ; смерть не устояла, когда это тѣло было пригвождаемо и уязвляемо; солнце сокрыло лучи свои, увидѣвъ это тѣло распинаемымъ; раздралась въ то время завѣса, распались камни, потряслась вся земля; оно — то самое тѣло, которое было окровавлено, прободено копіемъ и источило всей вселенной спасительные источники—кровь и воду. Хочешь ли еще видѣть

силу его? Спроси кровоточивую, которая прикоснулась не къ нему, а къ одеждѣ, въ которую оно было облечено, и даже не къ цѣлой одеждѣ, а къ краю ея; спроси море, которое носило его на хребтѣ своемъ; спроси самого діавола и скажи ему: откуда у тебя неисцѣльная рана?—отчего ты уже не имѣешь никакой силы?—какъ ты подвергся плѣну?—кѣмъ ты удержанъ, когда предался бѣгству?—и онъ укажетъ тебѣ не на что иное, какъ на тѣло распятое. Имъ притуплено жало его, имъ сокрушена глава его, имъ посрамлены начала и власти его: *совлекъ*, говоритъ (Писаніе), *начала и власти, изведе въ позоръ съ дерзновеніемъ, побѣдивъ ихъ въ себѣ* (Кол. II, 15). Спроси также смерть и скажи: чѣмъ истреблено твое жало?—чѣмъ разрушена твоя побѣда?—чѣмъ сокрушена твоя 204
сила?—отчего ты сдѣлалась посмѣшищемъ дѣвицъ и отроковъ, тогда какъ прежде была страшна всѣмъ властелинамъ и даже праведникамъ?—и она укажетъ на то же тѣло. Когда оно было распинаемо, тогда возстали мертвые, тогда разрушилась та темница, сокрушились мѣдныя врата, и мертвые воскресли, а всѣ стражи ада пришли въ ужасъ. Если бы оно было однимъ изъ многихъ, то надлежало бы произойти противному: смерть одолѣла бы; но не то произошло, потому что оно не было однимъ изъ многихъ; потому она (смерть) и была побѣждена. Какъ принимающіе такую пищу, которой не могутъ удержать въ себѣ, извергаютъ съ нею и то, что было принято ими прежде, такъ было и со смертію: принявъ тѣло, котораго не могла сокрушить, она извергла и то, что имѣла въ себѣ; принявъ его, она испытала болѣзни рожденія и мучилась дотолѣ, пока не возвратила его. Потому апостолъ и говоритъ: *разрѣшивъ болѣзни смертныя* (Дѣян. II, 24). Ни одна жена, рождающая ребенка, не мучится такъ, какъ мучилась и терзалась она, принявъ въ себя тѣло Владычне. Что случилось съ вавилонскимъ змѣемъ, который, принявъ пищу, самъ расторгся (Дан. XIV, 28), то же и съ нею. Христосъ вышелъ обратно не чрезъ уста смерти, но расторгнувъ и растерзавъ самое чрево этого змія, вышелъ такимъ образомъ изъ внутренностей его съ великою славою, проливъ лучи не до неба только, но до самаго горняго престола, куда Онъ и вознесъ съ собою тѣло. Это тѣло Онъ далъ намъ для обладанія и яденія, чѣмъ и показалъ сильную любовь; вѣдь кого мы сильно любимъ, того часто и угрызаемъ. Такъ Іовъ, выражая любовь къ нему рабовъ его, сказалъ, что они отъ сильной любви къ нему часто говорили: *кто убо далъ бы намъ отъ плотей его насытитися* (Іов. XXXI, 31)? Такъ и Христосъ далъ намъ насытиться отъ плотей Его, чтобы возбудить въ насъ сильнѣйшую любовь.

5. Итакъ, будемъ приступать къ нему съ пламенною любовію,

чтобы намъ не подвергнуться наказанію, такъ какъ чѣмъ болѣе мы облагодѣтельствованы, тѣмъ болѣе будемъ наказаны, если окажемся недостойными благодѣяній. Это тѣло почтили волхвы, когда оно лежало въ ясляхъ. Люди незнавшіе истиннаго Бога и чужеземные, оставивъ домъ и отечество, предприняли далекій путь, и пришедши поклонились ему съ великимъ страхомъ и трепетомъ. Будемъ же подражать хотя этимъ чужеземцамъ мы, граждане неба. Они, увидѣвъ его въ хижинѣ и въ ясляхъ и не увидѣвъ ничего такого, что (видишь) ты теперь, приступили съ великимъ трепетомъ; а ты видишь его не въ ясляхъ, а на жертвенникѣ, видишь не жену держащую, а священника предстоящаго и Духа, осѣняющаго предложенное съ великою щедростію; и не просто только видишь это тѣло, какъ они (видѣли), но знаешь и силу его и все домостроительство, знаешь все, что совершилось чрезъ него, будучи тщательно наученъ всѣмъ тайнамъ. Потому будемъ приступать съ трепетомъ и показывать болѣе благоговѣнія, нежели тѣ чужеземцы, чтобы, приступая къ нему просто и невнимательно, не собрать намъ огня на свою голову. Впрочемъ говорю это не къ тому, чтобы мы не приступали, но чтобы не приступали недостойно, потому что какъ опасно приступать безъ разсужденія, такъ и не пріобщаться
205 этой таинственной вечери есть голодъ и смерть. Эта трапеза есть сила для души нашей, крѣпость для сердца, основаніе упованія, надежда, спасеніе, свѣтъ, жизнь. Отошедши туда съ этою жертвою, мы съ великимъ дерзновеніемъ вступимъ въ священныя обители, какъ бы огражденные со всѣхъ сторонъ золотымъ оружіемъ. Но что я говорю о будущемъ? Это таинство и здѣсь дѣлаетъ для тебя землю небомъ. Открой же врата неба и взгляни, или лучше, врата не неба, а неба небесъ, и ты увидишь тогда сказанное. Что тамъ есть самаго драгоцѣннаго, тоже самое я покажу тебѣ и на землѣ. Какъ въ царскихъ чертогахъ всего важнѣе не стѣны и не золотая крыша, а тѣло царя, сидящаго на престолѣ, такъ и на небесахъ—тѣло Царя. Но то же самое ты можешь видѣть и нынѣ на землѣ, видѣть не ангеловъ и архангеловъ, не небеса и небеса небесъ, а самого Владыку всего этого. Не правда ли, что ты видишь на землѣ то, что всего важнѣе, не только видишь, но и прикасаешься, не только прикасаешься, но и вкушаешь, и, вкусивъ, отходишь въ домъ свой? Очищай же душу, уготовляй сердце къ принятію этихъ таинъ. Если бы тебѣ поручено было держать на рукахъ царскаго сына во всемъ великолѣпіи порфиры и діадемы, то ты безъ сомнѣнія отвергъ бы все прочее земное. А теперь ты принимаешь не сына царя человѣческаго, а

самого Единороднаго Сына Божія, и какъ не трепещешь, скажи 206
мнѣ, какъ не оставляешь пристрастія ко всему житейскому, и вмѣсто того, чтобы восхищаться одною этою драгоцѣнностію, склоняешься къ землѣ, предаешься страсти къ деньгамъ и любви къ золоту? Можешь ли имѣть какое-нибудь извиненіе, какое-нибудь оправданіе? Или ты не знаешь, что Владыка твой отвращается отъ всякаго житейскаго великолѣпія?—что потому Онъ благоволилъ по рожденіи Своемъ возлежать въ ясляхъ и избралъ бѣдную Матерь?—что потому Онъ преданному житейскимъ выгодамъ отвѣчалъ: *Сынъ человѣческій не имать гдѣ главы подклонити* (Мѳ. VIII, 20)? А что ученики Его? Не ту же ли самую заповѣдь соблюдали и они, останавливаясь для жительства въ домахъ людей бѣдныхъ, одинъ у кожевника, другой у скинотворца и порфиропродательницы? Они искали не знатныхъ домовъ, а добродѣтельныхъ душъ. Будемъ же и мы соревновать имъ: станемъ восхищаться не красотою колоннъ и мраморовъ, а стремиться къ горнимъ обителямъ, презирать всякое здѣшнее великолѣпіе и пристрастіе къ деньгамъ и возвышаться мыслями своими горѣ. Если судить здраво, то и самый міръ этотъ недостоинъ насъ, не только что портики и галлереи. Потому увѣщеваю, будемъ украшать свою душу, устроять этотъ домъ, который мы возьмемъ съ собою, когда переселимся отсюда, чтобы намъ сподобиться и благъ вѣчныхъ, благодатію и человѣколюбіемъ (Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь).

БЕСѢДА XXV.

Все еже на торжищи продаемое ядите, ничтоже сумнящеся за совѣсть (1 Кор. х, 25). 205

1. Сказавъ, что невозможно пить чашу Господню и вмѣстѣ чашу бѣсовскую, внушивъ совершенное воздержаніе отъ тѣхъ (бѣсовскихъ) трапезъ примѣромъ іудеевъ, соображеніями человѣческими, указаніемъ на страшныя тайны и на то, что совершается въ капищахъ, и возбудивъ (въ коринѳянахъ) великій страхъ,—далѣе, чтобы этимъ страхомъ не ввести ихъ въ другую крайность, чтобы они по чрезмѣрной осторожности не стали опасаться подобнаго оскверненія какимъ-либо образомъ безъ ихъ вѣдома, напр. на торжищѣ, или какъ-нибудь иначе, (апостолъ) избавляетъ ихъ отъ такого опасенія и говоритъ: *все еже на тор-*

жищи продаемое ядите, ничтоже сумняще ся. Если, говоритъ, будешь ѣсть, не зная и не слыша (что это—идоложертвенное), то не подлежишь наказанію, такъ какъ это—дѣло невѣдѣнія, а не невоздержанія. И не только отъ такого опасенія избавляетъ ихъ, но и отъ другого, предоставляя имъ великую независимость и свободу: не дозволяетъ имъ даже сомнѣваться, т. е. изслѣдовать и развѣдывать, идоложертвенное ли это или нѣтъ; а заповѣдуетъ просто ѣсть все, находящееся на торжищѣ, не распрашивая, что такое предлагаемое. Слѣдовательно и тотъ, кто ѣстъ (идоложертвенное) по невѣдѣнію, остается невиновнымъ. Идоложертвенное дурно не по природѣ своей, но производитъ оскверненіе по расположенію вкушающаго. Потому онъ и говоритъ: *ничтоже сумняще ся. Господня бо земля и исполненіе ея* (ст. 26), а не демоновъ. Если же Его земля, и плоды, и всѣ безсловесныя животныя, то нѣтъ ничего нечистаго; нечистымъ же дѣлается что-либо вслѣдствіе расположенія и преслушанія человѣка. Потому онъ не только далъ позволеніе, но и присовокупилъ: *аще*
206 *ли кто отъ невѣрныхъ призываетъ вы, и хощете ити, все предлагаемое вамъ ядите, ничтоже сумняще ся за совѣсть* (ст. 27). Замѣть опять снисхожденіе его: онъ не повелѣваетъ и не предписываетъ ходить, но и не возбраняетъ; идущихъ же избавляетъ отъ всякаго подозрѣнія. Для чего? Чтобы излишняя осторожность не показалась дѣломъ страха и опасенія, потому что кто развѣдываетъ, тотъ дѣлаетъ это по страху, а кто воздерживается послѣ того, какъ узналъ дѣло, тотъ воздерживается по нерасположенію, презрѣнію и отвращенію. Поэтому Павелъ, желая устроить то и другое, говоритъ: *все предлагаемое вамъ ядите. Аще ли же кто вамъ речетъ, сіе идоложертвенно есть, не ядите за онаго повѣдавшаго* (ст. 28). Онъ повелѣваетъ воздерживаться (отъ жертвъ идольскихъ), не какъ отъ имѣющихъ силу, но какъ отъ достойныхъ отвращенія. Избѣгайте (идоложертвеннаго), говоритъ, не потому, чтобы оно могло причинить вредъ,—оно не имѣетъ никакой силы. Впрочемъ на томъ основаніи, что оно не имѣетъ никакой силы, не вкушайте его безразлично, такъ какъ это—трапеза враговъ и нечестивыхъ. Потому и присовокупляетъ: *не ядите за повѣдавшаго, и совѣсть. Господня бо земля и исполненіе ея.* Видишь ли, какъ онъ, и дозволяя ѣсть, и заповѣдуя воздерживаться, приводитъ одно и тоже доказательство? Не потому, говоритъ, я возбраняю, будто это чуждая вещь,—*Господня бо земля*,—но, какъ сказано, *за совѣсть*, т. е. чтобы не сдѣлать вреда. Слѣдовательно, надобно развѣдывать? Нѣтъ, говоритъ, я разумѣю не твою совѣсть, а другого; вѣдь я предварительно сказалъ: *за повѣдавшаго*; и еще: *совѣсть же глаголю не свою, но другаго* (ст. 29).

Но, можетъ быть, кто-нибудь скажетъ: ты справедливо щадишь братьевъ и не дозволяешь намъ ѣсть идоложертвенное для нихъ, *да не совѣсть ихъ, немощна сущи, созиждется идоложертвенная ясти* (1 Кор. VIII, 10); а для чего ты заботишься объ язычникѣ? Не ты ли сказалъ: *что бо ми есть и внѣшнихъ судити* (1 Кор. V, 12)? Для чего же заботишься о нихъ? Не о нихъ, говоритъ, я 207
забочусь, но и здѣсь—о тебѣ же. Потому и присовокупляетъ: *вскую бо свобода моя судится отъ иныя совѣсти?* Свободою онъ называетъ—не быть обязаннымъ соблюдать и не подвергаться запрещенію; въ этомъ и состоитъ свобода, чуждая іудейскаго рабства. А смыслъ словъ его слѣдующій: Богъ создалъ меня свободнымъ и поставилъ выше всякаго вреда; но язычникъ не умѣетъ ни судить о моемъ любомудріи, ни понимать щедродательности моего Владыки, а станетъ осуждать меня и скажетъ самъ себѣ: ученіе христіанъ—басня; они удаляются идоловъ, избѣгаютъ демоновъ, а отъ приносимаго имъ не отказываются; велико ихъ чревоугодіе. Какой же, скажешь, для насъ вредъ оттого, что онъ будетъ судить такъ несправедливо? Но не гораздо ли лучше вовсе не подавать ему повода къ осужденію? Если ты будешь воздерживаться, то онъ не скажетъ и этого. Какъ, говоришь, не скажетъ? Видя, что я не развѣдывая пользуюсь всѣмъ и на торжищѣ и на пиру, какъ онъ не скажетъ и не осудитъ меня, что я употребляю все безразлично? Точно, нѣтъ, потому что ты пользуешься этимъ не какъ идоложертвеннымъ, но какъ чистымъ; не развѣдывая, ты показываешь, что не боишься предлагаемаго. Потому войдешь ли ты въ домъ язычника, или придешь на торжище, я не дозволяю тебѣ развѣдывать, чтобы тебѣ не быть безпокойнымъ и трусливымъ и не навлекать на себя излишнихъ заботъ. *Аще азъ благодатію причащаюся, почто хулу пріемлю, о немже азъ благодарю* (ст. 30)? Что же, скажи мнѣ, ты принимаешь съ благодарностію? Божіи дары. Благодать Его такова, что она дѣлаетъ душу мою чистою и поставляетъ ее выше всякой нечистоты. Какъ солнце, касаясь лучами своими всякихъ нечистотъ, вновь дѣлаетъ ихъ чистыми, такъ или еще болѣе и мы, обращаясь среди міра, можемъ оставаться чистыми, если захотимъ, и тѣмъ болѣе, чѣмъ большую имѣемъ силу.

2. Для чего же, скажешь, воздерживаться? Не для того, что иначе можно сдѣлаться нечистымъ, но для брата, чтобы не имѣть общенія съ демонами, и чтобы не подвергнуться осужденію отъ невѣрнаго. Здѣсь не свойство (яствъ), но преслушаніе и общеніе съ демонами дѣлаютъ меня нечистымъ, и отъ произволенія зависитъ оскверненіе. Что же значатъ слова: *почто хулу пріемлю, о немъ же азъ благодарю*? Я, говоритъ, благодарю Бога, что Онъ

настолько возвеличилъ меня и поставилъ выше іудейскаго униженія, что ничто не можетъ вредить мнѣ; а язычники, не зная моего любомудрія, будутъ подозрѣвать противное и скажутъ: христіане желаютъ нашего; они лицемѣры; хулятъ демоновъ и отвращаются отъ нихъ, а къ трапезамъ ихъ стекаются; что можетъ быть неразумнѣе этого? Значитъ, они не для истины, но изъ честолюбія и властолюбія приняли это ученіе. Потому не безумно ли давать поводъ къ хулѣ за тѣ самыя благодѣянія, за которыя приносится благодарность? Но, скажешь, язычникъ будетъ говорить это и тогда, когда увидитъ, что я не развѣдываю. Нѣтъ, потому что не все наполнено идоложертвеннымъ, чтобы имѣть такое подозрѣніе; притомъ ты вкушаешь это, не какъ идоложертвенное. Итакъ, не развѣдывай напрасно; а съ другой стороны не принимай участія, когда тебѣ скажутъ, что это идоложертвенное. Христосъ даровалъ тебѣ благодать, возвеличилъ тебя и поставилъ выше всякаго вреда не для того, чтобы подавать поводъ къ худой молвѣ о тебѣ, и не для того, чтобы тѣми самыми преимуществами, за которыя ты благодаришь, столько оскорблять другихъ, что они могутъ хулить. А почему, скажешь, мнѣ не сказать язычнику, что я вкушаю и не терплю отъ того никакого вреда, и что я дѣлаю это не изъ привязанности къ де-
208 монамъ? Потому, что ты не убѣдишь его, хотя бы тысячу разъ говорилъ это, такъ какъ онъ (человѣкъ) немощный и врагъ тебѣ. Если ты еще не убѣдилъ брата, то тѣмъ болѣе (не убѣдишь) врага и язычника. Если этотъ связанъ совѣстію въ отношеніи къ идоложертвенному, то тѣмъ болѣе невѣрный. Для чего же намъ и прибѣгать къ такимъ средствамъ? Но неужели намъ отступить и отъ Христа, Котораго мы познали и благодаримъ, потому только, что враги хулятъ насъ? Да не будетъ! Есть различіе между тѣмъ и другимъ; тамъ бываетъ великое пріобрѣтеніе отъ перенесенія хулы, а здѣсь нѣтъ никакой пользы. Потому (апостолъ) и сказалъ выше: *ниже бо аще ямы, избыточествуемъ, ниже аще не ямы, лишаемся* (VIII, 8). Притомъ онъ доказалъ, что надобно удаляться и воздерживаться отъ идоложертвеннаго и по другимъ соображеніямъ, не по этой только, но и по другимъ причинамъ, о которыхъ онъ сказалъ выше. *Аще убо ясте, аще ли піете, аще ли что творите, вся во славу Божію творите* (ст. 31). Видишь ли, какъ онъ отъ частнаго предмета перешелъ въ поученіи къ общему и преподалъ намъ превосходное правило — прославлять Бога во всемъ? *Безпреткновени бывайте и Іудеемъ и Еллиномъ и церкви Божіей* (ст. 32); т. е. не подавайте никому никакого повода къ соблазну. Иначе и братъ соблазнится, и іудей еще болѣе возненавидитъ и осудитъ тебя, и язычникъ будетъ смѣяться надъ

тобою, какъ надъ чревоугодникомъ и лицемѣромъ. Не должно соблазнять не только братій, но, если возможно, и внѣшнихъ. Если мы—свѣтъ, закваска, свѣтила и соль, то мы должны просвѣщать, а не помрачать, скрѣплять, а не ослаблять, привлекать къ себѣ невѣрныхъ, а не отгонять отъ себя. Для чего же ты отгоняешь тѣхъ, которыхъ долженъ привлекать? Подлинно язычники соблазняются, когда видятъ, что мы возвращаемся къ этимъ (вещамъ), потому что они не знаютъ нашего образа мыслей и того, что наша душа стала выше всякаго чувственнаго осквернелія. Іудеи и немощнѣйшіе изъ братій испытаютъ то же самое. Видишь ли, сколько онъ привелъ причинъ, по которымъ должно воздерживаться отъ жертвъ идольскихъ? Именно: потому, что невоздержаніе безполезно, излишне, вредитъ брату, возбуждаетъ хулу со стороны іудея, поношеніе со стороны язычника, что и не должно имѣть общенія съ демонами, что такое поведеніе есть нѣкоторымъ образомъ идолослуженіе. Потомъ, когда сказалъ: *безпреткновени бывайте*, возложилъ на нихъ отвѣтственность за соблазнъ іудеевъ и язычниковъ и выразилъ нѣчто тяжкое,—смотри, какъ онъ дѣлаетъ это удобопріемлемымъ и легкимъ: поставляетъ посредникомъ самого себя и говоритъ: *якоже и азъ во всемъ всѣмъ угождаю, не искій своея пользы, но многихъ, да спасутся* (ст. 33). *Подражатели мнѣ бывайте, якоже и азъ Христу* (XI, 1).

3. Искать полезнаго для общества—вотъ правило совершеннѣйшаго христіанства, вотъ точное его назначеніе, вотъ верхъ совершенства! Это выражаетъ и апостолъ словами: *якоже и азъ Христу*. Ничѣмъ ты не можешь столько подражать Христу, какъ попеченіемъ о ближнихъ; постишься ли ты, спишь ли на землѣ, изнуряешь ли себя, но если ты не печешься о ближнемъ, то не дѣлаешь ничего важнаго, и при всемъ томъ еще далеко отстоишь отъ образца. Воздержаніе отъ жертвъ идольскихъ само по себѣ есть дѣло полезное; а я, говоритъ (апостолъ), дѣлалъ много и неполезнаго, наприм. обрѣзывалъ и приносилъ жертвы; такія дѣйствія, если разсматривать ихъ самихъ въ себѣ, могутъ даже 209
погубить совершающихъ и лишить спасенія, но я подвергалъ себя и этому для проистекающей отъ того пользы. Здѣсь нѣтъ ничего подобнаго: въ тѣхъ дѣйствіяхъ, если не будетъ пользы для другихъ, то можетъ быть вредъ; а здѣсь, хотя бы никто не соблазнялся, и въ такомъ случаѣ слѣдуетъ воздерживаться отъ запрещеннаго. Я подвергалъ себя не только вредному, но и трудному: *отъ иныхъ церквей ухъ*, говоритъ, *пріимъ оброкъ* (2 Кор. XI, 8); когда можно было ѣсть и не трудиться, я не искалъ этого, но рѣшился лучше самъ погибнуть съ голода, нежели соблаз-

нить другого. Потому онъ и говоритъ: *азъ во всемъ всѣмъ угождаю*; нужно ли сдѣлать что-нибудь незаконное, или трудное и опасное, всему я подвергаюсь для пользы другихъ. Такъ Павелъ, будучи выше всѣхъ по совершенству, становился ниже всѣхъ по снисхожденію.

Подлинно никакой подвигъ не можетъ быть великимъ, если онъ не приноситъ пользы другимъ. Это видно изъ примѣра того, который принесъ талантъ цѣлымъ и былъ наказанъ за то, что не умножилъ его. Такъ и ты, братъ, будешь ли оставаться безъ пищи, спать на землѣ, ѣсть пепелъ и постоянно плакать, но если не оказываешь никакой пользы другимъ, то не дѣлаешь ничего важнаго. Это особенно имѣли въ виду всѣ великіе въ древности и доблестные мужи; изслѣдуй тщательно жизнь ихъ, и ты ясно увидишь, что каждый изъ нихъ имѣлъ цѣлію пользу не свою, а ближнихъ; тѣмъ они особенно и прославились. Такъ Моисей совершилъ многія великія чудеса и знаменія, но ничто столько не возвеличило его, какъ блаженныя слова, сказанныя имъ Богу: *аще убо оставиши имъ грѣхъ, остави: аще же ни, изглади мя* (Исх. XXXII, 32). Таковъ былъ и Давидъ: *азъ есмь пастырь согрѣшивый*, говорилъ онъ, *азъ есмь зло сотворивый, а сіи овцы что сотвориша? Да будетъ рука твоя на мнѣ, и на дому отца моего* (2 Цар. XXIV, 17). Также Авраамъ искалъ пользы не своей, но многихъ: потому подвергалъ себя опасностямъ и просилъ Бога за (людей), не имѣвшихъ къ нему никакого отношенія. Такъ они прославились; а искавшіе своей пользы, смотри, какъ причиняли вредъ. Такъ племянникъ Авраама, выслушавъ слова его: *аще ты на десно, азъ на лѣво* (Быт. XIII, 9), и сдѣлавъ выборъ, имѣя въ виду свою пользу, не нашелъ ее; напротивъ страна его сгорѣла, а страна Авраама осталась невредимою. Іона, когда искалъ пользы не другихъ, а своей, то едва не погибъ: городъ стоялъ, а онъ подвергался опасности, былъ обуреваемъ волнами и утопалъ; когда же сталъ искать пользы другихъ, тогда нашелъ и свою. Іаковъ, не искавшій собственной пользы отъ стадъ, получилъ великое богатство. Также Іосифъ, желая принести пользу братьямъ, нашелъ и свою: когда отецъ посылалъ его (къ братьямъ), то онъ не сказалъ: какъ, развѣ ты не знаешь, что за видѣнія и сны они готовы растерзать меня, что за толкованіе сновъ обвиняютъ меня, что за любовь твою ко мнѣ намѣреваются наказать меня,—чего только не сдѣлаютъ они, встрѣтивъ меня среди поля? Ничего такого онъ не сказалъ и не подумалъ, но предпочелъ всему служеніе братьямъ; потому и получилъ впослѣдствіи всѣ тѣ блага,
210 которыя сдѣлали его весьма славнымъ и знаменитымъ. Такъ и Моисей,—ничто не препятствуетъ упомянуть о немъ въ другой

разъ, чтобы видѣть, какъ онъ не думалъ о своей пользѣ и искалъ пользы другихъ,—проводя жизнь въ царскихъ чертогахъ, *вмѣнилъ большее богатство египетскихъ сокровищъ поношеніе* (Евр. XI, 26), и, бросивъ все, рѣшился раздѣлять бѣдствія съ евреями; но не только самъ не подвергся рабству, а напротивъ освободилъ и ихъ отъ рабства. Всѣ эти дѣянія велики и достойны ангеловъ.

4. Но (дѣянія) Павла имѣютъ великое преимущество. Всѣ другіе, оставляя собственное благосостояніе, принимали участіе въ бѣдствіяхъ ближнихъ; а Павелъ сдѣлалъ гораздо больше. Онъ не только участвовалъ въ бѣдствіяхъ другихъ, а предпочиталъ самъ терпѣть крайнія бѣдствія, чтобы другіе наслаждались благосостояніемъ. Не одно и то же—отвергнуть свое благосостояніе и предаться бѣдствіямъ (вмѣстѣ съ другими), или подвергать страданіямъ одного себя, а другимъ доставлять спокойствіе и почести. Тамъ, хотя и тяжело перемѣнить благополучіе на страданія для ближняго, однако есть нѣкоторое утѣшеніе въ томъ, что находятся сообщники страданій; а подвергать одного себя скорбямъ, чтобы другіе наслаждались радостями, это—дѣло благороднѣйшей души и Павловой ревности.

Не однимъ этимъ, но и другимъ большимъ преимуществомъ онъ превосходитъ всѣхъ, о которыхъ мы сказали выше. Авраамъ и всѣ другіе подвергали себя бѣдствіямъ настоящей жизни, и всѣ вообще желали себѣ смерти; а Павелъ желалъ лишиться даже будущей славы для спасенія другихъ. Могу указать и третье преимущество. Какое же? То, что хотя нѣкоторые изъ упомянутыхъ мужей оказывали попеченіе о людяхъ, враждовавшихъ противъ нихъ, но такихъ, которые находились подъ ихъ руководствомъ; они дѣлали тоже, что дѣлалъ бы отецъ, пекущійся о дурномъ и преступномъ сынѣ, однако же сынѣ; а Павелъ желалъ подвергнуться анаѳемѣ за тѣхъ, которые не были ввѣрены его попеченію,—такъ какъ онъ былъ посланъ къ язычникамъ. Видишь ли величіе его души и превосходство его ревности, превышающія самое небо? Подражай ему; а если не можешь ему, то хотя (мужамъ), прославившимся въ ветхомъ завѣтѣ. Полезное для себя ты найдешь тогда, когда будешь искать (пользы) ближняго. Если не имѣешь ревности пещись о братѣ, то помни, что иначе ты спастись не можешь, и позаботься о немъ и о дѣлахъ его по крайней мѣрѣ для себя. Сказаннаго достаточно для убѣжденія, что мы не можемъ иначе достигать полезнаго для насъ. Но, если хочешь, можешь убѣдиться въ этомъ и изъ обыкновенныхъ примѣровъ. Когда случится загорѣться какому-нибудь дому, то тѣ, которые живутъ близко къ нему и, заботясь только о себѣ,

не станутъ предотвращать опасность, а запрутся въ своихъ домахъ изъ опасенія, чтобы кто не вошелъ и не похитилъ чего-нибудь у нихъ, — какое получатъ наказаніе? Огонь, дошедши до нихъ, сожжетъ все ихъ (имущество); не заботясь о пользѣ ближняго, они потеряютъ и свою. Богъ, желая соединить всѣхъ другъ съ другомъ, поставилъ все въ такой необходимой связи, что съ пользою одного соединяется польза другого: на томъ стоитъ весь міръ. Если на кораблѣ, во время бури, кормчій,
211 пренебрегши пользу другихъ, будетъ искать только своей, то скоро потопитъ и себя и ихъ. Если бы каждое ремесло стремилось только къ своей пользѣ, то и жизнь была бы невозможна, и (невозможно) то самое ремесло, которое стремилось бы къ этому. Потому земледѣлецъ сѣетъ жита не столько, сколько нужно для него самого, — иначе онъ давно погубилъ бы и себя и другихъ, — но онъ печется и о другихъ; воинъ ополчается на опасности не для того, чтобы спасти только самого себя, но чтобы и доставить безопасность городамъ; купецъ привозитъ не столько, сколько нужно для него самого, а сколько и для многихъ другихъ. Но каждый, скажетъ кто-нибудь, дѣлаетъ это, имѣя въ виду не мою пользу, а свою, трудится для пріобрѣтенія себѣ и денегъ, и славы, и безопасности, такъ что, доставляя пользу мнѣ, онъ ищетъ своей. То же говорю и я, это давно и хотѣлъ внушить, къ тому и направлялъ все мое слово, чтобы показать, что ближній тогда достигаетъ своей пользы, когда заботиться о твоей. Если бы люди не были поставлены въ такую необходимость, то они не захотѣли бы искать пользы ближняго; потому Богъ и соединилъ все такимъ образомъ и не попустилъ достигать своей пользы иначе, какъ путемъ пользы другихъ. Людямъ свойственно идти такимъ путемъ къ пользѣ ближняго; но заимствовать побужденіе къ тому должно не отсюда, а изъ того убѣжденія, что такъ угодно Богу. Невозможно спастись иначе; если ты упражняешься даже въ высшемъ любомудріи, но не заботишься о другихъ, погибающихъ, то не будешь имѣть никакого дерзновенія предъ Богомъ. Откуда это видно? Изъ словъ блаженнаго Павла: *аще*, говоритъ онъ, *раздамъ имѣнія моя, и предамъ тѣло мое во еже сжещи е, любве же не имамъ, никая польза ми есть* (1 Кор. XIII, 3). Видишь ли, чего Павелъ требуетъ отъ насъ? Хотя раздающій (свое имѣніе), повидимому, ищетъ пользы
212 не своей, а ближняго, но этого одного, говоритъ, недостаточно, а надобно это дѣлать съ искренностію и великимъ состраданіемъ. Для того Богъ и далъ намъ такую заповѣдь, чтобы соединить насъ союзомъ любви. Если же Онъ требуетъ отъ насъ любви въ такой мѣрѣ, а мы не оказываемъ ея и въ меньшей, то удостоимся ли

мы прощенія? Какъ же, возразитъ кто-нибудь, Богъ чрезъ ангеловъ сказалъ Лоту: *спасая спасай твою душу* (Быт. XIX, 17)? Но, скажи мнѣ, когда это было и почему? Когда угрожало наказаніе, когда уже не время было исправляться, когда (нечестивые) были осуждены и страдали неизлѣчимою болѣзнію, когда старцы и юноши предались однимъ и тѣмъ же похотямъ и должны были сгорѣть, въ тотъ день, когда молніи готовы были поразить ихъ. Притомъ это сказано не о порокѣ и добродѣтели, но относилось къ наказанію, ниспосланному отъ Бога. Что же тогда, скажи мнѣ, должно было дѣлать? Сѣсть, принять наказаніе и сгорѣть безъ всякой пользы? Но это было бы крайнимъ безуміемъ. Не то я говорю, чтобы должно было мучиться безъ причины и напрасно, вопреки волѣ Божіей; но когда человѣкъ проводитъ порочную жизнь, то заповѣдаю тебѣ, приди къ нему и исправь его, если хочешь, для блага ближняго, если же нѣтъ, то по крайней мѣрѣ для своей пользы; первое лучше послѣдняго, но если ты еще не достигъ такой высоты, то дѣлай это по крайней мѣрѣ для послѣдняго. Пусть никто не ищетъ своей пользы, и тогда найдетъ ее. Зная, что ни нищета, ни мученіе и ничто другое не можетъ спасти насъ, если мы не имѣемъ высокой любви, будемъ пріобрѣтать ее прежде всего, чтобы чрезъ нее намъ получить и другія блага настоящія и будущія, которыхъ да сподобимся всѣ мы благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XXVI.

Хвалю же вы, яко вся моя помните, и якоже предахъ вамъ преданія, тако держите (1 Кор. XI, 2). 211

1. Окончивъ рѣчь объ идольскихъ жертвахъ, какъ слѣдовало, и сдѣлавъ ее совершенною во всѣхъ отношеніяхъ, (апостолъ) переходитъ къ другому предмету, въ которомъ (коринѳяне) также погрѣшали, хотя и не такъ тяжко. Онъ обыкновенно, — повторю опять то, что я сказалъ прежде,—не всѣ сильныя обличенія поставляетъ сряду, но, располагая ихъ въ надлежащемъ порядкѣ, вставляетъ между ними менѣе сильныя, и такимъ образомъ облегчаетъ тяжесть, которая происходила бы для слушателей отъ постоянныхъ укоризнъ. Поэтому о самомъ важнѣйшемъ предметѣ, именно о воскресеніи, онъ говоритъ послѣ всего. Теперь же приступаетъ къ другому, менѣе важному, и говоритъ: *хвалю же вы*,

яко вся моя помните. Когда грѣхъ несомнѣненъ, тогда онъ сильно обличаетъ и укоряетъ; а когда грѣхъ сомнителенъ, тогда напередъ доказываетъ, а потомъ обличаетъ; говоря о несомнѣнномъ грѣхѣ, онъ показываетъ важность его, а говоря о сомнительномъ, доказываетъ дѣйствительность (его грѣховности). Такъ блудъ безъ всякаго сомнѣнія есть грѣхъ,—потому онъ и не имѣлъ нужды доказывать, что это — грѣхъ, а показалъ тяжесть грѣха посред-
212 ствомъ сравненія. Судиться у невѣрныхъ было грѣхомъ, но не такъ тяжкимъ,—потому этотъ грѣхъ онъ поставляетъ между другими и доказываетъ (его грѣховность). Вкушеніе жертвъ идольскихъ, хотя (въ отношеніи своей грѣховности) подлежало сомнѣнію, но было величайшимъ зломъ,—потому онъ и доказываетъ, что это — грѣхъ, и объясняетъ важность его. Поступая такимъ образомъ, онъ не только отклоняетъ отъ грѣховъ, но и убѣждаетъ къ противному. Такъ онъ говоритъ, что не только должно не блудодѣйствовать, но и тщательно соблюдать святость: *прославите убо,* присовокупляетъ, *Бога въ тѣлѣх вашихъ, и въ дусѣх вашихъ* (1 Кор. vi, 20). Также сказавъ, что не должно быть мудрымъ внѣшней мудростью, не довольствуется этимъ, но и повелѣваетъ быть буімъ. Увѣщевая не судиться у внѣшнихъ и не причинять обидъ, потомъ и вообще возбраняетъ судиться и совѣтуетъ не только не обижать, но и терпѣть обиды. Разсуждая о жертвахъ идольскихъ, говоритъ, что должно воздерживаться не только отъ запрещеннаго, но и отъ дозволеннаго, когда отъ того происходитъ соблазнъ, и не должно соблазнять не только братій, но и язычч-
213 никовъ и іудеевъ. *Безпреткновени бывайте,* говоритъ, *и Іудеомъ и Еллиномъ и Церкви Божіей.* Такимъ образомъ совершенно окончивъ рѣчь о всемъ этомъ, онъ потомъ переходитъ къ другому грѣху. Какой же это былъ грѣхъ? Жены съ открытыми и обнаженными головами и молились и пророчествовали,—потому что тогда пророчествовали и жены,—а мужи отращивали волосы, подобно занимавшимся философіею, и покрывали свои головы, когда молились и пророчествовали, придерживаясь въ томъ и другомъ языческаго закона. Апостолъ, находясь (у коринеянъ), уже преподалъ имъ наставленіе касательно этого предмета; но такъ какъ, можетъ быть, одни послушались его, а другіе оказались непослушными, то онъ вновь чрезъ посланіе, какъ мудрый врачъ, изобильнымъ словомъ исправляетъ грѣхъ. А что онъ лично преподавалъ имъ наставленіе объ этомъ, видно изъ начала его рѣчи. Почему, въ самомъ дѣлѣ, не сказавъ прежде нигдѣ ничего объ этомъ въ посланіи, а разсуждая о другихъ грѣхахъ, онъ вдругъ говоритъ: *хвалю же вы, яко вся моя помните, и якоже предахъ вамъ преданія, тако держите?* Очевидно, что одни послу-

шались его, и ихъ онъ похваляетъ, а другіе оказались непослушными, и ихъ онъ исправляетъ слѣдующими словами: *аще ли кто мнится спорливъ быти, мы таковаго обычая не имамы* (ст. 16). Если бы онъ сдѣлалъ укоризну всѣмъ, какъ послушнымъ, такъ и непослушнымъ, то въ первыхъ возбудилъ бы негодованіе, а въ послѣднихъ усилилъ бы нерадѣніе; но теперь, однихъ похваливъ и одобривъ, а другихъ укоривъ, онъ первыхъ ободряетъ, а послѣднихъ приводитъ въ стыдъ. Укоризна, хотя и сама по себѣ можетъ тронуть, но имѣетъ еще большую силу, когда соединяется съ похвалою исправнымъ. Потому онъ и начинаетъ не съ укоризнъ, но съ похвалъ, притомъ съ великихъ похвалъ, и говоритъ: *хвалю же вы, яко вся моя помните.* Такъ обыкновенно поступаетъ Павелъ: за малыя (достоинства) воздаетъ великія похвалы, дѣлая это не изъ лести,—да не будетъ! могъ ли (употреблять лесть) тотъ, кто не искалъ ни денегъ, ни славы и ничего подобнаго?—но во всемъ имѣя въ виду ихъ спасеніе. Потому онъ и усиливаетъ похвалу: *хвалю же вы*, говоритъ, *яко вся моя помните.* Что—*вся?* Онъ говорилъ только о неращеніи волосъ и о непокрываніи головы, но, какъ я сказалъ, усиливаетъ похвалу, чтобы сдѣлать ихъ болѣе усердными: *яко вся моя*, говоритъ, *помните, и якоже предахъ вамъ преданія, тако держите.* Слѣдовательно онъ еще прежде преподалъ имъ многое не письменно, какъ выражаетъ это и во многихъ другихъ мѣстахъ; но прежде онъ только оставилъ имъ преданіе, а теперь присовокупляетъ и причину. Такимъ образомъ онъ еще болѣе утверждаетъ послушныхъ и низлагаетъ гордость непослушныхъ. Не говоритъ: вы послушались, другіе же не послушались, но, не выражая прямо, намекаетъ на это въ дальнѣйшемъ изложеніи своего наставленія: *хощу же*, говоритъ, *васъ вѣдѣти, яко всякому мужу глава Христосъ есть: глава же женѣ мужъ: глава же Христу Богъ* (ст. 3). Такова причина. А приводитъ онъ ее для того, чтобы немощныхъ сдѣлать болѣе внима- 214
тельными. Вѣдь вѣрующій, какъ должно, и твердый въ вѣрѣ не нуждается ни въ доказательствѣ, ни въ причинѣ того, что заповѣдуется ему, а довольствуется однимъ преданіемъ; но немощный, узнавъ и причину, съ большимъ усердіемъ соблюдаетъ сказанное и повинуется съ большею преданностію.

2. Потому (апостолъ) и не приводилъ причины до тѣхъ поръ, пока не увидѣлъ нарушенія заповѣди. Какая же причина? *Всякому мужу глава Христосъ есть.* Слѣдовательно и язычнику? Нѣтъ. Если мы *тѣло Христово и уди отъ части* (1 Кор. XII, 27), а Онъ—наша глава, то Онъ не можетъ быть главою тѣхъ, которые не составляютъ тѣла и не сдѣлались членами Его. Слѣдовательно, при словѣ: *всякому* надобно подразумѣвать: вѣрующему.

Видишь ли, какъ вездѣ онъ пристыжаетъ слушателя, указывая на высшее? Разсуждая и о любви, и о смиренномудріи, и о милосердіи, онъ отсюда же заимствовалъ доказательства. *Глава же женѣ мужъ: глава же Христу Богъ.* Еретики указываютъ намъ на эти слова, выводя изъ нихъ мысль объ уничиженіи Сына (предъ Отцемъ); но они опровергаютъ сами себя. Если глава жены—мужъ, а глава единосущна съ тѣломъ, глава же Христу—Богъ, то Сынъ единосущенъ Отцу. Но, скажутъ, мы хотимъ доказать отсюда не различіе по существу, а подчиненіе (Сына Отцу). Что сказать на это? То, что когда что-нибудь уничиженное говорится о Немъ въ Его соединеніи съ плотію, тогда это не унижаетъ Божества, а относится къ Его домостроительству. Однако, скажи, какъ ты доказываешь отсюда мысль свою? Какъ жена, говоришь, подчинена мужу, такъ и Христосъ—Отцу. Слѣдовательно, какъ Христосъ—глава мужа, точно такъ же и Отецъ—глава Сына? *Всякому мужу*, говоритъ (апостолъ), *глава Христосъ есть*. Но кто можетъ когда-нибудь допустить это? Если допустить, что какое преимущество Сына предъ нами, такое же и Отца предъ Сыномъ, то подумай, до какой степени ты его унижаешь. Потому не слѣдуетъ принимать въ одинаковомъ смыслѣ все, что говорится о насъ и о Богѣ, хотя говорится и одинаково; но должно приписывать Богу нѣкоторое особенное преимущество, такое, какое свойственно Богу; иначе произойдетъ много нелѣпаго. Смотри: глава Христу Богъ, глава мужу Христосъ, глава женѣ мужъ; если во всей этой рѣчи мы примемъ слово *глава* въ одномъ и томъ же смыслѣ, то Сынъ будетъ ниже Отца столько, сколько мы ниже Его; и жена будетъ ниже насъ столько, сколько мы ниже Бога Слова,—такъ что въ какомъ отношеніи Сынъ находится къ Отцу, въ такомъ же мы—къ Сыну, и жена—къ мужу. Но кто можетъ допустить это? Ты принимаешь слово *глава* въ отношеніи къ женѣ въ одномъ смыслѣ, а въ отношеніи къ мужу въ другомъ: почему же не принимаешь его въ иномъ смыслѣ въ отношеніи ко Христу? Слѣдуетъ въ иномъ смыслѣ принимать его и въ отношеніи къ Сыну и Отцу. Какъ же, скажешь, иначе понимать его? Въ смыслѣ начала. Если бы Павелъ хотѣлъ выразить власть одного и подчиненіе другого, какъ ты говоришь, то скорѣе привелъ бы въ примѣръ раба и господина, а не жену, потому что жена, хотя и подчинена намъ, но какъ свободная и
215 равночестная. Такъ и Сынъ, хотя повинуется Отцу, но какъ Сынъ Божій, какъ Богъ; и какъ повиновеніе Сына Отцу больше, нежели у людей повиновеніе дѣтей родителямъ, такъ и неподчиненность Его больше. Если отношенія Сына къ Отцу больше и совершеннѣе подобныхъ же отношеній у людей, то и отношенія

Отца къ Сыну не меньше; если мы удивляемся Сыну, что Онъ былъ *послушливъ даже до смерти, смерти же крестныя* (Фил. II, 8), и вмѣняемъ Ему это въ великую заслугу, то надобно удивляться и Отцу, что Онъ родилъ такого (Сына), Который не подчиненъ Ему, какъ рабъ, но повинуется, какъ свободный и какъ совѣтникъ; совѣтникъ же не есть рабъ. Опять, когда ты слышишь слово: *совѣтникъ*, не принимай этого такъ, будто Отецъ имѣетъ въ чемъ-либо нужду, но такъ, что Сынъ равночестенъ Отцу. Равнымъ образомъ не во всемъ примѣняй примѣръ мужа и жены. У насъ жена справедливо подчинена мужу, потому что равночестіе могло бы произвести вражду, и еще потому, что въ началѣ отъ жены произошло обольщеніе; она подчинена не тотчасъ по сотвореніи; когда (Богъ) привелъ ее къ мужу, она не слышала отъ Бога ничего такого, и мужъ ничего подобнаго не выразилъ ей, а сказалъ, что она кость отъ костей его и плоть отъ плоти его, о власти же и подчиненіи ничего не говорилъ съ нею; но когда она злоупотребила своею властію, сдѣлавшись изъ помощницы обольстительницею, и погубила все, тогда справедливо услышала слова: *къ мужу твоему обращеніе твое* (Быт. III, 16). Такъ какъ этотъ грѣхъ могъ возбудить вражду въ нашемъ родѣ,— вѣдь послѣ такого событія не послужило бы къ миру то, что жена произошла отъ мужа, напротивъ то самое, что, происшедши отъ него, она не пощадила собственнаго члена, еще болѣе раздражало бы мужа,—то Богъ, видя злобу діавола, оградилъ ихъ этимъ словомъ, какъ бы стѣною, уничтожилъ такимъ опредѣленіемъ вражду, которая должна была произойти послѣ обольщенія, поставивъ какъ бы оплотъ противъ естественной страсти—происходящаго отъ грѣха злопамятства. Но въ Богѣ, этомъ нетлѣнномъ существѣ, нельзя предполагать ничего подобнаго. Потому примѣняй къ Нему примѣры не во всѣхъ отношеніяхъ; иначе и въ другихъ мѣстахъ впадешь во многія и важныя погрѣшности. Такъ и въ началѣ посланія (апостолъ) сказалъ: *вся ваша суть, вы же Христовы, Христосъ же Божій* (1 Кор. III, 23).

3. Что же? Въ одномъ ли смыслѣ все—наше, а мы—Христовы, и Христосъ—Божій? Нѣтъ; напротивъ, и для самыхъ неразумныхъ очевидно различіе, хотя употреблено одно и тоже выраженіе о Богѣ, о Христѣ и о насъ. И въ другомъ мѣстѣ, назвавъ мужа главою жены, онъ присовокупляетъ: *якоже и Христосъ есть глава и Спаситель и предстатель Церкве, такожде и мужъ* долженъ быть по отношенію къ женѣ своей (Еф. V, 23—27). Можемъ ли мы принимать въ одномъ смыслѣ всѣ выраженія, какъ здѣсь, такъ и сказанныя послѣ въ посланіи къ Ефесеямъ объ этомъ предметѣ? Нѣтъ; это невозможно. Одни и тѣ же выраженія упо-

требляются о Богѣ и человѣкѣ; но иначе должно понимать одни, иначе другія; впрочемъ и не всѣ различно, потому что они оказались бы употребленными безъ причины и напрасно, если бы мы не сдѣлали изъ нихъ никакого приложенія. Какъ не все надобно понимать въ одномъ смыслѣ, такъ и не все надобно считать неприложимымъ. Для лучшаго уразумѣнія постараюсь объяснить
216 это примѣромъ. Христосъ названъ главою Церкви; если изъ этого выраженія, заимствованнаго отъ человѣка, я не сдѣлаю никакого приложенія, то для чего оно мнѣ и сказано? А съ другой стороны, если я буду прилагать весь буквальный смыслъ его, то произойдетъ нелѣпость, потому что глава подобострастна тѣлу и подвержена однимъ и тѣмъ же (недостаткамъ). Что же надобно отвергнуть и что принять? Надобно отвергнуть то, что я сказалъ, а принять совершенное единеніе (Христа съ Церковію) и то, что Онъ есть Виновникъ и верховный Правитель ея; притомъ надобно разумѣть это не просто, но въ высочайшей степени и богоприлично; единеніе Его—самое твердое и правленіе—самое совершенное. Еще: Христосъ называется Сыномъ; и здѣсь опять не все принимай, но не все и отвергай, а принявъ то, что прилично Богу, т. е. что Онъ единосущенъ Отцу и отъ Него рождается, неприличное и свойственное человѣческой немощи не прилагай. Также Богъ называется свѣтомъ; можно ли прилагать къ Нему все, что свойственно видимому свѣту? Нѣтъ; видимый свѣтъ ограничивается тьмою и мѣстомъ, приводится въ движеніе иною силою и помрачается, а въ существѣ Божіемъ невозможно и представить ничего такого. Потому не будемъ отвергать всего, но извлекать нѣкоторую пользу изъ этого подобія, разумѣя просвѣщеніе, даруемое намъ отъ Бога, и избавленіе отъ тьмы. Это противъ еретиковъ; а теперь нужно сказать о цѣломъ объясняемомъ мѣстѣ. Можетъ быть, кто-нибудь станетъ недоумѣвать и спроситъ себя: какая вина въ томъ, если бы жены открывались, а мужи покрывались? Въ чемъ здѣсь состоитъ вина, можешь видѣть изъ слѣдующаго. Мужу и женѣ дано много различныхъ знаковъ, одному—власти, а другой—подчиненности, между прочимъ и тотъ, чтобы жена покрывалась, а мужъ былъ съ обнаженной головою. Если же таковы знаки, то оба они погрѣшаютъ, когда нарушаютъ благочиніе и заповѣдь Божію, когда преступаютъ собственные предѣлы, мужъ ниспадая до уничиженія жены, а жена возвышаясь своимъ внѣшнимъ видомъ предъ мужемъ. Если имъ непозволительно измѣнять свою одежду, т. е. женѣ одѣваться въ мужское платье, а мужу надѣвать женскую одежду и покрывало,—*да не будетъ*, говоритъ (Писаніе), *утварь мужеска на женѣ, ни да облачится мужъ въ ризу женску* (Втор. XXII, 5),—то тѣмъ

болѣе непозволительно мѣняться одеждами. Это узаконено людьми, хотя послѣ и утверждено Богомъ; а то происходитъ отъ самой природы, т. е. чтобы одна покрывалась, а другой не покрывался. Подъ именемъ природы я разумѣю Бога, потому что Онъ есть Создатель природы. Потому если ты преступишь эти предѣлы, то, смотри, сколько произойдетъ вреда. Не говори мнѣ, что это преступленіе—маловажно; оно велико и само по себѣ, потому что оно есть преслушаніе; а если бы и было маловажно само по себѣ, то оно велико потому, что касается знака великихъ предметовъ. А что (этотъ знакъ) великъ, видно изъ того, что онъ производитъ благоустройство въ родѣ (человѣческомъ), представляя въ надлежащемъ видѣ начальствующаго и подчиненнаго; поступающій же противъ этого приводитъ все въ смѣшеніе, лишаетъ себя даровъ Божіихъ, унижаетъ честь, дарованную ему свыше, и не только мужъ, но и жена. Вѣдь и для нея большая честь—сохранять свое мѣсто, а напротивъ постыдно—выходить изъ предѣловъ. Потому (апостолъ) и говоритъ объ нихъ обоихъ: *всякъ мужъ молитву дѣяй или пророчествуяй покрытою главою, срамляетъ главу свою; и всяка жена молитву дѣющая или пророчествующая откровенною главою, срамляетъ главу свою* (ст. 4, 5). Въ то время, какъ 217
я сказалъ, были и мужи пророчествовавшіе, и жены имѣвшія этотъ даръ, наприм. дочери Филиппа и другія прежде и послѣ нихъ. О нихъ и пророкъ въ древности сказалъ: *прорекутъ сынове ваши, и дщери ваши видѣнія увидятъ* (Іоил. II, 28). Мужу (апостолъ) повелѣваетъ быть открытымъ не всегда, а только во время молитвы: *всякъ мужъ*, говоритъ, *молитву дѣяй или пророчествуяй покрытою главою, срамляетъ главу свою*. Женѣ же повелѣваетъ быть покрытою всегда; потому, сказавъ: *всяка жена молитву дѣющая или пророчествующая откровенною главою, срамляетъ главу свою*, онъ не останавливается на этомъ, но продолжаетъ: *едино бо есть и тожде еже быти остриженнѣй*. Если быть остриженной всегда постыдно, то очевидно, что и быть непокрытою всегда постыдно.

4. (Апостолъ) не останавливается и на этомъ, но еще присовокупляетъ: *должна есть жена власть имѣти на главѣ ангелъ ради* (ст. 10); показываетъ, что не только во время молитвы, но и всегда она должна покрываться. А мужу заповѣдуетъ уже не касательно покрыванія, а касательно волосъ: запрещаетъ покрываться только во время молитвы, растить же волосы возбраняетъ всегда. Какъ о женѣ сказалъ: *аще не покрывается, да стрижется*, такъ и о мужѣ: *аще власы раститъ, безчестіе ему есть* (ст. 14). Не сказалъ: если покрывается, но: *аще раститъ власы*. Потому и въ началѣ сказалъ: *всякъ мужъ молитву дѣяй или пророчествуяй по-*

кровенною главою; не сказалъ: накрывшись, но: *покровенною главою*, выражая, что молящійся хотя съ обнаженною главою, но съ отрощенными волосами, равенъ покрывшемуся: *зане*, говоритъ, *растъніе власовъ вмѣсто одѣянія дано бысть* (ст. 15). *Аще бо не покрывается жена, да стрижется: аще ли же срамъ женѣ стрищися или бритися, да покрывается* (ст. 6). Сначала требуетъ, чтобы жена не обнажала головы своей, а потомъ объясняетъ, что она постоянно должна быть покрытою: *едино бо есть и тождe еже быти остриженнѣй*,—и притомъ (покрытою) со всею тщательностію и осмотрительностію, такъ какъ не сказалъ просто: да накрывается (καλύπτεσθαι), но: *покрывается* (κατακαλύπτεσθαι), т. е. должна тщательно закрываться со всѣхъ сторонъ. Показываетъ и неприличіе противнаго образа дѣйствій и сильно укоряетъ, когда говоритъ: *аще не покрывается, да стрижется:* если, говоритъ, ты свергаешь покрывало, установленное закономъ Божіимъ, то свергни и данное природою. Но, скажетъ кто-нибудь, какъ можетъ служить женѣ безчестіемъ то, если она восходитъ до чести мужа? Чрезъ это, скажемъ мы, она не только не восходитъ, но лишается и собственной чести. Вѣдь не соблюдать собственныхъ предѣловъ и законовъ, установленныхъ Богомъ, преступать ихъ,—это не возвышеніе, а униженіе. Какъ желающій чужого и похищающій непринадлежащее ему не пріобрѣтаетъ, а унижается и теряетъ и то, что онъ имѣлъ, какъ напр. было въ раю, такъ и жена въ этомъ случаѣ не пріобрѣтаетъ себѣ благородство мужа, но теряетъ и благопристойность жены; притомъ же не это одно постыдно для нея, но и самое любостяжаніе. Такимъ образомъ, указавъ на то, что несомнѣнно признается постыднымъ, въ словахъ: *аще ли же срамъ женѣ стрищися, или бритися*, (апостолъ) наконецъ отъ себя говоритъ: *да покрывается*. Не сказалъ: да раститъ власы, но: *да покрывается*, внушая, что и то и другое одинаково,
118 и доказывая это съ двухъ сторонъ, со стороны закона и со стороны противоположной (отъ природы). Покрывало и отрощенные волосы, говоритъ, одно и тоже, равно какъ бритая и обнаженная голова—одно и тоже: *едино бо*, говоритъ, *есть и тождe, еже быти остриженнѣй*. Но спроситъ кто-нибудь: какъ одно и то же, когда та имѣетъ естественное покрывало, а обритая не имѣетъ и этого? Та, скажемъ мы, имѣя обнаженную голову, своей волей отвергла и естественное покрывало; если же она не лишена волосъ, то это дѣло природы, а не ея; слѣдовательно какъ обритая имѣетъ обнаженную голову, такъ и она. Для того (Богъ) и повелѣлъ природѣ покрывать голову волосами, чтобы жена, научившись отъ природы, и сама покрывалась. Далѣе (апостолъ) приводитъ причину, разсуждая съ своими слушателями, какъ съ свободными,

что я многократно замѣчалъ. Какая же причина? *Мужъ убо не долженъ есть покрывати главу, образъ и слава Божія сый* (ст. 7). Опять же вторая причина: мужъ, говоритъ онъ, не долженъ покрываться не только потому, что имѣетъ главою своею Христа, но и потому, что имѣетъ власть надъ женою. Когда имѣющій власть приступаетъ къ царю, то онъ долженъ имѣть на себѣ знакъ своей власти. Потому, какъ никто изъ имѣющихъ власть не осмѣлился бы явиться предъ облеченнаго діадемою безъ пояса и (приличной сану) одежды, такъ и ты безъ знаковъ своей власти, т. е. безъ обнаженной головы, не молись Богу, чтобы не нанести безчестія и себѣ и почтившему тебя. То же самое можно сказать и о женѣ: и для нея безчестно не имѣть знаковъ своей подчиненности. *Жена же слава мужу есть.* Слѣдовательно власть мужа (надъ женою) естественна. Объяснивъ это, онъ далѣе представляетъ другія основанія и причины, возводитъ тебя къ началу творенія и говоритъ: *нѣсть бо мужъ отъ жены, но жена отъ мужа* (ст. 8). Если происхожденіе одного отъ другого составляетъ славу послѣдняго, то тѣмъ болѣе сходство ихъ. *Ибо не созданъ бысть мужъ жены ради, но жена мужа ради* (ст. 9). Это—второе преимущество, или, лучше, третье и четвертое. Первое то, что наша глава есть Христосъ, а мы (глава) жены; второе то, что мы—слава Божія, а наша слава—жена; третье то, что не мы отъ жены, но жена отъ насъ; четвертое то, что не мы для нея, а она для насъ. *Сего ради должна есть жена власть имѣти на главѣ* (ст. 10). Почему же именно? По всѣмъ сказаннымъ (причинамъ), и кромѣ того *ангелъ ради.* Если ты, говоритъ, не обращаешь вниманія на мужа, то постыдись ангеловъ.

5. Итакъ, покрытіе есть знакъ покорности и подчиненія; оно побуждаетъ смотрѣть внизъ, смиряться и соблюдать добродѣтель; добродѣтель же и честь подчиненнаго состоятъ именно въ томъ, чтобы пребывать въ послушаніи. Мужу не предписывается это дѣлать, такъ какъ онъ—образъ самого Владыки; а женѣ справедливо (предписывается). Потому посуди, какъ велико преступленіе, когда ты, удостоившійся такой власти, безчестишь себя, принимая видъ жены; ты дѣлаешь тоже, какъ если бы, получивъ діадему, сбросилъ ее съ головы, и вмѣсто діадемы надѣлъ рабскую одежду. *Обаче ни мужъ безъ жены, ни жена безъ мужа о Господѣ* (ст. 11). Такъ какъ (апостолъ) приписалъ большое преимущество мужу, сказавъ, что жена отъ него, для него и подъ его властію, то, чтобы не возвысить мужей болѣе надлежащаго и не унижать женъ, смотри, какую вноситъ поправку, говоря: *обаче ни* 219
мужъ безъ жены, ни жена безъ мужа о Господѣ. Не указывай мнѣ, говоритъ, только на первоначальныя преимущества и на сотво-

реніе, а обрати вниманіе на послѣдующее и увидишь, что каждый изъ нихъ зависитъ отъ другого, или, лучше, не одинъ отъ другого, но всѣ отъ Бога. Потому и говоритъ: *ниже мужъ безъ жены, ниже жена безъ мужа о Господѣ. Якоже бо жена отъ мужа, сице и мужъ женою* (ст. 12). Не сказалъ: отъ жены; а о ней опять: *отъ мужа*; это неотъемлемо остается при мужѣ. Впрочемъ, виновникъ этихъ преимуществъ не мужъ, а Богъ; потому и присовокупляетъ: *но вся отъ Бога*. Итакъ, если все отъ Бога, если Онъ повелѣваетъ это, то повинуйся и не противорѣчь. *Въ васъ самѣхъ судите, лѣпо ли есть женѣ откровеннѣй Богу молитися* (ст. 13)? Опять предоставляетъ имъ самимъ судить о сказанномъ, подобно какъ поступилъ (въ бесѣдѣ) объ идоложертвенномъ; тамъ сказалъ: *судите вы, еже глаголю*, и здѣсь (говоритъ): *въ васъ самѣхъ судите*, и этимъ внушаетъ нѣчто страшное: здѣсь, говоритъ, оскорбленіе касается Бога; впрочемъ, не говоритъ этого прямо, а выражается снисходительнѣе и прикровеннѣе: *лѣпо ли есть женѣ откровеннѣй Богу молитися? Или и не самое естество учитъ вы, яко мужъ убо аще власы раститъ, безчестіе ему есть: жена же аще власы раститъ, слава ей есть? Зане растѣніе власовъ вмѣсто одѣянія дано бысть ей*. Какъ въ другихъ мѣстахъ всегда онъ употребляетъ общеизвѣстныя доказательства, такъ и здѣсь обращается къ общеизвѣстному обычаю и сильно пристыжаетъ слушателей, ожидающихъ отъ него наставленія въ томъ, что они могли знать и изъ общаго обычая; а это не безъизвѣстно и варварамъ. И, замѣть, какія сильныя вездѣ онъ употребляетъ выраженія: *всякъ мужъ, молитву дѣяй или пророчествуяй покровенною главою, срамляетъ главу свою*; и еще: *аще ли же срамъ женѣ стрищися или бритися, да покрывается*; и здѣсь: *мужъ убо аще власы раститъ, безчестіе ему есть: жена же аще власы раститъ, слава ей есть: зане растѣніе власовъ вмѣсто одѣянія дано бысть ей*. Но, скажешь, если *вмѣсто одѣянія дано*, то для чего прибавлять къ одному одѣянію другое? Для того, чтобы показать подчиненіе не только по природѣ, но и по доброй волѣ. Природа напередъ установила, чтобы ты была покрытою; а ты приложи нѣчто отъ себя, чтобы не показалось, что ты нарушаешь законы природы; противиться же не только намъ, но и природѣ, есть знакъ великаго безстыдства. Потому Богъ, укоряя іудеевъ, сказалъ: *заклала еси сыны твоя и дщери твоя: сіе паче всѣхъ гнусностей твоихъ* (Іезек. XVI, 18—22). Также Павелъ, въ посланіи къ Римлянамъ обличая предающихся сладострастію, подобнымъ же образомъ усиливаетъ обличеніе, замѣчая, что преступленіе ихъ противно не только закону Божію, но и природѣ: *измѣниша бо естественную подобу въ презъестественную* (1, 26). И здѣсь онъ внушаетъ то же самое, и еще то, что

онъ не предписываетъ ничего новаго, и что всѣ языческія нововведенія противны природѣ. Тоже выражаетъ и Христосъ, когда говоритъ: *елика аще хощете, да творятъ вамъ человѣцы, и вы творите имъ* (Мѳ. VII, 12), внушая, что Онъ не вводитъ ничего новаго. *Аще ли кто мнится спорливъ быти, мы таковаго обычая не имамы, ниже Церкви Божія* (ст. 16). Слѣдовательно противленіе есть знакъ упорства, а не разсудительности. Впрочемъ и 220
здѣсь онъ умѣренно обличаетъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ сильно пристыжаетъ ихъ, что и дѣлало слова его весьма внушительными. Мы, говоритъ, не имѣемъ такого обычая, чтобы спорить, состязаться и противорѣчить. Не останавливаясь на этомъ, прибавляетъ: *ниже Церкви Божія*, внушая, что не повинуясь они враждуютъ и противятся всей вселенной. Но если тогда коринѳяне противорѣчили этому закону, то теперь приняла и сохраняетъ его вся вселенная. Такова сила Распятаго!

6. Но я опасаюсь, чтобы иныя жены, принявъ надлежащій наружный видъ, не оказались безстыдными въ дѣлахъ и не остались открытыми въ другомъ отношеніи. Потому Павелъ и въ посланіи къ Тимоѳею, не довольствуясь сказанными наставленіями, прибавилъ нѣчто другое и сказалъ: *во украшеніи лѣпотномъ, со стыдѣніемъ и цѣломудріемъ да украшаютъ себе, не въ плетеніихъ, ни златомъ* (1 Тим. II, 9). Если не должно обнажать головы, но вездѣ носить знакъ подчиненія, то тѣмъ болѣе должно показывать это въ дѣйствіяхъ. Прежнія жены называли мужей своихъ господами и уступали имъ первенство. Потому, скажешь, что и они любили своихъ женъ? И я знаю это и не забываю; но когда мы говоримъ о твоихъ обязанностяхъ, то не указывай на (обязанности) другихъ. Когда мы внушаемъ дѣтямъ повиновеніе родителямъ и произносимъ слова Писанія: *чти отца твоего и матерь твою* (Исх. XX, 12), то они говорятъ намъ: докажите и слѣдующее: *и вы отцы не раздражайте чадъ* (Еф. VI, 4). Когда мы внушаемъ рабамъ слова Писанія: *послушайте господій, не предъ очима точію работающе* (Еф. VI, 5, 6), то они напоминаютъ намъ о дальнѣйшемъ и требуютъ, чтобы и господамъ также было сдѣлано внушеніе: Павелъ, говорятъ они, повелѣлъ и имъ *ослаблять прещенія* (Еф. VI, 9). Но мы не будемъ поступать такъ, не будемъ указывать на обязанности другихъ, когда обличаютъ насъ за нарушеніе нашихъ; хотя бы обличеніе падало на тебя вмѣстѣ съ другими, ты не избавишься отъ обвиненія; потому смотри только на то, чтобы тебѣ освободиться отъ своихъ грѣховъ. Адамъ также слагалъ вину на свою жену, а она на змія; но это нисколько не помогло имъ. Не говори же и ты мнѣ этого, но постарайся со всякимъ благоразуміемъ исполнять свои обя-

занности въ отношеніи къ мужу. И мужу твоему, когда увѣщеваю его любить и уважать тебя, я не дозволяю указывать на заповѣдь, данную женѣ, а требую отъ него исполненія предписаннаго ему. Потому и ты старайся исполнять свои обязанности и оказывай покорность своему мужу. Если хочешь повиноваться мужу для Бога, то не представляй мнѣ его обязанностей, но тщательно исполняй тѣ, которыя Законодатель возложилъ на тебя. Въ томъ особенно и состоитъ повиновеніе Богу, чтобы не нарушать закона, даже въ томъ случаѣ, если сама ты терпишь противное. Кто любитъ любящаго его, тотъ не дѣлаетъ ничего важнаго; а кто любитъ ненавидящаго его, тотъ преимущественно достоинъ вѣнцовъ. Такъ размышляй и ты: если будешь сносить жестокаго мужа, то получишь свѣтлый вѣнецъ; а если тихаго и кроткаго, то за что Богъ будетъ награждать тебя? Говорю это
221 не для того, чтобы подать мужьямъ поводъ къ жестокостямъ, но чтобы убѣдить женъ—сносить и жестокихъ мужей. Когда каждый будетъ стараться исполнять свои обязанности, то и ближній не замедлитъ сдѣлать тоже. Такъ, когда жена бываетъ готова сносить гнѣвливаго мужа, тогда и мужъ не станетъ оскорблять гнѣвливой жены, тогда во всемъ будетъ у нихъ миръ и пристань, не возмущаемая волнами. Такъ и было у древнихъ: каждый исполнялъ свое, не указывая на обязанности ближняго. Смотри: Авраамъ взялъ съ собою племянника, и жена не укоряла его за это. Онъ велѣлъ ей идти въ дальній путь, и она не воспротивилась этому, но повиновалась. Потомъ послѣ многочисленныхъ бѣдствій, усилій и трудовъ, сдѣлавшись господиномъ всего, онъ уступилъ первенство Лоту, и Сарра не только не огорчилась этимъ, но даже не открыла устъ и не сказала ничего такого, что многія жены говорятъ нынѣ, когда видятъ, что мужья ихъ при подобныхъ раздѣлахъ получаютъ менѣе другихъ, особенно низшихъ себя, порицаютъ ихъ, называютъ и глупыми, и несмысленными, и трусами, и безпечными, и лѣнивыми. Она же не сказала и не подумала ничего такого, но осталась довольна всѣмъ, что онъ сдѣлалъ. И еще болѣе: когда его (Лота) постигла великая опасность послѣ того, какъ онъ самъ сдѣлалъ выборъ и предоставилъ дядѣ худшую часть, и когда патріархъ, услышавъ объ этомъ, вооружилъ всѣхъ своихъ домочадцевъ и съ ними одними пошелъ противъ цѣлаго персидскаго войска, она не удерживала его и не сказала, напримѣръ, такъ: куда идешь ты, человѣкъ, ввергая самъ себя въ пропасть, подвергаясь такимъ опасностямъ, готовясь пролить кровь за мужа, который обидѣлъ тебя и похитилъ твою собственность? Если ты не думаешь о себѣ, то пожалѣй меня, оставившую домъ, отече-

ство, друзей и родныхъ, и послѣдовавшую за тобою въ такой путь, не подвергай меня вдовству и соединеннымъ съ вдовствомъ бѣдствіямъ. Ничего такого она не сказала, не подумала, но все перенесла молча. Затѣмъ, оставаясь неплодною, она не скорбитъ и не плачетъ, подобно другимъ такимъ женамъ, но проливаетъ слезы онъ,—впрочемъ не предъ женою, а предъ Богомъ. И, замѣть, какъ каждый соблюдаетъ должное: онъ не презираетъ Сарры за ея неплодство и не укоряетъ ее за это, и она съ своей стороны старается найти для него нѣкоторое утѣшеніе въ безчадіи посредствомъ рабыни. Тогда не запрещалось это, какъ запрещается нынѣ; нынѣ же непозволительно ни женамъ дѣлать такое угожденіе мужьямъ, ни мужьямъ, съ вѣдома ли, или безъ вѣдома женъ, вступать въ такія связи, хотя бы они въ тысячу разъ болѣе чувствовали безчадіе; иначе имъ будетъ сказано: *червь ихъ не умираетъ и огнь ихъ не угасаетъ* (Марк. IX, 44); нынѣ это не дозволяется, а тогда не запрещалось. Потому, и жена предложила это, и онъ послушался, и поступилъ такъ не ради удовольствія. А посмотри, скажешь, какъ онъ потомъ, по ея же требованію, изгналъ (служанку). Но этимъ я и хочу доказать, что какъ онъ во всемъ слушался ея, такъ и она его.

7. Притомъ, не ограничивайся этимъ, но, когда говоришь 222
такъ, обрати вниманіе и на предъидущее, на то, что служанка оскорбила ее, стала гордиться предъ госпожею; а что можетъ быть прискорбнѣе этого для свободной и честной жены? Потому ты, жена, не ожидай доброты отъ мужа, чтобы послѣ того показать и свою,—въ этомъ не будетъ ничего важнаго; и ты, мужъ, не ожидай благонравія отъ жены, чтобы послѣ того и самому быть любомудрымъ,—это уже не будетъ подвигомъ; но каждый, какъ я сказалъ, пусть первый исполняетъ свои обязанности. Если и постороннимъ, ударяющимъ по правой ланитѣ, должно подставлять другую, то тѣмъ болѣе должно сносить жестокость мужа. Говорю это не для того, чтобы мужъ билъ жену, нѣтъ; это крайнее униженіе не для той, которую бьютъ, а для того, кто бьетъ; но если по какимъ-нибудь обстоятельствамъ ты, жена, сочеталась съ такимъ мужемъ, то не предавайся скорби, представляя ожидающую тебя за это награду и похвалу еще въ настоящей жизни. И вамъ, мужья, скажу: никакой проступокъ не долженъ вынуждать васъ бить свою жену. Что я говорю—жену? Благородному мужу непозволительно бить даже служанку и налагать на нее руки. Если же весьма безчестно для мужа бить рабыню, то тѣмъ безчестнѣе налагать руку на свободную. Это внушаютъ и внѣшніе (языческіе) законодатели, которые не принуждаютъ жену жить вмѣстѣ съ бьющимъ ее мужемъ, какъ съ

недостойнымъ ея сожительства. Подлинно, крайне беззаконно— сообщницу жизни, издавна раздѣляющую твои нужды, позорить, какъ рабыню. Такой мужъ, если только можно назвать его мужемъ, а не звѣремъ, по моему мнѣнію, равенъ отцеубійцѣ и матереубійцѣ. Если намъ заповѣдано оставлять для жены отца и мать, не въ оскорбленіе имъ, но въ исполненіе закона Божія, и для самихъ родителей это настолько вожделѣнно, что они, будучи оставляемы, радуются и совершаютъ брачное соединеніе дѣтей съ великимъ усердіемъ, то не крайнее ли безуміе оскорблять ту, для которой Богъ повелѣлъ оставлять родителей? И безуміе ли только? А безчестіе, скажи мнѣ, кто можетъ перенести? Какое слово можетъ изобразить это (безчестіе), когда крики и вопли разносятся по улицамъ, когда сосѣди и прохожіе стекаются къ дому совершающаго такое гнусное дѣло, сокрушающаго подобно какому-то звѣрю все, находящееся внутри? Лучше, если бы земля поглотила такого безумца, нежели послѣ того ему опять показаться на торжищѣ. Жена, скажешь ты, поступаетъ дерзко? Но вспомни, что она—жена, слабый сосудъ, а ты—мужъ. Ты для того и поставленъ надъ нею начальникомъ и главою, чтобы сносить слабость подчиненной. Старайся сдѣлать свое правленіе славнымъ; а славнымъ оно будетъ тогда, когда ты не будешь безчестить подчиненной. Какъ царь является самъ тѣмъ болѣе достойнымъ почтенія, чѣмъ болѣе возвышаетъ честь (подвластнаго себѣ) начальника, а когда унижаетъ и безчеститъ его достоинство, тогда не мало уменьшаетъ и собственную славу, такъ и ты, безчестя подвластную тебѣ начальницу, не мало унижаешь честь и своей власти. Итакъ, представляя все это, будь благо-
223 разуменъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ вспоминай и о томъ вечерѣ, въ который отецъ, призвавъ тебя, отдалъ тебѣ дочь свою, какъ бы нѣкоторый залогъ, и, отлучивъ ее отъ всего, отъ матери, отъ себя самого и отъ дома, вручилъ все попеченіе о ней твоей десницѣ. Подумай, что послѣ Бога ты отъ нея получилъ дѣтей, сдѣлался отцемъ, и потому будь кротокъ въ отношеніи къ ней.

8. Не видишь ли, какъ земледѣльцы удобряютъ всѣми способами землю, принявшую сѣмена, хотя бы она имѣла тысячи недостатковъ, хотя была бы напр. неплодоносна, произращала дурныя травы, подвергалась наводненіямъ по свойству мѣстоположенія? Такъ же поступай и ты: тогда ты же первый насладишься и плодами и спокойствіемъ. Жена есть пристань и важнѣйшее лѣкарство для (ищущихъ) благодушія. Если эту пристань ты будешь соблюдать свободною отъ вѣтровъ и волненія, то найдешь въ ней великое спокойствіе, возвратившись съ торжища; а если будешь возмущать и волновать ее, то уготовишь самъ себѣ опаснѣй-

шее кораблекрушеніе. Итакъ, пусть не будетъ этого, а пусть будетъ то, о чемъ я говорю. Если случится въ домѣ что-нибудь прискорбное по ея винѣ, то утѣшай ее, а не увеличивай скорби. Хотя бы ты лишился всего имущества, это не будетъ прискорбнѣе непріязни съ сожительницею; какую бы ты ни представилъ вину, ничто не будетъ несноснѣе раздора съ женою. Потому пусть любовь къ ней будетъ для тебя драгоцѣннѣе всего. Если должно носить тяготы другъ друга, то тѣмъ болѣе — жены. Если она бѣдна, не укоряй; если неразумна, не осуждай, а лучше постарайся научить ее; вѣдь она — членъ твой; вы — одна плоть. Но, скажешь, она болтлива, склонна къ пьянству, гнѣвлива? Въ такомъ случаѣ должно не гнѣваться, а скорбѣть, молиться Богу, увѣщевать, вразумлять ее, и дѣлать все, чтобы истребить ея страсть. Если же будешь бить и мучить ее, то не исцѣлишь ея болѣзни; грубость исправляется кротостію, а не взаимною грубостію. Вмѣстѣ съ тѣмъ не забудь и о наградѣ отъ Бога. Если ты, имѣя возможность отвергнуть ее, не сдѣлаешь этого по страху Божію, но станешь сносить недостатки ея изъ уваженія къ закону, возбранившему отвергать жену, какъ ни велика была бы болѣзнь ея, ты получишь неизреченную награду, и еще прежде награды—великую пользу, сдѣлавъ ее болѣе благопокорною, пріучивъ и себя къ бо́льшей въ отношеніи къ ней кротости. 224

Разсказываютъ, что одинъ изъ внѣшнихъ философовъ (Сократъ), имѣя жену злую, болтливую и склонную къ пьянству, на вопросъ, для чего онъ терпитъ ее, отвѣчалъ, что она служитъ для него домашнимъ училищемъ и упражненіемъ любомудрія: я, говорилъ онъ, упражняясь ежедневно съ нею, дѣлаюсь болѣе кроткимъ и съ другими. Вы пришли въ восторгъ? А мнѣ весьма прискорбно, что язычники любомудріемъ превосходятъ насъ, которымъ заповѣдано подражать ангеламъ, или, лучше, заповѣдано подражать въ кротости самому Богу. Сказанный философъ по этой причинѣ не изгонялъ своей злой жены; а нѣкоторые говорятъ, что по этой причинѣ онъ и женился на ней. Но, такъ какъ многіе изъ людей не бываютъ настолько благоразумны, то я совѣтую напередъ всячески стараться о томъ, чтобы избирать жену благонравную и исполненную всякой добродѣтели; если же случится сдѣлать ошибку и ввести въ домъ свой невѣсту недобрую и даже негодную, тогда подражать этому философу, всѣми мѣрами исправлять ее и считать это дѣло важнѣе всего. Купецъ не спускаетъ въ море корабля и не принимается за торговлю прежде, нежели заключитъ съ своимъ товарищемъ условія, которыя обезпечили бы взаимное ихъ спокойствіе. Такъ и мы будемъ принимать всѣ мѣры, чтобы внутри своего корабля сохра-

пять всяческій миръ съ сообщницею житейскаго поприща; тогда и все прочее будетъ у насъ спокойно, и мы безопасно переплывемъ море настоящей жизни. Объ этомъ мы должны заботиться болѣе, нежели о домѣ, рабахъ, деньгахъ, поляхъ и даже дѣлахъ гражданскихъ; всего драгоцѣннѣе должно быть для насъ то, чтобы не имѣть вражды и распри съ своею сожительницею; тогда и все прочее пойдетъ у насъ хорошо, и въ дѣлахъ духовныхъ мы будемъ имѣть большую благоуспѣшность, съ единомысліемъ неся бремя настоящей жизни; а исполнивъ все, получимъ и уготованныя для насъ блага, которыхъ да сподобимся всѣ мы, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XXVII.

223 Сіе же завѣщавая, не хвалю, яко не на лучшее, но на худшее собираетеся (1 Кор. xi, 17).

1. Прежде всего надобно объяснить причину предлагаемаго обличенія; тогда наша рѣчь будетъ удобопонятнѣе. Въ чемъ же состоитъ эта причина? Какъ въ началѣ вѣрующіе, въ числѣ трехъ тысячъ, вкушали пищу за общимъ столомъ и имѣли у себя все общее, такъ было и тогда, когда апостолъ писалъ это, хотя и не съ такою точностію, а только какъ бы нѣкоторый остатокъ прежняго общенія сохранялся и соблюдался въ послѣдующее время. Вѣрующіе, изъ которыхъ одни были богаты, а другіе бѣдны, хотя не отдавали всего своего имущества на общую пользу, однако въ установленные дни по обычаю учреждали общіе столы и, по окончаніи собранія и причащенія таинъ, сходились всѣ на общее
224 пиршество, при чемъ богатые приносили яства, а бѣдные и ничего не имѣющіе были приглашаемы ими, и такимъ образомъ вкушали пищу всѣ вмѣстѣ. Но впослѣдствіи уничтожился и этотъ обычай. Причиною было то, что вѣрующіе раздѣлились между собою, причисляли себя одни къ тѣмъ, а другіе къ другимъ, и говорили: я такого-то, а я такого-то, какъ говорилъ и вразумлялъ (апостолъ) въ началѣ посланія: *возвѣстися бо ми о васъ, братіе моя, отъ домашнихъ Хлоиса, яко рвенія въ васъ суть. Глаголю же се, яко кійждо васъ глаголетъ: азъ убо есмь Павловъ, азъ же Аполлосовъ, азъ же Кифинъ* (1 Кор. i, 11, 12). Это не значитъ, будто они называли себя Павловыми; онъ не допустилъ бы этого; но, желая сильнѣе и съ корнемъ истребить такой образъ дѣйствій,

онъ привелъ свое имя, чтобы показать, что если бы кто-нибудь 225
принялъ даже его имя, отторгшись отъ общаго тѣла (Церкви), и въ такомъ случаѣ поступилъ бы безразсудно и крайне нечестиво; если же нечестиво (называться) его именемъ, то тѣмъ болѣе именемъ другихъ низшихъ учителей. Итакъ, когда нарушился этотъ обычай (общенія имѣній), прекрасный и благодѣтельнѣйшій, такъ какъ онъ служилъ къ поддержанію любви, утѣшенію бѣдности, благоупотребленію богатства, внушенію великаго любомудрія, сохраненію смиренномудрія, когда (апостолъ) узналъ, что погибаютъ такія блага, то справедливо употребляетъ обличительное слово и говоритъ: *сіе же завѣщевая, не хвалю.* Въ прежнемъ обличеніи, которое не касалось многихъ, бывшихъ исправными, онъ началъ рѣчь иначе: *хвалю же вы,* говоритъ, *яко вся моя помните:* а здѣсь напротивъ: *сіе же завѣщевая, не хвалю.* Потому онъ и не помѣстилъ этого (предмета) сряду послѣ обличенія вкушавшихъ идоложертвенное; такъ какъ это (преступленіе) было весьма тяжко, то онъ вставилъ въ срединѣ рѣчь о волосахъ, чтобы, переходя отъ одного сильнаго обличенія къ другому столь же сильному, не показаться слишкомъ суровымъ,—а затѣмъ опять переходитъ къ болѣе тяжкому и говоритъ: *сіе же завѣщевая, не хвалю.* Что такое *сіе?* Объ этомъ я сейчасъ скажу. А что значитъ: *завѣщавая, не хвалю?* Я не одобряю, говоритъ, васъ за то, что вы поставили меня въ необходимость дѣлать вамъ внушеніе; не хвалю, что оказалась надобность учить васъ этому, что вы имѣете нужду въ такомъ увѣщаніи отъ меня. Видишь ли, какъ въ самомъ началѣ онъ показалъ все безразсудство ихъ поведенія? Если согрѣшающему не слѣдовало даже нуждаться въ увѣщаніи, чтобы не грѣшить, то очевидно, какъ непростителенъ грѣхъ. Почему же онъ не хвалитъ? *Яко,* говоритъ, *не на лучшее, но на худшее сбираетеся,* то есть, не преуспѣваете въ добродѣтели. Тогда какъ слѣдовало преуспѣвать и возрастать въ любви, вы сократили уже господствовавшій обычай, и сократили такъ, что оказалась надобность въ моемъ увѣщаніи вамъ возвратиться къ прежнему порядку. Затѣмъ, чтобы не показалось, что онъ говоритъ только въ пользу бѣдныхъ, (апостолъ) не тотчасъ начинаетъ рѣчь о трапезахъ; а чтобы обличеніе его не было принято ими за маловажное, употребляетъ выраженіе болѣе разительное и внушающее большій страхъ. Что же онъ говоритъ? *Первое убо сходящымся вамъ въ церкви, слышу въ васъ распри сущыя* (ст. 18). Не говоритъ: я слышу, что вы не учреждаете общихъ вечерей, слышу, что вы вкушаете пищу каждый порознь, а не вмѣстѣ съ бѣдными; но употребляетъ выраженіе, которое могло сильнѣе потрясти ихъ душу, именно—*распри,* которыя были причиною и этого безпорядка; и такимъ

образомъ опять напоминаетъ о томъ, о чемъ говорено было въ началѣ посланія и что возвѣщено было ему домашними Хлоиса. *И часть нѣкую вѣрую.*

2. Чтобы не сказали: а что, если солгали какіе-нибудь клеветники?—онъ не говоритъ: *я вѣрую,* чтобы они не сдѣлались еще болѣе безстыдными, не говоритъ также: *не вѣрую,* чтобы обличеніе не показалось напраснымъ, но—*часть нѣкую,* говоритъ, *вѣрую,* т. е. нѣсколько вѣрю, и тѣмъ дѣлаетъ ихъ внимательными и призываетъ къ исправленію. *Подобаетъ бо и ересемъ въ васъ быти, да искусніи явлени бываютъ въ васъ* (ст. 19). И подъ именемъ ересей онъ разумѣетъ здѣсь не заблужденія касательно догматовъ, но эти самыя распри. Впрочемъ, если бы онъ говорилъ
226 и о заблужденіяхъ касательно догматовъ, то и въ такомъ случаѣ не подалъ бы повода къ соблазну. Вѣдь и Христосъ сказалъ: *нужда есть пріити соблазномъ* (Мѳ. XVIII, 7), и однако не нарушилъ свободы воли и не поставилъ жизнь въ какой-нибудь необходимости и неизбѣжности, но предсказалъ будущее, имѣвшее произойти отъ злой человѣческой воли, не вслѣдствіе Его предсказанія, но отъ произвола развратныхъ людей. Не потому происходили (соблазны), что Онъ предсказалъ о нихъ, но потому Онъ предсказалъ, что они имѣли произойти. Если бы соблазны происходили по необходимости, а не по волѣ производящихъ ихъ, то Онъ напрасно бы сказалъ: *горе человѣку тому, имже соблазны приходятъ* (Мѳ. XVIII, 7). Но объ этомъ мы подробно разсуждали, когда разсматривали это мѣсто, а теперь нужно обратиться къ настоящему предмету. Что (апостолъ) дѣйствительно *ересями* называетъ здѣсь безпорядки при трапезахъ и бывшія при томъ несогласія и раздоры, это онъ ясно выразилъ послѣдующими словами. А именно, сказавъ: *слышу въ васъ распри сущыя,* не остановился на этомъ, но, желая объяснить, какія онъ разумѣетъ распри, говоритъ далѣе: *кійждо свою вечерю предваряетъ* (ст. 21), и еще: *еда бо домовъ не имате, во еже ясти и пити? Или о церкви Божіей нерадите* (ст. 22)? Очевидно, что онъ говоритъ объ этихъ безпорядкахъ; а что называетъ ихъ распрями, не удивляйся; онъ хотѣлъ, какъ я сказалъ, сильнѣе подѣйствовать на нихъ такимъ выраженіемъ. Если бы онъ разумѣлъ догматическія распри, то не говорилъ бы съ ними такъ кротко. Когда онъ говоритъ о нихъ, то послушай, съ какою силою и предохраняетъ и обличаетъ; предохраняетъ, когда говоритъ: *аще ангелъ благовѣститъ вамъ паче, еже пріясте, анаѳема да будетъ* (Гал. I, 8, 9); обличаетъ, когда говоритъ: *иже закономъ оправдаетеся, отъ благодати отпадосте* (V, 4); а смутьяновъ называетъ то псами: *блюдитеся,* говоритъ, *отъ псовъ* (Фил. III, 2), то сожженными въ совѣсти

и служителями діавола (1 Тим. IV, 2). Но здѣсь не говоритъ ничего подобнаго, а выражается кротко и снисходительно. Что означаютъ слова: *да искусніи явлени бываютъ въ васъ?* Чтобы болѣе просіяли. Онъ хочетъ сказать, что людямъ непреклоннымъ и твердымъ это не только не вредитъ, но еще дѣлаетъ ихъ болѣе замѣтными и славными. Частица *да* не всегда означаетъ цѣль, но часто слѣдствіе дѣла. Такъ употребляетъ ее Христосъ, когда говоритъ: *на судъ азъ въ міръ сей пріидохъ, да не видящіи видятъ и видящіи слѣпи будутъ* (Іоан. IX, 39); такъ и самъ Павелъ, когда говоритъ о законѣ: *законъ же привниде, да умножится прегрѣшеніе* (Рим. V, 20). Законъ данъ былъ не для того, чтобы умножились преступленія іудеевъ; но такъ было. И Христосъ пришелъ не для того, чтобы видящіе сдѣлались слѣпыми, а съ противоположною цѣлію; но такъ было. Подобнымъ образомъ и здѣсь нужно понимать слова: *да искусніи явлени бываютъ;* ереси были не для того, чтобы открылись искусные, но когда явились ереси, тогда это случилось. (Апостолъ) сказалъ это для утѣшенія бѣдныхъ, твердо переносящихъ такое пренебреженіе. Потому не сказалъ: *да искусніи бываютъ*, но: *да искусніи явлени бываютъ*, выражая, что они и прежде были такими, но смѣшивались съ другими и, получая утѣшеніе отъ богатыхъ, не очень были замѣтны, а теперь смятеніе и несогласіе сдѣлали ихъ извѣстными, подобно какъ буря дѣлаетъ извѣстнымъ кормчаго. Также не сказалъ: *да вы искусніи явитесь*, но: *да искусніи явлени бываютъ въ васъ;* какъ въ обли- 227
ченіи не указалъ ни на кого прямо, чтобы не сдѣлать ихъ болѣе безстыдными, такъ и въ похвалѣ, чтобы не сдѣлать ихъ болѣе безпечными; но выражается неопредѣленно, предоставляя совѣсти каждаго прилагать къ себѣ сказанное. Мнѣ кажется, что здѣсь онъ утѣшаетъ не только бѣдныхъ, но и тѣхъ, которые не нарушали того обычая; вѣроятно, между ними были и соблюдавшіе его. Потому онъ и сказалъ: *часть нѣкую вѣрую*. Справедливо онъ называетъ искусными тѣхъ, которые не только вмѣстѣ съ другими соблюдали обычай, но и безъ нихъ не преступали этого прекраснаго установленія. Такими похвалами онъ старается возбудить въ тѣхъ и другихъ большее усердіе. Затѣмъ онъ показываетъ и самый родъ преступленія. Въ чемъ же оно состояло? *Сходящимся вамъ вкупѣ*, говоритъ, *нѣсть Господскую вечерю ясти* (ст. 20). Видишь ли, какъ онъ пристыжаетъ ихъ и подъ видомъ повѣствованія предлагаетъ внушеніе? Наружный видъ собранія, говоритъ, показываетъ одно, происходитъ какъ бы изъ любви и братолюбія; вы собираетесь въ одномъ мѣстѣ и всѣ вмѣстѣ; а трапеза не соотвѣтствуетъ собранію. Не сказалъ: когда вы собираетесь, то не вкушаете вмѣстѣ, не раздѣляете пищи другъ съ

другомъ, но опять выражается иначе и гораздо разительнѣе: *нѣсть*, говоритъ, *Господскую вечерю ясти*, напоминая имъ ту вечерю, на которой Христосъ преподалъ страшныя тайны. Потому и назвалъ яденіе ихъ вечеріею, такъ какъ и на той вечери возлежали всѣ вмѣстѣ. Впрочемъ не такъ отличны другъ отъ друга богатые и бѣдные, какъ Учитель и ученики,—между послѣдними различіе безпредѣльно. Но что я говорю объ Учителѣ и ученикахъ?—представь, какое различіе между Учителемъ и предателемъ, и однако Онъ самъ возлежалъ вмѣстѣ съ ними, не изгналъ и предателя, но и съ нимъ раздѣлилъ соль и сдѣлалъ его участникомъ таинъ.

8. Далѣе (апостолъ) объясняетъ, почему они не вкушаютъ вечерю Господню: *кійждо бо*, говоритъ, *свою вечерю предваряетъ въ снѣденіе, и овъ убо алчетъ, овъ же упивается* (ст. 21). Видишь ли, какъ онъ доказалъ, что они болѣе посрамляютъ себя самихъ? Принадлежащее Господу они присвояютъ себѣ, и потому прежде всѣхъ унижаютъ самихъ себя, лишая свою трапезу того, въ чемъ состоитъ величайшее ея достоинство. Почему и какимъ образомъ? *Господская вечеря*, то есть Владычня, должна быть общею; принадлежащее господину не принадлежитъ тому или другому рабу, но есть общее для всѣхъ; она Господская, говоритъ, слѣдовательно общая. Если же она принадлежитъ твоему Владыкѣ, какъ и дѣйствительно принадлежитъ, то ты не долженъ присвоять ее себѣ, но, какъ принадлежащую Господу и Владыкѣ, предлагать ее всѣмъ вообще. Она *Господская*, а ты препятствуешь ей быть Господскою, не дозволяя ей быть общею, но вкушая самъ по себѣ. Потому и присовокупляетъ: *кійждо бо свою вечерю предваряетъ*. Не сказалъ: отдѣляетъ, но: *предваряетъ*, прикровенно обличая ихъ въ неумѣренности и невоздержаніи, что объясняется и послѣдующимъ; а именно, сказавъ это, онъ продолжаетъ: *и овъ убо алчетъ, овъ же упивается;* то и другое, какъ недостатокъ, такъ
228 и излишество, показываютъ неумѣренность. Вотъ и вторая вина, которая также вредитъ имъ самимъ: первая въ томъ, что они безчестятъ свою вечерю; а вторая въ томъ, что пресыщаются и упиваются, и, что еще тяжелѣе, тогда какъ бѣдные алчутъ. То, что слѣдовало предлагать всѣмъ вообще, они поѣдаютъ одни и такимъ образомъ впадаютъ въ пресыщеніе и пьянство. Потому онъ и не сказалъ: *овъ убо алчетъ, овъ же насыщается*, но: *упивается*. Каждое изъ этихъ дѣлъ само по себѣ достойно осужденія; упиваться, не пренебрегая бѣдныхъ, преступно; и пренебрегать бѣдныхъ, не упиваясь, преступно; если же то и другое соединятся вмѣстѣ, то представь, какъ велико преступленіе. Показавъ нечестіе дѣла, далѣе онъ примѣняетъ укоризну и говоритъ

съ великимъ гнѣвомъ: *еда бо домовъ не имате во еже ясти и пити? Или о церкви Божіей нерадите, и срамляете неимущыя* (ст. 22)? Видишь ли, какъ отъ бѣдныхъ онъ переноситъ оскорбленіе на церковь, чтобы усилить рѣчь свою? Вотъ и четвертая вина, состоящая въ томъ, что они оскорбляютъ не только бѣдныхъ, но и церковь. Какъ Господскую вечерю (говоритъ), такъ и самое мѣсто ты присвояешь себѣ, пользуясь церковію, какъ бы своимъ домомъ. Церковь устроена не для того, чтобы собирающіеся въ ней раздѣлялись, но чтобы раздѣленные соединялись, какъ показываетъ и самое слово: *собраніе. И срамляете неимущыя.* Не сказалъ: оставляете голодными неимущихъ, но съ большею укоризною: *срамляете*, показывая, что онъ не столько заботится о пищѣ, сколько объ оскорбленіи, причиняемомъ имъ (бѣднымъ). Вотъ и пятая вина—въ томъ, что они не только презираютъ алчущихъ, но и посрамляютъ ихъ. Этими словами онъ съ одной стороны похваляетъ бѣдныхъ, выражая, что они не столько безпокоятся о желудкѣ, сколько о безчестіи, а съ другой—располагаетъ слушателя къ милосердію. Показавъ столько преступнаго (въ ихъ поведеніи),—униженіе вечери, униженіе церкви, оскорбленіе бѣдныхъ,—онъ вдругъ смягчаетъ силу обличенія и говоритъ: *похвалю ли вы? О семъ не хвалю.* Это особенно и достойно удивленія, что, показавъ столько преступленій, когда слѣдовало бы сильнѣе выразить гнѣвъ свой, онъ поступаетъ совершенно иначе, смягчаетъ рѣчь и даетъ имъ облегченіе. Почему же такъ? Онъ уже сильно тронулъ ихъ, доказавъ важность ихъ вины, и, какъ превосходный врачъ, наноситъ ударъ соотвѣтственный ранамъ: требующія глубокаго разрѣза не разсѣкаетъ только на поверхности,—ты слышалъ, какъ онъ отсѣкъ отъ нихъ кровосмѣсника,—а къ требующимъ болѣе легкаго врачеванія не прилагаетъ желѣза; потому и здѣсь говоритъ съ ними кротко. Съ другой стороны онъ преимущественно старался сдѣлать ихъ кроткими къ бѣднымъ; потому болѣе и самъ бесѣдуетъ съ ними кротко. Далѣе, желая пристыдить ихъ иначе и еще сильнѣе, онъ обращаетъ рѣчь къ болѣе важному предмету: *азъ бо*, говоритъ, *пріяхъ отъ Господа, еже и предахъ вамъ: яко Господь Іисусъ въ нощь, въ нюже преданъ бываше, пріемъ хлѣбъ, и благодаривъ преломи, и рече: пріимите, ядите: сіе есть тѣло мое, еже за вы ломимое: сіе творите въ мое воспоминаніе* (ст. 23—24). Почему онъ упоминаетъ здѣсь объ этихъ тайнахъ? Потому, что это было ему весьма нужно для настоящаго предмета. Владыка твой, говоритъ, удостоилъ всѣхъ 229
одной и той же трапезы, и притомъ самой страшной и много превосходящей достоинство всѣхъ; а ты считаешь другихъ недостойными твоей трапезы, маловажной и незначительной, и,

тогда какъ они не получаютъ отъ тебя ничего изъ благъ духовныхъ, отнимаешь у нихъ и тѣлесныя, хотя и они—не твои. Впрочемъ, онъ не говоритъ этого, чтобы слова его не были слишкомъ тяжкими, но употребляетъ рѣчь болѣе кроткую и говоритъ: *яко Господь Іисусъ въ нощь, въ нюже предань бываше, пріемъ хлѣбъ.* Для чего онъ напоминаетъ намъ объ этомъ времени, объ этой вечери и предательствѣ? Не просто и не безъ причины, но чтобы сильнѣе тронуть и самымъ временемъ. Всякій, хотя бы кто былъ даже камнемъ, представивъ, какъ въ эту ночь (Господь) скорбѣлъ съ учениками, какъ былъ преданъ, связанъ, веденъ, осужденъ, какъ терпѣлъ и все прочее, сдѣлается мягче воска, отрѣшится отъ земли и всей здѣшней суеты. Для того (апостолъ) и напоминаетъ намъ о всемъ этомъ; пристыжаетъ насъ и временемъ, и вечерью, и предательствомъ и говоритъ: Владыка твой предалъ Себя самого за тебя, а ты не хочешь удѣлить и хлѣба брату для самого же себя?

4. Но почему (Павелъ) говоритъ, что онъ принялъ это отъ Господа, между тѣмъ какъ самъ тогда не былъ, а находился въ числѣ гонителей? Чтобы ты уразумѣлъ, что та вечеря не заключала въ себѣ ничего большаго въ сравненіи съ послѣдующими. И нынѣ тотъ же (Господь) все совершаетъ и преподаетъ, какъ и тогда, и не для этого только онъ напоминаетъ намъ объ этой ночи, но чтобы тронуть насъ еще и инымъ образомъ. Какъ вообще мы болѣе помнимъ послѣднія слова, которыя слышимъ отъ умирающихъ, и наслѣдникамъ ихъ, когда они дерзаютъ нарушать ихъ завѣщанія, въ укоризну говоримъ: вспомните, что это послѣднія слова отца вашего, которыя онъ завѣщалъ предъ самымъ тѣмъ вечеромъ, какъ испустилъ духъ, такъ и Павелъ, желая такимъ образомъ усилить рѣчь свою, говоритъ: вспоминайте, что это было послѣднее таинство, которое Онъ преподалъ вамъ, что Онъ заповѣдалъ это въ ту ночь, въ которую готовился быть убитымъ за насъ, и, предложивъ вамъ эту вечерю, послѣ нея уже не предложилъ никакой другой. Затѣмъ онъ излагаетъ самыя обстоятельства событія и говоритъ: *пріемъ хлѣбъ, и благодаривъ преломи, и рече: пріимите, ядите: сіе есть тѣло мое, еже за вы ломимое.* Если ты приступаешь къ евхаристіи (благодаренію), то не дѣлай ничего недостойнаго благодаренія, не посрамляй брата, не презирай алчущаго, не упивайся, не оскорбляй церкви. Ты приступаешь, чтобы благодарить за тѣ блага, которыя получилъ: воздавай же отплату и съ своей стороны и не отдѣляйся отъ ближняго. Христосъ преподалъ равно всѣмъ, сказавъ: *пріимите, ядите.* Онъ равно всѣмъ преподалъ Свое тѣло, и ты не хочешь равно всѣмъ раздавать общій хлѣбъ? А (хлѣбъ) былъ преломленъ

Имъ равно за всѣхъ и содѣлался тѣломъ равно за всѣхъ. *Тако-
жде и чашу по вечери, глаголя: сія чаша, новый завѣтъ есть въ моей
крови: сіе творите, елижды аще піете, въ мое воспоминаніе* (ст. 25).
Что говоришь? Совершаешь воспоминаніе о Христѣ, и прези-
раешь бѣдныхъ, и не трепещешь? Когда ты совершаешь помино-
веніе по умершемъ сынѣ или братѣ, то совѣсть замучила бы тебя,
если бы ты не исполнилъ обычая и не пригласилъ бѣдныхъ; а 230
совершая воспоминаніе о своемъ Владыкѣ, ты не хочешь даже
подѣлиться трапезою? Но что означаютъ слова: *сія чаша новый
завѣтъ есть?* Была чаша и ветхаго завѣта—возліянія и кровь
безсловесныхъ животныхъ; наполняли чашу и фіалъ кровію и
послѣ жертвоприношенія совершали возліяніе. Предложивъ вмѣ-
сто крови безсловесныхъ Свою кровь, (Господь) напомнилъ о древ-
немъ жертвоприношеніи, чтобы, слыша это, кто-нибудь не сму-
тился. Сказавъ о вечери, далѣе (апостолъ) соединяетъ настоящее
съ прошедшимъ, чтобы вѣрующіе были и нынѣ въ такомъ же
расположеніи духа, какъ будто присутствовали на той самой
вечери, возлежали вмѣстѣ (съ апостолами) и принимали отъ са-
мого Христа эту жертву, и говоритъ: *елижды бо аще ясте хлѣбъ
сей, и чашу сію піете, смерть Господню возвѣщаете, дондеже пріи-
детъ* (ст. 26). Какъ Христосъ, сказавъ о хлѣбѣ и о чашѣ: *сіе тво-
рите въ мое воспоминаніе*, открылъ намъ причину установленія
таинства, и между прочимъ внушилъ, что эта причина доста-
точна для возбужденія въ насъ благоговѣнія,—и подлинно, когда
ты представишь, что потерпѣлъ для тебя Владыка твой, то сдѣ-
лаешься любомудреннѣе,—такъ и Павелъ говоритъ здѣсь: *елижды
аще ясте, смерть его возвѣщаете*. Такова эта вечеря! Далѣе вну-
шаетъ, что она пребудетъ до скончанія вѣка, словами: *дондеже
пріидетъ. Тѣмже иже аще ястъ хлѣбъ сей, или піетъ чашу Го-
сподню недостойнѣ, повиненъ будетъ тѣлу и крови Господни* (ст. 27).
Почему? Потому, что проливаетъ кровь и производитъ закланіе,
а не жертву приноситъ. Какъ тогда пронзившіе (Господа) прон-
зали не для того, чтобы пить, но чтобы пролить (кровь Его), такъ
поступаетъ и тотъ, кто пріобщается недостойно, и не получаетъ
никакой пользы. Видишь ли, какъ страшна рѣчь его и какъ
сильно онъ тронулъ ихъ, показавъ, что если они такимъ обра-
зомъ намѣрены пить (кровь Господа), то будутъ недостойно при-
чащаться предлежащихъ (таинъ)? Да и развѣ не недостойно при-
ступаетъ тотъ, кто презираетъ алчущаго, и кромѣ того, что пре-
зираетъ, еще посрамляетъ его? Если неподаваніе (милостыни)
бѣднымъ лишаетъ человѣка царствія небеснаго, хотя бы онъ былъ
дѣвственникъ, равно какъ и не щедрое подаваніе,—вѣдь и тѣ
(дѣвы) имѣли у себя елей, но только не въ изобиліи,—то пред-

ставь, какъ велико будетъ зло, если совершится столько преступленій.

5. Какихъ, скажешь, преступленій? Что ты спрашиваешь—какихъ преступленій? Пріобщившись такой трапезы, тебѣ слѣдовало бы сдѣлаться смиреннѣе всѣхъ и уподобиться ангеламъ, а ты сдѣлался жестокосерднѣе всѣхъ; ты вкусилъ крови Владычней и не признаешь своего брата: достоинъ ли ты послѣ этого прощенія? Если бы даже ты не зналъ его доселѣ, то послѣ этой трапезы долженъ былъ бы признать его: а ты безчестишь и самую трапезу, считая сподобившагося быть причастникомъ ея недостойнымъ яствъ твоихъ. Развѣ ты не слышалъ, чему подвергся требовавшій сто динаріевъ отъ брата своего, какъ онъ утратилъ даръ, уступленный ему господиномъ его? Развѣ не знаешь, чѣмъ ты былъ прежде и чѣмъ сталъ теперь? Развѣ не помнишь, что гораздо болѣе этого бѣднаго деньгами ты былъ бѣденъ добрыми дѣлами, будучи исполненъ безчисленныхъ грѣховъ? Богъ простилъ тебѣ всѣ грѣхи и удостоилъ тебя такой трапезы; но ты и послѣ того не сдѣлался человѣколюбивѣе; потому не остается ничего болѣе, какъ и тебя предать мучителямъ (Мѳ. xviii, 34). Будемъ же и мы всѣ внимать
231 этимъ словамъ (апостола), потому что и мы здѣсь приступаемъ къ священной трапезѣ вмѣстѣ съ бѣдными, а вышедши отсюда не хотимъ и смотрѣть на нихъ, но, предаваясь сами пьянству, ихъ алчущихъ оставляемъ безъ вниманія, въ чемъ тогда виновны были и коринѳяне. Когда же, скажешь, это дѣлается? Всегда, особенно же въ праздники, когда всего болѣе слѣдовало бы не дѣлать этого. Тогда-то, послѣ причащенія, тотчасъ и начинается пьянство и пренебреженіе бѣдныхъ; тогда-то, послѣ принятія крови Господней, когда тебѣ слѣдовало бы соблюдать постъ и воздержаніе, ты и предаешься пьянству и безчинію. Когда тебѣ случится съѣсть за обѣдомъ что-нибудь пріятное, ты остерегаешься, чтобы другимъ дурнымъ кушаньемъ не испортить прежняго; а, принявъ Духа, предаешься сатанинскимъ удовольствіямъ. Вспомни, что дѣлали апостолы, причастившись священной вечери; не къ молитвамъ ли и пѣснопѣніямъ обратились они, не къ священному ли бдѣнію, не къ ученію ли продолжительному и исполненному великаго любомудрія? Подлинно великія и дивныя тайны (Господь) преподалъ и объяснилъ имъ тогда, когда Іуда пошелъ звать будущихъ Его распинателей. Развѣ не слышалъ ты также, что и три тысячи вѣрующихъ, сподобившись причащенія, пребывали постоянно въ молитвахъ и ученіи, а не въ пьянствѣ и безчиніи? А ты, если прежде причащенія постишься, чтобы сколько-нибудь оказаться достойнымъ причащенія, то послѣ причащенія, когда надлежало бы усилить воздержаніе,

погубляешь все. Но не одно и то же поститься прежде или послѣ: должно быть воздержнымъ и въ то и въ другое время, но особенно послѣ принятія Жениха; прежде для того, чтобы сдѣлаться достойнымъ принятія, а послѣ для того, чтобы не оказаться недостойнымъ полученныхъ даровъ. Неужели же, скажешь, должно поститься послѣ причащенія? Я не говорю этого я не принуждаю; хорошо разумѣется, дѣлать и такъ, однакожъ и не насилую, а лишь увѣщеваю не предаваться безмѣрному пресыщенію. Если вообще никогда не должно пресыщаться, какъ это внушаетъ Павелъ въ словахъ: *питающаяся же пространно жива умерла* (1 Тим. v, 6), то здѣсь тѣмъ болѣе угрожаетъ смерть (пресыщающимся послѣ причащенія). Если для жены пресыщеніе есть смерть, то тѣмъ болѣе для мужа: если оно пагубно въ иное время, то тѣмъ болѣе послѣ причащенія таинъ. А ты, принявъ хлѣбъ жизни, совершаешь дѣла смерти, и не трепещешь? Или не знаешь, сколько золъ происходитъ отъ пресыщенія? Неумѣстный смѣхъ, непристойныя рѣчи, пагубныя шутки, безполезное пустословіе и многое другое, о чемъ и говорить неприлично. Все это дѣлаешь ты послѣ того, какъ причастился трапезы Христовой, въ тотъ самый день, въ который удостоился прикоснуться языкомъ своимъ къ къ плоти Его. Потому, чтобы этого не было, пусть каждый соблюдаетъ въ чистотѣ свою десницу, языкъ и уста, которыя послужили предверіемъ при вшествіи Христа, и, предложивъ свою чувственную трапезу, обращаетъ мысли свои къ той духовной 232
трапезѣ, къ вечери Господней, къ бдѣнію учениковъ въ ту священную ночь; или лучше сказать, если тщательно вникнемъ, то и теперь—та же ночь. Будемъ же бодрствовать вмѣстѣ съ Владыкой и благоговѣть вмѣстѣ съ учениками Его. Непрестанно слѣдуетъ молиться, а не пьянствовать, особенно же въ праздникъ. Праздникъ не для того, чтобы намъ безчинствовать и умножать грѣхи свои, но чтобы очистить и тѣ, какіе есть у насъ. Знаю, что говорю это напрасно, но не перестану говорить. Если вы не всѣ послушаетесь, то не всѣ же и не послушаетесь; а если всѣ не послушаетесь, то мнѣ будетъ тѣмъ большая награда, а вамъ тѣмъ большее осужденіе. А чтобы съ вами этого не случилось, я не перестану говорить; частымъ повтореніемъ, можетъ быть, и трону васъ. Итакъ увѣщеваю: чтобы причащеніе не послужило къ нашему осужденію, напитаемъ Христа, напоимъ, одѣнемъ: это достойно такой трапезы. Ты слышалъ священныя пѣсни, видѣлъ бракъ духовный, насладился царской трапезы, исполнился Святого Духа, пріобщился къ лику серафимовъ, сдѣлался сообщникомъ горнихъ силъ? Не нарушай же такой радости, не теряй сокровища, не предавайся пьянству—этому источнику скорби, утѣ-

пленію діавола, виновнику безчисленныхъ золъ, отъ котораго и сонъ, подобный смерти, и головокруженіе, и болѣзни, и забвеніе, и смертное изнеможеніе. Ты, конечно, не рѣшился бы въ пьяномъ видѣ встрѣтиться даже съ другомъ: какъ же осмѣливаешься, скажи мнѣ, предаваться такому пьянству, имѣя въ себѣ Христа? Но ты любишь удовольствія? Поэтому-то и перестань предаваться пьянству. И я желаю тебѣ удовольствія, но удовольствія истиннаго, никогда не увядающаго. Какое же это удовольствіе истинное и всегда цвѣтущее? Призови къ обѣду Христа, раздѣли съ Нимъ свои или, лучше, Его же (блага): вотъ въ чемъ заключается безконечное и всегда цвѣтущее удовольствіе! А удовольствія чувственныя не таковы; они какъ скоро являются, тотчасъ же исчезаютъ, и наслаждающійся ими находится нисколько не въ лучшемъ, а даже въ худшемъ состояніи, нежели не наслаждающійся. Этотъ находится какъ бы въ пристани, а тотъ какъ бы увлекается потокомъ и осаждается болѣзнями, не имѣя возможности преодолѣть такую бурю. Потому, чтобы не случилось этого, будемъ соблюдать умѣренность; тогда сохранимъ и тѣло здоровымъ, и душу спокойною, освободимся отъ настоящихъ и будущихъ золъ, отъ которыхъ избавившись и да сподобимся всѣ мы царствія небеснаго, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XXVIII.

231 **Да искушаетъ же человѣкъ себе, и тако отъ хлѣба да ястъ и отъ чаши да піетъ (1 Кор. XI, 28).**

1. Для чего сказаны эти слова, тогда какъ рѣчь была о дру-
232 гомъ предметѣ? Павелъ обыкновенно, какъ я прежде говорилъ, разсуждаетъ не только о томъ, что составляетъ главный предметъ рѣчи, но если рѣчь коснется и другого, то излагаетъ и его съ великимъ тщаніемъ, особенно когда дѣло идетъ о предметахъ весьма необходимыхъ и настоятельныхъ. Такъ, когда онъ бесѣ-
233 довалъ о супругахъ и въ рѣчи коснулся рабовъ, то изложилъ и этотъ предметъ весьма сильно и подробно; когда говорилъ о томъ, что не должно судиться въ судилищахъ, и коснулся въ своемъ наставленіи любостяжанія, то сказалъ многое и объ этомъ предметѣ; то же онъ дѣлаетъ и здѣсь. Упомянувъ о таинствахъ, онъ нашелъ необходимымъ изложить подробнѣе этотъ предметъ, какъ не маловажный; потому въ бесѣдѣ объ немъ внушаетъ ве-

ликій страхъ и доказываетъ, что главное благо въ томъ, чтобы приступать къ нимъ съ чистою совѣстію. Не довольствуясь сказаннымъ прежде, онъ присовокупляетъ еще слѣдующее: *да искушаетъ человѣкъ себе*; это же онъ говоритъ и во второмъ посланіи: *себе искушайте* (2 Кор. XIII, 5), а не такъ, какъ поступаемъ мы, сообразуясь болѣе съ временемъ, нежели съ душевнымъ расположеніемъ. Мы стараемся не о томъ, чтобы приступить приготовившись, очистившись отъ всего злого и съ полнымъ благоговѣніемъ, но — чтобы въ праздники и тогда, когда приступаютъ всѣ.

Не такъ повелѣваетъ Павелъ; онъ знаетъ одно только время для приступанія къ тайнамъ и причащенія,—когда чиста совѣсть. Если мы не приступаемъ къ чувственной трапезѣ, страдая горячкою и приливомъ дурныхъ соковъ, чтобы не подвергнуться смерти, то тѣмъ болѣе намъ не должно касаться этой трапезы съ порочными пожеланіями, которыя хуже горячки. Подъ именемъ порочныхъ пожеланій я разумѣю какъ тѣлесныя, такъ и любостяжаніе, гнѣвъ, злопамятность и вообще всѣ порочныя наклонности. Приступающему должно очиститься отъ всего этого и тогда уже касаться этой чистой жертвы, а не съ небреженіемъ и лѣностію какъ бы по принужденію приступать ради того, что случился праздникъ, съ другой же стороны, когда есть сокрушеніе и готовность, не откладывать потому, что нѣтъ праздника. Праздникъ есть совершеніе добрыхъ дѣлъ, благочестіе души и строгость жизни; если ты имѣешь это, то всегда можешь праздновать и всегда приступать. Потому (апостолъ) и говоритъ: *да искушаетъ себе* каждый, *и тако* да приступаетъ; повелѣваетъ испытывать не одному другого, но самому себя, устрояя судилище безъ гласности и обличеніе безъ свидѣтелей. *Ядый бо и піяй недостойнѣ, судъ Господень себѣ ястъ и піетъ* (ст. 29). Что говоришь ты? Источникъ столь многихъ благъ, трапеза, источающая жизнь, обращается въ осужденіе? Не по своему существу, говоритъ онъ, а по волѣ приступающаго. Какъ пришествіе Его, доставившее намъ великія и неизреченныя блага, послужило къ большему осужденію не принявшихъ Его, такъ и эти тайны навлекаютъ большее наказаніе на недостойно причащающихся. Почему же *судъ себѣ ястъ? Не разсуждая тѣла Господня,* т. е. не размышляя, не представляя, какъ должно, величія предложенныхъ (тайнъ), не думая о важности дара. Если бы ты вполнѣ понималъ, Кто предлежитъ предъ тобою и кому Онъ предлагаетъ Себя, то не имѣлъ бы нужды ни въ какомъ увѣщаніи, а одного этого было бы достаточно для возбужденія въ тебѣ полнаго благоговѣнія, если только ты не палъ слишкомъ глубоко. *Сего ради*

въ васъ мнози немощни и недужливи, и усыпаютъ доволни (ст. 30).
234 Здѣсь онъ приводитъ въ примѣръ уже не другихъ, какъ сдѣлалъ въ бесѣдѣ объ идоложертвенномъ, гдѣ говорилъ о древнихъ событіяхъ и о бѣдствіяхъ (евреевъ) въ пустынѣ, но самихъ коринѳянъ, что придаетъ словамъ его болѣе внушительности. Сказавъ: *судъ себѣястъ*, и: *повиненъ есть*, и имѣя въ виду, чтобы это не было принято за одни слова, онъ указываетъ и на дѣла, призываетъ во свидѣтели ихъ самихъ, чѣмъ и дѣйствуетъ сильнѣе угрозы, выражая, что угроза уже перешла въ дѣло. Не довольствуясь этимъ, онъ потомъ напоминаетъ и о гееннѣ и подтверждаетъ слова свои, устрашая ихъ со всѣхъ сторонъ и разрѣшая вопросъ, часто предлагаемый. Многіе въ недоумѣніи спрашиваютъ другъ друга: отчего происходятъ преждевременные смертные случаи, отчего продолжительныя болѣзни? Причина многихъ, говоритъ онъ, изъ такихъ нечаянныхъ бѣдствій заключается въ грѣхахъ.

2. Какъ, скажешь, пользующіеся постояннымъ здоровьемъ и достигающіе маститой старости неужели не грѣшны? Кто же можетъ сказать это? Почему же, скажешь, они не наказываются? Потому, что тамъ они подвергнутся жесточайшему наказанію. А мы, если захотимъ, не будемъ наказаны ни здѣсь, ни тамъ. *Аще бо быхомъ себе разсуждали*, говоритъ (апостолъ), *не быхомъ осуждени были* (ст. 31). Не сказалъ: если бы наказывали себя, или мучили себя, но только: если бы захотѣли сознать грѣхи свои, сами себя осудить, признать свои беззаконія, то избавились бы отъ наказанія и здѣсь и тамъ. Осуждающій самъ себя вдвойнѣ умилостивляетъ Бога—и сознаніемъ грѣховъ своихъ и готовностію не дѣлать ихъ на будущее время. Но мы не хотимъ дѣлать, какъ должно, и этого легкаго дѣла, и однако онъ не угрожаетъ намъ наказаніемъ вмѣстѣ *съ міромъ*, но щадитъ насъ, угрожая здѣшнимъ наказаніемъ, которое временно и заключаетъ въ себѣ много утѣшенія; оно освобождаетъ отъ грѣховъ и подаетъ сладостную надежду на будущее, которая облегчаетъ настоящія (страданія). Этимъ онъ желаетъ и утѣшить немощныхъ и сдѣлать другихъ болѣе ревностными. Нынѣ же, говоритъ, *судими, отъ Господа наказуемся* (ст. 32). Не сказалъ: подвергаемся наказанію или мученію, но: *наказуемся* (παιδευόμεθα). Настоящее наказаніе есть болѣе вразумленіе, нежели осужденіе, болѣе врачеваніе, нежели мученіе, болѣе исправленіе, нежели воздаяніе. И не только этимъ, но и угрозою большаго (будущаго) наказанія онъ облегчаетъ настоящее: *да не съ міромъ*, говоритъ, *осудимся*. Видишь ли, какъ онъ указываетъ на геенну и на страшный судъ и доказываетъ, что этотъ судъ и наказаніе неизбѣжны и будутъ непремѣнно? Въ са-

момъ дѣлѣ, если вѣрующіе и находящіеся подъ покровомъ Божіимъ не избѣгаютъ наказанія за свои прегрѣшенія, какъ видно изъ настоящихъ указаній, то тѣмъ болѣе (не избѣгнутъ) невѣрные и согрѣшающіе тяжко и неисцѣльно. *Тѣмже сходящеся ясти, другъ друга ждите* (ст. 33). Когда чувство опасенія было еще живо и страшная мысль о геєннѣ еще не прошла, тогда онъ опять предлагаетъ наставленіе касательно бѣдныхъ, по поводу котораго онъ сказалъ все предъидущее, и внушаетъ, что не исполняющіе этого недостойны причащенія. Если же не удѣляющіе отъ своего имущества отлучаются отъ трапезы Господней, то тѣмъ болѣе похищающіе. Не сказалъ: сходясь удѣляйте бѣднымъ, но возвышеннѣе: *другъ друга ждите*. Такими словами онъ и внушалъ прикровенно попеченіе о бѣдныхъ, и предлагалъ увѣщаніе въ соотвѣтственномъ видѣ. Далѣе онъ пристыжаетъ ихъ: *аще ли*, говоритъ, *кто алчетъ, въ дому да ястъ* (ст. 34). Давая такое позволеніе, онъ запрещаетъ еще сильнѣе, нежели прямымъ запреще- 235
ніемъ; онъ именно удаляетъ изъ церкви, посылаетъ домой и такимъ образомъ сильно трогаетъ, представляя ихъ рабами чрева и невоздержными. Не сказалъ: если кто пренебрегаетъ бѣдныхъ, но: *аще ли кто алчетъ*, разсуждая какъ бы съ нетерпѣливыми дѣтьми, или съ безсловесными животными, служащими чреву. Подлинно было бы весьма смѣшно, если бы они, побуждаясь голодомъ, стали ѣсть дома. Не довольствуясь этимъ, онъ присовокупляетъ болѣе страшную мысль: *да не въ судъ*, говоритъ, *сходитеся*,—чтобы собираться вамъ не на осужденіе, не навлекать на себя наказанія, оскорбляя церковь, посрамляя брата; вы собираетесь для того, чтобы показать любовь другъ къ другу, получить пользу и принести пользу; если же бываетъ противное, то лучше вамъ насыщаться дома. Говоритъ это для того, чтобы болѣе привлечь ихъ; для того онъ указалъ и на вредъ, отсюда происходящій, и доказалъ, что это немаловажный грѣхъ, и внушилъ страхъ со всѣхъ сторонъ,—со стороны таинъ, больныхъ, умирающихъ и прочаго вышесказаннаго. Затѣмъ онъ опять внушаетъ страхъ инымъ образомъ: *о прочихъ же*, говоритъ, *егда пріиду, устрою*, разумѣя здѣсь или что-нибудь другое, или то же самое. Такъ какъ, вѣроятно, они приводили какія-нибудь другія причины и невозможно было устроить всего посредствомъ посланія, то онъ и говоритъ: пока пусть соблюдается такъ, какъ я научилъ; если же вы имѣете сказать еще что-нибудь, то пусть останется до моего прихода. Говоритъ это, какъ я сказалъ, или о томъ же самомъ дѣлѣ, или о какихъ-нибудь другихъ дѣлахъ не очень важныхъ; поступаетъ же такъ для того, чтобы тѣмъ самымъ сдѣлать ихъ болѣе внимательными. Ожидая его прибытія, они могли испра-

вить свои недостатки, потому что прибытіе Павла было не маловажное дѣло, какъ онъ самъ показываетъ, когда говоритъ: *яко не грядущу же ми къ вамъ, разгордѣшася нѣцыи* (1 Кор. IV, 18); и въ другомъ мѣстѣ: *не якоже въ пришествіи моемъ точію, но много паче во отшествіи моемъ, со страхомъ и трепетомъ свое спасеніе содѣвайте* (Филип. II, 12). И не просто обѣщается придти, чтобы они не сомнѣвались и не предались безпечности, но представляетъ и причину, дѣлающую необходимымъ его прибытіе: *о прочихъ*, говоритъ, *егда пріиду, устрою*, внушая, что, если бы даже онъ и не располагалъ (идти къ нимъ), необходимость исправленія прочихъ дѣлъ влечетъ его туда.

8. Слыша все это, будемъ оказывать великое попеченіе о бѣдныхъ, обуздывать свое чрево, воздерживаться отъ пьянства. стараться достойно причащаться св. таинъ, и не скорбѣть, не печалиться, когда случится какое-нибудь бѣдствіе съ нами ли, или съ другими, напр. преждевременная смерть или продолжительная болѣзнь. Такое бѣдствіе есть избавленіе отъ наказанія, есть исправленіе, есть наилучшее вразумленіе. Кто говоритъ это? Тотъ, чрезъ кого говорилъ самъ Христосъ. И не смотря на то, многія жены такъ безразсудны, что превосходятъ даже невѣрныхъ своимъ чрезмѣрнымъ сѣтованіемъ (объ умершихъ); однѣ дѣлаютъ это въ помраченіи отъ страсти, другія—на показъ и во избѣжаніе нареканій отъ постороннихъ людей; послѣднихъ особенно я считаю недостойными всякаго извиненія. Пусть, говорятъ онѣ, осуждаетъ меня Богъ, только бы не осуждалъ такой-то; пусть нарушается законъ Царя всѣхъ, только бы не укоряли меня люди, которые безразсуднѣе безсловесныхъ (животныхъ). Какъ громъ не поражаетъ ихъ за такія слова? Когда кто-нибудь послѣ плача пригласитъ на пиршество, то никто не отказывается, потому что такъ требуетъ принятый обычай; а когда Богъ повелѣваетъ не предаваться сѣтованію, то всѣ противодѣйствуютъ.
236 Ужели ты, жена, не знаешь Іова? Ужели не помнишь словъ, сказанныхъ имъ послѣ несчастія, случившагося съ дѣтьми его, украсившихъ святую главу его болѣе тысячи вѣнцовъ и прославившихъ его громче множества трубъ? Ужели не понимаешь важности его несчастія, этого новаго кораблекрушенія, этой странной и необычайной трагедіи? Ты лишилась, можетъ быть, одного, или двоихъ, или троихъ дѣтей; а онъ многихъ сыновей и дочерей, сдѣлавшись внезапно изъ многочаднаго безчаднымъ; не мало-по-малу терзалась его утроба, но вдругъ похищены были всѣ плоды, похищены не по общему закону природы, не потому, что достигли старости, но поражены преждевременною и насильственною смертію; притомъ всѣ вмѣстѣ, не въ его присутствіи и

не на его глазахъ, чтобы онъ по крайней мѣрѣ могъ слышать послѣднія слова ихъ и получить нѣкоторое утѣшеніе въ столь плачевной ихъ кончинѣ, а сверхъ всякаго чаянія, совершенно безъ его вѣдома, вдругъ всѣ они погребены и домъ сдѣлался для нихъ гробомъ и могилою. И не только преждевременная смерть, но кромѣ того и многое другое увеличивало скорбь, именно то, что всѣ они были въ цвѣтущемъ возрастѣ, были добродѣтельны и дружелюбны, погибли всѣ вмѣстѣ, такъ что не осталось ни одного, ни того, ни другого пола, погибли не по общему закону природы, послѣ такихъ потерь, тогда какъ онъ не сознавалъ ни за собою, ни за ними ничего порочнаго, за что бы потерпѣть все это. Каждое изъ этихъ бѣдствій отдѣльно само по себѣ могло возмутить душу; а когда стеклось все вмѣстѣ, то представь, какъ высоки были эти волны, какъ велика была эта буря. Но, что еще важнѣе и выше всякихъ слезъ, онъ не зналъ, почему все это случилось съ нимъ. Потому-то, не зная, чему приписать свое несчастіе, онъ обращается къ волѣ Божіей и говоритъ: *Господь даде, Господь отъятъ: яко Господеви изволися, тако бысть: буди имя Господне благословенно во вѣки* (Іов. I, 21). Говоритъ это, видя себя, преуспѣвшаго во всякой добродѣтели, въ крайнемъ несчастіи, а злыхъ людей и обманщиковъ въ благоденствіи, изобиліи и всякихъ удовольствіяхъ. Не говоритъ ничего такого, что обыкновенно говорятъ люди слабые: для того ли я воспитывалъ дѣтей своихъ и лелѣялъ ихъ съ такою заботливостію, для того ли открывалъ домъ свой для мимоходящихъ, чтобы послѣ многихъ попеченій о бѣдныхъ, нагихъ и сирыхъ получить такое воздаяніе? Но вмѣсто того произноситъ слова превосходнѣе всякой жертвы: *нагъ изыдохъ,* говоритъ, *отъ чрева матере моея, нагъ и отъиду* (I, 21). Если же онъ разодралъ одежды и остригъ волосы, не удивляйся этому: онъ былъ отецъ, и отецъ чадолюбивый; вмѣстѣ съ любомудріемъ души надлежало обнаружиться и чувствамъ природы; если бы онъ не сдѣлалъ этого, то, быть можетъ, иной приписалъ бы такое любомудріе безчувственности. Потому онъ обнаружилъ и свое сердце и высоту благочестія, чувствовалъ скорбь и не измѣнился, но, продолжая свой подвигъ, увѣнчалъ себя новыми вѣнцами, отвѣтивъ женѣ своей слѣдующими словами: *аще благая пріяхомъ отъ Господа, злыхъ ли не стерпимъ* (Іов. II, 10)? У него осталась одна жена послѣ потери всего, и дѣтей, и имущества и самаго тѣла, да и та для его искушенія и укоризны. Для того діаволъ и не погубилъ ея вмѣстѣ съ дѣтьми и не просилъ у Бога смерти ея, чтобы имѣть въ ней великое пособіе къ нападенію на этого святого; онъ оставилъ ее какъ сильнѣйшее для себя оружіе: если, говорилъ онъ, 237

посредствомъ ея я изгналъ изъ рая, то тѣмъ болѣе смогу поразить на гноищѣ.

4. И посмотри на коварство (діавола): не тогда онъ подводилъ къ нему это орудіе, когда погибли волы, ослы и верблюды; даже и послѣ разрушенія дома и смерти сыновей, видя въ немъ сильнаго борца, еще медлитъ и не заставляетъ ее дѣйствовать; но когда у него образовались кучи червей, гніющая кожа отпадала, изъязвленная плоть источала зловонный гной, когда діавольская рука мучила его хуже сковородъ, печей и всякаго пламени, терзая и пожирая со всѣхъ сторонъ тѣло его свирѣпѣе всякаго звѣря, и когда въ такихъ страданіяхъ прошло много времени,—тогда онъ и подводитъ ее къ изнуренному и истощенному (мужу). Если бы она пришла въ началѣ несчастія, то не нашла бы его такъ изнуреннымъ и не могла бы представлять несчастіе его такъ тяжкимъ и великимъ; а теперь, видя, что онъ утомился отъ продолжительности времени, жаждетъ облегченія и желаетъ избавленія отъ бѣдствій, она приступаетъ къ нему рѣшительно. Чувствуя крайнее изнуреніе, задыхаясь отъ страданій и желая смерти, послушай, что онъ говорилъ: если бы я могъ наложить на себя руку, или попросить объ этомъ другого, то сдѣлалъ бы и это. Потому она,—посмотри на коварство ея,—съ чего начинаетъ рѣчь свою? Съ продолжительности времени: *доколѣ*, говоритъ, *терпиши*? Если часто одни слова безъ дѣла могутъ поражать человѣка, то представь, что долженъ былъ чувствовать тогда онъ, огорчаемый и этими словами и самымъ дѣломъ; и, что всего хуже, это говорила ему жена, изнемогшая и упавшая духомъ, и потому старавшаяся довести и его до отчаянія. Но чтобы яснѣе видѣть силу нападенія, направленнаго на эту адамантовую стѣну, выслушаемъ самыя слова ея. Какія же это слова? *Доколѣ терпиши, глаголя: се пожду время еще мало, чающи надежду спасенія моего* (Іов. II, 9)? Время, говоритъ, обличило слова твои; его прошло много, а облегченія не видно никакого. Говоря это, она не только располагаетъ его къ отчаянію, но и укоряетъ и насмѣхается, потому что онъ, утѣшая ее и опровергая ея жалобы, постоянно говорилъ: пожди еще немного, и скоро будетъ этому конецъ. Укоряя его, она и говоритъ: не скажешь ли и теперь тоже самое? Уже много протекло времени, а конца этому не видно. И замѣть коварство: не упоминаетъ ни о волахъ, ни объ овцахъ, ни о верблюдахъ, зная, что все это не очень огорчало его, но прямо обращается къ существенному и напоминаетъ о дѣтяхъ, зная, что въ скорби о нихъ онъ разодралъ одежду и остригъ волосы. Не говоритъ: погибли дѣти твои, но гораздо трогательнѣе: *потребися отъ земли память твоя*,—то,

что и дѣтей дѣлаетъ любезными. Если и нынѣ, когда несомнѣнно воскресеніе, дѣти любезны потому, что сохраняютъ память объ умершихъ родителяхъ, то тѣмъ болѣе тогда. Потому и проклятіе 288
(друга его) становится сильнымъ; проклиная, онъ не сказалъ: да погибнутъ дѣти, но: *память его отъ земли*, т. е. сыновья и дочери (Іов. XVIII, 17). Выраженіемъ *память* она опять нарочно напоминаетъ ему о дѣтяхъ того и другого пола. Если же ты, говоритъ, не заботишься о нихъ, то обрати вниманіе хотя на мое положеніе: *моего чрева болѣзни и труды, имиже вотще трудихся съ болѣзньми*. Смыслъ словъ ея слѣдующій: я, много потерпѣвшая, подвергаюсь за тебя страданіямъ; труды понесла, а плодовъ лишилась. Она не указываетъ прямо на потерю имущества, но смотри, какъ и не умалчиваетъ о ней и не проходитъ мимо, а намекаетъ на нее, насколько возможно было сказать чувствительнѣе. *И азъ*, говоритъ, *скитающися и служащи, мѣсто отъ мѣста преходящи, и домъ отъ дому*, намекая и на потерю (имущества), и открывая свои великія страданія; самыя выраженія достаточно увеличиваютъ несчастіе: я, говоритъ, хожу по чужимъ домамъ, и не только прошу милостыни, но и блуждаю, служу, занимаюсь незнакомою и новою для меня работою, и скитаюсь вездѣ, нося на себѣ и знаки несчастія и открывая всѣмъ свои бѣдствія; а что всего прискорбнѣе, постоянно перехожу изъ дома въ домъ. Не окончивъ и этимъ свои сѣтованія, она присовокупляетъ: *ожидающи солнца, когда зайдетъ, да почію отъ трудовъ моихъ, и отъ окружающихъ мя болѣзней, яже мя нынѣ одержатъ*. Для другихъ, говоритъ, пріятно видѣть лучи солнца, а для меня тяжело; для меня вожделѣнны ночь и тьма, потому что она одна даетъ мнѣ успокоеніе отъ трудовъ, она приноситъ мнѣ утѣшеніе въ несчастіяхъ. *Но рцы глаголъ нѣкій къ Господу, и умри* (II, 9).

5. Видишь ли и здѣсь коварство? Въ жалобѣ своей она не тотчасъ предложила пагубный совѣтъ, но напередъ горько описала несчастіе и распространилась въ исчисленіи бѣдствій, а потомъ въ краткихъ словахъ предлагаетъ совѣтъ и не прямо высказываетъ его, но прикровенно, предлагая весьма вожделѣнную для него перемѣну, обѣщая смерть, которой онъ особенно желалъ. Замѣть и здѣсь коварство діавола. Зная любовь Іова къ Богу, онъ не внушаетъ женѣ ропота на Бога, чтобы (Іовъ) тотчасъ же не отвергъ ея, какъ врага. Потому она нигдѣ не упоминаетъ о Богѣ, а только изображаетъ случившееся. Прибавь къ вышесказанному и то, что это совѣтовала жена—сильный ораторъ, чтобы обольщать невнимательныхъ. Многіе и безъ несчастій пали отъ одного совѣта женъ. Что же этотъ блаженный мужъ, твердѣйшій адаманта? Сурово взглянувъ на нее, онъ однимъ взгля-

домъ, еще прежде словъ, разрушилъ ея козни. Она ожидала, что заставитъ его пролить потоки слезъ, а онъ оказался сильнѣе льва; исполнившись гнѣва и негодованія не на то, что самъ терпѣлъ, а на ея діавольскій совѣтъ, и обнаруживъ гнѣвъ своимъ взоромъ, онъ дѣлаетъ ей умѣренный упрекъ,—такъ какъ и въ несчастіяхъ онъ былъ благоразуменъ. Что же говоритъ онъ? *Вскую яко едина отъ безумныхъ женъ возглаголала еси* (II, 10)? Не тому, говоритъ, я училъ тебя, не такъ воспитывалъ тебя; не узнаю въ тебѣ моей супруги,—потому что слова твои свойственны женѣ безумной, совѣтъ твой приличенъ сумасшедшей. Видишь ли, какъ умѣренъ отвѣтъ его, какъ ударъ его достаточенъ для
239 уврачеванія ея болѣзни? Затѣмъ, послѣ упрека, онъ предлагаетъ и совѣтъ, также достаточный для ея утѣшенія и исполненный великаго благоразумія: *аще благая*, говоритъ, *пріяхомъ отъ Господа, злыхъ ли не стерпимъ*? Вспомни, говоритъ, о прежнемъ (благоденствіи), помысли объ его виновникѣ, и ты мужественно перенесешь настоящее (несчастіе). Видишь ли смиренномудріе этого мужа? Своего терпѣнія онъ не приписываетъ своему мужеству, но говоритъ, что оно въ порядкѣ вещей. За что Богъ даровалъ намъ прежнія блага, за что вознаградилъ насъ ими? Ни за что, а единственно по Своей благости; они были даръ, а не награда, благодать, а не воздаяніе; будемъ же мужественно переносить и настоящее. Мужи и жены, запишемъ для себя и начертаемъ въ своей душѣ слова эти и имъ предшествовавшія; изобразивъ въ
240 умѣ своемъ, какъ бы на картинѣ, повѣсть его страданій, какъ-то: потерю имущества, погибель дѣтей, язвы тѣла, оскорбленія, насмѣшки, козни жены, коварство діавола и вообще всѣ подробности страданій праведника, устроимъ себѣ надежнѣйшее пристанище, чтобы, перенося все мужественно и съ благодарностію, мы могли и въ настоящей жизни отогнать отъ себя всякую печаль и (въ будущей) получить награды за такое благомысліе, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XXIX.

239 **О духовныхъ же, братіе, не хощу васъ не вѣдѣти. Вѣсте, яко егда невѣрни бѣсте, ко идоломъ безгласнымъ, яко ведоми, ведостеся (1 Кор. XII, 1, 2).**

1. Все это мѣсто весьма неясно; неясность происходитъ отъ неизвѣстности предметовъ и отъ оскудѣнія событій, которыя тогда

были, а теперь не бываютъ. Почему же они теперь не бываютъ? Вотъ, причина неясности подала намъ поводъ къ другому вопросу: почему они тогда были, а теперь не бываютъ? Но оставимъ это до другого времени, а теперь скажемъ о томъ, что тогда было. Что же было тогда? Когда кто-нибудь принималъ крещеніе, то внезапно начиналъ говорить на разныхъ языкахъ, и не только на разныхъ языкахъ, но многіе даже пророчествовали, а нѣкоторые совершали и другія еще большія знаменія. Такъ какъ обращавшіеся изъ идолопоклонства не знали ничего ясно, не будучи свѣдущи даже въ ветхозавѣтныхъ книгахъ, а между тѣмъ по крещеніи тотчасъ получали Св. Духа, котораго не видѣли,—потому что Онъ невидимъ,—то благодать давала нѣкоторое чувственное доказательство дѣйствія (Духа): одинъ вдругъ начиналъ говорить на персидскомъ, другой на римскомъ, третій на индійскомъ, а иной на какомъ-нибудь другомъ языкѣ; для внѣшнихъ (язычниковъ) это служило свидѣтельствомъ того, что въ говорящемъ дѣйствуетъ Духъ Святый. Потому (апостолъ) и говоритъ: *комуждо же дается явленіе Духа на пользу*, называя явленіемъ Духа дары Его. Какъ апостолы прежде всего получили это знаменіе, такъ и вѣрующіе получили тотъ же даръ языковъ, и не только это, но и многое другое. Такъ, многіе воскрешали мертвыхъ, изгоняли бѣсовъ, совершали много и другихъ подобныхъ чудесъ. Впрочемъ, одни имѣли меньше даровъ, другіе больше. Чаще всего былъ у нихъ даръ языковъ.

Это и послужило поводомъ къ несогласію между ними не по свойству самаго дѣла, а по неразумію получавшихъ дары. 240
Получившіе больше даровъ превозносились предъ получившими меньше; а эти скорбѣли и завидовали получившимъ больше, какъ показываетъ далѣе самъ Павелъ. Нарушая чрезъ это взаимную любовь, они получали смертельную рану, которую онъ съ великимъ тщаніемъ старается исцѣлить. Тоже самое случилось и въ Римѣ, только иначе. Потому онъ и въ посланіи къ Римлянамъ касается этого предмета, но прикровенно и кратко, выражаясь такъ: *яко же бо во единомъ тѣлеси многи уды имамы, уды же вси не тожде имутъ дѣланіе: такожде мнози едино тѣло есмы о Христѣ, а по единому другъ другу уди. Имуще же дарованія по благодати даннѣй намъ различна, аще пророчество, по мѣрѣ вѣры, аще же служеніе, въ служеніи, аще учай, во ученіи* (Рим. XII, 4—7). А что они также впадали оттого въ гордость, онъ намекнулъ на это въ началѣ, когда сказалъ: *глаголю бо благодатію давшеюся мнѣ, всякому сущему въ васъ не мудрствовати паче, еже подобаетъ мудрствовати, но мудрствовати въ цѣломудріи, коемуждо якоже Богъ раздѣлилъ есть мѣру вѣры* (ст. 3). Такъ онъ бесѣдовалъ (съ рим-

лянами), у которыхъ болѣзнь несогласія и гордости была не велика; а здѣсь—съ большею силою, потому что болѣзнь была гораздо сильнѣе. И не это одно производило въ нихъ смятеніе, но кромѣ того между ними было много гадателей, такъ какъ городъ ихъ еще держался языческихъ обычаевъ, и это, между прочимъ, также соблазняло и смущало ихъ. Потому (апостолъ) здѣсь прежде всего показываетъ различіе между гаданіями и пророчествомъ. Для того они получили и даръ различенія духовъ, чтобы различать и знать, кто говоритъ отъ Духа чистаго и кто отъ нечистаго. Такъ какъ невозможно было объяснить сказанныхъ словъ изъ нихъ самихъ,—потому что пророчество свидѣтельствуетъ о своей истинности не въ то время, когда произносится, но когда исполняется,—такъ какъ не легко было распознавать,
241 кто подлинно пророчествуетъ и кто лжетъ,—потому что нечистый духъ вредилъ пророчествовавшимъ, возставляя лжепророковъ, которые будто бы также предсказывали будущее,—и такъ какъ невозможно было доказать истину сказаннаго, пока еще не исполнилось предсказанное, и легко могли быть опроверженія,—потому что только конецъ показываетъ, кто лжетъ и кто говоритъ правду,—то, чтобы слушатели не обманывались и прежде конца, (апостолъ) даетъ имъ такое знаменіе, которое еще прежде исполненія (сказаннаго) способствовало къ различенію того и другого. Начавъ отсюда свою рѣчь, онъ потомъ переходитъ къ благодатнымъ дарованіямъ и разрѣшаетъ возникавшій отсюда споръ. Прежде всего о гадателяхъ онъ говоритъ такъ: *о духовныхъ же не хощу васъ не вѣдѣти, братіе.* Духовными онъ называетъ знаменія, потому что они—дѣйствія одного Духа, а человѣческія усилія нисколько не содѣйствуютъ къ ихъ совершенію. Начиная бесѣдовать объ этомъ, онъ прежде всего, какъ я сказалъ, показываетъ различіе между гаданіемъ и пророчествомъ и говоритъ такъ: *вѣсте, яко егда невѣрни бѣсте, ко идоломъ безгласнымъ, яко ведоми, ведостеся.* Смыслъ словъ его слѣдующій: въ капищахъ идольскихъ, когда кто бывалъ одержимъ нечистымъ духомъ и прорицалъ, то, какъ бы ведомый и связанный, былъ увлекаемъ духомъ и нисколько не сознавалъ того, что говорилъ. Гадателю свойственно быть въ изступленіи, терпѣть принужденіе и насиліе, увлекаться и неистовствовать, какъ бѣсноватому. А пророкъ не таковъ, но онъ говоритъ все съ трезвою душею и здравымъ разсудкомъ, зная, что онъ говоритъ. Такъ различай гадателя и пророка еще прежде исполненія (сказаннаго). И смотри, какъ (апостолъ) устраняетъ при этомъ всякое подозрѣніе: онъ призываетъ въ свидѣтели ихъ самихъ, знавшихъ это по опыту. Что я, говоритъ, не лгу, не клевещу и не измышляю на язычниковъ,

какъ врагъ ихъ, тому свидѣтели вы сами: знаете, какъ, будучи язычниками, вы были тогда водимы и увлекаемы. Если же кто станетъ считать и ихъ, какъ вѣрующихъ, (свидѣтелями) подозрительными, то я докажу вамъ это и (свидѣтельствами) внѣшнихъ (язычниковъ). Послушай Платона, который (въ апологіи Сократа) говоритъ такъ: „прорицатели и гадатели говорятъ много и хорошо, но сами вовсе не знаютъ того, что говорятъ". Послушай и другого поэта, который выражаетъ тоже самое. Когда кто-нибудь разными обрядами и волхвованіями вводилъ въ человѣка бѣса, тогда этотъ человѣкъ начиналъ прорицать и прорицая рвать и терзать себя, не будучи въ состояніи выносить насилія бѣса, и такимъ образомъ могъ растерзать себя и погибнуть; подобнымъ волхвователямъ онъ и говорилъ: „развяжите же, смертный не можетъ болѣе сносить царя бога"; и еще: „развяжите мнѣ вѣнки, окропите мои ноги чистою водою и изгладьте черты, чтобы я могъ идти". Все это и тому подобное,—вѣдь можно было бы сказать гораздо болѣе,—доказываетъ и принуж- 242
деніе, съ какимъ бѣсы удерживаются и служатъ, и насиліе, какое терпятъ люди, однажды предавшіе себя имъ и лишающіеся въ это время здраваго смысла. Также и Пиѳія,—нахожу нужнымъ сказать теперь и о другомъ постыдномъ дѣлѣ ихъ, о которомъ лучше было бы молчать, потому что намъ неприлично говорить объ этомъ, но чтобы яснѣе видѣть безстыдство ихъ, нужно упомянуть, чтобы вы уразумѣли отсюда, какъ безумны и смѣшны прибѣгающіе къ волхвователямъ,—эта женщина Пиѳія садилась, говорятъ, на треножникѣ Аполлоновомъ, разставивъ голени; затѣмъ лукавый духъ, проникая снизу и входя въ нее чрезъ дѣтородныя части, приводилъ ее въ изступленіе, и она, распустивъ волосы, начинала бѣсноваться, испускать изо рта пѣну, и въ такомъ изступленіи изрекать неистовыя слова. Вижу, что вы стыдитесь и краснѣете, слыша это; а они еще превозносились такимъ безстыдствомъ и безуміемъ!

2. Итакъ, намекая на все это и тому подобное, Павелъ сказалъ: *вѣсте, егда невѣрни бѣсте, ко идоломъ безгласнымъ, яко ведоми, ведостеся*. Такъ какъ онъ говорилъ къ понимавшимъ дѣло, то и не излагаетъ всего подробно, чтобы не отяготить ихъ, но, только напомнивъ имъ и приведши все на умъ, тотчасъ оставляетъ это и поспѣшаетъ къ своему предмету. Что же значитъ: *ко идоломъ безгласнымъ*? Гадатели ходили къ нимъ, какъ бы ведомые. Если же идолы безгласны, то какъ тѣ пользовались ими? Для чего бѣсъ приводилъ ихъ, какъ плѣнниковъ и узниковъ, къ истуканамъ? Между прочимъ для того, чтобы сдѣлать обманъ правдоподобнымъ. Чтобы не подумали, что идолъ есть камень

безгласный, онъ старался привязать людей къ идоламъ, чтобы принадлежащее первымъ приписывали послѣднимъ. Но у насъ не такъ. Впрочемъ (апостолъ) не объясняетъ нашего, то есть того, что касается пророковъ, такъ какъ имъ (коринѳянамъ) это было извѣстно, и между ними (были пророки, которые) пророчествовали, какъ слѣдовало, съ разсудкомъ и совершенною свободою. Они властны были говорить и не говорить; они не были принуждаемы, но вмѣстѣ съ честію сохраняли и волю. Потому и Іона убѣгалъ, потому и Іезекіиль уклонялся, потому и Іеремія отрицался. Богъ же не принуждалъ ихъ насильно, но совѣтовалъ, убѣждалъ, угрожалъ, не помрачая разсудка. Бѣсу свойственно производить помѣшательство, неистовство и большое помраченіе, а Богу—просвѣщать и сознательно учить тому, чему должно. Вотъ первое различіе между гадателемъ и пророкомъ! Второе (апостолъ) излагаетъ далѣе такъ: *тѣмже сказую вамъ, яко никтоже Духомъ Божіимъ глаголяй, речетъ анаѳема Іисуса;* и еще: *никтоже можетъ рещи Господа Іисуса, точію Духомъ Святымъ* (ст. 3). Когда, говоритъ, ты увидишь, что кто-нибудь не произноситъ имени Іисуса или даже анаѳематствуетъ Его, то онъ—гадатель; а когда увидишь другого, который обо всемъ говоритъ съ именемъ Его, то знай, что онъ—духовный. Что же, спросишь,
243 сказать объ оглашенныхъ? Если никто не можетъ назвать Іисуса Господомъ, какъ только Духомъ Святымъ, то что сказать о нихъ, которые произносятъ имя Его, но Духа не имѣютъ? Не о нихъ теперь говоритъ (апостолъ),—такъ какъ (коринѳяне) были тогда не оглашенные,—а о вѣрующихъ и не вѣрующихъ. Но развѣ никакой бѣсъ не именуетъ Бога? Не говорили ли бѣсноватые: *вѣмы Тя, кто еси, Сынъ Божій* (Мар. I, 24)? Не говорили ли они и Павлу: *сіи человѣцы раби Бога вышняго суть* (Дѣян. XVI, 17)? Говорили, когда были мучимы и вынуждаемы, а добровольно и не мучимые никогда. Здѣсь можно спросить: для чего бѣсъ говорилъ это, а Павелъ запретилъ ему? (Павелъ) подражалъ своему Учителю; и Христосъ запрещалъ бѣсамъ говорить, не желая получать отъ нихъ свидѣтельство. А для чего бѣсъ дѣлалъ это? Онъ хотѣлъ произвести замѣшательство, лишить апостоловъ чести и склонить многихъ слушать его самого. Если бы это было допущено, то бѣсы оказались бы достойными вѣроятія и легко стали бы вводить, что имъ угодно. Потому, чтобы этого не было и чтобы обманъ не получилъ даже начала, (апостолъ) заграждаетъ имъ уста и тогда, когда они говорили правду, для того, чтобы никто совершенно не внималъ имъ во лжи, но всякій отвращалъ слухъ свой отъ всего, что бы они ни говорили. Показавъ такимъ образомъ первый и второй признакъ гадателей и проро-

ковъ, (апостолъ) далѣе бесѣдуетъ о чудесахъ, приступая къ этому предмету не просто, но такъ, чтобы прекратить происходившее отсюда несогласіе и убѣдить тѣхъ, которые получили меньше, не скорбѣть, а тѣхъ, которые получили больше, не превозноситься. Потому начинаетъ такъ: *раздѣленія же дарованій суть, а тойжде Духъ* (ст. 4). Прежде всего онъ вразумляетъ того, кто получилъ меньшій даръ и изъ-за этого скорбитъ. О чемъ, говоритъ, ты скорбишь? О томъ, что не получилъ столько, сколько другой? Но вспомни, что это—даръ, а не долгъ, и получишь утѣшеніе въ скорби. Потому онъ прямо и выразился такъ: *раздѣленія же дарованій суть*. Не сказалъ: знаменій, или чудесъ, но: *дарованій*, названіемъ дара убѣждая не только не скорбѣть, но и чувствовать благодарность. Вмѣстѣ съ тѣмъ, говоритъ, представь и то, что хотя ты получилъ даръ меньшей мѣры, но удостоившись получить его оттуда же, откуда и получившій больше, ты имѣешь одинаковую съ нимъ честь; ты не можешь сказать, что ему даровалъ Духъ, а тебѣ ангелъ; и тебѣ и ему даровалъ Духъ. Потому и прибавляетъ: *а тойжде Духъ*.

3. Хотя есть различіе въ дарѣ, но нѣтъ различія въ Даровавшемъ: изъ одного источника получили и ты и онъ. *И раздѣленія служеній суть, а тойжде Господь* (ст. 5). Чтобы усилить утѣшеніе, (апостолъ) приводитъ и Сына и Отца. Самые дары называетъ здѣсь другимъ именемъ, желая и чрезъ это доставить большее утѣшеніе. Потому и говоритъ: *раздѣленія служеній суть, а тойжде Господь*. Услышавъ о дарованіи, получившій меньше, можетъ быть, сталъ бы скорбѣть; но, услышавъ о служеніи, не станетъ, потому что это слово означаетъ трудъ и работу. Что ты скорбишь, говоритъ, если Богъ другому повелѣлъ трудиться больше, а тебя пощадилъ? *И раздѣленія дѣйствъ суть, а тойжде есть Богъ, дѣйствуяй вся во всѣхъ. Коемуждо же дается явленіе Духа на пользу* (ст. 6, 7). Что такое, скажешь, *дѣйство*? Что такое—*дарованіе*? Что такое—*служеніе*? Только различныя названія, а 244
предметы одни и тѣ же. Онъ называетъ и дарованіе и служеніе дѣйствіемъ. *Служеніе твое*, говоритъ, *извѣстно сотвори* (2 Тим. IV, 5); и: *службу мою прославляю* (Рим. XI, 13); также къ Тимоѳею: *еяже ради вины воспоминаю тебѣ возгрѣвати даръ Божій, иже есть въ тебѣ* (2 Тим. I, 6); и къ Галатамъ: *споспѣшествовавый бо Петру въ посланіе, споспѣшествова и мнѣ во языки* (Гал. II, 8). Видишь ли, какъ онъ не полагаетъ никакого различія между дарами Отца (и Сына) и Св. Духа, не смѣшивая Ихъ ипостасей,—да не будетъ!—но показывая равночестіе существа? Что даруетъ Духъ, говоритъ онъ, то производитъ Богъ (Отецъ), а распредѣляетъ и назначаетъ Сынъ. Если бы одно было меньше другого, то онъ не

сказалъ бы этого такъ и не сталъ бы такимъ образомъ утѣшать скорбящаго. Далѣе утѣшаетъ его еще другимъ образомъ, именно тѣмъ, что сообщенная ему мѣра дарованій, хотя и малая, служитъ ему въ пользу. Сказавъ: *тойжде Духъ, тойжде Господь, тойжде Богъ*, и тѣмъ успокоивъ его, присовокупляетъ еще другое утѣшеніе въ словахъ: *коемуждо же дается явленіе Духа на пользу.* Чтобы кто-нибудь не сказалъ: чтожъ изъ того, что одинъ и тотъ же Духъ, одинъ и тотъ же Господь, одинъ и тотъ же Богъ, когда я получилъ меньше?—(апостолъ) говоритъ, что это *на пользу. Явленіемъ Духа* онъ называетъ знаменія, и справедливо. Мнѣ вѣрующему извѣстно, кто имѣетъ Духа,—именно тотъ, кто крещенъ; а для невѣрующаго это ни откуда не видно, какъ только изъ знаменій. И отсюда опять слѣдуетъ не малое утѣшеніе: хотя дарованія различны, но обнаруженіе одинаково; хотя бы ты имѣлъ много, хотя бы мало, ты равно обнаруживаешься, такъ что, если хочешь показать, что ты имѣешь Духа, для этого ты имѣешь достаточно. Итакъ, если одинъ есть Даровавшій, и данное тебѣ даръ, и обнаруженіе можетъ быть, и это наиболѣе полезно тебѣ, то не скорби, какъ будто бы ты былъ презрѣнъ. Не въ безчестіе тебѣ, не для униженія тебя предъ другимъ Богъ поступилъ такъ, но изъ снисхожденія къ тебѣ и желанія тебѣ пользы. Получить больше и не быть въ состояніи вынести—вотъ что безполезно, и пагубно, и достойно скорби! *Овому бо Духомъ дается слово премудрости, иному же слово разума, о томъ же Дусѣ: другому же вѣра, тѣмже Духомъ: иному же дарованія исцѣленій, о томъ же Дусѣ* (ст. 8, 9). Видишь ли, какъ онъ вездѣ прибавляетъ: *о томже Дусѣ, тѣмже Духомъ?* Онъ знаетъ, что въ этомъ заключается великое утѣшеніе. *Другому же дѣйствія силъ, иному же пророчества, другому же разсужденія духовомъ, иному же роди языковъ, другому же сказанія языковъ* (ст. 10). Такъ какъ послѣднимъ они болѣе всего гордились, то онъ и поставляетъ это на концѣ и присовокупляетъ: *вся же сія дѣйствуетъ единъ и тойжде Духъ* (ст. 11). Вотъ всеобщее врачество утѣшенія: всѣ мы получаемъ отъ одного и того же корня, изъ одной и той же сокровищницы, изъ одного и того же источника! Поэтому-то онъ безпрестанно употребляетъ это слово и тѣмъ уравниваетъ мнимое неравенство и утѣшаетъ. Выше онъ говорилъ, что и Духъ и Сынъ
245 и Отецъ подаютъ дарованія; а здѣсь говоритъ только о Духѣ, чтобы ты и отсюда позналъ, что у нихъ одно и то же достоинство. Что же значитъ: *слово премудрости?* То, которое имѣлъ Павелъ, которое имѣлъ Іоаннъ, сынъ грома.. А *слово разума?* То, которое имѣли многіе изъ вѣрующихъ, хотя имѣвшіе знаніе, но не бывшіе въ состояніи учить и удобно передавать другому то, что сами

знали. *Другому же вѣра*: не вѣра въ догматы, но вѣра чудодѣйственная, о которой Христосъ говоритъ: *аще имате вѣру, яко зерно горушно, речете горѣ сей: прейди, и прейдетъ* (Мѳ. xvii, 20). И апостолы о ней просили, когда говорили: *приложи намъ вѣру* (Лук. xvii, 5). Она—мать чудотвореній. Но имѣть *дѣйствія силъ, и дарованія исцѣленій*—не одно и то же. Кто имѣлъ даръ исцѣленій, тотъ только врачевалъ, а имѣвшій дѣйствія силъ могъ и наказывать; отъ силы не только врачеваніе, но и наказаніе, какъ напр. Павелъ ослѣпилъ, Петръ поразилъ смертію. *Иному же пророчества, другому же разсужденія духовомъ*. Что значитъ: *разсужденія духовомъ*? Знаніе того, кто духовный и кто не духовный, кто пророкъ и кто обманщикъ, какъ говоритъ онъ и Ѳессалоникійцамъ: *пророчествія не уничижайте, вся же искушающе, добрая держите* (1 Сол. v, 20). Въ то время была великая опасность отъ лжепророковъ, потому что діаволъ всячески старался противопоставить ложь истинѣ. *Иному же роди языковъ, другому же сказанія языковъ*. Иной самъ зналъ, что говорилъ, но другому истолковать не могъ; а иной имѣлъ способность къ тому и другому, или къ чему-нибудь одному изъ двухъ.

4. Этотъ даръ (языковъ) почитался великимъ, потому что его и апостолы прежде всего получили и изъ коринѳянъ многіе имѣли, а даръ ученія—не такъ. Потому (апостолъ) поставляетъ тотъ прежде, а объ этомъ (говоритъ) послѣ. Между тѣмъ и тотъ для этого, равно какъ и все прочее, и пророчества, и дѣйствія силъ, и роды языковъ, и сказанія языковъ; и ничто не можетъ равняться съ нимъ, какъ онъ самъ говоритъ: *прилѣжащіи добрѣ пресвитеры сугубыя чести да сподобляются, паче же труждающіися въ словѣ и ученіи* (1 Тим. v, 17); и еще въ посланіи къ Тимоѳею: *внемли чтенію, утѣшенію, ученію: не неради о своемъ дарованіи* (1 Тим. iv, 13, 14). Видишь ли, какъ онъ называетъ и это дарованіемъ? Далѣе то же утѣшеніе, которое онъ предложилъ выше въ словахъ: *тойжде Духъ*, повторяетъ и здѣсь, говоря: *вся же сія дѣйствуетъ единъ и тойжде Духъ, раздѣляя особо коемуждо, якоже хощетъ*.

И не только утѣшаетъ, но и заграждаетъ уста противнику словами: *раздѣляя особо коемуждо, якоже хощетъ*, потому что утѣшая надобно и вразумлять, какъ онъ поступаетъ и въ посланіи къ Римлянамъ, когда говоритъ: *ты кто еси противу отвѣщаяй Богови* (Рим. ix, 20)? Такъ и здѣсь: *раздѣляя особо коемуждо, якоже хощетъ*. Вмѣстѣ съ тѣмъ показываетъ, что принадлежащее Отцу принадлежитъ и Духу. Какъ объ Отцѣ сказалъ: *а тойжде Богъ, дѣйствуяй вся во всѣхъ*, такъ и о Духѣ: *вся же сія дѣйствуетъ единъ и тойжде Духъ*. Но дѣйствуетъ, скажешь, подъ вліяніемъ Бога?

246 Нигдѣ (апостолъ) не сказалъ этого, а ты самъ это выдумываешь. Когда онъ говоритъ: *дѣйствуяй вся во всѣхъ*, говоритъ это о людяхъ, а вовсе не считаетъ съ людьми и Духа, хотя бы ты тысячу разъ, какъ безумный, повторялъ это. Такъ какъ онъ выше сказалъ: *Духомъ* (διὰ τοῦ πνεύματος), то, чтобы ты не подумалъ, что это выраженіе означаетъ униженіе (Духа) или зависимость (дѣйствій Его отъ другого), присовокупляетъ, что Духъ *дѣйствуетъ*, а не побуждается къ дѣйствію, и дѣйствуетъ, *якоже хощетъ*, а не какъ повелѣваютъ Ему. Какъ объ Отцѣ Сынъ говоритъ, что Онъ *воскрешаетъ мертвыя и живитъ*, равно и о Себѣ самомъ, что Онъ *ихже хощетъ, живитъ* (Іоан. v, 21), такъ и о Духѣ въ одномъ мѣстѣ сказано, что Онъ дѣлаетъ все со властію и ничто Ему не препятствуетъ, — слова: *идѣже хощетъ, дышетъ* (Іоан, ш, 8), хотя сказаны о вѣтрѣ, именно это и доказываютъ,—а здѣсь говорится, что Онъ *вся дѣйствуетъ, якоже хощетъ*. Изъ другого мѣста можешь видѣть, что Онъ не изъ тѣхъ, чрезъ кого дѣйствуютъ, но самъ дѣйствуетъ: *кто бо вѣсть*, говоритъ (апостолъ), *яже въ человѣцѣ, точію духъ человѣка? Такожде и Божія никтоже вѣсть, точію Духъ Божій* (1 Кор. II, 11). Духъ человѣка, т. е. душа, не имѣетъ нужды въ постороннемъ воздѣйствіи, чтобы знать свое; это всякому извѣстно; слѣдовательно и Духъ Святый—чтобы знать Божіе: потому и говоритъ, что Духъ Святый знаетъ тайны Божія такъ же, какъ душа человѣческая свои тайны. Если же въ этомъ случаѣ Онъ не побуждается къ дѣйствію (кѣмъ-нибудь другимъ), то зная глубины Божіи и дѣйствуя безъ посторонняго вліянія въ раздаяніи даровъ апостоламъ, Онъ тѣмъ болѣе самъ не находится въ зависимости. Кромѣ того скажу и то, что я говорилъ прежде. Что именно? То, что если бы Духъ былъ меньше и не единосущенъ (Отцу и Сыну), то не было бы никакого утѣшенія въ словахъ, что дѣйствуетъ одинъ и тотъ же Духъ. Получившій что-нибудь отъ царя имѣетъ великое утѣшеніе въ томъ, что (царь) самъ далъ ему; а получившій отъ раба можетъ еще болѣе печалиться, что ему принесъ это посторонній. Такимъ образомъ и отсюда ясно, что Духъ Святый не рабскаго, а царскаго существа. Апостолъ утѣшаетъ коринѳянъ какъ словами: *раздѣленія служеній суть, а тойжде Господь, и раздѣленія дѣйствъ суть, а тойжде Богъ*, такъ и вышесказанными: *раздѣленія дарованій суть, а тойжде Духъ*, и послѣдующими: *всяже сія дѣйствуетъ единъ и тойжде Духъ, раздѣляя особо комуждо, якоже хощетъ*. Не будемъ же, говоритъ, унывать, скорбѣть и говорить: почему я то получилъ, а этого не получилъ? Не будемъ требовать отчета отъ Святого Духа. Если ты знаешь, что Онъ подаетъ по своему промышленію, и сознаешь, что, по тому же промышленію, Онъ подаетъ въ

извѣстной мѣрѣ, то будь доволенъ и радуйся тому, что получилъ; не огорчайся тѣмъ, чего не получилъ, но еще воздавай благодарность за то, что не получилъ выше силъ своихъ.

5. Если же касательно духовныхъ (благъ) не должно быть слишкомъ пытливымъ, то тѣмъ болѣе касательно вещественныхъ должно оставаться спокойнымъ и не изслѣдовать, почему такой-то богатъ, а такой-то бѣденъ. Не всякій богатъ отъ Бога, но многіе и отъ неправды, грабительства и любостяжанія. Развѣ Тотъ, кто повелѣлъ не собирать богатства, подастъ то, чего не велѣлъ пріобрѣтать? А чтобы еще болѣе заградить уста возражающихъ, 247
обратимся къ древнимъ временамъ, когда богатство давалось отъ Бога. Отвѣчай мнѣ: почему Авраамъ былъ богатъ, а Іаковъ нуждался даже въ хлѣбѣ? Не былъ ли послѣдній такъ же праведенъ, какъ и первый? Не равно ли о троихъ говорилъ Господь: *Азъ есмь Богъ Авраамовъ и Исааковъ и Іаковль* (Исх. ш, 6)? Почему же одинъ былъ богатъ, а другой трудился, какъ наемникъ? Почему даже Исавъ--нечестивецъ и братоненавистникъ—былъ богатъ, а онъ (Іаковъ) былъ рабомъ столь долгое время? Почему опять Исаакъ жилъ всегда спокойно, а Іаковъ въ трудахъ и бѣдствіяхъ, вслѣдстіе чего и говорилъ: *малы и злы дніе мои* (Быт. XLVII, 9)? Почему Давидъ, пророкъ и царь, постоянно жилъ въ трудахъ, а Соломонъ, сынъ его, сорокъ лѣтъ прожилъ спокойнѣе всѣхъ людей, наслаждаясь глубокимъ миромъ, честію и удовольствіями всякаго рода? Почему изъ пророковъ иной больше, а иной меньше терпѣлъ скорби? Потому, что каждому свое было полезно.

Потому въ отношеніи каждаго слѣдуетъ сказать: *судбы твоя бездна многа* (Пс. XXXV, 7). Если же мужей великихъ и дивныхъ Богъ назидалъ не одинаковымъ образомъ, но иного бѣдностію, другого богатствомъ, иного спокойствіемъ, другого скорбію, то тѣмъ болѣе нынѣ надобно то же думать. Вмѣстѣ съ тѣмъ надобно помнить и то, что многое случается не по Его намѣренію, а отъ нашей злобы. Не говори же: почему одинъ богатъ, не смотря на то, что пороченъ, а другой бѣденъ, не смотря на то, что праведенъ? Очень легко можно дать на это отвѣтъ и сказать: праведникъ не терпитъ никакого вреда отъ бѣдности, напротивъ еще болѣе прославляется, а злой человѣкъ ведется богатствомъ къ мученію, если не перемѣнится; и еще прежде наказанія богатство часто бывало для него причиною многихъ золъ и ввергало его въ безчисленныя пропасти. Богъ же попускаетъ это, съ одной стороны, въ знакъ свободы (человѣческой) воли, съ другой—для наученія прочихъ не бѣсноваться и не гоняться ва деньгами. А что, скажешь, если человѣкъ порочный богатъ и не терпитъ ничего худого? Если онъ добродѣтеленъ и богатъ, это справедливо;

а если порочень, то что намъ сказать? То, что и въ такомъ случаѣ онъ жалокъ; богатство, присоединяясь къ пороку, увеличиваетъ зло. А если онъ добродѣтеленъ и бѣденъ? Это нисколько не вредитъ ему. А если порочень и бѣденъ? Значитъ, онъ терпитъ это справедливо и по достоинству, и даже съ пользою для себя. Но такой-то, скажешь, получилъ богатство отъ предковъ и расточаетъ его на блудницъ и тунеядцевъ и не терпитъ ничего худого. Что ты говоришь? Онъ блудодѣйствуетъ, а ты говоришь, что онъ не терпитъ ничего худого? Онъ пьянствуетъ, а ты думаешь, что онъ наслаждается? Онъ проживается на дѣла непотребныя, а ты считаешь его достойнымъ подражанія? Что можетъ быть хуже человѣка, погубляющаго свою душу? Если у когонибудь искажено и изуродовано тѣло, то ты считаешь его достойнымъ безмѣрныхъ слезъ; а видя, что вся душа его искажена, ты считаешь его даже блаженнымъ? Но онъ, скажешь, не чувствуетъ этого? Потому-то самому онъ еще болѣе жалокъ, подобно сумасшедшимъ. Кто знаетъ, что онъ боленъ, тотъ конечно будетъ искать врача и приметъ лѣкарство; а кто не сознаетъ своей болѣзни, тотъ не можетъ и освободиться отъ нея. И, скажи мнѣ, такого-то ты считаешь блаженнымъ? Впрочемъ это нисколько не удивительно; люди большею частію неопытны въ любомудріи. Оттого мы и подвергаемся крайнему осужденію, наказываемся и
248 не бываемъ свободны отъ мученія, оттого у насъ непрестанныя неудовольствія, огорченія и безпокойства, что мы, оставляя указанную намъ Богомъ жизнь безпечальную, т. е. жизнь добродѣтельную, пролагаемъ себѣ другой путь — обогащенія и любостяжанія, исполненный безчисленныхъ золъ: мы поступаемъ такъ же, какъ если бы кто, не понимая красоты тѣлесной, но полагая все достоинство въ одеждѣ и навѣшенныхъ украшеніяхъ, оставилъ безъ вниманія женщину благоразумную и красивую отъ природы, а некрасивую, безобразную и уродливую, но только одѣтую въ красивыя одежды, взялъ бы себѣ въ жены. Подобнымъ же образомъ поступаютъ нынѣ многіе и касательно добродѣтели и порока: къ гнусному по природѣ (пороку) прилѣпляются за внѣшнія его украшенія, а отъ прекрасной и благообразной (добродѣтели) отвращаются за непокрытую ея красоту, за которую тѣмъ болѣе надлежало бы возлюбить ее.

6. Стыжусь, что между несмысленными язычниками есть люди, любомудрствующіе такъ, если не на дѣлѣ, то по крайней мѣрѣ въ мысляхъ, и знающіе скоротечность настоящаго, а у насъ нѣкоторые и этого не знаютъ, даже имѣютъ превратное сужденіе, и притомъ тогда, какъ Писаніе непрестанно повторяетъ намъ: *уничиженъ есть предъ нимъ лукавнуяй, боящыяся же Господа*

славитъ (Пс. XIV, 4); *страхъ Господень паче всего предъуспѣ* (Сир. XXV, 14); *Бога бойся, и заповѣди его храни, яко сіе всякъ человѣкъ* (Еккл. XII, 13); *не ревнуй лукавнующымъ* (Пс. XXXVI, 1); *не убойся, егда разбогатѣетъ человѣкъ* (Пс. XLVIII, 17); *всяка плоть трава, и всяка слава человѣча яко цвѣтъ травный* (Ис. XL, 6). Слыша это и тому подобное каждый день, мы однако прилѣпляемся къ землѣ. Какъ дѣти еще не совсѣмъ выучившіеся азбукѣ, когда приказываютъ имъ называть буквы не по порядку, часто называютъ однѣ вмѣсто другихъ, и тѣмъ возбуждаютъ большой смѣхъ, такъ и вы, когда исчисляемъ вамъ все по порядку, кое-какъ еще слѣдите, а когда спросимъ васъ порознь, какую вещь надобно поставить на первомъ мѣстѣ, какую на второмъ, и такъ далѣе, то вы не знаете, что сказать, и становитесь смѣшными. Подлинно, не крайне ли смѣшно, скажи мнѣ, что люди, ожидающіе безсмертія и благъ, *ихже око не видѣ, и ухо не слыша, и на сердце человѣку не взыдоша* (1 Кор. II, 9), гоняются за благами здѣшними и считаютъ ихъ достойными состязанія? Если ты еще имѣешь нужду учиться тому, что богатство не представляетъ ничего великаго, что настоящее есть тѣнь и сонъ, что оно разсѣевается и разлетается, подобно дыму, то стой внѣ святилища и оставайся въ преддверіи, потому что ты еще не достоинъ войти въ горніе царскіе чертоги. Если ты еще не умѣешь разсудить, что (настоящее) по существу своему непостоянно и скоропреходяще, то какъ ты сможешь презирать его? А если скажешь, что умѣешь, то перестань изслѣдовать и спрашивать, почему такой-то богатъ, а такой-то бѣденъ. Спрашивать объ этомъ значитъ дѣлать то же, какъ если бы ты ходилъ и спрашивалъ, почему такой-то бѣлъ, а такой-то черенъ, или почему у такого-то носъ загнутый, а у такого-то тупой. Какъ въ подобныхъ вещахъ намъ безразлично, такъ ли это, или иначе,—такъ должно быть и въ томъ, бѣденъ ли кто или богатъ, и даже гораздо менѣе въ послѣднемъ, нежели въ первомъ. Все зависитъ отъ способа употребленія: хотя бы ты былъ бѣденъ, ты можешь жить благодушно, если будешь любомудръ; хотя бы ты былъ богатъ, ты несчастнѣе всѣхъ, если чуждаешься добродѣтели. Намъ важно то, что добродѣтельно; а безъ этого все прочее совершенно безполезно. Оттого и происходятъ эти частые вопросы, что многіе считаютъ 249
безполезное для нихъ полезнымъ, а о полезномъ нисколько не заботятся. Полезное для насъ—это добродѣтель и любомудріе. Но вы слишкомъ далеки отъ нихъ; оттого у васъ и смятеніе помысловъ, многія волны и буря, потому что кто удаляется отъ горней славы и любви къ небу, тотъ обращается къ благамъ настоящимъ и дѣлается ихъ рабомъ и плѣнникомъ. Отчего же, скажешь, мы

стремимся къ нимъ? Оттого, что не слишкомъ стремимся къ благамъ небеснымъ. А отчего это происходитъ? Отъ нерадѣнія. А нерадѣніе откуда? Отъ невнимательности. А невнимательность
250 откуда? Отъ неразумѣнія, оттого, что останавливаемся на благахъ настоящихъ и не хотимъ тщательно изслѣдовать существо вещей. Отчего же опять это происходитъ? Оттого, что не читаемъ Писаній, не бесѣдуемъ съ святыми мужами, а ищемъ общества людей порочныхъ. Потому, чтобы не было этого всегда, чтобы волны, подхватывая насъ одна за другою, не увлекли въ море золъ, не потопили и не погубили совершенно, возстанемъ, пока есть время, и, утвердившись на скалѣ, т. е. на догматахъ и словѣ Божіемъ, будемъ взирать на бурю настоящей жизни. Такимъ образомъ мы и сами избавимся отъ ней и, спасая другихъ, подвергающихся кораблекрушенію, удостоимся будущихъ благъ, благодатію и человѣколюбіемъ (Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь).

БЕСѢДА XXX.

249 **Якоже бо тѣло едино есть, и уды имать многи, вси же уди единаго тѣла, мнози суще, едино суть тѣло: тако и Христосъ (1 Кор. xii, 12).**

1. Утѣшивъ (коринѳянъ) тѣмъ, что всякое дарованіе есть даръ благодати, что все подается однимъ и тѣмъ же Духомъ и подается на пользу, что (Духъ) открывается и въ меньшихъ дарованіяхъ, и вмѣстѣ заградивъ имъ уста тѣмъ убѣжденіемъ, что должно покоряться власти Духа,—*вся бо сія дѣйствуетъ единъ и тойжде Духъ, раздѣляя особо коемуждо, якоже хощетъ*, и потому не должно быть слишкомъ пытливымъ,—(апостолъ) утѣшаетъ ихъ еще инымъ общеизвѣстнымъ сравненіемъ, обращаясь къ природѣ, какъ онъ обыкновенно дѣлаетъ. Такъ, бесѣдуя о волосахъ мужей и женъ, онъ между прочимъ употребилъ такой же способъ ученія и сказалъ: *или и не самое естество учитъ вы, яко мужъ убо аще власы раститъ, безчестіе ему есть, жена же аще власы раститъ, слава ей есть* (1 Кор. xi, 14)? Разсуждая объ идольскихъ жертвахъ и запрещая касаться ихъ, также употребилъ сравненіе, заимствованное изъ языческихъ обычаевъ, напомнивъ объ олимпійскихъ играхъ и сказавъ: *текущіи въ позорищи вси убо текутъ, единъ же пріемлетъ почесть* (1 Кор. ix, 24); кромѣ того указывалъ на примѣры пастырей, воиновъ и земледѣльцевъ. Точно такъ

и здѣсь приводитъ общеизвѣстное сравненіе, которымъ старается доказать, что никто (изъ христіанъ) не униженъ предъ другими,—какъ ни странно и ни трудно было доказывать это,—и которое могло убѣдить даже самыхъ простыхъ людей, то есть сравненіе съ тѣломъ. Человѣка малодушнаго и получившаго меньше другихъ ничто такъ не утѣшаетъ и не располагаетъ оставить скорбь, какъ убѣжденіе, что онъ не униженъ предъ другими. Потому (апостолъ) и доказываетъ это: *якоже бо*, говоритъ, *тѣло едино есть и уды иматъ многи*. Видишь ли его глубокую мудрость? Онъ доказываетъ, что одно и то же есть единое и многое. Раскрывая еще болѣе этотъ предметъ, присовокупляетъ: *вси же уди единаго тѣла, мнози суще, едино суть тѣло*. Не сказалъ: многіе члены принадлежатъ одному тѣлу, но: единое тѣло есть многое, и многіе члены его суть единое. Если же многое есть единое и единое многое, то гдѣ различіе, гдѣ преимущество, гдѣ униженіе? *Вси же*, говоритъ, *едино суть*: не просто *едино*, но, будучи раз- 250
сматриваемы собственно въ отношеніи къ составу тѣла, всѣ они—едино; а когда они разсматриваются порознь, тогда—различіе, и притомъ различіе во всѣхъ ихъ. Ни одинъ изъ нихъ не можетъ самъ по себѣ составить тѣла, и каждый одинаково недостаточенъ къ тому, чтобы составить тѣло, а необходимо для этого ихъ соединеніе; когда многіе сдѣлаются единымъ, тогда и составляется одно тѣло. Выражая это, онъ и говоритъ: *вси же уди тѣла мнози суще, едино суть тѣло*. Не сказалъ: высшіе и низшіе, но: *мнози суще*, что относится ко всѣмъ вообще. Какъ же они могутъ быть едино? Когда, оставивъ различіе ихъ, какъ членовъ, будешь разсматривать ихъ по отношенію къ тѣлу. Что глазъ, то же и нога, въ томъ отношеніи, что они—члены и составляютъ тѣло; въ этомъ между ними нѣтъ никакого различія. Не можешь сказать, что одинъ какой-нибудь членъ составляетъ тѣло самъ по себѣ, а другой нѣтъ; въ этомъ отношеніи они всѣ равны, и всѣ—одно тѣло.

Сказавъ и ясно доказавъ это по общему всѣмъ здравому смыслу, (апостолъ) присовокупляетъ: *тако и Христосъ*. Надлежало бы сказать: такъ и Церковь,—это именно слѣдовало изъ предъидущаго,—но онъ не сказалъ такъ, а вмѣсто Церкви наименовалъ Христа, употребивъ выраженіе болѣе возвышенное и болѣе пристыдивъ слушателя. Смыслъ словъ его слѣдующій: такъ и тѣло Христово, которое есть Церковь. Какъ тѣло и голова составляютъ одного человѣка, такъ и Церковь и Христосъ, говоритъ, едино суть; потому и именуетъ вмѣсто Церкви Христа, разумѣя здѣсь тѣло Его. Какъ наше тѣло есть нѣчто единое, хотя состоитъ изъ многихъ членовъ, такъ и въ Церкви всѣ мы со-

ставляемъ нѣчто единое; хотя она состоитъ изъ многихъ членовъ, но эти многіе суть одно тѣло. Такимъ образомъ, успокоивъ и ободривъ общеизвѣстнымъ примѣромъ того, кто считалъ себя униженнымъ, (апостолъ) оставляетъ обыкновенные предметы и переходитъ къ другому предмету—духовному, который могъ доставить еще больше утѣшенія и ясно показать равенство чести (у членовъ Церкви). Какому же? *Ибо единѣмъ Духомъ*, говоритъ, *мы вси во едино тѣло крестихомся; аще Іудеи, аще Еллини, или раби, или свободни* (ст. 13). Смыслъ словъ его слѣдующій: одинъ Духъ составилъ изъ насъ одно тѣло и возродилъ насъ, потому
251 что не инымъ Духомъ крещенъ одинъ, а инымъ другой. И не только крестившій насъ (Духъ) есть единъ, но и то, во что Онъ крестилъ, то есть для чего крестилъ, есть едино, такъ какъ мы крестились не для того, чтобы составлять различныя тѣла, но чтобы всѣ мы въ точности составляли одно тѣло въ отношеніи другъ къ другу, то есть крестились для того, чтобы всѣмъ намъ быть однимъ тѣломъ.

2. Такимъ образомъ и составившій насъ единъ, и то, во что онъ составилъ насъ, едино. И не сказалъ (апостолъ): чтобы мы принадлежали одному тѣлу, но: *мы вси во едино тѣло*: онъ всегда старается употреблять самыя точныя выраженія. Хорошо также сказалъ: *мы вси*, включивъ и себя самого. И я, апостолъ, не имѣю, говоритъ, предъ тобою никакого преимущества въ этомъ отношеніи; и ты тѣло такъ, какъ я, и я такъ, какъ ты, и всѣ мы имѣемъ одну и ту же Главу и родились одинаковымъ рожденіемъ, потому и составляемъ одно и то же тѣло. Но что я указываю, говоритъ, на іудеевъ? И язычниковъ, которые были такъ далеки отъ насъ, Богъ привелъ въ составъ единаго тѣла. Потому, сказавъ: *мы вси*, онъ не останавливается на этомъ, но прибавляетъ: *аще Іудеи, аще Еллини, или раби, или свободни*. Если же мы, бывшіе прежде столь далекими другъ отъ друга, соединились и стали едино, то тѣмъ болѣе послѣ соединенія намъ не слѣдуетъ скорбѣть и унывать, такъ какъ уже нѣтъ мѣста различію. Если Онъ удостоилъ одного и того же и язычниковъ и іудеевъ, и рабовъ и свободныхъ, то, удостоивъ, станетъ ли раздѣлять насъ, тогда какъ самое сообщеніе дарованій служитъ къ совершеннѣйшему единенію? *И вси единѣмъ Духомъ напоихомся. Ибо тѣло нѣсть единъ удъ, но мнози* (ст. 14). Т. е. всѣ мы приступаемъ къ одному и тому же таинству, вкушаемъ отъ одной и той же трапезы. Почему же онъ не сказалъ: мы питаемся однимъ и тѣмъ же тѣломъ и пьемъ одну и ту же кровь? Потому что, наименовавъ Духа, онъ означилъ то и другое, и кровь и плоть; чрезъ то и другое мы напояемся единымъ Духомъ. Впро-

чемъ, мнѣ кажется, что онъ говоритъ здѣсь о томъ наитіи Духа, которое совершается надъ нами при крещеніи, еще прежде таинства причащенія. *Напоихомся*—сказалъ онъ потому, что это переносное выраженіе весьма прилично настоящему предмету, какъ будто бы онъ говорилъ о растеніяхъ и садѣ, что всѣ дерева орошаются однимъ и тѣмъ же источникомъ, одною и тою же водою. Такъ точно и мы всѣ, говоритъ, напояемся однимъ и тѣмъ же Духомъ, сподобляемся одной и той же благодати. Итакъ, если единый Духъ составилъ насъ, и въ едино тѣло соединилъ всѣхъ насъ,—а это означаютъ слова: *во едино тѣло крестихомся*,—и одну трапезу даровалъ, и одно и то же орошеніе сообщилъ всѣмъ,—а это означаютъ слова: *единымъ Духомъ напоихомся*,—и столь далекихъ между собою соединилъ вмѣстѣ и многіе только тогда составляютъ тѣло, когда становятся едино, то о какомъ твердишь ты различіи? Если же скажешь, что членовъ много и они различны, то знай, что это самое и удивительно и составляетъ особенность тѣла, а именно, что въ немъ многое и различное составляетъ одно; а еслибы не было множества, то не было бы такъ удивительно и чудно, что тѣло одно; или лучше, тогда не было бы и тѣла. Впрочемъ, это (апостолъ) объясняетъ послѣ, а теперь пока обращается къ самымъ членамъ и говоритъ: *аще речетъ нога, яко нѣсмь рука, нѣсмь отъ тѣла, еда сего ради нѣсть отъ тѣла? И аще речетъ ухо, яко нѣсмь око, нѣсмь отъ тѣла, еда сего ради нѣсть отъ тѣла* (ст. 15, 16)? Если бы то, что одинъ меньше, а другой больше, препятствовало входить въ составъ тѣла, то не стало бы и всего тѣла. Потому не говори: я не тѣло, потому что 232
я меньше другихъ; и нога занимаетъ низшее мѣсто, но и она въ составѣ тѣла. Быть или не быть въ составѣ тѣла зависитъ не отъ положенія въ томъ или другомъ мѣстѣ,—это производитъ только различіе въ мѣстѣ,—но отъ слитія или раздѣла; быть или не быть тѣломъ зависитъ отъ соединенія съ нимъ или несоединенія. И замѣть мудрость (Павла), съ какою онъ представляетъ наши члены произносящими эти слова. Какъ выше онъ говорилъ: *сія преобразихъ на себе и Аполлоса* (IV, 6), такъ и здѣсь, чтобы сдѣлать рѣчь свою еще болѣе кроткою и удобопріемлемою, представляетъ говорящими самые члены, чтобы (читатели), слыша отвѣтъ себѣ отъ самой природы, обличаясь самымъ опытомъ и общимъ здравымъ смысломъ, не могли болѣе противорѣчить. Хотя бы, говоритъ, и вы говорили тоже самое и сколько бы ни возражали, вы не можете быть внѣ тѣла, потому что какъ законъ природы, такъ и еще болѣе сила благодати все соблюдаетъ и сохраняетъ. И смотри, какъ онъ избѣгаетъ излишества: говоритъ не о всѣхъ членахъ, а только о двухъ, и притомъ крайнихъ, о

самомъ высшемъ—глазѣ, и самомъ низшемъ—ногахъ. Кромѣ того представляетъ ногу говорящею не съ глазомъ, но съ рукою, которая немного выше ея, а ухо—съ глазомъ. Какъ мы обыкновенно завидуемъ не тѣмъ, которые слишкомъ превосходятъ насъ, а тѣмъ, которые немного выше насъ, такъ и онъ дѣлаетъ свое сравненіе. *Аще же все тѣло око, гдѣ слухъ? Аще же все слухъ, гдѣ уханіе* (ст. 17)? Такъ какъ онъ указалъ на различіе членовъ, упомянулъ о ногахъ, рукахъ, глазахъ и ушахъ, и тѣмъ подалъ мысль о низшемъ и высшемъ достоинствѣ, то, смотри, какъ опять утѣшаетъ и показываетъ, что это полезно, что оттого преимущественно и бываетъ тѣло тѣломъ, что члены у него многіе и различные. Если бы они всѣ были одно, то и не составили бы тѣла; потому онъ и говоритъ: *аще ли быша вси единъ удъ, гдѣ тѣло?* Впрочемъ это говоритъ онъ послѣ; а теперь выражаетъ нѣчто еще большее, именно, что въ такомъ случаѣ не только не было бы тѣла, но не было бы и прочихъ членовъ: *аще все слухъ*, говоритъ, *гдѣ уханіе?*

3. Далѣе, такъ какъ (слушатели) еще могли смущаться, онъ и здѣсь дѣлаетъ то же, что сдѣлалъ выше. Какъ тамъ, утѣшивъ указаніемъ на пользу, совершенно заградилъ имъ уста, сказавъ: *вся же сія дѣйствуетъ единъ и тойжде Духъ, раздѣляя особо коемуждо, якоже хощетъ*, такъ и здѣсь, доказавъ, что все устроено такъ съ пользою, онъ опять приписываетъ все волѣ Божіей и говоритъ: *нынѣ же положи Богъ уды, единаго коегождо ихъ въ тѣлеси, якоже изволи* (ст. 18). Какъ о Духѣ сказалъ: *якоже хощетъ*, такъ и здѣсь: *якоже изволи*. Поэтому не спрашивай, почему такъ, и почему не такъ. Хотя бы мы могли представить тысячи причинъ, мы ничѣмъ не можемъ столько же сильно доказать, что это хорошо, сколько словами: какъ восхотѣлъ высочайшій Художникъ, такъ и сдѣлалось, потому что Онъ хочетъ такъ, какъ полезно. Если же не должно быть слишкомъ пытливымъ касательно членовъ въ нашемъ тѣлѣ, то тѣмъ болѣе—въ Церкви. И замѣть
253 мудрость (апостола): онъ указываетъ не на различіе членовъ по природѣ или по дѣятельности, а на различіе по мѣстному положенію: *нынѣ же*, говоритъ, *положи Богъ уды, единаго коегождо ихъ въ тѣлеси, якоже изволи*. Хорошо онъ сказалъ: *коегождо*, выразивъ пользу всѣхъ ихъ. Ты не можешь сказать, что такой-то членъ устроилъ Господь, а такой-то нѣтъ; но каждый поставленъ такъ по Его волѣ; и ногѣ полезно быть на такомъ именно мѣстѣ, а не одной только головѣ; и если бы (какой-нибудь членъ) перемѣнилъ положеніе, оставилъ свое мѣсто и перешелъ на другое, то хотя повидимому занялъ бы лучшее мѣсто, но погубилъ бы и разстроилъ все; онъ потерялъ бы свое мѣсто и не достиг-

нулъ бы чужого. *Аще ли быша вси единъ удъ, гдѣ тѣло? Нынѣ же мнози убо удове, едино же тѣло* (ст. 19, 20). Довольно заградивъ уста указаніемъ на распоряженіе Божіе, онъ опять представляетъ сужденія; вообще онъ не употребляетъ постоянно того или другого, но мѣняетъ и разнообразитъ рѣчь свою. Кто только заграждаетъ уста, тотъ смущаетъ слушателя; а кто пріучаетъ его требовать на все объясненія, тотъ вредитъ его вѣрѣ. Потому Павелъ постоянно дѣлаетъ то и другое, чтобы они и не ослабѣвали въ вѣрѣ и не смущались; заградивъ уста, опять предлагаетъ объясненіе. И посмотри на его искусство въ состязаніи и превосходство его побѣды: изъ чего они заключали о неравенствѣ чести,— т. е. что между ними было большое различіе,—изъ того самаго онъ доказываетъ, что они имѣютъ равную честь. А какъ? Вотъ какъ: *аще ли быша*, говоритъ, *вси единъ удъ, гдѣ тѣло?* Смыслъ этихъ словъ слѣдующій: если бы не было между вами великаго различія, то вы не были бы тѣломъ; не будучи тѣломъ, вы не были бы едино; а не будучи едино, вы не имѣли бы равной чести; если бы вы всѣ имѣли равную честь, то не были бы тѣломъ; не будучи тѣломъ, вы не были бы едино; а не будучи едино, какъ вы имѣли бы равную честь? Теперь же, такъ какъ вы всѣ имѣете не одно дарованіе, то и составляете тѣло; а будучи тѣломъ, вы всѣ составляете едино и ничѣмъ не различаетесь другъ отъ друга въ томъ отношеніи, что составляете тѣло. Слѣдовательно, это именно различіе и производитъ равенство чести. Потому онъ и присовокупляетъ: *нынѣ же мнози убо удове, едино же тѣло*. Представляя себѣ это, оставимъ и мы всякую зависть; не будемъ ни завидовать тѣмъ, которые имѣютъ больше дарованій, ни презирать тѣхъ, которые имѣютъ меньше. Такъ угодно было Богу; не будемъ же противиться. Если же ты еще смущаешься, то подумай, что другой часто не въ состояніи исполнить твоего дѣла, и потому, хотя ты меньше его, но въ этомъ отношеніи превосходишь его; а онъ, хотя и больше тебя, но въ этомъ отношеніи меньше, и такимъ образомъ вы равны. И въ тѣлѣ члены, повидимому, маловажные совершаютъ немаловажныя дѣйствія, но часто причиняютъ погибель и важнымъ, если будутъ отдѣлены отъ нихъ. Что напр. въ тѣлѣ маловажнѣе волосъ? Но если уничтожишь ихъ на бровяхъ и рѣсницахъ, то отнимешь все благообразіе у лица, и глазъ уже не будетъ такъ красивъ; хотя потеря не важная, но отъ ней теряется все благообразіе, и не только благообразіе, но въ большой степени и употребленіе глазъ. Члены наши имѣютъ каждый и свою частную дѣятельность и общую; равно и красота ихъ есть и частная и общая; и тогда какъ они повидимому раздѣлены между собою,

254 на самомъ дѣлѣ тѣсно соединены, такъ что съ поврежденіемъ одного повреждается и другой. Смотри: пусть будутъ у кого-нибудь глаза свѣтлые, щеки улыбающіяся, уста розовыя, носъ прямой, брови стройныя; но, если повредишь что-нибудь изъ этого, то исказишь общую красоту всего; все будетъ безобразнымъ, и казавшееся прежде прекраснымъ представится отвратительнымъ. Если напр. исказишь только край носа, то во всемъ произведешь великое безобразіе, хотя искаженъ одинъ только членъ; и съ рукою, если оторвешь хотя ноготь одного пальца, произойдетъ тоже самое.

4. А если желаешь видѣть это на дѣятельности (членовъ), то отними одинъ палецъ, и увидишь, что и прочіе будутъ менѣе дѣятельны и не такъ будутъ исполнять свое назначеніе. Если же поврежденіе члена есть общее безобразіе и сохраненіе есть общая красота, то не будемъ превозноситься и завидовать ближнимъ. Важный членъ бываетъ красивъ и благообразенъ чрезъ членъ маловажный, и глазъ украшается бровями; потому тотъ воюетъ противъ самого себя, кто воюетъ противъ брата, потому что не только ему вредитъ, но не малый ущербъ наноситъ и себѣ самому. Итакъ, чтобы этого не было, будемъ заботиться какъ о себѣ самихъ, такъ и о ближнихъ; подобіе тѣла приложимъ и нынѣ къ Церкви, и будемъ пещись о всѣхъ, какъ о собственныхъ членахъ. И въ Церкви есть многіе и различные члены, и одни изъ нихъ важнѣе, другіе маловажнѣе; такъ, есть лики дѣвственницъ, есть общества вдовицъ, есть братства сіяющихъ въ цѣломудренномъ бракѣ, и много степеней добродѣтели. Также и въ дѣлахъ милосердія: одинъ раздаетъ все, другіе довольствуются только необходимымъ и сверхъ того ничего не ищутъ, иные подаютъ отъ избытка; но всѣ они взаимно украшаютъ другъ друга. Если большій станетъ унижать меньшаго, то всего больше повредитъ себѣ самому; такъ, если дѣва станетъ поносить брачную, то не мало потеряетъ мзды своей; и раздавшій все, если станетъ поносить не сдѣлавшаго этого, много потеряетъ заслугъ своихъ.

Но что я говорю о дѣвахъ, вдовицахъ и людяхъ нестяжательныхъ? Что уничиженнѣе просящихъ милостыни? Однако и они приносятъ въ Церкви великую пользу, находясь постоянно при дверяхъ храма и составляя великое украшеніе, такъ что безъ нихъ не была бы совершенна полнота Церкви. Это видѣли и апостолы, и потому въ самомъ началѣ постановили правила какъ о всемъ прочемъ, такъ и о вдовицахъ, и прилагали о нихъ такое попеченіе, что поставили (для служенія) имъ семь діаконовъ. Когда я исчисляю членовъ Церкви, то, называя еписко-

повъ, пресвитеровъ, діаконовъ, дѣвственницъ и воздержныхъ называю также и вдовицъ, потому что и онѣ исполняютъ не маловажную службу. Ты приходишь (въ церковь), когда захочешь; а онѣ день и ночь здѣсь присутствуютъ и поютъ, дѣлая это не для одной только милостыни, потому что если бы онѣ только этого хотѣли, то могли бы ходить на торжищѣ и просить на перекресткахъ; но онѣ имѣютъ не мало и благочестія. По- 255
смотри, въ какой онѣ пещи бѣдности, и между тѣмъ ты не услышишь, чтобы онѣ когда-нибудь роптали, или выражали огорченіе, какъ дѣлаютъ многіе изъ богатыхъ; иныя изъ нихъ часто засыпаютъ голодныя, другія постоянно зябнутъ отъ холода, и однако проводятъ жизнь въ благодареніи и славословіи. Подашь ли имъ оволъ, онѣ благодарятъ и высказываютъ подавшему тысячи благожеланій; не дашь ли ничего, онѣ не огорчаются, но и тогда благословляютъ и сохраняютъ любовь, довольствуясь насущнымъ пропитаніемъ. Но, скажешь, онѣ терпятъ по необходимости, хотя бы и не хотѣли этого. Почему такъ, скажи мнѣ? Для чего произнесъ ты эти горькія слова? Развѣ нѣтъ постыдныхъ ремеслъ, прибыльныхъ для стариковъ и для старухъ? Развѣ онѣ не могли бы, если бы не хотѣли вести честную жизнь, получать и оттуда пропитаніе съ великимъ избыткомъ? Развѣ не видишь, сколько въ этомъ возрастѣ людей, развращающихъ и споспѣшествующихъ разврату, или имѣющихъ другія подобныя занятія, которыя доставляютъ имъ пропитаніе и даже роскошь? Но онѣ не таковы, а готовы скорѣе умереть съ голода, нежели посрамить свою жизнь и потерять спасеніе; онѣ сидятъ цѣлый день, предлагая тебѣ средство къ спасенію. Не такъ успѣшно врачъ, простирая руку и прилагая желѣзо, очищаетъ гнилыя раны, какъ нищій, протягивая руку и получая милостыню, изглаждаетъ струпы язвъ; и, что особенно удивительно, онъ безъ боли и страданій совершаетъ это превосходное врачеваніе. Не менѣе насъ, сидящихъ предъ народомъ и поучающихъ васъ полезному, поучаетъ и онъ своимъ молчаніемъ и видомъ, сидя у дверей церковныхъ. Мы каждый день внушаемъ вамъ: не высокомудрствуй, человѣкъ; скоротечно и непостоянно естество человѣческое; юность спѣшитъ обратиться въ старость, красота въ безобразіе, сила въ немощь, честь въ безчестіе, здоровье въ болѣзнь, слава въ посрамленіе, богатство въ бѣдность; все наше подобно быстрому потоку, который не можетъ нигдѣ остановиться, но быстро стремится внизъ.

5. Тоже самое и еще больше того внушаютъ и они своимъ видомъ и примѣромъ, и внушеніе ихъ есть самое ясное. Сколько изъ сидящихъ теперь внѣ (храма) красовались въ юности и со-

вершали великія дѣла? Сколько изъ этихъ безобразныхъ превосходили многихъ и крѣпостію тѣла и красотою лица? Не сомнѣвайтесь и не смѣйтесь: жизнь исполнена множества такихъ примѣровъ. Если многіе изъ бѣдныхъ и низкихъ часто дѣлались царями, то что удивительнаго, если иные изъ великихъ и славныхъ стали низкими и бѣдными? Первое гораздо болѣе удивительно, а послѣднее весьма обыкновенно. Потому слѣдуетъ не сомнѣваться въ томъ, что нѣкоторые изъ нихъ отличались искусствами, воинскими дѣлами или богатствомъ, но жалѣть о нихъ съ великимъ состраданіемъ и опасаться самимъ за себя, чтобы и намъ не потерпѣть когда-нибудь того же; вѣдь и мы — люди и подлежимъ той же скоротечной перемѣнѣ. Но, можетъ быть, кто-нибудь изъ неразумныхъ и склонныхъ къ смѣшливости
256 станетъ недоумѣвать и смѣяться надъ вами, и скажетъ: когда ты перестанешь говорить о бѣдныхъ и нищихъ, предсказывать намъ несчастія, проповѣдывать нищету и стараться сдѣлать насъ нищими? Нѣтъ, не нищими стараюсь я сдѣлать васъ, когда говорю это; но стараюсь доставить вамъ небесное богатство, подобно какъ напоминающій здоровому о больныхъ и описывающій ихъ страданія говоритъ это не для того, чтобы сдѣлать его больнымъ, но чтобы сохранить его здоровье и страхомъ ихъ несчастій предохранить его отъ безпечности. Для васъ бѣдность кажется чѣмъ-то страшнымъ и ужаснымъ даже по одному названію; но потому мы и бѣдны, что боимся бѣдности, хотя бы имѣли тысячи талантовъ. Не тотъ бѣденъ, кто не имѣетъ ничего, но тотъ, кто страшится бѣдности, подобно какъ и между несчастными мы оплакиваемъ и называемъ жалкими не тѣхъ, которые терпятъ великія бѣдствія, но тѣхъ, которые не умѣютъ переносить даже невеликихъ; напротивъ, кто умѣетъ переносить ихъ, тотъ достоинъ похвалъ и вѣнцевъ. А что это такъ, скажи, кого мы хвалимъ изъ ратоборствующихъ: тѣхъ ли, которые, получая множество ударовъ, не унываютъ и стоятъ съ поднятою головою, или тѣхъ, которые обращаются въ бѣгство при первыхъ ударахъ? Не тѣхъ ли мы увѣнчиваемъ, какъ доблестныхъ и мужественныхъ, а надъ этими не смѣемся ли, какъ надъ робкими и трусливыми? Такъ же будемъ поступать и въ дѣлахъ житейскихъ: того, кто переноситъ все легко, подобно мужественному и все претерпѣвшему подвижнику (Іову), будемъ увѣнчивать, а того, кто трепещетъ и боится несчастій и еще прежде, нежели получитъ ударъ, умираетъ отъ страха, будемъ оплакивать. И въ ратоборствахъ, если кто прежде, нежели подниметъ свою руку, и едва только увидитъ поднятую руку противника, обращается въ бѣгство, хотя еще не получилъ удара, то такой подвергается осмѣянію, какъ

слабый, изнѣженный и неискусный въ подобныхъ подвигахъ. То же самое бываетъ и съ тѣми, которые боятся бѣдности и не могутъ вынести даже одного ея ожиданія. Слѣдовательно, не мы дѣлаемъ васъ несчастными, а вы сами себя. Какъ не посмѣяться надъ тобою діаволу, когда онъ видитъ, что ты еще прежде удара боишься опасности и трепещешь? Или лучше сказать, если для тебя такъ страшно опасеніе, то онъ даже не почтетъ нужнымъ поражать тебя, но, предоставивъ обладать богатствомъ, однимъ опасеніемъ потерять его сдѣлаетъ тебя мягче всякаго воска. Мы, такъ сказать, ужъ отъ природы таковы, что, испытавши что-нибудь, чего боимся, потомъ считаемъ это не такъ страшнымъ, какъ раньше, до опыта. Потому, чтобы ты не пріобрѣлъ и этой добродѣтели, діаволъ держитъ тебя въ сильномъ страхѣ, истощая тебя, какъ воскъ на огнѣ, опасеніемъ бѣдности прежде, нежели ты испытаешь ее на дѣлѣ. Подлинно мягче всякаго воска и несчастнѣе по жизни самого Каина тотъ, кто боится за то, что пріобрѣлъ любостяжаніемъ, скорбитъ о томъ, чего не имѣетъ, и трясется надъ тѣмъ, что имѣетъ, заключивъ у себя богатство, какъ неблагодарнаго раба, и самъ будучи осаждаемъ разнообразными и постыдными страстями. Постыдное пожеланіе, разнообразный страхъ, безпокойство и трепетъ обуреваютъ его со всѣхъ сторонъ, и онъ уподобляется кораблю, отвсюду гонимому противными вѣтрами и подвергающемуся частымъ треволненіямъ. Гораздо лучше было бы такому человѣку умереть, нежели терпѣть непрестанную бурю, подобно какъ и Каину лучше было бы умереть, нежели непрестанно трепетать.

Итакъ, чтобы и намъ не потерпѣть того же, будемъ проти- 257
виться козням діавола, расторгать его сѣти, притуплять остріе тяжкаго копья его и заграждать ему всякій доступъ къ намъ. Если ты будешь презирать любостяжаніе, то онъ не будетъ имѣть мѣста, гдѣ бы поразить тебя, не будетъ имѣть возможности приступить къ тебѣ, потому что ты исторгнулъ корень зла; а когда нѣтъ корня, то не произрастетъ и дурной плодъ. Мы постоянно говоримъ и не перестанемъ говорить это; а имѣютъ ли слова наши какой-нибудь успѣхъ, это покажетъ тотъ день, который откроется огнемъ, обнажитъ дѣла каждаго и обнаружитъ, у кого свѣтильники свѣтлы и у кого не таковы. Тогда откроется, у кого есть елей и у кого нѣтъ. Впрочемъ, да не останется никто тогда
чуждымъ этого утѣшенія, но да окажутся всѣ богатыми чело- 258
вѣколюбіемъ и, имѣя свѣтлые свѣтильники, войдутъ вмѣстѣ съ Женихомъ! Нѣтъ ничего страшнѣе и прискорбнѣе словъ, которыя услышатъ тогда отъ Жениха отходящіе отсюда безъ щедрой милостыни: *не вѣмъ васъ* (Мѳ. XXV, 12). Да не услышимъ мы

этого, но да услышимъ сладчайшія и вожделѣннѣйшія слова: *пріидите благословенніи Отца моего, наслѣдуйте уготованное вамъ царствіе отъ сложенія міра* (Мѳ. xxv, 34). Такимъ образомъ мы станемъ жить блаженною жизнью и удостоимся всѣхъ благъ, превосходящихъ самый умъ человѣческій, которыхъ и да сподобимся всѣ мы благодатію и человѣколюбіемъ (Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь).

БЕСѢДА XXXI.

257 **Не можетъ же око рещи руцѣ: не требѣ ми еси; или паки глава ногамъ: не требѣ ми есте (1 Кор. xii, 21).**

1. Обличивъ зависть низшихъ и уничтоживъ скорбь ихъ, которую они могли имѣть отъ того, что другіе удостоились большихъ дарованій, (апостолъ) смиряетъ теперь гордость тѣхъ, которые получили больше. Онъ дѣлалъ это и прежде, когда бесѣдовалъ съ первыми, именно когда внушалъ, что дарованіе есть даръ, а не заслуга; но теперь дѣлаетъ то же съ большею силою, продолжая то же сравненіе. Отъ тѣла и его единства онъ переходитъ къ сравненію между собою самыхъ членовъ, что особенно нужно было знать имъ (коринѳянамъ), такъ какъ не столько могло утѣшать ихъ то, что всѣ они составляютъ одно тѣло, сколько убѣжденіе въ томъ, что и при тѣхъ дарахъ, которые получены ими, они нисколько не унижены. *Не можетъ же*, говоритъ онъ, *око рещи руцѣ: не требѣ ми еси; или паки глава ногамъ: не требѣ ми есте.* И меньшее дарованіе также необходимо; какъ безъ великаго былъ бы большой недостатокъ, такъ и безъ малаго нарушилась бы полнота Церкви. Не сказалъ: не речетъ, но: *не можетъ рещи*, т. е. хотя бы оно и захотѣло, хотя бы и сказало, однако это невозможно по самому существу дѣла. Потому онъ беретъ два крайніе члена и на нихъ останавливаетъ рѣчь свою, именно приводитъ въ примѣръ, во-первыхъ, руку и глазъ, а во-вторыхъ, голову и ноги. Въ самомъ дѣлѣ, что маловажнѣе ноги, или что почтеннѣе и необходимѣе головы? Голова особенно и составляетъ человѣка. Однако и она сама по себѣ недостаточна и не можетъ одна совершать всего: иначе намъ напрасно даны ноги. Не останавливаясь на этомъ, (апостолъ) показываетъ еще иное преимущество (низшихъ), какъ онъ всегда дѣлаетъ, стараясь доказать не только равенство, но простираясь еще далѣе. Потому и присовокупляетъ: *но много паче мнящіися уди тѣла немощнѣйши быти,*

нужнѣйши суть. И ихже мнимъ безчестнѣйшихъ быти тѣла, симъ честь множайшу прилагаемъ. И неблагообразніи наши благообразіе множайше имутъ (ст. 22—24). Онъ непрерывно приводитъ въ примѣръ тѣло, и такимъ образомъ утѣшаетъ одного и смиряетъ другого. Я утверждаю, говоритъ онъ, что важнѣйшіе члены не только имѣютъ нужду въ низшихъ, но и великую нужду, такъ 258
какъ что у насъ слабо и менѣе благородно, то и необходимо и пользуется большимъ попеченіемъ. Хорошо онъ сказалъ: *мнящіися,* и: *ихже мнимъ,* выражая, что такое положеніе основывается не на существѣ вещей, а на мнѣніи людей. У насъ нѣтъ ничего безчестнаго, потому что все—отъ Бога. Что у насъ повидимому неблагороднѣе дѣтородныхъ членовъ? Но имъ оказывается еще большее попеченіе: самые бѣдные люди, хотя бы оставляли нагими всѣ прочія части тѣла, не позволяютъ себѣ обнажать этихъ членовъ; а съ безчестными вещами поступаютъ не такъ, но надлежало бы презирать ихъ болѣе всего другого. Безчестный рабъ въ домѣ не только не пользуется большимъ попеченіемъ, но не удостоивается и одинаковаго съ другими. Слѣдовательно, если бы и эти члены были неблагородными, то не только большаго не слѣдовало бы оказывать имъ попеченія, но и равнаго съ другими; а теперь о нихъ болѣе прилагается попеченія, и это по дѣйствію премудрости Божіей. Богъ устроилъ такъ, что одни члены отъ природы ни въ чемъ не имѣютъ нужды, а другимъ мы должны доставлять то, чего не дано имъ отъ природы; и однако они оттого не безчестны, подобно какъ животныя, по природѣ своей, большею частію ни въ чемъ не имѣютъ нужды, ни въ одеждѣ, ни въ обуви, ни въ кровѣ, и однако наше тѣло не безчестнѣе ихъ тѣла потому, что имѣетъ нужду во всемъ этомъ. Подлинно, если разсмотрѣть внимательно, то эти (члены) и по самой природѣ своей почтенны и необходимы, на что намекаетъ и самъ (апостолъ), произнося свое сужденіе о нихъ не на основаніи нашего вниманія и большаго о нихъ попеченія, но на основаніи самаго существа вещей; называя ихъ слабыми и менѣе благородными, онъ говоритъ: *мнящіися быти;* а называя ихъ необходимыми, не прибавляетъ: *мнящіися,* но произноситъ собственное сужденіе и говоритъ, что они *нужнѣйши суть;* и весьма справедливо. Они дѣйствительно необходимы для рожденія дѣтей и продолженія нашего рода. Потому и римскіе законодатели полагаютъ наказаніе тѣмъ, которые искажаютъ эти члены и дѣлаютъ себя скопцами, какъ людямъ, причиняющимъ вредъ всему роду человѣческому и искажающимъ самую природу. Но да погибнутъ люди развращенные, подвергающіе порицанію дѣла Божіи! Какъ вино многіе проклинаютъ изъ-за пьяницъ и женскій

полъ изъ-за блудницъ, такъ и эти члены почитаются постыдными изъ-за тѣхъ, которые употребляютъ ихъ не по надлежащему. Но не должно (судить) такъ; грѣхъ зависитъ не отъ существа вещи,
259 а происходитъ отъ произвола совершающихъ преступленіе. Впрочемъ нѣкоторые думаютъ, что Павелъ называетъ здѣсь членами слабѣйшими и менѣе благородными, нѣжнѣйшими и пользующимися большимъ попеченіемъ—глаза и ноги, именно, подъ членами слабѣйшими и нужнѣйшими разумѣетъ глаза, такъ какъ они, хотя слабѣе силою, но превосходнѣе по употребленію, а подъ членами менѣе благородными разумѣетъ ноги, о которыхъ также прилагается много попеченія.

2. Далѣе, чтобы не было преувеличенія съ другой стороны, онъ говоритъ: *а благообразніи наши не требѣ имутъ* (ст. 24). Чтобы кто не сказалъ: какъ, неужели члены благородные нужно оставлять въ пренебреженіи, а о менѣе благородныхъ заботиться?—онъ говоритъ: мы дѣлаемъ это не изъ пренебреженія къ нимъ, но потому, что они не имѣютъ въ томъ нужды. И замѣть, какъ онъ кратко выразилъ похвалу имъ и потомъ перешелъ къ дальнѣйшему, поступивъ въ этомъ случаѣ и прилично и полезно. Не останавливаясь на этомъ, онъ присовокупляетъ и причину: *но Богъ*, говоритъ, *раствори тѣла, худѣйшему большу давъ честь, да не будетъ распри въ тѣлеси* (ст. 25). Если же Богъ растворилъ тѣло, то не оставилъ возможности различать въ немъ менѣе благородное, потому что растворенное дѣлается единымъ, такъ что уже не видно, чѣмъ оно было прежде,—иначе о немъ нельзя было бы сказать, что оно растворено. И смотри, какъ онъ вездѣ только слегка упоминаетъ о недостаткахъ, выражаясь: *худѣйшему* (ὑστεροῦντι). Не сказалъ: безчестному или постыдному, но: *худѣйшему*. Отчего худѣйшему? Отъ природы. *Большу давъ честь*. Для чего? *Да не будетъ распри въ тѣлеси*. Такъ какъ (коринѳяне), получивъ множество утѣшеній, еще скорбѣли о томъ, что получили меньше, то (апостолъ) доказываетъ, что они напротивъ получили большую честь: *худѣйшему*, говоритъ, *большу давъ честь*; а потомъ приводитъ причину, показывая, что (Богъ) съ пользою и даровалъ меньше и почтилъ больше. Какая же это причина? *Да не будетъ*, говоритъ, *распри въ тѣлеси;* не сказалъ: въ членахъ, но: *въ тѣлеси*. Подлинно было бы великое неравенство, если бы одни члены и отъ природы и отъ насъ пользовались большимъ попеченіемъ, а другіе не имѣли бы этого ни съ той, ни съ другой стороны; тогда они распались бы, не имѣя возможности сохранять союзъ между собою; а если бы одни отпали, то и прочіе потерпѣли бы вредъ. Видишь ли, какъ онъ доказалъ, что менѣе совершеннымъ членамъ необходимо было дать болѣе чести? Если бы

было не такъ, то погибли бы, говоритъ, всѣ вообще. Подлинно, если бы вы не прилагали о нихъ великаго попеченія, то они, не будучи предохраняемы отъ природы, повредились бы, повредившись, разрушились бы, разрушившись, раздѣлили бы тѣло на части, а по раздѣленіи тѣла погибли бы и прочіе гораздо важнѣйшіе члены. Видишь ли, какъ съ попеченіемъ о тѣхъ соединено попеченіе и объ этихъ? Члены имѣютъ основаніе своего бытія не столько въ собственной природѣ, сколько въ томъ, что составляютъ одно тѣло; потому если разрушится тѣло, то не будетъ никакой пользы отъ цѣлости каждаго изъ нихъ порознь; глазъ ли останется цѣлымъ, или носъ сохранится, по расторженіи союза не будетъ оттого никакой пользы; а если союзъ сохраняется, то они, хотя бы и повредились, однако держатся и скоро выздоравливаютъ. Но, можетъ быть, кто-нибудь скажетъ: о тѣлѣ точно можно сказать, что менѣе совершенные члены получили болѣе чести; но какъ это можно видѣть между людьми? Между людьми тѣмъ болѣе можно видѣть это. Такъ, пришедшіе въ одиннадцатый часъ первые получили награду; для заблудшей овцы пастырь оставилъ девяносто девять другихъ, пошелъ за нею, и нашедши несъ, а не гналъ ее; блудный сынъ удостоился большаго попеченія, нежели ведшій себя честно; разбойникъ былъ увѣнчанъ и прославленъ прежде апостоловъ. Тоже можно видѣть и (въ притчѣ) о талантахъ: получившій пять талантовъ и получившій два удостоились одного и того же, и то самое, что послѣдній получилъ два таланта, служитъ знакомъ большаго о немъ попеченія; если бы ему дано было пять, то онъ, не будучи въ состояніи пріумножить ихъ, лишился бы всего; а получивъ два и исполнивъ свое дѣло, онъ удостоился того же, чего и пріобрѣвшій пять талантовъ, пріобрѣтя тѣмъ больше его, чѣмъ за меньшіе труды сподобился тѣхъ же вѣнцовъ. Хотя онъ былъ та- 260
кой же человѣкъ, какъ и получившій пять талантовъ, однако Владыка не истязуетъ его, не принуждаетъ его трудиться столько же, сколько подобный ему рабъ, и не говоритъ: почему ты не могъ пріобрѣсть пять талантовъ? Онъ могъ бы сказать это по справедливости; между тѣмъ увѣнчалъ и его. Итакъ, зная это, высшіе не притѣсняйте низшихъ, чтобы прежде нихъ вамъ самимъ не потерпѣть вреда; вѣдь, если они отдѣлятся, то разрушится и все тѣло. Что такое тѣло, если не соединеніе многихъ членовъ, какъ и апостолъ говоритъ: *тѣло нѣсть единъ удъ, но мнози?* Потому, если таково есть тѣло, то будемъ стараться, чтобы многое оставалось многимъ; а когда этого не будетъ соблюдено, то откроется смертельная рана. И апостолъ требуетъ не того только, чтобы мы не отдѣлялись другъ отъ друга, но чтобы са-

мымъ тѣснымъ образомъ были соединены. Именно, сказавъ: *да не будетъ распри въ тѣлеси*, онъ не удовольствовался этимъ, но прибавилъ: *да тожде въ себѣ пекутся уди*, представивъ здѣсь другую причину, почему о низшихъ членахъ прилагается болѣе попеченія. Богъ устроилъ такъ не только для того, чтобы члены не отдѣлялись другъ отъ друга, но и для того, чтобы между ними была великая любовь и согласіе. Если каждый долженъ заботиться о спасеніи ближняго, то не говори мнѣ о низшемъ и высшемъ; здѣсь нѣтъ высшаго и низшаго. Различіе (членовъ) можно видѣть только тогда, когда тѣло остается цѣлымъ; когда же оно разрушается, то нельзя; а оно разрушается, если нѣтъ и низшихъ (членовъ).

3. Итакъ, если съ поврежденіемъ маловажныхъ членовъ повреждаются и важные, то послѣдніе должны заботиться о маловажныхъ столько же, сколько о самихъ себѣ, такъ какъ отъ сохраненія ихъ зависитъ сохраненіе и важныхъ. Потому, хотя бы ты тысячу разъ твердилъ, что такой-то членъ маловаженъ и ничтоженъ, но если не будешь пещись о немъ столько же, сколько о самомъ себѣ, и станешь нерадѣть о немъ, какъ о маловажномъ, то вредъ падетъ на тебя же. Поэтому (апостолъ) не сказалъ: чтобы только члены заботились другъ о другѣ, но присовокупилъ: *да тожде въ себѣ пекутся*, т. е. чтобы маловажный членъ пользовался точно такимъ же попеченіемъ, какъ и важный. Не говори же, что такой-то членъ не важенъ, но помни, что онъ членъ того же тѣла, которое содержитъ въ себѣ все; какъ глазъ, такъ и всякій другой (членъ), дѣлаютъ тѣло тѣломъ. Въ составѣ тѣла ни одинъ (членъ) не имѣетъ преимущества предъ другимъ; и не то составляетъ тѣло, что въ немъ иной (членъ) важнѣе, а иной маловажнѣе, но то, что въ немъ много (членовъ) и притомъ различныхъ. Какъ ты, будучи больше, составляешь тѣло, такъ и другой, будучи меньше; слѣдовательно, малость его, въ отношеніи къ составу тѣла, равночестна съ тобою: этому прекрасному цѣлому онъ способствуетъ такъ же, какъ и ты. Это видно изъ слѣдующаго: пусть не будетъ члена важнаго и неважнаго, благороднаго и неблагороднаго, но пусть будетъ все глазомъ, или все головою: не погибнетъ ли тѣло? Для
261 всякаго очевидно. Опять, если бы всѣ были неважными, то произошло бы то же самое. Такъ въ этомъ отношеніи маловажные члены равны (важнѣйшимъ). Можно сказать еще болѣе: маловажный (членъ) для того именно и есть маловажный, чтобы было тѣло, такъ что онъ для тебя же остается маловажнымъ, чтобы ты оставался важнымъ. Потому (апостолъ) и требуетъ одинаковаго о всѣхъ попеченія: *да тожде*, говоритъ, *въ себѣ пекутся уди*,

и опять тоже самое объясняетъ въ слѣдующихъ словахъ: *и аще страждетъ единъ удъ, съ нимъ страждутъ вси уди: аще же славится единъ удъ, съ нимъ радуются вси уди* (ст. 26). Для того, говоритъ, (Богъ) установилъ взаимное попеченіе другъ о другѣ, устроивъ единство въ такомъ разнообразіи, чтобы и все случающееся было общимъ для многихъ. Если отъ попеченія о ближнемъ зависитъ общее спасеніе, то необходимо, чтобы и слава и скорбь были общими. Такимъ образомъ (апостолъ) предлагаетъ здѣсь три заповѣди: не раздѣляться, но быть въ тѣсномъ единеніи, имѣть равное попеченіе другъ о другѣ, считать все случающееся общимъ. Выше онъ говорилъ, что менѣе совершенному (члену Богъ) предоставилъ большую честь, какъ имѣющему въ томъ нужду, показывая, что самое несовершенство даетъ право на большую честь; а здѣсь говоритъ, что (члены) равны и по взаимному попеченію другъ о другѣ. Для того, говоритъ, (Богъ низшимъ членамъ) и предоставилъ большую честь, чтобы они пользовались не меньшимъ попеченіемъ; но не въ этомъ только, а и во всемъ случающемся, какъ пріятномъ, такъ и непріятномъ, члены взаимно связаны между собою. Часто когда въ пяту вонзится тернъ, все тѣло чувствуетъ боль и тревожится, спина сгибается, желудокъ и бедра сжимаются, руки, какъ оруженосцы и слуги, простираются впередъ и вынимаютъ занозу, голова наклоняется и глаза наблюдаютъ съ великою заботою. Такимъ образомъ, хотя нога и низшій (членъ) и не можетъ подняться выше, однако она наклоняетъ голову, и чрезъ то равняется ей и получаетъ одинаковую честь, тѣмъ болѣе, что ноги заставляютъ ее наклоняться не по милости, а по долгу; слѣдовательно она, имѣя предъ ними преимущество, какъ болѣе важный (членъ), при всемъ томъ, будучи обязана менѣе важнымъ воздавать честь и попеченіе и одинаково страдая съ ними, выражаетъ великое съ ними равенство. Что въ самомъ дѣлѣ ниже пяты и что важнѣе головы? Между тѣмъ послѣдняя наклоняется къ первой и вмѣстѣ съ собою наклоняетъ всѣ члены. Опять, когда болятъ глаза, тогда и всѣ (члены) страждутъ, всѣ впадаютъ въ бездѣйствіе, ноги не ходятъ, руки не работаютъ, желудокъ не принимаетъ обыкновенной пищи, хотя болѣзнь въ глазахъ. Почему тогда ты умащаешь желудокъ? Почему покрываешь ноги? Почему обвязываешь руки? Потому, что они находятся въ связи съ глазами, и все тѣло невыразимо страдаетъ вмѣстѣ съ ними. Если бы они не страдали вмѣстѣ, то не нужно было бы и общаго о нихъ попеченія. Поэтому (апостолъ), сказавъ: *да тожде въ себѣ пекутся уди*, присовокупилъ: *аще страждетъ единъ удъ, съ нимъ страждутъ вси уди: аще ли же славится единъ удъ, съ нимъ радуются вси уди*

Какъ, спросишь, они сорадуются? Увѣнчивается голова,—и весь человѣкъ прославляется; говорятъ уста,—и глаза блестятъ радо-
262 стію и веселіемъ, хотя хвала не глазамъ, а языку. Также когда прекрасны глаза, тогда жена вся кажется прекрасною; когда восхваляется прямой носъ, правильная шея и другіе члены, тогда и глаза сіяютъ; опять же они изобильно плачутъ, когда тѣ (члены) подвергаются болѣзнямъ и несчастіямъ, хотя сами остаются невредимыми.

4. Итакъ, помня это, будемъ всѣ мы подражать любви этихъ членовъ и не поступать противно тому, не станемъ смѣяться надъ бѣдствіями ближняго и завидовать его счастію: вѣдь это свойственно безумнымъ и сумасшедшимъ. Кто вырываетъ глазъ, тотъ представляетъ величайшее доказательство безумія, и кто грызетъ руку, тотъ ясно уличаетъ себя въ сумасшествіи. Если же это такъ въ отношеніи къ членамъ (тѣлеснымъ), то равнымъ образомъ и въ отношеніи къ братьямъ такія дѣйствія обличаютъ безуміе и причиняютъ не малый вредъ. Въ самомъ дѣлѣ, доколѣ онъ блисталъ, дотолѣ сохраняется и твое благообразіе и красуется все тѣло; его красота относится не къ нему только, но и тебѣ доставляетъ честь; если же ты угасишь его, то навлечешь на все тѣло общую тьму и подвергнешь всѣ члены несчастію; наоборотъ, если сохранишь свѣтлымъ, то сохранишь красоту всего тѣла. Никто не говоритъ: прекрасенъ глазъ,—но что? Такая-то прекрасна; если же хвалятъ и его, то хвалятъ уже послѣ общей похвалы. Такъ бываетъ и въ Церкви: когда отличаются нѣкоторые, тогда и общество пріобрѣтаетъ добрую славу. Враги не раздѣляютъ похвалъ, но совокупно относятъ (ихъ ко всѣмъ); отличается ли кто-нибудь даромъ краснорѣчія, они хвалятъ не его только, но и всю Церковь. Не говорятъ: такой-то достоинъ удивленія,—но что? Христіане имѣютъ учителя достойнаго удивленія; и это сокровище дѣлаютъ общимъ. Такъ, язычники соединяютъ, а ты раздѣляешь, враждуешь противъ собственнаго тѣла и возстаешь противъ собственныхъ членовъ. Развѣ не знаешь, что чрезъ это низвращается все? *Царство*, говоритъ (Господь), *раздѣлшееся на ся не станетъ* (Мѳ. XII, 25).

Ничто такъ не раздѣляетъ и не расторгаетъ, какъ ненависть и зависть, эта тяжкая болѣзнь, недостойная никакого прощенія и въ нѣкоторомъ отношеніи худшая самаго корня золъ. Сребролюбецъ радуется тогда, когда самъ получаетъ; а завистливый радуется не тогда, когда самъ получаетъ, а когда не получаетъ другой, считаетъ благополучіемъ для себя не собственное благоденствіе, а несчастіе другихъ, есть какъ бы общій врагъ человѣческой природы и мучитель Христовыхъ членовъ. Что же мо-

жетъ быть безумнѣе? Бѣсъ завидуетъ людямъ, а отнюдь не другому бѣсу; а ты, человѣкъ, завидуешь человѣку, возстаешь противъ единоплеменнаго и однороднаго тебѣ, чего не дѣлаетъ и бѣсъ! Какое будетъ тебѣ прощеніе, какое оправданіе, когда ты, видя брата своего благоденствующимъ, дрожишь и блѣднѣешь, тогда какъ надлежало бы хвалиться, радоваться и восхищаться? Если же ты хочешь соревновать ему, я не запрещаю: соревнуй, но такъ, чтобы тебѣ сдѣлаться подобнымъ ему въ доброй славѣ, не съ тѣмъ, чтобы унизить его, но чтобы и тебѣ достигнуть той же высоты и явить такую же добродѣтель. Вотъ доброе соревно- 263
ваніе: подражать, а не враждовать, не скорбѣть о совершенствахъ другого, а сокрушаться о собственныхъ недостаткахъ. Но зависть поступаетъ напротивъ: не заботясь о своихъ недостаткахъ, она мучится совершенствами другихъ. Не столько бѣдный огорчается своею бѣдностію, сколько завистливый благополучіемъ ближняго; что можетъ быть гнуснѣе этого? Потому онъ, какъ я выше сказалъ, даже хуже корыстолюбиваго; этотъ радуется, когда самъ получаетъ, а тотъ веселится, когда другой не получаетъ. Итакъ, увѣщеваю васъ, оставьте этотъ злой путь и обратитесь къ доброй ревности,—а такая ревность сильна и горячѣе всякого огня,—и вы получите отсюда великія блага. Такъ и Павелъ, обращая къ вѣрѣ іудеевъ, говорилъ: *аще како раздражу мою плоть, и спасу нѣкія отъ нихъ* (Рим. xi, 14). Кто такъ ревнуетъ, какъ онъ желалъ, тотъ сокрушается не тогда, когда видитъ другого съ доброю славой, но когда видитъ себя отставшимъ. А завистливый не такъ: онъ сокрушается, когда видитъ преуспѣяніе другого и, подобно какому-нибудь трутню, повреждающему чужіе труды, самъ отнюдь не старается встать, а плачетъ, когда видитъ другого стоящимъ, и дѣлаетъ все, чтобы низвергнуть его. Чему же можно уподобить эту страсть? Она, мнѣ кажется, подобна лѣнивому и утучнѣвшему ослу, который, будучи запряженъ вмѣстѣ съ быстрымъ конемъ, и самъ не хочетъ встать, и коня тяжестію своего тѣла старается притянуть. Такъ и онъ (завистливый) нисколько не думаетъ и не старается о томъ, чтобы освободиться отъ этого глубокаго сна, а все дѣлаетъ для того, чтобы зацѣпить и низвергнуть другого, парящаго къ небу, дѣлаясь вѣрнымъ подражателемъ діавола. И діаволъ, видя человѣка въ раю, старался не себя исправить, а его лишить рая; и опять, видя его пребывающимъ на небѣ и другихъ стремящимися туда же, онъ также старается помѣшать тѣмъ, которые спѣшатъ туда, и такимъ образомъ уготовляетъ себѣ самому жесточайшую пещь. Такъ бываетъ и всегда: кому завидуютъ, тотъ, если будетъ бдителенъ, еще болѣе прославляется; а завидующій

навлекаетъ на себя самого болѣе золъ. Такъ прославился Іосифъ;
264 такъ Ааронъ священникъ; козни завидующихъ произвели то, что самъ Богъ и разъ и другой изрекъ о немъ опредѣленіе свое, и устроилъ то, что прозябъ жезлъ его; такъ Іаковъ достигъ великаго благоденствія и всего прочаго; такъ-то завистники сами себя подвергали безчисленнымъ бѣдствіямъ! Зная все это, будемъ избѣгать зависти. И чему, скажи мнѣ, ты завидуешь? Тому ли, что братъ твой получилъ духовное дарованіе? Но отъ кого онъ получилъ, скажи мнѣ, не отъ Бога ли? Значитъ, ты враждуешь противъ Того, кто даровалъ ему. Видишь ли, до чего простирается зло, до какой степени грѣха восходитъ оно и какую изрываетъ бездну наказанія! Будемъ же, возлюбленные, избѣгать этой страсти, не станемъ завидовать, но будемъ молиться о самихъ завидующихъ и употреблять всѣ мѣры къ тому, чтобы погасить въ нихъ эту страсть. Не станемъ поступать подобно тѣмъ неразумнымъ, которые, желая наказать другихъ, употребляютъ всѣ мѣры, чтобы возжечь пламень себѣ самимъ. Напротивъ, будемъ проливать слезы и оплакивать ихъ. Они казнятъ сами себя, нося въ себѣ червя, который непрестанно пожираетъ ихъ сердце, и открывая источникъ яда, который горче всякой желчи. Будемъ же молить человѣколюбиваго Бога, чтобы Онъ и въ нихъ истребилъ страсть, и намъ не попустилъ впасть въ болѣзнь. Небо недоступно для того, кто зараженъ этою язвою, и еще прежде неба самая настоящая жизнь дѣлается для него несносною. Не такъ моль и червь съѣдаютъ волну и дерево, какъ горячка зависти съѣдаетъ кости завистниковъ и отравляетъ здравіе души. Потому, чтобы намъ и себя и другихъ избавить отъ безчисленныхъ золъ, удалимъ отъ себя эту злую горячку, которая хуже всякой язвы, чтобы, получивъ духовную силу, мы могли и совершить подвигъ настоящей жизни, и достигнуть будущихъ вѣнцевъ, которыхъ и да сподобимся всѣ мы, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XXXII.

263 Вы же есте тѣло Христово, и уди отъ части (xii, 27).

1. Чтобы кто-нибудь не сказалъ: какое имѣетъ отношеніе къ намъ примѣръ тѣла? вѣдь оно устроено такъ по природѣ, а наши совершенства зависятъ отъ воли,—(апостолъ) прилагаетъ этотъ

примѣръ къ нашимъ обстоятельствамъ и показываетъ, что мы по волѣ должны имѣть такое же согласіе, какое тѣ (члены тѣла имѣютъ) по природѣ: *вы же есте*, говоритъ, *тѣло Христово*. Если въ нашемъ тѣлѣ не должно быть несогласія, то гораздо болѣе въ тѣлѣ Христовомъ, и тѣмъ болѣе, чѣмъ благодать сильнѣе природы. *И уди отъ части*. Мы, говоритъ, не только тѣло, но и члены. О томъ и о другомъ онъ бесѣдовалъ выше, совокупивъ многихъ во едино и показавъ, что всѣ составляютъ нѣчто единое, по подобію тѣла, и что это единое слагается изъ многаго и находится во многомъ, а многое въ немъ содержится и полу- 264
чаетъ возможность быть многимъ. Что значитъ: *отъ части?* Сколько это касается васъ, и сколько отъ васъ зависитъ составлять часть. Онъ сказалъ: *тѣло*; а такъ какъ все тѣло составляла не коринѳская церковь, но вселенская, то и присовокупилъ: *отъ части*; т. е. ваша церковь есть часть Церкви вселенской, тѣла составляемаго всѣми церквами, такъ что вы обязаны быть въ мирѣ не только другъ съ другомъ, но и со всею вселенскою Церковію, если вы въ самомъ дѣлѣ члены цѣлаго тѣла. *И овыхъ убо положи Богъ въ церкви первѣе апостоловъ, второе пророковъ, третіе учителей, потомъ же силы, таже дарованія исцѣленій, заступленія, правленія, роди языковъ* (ст. 28). Онъ и теперь дѣлаетъ тоже, о чемъ я ска- 265
залъ прежде; коринѳяне превозносились даромъ языковъ, потому онъ вездѣ поставляетъ его на послѣднемъ мѣстѣ. Не напрасно онъ говоритъ здѣсь: *первѣе, второе*, но поставляетъ превосходнѣйшій даръ выше, а потомъ указываетъ на низшій. Потому сначала онъ именуетъ апостоловъ, которые имѣли въ себѣ всѣ дары. Не сказалъ просто: иныхъ Богъ поставилъ въ Церкви апостолами, или пророками, но присовокупилъ: *первѣе, второе, третіе*, выражая именно то, что я сказалъ. *Второе пророковъ*. Тогда пророчествовали напр. дочери Филиппа, Агавъ и тѣ изъ самихъ коринѳянъ, о которыхъ онъ говоритъ: *пророцы же два или тріе да глаголютъ* (1 Кор. xiv, 29), и въ посланіи къ Тимоѳею: *не неради о своемъ дарованіи, еже дано тебѣ бысть пророчествомъ* (1 Тим. iv, 14).

Вообще тогда было гораздо больше пророковъ, нежели въ ветхомъ завѣтѣ, потому что этотъ даръ былъ ниспосылаемъ не на десять, двадцать, пятьдесятъ или сто (человѣкъ), но обильно изливалась эта благодать, и каждая церковь имѣла много пророковъ. Если же Христосъ говоритъ: *законъ и пророцы до Іоанна* (Мѳ. xi, 13), то говоритъ о тѣхъ пророкахъ, которые предвозвѣщали Его пришествіе. *Третіе учителей*. Пророчествующій говоритъ все отъ Духа, а учащій говоритъ иногда и отъ собственнаго разума. Почему (апостолъ) и говоритъ: *прилежащіи добрѣ*

пресвитеры сугубыя чести да сподобляются, паче же труждающіися въ словѣ и ученіи (1 Тим. v, 17). Кто говоритъ все отъ Духа, тотъ *не труждается*; потому (апостолъ) и поставилъ учителя послѣ пророка, такъ какъ дѣло послѣдняго всецѣло есть даръ, а перваго и трудъ человѣческій; онъ (учитель) говоритъ многое и отъ себя, хотя конечно согласно съ божественными Писаніями. *Потомъ же силы, таже дарованія исцѣленій*. Видишь ли, какъ онъ опять отдѣляетъ даръ исцѣленій отъ силы, подобно какъ сдѣлалъ и прежде? Это потому, что сила больше исцѣленія. Имѣющій силу и поражаетъ и исцѣляетъ; а имѣющій даръ исцѣленій только исцѣляетъ. И смотри, какой точный порядокъ наблюдаетъ (апостолъ), поставляя пророчество прежде силъ и исцѣленій. Выше, когда говорилъ: *овому Духомъ дается слово премудрости, иному же слово разума*, онъ поставлялъ (дары) не по порядку, но говорилъ безразлично; а здѣсь ставитъ (одно) выше и (другое) ниже. Почему же пророчество онъ поставляетъ выше? Потому, что и въ ветхомъ завѣтѣ оно занимало такое же мѣсто. Такъ, когда Исаія бесѣдовалъ съ іудеями, представлялъ доказательства силы Божіей и обличалъ ничтожность демоновъ, то на предсказаніе будущаго указывалъ, какъ на самое большое свидѣтельство божественности. И Христосъ, сотворившій столько чудесъ, поставляетъ тоже немаловажнымъ признакомъ своей божественности и часто заключаетъ свою рѣчь такъ: *сіе сказахъ вамъ, да егда будетъ, вѣру имете, яко азъ есмь* (Іоан. xiii, 19). Но положимъ, что по отношенію къ пророчеству даръ исцѣленій справедливо занимаетъ второе мѣсто; а почему тоже и по отношенію къ ученію? Потому, что не одинаковое дѣло—проповѣдывать ученіе и насаждать благочестіе въ душахъ слушателей, или совершать чудеса; и самыя чудеса совершаются для наученія.

2. Потому, кто учитъ и словомъ и жизнію, тотъ выше всѣхъ. (Павелъ) разумѣетъ именно тѣхъ учителей, которые и дѣлами учатъ и словомъ назидаютъ. Это и апостоловъ сдѣлало апостолами. Тѣ (дары пророчества и чудотвореній) сначала получили нѣкоторые и не совсѣмъ достойные, какъ напр. тѣ, которые го-
266 ворили: *Господи, не въ твое ли имя пророчествовахомъ и силы многи сотворихомъ?* а потомъ услышали: *николиже знахъ васъ, отъидите отъ мене дѣлающіи беззаконіе* (Мѳ. vii, 23). Но слово ученія, и именно двойственнаго—дѣлами и словами, никогда не можетъ получить человѣкъ порочный. А что пророковъ онъ поставляетъ прежде, не удивляйся; онъ разумѣетъ не просто пророковъ, но такихъ, которые посредствомъ пророчества и учатъ и говорятъ все къ общему назиданію, что далѣе онъ излагаетъ яснѣе. *Заступленія, правленія*. Что такое *заступленія?* То, чтобы

помогать слабымъ. Неужели, скажи мнѣ, и это даръ? Безъ сомнѣнія, это даръ Божій—помогать и распоряжаться духовными предметами. Впрочемъ апостолъ и многія изъ нашихъ добродѣтелей называетъ дарами, не съ тѣмъ, чтобы мы предавались беззпечности, но чтобы показать, что мы всегда имѣемъ нужду въ помощи Божіей, и чтобы расположить къ благодарности, сдѣлать болѣе ревностными и возбудить ихъ помыслы. *Роди языковъ*. Видишь ли, гдѣ онъ поставилъ этотъ даръ, и какъ онъ вездѣ отводитъ ему послѣднее мѣсто? Далѣе, такъ какъ перечисленіемъ (даровъ) онъ опять показалъ великое различіе и возбудилъ болѣзнь тѣхъ, которые получили меньшіе дары, то наконецъ, послѣ того какъ представилъ множество доказательствъ на то, что они не слишкомъ унижены, обращается къ нимъ съ весьма сильнымъ обличеніемъ. Услышавъ выше сказанныя слова, они могли сказать: почему же не всѣ мы сдѣланы апостолами? Прежде онъ предлагалъ имъ утѣшеніе и многими доводами доказалъ, что это сдѣлано по необходимости, и во-первыхъ—примѣромъ тѣла: *тѣло*, говоритъ, *нѣсть единъ удъ*, и еще: *аще ли быша вси единъ удъ, гдѣ тѣло?* во-вторыхъ—тѣмъ, что все дается на пользу: *коемуждо*, говоритъ, *явленіе Духа дается на пользу*; въ третьихъ—тѣмъ, что всѣ получаютъ отъ одного и того же Духа и что получаемое есть даръ, а не долгъ: *раздѣленія*, говоритъ, *дарованій суть, а тойжде Духъ*; въ-четвертыхъ—тѣмъ, что Духъ открывается равно во всемъ: *коемуждо*, говоритъ, *явленіе дается Духомъ*; въ-пятыхъ—тѣмъ, что все это устрояется по волѣ Духа и Бога: *вся сія*, говоритъ, *дѣйствуетъ единъ и тойжде Духъ, раздѣляя особо коемуждо, якоже хощетъ*; и: *положи Богъ уды единаго коегождо ихъ въ тѣлеси, якоже изволи*; въ-шестыхъ—тѣмъ, что и низшіе члены необходимы: *мнящіися*, говоритъ, *немощнѣйши быти, нужнѣйши суть*; далѣе—тѣмъ, что и низшіе члены необходимы одинаково съ высшими, такъ какъ одинаково съ ними составляютъ тѣло: *тѣло*, говоритъ, *нѣсть единъ удъ, но мнози*; далѣе—тѣмъ, что и высшіе члены имѣютъ нужду въ низшихъ: *не можетъ*, говоритъ, *рещи глава ногамъ. не требѣ ми есте*; потомъ—тѣмъ, что низшіе члены пользуются большею честію: *худѣйшему*, говоритъ, *большу давъ честь*; еще—тѣмъ, что они имѣютъ общее и одинаковое попеченіе другъ о другѣ: *тожде*, говоритъ, *въ себѣ пекутся вси уди*; наконецъ—тѣмъ, что всѣ они вмѣстѣ и прославляются и страдаютъ: *аще страждетъ*, говоритъ, *единъ удъ, съ нимъ страждутъ вси уди:* 267
аще ли же славится единъ удъ, съ нимъ радуются вси уди. Такими доказательствами (апостолъ) прежде утѣшалъ (коринѳянъ); а теперь употребляетъ слово сильное и обличительное. Не должно, какъ я сказалъ прежде, ни постоянно утѣшать, ни постоянно за-

граждать уста. Потому и онъ, утѣшивъ многими доводами, наконецъ сильно укоряетъ и говоритъ: *еда вси апостоли? еда вси пророцы? еда вси даровавія имутъ исцѣленій* (ст. 29)? Не останавливается на одномъ или другомъ дарѣ, но исчисляетъ всѣ до послѣдняго, выражая или то, что всѣмъ нельзя имѣть всего, какъ и прежде онъ говорилъ: *аще ли быша вси единъ удъ, гдѣ тѣло?* или вмѣстѣ съ тѣмъ присовокупляя къ слову утѣшенія еще нѣчто другое. Что же такое? То, что и меньшіе (дары), подобно большимъ, равно должны составлять предметъ стараній, потому что и они даны не всѣмъ вообще. Для чего, говоритъ, ты скорбишь о томъ, что не имѣешь дара исцѣленій? Помысли, что имѣющій большее часто не имѣетъ того, что ты имѣешь, хотя бы это было меньшее. Потому и говоритъ: *еда вси языки глаголютъ? еда вси сказуютъ* (ст. 30)? Какъ не всѣмъ Богъ даровалъ всѣ великіе (дары), но одному такой, а другому иной, такъ Онъ поступилъ и съ меньшими, даровавъ не всѣмъ всѣ. А сдѣлалъ Онъ это для того, чтобы внушить великое согласіе и любовь, чтобы каждый, имѣя нужду въ ближнемъ, тѣснѣе соединялся съ братомъ. Тоже Онъ сдѣлалъ и въ художествахъ, и въ стихіяхъ, и въ растеніяхъ, и въ нашихъ членахъ, и во всемъ вообще.

3. Далѣе (апостолъ) предлагаетъ самое главное утѣшеніе, которое могло ободрить ихъ и успокоить скорбящую душу. Какое же? *Ревнуйте же*, говоритъ, *дарованій большихъ, и еще по превосхожденію путь вамъ показую* (ст. 31). Этими словами онъ нѣкоторымъ образомъ намекаетъ на то, что (коринѳяне) сами виновны, если получаютъ меньшіе дары, и что они, если захотятъ, могутъ получить большіе. Выраженіемъ: *ревнуйте* онъ требуетъ отъ нихъ усердія и желанія даровъ духовныхъ. Не сказалъ: высшихъ, но: *большихъ*, т. е. нужнѣйшихъ, полезнѣйшихъ. Смыслъ словъ его слѣдующій: вы не переставайте желать даровъ, а я покажу вамъ путь къ полученію даровъ. Не сказалъ: дарованіе, но: *путь*, чтобы болѣе возвысить то, о чемъ намѣревался говорить; не одинъ, не два, не три дара, говоритъ, я покажу вамъ, но одинъ путь, ведущій ко всѣмъ имъ, и не просто *путь*, но *по превосхожденію* и открытый для всѣхъ вообще. Это не то, что прочіе дары, изъ которыхъ одни даются тѣмъ, другіе другимъ, а не всѣ всѣмъ, но— даръ всеобщій. Потому призываетъ къ нему всѣхъ: *ревнуйте*, говоритъ, *дарованій большихъ, и еще по превосхожденію путь вамъ показую*,—разумѣя любовь къ ближнему. Далѣе, намѣреваясь говорить о ней и воздать похвалу этой добродѣтели, онъ напередъ сравниваетъ ее съ другими дарами и поставляетъ ихъ ниже, доказывая, что они безъ нея ничто; и это весьма благоразумно. Если бы онъ вдругъ сталъ говорить о любви, и послѣ словъ: *путь вамъ*

показую, сказалъ: это любовь, а не употребилъ бы сравненія, то иные стали бы смѣяться, не представляя себѣ ясно важности предмета и еще продолжая увлекаться (дарами). Потому онъ не вдругъ указываетъ на любовь, а напередъ возбуждаетъ въ слушателѣ вниманіе обѣщаніемъ: *по превосхожденію путь вамъ пока-* 268
зую, и когда возбудилъ въ немъ желаніе, то и тогда не тотчасъ начинаетъ говорить о ней, но, желая еще болѣе усилить и возвысить это желаніе, говоритъ сперва о самыхъ (дарахъ) и показываетъ, что они безъ любви ничто, и такимъ образомъ ставитъ ихъ въ совершенную необходимость любить другъ друга, такъ какъ пренебреженіе къ ней бываетъ причиною всѣхъ золъ. Любовь по справедливости должна представляться важною уже и потому, что дары не только не соединяли ихъ, но и раздѣляли соединенныхъ, а она, напротивъ, сама собою можетъ соединить раздѣленныхъ и сдѣлать ихъ однимъ тѣломъ. Впрочемъ, онъ не вдругъ говоритъ это, а указываетъ на то, чего они особенно желали, то есть, что любовь есть также даръ и превосходнѣйшій путь къ полученію всѣхъ даровъ. Потому, если ты не хочешь любить брата по долгу, то питай любовь по крайней мѣрѣ для того, чтобы тебѣ получить большой даръ чудесъ и обильнѣйшую благодать. И смотри, съ чего начинаетъ (апостолъ): прежде всего съ того, что они почитали удивительнымъ и великимъ, то есть съ дара языковъ, и, говоря объ этомъ дарѣ, представляетъ его не такимъ, какой они имѣли, но гораздо большимъ. Не сказалъ: *аще языки глаголю*, но: *аще языки человѣческими глаголю* (XIII, 1). Что значитъ—*человѣческими?* Языками всѣхъ народовъ вселенной. Не довольствуясь и этимъ увеличеніемъ, прибавляетъ еще другое, гораздо большее, и говоритъ: *и ангельскими, любве же не имамъ, быхъ мѣдь звѣнящи, или кимвалъ звяцаяй*. Видишь ли, какъ онъ возвысилъ этотъ даръ и какъ послѣ низвелъ и ниспровергъ его? Не просто сказалъ: тогда я ничто, но: *быхъ мѣдь звѣнящи*, нѣчто безчувственное и бездушное. Какъ—*мѣдь звѣнящи?* Издавая звукъ, но напрасно, попусту и безъ всякой нужды. Далѣе, кромѣ того, что не приношу никакой пользы, для многихъ кажусь безпокойнымъ, тягостнымъ и несноснымъ. Видишь ли, какъ не имѣющій любви уподобляется вещамъ бездушнымъ и безчувственнымъ? Говоря о языкѣ ангельскомъ, (апостолъ) не приписывалъ ангеламъ тѣла, но выражаетъ слѣдующее: хотя я буду говорить такъ, какъ обыкновенно бесѣдуютъ ангелы между собою, безъ нея (любви) я ничто и даже тягостенъ и несносенъ. Подобнымъ образомъ и въ другомъ мѣстѣ, когда говоритъ: *поклонится ему всяко колѣно небесныхъ, и земныхъ, и преисподнихъ* (Фил. II, 10), онъ не приписываетъ ангеламъ колѣнъ и костей,—да не будетъ,—но подобіемъ

нашего поклоненія желаетъ выразить усердное поклоненіе ангеловъ. Такъ и здѣсь говоритъ о языкѣ, означая не органъ тѣлесный, а извѣстнымъ нашимъ способомъ собесѣдованія выражая взаимное собесѣдованіе ихъ между собою. Далѣе, чтобы слова его скорѣе были приняты, онъ не останавливается на дарѣ языковъ, но указываетъ и на прочіе дары, и, показавъ ничтожность ихъ безъ любви, потомъ уже начертываетъ ея изображеніе. А такъ какъ онъ хотѣлъ постепенно усиливать рѣчь, то восходитъ отъ меньшаго къ большему; то, что поставилъ послѣднимъ при исчисленіи даровъ, то есть даръ языковъ, теперь поставляетъ на первомъ мѣстѣ, восходя, какъ я сказалъ, мало-по-малу отъ меньшаго къ большему. Сказавъ о языкахъ, онъ тотчасъ переходитъ къ пророчеству и говоритъ: *и аще имамъ пророчество* (ст. 2). И это также (представляетъ) въ превосходной степени. Какъ тамъ указалъ не на языки только, но на языки всѣхъ людей и даже анге-
269 ловъ, и потомъ уже сказалъ, что этотъ даръ безъ любви ничто, такъ и здѣсь говоритъ не о пророчествѣ только, но о пророчествѣ самой высшей степени. Сказавъ: *аще имамъ пророчество*, присовокупляетъ: *и вѣмъ тайны вся и весь разумъ*, представляя и этотъ даръ въ превосходной степени.

4. Потомъ (апостолъ) переходитъ и къ прочимъ дарамъ, и чтобы, исчисляя ихъ порознь, не показаться тягостнымъ, указываетъ на мать и источникъ всѣхъ ихъ, и опять въ превосходной степени: *и аще*, говоритъ, *имамъ всю вѣру*. Не довольствуясь этимъ, присовокупляетъ и то, что Христосъ призналъ самымъ великимъ: *яко и горы преставляти, любве же не имамъ, ничтоже есмь*. Смотри, какъ онъ и здѣсь опять уничижаетъ даръ языковъ. Отъ пророчества показываетъ великую пользу, именно — знаніе таинъ и всякое разумѣніе, равно и отъ вѣры немаловажное дѣло, именно — переставленіе горъ; а о дарѣ языковъ только упомянулъ и болѣе ничего. Замѣть еще, какъ онъ въ краткихъ словахъ обнимаетъ всѣ дары, т. е. въ пророчествѣ и вѣрѣ; это потому, что чудеса заключаются или въ словахъ или въ дѣлахъ. Но какъ же Христосъ говоритъ, что переставленіе горъ есть самое малое дѣло вѣры, — именно упоминаетъ объ этомъ, какъ о чемъ-то самомъ маломъ, когда выражается такъ: *аще имате вѣру, яко зерно горушно, речете горѣ сей: прейди, и прейдетъ* (Мѳ. XVII, 20), а Павелъ поставляетъ въ этомъ всю вѣру? Что сказать на это? Переставить гору дѣйствительно великое дѣло; вслѣдствіе того и упоминаетъ объ этомъ; но не потому, чтобы вся вѣра могла производить только это, а потому, что людямъ грубымъ это казалось великимъ по тяжести горъ. Такимъ образомъ онъ возвышаетъ предметъ, и смыслъ словъ его слѣдующій: если я имѣю всю вѣру, если даже

могу переставлять горы, а любви не имѣю, то я ничто. *И аще раздамъ вся имѣнія моя, и аще предамъ тѣло мое, во еже сжещи е, любве же не имамъ, никая польза ми есть* (ст. 3). Какая усиленная рѣчь! И здѣсь онъ представляетъ все въ превосходной степени. Не сказалъ: если я отдамъ бѣднымъ половину имѣнія, или двѣ или три части, но: *аще вся имѣнія моя.* Не сказалъ: отдамъ, но: *раздамъ*, выражая кромѣ употребленія имущества самую усердную услужливость. *И аще предамъ тѣло мое, во еже сжещи е.* Не сказалъ: если я умру, но опять выражается усиленно: представляетъ самую жестокую смерть, т. е. сгорѣть живому, и говоритъ, что и такая смерть безъ любви не важное дѣло: *никая польза ми есть.* Но вся сила его словъ откроется, когда я приведу свидѣтельства Христовы о милостынѣ и смерти. Какія же свидѣтельства? Богатому Христосъ сказалъ: *аще хощеши совершенъ быти, продаждь имѣніе твое, и даждь нищымъ, и гряди въ слѣдъ мене* (Мѳ. XIX, 21); также, бесѣдуя о любви къ ближнему, сказалъ: *больши сея любве никтоже имать, да кто душу свою положитъ за други своя* (Іоан. XV, 13). Отсюда видно, что и у Бога это — всего больше. Но я утверждаю, говоритъ Павелъ, что если даже мы положимъ (душу свою) за Бога, и не просто положимъ, но и будемъ сожжены, — это и означаютъ слова: *аще предамъ тѣло мое, во еже сжещи е,* — то и тогда не будетъ намъ большой пользы, если мы не любимъ ближняго.

Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что дары безъ любви 270
не приносятъ большой пользы; они даже ниже доброй жизни, и многіе, обладавшіе дарами, были наказаны, какъ нечестивые, какъ напр. именемъ Христовымъ пророчествовавшіе, изгонявшіе многихъ бѣсовъ и совершавшіе многія чудеса, подобно Іудѣ предателю; а другіе, вѣровавшіе и проводившіе непорочную жизнь, ни въ чемъ другомъ не имѣли нужды для пріобрѣтенія спасенія. Итакъ, нисколько не удивительно, что дары, какъ я сказалъ, имѣютъ нужду въ любви; но чтобы самая исправная жизнь ничего не значила безъ нея, это можетъ показаться преувеличеніемъ и ввести въ недоумѣніе, особенно когда Христосъ приписываетъ этимъ двумъ добродѣтелямъ великое достоинство, т. е. нестяжательности и мученическимъ подвигамъ. Богатому, какъ я замѣтилъ выше, Онъ сказалъ: *аще хощеши совершенъ быти, продаждь имѣніе твое, и даждь нищымъ, и гряди въ слѣдъ мене;* и, бесѣдуя съ учениками о мученичествѣ, сказалъ: *иже аще погубитъ душу свою мене ради, обрящетъ ю* (Мѳ. XVI, 25); и еще: *иже исповѣсть мя предъ человѣки, исповѣмъ его и азъ предъ Отцемъ моимъ, иже на небесѣхъ* (Мѳ. X, 32). Подлинно, многотруденъ этотъ подвигъ и почти превышаетъ самую природу; это хорошо знаютъ тѣ, которые

удостоились этихъ вѣнцовъ; никакое слово не сможемъ изобразить его; это—дѣло, свойственное высокой душѣ и чрезвычайно удивительное.

5. Однако и это чудное дѣло, по словамъ Павла, не доставляетъ пользы безъ любви, хотя бы притомъ соединено было съ нестяжательностію. Почему такъ? Я постараюсь объяснить это, показавъ напередъ, какимъ образомъ раздающій все имущество можетъ не имѣть любви. Кто готовъ предать себя на сожженіе и имѣетъ духовные дары, тотъ еще можетъ не имѣть любви; а кто не только подаетъ, но и раздаетъ свое имущество, тотъ можетъ ли не любить? Что сказать на это? Или то, что (Павелъ) предполагаетъ невозможное возможнымъ, какъ онъ обыкновенно дѣлаетъ, когда хочетъ сказать что-нибудь чрезвычайное,—напр. въ посланіи къ Галатамъ говоритъ: *аще мы, или ангелъ съ небесе благовѣститъ вамъ паче, еже пріясте, анаѳема да будетъ* (Гал. I, 8). Ни онъ самъ, ни ангелъ, конечно, не могли сдѣлать этого, но, чтобы изобразить предметъ самымъ усиленнымъ образомъ, онъ предполагаетъ то, чего никогда не будетъ. Также въ посланіи къ Римлянамъ говоритъ: *ни ангели, ни начала, ниже силы, не возмогутъ насъ разлучити отъ любве Божія* (Рим. VIII, 39). Этого также не станутъ дѣлать ангелы; но и здѣсь онъ предполагаетъ невозможное. И далѣе говоритъ: *ни ина тварь кая*, хотя уже не оставалось другой, такъ какъ онъ исчислилъ всю—и горнюю и дольнюю; но онъ предполагаетъ то, чего нѣтъ, чтобы самымъ усиленнымъ образомъ выразить свою любовь. Тоже самое онъ дѣлаетъ и здѣсь, когда говоритъ: кто отдастъ все, но не имѣетъ любви, тотъ не получитъ никакой пользы. Итакъ, или это надобно сказать, или то, что онъ внушаетъ подающимъ милостыню вступать въ тѣсный союзъ съ пріемлющими, подавать не просто и безъ участія, но съ состраданіемъ, милосердіемъ, сокрушеніемъ и соболѣзнованіемъ къ нуждающимся. Для того именно Богъ и заповѣдалъ (подавать)
271 милостыню; Богъ могъ питать нищихъ и безъ этого; но, чтобы соединить насъ любовію и внушить намъ пламенную привязанность другъ къ другу, Онъ повелѣлъ намъ питать ихъ. Потому и сказано въ одномъ мѣстѣ: *лучше слово благо, нежели даяніе* (Сир. XVIII, 16); и еще: *се слово благо паче даянія* (Сир. XVIII, 17); и самъ (Богъ) говоритъ: *милости хощу, а не жертвы* (Мѳ. IX, 13). Люди обыкновенно питаютъ любовь къ тѣмъ, кому они благодѣтельствуютъ, и облагодѣтельствованные бываютъ искренно расположены къ благодѣтелямъ; потому (Богъ) и далъ такую заповѣдь, чтобы устроить между ними союзъ любви. Но вотъ вопросъ: если Христосъ назвалъ то и другое совершенствомъ, то какъ (апостолъ) говоритъ, что безъ любви это—не совершенно? Онъ не противо-

рѣчитъ Христу,—да не будетъ,—а напротивъ говоритъ совершенно согласно съ Нимъ. И (Христосъ) не просто сказалъ богатому: *продаждь имѣніе твое и даждь нищымъ*, но прибавилъ: *и гряди въ слѣдъ мене*. А слѣдованіе за Нимъ ничѣмъ такъ ясно не обнаруживается въ ученикахъ Христовыхъ, какъ взаимною любовію: *о семъ*, говоритъ Онъ, *разумѣютъ вси, яко мои ученицы есте, аще любовь имате между собою* (Іоан. XIII, 35). Равнымъ образомъ слова Его: *иже аще погубитъ душу свою мене ради, обрящетъ ю*; и еще: *иже исповѣсть мя предъ человѣки, исповѣмъ его и азъ предъ Отцемъ моимъ, иже на небесѣхъ*,—означаютъ не то, будто это не пріобрѣтается любовію, но указываютъ на награду, уготованную за такіе подвиги. А что дѣйствительно, кромѣ мученичества, (Христосъ) требовалъ и этого, весьма ясно видно изъ слѣдующихъ Его словъ: *чашу мою испіета, и крещеніемъ, имже азъ крещаюся, имате креститися*, т. е. примете мученичество и будете убиты за Меня; *а еже сѣсти одесную и ошуюю*, не въ томъ смыслѣ, будто кто-нибудь сидитъ одесную и ошуюю Его, но въ смыслѣ высочайшей чести и славы, *нѣсть мое дати, но имже уготовася* (Мѳ. XX, 23). Потомъ, объясняя, кому это уготовано, Онъ говоритъ (ученикамъ): *иже аще хощетъ въ васъ быти первый, да будетъ всѣмъ вамъ слуга*, научая смиренномудрію и любви; притомъ требуетъ любви самой сильной, почему, не останавливаясь на этомъ, присовокупляетъ: *якоже Сынъ человѣческій не пріиде, да послужатъ ему, но послужити и дати душу свою избавленіе за многихъ* (Мѳ. XX, 26—28), выражая, что надобно любить такъ, чтобы даже умирать за любимыхъ. Въ этомъ особенно и состоитъ любовь къ Нему. Потому и Петру Онъ говоритъ: *аще любиши мя, паси овцы моя* (Іоан. XXI, 16). А чтобы вы убѣдились, какъ велика (эта) добродѣтель, изобразимъ ее словомъ, потому что на дѣлѣ нигдѣ не видимъ ея,—и мы поймемъ, сколько было бы добра, если бы она вездѣ была въ избыткѣ. Тогда не было бы нужды ни въ законахъ, ни въ судилищахъ, ни въ истязаніяхъ, ни въ казняхъ и ни въ чемъ подобномъ. Если бы всѣ любили и были любимы, то никто никого не обижалъ бы, не было бы убійствъ, ни ссоръ, ни браней, ни возмущеній, ни грабительствъ, ни любостяжанія, никакого зла, и самое имя порока было бы неизвѣстно. Между тѣмъ чудеса не могутъ произвести этого, но еще возбуждаютъ въ невнимательныхъ тщеславіе и гордость.

6. Въ любви вотъ что удивительно: къ другимъ добродѣтелямъ примѣшивается зло, напр. нестяжательный часто тѣмъ самымъ надмевается; краснорѣчивый впадаетъ въ болѣзнь честолюбія; смиренномудрый часто тѣмъ самымъ превозносится въ своей совѣсти; а любовь свободна отъ всякой подобной заразы, 272

никто никогда не станетъ превозноситься предъ любимымъ. Представь человѣка не такого, который любилъ бы одного, но—всѣхъ равно, и тогда увидишь достоинство любви; или, лучше, если хочешь, представь напередъ одного любимаго и одного любящаго, любящаго такъ, какъ должно любить. Онъ живетъ какъ бы на небѣ, наслаждаясь всегда спокойствіемъ и сплетая себѣ тысячи вѣнцовъ. Такой (человѣкъ) сохраняетъ душу свою чистою отъ ненависти и гнѣва, отъ зависти и гордости, отъ тщеславія и порочнаго пожеланія, отъ всякой постыдной любви и всякаго порока. Какъ никто не станетъ дѣлать зла себѣ самому, такъ и онъ—ближнему. Такой (человѣкъ), еще находясь на землѣ, будетъ стоять наравнѣ съ (архангеломъ) Гавріиломъ. Таковъ тотъ, кто имѣетъ любовь! А кто творитъ чудеса и обладаетъ совершеннымъ знаніемъ, но не имѣетъ ея (любви), тотъ, хотя бы воскресилъ тысячи мертвыхъ, не получитъ большой пользы, будучи самъ далекъ отъ всѣхъ и чуждъ союза съ подобными себѣ рабами. Потому и Христосъ знакомъ искренней любви къ Нему поставилъ любовь къ ближнему. *Аще любиши мя*, Петръ, говорилъ Онъ, *паче сихъ, паси овцы моя* (Іоан. XXI, 15, 16). Видишь ли, какъ Онъ и здѣсь опять выразилъ, что это выше мученичества? Если бы кто имѣлъ любимаго сына, за котораго готовъ былъ бы отдать душу, и если бы кто-нибудь, любя отца, на сына совершенно не обращалъ вниманія, то этимъ онъ сильно огорчилъ бы отца, который не сталъ бы и смотрѣть на любовь къ себѣ за презрѣніе къ сыну. Если же такъ бываетъ по отношенію къ отцу и сыну, то тѣмъ болѣе по отношенію къ Богу и людямъ, потому что Богъ любвеобильнѣе всѣхъ отцовъ. Потому Онъ, сказавъ: *первая и большая заповѣдь: возлюбиши Господа Бога твоего*, продолжалъ: *вторая же*, и не остановился на этомъ, но присовокупилъ: *подобна ей: возлюбиши искренняго твоего, яко самъ себе* (Мѳ. XXII, 37—39). И замѣть, какъ Онъ требуетъ и послѣдней (любви) почти въ столь же высокой степени (какъ первой). О Богѣ сказалъ: *всѣмъ сердцемъ твоимъ;* а о ближнемъ: *яко самъ себе*, что равносильно выраженію: *всѣмъ сердцемъ твоимъ*. Подлинно, если бы это было исполняемо съ точностію, то не было бы ни раба, ни свободнаго, ни начальника, ни подчиненнаго, ни богатаго, ни бѣднаго, ни малаго, ни великаго, и самъ діаволъ не былъ бы извѣстенъ, и не только одинъ, но и другой, и хотя бы было ихъ сто и даже тысячи, они не могли бы сдѣлать ничего, если бы была любовь. Скорѣе трава можетъ перенесть силу огня, нежели діаволъ — пламень любви. Она крѣпче стѣны, она тверже адаманта, и, еслибы ты указалъ на другое еще болѣе крѣпкое вещество, твердость любви превзойдетъ все. Ея не побѣждаетъ ни богатство, ни бѣдность, или

лучше, не было бы ни бѣдности, ни излишняго богатства, если бы была любовь, а было бы только добро, проистекающее изъ того и другого. Отъ богатства мы имѣли бы довольство, отъ бѣдности беззаботность, не терпѣли бы ни безпокойствъ неразлучныхъ съ богатствомъ, ни опасеній отъ бѣдности. Но что я говорю о пользѣ отъ любви? Представь, какъ прекрасна любовь сама по себѣ, сколько она приноситъ радостей, сколько доставляетъ душѣ удовольствій; это по преимуществу ей свойственно. Другія дѣла добродѣтели, напр. постъ, цѣломудріе, бдительность, сопряжены съ трудомъ, сопровождаются недовольствомъ, порочнымъ пожеланіемъ, высокомѣріемъ; любовь же, кромѣ пользы, доставляетъ еще великое удовольствіе, а труда никакого, и, какъ добрая пчела, собирая добро отвсюду, слагаетъ его въ душѣ любящаго. Рабъ ли кто, она дѣлаетъ рабство пріятнѣе свободы, потому что кто любитъ, тотъ не столько радуется тогда, когда повелѣваетъ, сколько тогда, когда повинуется, хотя повелѣвать и пріятно. Лю- 273
бовь измѣняетъ самое существо вещей и неразлучно приноситъ съ собою всѣ блага; она нѣжнѣе всякой матери, щедрѣе всякой царицы; трудное она дѣлаетъ легкимъ и удобнымъ, добродѣтель представляетъ привлекательною, а порокъ отвратительнымъ. Посмотри: раздавать свое повидимому прискорбно, но любовь дѣлаетъ это пріятнымъ; брать чужое повидимому пріятно, но любовь не позволяетъ считать это пріятнымъ, а заставляетъ убѣгать, какъ преступнаго; худо говорить о другихъ для всѣхъ кажется пріятнымъ, но любовь представляетъ это низкимъ, а хорошо говорить— пріятнымъ; ничто такъ не пріятно намъ, какъ хвалить того, кого мы любимъ. Еще: гнѣвъ имѣетъ въ себѣ нѣкоторую пріятность, но при любви его не можетъ быть; она совершенно уничтожаетъ его; если любимый и оскорбитъ любящаго, то гнѣва не будетъ, а будутъ слезы, увѣщанія, просьбы: такъ далека (любовь) отъ раздраженія! Когда она видитъ согрѣшающаго, то плачетъ и скорбитъ, — и эта скорбь приноситъ ей удовольствіе. Слезы и скорбь любви пріятнѣе всякаго смѣха и всякой радости; не столько чувствуютъ наслажденія смѣющіеся, сколько плачущіе о любимыхъ. Если не вѣришь, то удержи ихъ слезы, и они огорчатся, какъ потерпѣвшіе что-нибудь крайне непріятное. Но, скажешь, въ любви есть нечистое удовольствіе. Нѣтъ, человѣкъ, оставь злорѣчіе; ничто не исполнено такого чистаго удовольствія, какъ истинная любовь.

7. Не говори мнѣ о любви вульгарной и низкой, которая скорѣе болѣзнь, нежели любовь, но разумѣй любовь, которой требуетъ Павелъ, которая имѣетъ цѣлію пользу любимыхъ, и ты увидишь, что такіе люди нѣжнѣе въ любви самихъ отцовъ. Какъ

пристрастные къ деньгамъ не рѣшаются издерживать ихъ, но согласны лучше оставаться въ затруднительномъ положеніи, нежели видѣть ихъ уменьшеніе, такъ и тотъ, кто питаетъ къ другому любовь, согласится лучше потерпѣть тысячи бѣдствій, нежели видѣть, чтобы любимый имъ потерпѣлъ вредъ. Какъ же, скажешь, египтянка, любя Іосифа, рѣшилась причинить ему вредъ? Она любила его любовію діавольскою. Напротивъ, Іосифъ имѣлъ не такую любовь, а какой требуетъ Павелъ. Вспомни, какой любви исполнены были его слова, и какія предложенія дѣлала она: осрами меня, говорила она, сдѣлай блудницею, оскорби мужа, разстрой весь домъ, лиши и себя дерзновенія предъ Богомъ. Такія слова показываютъ, что она не любила не только его, но и самой себя. Напротивъ, Іосифъ любилъ истинно, и потому отвергнулъ все это. Но чтобы тебѣ убѣдиться, что онъ заботился объ ея благѣ, вникни въ отвѣтъ его. Онъ не только отвергнулъ ея предложеніе, но и произнесъ увѣщаніе, которое могло погасить всякій пламень: *аще господинъ мой*, говорилъ онъ, *не вѣсть мене ради ничтоже въ дому своемъ* (Быт. XXXIX, 8); тотчасъ же напомнилъ ей о мужѣ, чтобы пристыдить ее; не сказалъ: мужъ твой, но: *господинъ мой*, что болѣе могло удержать ее и заставить подумать о томъ, кто она и къ кому питаетъ страсть, — госпожа къ рабу. Если онъ—господинъ, то ты — госпожа; стыдись же вступать въ связь съ рабомъ, и подумай, чья ты жена, съ кѣмъ хочешь со-
274 вокупиться, къ кому дѣлаешься неблагодарною и вѣроломною; а я оказываю ему большее расположеніе. Смотри, какъ онъ превозноситъ его благодѣянія. Она, женщина грубая и безстыдная, не могла мыслить ни о чемъ высокомъ; потому онъ пристыжаетъ ее мыслями общечеловѣческими и говоритъ: *не вѣсть мене ради ничтоже*, то есть оказываетъ мнѣ великія благодѣянія, а потому я не могу оскорбить своего благодѣтеля столь чувствительно; онъ сдѣлалъ меня вторымъ господиномъ дома, и *ниже изъятъ бысть отъ мене кто либо, кромѣ тебе* (ст. 9). Здѣсь онъ возвышаетъ понятія ея о себѣ самой, чтобы хотя такимъ образомъ привести ее въ стыдъ и показать великое ея достоинство. Не останавливается и на этомъ, но присовокупляетъ ея названіе, которое могло удержать ее: *понеже*, говоритъ, *ты жена ему еси, и како сотворю глаголъ злый сей?* Здѣсь нѣтъ мужа, говоришь ты, и онъ не увидитъ наносимой ему обиды? Но увидитъ Богъ. Однако увѣщаніе нисколько не подѣйствовало, и она влекла Іосифа къ себѣ. Она дѣлала это не потому, чтобы любила его, но желая удовлетворить своей неистовой страсти, какъ видно изъ того, что она сдѣлала послѣ. Она требуетъ суда, обвиняетъ, лжесвидѣтельствуетъ, предаетъ звѣрю невиннаго и ввергаетъ его въ темницу; или,

лучше, она, сколько отъ нея зависѣло, уже убила его, вооруживъ противъ него такимъ образомъ судію. Что же Іосифъ? Таковъ ли былъ онъ? Совершенно не таковъ. Онъ не противорѣчилъ и не обвинялъ жены. Потому, скажешь, что ему не повѣрили бы? Нѣтъ, онъ былъ весьма любимъ, какъ видно изъ того, что было не только сначала, но и послѣ. Если бы варваръ не очень любилъ его, то лишилъ бы жизни, не смотря на то, что онъ молчалъ и не противорѣчилъ; это былъ египтянинъ, начальникъ и притомъ думавшій, что обезчещено брачное его ложе, и обезчещено рабомъ, который столько имъ облагодѣтельствованъ. Но все это превозмогла любовь и благоволеніе, которое Богъ внушилъ ему къ Іосифу. Кромѣ такой любви и благоволенія онъ имѣлъ предъ собою немаловажныя доказательства (невинности Іосифа), если бы хотѣлъ выслушать оправданіе,—самую одежду. Если бы насиліе потерпѣла жена, то надлежало бы быть ея одеждѣ разорванною и ея лицу истерзаннымъ, а не его одеждѣ остаться у ней. *Егда услыша онъ*, говоритъ, *яко возвысихъ гласъ мой и возопихъ, оставль ризы своя, отбѣже* (ст. 15). Для чего же ты совлекла съ него одежду? Что скорѣе могла бы сдѣлать подвергшаяся насилію? Освободиться отъ нападающаго. И не только отсюда, но и изъ послѣдующаго, я могу доказать расположеніе и любовь Іосифа. Когда онъ поставленъ былъ въ необходимость объявить причину своего заключенія и пребыванія въ темницѣ, то и тогда не открылъ приключенія,—но что? Я, говоритъ, *ничто зло сотворихъ; но татбою украденъ быхъ изъ земли Еврейскія* (Быт. xl, 15), и вообще нигдѣ не упоминаетъ о блудницѣ, не хвалится своимъ поступкомъ, какъ сдѣлалъ бы всякій другой, если не изъ тщеславія, то по крайней мѣрѣ для того, чтобы не подумали, будто онъ за худое дѣло ввергнутъ въ такое жилище. И если даже люди, виновные во грѣхѣ, не воздерживаются отъ обвиненія, хотя самое дѣло подвергаетъ ихъ стыду, то какъ не удивляться Іосифу, который, будучи чистымъ, не говорилъ о страсти жены, не объяв- 275
лялъ грѣха ея, и даже, когда достигъ власти и сдѣлался правителемъ всего Египта, не помнилъ зла и не мстилъ?

8. Видишь ли, какъ онъ заботился о ней, а она не любила, но неистовствовала? Да, она не любила Іосифа, а хотѣла только удовлетворить своему сладострастію. Самыя слова ея, если внимательно разсмотрѣть ихъ, исполнены гнѣва и великой злобы. Что говоритъ она? *Введе отрока Евреина наругатися намъ* (ст. 14). Укоряетъ мужа за его благодѣяніе и показываетъ одежду, сдѣлавшись свирѣпѣе всякаго звѣря. А Іосифъ не такъ. Но что я говорю объ его расположеніи къ ней, когда онъ былъ таковъ же къ братьямъ, которые едва не убили его, и никогда не говорилъ

о нихъ ничего худого ни дома, ни на сторонѣ? Потому-то Павелъ называетъ любовь матерію всѣхъ благъ и предпочитаетъ ее чудотвореніямъ и прочимъ дарованіямъ. Какъ при золотой одеждѣ и обуви намъ нужно бываетъ и нѣкоторое другое одѣяніе, чтобы узнать царя; а когда мы видимъ порфиру и діадему, то не требуемъ никакого другого знака царскаго достоинства,—такъ точно и здѣсь. Когда есть діадема любви, то она достаточно отличаетъ истиннаго ученика Христова не только для насъ, но и для невѣрныхъ. *О семъ*, говоритъ Господь, *разумѣютъ вси, яко мои ученицы есте, аще любовь имате между собою* (Іоан. xiii, 35). Этотъ знакъ важнѣе всѣхъ знаменій, потому что по нему узнается ученикъ (Христовъ). Пусть иные совершаютъ тысячи знаменій, но, если они питаютъ вражду между собою, они будутъ осмѣяны невѣрными; напротивъ, хотя бы они не произвели ни одного знаменія, но только бы искренно любили другъ друга, они будутъ всѣми уважаемы и неукоризненны. И Павлу мы удивляемся не потому, что онъ воскрешалъ мертвыхъ, очищалъ прокаженныхъ, а потому, что говорилъ: *кто изнемогаетъ, и не изнемогаю? кто соблазняется, и азъ не разжизаюся* (2 Кор. xi, 29)? Хотя бы ты сравнилъ съ этимъ тысячи знаменій, ничто не будетъ равно; и самъ онъ ожидалъ себѣ великой награды не за то, что совершалъ знаменія, но за то, что для немощныхъ былъ, какъ немощный: *кая убо ми есть*, говоритъ, *мзда? Да благовѣствуяй безъ мзды положу благовѣстіе* (1 Кор. ix, 18); и тогда, когда говорилъ о своемъ преимуществѣ предъ апостолами, не сказалъ: я больше ихъ совершилъ знаменій, но: *паче всѣхъ ихъ потрудихся* (1 Кор. xv, 10). Онъ даже готовъ былъ умереть съ голода для спасенія учениковъ: *добрѣе бо ми*, говоритъ, *паче умрети, нежели похвалу мою кто да испразднитъ* (1 Кор. ix, 15),—говоритъ не съ тѣмъ, чтобы похвалить самого себя, но чтобы не подумали, что онъ укоряетъ ихъ. Онъ никогда не хвалится своими совершенствами, если этого не требуютъ обстоятельства, и, когда бываетъ вынужденъ къ тому, называетъ себя *буїимъ* (1 Кор. 1, 25; 2 Кор. xi, 1).

276

Если онъ и хвалится когда-нибудь, то немощами, страданіями и великимъ участіемъ къ бѣдствіямъ другихъ, какъ и здѣсь говоритъ: *кто изнемогаетъ, и не изнемогаю?* Такія слова выше самыхъ страданій; потому онъ и поставляетъ ихъ послѣ всего, усиливая рѣчь свою. Чего же въ сравненіи съ нимъ достойны мы, которые не хотимъ презирать денегъ для блага насъ же самихъ и подавать даже избытковъ своего имущества? А онъ былъ не таковъ, но отдавалъ и душу и тѣло свое, чтобы получили царствіе небесное тѣ самые, которые побивали его камнями и бичевали. Такъ любить, говорилъ онъ, научилъ меня Христосъ, преподавшій

прекрасную заповѣдь о любви и самъ исполнившій ее на дѣлѣ; Онъ, будучи царемъ всего и существомъ блаженнымъ, не отвратился отъ людей, которыхъ сотворилъ изъ ничего и безконечно облагодѣтельствовалъ, которые оскорбляли Его и плевали на Него, но сдѣлался для нихъ человѣкомъ, обращался съ блудницами и мытарями, исцѣлялъ бѣсноватыхъ и обѣтовалъ небо. Послѣ всего этого люди, взявъ Его, ударяли по ланитамъ, связали, били, осмѣяли и наконецъ распяли; но Онъ и тогда не отвратился отъ нихъ и, будучи повѣшенъ на крестѣ, говорилъ: *Отче, отпусти имъ грѣхъ ихъ* (Лук. xxiii, 34). Разбойника, который вначалѣ поносилъ Его, Онъ ввелъ въ рай, Павла изъ гонителя сдѣлалъ апостоломъ, а ближайшихъ и преданныхъ Ему учениковъ предалъ на смерть для спасенія распявшихъ Его іудеевъ. Итакъ, представляя себѣ все это, сдѣланное Богомъ и людьми, будемъ подражать дѣламъ добрымъ и питать въ себѣ любовь, превосходящую всѣ дары, чтобы намъ получить блага и настоящія и будущія, которыхъ и да сподобимся всѣ мы, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XXXIII.

Любы долготерпитъ, милосердствуетъ, не завидитъ, не превозносится, не гордится (1 Кор. xiii, 4). 275

1. Доказавъ, что безъ любви нѣтъ большой пользы ни отъ вѣры, ни отъ знанія, ни отъ пророчества, ни отъ дара языковъ, ни отъ дара исцѣленій, ни отъ другихъ даровъ, ни даже отъ совершенной жизни и мученичества, (апостолъ) описываетъ, какъ и необходимо было, безпримѣрную красоту ея, украшая ея изображеніе, какъ бы какими-нибудь красками, различными родами добродѣтели и тщательно соединяя всѣ его части. Потому, возлюбленный, будь внимателенъ къ сказанному и вникни въ каждое слово съ великимъ тщаніемъ, чтобы видѣть и совершенство 276
предмета и искусство живописца. Смотри, съ чего онъ началъ, и что поставилъ первою причиною всѣхъ благъ. Что же именно? Долготерпѣніе; оно—корень всякаго любомудрія; потому и Премудрый говоритъ: *долготерпѣливъ мужъ многъ въ разумѣ, малодушный же крѣпко безуменъ* (Притч. xiv, 29); и далѣе, сравнивая эту добродѣтель съ крѣпкимъ городомъ, говоритъ, что она крѣпче его. Это—несокрушимое оружіе, непоколебимый столпъ, легко

отражающій всѣ нападенія. Какъ искра, упавшая въ море, не причиняетъ ему никакого вреда, но сама тотчасъ потухаетъ, такъ
277 все неожиданное, поражая долготерпѣливую душу, скоро исчезаетъ, а ея не возмущаетъ. Долготерпѣніе тверже всего; укажешь ли на войско, на деньги, на коней, на стѣны, на оружіе, и на что бы то ни было, ничто не можетъ сравниться съ долготерпѣніемъ. Кто обладаетъ чѣмъ-нибудь подобнымъ, тотъ часто бываетъ побѣжденъ гнѣвомъ, падаетъ, подобно слабому ребенку, и все наполняетъ шумомъ и смятеніемъ; а долготерпѣливый, какъ бы пребывая въ пристани, наслаждается глубокимъ спокойствіемъ; причинишь ли ему вредъ, не подвинешь этого камня; нанесешь ли ему обиду, не потрясешь этого столпа; нанесешь ли ему удары, не сокрушишь этого адаманта; потому онъ и называется долготерпѣливымъ (μακρόθυμος), что имѣетъ какъ бы долгую и великую душу, а долгое называется и великимъ. Между тѣмъ эта добродѣтель рождается отъ любви, и тѣмъ, которые пріобрѣли ее и пользуются ею, доставляетъ великую пользу. Не говори мнѣ, что люди потерянные, дѣлая (долготерпѣливому) зло и не претерпѣвая за то зла, становятся хуже; это происходитъ не отъ его долготерпѣнія, а отъ тѣхъ самихъ, которые пользуются имъ не такъ, какъ должно. Потому не говори мнѣ о нихъ, а вспомни о людяхъ болѣе кроткихъ, которые получаютъ оттого великую пользу; когда они, дѣлая зло, не претерпѣваютъ за то зла, то, удивляясь терпѣнію страждущаго, получаютъ величайшій урокъ любомудрія. Впрочемъ, (апостолъ) не останавливается на этомъ, но присовокупляетъ еще другія совершенства любви: она, говоритъ, *милосердствуетъ*. Такъ какъ есть люди, которые употребляютъ долготерпѣніе не на собственное любомудріе, а на мщеніе тѣмъ, кто оскорбляетъ ихъ, терзаясь внутри себя самихъ, то онъ говоритъ, что любовь не имѣетъ и этого недостатка; потому и присовокупляетъ: *милосердствуетъ*. Любящіе не для того поступаютъ кротко съ пламенѣющими гнѣвомъ, чтобы усилить пламень гнѣва, но чтобы укротить его и погасить, и не только мужественнымъ терпѣніемъ, но и угожденіемъ и увѣщаніемъ врачуютъ рану и исцѣляютъ язву гнѣва. *Не завидитъ*. Случается, что иной терпѣливъ, но завистливъ, отчего добродѣтель его теряетъ свое совершенство. Но любовь далека и отъ этого. *Не превозносится*, т. е. не поступаетъ безразсудно. Она дѣлаетъ любящаго благоразумнымъ, степеннымъ и основательнымъ. Безразсудство свойственно людямъ, любящимъ постыдно; а любящій истинною любовію совершенно свободенъ отъ этого; когда нѣтъ въ сердцѣ гнѣва, то не можетъ быть и безразсудства и дерзости; любовь, пребывая въ душѣ, какъ бы какой-нибудь искусный зем-

ледѣлецъ, не допускаетъ вырастать ни одному изъ этихъ терній. *Не гордится.* Мы видимъ, что многіе гордятся самыми своими добродѣтелями, т. е. тѣмъ, что они не завистливы, не злы, не малодушны, не безразсудны; эти пороки соединены не только съ богатствомъ и бѣдностію, но и съ самыми добрыми по природѣ качествами; а любовь совершенно очищаетъ все. Замѣть: долготерпѣливый не всегда еще милосердъ; если же онъ не будетъ милосердымъ, то его доброе качество становится порокомъ и можетъ обратиться въ памятозлобіе; но любовь, доставляя врачество, т. е. милосердіе, сохраняетъ добродѣтель чистою. Также милосердый часто бываетъ легкомысленъ; но любовь исправляетъ и этотъ недостатокъ. *Любы,* говоритъ, *не превозносится, не гордится.* Милосердый и долготерпѣливый часто бываетъ гордымъ; но любовь 278
истребляетъ и этотъ порокъ.

2. Смотри, какъ (апостолъ) представляетъ въ похвалу ея не только то, что она имѣетъ, но и то, чего не имѣетъ: она, говоритъ, съ одной стороны производитъ добродѣтели, съ другой уничтожаетъ пороки, или, лучше, не допускаетъ имъ и зародиться. Не сказалъ: хотя у ней бываетъ зависть, но она побѣждаетъ зависть, или: хотя бываетъ гордость, но она укрощаетъ эту страсть, а: *не завидитъ, не превозносится, не гордится;* и что особенно удивительно, она безъ усилій дѣлаетъ добро, безъ борьбы и сопротивленія воздвигаетъ трофей. Кто имѣетъ ее, того она не заставляетъ трудиться, чтобы достигнуть вѣнца, но безъ труда доставляетъ ему награду, потому что, гдѣ нѣтъ страсти, противоборствующей добродѣтельному расположенію, тамъ какой можетъ быть трудъ? *Не безчинствуетъ* (ст. 5). Что я говорю, продолжаетъ (апостолъ), что она не гордится? Она такъ далека отъ этой страсти, что, и терпя крайнія бѣдствія за любимаго, не считаетъ этого безчестіемъ. Не сказалъ опять, что хотя терпитъ безчестіе, но мужественно переноситъ его, а что даже нисколько не чувствуетъ безчестія. Если сребролюбцы, терпя всякаго рода непріятности для своего прибытка, не только не стыдятся, но еще радуются, то тѣмъ болѣе имѣющій достохвальную любовь для блага любимыхъ не откажется ни отъ чего подобнаго, и не только не откажется, но даже и не стыдится, когда терпитъ что-нибудь. Впрочемъ, чтобы намъ не приводить въ примѣръ порочнаго дѣла, посмотримъ въ этомъ отношеніи на Христа, и увидимъ истину сказаннаго. Господь нашъ Іисусъ Христосъ подвергался оплеванію и бичеванію отъ жалкихъ рабовъ, и не только не считалъ этого безчестіемъ, но еще радовался и вмѣнялъ въ славу; разбойника и человѣкоубійцу Онъ вмѣстѣ съ Собою прежде другихъ ввелъ въ рай, бесѣдовалъ съ блудницею, притомъ въ присутствіи всѣхъ

обвинителей своихъ, и не считалъ этого постыднымъ, а даже позволилъ ей цѣловать Свои ноги, орошать слезами Свое тѣло и отирать волосами, и все это предъ глазами враговъ и противниковъ, потому что любовь *не безчинствуетъ*. Поэтому и отцы, хотя бы они были мудрѣе и краснорѣчивѣе всѣхъ, не стыдятся лепетать вмѣстѣ съ дѣтьми, и никто изъ взирающихъ на это не осуждаетъ ихъ, а, напротивъ, это кажется настолько хорошимъ дѣломъ, что даже удостоивается похвалы; если опять дѣти бываютъ порочны, то они терпѣливо стараются исправить ихъ, наблюдаютъ за ними, удерживаютъ ихъ отъ дурныхъ поступковъ и не стыдятся, потому что любовь *не безчинствуетъ*, но какъ бы какими золотыми крыльями прикрываетъ всѣ проступки любимыхъ. Такъ и Іонаѳанъ любилъ Давида, а потому, выслушавъ слова отца: *сыне дѣвокъ блудницъ*, женовоспитанный (1 Цар. xx, 30), не устыдился, хотя слова исполнены великой укоризны; они именно означаютъ слѣдующее: сынъ блудницъ, неистово пристрастныхъ къ мущинамъ и предающихся всѣмъ проходящимъ, изнѣженный, слабый, не имѣющій въ себѣ ничего мужескаго и живущій къ
279 безчестію своему и родившей тебя матери. Что же? Огорчился ли онъ этимъ, устыдился ли и отсталъ ли отъ любимаго? Совсѣмъ напротивъ, даже хвалился своею любовію; хотя (Саулъ) былъ тогда царемъ, Іонаѳанъ—сыномъ царя, а Давидъ—бѣглецомъ и скитальцемъ, но при всемъ этомъ онъ не стыдился своей любви, потому что любовь *не безчинствуетъ*. Подлинно, въ ней достойно удивленія то, что она не только не допускаетъ скорбѣть и огорчаться въ случаѣ обиды, но еще побуждаетъ радоваться; потому и Іонаѳанъ послѣ всего того, какъ бы получивъ вѣнецъ, пошелъ и обнялъ Давида, потому что любовь не знаетъ безчестія и даже хвалится тѣмъ, чего другой стыдится. Для нея стыдъ—не умѣть любить, или любя не подвергаться опасностямъ и не терпѣть всего за любимыхъ. Впрочемъ, когда я говорю: *все*, то не подумай, будто разумѣю и вредное, напр., если бы кто сталъ помогать юношѣ въ (преступной) любви къ женщинѣ, или просилъ бы сдѣлать что-нибудь другое вредное. Такой человѣкъ не любитъ, какъ я доказалъ вамъ прежде примѣромъ египтянки. Тотъ только любитъ, кто любимому желаетъ полезнаго; а кто не ищетъ добра, тотъ, хотя бы тысячу разъ говорилъ, что любитъ, враждебнѣе всѣхъ враговъ. Такъ нѣкогда и Ревекка, будучи сильно привязана къ сыну, рѣшилась даже на воровство, не стыдилась и не опасалась быть обличенною,—а предстояла немалая опасность,—но даже, когда сынъ возражалъ ей, сказала: *на мнѣ клятва твоя, чадо* (Быт. xxvi, 13).

3. Видишь ли въ женѣ апостольскую душу? Какъ Павелъ,—

если можно сравнивать малое съ великимъ,—желалъ подвергнуться анаѳемѣ за іудеевъ, такъ и она рѣшалась даже подвергнуться проклятію, только бы сынъ ея получилъ благословеніе. Благо она предоставляла ему,—такъ какъ сама не могла участвовать съ нимъ въ благословеніи,—а зло готова была принять на одну себя, и притомъ радовалась, спѣшила, тогда какъ угрожала опасность, и огорчалась медленностію дѣла, опасаясь, чтобы Исавъ, предваривъ Іакова, не сдѣлалъ напраснымъ мудрое ея распоряженіе. Потому и выражается кратко, побуждаетъ юношу и, не опровергая словъ его, высказываетъ мысль, достаточную для его убѣжденія; не сказала: ты напрасно говоришь это и напрасно боишься, отецъ твой старъ и не имѣетъ зрѣнія,—но что? *На мнѣ клятва твоя, чадо*; только не разстраивай дѣла, не выпускай добычи, не теряй сокровища. И самъ Іаковъ не былъ ли работникомъ въ продолженіе двухъ семилѣтій у своего родственника? Не подвергался ли кромѣ рабства еще осмѣянію послѣ обмана? Что же? Чувствовалъ ли онъ осмѣяніе, считалъ ли безчестіемъ для себя, что онъ, будучи свободнымъ, происходя отъ свободныхъ родителей и получивъ благородное воспитаніе, былъ рабомъ у своихъ родственниковъ, тогда какъ это особенно и бываетъ оскорбительно, если кто терпитъ поношеніе отъ близкихъ? Нѣтъ,—и причиною тому была любовь, которая даже дѣлала для него долгое время краткимъ: *быша*, говоритъ (Писаніе), *предъ нимъ, яко малы дни* (Быт. XXIX, 20). Такъ онъ былъ далекъ отъ того, чтобы оскорбляться и стыдиться своего рабства! Потому справедливо говоритъ блаженный Павелъ: *любы не безчинствуетъ: не ищетъ своихъ си, не раздражается*. Сказавъ: *не безчинствуетъ*, онъ показываетъ и то, какимъ образомъ она не терпитъ безчестія. Какимъ же? Она *не ищетъ своихъ си*. Любимый составляетъ для нея все, и она вмѣняетъ себѣ въ безчестіе, когда не можетъ 280
избавить его отъ безчестія, такъ что, если можно собственнымъ безчестіемъ помочь любимому, то не считаетъ и этого безчестіемъ для себя: любимый для него—тоже, что самъ онъ. Любовь такова, что любящій и любимый составляютъ уже не два отдѣльныя лица, а одного человѣка, чего не можетъ сдѣлать ничто, кромѣ любви. Потому не ищи своего, чтобы тебѣ найти свое; кто ищетъ своего, тотъ не находитъ своего. Потому и Павелъ говорилъ: *никтоже своего си да ищетъ, но еже ближняго кійждо* (1 Кор. X, 24). Польза каждаго заключается въ пользѣ ближняго, а польза ближняго въ его пользѣ. Какъ закопавшій собственное золото въ домѣ ближняго, если не захочетъ сходить поискать и откопать его тамъ, никогда не увидитъ его, такъ и здѣсь, кто не хочетъ въ пользѣ ближняго искать собственной пользы, тотъ не получитъ вѣнцевъ.

Богъ устроилъ такъ для того, чтобы мы были привязаны другъ къ другу. Когда кто побуждаетъ лѣнивое дитя слѣдовать за братомъ, а оно не хочетъ дѣлать этого само собою, то даетъ въ руки брату что-нибудь любимое и пріятное для дитяти, чтобы оно, желая получить это, слѣдовало за нимъ, что дѣйствительно и бываетъ,—такъ и здѣсь, полезное для каждаго Богъ даровалъ ближнему, чтобы мы имѣли общеніе другъ съ другомъ и не раздѣлялись. Если хочешь, можешь видѣть это и на насъ—проповѣдующихъ: полезное для меня заключается въ тебѣ, а полезное для тебя—во мнѣ; напр. для тебя полезно знать угодное Богу; но это ввѣрено мнѣ, чтобы ты отъ меня получалъ это, а потому ты принужденъ прибѣгать ко мнѣ; а для меня полезно, чтобы ты сдѣлался лучшимъ,—я получу за то великую награду,—но это зависитъ отъ тебя; потому я имѣю нужду слѣдить за тобою, чтобы ты сдѣлался лучшимъ и такимъ образомъ я получилъ бы отъ тебя полезное для меня. Потому и Павелъ говорилъ: *кто бо намъ упованіе? Не и вы ли* (1 Сол. II, 19)? И еще: *вы есте упованіе мое, радость моя и вѣнецъ похваленія моего* (ст. 40). Итакъ, радостію Павла были ученики, а они радовались его радостію; потому онъ и плакалъ, когда видѣлъ погибающихъ. Съ другой стороны ихъ польза заключалась въ Павлѣ; потому онъ и говорилъ: *надежды ради Израилевы веригами сими обложенъ есмь* (Дѣян. XXVIII, 20). И еще: *сего ради вся терплю избранныхъ ради, да жизнь вѣчную улучатъ* (2 Тим. II, 10). Тоже можно видѣть и въ дѣлахъ житейскихъ: *жена*, говоритъ (апостолъ), *своимъ тѣломъ не владѣетъ, ниже мужъ, но жена мужа, и мужъ жены* (1 Кор. VII, 4). Такъ и мы, когда хотимъ связать нѣсколько людей между собою, дѣлаемъ тоже: не позволяемъ никому распоряжаться собою, но, составивъ изъ нихъ цѣпь, заставляемъ одного зависѣть отъ другого, а другого отъ третьяго. Не тоже ли можешь видѣть и въ правительствѣ? Судія садится судить не для себя самого, а для пользы ближняго; подчиненные угожденіемъ, послушаніемъ и всѣми другими способами доставляютъ пользу начальству; воины для насъ берутъ оружіе, потому что за насъ подвергаются опасностямъ; а мы трудимся для нихъ, потому что отъ насъ они получаютъ содержаніе.

4. Если ты скажешь, что каждый поступаетъ такъ, ища собственной пользы, то и я говорю тоже,—только собственная польза достигается посредствомъ чужой. Если бы воинъ не сражался за
281 тѣхъ, которые доставляютъ ему содержаніе, то никто не оказывалъ бы ему этой услуги; и наоборотъ, если бы они не доставляли содержанія воину, то никто не сталъ бы защищать ихъ. Видишь ли, какъ любовь простирается на все и устрояетъ все? Но

не поплѣнись разсмотрѣть всю эту золотую цѣпь. Сказавъ: *не ищетъ своихъ си*, (апостолъ) опять говоритъ о благахъ, происходящихъ отъ любви. Какія же это блага? *Не раздражается, не мыслитъ зла*. Смотри опять, какъ она не только истребляетъ пороки, но даже не дозволяетъ имъ получить начало. Не сказалъ: хотя раздражается, но преодолѣваетъ раздраженіе, а: *не раздражается:* не сказалъ также: не дѣлаетъ зла, но: *не мыслитъ;* не только не совершаетъ, но даже и не замышляетъ ничего худого противъ любимаго. И дѣйствительно, какъ она можетъ дѣлать зло, или раздражаться, когда не допускаетъ даже худой мысли? А здѣсь и есть источникъ любви. *Не радуется о неправдѣ* (ст. 6), то есть, не радуется, когда другіе терпятъ зло; и не только это, но есть въ ней и гораздо большее: *радуется же о истинѣ*, то есть, радуется о тѣхъ, которые благоустроены въ жизни, какъ говоритъ Павелъ: *радоватися съ радующимися, и плакати съ плачущими* (Рим. XII, 15). Потому она и не завидуетъ, потому и не гордится: блага другихъ она признаетъ своими. Видишь ли, какъ любовь дѣлаетъ питомца своего почти ангеломъ? Если онъ не имѣетъ гнѣва, чистъ отъ зависти и свободенъ отъ всякой пагубной страсти, то очевидно, что онъ уже выше природы человѣческой и достигнулъ безстрастія ангеловъ. Впрочемъ (Павелъ) не довольствуется этимъ, но находитъ сказать еще нѣчто большее; важнѣйшее онъ всегда излагаетъ послѣ. Любовь, говоритъ, *вся покрываетъ* (ст. 7), по своему долготерпѣнію и кротости, что бы ни случилось прискорбное и тяжкое, хотя бы то были обиды, хотя бы побои, хотя бы смерть, или что-нибудь подобное. Это также можно усмотрѣть изъ примѣра блаженнаго Давида. Что можетъ быть тяжелѣе, какъ видѣть сына, возмутившагося, ищущаго власти и жаждущаго крови своего отца? Но блаженный (Давидъ) перенесъ и это, не хотѣлъ даже произнести укоризненнаго слова противъ отцеубійцы, а, предоставивъ все прочее военачальникамъ, повелѣлъ сохранить его жизнь: такъ крѣпко было у него основаніе любви! Потому и (говоритъ апостолъ): *вся покрываетъ*. Этими словами онъ выражаетъ силу любви, а дальнѣйшими доброту ея: *вся бо*, говоритъ, *уповаетъ, всему вѣру емлетъ, вся терпитъ*. Что значитъ: *вся уповаетъ?* Не отчаиваясь ожидаетъ отъ любимаго человѣка всего добраго, и хотя бы онъ былъ худъ, не перестаетъ исправлять его, пещись и заботиться. *Всему вѣру емлетъ*; не просто надѣется, но съ увѣренностію, потому что сильно любитъ: и хотя бы сверхъ чаянія не происходило добра, и даже любимый становился бы еще хуже, она переноситъ и это: *вся*, говоритъ, *терпитъ. Любы николиже отпадаетъ* (ст. 8). Видишь ли, чѣмъ онъ завершилъ и что особенно превосходно въ этомъ дарѣ? Что

именно значитъ: *николиже отпадаетъ*? Не прекращается, не ослабѣваетъ оттого, что терпитъ, потому что любитъ все. Кто любитъ, тотъ никогда не можетъ ненавидѣть, что бы ни случилось: въ этомъ величайшее благо любви. Таковъ былъ Павелъ; потому онъ и говорилъ: *аще како раздражу мою плоть* (Рим. XI, 14), и не переставалъ надѣяться; и Тимоѳея увѣщевалъ такъ: *рабу же Господню*
282 *не подобаетъ сваритися, но тиху быти ко всѣмъ, съ кротостію наказующу противныя, еда како дастъ имъ Богъ покаяніе въ разумъ истины* (2 Тим. II, 24, 25). Какъ, скажешь, неужели не должно ненавидѣть даже враговъ и язычниковъ? Должно ненавидѣть, но не ихъ, а ихъ ученіе, не человѣка, а порочную жизнь и развращенную волю. Человѣкъ есть дѣло Божіе, а заблужденіе—дѣло діавола. Потому не смѣшивай Божьяго съ діавольскимъ. Іудеи хулили, гнали, оскорбляли Христа и говорили о Немъ много злого, но ненавидѣлъ ли ихъ Павелъ, который любилъ Христа болѣе всѣхъ? Нѣтъ; напротивъ, онъ любилъ ихъ и дѣлалъ все для нихъ; то онъ говорилъ: *благоволеніе моего сердца и молитва, яже къ Богу, по нихъ есть во спасеніе* (Рим. X, 1); то: *молилбыхся самъ азъ отлученъ быти отъ Христа по нихъ* (Рим. IX, 3). Такъ и Іезекіиль, видя погибель ихъ, говорилъ; *о лютѣ мнѣ, Господи, еда потребляеши ты останки Израилевы* (IX, 8)? И Моисей также говорилъ: *аще убо оставиши имъ грѣхъ ихъ, остави* (Исх. XXXII, 32). Почему же Давидъ говоритъ: *ненавидящихъ тя, Господи, возненавидѣхъ, и о врагахъ твоихъ истаяхъ; совершенною ненавистію возненавидѣхъ я* (Псал. CXXXVIII, 21, 22)? Не все въ псалмахъ Давидовыхъ сказано самимъ Давидомъ; такъ въ нихъ говорится: *вселися съ селеніи Кидарскими* (Пс. CXIX, 5); и еще: *на рѣкахъ Вавилонскихъ, тамо сѣдохомъ и плакахомъ* (Псал. CXXXVI, 1),—между тѣмъ онъ самъ не видалъ ни Вавилона, ни селеній Кидарскихъ. Съ другой стороны, отъ насъ (христіанъ) требуется нынѣ высшее любомудріе; такъ, когда ученики просили, чтобы сошелъ огонь, какъ во время Иліи, то Христосъ сказалъ: *не вѣсте, коего духа есте вы* (Лук. IX, 55).

5. Тогда іудеямъ заповѣдано было ненавидѣть не только нечестіе, но и самихъ нечестивыхъ, чтобы дружба съ ними не послужила имъ поводомъ къ беззаконію; потому имъ запрещено было вступать въ родственныя связи съ язычниками и смѣшиваться съ ними, и со всѣхъ сторонъ поставлены были между ними преграды; но теперь, когда (Богъ) привелъ насъ къ высшему любомудрію и поставилъ выше подобной опасности, то заповѣдуетъ входить въ общеніе и бесѣдовать съ ними, потому что намъ отъ нихъ нѣтъ вреда, а имъ отъ насъ бываетъ польза. Что же, скажешь, дѣлать? Должно не ненавидѣть, а оказывать милость;

вѣдь, если ты будешь ненавидѣть, то какъ можешь обратить заблуждающагося, какъ будешь молиться за невѣрнаго? А что надобно молиться за него, о томъ, послушай, какъ говоритъ Павелъ: *молю убо прежде всѣхъ творити молитвы, моленія, прошенія, благодаренія, за вся человѣки* (1 Тим. II, 1); но тогда не всѣ были вѣрующими, какъ всякому извѣстно. И далѣе: *за царей и иже во власти суть* (ст. 2); но они были нечестивые и беззаконные, какъ тоже извѣстно. Потомъ, показывая причину, почему нужно молиться, присовокупляетъ: *сіе бо добро и пріятно предъ Спасителемъ нашимъ Богомъ, иже всѣмъ человѣкомъ хощетъ спастися, и въ разумъ истины пріити* (ст. 3, 4). Потому же, когда случится язычницѣ-женѣ быть въ супружествѣ съ вѣрующимъ, онъ не расторгалъ брака; между тѣмъ что ближе мужа къ женѣ? *Будета*, говоритъ (Писаніе), *два въ плоть едину* (Быт. II, 24), и оттого бываетъ между ними великая любовь и горячая привязанность. Если мы станемъ ненавидѣть нечестивыхъ и беззаконныхъ, то, простираясь далѣе, будемъ ненавидѣть и грѣшниковъ; а идя такимъ путемъ, мало-по-малу отдѣлимся отъ большей части братій, или, лучше, отъ 283
всѣхъ, потому что нѣтъ никого безъ грѣха. Если должно ненавидѣть враговъ Божіихъ, то должно ненавидѣть не только нечестивыхъ, но и грѣшниковъ; а въ такомъ случаѣ мы будемъ хуже звѣрей, отвращаясь отъ всѣхъ и надмеваясь гордостію, подобно фарисею. Но Павелъ заповѣдалъ не такъ,—а какъ? *Вразумляйте безчинныя, утѣшайте малодушныя, заступайте немощныя, долготерпите ко всѣмъ* (1 Сол. V, 14). Какъ же, скажешь, онъ говоритъ: *аще кто не послушаетъ словесе нашего посланіемъ, сего назнаменуйте, и не примѣшайтеся ему* (2 Сол. III, 14)? Правда, это сказано о братіяхъ; но не просто, а тоже съ кротостію; не оставляй безъ вниманія и послѣдующаго, прибавь и то, что сказано далѣе. А именно, сказавъ: *не примѣшайтеся*, онъ присовокупилъ: *и не аки врага имѣйте, но наказуйте якоже брата* (ст. 15).

Видишь ли, какъ онъ повелѣваетъ ненавидѣть худое (дѣло), а не человѣка? Дѣло діавола—отторгать насъ другъ отъ друга; онъ сильно старается истребить любовь, чтобы пресѣчь путь къ исправленію, и удержать его въ заблужденіи, а тебя во враждѣ, и такимъ образомъ заградить ему путь ко спасенію. Если врачъ будетъ ненавидѣть и убѣгать больного, а больной отвращаться отъ врача, то можетъ ли больной выздоровѣть, когда онъ не будетъ призывать врача, и врачъ не будетъ приходить къ нему? Почему же, скажи мнѣ, ты отвращаешься и убѣгаешь отъ него? Потому ли, что онъ нечестивъ? Но потому и надобно приходить и врачевать, чтобы возстановить больного. Хотя бы онъ страдалъ неисцѣльною болѣзнію, тебѣ повелѣно дѣлать свое дѣло. Іуда

также одержимъ былъ неисцѣльною болѣзнію, но Богъ не переставалъ врачевать его; потому и ты не ослабѣвай. Хотя бы при всемъ стараніи ты не могъ освободить его отъ нечестія, все же ты получишь награду, какъ бы освободилъ его, и расположишь его удивляться твоей кротости, и такимъ образомъ всячески прославится Богъ. Хотя бы ты творилъ чудеса, хотя бы воскрешалъ мертвыхъ, хотя бы дѣлалъ что-нибудь другое подобное, язычники никогда не будутъ удивляться тебѣ столько, сколько видя тебя кроткимъ, добрымъ и обходительнымъ; а это немаловажное дѣло, потому что такимъ образомъ многіе могутъ наконецъ отстать отъ порока. Ничто не можетъ привлекать такъ, какъ любовь. Изъ-за другого, то есть знаменій и чудесъ, могутъ завидовать тебѣ, а изъ-за нея (любви) станутъ удивляться и любить, любя же примутъ мало-по-малу и истину. Впрочемъ, если (язычникъ) и не скоро сдѣлается вѣрующимъ, ты не удивляйся, не спѣши, не требуй всего вдругъ, но пусть онъ пока хвалитъ, любитъ, а потомъ мало-по-малу дойдетъ и до этого. Но чтобы ты видѣлъ ясно, насколько это важно, послушай, какъ самъ Павелъ оправдывался, представъ предъ невѣрнаго судію: *блаженна*, говорилъ онъ, *непщую себе быти, яко предъ тобою отвѣщати имамъ* (Дѣян. xxvi, 2), говорилъ не изъ лести,—нѣтъ,—но желая достигнуть пользы кротостію; и отчасти достигнулъ, плѣнилъ судію тотъ, кто былъ подсудимымъ, и эту побѣду провозгласилъ самъ плѣненный, сказавъ громкимъ голосомъ въ присутствіи всѣхъ: *вмалѣ мя препираеши христіанина быти* (Дѣян. xxvi, 28).

6. Что же Павелъ? Онъ еще болѣе распростираетъ сѣть и
284 говоритъ: *молилъ быхъ азъ, не токмо тебе, но и всѣхъ слышащихъ мя днесь, быти имъ тацѣмъ, якоже и азъ есмь, кромѣ узъ сихъ* (ст. 29). Что говоришь ты, Павелъ: *кромѣ узъ*? Какое же ты будешь имѣть дерзновеніе, если стыдишься ихъ, избѣгаешь, и притомъ предъ такимъ множествомъ народа? Не хвалишься ли ты ими вездѣ въ посланіяхъ, называя себя узникомъ и вездѣ указывая намъ на эти узы, какъ на діадему? Почему же нынѣ уклоняешься отъ узъ? Не уклоняюсь, говоритъ, и не стыжусь, но снисхожу къ слабости другихъ, потому что они еще не могутъ принять того, чѣмъ я хвалюсь; а я научился у Владыки моего не приставлять заплаты новой къ одеждѣ старой (Мѳ. ix, 16); потому я и сказалъ такъ. Они еще худо понимаютъ наше ученіе и враждуютъ противъ креста; слѣдовательно, если я приложу еще узы, то ненависть ихъ еще болѣе увеличится; потому я и отдѣлилъ ихъ, чтобы сдѣлать удобопріемлемымъ ученіе. Для нихъ кажется позорнымъ дѣломъ быть связаннымъ, потому что они еще не вкусили нашей славы; потому надобно быть снисходи-

тельнымъ. Когда они научатся любомудрствовать, тогда познаютъ красоту цѣпей и славу узъ. Бесѣдуя съ другими, онъ называетъ страданія даромъ благодати: *вамъ даровася еже о Христѣ, не токмо еже въ него вѣровати, но и еже по немъ страдати* (Филип. I, 29); а въ настоящемъ случаѣ надлежало желать только того, чтобы слушатели не стыдились креста; потому онъ и простирается впередъ постепенно. Когда кто-нибудь вводитъ другого въ царскіе чертоги, то не показываетъ ему внутреннихъ комнатъ прежде, нежели онъ разсмотритъ переднія и внѣшнія, потому что иначе не покажутся ему (чертоги) удивительными, если онъ, простираясь внутрь, не узнаетъ всего. Такъ и мы будемъ обращаться съ язычниками, снисходительно, съ любовію; она— великая наставница; она можетъ и отклонить отъ заблужденія, и исправлять нравы, и приводить къ любомудрію, и изъ камней дѣлать людей. Если ты хочешь знать силу ея, то представь человѣка робкаго, боязливаго и трепещущаго предъ тѣнью, или гнѣвливаго, грубаго и похожаго болѣе на звѣря, нежели на человѣка, или похотливаго, сластолюбиваго и преданнаго всѣмъ порокамъ, и отдай его въ руки любви, введи его въ это училище, и скоро увидишь, какъ этотъ боязливый и робкій сдѣлается мужественнымъ, великодушнымъ и отважнымъ на все; и, что всего удивительнѣе, это произойдетъ не потому, чтобы измѣнилось существо его, но потому, что любовь обнаруживаетъ свою силу въ самой робкой душѣ; здѣсь бываетъ тоже, какъ если бы кто, сдѣлавъ мечъ не изъ желѣза, а изъ свинца, и не измѣняя существа свинца, довелъ его до возможности дѣлать тоже, что и желѣзо. Смотри: Іаковъ былъ человѣкъ скромный, сидѣлъ дома, не зналъ трудовъ и опасностей, проводилъ жизнь спокойную и беззаботную и, какъ дѣвица въ теремѣ, такъ и онъ большею частію оставался хранить домъ свой, а отъ торжища, отъ всякаго шума и всего, бывающаго на торжищѣ, удалялся и постоянно жилъ вдали отъ хлопотъ и безпокойствъ. Что же? Когда огонь любви воспламенилъ его, этого скромнаго и не выходившаго изъ своего дома человѣка, то, смотри, какъ онъ сдѣлался смѣлъ и трудолюбивъ; послушай объ этомъ не отъ меня, а отъ самого патріарха. Укоряя тестя, онъ говоритъ: *се двадесять лѣтъ азъ есмь съ тобою* (Быт. XXXI, 38). И въ какомъ положеніи былъ онъ двадцать лѣтъ? *Быхъ*, присовокупляетъ онъ, *во дни жегомь зноемъ, и студенію въ нощи, и отхождаше сонъ отъ очію моею* (ст. 40). Таковъ былъ мужъ 285
скромный, не выходившій изъ своего дома и проводившій прежде спокойную жизнь. А что онъ былъ робокъ, видно изъ того, что онъ, ожидая свиданія съ Исавомъ, смертельно боялся. Потомъ, смотри, какъ тотъ же боязливый сдѣлался отъ любви отважнѣе

льва: ставъ впереди всѣхъ, какъ бы какой-нибудь оплотъ, онъ готовъ былъ первый встрѣтить жестокаго и дышащаго, какъ онъ думалъ, убійствомъ человѣка, и собственнымъ тѣломъ защитить женъ своихъ; кого боялся и страшился, съ тѣмъ первый хотѣлъ ратоборствовать, потому что любовь къ женамъ была сильнѣе страха. Видишь ли, какъ робкій вдругъ сдѣлался отважнымъ не потому, чтобы перемѣнилъ нравъ свой, но потому, что былъ укрѣпленъ любовію? Онъ былъ робокъ и послѣ, какъ видно изъ того, что онъ переходилъ съ мѣста на мѣсто. Впрочемъ пусть никто не думаетъ, что это сказано въ укоризну праведнику; робость—не порокъ; она происходитъ отъ природы, предосудительно лишь дѣлать что-нибудь непристойное по робости. Можно и робкому по природѣ сдѣлаться мужественнымъ по благочестію. Каковъ былъ Моисей? Не убоялся ли онъ одного египтянина, не убѣжалъ ли и не удалился ли за предѣлы (Египта)? Между тѣмъ этотъ бѣглецъ, не перенесшій угрозы одного человѣка, послѣ того, какъ вкусилъ сладость любви, смѣло и безъ всякаго принужденія готовъ былъ погибнуть съ возлюбленными: *аще убо*, говорилъ онъ, *оставиши имъ грѣхъ ихъ, остави: аще же ни, изглади мя изъ книги твоея, въ нюже вписалъ еси* (Исх. XXXII, 32). Съ другой стороны, что любовь дѣлаетъ жестокаго кроткимъ и
266 невоздержнаго цѣломудреннымъ, на это нѣтъ нужды приводить и примѣровъ; это всѣмъ извѣстно. Хотя бы кто былъ свирѣпѣе всякаго звѣря, отъ любви онъ дѣлается смиреннѣе всякаго агнца. Кто напр. былъ свирѣпѣе и неистовѣе Саула? Но когда дочь его отпустила врага его, онъ не сказалъ ей даже грубаго слова; убившій за Давида почти всѣхъ священниковъ, узнавъ, какъ дочь выпустила его изъ дома, не оскорбилъ ее даже словомъ, тогда какъ хитрость употреблена была противъ него самого; это потому, что онъ былъ удержанъ сильнѣйшею уздою—любовію (къ дочери). Дѣлая кроткими, любовь точно также дѣлаетъ людей и цѣломудренными; кто любитъ свою жену такъ, какъ должно любить, тотъ, хотя бы былъ крайне сластолюбивъ, изъ любви къ ней не станетъ смотрѣть на другую: *крѣпка*, говоритъ (Писаніе), *яко смерть любы* (Пѣс. пѣс. VIII, 6). Слѣдовательно, распутство происходитъ не отъ чего иного, какъ отъ недостатка любви. Итакъ, если любовь есть виновница всякой добродѣтели, то будемъ насаждать ее со всѣмъ тщаніемъ въ душахъ своихъ, чтобы она принесла намъ многія блага, и чтобы намъ постоянно собирать обильные плоды ея, всегда цвѣтущіе и никогда не увядающіе; тогда достигнемъ и вѣчныхъ благъ, которыхъ да сподобимся всѣ мы, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XXXIV.

Аще же пророчествія упразднятся, аще ли языцы 285
умолкнутъ, аще разумъ испразднится (1 Кор. xiii, 8).

1. Доказавъ превосходство любви тѣмъ, что въ ней имѣютъ нужду и дарованія и житейскіе подвиги, исчисливъ всѣ ея совершенства и показавъ, что она есть основаніе истиннаго любомудрія, (апостолъ) еще съ иной—третьей—стороны показываетъ ея достоинство. Онъ дѣлаетъ это какъ для убѣжденія считавшихъ себя униженными, что они могутъ получить самое главное знаменіе и имѣть нисколько не менѣе тѣхъ, которые получили дарованія, и даже гораздо болѣе ихъ, если имѣютъ любовь, такъ и для смиренія имѣвшихъ великія дарованія и тѣмъ гордившихся и для внушенія имъ, что они не имѣютъ ничего, если не имѣютъ любви. Такимъ образомъ они должны были бы любить другъ друга, какъ скоро уничтожились между ними зависть и гордость, а любя другъ друга, они далеко отгнали бы отъ себя эти страсти, потому что *любы не завидитъ, не гордится*. Такъ онъ оградилъ ихъ со всѣхъ сторонъ несокрушимою стѣною и разнообразными побужденіями къ единодушію, которое истребляетъ всѣ болѣзни и само оттого пріобрѣтаетъ большую силу. Потому онъ и привелъ множество доказательствъ, которыя могли утѣшить ихъ въ скорби: *тойжде*, говоритъ, *Духъ даетъ*, и даетъ *на пользу*, и раздѣляетъ *якоже хощетъ*, и раздѣляетъ по благодати, а не по долгу; хотя ты получилъ мало, но и ты входишь въ составъ *тѣла* и также пользуешься великою *честію*; получившій больше имѣетъ нужду въ тебѣ, получившемъ меньше; а величайшее дарованіе и *по превосхожденію путь* есть любовь.

Этими словами онъ хотѣлъ соединить ихъ другъ съ другомъ 286
двоякимъ образомъ,—тою мыслію, что при любви они не ниже другихъ, и тою, что прибѣгающіе къ ней и содержащіе ее въ себѣ уже не подвергаются никакимъ слабостямъ человѣческимъ, какъ потому, что имѣютъ корень дарованій, такъ и потому, что уже не могутъ завидовать другимъ, хотя бы сами не имѣли ничего; кто однажды плѣненъ любовію, тотъ чуждъ зависти. Потому, показывая имъ, какія блага они получаютъ отъ любви, и изображая плоды ея, онъ самыми похвалами ей облегчаетъ ихъ болѣзни; каждое слово его служитъ достаточнымъ лѣкарствомъ для исцѣленія ихъ ранъ. Такъ: *долготерпитъ*, говоритъ онъ, противъ имѣющихъ распри другъ съ другомъ; *милосердствуетъ* — противъ несогласныхъ и тайно враждующихъ между собою; *не завидитъ*— противъ завидующихъ имѣющимъ больше ихъ; *не превозносится*—

противъ раздѣлившихся; *не гордится*—противъ тщеславныхъ; *не безчинствуетъ*—противъ нехотящихъ снисходить къ другимъ; *не ищетъ своихъ си*—противъ презирающихъ другихъ; *не раздражается, не мыслитъ зла*—противъ оскорбляющихся обидами; *не радуется о неправдѣ, радуется же о истинѣ*—опять противъ завидующихъ; *вся любитъ*—противъ огорчающихся навѣтами; *вся уповаетъ*—противъ отчаивающихся; *вся терпитъ, николиже отпадаетъ*—противъ тѣхъ, которые легко впадаютъ во вражду. Когда такимъ образомъ со всѣхъ сторонъ и со всею силою онъ показалъ величіе любви, тогда дѣлаетъ тоже съ другой важнѣйшей стороны,
287 превозноситъ ея достоинство посредствомъ другого сравненія и говоритъ: *аще же пророчествія упразднятся, аще ли языки умолкнутъ*. Если эти два дара были ниспосланы для вѣры, то съ распространеніемъ ея повсюду употребленіе ихъ уже излишне. Но любовь другъ къ другу не прекратится, а еще болѣе будетъ возрастать и здѣсь и въ будущемъ вѣкѣ, и тогда еще болѣе, нежели теперь. Здѣсь многое ослабляетъ любовь,—деньги, (житейскія) дѣла, тѣлесныя страсти, душевныя болѣзни; а тамъ не будетъ ничего такого. Впрочемъ, въ томъ, что упразднятся пророчества и языки, нѣтъ ничего удивительнаго; а что упразднится знаніе, это кажется страннымъ, а онъ именно и присовокупилъ: *аще разумъ испразднится*. Какъ? Неужели мы тогда будемъ жить въ невѣдѣніи? Нѣтъ, тогда-то въ особенности и должно увеличиться знаніе, какъ и онъ сказалъ: *тогда познаю, яко же и познанъ быхъ* (ст. 12). Потому, чтобы ты не подумалъ, что и оно упразднится подобно пророчествамъ и языкамъ, онъ, послѣ словъ: *аще разумъ испразднится*, не остановился, но показалъ и способъ упраздненія, тотчасъ присовокупивъ: *отъ части разумѣваемъ и отъ части пророчествуемъ. Егда же пріидетъ совершенное, тогда еже отъ части упразднится* (ст. 9, 10). Слѣдовательно, упразднится не знаніе, а неполнота знанія, потому что мы будемъ знать не только это, но и гораздо большее. Такъ,—поясню это примѣромъ,—теперь мы знаемъ, что Богъ существуетъ вездѣ, но какъ, не знаемъ; знаемъ, что Онъ сотворилъ все существующее изъ ничего, а какимъ образомъ, не знаемъ; знаемъ, что Онъ родился отъ Дѣвы, а какъ, не знаемъ. Тогда же узнаемъ объ этомъ болѣе и яснѣе. Потомъ онъ показываетъ и то, какое различіе (между тѣмъ и другимъ знаніемъ), и что (теперь) недостаетъ не мало: *егда*, говоритъ, *бѣхъ младенецъ, яко младенецъ глаголахъ, яко младенецъ мудрствовахъ, яко младенецъ смышляхъ: егда же быхъ мужъ, отвергохъ младенческая* (ст. 11). И далѣе объясняетъ тоже другимъ примѣромъ: *видимъ убо*, говоритъ, *нынѣ якоже зерцаломъ* (ст. 12).

2. Далѣе, такъ какъ *зерцало* все же нѣсколько представляетъ

видимый предметъ, онъ присовокупляетъ: *въ гаданіи*, чтобы показать, что настоящее знаніе въ высшей степени неполно. *Тогда же лицемъ къ лицу*,—не потому, будто Богъ имѣетъ лице, но чтобы выразить яснѣе и удобопонятнѣе. Видишь ли, какъ возрастутъ всѣ наши познанія? *Нынѣ разумѣю отъ части, тогда же познаю якоже и познанъ быхъ*. Видишь ли, какъ онъ двоякимъ образомъ смиряетъ гордость ихъ,—тѣмъ, что знаніе неполно, и тѣмъ, что даже и такое знаніе они имѣютъ не сами отъ себя? Не я, говоритъ, позналъ Его, но Онъ самъ позналъ меня. Какъ Онъ самъ напередъ позналъ меня теперь и самъ снизошелъ ко мнѣ, такъ и я достигну до Него тогда гораздо больше, нежели теперь. Сидящій во мракѣ, прежде нежели увидитъ солнце, не самъ приходитъ къ прекраснымъ лучамъ его, но они являютъ ему себя, когда засіяютъ; а когда онъ приметъ сіяніе ихъ, тогда уже и самъ стремится къ свѣту. Такой же смыслъ въ словахъ: *якоже и познанъ быхъ*,—не тотъ, будто мы познаемъ Его такъ, какъ Онъ насъ, но какъ Онъ самъ снизошелъ къ намъ нынѣ, такъ и мы достигнемъ до Него тогда, узнаемъ многое такое, что нынѣ сокровенно, и сподобимся блаженнѣйшей бесѣды и премудрости. Если же Павелъ, знавшій столько, былъ младенцемъ, то представь, каково (будущее знаніе); если (настоящее есть) зерцало и гаданіе, то пойми отсюда, каково самое лице. Чтобы хотя немного объяснить 288
тебѣ это различіе и ввести въ душу твою хотя нѣкоторый лучъ разумѣнія этого предмета, припомни теперь, когда возсіяла благодать, о временахъ подзаконныхъ. До благодати тогдашнее казалось чѣмъ-то великимъ и удивительнымъ; но послѣ благодати, послушай, что говоритъ о томъ Павелъ: *не прославися прославленное въ части сей, за превосходящую славу* (2 Кор. III, 10). Но чтобы сказанное мною сдѣлалось еще болѣе яснымъ, возьмемъ какое-нибудь одно изъ тогдашнихъ священнодѣйствій, и ты увидишь различіе; представимъ, если хочешь, пасху ветхозавѣтную и новозавѣтную, и ты поймешь преимущество (послѣдней предъ первою). Іудеи совершали ее, но совершали какъ бы въ зерцалѣ и гаданіи; неизреченныхъ же таинъ они даже и на умѣ никогда не имѣли, и не знали, что прообразовали ихъ дѣйствія; они видѣли закланнаго агнца, кровь безсловеснаго и помазанныя ею двери; а что воплотившійся Сынъ Божій будетъ закланъ, избавитъ всю вселенную, дастъ въ снѣдь грекамъ и варварамъ кровь Свою, отверзетъ для всѣхъ небо, предложитъ тамошнія блага человѣческому роду, вознесетъ окровавленную плоть выше неба и неба небесъ и вообще выше всѣхъ горнихъ воинствъ—ангеловъ, архангеловъ и прочихъ силъ, и посадитъ ее на самомъ царскомъ престолѣ одесную Отца въ сіяніи неизреченной славы, — этого никто изъ

нихъ и даже никто изъ другихъ людей не зналъ тогда и не могъ представить въ умѣ своемъ. Но что говорятъ люди, дерзкіе на все? Говорятъ, будто слова: *нынѣ разумѣю отъ части*, сказаны (апостоломъ) о дѣлахъ домостроительства; а о Богѣ будто бы имѣлъ онъ совершенное знаніе. Какъ же онъ называетъ себя младенцемъ, какъ—видящимъ въ зерцалѣ и гаданіи, если онъ имѣлъ полное знаніе? Почему онъ приписываетъ такое знаніе исключительно Духу и никакой другой сотворенной силѣ, когда говоритъ: *кто бо вѣсть отъ человѣкъ, яже въ человѣцѣ, точію духъ человѣка, живущій въ немъ? Такожде и Божія никтоже вѣсть, точію Духъ Божій* (1 Кор. II, 11)? И Христосъ также приписываетъ это Себѣ одному, когда говоритъ: *не яко Отца видѣлъ есть кто, токмо сый отъ Бога, сый видѣ Отца* (Іоан. VI, 46), называя *видѣніемъ* самое ясное и совершенное знаніе. И какъ знающій существо (Божіе) можетъ не знать дѣлъ домостроительства Его? Вѣдь знаніе перваго выше послѣдняго. Слѣдовательно, скажутъ, мы не знаемъ Бога? Нѣтъ, мы знаемъ, что Онъ есть, но не знаемъ, что такое Онъ по существу Своему. Чтобы тебѣ убѣдиться, что слова: *нынѣ разумѣю отъ части*, (апостолъ) сказалъ не о дѣлахъ домостроительства, выслушай, что далѣе онъ присовокупилъ: *тогда же познаю, якоже и познанъ быхъ*; а онъ познанъ не дѣлами домостроительства, но Богомъ. Итакъ, пусть никто не считаетъ этого преступленія маловажнымъ и незначительнымъ, но двойнымъ, тройнымъ и многократнымъ, потому что безразсудно не только то, что они хвалятся знаніемъ, свойственнымъ одному Духу и единородному Сыну Божію, но и то, что они считаютъ себя достигшими всего посредствомъ собственныхъ умствованій, тогда какъ и Павелъ не могъ даже этого *разумѣнія отъ части* имѣть безъ откровенія свыше; и не могутъ они указать, чтобы въ Писаніи
289 гдѣ-нибудь было сказано намъ объ этомъ. Впрочемъ, оставимъ ихъ безуміе и перейдемъ къ послѣдующимъ словамъ о любви. Не довольствуясь вышесказаннымъ, (апостолъ) присовокупляетъ: *нынѣ же пребываютъ вѣра, надежда, любы, три сія: больши же сихъ любы* (ст. 13).

3. Вѣра и надежда прекращаются, когда являются блага, составляющія предметъ вѣры и надежды. Павелъ объяснилъ это, когда сказалъ: *упованіе бо видимое нѣсть упованіе: еже бо видитъ кто, что и уповаетъ* (Рим. VIII, 24)? И еще: *есть же вѣра уповаемыхъ извѣщеніе, вещей обличеніе невидимыхъ* (Евр. XI, 1). Потому онѣ прекращаются, когда тѣ являются; а любовь тогда особенно и возрастаетъ и дѣлается сильнѣйшею. Вотъ новая похвала любви. Не довольствуясь прежде сказаннымъ, (апостолъ) старается найти въ ней еще нѣчто иное. Смотри: онъ сказалъ, что любовь есть

великій даръ и превосходнѣйшій путь къ дарамъ; сказалъ, что безъ ней дарованія не приносятъ большой пользы; начерталъ ея образъ обильно; а теперь хочетъ иначе возвысить ее и показать величіе ея тѣмъ, что она не прекращается. *Нынѣ же*, говоритъ, *пребываютъ вѣра, надежда, любы, три сія: больши же сихъ любы.* Почему же любовь больше? Потому, что тѣ преходятъ. Если же такова сила любви, то онъ справедливо далѣе присовокупляетъ: гонитесь за любовью (XIV, 1); нужно гнаться и сильно стремиться къ ней: такъ она улетаетъ отъ насъ, и столько препятствій стремленію къ ней! Потому намъ нужны великія усилія, чтобы достигнуть ея. Чтобы выразить это, Павелъ не сказалъ: ищите любви, но: гонитесь за ней, побуждая насъ и воспламеняя къ ея достиженію. И Богъ отъ начала принималъ множество мѣръ, чтобы насадить ее въ насъ. Онъ даровалъ всѣмъ намъ одну главу— Адама. Для чего всѣ мы не происходимъ изъ земли? Для чего не (происходимъ) совершенными, какъ онъ? Для того, чтобы рожденіе, воспитаніе и происхожденіе другъ отъ друга привязывали насъ другъ къ другу. Потому Онъ не сотворилъ и жены изъ земли. Такъ какъ единства природы было бы недостаточно для побужденія насъ къ единодушію, если бы мы не имѣли одного прародителя, то Онъ сдѣлалъ и это. Если мы нынѣ, раздѣляясь одними только мѣстами, чуждаемся другъ друга, то тѣмъ болѣе было бы такъ, если бы родъ нашъ имѣлъ два начала. Потому Онъ и соединилъ какъ бы одною главою все тѣло человѣческаго рода. И такъ какъ въ началѣ, повидимому, было два лица, то смотри, какъ Онъ опять соединилъ ихъ и совокупилъ въ одно посредствомъ брака: *сего ради*, сказалъ Богъ, *оставитъ человѣкъ отца своего и матерь, и прилѣпится къ женѣ своей, и будета два въ плоть едину* (Быт. II, 24). Не сказалъ: жена, но: *человѣкъ*, потому что въ немъ привязанность бываетъ сильнѣе; а сильнѣйшею сдѣлалъ ее для того, чтобы силою этой любви превосходнѣйшее существо преклонить и привязать къ слабѣйшему. Такъ какъ надлежало установить и бракъ, то Онъ сдѣлалъ женѣ мужемъ того, отъ кого она произошла. Для Бога все ниже любви. Если и при этомъ первый человѣкъ скоро впалъ въ такое безуміе и діаволъ посѣялъ такую вражду и зависть, то чего не сдѣлалось бы, если бы они происходили не отъ одного корня? Далѣе, устрояя, чтобы одинъ повиновался, а другой повелѣвалъ,—такъ какъ равенство чести часто производитъ вражду,—Онъ учредилъ не народное правленіе, но царское, и по- 290
добно какъ въ войскѣ, такой же порядокъ можно видѣть въ каждомъ домѣ. Мужъ занимаетъ мѣсто царя; жена—мѣсто правителя и военачальника; дѣти получили власть третьей степени; затѣмъ власть четвертой степени принадлежитъ рабамъ,—потому

что и они имѣютъ власть надъ низшими, и часто который-нибудь одинъ бываетъ поставленъ надъ всѣми, замѣняя господина, будучи, впрочемъ самъ рабомъ; потомъ и между ними опять есть еще другія степени власти: иная у женъ, иная у дѣтей, и у самихъ дѣтей также различныя, сообразно съ возрастомъ и поломъ, потому что и у дѣтей женскій полъ имѣетъ власть неодинаковую (съ мужскимъ). Вездѣ Богъ устроилъ степени и разнообразіе власти, чтобы все пребывало въ единодушіи и великомъ согласіи. Потому и прежде размноженія рода нашего, когда были только два первыхъ человѣка, Онъ повелѣлъ одному начальствовать, а другой подчиняться. Чтобы (первый) не сталъ презирать и не отвергъ (послѣдней), какъ низшей, смотри, какъ Богъ почтилъ и соединилъ ее съ нимъ еще прежде сотворенія: *сотворимъ ему помощника* (Быт. II, 18), сказалъ Онъ, выражая, что она сотворена для его пользы, и такимъ образомъ соединяя его съ тою, которая для него сотворена, такъ какъ мы бываемъ особенно расположены къ тому, что́ сдѣлано для насъ. Чтобы опять не стала превозноситься она, какъ назначенная въ помощь ему, и не расторгла этихъ узъ, Богъ сотворилъ ее изъ ребра его, внушая, что она есть часть цѣлаго тѣла. А чтобы и мужъ не сталъ превозноситься этимъ, дальнѣйшее Онъ не предоставилъ ему одному, какъ принадлежало ему одному предыдущее, но сдѣлалъ противное тому, устроивъ дѣторожденіе, въ которомъ хотя отдалъ предпочтеніе мужу, однако не все предоставилъ ему.

4. Видишь ли, сколько Богъ устроилъ узъ любви? Во всемъ этомъ заключаются естественные залоги единодушія. Подлинно, къ нему приводитъ единство природы,—такъ какъ *всяко животно любитъ подобное себѣ* (Сир. XIII, 19),—происхожденіе жены отъ мужа, и дѣтей отъ нихъ обоихъ. Отсюда происходятъ многіе роды любви: одного мы любимъ какъ отца, другого какъ дѣда, одну какъ мать, другую какъ кормилицу, одного опять какъ сына, внука, или правнука, другую какъ дочь, или внуку, одного какъ брата, другого какъ племянника, одну какъ сестру, другую какъ племянницу. Впрочемъ для чего исчислять всѣ виды родства? (Богъ) употребилъ и другое побужденіе къ любви: запретивъ браки между родственниками, Онъ обратилъ насъ къ чужимъ, а ихъ расположилъ къ намъ. Такъ какъ они не соединены съ нами естественнымъ родствомъ, то Онъ соединилъ иначе—посредствомъ брака, совокупляя посредствомъ одной невѣсты цѣлые домы и сводя цѣлые роды съ родами. *Да не поймеши*, сказалъ Онъ, *сестры твоея, ни сестры отца*, ни иной дѣвицы, имѣющей съ тобою такое родство, которое препятствуетъ браку,—перечисливъ поименно виды подобнаго родства (Лев. XVIII). Довольно для

любви твоей къ нимъ того, что ты родился изъ одной съ ними утробы, или связанъ съ ними другимъ образомъ. Для чего же стѣснять широту любви? Для чего болѣе надлежащаго усиливать расположеніе къ любви здѣсь, тогда какъ можешь получить иной поводъ къ любви, взявъ жену изъ чужихъ и съ нею рядъ родственниковъ,—мать, отца, братьевъ и ихъ ближнихъ? Видишь ли, 291
сколь многими способами (Богъ) соединилъ насъ? Но Онъ не удовольствовался и этимъ, а устроилъ еще, что мы имѣемъ нужду другъ въ другѣ, чтобы и такимъ образомъ соединить насъ, такъ какъ нужда особенно производитъ общеніе. Для того Онъ не попустилъ, чтобы все находилось всюду, чтобы и этимъ заставить однихъ имѣть общеніе съ другими. Устроивъ такъ, что мы имѣемъ нужду другъ въ другѣ, Онъ сдѣлалъ также и сношенія удобными. Если бы этого не было, то опять возникли бы непріятности и затрудненія; если бы напр. имѣющій нужду во врачѣ, плотникѣ или другомъ ремесленникѣ долженъ былъ совершать далекое путешествіе, то все погибло бы. Потому Онъ и устроилъ города, и собралъ всѣхъ вмѣстѣ. А чтобы и къ живущимъ далеко мы могли отправиться удобно, Онъ распростеръ между (городами) море и послалъ быстрые вѣтры, сдѣлавъ такимъ образомъ сообщенія удобными. Въ началѣ же Онъ поселилъ всѣхъ въ одномъ мѣстѣ и разсѣялъ не прежде, какъ первые люди, получившіе этотъ даръ, злоупотребили согласіемъ. Такъ Онъ соединилъ насъ всѣми способами—и природою, и родствомъ, и языкомъ, и мѣстомъ! Онъ не хотѣлъ, чтобы мы лишились рая,—вѣдь, если бы хотѣлъ, то не поселилъ бы въ немъ первозданнаго человѣка,—но виновенъ въ томъ нарушившій заповѣдь; не хотѣлъ также, чтобы мы были разноязычными,—а иначе сдѣлалъ бы это въ началѣ,—но тогда *бѣ вся земля устнѣ единѣ и гласъ единъ всѣмъ* (Быт. XI, 1). Поэтому и когда надлежало истребить живущихъ на землѣ, Онъ даже тогда не создалъ насъ изъ другого вещества и не переселилъ (на небо) праведника, но, оставивъ его среди потопа, какъ бы какую искру вселенной, опять возжегъ родъ нашъ отъ блаженнаго Ноя. Въ началѣ Онъ установилъ одну власть, поставивъ мужа надъ женою; но когда родъ нашъ пришелъ въ великое разстройство, то Онъ учредилъ и другія (власти)—господъ, правителей; и это также для любви. Злоба развращала и погубляла родъ нашъ,—потому Онъ посадилъ среди городовъ судей, какъ бы какихъ врачей, чтобы они, истребляя злобу, какъ бы какую заразу любви, собирали всѣхъ въ одно. А чтобы не только въ городахъ, но и въ каждомъ домѣ было великое согласіе, Онъ почтилъ мужа властію и преимуществомъ, а жену вооружилъ страстію, и между обоими поставилъ даръ чадо-

родія, употребивъ кромѣ того и другія связи любви. Не все Онъ
предоставилъ мужу, и не все—женѣ, но все раздѣлилъ между
обоими, вручивъ ей домъ, а ему торжище, предоставивъ ему
снискивать пропитаніе,—онъ именно воздѣлываетъ землю,—а ей
устроять одежду,—именно пряжа и тканье дѣло жены, ей далъ
Онъ искуство прясть. Но да погибнетъ сребролюбіе, нарушающее
такой порядокъ! Изнѣженность многихъ обратила и мужей къ
пряжѣ и дала имъ въ руки ткацкіе челноки, утóкъ и кросна.
Впрочемъ и при этомъ сіяетъ промышленіе божественнаго домо-
строительства. И жена весьма намъ нужна въ другихъ вещахъ
необходимѣйшихъ, и низшіе нужны намъ для поддержанія на-
шей жизни: потребность эта такова, что хотя бы кто былъ богаче
всѣхъ людей, однако не можетъ чуждаться общенія съ другими
292 и не нуждаться въ бѣднѣйшемъ. Не только бѣдные имѣютъ ну-
жду въ богатыхъ, но и богатые въ бѣдныхъ, и первые даже болѣе
въ послѣднихъ, нежели послѣдніе въ первыхъ.

5. Чтобы тебѣ видѣть это яснѣе, построимъ, если угодно,
два города, одинъ состоящій изъ богатыхъ, а другой—изъ бѣд-
ныхъ; пусть въ городѣ богатыхъ не будетъ ни одного бѣднаго,
а въ городѣ бѣдныхъ ни одного богатаго человѣка; отдѣлимъ
тщательно одинъ отъ другого и посмотримъ, который изъ нихъ
болѣе будетъ въ состояніи удовлетворить себѣ. Если найдемъ,
что городъ бѣдныхъ можетъ сдѣлать это, то очевидно, что бога-
тые болѣе будутъ нуждаться въ нихъ. Въ городѣ богатыхъ не
будетъ ни одного ремесленника, ни строителя, ни плотника, ни
сапожника, ни хлѣбопекаря, ни земледѣльца, ни кузнеца, ни ве-
ревочника,—ни одного изъ подобныхъ людей. Да и кто изъ бо-
гатыхъ захочетъ когда-нибудь приняться за такія дѣла, если и
сами занимающіеся ими, когда разбогатѣютъ, не переносятъ
трудностей такихъ работъ? Какъ же будетъ существовать этотъ
городъ? За деньги, скажешь, богатые купятъ все это у бѣдныхъ?
Слѣдовательно, они не удовлетворяютъ сами себѣ, если нуждают-
ся въ бѣдныхъ. Какъ они будутъ строить домы? Или купятъ и
ихъ? Но это невозможно по существу дѣла. Потому необходимо
пригласить сюда ремесленниковъ и нарушить законъ, который
мы постановили вначалѣ, когда населяли городъ; помните, мы
сказали, чтобы не было въ немъ ни одного бѣднаго. Но вотъ
нужда, противъ нашей воли, призвала и поселила ихъ здѣсь.
Отсюда видно, что городу невозможно существовать безъ бѣд-
ныхъ; и если городъ будетъ продолжать не принимать никакого
изъ нихъ, то онъ уже не будетъ городомъ и погибнетъ. Итакъ,
онъ не удовлетворитъ себѣ, если не соберетъ у себя бѣдныхъ,
какъ бы какихъ спасителей. Посмотримъ теперь на городъ бѣд-

ныхъ, будетъ ли и онъ такъ нуждаться, лишившись богатыхъ. Но напередъ опредѣлимъ богатство и объяснимъ, въ чемъ оно состоитъ. Что же такое—богатство? Золото, серебро, драгоцѣнные камни, шелковыя, пурпуровыя и золотыя одежды. Объяснивъ, что такое богатство, извергнемъ его изъ города бѣдныхъ, если хотимъ устроить чисто городъ бѣдныхъ; пусть здѣсь даже во снѣ не видится золото и золотыя одежды, а если хочешь, то и серебро и серебряныя вещи. Что же, скажи мнѣ, въ нуждѣ ли будутъ жить обитатели этого города? Нѣтъ. Нужно ли построить домъ, для этого требуется не серебро, золото и жемчугъ, но искусство и руки, и не просто руки, а мозолистыя, пальцы заскорузлые, великая сила, дерево и камни; нужно ли выткать одежду, для этого опять требуется не золото и серебро, но руки, искусство и способныя къ работѣ женщины; нужно ли копать и воздѣлывать землю, для этого также кто нуженъ—богатые или бѣдные? Очевидно, что бѣдные. Если надобно будетъ ковать желѣзо, или дѣлать что-нибудь другое подобное, для этого особенно требуется намъ такой народъ. Когда же намъ могутъ быть нужны богатые? Ужъ не тогда ли, когда бы потребовалось разрушить городъ? Подлинно, если съ ихъ появленіемъ эти любомудрые люди,—любомудрыми я называю тѣхъ, которые не ищутъ ничего лишняго,—впадутъ въ страсть къ золоту и жемчугу, предадутся праздности и роскоши, то они погубятъ все. Если же, скажешь, богатство безполезно, то для чего оно дано Богомъ? А откуда 293
извѣстно, что богатство отъ Бога? Писаніе, скажешь, говоритъ: *мое сребро и мое злато*, и кому хочу, дамъ его (Агг. II, 9). Здѣсь, если бы не было стыдно, я засмѣялся бы громкимъ смѣхомъ, въ посмѣяніе говорящихъ это; какъ малыя дѣти, сидящія за царскою трапезою, вмѣстѣ съ такою пищею кладутъ въ ротъ все, что случится, такъ и они, вмѣстѣ съ словами божественныхъ Писаній, приводятъ и свои вымыслы. Я знаю, что слова: *мое сребро и мое злато* сказаны пророкомъ; но слова: *и кому хочу, дамъ его* не прибавлены, а привнесены этими невѣждами. А для чего они сказаны, я объясню вамъ. Пророкъ Аггей часто обѣщалъ іудеямъ, что, по возвращеніи ихъ изъ Вавилона, храмъ будетъ возстановленъ въ прежнемъ видѣ, но нѣкоторые не вѣрили словамъ его и считали почти невозможнымъ, чтобы домъ (Божій) опять явился такимъ же изъ пепла и праха; потому онъ, чтобы уничтожить ихъ невѣріе, говоритъ имъ отъ лица Божія какъ бы такъ: чего вы страшитесь? Почему не вѣруете? *Мое сребро и мое злато*; Я не имѣю нужды занимать у другихъ, чтобы украсить домъ свой. Въ подтвержденіе этого онъ присовокупилъ: *будетъ слава храма сего послѣдняя паче первыя* (Агг. II, 10). Итакъ, не будемъ

вплетать паутинныхъ тканей въ царскую одежду: вѣдь если тотъ, кто былъ бы обличенъ въ примѣшиваніи къ багрянинѣ негодныхъ нитей, подвергся бы жестокой казни, то тѣмъ болѣе въ предметахъ духовныхъ подобный поступокъ есть немаловажный грѣхъ. Но что я говорю о прибавленіи и убавленіи? Отъ одной точки и отъ одного неправильнаго чтенія (Писанія) часто раждались многія нелѣпыя мысли.

6. Откуда же, скажешь, богатые? Вѣдь сказано: *богатство и нищета отъ Господа* (Сир. xi; 14). Но спросимъ возражающихъ намъ: всякое ли богатство и всякая ли бѣдность отъ Господа? Кто можетъ сказать это? Мы видимъ, что многіе собираютъ великое богатство хищеніемъ, гробокопательствомъ, чародѣйствомъ и другими подобными способами, и, владѣя имъ, даже недостойны жизни. Что же, отвѣчай мнѣ, можно ли сказать, что это богатство отъ Бога? Нѣтъ. Откуда же? Отъ грѣха. Блудница, оскверняя свое тѣло, обогащается; благообразный юноша, часто продавая красоту свою, постыдно пріобрѣтаетъ золото; гробокопатель, разрывая могилы, собираетъ неправедное богатство; также—и воръ, подкапывая стѣны. Итакъ всякое ли богатство отъ Бога? Что же, спросишь, скажемъ мы на упомянутое изреченіе? Напередъ выслушай, что бываетъ и бѣдность не отъ Бога, а потомъ обратимся къ упомянутому изреченію. Когда какой-нибудь невоздержный юноша растратитъ богатство на блудницъ, на чародѣевъ, или на какія-нибудь другія подобныя прихоти, и сдѣлается бѣднымъ, то не явно ли, что это произошло не отъ Бога, но отъ собственнаго его невоздержанія? Также, если кто сдѣлается бѣднымъ отъ праздности, если кто впадетъ въ нищету
294 отъ безразсудства, или отъ того, чта предпринималъ дѣла опасныя и беззаконныя, то не совершенно ли явно, что никто изъ нихъ и имъ подобныхъ не введенъ въ эту бѣдность Богомъ? Итакъ, Писаніе говоритъ ложь? Да не будетъ! Но заблуждаются тѣ, которые не изслѣдуютъ всего написаннаго съ надлежащимъ тщаніемъ. Вѣдь если извѣстно, что Писаніе не ложно, и если доказано, что не всякое богатство отъ Бога, то недоумѣніе происходитъ отъ вины невнимательныхъ читателей. Здѣсь, освободивъ Писаніе отъ нареканій, намъ слѣдовало бы остановиться, чтобы тѣмъ наказать васъ за небреженіе къ Писанію; но такъ какъ я весьма жалѣю васъ и не могу долго видѣть васъ въ смущеніи и безпокойствѣ, то теперь же предложу и разрѣшеніе, объяснивъ напередъ, кто сказалъ упомянутыя слова, когда и кому. Богъ не одинаково бесѣдуетъ со всѣми, подобно какъ и мы не одинаково говоримъ съ дѣтьми и съ людьми взрослыми. Когда же это сказано, кѣмъ и кому? Соломономъ, въ ветхомъ

завѣтѣ, іудеямъ, не знавшимъ ничего, кромѣ предметовъ чувственныхъ, и по нимъ судившимъ о силѣ Божіей. Они говорили: *еда и хлѣбъ можетъ дати* (Ис. LXXV, 20)? И еще: какое *знаменіе* покажеши *намъ* (Мѳ. XVI, 1)? *Отцы наши ядоша манну въ пустыни* (Іоан. VII, 31). *Имже Богъ чрево* (Фил. III, 19). Такимъ образомъ они судили о Богѣ; потому (Премудрый) говоритъ имъ, что для Него возможно и это,—дѣлать и богатыми и бѣдными, не потому, будто Онъ непремѣнно дѣлаетъ это, но можетъ дѣлать, когда хочетъ. Такъ (пророкъ) говоритъ: *запрещаяй морю, и изсушаяй е, и вся рѣки опустошаяй* (Наум. I, 4); но этого никогда не было. Какъ же пророкъ говоритъ объ этомъ? Не какъ о бывающемъ всегда, но какъ о томъ, что Онъ можетъ сдѣлать. Какую же Онъ посылаетъ бѣдность и какое богатство? Вспомни патріарха и узнаешь, какое богатство посылается Богомъ. Онъ сдѣлалъ богатымъ Авраама и послѣ него Іова, какъ этотъ послѣдній самъ говоритъ: *аще благая пріяхомъ отъ Господа, злыхъ ли не стерпимъ* (Іов. II, 10)? И богатство Іакова происходило отсюда. Бываетъ отъ Него и бѣдность, достойная одобренія, которую нѣкогда Онъ предлагалъ богатому въ слѣдующихъ словахъ: *аще хощеши совершенъ быти, продаждь имѣніе твое, и даждь нищымъ, и гряди въ слѣдъ мене* (Мѳ. XIX, 21); также—ученикамъ, когда давалъ имъ слѣдующую заповѣдь: *не стяжите злата, ни сребра, ни двою ризу* (Мѳ. X, 9, 10). Итакъ, не говори, что Онъ даетъ всякое богатство; извѣстно, что оно собирается и убійствами, и хищеніемъ, и множествомъ другихъ способовъ. Но возвратимся къ прежнему вопросу. Если богатые нисколько не полезны намъ, то для чего они и существуютъ? Что сказать на это? То, что безполезны тѣ богатые, которые такими способами сами сдѣлали себя богатыми, а обогащенные Богомъ весьма полезны. Это можешь узнать изъ самыхъ дѣлъ ихъ. Авраамъ владѣлъ богатствомъ на пользу всѣхъ странниковъ и имѣвшихъ нужду. Когда пришли къ нему три, какъ думалъ онъ, человѣка, то онъ закололъ тельца и замѣсилъ три мѣры пшеничной муки; вспомни, какъ онъ, сидя у 295
воротъ во время полудня, щедро и усердно раздѣлялъ со всѣми свое имущество, предлагая кромѣ имущества и тѣлесное служеніе, и притомъ въ такой старости; онъ былъ пристанищемъ странниковъ и терпѣвшихъ нужду, и не считалъ своимъ ничего, даже собственнаго сына,—по повелѣнію Божію, отдалъ и его; отдалъ вмѣстѣ съ сыномъ и себя и весь домъ, когда поспѣшалъ спасти племянника; притомъ дѣлалъ это не для пріобрѣтенія имущества, но единственно по человѣколюбію, такъ какъ, когда спасенные имъ сдѣлали его распорядителемъ добычи, онъ отказался отъ всего, *отъ нити до ремени сапожнаго* (Быт. XIV, 23).

7. Таковъ же былъ блаженный Іовъ. *Дверь моя*, говоритъ онъ, *всякому приходящему отверста бѣ* (Іов. xxxi, 32); *око бѣхъ слѣпымъ, нога же хромымъ: азъ бѣхъ отецъ немощнымъ* (xxix, 15, 16); *и внѣ не водворяшеся странникъ* (xxxi, 32); *немощніи же аще когда чесого требоваху, не не получиша, не оставихъ маломощнаго изыти изъ дверей моихъ тщимъ нѣдромъ* (xxxi, 19, 34). И гораздо больше этого,—чтобы намъ теперь не исчислять всего,—онъ постоянно дѣлалъ, употребляя все свое богатство на нуждающихся. А не хочешь ли посмотрѣть на тѣхъ, которые сдѣлались богатыми не отъ Бога, и узнать, какъ они пользовались богатствомъ? Посмотри на (богача, упомянутаго) съ Лазаремъ, даже не удѣлявшаго крупицъ; посмотри на Ахаава, присвоившаго виноградникъ; посмотри на Гіезія; посмотри на всѣхъ подобныхъ людей. Пріобрѣтающіе праведно, получивъ (богатство) отъ Бога, употреб-
296 ляютъ его согласно съ заповѣдями Божіими; а оскорбляющіе Бога въ пріобрѣтеніи дѣлаютъ тоже и въ употребленіи, расточая его на блудницъ и праздныхъ нахлѣбниковъ, или закапывая и запирая, а не удѣляя ничего бѣдному. Почему же, скажешь, Богъ попускаетъ такимъ людямъ дѣлаться богатыми? Потому, что Онъ долготерпѣливъ и хочетъ привести насъ къ покаянію; потому, что Онъ уготовалъ геенну и назначилъ день, въ который будетъ судить вселенную. Если бы Онъ тотчасъ наказывалъ обогащающихся неправедно, то Закхей не имѣлъ бы времени раскаяться и отдать вчетверо больше того, что похитилъ, съ приложеніемъ половины собственнаго имущества; Матѳей не могъ бы перемѣниться и сдѣлаться апостоломъ, если бы не имѣлъ надлежащаго времени, и многіе другіе подобные. Потому Онъ долготерпитъ, призывая всѣхъ къ покаянію. Если же они не захотятъ (покаяться) и будутъ продолжать тоже, то о нихъ сказалъ Павелъ, что они *по жестокости своей и непокаянному сердцу собираютъ себѣ гнѣвъ въ день гнѣва и откровенія праведнаго суда Божія* (Рим. II, 5). Чтобы намъ избѣжать этого гнѣва, будемъ собирать богатство небесное и искать бѣдности, достойной одобренія. Тогда мы получимъ и будущія блага, которыхъ да сподобимся всѣ мы, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XXXV.

Держитеся любве, ревнуйте же духовнымъ, паче же да пророчествуете (1 Кор. XIV, 1). 295

1. Обстоятельно показавъ (коринѳянамъ) все достоинство любви, (апостолъ) наконецъ убѣждаетъ ихъ ревностно стремиться къ ней; потому и говоритъ: *держитеся* (διώκετε). Гонящійся за чѣмъ-нибудь видитъ только то, чего старается достигнуть, устремляетъ къ тому все вниманіе и не отстаетъ, пока не достигнетъ. Когда онъ не можетъ достигнуть самъ собою, то старается остановить бѣгущаго при помощи находящихся впереди его, съ великимъ усердіемъ убѣждая находящихся вблизи задержать бѣгущаго и задержавъ не выпускать, пока онъ самъ не достигнетъ до него. Такъ же будемъ поступать и мы: если не достигаемъ до любви, то будемъ просить находящихся близко къ ней задержать ее, пока мы не приближимся къ ней; а когда достигнемъ, то постараемся не опускать ея, чтобы она опять не убѣжала отъ насъ. Она часто удаляется отъ насъ, потому что мы обращаемся съ нею не надлежащимъ образомъ и предпочитаемъ ей все другое. Потому надобно употреблять всѣ мѣры, чтобы крѣпко держать ее. Если будетъ такъ, то мы безъ большого или, лучше, безъ всякаго труда, а напротивъ съ радостію и торжествомъ, будемъ идти по узкому пути добродѣтели. Потому (апостолъ) и говоритъ: *держитеся* ея. Далѣе, чтобы не подумали, будто онъ велъ рѣчь о любви для того, чтобы унизить дарованія, присовокупляетъ: *ревнуйте же духовнымъ, паче же да пророчествуете. Глаголяй бо языки не человѣкомъ глаголетъ, но Богу: никто же слышитъ, Духомъ же глаголетъ тайны. Пророчествуяй же, человѣкомъ глаголетъ созиданіе и утѣшеніе и утвержденіе* (ст. 2, 3). Здѣсь онъ сравниваетъ да- 296
рованія, и поставляетъ ниже другихъ даръ языковъ, доказывая, что онъ и не совсѣмъ безполезенъ, и не очень полезенъ самъ по себѣ. Коринѳяне много превозносились имъ и считали его великимъ дарованіемъ,—считали великимъ потому, что апостолы получили его прежде всего и съ такою торжественностію. Но это не дѣлало его превосходнѣе другихъ. Почему апостолы получили его прежде всего? Потому что должны были ходить повсюду. Какъ во время столпотворенія одинъ языкъ раздѣлился на многіе, такъ тогда многіе языки часто принадлежали одному человѣку, и одинъ и тотъ же говорилъ на персидскомъ, на римскомъ, на индійскомъ и на многихъ другихъ языкахъ, по внушенію Духа. Такое дарованіе называлось даромъ языковъ, потому что (владѣвшій имъ) могъ говорить вмѣстѣ на многихъ

языкахъ. Смотри же, какъ (апостолъ) и уничижаетъ его и возвышаетъ; словами: *глаголяй языки не человѣкомъ глаголетъ, но Богу: никто бо слышитъ*, уничижаетъ, показывая, что это дарованіе не очень полезно; а далѣе словами: *Духомъ же глаголетъ тайны*, опять возвышаетъ, чтобы оно не показалось излишнимъ, безполезнымъ и напрасно даннымъ. *Пророчествуяй же, человѣкомъ глаголетъ созиданіе и утѣшеніе и утвержденіе.* Видишь ли, съ какой стороны онъ доказываетъ превосходство этого дарованія? Со стороны его общеполезности. И вездѣ онъ предпочитаетъ то, что приноситъ пользу многимъ. А тѣ, скажи мнѣ, развѣ не людямъ
297 говорили? Но не съ такимъ назиданіемъ, увѣщаніемъ и утѣшеніемъ.

Имѣть вдохновеніе отъ Духа одинаково свойственно обоимъ, и пророчествующему и говорящему языками; но первый, т. е. пророчествующій, имѣетъ преимущество предъ послѣднимъ въ томъ, что онъ еще полезенъ слушателямъ. Говорящихъ языками не слышали не имѣвшіе этого дарованія. Что же? Неужели они не назидали никого? Да, говоритъ, только самихъ себя. Потому (апостолъ) и присовокупляетъ: *глаголяй языки себе зиждетъ* (ст. 4). Какимъ же образомъ, если онъ не знаетъ, что говоритъ? Но здѣсь (апостолъ) бесѣдуетъ о тѣхъ, которые знали, что говорили, знали сами, но не могли передать другимъ. *А пророчествуяй церковь зиждетъ.* Какое различіе между однимъ и церковію, такое же различіе между первымъ и послѣднимъ. Видишь ли мудрость (апостола), какъ онъ не обращаетъ этого дара въ ничто, а показываетъ, что онъ, хотя приноситъ пользу, но малую, и достаточенъ только для обладающаго имъ? Потомъ, чтобы не подумали, будто онъ по зависти къ нимъ унижаетъ языки,—а даръ этотъ имѣли многіе,—онъ отклоняетъ ихъ подозрѣніе и говоритъ: *хощу же всѣхъ васъ глаголати языки, паче же да прорицаете. Болій бо пророчествуяй, нежели глаголяй языки, развѣ аще не сказуетъ, да церковь созиданіе пріемлетъ* (ст. 5). Выраженія: *паче* и *болій* означаютъ не противоположность, но преимущество.

2. Отсюда также видно, что онъ не порицаетъ дарованія, но руководитъ слушателей къ лучшему, показывая и свое попеченіе о нихъ, и свою душу, чуждую всякой зависти. Не сказалъ: двое или трое; но—*всѣхъ васъ хощу глаголати языки*, и не только этого желаю, но и того, чтобы вы пророчествовали, и послѣдняго—болѣе, нежели перваго, *болій бо пророчествуяй*. Когда уже объяснилъ и доказалъ предметъ, тогда и объявляетъ свое желаніе, впрочемъ не просто, но съ прибавленіемъ: *развѣ аще кто не сказуетъ;* если онъ будетъ способенъ и къ этому, т. е. къ истолкованію, тогда, говоритъ, онъ дѣлается равнымъ пророку, потому

что тогда многіе получаютъ пользу. Надобно особенно замѣтить, какъ онъ во всемъ ищетъ ея (пользы) прежде всего. *Нынѣ же, братіе, аще пріиду къ вамъ языки глаголя, кую вамъ пользу сотворю, аще вамъ не глаголю или во откровеніи, или въ разумѣ, или пророчествіи, или въ наученіи* (ст. 6)? Но что, продолжаетъ онъ, говорить о другихъ? Пусть говорящимъ языками будетъ Павелъ: и тогда не будетъ никакой пользы слушателямъ. Говоритъ это съ цѣлью показать, что онъ ищетъ полезнаго для нихъ, и что онъ не питаетъ вражды къ имѣющимъ этотъ даръ, если не отказывается признать его безполезнымъ даже въ собственномъ своемъ лицѣ. Неприятное онъ всегда прилагаетъ къ собственному лицу, какъ и въ началѣ посланія сказалъ: *кто есть Павелъ? Кто же ли Аполлосъ? Кто же Кифа* (1 Кор. ш, 5)? То же дѣлаетъ и здѣсь: и я, говоритъ, не принесу вамъ пользы, *аще вамъ не глаголю или во откровеніи, или въ разумѣ, или въ пророчествіи, или въ наученіи.* Смыслъ словъ его слѣдующій: если я не скажу вамъ чего-нибудь такого, что можетъ быть для васъ удобопонятнымъ и яснымъ, а только покажу, что я имѣю даръ языковъ, то, выслушавъ языки, вы отойдете, не получивъ никакой пользы. *Обаче бездушная гласъ дающая, аще сопѣль, аще гусли, аще разнствія писканіемъ не дадятъ, како разумно будетъ пискание или гуденіе* (ст. 7)? Какая 298
польза отъ словъ, которыхъ вы не понимаете? И что я говорю, продолжаетъ онъ, что это безполезно у насъ, что полезно только ясное и понятное для слушателей? Тоже можно видѣть и на бездушныхъ музыкальныхъ инструментахъ: если напр. будешь дуть въ свирѣль, или ударять въ гусли безъ надлежащаго ритма и гармоніи, но смѣшанно и какъ попало, то не доставишь удовольствія никому изъ слушателей, потому что и отъ нечленораздѣльныхъ (инструментовъ) требуется нѣкоторая ясность, и если будешь ударять въ гусли или дуть въ свирѣль неискусно, то не сдѣлаешь ничего. Если же отъ бездушныхъ (предметовъ) мы требуемъ такой ясности, стройности и раздѣльности, если безсмысленнымъ звукамъ мы стараемся и усиливаемся придать великій смыслъ, то тѣмъ болѣе требуется осмысленность отъ одушевленныхъ и разумныхъ людей и духовныхъ дарованій. *Ибо аще безвѣстенъ гласъ труба дастъ, кто уготовится на брань* (ст. 8)? Отъ вещей не необходимыхъ (апостолъ) переходитъ къ необходимѣйшимъ и полезнѣйшимъ и говоритъ, что можно видѣть тоже не только на гусляхъ, но и на трубѣ. И отъ ней бываютъ стройные звуки, указывающіе то на войну, то на что-нибудь другое, то призывающіе къ нападенію, то—къ отступленію; и кто не знаетъ этого, тотъ подвергается крайней опасности. Чтобы объяснить это и указать эту опасность, онъ и говоритъ: *кто уготовится на*

брань? А кто не дѣлаетъ этого, тотъ погубляетъ все. Какъ же, скажете вы, это относится къ намъ? Къ вамъ это особенно и относится: потому онъ и присовокупляетъ: *тако и вы аще неблагоразумно слово дадите языкомъ, како уразумѣется глаголемое? Будете бо на воздухъ глаголюще* (ст. 9), т. е. не скажете ничего, будете говорить ни для кого. Вездѣ онъ доказываетъ безполезность (дара языковъ). Но, скажешь, если онъ безполезенъ, то для чего и данъ былъ? Для того, чтобы онъ былъ полезенъ получившему его; а чтобы онъ былъ полезенъ и другимъ, для того нужно было соединять съ нимъ истолкованіе. Все это говоритъ (апостолъ), желая соединить ихъ другъ съ другомъ, чтобы одинъ, не имѣющій дара истолкованія, призывалъ на помощь другого, имѣющаго такой даръ, и посредствомъ него дѣлалъ полезнымъ свой даръ. Потому онъ вездѣ и доказываетъ несовершенство дара, чтобы хотя такимъ образомъ соединить ихъ между собою; и кто думаетъ, что этотъ даръ достаточенъ для него самого, тотъ не столько возвышаетъ, сколько унижаетъ его, не устрояя, чтобы онъ сіялъ свѣтло при помощи истолкованія. Хорошъ и необходимъ этотъ даръ, но тогда, когда кто-нибудь объяснитъ сказанное. И палецъ—необходимый членъ, но если отдѣлишь его отъ прочихъ, то онъ будетъ не столько полезенъ; необходима и труба, но если она попусту издаетъ звуки, то бываетъ даже тягостна. Не проявится искусство, если не будетъ матеріала; не обработается и матеріалъ, если ему не будетъ сообщена форма. Поставь же голосъ на мѣсто матеріала, а ясность на мѣсто формы, безъ которой не можетъ быть никакой пользы отъ матеріала. *Толики, аще ключится, роди гласовъ суть въ мірѣ, и ни единъ ихъ безгласенъ*
299 (ст. 10), т. е. столько языковъ, столько нарѣчій, скиѳовъ, ѳракіанъ, римлянъ, персовъ, мавровъ, индійцевъ, египтянъ, и многихъ другихъ народовъ! *Аще убо не увѣмъ силы гласа, буду глаголющему иноязычникъ* (ст. 11).

3. Не думай, говоритъ, будто это случается только съ нами; тоже бываетъ и со всѣми. Такимъ образомъ, говоря это, я не порицаю языка, но показываю, что онъ безполезенъ для меня, пока бываетъ не ясенъ. Потомъ, чтобы обличеніе не было тяжкимъ, онъ уравниваетъ вину: *буду*, говоритъ, *глаголющему иноязычникъ, и глаголющій мнѣ иноязычникъ*, не по свойству языка, но по причинѣ нашего незнанія. Видишь ли, какъ онъ мало-помалу довелъ рѣчь до существеннаго? Такъ онъ обыкновенно дѣлаетъ: заимствуетъ примѣры издалека и оканчиваетъ тѣмъ, что собственно относится къ предмету. Сказавъ о свирѣли и гусляхъ, въ примѣрѣ которыхъ было много недостаточнаго и ненужнаго, онъ перешелъ къ трубѣ, (инструменту) полезнѣйшему, а потомъ

наконецъ и къ самому языку. Такъ и прежде, когда доказывалъ, что апостоламъ не запрещено получать (содержаніе отъ учениковъ), онъ началъ съ земледѣльцевъ, пастырей и воиновъ, а потомъ обратилъ рѣчь на ближайшее къ предмету, на ветхозавѣтныхъ священниковъ. Замѣть, какъ онъ вездѣ старается показать, что самый даръ не заслуживаетъ порицанія, а переноситъ вину на получившихъ его; не сказалъ: *буду иноязычникъ*, но: *глаголющему иноязычникъ*; и далѣе не сказалъ: *глаголющій иноязычникъ*, но: *глаголющій мнѣ иноязычникъ*. Что же, скажешь, должно дѣлать? Должно не только не порицать, но и увѣщевать и поучать, какъ и онъ самъ поступаетъ. Онъ именно, обличивъ, укоривъ и показавъ безполезность дара, наконецъ предлагаетъ совѣтъ и говоритъ: *тако и вы, понеже ревнители есте духовомъ, яже къ созиданію церкве ищите, да избыточествуете* (ст. 12). Видишь ли всегдашнюю его цѣль, какъ онъ постоянно и во всемъ имѣетъ въ виду одно,—нужду многихъ, пользу церкви, поставляя это какъ бы какимъ правиломъ? И не сказалъ: чтобы вамъ получить дарованія, но: *да избыточествуете*, т. е. чтобы имѣть ихъ въ великомъ изобиліи. Я, говоритъ, не только далекъ отъ желанія, чтобы вы не имѣли ихъ, я напротивъ желаю, чтобы вы имѣли ихъ въ избыткѣ, если только вы будете употреблять ихъ на общую пользу. А какъ можетъ быть это, онъ объясняетъ далѣе: *тѣмже*, говоритъ, *глаголяй языкомъ, да молится, да скажетъ. Аще бо молюся языкомъ, духъ мой молится, а умъ мой безъ плода есть. Что убо есть? Помолюся духомъ, помолюся же и умомъ; воспою духомъ, воспою же и умомъ* (ст. 13—15). Здѣсь (апостолъ) показываетъ, что отъ нихъ зависитъ получить дарованіе: *да молится*, говоритъ, т. е. пусть приложитъ то, что въ его власти. Если усердно будешь просить, то получишь. Итакъ проси, чтобы тебѣ имѣть не одинъ только даръ языковъ, но и даръ истолкованія, чтобы тебѣ быть полезнымъ для всѣхъ, а не заключить дара въ одномъ себѣ. *Аще бо*, говоритъ, *молюся языкомъ, духъ мой молится, а умъ мой безъ плода есть.*

Видишь ли, какъ (апостолъ) мало-по-малу доводитъ рѣчь до того, что такой человѣкъ безполезенъ не только для другихъ, 300
но и для самого себя, такъ какъ и его умъ остается безъ плода? Если бы кто говорилъ только на персидскомъ языкѣ, или на какомъ-либо другомъ иностранномъ, и не зналъ, что говоритъ, то онъ былъ бы чужестранцемъ и для себя самого, а не только для другихъ, потому что не разумѣлъ бы силы словъ. Въ древности было много такихъ, которые вмѣстѣ съ даромъ языковъ имѣли даръ молитвы; они молились, языкъ ихъ произносилъ молитву на персидскомъ или римскомъ нарѣчіи, но умъ не разумѣлъ

произносимаго. Потому онъ и говоритъ: *аще молюся языкомъ, духъ мой молится*, т. е. дарованіе, данное мнѣ и приводящее языкъ въ движеніе, *а умъ мой безъ плода есть*. Что же лучше и полезнѣе, и какъ нужно поступать или чего просить у Бога? Того, чтобы молиться и духомъ, т. е. дарованіемъ, и умомъ. Потому онъ и говоритъ: *помолюся духомъ, помолюся же и умомъ*; *воспою духомъ, воспою же и умомъ*. И здѣсь онъ выражаетъ тоже, т. е. чтобы и языкъ говорилъ, и умъ не оставался невѣдущимъ сказаннаго. Если же этого не будетъ, то можетъ произойти и другое замѣшательство: *понеже*, говоритъ, *аще благословиши духомъ, исполняяй мѣсто невѣжды како речетъ: аминь, по твоему благодаренію, понеже не вѣсть, что глаголеши. Ты убо добрѣ благодариши, но другой не созидается* (ст. 16, 17). Смотри, какъ неуклонно и здѣсь онъ идетъ къ своей цѣли, вездѣ имѣя въ виду назиданіе церкви. Невѣждою онъ называетъ простолюдина и доказываетъ, что и онъ терпитъ не маловажный вредъ, когда не можетъ сказать: *аминь*. Смыслъ словъ его слѣдующій: если ты будешь благословлять на языкѣ иностранномъ, не зная, что говоришь, и не умѣя истолковать, то простолюдинъ не можетъ отвѣчать: *аминь;* не слыша окончательныхъ словъ: *во вѣки вѣковъ*, онъ не скажетъ: *аминь*. Потомъ онъ опять смягчаетъ рѣчь, чтобы не показалось, будто онъ слишкомъ унижаетъ даръ (языковъ), и какъ выше говорилъ, что (такой человѣкъ) *глаголетъ тайны, глаголетъ Богу, себе зиждетъ, молится духомъ*, предлагая въ этомъ немалое утѣшеніе, такъ и здѣсь говоритъ: *ты убо добрѣ благодариши*,—такъ какъ говоришь по внушенію Духа,—но тотъ, кто ничего не слышитъ и не понимаетъ сказаннаго, стоитъ, не получая большой пользы.

4. Послѣ того, какъ (апостолъ) противъ имѣющихъ даръ языковъ сказалъ, что въ этомъ нѣтъ ничего великаго, далѣе, чтобы не подумали, будто онъ унижаетъ ихъ потому, что самъ лишенъ его, смотри, что онъ говоритъ: *благодарю Бога, паче всѣхъ васъ языки глаголя* (ст. 18). Тоже онъ дѣлаетъ и въ другихъ случаяхъ. Такъ, намѣреваясь низложить тщеславныя притязанія іудейства и показать, что оно уже ничтожно, онъ напередъ изъясняетъ, что и самъ имѣлъ (эти притязанія) и притомъ въ высшей степени, а потомъ называетъ ихъ тщетою: *аще*, говоритъ, *что инъ мнитъ надѣятися во плоти, азъ паче. Обрѣзанъ осмодневно, отъ рода Израилева, колѣна Веніаминова, Евреинъ отъ Еврей, по закону Фарисей, по ревности гонихъ Церковь, по правдѣ законнѣй бывъ непороченъ* (Филип. ш, 4—6). Затѣмъ, когда доказалъ, что самъ имѣлъ всѣ эти преимущества, говоритъ: *но яже ми бяху пріобрѣтенія, сія вмѣнихъ Христа ради тщету* (ст. 7). Такъ онъ поступаетъ и здѣсь:

паче всѣхъ васъ, говоритъ, *языки глаголя;* потому не превозноситесь, какъ будто вы одни имѣете этотъ даръ; и я имѣю его, и притомъ 301
гораздо больше васъ. *Но въ церкви хощу пять словесъ умомъ моимъ глаголати, да и ины пользую* (ст. 19). Что значитъ: *умомъ моимъ глаголати, да и ины пользую?* Говорить то, что понимаю, что могу истолковать и другимъ, говорить съ сознаніемъ и поучать слушателей. *Нежели тмы словесъ языкомъ.* Почему? *Да и ины пользую*, говоритъ. Первое доставляетъ только показную славу, а послѣднее—великую пользу. Вездѣ онъ ищетъ одного—общей пользы. Хотя даръ языковъ былъ необыкновеннымъ, а даръ пророчества обыкновеннымъ, древнимъ, и принадлежалъ уже многимъ, между тѣмъ какъ тотъ сталъ извѣстенъ тогда въ первый разъ, однако (Павелъ) считалъ его не очень желательнымъ для себя, и даже не пользовался имъ, не потому, чтобы не имѣлъ его, но потому, что искалъ болѣе полезнаго. Онъ былъ чуждъ всякаго тщеславія и имѣлъ въ виду только одно, какъ бы сдѣлать лучшими слушателей. Потому онъ и могъ видѣть полезное и для себя и для другихъ, что былъ свободенъ отъ тщеславія; а кто поработилъ себя этой страсти, тотъ не можетъ видѣть полезнаго не только для другихъ, но и для себя. Таковъ былъ Симонъ, который, руководясь тщеславіемъ, не видѣлъ полезнаго и для себя (Дѣян. VIII); таковы были іудеи, которые потому же предали діаволу собственное спасеніе.

Отсюда произошли идолы, и внѣшніе (языческіе) мудрецы, побуждаемые тѣмъ же безуміемъ, впали въ нелѣпыя ученія. И посмотри, какъ превратна эта страсть; по ея побужденію одни изъ нихъ дѣлались бѣдными, другіе собирали богатство. Власть ея такова, что она выражаетъ силу свою даже въ вещахъ противоположныхъ: одинъ тщеславится цѣломудріемъ, другой напротивъ распутствомъ, одинъ—правдою, другой—неправдою, невоздержаніемъ и постомъ, кротостію и дерзостію, богатствомъ и бѣдностію. Нѣкоторые изъ внѣшнихъ, и имѣя возможность брать (съ другихъ), не брали для того, чтобы имъ удивлялись. Но апостолы были не таковы: они были чисты отъ тщеславія и доказали это своими дѣлами. Когда называли ихъ богами и готовы были принести имъ въ жертву увѣнчанныхъ воловъ, они не только остановили это, но и разодрали свои одежды (Дѣян. XIV). Когда они исцѣлили хромого и всѣ удивлялись имъ, они сказали: *что на ны взираете, яко своею ли силою сотворихомъ его ходити* (Дѣян. III, 12)? Тѣ избирали бѣдность между людьми, удивлявшимися бѣдности; а они—между людьми, презиравшими бѣдность и прославлявшими богатство, и тѣмъ, что получали, продовольствовали нуждавшихся. Такъ они все дѣлали не изъ тще-

славія, но по человѣколюбію! А тѣ, напротивъ, во всемъ, равно и съ имуществомъ, поступали, какъ враги и губители всей природы. Одинъ, какъ безумный и сумасшедшій, напрасно и безъ пользы потопилъ въ морѣ все свое имущество: другой оставилъ невоздѣланнымъ все свое поле. Такъ они все дѣлали изъ честолюбія! Но не такъ поступали апостолы: они и принимали предлагаемое, и раздавали это бѣднымъ съ такою щедростію, что
302 сами непрестанно терпѣли голодъ. Если бы они искали славы, то не поступали бы такъ, не принимали бы и не раздавали бы, опасаясь, чтобы не навлечь на себя какого-нибудь подозрѣнія. Вѣдь, кто бросаетъ свое изъ тщеславія, тотъ тѣмъ болѣе не возьметъ чужого, чтобы не показаться имѣющимъ нужду въ другихъ и не навлечь на себя подозрѣнія. Они же, какъ видишь, и служили и сами просили для нуждавшихся. Такъ они были любвеобильнѣе всѣхъ отцовъ! Посмотри, какъ и заповѣди ихъ соразмѣрны и чужды тщеславія: *имѣюще*, говоритъ (апостолъ), *пищу и одѣяніе, сими доволни будемъ* (1 Тим. VI, 8), не такъ, какъ тотъ Синоплянинъ (Діогенъ), который безъ всякой нужды одѣвался въ рубище и жилъ въ бочкѣ, удивлялъ многихъ, но пользы не принесъ никому. А Павелъ не дѣлалъ ничего подобнаго, потому что не руководился честолюбіемъ, но и одѣвался со всею благопристойностію, и жилъ всегда въ домѣ, и былъ совершенъ въ другихъ добродѣтеляхъ, которыя упомянутый киникъ презиралъ, проводя жизнь распутную, поступая безстыдно предъ всѣми и увлекаясь безумною страстію тщеславія. Въ самомъ дѣлѣ, если бы кто спросилъ, для чего онъ жилъ въ бочкѣ, то не нашелъ бы никакой другой причины, кромѣ одного тщеславія.

5. Павелъ давалъ даже плату за домъ, въ которомъ жилъ въ Римѣ (Дѣян. XXVIII, 30). Если онъ переносилъ гораздо труднѣйшее, то тѣмъ болѣе могъ бы также (жить внѣ дома). Но онъ не искалъ славы, этого дикаго звѣря, злого демона, язвы вселенной, ядовитой ехидны. Какъ ехидна расторгаетъ зубами чрево матери, такъ и эта страсть терзаетъ питающаго ее. Гдѣ же найти лѣкарство противъ этой разнообразной болѣзни? Нужно помышлять о тѣхъ, которые преодолѣли ее, и, взирая на примѣръ ихъ, согласно съ тѣмъ устроять собственную жизнь. И патріархъ Авраамъ... Но пусть никто не обвиняетъ насъ въ тождесловіи за то, что о немъ мы вспоминаемъ часто и при всякомъ случаѣ. Это особенно и дѣлаетъ его удивительнымъ, а не подражающихъ ему лишаетъ всякаго оправданія. Если бы мы показали нѣкоторую часть добродѣтели въ одномъ, и часть въ другомъ (человѣкѣ) добродѣтельномъ, то иной сказалъ бы, что добродѣтель неудобоисполнима, такъ какъ не легко одному совершить все то вообще,

что по частямъ совершилъ каждый изъ святыхъ. Но когда находится одинъ и тотъ же имѣющій все, то какое получатъ оправданіе тѣ, которые послѣ закона и благодати не могутъ сравниться съ жившими прежде закона и благодати? Какъ же этотъ патріархъ преодолѣлъ и побѣдилъ этого звѣря, когда имѣлъ распрю съ племянникомъ? Будучи обдѣленъ и не получивъ лучшей части, онъ не скорбѣлъ; а вы знаете, что въ такихъ случаяхъ стыдъ бываетъ хуже убытка для малодушныхъ, особенно когда человѣкъ бываетъ господиномъ всего, какъ былъ тогда онъ (Авраамъ), и когда самъ, напередъ оказавъ честь, не будетъ взаимно удостоенъ чести. Но ничто изъ всего этого не оскорбило его: получивъ худшую часть, онъ остался доволенъ и, будучи обиженъ старшій младшимъ, дядя племянникомъ, не вознегодовалъ и не огорчился, а напротивъ по прежнему оказывалъ ему любовь и попеченіе. Опять, одержавъ побѣду въ великой и страшной войнѣ и силою прогнавъ варваровъ, онъ не торжествовалъ 303
побѣды и не поставилъ трофея, потому что хотѣлъ только спасти (другихъ), а не показать (себя). Опять, когда онъ принималъ странниковъ, и тогда не тщеславился, но самъ выходилъ имъ на встрѣчу и кланялся, не какъ благодѣтельствующій, но какъ благодѣтельствуемый, называлъ пришельцевъ господами, не зная, кто они, и заставлялъ жену служить имъ. И прежде того въ Египтѣ, оказавшись столь удивительнымъ, получивъ обратно жену свою и удостоившись такой чести, онъ ни предъ кѣмъ не хвалился. Туземцы называли его царемъ, а онъ заплатилъ имъ даже за могилу (Быт. xxIII). Также, когда онъ посылалъ избрать невѣсту своему сыну, то не приказывалъ говорить о себѣ чего-нибудь великаго и славнаго, а просто—привести невѣсту. Не хочешь ли посмотрѣть и на жившихъ во времена благодати и видѣть, какъ они были чужды этой страсти даже тогда, когда великая слава ученія ихъ распространилась повсюду?

Посмотри на того самаго (апостола), котораго слова мы слушаемъ, какъ онъ постоянно все приписываетъ Богу, какъ онъ часто вспоминаетъ о грѣхахъ своихъ, а о подвигахъ никогда; если же бываетъ принужденъ сдѣлать это въ назиданіе ученикамъ, то называетъ это дѣло безуміемъ, уступаетъ первенство Петру, не стыдится работать у Прискиллы и Акилы и вездѣ старается показать себя смиреннымъ, не величаясь на торжищѣ и не окружая себя толпами народа, но помѣщаясь въ ряду незнатныхъ. Потому онъ и говорилъ: *пришествіе тѣла немощно* (2 Кор. x, 10), т. е. не важно и чуждо всякаго великолѣпія; и еще: *молимся, не сотворити вамъ ни единаго зла, не яко да мы искусни явимся* (2 Кор. xIII, 7). И что удивительнаго, если онъ

презираетъ эту (земную) славу? Если онъ презираетъ вышнюю славу, царство и геенну, для угожденія Христу,—а онъ именно желаетъ *отлученъ быти отъ Христа* для славы Христовой, и хотя говоритъ, что желаетъ подвергнуться этому *за Іудеевъ*, но говоритъ такъ, чтобы кто-нибудь изъ безумныхъ не подумалъ, что данныя имъ обѣтованія онъ присвояетъ себѣ,—если, говорю, онъ былъ готовъ презрѣть это, то удивительно ли, что онъ презираетъ славу человѣческую? Но нынѣшнихъ (людей) губитъ все, не только желаніе славы, но и противное тому: оскорбленіе и опасеніе безчестія; если кто станетъ хвалить тебя, ты надмеваешься, а если станетъ порицать, ты падаешь духомъ. Какъ слабыя тѣла терпятъ вредъ и отъ незначительныхъ причинъ, такъ и низкія души; ихъ губитъ не только бѣдность, но и богатство, не только печаль, но и радость, и даже пріятное болѣе, нежели печальное, потому что бѣдность заставляетъ быть воздержнымъ, а богатство часто доводитъ до великаго зла. И какъ одержимые горячкою бываютъ недовольны всѣмъ, такъ и испорченныя души отъ всего терпятъ вредъ.

6. Зная это, не будемъ избѣгать бѣдности и удивляться богатству, но будемъ устроять душу свою такъ, чтобы она была готова ко всему. Кто строитъ домъ, тотъ заботится не о томъ, чтобы на него не лился дождь и не падали (солнечные) лучи,—это и невозможно,—но чтобы онъ могъ вынести все. И кто строитъ корабль, тотъ заботится и старается не о томъ, чтобы его не поражали волны и не касалась морская буря,—это и невозможно,—
304 но чтобы стѣны корабля были способны вынести все. И кто укрѣпляетъ тѣло, тотъ также старается не о томъ, чтобы не было воздушныхъ перемѣнъ, но чтобы тѣло легко переносило все это. Точно такъ будемъ поступать и съ душею, будемъ стараться не о томъ, чтобы избѣгать бѣдности, или сдѣлаться богатыми, но чтобы принимать то и другое безопасно для себя самихъ. Не заботясь о нихъ, будемъ уготовлять душу пригодною и къ богатству и къ бѣдности. Вѣдь хотя бы и не случилось ничего свойственнаго людямъ,—что̀ бываетъ слишкомъ рѣдко,—и въ такомъ случаѣ не ищущій богатства и умѣющій легко переносить все гораздо лучше, чѣмъ живущій всегда въ богатствѣ. Почему? Во-первыхъ, такой (человѣкъ) имѣетъ опору спокойствія внутри себя, а не внѣ; какъ воинъ, полагающійся на крѣпость тѣла и воинское искусство, лучше того, который надѣется только на силу оружія, такъ и огражденный добродѣтелью лучше того, кто надѣется на деньги. Во-вторыхъ, богатый, хотя бы и не впалъ въ бѣдность, не можетъ быть спокойнымъ, потому что богатство причиняетъ много бурь и безпокойствъ. А добродѣтель напро-

тивъ доставляетъ только радость и спокойствіе; она дѣлаетъ человѣка недоступнымъ для коварныхъ враговъ, богатство же напротивъ дѣлаетъ его доступнымъ и удобопреклоннымъ. Изъ животныхъ олени и зайцы легче всѣхъ могутъ быть уловляемы по своей природной боязливости, а кабанъ, быкъ и левъ не легко попадаютъ въ руки охотниковъ; тоже можно видѣть на богатыхъ и на живущихъ въ добровольной бѣдности; послѣдній подобенъ льву и быку, а первый—оленю и зайцу. Кого въ самомъ дѣлѣ не боится богатый? Ужъ не разбойниковъ ли? Не властителей ли? Не завистниковъ ли? Не клеветниковъ ли? Но что я говорю о разбойникахъ и клеветникахъ, когда онъ съ подозрѣніемъ смотритъ на самихъ домашнихъ? И что я говорю (о томъ времени), когда онъ еще живъ? Даже и по смерти онъ не свободенъ отъ козней хищниковъ; и самая смерть не можетъ доставить ему безопасности, но и мертваго его грабятъ злодѣи. Такъ опасно богатство! Не только подкапываются жилища, но разрываются и могилы и гробницы. Что же можетъ быть хуже того, если самая смерть не доставляетъ ему безопасности, но даже лишившись жизни несчастное тѣло его не освобождается отъ житейскихъ золъ, если злодѣи возстаютъ даже противъ пыли и праха, и притомъ съ большею жестокостію, нежели при его жизни? Тогда, входя въ кладовую и разламывая сундуки, они по крайней мѣрѣ не касались тѣла и не брали столько, чтобы обнажить самое тѣло; а теперь нечистыя руки гробокопателей не воздерживаются и отъ этого, но сдвигаютъ съ мѣста (и тѣло), переворачиваютъ его и посмѣиваются надъ нимъ съ великою жестокостію. Когда оно бываетъ предано землѣ, то они, лишивъ его и покрова земли и одеждъ, оставляютъ его брошеннымъ въ такомъ видѣ. Кто же враждебнѣе богатства, которое при жизни губитъ душу, а по смерти подвергаетъ поруганію тѣло и не даетъ ему покоя въ землѣ, чего не лишены даже осужденные и тяжкіе преступники? И съ преступниками, наказавъ ихъ смертію, законодатели ничего болѣе не дѣлаютъ; а ихъ богатство и по смерти подвергаетъ жесточайшему наказанію—быть обнаженными и лишенными погребенія: ужасное и жалкое зрѣлище! Подлинно, участь ихъ тяжелѣе участи тѣхъ, которые подвергаются тому же по опредѣленію и гнѣву судей; послѣдніе, пробывъ не погребенными 305
одинъ или два дня, предаются землѣ; а первые, когда бываютъ преданы землѣ, тогда именно и обнажаются и подвергаются поруганію. Если воры уходятъ, не взявъ самаго гроба, то и этимъ онъ обязанъ не богатству, а бѣдности; она сохраняетъ его, такъ что, если бы мы и гробъ покрыли богатствомъ, или устроили бы его не изъ камня, а изъ золота, то лишились бы и его. Такъ не-

вѣрно богатство! Оно не столько принадлежитъ имѣющимъ его, сколько занимающимся хищничествомъ. Потому напрасно было бы доказывать, что невозможно удержать богатство, тогда какъ имѣющіе его не находятъ безопасности даже въ день смерти. Съ умершимъ кто не примиряется, хотя бы то былъ звѣрь, демонъ, или кто бы ни былъ? Достаточно одного взгляда на умершаго, чтобы тронуться человѣку желѣзному и безжалостному; когда кто смотритъ на мертваго, хотя бы въ немъ видѣлъ врага и непріятеля, то плачетъ вмѣстѣ съ ближайшими его друзьями; гнѣвъ погасаетъ вмѣстѣ съ жизнію и вмѣсто его является соболѣзнованіе; при выносѣ и погребеніи никто не различитъ врага и неврага: такъ всѣ почитаютъ общую природу и установленныя для нея законы! Но богатство, будучи чуждо этого, внушаетъ гнѣвъ противъ имѣющихъ его и дѣлаетъ врагами умершаго людей, нисколько не обиженныхъ имъ, потому что обнажать мертвое тѣло свойственно жестокимъ врагамъ и непріятелямъ. Природа примиряетъ съ нимъ тогда и враговъ; а богатство вооружаетъ противъ него и тѣхъ, которые не могутъ ни въ чемъ обвинить его и терзаютъ тѣло, совершенно уединенное. Многое здѣсь могло бы склонить на милость, и то самое, что оно мертво, неподвижно, готово обратиться въ землю и тлѣніе и безпомощно; но ничто подобное не трогаетъ злодѣевъ, преданныхъ преступной страсти. Страсть корыстолюбія, какъ бы какой жестокій тиранъ, настоятельно требуетъ отъ нихъ исполненія своихъ безчеловѣчныхъ повелѣній и,
306 обращая ихъ въ звѣрей, ведетъ къ гробницамъ. Нападая на умершихъ, какъ дикіе звѣри, они не отказались бы и отъ тѣлъ, если бы (тѣлесные) члены могли принести имъ пользу. Такіе-то плоды мы получаемъ отъ богатства: по смерти подвергаемся поруганію и лишаемся могилы, которой удостоиваются даже тяжкіе преступники! Неужели послѣ этого, скажи мнѣ, мы будемъ еще любить такого врага? Нѣтъ, братіе, нѣтъ, увѣщеваю васъ, побѣжимъ отъ него, не оглядываясь назадъ; если оно и само придетъ въ наши руки, не будемъ удерживать его у себя, но свяжемъ его руками бѣдныхъ; эти узы гораздо лучше могутъ удержать его; изъ этихъ хранилищъ оно никогда не убѣжитъ, и невѣрное сдѣлается наконецъ вѣрнымъ, тихимъ и кроткимъ, чрезъ подаяніе милостыни. Итакъ, когда оно придетъ къ намъ, будемъ употреблять его на это дѣло; если же не придетъ, не будемъ искать, изнурять себя и считать блаженными имѣющихъ его. Какое это блаженство? Развѣ назовешь блаженными занимающихся борьбою съ дикими звѣрями за то, что такіе борцы, заключивъ у себя дорого стоющихъ животныхъ, стерегутъ ихъ, между тѣмъ какъ сами не смѣютъ приступить и прикоснуться къ нимъ, боятся ихъ и тре-

пещуть. Нѣчто подобное испытываютъ и богатые, заключивъ богатство въ своихъ хранилищахъ, какъ дикаго звѣря, и каждый день получая отъ него тысячи ранъ, только не такъ, какъ отъ звѣрей. Звѣри, когда бываютъ выпущены, тогда и причиняютъ вредъ встрѣчающимся съ ними; а богатство, когда бываетъ заперто и хранимо, тогда и погубляетъ пріобрѣтшихъ и хранящихъ его. Сдѣлаемъ же этого дикаго звѣря кроткимъ. А онъ будетъ кротокъ, когда мы не станемъ запирать его, но будемъ передавать его въ руки всѣхъ нуждающихся. Такимъ образомъ мы получимъ отъ него величайшія блага, и настоящую жизнь будемъ проводить безмятежно и съ доброю надеждою, и въ будущій день предстанемъ съ дерзновеніемъ, котораго да сподобимся всѣ мы, благодатію и человѣколюбіемъ (Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь).

БЕСѢДА XXXVI.

Братіе, не дѣти бывайте умы, но злобою младенствуйте, 305
умы же совершенни бывайте (1 Кор. xiv, 20).

1. Послѣ многихъ объясненій и доказательствъ (апостолъ) справедливо употребляетъ теперь рѣчь болѣе сильную, соединенную съ великимъ обличеніемъ, и приводитъ примѣръ, сообразный съ предметомъ. Дѣти недоумѣваютъ и изумляются при видѣ малыхъ вещей, а при весьма великихъ не приходятъ въ такое удивленіе. Подобнымъ образомъ и имѣвшіе даръ языковъ, который былъ послѣднимъ изъ всѣхъ, думали, что они имѣютъ все; потому онъ и говоритъ: *не дѣти бывайте*, т. е. не будьте неразумными тамъ, гдѣ слѣдуетъ быть разумными, но будьте простыми дѣтьми тамъ, гдѣ неправда, гдѣ тщеславіе, гдѣ гордость. Кто младенецъ на злое, тому должно быть и мудрымъ; какъ мудрость съ злобою не была бы мудростію, такъ и простота съ неразуміемъ не была бы простотою; въ простотѣ надобно избѣгать неразумія, и въ мудрости—злобы. Какъ лѣкарства болѣе надлежащаго горь- 306
кія или сладкія не приносятъ пользы, такъ и простота и мудрость сами по себѣ. Потому и Христосъ, повелѣвая соединять то и другое, сказалъ: *будите убо мудри яко змія, и цѣли яко голубіе* (Мѳ. x, 16). Что же значитъ—*младенствовать злобою?* Даже и не знать, что такое зло; такими быть онъ желалъ имъ, когда говорилъ: *отнюдъ слышится въ васъ блуженіе* (1 Кор. v, 1). Не сказалъ: допускается, но: *слышится*. Вы вѣрно, говоритъ, знаете это, по-

тому что слышали о томъ нѣкогда. Онъ хотѣлъ, чтобы они были и мужами и дѣтьми, дѣтьми на злое, а мужами по мудрости. И мужъ тогда будетъ мужемъ, когда вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ младенцемъ; а пока онъ не будетъ младенцемъ на злое, то не будетъ и мужемъ, потому что злой не можетъ быть совершеннымъ, а бываетъ неразумнымъ. *Въ законѣ бо пишетъ, яко иными языки и усты иными возглаголю людемъ симъ, и ни тако послу-*
307 *шаютъ мене, глаголетъ Господь* (ст. 21). Въ законѣ нигдѣ этого не написано; но онъ, какъ я сказалъ прежде, всегда называетъ закономъ все ветхозавѣтное Писаніе, и пророческія и историческія книги. Приведенное свидѣтельство онъ заимствуетъ изъ пророка Исаіи, чтобы опять ограничить славу дара (языковъ), для пользы слушателей; и здѣсь впрочемъ говоритъ о немъ съ похвалою. Слова: *и ни тако* показываютъ, что чудо было достаточно для того, чтобы тронуть ихъ; если же они не убѣдились, то это ихъ вина. Для чего же Богъ сдѣлалъ это, если они не хотѣли убѣдиться? Чтобы сдѣлать съ своей стороны все нужное. Доказавъ пророчествомъ, что упомянутое знаменіе не очень полезно, (апостолъ) продолжаетъ: *тѣмже языцы въ знаменіе суть не вѣрующимъ, но невѣрнымъ: а пророчество не невѣрнымъ, но вѣрующимъ. Аще убо снидется церковь вся вкупѣ, и вси языки глаголютъ, внидутъ же и неразумивіи или невѣрніи, не рекутъ ли, яко бѣснуетеся? Аще же вси пророчествуютъ, внидетъ же нѣкій невѣренъ или невѣжда, обличается всѣми и истязуется отъ всѣхъ: и сице тайная сердца его явлена бываютъ, и падъ ницъ, поклонится Богови, возвѣщая, яко воистину Богъ съ вами есть* (ст. 22—25). Сказанное здѣсь можетъ возбудить въ комъ-нибудь большое недоумѣніе. Если языки служатъ знаменіемъ для невѣрныхъ, то какъ онъ говоритъ: если невѣрные увидятъ васъ говорящими на языкахъ, то скажутъ, что вы бѣснуетесь? И если пророчество не для невѣрныхъ, но для вѣрующихъ, то какъ получатъ отъ него пользу и невѣрные? *Аще же*, говоритъ, *вси пророчествуютъ, внидетъ же нѣкій невѣренъ, обличается всѣми и истязуется.* И не только этотъ, но кромѣ того и другой здѣсь рождается вопросъ: языки опять, повидимому, больше пророчества, потому что если языки служатъ знаменіемъ для невѣрныхъ, а пророчество для вѣрныхъ, то даръ, обращающій и дѣлающій своими чужихъ, больше дара, назидающаго своихъ. Что же означаютъ сказанныя слова? Они не затруднительны, не темны и не противорѣчатъ предъидущему, но весьма согласны съ нимъ, если мы вникнемъ. Пророчество полезно для тѣхъ и другихъ, а языки нѣтъ. Потому, сказавъ о языкахъ, что они *въ знаменіе суть*, (апостолъ) присовокупилъ: *не вѣрующимъ, но невѣрнымъ*, и притомъ *въ знаменіе*, т. е. болѣе для удивленія,

нежели для назиданія. Но, скажешь, и о пророчествѣ онъ выразился точно также въ словахъ: *а пророчество не невѣрнымъ, но вѣрующимъ;* вѣрующій не имѣетъ надобности видѣть знаменіе, а нуждается только въ наученіи и назиданіи; какъ же ты утверждаешь, что пророчество полезно для тѣхъ и другихъ, тогда какъ онъ говоритъ: *не невѣрнымъ, но вѣрующимъ?* Если тщательно изслѣдуешь, то поймешь слова его. Онъ не сказалъ, что пророчество не полезно для невѣрныхъ, но что оно не служитъ знаменіемъ, какъ языки, т. е. не также безполезно. И языки не есть что-нибудь полезное для невѣрныхъ: они производятъ только одно изумленіе и смущеніе. *Знаменіе* принадлежитъ къ числу безразличнаго; такъ Псалмопѣвецъ, сказавъ: *сотвори со мною знаменіе,* прибавляетъ: *во благо* (Пс. LXXXV, 17); и еще: *яко чудо быхъ многимъ* (Пс. LXX, 7), т. е. *въ знаменіе.*

2. Чтобы ты убѣдился, что *знаменіе* здѣсь не означаетъ чего-нибудь, всегда приносящаго пользу, (апостолъ) присовокупляетъ 308
и то, что оно производитъ. Что же такое? *Рекутъ,* говоритъ, *яко бѣснуетеся.* Это зависитъ не отъ свойства знаменія, но отъ неразумія тѣхъ, (которые *рекутъ*). Подъ словомъ *невѣрные* не всегда разумѣй одинаковыхъ людей, но иногда неисцѣльно больныхъ и остающихся неисправимыми, а иногда могущихъ перемѣниться, каковы были тѣ, которые удивлялись апостоламъ, *глаголавшимъ величія Божія*; таковы же были домашніе Корнилія. Итакъ, смыслъ словъ его слѣдующій: пророчество имѣетъ силу и между невѣрными и между вѣрующими, а слыша языки, невѣрные и неразумные не только не получаютъ пользы, но и смѣются надъ говорящими на языкахъ, какъ надъ бѣснующимися. (Языки) служатъ имъ только *въ знаменіе,* т. е. только приводятъ ихъ въ изумленіе. Если бы впрочемъ они имѣли умъ, то получили бы и пользу, для которой дано знаменіе; вѣдь (и при апостолахъ) не только были насмѣхавшіеся надъ ними, какъ бы надъ опьянѣвшими, но многіе и удивлялись имъ, какъ *глаголющимъ величія Божія*; такъ насмѣхавшіеся были неразумные. Потому и Павелъ не просто сказалъ: *рекутъ, яко бѣснуетеся,* но присовокупилъ: *неразумивіи или невѣрніи.* Пророчество же не просто служитъ *въ знаменіе,* но нужно и полезно для вѣры и назиданія тѣхъ и другихъ. Впрочемъ это онъ выразилъ не тотчасъ, но объяснилъ въ дальнѣйшихъ словахъ: *обличается всѣми. Аще же,* говоритъ, *вси пророчествуютъ, внидетъ же нѣкій невѣренъ или невѣжда, обличается всѣми и истязуется отъ всѣхъ, и сице тайная сердца его явлена бываютъ и падъ ницъ поклонится Богови, возвѣщая, яко воистинну Богъ съ вами есть.* Такимъ образомъ пророчество выше не только потому, что имѣетъ силу между тѣми и другими, но и потому

что обращаетъ безстыднѣйшихъ изъ невѣрныхъ. Не одинаково было чудо, когда Петръ обличилъ Сапфиру,—это было дѣйствіемъ пророчества,—и когда говорилъ языками; тогда всѣ устрашились, а когда онъ говорилъ языками, то даже принятъ былъ за бѣснующагося. Итакъ, сказавъ, что языки не приносятъ пользы, и оставивъ между тѣмъ обличеніе вины іудеевъ, (апостолъ) далѣе показываетъ, что они даже причиняютъ вредъ. Для чего же, скажешь, и даны они? Для того, чтобы употреблялись вмѣстѣ съ истолкованіемъ, безъ котораго случается и противное у неразумныхъ. *Аще убо*, говоритъ, *вси языки глаголютъ, внидутъ же и неразумивіи или невѣрніи, не рекутъ ли, яко бѣснуетеся?* Такъ и апостолы были приняты за опьянѣвшихъ: *глаголаху, яко виномъ исполнени суть* (Дѣян. II, 13). Но причина не въ знаменіи, а въ неразуміи (говорившихъ это); потому онъ присовокупилъ: *неразумивіи или невѣрніи*, т. е. мнѣніе ихъ происходитъ отъ неразумія и невѣрія. Онъ старается, какъ я сказалъ прежде, поставить даръ (языковъ) въ рядъ предметовъ не совершенно достойныхъ отверженія, но не очень полезныхъ, и притомъ съ цѣлью смирить слушателей и внушить имъ необходимость искать истолкованія. Такъ какъ они не заботились объ этомъ, но многіе чрезъ упомянутый даръ старались показать себя и удовлетворить своему честолюбію, то онъ особенно и отклоняетъ ихъ отъ этого, доказывая, что они напротивъ вредятъ своей славѣ, навлекая на себя подозрѣніе въ бѣснованіи. Такъ всегда поступаетъ Павелъ: когда хочетъ кого отклонить отъ чего-нибудь, то доказываетъ, что онъ терпитъ вредъ отъ того самаго, къ чему имѣетъ пристрастіе; такъ поступай и ты: отклоняя отъ удовольствій, покажи, что они ис-
309 полнены горечи; отклоняя отъ тщеславія, покажи, что оно причиняетъ безчестіе. Такъ и Павелъ поступалъ. Отклоняя богатыхъ отъ любви къ деньгамъ, онъ говоритъ, что богатство не только вредитъ, но и подвергаетъ искушеніямъ: *хотящіи богатитися*, говоритъ, *впадаютъ въ напасти* (1 Тим. VI, 9). Такъ какъ богатство, повидимому, избавляетъ отъ напастей, то онъ утверждаетъ противное тому, что думали богатые. Другіе имѣли пристрастіе къ внѣшней мудрости, какъ будто бы она служила имъ для объясненія догматовъ; а онъ доказываетъ, что она не только не приноситъ пользы кресту, но и унижаетъ его. Иные хотѣли судиться у чужихъ, считая недостойнымъ судиться у своихъ, какъ будто бы внѣшніе (язычники) были мудрѣе; а онъ доказываетъ, что судиться у внѣшнихъ постыдно. Иные вкушали идольскія жертвы, какъ бы желая показать въ себѣ совершенное знаніе; а онъ доказываетъ, что неумѣніе устроять благо ближнихъ есть признакъ несовершеннаго знанія. Такъ и здѣсь: (коринѳяне) по честолюбію

восхищались даромъ языковъ, а онъ доказываетъ, что это особенно и посрамляетъ ихъ, не только лишая славы, но и подвергая подозрѣнію въ бѣсновaніи. Впрочемъ, онъ не вдругъ сказалъ это, но, предварительно сказавъ очень многое, и тѣмъ приготовивъ ихъ къ принятію словъ своихъ, потомъ и высказываетъ мысль крайне неожиданную. Такой у него обыкновенно образъ рѣчи. Подлинно, кто хочетъ поколебать утвердившееся мнѣніе и перемѣнить его на противоположное, тотъ не долженъ тотчасъ высказывать противоположное: иначе онъ будетъ осмѣянъ тѣми, которые предзаняты противоположнымъ мнѣніемъ; очень неожиданное не можетъ быть принято вдругъ безъ предварительной подготовки; напередъ нужно иными доводами хорошо поколебать мнѣніе другихъ и тогда уже внушить имъ противоположное.

3. Такъ же онъ поступилъ, когда говорилъ о бракѣ. Многіе имѣли расположеніе (къ браку), какъ бы доставляющему спокойствіе; а онъ хотѣлъ доказать, что спокойствіе заключается въ безбрачномъ состояніи; если бы сказалъ это вдругъ, то слова его не были бы такъ хорошо приняты; теперь же, высказавъ это послѣ многаго другого и предложивъ благовременно, онъ сильно тронулъ слушателей. Такъ же онъ поступилъ касательно дѣвства. Сказавъ предварительно многое, онъ уже послѣ того говоритъ: *азъ же вы щажду* (1 Кор. VII, 28); и еще: *хощу васъ безпечальныхъ быти* (1 Кор. VII, 32). Точно такъ онъ поступаетъ и касательно дара языковъ, доказывая, что онъ не только лишаетъ славы, но и посрамляетъ имѣющихъ его предъ невѣрными. А пророчество, напротивъ, и не подвергаетъ посрамленію предъ невѣрными, и доставляетъ величайшую славу и пользу; по поводу пророчества никто не скажетъ, *яко бѣснуетеся*, и не станетъ смѣяться надъ пророчествующими, но напротивъ всякій будетъ изумляться и удивляться имъ, потому что *обличается всѣми*, то есть, все, что у него на сердцѣ, обнаруживается и представляется всѣмъ. Не одно и то же—кому-нибудь войдя услышать одного говорящимъ по-персидски, другого по-сирски, или войдя, съ какою бы то ни было цѣлью, для искушенія и съ лукавымъ намѣреніемъ, или простосердечно, услышать тайны своего сердца, такія-то и такія-то свои дѣянія и намѣренія; послѣднее болѣе перваго возбуждаетъ страхъ и приноситъ пользу. Потому (апостолъ) и говоритъ, что 310
по поводу языковъ скажутъ, *яко бѣснуетеся*; впрочемъ говоритъ это не самъ отъ себя, но какъ сужденіе другихъ: *не рекутъ ли*, говоритъ, *яко бѣснуетеся?* Здѣсь же онъ основывается и на существѣ самаго дѣла и на убѣжденіи получающихъ пользу: *обличается всѣми*, говоритъ, *и истязуется отъ всѣхъ, и сице тайная сердца его явлена бываютъ, и тако падъ ницъ, поклонится Богови, возвѣщая*,

яко воистину Богъ съ вами есть. Видишь ли, какъ это несомнѣнно? Тамъ дѣйствіе подвергается различнымъ сужденіямъ, и иной изъ невѣрныхъ можетъ приписать его бѣснованію; а здѣсь не бываетъ ничего такого, а напротивъ онъ удивляется и покланяется, исповѣдуя прежде дѣлами, а потомъ и словами. Такъ поклонился Богу и Навуходоносоръ, который сказалъ: *по истинѣ Богъ вашъ, той есть Богъ, открываяй тайны, понеже возмоглъ еси открыти тайну сію* (Дан. II, 47). Видишь ли, какъ сила пророчества измѣнила (человѣка) грубаго, научила его и привела къ вѣрѣ? *Что убо есть, братіе? Егда сходитеся, кійждо васъ псаломъ имать, ученіе имать, языкъ имать, откровеніе имать, сказаніе имать: вся къ созиданію да бываютъ* (ст. 26). Видишь ли основаніе и правило христіанства? Какъ дѣло зодчаго—строить, такъ дѣло христіанина—всѣми способами приносить пользу ближнимъ. Такъ какъ (апостолъ) весьма сильно возставалъ противъ дара (языковъ), то, чтобы онъ не показался излишнимъ,—а возставалъ онъ единственно съ намѣреніемъ смирить гордость ихъ,—онъ опять поставляетъ его въ числѣ другихъ (духовныхъ дарованій) и говоритъ: *псаломъ имать, ученіе имать, языкъ имать.* Въ древности и составляли псалмы по дарованію, и учили по дарованію. Но все это, говоритъ, пусть клонится къ одному—къ назиданію ближняго; пусть ничто не дѣлается напрасно; если ты приходишь не для назиданія брата, то для чего и приходишь? Для меня не очень важно различіе дарованій; мои заботы только объ одномъ и старанія клонятся къ одному—чтобы все дѣлалось для назиданія; тогда даже имѣющій малое дарованіе превзойдетъ имѣющаго великое, если будетъ употреблять его съ назиданіемъ. Дарованія для того и даются, чтобы каждый получалъ назиданіе; если же этого не будетъ, то дарованіе послужитъ даже къ осужденію получившаго его; скажи мнѣ въ самомъ дѣлѣ, какая польза пророчествовать, какая польза воскрешать мертвыхъ, если никто не получаетъ назиданія? Если же въ этомъ состоитъ цѣль дарованій, которой можно достигнуть и другимъ способомъ безъ дарованій, то не превозносись знаменіями и не считай себя несчастнымъ, не имѣя дарованій. *Аще же языкомъ кто глаголетъ, по двѣма, или множае по тріемъ, и по части и единъ да сказуетъ. Аще ли не будетъ сказатель, да молчитъ въ церкви, себѣ же да глаголетъ и Богови* (ст. 27, 28). Что говоришь ты? Сказавъ столько о дарѣ языковъ, что онъ и безполезенъ и излишенъ, если нѣтъ истолкователя, ты опять повелѣваешь говорить языками? Не повелѣваю, говоритъ, но и не запрещаю. Какъ въ томъ случаѣ, когда говоритъ: *аще ли кто отъ невѣрныхъ призываетъ вы, и хощете ити* (1 Кор. X, 27), онъ не
311 заповѣдуетъ идти, но и не удерживаетъ, такъ и здѣсь. *Себѣ же*

да глаголетъ и Богови. Если, говоритъ, ты не можешь молчать, если ты такъ честолюбивъ и тщеславенъ, то говори про себя. Такимъ дозволеніемъ онъ еще болѣе запрещаетъ, потому что приводитъ въ стыдъ.

4. Такъ же поступаетъ онъ и въ другомъ мѣстѣ, когда бесѣдуетъ объ отношеніяхъ къ женѣ: *сіе же глаголю*, говоритъ, *по невоздержанію вашему* (1 Кор. VII, 5, 6). Но не такъ онъ говоритъ о пророчествѣ,—а какъ? Повелительно и рѣшительно: *пророцы же два или тріе да глаголютъ*; и при этомъ нигдѣ не требуетъ истолкователя и не заграждаетъ уста пророчествующему, подобно какъ тамъ говорилъ: *аще не будетъ сказатель, да молчитъ.* Говорящій языками самъ по себѣ недостаточенъ: потому, если кто имѣетъ оба дарованія, то пусть говоритъ; если же не имѣетъ, а хочетъ говорить, то пусть дѣлаетъ это при истолкователѣ. И пророкъ есть истолкователь, но Божій, а ты—человѣческій. *Аще же не будетъ сказатель, да молчитъ;* ничего не должно дѣлать напрасно и по честолюбію. *Себѣ же да глаголетъ и Богови*, т. е. въ умѣ, или тайно и безъ шума, если хочетъ. Здѣсь онъ не заповѣдуетъ, но, можетъ быть, болѣе запрещаетъ посредствомъ такого дозволенія, подобно какъ когда говоритъ: *аще ли кто алчетъ, въ дому да ястъ* (1 Кор. XI, 34), гдѣ, повидимому, дозволяетъ, но тѣмъ самымъ сильнѣе пристыжаетъ. Не для того вы собираетесь, говоритъ, чтобы показать, что имѣете дарованіе, но чтобы назидать слушателей, какъ говорилъ онъ и въ началѣ: *вся же къ созиданію да бываютъ. Пророцы же два или тріе да глаголютъ, и друзіи да разсуждаютъ* (ст. 29),—и болѣе не прибавилъ ничего такого, что (говорилъ) о языкахъ. Но что онъ говоритъ? Не выражаетъ ли онъ, что и пророчество само по себѣ недостаточно, если другимъ предоставляетъ *разсуждать*? Нѣтъ, оно весьма достаточно: потому онъ и не заградилъ устъ пророчествующему, подобно какъ тому (говорящему языками), когда нѣтъ истолкователя; и между тѣмъ какъ о послѣднемъ сказалъ: *аще не будетъ сказатель, да молчитъ*, о первомъ не сказалъ: если нѣтъ разсуждающаго, то пусть не пророчествуетъ, но только предложилъ наставленіе слушателю. Онъ сказалъ это для предостереженія слушателей, чтобы между ними не случился волхвователь. Остерегаться этого онъ повелѣвалъ и въ началѣ, когда показывалъ различіе между волхвованіемъ и пророчествомъ, и теперь повелѣваетъ различать и наблюдать тоже самое, чтобы не вкралось что-нибудь діавольское. *Аще ли иному открыется сѣдящу, первый да молчитъ. Можете бо вси по единому пророчествовати, да вси учатся, и вси утѣшаются* (ст. 30, 31). Что означаютъ эти слова? Если, говоритъ, въ то время, когда ты пророчествуешь и говоришь, духъ

другого возбудитъ его, тогда ты замолчи. Какъ прежде касательно языковъ, такъ и здѣсь онъ требуетъ, чтобы это было *по части* (порознь), но здѣсь высшимъ образомъ; не сказалъ: *по части*, но: *аще иному откроется*. И для чего первому продолжать рѣчь, когда другой возбуждается къ пророчеству? Но не слѣдовало ли (говорить) обоимъ? Это неумѣстно и произвело бы безпорядокъ. Не слѣдовало ли первому? И это неумѣстно, потому что для того Духъ и возбуждалъ другого, когда говоритъ первый, чтобы и онъ сказалъ что-нибудь. Потомъ, въ утѣшеніе тому, которому заповѣдуетъ молчать, говоритъ: *можете бо вси по единому проро-*
312 *чествовати, да вси учатся, и вси утѣшаются*. Видишь ли, какъ онъ опять приводитъ и причину, почему все такъ заповѣдуетъ? Если имѣющему даръ языковъ онъ совершенно запрещаетъ говорить, когда нѣтъ истолкователя, потому что рѣчь была бы безполезна, то справедливо повелѣваетъ прекращать и пророчество, когда оно не приноситъ пользы, но можетъ произвести замѣшательство, смятеніе и неумѣстный безпорядокъ. *И дуси пророческіи пророкомъ повинуются* (ст. 32). Видишь ли, какъ онъ сильно и страшно пристыжаетъ? Чтобы человѣкъ не возражалъ и не противился, онъ говоритъ, что самое дарованіе повинуется: *духомъ* здѣсь онъ называетъ дѣйствіе. Если же *духъ повинуется*, то тѣмъ болѣе ты, получившій его, не имѣешь права возражать. Потомъ доказываетъ, что и Богу такъ угодно: *нѣсть бо*, говоритъ, *нестроенія Богъ, но мира, яко во всѣхъ церквахъ святыхъ* учу (ст. 33). Видишь ли, какими доводами онъ побуждаетъ къ молчанію и утѣшаетъ уступающаго другому? Во-первыхъ тѣмъ, что въ такомъ случаѣ и онъ не исключается: *можете бо*, говоритъ, *вси по единому пророчествовати*; во-вторыхъ, тѣмъ, что это свойственно Духу: *дуси бо пророческіи пророкомъ повинуются*; далѣе тѣмъ, что это согласно съ волею Божіею: *нѣсть бо*, говоритъ, *нестроенія Богъ, но мира*; въ-четвертыхъ, тѣмъ, что это правило простирается на всю вселенную, и что онъ не заповѣдуетъ ничего новаго: *яко* бо, говоритъ, *во всѣхъ церквахъ святыхъ* учу. Можетъ ли быть что-нибудь изумительнѣе этого? Церковь тогда была небомъ; Духъ устроялъ все въ народѣ, руководилъ и вдохновлялъ каждаго изъ предстоятелей. А теперь у насъ одни только знаки тогдашнихъ дарованій. И нынѣ мы говоримъ и по двое, и по трое, и порознь, и одинъ умолкаетъ, когда начинаетъ другой; но все это только знаки и памятники прежняго. Потому-то, когда мы начнемъ говорить, народъ отвѣчаетъ. *Духови твоему*, выражая, что въ древности говорили такъ не по собственной мудрости, но по внушенію Духа. А теперь не то; впрочемъ я высказываю свое мнѣніе.

5. Нынѣ церковь подобна женѣ, лишившейся прежняго бо-

гатства, сохраняющей во многихъ мѣстахъ только знаки первоначальнаго благоденствія и показывающей сундуки и лари отъ золотыхъ (сокровищъ), а самаго богатства не имѣющей; такой женѣ уподобилась нынѣ церковь. Говорю это, имѣя въ виду не дарованія,—не было бы слишкомъ прискорбно, если было бы только это,— но и жизнь и добродѣтель. Тогда сонмъ вдовъ и ликъ дѣвственницъ составляли великое украшеніе церквей; а теперь это вывелось и упразднилось; остаются только знаки. Есть и нынѣ вдовы, есть и дѣвы, но онѣ не составляютъ того украшенія, какимъ должны быть посвятившія себя на такіе подвиги. Отличительный признакъ дѣвы есть попеченіе объ однихъ дѣлахъ Божіихъ и непрестанная усердная молитва; и признакъ вдовы состоитъ не столько въ томъ, чтобы не вступать во вторый бракъ, сколько въ другомъ,—въ дѣлахъ страннолюбія, нищелюбія, прилежанія въ молитвахъ, и во всемъ, что съ великою точностію предписываетъ 313
Павелъ въ посланіи къ Тимоѳею (1 Тим. v).

Есть у насъ и жены, которыя въ супружествѣ соблюдаютъ великую скромность; но не это только требуется, а и тщательное служеніе нуждающимся, чѣмъ особенно отличались жены древнія,—не такъ, какъ многія изъ нынѣшнихъ. Тогда украшались вмѣсто золота красотою милостыни; а нынѣ, оставивъ это, обвѣшиваютъ себя со всѣхъ сторонъ золотыми цѣпями, сплетенными изъ множества грѣховъ. Сказать ли еще о другомъ хранилищѣ, утратившемъ прародительское украшеніе? Въ древности всѣ сходились и пѣли вмѣстѣ,—это мы дѣлаемъ и нынѣ; но тогда во всѣхъ *бѣ сердце и душа едина* (Дѣян. iv, 32), а нынѣ даже въ одной душѣ не видно такого согласія, но вездѣ великая брань. И нынѣ предстоятель церкви желаетъ мира всѣмъ, какъ бы пришедши въ домъ отеческій, но тогда какъ имя мира повторяется часто, самаго дѣла нѣтъ нигдѣ. Тогда и домы были церквами, а нынѣ и церковь стала домомъ, или даже хуже всякаго дома. Въ домѣ можно видѣть великое благочиніе: госпожа дома сидитъ на сѣдалищѣ со всѣмъ благоприличіемъ, служанки прядутъ въ молчаніи и каждый изъ домашнихъ имѣетъ въ рукахъ ввѣренное ему. А здѣсь великій шумъ, великій безпорядокъ; собраніе наше ничѣмъ не отличается отъ гостинницы; здѣсь такой же смѣхъ, такой же шумъ, какъ въ баняхъ, какъ на торжищахъ, гдѣ всѣ кричатъ и производятъ смятеніе. И это бываетъ только здѣсь; а въ другихъ мѣстахъ не позволяется сказать въ церкви даже слова близъ стоящему, хотя бы кто встрѣтилъ давно невидѣннаго друга, но дѣлается это внѣ,—и весьма справедливо. Церковь не цирюльня, не лавка съ благовоніями, не мастерская, подобная находящимся на торжищѣ, но мѣсто ангеловъ, мѣсто архангеловъ, царство

Божіе, самое небо. Если бы кто-нибудь отверзъ небо и ввелъ тебя въ него, то ты не осмѣлился бы разговаривать, хотя бы увидѣлъ отца, хотя бы брата; такъ точно и здѣсь не должно говорить ни о чемъ другомъ, кромѣ предметовъ духовныхъ, потому что и здѣсь небо. Если не вѣришь, то посмотри на эту трапезу, вспомни, для кого и для чего она поставлена, подумай, Кто приходитъ сюда, и страшись даже прежде времени. Кто увидитъ только тронъ царя, тотъ возбуждается въ душѣ своей, ожидая выхода царя; такъ точно и ты, еще прежде страшнаго времени, страшись и бодрствуй, и еще прежде, нежели увидишь поднятыя завѣсы и предшествующій сонмъ ангеловъ, возносись къ самому небу. Но этого не знаетъ непосвященный, — потому для него необходимо сказать нѣчто другое. Мы не затруднимся сказать и ему то, что можетъ возбудить и возвысить его. Итакъ ты, незнающій этого, когда услышишь слова пророка: *сія глаголетъ Господь*, отрѣшись отъ земли, вознесись на самое небо, помысли, Кто чрезъ него вѣщаетъ тебѣ. Между тѣмъ нынѣ, когда смѣхотворствуетъ какой-нибудь шутъ и безчинствуетъ блудница, весь театръ сидитъ, соблюдая для рѣчей ихъ совершенное безмолвіе, и это когда никто не заставляетъ молчать, не бываетъ ни разговора, ни крика, ни малѣйшаго шума; а когда Богъ съ небесъ вѣщаетъ о
314 такихъ страшныхъ тайнахъ, тогда мы бываемъ безстыднѣе псовъ, не оказывая Богу даже такого вниманія, какое оказываемъ распутнымъ женщинамъ.

6. Вы ужасаетесь, слыша это? Лучше ужасайтесь, дѣлая это. Тѣмъ, которые пренебрегли бѣдныхъ и одни вкушали пищу, Павелъ сказалъ: *еда домовъ не имате во еже ясти и пити? Или о церкви Божіей нерадите, и срамляете неимущыя* (1 Кор. XI, 22)? Позвольте и мнѣ сказать тѣмъ, которые здѣсь шумятъ и разговариваютъ: развѣ вы не имѣете домовъ для пустословія? Или нерадите о церкви Божіей и развращаете желающихъ сохранять цѣломудріе и спокойствіе? Но, скажете, намъ весело и пріятно разговаривать съ знакомыми. Я не запрещаю этого; но пусть это будетъ дома, на торжищѣ, въ баняхъ; церковь же есть мѣсто не разговоровъ, а ученія. Между тѣмъ нынѣ она нисколько не отличается отъ торжища, и, можетъ быть, если не оскорбительно сказать, даже отъ театра: такъ нецѣломудренно и подобно тамошнимъ блудницамъ украшаются собирающіяся здѣсь жены! Потому онѣ и сюда привлекаютъ многихъ невоздержныхъ. Кто искушаетъ или хочетъ соблазнить женщину, тотъ, кажется, не считаетъ для себя никакого мѣста удобнѣе церкви. Если нужно что-нибудь купить или продать, то церковь считается для этого удобнѣе рынка; здѣсь объ этомъ бываетъ больше разговоровъ, нежели въ

самыхъ лавкахъ. Кто хочетъ злословить или слушать злословіе, тотъ найдетъ и этого здѣсь болѣе, нежели внѣ, на торжищѣ. Хочешь ли слышать о дѣлахъ гражданскихъ, или о домашнихъ, или о военныхъ,—не ходи въ судилище, не сиди въ лѣчебницѣ, есть и здѣсь, есть люди, которые подробнѣе всѣхъ разскажутъ обо всемъ этомъ; здѣсь — мѣсто скорѣе всего другого, только не церковь. Быть можетъ, я слишкомъ рѣзко коснулся васъ? Не думаю; если вы не перестаете дѣлать одно и тоже, то какъ мнѣ знать, что слова мои коснулись васъ? Потому необходимо опять коснуться того же. Итакъ, можно ли стерпѣть? Можно ли снести? Мы каждый день стараемся и усиливаемся, чтобы вы уходили отсюда, научившись чему-нибудь полезному; но никто изъ васъ не уходитъ съ какою-нибудь пользою, а даже скорѣе со вредомъ. Подлинно, вы собираетесь и себѣ на осужденіе, не имѣя никакого оправданія въ грѣхѣ своемъ, и болѣе благоговѣйныхъ изгоняете, отсюду безпокоя ихъ своимъ пустословіемъ. Но что говорятъ многіе? Не слышу, говорятъ, что читается, не понимаю, что говорится. Потому, что ты разговариваешь, потому, что шумишь, потому, что не приходишь съ душею, исполненною благоговѣнія. Не понимаю, говоришь ты, что читается? Но потому самому и слѣдуетъ быть внимательнымъ. Если неясное не пробуждаетъ души твоей, то тѣмъ болѣе ты не обратилъ бы вниманія, если бы читаемое было ясно. Для того и не все ясно, чтобы ты не предавался безпечности, и не все не ясно, чтобы ты не приходилъ въ отчаяніе. Евнухъ, хотя былъ и варваръ, не говорилъ ничего такого, но даже среди множества дѣлъ и будучи на пути, держалъ въ рукахъ книгу и читалъ; а ты, среди множества учителей, и тогда, какъ другіе читаютъ тебѣ, представляешь мнѣ оправданія и отговорки. Ты не понимаешь того, что говорится? Молись же, чтобы тебѣ понять; или лучше сказать, невозможно, чтобы ты не понималъ всего, потому что многое само по себѣ понятно и ясно; или лучше, хотя бы ты не понималъ всего, и въ такомъ случаѣ 315
слѣдуетъ молчать, чтобы не изгнать слушающихъ внимательно и чтобы Богъ, видя твое молчаніе и благоговѣніе, сдѣлалъ неясное для тебя яснымъ. Но ты не можешь молчать? Тогда выйди вонъ, чтобы не причинять вреда другимъ. Въ церкви всегда долженъ быть слышимъ одинъ голосъ, такъ какъ она есть одно тѣло. Потому и чтецъ читаетъ одинъ; и самъ, имѣющій епископство, ожидаетъ, сидя въ молчаніи; и пѣвецъ поетъ одинъ; и когда всѣ возглашаютъ, то голосъ ихъ произносится какъ бы изъ однихъ устъ; и бесѣдующій бесѣдуетъ одинъ. Когда же многіе разговариваютъ о многомъ и различномъ, то для чего мы напрасно и утруждаемъ васъ? Если бы вы не думали, что мы напрасно утруж-

даемъ васъ, то вы не стали бы въ то время, какъ мы говоримъ о такихъ предметахъ, разговаривать о предметахъ совершенно непристойныхъ. Оттого у васъ не только въ жизни, но и въ самомъ сужденіи о вещахъ крайній безпорядокъ; о ненужномъ вы заботитесь, истину оставляете, а за тѣнями и сновидѣніями гоняетесь.

Подлинно не тѣнь ли и сновидѣнія все настоящее, и даже
не хуже ли тѣни? Оно, лишь только является, какъ и улетаетъ,
и прежде, нежели улетитъ, производитъ великое смятеніе и боль-
шее, чѣмъ (доставляемое имъ) удовольствіе. Хотя бы кто пріо-
брѣлъ и закопалъ здѣсь безчисленное богатство, онъ, по про-
шествіи ночи (настоящей жизни), отходитъ отсюда нагимъ, — и
весьма естественно. Какъ обогащающіеся во снѣ, вставъ съ по-
316 стели, не имѣютъ ничего, что воображали имѣть во время сна,
такъ и любостяжательные, или даже не такъ, а гораздо хуже.
Обогащающійся во снѣ не имѣетъ денегъ, которыя воображалъ
имѣть, но встаетъ безъ всякихъ дурныхъ послѣдствій отъ такого
воображенія; а тотъ и богатства лишается, и отходитъ отсюда
исполненнымъ грѣховъ, происходящихъ отъ богатства, владѣя
богатствомъ въ воображеніи, а зло, происходящее отъ богатства,
испытывая уже не въ воображеніи только, а въ самой дѣйстви-
тельности; удовольствіе было какъ бы во снѣ, а наказаніе за удо-
вольствіе бываетъ уже не во снѣ, а на самомъ опытѣ; или лучше
сказать, даже прежде будущаго наказанія и еще здѣсь онъ под-
вергается величайшему наказанію, изнуряя себя при самомъ со-
бираніи богатства множествомъ скорбей, заботъ, огорченій, пре-
пятствій, непріятностей и безпокойствъ. Потому, чтобы намъ изба-
виться и отъ этихъ сновидѣній и отъ золъ, которыя бываютъ
уже не въ сновидѣніяхъ, возлюбимъ вмѣсто любостяжанія мило-
стыню, вмѣсто хищенія — человѣколюбіе. Такимъ образомъ мы
сподобимся и настоящихъ и будущихъ благъ, благодатію и че-
ловѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу,
со Святымъ Духомъ, слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во
вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XXXVII.

315 **Жены ваша въ церквахъ да молчатъ. Не повелѣся бо имъ глаголати, но повиноватися, якоже и законъ глаголетъ (1 Кор. XIV, 34).**

1. Обличивъ безпорядокъ, происходившій отъ языковъ и отъ пророчествъ, и поставивъ закономъ, чтобы не было смятенія,

чтобы говорящіе языками дѣлали это порознь, а изъ пророчествующихъ одинъ молчалъ бы, когда начнетъ другой, (апостолъ) переходитъ далѣе къ безпорядку, производимому женщинами, пресѣкаетъ неумѣстное ихъ дерзновеніе,—и весьма благовременно. Если имѣющимъ дарованія не позволительно говорить безъ порядка и когда они захотятъ, хотя ими руководитъ Духъ, то тѣмъ болѣе (не позволительно) женщинамъ пустословить напрасно и безъ пользы. Потому онъ съ великою властію удерживаетъ ихъ отъ пустословія, ссылается притомъ на законъ, и такимъ образомъ заграждаетъ уста ихъ. Здѣсь онъ не только увѣщеваетъ и совѣтуетъ, но и повелѣваетъ съ силою, приводя о томъ древній законъ. А именно, сказавъ: *жены вашя въ церквахъ да молчатъ*, и: *не повелѣся имъ глаголати, но повиноватися*, онъ присовокупилъ: *якоже и законъ глаголетъ*. Гдѣ говоритъ объ этомъ законъ? *Къ мужу твоему обращеніе твое, и той тобою обладати будетъ* (Быт. ш, 16). Видишь ли мудрость Павла, какъ онъ привелъ такое свидѣтельство, которое повелѣваетъ имъ не только молчать, но и молчать со страхомъ, и притомъ съ такимъ страхомъ, съ какимъ надлежитъ безмолвствовать рабѣ? Потому и самъ, послѣ словъ: *не повелѣся имъ глаголати*, не сказалъ: молчать, но употребилъ, 316
вмѣсто—*молчать*, болѣе значущее выраженіе—*повиноватися*. Если же онѣ должны быть таковы въ отношеніи къ мужьямъ, то тѣмъ болѣе въ отношеніи къ учителямъ и отцамъ и общему собранію церкви. Но, скажешь, если онѣ не могутъ ни говорить, ни спрашивать, то для чего имъ и присутствовать? Для того, чтобы слушать, что слѣдуетъ, а о сомнительномъ узнавать дома у мужей. Потому онъ и продолжаетъ: *аще ли чесому научитися хотятъ, въ дому своихъ мужей да вопрошаютъ* (ст. 35). Имъ, говоритъ, не позволительно въ церкви не только самимъ говорить открыто, но и спрашивать о чемъ-нибудь. Если же не должно спрашивать, то тѣмъ болѣе не позволительно говорить напрасно. Почему же онъ поставляетъ ихъ въ такомъ подчиненіи? Потому, что жена есть существо слабѣйшее, непостоянное и легкомысленное. Потому онъ и поставляетъ имъ въ учители мужей и доставляетъ пользу тѣмъ и другимъ: женъ дѣлаетъ скромными, а мужей внимательными, такъ какъ они должны съ совершенною точностію передавать женамъ то, что услышатъ. Далѣе, такъ какъ у нихъ считалось честію говорить въ собраніи, онъ опять доказываетъ противное и говоритъ. *срамно бо есть женѣ въ церкви глаголати;* доказываетъ это сначала закономъ Божіимъ, а потомъ общечеловѣческимъ сужденіемъ и обычаемъ, какъ поступилъ онъ и тогда, когда бесѣдовалъ съ ними о волосахъ: *или*, говорилъ онъ, *и не самое естество учитъ вы* (1 Кор. xi, 14)? И вездѣ можно видѣть такой

его образъ рѣчи,—что онъ обличаетъ не только божественнымъ Писаніемъ, но и общеизвѣстными обычаями. Кромѣ того, онъ за-
317 имствуетъ обличенія отъ согласія всѣхъ и отъ повсюдности заповѣдей, какъ дѣлаетъ и здѣсь: *или отъ васъ*, говоритъ, *слово Божіе изыде, или васъ единыхъ достиже* (ст. 36)? Здѣсь онъ выражаетъ, что прочія церкви соблюдаютъ тотъ же законъ, и такимъ образомъ пресѣкаетъ безпорядокъ указаніемъ на нововведеніе, и дѣлаетъ слова свои болѣе убѣдительными ссылкою на голосъ всѣхъ. Потому и въ другихъ мѣстахъ онъ говорилъ: *иже вамъ воспомянетъ пути моя, яже о Христѣ Іисусѣ, якоже вездѣ во* всѣхъ церквахъ *учу* (1 Кор. IV, 17). И еще: *нѣсть бо нестроенія Богъ, но мира, яко во всѣхъ церквахъ святыхъ* (1 Кор. XIV, 33). И здѣсь: *или отъ васъ слово Божіе изыде, или васъ единыхъ достиже?* Т. е., вы не первые и не вы одни вѣрные, но (такова) вся вселенная. Тоже онъ сказалъ и въ посланіи къ Колоссянамъ, бесѣдуя о благовѣствованіи: *якоже есть плодоносно и растимо во всемъ мірѣ* (Кол. I, 6). Поступаетъ онъ и иначе, для увѣщанія слушателей, указывая иногда на что-нибудь, какъ на принадлежащее сначала имъ и сдѣлавшееся извѣстнымъ у всѣхъ. Такъ въ посланіи къ Ѳессалоникійцамъ онъ говоритъ: *отъ васъ бо промчеся слово Господне, и во всяко мѣсто вѣра ваша, яже къ Богу, изыде* (1 Сол. I, 8). Также къ Римлянамъ: *вѣра ваша возвѣщается во всемъ мірѣ* (Рим. I, 8). И то и другое, и похвала отъ другихъ и указаніе на согласіе съ другими въ образѣ мыслей, можетъ убѣждать и ободрять. Потому и здѣсь онъ говоритъ: *или отъ васъ слово Божіе изыде, или васъ единыхъ достиже?* Вы, говоритъ, не можете сказать: мы были учителями другихъ и намъ не слѣдуетъ учиться у другихъ, или: здѣсь только утвердилось ученіе вѣры и намъ не слѣдуетъ подражать примѣру другихъ. Видишь ли, какъ много (доводовъ) онъ привелъ въ ихъ обличеніе? Привелъ законъ, показалъ постыдность дѣла, представилъ въ примѣръ прочія церкви.

2. Потомъ, (апостолъ) приводитъ крайній, самый сильный доводъ: и нынѣ, говоритъ, Богъ повелѣваетъ это чрезъ меня. *Аще кто мнится пророкъ быти или духовенъ, да разумѣваетъ, яже пишу вамъ, зане Господни суть заповѣди. Аще ли кто не разумѣетъ, да не разумѣваетъ* (ст. 37, 38). Для чего онъ присовокупилъ это? Чтобы показать, что онъ не принуждаетъ и не хочетъ состязаться; такъ выражаются тѣ, которые не свои желанія стараются исполнить, но имѣютъ въ виду пользу другихъ. Потому онъ и въ другомъ мѣстѣ говоритъ: *аще ли кто есть спорливъ, мы таковаго обычая не имамы* (1 Кор. XI, 16). Впрочемъ не вездѣ онъ поступаетъ такъ, но только тамъ, гдѣ проступки были не очень велики, при-

томъ и въ такихъ случаяхъ болѣе пристыжаетъ; когда же говоритъ о другихъ (преступленіяхъ), то выражается не такъ,—а какъ? *Не льстите себе: ни блудницы, ни малакіи царствія Божія не наслѣдятъ* (1 Кор. vi, 9); и еще: *се азъ Павелъ глаголю вамъ, яко аще обрѣзаетеся, Христосъ васъ ничтоже пользуетъ* (Гал. v, 2). Но здѣсь, такъ какъ у него была рѣчь о молчаніи, онъ не очень сильно укоряетъ (слушателей), и тѣмъ самымъ еще болѣе располагаетъ ихъ къ себѣ. Далѣе, какъ онъ всегда дѣлаетъ, возвращается къ прежнему предмету, который подалъ ему поводъ говорить объ этомъ, и продолжаетъ: *тѣмже, братіе моя, ревнуйте еже пророчествовати, и еже глаголати языки не возбраняйте* (ст. 39). 318
Такъ онъ обыкновенно поступаетъ: занимается не однимъ предметомъ, но, отступая отъ него, даетъ наставленіе и о томъ, что какимъ-нибудь образомъ кажется ему прикосновеннымъ, а потомъ опять обращается къ прежнему, чтобы не показалось, что онъ уклоняется отъ предмета. Напримѣръ, бесѣдуя о единодушіи при трапезахъ, онъ сдѣлалъ отступленіе, начавъ говорить о пріобщеніи таинъ, и, предложивъ о нихъ наставленіе, опять обратился къ прежнему и сказалъ: *тѣмже сходящеся ясти, другъ друга ждите* (1 Кор. xi, 33). Такъ и здѣсь, сказавъ о благочиніи въ употребленіи дарованій и о томъ, что не должно ни скорбѣть при малыхъ дарованіяхъ, ни гордиться при великихъ, онъ потомъ дѣлаетъ отступленіе, начиная говорить о благопристойности, приличной женщинамъ, и, предложивъ объ этомъ наставленіе, возвращается къ прежнему предмету: *тѣмже*, говоритъ, *братіе моя, ревнуйте еже пророчествовати, и еже глаголати языки не возбраняйте*. Видишь ли, какъ онъ до конца соблюдаетъ различіе (между этими дарованіями), и какъ внушаетъ, что первое весьма необходимо, а послѣднее не такъ необходимо? О первомъ говоритъ: *ревнуйте*, а о послѣднемъ: *не возбраняйте*. Потомъ, какъ бы въ совокупности предлагая всѣ наставленія, присовокупляетъ: *вся же благообразно и по чину да бываютъ* (ст. 40). Здѣсь онъ опять укоряетъ тѣхъ, которые имѣютъ суетное желаніе производить безчиніе, безразсудно домогаются славы и не соблюдаютъ собственнаго мѣста.

Ничто такъ не созидаетъ, какъ благочиніе, какъ миръ, какъ любовь, а все противоположное имъ производитъ разрушеніе. Это можно видѣть не только на предметахъ духовныхъ, но и на всѣхъ другихъ. Если нарушишь порядокъ въ хорѣ (поющихъ), или на кораблѣ, или на колесницѣ, или въ войскѣ, если большее отклонишь отъ его положенія и поставишь на мѣсто его меньшее, то разстроишь и низвратишь все. Не будемъ же и мы разстраивать порядка, не будемъ ставить голову внизу, а ноги вверху. А это бываетъ тогда, когда здравый разумъ мы повергаемъ внизъ,

а порочныя пожеланія—раздражительность, гнѣвъ, сластолюбіе—ставимъ выше разума, отчего и происходитъ великое смятеніе, сильное волненіе, неукротимая буря, и все покрывается мракомъ. Но, если угодно, посмотримъ напередъ, какой происходитъ отсюда стыдъ, а потомъ—какой вредъ. Чѣмъ бы намъ объяснить это и сдѣлать совершенно очевиднымъ? Представимъ себѣ человѣка, одержимаго любовію къ блудницѣ и преданнаго этой безумной страсти, и тогда увидимъ, какъ онъ смѣшонъ. Что въ самомъ дѣлѣ можетъ быть позорнѣе для человѣка, какъ стоять предъ жилищемъ блудницы, получать удары отъ развратной женщины, плакать, рыдать и унижать честь свою? Если хочешь видѣть и вредъ, то представь трату денегъ, крайнія опасности, борьбу съ соперниками, удары и раны, получаемыя въ такихъ состязаніяхъ. Тоже бываетъ и съ тѣми, которые преданы страсти къ деньгамъ, или даже они терпятъ еще большій вредъ. Тѣ бываютъ преданы заботамъ объ одномъ тѣлѣ; а сребролюбцы развѣдываютъ одинаково объ имуществѣ всѣхъ, и бѣдныхъ и богатыхъ, и домогаются даже вещей не существующихъ, что особенно и служитъ призна-
319 комъ безумной страсти. Они не говорятъ: мы желали бы имѣть богатство такого-то, и только такого-то, а хотятъ, чтобы стали золотомъ и горы, и домы, и всѣ видимыя вещи, простираются далѣе предѣловъ міра, страдаютъ этою болѣзнію безконечно и нигдѣ не останавливаются въ своихъ желаніяхъ. Какое слово изобразитъ бурю такихъ помышленій, эти волны, этотъ мракъ? А гдѣ волны и такая буря, тамъ какое можетъ быть удовольствіе? Не можетъ быть никакого, а напротивъ—смятеніе, страданія и мрачныя облака, приносящія вмѣсто дождя великую скорбь. Тоже обыкновенно бываетъ и съ любящими чужую красоту. Потому совсѣмъ не предающіеся любви наслаждаются большимъ удовольствіемъ, нежели предающіеся ей. Противъ этого возражать никто не станетъ. Я же скажу, что и любящій, но удерживающій страсть свою, больше получаетъ удовольствія, нежели тотъ, кто постоянно обращается съ блудницею. Хотя очень трудно, однако надобно постараться объяснить это; трудно не по существу самаго предмета, но потому, что нѣтъ достойныхъ слушателей такого любомудрія.

3. Что, скажи мнѣ, пріятнѣе для любящаго, подвергаться ли презрѣнію отъ любимой женщины, или пользоваться уваженіемъ и пренебрегать ею? Очевидно, послѣднее. Кого же, скажи мнѣ, болѣе будетъ уважать блудница, того ли, кто раболѣпствуетъ ей и уже сдѣлался ея плѣнникомъ, или того, кто избѣгаетъ ея сѣтей и паритъ выше стрѣлъ ея? Очевидно, послѣдняго. Кому она окажетъ болѣе вниманія, тому ли, который палъ, или тому, который

еще не палъ? Конечно тому, который еще не палъ. Кого болѣе она будетъ стараться привлечь къ себѣ, побѣжденнаго или еще не плѣненнаго? Конечно, еще не плѣненнаго. Если не вѣрите, то я представлю доказательство изъ вашего опыта. Какую жену болѣе любитъ мужъ, ту ли, которая легко уступаетъ и отдается ему, или ту, которая возражаетъ и съ трудомъ ему уступаетъ? Очевидно, послѣднюю, потому что въ этомъ случаѣ пожеланіе сильнѣе воспламеняется. То же самое бываетъ и съ женщинами: болѣе уваженія и удивленія онѣ окажутъ тому, кто пренебрегаетъ ими. Если же это справедливо, то равнымъ образомъ справедливо и то, что болѣе уважаемый и любимый наслаждается большимъ удовольствіемъ. Военачальникъ скоро оставляетъ городъ, уже взятый, а твердо стоящій и сопротивляющійся осаждаетъ всѣми силами; и охотникъ пойманнаго звѣря запираетъ и держитъ во мракѣ, какъ блудница своего любовника, а за убѣгающимъ гоняется. Но, скажешь, первый получаетъ желаемое удовольствіе, а послѣдній не получаетъ. А не подвергаться позору, не раболѣпствовать самовластнымъ приказаніямъ блудницы, не дозволять ей водить себя, какъ плѣннаго раба, и при этомъ не терпѣть заушеній, заплеваній, ударовъ въ голову, неужели, скажи мнѣ, ты считаешь малымъ удовольствіемъ? Подлинно, если бы кто тщательно изслѣдовалъ и имѣлъ возможность собрать вмѣстѣ всѣ ихъ оскорбленія, укоризны, постоянныя неудовольствія, происходящія отъ душевной раздражительности и отъ тѣлеснаго разслабленія, ссоры, и все прочее, что знаютъ только испытавшіе, то увидѣлъ бы, что во всякой войнѣ бываетъ болѣе перемирій, нежели въ ихъ несчастной жизни. О какомъ же, скажи мнѣ, ты говоришь удовольствіи? О томъ ли, краткомъ и мгновенномъ, которое (происходитъ) отъ удовлетворенія страсти? Но за нимъ тотчасъ слѣдуетъ борьба, волненіе, раздраженіе и опять тоже неистовство. Все это мы говоримъ, какъ бы бесѣдуя съ невоздержными юношами, которые не очень любятъ слушать слова о царствіи (небесномъ) и гееннѣ; но если мы представимъ и это, тогда невозможно будетъ выразить словами, какъ велико удо- 320
вольствіе цѣломудренныхъ, когда они воображаютъ себѣ вѣнцы, награды, бесѣды съ ангелами, прославленіе по вселенной, дерзновеніе, благія и безсмертныя надежды. Но удовлетвореніе страсти заключаетъ въ себѣ нѣкоторое удовольствіе,—это часто повторяютъ,—а цѣломудренный не можетъ постоянно бороться съ силою природы. Напротивъ, блудникъ болѣе подвергается насилію и борьбѣ; въ его тѣлѣ бываетъ великое смятеніе; его состояніе гораздо хуже всякаго волнующагося моря; его страсть никогда не успокоивается, но постоянно тревожитъ его, подобно бѣснующимся

и непрестанно терзаемымъ злыми духами. А цѣломудренный, постоянно преодолѣвая ее, какъ мужественный подвижникъ, вкушаетъ радость превосходнѣе и пріятнѣе тысячи подобныхъ наслажденій, всегда восхищается своею побѣдою, спокойною совѣстію и славными трофеями. У того, если онъ послѣ удовлетворенія страсти нѣсколько успокоивается, такое спокойствіе бываетъ ничтожно, потому что скоро опять наступаетъ буря, опять волненіе. А любомудрствующій не дозволяетъ даже начинаться этому смятенію, даже волноваться этому морю, даже поднимать ревъ этому звѣрю. Хотя и онъ переноситъ нѣкоторую борьбу, удерживая такое стремленіе, но (не такую, какую) тотъ, постоянно мятущійся, возбуждающійся и не выносящій раздраженія. Онъ бываетъ подобенъ человѣку, который удерживаетъ уздою дикаго коня, разъяреннаго и сопротивляющагося, и останавливаетъ его съ великимъ искусствомъ, а кто уступаетъ ему, избѣгая такого труда, того конь увлекаетъ и носитъ повсюду. Пусть никто не осуждаетъ, если все это я сказалъ яснѣе надлежащаго; я хочу отличаться не чистотою словъ, но сдѣлать слушателей чистыми.

4. Потому и пророки не избѣгаютъ ни одного изъ такихъ словъ, желая прекратить развращеніе іудеевъ, но обличаютъ ихъ еще откровеннѣе, нежели мы теперь въ нами сказанномъ. Врачъ, желая исцѣлить гнилую рану, не заботится о томъ, чтобы сохранить руки свои чистыми, но чтобы избавить больного отъ гніенія; желающій сдѣлать гордаго смиреннымъ напередъ самъ смиряется; старающійся поразить злоумышленника обагряетъ кровію и себя вмѣстѣ съ нимъ, и тѣмъ заслуживаетъ большую честь; и воина, возвращающагося съ войны, если кто увидитъ обрызганнымъ (человѣческими) соками, кровью и мозгомъ, то не будетъ презирать его, не отвратится онъ него за это, но еще болѣе станетъ удивляться ему. Такъ будемъ поступать и мы: когда увидимъ, что кто-нибудь, умертвивъ похоть, идетъ обагреннымъ кровію, то будемъ еще болѣе удивляться ему, примемъ участіе въ его борьбѣ и побѣдѣ и скажемъ преданнымъ сладострастію: покажите намъ, какое удовольствіе отъ страсти.

Цѣломудренный получаетъ (удовольствіе) отъ побѣды, а ты ни откуда. Вы указываете на (удовольствіе), происходящее отъ удовлетворенія страсти; но то (удовольствіе) очевиднѣе и продолжительнѣе. Ты получаешь отъ удовлетворенія страсти (удовольствіе) кратковременное и даже незамѣтное, а онъ отъ своей совѣсти — высшую, непрестанную и сладчайшую радость. Подлинно, не обращеніе съ женщиною, а любомудріе можетъ со-
321 хранить душу невозмутимою и окрылить. Такимъ образомъ онъ, какъ я сказалъ, ясно обнаруживаетъ предъ нами удовольствіе;

на тебѣ же скорбь пораженія вижу, а удовольствіе желаю видѣть, но не нахожу. Въ какое время думаешь ты найти это удовольствіе? Прежде ли удовлетворенія страсти? Но нѣтъ; тогда— время неистовства, бѣшенства и умоизступленія; скрежетъ зубовъ и изступленіе не служатъ знакомъ удовольствія; если бы тогда было время удовольствія, то не происходило бы съ тобою того, что испытываютъ страждущіе; вѣдь зубами скрежещутъ вступившіе въ борьбу и поражаемые, да еще тоже самое дѣлаютъ раждающія жены, мучимыя болѣзнями рожденія; слѣдовательно это не составляетъ удовольствія, но скорѣе неистовство, изступленіе и смятеніе. Или это время послѣ того (удовлетвореніе страсти)? Но и тогда нѣтъ; о женѣ родившей мы не можемъ сказать, что она чувствуетъ удовольствіе, но она только освобождается отъ болѣзней рожденія; это—совсѣмъ не удовольствіе, а скорѣе слабость и изнеможеніе; но велико различіе между 322
тѣмъ и другимъ. Какое же, скажи мнѣ, время этого удовольствія? Нѣтъ никакого, а если и есть, то оно такъ кратко, что даже незамѣтно. Сколько мы ни старались найти и уловить его, не могли. Но удовольствіе цѣломудреннаго не таково: оно продолжительно и очевидно для всѣхъ или, лучше, вся жизнь его проходитъ въ удовольствіи, потому что у него совѣсть торжествуетъ, волненіе успокоилось, и никакое смятеніе не тревожитъ его ни откуда. Итакъ, если онъ болѣе наслаждается удовольствіемъ, а сластолюбецъ подвергается скорби и смятенію, то будемъ избѣгать невоздержанія и хранить цѣломудріе, чтобы намъ сподобиться и будущихъ благъ, благодатію и человѣколюбіемъ (Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь).

БЕСѢДА XXXVIII.

**Сказую же вамъ, братіе, благовѣствованіе, еже благо- 321
вѣстихъ вамъ, еже и пріясте, въ немже и стоите, имже и спасаетеся, кацѣмъ словомъ благовѣстихъ вамъ (1 Кор. xv, 1—2).**

1. Окончивъ рѣчь о духовныхъ (дарованіяхъ, апостолъ) переходитъ къ предмету самому важному, къ ученію о воскресеніи, потому что (коринѳяне) и въ этомъ отношеніи были весьма немощны. Какъ въ тѣлахъ, когда горячка коснется самыхъ основныхъ частей его, т. е. нервовъ, жилъ и первыхъ стихій, зло дѣ-

лается неисцѣльнымъ, если не приложишь великаго попеченія, такъ и здѣсь предстояла подобная опасность, потому что зло простерлось до самыхъ основаній благочестія. Потому Павелъ и прилагаетъ великое попеченіе; ему нужно было говорить уже не о житейскихъ предметахъ, не о томъ, что одинъ впалъ въ прелюбодѣяніе, другой въ корыстолюбіе, третій покрывалъ свою голову, но о самомъ главномъ благѣ, потому что (коринѳяне) разногласили касательно самаго воскресенія. Такъ какъ въ немъ заключается вся наша надежда, то діаволъ сильно возставалъ противъ него, и иногда совершенно отвергалъ воскресеніе, а иногда говорилъ, что оно уже было. Въ посланіи къ Тимоѳею, Павелъ назвалъ это нечестивое ученіе *гангреною* и указалъ распространителей его: *отъ нихже*, говоритъ, *есть Именей и Филитъ, иже о истинѣ погрѣшиста, глаголюще, яко воскресеніе уже бысть, и возмущаютъ нѣкоторыхъ вѣру* (2 Тим. II, 17, 18). Иногда они это говорили, а иногда—будто тѣло не воскреснетъ, и будто воскресеніе есть очищеніе души. Такое ученіе внушалъ имъ злой демонъ, желая не только отвергнуть воскресеніе, но и представить баснею все, совершенное для насъ. Если бы повѣрили, что нѣтъ воскресенія тѣлъ, то онъ мало-по-малу убѣдилъ бы, что и Христосъ не воскресъ, а отсюда простираясь далѣе, вывелъ бы, что (Христосъ) не приходилъ и не совершалъ того, что Онъ совершилъ. Такова злоба діавола! Потому Павелъ называетъ дѣйствія его *кознями* (Ефес. VI, 11), такъ какъ онъ не обнаруживаетъ прямо того, что хочетъ совершить, чтобы не быть изобличеннымъ, но, принимая на себя нѣкоторую личину, производитъ нѣчто другое, подобно какъ коварный врагъ, приступивъ къ городу и стѣнамъ, тайно подкапывается снизу, чтобы такимъ образомъ не быть за-
322 мѣченнымъ и успѣть въ своемъ предпріятіи. Но этотъ чудный и великій мужъ всегда открывалъ такія сѣти его и преслѣдовалъ злыя козни его: *не не разумѣваемъ бо*, говорилъ онъ, *умышленій его* (2 Кор. II, 11). Такъ и здѣсь онъ открываетъ все лукавство его, показываетъ всѣ его хитрости, обнаруживаетъ всѣ его намѣренія и преслѣдуетъ все съ великимъ тщаніемъ; потому и говоритъ объ этомъ предметѣ послѣ другихъ, что онъ самый важный и составляетъ для насъ все. И посмотри на мудрость (апостола): онъ утверждаетъ напередъ своихъ, а потомъ, продолжая рѣчь, сильно заграждаетъ уста и внѣшнимъ (язычникамъ). Своихъ онъ утверждаетъ не разсудочными доказательствами, но указаніемъ на событія, на то, что они сами уже приняли и чему увѣровали, какъ дѣйствительному. Это было весьма поразительно и достаточно для ихъ убѣжденія: вѣдь если бы они послѣ того не стали вѣрить, то не стали бы вѣрить уже не Павлу, а самимъ себѣ,

это же послужило бы къ осужденію ихъ, принявшихъ однажды и потомъ отступившихъ. Потому онъ и начинаетъ отсюда рѣчь, показывая, что нѣтъ нужды въ другихъ свидѣтеляхъ для доказательства истины словъ его, кромѣ ихъ самихъ, впадающихъ въ заблужденіе. Но чтобы сказанное мною было яснѣе, надобно выслушать самыя слова (апостола). Какія же это (слова)? *Сказую вамъ*, говоритъ, *братіе, благовѣствованіе, еже благовѣстихъ вамъ*. Видишь ли, съ какою кротостію онъ начинаетъ? Видишь ли, какъ въ самомъ началѣ внушаетъ, что онъ не преподаетъ ничего новаго или страннаго? Кто говоритъ о чемъ-нибудь уже извѣстномъ, но забытомъ впослѣдствіи, тотъ словами своими только напоминаетъ о томъ. Называя ихъ *братіями*, онъ и этимъ самымъ не мало подтверждаетъ слова свои. Мы стали братіями не иначе, какъ чрезъ домостроительство воплощенія Христова. Такимъ названіемъ онъ съ одной стороны смиряетъ и успокоиваетъ ихъ, а съ другой напоминаетъ имъ о безчисленныхъ благахъ. И слѣдующее выраженіе также служитъ подтвержденіемъ. Какое же это? *Благовѣствованіе*. Сущность благовѣствованій состоитъ въ томъ, что Богъ содѣлался человѣкомъ, былъ распятъ и воскресъ. Объ этомъ благовѣствовалъ Гавріилъ Дѣвѣ; это возвѣщали вселенной пророки и всѣ апостолы. *Еже и благовѣстихъ*, 323
еже и пріясте, въ немже и стоите, имже и спасаетеся, коцѣмъ словомъ благовѣстихъ вамъ, аще содержите, развѣ аще не всуе вѣровасте. Видишь ли, какъ онъ призываетъ ихъ самихъ въ свидѣтели словъ своихъ? Не говоритъ: что вы слышали, но: *еже пріясте*, требуя отъ нихъ какъ бы нѣкотораго залога и выражая, что къ принятію этого убѣдились не только словомъ, но и дѣлами, знаменіями и чудесами, и потому должны твердо держать это.

2. Напомнивъ о прежнемъ, (апостолъ) далѣе указываетъ на настоящее: *въ немже и стоите*, говоритъ, предупреждая ихъ, что они не могутъ отвергнуть того, хотя бы весьма хотѣли. Потому и въ началѣ онъ не сказалъ: научаю васъ, но: *сказую вамъ*, т. е. то, что уже извѣстно. Какъ же онъ колеблющихся называетъ *стоящими*? Онъ показываетъ видъ незнанія, для пользы ихъ, подобно какъ поступаетъ и въ отношеніи къ галатамъ, только инымъ образомъ. Тамъ неудобно было показать видъ незнанія и потому онъ говоритъ иначе: *азъ надѣюся о васъ въ Господѣ, яко ничтоже ино разумѣти будете* (Гал. ш, 10). Не говоритъ: *ничтоже ино разумѣете*,—потому что ихъ заблужденіе было извѣстно и очевидно,—но ручается за будущее; и, хотя оно неизвѣстно, но (дѣлаетъ это), чтобы болѣе расположить ихъ къ себѣ. Здѣсь же показываетъ видъ незнанія и говоритъ: *въ немже и стоите*; затѣмъ (напоми-

наетъ) о пользѣ: *имже и спасаетеся. Кацѣмъ словомъ благовѣстихъ вамъ*,—слѣдовательно, предлагаемое теперь наставленіе есть только поясненіе и истолкованіе. Вы, говоритъ, не имѣете нужды въ томъ, чтобы я преподалъ вамъ самый догматъ, но чтобы напомнилъ вамъ о немъ и исправилъ; говоритъ это, не желая вдругъ пристыдить ихъ. Что значитъ: *кацѣмъ словомъ благовѣстихъ вамъ?* Какимъ образомъ я, говоритъ, проповѣдывалъ вамъ дѣйствительность воскресенія; что воскресеніе было, въ этомъ вы, кажется, не сомнѣваетесь; но вы, можетъ быть, желаете только яснѣе уразумѣть сказанное; это я и сдѣлаю; а самый догматъ, какъ я вижу ясно, вы содержите. Далѣе, чтобы послѣ словъ его: *въ немже и стоите*, они не сдѣлались безпечными, онъ опять внушаетъ имъ страхъ: *аще*, говоритъ, *содержите, развѣ аще не всуе вѣровасте*, и тѣмъ показываетъ, что зло касается главнаго предмета, что дѣло идетъ не о чемъ-нибудь маловажномъ, но о цѣлой вѣрѣ. Здѣсь онъ говоритъ объ этомъ кратко, а далѣе, воспламеняясь, взываетъ открыто и говоритъ: *аще же Христосъ не воста, тще убо проповѣданіе наше, тща же и вѣра ваша, еще есте во грѣсѣхъ вашихъ.* Но въ началѣ не такъ (говорилъ), потому что полезнѣе было идти впередъ спокойно и мало-по-малу. *Предахъ бо вамъ исперва, еже и пріяхъ* (ст. 3). И здѣсь не говоритъ: я вамъ сказалъ, или: я научилъ васъ, но опять употребляетъ тоже выраженіе: *предахъ вамъ, еже и пріяхъ*. И не говоритъ также: я научился, но: *пріяхъ*, внушая двѣ мысли,—ту, что ничего не должно вводить отъ себя, и ту, что они убѣждались въ истинѣ не одними словами, но и дѣлами; и такимъ образомъ, мало-по-малу дѣлая слова свои достовѣрными, относитъ все ко Христу и показываетъ, что изъ догма-
324 товъ нѣтъ ни одного человѣческаго. Что значитъ: *предахъ бо вамъ исперва?* Т. е. въ началѣ, а не теперь. Здѣсь онъ указываетъ какъ на свидѣтеля на время и внушаетъ, что крайне постыдно измѣнять вѣрѣ послѣ того, какъ вѣрили столь долгое время, и не только это, но и то, что догматъ необходимъ; потому онъ и преподанъ между первыми и въ самомъ началѣ. Что же, скажи мнѣ, ты *предалъ?* Но это объясняетъ онъ не вдругъ, а напередъ говоритъ: *еже и пріяхъ*. Что же ты принялъ? *Яко Христосъ умре грѣхъ нашихъ ради.* Не говоритъ прямо: будетъ воскресеніе тѣлъ нашихъ, но доказываетъ это издалека и посредствомъ другихъ (истинъ): *яко*, говоритъ, *Христосъ умре*, и тѣмъ полагаетъ великое основаніе и непоколебимую опору ученія о воскресеніи. И не просто говоритъ: *яко Христосъ умре*, хотя и это служитъ достаточнымъ доказательствомъ воскресенія, но съ прибавленіемъ: *яко Христосъ умре грѣхъ нашихъ ради.*

Впрочемъ, прежде надобно выслушать, что говорятъ объ этомъ

зараженные манихейскою (ересью), враги истины, возстающіе противъ собственнаго спасенія. Что же говорятъ они? Смертію, говорятъ, Павелъ называетъ здѣсь не что иное, какъ пребываніе во грѣхѣ, а воскресеніемъ—освобожденіе отъ грѣховъ. Видишь ли, какъ заблужденіе безсильно, какъ оно уловляется собственными своими сѣтями и не требуетъ посторонняго нападенія, но поражаетъ само себя? Смотри, какъ и эти люди поражаютъ сами себя собственными своими словами. Если точно въ этомъ состоитъ смерть, и если, какъ вы думаете, Христосъ не принялъ тѣла, и однако умеръ, то слѣдуетъ, по вашему, что Онъ былъ во грѣхѣ. Я утверждаю, что Онъ принялъ тѣло, и говорю, что смерть Его была тѣлесная; а ты, отвергая это, по необходимости долженъ утверждать сказанное. Если же Онъ былъ во грѣхѣ, то какъ Онъ говоритъ: *кто отъ васъ обличаетъ мя о грѣсѣ* (Іоан. VIII, 46)? и еще: *грядетъ сего міра князь, и во мнѣ не иматъ ничесоже* (XIV, 30); и еще: *тако подобаетъ намъ исполнити всяку правду* (Мѳ. III, 15)? И какъ Онъ умеръ за грѣшниковъ, если самъ былъ во грѣхахъ? Умирающему за грѣшниковъ нужно быть самому безгрѣшнымъ, потому что кто самъ грѣшникъ, тотъ какъ умретъ за другихъ грѣшниковъ? Если же Христосъ умеръ за грѣхи другихъ, то Онъ умеръ, будучи самъ безгрѣшенъ; а если Онъ умеръ, будучи безгрѣшенъ, то умеръ не смертію грѣха, — какъ это могло быть съ безгрѣшнымъ?—но смертію тѣлесною. Потому и Павелъ сказалъ не просто: *умре*, но присовокупилъ: *грѣхъ нашихъ ради*, и тѣмъ заставляетъ ихъ невольно признать тѣлесную смерть (І. Христа) и показываетъ, что Онъ и прежде смерти былъ безгрѣшенъ, такъ какъ тому, кто умираетъ за чужіе грѣхи, слѣдуетъ самому быть безгрѣшнымъ. Не останавливаясь и на этомъ, (апостолъ) присовокупляетъ: *по писаніемъ*; подтверждая этимъ еще болѣе истинность словъ своихъ и показывая, о какой онъ говоритъ смерти. Писаніе вездѣ говоритъ о (смерти Христовой) тѣлесной; напр. оно говоритъ: *ископаша руцѣ мои и нозѣ* (Псал. XXI, 17), и еще: *воззрятъ нань,* 325
егоже прободоша (Іоан. XIX, 37).

3. Не станемъ исчислять порознь всѣхъ другихъ мѣстъ, изъ которыхъ одни словами, а другія прообразованіями, въ нихъ заключающимися, доказываютъ, что Христосъ умеръ плотію и что Онъ умеръ за грѣхи наши. *Ради беззаконій*, говорится (въ Писаніи), *людей моихъ ведеся на смерть*; и еще: *Господь предаде его грѣхъ ради нашихъ;* и еще: *язвенъ бысть за грѣхи наша* (Ис. LIII, 8, 6, 5). Если же ты не хочешь вѣрить ветхому завѣту, то послушай Іоанна, который, взывая, показываетъ ясно то и другое, и смерть тѣлесную и ея причину: *се*, говоритъ онъ, *агнецъ Божій, вземляй грѣхи міра* (Іоан. I, 39); послушай Павла, который гово-

ритъ: *невѣдѣвшаго бо грѣха по насъ грѣхъ сотвори, да мы будемъ правда Божія о немъ* (2 Кор. v, 21); и еще: *Христосъ ны искупилъ есть отъ клятвы законныя, бывъ по насъ клятва* (Гал. III, 13); и еще: *совлекъ начала и власти, изведе въ позоръ дерзновеніемъ* (Кол. II, 15); и весьма многія другія мѣста доказываютъ, что смерть Христова была тѣлесная и притомъ за грѣхи наши. Такъ самъ Онъ говоритъ: *за васъ азъ свящу себе* (Іоан. XVII, 19); также: *нынѣ князь міра сего осужденъ бысть* (Іоан. XVI, 11), и тѣмъ выражаетъ, что Онъ умеръ, не имѣя грѣха. *И яко погребенъ бысть* (ст. 4). И это подтверждаетъ вышесказанную мысль, потому что погребеніе, конечно, свойственно тѣлу. Здѣсь (апостолъ) не прибавилъ: *по писаніемъ;* хотя могъ бы, однако не прибавилъ. Почему? Или потому, что гробъ всѣмъ извѣстенъ и тогда и теперь, или потому, что слово: *по писаніемъ* относится ко всему вообще. Почему же далѣе онъ прибавляетъ—*по писаніемъ*: *и яко воста въ третій день по писаніемъ,*—а не довольствуется первымъ, сказаннымъ о всемъ вообще? Потому, что и это многимъ было неизвѣстно; здѣсь онъ указываетъ на Писаніе по вдохновенію, внушая мудрую и божественную мысль. Не то же ли самое Онъ дѣлаетъ и касательно смерти? И тамъ крестъ былъ всѣмъ извѣстенъ, потому что Христосъ распятъ на глазахъ всѣхъ, а причина не всѣмъ была извѣстна; что Онъ умеръ, это всѣ знали, а что Онъ претерпѣлъ смерть за грѣхи вселенной, этого многіе еще не знали; потому (апостолъ) и приводитъ свидѣтельство изъ Писаній. Впрочемъ это уже достаточно объяснено сказаннымъ нами. Гдѣ же въ Писаніяхъ сказано, что Христосъ будетъ погребенъ и въ третій день воскреснетъ? Въ прообразѣ Іоны, на который указываетъ самъ (Христосъ), когда говоритъ: *якоже бѣ Іона во чревѣ китовѣ три дни и три нощи, тако будетъ и Сынъ человѣческій въ сердцы земли три дни и три нощи* (Мѳ. XII, 40); въ прообразѣ купины въ пустынѣ: какъ она горѣла и не сгарала, такъ и тѣло (Христово) было мертво, но не удержано смертію навсегда (Исх. III); въ прообразѣ змія, бывшаго при Даніилѣ: какъ онъ, принявъ пищу, данную ему пророкомъ, разсѣлся, такъ и адъ, принявъ тѣло (Христово), распался, потому что тѣло расторгло чрево его и воскресло. Если же ты хочешь и въ словахъ слышать то, что видишь въ прообразахъ, то послушай Исаію, который говоритъ:
326 *яко вземлется отъ земли животъ его* (Ис. LIII, 8); и еще: *Господь хощетъ очистити его отъ язвы, явити ему свѣтъ* (LIII, 10, 11); также—Давида, который еще прежде сказалъ: *не оставиши душу мою во адѣ, ниже даси преподобному твоему видѣти истлѣнія* (Пс. XV, 10). Потому и Павелъ отсылаетъ тебя къ Писаніямъ, чтобы ты зналъ, что это совершилось не просто и не напрасно.

Да и могло ли быть такъ, если столь многіе пророки преднаписали и предвозвѣстили это, и если Писаніе, упоминая о Владычней смерти, нигдѣ не говоритъ о смерти грѣховной, но вездѣ о тѣлесной, и такомъ же погребеніи и воскресеніи? *И яко явися Кифѣ* (ст. 5): прежде всѣхъ указываетъ на свидѣтеля самаго достовѣрнаго. *Таже единонадесятимъ: потомъ явися болѣ пяти сотъ братіямъ единою, отъ нихже множайшіи пребываютъ доселѣ, нѣцыи же и почиша. Потомъ Іакову, таже апостоломъ всѣмъ. Послѣди же всѣхъ, яко нѣкоему извергу, явися и мнѣ* (ст. 6—8). Приведши доказательства изъ Писаній, (апостолъ) присовокупляетъ доказательство отъ событій, послѣ пророковъ приводитъ въ свидѣтели воскресенія апостоловъ и другихъ вѣрныхъ людей. А если бы подъ воскресеніемъ онъ разумѣлъ освобожденіе отъ грѣха, то излишне было бы говорить: *явися* такому-то и такому-то; говорить такъ свойственно доказывающему тѣлесное воскресеніе, а не бесѣдующему объ освобожденіи отъ грѣха.

4. Потому онъ не однажды сказалъ: *явися*, хотя достаточно было употребить это выраженіе и однажды о всѣхъ вообще, но повторяетъ его два и три раза и почти о каждомъ изъ видѣвшихъ: *явися*, говоритъ, *Кифѣ, явися болѣ пятисотъ братіямъ, явися и мнѣ*. Какъ же въ Евангеліи напротивъ говорится, что (Христосъ) прежде всѣхъ явился Маріи? Но изъ мужей—прежде всѣхъ (Петру), который особенно желалъ видѣть Его. О какихъ *единонадесятихъ* апостолахъ говоритъ здѣсь (Павелъ), когда Матѳій избранъ уже послѣ вознесенія Христова, а не тотчасъ послѣ воскресенія? Но, вѣроятно, Онъ являлся и послѣ вознесенія; слѣдовательно этотъ самый апостолъ послѣ вознесенія и избранъ и видѣлъ Его. Павелъ не указываетъ времени, а просто и неопредѣленно исчисляетъ явленія, которыхъ, вѣроятно, было много; потому и Іоаннъ говоритъ: *се третіе явися* (Іоан. XXI, 14). *Потомъ явися болѣ пяти сотъ братіямъ.* Нѣкоторые говорятъ, что слово: *болѣ* (ἐπάνω) означаетъ *свыше*, съ небесъ,—то есть явился имъ, не по землѣ шествуя, но вверху, надъ ихъ головою, потому что Онъ хотѣлъ увѣрить ихъ не только въ своемъ воскресеніи, но и вознесеніи. Другіе же утверждаютъ, что *болѣ пяти сотъ* значитъ: болѣе нежели пяти стамъ. *Отъ нихже множайшіи пребываютъ доселѣ*; хотя, говоритъ, я повѣствую о прошедшихъ событіяхъ, но имѣю свидѣтелей еще живущихъ. *Нѣцыи же и почиша*; не сказалъ: умерли, но: *почиша*, утверждая также и этимъ выраженіемъ истину воскресенія. *Потомъ явися Іакову*,—мнѣ кажется, брату своему; его, говорятъ, Онъ самъ рукоположилъ и поставилъ первымъ епископомъ въ Іерусалимѣ. *Таже апостоломъ всѣмъ*, потому что были и другіе апостолы, именно семьдесятъ. *Послѣди*

327 *же всѣхъ, яко нѣкоему извергу, явися и мнѣ*; это говоритъ онъ болѣе по смиренномудрію. Не потому Христосъ явился ему послѣ другихъ, будто онъ былъ ниже всѣхъ; хотя онъ называетъ себя послѣднимъ, но оказался славнѣе многихъ, призванныхъ прежде него, и даже—всѣхъ; и пять сотъ братій не лучше Іакова потому, что Христосъ явился имъ прежде него. А почему Христосъ не явился всѣмъ вмѣстѣ? Чтобы предварительно посѣять сѣмена вѣры. Кто первый видѣлъ Его и совершенно удостовѣрился, тотъ говорилъ о томъ другимъ; потомъ сказанное распространялось, производило въ слушающихъ ожиданіе этого великаго чуда и пролагало путь вѣрѣ въ (Его) явленіе. Потому Христосъ и явился не всѣмъ вмѣстѣ и не многимъ въ началѣ, но прежде всѣхъ одному только, именно верховному изъ всѣхъ и вѣрнѣйшему. Самой вѣрной душѣ надлежало первой сподобиться такого явленія. Тѣ, которые увидѣли послѣ того, какъ видѣли другіе и когда уже слышали отъ нихъ, въ свидѣтельствѣ ихъ имѣли немалое пособіе, располагавшее къ вѣрѣ и предуготовлявшее душу, а кто первый сподобился видѣть Господа, тому, какъ я сказалъ, нужна была великая вѣра, чтобы не смутиться отъ необычайнаго зрѣлища. Потому Христосъ явился прежде всѣхъ Петру. Кто первый исповѣдалъ его Христомъ, тотъ справедливо первый удостоился видѣть и воскресеніе Его. И не поэтому только (Христосъ) явился прежде всѣхъ ему одному, но и потому, что онъ отрекся; чтобы совершенно утѣшить его и показать, что онъ не отвергнутъ, (Христосъ) удостоилъ его Своего явленія прежде другихъ, и ему первому ввѣрилъ овецъ. Потому и женамъ Онъ явился первымъ; такъ какъ полъ ихъ подвергался униженію, то онъ первый сподобился благодати и при рожденіи и при воскресеніи (Христовомъ). Послѣ Петра (Христосъ) явился и каждому порознь, и немногимъ, и многимъ, чтобы они сдѣлались другъ для друга свидѣтелями и учителями въ этомъ дѣлѣ, и чтобы апостолы были проповѣдниками достовѣрными. *Послѣди же всѣхъ, яко нѣкоему извергу, явися и мнѣ.* Что хочетъ онъ сказать здѣсь такими смиренномудрыми словами, и по какому поводу? Если онъ хочетъ показать себя достовѣрнымъ и причислить себя къ свидѣтелямъ воскресенія, то слѣдовало бы сдѣлать противное, слѣдовало бы превознести и возвеличить себя, какъ онъ дѣлаетъ во многихъ мѣстахъ, когда требуютъ обстоятельства. И здѣсь онъ уничижаетъ себя потому, что намѣревается сдѣлать тоже самое, только не вдругъ, а съ свойственнымъ ему благоразуміемъ. А именно, уничиживъ напередъ себя и высказавъ по отношенію къ себѣ много укоризнъ, онъ потомъ возвеличиваетъ дѣла свои. Для чего? Для того, чтобы когда онъ скажетъ о себѣ великое

и высокое изреченіе: *паче всѣхъ потрудихся*, слова его были несомнѣнными и приняты, какъ бы сказанныя по ходу рѣчи, а не преднамѣренно. Такъ и въ посланіи къ Тимоѳею, намѣреваясь сказать о себѣ нѣчто великое, онъ напередъ излагаетъ свои проступки. Кто говоритъ что-нибудь великое о другихъ, тотъ говоритъ смѣло и дерзновенно; а кто принужденъ хвалить самого себя, особенно когда представляетъ себя въ свидѣтели, тотъ стыдится и краснѣетъ. Потому и этотъ блаженный (мужъ) напередъ уничижаетъ, а потомъ возвеличиваетъ себя. Онъ дѣлаетъ это какъ для того, чтобы смягчить непріятность самовосхваленія, 328
такъ и для того, чтобы чрезъ то придать достовѣрность послѣдующимъ словамъ своимъ; сказавъ неложно о томъ, что достойно осужденія, и не скрывъ ничего такого, напр. что онъ гналъ церковь, что истреблялъ вѣру, онъ дѣлаетъ чрезъ то несомнѣнными и достохвальныя дѣла свои.

5. И, смотри, какъ велико его смиренномудріе. Сказавъ: *послѣди же всѣхъ явися и мнѣ*, онъ не удовольствовался этимъ,— такъ какъ *мнози*, говоритъ (Господь), *послѣдни первіи и перви послѣдніи* (Мѳ. XIX, 30),—но присовокупляетъ: *яко нѣкоему извергу*; и на этомъ не останавливается, но присоединяетъ собственное сужденіе и приводитъ причину: *азъ бо*, говоритъ, *есмь мній апостоловъ, иже нѣсмь достоинъ нарещися апостолъ, зане гонихъ церковь Божію* (ст. 9). Не сказалъ: только двѣнадцати, но—и всѣхъ прочихъ. Все это онъ говоритъ какъ по смиренію, такъ и съ тѣмъ намѣреніемъ, о которомъ я сказалъ, т. е. чтобы расположить (слушателей) къ скорѣйшему принятію послѣдующихъ словъ. Если бы онъ вмѣсто этого сказалъ: вы должны вѣрить мнѣ, что Христосъ воскресъ, потому что я видѣлъ Его, и я достовѣрнѣе всѣхъ (свидѣтелей), потому что потрудился болѣе всѣхъ, то могъ бы такими словами оскорбить слушателей. А теперь, изображая напередъ обстоятельства, служащія къ его уничиженію и осужденію, онъ и смягчаетъ рѣчь свою и пролагаетъ путь къ вѣрѣ въ его свидѣтельство. Потому, какъ я сказалъ, онъ не просто представляетъ себя послѣднимъ и недостойнымъ наименованія апостола, но приводитъ причину: *зане*, говоритъ, *гонихъ церковь*. И хотя все это было прощено ему, однако онъ самъ отнюдь не забываетъ того, желая показать величіе благодати; потому и продолжаетъ: *благодатію же Божіею есмь, еже есмь* (ст. 10). Видишь ли опять, какъ велико и здѣсь его смиренномудріе? Недостатки онъ приписываетъ самому себѣ, а добродѣтели не себѣ, но Богу. Далѣе, чтобы слушатель не сдѣлался оттого безпечнымъ, говоритъ: *и благодать его, яже во мнѣ, не тща бысть*,—и опять (говоритъ) со смиреніемъ. Не сказалъ: я показалъ ревность, до-

стойную благодати, но: *не тща бысть. Но паче всѣхъ ихъ потрудихся.*

Не сказалъ: почтенъ, но: *потрудихся* и, имѣя право указать на смертныя опасности, ограничивается названіемъ труда. Потомъ. съ обычнымъ смиренномудріемъ, и объ этомъ тотчасъ перестаетъ говорить и приписываетъ все Богу: *не азъ же*, говоритъ, *но благодать Божія, яже со мною.* Что можетъ быть удивительнѣе этой души? Столько уничиживъ себя и сказавъ только объ одной своей заслугѣ, онъ и ее не называетъ своею, всячески ослабляя величіе сказаннаго выраженія какъ предъидущими, такъ и послѣдующими словами, и притомъ тогда, какъ высказалъ это по необходимости. Смотри, какъ онъ изобилуетъ словами смиренномудрія: *послѣди*, говоритъ, *всѣхъ явися мнѣ*,—такимъ образомъ ни съ кѣмъ другимъ не равняетъ себя, и: *яко нѣкоему извергу*,—признаетъ себя послѣднимъ изъ апостоловъ и даже недостойнымъ такого наименованія. Не довольствуясь этимъ, но желая показать, что онъ смиренномудрствуетъ не на словахъ только, приводитъ причины и доказательства: извергъ—потому, что послѣ
329 всѣхъ видѣлъ Іисуса; недостоинъ наименованія апостола—потому, что гналъ церковь. Кто смиряется только на словахъ, тотъ не такъ поступаетъ; а кто приводитъ и причины, тотъ говоритъ все отъ сокрушеннаго сердца. Онъ упоминаетъ о томъ же и въ другомъ мѣстѣ: *благодарю же укрѣпляющаго мя Христа, яко вѣрна мя непщева, положивъ мя въ службу, бывша мя прежде хулника и гонителя и досадителя* (1 Тим. I, 12, 13). Почему же онъ произнесъ тѣ высокія слова: *паче ихъ потрудихся?* Обстоятельства побуждали его къ тому. Если бы онъ не сказалъ этого, а только уничижилъ бы себя, то какъ онъ могъ бы съ дерзновеніемъ приводить себя въ свидѣтели, ставить себя на ряду съ другими и сказать: *аще убо азъ, аще ли они, тако проповѣдуемъ* (ст. 11)? Свидѣтелю нужно быть человѣкомъ достовѣрнымъ и великимъ. А какъ онъ потрудился болѣе ихъ, это онъ объяснилъ выше, когда говорилъ: *еда не имамы власти ясти и пити, яко и прочіи апостоли?* И еще: *быхъ беззаконнымъ, яко беззаконенъ* (1 Кор. IX, 4, 21). Гдѣ надлежало показать ревность, тамъ онъ превзошелъ всѣхъ; и гдѣ надлежало оказать снисхожденіе, тамъ онъ опять былъ превосходенъ. Впрочемъ нѣкоторые говорятъ, что онъ посланъ былъ къ язычникамъ и обошелъ большую часть вселенной; потому и получилъ большую благодать. Подлинно, если онъ болѣе потрудился, то благодать была больше; а большую получилъ онъ благодать потому, что показалъ болѣе ревности. Видишь ли, какъ то самое, чѣмъ онъ старается и усиливается прикрыть свои дѣла, доказываетъ, что онъ былъ первый изъ всѣхъ?

6. Слыша это, будемъ и мы недостатки свои открывать, а о добродѣтеляхъ умалчивать; если же потребуютъ обстоятельства, то будемъ говорить о нихъ скромно, и все приписывать благодати, какъ дѣлаетъ апостолъ: прежнюю свою жизнь онъ изображаетъ подробно, а все послѣдующее приписываетъ благодати, чтобы во всемъ показать человѣколюбіе Бога, Который спасъ такого (грѣшника), и спасши сдѣлалъ его такимъ (праведникомъ). Потому пусть никто изъ порочныхъ не отчаивается, и никто изъ добродѣтельныхъ не надѣется на себя, но пусть и послѣдній будетъ осторожень, и первый ревностенъ. Какъ безпечный не можетъ устоять въ добродѣтели, такъ и ревностный не можетъ быть безсильнымъ въ избѣжаніи порока. Примѣръ того и другого— блаженный Давидъ: онъ, какъ скоро допустилъ небольшую безпечность, глубоко палъ; а когда предался сокрушенію, то опять взошелъ на прежнюю высоту. То и другое, и отчаяніе и безпечность, одинаково худо; одно скоро низвергаетъ съ самой высоты небесной, а другое не позволяетъ возстать лежащему. Потому о первомъ Павелъ сказалъ: *мняйся стояти, да блюдется, да не падетъ* (1 Кор. x, 12); а о второмъ: *днесь, аще гласъ его услышите, не ожесточите сердецъ вашихъ* (Пс. xciv, 7, 8); и еще: *ослабленныя руки, и ослабленная колѣна исправите* (Евр. xii, 12). Потому и покаявшагося кровосмѣсника онъ скоро ободрилъ, *да не како многою скорбію пожертъ будетъ таковый* (2 Кор. ii, 7). Итакъ, человѣкъ, для чего ты скорбишь о другихъ вещахъ? Если и въ 330
отношеніи къ грѣхамъ, гдѣ скорбь единственно полезна, неумѣренность причиняетъ великій вредъ, то тѣмъ болѣе въ остальномъ. О чемъ же скорбишь ты? О томъ ли, что потерялъ имущество? Но представь тѣхъ, которые не имѣютъ даже насущнаго хлѣба, и ты тотчасъ получишь утѣшеніе. И при каждомъ бѣдствіи не печалься о томъ, что случилось, а благодари за то, чего не случилось. Ты владѣлъ имуществомъ и лишился его? Не плачь о потерѣ, а благодари за то время, въ которое пользовался имъ. Скажи съ Іовомъ: *аще благая пріяхомъ отъ руки Господни, злыхъ ли не стерпимъ* (ii, 10)? Вмѣстѣ съ тѣмъ размысли и о томъ, что, хотя ты потерялъ имущество, но тѣло твое пока еще здраво, и при бѣдности ты еще не страдаешь разстройствомъ тѣла. Или тѣло твое также потерпѣло разстройство? И это не край бѣдствій человѣческихъ, но еще ты находишься пока въ срединѣ ихъ; многіе при бѣдности и тѣлесномъ разстройствѣ бываютъ еще одержимы бѣсомъ и скитаются въ пустыняхъ; иные же терпятъ другія тягостнѣйшія (бѣдствія). Не дай Богъ намъ терпѣть все, что возможно терпѣть! Такимъ образомъ, помышляя всегда объ этомъ, представляй тѣхъ, которые терпятъ тягчайшія

(бѣдствія), и не скорби ни о чемъ подобномъ; когда согрѣшишь, тогда только сокрушайся, тогда плачь; этого я не запрещаю, напротивъ—требую; впрочемъ и тогда—съ умѣренностію, помня, что есть обращеніе, есть примиреніе. Но ты видишь другихъ въ роскоши, въ свѣтлыхъ одеждахъ и въ великолѣпіи, а себя въ бѣдности? Не на это только смотри, но и на происходящія оттого непріятности; равно и въ бѣдности принимай въ соображеніе не только нищету, но и происходящія отъ ней пріятности.

Богатство имѣетъ только наружность свѣтлую, внутри же исполнено мрака; а бѣдность напротивъ. Если бы открылась предъ тобою совѣсть каждаго, то въ душѣ бѣднаго ты увидѣлъ бы великое спокойствіе и безопасность, а въ душѣ богатаго смятеніе, смущеніе, волненіе. Ты скорбишь, видя богатаго, а онъ гораздо больше тебя скорбитъ, видя того, кто богаче его; сколько ты боишься его, столько же онъ боится другого,—въ этомъ отношеніи онъ не имѣетъ никакого преимущества предъ тобой. Видя начальника, ты скорбишь, что ты человѣкъ частный и подчиненный? Но подумай о днѣ, когда все перемѣнится, и еще прежде того дня представь смятенія, опасности, труды, ласкательства, безсонницы и всѣ другія непріятности его. Впрочемъ, все это мы говоримъ тѣмъ, которые не знаютъ любомудрія; если бы ты зналъ его, то мы могли бы утѣшить тебя другими высшими побужденіями; но теперь пока нужно представлять тебѣ побужденія низшія. Итакъ, когда ты видишь богатаго, то представь и того, кто богаче его, и увидишь, что онъ въ такомъ же положеніи, какъ и ты. Затѣмъ представь того, кто бѣднѣе тебя, и сколько людей засыпаютъ голодными, теряютъ отцовскія имѣнія, живутъ въ темницѣ и каждый день желаютъ смерти. Ни бѣдность не раждаетъ печали, ни богатство—удовольствія; но то и другое зависитъ
331 обыкновенно отъ нашего разсужденія. Начнемъ снизу и посмотримъ. Мусорщикъ скорбитъ и сѣтуетъ, что не свободенъ отъ своего, повидимому, тягостнаго и безчестнаго занятія; но, если освободишь его отъ этого и доставишь ему достатокъ въ предметахъ необходимыхъ, онъ опять станетъ скорбѣть о томъ, что не имѣетъ болѣе, чѣмъ необходимо; если доставишь ему больше, онъ опять захочетъ имѣть вдвое и потому будетъ печалиться не менѣе прежняго; если дашь ему вдвое или втрое, онъ вновь будетъ скорбѣть, что онъ не чиновникъ; если доставишь ему и это, онъ будетъ почитать себя несчастнымъ, что не принадлежитъ къ числу сановниковъ; получивъ и это достоинство, будетъ сѣтовать о томъ, что онъ не правитель; когда сдѣлается правителемъ,—о томъ, что управляетъ не цѣлымъ народомъ; когда и цѣлымъ народомъ,—о томъ, что не многими народами; когда многими наро-

дами,—о томъ, что не всѣми; когда сдѣлается главнымъ правителемъ, станетъ опять скорбѣть, что онъ не царь; если сдѣлается царемъ,—о томъ, что онъ не одинъ; если будетъ одинъ,—о томъ, что онъ не царствуетъ также надъ варварами и надъ всею вселенною; если бы надъ всею вселенною,—о томъ, почему и не надъ другимъ еще міромъ? Такимъ образомъ замыслы его, простираясь въ безконечность, никогда не дозволятъ ему быть довольнымъ.

7. Видишь ли, что, сдѣлавъ даже царемъ человѣка низкаго и бѣднаго, не избавишь его отъ скорби, если не исправишь напередъ его души, преданной любостяжанію? Теперь изображу тебѣ противное и покажу, что благоразумный человѣкъ, хотя бы ты низвергъ его съ высоты внизъ, не предастся скорби и печали. Будемъ, если угодно, нисходить по той же лѣстницѣ. Низведи мысленно правителя съ сѣдалища и лиши его этого званія; онъ нисколько не будетъ скорбѣть, если захочетъ представлять сказанное мною, потому что будетъ представлять не то, чего лишился, а то, что еще остается у него, именно честь свойственную власти; если отнимешь и ее, онъ будетъ представлять себѣ людей частныхъ, никогда не достигавшихъ такой власти, и найдетъ достаточное утѣшеніе въ своемъ богатствѣ; если лишишь его и этого (богатства), онъ будетъ смотрѣть на тѣхъ, которые имѣютъ немного; если отнимешь и немногое и оставишь ему только самое необходимое для пропитанія, онъ будетъ представлять себѣ тѣхъ, которые и того не имѣютъ, но непрестанно терпятъ голодъ и живутъ въ темницѣ; если ввергнешь его и въ это жилище, онъ будетъ представлять себѣ одержимыхъ неисцѣльными болѣзнями и невыносимыми страданіями, и найдетъ, что самъ онъ въ гораздо лучшемъ состояніи. Какъ тотъ, занимающійся очисткою мусора, даже сдѣлавшись царемъ, не найдетъ спокойствія, такъ этотъ, 332
даже сдѣлавшись узникомъ, никогда не будетъ испытывать скорби. Слѣдовательно, не отъ богатства зависитъ удовольствіе, и не отъ бѣдности скорбь, а отъ нашихъ помысловъ, оттого, что душевныя очи наши нечисты, что на чемъ бы они ни остановились, не успокоиваются, а стремятся въ безконечность. Какъ здоровое тѣло, хотя бы питалось однимъ хлѣбомъ, не подвергается болѣзнямъ и добрѣетъ; а больное, хотя бы наслаждалось роскошною и разнообразною пищею, тѣмъ болѣе слабѣетъ,—такъ обыкновенно бываетъ и съ душею. Малодушные и въ діадемѣ и въ неизреченныхъ почестяхъ не могутъ хорошо себя чувствовать, а любомудрые и въ узахъ, и въ оковахъ, и въ бѣдности наслаждаются чистымъ удовольствіемъ. Потому, представляя себѣ это, будемъ постоянно взирать на тѣхъ, которые ниже насъ. Есть и другое утѣшеніе, но только свойственное любомудрымъ и превышающее понятія мно-

гихъ. Какое же? То, что и богатство ничто, и бѣдность ничто, и безчестіе ничто, и честь ничто, что все это кратковременно и различается одно отъ другого однимъ только названіемъ. Кромѣ того есть еще иное, бо́льшее, состоящее въ томъ, чтобы представлять себѣ будущія страданія и блага, страданія истинныя и блага истинныя, и отсюда получать утѣшеніе. Но многіе, какъ я сказалъ, весьма далеки отъ такого образа мыслей; потому мы и принуждены остановиться на вышесказанныхъ мысляхъ, чтобы тѣхъ, которые примутъ ихъ, постепенно возвести и къ высшимъ. Итакъ, представляя все это, будемъ всячески благоустроять себя и никогда не станемъ скорбѣть о вещахъ случайныхъ. Если бы мы увидѣли богатыхъ на картинѣ, то, конечно, не стали бы называть ихъ блаженными, равно и бѣдныхъ, изображенныхъ тамъ же, не стали бы называть несчастными и жалкими. Между тѣмъ они гораздо долговѣчнѣе нашихъ богачей; на картинѣ богатый остается гораздо долѣе, нежели въ дѣйствительности; первый часто остается въ такомъ видѣ до ста лѣтъ, а послѣдній иногда, не насладившись даже одинъ годъ своимъ богатствомъ, вдругъ лишается всего. Потому, помышляя о всемъ этомъ, будемъ отвсюду ограждать душевное спокойствіе отъ безразсудной скорби, чтобы намъ и настоящую жизнь провести съ удовольствіемъ, и сподобиться будущихъ благъ, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XXXIX.

331 **Аще убо азъ, аще ли они, тако проповѣдуемъ, и тако вѣровасте (1 Кор. xv, 11).**

1. Превознесши апостоловъ и уничиживъ себя, потомъ опять поставивъ себя выше ихъ, чтобы доказать свое равенство съ ними,—а онъ доказалъ равенство, сказавъ, что онъ и ниже и выше ихъ,—и такимъ образомъ представивъ себя достовѣрнымъ
332 учителемъ, (Павелъ) и еще продолжаетъ говорить (объ апостолахъ) и опять поставляетъ себя на ряду съ ними, выражая единодушіе о Христѣ. Впрочемъ дѣлаетъ это не такъ, какъ будто бы онъ присоединёнъ къ нимъ, но такъ, что онъ оказывается имѣющимъ одинаковое съ ними достоинство; этого и требовала польза проповѣди. Онъ равно заботится какъ о томъ, чтобы не подумали, что онъ унижаетъ (апостоловъ), такъ и о томъ, чтобы воздаваемою
333 имъ честію не унизить себя предъ подчиненными. Потому

теперь онъ опять ставитъ себя наравнѣ съ ними: *аще убо азъ*, говоритъ, *аще ли они, тако проповѣдуемъ;* у кого, говоритъ, хотите учиться, у того и учитесь; мы ничѣмъ не различаемся. Не сказалъ: если не хотите вѣрить мнѣ, то вѣрьте имъ; но представляетъ и себя достойнымъ вѣры и говоритъ, что какъ онъ самъ по себѣ заслуживаетъ этого, такъ и они сами по себѣ; различіе лицъ, при равныхъ достоинствахъ, ничего не значило. Тоже онъ дѣлаетъ и въ посланіи къ Галатамъ, обращаясь (къ апостоламъ) не потому, чтобы имѣлъ въ нихъ нужду, и утверждая, что онъ и самъ по себѣ не имѣетъ недостатка: *мнѣ*, говоритъ, *мниміи ничтоже привозложиша*, и однако я желаю быть въ согласіи съ ними, *и десницы даша мнѣ* (Гал. II, 6, 9). Если бы достовѣрность Павла зависѣла отъ другихъ и утверждалась на свидѣтельствѣ другихъ, то отсюда произошелъ бы крайній вредъ для учениковъ. Слѣдовательно, онъ превозноситъ себя не изъ тщеславія, но изъ опасенія за проповѣдь. Потому и здѣсь ставитъ себя наравнѣ (съ апостолами): *аще убо азъ, аще ли они, тако проповѣдуемъ.* Хорошо сказалъ: *проповѣдуемъ*, выражая великое дерзновеніе; мы, говоритъ, не тайно и не скрытно проповѣдуемъ, но вѣщаемъ громче трубы. Не сказалъ: проповѣдывали; но и теперь—*тако проповѣдуемъ. И тако вѣровасте;* здѣсь не сказалъ: вѣруете, но: *вѣровасте.* Такъ какъ (коринѳяне) колебались, то онъ обращается къ прежнимъ временамъ и представляетъ свидѣтелями ихъ самихъ. *Аще же Христосъ проповѣдуется, яко изъ мертвыхъ воста, како глаголютъ нѣцыи въ васъ, яко воскресенія мертвыхъ нѣсть* (ст. 12)? Видишь ли, какъ онъ превосходно разсуждаетъ и доказываетъ воскресеніе (мертвыхъ) воскресеніемъ Христовымъ, подтвердивъ напередъ послѣднее многими доводами? О немъ, говоритъ, предвозвѣстили пророки, и самъ (Христосъ) засвидѣтельствовалъ явленіями Своими, и мы проповѣдуемъ, и вы вѣровали; такимъ образомъ онъ соединяетъ четыре свидѣтельства—пророковъ, самыя событія, апостоловъ и учениковъ; даже пять, потому что и то самое, что (Христосъ) умеръ за грѣхи другихъ, доказываетъ истину Его воскресенія. А когда это доказано, то очевидно слѣдуетъ и другое, т. е. что воскреснутъ и прочіе мертвые. Потому онъ укоряетъ ихъ за сомнѣніе въ этомъ, какъ предметѣ несомнѣнномъ, и съ недоумѣніемъ спрашиваетъ: *аще же Христосъ воста, како глаголютъ нѣцыи въ васъ, яко воскресенія мертвыхъ нѣсть?* Такъ онъ опять изобличаетъ дерзость противниковъ. Не сказалъ: какъ говорите вы, но: *како глаголютъ нѣцыи въ васъ;* не всѣхъ укоряетъ, и укоряемыхъ не открываетъ, чтобы не ожесточить ихъ, опять же и не скрываетъ ихъ совершенно, чтобы исправить ихъ. Для того онъ, отдѣливъ ихъ отъ всѣхъ, устремляется противъ нихъ, и

такимъ образомъ съ одной стороны обезсиливаетъ и поражаетъ ихъ, а съ другой утверждаетъ другихъ въ истинѣ для борьбы
334 съ ними, не допуская (вѣрующихъ) уклоняться къ тѣмъ, которые старались развратить ихъ. Онъ приготовился примѣнить сильную рѣчь. Потомъ, чтобы не сказали, что хотя воскресеніе Христово извѣстно и очевидно всѣмъ и никто въ немъ не сомнѣвается, однако отсюда не слѣдуетъ необходимо и воскресеніе людей,— такъ какъ воскресеніе Христово было предвозвѣщено, сбылось и засвидѣтельствовано явленіями, а наше только еще въ надеждѣ,— смотри, что Онъ дѣлаетъ: опять съ другой стороны доказываетъ то же самое (воскресеніе Христово), чѣмъ и дѣлаетъ рѣчь свою весьма сильною. *Како нѣцыи*, говоритъ, *глаголютъ, яко воскресенія мертвыхъ нѣсть?* Этимъ вѣдь опровергается и Христово воскресеніе. Потому и продолжаетъ: *и аще воскресенія мертвыхъ нѣсть, то ни Христосъ воста* (ст. 13). Видишь ли, съ какою силою и непреодолимымъ искусствомъ Павелъ старается доказать не только посредствомъ извѣстнаго сомнительное, но и посредствомъ сомнительнаго для противниковъ извѣстное? Онъ дѣлаетъ это не потому, чтобы самое событіе требовало доказательства, но чтобы внушить, что одно достовѣрно не менѣе другого.

2. Но какая, скажешь, здѣсь послѣдовательность? Если Христосъ не воскресъ, то слѣдуетъ, что и другіе не воскреснутъ; а если другіе не воскреснутъ, то можно ли основательно заключать, что и Христосъ не воскресъ? Такъ какъ это, повидимому, не совсѣмъ послѣдовательно, то, смотри, какъ Онъ дѣлаетъ это весьма послѣдовательнымъ, бросивъ сѣмена еще издалека и основываясь на самомъ предметѣ проповѣди, т. е. что (Христосъ) воскресъ, умерши *грѣхъ нашихъ ради*, и что Онъ есть *начатокъ умершымъ*. Начатокъ чьимъ былъ бы начаткомъ, если не воскресающихъ? И какъ Онъ былъ бы начаткомъ, если не воскреснутъ тѣ, которыхъ Онъ начатокъ? Слѣдовательно, какъ они не воскреснутъ? Если же они не воскреснутъ, то для чего воскресъ Христосъ? Для чего Онъ пришелъ, для чего принялъ плоть, если не имѣлъ намѣренія воскресить плоть? Вѣдь Онъ не имѣлъ въ ней нужды для Себя, но для насъ. Впрочемъ объ этомъ (апостолъ) разсуждаетъ послѣ, а теперь пока говоритъ: *аще мертвіи не востаютъ, то ни Христосъ воста:* такъ одно соединено съ другимъ! Если бы Онъ не имѣлъ воскреснуть, то не сдѣлалъ бы вышесказаннаго. Видишь ли, какъ этими словами и невѣріемъ въ воскресеніе мало-по-малу ниспровергается все домостроительство Божіе? Впрочемъ, онъ пока ничего не говоритъ о воплощеніи, а только о воскресеніи, потому что не воплощеніе, а смерть (Христова) разрушила смерть; когда Онъ пребывалъ во плоти,

то владычество смерти еще продолжалось. *Аще же Христосъ не воста, тще убо проповѣданіе наше* (ст. 14). Хотя слѣдовало бы сказать: если (допустите, что) Христосъ не воскресъ, то будете противорѣчить очевидной истинѣ, столь многимъ пророкамъ и самымъ событіямъ,—но онъ выражается гораздо разительнѣе: *тще убо проповѣданіе наше, тща же и вѣра ваша.* Онъ хочетъ потрясти души ихъ. Мы, говоритъ, все потеряли, все погибло, если (Христосъ) не воскресъ. Видишь ли таинство домостроительства? Если Христосъ, умерши, не смогъ воскреснуть, то и грѣхъ не истребленъ, и смерть не побѣждена, и клятва не разрушена, и не мы только тщетно проповѣдывали, но и вы тщетно увѣровали. И не только такимъ образомъ показываетъ нелѣпость этихъ нечестивыхъ мыслей, но еще сильнѣе продолжаетъ: *обрѣтаемся же и лжесвидѣтеле Бога, яко послушествовахомъ на него, яко воскреси* 335
Христа, его же не воскреси, аще убо мертвіи не востаютъ (ст. 15). Если же это нелѣпо, какъ хула и клевета на Бога, и однако вы будете говорить, что Богъ не воскресилъ Христа, то отсюда произойдутъ еще другія нелѣпости. Здѣсь онъ опять утверждаетъ тоже и повторяетъ: *аще бо мертвіи не востаютъ, то ни Христосъ воста* (ст. 16). Если бы Христосъ не имѣлъ сдѣлать это, то и не пришелъ бы. Впрочемъ (апостолъ) не говоритъ этого, а указываетъ только на конецъ, на воскресеніе Его, и тѣмъ убѣждаетъ всѣхъ. *Аще же Христосъ не воста, суетна вѣра ваша* (ст. 17). Съ извѣстнымъ и признаннымъ за несомнѣнное онъ неоднократно соединяетъ воскресеніе Христово, чтобы посредствомъ твердо исповѣдуемаго сдѣлать твердымъ и очевиднымъ и то, что казалось слабымъ и сомнительнымъ. *Еще есте во грѣсѣхъ вашихъ.* Если Христосъ не воскресъ, то и не умеръ; если же не умеръ, то и не истребилъ грѣха, потому что смертію Его истребленъ грѣхъ: *се агнецъ Божій*, говорится (въ Писаніи), *вземляй грѣхъ міра* (Іоан. I, 29). Какимъ образомъ *вземляй?* Смертію. Потому Онъ и названъ агнцемъ, что былъ закланъ. Если же Онъ не воскресъ, то и не былъ закланъ; если не былъ закланъ, то грѣхъ не истребленъ; если грѣхъ не истребленъ, то вы еще во грѣхѣ; если вы еще во грѣхѣ, то мы тщетно проповѣдали; если мы тщетно проповѣдали, то вы тщетно увѣровали. Съ другой стороны и смерть еще остается безсмертною, если (Христосъ) не воскресъ; если Онъ самъ удержанъ смертію и не расторгъ ея утробы, то какъ Онъ избавилъ всѣхъ другихъ (отъ смерти), будучи самъ удержанъ ею? Потому (апостолъ) и продолжаетъ: *убо и умершіи о Христѣ погибоша* (ст. 18). Что я, говоритъ, указываю на васъ, когда въ такомъ случаѣ погибли бы и всѣ тѣ, которые все окончили и не подлежатъ болѣе неизвѣстности буду-

щаго? Выраженіе — *умершіи о Христѣ* означаетъ или умершихъ въ вѣрѣ, или за Него претерпѣвшихъ многія опасности и великія страданія, шедшихъ путемъ тѣснымъ. Гдѣ же теперь нечестивыя уста манихеевъ, которые говорятъ, что воскресеніемъ (апостолъ) называетъ здѣсь освобожденіе отъ грѣха? Эти многочисленныя, непрерывныя и превратныя умозаключенія доказываютъ совершенно не то, что говорятъ они, но что говоримъ мы. Такъ какъ—*востаніе* говорится и о томъ, кто упалъ, то онъ повторяетъ часто не только—*воста*, но и съ прибавленіемъ: *отъ мертвыхъ*. Притомъ коринеяне сомнѣвались не въ отпущеніи грѣховъ, а въ воскресеніи тѣлъ. И что за необходимая связь: если люди не безгрѣшны, то и Христосъ тоже? Если бы Христосъ не имѣлъ воскресить насъ, то послѣдовательно ли было бы говорить, для чего Онъ пришелъ, принялъ плоть и воскресъ? Но при нашемъ (разумѣніи) напротивъ. Грѣшатъ ли люди, или не грѣшатъ, Богъ всегда пребываетъ безгрѣшнымъ; о нашемъ состояніи нельзя заключать по его состоянію, и обратно по нашему о Его состояніи, какъ это дѣлается касательно воскресенія тѣлъ. *И аще въ животѣ семъ точію уповающе есмы во Христа, окаяннѣйши всѣхъ человѣкъ есмы* (ст. 19).

3. Что говоришь ты, Павелъ? Какъ *въ животѣ семъ точію уповающе есмы*, если тѣло не воскреснетъ, когда душа остается и пребываетъ безсмертною? Такъ, хотя бы душа осталась и тысячу разъ была безсмертна,—какова она и есть,—но безъ тѣла она не получитъ неизреченныхъ благъ, равно какъ и мученій. *Вся бо*
336 *явлена будутъ предъ судищемъ Христовымъ, да пріиметъ кійждо яже съ тѣломъ содѣла, или блага или зла* (2 Кор. v, 10). Потому онъ и говоритъ: *аще въ животѣ семъ точію уповающе есмы во Христа, окаяннѣйши всѣхъ человѣкъ есмы*. Если не воскреснетъ тѣло, то и душа останется неувѣнчанною,—внѣ блаженства небеснаго; если такъ, то мы тогда совершенно ничего не получимъ; если же тогда ничего не получимъ, то награды наши—въ настоящей жизни. Потому, говоритъ, можетъ ли что быть несчастнѣе насъ? Говоритъ это, какъ для того, чтобы утвердить (коринеянъ) въ истинѣ воскресенія тѣлъ, такъ и для того, чтобы увѣрить ихъ въ безсмертной жизни, чтобы они не думали, будто всѣ наши надежды ограничиваются настоящею жизнію. Достаточно доказавъ то, что хотѣлъ, вышесказанными словами: *аще мертвіи не востаютъ, то ни Христосъ воста, аще же Христосъ не воста*, то мы *погибли и еще* остаемся *во грѣсѣхъ*,—онъ присовокупляетъ еще и это, съ цѣлью низложить ихъ гордость. Когда онъ хочетъ предложить какой-либо необходимый догматъ, то сначала страхомъ потрясаетъ грубыя сердца ихъ. Такъ онъ по-

ступаетъ и здѣсь. Посѣявъ выше такія же мысли и приведши ихъ въ сокрушеніе, какъ лишающихся всего, онъ теперь, чтобы они болѣе почувствовали скорбь, инымъ образомъ дѣлаетъ тоже самое и говоритъ: *окаяннѣйши всѣхъ человѣкъ есмы*, если, послѣ такихъ браней, смертныхъ опасностей и тысячи бѣдствій, лишимся такихъ благъ и всѣ наши (надежды) ограничатся только настоящимъ, потому что все зависитъ отъ воскресенія. Такимъ образомъ и отсюда очевидно, что онъ говоритъ не о грѣхахъ, но о воскресеніи тѣлъ, о жизни настоящей и будущей. *Нынѣ же Христосъ воста отъ мертвыхъ начатокъ умершымъ* (ст. 20). Показавъ, сколько зла можетъ произойти отъ невѣрія въ воскресеніе, онъ опять повторяетъ: *нынѣ же Христосъ воста отъ мертвыхъ*, постоянно присовокупляя: *отъ мертвыхъ*, чтобы заградить уста еретиковъ. *Начатокъ умершымъ*. Если Онъ начатокъ, то и они должны воскреснуть. Но если бы (апостолъ) подъ именемъ воскресенія говорилъ объ освобожденіи отъ грѣховъ, а безъ грѣха нѣтъ никого,—и самъ даже Павелъ говоритъ: *ничесоже въ себѣ свѣмъ, но ни о семъ оправдаюся* (1 Кор. IV, 4),—то кто же воскреснетъ, по вашему мнѣнію? Очевидно, что у него рѣчь о (воскресеніи) тѣлъ. А чтобы сдѣлать это несомнѣннымъ, онъ постоянно указываетъ на Христа, воскресшаго во плоти; потомъ приводитъ и причину, потому что, какъ я сказалъ, когда что-нибудь утверждается, но не приводится причина, то ученіе не такъ скоро принимается многими. Какую же причину? *Понеже бо человѣкомъ смерть бысть,* и *человѣкомъ воскресеніе мертвыхъ* (ст. 21). Если человѣкомъ, то безъ сомнѣнія имѣющимъ тѣло. И посмотри на мудрость (апостола), какъ онъ доказываетъ еще съ иной стороны необходимость (предложенной истины): побѣжденному, говоритъ, должно самому возстановить свое падшее естество и самому побѣдить, потому что такимъ только образомъ можетъ загладиться его безчестіе. Посмотримъ же, о какой онъ говоритъ смерти? *Якоже бо о Адамѣ вси умираютъ, такожде и о Христѣ вси оживутъ* (ст. 22). Что же, скажи мнѣ, всѣ ли умерли въ Адамѣ смертію грѣховною? Какъ (умеръ) Ной, праведный въ родѣ своемъ? Какъ Авраамъ? Какъ Іовъ? Какъ всѣ другіе (праведники)? И всѣ ли, 337
скажи мнѣ, оживутъ во Христѣ? Гдѣ же тѣ, которые будутъ ввержены въ геенну? Если это сказано о тѣлѣ, то сказано вѣрно; а если о праведности и о грѣхѣ, то невѣрно. Далѣе, чтобы ты, слыша слова: *вси оживутъ*, не подумалъ, что и грѣшники спасутся, онъ присовокупляетъ: *кійждо же во своемъ чину* (ст. 23). Слыша о воскресеніи, не подумай, что всѣ получатъ равное воздаяніе; если наказаніе не всѣ понесутъ равное, но весьма различное, то тѣмъ болѣе между грѣшниками и праведниками бу-

детъ великое различіе. *Начатокъ Христосъ, потомъ же* Христовы, т. е. вѣрующіе и благочестивые. *Таже кончина* (ст. 24). Когда (умершіе) воскреснутъ, тогда всему будетъ конецъ; а не такъ, какъ теперь, по воскресеніи Христовомъ, когда дѣла остаются еще безъ окончательнаго воздаянія. Потому (апостолъ) и присовокупляетъ: *въ пришествіи его,* чтобы ты зналъ, что онъ говоритъ о будущемъ времени. *Егда предастъ царство Богу и Отцу, егда испразднитъ всяко начальство и власть и силу.*

4. Здѣсь тщательно внимайте мнѣ и смотрите, чтобы не опустить чего-нибудь изъ сказаннаго. У насъ борьба со врагами, и потому прежде всего намъ надобно постараться довести ихъ до нелѣпости, какъ и Павелъ часто дѣлаетъ: такимъ образомъ слова ихъ представятся намъ въ яснѣйшемъ свѣтѣ. Итакъ, во-первыхъ, спросимъ ихъ, что значитъ: *егда предастъ царство Богу и Отцу?* Если мы будемъ принимать это просто, а не богоприлично, то слѣдуетъ, что (Христосъ) послѣ того уже не будетъ имѣть царства, такъ какъ кто отдаетъ что-нибудь другому, тотъ самъ уже перестаетъ владѣть. И не одна только эта слѣдуетъ нелѣпость, но и та, что принявшій также не имѣлъ прежде, нежели получилъ, т. е., по ихъ мнѣнію, ни Отецъ не былъ прежде царемъ и только еще ожидаетъ царства надъ нами, ни Сынъ послѣ того не останется царемъ. Какъ же Онъ самъ говоритъ объ Отцѣ: *Отецъ мой доселѣ дѣлаетъ, и Азъ дѣлаю* (Іоан. v, 17)? А о Немъ какъ (говоритъ) Даніилъ: *царство Его царство вѣчное, еже не мимо идетъ* (II, 44)? Видишь ли, сколько выходитъ нелѣпостей и противорѣчій Писаніямъ, если принимать слова (апостола) по-человѣчески? Также объ упраздненіи какого начальства онъ говоритъ здѣсь? Ангеловъ? Нѣтъ. Вѣрующихъ? Тоже нѣтъ. Какого же? Начальства демоновъ, о которомъ онъ же говоритъ: *нѣсть наша брань къ плоти и крови, но къ началомъ, ко властемъ, къ міродержителемъ тмы вѣка сего* (Еф. vi, 12). Теперь оно еще не совершенно упразднено, потому что часто они еще дѣйствуютъ; а тогда перестанутъ (дѣйствовать). *Подобаетъ бо ему царствовати, дондеже положитъ вся враги подъ ногама своима* (ст. 25). И здѣсь опять выйдетъ иная нелѣпость, если мы будемъ принимать и это не богоприлично, потому что слово: *дондеже* означаетъ конецъ и предѣлъ, а этого нѣтъ въ Богѣ. *Послѣдній же врагъ испразднится смерть* (ст. 26). Какъ *послѣдній*? Послѣ
338 всѣхъ, послѣ діавола, послѣ всего прочаго, также какъ и въ началѣ смерть вошла послѣ всего: прежде совѣтъ діавола, потомъ преслушаніе, а затѣмъ смерть. Сила ея и теперь упразднена, но дѣйствіе прекратится тогда. *Вся бо покори подъ нозѣ его. Внегда же рещи, яко вся покорена суть, явѣ, яко развѣ покоршаго ему вся.*

Егдаже покоритъ ему всяческая, тогда и самъ Сынъ покорится покоршему ему всяческая (ст. 27, 28). Но прежде (апостолъ) не говорилъ, что Отецъ покоритъ Ему, а что Онъ самъ упразднитъ: *егда испразднитъ всяко начальство и власть*; и еще: *подобаетъ ему царствовати, дондеже положитъ вся враги подъ ногама своима*. Какъ же здѣсь онъ приписываетъ это Отцу? И не только это, повидимому, несообразно, но и то, что онъ выражаетъ какъ бы неумѣстный страхъ, дѣлая оговорку: *развѣ покоршаго ему вся*, какъ будто кто можетъ подумать, не покорится ли когда-нибудь и Отецъ Сыну. Можетъ ли что быть несообразнѣе? И однако онъ дѣлаетъ оговорку. Что же это значитъ? И далѣе представляется много вопросовъ: обратите же все ваше вниманіе. Прежде всего намъ нужно показать цѣль и главную мысль Павла, которая бы вездѣ ясно обнаруживалась, и тогда уже обратиться къ разрѣшенію; это поможетъ намъ представить разрѣшеніе. Какая же главная мысль Павла и какой у него пріемъ? Онъ иначе говоритъ, когда бесѣдуетъ объ одномъ Божествѣ (Христѣ), и иначе, когда ведетъ рѣчь о домостроительствѣ (Божіемъ). Когда онъ бесѣдуетъ о (Христѣ во) плоти, то безъ опасенія говоритъ все уничиженное, будучи увѣренъ, что все сказанное можетъ относиться къ Нему. Посмотримъ же и здѣсь, объ одномъ ли Божествѣ онъ бесѣдуетъ, или вмѣстѣ, имѣя въ виду домостроительство, говоритъ о Немъ то, что говоритъ? Впрочемъ, предварительно скажемъ, гдѣ онъ поступаетъ такъ, какъ я сказалъ. Гдѣ же онъ такъ поступаетъ? Въ посланіи къ Филиппійцамъ: *иже*, говоритъ, *во образѣ Божіи сый, не восхищеніемъ непщева быти равенъ Богу, но себе истощилъ, зракъ раба пріимъ, въ подобіи человѣчестѣмъ бывъ, и образомъ обрѣтеся, якоже человѣкъ: смирилъ себе, послушливъ бывъ даже до смерти, смерти же крестныя. Тѣмже и Богъ его превознесе* (II, 6—9). Видишь ли, какъ онъ, разсуждая объ одномъ Божествѣ, приписываетъ Ему великое, т. е. что Онъ есть образъ Божій, что Онъ равенъ Отцу, и усвояетъ Ему все; а изображая тебѣ Его во плоти, говоритъ опять уничиженно? Итакъ, если ты не будешь дѣлать такого различія, то выйдетъ великое затрудненіе. Если (Христосъ) равенъ Богу, то какъ (Богъ) превознесъ того, кто равенъ Ему? Если Онъ образъ Божій, то какъ *дарова ему имя*? Дающій даетъ неимущему, и возвышающій возвышаетъ уничиженнаго; потому окажется, что (Христосъ) былъ несовершеннымъ и неимущимъ, прежде нежели вознесенъ и получилъ имя,—и множество произойдетъ отсюда другихъ нелѣпыхъ заключеній. Если же ты будешь имѣть въ виду вмѣстѣ и домостроительство, то сказанное будетъ справедливо. Такъ разсуждай и здѣсь, и съ 339
такими мыслями принимай сказанное.

5. Объяснимъ послѣ того и другія причины. Между прочимъ и то нужно замѣтить, что Павелъ говоритъ о воскресеніи, которое считалось дѣломъ невозможнымъ и которому совершенно не вѣрили, и что онъ пишетъ коринѳянамъ, у которыхъ было много философовъ, которые всегда смѣялись надъ такими истинами. Касательно другихъ предметовъ они разногласили между собою, а противъ этого всѣ, какъ бы одними устами, утверждали, что не будетъ воскресенія. Защищая такую истину, которой такъ мало вѣрили и надъ которою смѣялись, сколько по предразсудку, столько же и по трудности самаго предмета, и желая доказать возможность воскресенія, (апостолъ) доказываетъ это сначала воскресеніемъ Христовымъ. Доказавъ (эту истину) свидѣтельствами пророковъ, очевидцевъ и вѣровавшихъ, и доведши противное мнѣніе до нелѣпости, онъ доказываетъ наконецъ и (воскресеніе) людей: *аще мертвіи*, говоритъ, *не востаютъ, то ни Христосъ воста*. Далѣе, послѣ неоднократныхъ подтвержденій въ предъидущихъ словахъ, онъ вновь доказываетъ тоже инымъ образомъ, называя (Христа) *начаткомъ* и утверждая, что Онъ упразднитъ всякое начальство, власть и силу и послѣ всего смерть. Какъ же, говоритъ, она упразднится, если прежде не лишится тѣлъ, которыми владѣла? Когда такимъ образомъ онъ сказалъ о Единородномъ нѣчто великое, т. е. что Онъ передастъ царство, что Онъ самъ совершитъ это, самъ одержитъ побѣду и все низложитъ подъ ноги Свои, то, чтобы уничтожить невѣріе многихъ, присовокупляетъ: *подобаетъ бо ему царствовати, дондеже положитъ вся враги подъ ногама своима. Дондеже*—сказалъ онъ не въ томъ смыслѣ, чтобы означить конецъ царствованія, но чтобы сдѣлать сказанное несомнѣннымъ и внушить надежду. Когда, говоритъ, ты слышишь, что (Христосъ) низложитъ всякое начальство, власть и силу, діавола и такія бѣсовскія полчища, скопища невѣрныхъ, владычество смерти и все злое,—не опасайся, что у Него недостанетъ на то силы; Ему надлежитъ царствовать, доколѣ Онъ совершитъ все это, не въ томъ смыслѣ, будто послѣ того Онъ уже не будетъ царствовать, но въ томъ, что, хотя это будетъ не теперь, однако непремѣнно будетъ; царство Его не прекращается; Онъ владычествуетъ, управляетъ и пребываетъ дотолѣ, пока устроитъ все. Такой образъ выраженій можно находить и въ ветхомъ завѣтѣ. Такъ напр. говорится: *слово Господне пребываетъ въ вѣкъ* (Пс. CXVIII, 89); и еще: *Ты же тойжде еси, и лѣта твоя не оскудѣютъ* (Пс. CI, 28). Это и тому подобное пророкъ говоритъ тогда, когда бесѣдуетъ о событіяхъ, которыя совершатся спустя долгое время и совершатся непремѣнно, желая тѣмъ уничтожить опасеніе грубыхъ слушателей. А что

слова: *дондеже, до*, когда они примѣняются къ Богу, не означаютъ конца, послушай, что говоритъ (Писаніе): *отъ вѣка и до вѣка ты еси* (Пс. xxxix, 3); и еще: *азъ есмь, и дондеже состарѣетеся, азъ есмь* (Ис. xlvi, 4). Смерть (апостолъ) поставляетъ послѣднею для того, чтобы невѣрующій, слыша о побѣдѣ надъ другими врагами, скорѣе принялъ и эту истину, потому что если (Христосъ) низложилъ діавола, произведшаго смерть, то тѣмъ 340
болѣе разрушитъ дѣло его. Когда такимъ образомъ онъ приписалъ (Христу) все: упраздненіе начальства и власти, устроеніе царства, т. е. спасенія вѣрующихъ, мира вселенной, истребленія золъ,—а устроить царство и значитъ истребить смерть,—и между тѣмъ не сказалъ, что Отецъ чрезъ Него, но что самъ Онъ упразднитъ, самъ низложитъ подъ ноги Свои, а нигдѣ не упомянулъ объ Отцѣ, то далѣе, опасаясь, чтобы какіе-нибудь неразумные не сдѣлали заключенія, будто или Сынъ больше Отца, или есть какое-либо другое нерожденное начало, онъ постепенно объясняетъ и смягчаетъ чрезмѣрность сказаннаго, и говоритъ: *вся бо покори подъ нозѣ его.* Здѣсь онъ приписываетъ эти дѣла Отцу не потому, будто Сынъ безсиленъ,—можетъ ли быть такимъ тотъ, о которомъ (апостолъ) выше привелъ такое свидѣтельство и приписалъ все сказанное?—но какъ по той самой причинѣ, о которой я сказалъ, такъ и для того, чтобы показать, что все совершенное для насъ обще Отцу и Сыну. Что Онъ самъ собою можетъ покорить себѣ все, объ этомъ послушай еще, какъ говоритъ Павелъ: *иже преобразитъ тѣло смиренія нашего, яко быти сообразну тѣлу славы его, по дѣйству еже возмогати ему и покорити себѣ всяческая* (Филип. iii, 21). Далѣе онъ употребляетъ оговорку: *внегда же*, говоритъ, *рещи, яко вся покорена суть, явѣ, яко развѣ покоршаго ему вся,* и тѣмъ опять воздаетъ не малую славу Единородному; если бы Онъ былъ ниже и безсильнѣе, (апостолъ) никогда не выразилъ бы такого опасенія. Не довольствуясь и этимъ, (апостолъ) присовокупляетъ еще нѣчто другое. Чтобы кто не подумалъ и не сказалъ: что изъ того, что Отецъ не покорится? это нисколько не препятствуетъ Сыну быть сильнѣе (Отца),—онъ, опасаясь такой нечестивой мысли и имѣя въ виду, что сказанное прежде не было достаточно для опроверженія ея, весьма ясно присовокупляетъ слѣдующее: *егда же покоритъ ему всяческая, тогда и самъ Сынъ покорится*, выражая какъ совершенное согласіе Его съ Отцемъ, такъ и то, что Родившій столь могущественнаго и совершающаго такія дѣла есть начало и первая причина всѣхъ благъ.

6. Если же онъ сказалъ больше, нежели требовала сущность дѣла, ты не удивляйся; онъ сдѣлалъ это, подражая своему Учи-

телю. Самъ (Христосъ), желая показать Свое согласіе съ Отцемъ и то, что Онъ пришелъ не противъ воли Его, уничижаетъ Себя не столько, сколько требовалось для доказательства согласія, а сколько требовала слабость присутствовавшихъ; Онъ молится Отцу не почему иному, какъ поэтому, и самъ объясняетъ причину, когда говоритъ: *да вѣру имутъ, яко ты мя послалъ еси* (Іоан. xvii, 21). Итакъ, подражая ему, (апостолъ) употребляетъ здѣсь усиленное выраженіе не для того, чтобы внушить тебѣ мысль о принужденномъ подчиненіи (Христовомъ),—нѣтъ,—но чтобы, какъ можно сильнѣе, опровергнуть нелѣпыя мнѣнія. Когда онъ хочетъ исторгнуть что-нибудь съ корнемъ, тогда употребляетъ рѣчь весьма сильную. Такъ, говоря о женѣ вѣрующей и мужѣ невѣрующемъ, соединенныхъ между собою закономъ брака, и желая внушить женѣ, что она не оскверняется отъ сожитія и отъ сношеній съ невѣрующимъ, онъ не сказалъ, что жена не
341 дѣлается чрезъ это нечистою, или не терпитъ никакого вреда отъ невѣрующаго, но сказалъ гораздо болѣе, то есть что даже *невѣрный святится* чрезъ нее (1 Кор. vii, 14); этимъ онъ не хочетъ выразить того, будто язычникъ дѣлается чрезъ нее святымъ, но старается такимъ сильнымъ выраженіемъ скорѣе уничтожить ея опасеніе. Точно такъ и здѣсь, стараясь сильнымъ выраженіемъ уничтожить нечестивое ученіе, онъ сказалъ то, что сказалъ. Почитать Сына слабымъ—есть крайнее нечестіе; потому онъ и опровергаетъ это словами: *положитъ вся враги своя подъ ногама своима*; а еще нечестивѣе почитать Отца меньшимъ (Сына); потому онъ опровергаетъ и это съ великою силою. Смотри, какъ онъ выражается; не сказалъ просто: *развѣ покоршаго*, но: *явѣ, яко;* хотя это и извѣстно, говоритъ, однако я подтверждаю. А чтобы ты зналъ, что именно такова причина сказаннаго, я спрошу тебя: неужели увеличится тогда покорность Сына? Не нелѣпо ли это и недостойно Бога? Вѣдь величайшая покорность и послушаніе уже въ томъ, что Онъ, будучи Богомъ, принялъ образъ раба. Какъ же Онъ тогда *покорится*? Очевидно, что (апостолъ) выразился такъ, чтобы опровергнуть нелѣпую мысль, и притомъ съ надлежащимъ благоразуміемъ. *Покорится* такъ, какъ прилично Сыну—Богу, и не почеловѣчески, но свободно и съ полною властію. Иначе какъ Онъ сѣдитъ на престолѣ вмѣстѣ (съ Отцемъ)? Какъ Онъ *живитъ, ихже хощетъ, якоже и Отецъ* (Іоан. v, 21)? Какъ все, принадлежащее Отцу, принадлежитъ и Ему, и принадлежащее Ему принадлежитъ и Отцу (Іоан. xvii, 10)? Это показываетъ намъ совершенную власть Его наравнѣ съ Отцемъ. Что же значитъ: *егда предастъ царство?* Изъ Писанія извѣстны два царства Божіи, одно по усвоенію, другое по сотворенію. По

сотворенію Онъ царствуетъ надъ всѣми, надъ язычниками, іудеями, демонами, врагами; а по усвоенію царствуетъ надъ вѣрующими, добровольно подчиняющимися, послушными. Объ этомъ послѣднемъ царствѣ говорится, что оно имѣетъ начало; такъ о немъ сказано во второмъ псалмѣ: *проси отъ мене, и дамъ ти языки достояніе твое* (Пс. II, 8); о немъ и самъ (Христосъ) сказалъ ученикамъ: *дадеся ми всяка власть* отъ Отца Моего (Мѳ. XXVIII, 18), гдѣ приписываетъ все Отцу, не потому, чтобы самъ Онъ не имѣлъ чего-нибудь, но чтобы показать, что Онъ есть Сынъ, а не нерожденный. Это-то царство Онъ и *предастъ*, то есть устроитъ. Но почему, скажешь, (апостолъ) не сказалъ ничего о Духѣ? Потому, что не о томъ у него теперь рѣчь; онъ не смѣшиваетъ всего сразу. Такъ и тогда, когда говоритъ: *единъ Богъ Отецъ и единъ Господь Іисусъ* (1 Кор. VIII, 6), Онъ умалчиваетъ о Духѣ не потому, чтобы признавалъ Духа меньшимъ, но потому, что еще не было нужды говорить о Немъ. Иногда Онъ упоминаетъ объ одномъ Отцѣ, но мы не станемъ поэтому отвергать Сына; иногда только о Сынѣ и о Духѣ, но мы не станемъ поэтому отвергать Отца. Что значитъ: *да будетъ Богъ всяческая во всѣхъ?* Чтобы все зависѣло отъ Него, чтобы никто не воображалъ двухъ началъ безначальныхъ или другого отдѣльнаго царства. Когда враги будутъ низложены подъ ноги Сына, и Онъ, имѣя ихъ подъ ногами сво- 342
ими, не будетъ дѣйствовать противъ Отца, но сохранитъ совершенное единеніе съ Нимъ,—тогда (Богъ) будетъ все во всемъ. Нѣкоторые говорятъ, что подъ этими словами (апостолъ) разумѣетъ истребленіе зла, такъ что всѣ наконецъ покорятся, никто не будетъ противиться и дѣлать зло,—то есть, когда не будетъ грѣха, тогда, очевидно, Богъ будетъ все во всемъ. Но если не воскреснутъ тѣла, то будетъ ли это справедливо? Злѣйшій изъ всѣхъ враговъ—смерть останется и будетъ дѣлать, что хочетъ. Нѣтъ, скажешь, тогда уже не будутъ грѣшить. Но что изъ этого? (Апостолъ) говоритъ здѣсь о смерти не душевной, а тѣлесной. Какъ же она истребится? Побѣда состоитъ въ томъ, чтобы возвратить взятое и удержанное. Если же тѣла останутся въ землѣ, то, значитъ, власть (смерти) будетъ продолжаться, потому что они удержаны (въ землѣ), а другихъ тѣлъ, въ которыхъ бы она была побѣждена, нѣтъ. Если же сказанное Павломъ сбудется, какъ и дѣйствительно сбудется, то откроется славная побѣда, въ которой Богъ всемогуществомъ Своимъ воскреситъ тѣла, плѣненныя смертію. Такъ и врага побѣждаютъ тогда, когда отнимаютъ у него добычу, а не тогда, когда оставляютъ ее у него; если же никто не осмѣливается взять ея у него, то можно ли сказать, что онъ побѣжденъ?

7. Такимъ же образомъ и Христосъ въ Евангеліи выражаетъ побѣду, когда говоритъ: *егда свяжетъ крѣпкаго, тогда и сосуды его расхититъ* (Мѳ. xii, 29), потому что иначе не видно будетъ побѣды. Какъ въ смерти духовной, хотя умершій грѣху оправдался (Рим. vi, 7), однако мы не можемъ назвать этого побѣдою,—потому что не тотъ побѣдилъ, кто не прилагаетъ зла ко злу, а тотъ, кто уничтожилъ прежній плѣнъ страстей,—такъ и здѣсь, не то можно назвать славною побѣдою, что смерть перестала поглощать тѣла, но то, что у нея отняты тѣла, уже плѣненныя ею. Если еще станутъ спорить и говорить, что это сказано о смерти духовной, то (я спрошу): какъ она *испразднится послѣдняя*? Вѣдь она уже упразднена въ каждомъ крещенномъ. Если же разумѣть это о тѣлѣ, то сказанное, то есть, что (смерть) *испразднится послѣдняя*, будетъ имѣть мѣсто. Можетъ быть, кто-нибудь придетъ въ недоумѣніе, почему (апостолъ), говоря о воскресеніи, не указалъ на тѣла, воскресшія при Господѣ? На это мы скажемъ, что такое указаніе не послужило бы въ пользу воскресенія; указать на воскресшихъ, которые опять умерли, не значило бы доказывать, что смерть истребится совершенно. Потому онъ и сказалъ, что она истребится послѣдняя, чтобы ты не подумалъ, что она еще возстанетъ. Когда истребится зло, то тѣмъ болѣе прекратится смерть, потому что невозможно оставаться рѣкѣ, когда изсякнетъ ея источникъ, или быть плоду, когда засохнетъ корень. Итакъ, если въ послѣдній день враги Божіи истребятся вмѣстѣ съ смертію, діаволомъ и демонами, то не будемъ скорбѣть, видя враговъ Божіихъ благоденствующими: *врази бо Господни, купно прославитися имъ и вознестися, исчезающе яко дымъ исчезоша* (Пс. xxxvi, 20). Когда
343 ты видишь врага Божія богатымъ, окруженнымъ тѣлохранителями и множествомъ льстецовъ, то не унывай, а вздыхай, плачь и моли Бога, чтобы Онъ обратилъ его въ число друзей своихъ; и чѣмъ болѣе врагъ (Божій) успѣваетъ въ дѣлахъ своихъ, тѣмъ болѣе оплакивай его. Грѣшниковъ должно оплакивать всегда, особенно же, когда они наслаждаются богатствомъ и великимъ благоденствіемъ, какъ больныхъ, когда они пресыщаются и упиваются. Между тѣмъ нѣкоторые даже изъ слушающихъ эти слова находятся въ столь жалкомъ состояніи духа, что горько плачутъ о себѣ и говорятъ: я достоинъ слезъ, потому что не имѣю ничего. Справедливо говоришь ты, что не имѣешь ничего, не потому, что не имѣешь того, что имѣетъ другой, а потому, что въ этомъ поставляешь блаженство; потому ты и достоинъ безмѣрныхъ слезъ. Кто, будучи здоровъ, станетъ называть блаженнымъ больного, лежащаго на мягкой постели, тотъ гораздо несчастнѣе и злополучнѣе его, потому что нисколько не чувствуетъ собственнаго

благополучія. То же происходитъ и съ этими (людьми); потому и наполнилась вся наша жизнь смутами и безпорядками. Такія слова погубили тысячи (людей), предали ихъ діаволу и сдѣлали ихъ несчастнѣе истаевающихъ отъ голода. Подлинно тѣ, которые желаютъ большаго, бѣднѣе самихъ нищихъ, потому что страдаютъ большею и жесточайшею душевною скорбію, какъ можно видѣть изъ слѣдующаго.

Нѣкогда постигло нашъ городъ бездождіе; всѣ трепетали за жизнь свою и молили Бога избавить ихъ отъ этого ужаса. Тогда можно было видѣть *небо мѣдяно*, какъ говоритъ Моисей (Втор. XXVIII, 23), и смерть, всѣхъ родовъ смерти ужаснѣйшую, и каждый день ожидаемую. Но послѣ, слава человѣколюбивому Богу, сверхъ всякаго чаянія полился свыше чрезвычайно обильный дождь, и всѣ стали радоваться и торжествовать, какъ бы вышедши изъ самыхъ вратъ смерти. Между тѣмъ, среди такихъ благодѣяній Божіихъ и при всеобщей радости, одинъ изъ богатѣйшихъ людей ходилъ прискорбный и унылый, какъ бы омертвѣвшій отъ горя, и, когда многіе спрашивали его, по какой причинѣ при всеобщей радости онъ одинъ печаленъ, тогда онъ, не въ состояніи будучи даже скрыть своей мучительной страсти, побуждаемый силою этой болѣзни, открыто объявилъ причину: имѣя, говорилъ онъ, множество мѣръ пшеницы, я не знаю, какъ мнѣ теперь сбыть ее. Неужели, скажи мнѣ, мы будемъ ублажать его послѣ такихъ словъ, за которыя надлежало бы побить его камнями, какъ человѣка, жесточе всякаго звѣря, и общаго врага? Что говоришь ты, человѣкъ? Ты скорбишь о томъ, что не погибли всѣ, чтобы тебѣ собрать золото? Развѣ ты не слышалъ, что говоритъ Соломонъ: *продаяй пшеницу скупо отъ народа проклятъ* (Прит. XI, 26)? И ты еще бродишь, общій врагъ благоденствія вселенной, противникъ человѣколюбія Владыки Господа вселенной, другъ, или лучше, рабъ мамоны? Не слѣдовало ли отсѣчь такой языкъ? Не слѣдовало ли исторгнуть сердце, произнесшее такія слова?

8. Видишь ли, какъ золото не позволяетъ людямъ быть людьми, но дѣлаетъ ихъ звѣрями и демонами? Что можетъ быть презрѣннѣе богача, который ежедневно вымаливаетъ голодъ, чтобы 344
у него было золото? Страсть производитъ у него совершенно противное: онъ не радуется обилію пріобрѣтенныхъ плодовъ, но потому самому скорбитъ, что пріобрѣлъ слишкомъ много. Тогда какъ надлежало бы радоваться, что онъ имѣетъ много, онъ потому самому печалится. Видишь ли, что богатые, какъ я сказалъ, не столько чувствуютъ удовольствія отъ благъ полученныхъ, сколько терпятъ скорби отъ благъ еще неполученныхъ? Имѣвшій безчисленное множество мѣръ пшеницы скорбѣлъ и сокрушался болѣе

алчущаго; тогда какъ имѣвшій только насущный хлѣбъ радовался, веселился и благодарилъ Бога, владѣвшій такимъ богатствомъ скорбѣлъ и считалъ себя погибшимъ. Итакъ, не изобиліе доставляетъ удовольствіе, а любомудрое настроеніе; безъ него, хотя бы кто захватилъ все, будетъ въ такомъ же состояніи духа, будетъ такъ же скорбѣть, какъ и лишенный всего. И тотъ человѣкъ, о которомъ мы говоримъ теперь, если бы продалъ свою пшеницу за такую цѣну, за какую хотѣлъ, опять сталъ бы скорбѣть, что не продалъ за большую; если бы могъ продать за большую, то опять сталъ бы желать еще большей; если бы за каждую мѣру взялъ по золотой монетѣ, то и тогда опять сталъ бы сокрушаться, что не продавалъ за эту цѣну каждой полумѣры. А что онъ не съ самаго начала назначилъ бы такую цѣну, не удивляйся; и предающіеся пьянству не тотчасъ воспламеняются, но когда уже помногу наполнятся виномъ, тогда и возжигаютъ въ себѣ сильнѣйшій пламень. Такъ и эти, чѣмъ болѣе имѣютъ у себя, тѣмъ большую чувствуютъ нужду, и чѣмъ болѣе пріобрѣтаютъ, тѣмъ болѣе впадаютъ въ бѣдность. Это говорится мною не по отношенію къ нему только, но и къ каждому изъ одержимыхъ подобною болѣзнію, возвышающихъ цѣну на товары и ввергающихъ ближняго въ нищету. Никогда не бываетъ рѣчи о человѣколюбіи, но всегда во время продажи страсть корыстолюбія руководитъ многими; и пшеницу, и вино одинъ продаетъ скорѣе, другой медленнѣе, не для общаго блага, но одинъ для того, чтобы получить больше, а другой для того, чтобы не получить меньше, когда уже испортился самый товаръ.

Такъ Богъ, видя, что многіе не внимаютъ заповѣдямъ Божіимъ и держатъ у себя все подъ запоромъ, и желая инымъ образомъ побудить ихъ къ человѣколюбію, чтобы они хотя по необходимости дѣлали что-нибудь доброе, внушаетъ имъ страхъ большей потери, и самымъ плодамъ земнымъ не дозволяетъ сохраняться долго, чтобы люди, по крайней мѣру изъ опасенія убытка отъ порчи, невольно предлагали нуждающимся то, что по злобѣ закопали и хранятъ дома. И однако нѣкоторые столь ненасытны, что не вразумляются и этимъ. Многіе выливали цѣлыя бочки (вина), а не давали ни одного стакана нищимъ и ни одной монеты нуждающимся; выливали все на землю, когда оно дѣлалось прокислымъ и самыя бочки повреждались вмѣстѣ съ плодомъ. Другіе не давали ни одного куска хлѣба алчущему, а цѣлыя житницы вываливали въ рѣку. Они не слушали Бога, повелѣвающаго подавать нуждающимся, потому гнилость повелѣвала имъ, противъ воли, предавать (все содержимое) гибели и
345 совершенному истребленію; такимъ образомъ они подвергали себя

великому осмѣянію и навлекали на свою голову, вмѣстѣ съ убыткомъ, многія проклятія. И это здѣсь; а что будетъ тамъ, какое выразитъ слово? Какъ они здѣсь пшеницу, сгнившую и сдѣлавшуюся негодною, бросаютъ въ рѣки, такъ и ихъ, дѣлающихъ это и потому самому дѣлающихся негодными, Богъ ввергнетъ въ рѣку огненную. Какъ пшеницу съѣдаетъ червь и тлѣніе, такъ ихъ душу—жестокость и безчеловѣчіе. Причиною этого—привязанность къ благамъ настоящимъ и пристрастіе только къ настоящей жизни. Потому такіе люди и мучатся безмѣрною тоскою; страхъ смерти уничтожаетъ все, что ни представишь пріятнаго, и такіе люди умерли еще при жизни. Нисколько не удивительно, если этому подвергаются невѣрующіе; но если вкусившіе такихъ таинствъ и такъ любомудрствующіе о благахъ будущихъ, пристращаются къ (благамъ) настоящимъ, то могутъ ли они удостоиться прощенія? Отчего же происходитъ это пристрастіе къ (благамъ) настоящимъ? Оттого, что предаются роскоши, утучняютъ плоть, развращаютъ душу, налагая на нее тяжкое бремя, глубокій мракъ и грубое покрывало. Отъ роскоши лучшая часть (душа) дѣлается рабою, а худшая—госпожею; первая совершенно ослѣпляется, повреждается и влечется, а послѣдняя влечетъ и ведетъ всюду, тогда какъ самой ей надлежало бы подчиняться водительству. А между душею и тѣломъ находится тѣсная связь, которую Создатель устроилъ для того, чтобы никто не вздумалъ ненавидѣть тѣло свое, какъ бы что-нибудь чужое.

9. Богъ повелѣлъ любить и враговъ; но діаволъ сталъ столь силенъ, что убѣдилъ нѣкоторыхъ ненавидѣть даже собственное тѣло. Кто говоритъ, что (тѣло) отъ діавола, тотъ выражаетъ именно такое убѣжденіе. Это крайне безумно. Если оно отъ діавола, то откуда у него такое согласіе съ душею, что оно во всѣхъ отношеніяхъ способно къ дѣламъ ея любомудрія? Если же оно, скажешь, способно къ этому, то какъ оно ослѣпляетъ душу? Нѣтъ, человѣкъ, не тѣло ослѣпляетъ душу, а роскошь. Отчего же мы предаемся роскоши? Не оттого, что имѣемъ тѣло,—нѣтъ,—а отъ злой воли. Тѣло требуетъ пищи, а не роскоши; тѣло нуждается въ томъ, чтобы его питали, а не въ томъ, чтобы его обременяли и утучняли. Роскошь пагубна не только для души, но и для утучняемаго тѣла. Изъ крѣпкаго оно дѣлается слабымъ, изъ твердаго нетвердымъ, изъ здороваго болѣзненнымъ, изъ легкаго тяжелымъ, изъ плотнаго изнѣженнымъ, изъ красиваго безобразнымъ, изъ благовоннаго зловоннымъ, изъ чистаго нечистымъ, изъ стройнаго разстроеннымъ, изъ полезнаго безполезнымъ, изъ молодого старымъ, изъ сильнаго безсильнымъ, изъ гибкаго медленнымъ и лѣнивымъ, изъ совершен-

наго уродливымъ. Если бы оно было отъ діавола, то не могло бы повреждаться отъ того, что принадлежитъ діаволу, т. е. отъ порока. Нѣтъ, ни тѣло, ни пища не отъ діавола; отъ него только роскошь. Чрезъ не этотъ злой демонъ успѣваетъ совершать множество золъ. Такъ онъ погубилъ цѣлый народъ (израильскій):
846 *уты*, говорится (въ Писаніи), *утолстѣ, разширѣ и отвержеся возлюбленный* (Втор. xxxii, 15). За это громы поразили жителей Содома, что выражаетъ Іезекіиль, когда говоритъ: *обаче сіе беззаконіе Содомы, въ гордости и въ сытости хлѣба, и въ изобиліи вина сластолюбствоваша* (xvi, 49).

Потому и Павелъ сказалъ: *питающаяся пространно жива умерла* (1 Тим. v, 6). Отчего такъ? Оттого, что она носитъ, какъ гробъ, тѣло свое, обремененное множествомъ золъ. Если же тѣло подвергается такому поврежденію, то что бываетъ съ душею? Какого смятенія, какихъ волнъ, какой бури исполняется она? Она дѣлается неспособною ни къ чему, не можетъ легко ни говорить, ни слушать, ни хотѣть, ни дѣлать ничего должнаго; какъ кормчій, когда буря возьметъ верхъ надъ его искусствомъ, утопаетъ съ самымъ кораблемъ и плывущими на немъ, такъ и душа вмѣстѣ съ тѣломъ погружается въ страшную бездну безчувствія. Богъ далъ намъ желудокъ, какъ бы какую мельницу, сообщилъ ему соразмѣрную силу и назначилъ опредѣленную мѣру, сколько онъ долженъ перемолоть въ каждый день; потому, если кто положитъ въ него болѣе надлежащаго, то оставшееся непередѣланнымъ причиняетъ вредъ всему (тѣлу). Отсюда происходятъ болѣзни, немощи и безобразіе. Подлинно, роскошь не только разслабляетъ, но и дѣлаетъ даже красивую (женщину) безобразною; когда она безпрестанно производитъ непріятную отрыжку, выдыхаетъ запахъ испортившагося вина и становится красною сверхъ должнаго, то нарушаетъ приличную женщинѣ благопристойность и теряетъ всякое благообразіе; когда тѣло ея дѣлается обвислымъ, рѣсницы кровяными и распухшими и вся она чрезмѣрно жирною и тучною, то представь, какое получается отсюда безобразіе! Я слышалъ отъ врачей, что роскошь многимъ сильно препятствуетъ даже достигнуть надлежащаго роста; когда жизненная сила обременяется множествомъ яствъ и занимается ихъ свареніемъ, тогда то, чему надлежало бы обратиться въ ростъ, тратится на свареніе излишняго. Говорить ли еще о происходящихъ отсюда подаграхъ, распространяющихся по всему тѣлу ревматизмахъ, другихъ проистекающихъ отсюда болѣзняхъ и всякой нечистотѣ? Нѣтъ ничего столько непріятнаго, какъ женщина чрезмѣрно откармливаемая. Потому-то среди бѣдныхъ можно видѣть больше красоты,—никакіе излишки у нихъ не остаются и

не привходятъ въ ихъ составъ безъ нужды и напрасно, какъ бы какая посторонняя грязь; ежедневное упражненіе, труды, работы, умѣренная пища и строгая діэта доставляютъ имъ крѣпкое здоровье, а отсюда большую красоту. Не говори мнѣ объ удовольствіи роскоши; оно не простирается далѣе гортани; какъ скоро пища миновала языкъ, она тотчасъ пропадаетъ, оставляя за собою много непріятнаго. Не смотри на роскошествующихъ только тогда, когда они возлежатъ, но посмотри на нихъ тогда, когда они встанутъ, послѣдуй за ними, и увидишь, что они болѣе походятъ на скотовъ и безсловесныхъ, нежели на людей. Ты увидишь, какъ они страдаютъ головокруженіемъ, разслабленіемъ и неповоротливостію, нуждаются въ ложѣ и постели и глубокой тишинѣ, мечутся какъ бы во время сильнаго волненія, требуютъ помощи другихъ и желаютъ придти въ то состояніе, въ какомъ 347
были прежде, чѣмъ насытились. Они ходятъ, подобно беременнымъ женщинамъ, съ отягченнымъ чревомъ, едва переступаютъ, едва видятъ, едва говорятъ, и все едва (дѣлаютъ). Если же случится имъ немного заснуть, то имъ видятся нелѣпые сны и безсмысленныя грезы. Говорить ли еще о неистовствѣ ихъ другого рода, т. е. сладострастіи? И оно проистекаетъ изъ того же источника. Они, какъ неистовые кони, будучи возбуждаемы опьяненіемъ, бросаются на всѣхъ, устремляясь еще съ большимъ безуміемъ и бѣшенствомъ, нежели эти безсловесныя, и дѣлаютъ другія безстыдства, о которыхъ и говорить неприлично, потому 348
что они уже не понимаютъ, что дѣлается съ ними и что дѣлаютъ они. Не таковъ человѣкъ, не предающійся роскоши: онъ находится въ пристани, взирая на кораблекрушенія другихъ, и наслаждается чистымъ и постояннымъ удовольствіемъ, проводя жизнь, достойную свободнаго человѣка. Итакъ, зная это, будемъ избѣгать порочныхъ удовольствій роскоши и соблюдать умѣренность въ трапезѣ, чтобы намъ быть здравыми по душѣ и по тѣлу, совершать всякія добродѣтели и сподобиться будущихъ благъ, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XL.

347 **Понеже что сотворятъ крестящіися мертвыхъ ради, аще отнюдь мертвіи не востаютъ? Что и крещаются мертвыхъ ради (1 Кор. xv, 29)?**

1. (Апостолъ) приступаетъ теперь къ другому доказательству, подтверждая (ученіе о воскресеніи) то тѣмъ, что творитъ Богъ, то тѣмъ, что дѣлаютъ сами (вѣрующіе). И это не мало служитъ къ защитѣ истины, когда дѣла самихъ противниковъ приводятся въ свидѣтельство сказаннаго. Что же говоритъ онъ? Но, если хотите, я напередъ скажу, какъ искажаютъ эти слова зараженные болѣзнію Маркіона. Знаю, что это будетъ весьма смѣшно, однако скажу,—особенно для того, чтобы вы еще болѣе остерегались ихъ болѣзни. Когда у нихъ умираетъ кто-нибудь изъ оглашенныхъ, то они, спрятавъ живого подъ одромъ умершаго, приступаютъ къ мертвому, говорятъ съ нимъ и спрашиваютъ: желаетъ ли онъ принять крещеніе? Такъ какъ онъ ничего не отвѣчаетъ, то спрятанный подъ одромъ отвѣчаетъ за него, что онъ желаетъ принять крещеніе; и такимъ образомъ крестятъ его вмѣсто умершаго, разыгрывая какъ бы представленіе на зрѣлищѣ. Такую силу имѣетъ діаволъ надъ душами безпечныхъ! Потомъ, когда ихъ осуждаютъ за это, они указываютъ на слова апостола, который, говорятъ они, сказалъ: *крестящійся мертвыхъ ради*. Видишь ли, какъ это смѣшно? Потому стоитъ ли и опровергать ихъ? Не думаю; иначе нужно было бы спорить и съ безумными о томъ, что они говорятъ въ припадкѣ сумашествія. Впрочемъ, чтобы никто изъ самыхъ простыхъ не былъ увлеченъ ими, надобно сказать что-нибудь и противъ нихъ. Если точно Павелъ говоритъ это, то для чего Богъ угрожаетъ не крещающемуся? При такой выдумкѣ невозможно, чтобы кто-нибудь не крестился, и въ противномъ случаѣ вина падаетъ не на умершаго, а на живого. Къ кому, скажи мнѣ, относятся слова (Спасителя): *аще не снѣсте плоти моея, ни піете крови моея, живота не имате въ себе* (Іоан. vi, 53),—къ живымъ или къ умершимъ? И еще: *аще кто не родится водою и духомъ, не можетъ видѣти царствія Божія* (ш, 5). Если допустить сказанное, если нѣтъ нужды въ намѣреніи пріемлющаго и въ расположеніи его еще при жизни, то что препятствуетъ сдѣлаться вѣрными и язычникамъ и іудеямъ, когда другіе послѣ ихъ смерти сдѣлаютъ это за нихъ? Но не будемъ слишкомъ много трудиться напрасно, разрывая такую паутину, а раскроемъ теперь смыслъ самаго изреченія. Что же говоритъ Павелъ? Но прежде я хочу привесть вамъ на память

слова, которыя повелѣваютъ вамъ произносить въ тотъ вечеръ 348
совершители таинства, и потомъ обращусь къ изреченію Павла; тогда оно будетъ понятнѣе для васъ. Послѣ всего прочаго мы присовокупимъ и то, что теперь говоритъ Павелъ. Я хотѣлъ бы выразить это ясно, но не смѣю по причинѣ (присутствія) непосвященныхъ; они затрудняютъ насъ при объясненіи, поставляя въ необходимость или говорить неясно, или открывать имъ сокровенное; впрочемъ буду говорить, сколько могу, прикровеннѣе. По произнесеніи тѣхъ таинственныхъ и страшныхъ словъ и послѣ страшныхъ внушеній откровенныхъ съ неба догматовъ, мы наконецъ, приступая къ крещенію, присовокупляемъ и эти слова, повелѣвая произносить слѣдующее: *вѣрую въ воскресеніе мертвыхъ*. Въ такой вѣрѣ мы и крещаемся,—послѣ исповѣданія этого вмѣстѣ съ прочимъ, мы сходимъ въ источникъ тѣхъ священныхъ водъ. Это самое припоминая, Павелъ говоритъ: если нѣтъ воскресенія, то для чего ты и крестишься *мертвыхъ ради*, т. е. тѣлъ? Вѣдь при крещеніи ты вѣруешь воскресенію мертваго тѣла,—тому, что оно уже не останется мертвымъ. Ты словами исповѣдуешь воскресеніе мертвыхъ, а священникъ, какъ бы въ образѣ, показываетъ тебѣ самымъ дѣломъ то, чему ты вѣровалъ и что исповѣдалъ словами; ты вѣруешь безъ знака, а онъ тогда же представляетъ тебѣ знакъ; ты дѣлаешь зависящее отъ тебя, а Богъ тогда же удостовѣряетъ тебя. Какъ и какимъ образомъ? Водою. Схожденіе и погруженіе въ воду, а потомъ выхожденіе отъ воды есть знакъ нисхожденія во адъ и восхожденія оттуда. Потому Павелъ и называетъ крещеніе гробомъ, когда говоритъ: *спогребохомся ему крещеніемъ въ смерть* (Рим. VI, 4). Этимъ онъ удостовѣряетъ и въ несомнѣнности будущаго, т. е. воскресенія тѣла, потому что изгладить грѣхи гораздо труднѣе, нежели воскресить тѣло, какъ и Христосъ объяснилъ, когда сказалъ: *что удобнѣе рещи: отпущаются ти грѣси, или рещи: востани и ходи?* Первое, говоритъ, труднѣе послѣдняго; но вы не вѣрите тому, какъ дѣлу неясному, и менѣе важное проявленіе моей силы считаете болѣе важнымъ, поэтому я не откажусь представить вамъ и это доказательство. *Тогда глагола разслабленному: востани, возми твой одръ и иди въ домъ твой* (Мѳ. IX, 5, 6).

2. Какъ трудно, скажешь ты, когда это возможно и царямъ и начальникамъ, которые прощаютъ и прелюбодѣевъ и человѣкоубійцъ? Напрасно ты говоришь это, человѣкъ; прощать грѣхи возможно одному Богу; начальники и цари хотя прощаютъ пре- 349
любодѣевъ и человѣкоубійцъ, но они освобождаютъ ихъ только отъ настоящаго наказанія, а самыхъ грѣховъ ихъ не очищаютъ; и хотя бы они возвели прощенныхъ въ высшія званія, хотя бы

облекли ихъ въ порфиру, хотя бы возложили на нихъ діадему, и тогда они сдѣлаютъ ихъ царями, но отъ грѣховъ не освободятъ; это совершаетъ одинъ Богъ. Онъ совершаетъ это въ банѣ пакибытія; благодать касается самой души и съ корнемъ исторгаетъ изъ нея грѣхъ. Потому душа прощеннаго царемъ можетъ быть нечистою, а душа крещеннаго—нѣтъ; она чище самыхъ солнечныхъ лучей, и такова, какою была въ началѣ, или даже гораздо лучше, потому что она получаетъ Духа, Который совершенно воспламеняетъ ее и дѣлаетъ святою. Какъ ты, переплавляя желѣзо или золото, дѣлаешь его опять чистымъ и новымъ, такъ точно и Духъ Святый, переплавляя душу въ крещеніи, какъ бы въ горнилѣ, и истребляя грѣхи, дѣлаетъ ее чище и блистательнѣе всякаго чистаго золота. Отсюда также ты можешь убѣдиться въ истинѣ воскресенія тѣлъ. Такъ какъ грѣхъ ввелъ смерть, то по истребленіи корня, безъ всякаго сомнѣнія, истребится и плодъ его. Потому ты и говоришь напередъ объ *оставленіи грѣховъ*, а потомъ исповѣдуешь и *воскресеніе мертвыхъ*, переходя отъ перваго къ послѣднему; далѣе же, такъ какъ слово: *воскресеніе* еще не доказываетъ всего,—многіе вѣдь воскресшіе опять умерли, какъ напр. (воскресшіе) въ ветхомъ завѣтѣ, какъ Лазарь, какъ (воскресшіе) во время крестной смерти Христовой,—то тебѣ повелѣвается говорить: *и въ жизнь вѣчную*, чтобы никто не думалъ, что смерть будетъ и послѣ того воскресенія. Такимъ образомъ, припоминая эти слова, Павелъ и говоритъ: *что сотворятъ крестящіися мертвыхъ ради?* Если нѣтъ, говоритъ, воскресенія, то эти слова—шутка; если нѣтъ воскресенія, то какъ мы убѣждаемъ другихъ вѣрить тому, чего не даемъ? Если бы кто, требуя отъ другого росписки въ полученіи того-то и того-то, не далъ ничего, въ ней написаннаго, а потомъ, получивъ росписку, сталъ бы требовать прописаннаго, то какъ бы поступилъ подписавшійся, сдѣлавъ себя должникомъ, а между тѣмъ не получивъ того, въ чемъ созналъ себя должнымъ? Тоже и (апостолъ) говоритъ здѣсь о крещающихся: *что сотворятъ*, говоритъ, *крестящіися*, подписываясь подъ истиной воскресенія мертвыхъ, а между тѣмъ не получая и обманываясь? Какая вообще нужда и и въ самомъ исповѣданіи, если бы за нимъ не слѣдовало дѣло? *Почтоже и мы бѣды пріемлемъ на всякъ часъ? По вся дни умираю: тако ми ваша похвала, юже имамъ о Христѣ Іисусѣ* (ст. 30, 31). Смотри, чѣмъ еще онъ старается подтвердить догматъ,—собственнымъ рѣшеніемъ, или, лучше, не своимъ только, но и прочихъ апостоловъ. И это не маловажное доказательство—указывать на учителей, вполнѣ увѣренныхъ въ истинѣ и подтверждающихъ ее не только словами, но и дѣлами. Потому онъ не просто гово-

ритъ: и мы убѣждены въ этомъ,—одного этого недостаточно было 350
для убѣжденія,—но представляетъ доказательство отъ дѣлъ и какъ бы такъ говоритъ: исповѣдывать это словами, можетъ быть, кажется вамъ нисколько не удивительнымъ; но если мы представимъ вамъ доказательство отъ дѣлъ, то что вы скажете противъ этого? Послушайте же, какъ мы проповѣдуемъ это каждый день своими страданіями. Не сказалъ: *азъ*, но: *мы*, имѣя въ виду всѣхъ апостоловъ вмѣстѣ и такимъ образомъ съ одной стороны показывая свое смиреніе, а съ другой дѣлая достовѣрными слова свои. Что вы можете сказать? То ли, что обманываемъ мы васъ, проповѣдуя это, и изъ тщеславія учимъ такъ? Но допустить такое мнѣніе не позволяютъ (наши) страданія: кто сталъ бы непрестанно подвергаться страданіямъ тщетно и напрасно? Потому и говоритъ: *почтоже и мы бѣды пріемлемъ на всякъ часъ?* Изъ тщеславія, можетъ быть, кто-нибудь рѣшился бы на это одинъ или два раза, но не во всю жизнь, подобно намъ; а мы посвятили на это всю жизнь свою. *По вся дни умираю: тако ми ваша похвала, юже имамъ о Христѣ Іисусѣ. Похвалою* здѣсь онъ называетъ преуспѣяніе (коринѳянъ). Указавъ на многія страданія и желая показать, что онъ говоритъ объ этомъ не съ сожалѣніемъ, присовокупляетъ: я не только не скорблю, но еще хвалюсь тѣмъ, что терплю для васъ. Хвалится же онъ двумя обстоятельствами: тѣмъ, что страдаетъ для нихъ, и тѣмъ, что видитъ въ нихъ преуспѣяніе. А потомъ, такъ какъ онъ сказалъ о дѣлахъ великихъ, по обыкновенію своему приписываетъ то и другое Христу. Какъ же онъ умираетъ *по вся дни?* Ревностію и готовностію къ тому. А для чего онъ говоритъ это? Опять для того, чтобы и такимъ образомъ подтвердить истину воскресенія. Кто рѣшился бы, говоритъ, подвергаться столь многимъ родамъ смерти, если нѣтъ воскресенія и будущей жизни? Если и для вѣрующихъ воскресенію нужно великое мужество, чтобы за него подвергаться опасностямъ, то тѣмъ болѣе невѣрующій не рѣшился бы подвергаться столь многимъ и столь тяжкимъ родамъ смерти. И, смотри, какъ онъ постепенно усиливаетъ (рѣчь). Сказавъ: *бѣды пріемлемъ*, онъ присовокупляетъ: *на всякъ часъ*; потомъ говоритъ: *по вся дни*; и далѣе говоритъ, что не только—подвергаюсь опасностямъ, но и—*умираю*; наконецъ показываетъ и то, какими родами смерти: *аще бо*, говоритъ, *по человѣку со звѣрємъ боряхся въ Ефесѣ, кая ми польза* (ст. 32)?

3. Что значитъ: *аще по человѣку?* Сколько возможно человѣку, я боролся съ звѣрями. Богъ избавилъ меня отъ опасностей; но что въ томъ? Потому, если кто особенно долженъ скорбѣть, то это—я, который претерпѣлъ столько опасностей и еще не по-

лучилъ никакой награды. Если не придетъ время воздаянія и всѣ наши дѣла ограничиваются настоящимъ, то мы терпимъ большій вредъ; вы увѣровали безъ опасностей, а мы закалаемся каждый день. Впрочемъ, все это онъ говоритъ не потому, чтобы не было для него пользы въ самыхъ страданіяхъ, но по немощи многихъ, чтобы ихъ утвердить въ истинѣ воскресенія,—и не потому, чтобы онъ подвизался для награды; для него достаточнымъ
351 было воздаяніемъ—дѣлать угодное Богу. Равнымъ образомъ и прежнія слова: *аще въ животѣ семъ точію уповающе есмы во Христа, окаяннѣйши всѣхъ человѣкъ есмы* (1 Кор. XV, 19) онъ сказалъ также для слушателей, чтобы страхомъ столь бѣдственной участи потрясти ихъ невѣріе воскресенію, и изъ снисхожденія къ ихъ немощи. Подлинно, великая награда уже въ томъ, чтобы во всемъ угождать Христу, и помимо возмездія великое воздаяніе уже въ томъ, чтобы за Него подвергаться опасностямъ. *Аще мертвіи не востаютъ, да ямы и піемъ, утрѣ бо умремъ.* Этими словами (апостолъ) теперь пристыжаетъ ихъ и говоритъ не отъ себя, но приводитъ слова велерѣчиваго пророка Исаіи, который, говоря о нѣкоторыхъ безпечныхъ и отчаянныхъ людяхъ, сказалъ такъ: *закалающе телцы и жруще овцы, яко ясти мяса и пити вино, глаголюще: да ямы и піемъ, утрѣ бо умремъ. И откровенна сія суть во ушію Господа Саваоѳа, и не оставится вамъ той грѣхъ, дондеже умрете* (Ис. XXVI, 13, 14). Если же въ то время такъ разсуждавшіе не были прощаемы, то тѣмъ болѣе во время благодати. Потомъ, чтобы не сдѣлать словъ своихъ слишкомъ тяжкими, онъ не долго останавливается на доказательствѣ нелѣпости (такого образа мыслей), но опять начинаетъ увѣщаніе и говоритъ: *не льститеся, тлятъ обычаи благи бесѣды злы* (ст. 33). Этими словами онъ съ одной стороны укоряетъ (коринѳянъ), какъ неразумныхъ,—потому что подъ благовиднымъ названіемъ *благихъ* нравовъ онъ разумѣетъ здѣсь удобопреклонные,—а съ другой, сколько можно, извиняетъ ихъ въ прежнихъ заблужденіяхъ, снимая съ нихъ большую часть вины и возлагая на другихъ, чтобы и такимъ образомъ обратить ихъ къ покаянію. Тоже онъ дѣлаетъ и въ посланіи къ Галатамъ, когда говоритъ: *смущаяй же васъ понесетъ грѣхъ, кто бы ни былъ* (V, 10). *Истрезвитеся праведно и не согрѣшайте* (ст. 34),—(говоритъ) какъ бы опьянѣвшимъ и неистовствующимъ, потому что опьянѣвшимъ и неистовствующимъ свойственно выпускать все вдругъ изъ рукъ своихъ, не видѣть того, что прежде видѣли, и не вѣрить тому, что прежде исповѣдывали. Что значитъ: *праведно?* Съ пользою и назиданіемъ, потому что можно быть трезвеннымъ и неправедно, когда кто-нибудь пробуждается ко вреду своей души. Хорошо также прибавилъ онъ:

не согрѣшайте, показывая, что отсюда происходили у нихъ сѣмена невѣрія. Онъ во многихъ мѣстахъ выражаетъ, что развратная жизнь порождаетъ худыя мысли,—напр. когда говоритъ: *корень всѣмъ злымъ сребролюбіе есть, егоже нѣцыи желающе, заблудиша отъ вѣры* (1 Тим. vi, 10). Многіе, сознавая свои пороки и не желая понести наказаніе, отъ страха перестаютъ вѣрить и воскресенію; напротивъ, дѣлающіе много добраго желаютъ увидѣть его каждый день. *Невѣдѣніе бо Божіе нѣцыи имутъ: къ сраму вамъ глаголю.* Смотри, какъ (апостолъ) опять слагаетъ вину на другихъ. Не сказалъ: *вы невѣдѣніе имате*, но: *невѣдѣніе нѣцыи имутъ*. Не вѣрить воскресенію свойственно тому, кто не имѣетъ совер- 352
шеннаго понятія о непобѣдимой и вполнѣ достаточной на все силѣ Божіей. Вѣдь если Онъ сотворилъ сущее изъ несущаго, то тѣмъ болѣе можетъ воскресить разрушившееся. Сильно укоривъ и крайне пристыдивъ ихъ обличеніемъ въ невоздержаніи, неразуміи и безчувственности, (апостолъ) потомъ смягчаетъ слова свои и говоритъ: *къ сраму вамъ глаголю*, то есть, чтобы исправить, чтобы вразумить, чтобы вы, устыдившись, сдѣлались лучшими. Онъ опасался, чтобы, поразивъ болѣе надлежащаго, не отвратить ихъ отъ себя.

4. Но не будемъ думать, что это сказано имъ однимъ только (коринѳянамъ); это относится теперь и ко всѣмъ тѣмъ, которые страдаютъ подобными болѣзнями и ведутъ развратную жизнь. Вѣдь не тѣ только, которые держатся худыхъ мыслей, но и тѣ, которые преданы тяжкимъ грѣхамъ, находятся въ состояніи опьяненія и неистовства. Потому и къ нимъ справедливо можно сказать: *истрезвитеся*, особенно же къ тѣмъ, которые отягчены недугомъ корыстолюбія и совершаютъ злое стяжаніе,—а есть и доброе стяжаніе—пріобрѣтеніе небесъ, не причиняющее никому вреда. Въ отношеніи имущества невозможно быть одному богатымъ безъ того, чтобы напередъ другой не сдѣлался бѣднымъ; въ благахъ же духовныхъ не такъ, а совершенно напротивъ: невозможно никому сдѣлаться богатымъ безъ того, чтобы не обогатить другого, потому что, если ты никому не принесешь пользы, то и самъ не сдѣлаешься богатымъ. Въ (благахъ) тѣлесныхъ отъ раздаянія происходитъ уменьшеніе, но въ духовныхъ отъ раздаянія происходитъ умноженіе, а нераздаяніе причиняетъ великую скудость и подвергаетъ крайнему наказанію. Доказательствомъ тому—(рабъ) скрывшій талантъ. Такъ, кто имѣетъ даръ мудрости, тотъ, передавая другому, умножаетъ это богатство, дѣлая мудрыми многихъ; а кто скрываетъ ее въ себѣ, тотъ лишаетъ себя богатства, не принося пользы другимъ. Также, кто имѣетъ другіе дары, тотъ, врачуя многихъ, умножаетъ свой даръ; самъ не те-

ряетъ отъ передачи, и многихъ другихъ исполняетъ духовныхъ дарованій. Это правило остается неизмѣннымъ во всѣхъ духовныхъ (благахъ). Такъ бываетъ и съ царствомъ (небеснымъ): кто дѣлаетъ многихъ своими соучастниками въ царствѣ, тотъ тѣмъ болѣе будетъ пользоваться имъ; а кто не желаетъ имѣть участникомъ никого, тотъ и самъ лишится многихъ благъ. Если чувственная мудрость не истощается, когда многіе пріобрѣтаютъ ее, и художникъ не теряетъ своего искусства, когда дѣлаетъ художниками многихъ, то тѣмъ болѣе пріобрѣтающій царство не уменьшаетъ его, а напротивъ тогда и будетъ у насъ богатство больше, когда мы многихъ призовемъ къ нему. Будемъ же пріобрѣтать то, что не истощается, но отъ раздаянія умножается; будемъ пріобрѣтать то, противъ чего никто не клевещетъ, чему никто не завидуетъ. Если бы было такое мѣсто, откуда бы, какъ изъ источника, непрестанно истекало золото, и тѣмъ болѣе истекало, чѣмъ болѣе было бы почерпаемо, а другое мѣсто было бы такое, въ которомъ закопано какое-нибудь сокровище, то откуда ты захотѣлъ бы получать богатство? Не изъ перваго-ли? Конечно, оттуда. Но чтобы намъ не описывать этого только словами, при-
353 мѣните сказанное къ воздуху и солнцу: они поглощаются всѣми и наполняютъ все, и однако остаются одинаковыми и не уменьшаются, хотя бы пользовались ими, хотя бы не пользовались. А то, о чемъ я говорю, гораздо больше. Мудрость духовная не остается одинаковою, хотя бы она была раздаваема, или же не раздаваема, но болѣе умножается именно тогда, когда бываетъ раздаваема. Если же кто не убѣждается сказаннымъ и не перестаетъ прилѣпляться къ скуднымъ вещамъ житейскимъ, пріобрѣтая подлежащее уменьшенію, тотъ пусть вспомнитъ еще о пищѣ изъ манны и устрашится этого примѣра наказанія. Что было съ манною, тоже и теперь случается съ корыстолюбцами. Что же было тогда? Она обращалась отъ излишества въ червей.

Тоже случается и теперь (съ корыстолюбцами). Мѣра питанія для всѣхъ одна,—одинъ мы наполняемъ желудокъ; но у тебя, предающагося роскоши, гнили больше. Какъ тамъ собиравшіе манну въ домы свои больше положеннаго собирали не манну, а множество червей и гнилости, такъ точно и предающіеся объяденію и пьянству собираютъ въ роскоши и пресыщеніи не большія удовольствія, а большую гниль. Впрочемъ, нынѣшніе даже хуже тогдашнихъ; тѣ, однажды испытавъ такое зло, образумились; а эти, каждый день внося въ домы свои гораздо болѣе опасныхъ червей, не чувствуютъ и не насыщаются. Что одно похоже на другое по безплодности труда,—потому что со стороны возмездія одно много тяжелѣе другого,—можешь видѣть изъ слѣдующаго. Чѣмъ отли-

чается богатый отъ бѣднаго? Не одинаковое ли онъ одѣваетъ тѣло? Не одинаковый ли питаетъ желудокъ? Чѣмъ же онъ превосходитъ его? Заботами, издержками, преслушаніемъ Бога, растлѣніемъ плоти, развращеніемъ души. Вотъ въ чемъ онъ превосходитъ бѣдняка! Еслибы онъ насыщалъ множество желудковъ, то можетъ быть онъ могъ бы сказать что-нибудь, напр., что у него больше потребностей, что для него необходимы большія издержки. Но, скажешь, и теперь богатые могутъ возразить, что они насыщаютъ многихъ, то есть, слугъ и служанокъ? Да вѣдь это дѣлается не по нуждѣ и не по человѣколюбію, а только по гордости, и потому не можетъ служить для нихъ оправданіемъ.

5. Для чего имѣть множество слугъ? Какъ въ отношеніи къ одеждѣ и пищѣ надобно заботиться только о необходимомъ, такъ и въ отношеніи къ слугамъ. И какая въ нихъ нужда? Нѣтъ никакой. Одному господину надлежало бы имѣть только одного слугу, или, лучше, двоимъ и троимъ господамъ одного слугу. Если это непріятно (слышать), то вспомни о тѣхъ, которые не имѣютъ ни одного, и однако не остаются безъ прислуги, гораздо лучшей, потому что Богъ сотворилъ людей достаточно способными къ служенію самимъ себѣ и даже къ служенію ближнимъ. Если не вѣришь, то послушай Павла, который говоритъ: *требованіямъ моимъ и сущимъ со мною послужисте руцѣ сіи* (Дѣян. xx, 34). Такъ учитель вселенной, достойный небесъ, не стыдился служить тысячамъ (людей); а ты считаешь постыднымъ, если не окружишь себя толпами рабовъ, не понимая, что, напротивъ, это самое особенно и служитъ для тебя безчестіемъ. Богъ для того далъ намъ руки и ноги, чтобы мы не имѣли нужды въ слугахъ; и не нужда 354
ввела сословіе рабовъ,—иначе вмѣстѣ съ Адамомъ былъ бы сотворенъ и рабъ,—но это есть слѣдствіе грѣха и наказаніе за преслушаніе. А Христосъ, пришедши, прекратилъ и это: *о Христѣ Іисусѣ нѣсть рабъ, ни свободь* (Гал. ш, 20). Потому нѣтъ нужды имѣть рабовъ; если же нужно, то развѣ одного, а много двухъ. И къ чему толпы слугъ? Точно какіе продавцы овецъ или торговцы невольниками, расхаживаютъ богачи по банямъ и по торжищамъ. Впрочемъ я ничего не говорю противъ: пусть будетъ у тебя и другой слуга; но если ты собираешь ихъ множество, то дѣлаешь это не изъ человѣколюбія, а изъ роскоши; если бы ты заботился объ ихъ благѣ, то не заставлялъ бы никого изъ нихъ служить тебѣ, но, купивъ и научивъ ихъ ремесламъ, чтобы они могли продовольствовать сами себя, отпустилъ бы ихъ на волю. Если же ты бичуешь ихъ, если налагаешь на нихъ оковы, то это уже не дѣло человѣколюбія. Знаю, что я говорю непріятное для слушателей; но что мнѣ дѣлать? На то я поставленъ и не перс-

стану это говорить, хотя будетъ какая-нибудь польза, хотя нѣтъ. Къ чему ты въ самомъ дѣлѣ такъ гордо выступаешь на торжищѣ? Развѣ ты ходишь среди звѣрей, что разгоняешь встрѣчающихся? Не бойся: никто изъ мимоходящихъ и приближающихся къ тебѣ не кусается. Но ты считаешь за безчестіе идти вмѣстѣ со всѣми? Какъ безумно, какъ странно,—когда близъ тебя идетъ лошадь, не считать этого безчестіемъ, а когда человѣкъ не прогнанъ отъ тебя на тысячи стадій, считать это безчестіемъ! Къ чему ты еще окружаешь себя жезлоносцами, поступая съ людьми свободными, какъ бы съ рабами, или, лучше, самъ проводя жизнь безчестнѣе всякаго раба? Подлинно, кто ведетъ себя съ такою гордостію, тотъ презрѣннѣе всякаго раба: не увидятъ истинной свободы тѣ, которые поработили себя столь гибельной страсти. Если ты хочешь очистить себѣ дорогу и идти впередъ, то отгоняй не проходящихъ, а гордость, не чрезъ слугу, а чрезъ себя самого, не такимъ бичемъ, а духовнымъ. Теперь же слуга твой гонитъ проходящихъ, а тебя сверху гонитъ гордость съ большимъ безчестіемъ, нежели слуга твой—ближняго. Если ты, сошедши съ коня, прогонишь гордость смиренномудріемъ, то займешь высшее мѣсто и доставишь себѣ больше чести, нисколько не нуждаясь для того въ слугѣ. Когда ты будешь смиренно идти по землѣ, то возсядешь на колесницу смиренномудрія, которая, имѣя крылатыхъ коней, вознесетъ тебя до небесъ; а когда, ниспадши съ нея, взойдешь на колесницу гордости, то будешь нисколько не лучше пресмыкающихся животныхъ, ползающихъ по землѣ, и даже гораздо хуже и несчастнѣе ихъ, потому что ихъ заставляетъ ползать недостатокъ тѣлесный, а тебя—болѣзнь гордости: *всякъ*, говоритъ (Писаніе), *возносяйся смирится* (Лук. xviii, 14). Итакъ, чтобы намъ не унизиться, а возвыситься, будемъ восходить на эту высоту; такимъ образомъ мы найдемъ и покой душамъ нашимъ, по божественному обѣтованію (Мѳ. xi, 29), и достигнемъ истинной и высочайшей чести, которой да сподобимся всѣ мы, благодатію и человѣколюбіемъ (Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь).

БЕСѢДА XLI.

Но речетъ нѣкто: каково востанутъ мертвіи? Коимъ же тѣломъ пріидутъ? Безумне, ты еже сѣеши, не оживетъ, аще не умретъ (1 Кор. xv, 35). 355

1. Будучи всегда весьма кроткимъ и смиреннымъ, апостолъ здѣсь говоритъ весьма строго по причинѣ упорства противниковъ,—и не довольствуется этимъ, но представляетъ и доказательства и примѣры, чтобы такимъ образомъ укротить и самыхъ упорныхъ спорщиковъ. Выше онъ говорилъ: *понеже человѣкомъ смерть, и человѣкомъ воскресеніе* (xv, 21); а здѣсь опровергаетъ возраженіе, представляемое язычниками. Впрочемъ, смотри, какъ онъ опять смягчаетъ силу укоризны. Не сказалъ: *но можетъ быть вы скажете*, а неопредѣленно указываетъ на возражателя, чтобы прямымъ рѣзкимъ указаніемъ не слишкомъ поразить слушателей. Онъ приводитъ два недоумѣнія: касательно образа воскресенія и касательно качества тѣлъ, потому что возражавшіе сомнѣвались въ томъ и другомъ и говорили: какъ воскреснетъ разрушившееся, и въ какомъ явятся тѣлѣ? Что значитъ: *коимъ тѣломъ?* Т. е., въ этомъ ли истлѣвшемъ, разрушившемся, или въ какомъ-нибудь другомъ? Потомъ, внушая, что они спрашиваютъ не о чемъ-либо сомнительномъ, но о томъ, что достовѣрно извѣстно, онъ тотчасъ обращается къ нимъ съ строгими словами и говоритъ: *безумне, ты еже сѣеши, не оживетъ, аще не умретъ.* Такъ обыкновенно поступаемъ и мы съ тѣми, которые противорѣчатъ чему-нибудь достовѣрно извѣстному. А почему онъ не тотчасъ указываетъ на силу Божію? Потому, что разсуждаетъ съ невѣрующими. Когда онъ говоритъ съ вѣрующими, то не очень прибѣгаетъ къ умозаключеніямъ; такъ и въ другомъ мѣстѣ, сказавъ: *преобразитъ тѣло смиренія нашего, яко быти сему сообразну тѣлу славы его,* и открывъ здѣсь нѣчто болѣе воскресенія, онъ не привелъ сравненій, а вмѣсто всякаго доказательства указалъ прямо на силу Божію, прибавивъ слѣдующее: *по дѣйству, еже возмогати ему и покорити себѣ всяческая* (Филипп. III, 21). Здѣсь же онъ употребляетъ и умозаключенія. Доказавъ истину словами Писаній, онъ теперь съ силою направляетъ рѣчь противъ невѣрующихъ Писаніямъ и говоритъ: *безумне, ты еже сѣеши,* т. е. ты самъ у себя имѣешь доказательство воскресенія въ томъ, что дѣлаешь ежедневно, и еще ли сомнѣваешься? Безумнымъ я называю тебя за то, что не знаешь совершаемаго ежедневно самимъ тобою и, тогда какъ ты самъ бываешь виновникомъ воскресенія (сѣмянъ), сомнѣваешься въ томъ по отношенію къ Богу. Весьма

выразительно говоритъ: *ты еже сѣеши*, т. е. ты, смертный и разрушающійся. И, смотри, какъ самыя выраженія его соотвѣтствуютъ настоящему предмету: *не оживетъ*, говоритъ, *аще не умретъ*. Не употребляя выраженій, относящихся къ сѣменамъ, какъ-то: прозябаетъ, произрастаетъ, согниваетъ, истлѣваетъ, онъ приводитъ соотвѣтствующія плоти нашей: *не оживетъ, аще не умретъ*,—что свойственно не сѣменамъ, а тѣламъ. И не сказалъ: оживетъ послѣ того, какъ умретъ; но,—что выражаетъ больше,—потому оживетъ, что умретъ. Видишь ли, что онъ, какъ я часто замѣчалъ, всегда
356 выводитъ противное? Изъ чего другіе выводили заключеніе противъ воскресенія, то самое онъ обращаетъ въ доказательство воскресенія. Они говорили, что тѣло не воскреснетъ, потому что умерло. Что же онъ говоритъ вопреки этому? Если бы оно не умерло, то и не воскресло бы, потому и воскреснетъ, что умретъ. Такъ и Христосъ яснѣйшимъ образомъ показываетъ тоже самое, когда говоритъ: *аще зерно пшенично, падъ на земли, не умретъ, то едино пребываетъ: аще же умретъ, многъ плодъ сотворитъ* (Іоан. XII, 24). Отсюда же и Павелъ, заимствуя это сравненіе, не сказалъ: *не будетъ жить*, но: *не оживетъ* (οὐ ζωοποιεῖται, не оживотворится), указываетъ опять на силу Божію и внушаетъ, что не земная природа, но самъ (Богъ) совершаетъ все. А почему онъ не указалъ на то, что было ближе къ предмету, т. е. на сѣмя человѣческое,—такъ какъ и наше рожденіе, подобно пшеницѣ, начинается тлѣніемъ? Потому что (тотъ и другой примѣръ) не равны, но первый важнѣе. Апостолъ хочетъ указать на что-нибудь всецѣло истлѣвающее, а сѣмя человѣческое только часть (человѣка); потому онъ и указываетъ (на пшеницу). Съ другой стороны, сѣмя человѣческое выходитъ изъ живого человѣка и падаетъ въ живую утробу; а здѣсь сѣмя бросается не въ тѣло, а въ землю, и въ ней истлѣваетъ подобно умершему тѣлу. Такимъ образомъ приведенный примѣръ прямѣе относится къ дѣлу. *И иже сѣеши, не тѣло будущее сѣеши* (ст. 37). Сказанное доселѣ относится къ тому, какъ (мертвые) воскреснутъ; а это къ тому недоумѣнію, въ какомъ явятся тѣлѣ. Что значитъ: *не тѣло будущее сѣеши?* Не колосъ цѣлый и не пшеницу новую. Здѣсь говорится уже не о дѣйствительности воскресенія, но объ образѣ воскресенія, т. е. каково будетъ тѣло, имѣющее воскреснуть,—такое ли, какъ прежде, или лучшее и превосходнѣйшее. То и другое (апостолъ) выводитъ изъ одного и того же примѣра и доказываетъ, что оно будетъ лучше.

2. Еретики же, не понимая ничего такого, возражаютъ и говорятъ: иное тѣло умираетъ и иное тѣло воскреснетъ. Но что это за воскресеніе? Вѣдь возстаніе (воскресеніе) относится къ то-

му, что упало. И гдѣ та чудная и славная побѣда надъ смертію, если одно падаетъ, а другое возстаетъ. Тогда уже не будетъ явно, что она возвратила то, что держала въ своемъ плѣну. Какъ же это сравненіе идетъ къ предмету? Не иное существо сѣется, а иное возрастаетъ, но (возрастаетъ) тоже самое въ лучшемъ видѣ. Иначе и Христосъ, бывшій начаткомъ воскресающихъ, воскресъ не въ томъ же самомъ тѣлѣ, но, по вашему, одно тѣло Онъ оставилъ, хотя оно было безъ всякаго грѣха, а другое принялъ. Откуда же Онъ взялъ другое? То отъ Дѣвы, а это откуда? Видишь ли, до какихъ нелѣпостей доводитъ такое мнѣніе? Для чего также Онъ показалъ язвы гвоздиныя? Не для того ли, чтобы доказать, что это самое (тѣло) и ко кресту было пригвождено и оно же воскресло? И что значитъ прообразъ Іоны? Безъ сомнѣнія, не иной Іона былъ поглощенъ, а иной извергнутъ на землю. И еще, почему (Христосъ) говорилъ: *разорите церковь сію и треми денми воздвигну ю* (Іоан. II, 19)? Онъ, конечно, воздвигъ тотъ самый храмъ, который разрушенъ; потому евангелистъ и присовокупилъ: 357
онъ же глаголаше о церкви тѣла своего (ст. 21). Итакъ, что означаютъ слова: *не тѣло будущее сѣеши*? Т. е. не колосъ, потому что онъ тотъ же и не тотъ же: тотъ же потому, что одного существа съ (сѣменемъ); не тотъ же потому, что онъ лучше; существо осталось тоже, но явилось большее благолѣпіе, и онъ возсталъ въ новомъ видѣ. А если бы не такъ, то не было бы нужды и въ воскресеніи, когда бы тѣло не могло воскреснуть лучшимъ; для чего разрушать домъ, если не строить его лучшимъ? Это (апостолъ) сказалъ противъ тѣхъ, которые думаютъ, что (тѣло) истлѣваетъ. А далѣе, чтобы кто не подумалъ, что отсюда произойдетъ другое тѣло, онъ разрѣшаетъ недоумѣніе и самъ изъясняетъ сказанное, не дозволяя слушателю выводить какое-нибудь несообразное заключеніе. Къ чему же тогда и наши слова? Послушай, какъ онъ самъ говоритъ и изъясняетъ, что значитъ: *не тѣло будущее сѣеши;* онъ именно тотчасъ присовокупляетъ: *но голо зерно, аще случится, пшеницы, или иного отъ таковыхъ сѣмянъ. Не тѣло будущее*, т. е. не такъ одѣтое, не имѣющее стебля и колосьевъ, *но голо зерно, аще случится, пшеницы, или иного отъ таковыхъ. Богъ же даетъ ему тѣло, якоже восхощетъ* (ст. 38). Такъ, скажешь; но здѣсь дѣйствуетъ природа. Какая, скажи мнѣ, природа? И здѣсь все совершаетъ Богъ, а не природа, не земля и не дождь. Потому-то (апостолъ), не упоминая ни о землѣ, ни о дождѣ, ни о воздухѣ, ни о солнцѣ, ни о рукахъ земледѣльца, говоритъ: *Богъ даетъ ему тѣло, якоже восхощетъ*. Не изслѣдывай же и не допытывайся, какъ и какимъ образомъ, когда слышишь, что это—дѣло силы и воли Божіей. *И коемуждо сѣмени свое тѣло*. Гдѣ же чу-

жое тѣло? Даетъ *свое*. Потому, когда (апостолъ) говоритъ: *не будущее сѣеши*, утверждаетъ не то, будто вмѣсто одного воскреснетъ другое существо, но—воскреснетъ въ лучшемъ, славнѣйшемъ видѣ. *Коемуждо*, говоритъ, *сѣмени свое тѣло*. Отсюда наконецъ онъ выводитъ и различіе (тѣлъ) при будущемъ воскресеніи. Изъ того, что сѣется пшеница и изъ нея восходятъ всѣ колосья, не заключай, будто и при воскресеніи (тѣла) будутъ равночестны. Даже и изъ сѣмянъ происходятъ (колосья) не одинаковаго достоинства, но одни лучше, другіе хуже. Потому (апостолъ) и присовокупляетъ: *коемуждо свое тѣло*. Впрочемъ, не довольствуясь этимъ, онъ выражаетъ еще другое различіе, большее и яснѣйшее. Чтобы ты, какъ я сказалъ, услышавъ, что всѣ воскреснутъ, не подумалъ, что всѣ получатъ и одну честь, онъ еще прежде посѣялъ сѣмена своей мысли, сказавъ: *кійждо же въ своемъ чину* (XV. 23). То же самое еще яснѣе онъ выражаетъ и здѣсь, продолжая такъ: *не всяка плоть таже плоть* (ст. 39). Что я указываю, говоритъ, на сѣмена? Тоже самое мы можемъ видѣть на тѣлахъ, о которыхъ теперь идетъ у насъ рѣчь. Потому и продолжаетъ: *но ина убо плоть человѣкомъ, ина же плоть скотомъ, ина же птицамъ, ина же рыбамъ. И тѣлеса небесная, и тѣлеса земная: но ина убо небеснымъ слава, и ина земнымъ. Ина слава солнцу, и ина слава лунѣ, и ина*
358 *слава звѣздамъ: звѣзда бо отъ звѣзды разнствуетъ во славѣ* (ст. 40, 41).

3. Къ чему здѣсь эти слова? Для чего (апостолъ) отъ воскресенія тѣлъ уклонился къ рѣчи о звѣздахъ и солнцѣ? Не уклонился онъ и не отступилъ отъ предмета,—нѣтъ,—а еще продолжаетъ говорить о немъ. Доказавъ истину воскресенія, онъ теперь доказываетъ, что великое будетъ тогда различіе въ славѣ, хотя воскресеніе одно, и раздѣляетъ все на двѣ части — на тѣла небесныя и на земныя. Примѣромъ пшеницы онъ доказалъ, что тѣла воскреснутъ; а здѣсь доказываетъ, что не всѣ они будутъ въ одинаковой славѣ. Какъ невѣріе воскресенію дѣлаетъ людей сонливыми, такъ и то мнѣніе, что всѣ удостоятся одинаковой участи, дѣлаетъ ихъ безпечными. Потому онъ исправляетъ то и другое; о первомъ сказалъ выше, а о послѣднемъ начинаетъ говорить теперь. Раздѣливъ всѣхъ на два разряда, на праведниковъ и грѣшниковъ, онъ потомъ раздѣляетъ эти два разряда на многія части, показывая, что праведники и грѣшники получатъ не одинаковую участь, также—что ни праведники всѣ не будутъ равны съ праведниками, ни грѣшники съ грѣшниками. Первое дѣленіе—на праведниковъ и грѣшниковъ—онъ дѣлаетъ въ словахъ: *тѣлеса небесная и тѣлеса земная*, разумѣя подъ земными послѣднихъ, а подъ небесными первыхъ. Потомъ показываетъ различіе между самими грѣшниками въ словахъ: *не всяка плоть таже плоть, но ина убо*

плоть рыбамъ, ина же птицамъ и скотомъ; хотя всѣ они—тѣла, но одни болѣе, другія менѣе маловажны, какъ въ образѣ жизни, такъ и въ самомъ устройствѣ. Сказавъ объ этомъ, онъ опять обращается къ небу и говоритъ: *ина слава солнцу, и ина слава лунѣ.* Какъ въ земныхъ тѣлахъ есть различіе, такъ и въ небесныхъ, и различіе не малое, но простирающееся даже до послѣднихъ (звѣздъ); есть различіе не только между солнцемъ и луною, между луною и звѣздами, но и между самыми звѣздами: хотя всѣ онѣ на небѣ, но однѣ имѣютъ болѣе, другія менѣе славы. Чему же мы научаемся отсюда? Тому, что, хотя всѣ праведники будутъ въ царствѣ (небесномъ), но не всѣ получатъ одинаковое блаженство; и грѣшники, хотя всѣ будутъ въ гееннѣ, но не всѣ будутъ одинаково мучиться. Потому онъ и присовокупляетъ: *такожде и воскресеніе мертвыхъ* (ст. 42). Что —такожде? Будетъ такое же великое различіе. Далѣе, оставивъ этотъ предметъ, какъ достаточно доказанный, онъ опять обращается къ доказательству и къ образу самаго воскресенія и говоритъ: *сѣется въ тлѣніе, востаетъ въ нетлѣніи.* И посмотри на мудрость его: о сѣменахъ онъ употребляетъ выраженія приличныя тѣламъ: *не оживетъ, аще не умретъ;* а о тѣлахъ употребляетъ выраженія приличныя сѣменамъ: *сѣется въ тлѣніе, востаетъ въ нетлѣніи.* Не сказалъ: *произрастаетъ*, чтобы ты не приписалъ этого дѣйствію земли, но: *востаетъ.* Сѣяніемъ же здѣсь онъ называетъ не зачатіе наше въ утробѣ матери, но погребеніе въ землѣ мертвыхъ тѣлъ, разрушеніе, прахъ. Потому, сказавъ: *сѣется въ тлѣніе, востаетъ въ нетлѣніи*, онъ продолжаетъ: *сѣется не въ честь* (ст. 43), такъ какъ что безобразнѣе мертваго, разрушившагося (тѣла)? *Востаетъ въ славѣ. Сѣется въ немощи.* Не проходитъ и тридцати дней, какъ все разрушается: 359
плоть не можетъ поддержать сама себя и продолжить даже на день. *Востаетъ въ силѣ.* Тогда уже ничто не преодолѣетъ ея. Для того и нужны были приведенные примѣры, чтобы многіе, слыша, что тѣла возстанутъ въ нетлѣніи, славѣ и силѣ, не подумали, будто не будетъ никакого различія между воскресшими. Хотя всѣ воскреснутъ въ силѣ и нетлѣніи и въ славѣ нетлѣнія, но не всѣ въ одинаковой чести и степени. *Сѣется тѣло душевное, востаетъ тѣло духовное. Есть тѣло душевное, и есть тѣло духовное* (ст. 44). Что говоришь ты? А это тѣло развѣ не духовно? Оно духовно, но то будетъ гораздо больше. Теперь великая благодать Св. Духа часто отлетаетъ, когда кто впадаетъ въ тяжкіе грѣхи, и тогда, какъ Духъ пребываетъ въ душѣ, (отлетаетъ) жизнь плоти,—а безъ перваго и послѣдняя ничтожна,—но тогда не такъ, а напротивъ (Духъ) будетъ непрестанно пребывать въ плоти праведниковъ и станетъ господствовать въ ней, хотя и душа будетъ присутство-

вать. Такимъ образомъ (апостолъ) разумѣлъ или что-нибудь подобное, когда сказалъ: *духовное*, или то, что оно будетъ легче, тоньше, и будетъ способно носиться даже по воздуху, или лучше— то и другое. Если же не вѣришь сказанному, то посмотри на тѣла небесныя, столь свѣтлыя, неизмѣнныя и никогда не старѣющіяся, и вѣруй, что Богъ можетъ и тлѣнныя тѣла сдѣлать нетлѣнными и гораздо лучшими видимыхъ. *Тако и писано есть: бысть первый человѣкъ Адамъ въ душу живу, послѣдній Адамъ въ духъ животворящъ* (ст. 45). Первое дѣйствительно написано (Быт, II, 7), а послѣдняго не написано: какъ же (апостолъ) сказалъ: *писано есть*? Онъ вывелъ это изъ событій, какъ и часто дѣлаетъ. Такъ обыкновенно поступаютъ и пророки; напр. пророкъ сказалъ, что Іерусалимъ *наречется градъ истинный* (Зах. VIII, 3), однако онъ не назывался такъ. Что же? Неужели пророкъ сказалъ неправду? Нѣтъ, онъ говоритъ, дѣлая выводъ изъ событій. Также: Христосъ *наречется Еммануилъ* (Ис. VII, 14), и однакоже Онъ не назывался такъ; но дѣла даютъ Ему это названіе. Такъ и здѣсь: *послѣдній Адамъ въ духъ животворящъ.*

4. (Апостолъ) сказалъ это для того, чтобы ты зналъ, что уже есть знаменія и залоги какъ настоящей, такъ и будущей жизни: настоящей — Адамъ, а будущей — Христосъ. Такъ какъ лучшія (блага) онъ поставляетъ въ надеждахъ, то теперь доказываетъ, что начало ихъ уже пришло, что корень и источникъ ихъ уже явились. Если же корень и источникъ для всѣхъ очевидны, то не должно сомнѣваться и о плодахъ. Потому онъ и говоритъ: *послѣдній Адамъ въ духъ животворящъ*; и въ другомъ мѣстѣ: *оживотворитъ мертвенная тѣлеса ваша живущимъ Духомъ его въ васъ* (Рим. VIII, 11). Слѣдовательно, животворить — дѣло Духа. Потомъ, чтобы кто не сказалъ: почему худшее прежде, и почему душевное сбылось все, а не въ начаткѣ только, духовное же только
360 въ начаткѣ,—(апостолъ) выражаетъ, что таковъ порядокъ того и другого. *Но не прежде*, говоритъ, *духовное, но душевное, потомъ же духовное* (ст. 46). Не говоритъ—почему, но довольствуется указаніемъ на распоряженіе Божіе, имѣя свидѣтелемъ превосходства домостроительства Божія опытъ событій и чрезъ то доказывая, что все съ нами происходитъ къ лучшему, а вмѣстѣ съ тѣмъ придаетъ еще болѣе достовѣрности словамъ своимъ. Если сбылось худшее, то тѣмъ болѣе надобно ожидать лучшаго.

Итакъ, если намъ предстоятъ такія блага, то постараемся поставить себя въ тотъ разрядъ (праведниковъ) и будемъ оплакивать не умирающихъ, а тѣхъ, которые оканчиваютъ жизнь во злѣ. Земледѣлецъ, когда видитъ пшеницу разрушающеюся, не плачетъ; напротивъ, когда видитъ, что она въ землѣ остается твердою,

боится и трепещетъ; а когда видитъ ее разрушающеюся, тогда радуется, потому что разрушеніе есть начало будущаго ростка. Такъ и мы будемъ радоваться, когда тлѣнный домъ распадается, когда человѣкъ сѣется. Не удивляйся, что (апостолъ) назвалъ погребеніе сѣяніемъ; это—лучшее сѣяніе. За тѣмъ (сѣяніемъ) слѣдуютъ смерти, труды, опасности, заботы, а за этимъ, если будемъ жить праведно, вѣнцы и награды; за тѣмъ—тлѣніе и смерть, а за этимъ — нетлѣніе, безсмертіе и безчисленныя блага; при томъ сѣяніи—совокупленіе, похоть и сонъ, а при этомъ—только гласъ, сходящій съ небесъ, и вдругъ все совершается, и возстающій вступаетъ не въ жизнь многотрудную, но туда, гдѣ нѣтъ ни болѣзни, ни печали, ни воздыханія. Если же ты (жена) нуждаешься въ защитѣ и потому плачешь о мужѣ, то прибѣгни къ общему для всѣхъ Защитнику, Спасителю и Благодѣтелю—Богу, къ этой необоримой помощи, готовому подкрѣпленію, надежному покрову, вездѣсущему и отвсюду насъ ограждающему. Но привычное обращеніе съ нимъ, скажешь, вожделѣнно и пріятно? И я знаю это; но если ты умѣришь страсть свою разсудкомъ и размыслишь о томъ, Кто взялъ его, и что ты, перенесши твердо, принесешь свою волю въ жертву Богу, то будешь въ состояніи избѣжать и этой волны, и то, что совершаетъ время, совершитъ твое любомудріе; если же ты будешь малодушничать, то хотя время прекратитъ твою скорбь, но ты не получишь никакой награды. Вмѣстѣ съ этими мыслями припомни и примѣры, какъ изъ настоящей жизни, такъ и изъ божественныхъ Писаній; вспомни, какъ Авраамъ заклалъ сына своего, и не плакалъ, не произнесъ жалобнаго слова. Но, скажешь, это былъ Авраамъ? А ты призвана еще къ большимъ подвигамъ. Іовъ, хотя скорбѣлъ, но столько, сколько свойственно отцу чадолюбивому и заботливо пекущемуся объ умершихъ; а то, что нынѣ дѣлаемъ мы, свойственно врагамъ и непріятелямъ. Въ самомъ дѣлѣ, если бы ты сталъ плакать и рыдать о комъ-нибудь, введенномъ въ царскіе чертоги и увѣнчанномъ, то я не назвалъ бы тебя его другомъ, а явнымъ врагомъ и непріятелемъ. Но, скажешь, я оплакиваю не его, а себя? И это несвойственно любящему—желать, чтобы онъ еще безпокоился о тебѣ и подвергался неизвѣстности (твоего) будущаго, тогда какъ ему слѣдуетъ быть увѣнчаннымъ и идти къ пристанищу, или чтобы онъ обуревался волнами, тогда какъ ему можно быть въ пристани. Но я не знаю, скажешь, куда отошелъ онъ? Какъ не знаешь, скажи мнѣ? Онъ жилъ или праведно или нѣтъ; поэтому извѣстно, куда отойдетъ 361
онъ. Потому самому, скажешь, я и сокрушаюсь, что онъ умеръ грѣшникомъ? Это—одна отговорка и предлогъ; если бы ты поэтому оплакивала умершаго, то тебѣ надлежало бы исправлять и усо-

вершать его при жизни; но ты заботишься только о себѣ, а не о немъ. Впрочемъ, если онъ умеръ грѣшникомъ, то и въ такомъ случаѣ надобно радоваться, что прекратились грѣхи его и что онъ не приложилъ еще зла ко злу, и помогать ему, сколько возможно, не слезами, а молитвами, моленіями, милостынями и приношеніями. Все это установлено не напрасно; не напрасно мы совершаемъ при божественныхъ таинствахъ поминовеніе объ умершихъ и ходатайствуемъ за нихъ, умоляя предлежащаго Агнца, вземшаго грѣхи міра, но для того, чтобы имъ было отъ того нѣкоторое утѣшеніе; не напрасно предстоящій предъ жертвенникомъ, при совершеніи страшныхъ таинствъ, взываетъ: о всѣхъ во Христѣ усопшихъ и память о нихъ творящихъ. Если бы о нихъ не совершались поминовенія, то и не произносились бы эти слова. Наши дѣйствія—не сценическія представленія,—да не будетъ,—они совершаются по устроенію Духа.

5. Будемъ же помогать имъ и совершать о нихъ поминовеніе. Если дѣтей Іова очищала жертва отца, то почему ты сомнѣваешься, что, когда и мы приносимъ жертву за умершихъ, имъ бываетъ нѣкоторое утѣшеніе? Богъ часто подаетъ благодать однимъ за другихъ. Это объяснилъ Павелъ, когда сказалъ: *да отъ многихъ лицъ еже въ насъ дарованіе многими благодарится о васъ* (2 Кор. I, 11). Не полѣнимся же помогать умершимъ и приносить за нихъ молитвы, потому что предстоитъ общее очищеніе вселенной. Потому мы и молимся тогда съ дерзновеніемъ о всей вселенной и именуемъ ихъ вмѣстѣ съ мучениками, исповѣдниками и священниками. Мы всѣ одно тѣло, хотя члены—одни другихъ превосходнѣе. Такъ, отвсюду возможно снискивать имъ прощеніе, и отъ молитвъ, и отъ приносимыхъ за нихъ даровъ, и отъ призываемыхъ вмѣстѣ съ ними. Почему же ты скорбишь, почему плачешь, когда столько можешь снискать прощенія умершему? Потому ли, что ты осталась одна и потеряла защитника? Не говори этого; ты не потеряла Бога и, доколѣ имѣешь Его, Онъ самъ будетъ для тебя больше и мужа, и отца, и сына, и зятя, такъ какъ и при ихъ жизни Онъ же дѣлалъ для тебя все. Такъ-то помышляй и говори подобно Давиду: *Господь просвѣщеніе мое и спаситель мой, кого убоюся* (Пс. XXVI, 1)? И еще: *Ты еси отецъ сирыхъ и судія вдовицъ* (Пс. LXVII, 6). Моли Его о помощи; Онъ теперь сравнительно съ прежнимъ временемъ тѣмъ болѣе будетъ промышлять о тебѣ,
362 чѣмъ въ большемъ ты находишься затрудненіи. Или ты (отецъ) потерялъ сына? Не потерялъ; не говори такъ. Это сонъ, а не смерть, переселеніе, а не потеря, переходъ отъ худшаго къ лучшему. Не раздражай Бога, но умилостивляй Его; если перенесешь мужественно, то отсюда будетъ нѣкоторое утѣшеніе и умершему и тебѣ; если же

нѣтъ, то ты еще болѣе прогнѣваешь Бога, подобно какъ если бы, видя, что господинъ наказываетъ раба, ты озлобился на него, то раздражилъ бы господина еще болѣе противъ себя самого. Не поступай же такъ, но благодари Бога, чтобы такимъ образомъ разсѣялось облако твоей печали; скажи подобно блаженному Іову): *Господь даде, Господь отъятъ* (Іов. I, 21); представь, какъ многіе, болѣе тебя угодившіе Богу, даже вовсе не имѣли дѣтей и не назывались отцами. И я, скажешь, не желалъ бы (имѣть ихъ), потому что лучше не испытывать удовольствія, нежели, испытавъ, лишиться. Нѣтъ, увѣщеваю тебя, не говори такъ, не раздражай этимъ Владыку; но благодари и за то, что получилъ, благословляй и за то, чего не удержалъ до конца. Не говорилъ Іовъ: лучше было бы не имѣть, какъ говоришь ты неблагодарный, но и за то благодарилъ: *Господь даде*, и за это благословлялъ: *Господь отъятъ*; *буди имя Господне благословено во вѣки.* И женѣ, заграждая уста и вразумляя ее, онъ сказалъ такія чудныя слова: *аще благая пріяхомъ отъ Господа, злыхъ ли не стерпимъ* (II, 10)? И послѣ, когда онъ подвергся еще тягчайшему искушенію, также не поколебался, но терпѣлъ столь же мужественно и славословилъ (Бога). Такъ поступай и ты и помышляй въ себѣ самомъ, что не человѣкъ взялъ (сына твоего), но Богъ, Который сотворилъ его, Который болѣе тебя печется о немъ и знаетъ, что ему полезно, а не врагъ какой-нибудь или человѣкъ недоброжелательный. Вспомни, какъ многія (дѣти), оставшись въ живыхъ, дѣлали родителямъ жизнь не въ жизнь. Но, скажешь, добродѣтельныхъ развѣ ты не видишь? Вижу и ихъ: но состояніе твоего сына надежнѣе, нежели ихъ; они теперь заслуживаютъ похвалу, но конецъ ихъ неизвѣстенъ; а за него тебѣ уже не надобно бояться и трепетать, чтобы чего-нибудь съ нимъ не случилось, чтобы какая-нибудь не произошла съ нимъ перемѣна. Такъ же разсуждай и о женѣ доброй и домовитой, и за все благодари Бога. Если бы ты лишился и жены, благодари Его; можетъ быть, Богъ хочетъ привести тебя къ воздержанію, призываетъ къ большимъ подвигамъ, хочетъ освободить тебя отъ узъ. Любомудрствуя такимъ образомъ, мы и здѣсь пріобрѣтемъ душевное спокойствіе, достигнемъ и будущихъ вѣнцовъ (которыхъ да сподобимся всѣ мы благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь).

БЕСѢДА XLII.

361 Первый человѣкъ отъ земли перстенъ, вторый человѣкъ Господь съ небесе (1 Кор. xv, 47).

1. Сказавъ, что первый человѣкъ душевенъ, а второй духовенъ, теперь (Павелъ) представляетъ иное различіе, называя одного перстнымъ, а другого небеснымъ. Прежнее различіе относилось къ жизни настоящей и будущей, а это ко времени до благодати и послѣ благодати. Представляетъ же онъ такое различіе для того, чтобы внушить добродѣтельную жизнь. Чтобы
362 слушатели, какъ я сказалъ, надѣясь на воскресеніе, не стали пренебрегать жизнью и благочестіемъ, онъ и здѣсь опять призываетъ ихъ на подвиги и увѣщеваетъ быть добродѣтельными: *первый человѣкъ*, говоритъ, *отъ земли перстенъ, вторый человѣкъ Господь съ небесе*, называя того и другого вообще человѣкомъ, но въ одномъ указывая высшую его сторону, а въ другомъ низшую. *Яковъ*
363 *перстный, таковы и перстніи*,—также погибнутъ и умрутъ; и: *яковъ небесный, тацы же и небесніи*,—также пребудутъ безсмертными и свѣтлыми (ст. 48). Но и послѣдній развѣ не умеръ? Умеръ, однако не только не потерпѣлъ отъ того никакого вреда, но еще такимъ образомъ разрушилъ смерть. Видишь ли, какъ здѣсь (апостолъ) самою смертію подтверждаетъ ученіе о воскресеніи? Когда есть, какъ я прежде сказалъ, начатокъ и глава, то не сомнѣвайся и касательно всего тѣла. Притомъ здѣсь онъ предлагаетъ превосходное увѣщаніе къ добродѣтельной жизни, представляя образцы какъ высокой и любомудрой, такъ и противоположной тому жизни, и указывая начатки той и другой, первой во Христѣ, а второй въ Адамѣ. Потому не просто сказалъ: *отъ земли*, но: *перстенъ*, т. е. плотянъ, привязанъ къ настоящему; а о Христѣ напротивъ: *Господь съ небесе*. Если же нѣкоторые изъ выраженія: *съ небесе* выводятъ такое заключеніе, будто Господь не имѣетъ тѣла, то для загражденія устъ ихъ и прежде сказанное достаточно, и теперь ничто не препятствуетъ опровергнуть ихъ. Что же значитъ: *Господь съ небесе*? О существѣ ли говоритъ апостолъ, или о высшей жизни? Очевидно, что о жизни. Потому и присовокупляетъ: *якоже облекохомся во образъ перстнаго*, т. е. какъ дѣлали зло, *да облечемся и во образъ небеснаго*, т. е. будемъ дѣлать добро (ст. 49). Кромѣ того я желалъ бы спросить тебя, о существѣ ли сказано въ словахъ: *отъ земли перстенъ*, и: *Господь съ небесе*? Да, говоришь ты. Какъ же, развѣ Адамъ былъ только перстенъ, или онъ имѣлъ еще какую-нибудь другую сущность, сродную съ существами высшими и безплотными, которую Писаніе называетъ душею и духомъ? Безъ

всякаго сомнѣнія, (имѣлъ) и ее. Слѣдовательно и Господь былъ не только свыше, хотя и говорится, что Онъ *съ небесе*, но принялъ и плоть. Смыслъ словъ (апостола) слѣдующій: какъ мы носили образъ земного—злыя дѣла, такъ будемъ носить и образъ небеснаго—небесную жизнь. А если бы здѣсь говорилось о существѣ, то дѣло не требовало бы убѣжденія и совѣта; и потому очевидно, что здѣсь говорится о жизни. Потому (апостолъ) и говоритъ объ этомъ въ видѣ увѣщанія и указываетъ на образъ, а тѣмъ самымъ опять показываетъ, что онъ говоритъ о дѣятельности, а не о существѣ; мы оттого сдѣлались перстными, что стали совершать злыя дѣла; мы перстны не потому, чтобы такъ были сотворены, но потому, что согрѣшили, такъ какъ прежде грѣхъ, а потомъ смерть: *земля еси, и въ землю отъидеши* (Быт. III, 19); отсюда же произошло и множество страстей. Не происхожденіе только изъ земли дѣлаетъ человѣка перстнымъ,—потому что и Господь былъ изъ того же тѣла и того же состава,—но совершеніе земныхъ дѣлъ; равно и небеснымъ дѣлаетъ жизнь, достойная неба. Впрочемъ, для чего напрасно трудиться, доказывая это? (Павелъ) самъ, продолжая рѣчь, раскрываетъ намъ свою мысль и говоритъ такъ: *сіе же глаголю, братіе, яко плоть и кровь царствія Божія не наслѣдятъ* (ст. 50). Видишь ли, какъ онъ объясняетъ самъ себя, избавляя насъ отъ затрудненія? Такъ онъ часто поступаетъ. Плотію здѣсь онъ называетъ злыя дѣла, какъ и въ другихъ мѣстахъ, когда, напримѣръ, говоритъ: *вы же нѣсте во плоти* (Рим. VIII, 9); и еще: *сущіи же во плоти Богу угодити не могутъ* (Рим. VIII, 8); такъ что, 364
когда онъ говоритъ: *сіе же глаголю*, въ словахъ его содержится не иное что, какъ слѣдующее: я сказалъ это для того, чтобы ты зналъ, что злыя дѣла въ царствіе не вводятъ. Отъ воскресенія онъ тотчасъ переходитъ къ царствію и присовокупляетъ: *ниже тлѣніе нетлѣнія наслѣдствуетъ*, т. е. зло не наслѣдуетъ славы и нетлѣнныхъ благъ. Такимъ именемъ онъ часто называетъ зло; напримѣръ: *сѣяй въ плоть отъ плоти пожнетъ истлѣніе* (Гал. VI, 8). Если бы онъ говорилъ о тѣлѣ, а не о порочной дѣятельности, то не назвалъ бы его тлѣніемъ; онъ нигдѣ не называетъ тѣла тлѣніемъ: оно не тлѣніе, а тлѣнное. Потому и далѣе, разсуждая о немъ, не называетъ его тлѣніемъ, а тлѣннымъ: *подобаетъ бо*, говоритъ, *тлѣнному сему облещися въ нетлѣніе*. Окончивъ увѣщаніе касательно жизни, далѣе онъ по своему всегдашнему обыкновенію, соединяя одинъ предметъ съ другимъ, переходитъ опять къ ученію о воскресеніи тѣлъ и говоритъ: *се тайну вамъ глаголю* (ст. 51).

2. О страшномъ и неизреченномъ, о томъ, что не всѣ знаютъ, намѣревается говорить (апостолъ), и оказываетъ имъ великую честь, бесѣдуя съ ними о предметахъ неизреченныхъ. Что же это

такое? *Вси бо не успнемъ, вси же измѣнимся.* Смыслъ словъ его слѣдующій: не всѣ мы умремъ, но всѣ измѣнимся, даже и тѣ, которые не умрутъ, не смотря на то, что и они смертны. Итакъ, когда умираешь, не бойся изъ-за этого, какъ будто не воскреснешь; есть, несомнѣнно есть такіе, которые избѣгнутъ смерти, но для воскресенія имъ будетъ того недостаточно, а необходимо, чтобы тѣла и тѣхъ, которые не умрутъ, измѣнились и сдѣлались нетлѣнными. *Вскорѣ, во мгновеніи ока, въ послѣдней трубѣ* (ст. 52). Послѣ многаго, сказаннаго о воскресеніи, онъ теперь благовременно открываетъ въ немъ весьма дивное. Не то только удивительно, говоритъ, что тѣла сперва сгніютъ и потомъ возстанутъ, и не то, что возставшія послѣ гніенія будутъ лучше нынѣшнихъ, и не то, что перейдутъ въ гораздо лучшее состояніе, и не то, что каждый получитъ собственное, а не чужое тѣло, но и то, что столь многія и столь великія дѣла, превосходящія всякій умъ и всякое разумѣніе, совершатся *вскорѣ*, т. е. въ мгновеніе времени, или, какъ онъ яснѣе выражаетъ это, *въ мгновеніи ока*,—(такъ же быстро), какъ мигаютъ рѣсницы. Потомъ, такъ какъ онъ сказалъ нѣчто великое и изумительное, т. е. что столь многія и столь великія дѣла совершатся такъ скоро, приводитъ и доказательство въ удостовѣреніе истины событія: *вострубитъ бо*, говоритъ, *и мертвіи востанутъ нетлѣнни, и мы измѣнимся.* Слово—*мы* здѣсь онъ относитъ не къ себѣ, а къ тѣмъ, которые тогда окажутся живыми. *Подобаетъ бо тлѣнному сему облещися въ нетлѣніе* (ст. 53). Чтобы кто-нибудь слыша, что *плоть и кровь царствія Божія не наслѣдятъ*, не подумалъ, что тѣла не воскреснутъ, онъ присовокупляетъ: *подобаетъ тлѣнному сему облещися въ нетлѣніе, и мертвенному сему облещися въ безсмертіе. Тлѣнное*—это тѣло, и *мертвенное* —тоже тѣло; тѣло остается, потому что оно есть то, что облекается, исчезаютъ же смертность и тлѣнность, когда оно облекается
365 въ безсмертіе и нетлѣніе. Потому не сомнѣвайся на счетъ того, какъ тѣло будетъ жить безконечно, когда слышишь, что оно будетъ нетлѣнно. *Егда же тлѣнное сіе облечется въ нетлѣніе, и смертное сіе облечется въ безсмертіе, тогда будетъ слово написанное: пожерта бысть смерть побѣдою* (ст. 54). Такъ какъ онъ сказалъ о дѣлахъ великихъ и неизреченныхъ, то еще подтверждаетъ слова свои пророчествомъ: *пожерта бысть смерть побѣдою*, т. е. окончательно, такъ что не останется ни слѣдовъ ея, ни надежды на возвращеніе, когда тлѣніе будетъ поглощено нетлѣніемъ. *Гдѣ ти, смерте, жало? гдѣ ти, аде, побѣда* (ст. 55)? Видишь ли величіе души его? Какъ бы торжествуя побѣду, онъ воодушевляется и, созерцая будущее, какъ бы уже совершившееся, восхищается и попираетъ ногами низложенную смерть, и надъ главою поверженной издаетъ

побѣдный кликъ, громко взывая: *гдѣ ти, смерте, жало? гдѣ ти, аде, побѣда?* Прошла, погибла и исчезла совершенно,—все сдѣлано тщетнымъ. (Господь) не только обезоружилъ и побѣдилъ смерть, но истребилъ ее и обратилъ въ ничто. *Жало же смерти грѣхъ: сила же грѣха законъ* (ст. 56). Видишь ли, что здѣсь идетъ рѣчь о смерти тѣлесной? Слѣдовательно и о воскресеніи тѣлесномъ. Если (тѣла) не воскреснутъ, то какъ будетъ поглощена смерть? И еще: какимъ образомъ *сила грѣха законъ?* Что жало смерти—грѣхъ, который даже тяжелѣе ея, и что въ немъ она имѣетъ силу, это извѣстно; а какъ силу грѣха составляетъ законъ? Безъ закона грѣхъ былъ слабъ; онъ былъ совершаемъ, но не могъ такъ подвергать осужденію, потому что зло (до закона) хотя существовало, но не обнаруживалось съ такою ясностію. Потому законъ не мало содѣйствовалъ, какъ большему познанію грѣха, такъ и увеличенію наказанія. Если же онъ, имѣя цѣлію ограничить грѣхъ, сдѣлалъ его болѣе тяжкимъ, то вина лежитъ не на врачѣ, а на томъ, кто худо пользовался врачествомъ. Такъ и пришествіе Христово послужило большимъ бременемъ для іудеевъ; но мы не обвиняемъ его за это, а напротивъ еще удивляемся ему, и тѣмъ болѣе осуждаемъ ихъ, что они получили вредъ отъ того, отъ чего слѣдовало получить пользу. Что не самъ (законъ) сообщилъ силу грѣху, (видно изъ того, что) Христосъ исполнилъ все, и однако былъ чуждъ грѣха. Смотри, какъ и чрезъ это (апостолъ) доказываетъ воскресеніе: если грѣхъ есть причина смерти, а Христосъ, пришедши, разрушилъ грѣхъ и насъ избавилъ отъ него чрезъ крещеніе, съ грѣхомъ же прекратилъ и законъ, въ нарушеніи котораго состоитъ грѣхъ, то какъ послѣ этого сомнѣваться въ воскресеніи? Чѣмъ теперь будетъ сильна смерть? Закономъ? Но онъ прекращенъ. Грѣхомъ? Но онъ разрушенъ. *Богу же благодареніе, давшему намъ побѣду Господемъ нашимъ Іисусъ Христомъ* (ст. 57).

3. Трофей воздвигнулъ самъ (Христосъ), а вѣнцовъ удостоилъ и насъ, не по обязанности, а по одному человѣколюбію. *Тѣмже убо, братіе, тверди бывайте, непоступни* (ст. 58). Справедливо и благовременно это увѣщаніе: ничто столько не колеблетъ, 366
какъ мысль, что трудишься тщетно и напрасно. *Избыточествующе въ дѣлѣ Господни всегда,* т. е. въ чистой жизни. Не сказалъ: дѣлая добро, но: *избыточествующе,* т. е. чтобы добро было совершаемо обильно и выше предписанныхъ предѣловъ. *Вѣдяще, яко трудъ вашъ нѣсть тощъ предъ Господемъ.* Что говоришь ты? Опять трудъ? Но этотъ трудъ удостоивается вѣнцовъ и (совершается) для небесъ. Первый, послѣ рая—наказаніе за грѣхи; а этотъ—основаніе будущихъ наградъ. Потому его можно бы и не называть трудомъ—какъ поэтому, такъ и потому, что онъ удостои-

вается великой помощи свыше. Потому (апостолъ) и присовокупляетъ: *предъ Господемъ*. Первый для того, чтобы намъ понести наказаніе, а послѣдній для того, чтобы получить будущія блага. Не будемъ же, возлюбленные, предаваться сну: невозможно, совершенно невозможно сподобиться царствія небеснаго безпечнымъ, равно и преданнымъ роскоши и невоздержанію. Скорѣе, изнуряя и изможлая свое тѣло и перенося безчисленные труды, мы можемъ получить небесныя блага. Развѣ вы не видите, какое разстояніе между небомъ и землею, какая предстоитъ брань, какъ склоненъ человѣкъ ко злу, какъ окружаетъ грѣхъ и какія разставляетъ сѣти? Для чего же мы навлекаемъ на себя столько заботъ, кромѣ естественныхъ, причиняемъ себѣ такъ много безпокойствъ и возлагаемъ на себя столь великія бремена? Развѣ не довольно намъ заботъ о желудкѣ, объ одеждѣ и о домѣ? Развѣ не довольно попеченій о (вещахъ) необходимыхъ? Между тѣмъ Христосъ удаляетъ отъ насъ и эти (заботы): *не пецытеся*, говоритъ Онъ, *душею вашею, что ясте, ни тѣломъ вашимъ, во что облечетеся* (Мѳ. VI, 25). Если же не должно пещись о необходимой пищѣ и одеждѣ, и даже о наступающемъ днѣ, то будутъ ли когда-нибудь въ состояніи воспрянуть тѣ, которые налагаютъ на себя столь великое бремя и подъ нимъ погребаютъ себя? Развѣ вы не слышали, что говоритъ Павелъ: *никтоже воинъ бывая, обязуется заботами житейскими* (2 Тим. II, 4)? А мы предаемся роскоши, объяденію и пьянству, сильно трудимся надъ предметами посторонними, а касательно предметовъ небесныхъ оказываемся слабыми. Развѣ не знаете, что обѣщанное намъ выше человѣческаго? Ходящій по землѣ не можетъ взойти на высоты небесныя; а мы даже не стараемся жить почеловѣчески, но стали хуже самихъ безсловесныхъ. Развѣ не знаете, какому предстанемъ мы судилищу? Развѣ не помните, что намъ должно отдать отчетъ въ словахъ и помышленіяхъ? А мы не заботимся даже о дѣлахъ! *Иже воззритъ на жену*, говоритъ (Господь), *ко еже вожделѣти ея, уже любодѣйствова съ нею* (Мѳ. V, 28); а люди, которые должны отдать отчетъ даже за нескромный взглядъ, не стѣсняются сгнивать въ самомъ этомъ грѣхѣ. *Иже речетъ брату своему: уроде, повиненъ есть гееннѣ* (Мѳ. V, 22); а мы не престаемъ срамить братьевъ своихъ безчисленными оскорбленіями и различными клеветами. *Любящій любящаго* ничѣмъ не лучше язычника (Мѳ. V, 46); а мы ненавидимъ и любящихъ. Какое же мы получимъ прощеніе, когда, будучи обязаны превышать предѣлы, предпи-
367 санные древнимъ, проводимъ свою жизнь даже ниже этихъ предѣловъ? Что скажемъ въ свое оправданіе? Кто предстанетъ и поможетъ намъ, когда мы подвергнемся наказанію? Никто; но съ

воплями и рыданіями, скрежеща зубами и терзаясь, мы неизбѣжно будемъ ввергнуты въ непроницаемую тьму, въ (мѣсто) неотвратимыхъ мученій и невыносимыхъ казней. Потому увѣщеваю, прошу и, касаясь колѣнъ вашихъ, умоляю: пока остается еще краткій срокъ жизни, примите съ сокрушеніемъ слова мои, обратитесь, исправьтесь, чтобы тамъ по смерти, подобно богатому, не плакать безполезно и не скорбѣть безнадежно. Отецъ ли твой, или сынъ, или другъ, или кто иной будетъ имѣть дерзновеніе предъ Богомъ, никто тогда не избавитъ тебя отъ (мученій), за- 368
служенныхъ собственными твоими дѣлами. Таково тамошнее судилище: оно судитъ по дѣламъ только, и иначе спастись тамъ невозможно. Говорю это не для того, чтобы опечалить, или привести въ отчаяніе, но для того, чтобы мы, питая въ себѣ тщетныя и холодныя надежды и полагаясь на того или другого, не стали нерадѣть о собственной добродѣтели. Если мы будемъ безпечны, то насъ не защититъ никто—ни праведникъ, ни пророкъ, ни апостолъ; если же будемъ ревностны, имѣя достаточную защиту въ собственныхъ дѣлахъ, то съ дерзновеніемъ удостоимся и благъ, уготованныхъ любящимъ Бога, которыхъ да сподобимся всѣ мы (благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь).

БЕСѢДА XLIII.

О милостыни же, яже ко святымъ, якоже устроихъ 367
церквамъ Галатійскимъ, тако и вы сотворяйте (1 Кор. XVI, 1).

1. Окончивъ ученіе о догматахъ и намѣреваясь излагать ученіе нравственное, (Павелъ) оставляетъ все прочее и переходитъ къ главнѣйшему изъ благъ, именно говоритъ о милостынѣ. Сказавъ объ этомъ одномъ предметѣ, онъ оканчиваетъ (рѣчь); между тѣмъ въ другихъ посланіяхъ нигдѣ не дѣлаетъ этого, но заключаетъ ихъ бесѣдою и о милостынѣ, и о воздержаніи, и о кротости, и о долготерпѣніи, и о всѣхъ прочихъ добродѣтеляхъ. Почему же здѣсь онъ занимается одною только частію нравоученія? Потому, что и въ прежде сказанномъ было весьма много нравственнаго, именно въ томъ, чѣмъ онъ наказывалъ блудника, чѣмъ вразумлялъ судившихся у внѣшнихъ (язычниковъ), чѣмъ приводилъ въ страхъ преданныхъ пьянству и чревоугодію, чѣмъ обличалъ возмутителей, состязателей и властолюбцевъ, чѣмъ

угрожалъ предать нестерпимому наказанію недостойно приступающихъ къ таинствамъ, чѣмъ объяснялъ вечерю любви. Потому теперь онъ упоминаетъ объ одномъ только томъ, что особенно нужно было, т. е. о пособіи святымъ. И посмотри на мудрость его: онъ бесѣдуетъ объ этомъ уже тогда, когда убѣдилъ ихъ въ истинѣ воскресенія и возбудилъ ревность. Правда, онъ бесѣдовалъ съ ними объ этомъ и прежде, когда говорилъ: *аще мы духовная сѣяхомъ вамъ, велико ли, аще мы ваша тѣлесная пожнемъ?* и еще: *кто насаждаетъ виноградъ, и отъ плода его не ястъ* (1 Кор. IX, 11, 7)? Но такъ какъ онъ зналъ величіе предлагаемой добродѣтели, то не оставляетъ сказать о ней и въ концѣ посланія. *Милостынею* (λογία) онъ называетъ сборъ для того, чтобы тотчасъ же съ самаго начала представить это дѣло легкимъ, потому что если она должна собираться со всѣхъ, то такое установленіе для каждаго становится легкимъ. Впрочемъ, начавъ говорить о сборѣ, онъ не тотчасъ сказалъ: *кійждо васъ да полагаетъ у себе сохраняя,* хотя это и слѣдовало; но напередъ сказалъ: *якоже устроихъ церквамъ Галатійскимъ,* а потомъ присовокупилъ и то; указаніемъ на совершаемое другими онъ возбуждаетъ ихъ къ соревнованію, предлагая имъ это въ видѣ повѣствованія. Такъ онъ поступилъ и въ посланіи къ Римлянамъ,
368 гдѣ, объясняя имъ причину своего отправленія въ Іерусалимъ, говоритъ между прочимъ и о милостынѣ: *нынѣ же гряду во Іерусалимъ, служай святымъ. Благоволиша бо Македонія и Ахаіа общеніе нѣкое сотворити къ нищимъ святымъ* (Рим. XV, 25, 26). Однихъ побуждаетъ примѣромъ македонянъ и коринѳянъ, а другихъ— примѣромъ галатійцевъ: *якоже устроихъ,* говоритъ, *церквамъ Галатійскимъ, тако и вы сотворяйте;* имъ стыдно было бы оказаться ниже галатійцевъ. Не сказалъ: я убѣждалъ и совѣтовалъ, но: *устроихъ,* чѣмъ выражается бо́льшая власть; привелъ въ примѣръ не одинъ городъ, не два и не три, но цѣлый народъ, какъ дѣлалъ онъ и въ отношеніи къ догматамъ: *яко,* говоритъ, *во всѣхъ церквахъ святыхъ* (1 Кор. XIV, 33); если же такое убѣжденіе сильно для вѣры въ догматы, то еще сильнѣе для подражанія въ дѣлахъ. Что же, скажи мнѣ, устроилъ ты? *По единой отъ субботъ,* т. е. въ день воскресный, *кійждо васъ да полагаетъ у себе сохраняя, еже аще что благопоспѣшится* (ст. 2). Смотри, какъ онъ убѣждаетъ ихъ самымъ временемъ: этотъ день самъ по себѣ достаточно располагаетъ къ милостынѣ. Вспомните, говоритъ, чего вы сподобились въ этотъ день: неизреченныя блага, корень и источникъ нашей жизни получили начало въ этотъ день. И не поэтому только это время располагаетъ къ человѣколюбію, но и потому, что оно доставляетъ отдыхъ и свободу отъ трудовъ; душа, облег-

ченная отъ бремени трудовъ, бываетъ удобопреклоннѣе и способнѣе къ милосердію. Кромѣ того и причащеніе въ этотъ день страшныхъ и безсмертныхъ таинъ производитъ великую готовность (къ подаянію). Итакъ, въ этотъ день, *кійждо васъ*, не только тотъ или другой, но *кійждо*, бѣденъ ли онъ или богатъ, жена или мужъ, рабъ или свободный, *да полагаетъ у себе сохраняя*. Не сказалъ: пусть приноситъ въ церковь, чтобы имъ не стыдно было приносить малое, но—пусть, сберегая мало-по-малу, увеличиваетъ приношеніе, и потомъ покажетъ его, когда я приду; а до того времени, говоритъ, отлагай у себя, и домъ свой дѣлай церковію, ковчегомъ, сокровищницею; будь стражемъ священнаго имущества, самопоставленнымъ домоправителемъ бѣдныхъ; человѣколюбіе даетъ тебѣ это священное право. Знакомъ этого остается 369
и донынѣ сосудохранительница. Но знакъ остается, а дѣла нѣтъ. Знаю, что многіе изъ присутствующихъ опять будутъ укорять насъ и, слыша слова наши, говорить: не будь, просимъ тебя, не будь тяжелъ и обременителенъ для слушателей; предоставь это ихъ произволу, отдай на волю слушателей; ты такъ стыдишь насъ и заставляешь краснѣть! Но я не перестану говорить объ этомъ; и Павелъ не стыдился непрестанно повторять это и настаивать, подобно просящимъ милостыни. Если бы я говорилъ: отдай мнѣ и принеси въ мой домъ, то, можетъ быть, слова мои были бы постыдны; впрочемъ и тогда—нѣтъ, потому что *служащій олтарю*, говоритъ (апостолъ), *со олтаремъ дѣлится* (1 Кор. IX, 13).

2. Но, можетъ быть, кто будетъ укорять меня, что я говорю о самомъ себѣ. Нѣтъ, я теперь предлагаю просьбу о нуждающихся, или, лучше, не о нуждающихся, а о васъ—подающихъ; потому и говорю смѣло. И что за стыдъ—сказать: подай Господу алчущему, одѣнь Его, ходящаго нагимъ, прими Его—странника? Владыка твой предъ цѣлой вселенной не стыдится говорить: *взалкахся, и не дасте ми ясти* (Мѳ. XXV, 42), тогда какъ Онъ ни въ чемъ не имѣетъ недостатка и никакой нужды,—и я ли буду стыдиться и колебаться? Нѣтъ, такой стыдъ—отъ діавольскихъ козней. Потому я не стыжусь, но смѣло говорю: подавайте нуждающимся, и буду говорить громче, нежели сами нуждающіеся. Если бы кто могъ доказать и уличить, что, говоря это, мы привлекаемъ васъ къ самимъ себѣ, и подъ предлогомъ бѣдныхъ имѣемъ въ виду собственную пользу, то это было бы достойно не только стыда, но и тысячи громовъ, и тѣмъ, которые дѣлаютъ это, не слѣдовало бы жить; если же, по милости Божіей, мы о себѣ нисколько не заботимся, но предлагаемъ вамъ благовѣстіе безвозмездно, трудясь, хотя не такъ, какъ Павелъ, однакожe до-

вольствуясь своимъ, то я со всѣмъ дерзновеніемъ говорю: подавайте нуждающимся, и не перестану говорить это, а неподающихъ буду осуждать строго. Если бы я былъ военачальникомъ и имѣлъ у себя воиновъ, то, конечно, не стыдился бы выпрашивать пищи своимъ воинамъ; такъ же много я пекусь и о вашемъ спасеніи. Но чтобы слова мои были дѣйствительнѣе и сильнѣе, для этого, ставъ подъ руководство Павла, буду говорить вамъ вмѣстѣ съ нимъ: *кійждо васъ да полагаетъ у себе сохраняя, еже аще что благопоспѣшится.* Смотри опять, какъ это не трудно. Не сказалъ: столько-то или столько-то, но: *еже аще что благопоспѣшится,* много ли, мало ли. Не сказалъ также: сколько кто пріобрѣтетъ, но: *еже аще что благопоспѣшится,* выражая, что пріобрѣтеніе—отъ Бога. И не этимъ только способомъ онъ дѣлаетъ совѣтъ свой удобоисполнимымъ, но и тѣмъ, что не повелѣваетъ вносить все въ одно время, такъ какъ если собирать мало-по-малу, то служеніе и расходъ дѣлаются нечувствительными. Потому онъ и повелѣваетъ не тотчасъ принести, но назначаетъ продолжительный срокъ и приводитъ причину: *да не егда пріиду,* говоритъ, *тогда собранія бываютъ,* т. е. чтобы не дѣлать сборовъ тогда, когда наступитъ время взноса. И не безъ цѣли предлагаетъ имъ такое внушеніе: ожиданіе Павла должно было возбуждать въ нихъ бо-
370 лѣе усердія. *Егда же пріиду, ихже аще искусите, съ посланми сихъ послю отнести благодать вашу во Іерусалимъ* (ст. 3). Не сказалъ: кого-нибудь, но: *ихже аще искусите,* т. е. кого изберете, чтобы служеніе было несомнительно. Дѣло избранія тѣхъ, которые отнесутъ милостыню, онъ предоставляетъ самимъ (коринѳянамъ); не такъ будетъ, говоритъ, что жертвовать станете вы, а избирать имѣющихъ отнести—не вы. А чтобы не показалось, будто онъ себя устраняетъ отъ нихъ, онъ прилагаетъ и свои посланія: *ихже,* говоритъ, *аще искусите, съ посланми сихъ послю;* какъ бы такъ сказалъ: и я буду съ вами, и я приму участіе въ служеніи посредствомъ посланій. Не сказалъ: пошлю ихъ отнести *милостыню* вашу, но: *благодать вашу,* чтобы показать, что они совершаютъ великое дѣло, чтобы внушить, что и сами они отъ этого получаютъ пользу. Въ другихъ мѣстахъ онъ называетъ (такое подаяніе) благословеніемъ и общеніемъ (2 Кор. VIII; Фил. I), первымъ—для того, чтобы слушатели не сдѣлались нерадивыми, а послѣднимъ—для того, чтобы они не возгордились; но нигдѣ не назвалъ милостынею. *Аще же достойно будетъ и мнѣ ити, со мною пойдутъ* (ст. 4). Здѣсь онъ опять располагаетъ ихъ къ щедрости: если, говоритъ, будетъ столько собрано, что понадобится и мнѣ идти, то и я не откажусь. Но прямо не обѣщалъ этого и не сказалъ: когда приду, то самъ отнесу, потому что не столько рас-

положилъ бы ихъ къ увеличенію подаянія, если бы сказалъ это въ самомъ началѣ, а послѣ такое прибавленіе хорошо и благовременно. Потому-то онъ и не прямо это обѣщалъ, и совершенно не умолчалъ объ этомъ, но, сказавъ напередъ: *послю*, потомъ упомянулъ и о себѣ. И въ этихъ словахъ: *аще достойно будетъ и мнѣ ити* онъ опять предоставляетъ дѣло на ихъ волю, т. е., что отъ нихъ зависитъ собрать много и столько, чтобы не стыдно было и ему предпринять путешествіе. *Пріиду же къ вамъ, егда Македонію прейду* (ст. 5). Онъ сказалъ тоже и прежде, но тогда съ гнѣвомъ, прибавивъ: *и уразумѣю не слово разгордѣвшихся, но силу* (1 Кор. IV, 19); а теперь благосклоннѣе, чтобы они желали его прибытія. А чтобы они не сказали: для чего ты предпочитаешь намъ македонянъ?—онъ не сказалъ: когда пойду, но: *егда Македонію прейду. Македонію бо прехожду. У васъ же, аще случится, пребуду или и озимѣю* (ст. 6): хочу не мимоходомъ зайти къ вамъ, но остановиться и пожить у васъ. Онъ писалъ это зимою, находясь въ Ефесѣ. Потому и говоритъ: *пребуду же въ Ефесѣ до Пентикостіи*, потомъ пойду въ Македонію; и, пройдя ее, лѣтомъ приду къ вамъ, быть можетъ, проведу у васъ и зиму.

3. Но почему онъ сказалъ: *аще случится*, а не утвердительно? Потому, что не все предвидѣлъ Павелъ, и потому, что это было полезно. Поэтому онъ и не утверждаетъ прямо, чтобы, если бы этого не случилось, имѣть оправданіе въ томъ, что говорилъ тогда неопредѣленно, равно и въ томъ, что его направлялъ Духъ по своей власти, куда хотѣлъ, а не куда желалъ самъ (Павелъ). Также онъ поступаетъ и во второмъ посланіи, когда оправдывается въ своемъ замедленіи: *или яже совѣщаваю*, говоритъ, *по* 371
плоти совѣщаваю, да будетъ у мене еже ей ей, и еже ни ни (2 Кор. I, 17). *Да вы мя проводите, аможе аще пойду*. И это—слова любви и великаго благорасположенія. *Не хощу бо васъ нынѣ въ мимохожденіи видѣти: уповаю бо время нѣкое пребыти у васъ, аще Господь повелитъ* (ст. 7). Здѣсь онъ выражаетъ свою любовь и вмѣстѣ устрашаетъ грѣшниковъ, впрочемъ, не прямо, а подъ видомъ дружескаго расположенія. *Пребуду же въ Ефесѣ до Пентикостіи* (ст. 8). Не напрасно онъ говоритъ обо всемъ этомъ съ точностію, но открываетъ имъ, какъ друзьямъ, потому что дружбѣ свойственно—объявлять причину, почему не приходитъ, почему медлитъ и гдѣ находится. *Дверь бо ми отверзеся велика и поспѣшна, и сопротивніи мнози* (ст. 9). Если же (дверь) *велика*, то откуда *сопротивніи?* Отъ этого самаго и много противниковъ, что велика вѣра, что великъ и широкъ входъ. Что же значитъ: *дверь велика?* Многіе готовы принять вѣру; многіе готовы приступить и обратиться; широкъ у меня входъ, потому что души приступающихъ

охотно принимають послушаніе вѣры. Сильною злобою дышалъ тогда діаволъ, видя, что многіе отъ него отступаютъ. Поэтому (Павлу) надлежало остаться тамъ по двумъ причинамъ: потому что велика была польза, и потому что великъ былъ подвигъ. Такою рѣчью онъ тоже ободрялъ (коринѳянъ), сообщая имъ, что, наконецъ, слово повсюду дѣйствуетъ и удобно возрастаетъ. А что много было противниковъ, то и это означаетъ успѣхъ евангельской проповѣди. Злой демонъ никогда такъ не свирѣпѣетъ, какъ когда видитъ, что многіе изъ его сосудовъ расхищаются. Потому и мы, когда захотимъ совершить что-нибудь великое и доблестное, будемъ смотрѣть не на то, что дѣло представляетъ много труда, а на его пользу. И Павелъ, смотри, не теряетъ бодрости и не убѣгаетъ потому, что много противниковъ, но остается и напрягаетъ свои силы, потому что велика была дверь. Это, какъ я сказалъ, было знакомъ разоруженія діавола. Этого злого звѣря не можетъ раздражить тотъ, кто сдѣлалъ что-нибудь малое и незначительное. Потому не удивляйся, когда видишь, что праведный мужъ, совершающій великіе подвиги, терпитъ множество бѣдствій; надлежало бы дивиться противному, т. е. если бы діаволъ, будучи часто поражаемъ, оставался въ покоѣ и кротко переносилъ (наносимыя ему) раны. Не удивительно, если змій, получая непрестанные удары, свирѣпѣетъ и бросается на ударяющаго. А діаволъ, пресмыкаясь, свирѣпствуетъ противъ всѣхъ злѣе всякаго змія и нападаетъ, выставивъ жало, подобно скорпіону. Это не должно смущать насъ; возвращающемуся съ войны, послѣ сраженія и побѣды, необходимо быть въ крови, а нерѣдко и имѣть раны. Поэтому и ты, когда видишь, что кто-нибудь подаетъ милостыню и совершаетъ множество другихъ добрыхъ дѣлъ, и такимъ образомъ сокрушаетъ силу діавола, а между тѣмъ подвергается искушеніямъ и бѣдствіямъ, не смущайся этимъ; потому онъ и подвергается искушеніямъ, что сильно поражаетъ діавола. Но для чего, скажешь, Богъ попускаетъ это? Для того, чтобы онъ удостоился большихъ вѣнцовъ, а діаволъ получилъ сильнѣйшее пораженіе. Подлинно, когда онъ, дѣлая добро и испы-
372 тывая зло, за все благодаритъ Бога, тогда діаволъ и поражается. Великое (дѣло) быть милосерднымъ и добродѣтельнымъ тогда, какъ обстоятельства благопріятны; но гораздо важнѣе не отступать отъ доброй дѣятельности и во время бѣдствій. Въ послѣднемъ случаѣ человѣкъ дѣйствуетъ собственно для Бога. Итакъ, возлюбленные, будемъ ли мы находиться въ опасности или терпѣть что-нибудь прискорбное, станемъ тѣмъ съ большимъ усердіемъ совершать подвиги добродѣтели, потому что еще не время воздаянія. Не будемъ искать вѣнцовъ здѣсь, чтобы во время (раз-

даянія) вѣнцовъ намъ не уменьшить своей награды. Какъ у художниковъ работающіе на собственномъ иждивеніи получаютъ большую плату, а проживающіе на счетъ нанявшаго ихъ получаютъ плату гораздо меньшую, такъ и изъ святыхъ кто совершаетъ много добра и терпитъ много зла, тотъ получаетъ полную награду и гораздо большее воздаяніе—не только за добро, которое онъ сдѣлалъ, но и за зло, которое онъ претерпѣлъ; а кто наслаждается здѣсь, живя въ удовольствіяхъ и роскоши, тотъ получаетъ тамъ не столь свѣтлые вѣнцы. Потому не будемъ искать воздаянія здѣсь, но особенно тогда и будемъ радоваться, когда мы, дѣлая добро, терпимъ зло, потому что тамъ Богъ готовитъ намъ награду не только за добрыя дѣла, но и за претерпѣваемыя искушенія.

4. Чтобы сказанное было яснѣе, представимъ двухъ людей богатыхъ, которые оба милосердны и подаютъ бѣднымъ. Потомъ, пусть одинъ останется при своемъ богатствѣ и наслаждается полнымъ благоденствіемъ, а другой пусть впадетъ въ бѣдность, подвергнется болѣзнямъ и несчастіямъ и между тѣмъ благодаритъ Бога. Когда они отойдутъ отсюда, то который изъ нихъ получитъ большую награду? Не явно ли, что подвергшійся болѣзнямъ и скорбямъ, такъ какъ онъ и въ благоденствіи и въ злополучіи не впалъ въ человѣческія слабости? Безъ сомнѣнія, онъ. Такой человѣкъ, подлинно, есть столпъ адамантовый, рабъ вѣрный. Если же всякое добро надобно дѣлать, имѣя въ виду не царство, а волю Божію, которая больше всякаго царства, то чего удостоится тотъ, кто нерадитъ о добродѣтели, потому что здѣсь не получаетъ за нее воздаянія? Потому не будемъ смущаться, когда видимъ, что кто-нибудь, охранявшій вдовицъ и часто угощавшій бѣдныхъ, лишается своего дома отъ пожара, или испытываетъ другое подобное несчастіе; онъ и за то получитъ награду. Такъ и Іову не столько удивляются за его милостыни, сколько за слѣдовавшія потомъ страданія; а друзья его за то и осуждаются и почитаются ничего не стоющими, что они требовали воздаяній въ настоящей жизни и поэтому несправедливо судили о праведникѣ. Итакъ, терпя бѣдность и нищету, не будемъ искать воздаянія въ здѣшней жизни; крайне постыдно—домогаться здѣшнихъ благъ тогда, какъ намъ предложено небо и блага вышенебесныя. Не будемъ же поступать такъ, но какое бы изъ неожиданныхъ обстоятельствъ ни встрѣтилось съ нами, будемъ постоянно обращаться къ Богу и слѣдовать блаженному Павлу; устроимъ въ своемъ домѣ ковчежецъ для бѣдныхъ, который пусть находится около того мѣста, гдѣ ты становишься на молитву, и всякій разъ, какъ приступаешь къ молитвѣ, напередъ положи милостыню, и потомъ возсылай

молитву. Какъ ты не начинаешь молитвы, не умывши рукъ,
373 такъ же (не начинай ея) и безъ милостыни. Положить милостыню не меньше значитъ, чѣмъ повѣсить Евангеліе близъ своей кровати; если ты, повѣсивъ Евангеліе, самъ ничего не будешь дѣлать, то не получишь столько пользы, а устроивъ такой ковчежецъ, ты имѣешь оружіе противъ діавола, окрыляешь свою молитву, освящаешь свой домъ, сохраняя въ немъ царское брашно. Пусть стоитъ этотъ ковчежецъ у твоей кровати, и ночь твоя будетъ безъ мечтаній; только не полагай въ него ничего отъ неправедныхъ стяжаній; дѣло твое—милостыня, а милостыня не можетъ происходить отъ жестокосердія. Хотите ли, я укажу вамъ и источники, откуда заимствовать такія приношенія, чтобы такимъ образомъ сдѣлать ихъ легкими? Ремесленникъ, напр. сапожникъ, кожевникъ, мѣдникъ, или какой бы то ни было другой, продавъ что-нибудь изъ произведеній своего ремесла, пусть приноситъ начатокъ цѣны Богу, пусть отлагаетъ нѣкоторую малую часть туда и этою малою частію подѣлится съ Богомъ; не многаго требую, но столько, сколько приносили сыны іудейскіе, исполненные
374 безчисленныхъ золъ, столько же будемъ отлагать и мы, чающіе неба. Впрочемъ, не поставляю этого закономъ, не запрещаю отлагать и больше, но только прошу отлагать не менѣе десятой части. Тоже самое дѣлайте не только при продажѣ, но и при покупкѣ. То же правило пусть соблюдаютъ и владѣтели полей, при собираніи съ нихъ доходовъ; то же и всѣ, пріобрѣтающіе праведно; не говорю о ростовщикахъ, равно и о воинахъ, которые притѣсняютъ другихъ и обогащаются отъ чужихъ несчастій,—отъ нихъ Богъ не приметъ ничего,—а говорю о людяхъ, собирающихъ имущество трудами праведными. Если мы утвердимся въ такой привычкѣ, то потомъ совѣсть будетъ укорять насъ, какъ скоро мы не станемъ исполнять этого правила; когда же сами испытаемъ, что это дѣло не трудное, то перейдемъ мало-по-малу къ высшимъ добродѣтелямъ и, научившись презирать богатство и исторгши въ себѣ корень золъ, проведемъ спокойно жизнь настоящую и достигнемъ жизни будущей, которой да сподобимся всѣ мы (благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь).

БЕСѢДА XLIV.

Аще же пріидетъ Тимоѳей къ вамъ, блюдите, да безъ страха будетъ у васъ (1 Кор. XVI, 10). 373

1. Можетъ быть, кто подумаетъ, что такое увѣщаніе не достойно мужества Тимоѳея; но это сказано не для Тимоѳея, а для слушателей, чтобы они чрезъ какія-нибудь дѣйствія противъ него не причинили вреда самимъ себѣ. Онъ всегда былъ готовъ на опасности: *зане*, говоритъ (Павелъ), *якоже отцу чадо, со мною поработалъ въ благовѣстіи* (Фил. II, 22); но чтобы они, оскорбляя ученика, не оскорбили учителя и сами не сдѣлались хуже, (апостолъ) заблаговременно предостерегаетъ ихъ и говоритъ: *да безъ страха будетъ у васъ*, т. е. чтобы кто-нибудь изъ безстыдныхъ не возсталъ противъ него. Ему, можетъ быть, предстояло сдѣлать имъ замѣчаніе за то, о чемъ писалъ Павелъ, для чего онъ и былъ посланъ, какъ выразилъ (апостолъ) въ словахъ: *послахъ къ вамъ Тимоѳея, иже вамъ воспомянетъ пути моя, яже о Христѣ Іисусѣ, якоже вездѣ во всякой церкви учу* (1 Кор. IV, 17). Итакъ, чтобы они, надѣясь на знатность, на богатство, на защиту отъ народа и на мірскую мудрость, не напали на него, не стали оскорблять его и строить противъ него козни, негодуя на его обличенія, или на вразумленія учителя, и желая отмстить послѣднему въ лицѣ перваго, (апостолъ) говоритъ: *да безъ страха будетъ у васъ*. Не ссылайтесь, говоритъ, на внѣшнихъ — язычниковъ и невѣрующихъ; требую этого отъ васъ, для которыхъ писано все посланіе. Имъ онъ внушалъ страхъ еще въ началѣ, во вступленіи; потому и здѣсь говоритъ: *у васъ*. Затѣмъ внушаетъ имъ довѣріе (къ Тимоѳею) по самому его служенію: *дѣло бо*, говоритъ, *Господне дѣлаетъ*. Не смотри на то, говоритъ, что онъ не богатъ, не образованъ и не старъ, а на то, что поручено ему и что онъ исполняетъ: *дѣло бо Господне дѣлаетъ;* это замѣняетъ ему и знатность, и богатство, и старость, и мудрость. Не довольствуясь этимъ, присовокупляетъ: *яко же и азъ;* и выше (говорилъ): *иже ми есть чадо возлюблено и вѣрно о Господѣ: иже вамъ воспомянетъ пути моя, яже о Христѣ* 374
(IV, 17). Такъ какъ онъ былъ молодъ и ему одному поручено было исправленіе такого общества, а потому то и другое могло быть причиною пренебреженія къ нему, то (апостолъ) справедливо продолжаетъ: *да никто же убо его уничижитъ* (ст. 11); и не только этого требуетъ для него, но еще большей чести: *проводите же*, говоритъ, *его съ миромъ*, т. е. безопасно, безъ ссоръ и словопреній, безъ вражды и ненависти, но съ покорностію и почтительностію къ нему, какъ къ учителю. *Да пріидетъ ко мнѣ: жду бо*

его съ братіею; и этимъ онъ внушаетъ имъ страхъ, чтобы они, зная, что онъ разскажетъ (апостолу) все, съ нимъ случившееся, были болѣе кроткими; для того и присовокупляетъ: *жду бо его.* А съ другой стороны этимъ онъ также внушаетъ довѣріе (къ Тимоѳею), выражая, что онъ самъ, намѣреваясь отправиться, ожидаетъ его, и вмѣстѣ свидѣтельствуетъ любовь свою къ нимъ, показывая, какого полезнаго онъ послалъ къ нимъ человѣка. *О Аполлосѣ же братѣ много молихъ его, да пріидетъ къ вамъ съ братіею* (ст. 12). Этотъ, какъ видно, былъ образованъ и старше Тимоѳея; потому, чтобы они не сказали, почему онъ не послалъ къ нимъ этого мужа, а (прислалъ) вмѣсто него молодого человѣка,—смотри, какъ апостолъ и касательно него успокоиваетъ ихъ, называя его братомъ и сообщая, что онъ много просилъ его (отправиться къ нимъ). И опять, чтобы не подумали, будто онъ предпочелъ ему Тимоѳея и потому не послалъ его, и чтобы не возбудить въ нихъ большей зависти, говоритъ: *много молихъ его, да пріидетъ.* Что же? Онъ не согласился и не послушался, но воспротивился и отказался? (Павелъ) не говоритъ этого, но чтобы и его не обвинить и себя оправдать, замѣчаетъ: *и всяко не бѣ воля, да нынѣ пріидетъ.* Затѣмъ, чтобы не сказали, что это только отговорка и предлогъ, присовокупляетъ: *пріидетъ же* къ вамъ, *егда упразднится.* Такимъ образомъ онъ и его оправдалъ, и ихъ, желавшихъ видѣть его, успокоилъ надеждою на его прибытіе. Далѣе, внушая, что они должны полагать надежду спасенія не въ учителяхъ, а въ себѣ
375 самихъ, онъ говоритъ: *бодрствуйте, стойте въ вѣрѣ* (ст. 13), не въ мудрости внѣшней,—потому что въ ней невозможно стоять твердо, не колеблясь, — а въ вѣрѣ, въ которой можно стоять твердо. *Мужайтеся, утверждайтеся. Вся вамъ любовію да бываютъ* (ст. 14). Въ этихъ словахъ онъ, повидимому, предлагаетъ увѣщаніе, а между тѣмъ укоряетъ ихъ за безпечность; и потому говоритъ имъ: *бодрствуйте,* какъ спящимъ, *стойте,* какъ колеблющимся, *мужайтеся, утверждайтеся,* какъ малодушнымъ, *вся вамъ любовію да бываютъ,* какъ не имѣющимъ взаимнаго согласія; одно направлено противъ обольстителей: *бодрствуйте, стойте;* другое противъ оскорбителей: *мужайтеся;* третье противъ возбуждающихъ несогласія и распри: *вся вамъ любовію да бываютъ,*—любовію, которая есть союзъ совершенства, корень и источникъ благъ. Что же значитъ: *вся любовію?* Обличаетъ ли кто, начальствуетъ ли кто, или повинуется, учится ли кто, или учитъ, все (должно быть) съ любовію, потому что и все упомянутое (зло) произошло отъ пренебреженія ею. Если бы (любовь) не была пренебрегаема, то они не гордились бы и не говорили бы: *азъ убо есмь Павловъ, азъ же Аполлосовъ* (1 Кор. I, 12); если бы она была между ними, то они не судились бы у внѣшнихъ

(язычниковъ), или лучше, не судились бы вовсе; если бы она была между ними, то (блудникъ) не жилъ бы съ женою своего отца, они не презирали бы немощныхъ братій, не имѣли бы раздѣленій, не тщеславились бы духовными дарованіями. Потому онъ и говоритъ: *вся любовію да бываютъ. Молю же вы, братіе: вѣсте домъ Стефаниновъ, яко есть начатокъ Ахаіи, и въ служеніе святымъ учиниша себе* (ст. 15).

2. Еще въ началѣ посланія онъ упомянулъ объ этомъ, когда сказалъ: *крестихъ же и Стефаниновъ домъ* (1 Кор. I, 16), и теперь называетъ его начаткомъ не только Коринѳа, но и всей Греціи. Не маловажная честь—первымъ приступить ко Христу. Потому и въ посланіи къ Римлянамъ, похваляя за это нѣкоторыхъ, онъ сказалъ: *иже и прежде мене вѣроваша во Христа* (Рим. XVI, 7). Не сказалъ здѣсь: первые увѣровали, но: были *начаткомъ*, выражая, что вмѣстѣ съ вѣрою они показали и прекрасную жизнь, какъ ея плодъ, и оказались достойными во всѣхъ отношеніяхъ. Подлинно, начатокъ долженъ быть лучше прочаго, чего онъ есть начатокъ,—это Павелъ и засвидѣтельствовалъ объ нихъ такимъ выраженіемъ. Они, какъ я сказалъ, не только искренно увѣровали, но и на дѣлѣ показали великое благочестіе, высокую добродѣтель и ревность въ дѣлахъ милосердія. И не только этимъ онъ доказываетъ ихъ благоговѣніе, но и тѣмъ, что весь домъ былъ исполненъ благочестія. А какъ они были ревностны въ добрыхъ дѣлахъ, это (апостолъ) показываетъ въ дальнѣйшихъ словахъ: *въ служеніе святымъ учиниша себе*. Слышите ли, какую онъ воздаетъ похвалу страннолюбію? Не сказалъ: служатъ, но: *учиниша себе въ служеніе;* такую жизнь они избрали себѣ навсегда, объ этомъ заботятся. *Да и вы повинуйтеся таковымъ* (ст. 16), т. е. содѣйствуйте имъ и денежными пожертвованіями и тѣлеснымъ служеніемъ, имѣйте съ ними общеніе, — потому что и трудъ для нихъ сдѣлается легче, если они будутъ имѣть сотрудниковъ, и дѣйствія благотворительности будутъ простираться на большее число людей. Не просто сказалъ: содѣйствуйте, но: *повинуйтеся* имъ, что бы они вамъ ни повелѣли, внушая самое строгое повиновеніе. Но чтобы не показалось, будто онъ угождаетъ имъ, присовокупляетъ: *и всякому* 376
споспѣшествующу и труждающуся. Пусть, говоритъ, этотъ законъ будетъ общимъ; я говорю не объ нихъ исключительно, но и всякій, подобный имъ, пусть получаетъ тоже. Потому, еще начиная говорить о нихъ, онъ призываетъ во свидѣтели самихъ (коринѳянъ): *молю же вы*, говоритъ, *вѣсте домъ Стефаниновъ*. Вы, говоритъ, сами знаете, какъ они трудятся, и не имѣете нужды слышать объ этомъ отъ насъ. *Возрадовахся же о пришествіи Стефаниновѣ и Фортунатовѣ и Ахаиковѣ, яко ваше лишеніе сіи исполниша: упо-*

коиша бо мой духъ и вашъ (ст. 17, 18). Такъ какъ они могли имѣть неудовольствіе противъ этихъ лицъ, потому что это были тѣ самые, которые пришли и возвѣстили (Павлу) объ ихъ смутахъ, и чрезъ которыхъ было писано ему о дѣвствѣ и о бракѣ, — то, смотри, какъ онъ еще въ началѣ посланія успокоивалъ ихъ, когда говорилъ: *возвѣстися ми о васъ отъ домашнихъ Хлоиса* (1, 11), гдѣ, указывая на нихъ, вмѣстѣ съ тѣмъ и скрылъ ихъ, — а о нихъ, конечно, онъ упоминаетъ здѣсь,—теперь же говоритъ: *ваше лишеніе исполниша и упокоиша мой духъ и вашъ*, и тѣмъ показываетъ, что они пришли къ нему вмѣсто всѣхъ и за нихъ рѣшились предпринять такое путешествіе. Но какъ это частное дѣйствіе ихъ можетъ сдѣлаться общимъ?. Если ваше отсутствіе вы вознаградите добрымъ расположеніемъ къ нимъ, если станете почитать ихъ, если будете принимать ихъ, если покажете участіе въ ихъ добромъ дѣлѣ. Потому онъ и говоритъ: *познавайте убо таковыя*. Похваляя пришедшихъ къ нему, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ воздаетъ похвалу и другимъ, съ посланными соединяетъ пославшихъ: *упокоиша*, говоритъ, *мой духъ и вашъ. Познавайте убо таковыя*,— потому что для васъ они оставили отечество и домъ свой. Видишь ли мудрость (апостола)? Не Павлу только, говоритъ, они оказали услугу, но имъ, потому что представили въ лицѣ своемъ весь городъ; а чрезъ это онъ и посланныхъ дѣлалъ достойными довѣрія, и пославшимъ не дозволялъ отдѣляться отъ нихъ, такъ какъ они были представителями всѣхъ предъ Павломъ. *Цѣлуютъ вы вся Церкви Асійскія* (ст. 18). Онъ всегда въ своихъ привѣтствіяхъ сближаетъ и соединяетъ членовъ (Церкви). *Цѣлуютъ вы о Господѣ много Акила и Прискилла.* У нихъ онъ жилъ, какъ скинотворецъ. *Съ домашнею ихъ церковію.* И это не маловажная заслуга— обратить домъ свой въ церковь. *Цѣлуютъ вы братія вся. Цѣлуйте другъ друга лобзаніемъ святымъ* (ст. 20). Такое прибавленіе—*лобзаніемъ святымъ* — онъ дѣлаетъ только здѣсь. Почему? Потому что (между коринѳянами) было великое раздѣленіе; они говорили: *азъ убо есмь Павловъ, азъ же Аполлосовъ, азъ же Кифинъ, азъ же Христовъ* (Кор. I, 12); одни изъ нихъ терпѣли голодъ, а другіе упивались; между ними происходили ссоры, распри и тяжбы; даже изъ-за самыхъ даровъ благодати у нихъ была великая зависть и великая надменность. Примиривъ ихъ своимъ увѣщаніемъ, онъ справедливо повелѣваетъ имъ соединяться и святымъ цѣлованіемъ; оно могло соединить ихъ и сдѣлать единымъ тѣломъ,— оно *свято*, если чуждо коварства и лицемѣрія. *Цѣлованіе моею рукою Павлею* (ст. 21): выражаетъ, что это посланіе писано имъ съ великимъ тщаніемъ; потому присовокупляетъ и слѣдующее: *аще кто не любитъ Господа нашего Іисуса Христа, да будетъ проклятъ* (ст. 22).

3. Однимъ этимъ изреченіемъ онъ приводитъ въ страхъ всѣхъ тѣхъ, которые дѣлали члены свои членами блудницы, которые соблазняли братію вкушеніемъ жертвъ идольскихъ, назы- 377
вались по именамъ людей, не вѣровали воскресенію,—и не только приводитъ въ страхъ, но и указываетъ путь къ добродѣтели и источникъ пороковъ. Какъ любовь (ко Христу), когда она сильна, изгоняетъ и истребляетъ всѣ виды грѣховъ, такъ точно она, когда слаба, позволяетъ произрастать имъ. *Маранаѳа.* Для чего сказано это, и притомъ на еврейскомъ языкѣ? Такъ какъ причиною всѣхъ золъ была надменность, которая происходила отъ внѣшней (языческой) мудрости, и эта надменность была главнымъ зломъ, которое преимущественно раздѣляло коринѳянъ, то (апостолъ), желая низложить ихъ надменность, употребляетъ не греческое, а еврейское выраженіе, показывая тѣмъ, что онъ не только не стыдится простоты, но, напротивъ, очень любитъ ее. Что значитъ—*Маранаѳа?* Господь нашъ пришелъ. Для чего же онъ говоритъ это? Чтобы подтвердить ученіе о домостроительствѣ Божіемъ, такъ какъ преимущественно въ этомъ заключаются сѣмена воскресенія, и еще для того, чтобы пристыдить ихъ,—какъ бы такъ говоритъ: общій Владыка всѣхъ благоволилъ уничижить Себя до такой степени, а вы еще остаетесь въ томъ же положеніи и продолжаете грѣшить? Васъ не поражаетъ чрезмѣрная любовь Его, важнѣйшее изъ всѣхъ благъ? Помните только это одно, говоритъ, и вы будете въ состояніи преуспѣвать во всякой добродѣтели и истреблять всякій грѣхъ. *Благодать Господа нашего Іисуса Христа съ вами* (ст. 23). Учителю свойственно помогать не только совѣтами, но и молитвами. *Любы моя со всѣми вами о Христѣ Іисусѣ. Аминь* (ст. 24). Чтобы они не подумали, что онъ изъ лести къ нимъ дѣлаетъ такое заключеніе, говоритъ: *во Христѣ Іисусѣ;* (любовь его) не имѣетъ въ себѣ ничего человѣческаго, ничего плотского, но есть духовная, и потому самая искренняя; выраженія его обнаруживаютъ сильную любовь. Будучи отдѣленъ отъ нихъ по мѣсту, онъ какъ бы простираетъ свою десницу и обнимаетъ ихъ руками любви: *любы моя*, говоритъ, *съ вами;* какъ бы такъ говоритъ: я самъ со всѣми вами. Это показываетъ, что написанное имъ происходило не отъ раздражительности и не отъ гнѣва, но отъ попеченія (о коринѳянахъ), если онъ и послѣ такихъ обличеній не отвращается отъ нихъ, но любитъ и обнимаетъ ихъ, несмотря на далекое разстояніе, и изливаетъ предъ ними (свою душу) въ писаніяхъ и посланіяхъ. Такъ слѣдуетъ поступать всякому, исправляющему другихъ; если онъ будетъ дѣлать это съ однимъ только гнѣвомъ, то будетъ удовлетворять свою страсть; а если, обличивъ грѣшника, окажетъ и любовь къ нему, то докажетъ, что и уко-

ризны его происходили отъ любви. Будемъ же и мы такимъ образомъ вразумлять другъ друга: и обличающій пусть не гнѣвается, потому что гнѣвъ обнаруживаетъ страсть, а не желаніе исправить; и обличаемый пусть не огорчается, потому что дѣлаемое ему обличеніе есть врачество, а не что-нибудь враждебное. Если врачей, когда они дѣлаютъ прижиганія, не упрекаютъ, хотя часто они ошибаются въ успѣхѣ дѣла, но даже сами больные, подвергаемые прижиганіямъ и разрѣзамъ, считаютъ своими благодѣтелями причиняющихъ имъ такія страданія, то тѣмъ болѣе принимающему обличеніе нужно имѣть такое расположеніе, слушать вразумляющаго, какъ врача, а не какъ врага. И мы, обличая кого-нибудь, будемъ приступать къ нему съ великою кротостію
378 и съ великимъ благоразуміемъ. Если ты видишь согрѣшающаго брата, то обличи его не всенародно, но какъ повелѣлъ Христосъ: *между тобою и тѣмъ единѣмъ* (Мѳ. XVIII, 15), притомъ не понося и не нападая на лежащаго, но соболѣзнуя и сокрушаясь; будь и самъ готовъ выслушать обличеніе, если ты согрѣшишь въ чемъ-нибудь. Но чтобы сказанное было яснѣе, представимъ это посредствомъ примѣра; впрочемъ, я не желаю, чтобы такіе примѣры были въ дѣйствительности. Положимъ, что какой-нибудь братъ живетъ вмѣстѣ съ дѣвицею; пусть онъ будетъ человѣкъ благонравный и цѣломудренный, но при всемъ томъ идетъ объ немъ худая молва. Когда до тебя дойдетъ молва о такомъ его сожитіи, то не оставляй этого безъ вниманія и не говори: развѣ у него нѣтъ своего ума? Развѣ онъ самъ не знаетъ, что ему полезно? Безъ причины люби, но не допускай ненависти безъ причины (говоритъ пословица): для чего же мнѣ напрасно навлекать на себя вражду? Такія безумныя слова свойственны дикимъ звѣрямъ, или лучше, демонамъ. Кто хочетъ исправить другого, тотъ не навлекаетъ на себя ненависти напрасно, но дѣйствуетъ для достиженія великихъ благъ и неизреченныхъ вѣнцовъ. А противъ того, что говоришь ты: развѣ у него нѣтъ своего ума?—я скажу тебѣ, что дѣйствительно нѣтъ, потому что онъ опьяненъ страстію. Если въ мірскихъ судилищахъ подсудимые, будучи волнуемы гнѣвомъ, бываютъ не въ состояніи говорить сами за себя, хотя, впрочемъ, такая чувствительность и не ставится имъ въ вину, то во сколько разъ хуже состояніе человѣка, преданнаго порочной страсти? Потому я и говорю, что хотя бы онъ былъ тысячу разъ уменъ, но при всемъ томъ у него нѣтъ бодрственнаго ума. Кто былъ благоразумнѣе Давида, который говорилъ: *безвѣстная и тайная премудрости твоея явилъ ми еси* (Псал. L, 8)? Но когда онъ взглянулъ нескромными очами на жену воина, то испыталъ тоже, что обыкновенно случается съ людьми, плыву-

щими по бурному морю, какъ онъ самъ говоритъ: *вся премудрость* его *поглощена бысть* (Пс. CVI, 27); и онъ имѣлъ нужду, чтобы другіе исправили его, и даже не чувствовалъ, въ какой находился глубинѣ золъ; потому, оплакивая грѣхи свои, онъ и говорилъ: *яко бремя тяжкое отяготѣша на мнѣ. Возсмердѣша и согниша раны моя отъ лица безумія моего* (Пс. XXXVII, 5, 6).

4. Итакъ, кто грѣшитъ, у того нѣтъ ума, потому что онъ опьяненъ и омраченъ. Потому не говори такъ, и къ словамъ своимъ: какая мнѣ нужда?—не прибавляй еще: *кійждо бо свое бремя понесетъ* (Гал. VI, 5). Ты навлекаешь и на себя величайшую отвѣтственность, если, видя заблудшаго, не хочешь помочь ему. Если закономъ іудейскимъ запрещалось оставлять безъ вниманія даже скотъ врага (Втор. XXII, 1), то какое будетъ имѣть оправданіе оставляющій безъ вниманія не скотъ и не врага, а погибающую душу друга? Не можетъ оправдать насъ то, что у него есть свой умъ, потому что и мы, многократно преподававшіе наставленія другимъ, часто въ отношеніи къ себѣ оказывались несостоятельными и не могли помочь самимъ себѣ. Также разсуждай и о другомъ заблуждающемся, что онъ скорѣе можетъ получить добрый совѣтъ отъ тебя, нежели отъ себя, и не говори: какая мнѣ до него нужда? Вспомни съ ужасомъ о томъ, кто первый сказалъ такія слова; они означаютъ тоже, что и слова (Каина): *еда стражъ брату моему есмь азъ* (Быт. IV, 9)? Оттого и происходятъ всѣ роды зла, что мы считаемъ чужимъ принадлежащее нашему собственному тѣлу. Что говоришь ты? Тебѣ нѣтъ никакой нужды до брата? Но кому же будетъ до него нужда? Неужели невѣрующему, который радуется его бѣдствію, поноситъ его и старается вредить ему? Или діаволу, который преслѣдуетъ его и 379
разставляетъ ему сѣти? И почему ты говоришь такъ? Потому, скажешь, что мои благонамѣренныя слова и совѣты не будутъ имѣть успѣха. Но откуда извѣстно, что они не будутъ имѣть успѣха? И это опять крайне безумно—не зная послѣдствій, дѣлать себя виновнымъ въ явномъ нерадѣніи. Самъ Богъ, которому извѣстно будущее, часто говорилъ безъ успѣха, и однако не переставалъ говорить, хотя и зналъ напередъ, что Его не послушаютъ. Если же Тотъ, Кто напередъ зналъ, что Онъ ничего не сдѣлаетъ, не переставалъ принимать мѣры къ исправленію людей, то какое оправданіе будешь имѣть ты, который совершенно не знаешь будущаго, и предаешься безпечности и нерадѣнію? Многіе, принимаясь за это дѣло, имѣли успѣхъ, и когда менѣе всего надѣялись, тогда особенно и успѣвали. Если же и не сдѣлаешь ничего, то, по крайней мѣрѣ, исполнишь свой долгъ. Потому не будь безчеловѣченъ, несострадателенъ и нерадивъ. Слова твои проис-

ходятъ отъ жестокости и нерадѣнія, какъ можешь видѣть изъ слѣдующаго. Когда у тебя страдаетъ какой-нибудь изъ членовъ тѣлесныхъ, то почему ты не говоришь: какая мнѣ до него нужда? И почему ты знаешь, что, если употребишь врачеваніе, то онъ выздоровѣетъ? Однако ты принимаешь всѣ мѣры, чтобы, если и не будешь имѣть никакого успѣха, то, по крайней мѣрѣ, не обвинять себя самого, что ты опустилъ сдѣлать что-нибудь полезное. Такъ мы заботимся о членахъ тѣлесныхъ: почему же нерадимъ о членахъ Христовыхъ? Какое послѣ того мы будемъ имѣть оправданіе? А если тебя не преклоняютъ слова мои: позаботься о собственномъ своемъ членѣ,—то я напомню тебѣ о тѣлѣ Христовомъ, чтобы ты, хотя изъ страха, сдѣлался лучше. Въ самомъ дѣлѣ, не ужасно ли видѣть тѣло Его покрытымъ язвами, и оставаться равнодушнымъ? Когда у тебя слуга или даже оселъ бываетъ пораженъ язвами, ты не остаешься равнодушнымъ; а когда видишь тѣло Христово въ гнойныхъ струпахъ, то какъ проходишь мимо? Не достойно ли это тысячи громовъ? Оттого у тебя все и извратилось, — отъ такого безчеловѣчія, отъ такого нерадѣнія!

Итакъ, увѣщеваю, оставимъ эту жестокость: приди къ тому, кто живетъ вмѣстѣ съ дѣвицею, скажи ему по-братски какую-нибудь похвалу, сложивъ ее изъ тѣхъ достоинствъ, какія въ немъ находятся, и такою похвалою, какъ бы теплою водою, примочи и смягчи опухоль его раны; признайся ему, что и ты находишься въ жалкомъ состояніи, представь виновность всего рода человѣческаго, объясни, что всѣ мы во грѣхахъ, попроси прощенія, что ты принимаешь на себя дѣло, которое выше силъ твоихъ, но что любовь побуждаетъ тебя рѣшиться на все; затѣмъ и предложи совѣтъ, высказывая не повелительно, а по-братски. Когда посредствомъ всего этого ты успокоишь его горячность и смягчишь боль, какая должна будетъ произойти отъ дѣйствія обличенія, и когда, такъ сказать, свяжешь его неоднократными извиненіями и просьбами, чтобы онъ не гнѣвался, тогда и наноси ему ударъ, не слишкомъ сильный и не слишкомъ слабый, чтобы въ первомъ случаѣ онъ не отскочилъ отъ тебя, а въ послѣднемъ не остался невнимательнымъ. Если ты нанесешь ударъ недостаточно сильный, то ничего не сдѣлаешь; а если поразишь слишкомъ сильно, то онъ удалится отъ тебя. Потому и послѣ всего этого, приступая къ обличенію, ты опять присоединяй къ обличенію похвалы; но такъ какъ поведеніе его само по себѣ не можетъ назваться похвальнымъ,—вѣдь жить съ молодою дѣвицею дѣло не похвальное,—то ты обратись къ намѣренію живущаго съ нею и скажи:
380 я знаю, что ты дѣлаешь это для Бога, что ты подалъ руку помощи

этой несчастной, видя ее одинокою и беззащитною. Хотя бы онъ на самомъ дѣлѣ и не руководился такими намѣреніями, ты говори такъ, а потомъ, попросивъ опять извиненія, въ дополненіе къ прежнему скажи: я говорю тебѣ это не какъ приказаніе, но какъ напоминаніе; я знаю, что ты дѣлаешь это ради Бога, но посмотримъ, не произойдетъ ли отсюда какое-нибудь зло; если не произойдетъ никакого, то держи ее у себя и продолжай оказывать ей доброе дѣло,—никто не препятствуетъ; но если отсюда можетъ произойти вредъ важнѣе пользы, то, увѣщеваю тебя, будемъ осторожны, чтобы, стараясь доставить спокойствіе одной душѣ, не соблазнить тысячи. Впрочемъ не представляй ему прямо тѣхъ наказаній, какія ожидаютъ соблазнителей, но прими его самого во свидѣтели и скажи: ты не имѣешь нужды узнавать объ этомъ отъ меня, ты самъ знаешь, какому подлежитъ наказанію тотъ, кто *соблазнитъ единаго отъ малыхъ сихъ* (Мѳ. XVIII, 6); и, такимъ образомъ усладивъ слова свои и успокоивъ его горячность, прилагай наконецъ врачество исправленія. Если же онъ опять будетъ ссылаться на ея одиночество, то и тогда ты не прямо обличай этотъ предлогъ, но скажи ему: это нисколько не должно устрашать тебя; достаточнымъ для тебя оправданіемъ будетъ опасеніе—соблазнить другихъ, такъ какъ ты оставишь эту заботу не по безпечности, а по желанію блага другимъ.

5. Притомъ совѣты твои пусть будутъ кратки, потому что онъ не нуждается въ длинныхъ нравоученіяхъ; извиненія же пусть будутъ неоднократны и часты, а больше всего ссылайся на любовь, прикрывая ею строгость рѣчей своихъ и оставляя дальнѣйшее на его волю; скажи: я только предлагаю и совѣтую тебѣ это, а послушаться зависитъ отъ тебя; я не заставляю и не принуждаю тебя, но предоставляю все собственному твоему разсужденію. Если такимъ образомъ мы будемъ приниматься за обличеніе, то мы легко сможемъ исправлять согрѣшающихъ. А то, что мы дѣлаемъ теперь, свойственно болѣе дикимъ звѣрямъ и безсловеснымъ животнымъ, нежели людямъ. Нынѣ иные, какъ скоро услышатъ о какомъ-нибудь подобномъ грѣшникѣ, ему не говорятъ ничего, а сами между собою шепчутся, какъ пьяныя старухи, и уже здѣсь, кажется, никогда не имѣетъ мѣста пословица: безъ причины люби, но не допускай ненависти безъ причины. Когда хотятъ кого-нибудь злословить, то вовсе не думаютъ, чтобы не навлечь напрасно на себя ненависти, и даже наказанія,—это же влечетъ за собою не только ненависть, но и наказаніе,—а когда нужно кого-нибудь исправить, то приводятъ и эту отговорку и множество другихъ предлоговъ. Тогда-то именно, когда ты злословишь, когда ты клевещешь, и слѣдовало бы держать въ умѣ

правила: не навлекай на себя напрасно ненависти, или: не будетъ никакого успѣха, или: мнѣ нѣтъ нужды до другого. Между тѣмъ теперь въ первомъ случаѣ ты сильно и ревностно хлопочешь, не взирая на происходящую отсюда ненависть и множество золъ; а когда нужно позаботиться о спасеніи брата, тогда ты остаешься безъ дѣйствія и не хочешь быть тягостнымъ для другого. Злословіе ненавистно предъ людьми и предъ Богомъ, но ты не слишкомъ заботишься объ этомъ; а за совѣтъ наединѣ и за подобныя обличенія ты пріобрѣтаешь себѣ любовь и отъ самого обличаемаго и отъ Бога. Если же онъ возненавидитъ тебя, то тѣмъ болѣе Богъ будетъ любить тебя за это. Впрочемъ, и онъ не будетъ
381 ненавидѣть тебя такъ, какъ возненавидѣлъ бы за злословіе; напротивъ, тогда онъ сталъ бы отвращаться отъ тебя, какъ отъ недоброжелателя и врага, а теперь онъ будетъ уважать тебя болѣе отца. Хотя по наружности онъ и огорчится, но внутренно, наединѣ, воздастъ тебѣ великую благодарность.

6. Итакъ, помня это, будемъ пещись о нашихъ членахъ, а не изощрять языкъ другъ противъ друга и не говорить рѣчей пагубныхъ, подрывая честь ближняго и, какъ бы на войнѣ и въ сраженіи, нанося и получая удары. Какая послѣ того будетъ намъ польза отъ поста или бдѣнія, если языкъ нашъ предается невоздержанію, питается пищею сквернѣе мяса псовъ, дѣлается кровожаднымъ, извергаетъ грязь и превращаетъ уста наши въ протокъ нечистотъ, или даже еще хуже? Вытекающее изъ этихъ протоковъ оскверняетъ тѣло; а извергаемое имъ часто заражаетъ душу. Говорю это, жалѣя не о тѣхъ, о комъ распространяютъ дурную молву напрасно,—они даже заслуживаютъ вѣнцовъ, если переносятъ клеветы великодушно,—а объ васъ, распространяющихъ такую молву. Того, о комъ худо говорятъ напрасно, Писанія ублажаютъ; а того, кто худо говоритъ о другомъ, лишаютъ святыхъ таинствъ и даже изгоняютъ изъ самыхъ нѣдръ (Церкви): *оклеветающаго тай искренняго своего, сего изгоняхъ*, говоритъ (Псалмопѣвецъ) (Пс. c, 5), и даже считаетъ такого человѣка недостойнымъ читать священныя книги: *вскую*, говоритъ, *ты повѣдаеши оправданія моя, и воспріемлеши завѣтъ мой усты твоими* (Псал. XLIX, 16); потомъ приводитъ и причину: *сѣдя на брата твоего клеветалъ еси* (ст. 20). Здѣсь не опредѣлено, справедливое ли что-нибудь будетъ говорено, или несправедливое; а въ другомъ мѣстѣ опредѣлено и это и сказано, что, хотя бы ты могъ говорить и правду, и въ такомъ случаѣ тебѣ говорить не слѣдуетъ: *не судите*, говоритъ (Господь), *да не судими будете* (Мѳ. VII, 1). Потому и (фарисей), порицавшій мытаря, былъ осужденъ, хотя порицалъ его справедливо. Какъ же, скажешь, если встрѣтится какой-нибудь человѣкъ

дерзкій и развратный,—неужели намъ не слѣдуетъ обличать его и исправлять? Слѣдуетъ обличать и исправлять, но такъ, какъ я выше сказалъ; а если ты будешь порицать его, то смотри, чтобы тебѣ не уподобиться фарисею и не потерпѣть того же, что потерпѣлъ онъ. Вѣдь отъ этого не бываетъ никакой пользы ни тебѣ 382
говорящему, ни тому, кто слушаетъ тебя, ни тому, кто порицается; а напротивъ послѣдній дѣлается еще безстыднѣе: онъ, пока еще не обнаруженъ, можетъ и стыдиться, а когда дѣлается извѣстнымъ и обезславленнымъ, тогда свергаетъ съ себя и послѣднюю узду; тотъ же, кто слушаетъ, терпитъ еще большій вредъ: если онъ сознаетъ за собою какія-нибудь достоинства, то укоризны противъ другого возбуждаютъ въ немъ гордость и надменность, а если сознаетъ недостатки, то охотнѣе склоняется на зло; наконецъ и самъ говорящій заслуживаетъ дурное о себѣ мнѣніе отъ того, кто слушаетъ его, а тѣмъ болѣе навлекаетъ на себя гнѣвъ Божій. Потому, увѣщеваю, оставимъ всякое злословіе и будемъ говорить только доброе и служащее къ назиданію. Или ты желаешь отомстить кому-нибудь? Но для чего вмѣсто него мстишь себѣ самому? Стараясь отомстить кому-нибудь, оскорбившему тебя, ты мсти такъ, какъ повелѣваетъ мстить Павелъ: *аще алчетъ врагъ твой, ухлѣби его, аще ли жаждетъ, напой его* (Рим. XII, 20). Если же ты не поступаешь такъ, а только клевещешь, то ты поднимаешь мечъ на самого себя. Потому когда другой худо говоритъ о тебѣ, то мсти ему одобреніемъ и похвалами: такимъ образомъ ты и ему отомстишь, и себя избавишь отъ худого о тебѣ мнѣнія. Кто огорчается дурною о себѣ молвою, о томъ обыкновенно думаютъ, что его мучитъ нечистая совѣсть; а кто смѣется надъ такою о себѣ молвою, тотъ представляетъ яснѣйшее доказательство, что онъ не знаетъ за собою ничего худого. Итакъ, если порицаніями ты не приносишь пользы ни слушающему тебя, ни себѣ самому, ни тому, кого порицаешь, а только поднимаешь мечъ на самого себя, то вразумись хотя этимъ. Тебѣ слѣдовало бы находить побужденія въ ученіи о царствіи небесномъ и волѣ Божіей; но такъ какъ ты еще слишкомъ грубъ и угрызаешь другихъ, какъ дикій звѣрь, то вразумись хотя этимъ, чтобы, сдѣлавшись благоразумнѣе отъ вышесказаннаго, ты могъ руководиться единственно волею Божіею и, ставши выше всякой страсти, достигнуть небесныхъ благъ, которыхъ да сподобимся всѣ мы благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Оглавленіе первой книги X тома.

Беседы на первое посланіе къ Коринѳянамъ.

ТВОРЕНІЯ

СВЯТАГО ОТЦА НАШЕГО

ІОАННА ЗЛАТОУСТА,

Архіепископа Константинопольскаго,

ВЪ РУССКОМЪ ПЕРЕВОДѢ.

Δόξα τῷ Θεῷ πάντων ἕνεκα. Ἀμήν.
Слава Богу за все. Аминь.
Св. Іоаннъ Златоустъ

ТОМЪ ДЕСЯТЫЙ

въ двухъ книгахъ.

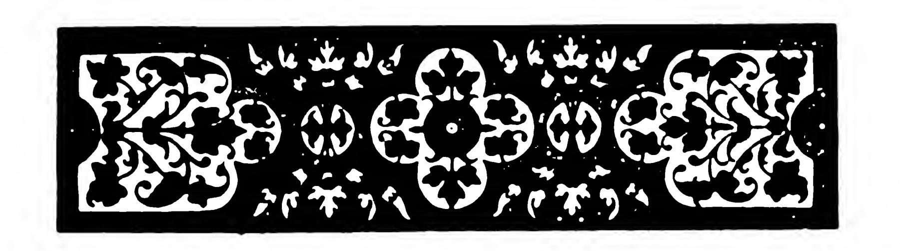
КНИГА ВТОРАЯ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе С.-Петербургской Духовной Академіи.
1904.

От Совѣта С.-Петербургской Духовной Академіи печатать дозволяется.
С.-Петербургъ, 21 декабря 1903 г.

Сергій, Епископъ Ямбургскій, ректоръ Академіи.

Типографія М. Меркушева, Невскій пр., № 8.



СВЯТАГО ОТЦА НАШЕГО ІОАННА ЗЛАТОУСТАГО

ТОЛКОВАНІЕ НА ВТОРОЕ ПОСЛАНІЕ КЪ КОРИНѲЯНАМЪ [1]).

БЕСѢДА I.

Павелъ посланникъ Іисусъ Христовъ, волею Божіею, и Тимоѳей братъ, церкви Божіей сущей въ Коринѳѣ, со святыми всѣми, сущими во всей Ахаіи: благодать вамъ и миръ отъ Бога Отца и Господа Іисуса Христа. Благословенъ Богъ и Отецъ Господа нашего Іисуса Христа, Отецъ щедротъ и Богъ всякія утѣхи, утѣшаяй насъ о всякой скорби нашей, яко возмощи намъ утѣшити сущія во всякой скорби, утѣшеніемъ, имже утѣшаемся сами отъ Бога (2 Кор. I, 1—4). 381—383

1. Прилично прежде разсмотрѣть, для чего апостолъ къ первому посланію прилагаетъ второе, и почему начинаетъ его указаніемъ на щедроты Божіи и на утѣшеніе. Итакъ для чего онъ 383
пишетъ второе посланіе? Такъ какъ въ первомъ онъ сказалъ: *пріиду къ вамъ, и уразумѣю не слово разгордѣвшихся, но силу* (1 Кор. IV, 19), и въ концѣ его опять въ болѣе мягкихъ словахъ обѣщалъ то же самое, говоря: *пріиду же къ вамъ, егда Македонію преиду: Македонію бо прохожду: у васъ же, аще случится, пребуду, или и озимѣю* (1 Кор. XVI, 5, 6), между тѣмъ послѣ того прошло много времени, а онъ еще не приходилъ, даже и назначенный срокъ уже прошелъ, а онъ еще собирался и медлилъ, будучи удержи-

[1]) Эти бесѣды произнесены были святителемъ, по всей вѣроятности, тоже въ Антіохіи.

ваемъ Духомъ для другихъ гораздо нужнѣйшихъ дѣлъ, то онъ и почелъ поэтому нужнымъ (написать) второе посланіе, въ которомъ не было бы нужды, если бы онъ не долго промедлилъ. Впрочемъ не одна эта была причина, но еще и та, что послѣ перваго посланія коринѳяне сдѣлались лучшими. Именно соблудившаго, которому прежде рукоплескали и которымъ гордились, они отсѣкли и отлучили совершенно отъ Церкви вѣрующихъ, какъ это видно изъ слѣдующихъ словъ апостола: *аще ли кто оскорбилъ, не мене оскорби, но отчасти, да не отягчу всѣхъ васъ. Довольно таковому наказаніе сіе, еже отъ многихъ* (2 Кор. II, 5, 6). И далѣе, продолжая посланіе свое, (апостолъ) опять указываетъ на то же, когда говоритъ: *се бо сіе самое, еже по Бозѣ оскорбитися вамъ, колико содѣла въ васъ тщаніе; колики извиненія, и негодованіе, и страхъ, и желаніе, и ревность, и строгость. Во всемъ представисте себе чисты быти въ семъ дѣлѣ* (VII, 11). Равнымъ образомъ и милостыню, которой онъ просилъ у нихъ, они начали собирать съ великимъ усердіемъ, почему и сказалъ: *вѣмъ усердіе ваше, имже о васъ хвалюся Македоняномъ, яко Ахаія готова еще отъ прошедшаго лѣта* (2 Кор. IX, 2). И Тита, котораго послалъ (апостолъ), они приняли со всею благосклонностію, на что и указываетъ опять словами: *и сердце его чрезвычайно расположено къ вамъ, воспоминающаго всѣхъ васъ послушаніе, яко со страхомъ и трепетомъ пріясте его* (2 Кор. VII, 15). По всѣмъ этимъ причинамъ онъ и пишетъ второе посланіе. Да и нужно было, чтобы онъ какъ согрѣшившихъ ихъ тогда упрекалъ, такъ исправившихся теперь похвалилъ и принялъ въ свое благоволеніе. Потому-то и все это посланіе чуждо угрозъ и упрековъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ только мѣстъ къ концу посланія, которыя были нужны потому, что и между коринѳскими христіанами были нѣкоторые изъ іудеевъ, высоко о себѣ мудрствовавшіе и порицавшіе Павла, какъ человѣка хвастливаго и не заслуживавшаго никакого уваженія. Такъ они говорили: *посланія убо* (св. Павла) *тяжки, а пришествіе тѣла немощно, и слово уничижено* (2 Кор. X, 10), то есть, когда онъ приходитъ, то оказывается ничего не стоющимъ, потому что это (и означаютъ слова): *пришествіе тѣла немощно;* отшедши же, высоко превозносишь себя въ своихъ посланіяхъ, что (означаютъ слова): *посланія тяжки.* А чтобы показать себя достойными уваженія, они притворялись нелюбостяжательными, на что и намекаетъ (апостолъ) словами: *да, о немже хвалятся, обрящутся, якоже и мы* (2 Кор. XI, 12). Вмѣстѣ съ тѣмъ, имѣя даръ слова, они весьма этимъ превозносились, почему (апостолъ) и называетъ себя *невѣждою*, показывая, что онъ не стыдится этого, и не считаетъ (даръ слова) за какое-то великое пріобрѣтеніе, а напротивъ, вмѣняетъ въ ничто. А такъ какъ есте-

ственно было нѣкоторымъ изъ вѣрующихъ (слыша такіе отзывы объ апостолѣ) поколебаться въ довѣренности къ нему, то онъ,
сперва похваливъ вѣрныхъ за то, въ чемъ они исправились, и 334
посрамивъ безуміе горделивыхъ, требовавшихъ соблюденія іудейскихъ обрядовъ,—потому что не время уже было исполнять ихъ,—потомъ и за это дѣлаетъ упрекъ. Итакъ вотъ, мнѣ кажется, причина настоящаго посланія, какъ можетъ это замѣтить всякій, слегка прочитавъ его. Обратимся теперь къ началу посланія, и изслѣдуемъ, для чего (апостолъ), послѣ обыкновеннаго своего привѣтствія, началъ посланіе указаніемъ на щедроты Божіи. Прежде всего нужно сдѣлать замѣчаніе о самомъ началѣ, и узнать, почему онъ здѣсь присовокупляетъ къ себѣ Тимоѳея, говоря: *Павелъ посланникъ Іисусъ Христовъ, волею Божіею, и Тимоѳей братъ* (ст. 1). Между тѣмъ въ первомъ посланіи онъ обѣщался послать его къ нимъ, и убѣждалъ ихъ, говоря: *аще же пріидетъ Тимоѳей, блюдите, да безъ страха будетъ у васъ* (1 Кор. xvi, 10). Какъ же здѣсь въ началѣ (посланія) говоритъ, что онъ съ нимъ? Это потому, что (Тимоѳей), пришедши къ нимъ, по обѣщанію учителя (*послахъ бо къ вамъ*, писалъ Павелъ, *Тимоѳеа, иже вамъ воспомянетъ пути моя, яже о Христѣ*—1 Кор. iv, 17), и исправивъ все порученное, возвратился назадъ, такъ какъ и посылая его (апостолъ) наказывалъ: *проводите его съ миромъ, да пріидетъ ко мнѣ: жду бо его съ братіею* (1 Кор. xvi, 11).

2. И вотъ, такъ какъ (Тимоѳей) возвратился къ своему учителю, и (апостолъ), исправивъ вмѣстѣ съ нимъ нужное въ Асіи (*пребуду бо*, говоритъ, *во Ефесѣ до Пентекостіи*—1 Кор. xvi, 8), опять перешелъ въ Македонію, то естественно и упоминаетъ (о Тимоѳеѣ), какъ уже находящемся съ нимъ, потому что прежнее посланіе препроводилъ онъ изъ Асіи, а настоящее изъ Македоніи. Поставилъ же вмѣстѣ съ собою (Тимоѳея), чтобы проявить ему этимъ больше уваженія, а въ себѣ показать глубокое смиренномудріе, потому что хотя (Тимоѳей) былъ и ниже его, но любовь все сочетаваетъ. Потому онъ вездѣ и равняетъ его съ собою,—то говоритъ о немъ: *якоже отцу чадо, со мною поработалъ* (Филип. ii, 22); то: *дѣло Господне дѣлаетъ, яко же и азъ* (1 Кор. xvi, 10); а здѣсь и *братомъ* его называетъ. Такимъ образомъ представляетъ его по всѣмъ отношеніямъ достойнымъ уваженія коринѳянъ,—и тѣмъ болѣе, что онъ, какъ я сказалъ, былъ уже у нихъ, и показалъ опыты своихъ добродѣтелей. *Церкви Божіей, сущей въ Коринѳѣ*. (Апостолъ) опять называетъ коринѳянъ Церковью, желая этимъ собрать и совокупить всѣхъ ихъ во едино. Иначе и не можетъ быть единая Церковь тамъ, гдѣ составляющіе ее раздѣляются между собою и враждуютъ другъ на друга. *Со святыми всѣми*,

сущими во всей Ахаіи. Этими словами (апостолъ) оказываетъ и предпочтеніе коринѳянамъ, когда чрезъ посланіе, писанное къ нимъ, привѣтствуетъ всѣхъ прочихъ, и вмѣстѣ всю отъ языкъ собранную Церковь побуждаетъ къ миру и согласію. Наименованіемъ же святыхъ показываетъ, что нечистымъ не принадлежитъ это привѣтствіе. Но почему (апостолъ), пиша здѣсь къ главной Церкви, вмѣстѣ съ нею пишетъ и ко всѣмъ прочимъ, между тѣмъ какъ онъ не всегда такъ дѣлаетъ? Такъ посланія къ ѳессалоникійцамъ онъ не посылалъ вмѣстѣ и къ македонянамъ; равнымъ образомъ, пиша къ ефесянамъ, не обращался вмѣстѣ и ко всей Асіи; и посланіе къ римлянамъ не послано вмѣстѣ и къ прочимъ жителямъ Италіи. Но здѣсь онъ дѣлаетъ то же, что и въ посланіи къ галатамъ. И это посланіе онъ посылаетъ не одному, не двумъ или тремъ городамъ, но всѣмъ вообще живущимъ въ той
385 странѣ, когда говоритъ: *Павелъ апостолъ ни отъ человѣка, ни человѣкомъ, но Іисусъ Христомъ и Богомъ Отцемъ, воскресившимъ Его изъ мертвыхъ, и иже со мною вся братія, церквамъ Галатійскимъ: благодать вамъ и миръ* (Гал. I, 1—3). Равно и евреямъ онъ написалъ для всѣхъ одно посланіе, не раздѣляя ихъ по городамъ. Какая же этому причина? Мнѣ кажется, причиною тому были общія господствовавшія тамъ болѣзни. Для того онъ и посылаетъ общее ко всѣмъ посланіе, что всѣ требовали общаго исправленія. Всѣ вѣдь и галатяне страдали одною болѣзнію, и евреи. Тоже я думаю и о коринѳянахъ. Итакъ, соединивъ всѣхъ во едино, и сдѣлавъ общее привѣтствіе, по принятому имъ обыкновенію привѣтствовать всѣхъ: *благодать вамъ и миръ отъ Бога Отца нашего и Господа Іисуса Христа* (ст. 2),—слушай, какъ сообразно съ избраннымъ имъ предметомъ онъ начинаетъ посланіе: *благословенъ Богъ и Отецъ Господа нашего Іисуса Христа, Отецъ щедротъ и Богъ всякія утѣхи* (ст. 3). Но какая тутъ, скажешь ты, сообразность съ избраннымъ предметомъ? Самая близкая. Посмотри же. Коринѳянъ очень опечалило и обезпокоило то, что апостолъ не пришелъ къ нимъ, несмотря на то, что обѣщалъ придти, но все это время провелъ въ Македоніи, и какъ будто предпочиталъ имъ другихъ. Итакъ, имѣя въ виду это безпокойство, онъ сказываетъ имъ причину, почему не пришелъ. Впрочемъ не тотчасъ открываетъ ее, и не говоритъ: я помню, что обѣщался придти, но меня задержали случившіяся со мною скорби, почему простите меня, и не обвиняйте въ какомъ-нибудь презрѣніи, или нерадѣніи о васъ; но ведетъ къ тому инымъ способомъ, гораздо величественнѣе и съ большимъ убѣжденіемъ, стараясь напередъ утѣшить ихъ, чтобы они уже и не спрашивали о причинѣ, почему онъ не пришелъ. И это дѣлаетъ онъ точно также, какъ если бы кто, обѣщавшись

придти къ своему другу, и, по преодолѣніи весьма многихъ бѣдствій, пришедши, сказалъ: „слава Тебѣ, Боже, что ты показалъ мнѣ возлюбленнаго друга моего! Благословенъ ты, Господи,—отъ какихъ бѣдъ ты избавилъ меня!“ Такое славословіе пришедшаго есть вмѣстѣ и оправданіе предъ намѣревающимся обвинять его, и не попускаетъ этому послѣднему жаловаться на замедленіе перваго. Ему стыдно уже звать на судъ приносящаго Богу благодареніе за избавленіе отъ столькихъ золъ, и требовать у него отчета въ медлительности. Потому и (апостолъ), начиная рѣчь словами: *благословенъ Богъ щедротъ*,—указываетъ тѣмъ на изведеніе и избавленіе его отъ великихъ бѣдствій. Подобнымъ образомъ и Давидъ не вездѣ одинаково называетъ Бога, и не отъ однихъ и тѣхъ же свойствъ производитъ имена Его; но когда разсуждаетъ о войнѣ и побѣдѣ, говоритъ: *возлюблю Тя, Господи, крѣпость моя, Господь защититель мой* (Пс. xvii, 2, 3); когда же воспоминаетъ объ избавленіи отъ скорби и мрака, одержавшаго душу его, говоритъ: *Господь просвѣщеніе мое и Спаситель мой* (Пс. xxvi, 1). Иногда заимствуетъ наименованія Его отъ человѣколюбія, иногда отъ правды Его, иногда отъ нелицепріятнаго Его суда,—сообразно обстоятельствамъ, въ которыхъ онъ находился. Такъ и Павелъ здѣсь въ началѣ посланія называетъ (Бога) со стороны Его человѣколюбія, говоря: *Богъ щедротъ*, т. е. явившій столь великія щедроты, что извелъ насъ изъ самыхъ вратъ смерти.

3. Подлинно, миловать такъ преимущественно предъ всѣми свойственно и сродно Богу. Поэтому онъ и называетъ Его Бо- 386
гомъ щедротъ. Но замѣть и здѣсь смиренномудріе Павлово. Претерпѣвая бѣды ради проповѣди, не говоритъ онъ, что по достоинству отъ нихъ спасается Богомъ, но ради щедротъ Божіихъ. Но объ этомъ еще яснѣе сказалъ онъ ниже. А теперь, продолжая рѣчь свою, говоритъ: *утѣшаяй насъ во всякой скорби*. Не сказалъ: не попускающій намъ впадать въ скорби, но—утѣшающій насъ въ скорби, потому что это и показываетъ силу Божію, и укрѣпляетъ терпѣніе скорбящихъ. *Скорбь*, говоритъ онъ (въ другомъ мѣстѣ), *терпѣніе содѣловаетъ* (Рим. iv, 2). Это выразилъ и пророкъ словами: *въ скорби распространилъ мя еси* (Пс. iv, 2). Не сказалъ: Ты не попустилъ впасть мнѣ въ скорбь, или: Ты тотчасъ разсѣялъ скорбь; но—въ продолженіе скорби Ты распространилъ меня,—то есть, великую далъ прохладу и отдохновеніе. То же самое было и съ тремя отроками. Онъ не возбранилъ ввергнуть ихъ въ пещь, и, когда они были вержены, не угасилъ пламени; но, когда пылала пещь, подалъ имъ прохладу.

Такъ и всегда обыкновенно дѣлаетъ Богъ. Намекая на это, и Павелъ говоритъ: *утѣшаяй насъ во всякой скорби* (ст. 4). Не

этимъ онъ показываетъ еще нѣчто новое. Что же такое? То, что Богъ не однажды, не дважды, но всегда такъ поступаетъ. Не такъ, чтобы нынѣ утѣшалъ, а въ другое время оставлялъ; но всегда и во всякое скорбное время подаетъ утѣшеніе. Поэтому и сказалъ (апостолъ): *утѣшаяй*, а не—утѣшившій, и: *во всякой скорби*; не въ той или другой, но—*во всякой, яко возмощи намъ утѣшити сущія во всякой скорби, утѣшеніемъ, имъ же утѣшаемся сами отъ Бога*. Видишь ли, какъ онъ предуготовляетъ себѣ оправданіе, напоминая слушателю о великой скорби? А вмѣстѣ съ тѣмъ и смиряетъ себя, когда говоритъ, что самая эта милость оказана не ради его достоинства, но ради тѣхъ, которые отъ него должны принимать назиданіе. Для того, говоритъ, и утѣшилъ насъ Богъ, чтобы мы другъ друга утѣшали. Но въ этимъ же словахъ даетъ чувствовать и достоинство апостоловъ, когда показываетъ, что, получивъ утѣшеніе и отдохновеніе, онъ не предается безпечности, какъ мы, но приступаетъ къ возбужденію, укрѣпленію и возстановленію другихъ. Нѣкоторые же еще даютъ словамъ (апостола) и такой смыслъ, что утѣшеніе наше есть вмѣстѣ утѣшеніе и для другихъ. А мнѣ кажется, что онъ здѣсь въ видѣ введенія направляетъ рѣчь свою еще и противъ лжеапостоловъ, напрасно хвалящихся, сидящихъ дома и предающихся нѣгѣ. Впрочемъ, на это намекаетъ онъ не прямо, но какъ бы мимоходомъ: главная же цѣль его была та, чтобы оправдать себя въ своемъ замедленіи. Если для того, говоритъ, мы сами утѣшаемся, чтобы утѣшать и другихъ, то не упрекайте насъ за то, что мы не пришли къ вамъ, потому что все это время мы употребили на отвращеніе воздвигаемыхъ на насъ злоумышленій, нападеній и различныхъ золъ. *Зане якоже избыточествуютъ страданія Христова въ насъ, тако Христомъ избыточествуетъ и утѣшеніе наше* (ст. 5). Чтобы не привести въ уныніе учениковъ слишкомъ сильнымъ описаніемъ своихъ бѣдствій, онъ показываетъ и великое богатство утѣшенія, и такимъ образомъ ободряетъ ихъ духъ; и не только этимъ ободряетъ ихъ, но еще и тѣмъ, что напоминаетъ о Хри-
387 стѣ, говоря о своихъ страданіяхъ, что они страданія Христовы, и такимъ образомъ, прежде всякаго другого утѣшенія, извлекаетъ утѣшеніе изъ самыхъ скорбей. Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть пріятнѣе, какъ быть общникомъ Христу, и ради Его терпѣть страданія? Что можетъ равняться съ этимъ утѣшеніемъ? И не этимъ только, но и другимъ образомъ онъ возставляетъ души скорбящихъ. Чѣмъ же? Тѣмъ, что говоритъ: *избыточествуютъ*. Не сказалъ: какъ постигаютъ насъ страданія Христовы, но: *якоже избыточествуютъ*,—показывая тѣмъ, что (апостолы) претер-

пѣваютъ не только страданія Христовы, но еще большія. Мы претерпѣли, говоритъ, не только тѣ страданія, которыя Онъ претерпѣлъ, но и преизбыточествующія. Христосъ былъ гонимъ, преслѣдуемъ, біенъ, умеръ. Но мы, говоритъ, болѣе того претерпѣли. Этого одного уже достаточно для утѣшенія. И никто не подозрѣвай здѣсь преувеличенія. Вотъ онъ и въ другомъ мѣстѣ говоритъ: *нынѣ радуюся во страданіяхъ моихъ, и исполняю лишеніе скорбей Христовыхъ во плоти моей* (Колос. I, 24). И ни въ томъ, ни въ другомъ мѣстѣ нѣтъ ни дерзости, ни самохвальства. Подобно тому, какъ (апостолы) совершили большія знаменія, нежели самъ Христосъ (*вѣруяй бо въ Мя,* говоритъ Господь, *больша сихъ сотворитъ*—Іоан. XIV, 12),—хотя все это совершаетъ Онъ же, дѣйствуя въ нихъ,—такъ и пострадали больше Его,—хотя это опять же принадлежитъ одному Господу, Который утѣшалъ ихъ и давалъ имъ силы къ перенесенію приключавшихся золъ.

4. Вотъ почему и Павелъ, чувствуя самъ, какъ много онъ сказалъ, смотри, какъ опять смягчаетъ сказанное, говоря: *тако Христомъ избыточествуетъ и утѣшеніе наше*; онъ все приписываетъ Господу, прославляя и этимъ Его человѣколюбіе. Не только, говоритъ, насколько скорбимъ, настолько и утѣшаемся, но гораздо болѣе. Не сказалъ, что утѣшеніе равно страданіямъ, но *избыточествуетъ утѣшеніе,* такъ что время подвиговъ есть вмѣстѣ время и новыхъ вѣнцовъ. Въ самомъ дѣлѣ, скажи мнѣ, что можетъ равняться съ тѣмъ, какъ терпѣть бичеваніе за Христа и удостоиться за то бесѣдованія съ Богомъ, быть сильнѣе всѣхъ, торжествовать надъ своими гонителями, быть выше цѣлой вселенной, и чаять такихъ благъ, *ихъ же око не видѣ, и ухо не слыша, и на сердце человѣку не взыдоша* (1 Кор. II, 9)? Что можетъ равняться съ тѣмъ, какъ терпѣть скорби ради благочестія, и за то сподобиться безчисленныхъ утѣшеній отъ Бога, получить отпущеніе стольких грѣховъ, удостоиться Духа, освященія и оправданія, никого не бояться и не трепетать, и среди самыхъ напастей быть славнѣе всѣхъ? Итакъ не будемъ унывать во время искушеній. Никто изъ любящихъ увеселенія, безпечно почивающихъ и услаждающихся, никто изъ проводящихъ жизнь изнѣженную и разсѣянную не можетъ быть общникомъ Христу. Но кто проводитъ жизнь среди скорбей и искушеній и ходитъ тѣснымъ путемъ, тотъ близокъ къ Нему. Онъ вѣдь и самъ шествовалъ тѣмъ же путемъ,—почему сказалъ: *Сынъ человѣческій не имать гдѣ главы подклонити* (Мѳ. VIII, 20).

Итакъ не печалься, если терпишь скорби, помышляя, кому ты чрезъ нихъ пріобщаешься, какъ ты очищаешься чрезъ искушенія и какую великую получаешь отъ нихъ пользу. Подлинно, 388

нѣтъ ничего тяжкаго и печальнаго, кромѣ оскорбленія Бога. Если же этого нѣтъ, то ни скорби, ни козни, ни что другое не можетъ опечалить богомудрой души. Напротивъ, какъ малая искра, брошенная въ великую морскую бездну, тотчасъ же угасаетъ, такъ точно и всякая печаль, даже самая великая, приразившись къ благой совѣсти, легко разсѣивается и тотчасъ исчезаетъ. Потому-то и Павелъ всегда радовался, что всегда подвизался въ дѣлахъ, угодныхъ Богу, и даже не замѣчалъ постигавшихъ его великихъ золъ; хотя онъ и чувствовалъ скорбь, какъ человѣкъ, но не падалъ духомъ. Такъ и великій патріархъ не переставалъ радоваться, хотя и постигали его многія огорченія. Посмотри: онъ лишился отечества, принужденъ былъ предпринять длинное и многотрудное путешествіе; пришедши на чужую землю, не имѣлъ на ней и одной пяди собственности; здѣсь, опять, встрѣтилъ его голодъ и заставилъ переселяться съ одного мѣста на другое; за голодомъ послѣдовали похищеніе жены, страхъ смерти, безчадіе, война, опасности, злоумышленія сосѣдей, и наконецъ сильнѣйшая изъ всѣхъ скорбей — тяжкое и нестерпимое закланіе единороднаго и любимаго сына. Безпрекословно онъ повиновался Богу; но не подумай поэтому, что онъ и переносилъ все это равнодушно. Хотя бы онъ былъ и въ высшей степени праведникъ, каковъ онъ былъ и дѣйствительно, все же онъ былъ человѣкъ и подверженъ немощамъ естества человѣческаго. И однако ничто не могло сразить его; онъ устоялъ какъ мужественный ратоборецъ, послѣ каждаго искушенія увѣнчиваясь побѣднымъ вѣнцомъ. Такъ и блаженный Павелъ, видя тучи искушеній, каждодневно на него находящихъ, среди нихъ, какъ бы среди рая, утѣшался, радовался и веселился. Но какъ радующійся этою радостью не можетъ быть плѣненъ уныніемъ, такъ напротивъ не стяжавшій ея дѣлается легко уловимымъ для всякой скорби, и претерпѣваетъ то же, что и худо вооруженный, котораго и легкій ударъ уязвляетъ. Напротивъ тотъ, кто хорошо отовсюду вооруженъ, удобно отражаетъ всякій направленный противъ него ударъ. Радость же по Богѣ сильнѣе всякаго оружія, и кто имѣетъ ее, того ничто не можетъ привести въ уныніе и малодушіе; напротивъ, онъ все переноситъ мужественно. Что можетъ быть хуже огня, что лютѣе непрестанныхъ мученій? Хотя бы кто лишился безчисленныхъ богатствъ, или дѣтей, или другого чего подобнаго,—но это (огонь и мученія) нестерпимѣе всѣхъ скорбей. *Кожу*, сказано, *за кожу, и вся, елика имать человѣкъ, дастъ за душу свою* (Іов. II, 4). Такъ ничего нѣтъ тягостнѣе мученій; но радость по Богѣ и для слуха нестерпимыя мученія дѣлаетъ сносными и даже пріятными. И если бы ты снялъ съ дерева или со сково-

роды едва-едва дышащаго мученика, — ты нашелъ бы въ немъ такую радость, какой и изобразить невозможно. Но скажутъ: какъ могу я страдать теперь, когда прошло время (подвиговъ) мученичества? Что ты говоришь? Развѣ теперь прошло время мученичества? Оно никогда не проходитъ, напротивъ — всегда предъ нашими глазами, если только мы бодрствуемъ. Вѣдь не повѣшеніе только на деревѣ дѣлаетъ мученикомъ. Если бы такъ было. то Іовъ остался бы безъ вѣнца мученическаго. Онъ не стоялъ 389
предъ судилищемъ, не слыхалъ голоса судіи, не видалъ мучителя, не былъ строгаемъ по ребрамъ, повѣшенный и поднятый на дерево. И однако онъ страдалъ болѣе, нежели многіе мученики; сообщенія вѣстниковъ, приходившихъ другъ за другомъ, нестерпимѣе всякаго удара поражали его и прободали со всѣхъ сторонъ; а уста червей лютѣе множества палачей отвсюду терзали его.

5. Итакъ, съ какимъ мученикомъ не можетъ онъ сравняться? Подлинно (онъ равенъ) съ безчисленно многими. Онъ отвсюду выдерживалъ борьбу и собиралъ вѣнцы, — и отъ потери имущества, и отъ погибели дѣтей, и отъ гніенія тѣла, и отъ укоровъ жены, и отъ друзей, и отъ враговъ, и даже отъ рабовъ своихъ,— потому что и тѣ плевали на лице его,—и отъ голода, и отъ сновидѣній, и отъ мучительной боли, и отъ зловонія. Вотъ почему я и сказалъ, что онъ можетъ равняться не съ однимъ, не съ двумя, не съ тремя, а съ безчисленнымъ множествомъ мучениковъ. Кромѣ сказаннаго и самое время даетъ великое преимущество вѣнцамъ его,—потому что онъ терпѣлъ эти скорби прежде закона и благодати, терпѣлъ въ продолженіе многихъ мѣсяцевъ, и все въ высшей степени, притомъ же всѣ эти несчастія обрушились на него вдругъ, тогда какъ каждое изъ нихъ и само по себѣ нестерпимо, не исключая даже и потери стяжаній, которая повидимому (не) сноснѣе другихъ золъ. Въ самомъ дѣлѣ, многіе перенесли удары, а потери имущества не перенесли; напротивъ, предпочитали лучше терпѣть бичеваніе и множество другихъ мученій, нежели уступить что-нибудь изъ своихъ стяжаній, такъ что потерю ихъ считали для себя самымъ тяжкимъ ударомъ. Такимъ образомъ и потеря имущества есть нѣкоторый родъ мученичества для того, кто мужественно ее переноситъ. Но какъ. скажешь, перенесть мужественно такія потери? Ты научишься этому, когда узнаешь, что чрезъ одно слово благодарности ты пріобрѣтешь больше, чѣмъ потерялъ. Въ самомъ дѣлѣ, если, услышавъ о погибели нашихъ благъ, мы не смутимся, а скажемъ: благословенъ Богъ,—то этимъ пріобрѣтемъ гораздо большее богатство. И дѣйствительно, не столько ты получишь пользы,

тратя свое богатство на неимущихъ, всюду обходя и ища бѣдныхъ, расточая все, что имѣешь, алчущимъ, сколько пріобрѣтешь однимъ этимъ словомъ. Вотъ почему я не столько удивляюсь Іову, отверзавшему для бѣдныхъ домъ свой, сколько изумляюсь и съ удивленіемъ восклицаю, видя, какъ онъ съ благодареніемъ переносилъ потерю своихъ стяжаній. То же самое можно приложить и къ потерѣ дѣтей. И здѣсь ты можешь получить не меньшую награду, чѣмъ и тотъ, который возложилъ на жертвенникъ и готовъ былъ заклать сына своего, если, видя умирающимъ свое дѣтище, будешь благодарить человѣколюбиваго Бога. Въ самомъ дѣлѣ, поступающій такъ чѣмъ будетъ ниже Авраама? Авраамъ еще не видѣлъ (сына своего) лежащаго мертвымъ, но только готовился къ этому, такъ что если онъ и имѣетъ преимущество въ томъ отношеніи, что хотѣлъ принести въ жертву (сына своего),
390 протянулъ руку и взялъ ножъ, то съ другой стороны онъ уступаетъ въ томъ отношеніи, что здѣсь лежитъ уже мертвый сынъ. Кромѣ того, Авраама ободряла увѣренность, что онъ совершаетъ доблестный поступокъ, и что славный этотъ подвигъ есть дѣло собственнаго его мужества; да и гласъ съ неба, имъ слышанный, воодушевлялъ его къ этому подвигу; здѣсь же, напротивъ, нѣтъ ничего подобнаго. Вотъ почему тому, кто видитъ распростертаго и лежащаго во гробѣ единороднаго сына своего, воспитаннаго въ богатствѣ и подававшаго добрыя надежды, нужно имѣть адамантовую душу, чтобы кротко перенести постигшее его несчастіе. И если таковой, укротивъ естественное волненіе, сможетъ безъ слезъ сказать съ Іовомъ: *Господь даде, Господь отъятъ* (I, 21), то за одно это слово станетъ въ рядъ съ Авраамомъ и вмѣстѣ съ Іовомъ будетъ прославляемъ. И если, остановивъ вопли женъ и воспретивъ клики плачущихъ, обратитъ всѣхъ къ славословію Бога, то получитъ безчисленныя почести и отъ Бога и отъ людей: люди будутъ ему удивляться, ангелы рукоплескать, Богъ увѣнчаетъ его славою.

6. Но какъ могу я не плакать, скажешь ты, когда я человѣкъ? (Можешь) если подумаешь о томъ, что и патріархъ, и Іовъ, будучи оба людьми, ничего подобнаго не испытали, и притомъ еще—живя оба прежде закона и благодати, и не зная еще тѣхъ богомудрыхъ законовъ, какіе у насъ; если сообразишь, что умершій переселился въ лучшую страну и перешелъ къ лучшему наслѣдію, и что ты не потерялъ сына, а только препроводилъ его въ безопаснѣйшее жилище. Итакъ, не говори: я не могу уже называться отцомъ. Почему тебѣ не называться отцомъ, когда сынъ твой живъ? Развѣ ты потерялъ дѣтище? Развѣ ты погубилъ сына? Напротивъ, пріобрѣлъ его, и съ большею безопасностію владѣешь

нимъ. Чрезъ это ты не здѣсь только будешь называться отцомъ, но и на небѣ, и не только не потерялъ имени отца, но пріобрѣлъ право на еще большее наименованіе: ты будешь называться отцемъ уже не смертнаго сына, но безсмертнаго, отцемъ мужественнаго воина, вѣчно пребывающаго въ домѣ Божіемъ. Не думай, что онъ уже и погибъ, если не стоитъ предъ тобою. Вѣдь если бы онъ находился теперь въ путешествіи, то его тѣлесное отсутствіе не прекратило бы между вами родственной связи. Не останавливай же своихъ взоровъ на лицѣ лежащаго, потому что возбудишь этимъ въ себѣ страданіе; но возведи мысль твою отъ лежащаго къ небу. Не этотъ лежащій трупъ есть сынъ твой, но тотъ, который отлетѣлъ и восшелъ на неизмѣримую высоту. Итакъ, когда видишь закрытые глаза, сомкнутыя уста и неподвижное тѣло, не о томъ помышляй, что эти уста уже не говорятъ, эти глаза уже не видятъ, эти ноги уже не ходятъ, и все обращается въ тлѣніе,—не такъ говори, а совершенно напротивъ: эти уста будутъ говорить лучше, эти глаза увидятъ больше, эти ноги по- 391
несутся на облакахъ, это разрушающееся тѣло облечется въ безсмертіе, и я опять получу сына, но свѣтлѣйшаго. Если же видимое тобою печалитъ тебя, то скажи себѣ: это—одежда, и онъ скинулъ ее для того, чтобы опять получить ее же, но болѣе многоцѣнную, это—домъ, но онъ разрушается для того, чтобы сталъ свѣтлѣе. Подобно тому какъ мы, когда хотимъ очистить домъ, не дозволяемъ оставаться внутри его живущимъ въ немъ, чтобы предохранить ихъ отъ пыли и отъ шума, но велимъ на нѣкоторое время выйти; когда же совсѣмъ устроимъ домъ, тогда опять безбоязненно вводимъ ихъ,—такъ дѣлаетъ и Богъ: разрушивъ гнилую храмину усопшаго, Онъ взялъ его въ Свой отеческій домъ, даже къ Себѣ, чтобы послѣ, какъ она разберется и вновь перестроится, опять отдать ему ее въ лучшемъ и свѣтлѣйшемъ видѣ. Итакъ не говори, что онъ погибъ, и что не будетъ его болѣе; это слова невѣрующихъ; но говори: онъ спитъ и возстанетъ; онъ отправился въ путь и возвратится съ Царемъ. Кто такъ говоритъ? Тотъ, кто имѣетъ въ себѣ говорящимъ Христа. *Аще бо вѣруемъ*, 392
говоритъ (апостолъ), *яко Іисусъ умре и воскресе* и живетъ, *тако Богъ* и *умершія* чрезъ Іисуса *приведетъ съ нимъ* (1 Сол. IV, 14). Итакъ, если ты ищешь сына, ищи его тамъ, гдѣ находится Царь, гдѣ воинство ангеловъ, не въ гробѣ, не въ землѣ, чтобы, тогда какъ онъ вознесенъ на такую высоту, тебѣ самому не остаться поверженнымъ на землѣ. Если мы такимъ образомъ будемъ любомудрствовать, то легко преодолѣемъ всякую подобную печаль. Богъ же щедротъ и Отецъ всякія утѣхи утѣшитъ сердца всѣхъ насъ, и подобными скорбями и другими печалями одержимыхъ,

даруетъ намъ избавленіе отъ всякаго унынія, и сподобитъ насъ стяжать духовную радость и получить будущія блага, которыхъ и да сподобимся всѣ мы достигнуть благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА II.

301 Аще ли же скорбимъ, о вашемъ утѣшеніи и спасеніи, дѣйствующемся въ терпѣніи тѣхже страданій, яже и мы страждемъ: и upованіе наше извѣстно о васъ (2 Кор. 1, 6—7).

1. Предложивъ одно и главное побужденіе къ утѣшенію (именно общеніе со Христомъ), (апостолъ) присовокупляетъ еще другое, именно то, что (скорби, претерпѣваемыя апостолами) содѣйствуютъ къ устроенію спасенія самихъ наставляемыхъ въ вѣрѣ. Итакъ не падайте духомъ, говоритъ онъ, не смущайтесь, и не предавайтесь страху оттого, что мы терпимъ скорби; напротивъ это-то самое и должно исполнять васъ бодростію и упованіемъ. Въ самомъ дѣлѣ, если бы мы не подвергались скорбямъ, это привело бы всѣхъ насъ къ погибели. Какъ же и почему? Потому что, если бы мы, по малодушію и изъ опасенія бѣдствій, не стали вамъ проповѣдывать слово, чтобы научить васъ истинному знанію, то спасеніе ваше подверглось бы крайней опасности. Видишь ли опять силу и твердость Павла? Чѣмъ они смущались, тѣмъ онъ утѣшаетъ ихъ. Чѣмъ тягостнѣе, говоритъ, становятся наши гоненія, тѣмъ болѣе должна въ васъ умножаться добрая надежда, потому что тѣмъ болѣе открывается и средствъ къ вашему спасенію, случаевъ къ утѣшенію. Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ принести вамъ столько утѣшенія, какъ тѣ великія блага, которыя вы получаете отъ нашей проповѣди? Потомъ, чтобы не подумали, что онъ всю похвалу въ этомъ случаѣ приписываетъ только себѣ одному, посмотри, какъ онъ и ихъ дѣлаетъ общниками тѣхъ же похвалъ. Сказавъ: *аще ли скорбимъ, о вашемъ утѣшеніи и спасеніи*, онъ присовокупляетъ: *дѣйствующемся въ терпѣніи тѣхъ же страданій, яже и мы страждемъ*. Яснѣе то же
302 самое выражаетъ онъ ниже, говоря: *якоже общницы есте страстемъ, такожде и утѣшенію*, здѣсь же пока выразилъ это, обобщая свою рѣчь, словами: *тѣхже страданій*. Смыслъ его словъ таковъ: не мы одни были виновниками вашего спасенія, но и вы

сами. Какъ мы, проповѣдуя, терпимъ скорби, такъ и вы, принимая наше слово, то же самое терпите: мы, чтобы передать вамъ то, что сами получили, а вы, чтобы принять передаваемое и не потерять. Съ тѣмъ можно сравнить такое смиренномудріе Павла, когда онъ и столь далеко отстоящихъ отъ него въ добродѣтели поставляетъ на одной съ собой степени терпѣнія? Именно онъ говоритъ: *дѣйствующемся въ терпѣніи тѣхже страданій*, то есть, не тѣмъ только устрояется спасеніе ваше, что вѣруете, но и тѣмъ, что вы также страдаете и терпите, какъ и мы.

Какъ ратоборецъ, хотя возбуждаетъ удивленіе и тогда, когда только показывается зрителямъ, и даетъ видѣть свою тѣлесную крѣпость и искусство, которымъ онъ владѣетъ; но несравненно болѣе покрывается славою тогда, когда борется со врагомъ, выдерживаетъ удары его и ему самому наноситъ удары,—потому что тогда особенно обнаруживается его сила и высказывается на дѣлѣ высота его искусства,—такъ и спасеніе ваше тогда особенно дѣйствуется, т. е. дѣлается явнымъ, возрастаетъ и возвышается, когда бываетъ соединено съ терпѣніемъ, страданіями и мужественнымъ перенесеніемъ всѣхъ золъ. Такимъ образомъ, дѣйствительная сила спасенія состоитъ не въ томъ, чтобы не дѣлать зла, но въ томъ, чтобы (самимъ мужественно) терпѣть зло. И не сказалъ: дѣйствующемъ, но: *дѣйствующемся*, показывая тѣмъ, что на ряду съ ихъ собственнымъ рвеніемъ много совершила и благодать, дѣйствующая въ нихъ. *И упованіе наше извѣстно о васъ* (ст. 7). То есть, хотя вы терпите и безчисленныя бѣдствія, однако мы увѣрены, что вы не отпадете даже и тогда, когда васъ будутъ гнать. Мы не только не имѣемъ подозрѣнія, чтобы вы смутились нашими страданіями, но и уповаемъ, что вы пребудете 393
тверды и тогда, когда сами подвергнетесь опасностямъ. Видишь, какой плодъ принесло въ нихъ первое посланіе (Павлово)! Здѣсь же онъ гораздо болѣе восхвалилъ ихъ, нежели сколько въ первомъ посланіи хвалилъ и превозносилъ македонянъ. За тѣхъ онъ опасался, и потому говорилъ: *послахомъ* къ вамъ *Тимоѳеа, утвердити васъ и утѣшити въ вѣрѣ, яко ни единому смущатися въ скорбѣхъ сихъ: сами бо вѣсте яко на сіе истое учинени есмы*. И опять: *сего ради и азъ ктому не терпя, послахъ разумѣти вѣру вашу, да не како искусилъ вы искушаяй, и вотще будетъ трудъ нашъ* (1 Сол. III, 2, 3, 5). О коринѳянахъ же ничего подобнаго не говоритъ, а напротивъ, пишетъ: *упованіе наше извѣстно о васъ. Аще ли утѣшаемся, о вашемъ утѣшеніи и спасеніи: вѣдящи, зане якоже общницы есте страстемъ, такожде и утѣшенію*. Что ради нихъ апостолы терпѣли скорби, это уже показалъ онъ выше, когда сказалъ: *аще ли же скорбимъ, о вашемъ утѣшеніи и спасе-*

ніи, а теперь хочетъ показать, что (апостолы) и утѣшались для нихъ же. И выше онъ говорилъ объ этомъ, хотя и не такъ опредѣленно, когда сказалъ: *благословенъ Богъ, утѣшаяй насъ во всякой скорби, яко возмощи намъ утѣшити сущія во всякой скорби.* И здѣсь говоритъ опять то же другими словами, но гораздо яснѣе и назидательнѣе. *Аще ли утѣшаемся*, говоритъ, о *вашемъ утѣшеніи.* Смыслъ этихъ словъ такой: наше утѣшеніе обращается вамъ въ успокоеніе, даже и тогда, когда бы намъ не случилось утѣшать васъ словами. Если мы получимъ только малую отраду, то и этого довольно къ утѣшенію вашему. И хотя бы намъ однимъ случилось получить утѣшеніе, и это уже утѣшитъ васъ, потому что какъ страданія наши вы принимаете, точно свои собственныя, такъ и утѣшеніе наше вы должны считать своимъ собственнымъ. Если въ скорбяхъ нашихъ вы участвуете, почему же не будете участвовать въ радостяхъ? Если же вы во всемъ имѣете общеніе съ нами—и въ скорби и въ утѣшеніи, то не обвиняйте меня за то, что такъ долго медлю придти къ вамъ,—вѣдь и скорбимъ мы для васъ, и утѣшаемся для васъ. Чтобы не показалось кому тяжкимъ сказанное, что для васъ мы терпимъ скорби, онъ присовокупляетъ, что для васъ мы и утѣшаемся; и не одни мы терпимъ бѣдствіе, потому что и вы, говоритъ, участвуете съ нами въ тѣхъ же страданіяхъ.

2. Такимъ образомъ, принимая ихъ въ соучастники въ бѣдствіяхъ и относя къ нимъ причину бѣдствія своего, (апостолъ этимъ самымъ) смягчаетъ свое слово. Итакъ, строятъ ли намъ ковы, говоритъ, будьте тверды духомъ, потому что мы терпимъ это для того, чтобы ваша вѣра дѣлалась сильнѣе. Дается ли намъ утѣшеніе, и вы радуйтесь этому, потому что мы ради васъ получаемъ его, чтобы и вамъ отсюда могло быть нѣкоторое утѣшеніе, какъ участникамъ въ нашей радости. А что онъ дѣйстви-
394 тельно говоритъ теперь о томъ родѣ утѣшенія, которое получилъ онъ, не только будучи утѣшенъ коринѳянами, но еще и узнавъ, что они чувствуютъ облегченіе въ скорбяхъ,—послушай объ этомъ далѣе, гдѣ онъ ясно открылъ это, говоря: *вѣдяще, занеже якоже общницы есте страстемъ, такожде и утѣшенію.* То есть, какъ тогда, когда преслѣдуютъ насъ, вы скорбите, какъ бы сами терпѣли гоненіе, такъ мы увѣрены, что и тогда, когда мы получаемъ утѣшеніе, вы принимаете его такъ, какъ бы вы сами имъ наслаждались. Что можетъ быть смиренномудреннѣе таковой души? Тотъ, кто столько претерпѣлъ бѣдствій, называетъ соучастниками въ нихъ тѣхъ, которые не претерпѣли и малѣйшей ихъ части; а говоря объ утѣшеніи, всю причину его приписываетъ имъ, а не своимъ трудамъ. Потомъ, такъ какъ онъ говорилъ о

скорбяхъ неопредѣленно, то далѣе называетъ и мѣсто, гдѣ ихъ претерпѣлъ: *не бо хощемъ васъ не вѣдѣти, братіе, о скорби нашей, бывшей намъ во Асіи* (ст. 8). Возвѣщаемъ вамъ, говоритъ, объ этомъ, чтобы вы не были въ невѣденіи о случившемся съ нами. Мы желаемъ, чтобы вы знали все, что съ нами происходитъ, и весьма объ этомъ заботимся. А это служитъ величайшимъ доказательствомъ любви его къ нимъ. То же говорилъ онъ и въ первомъ посланіи: *дверь бо ми отверзеся велика и поспѣшна, и сопротивніи мнози* въ Ефесѣ (1 Кор. XVI, 9). Итакъ, желая сдѣлать извѣстными имъ свои скорби и все, что онъ потерпѣлъ, говоритъ: *не хощу васъ не вѣдѣти о скорби, бывшей намъ во Асіи*. Подобное писалъ онъ и въ посланіи къ ефесянамъ; посылая къ нимъ Тихика, представилъ ту же самую причину его посольства: *да увѣсте же*, говоритъ, *и вы яже о мнѣ, что дѣлаю, вся скажетъ вамъ Тихикъ, возлюбленный братъ и вѣренъ служитель о Господѣ: его же послахъ къ вамъ на сіе истое, да увѣсте яже о насъ, и да утѣшитъ сердца ваша* (Ефес. VI, 21, 22). То же самое дѣлаетъ онъ и въ другихъ посланіяхъ. И это было не излишне, а напротивъ, весьма нужно, какъ по побужденію великой любви его къ ученикамъ, такъ по причинѣ непрестанныхъ искушеній, при которыхъ величайшимъ утѣшеніемъ было знать взаимное состояніе другъ друга, чтобы, если оно будетъ скорбное, приготовиться къ подвигу и вооружиться мужествомъ противъ опасностей, если же радостное, то вмѣстѣ раздѣлять радость. Здѣсь, впрочемъ, онъ говоритъ вмѣстѣ и о нападеніи искушеній, и объ освобожденіи отъ нихъ: *яко попремногу отяготихомся паче силы*—подобно кораблю, обремененному сверхъ мѣры какимъ-нибудь грузомъ, и готовому потонуть. Повидимому, (апостолъ) выражаетъ одно и то же словами—*попремногу* и—*паче силы*; на самомъ дѣлѣ однако это не одно и то же. Именно, чтобы кто не сказалъ: какъ ни чрезмѣрна была опасность, но она не велика была для тебя,—(въ предупрежденіе этого апостолъ) присовокупилъ, что она и велика была, и превышала силы наши, и притомъ настолько превышала, *яко не надѣятися намъ и жити*, то есть, мы не чаяли уже и въ живыхъ остаться. Что Давидъ называетъ *вратами ада, болѣзньми смертными* и *сѣнію смерти* (Пс. LXXXVII), то же самое выражаетъ и апостолъ, говоря, что мы подверглись такой опасности, которая несомнѣнно угрожала смертію. *Но сами въ себѣ осужденіе смерти* 395
имѣхомъ, да не надѣющеся будемъ на ся, но на Бога, возставляющаго мертвыя (ст. 9). Что же такое значитъ—*осужденіе смерти*? Значитъ,—приговоръ, опредѣленіе, ожиданіе смерти. Такъ говорили дѣла, такой приговоръ произносили случившіяся обстоятельства, т. е. что мы непремѣнно должны умереть. Впрочемъ, этого не

случилось на самомъ дѣлѣ, но ограничилось только нашимъ ожиданіемъ. Хотя положеніе вещей предвѣщало такой конецъ, но сила Божія не допустила этому приговору придти въ исполненіе, допустивъ совершиться ему только въ нашей мысли и ожиданіи. Потому и говоритъ: *сами въ себѣ*, а не на самомъ дѣлѣ, *осужденіе смерти имѣхомъ*. Для чего же попустилъ Богъ подвергнуться такой опасности, что мы даже потеряли надежду и отчаялись въ жизни? *Да не надѣющеся*, говоритъ, *будемъ на ся, но на Бога.*

3. Впрочемъ, Павелъ сказалъ это не потому, чтобы самъ былъ такъ настроенъ. Нѣтъ; но онъ, подъ видомъ повѣствованія о себѣ самомъ, хотѣлъ только вразумить другихъ, а притомъ сказалъ такъ по свойственному ему смиренію. Подобно говоритъ онъ и ниже: *дадеся ми пакостникъ плоти* (разумѣя искушенія), *да не превозношуся* (хп, 7), показывая впрочемъ, что Богъ и не для того попустилъ эти искушенія, но по другой причинѣ. По какой же именно? Чтобы тѣмъ болѣе просіяла въ немъ сила Божія. *Довлѣетъ бо ти*, говоритъ, *благодать Моя: сила бо Моя въ немощи совершается* (хп, 9). Но, какъ я уже сказалъ, онъ никогда не оставляетъ своего обыкновенія—ставить себя на ряду съ худшими людьми, которыхъ нужно много учить и исправлять. Въ самомъ дѣлѣ, если и для вразумленія обыкновенныхъ людей довольно бываетъ одного или двухъ искушеній, то какъ же тотъ, который подвигами цѣлой жизни стяжалъ особенное предъ всѣми людьми смиренномудріе, и столько претерпѣлъ, сколько никто другой, по истеченіи столькихъ лѣтъ и по достиженіи любомудрія достойнаго небесъ, могъ имѣть нужду въ столь тяжкомъ вразумленіи? Отсюда ясно, что и здѣсь онъ только по смиренію и для приведенія къ тому же смиренію тѣхъ, кто много мечтаетъ о себѣ и гордится собою, говоритъ: *да не надѣющеся будемъ на ся, но на Бога*. И смотри, какъ онъ и этимъ врачуетъ ихъ: Богъ, говоритъ, попустилъ найти на насъ искушеніямъ для васъ. Вотъ сколько вы драгоцѣнны у Бога! *Аще бо скорбимъ*, говоритъ, *о вашемъ утѣшеніи и спасеніи*; а избытокъ искушеній попущенъ собственно для насъ, чтобы не думали много о себѣ. *Яко по премногу и паче силы отяготихомся, да не надѣющеся будемъ на ся, но на Бога, возставляющаго мертвыя.* Здѣсь опять напоминаетъ имъ о воскресеніи, о которомъ такъ много говорилъ въ первомъ посланіи, и настоящими обстоятельствами утверждаетъ его истину.
396 Потому и присовокупилъ: *иже отъ толикихъ смертей избавилъ ны есть* (ст. 10). Не сказалъ: отъ толикихъ опасностей, какъ для того, чтобы показать этимъ непреодолимую силу искушеній, такъ и для того, чтобы еще болѣе увѣрить въ истинѣ своего ученія,

которое предлагалъ прежде. Такъ какъ воскресеніе мертвыхъ есть еще дѣло будущее, то онъ показываетъ здѣсь, что оно и каждодневно бываетъ. Когда Богъ человѣка, отчаявшагося и дошедшаго до вратъ адовыхъ, исторгаетъ оттуда, то что другое дѣлаетъ Онъ, какъ не воскрешаетъ мертваго, изымая изъ самыхъ устъ смерти впадшаго въ нихъ? Потому-то, при неожиданномъ освобожденіи какого-нибудь человѣка изъ отчаяннаго состоянія, какъ-то: отъ жестокой болѣзни, или отъ невыносимыхъ бѣдствій, у многихъ вошло въ обыкновеніе говорить: на этомъ человѣкѣ мы видѣли воскресеніе изъ мертвыхъ. *Уповахомъ же, яко и еще избавитъ, спосп҄ѣшествующимъ и вамъ по насъ молитвою, да отъ многихъ лицъ еже въ насъ дарованіе многими благодарится о насъ* (ст. 11). Такъ какъ слова: *да не надѣющеся будемъ на ся* могли показаться общимъ обвиненіемъ и обличеніемъ, а потому падали и на нѣкоторыхъ изъ коринѳянъ, то онъ опять смягчаетъ сказанное, приписывая молитвамъ ихъ великое предстательство, и вмѣстѣ показываетъ, что намъ непрестанно должно подвизаться въ продолженіе всей жизни. Именно въ словахъ: *уповахомъ же, яко и еще избавитъ* содержится предсказаніе, что еще много будетъ искушеній, и въ нихъ опять не будемъ оставлены, а получимъ помощь и содѣйствіе свыше. Затѣмъ, чтобы они, услышавъ, что имъ непрестанно должно бороться съ бѣдствіями, не пали духомъ, онъ показалъ напередъ пользу бѣдствій, состоящую въ томъ, что они удерживаютъ насъ въ непрестанномъ смиренномудріи—*да не надѣющеся будемъ на ся*, что ими содѣловается спасеніе наше, и еще другія многія блага, какъ-то: общеніе съ Христомъ—*избыточествуютъ*, говоритъ, *страданія Христова въ насъ* (ст. 5), страданіе въ пользу вѣрующихъ—*аще бо*, говоритъ, *скорбимъ, о вашемъ утѣшеніи и спасеніи*, большая очевидность (спасенія вѣрующихъ) — *дѣйствующемся*, говоритъ, *въ терпѣніи тѣхъ же скорбей*, укрѣпленіе (въ терпѣніи) и сверхъ того ясное и какъ бы предъ глазами поставленное доказательство воскресенія—*отъ толикихъ смертей избавилъ ны есть*, утвержденіе насъ въ подвигахъ и непрестанномъ взираніи на Бога—*уповахомъ бо*, говоритъ, *яко и еще избавитъ*, наконецъ пріученіе къ прилежной молитвѣ—*спосп҄ѣшествующимъ и вамъ по насъ молитвою*. Показавъ, такимъ образомъ, пользу скорбей, и вдохнувъ въ нихъ мужество, (апостолъ) вновь воспламеняетъ ихъ сердца и внушаетъ имъ большую готовность и ревность къ добродѣтели тѣмъ, что приписываетъ великую силу ихъ молитвамъ, такъ какъ ими они и Павлу споспѣшествовали: *спосп҄ѣшествующимъ*, говоритъ, *и вамъ по насъ молитвою*. Чтоже значатъ слова его: *да отъ многихъ лицъ еже въ насъ дарованіе многими благодарится о васъ? Избавилъ ны*

есть, говоритъ, *отъ смертей оныхъ, споспѣшествующимъ и вамъ молитвою*, т. е. по ходатайству всѣхъ васъ въ молитвахъ за насъ,
397 потому что *дарованіе, еже въ насъ*, т. е. спасеніе наше, Богъ восхотѣлъ даровать всѣмъ вамъ, чтобы многіе возблагодарили Его, такъ какъ и благодать получили многіе.

4. Это сказалъ онъ какъ для того, чтобы побудить ихъ къ молитвѣ за другихъ, такъ и для того, чтобы пріучить ихъ всегда благодарить Бога и за избавленіе другихъ отъ бѣдствій, показывая вмѣстѣ, что и Богъ особенно желаетъ этого, потому что молящіеся и благодарящіе за другихъ тѣмъ болѣе сдѣлаютъ то и другое въ отношеніи къ себѣ самимъ. Кромѣ того, (апостолъ) научаетъ ихъ и смиренномудрію и возбуждаетъ къ болѣе горячей любви. Въ самомъ дѣлѣ, если онъ самъ, будучи несравненно выше ихъ, приписываетъ свое спасеніе ихъ молитвамъ, и даръ, полученный имъ отъ Бога, ихъ ходатайству, то подумай, какъ они должны были смиряться и уничижаться. Замѣть здѣсь еще и то, что когда Богъ и по милости даруетъ что-нибудь, и здѣсь молитва много содѣйствуетъ. Такъ, хотя въ началѣ посланія (Павелъ) приписалъ спасеніе свое щедротамъ Божіимъ: *Богъ щедротъ*, говоритъ, *той избавилъ ны есть*, но здѣсь приписываетъ онъ и молитвамъ. Такъ и раба, который долженъ былъ десять тысячъ талантовъ, тогда только помиловалъ господинъ его, когда тотъ упалъ къ ногамъ его, хотя и сказано, что *милосердовавъ прости его* (Мѳ. XVIII, 24, 26). Равно и хананейской женѣ (Господь) не прежде даровалъ здравіе дочери ея, какъ послѣ долгаго и неотступнаго ея моленія и терпѣнія, хотя и по милости только исцѣлилъ ее (Мѳ. XV, 22—28). Отсюда мы научаемся, что и тогда, когда хотимъ милости отъ Бога, должны прежде показать себя достойными этой милости, потому что хотя Онъ и милостивъ, однако ищетъ достойныхъ, и не безъ разбора раздѣляетъ Свои милости всѣмъ даже и ожесточеннымъ. *Помилую*, говоритъ, *егоже аще помилую, и ущедрю, его же аще ущедрю* (Исх. XXXIII, 19; Рим. IX, 15). Смотри, что и здѣсь говоритъ (апостолъ): *споспѣшествующимъ и вамъ молитвою*. Не все и имъ приписываетъ, чтобы не довести ихъ до надменности, но и не совсѣмъ лишаетъ ихъ заслуги, чтобы возбудить ихъ усердіе, сдѣлать ихъ ревностнѣйшими и привести ихъ въ союзъ любви между собою. Потому и сказалъ: вамъ даровалъ Богъ спасеніе мое, что часто единодушная и согласная молитва многихъ преклоняетъ Бога. Потому и пророку Іонѣ сказалъ Онъ: *Азъ же не пощажду ли града сего, въ немже живутъ множайшіи, неже дванадесять темъ человѣкъ* (Іон. IV, 11)? А чтобы ты не подумалъ, что только на множество взираетъ (Богъ), говоритъ: *аще будетъ число Израиля, яко песокъ морскій, останокъ спасется*

(Ис. x, 22). Почему же спасъ ниневитянъ? Потому что здѣсь не множество только было, но множество обратившихся къ добродѣтели: *возвратися бо кійждо отъ пути своего лукаваго* (Іон. III, 8), и Спасающій ихъ сказалъ, что они *не познаша десницы, ниже шуйцы* (Іон. IV, 11). Отсюда ясно, что и грѣшили они прежде болѣе по невѣдѣнію, нежели по развращенію; это оправдывается и тѣмъ, что они немногихъ словъ послушались и покаялись. Если же довольно было двѣнадцати темъ для ихъ спасенія, то что и прежде препятствовало спасти ихъ? И почему не сказалъ Богъ пророку: Я ли не пощажду града сего столь искренно покаявшагося, 398
а выставляетъ на видъ эти десятки тысячъ? Ужели напрасно сказано такъ? Нѣтъ! Покаяніе ихъ извѣстно было пророку, а число и простота ихъ не были извѣстны. Итакъ, отовсюду (апостолъ) старается научить коринѳянъ смиренномудрію,—потому что и множество имѣетъ силу только тогда, когда оно соединено съ добродѣтелью.

То же самое и въ другомъ мѣстѣ подтверждаетъ Писаніе, говоря: *молитва же бѣ прилежна, бываемая отъ церкве къ Богу о немъ* (Дѣян. XII, 5). Молитва эта была такъ сильна, что, несмотря на то, что и двери темницы были заперты, и узы связывали апостола, и съ обѣихъ сторонъ около него спали стражи,—извела его изъ темницы и освободила отъ всѣхъ этихъ опасностей. Но насколько сильно множество въ соединеніи съ добродѣтелью, настолько же ничтожно, когда оно исполнено нечестія. Такъ и тѣ израильтяне, о которыхъ говоритъ пророкъ (Ис. x), что *число ихъ* было *яко песокъ морскій*, всѣ погибли. Равно и во дни Ноевы много, даже безчисленное множество было людей; однако это не принесло имъ никакой пользы, потому что одно множество само по себѣ не имѣетъ никакой силы, но сильно только въ соединеніи съ добродѣтелью. Итакъ, будемъ тщательно сходиться на молитву и станемъ молиться другъ за друга, какъ коринѳяне за апостоловъ. Дѣлая это, мы и заповѣдь исполнимъ, и въ любви преуспѣемъ (когда же я называю любовь, то разумѣю здѣсь всѣ добродѣтели), и научимся усерднѣе благодарить Бога. Вѣдь кто за благодѣянія, оказанныя другимъ, благодаритъ Бога, тотъ тѣмъ болѣе будетъ благодарить Его за свои. Такъ поступалъ и Давидъ, который говоритъ: *возвеличите Господа со мною, и вознесемъ имя Его вкупѣ* (Пс. XXXIII, 4). Того же требуетъ вездѣ и апостолъ. То же и мы должны дѣлать,—проповѣдывать предъ всѣми благодѣянія Божіи, чтобы всѣхъ возбудить къ прославленію Бога. Если, возвѣщая всѣмъ благодѣянія, получаемыя отъ людей, мы сильнѣе располагаемъ ихъ къ себѣ, то тѣмъ болѣе, возвѣщая всѣмъ благодѣянія Божіи, мы привлечемъ на себя большее Его благоволеніе. И если, будучи

облагодѣтельствованы людьми, побуждаемъ и другихъ благодарить своихъ благодѣтелей, то тѣмъ болѣе благодарящихъ за насъ должны приводить къ Богу. И если Павелъ такъ дѣлаетъ, самъ имѣя великое дерзновеніе къ Богу, то тѣмъ болѣе мы должны такъ дѣлать.

5. Итакъ будемъ молить святыхъ, чтобы они благодарили за насъ Бога, и сами будемъ дѣлать то же другъ за друга. Правда, это преимущественно долгъ священниковъ, какъ дѣло особенной важности. Приступая къ Богу, мы прежде приносимъ благодареніе за вселенную и за общія блага. Если же всѣхъ вообще касаются благодѣянія Божіи, то въ числѣ всѣхъ и ты получилъ спасеніе. Поэтому, одинъ ли ты получилъ благодѣяніе, ты долженъ благодарить за всѣхъ, всѣ ли вмѣстѣ получили его, справедливо можешь благодарить за себя. Такъ, хотя Господь и не для тебя одного, а для всѣхъ возжегъ солнце, однако и ты пользуешься имъ столько же, сколько и всѣ видятъ, такъ что и ты обязанъ такою же благодарностію Богу, какую должны воздавать Ему всѣ вмѣстѣ. Потому справедливо и ты долженъ благодарить и за общія благодѣянія, равно какъ и за добродѣтели другихъ людей, такъ какъ и за добродѣтели другихъ мы получаемъ многія блага. Такъ, если бы хотя десять праведниковъ нашлось въ городахъ Содомскихъ, они не потерпѣли бы того, что потерпѣли. По-
300 тому и за дерзновеніе, какое другіе имѣютъ у Бога, будемъ благодарить Бога. Это—древній законъ, свыше насажденный въ церкви. Такъ и Павелъ благодаритъ Бога за римлянъ, за коринѳянъ и за всю вселенную. Не говори же мнѣ теперь: это не мое дѣло. Хотя бы и не твое было, и тогда ты долженъ благодарить, потому что это сочленъ твой. Притомъ же ты дѣлаешь его своимъ посредствомъ (общаго) славословія, и, такимъ образомъ, становишься участникомъ въ наградахъ, и самъ получишь благодать.

Вотъ почему законы церковные повелѣваютъ творить молитвы не только за вѣрныхъ, но и за оглашенныхъ. Такъ, церковный законъ побуждаетъ вѣрующихъ молиться и за не посвященныхъ еще въ таинства вѣры. Когда діаконъ говоритъ: *о оглашенныхъ усердно помолимся*, онъ дѣлаетъ не что иное, какъ возбуждаетъ весь народъ вѣрныхъ къ молитвамъ о нихъ, хотя оглашенные еще и чужды вѣрующимъ, такъ какъ не принадлежатъ еще къ тѣлу Христову, еще не имѣютъ общенія въ таинствахъ, еще отдѣлены отъ стада духовнаго. Если же о нихъ должно молиться, то тѣмъ болѣе мы должны молиться о нашихъ членахъ. Для того и говоритъ: *усердно помолимся*, чтобы ты не отринулъ ихъ какъ чуждыхъ, не забылъ какъ чужестранцевъ. Они еще не получили заповѣданной и данной Христомъ молитвы, еще не стяжали дер-

новенія, но имѣютъ нужду въ помощи посвященныхъ въ таинства. Они еще стоятъ внѣ царскихъ чертоговъ, далеко отъ священной ограды. Поэтому они и высылаются, когда приносятся тѣ страшныя молитвы. Потому діаконъ и приглашаетъ тебя молиться за нихъ, чтобы они сдѣлались твоими членами, и не были уже чужестранными и отчужденными: слово—*помолимся* обращается не къ священникамъ только, но относится вмѣстѣ и къ народу; когда говоритъ діаконъ: *станемъ добрѣ, помолимся*, то приглашаетъ этими словами всѣхъ къ молитвѣ. Потомъ, начиная прошеніе, говоритъ: *да всемилостивый и щедрый Богъ услышитъ моленія ихъ*. Чтобы ты не сказалъ: къ чему намъ молиться? они чужды намъ, еще не соединены съ нами—какъ я могу умолить Бога? какъ могу преклонить Его, чтобы явилъ имъ милость Свою и простилъ ихъ?—чтобы ты не смущался такими вопросами, смотри какъ онъ разрѣшаетъ твое недоумѣніе, говоря: *да всемилостивый и щедрый Богъ*. Слышишь ли: *всемилостивый Богъ?* Не сомнѣвайся же болѣе, потому что всемилостивый всѣхъ милуетъ—и грѣшниковъ и друзей. Итакъ не говори: какъ за нихъ приступлю къ Богу? Самъ услышитъ моленія ихъ. Въ молитвѣ же объ оглашенныхъ о чемъ лучше молиться, какъ не о томъ, чтобы имъ не оставаться навсегда оглашенными? Далѣе показываетъ и самый образъ молитвы. Какой же? *Да отверзетъ уши сердецъ ихъ*, которыя заключены еще и ожесточены. Впрочемъ, не о чувственныхъ ушахъ здѣсь говорится, но объ умственныхъ. *Да услышатъ, яже око не видѣ и ухо не слыша, и на сердце человѣку не взыдоша* (1 Кор. II, 9). Они еще 400
не слышали неизреченныхъ тайнъ, потому что стоятъ вдали и отдѣльно отъ вѣрныхъ, а если и слышатъ что, то не разумѣютъ слышаннаго, поскольку здѣсь не довольно одного слышанія, но требуется еще и большое разумѣніе; а они не имѣютъ еще внутренняго слуха. Вотъ почему для нихъ и испрашивается пророческій даръ. И пророкъ также говоритъ о себѣ: *Богъ даетъ мнѣ языкъ наученія, еже разумѣти, егда подобаетъ рещи слово*, зане самъ отверзаетъ уста мои, даде ми рано, *приложими ухо, еже слышати* (Ис. L, 4). Подобно тому, какъ пророки иначе слышали, нежели другіе люди, такъ и вѣрные иначе слышатъ, нежели оглашенные. Отсюда и оглашенный научается не отъ людей ожидать наученія и отверзтія слуха (*не нарицайте*, говоритъ, *учителя на земли*—Мѳ. XXIII, 8), но свыше—съ небесъ: *будутъ вси научены Богомъ* (Ис. LIV, 13). Потому (діаконъ) и говоритъ далѣе: *огласитъ ихъ словомъ истины*, т. е. чтобы излилъ истину въ сердца ихъ,—потому что они еще не знаютъ словъ истины такъ, какъ должно знать. *Да всѣетъ страхъ свой въ нихъ*. Однако, этого еще не достаточно,—потому что одно сѣмя пало при пути, а другое на камнѣ.

6. А мы не того просимъ. Мы просимъ, чтобы какъ плугъ разверзаетъ борозды на тучной землѣ, такъ было бы и здѣсь; т. е., чтобы обновленные приняли въ глубину сердца всѣянное слово и вѣрно сохраняли все слышанное. Поэтому діаконъ и присовокупляетъ: *и утвердитъ вѣру свою въ сердцахъ ихъ*, т. е., чтобы она оставалась не на поверхности, а пустила свой корень въ глубину. *Да откроетъ имъ евангеліе правды.* Здѣсь онъ указываетъ на двоякое покрывало: одно, которое покрываетъ умственныя ихъ очи; другое, которымъ закрыто отъ нихъ евангеліе. Вотъ почему прежде просилъ онъ: *да отверзетъ уши сердецъ ихъ*, теперь же проситъ: *да откроетъ имъ евангеліе правды*, — т. е., да содѣлаетъ ихъ мудрыми и способными къ принятію его, да научитъ ихъ и посѣетъ сѣмена Евангелія. Иначе, хотя они и будутъ способны, но если Богъ не откроетъ имъ, не получатъ отъ того никакой пользы. И обратно: хотя бы и открылъ Богъ, но если они не примутъ открытаго, опять угрожаетъ та же опасность. Вотъ почему мы и просимъ того и другого, — чтобы и сердца отверзъ и евангеліе открылъ. Такъ, и царское украшеніе ничего не представляетъ для глазъ, хотя бы на него и смотрѣли, если оно закрыто, равно какъ и наоборотъ, нѣтъ никакой пользы и отъ того, что оно открыто, если не будутъ смотрѣть на него глаза. Но то и другое можетъ быть достигнуто, когда (люди) сами напередъ пожелаютъ того. Какое же это *евангеліе правды*? То, которое дѣлаетъ людей праведными. Чрезъ то онъ возбуждаетъ въ нихъ желаніе крещенія, показывая, что это евангеліе не только разрѣшаетъ отъ грѣховъ, но и дѣлаетъ праведными. *Да дастъ имъ умъ божественный, цѣломудренный помыслъ и добродѣтельное жительство.* Пусть выслушаютъ это тѣ изъ вѣрныхъ, которые прикованы къ житей-
401 скимъ заботамъ. Если для непосвященныхъ еще намъ повелѣвается просить этого, то подумай, каковы должны быть мы, которые просимъ этого для другихъ? Жизнь наша должна быть сообразна съ евангеліемъ. Вотъ почему и порядокъ молитвы отъ догматовъ идетъ къ жизни. А именно, сказавъ: *да откроетъ имъ евангеліе правды,* прибавляетъ: *да дастъ имъ божественный умъ.* Что значитъ божественный? Значитъ, чтобы Богъ обиталъ въ немъ, какъ и говорится: *вселюся въ нихъ, и похожду* (Лев. XXVI, 12). Когда умъ бываетъ чистъ, когда совлекается грѣховъ, тогда онъ дѣлается домомъ Божіимъ. Когда же Богъ вселяется въ него, то уже ничего не остается въ немъ человѣческаго. И такимъ образомъ онъ дѣлается божественнымъ, все вѣщающимъ отъ Бога, какъ домъ живущаго въ немъ Бога. Отсюда очевидно, что срамословящій не имѣетъ божественнаго ума; равно какъ и любящій веселіе и смѣхъ. *Цѣломудренный помыслъ.* Что же значитъ—имѣть

цѣломудренный помыслъ? Значитъ—стяжать здравіе душевное. Тотъ, кто одержимъ наклонностью ко злу и прилѣпился къ настоящимъ благамъ, не можетъ быть названъ цѣломудреннымъ, т. е. здравымъ. И какъ больной желаетъ и вреднаго себѣ, такъ и этотъ. *И добродѣтельное жительство*,—потому что догматы вѣры требуютъ отъ насъ добродѣтельной жизни. Выслушайте это тѣ, которые приходите къ крещенію при концѣ жизни. Мы молимся, чтобы вы послѣ крещенія имѣли и доброе жительство; а ты всячески стараешься, чтобы умереть, не имѣя добродѣтельной жизни. Положимъ, что ты и получишь оправданіе, но одною вѣрою; а мы просимъ, чтобы ты и дѣлами заслужилъ дерзновеніе предъ Богомъ. *Всегда Божіе мыслити, Божіе мудрствовати и объ угожденіи Ему пещися.* Цѣломудреннаго помысла и добродѣтельной жизни мы просимъ тебѣ не на одинъ день, не на два и не на три, но на цѣлую жизнь, и, какъ основанія всѣхъ благъ, просимъ у Бога, чтобы ты угодное Ему мудрствовалъ. Многіе вѣдь ищутъ своего, а не того, что угодно Іисусу Христу (Филипп. II, 21). Какъ же это можетъ быть? Вѣдь къ молитвѣ должно присоединяться и собственное стараніе, если мы будемъ пребывать въ законѣ Его день и ночь. Потому и въ прошеніи далѣе говоритъ: *въ законѣ Его пребывати*. И какъ выше онъ сказалъ — *всегда*, такъ и здѣсь говоритъ: *день и нощь*. Вотъ почему я и стыжусь за тѣхъ, которые едва и одинъ разъ въ годъ показываются въ церкви. Въ самомъ дѣлѣ, какое могутъ имѣть оправданіе тѣ, которымъ заповѣдано день и ночь не просто заниматься закономъ, но пребывать, т. е. возрастать и жить въ немъ, и которые, между тѣмъ, даже малѣйшей части жизни не посвящаютъ на то, чтобы помнить заповѣди Его и хранить оправданія Его?

7. Видишь ли, какая здѣсь превосходная цѣпь, и какъ каждое звено ея тѣсно связано и согласовано съ другимъ крѣпче и красивѣе всякой золотой цѣпи? Въ самомъ дѣлѣ, послѣ прошенія о дарованіи божественнаго ума, сказываетъ—какъ и стяжать его. Какъ же? Заботясь всегда объ угожденіи Ему. А это какъ? Путемъ непрестаннаго вниманія къ закону Божію. Какъ же могутъ увѣриться въ этомъ люди? Если будутъ хранить заповѣди Его. Вѣрнѣе же сказать, отъ вниманія къ закону Божію является и соблюденіе заповѣдей, подобно тому какъ отъ мудрствованія по Богѣ и стяжанія божественнаго ума рождается забота и попеченіе объ угодномъ Ему. Каждая изъ сказанныхъ добродѣтелей такую имѣетъ силу, что и создаетъ другую и сама сози- 402
дается отъ нея, поддерживаетъ другую и сама поддерживается отъ нея. *Еще прилежнѣе помолимся о нихъ.* Такъ какъ продолжительное слово обыкновенно утомляетъ душу, то онъ опять

возбуждетъ ее. Онъ намѣревается просить чего-то великаго и высокаго, почему и говоритъ: *еще прилежнѣе помолимся о нихъ.* Чего же именно? *Да избавитъ ихъ отъ всякаго злаго и несовмѣстнаго дѣла.* Здѣсь мы просимъ, чтобы Господь не допустилъ ихъ впасть въ искушеніе и избавилъ отъ всякаго навѣта—тѣлеснаго и духовнаго. Потому и присовокупляетъ еще: *отъ всякаго* грѣха діавольскаго, и отъ всякаго нападенія противника, — указывая этимъ на искушенія и грѣхи.

Грѣхъ весьма близокъ къ намъ, отовсюду окружаетъ насъ— и спереди и сзади, и потому легко низлагаетъ насъ. Такъ какъ выше онъ говорилъ о томъ, что намъ должно дѣлать съ своей стороны, т. е. пребывать въ законѣ Божіемъ, помнить заповѣди Его, хранить оправданія Его, то теперь наконецъ убѣждаетъ, что всего этого недостаточно, если самъ Богъ не будетъ присутствовать съ нами и помогать намъ. *Аще бо не Господь созиждетъ домъ, всуе трудишася зиждущіи его* (Пс. cxxvi, 1); и особенно это невозможно для тѣхъ, которые еще подчинены діаволу и находятся подъ его властію. Вы, посвященные въ таинства, знаете уже это. Итакъ, припомните тѣ слова, которыми вы отрекались владычества діавола, когда съ преклоненіемъ колѣнъ добровольно прибѣгли къ Царю своему, произнося тѣ страшныя слова, научающія насъ ни въ чемъ и никогда не слушаться діавола. Называетъ же его противникомъ и діаволомъ, т. е. клеветникомъ, потому, что онъ клевещетъ и на Бога людямъ, и на насъ Богу, и намъ самимъ другъ на друга. Такъ онъ клеветалъ нѣкогда Богу на Іова, говоря: *еда ту не чтитъ Іовъ Господа* (Іов. I, 10)? И опять Іову на Бога: *огнь спаде съ небесе* (I, 16). Подобнымъ образомъ онъ клеветалъ Адаму на Бога, когда говорилъ, что отверзутся очи ихъ (Быт. III, 5). И нынѣ многимъ изъ людей клевещетъ, говоря: не промышляетъ Богъ о мірѣ, но ввѣрилъ вашу судьбу демонамъ. Также многимъ изъ іудеевъ клеветалъ онъ на Христа, называя его льстецомъ и волхвомъ. Можетъ быть кто пожелаетъ знать, какъ онъ дѣйствуетъ на человѣка? Когда не находитъ въ человѣкѣ ума божественнаго и души цѣломудренной; когда человѣкъ забываетъ заповѣди Божіи и не хранитъ оправданій Божіихъ,—тогда діаволъ уводитъ его въ плѣнъ. Такъ, если бы Адамъ помнилъ заповѣдь, гласящую: *отъ всякаго древа снѣси* (Быт. II, 16); если бы сохранилъ повелѣніе, которое говоритъ: *въ онь же аще день снѣсте, смертію умрете* (ст. 17),—то не потерпѣлъ бы того, что потерпѣлъ. *Да сподобитъ ихъ во время благопотребно бани пакибытія, оставленія грѣховъ.* Мы просимъ и настоящаго и будущаго; и разсуждаемъ о купели (крещенія), и показываемъ имъ въ про-
403 шеніи силу ея. Въ самомъ дѣлѣ, прошеніе даетъ имъ ясно ра-

зумѣть, что дѣло въ возрожденіи, и что мы, какъ рождаемся изъ утробы матери, такъ возрождаемся отъ воды,—чтобы кто изъ нихъ не оказалъ съ Никодимомъ: *како можетъ кто родитися старъ сый? Еда можетъ внити во утробу матери своея, и паки родитися* (Іоан. III, 4)? Такъ какъ онъ сказалъ объ оставленіи грѣховъ, то далѣе удостовѣряетъ въ истинѣ этого, говоря: *и одежды нетлѣнія*, потому что кто усыновляется Богу, тотъ очевидно уже дѣлается и нетлѣннымъ. Что же значитъ: *во время благопотребно?* Когда, т. е., готовящійся къ крещенію хорошо расположилъ себя, когда съ усердіемъ и вѣрою приступаетъ къ принятію его, потому что для вѣрующаго такое время и есть благопотребное. *Да благословитъ входы ихъ и исходы, все житіе ихъ.* Здѣсь дозволяется имъ просить и тѣлесныхъ благъ, какъ слабымъ еще въ вѣрѣ. *Домы ихъ и живущихъ въ нихъ*, т. е. слугъ ихъ, сродниковъ и другихъ близкихъ къ нимъ, кого имѣютъ. Все это было въ числѣ наградъ въ ветхомъ завѣтѣ, и ничто не казалось столь страшнымъ, какъ вдовство, безчадіе, преждевременная смерть, голодъ, неуспѣхъ въ дѣлахъ. По этой-то причинѣ церковь на время дозволяетъ и оглашеннымъ просить тѣлесныхъ благъ, понемногу возводя ихъ къ совершенству. Такъ дѣлаетъ и Христосъ, дѣлаетъ и Павелъ, приводя на память своимъ ученикамъ данныя древнимъ благословенія. Такъ Христосъ говоритъ: *блажени кротцыи, яко тіи наслѣдятъ землю* (Мѳ. V, 5). А Павелъ: *чти отца твоего и матерь твою: и будеши долголѣтенъ на земли* (Еф. VI, 2, 3). *Да умножитъ чада ихъ, благословитъ, и въ мѣру возраста приведъ, умудритъ.*

8. Здѣсь опять (проситъ) и тѣлеснаго и духовнаго, какъ еще несовершеннымъ. Далѣе же только духовнаго: *да направитъ все предлагаемое на пользу имъ*, не просто предлагаемое, но на пользу. Такъ часто предлагается, напр., путешествіе, но не приноситъ пользы; или что-нибудь другое подобное, но также безъ пользы. Отсюда они научаются за все благодарить Бога, потому что все направляется къ ихъ пользѣ. Послѣ всего этого наконецъ (діаконъ) повелѣваетъ имъ возстать. Доселѣ онъ держалъ ихъ какъ бы поверженными на землѣ; по испрошеніи же имъ вышесказанныхъ благъ, когда они и сами получили дерзновеніе и вѣру,—онъ возставляетъ ихъ отъ земли и повелѣваетъ и самимъ уже приносить молитвы къ Богу. Сперва мы просимъ за нихъ, потомъ и имъ повелѣваемъ просить за себя, отверзая имъ двери молитвы, подобно тому, какъ дѣтей сперва мы учимъ говорить, а потомъ имъ самимъ велимъ за нами говорить. Такъ мы говоримъ: *ангела мирна просите оглашенніи.* Есть ангелъ мучитель, какъ говоритъ Писаніе: *посланіе ангелы лютыми* (Псал. LXXVII, 50). Есть также ангелъ губитель (2 Цар. XXIV, 16). Поэтому и по-

велѣваемъ имъ просить ангела мирна, и вмѣстѣ научаемъ ихъ прежде всего искать мира, какъ союза всѣхъ благъ,—чтобы они были свободны отъ всякой вражды, всякой брани и всякихъ рас-
404 прей. *Мирна вся прилежаша вамъ*,—потому что и тяжкое при посредствѣ мира дѣлается легкимъ. Вотъ почему и Христосъ сказалъ: *миръ Мой даю вамъ* (Іоан. xiv, 27). Подлинно, ничто не доставляетъ діаволу столь сильнаго оружія, какъ раздоры, вражды и брани. *Настоящаго дне мирна и вся дни жизни вашея просите.* Видишь, какъ опять всю жизнь повелѣваетъ проводить добродѣтельно. *Христіанскія вашея кончины*; *а наипаче всего добраго и полезнаго*,—такъ какъ что не хорошо, то и не полезно. У насъ другое понятіе о полезномъ, нежели какое имѣетъ большая часть людей. *Сами себе живому Богу и Христу Его предадите.* Мы еще не требуемъ отъ нихъ, чтобы они молились за другихъ, но считаемъ достаточнымъ, если они и о себѣ могутъ молиться. Видишь ли полноту и совершенство молитвы, объемлющей и догматы вѣры и правила для жизни? Въ самомъ дѣлѣ, когда говоримъ о евангеліи, объ одеждѣ нетлѣнія, о банѣ пакибытія, то называемъ все догматы; когда же говоримъ о божественномъ разумѣ, цѣломудренномъ помыслѣ и о прочемъ вышеуказанномъ, то указываемъ этимъ на жизнь. Вслѣдъ затѣмъ мы повелѣваемъ имъ преклонить главы въ знакъ того, что молитвы ихъ услышаны, и Богъ благословляетъ ихъ. Подлинно, не человѣкъ благословляетъ, но рукою и устами человѣка мы подклоняемъ главы предстоящихъ Царю небесному, и тогда всѣ взываютъ: аминь. Для чего же все это говорилъ я? Для того, чтобы научить, что мы должны искать пользы другихъ; чтобы не думали вѣрные, что ихъ нисколько не касаются молитвы объ оглашенныхъ. Не стѣнамъ же вѣдь говоритъ діаконъ: *о оглашенныхъ помолимся.* Несмотря на то, нѣкоторые до того несмысленны, безумны и разсѣянны, что не только во время молитвы оглашенныхъ, но и во время молитвы вѣрныхъ стоятъ и разговариваютъ. Вотъ отчего у насъ все не въ порядкѣ, вотъ отчего все идетъ къ погибели,—оттого, что мы и тогда, когда болѣе всего должно умилостивлять Бога, прогнѣвляемъ Его и такъ уходимъ изъ церкви. Намъ повелѣвается здѣсь, въ присутствіи вѣрныхъ, молить человѣколюбца Бога о епископахъ, о пресвитерахъ, о царяхъ, о властяхъ, о землѣ и морѣ, о воздухахъ, о всей вселенной. Итакъ если мы, которые должны имѣть дерзновеніе молиться о другихъ, не молимся и о себѣ съ должнымъ вниманіемъ, то какое будемъ имѣть оправданіе, какое извиненіе? Потому, размысливши обо всемъ этомъ, прошу помнить время молитвы, быть возвышеннѣе духомъ, отрѣшаться отъ земли и воспарять въ самыя выси небес-

ныя, да возможемъ умилостивить Бога и получить обѣтованныя блага, которыхъ и да сподобимся всѣ мы достигнуть благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу со святымъ Духомъ слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА III.

Похваленіе бо наше сіе есть, свидѣтельство совѣсти 405
нашея, яко въ простотѣ и чистотѣ, не въ мудрости плоти, но благодатію Божіею жихомъ въ мірѣ (2 Кор. I, 12).

1. Здѣсь (апостолъ) открываетъ намъ еще другое, не только немаловажное, напротивъ очень важное средство къ утѣшенію, могущее ободрить душу, потопляемую бѣдствіями. Такъ какъ онъ сказалъ: Богъ *избавилъ ны есть*, и все дѣло приписалъ щедротамъ Божіимъ и молитвамъ коринѳянъ, то, чтобы не сдѣлать чрезъ это своихъ слушателей безпечными,—если они будутъ возлагать упованіе свое только на милосердіе Божіе и молитвы другихъ,—онъ далѣе показываетъ, что и сами (апостолы) немало сдѣлали съ своей стороны. На такое участіе свое (апостолъ) и выше указалъ, когда говорилъ: *якоже избыточествуютъ страданія Христова, избыточествуетъ и утѣшеніе наше* (ст. 5). Но здѣсь онъ высказываетъ еще другую свою добродѣтель. Какую же? Ту, что мы, говоритъ, гдѣ ни жили, вездѣ поступали по чистой и искренней совѣсти. А это немало служитъ къ успокоенію и утѣшенію нашему, и не только къ утѣшенію, но и къ другому, что гораздо болѣе утѣшенія,—къ похвалѣ. Такъ говорилъ (апостолъ вѣрующимъ) какъ для того, чтобы и ихъ научить не упадать духомъ въ скорбяхъ, но радоваться, если только будутъ имѣть чистую совѣсть, такъ, отчасти, и для того, чтобы обличить предъ ними лжеапостоловъ. И какъ въ первомъ посланіи говорилъ онъ: *посла мене Христосъ благовѣстити не въ премудрости слова, да не испразднится крестъ Христовъ* (1 Кор. I, 17), и: *да вѣра ваша не въ мудрости человѣческой, но въ силѣ Божіей будетъ* (1 Кор. II, 5), такъ и здѣсь говоритъ: *не въ мудрости, но благодатію Божіею*. Кромѣ того, словомъ: *не въ мудрости* онъ намекаетъ и на нѣчто другое, т. е. не обманомъ и обольщеніемъ; и такимъ образомъ посрамляетъ мірское наученіе. *Похваленіе бо наше*, говоритъ, *сіе есть, свидѣтельство совѣсти нашея*, т. е. когда совѣсть наша не имѣетъ причины осуждать насъ, какъ преступниковъ, преслѣдуемыхъ за

худыя дѣла. Хотя бы, говоритъ, мы терпѣли безчисленныя бѣдствія, хотя бы намъ отвсюду угрожали нападенія и опасности, для нашего утѣшенія, и не только для утѣшенія, но и для полученія вѣнца, достаточно одного свидѣтельства чистой совѣсти—что мы терпимъ эти бѣдствія не за какое-нибудь преступленіе, но за угодное Богу, за добродѣтель, за истинное любомудріе и за спасеніе многихъ. Итакъ, первое утѣшеніе (о которомъ выше говорилъ апостолъ) проистекало отъ Бога; а это (о которомъ теперь говоритъ) отъ нихъ самихъ, и было плодомъ чистой ихъ жизни. Потому-то и похвалою онъ называетъ это утѣшеніе, что оно было плодомъ ихъ добродѣтели. Въ чемъ же эта похвала и что свидѣтельствуетъ намъ совѣсть наша? *Яко въ простотѣ и чистотѣ*,—т. е., ничего не дѣлали коварно, или лицемѣрно, или притворно, или изъ лести, или злонамѣренно, или для обмана и обольщенія, или по другимъ подобнымъ побужденіямъ; но поступали всегда со всякой свободою, простотою, истиною, въ чистотѣ
406 и незлобіи сердца, съ безхитростною душею, не имѣли ничего, что бы нужно было скрывать, ничего зазорнаго. *Не въ мудрости плоти*, т. е. безъ коварства и лукавства, безъ изысканныхъ словъ и хитросплетенныхъ умствованій,—это именно онъ и называетъ плотскою мудростію. Итакъ, чѣмъ (лжеапостолы) надмевались, то именно онъ отвергаетъ, и презираетъ, явно показывая этимъ, что плотское мудрованіе недостойно похвалы, и что самъ онъ не только не ищетъ его, но еще стыдится и отвращается. *Но благодатію Божіею жихомъ въ мірѣ*. Что значитъ: *благодатію Божіею*? Значитъ—премудростію и силою, данными намъ отъ Бога, проявляемыми въ чудесахъ и побѣдѣ надъ мудрецами, риторами, философами, царями и народами, не смотря на то, что мы люди грубые и ничего не заимствовали отъ мірской мудрости. И не маловажное это было утѣшеніе и похвала—въ сознаніи, что они дѣйствовали не человѣческою силою, но совершали все благодатію Божіею. *Въ мірѣ*. Такъ было не въ Коринѳѣ только, но и по всей вселенной. *Множае же у васъ*. Что *множае у васъ*? *Благодатію Божіею жихомъ*. У васъ мы совершали, говоритъ, больше чудесъ и знаменій, большую соблюдали осторожность и заботились о безукоризненномъ образѣ жизни. (Апостолъ) и это называетъ благодатію Божіей, ей же приписывая и собственныя подвиги. Тамъ (въ Коринѳѣ) онъ совершилъ сверхдолжный подвигъ, когда, щадя слабость коринѳянъ, проповѣдывалъ у нихъ евангеліе безъ всякаго со стороны ихъ возмездія. *Не иная бо пишемъ вамъ, но яже чтете и разумѣваете* (ст. 13). Такъ какъ (апостолъ) высказывалъ себѣ великія похвалы и повидимому свидѣтельствовалъ только самъ о себѣ, что могло показаться неудобнымъ, то онъ приво-

дитъ въ свидѣтели того, что говорилъ, опять самихъ коринѳянъ. Пусть, говоритъ, никто не думаетъ, что слова мои самохвальство, неоправданное дѣлами: я передаю вамъ только то, что вы сами знаете, и, что я не лгу, въ томъ мнѣ свидѣтелями прежде другихъ должны быть вы. Читая посланія наши, вы видите, что въ нихъ написано то же самое, что вамъ извѣстно о насъ же на самомъ дѣлѣ, и что ваше свидѣтельство не противорѣчитъ нашимъ посланіямъ, напротивъ, то, что вы прежде знали о насъ, совершенно согласно съ тѣмъ, что читаете о насъ въ посланіяхъ. *Якоже и разумѣете насъ отчасти* (ст. 14), т. е. вы не по слуху знаете о нашихъ дѣлахъ, но изъ самаго опыта. Слово же—*отчасти* (апостолъ) употребилъ изъ скромности. Таковъ уже у него обычай: лишь только скажетъ о себѣ что-нибудь великое, по требованію необходимости (иначе онъ этого не дѣлаетъ), какъ тотчасъ старается смягчить возвышенность словъ своихъ. *Уповаю же, яко и до конца уразумѣете* (ст. 13).

2. Видишь ли, какъ онъ на бывшемъ основываетъ надежду на будущее,—и не только на бывшемъ, но и на силѣ Божіей; не просто выразилъ увѣренность, но все возложилъ на Бога и надежду на Него. *Яко похваленіе вамъ есмы, якоже и вы намъ въ день Господа нашего Іисуса Христа* (ст. 14). Здѣсь (апостолъ), представляя коринѳянъ участниками и сообщниками въ славѣ его дѣяній, предупреждаетъ зависть, которая могла родиться въ нихъ отъ прежнихъ его словъ. Похвала моя, говоритъ, принадлежитъ не мнѣ одному, но отъ меня переходитъ и къ вамъ, и взаимно отъ васъ ко мнѣ. Такъ какъ онъ превознесъ себя, указавъ на прошедшія свои дѣла, и обѣщавъ такія же впредь, то, чтобы слушатели не вздумали упрекать его, какъ человѣка высокомѣрнаго, и не увлеклись, какъ я сказалъ, чувствомъ зависти, онъ раздѣляетъ съ ними славу свою, усвояя и имъ этотъ вѣнецъ похвалъ. Если, говоритъ, мы будемъ дѣйствительно таковы, то наша похвала будетъ и вашей славой, подобно тому, какъ, наоборотъ, когда и вы имѣете добрую славу, мы радуемся, торжествуемъ и увѣнчиваемся. И здѣсь опять слова (апостола) показываютъ великое его смиренномудріе,—онъ говоритъ не какъ учитель съ учениками, а какъ ученикъ съ равными учениками. Такъ онъ умѣряетъ рѣчь свою! И смотри, какъ онъ возводитъ коринѳянъ къ высшему и пріучаетъ ихъ къ любомудрію, когда устремляетъ мысли къ великому дню Господню. Не сказывайте мнѣ, говоритъ, о настоящемъ, т. е. о поношеніяхъ, оскорбленіяхъ, насмѣшкахъ, которыя терпимъ отъ многихъ; земное ничто не важно — ни радости, ни печали, ни порицанія, ни похвалы человѣческія; но вспоминайте тотъ страшный и ужасный день, въ которомъ все

будетъ открыто. Тогда и мы прославимся въ васъ, и вы въ насъ, если откроется, что у васъ были такіе учители, которые ничему человѣческому не учили, и ведя жизнь непорочную, не подавали никакого повода къ соблазну; а у насъ были такіе ученики, которые поступали не такъ, какъ обыкновенные люди,—не колебались, но съ готовностію принимали все и ни въ чемъ не противомудрствовали. И нынѣ открыто это имѣющимъ умъ Христовъ, а тогда откроется всѣмъ. Итакъ, если мы и скорбимъ нынѣ, то не малое имѣемъ и утѣшеніе, какъ отъ доброй совѣсти, такъ и отъ ожидаемаго тогда откровенія. Нынѣ одна совѣсть наша знаетъ, что мы во всемъ поступаемъ по благодати Божіей, какъ и вы это знаете, и еще узнаете; а тогда и всѣ люди узнаютъ и наши и ваши дѣла, и увидятъ, какъ мы прославляемся другъ за друга. Такимъ образомъ, чтобы (коринѳяне) не подумали, что вся слава отъ похвалы принадлежитъ только одному ему, онъ представляетъ и имъ случай къ похваленію, и тѣмъ отвлекаетъ (ихъ вниманіе) отъ настоящихъ скорбей. И какъ поступилъ относительно утѣшенія, сказавъ: *утѣшаемся о вашемъ утѣшеніи*, такъ и здѣсь поступаетъ, говоря: мы хвалимся вами, такъ же какъ и вы нами,— дѣлая ихъ такимъ образомъ участниками себѣ во всемъ—въ утѣшеніи, въ страданіяхъ и въ самомъ спасеніи своемъ, поскольку и это спасеніе приписываетъ ихъ молитвамъ, когда говоритъ: *спосп*ѣ*шествующимъ и вамъ молитвою, избавилъ ны есть Богъ.* Такъ же точно и похвалу свою дѣлаетъ общею (съ коринѳянами). Какъ тамъ говорилъ: *вѣдяще зане якоже общницы есте страстемъ нашимъ, такожде и утѣшенію* (ст. 7), такъ и здѣсь говоритъ: *похва-*
408 *леніе вамъ есмы, якоже и вы намъ. И симъ упованіемъ хотѣхъ къ вамъ пріити прежде* (ст. 15). Какое это *упованіе*? То, говоритъ, что я надѣюсь на васъ, что вы будете моею похвалою, а я вашею, что я отъ сердца люблю васъ, что я не сознаю въ себѣ ничего худого и увѣренъ, что у васъ все духовно, и что свидѣтелями въ этомъ будете для насъ вы. *Хотѣхъ къ вамъ пріити и вами проити въ Македонію.* Но въ первомъ посланіи (апостолъ) далъ противное этому обѣщаніе: *пріиду къ вамъ*, говоритъ, *егда Македонію прейду*; *Македонію бо прохожду* (1 Кор. XVI, 5). Итакъ, почему же онъ говоритъ здѣсь противное? Нѣтъ, не противное. Правда, это противорѣчитъ тому, что онъ писалъ прежде, но не противорѣчитъ его желанію. Поэтому онъ и не сказалъ здѣсь: я писалъ вами пройти въ Македонію, но: *хотѣхъ*. Если, говоритъ, я и не такъ написалъ, но я все же прежде старался и желалъ придти къ вамъ: до такой степени, говоритъ, не хотѣлось мнѣ придти къ вамъ позже, нежели какъ обѣщалъ, что даже хотѣлъ придти ранѣе. *Да вторую благодать имате.* Что такое—*вторую благодать?*

Т. е. сугубую,—одну отъ посланія, другую отъ присутствія. *Благодатію* же здѣсь называетъ онъ радость. *И вами проити въ Македонію, и паки отъ Македоніи пріити къ вамъ, и вами проводитися во Іудею. Сіе же хотя, еда что убо легкотою дѣяхъ* (ст. 16 и 17)?

3. Здѣсь (апостолъ) уже прямо снимаетъ съ себя упрекъ въ замедленіи и неисполненіи своего обѣщанія придти (къ коринѳянамъ). Смыслъ словъ его такой: я хотѣлъ придти къ вамъ. Почему же не пришелъ? Не по легкомыслію ли и не постоянству? (А таково значеніе словъ: *еда что убо легкотою дѣяхъ).* Нѣтъ. Почему же? Потому что, *яже совѣщаваю*, не *по плоти совѣщаваю.* Что же значитъ: не *по плоти?* Не какъ плотской человѣкъ. *Да будетъ у мене, еже ей ей, и еже ни ни.* Но и это еще не ясно. Что же такое онъ говоритъ? Человѣкъ плотской, говоритъ, т. е. прикованный только къ настоящему, въ настоящемъ всегда живущій и не находящійся подъ вліяніемъ Духа Божія, можетъ пойти всюду и блуждать, гдѣ вздумаетъ; напротивъ, служитель Духа Божія, и имъ водимый и управляемый, не можетъ всегда быть господиномъ своей воли, завися отъ власти Духа. Съ нимъ бываетъ то же, что съ вѣрнымъ рабомъ, который только исполняетъ приказанія господина своего, и не имѣетъ власти надъ собою, и не знаетъ отдыха даже на малое время; онъ иногда обѣщаетъ что-либо своимъ товарищамъ, но послѣ не исполняетъ своего обѣщанія, когда оно окажется противнымъ волѣ господина его. Вотъ что значатъ слова (апостола): не *по плоти совѣщаваю,* т. е. я нахожусь подъ управленіемъ Духа Божія, и не имѣю власти идти, куда хочу: я подчиненъ власти и повелѣніямъ Утѣшителя, и Его голосъ руководитъ и управляетъ мною. Потому я и не могъ придти къ вамъ; это не угодно было Духу Божію. Подобное часто бывало и судя по Дѣяніямъ Апостольскимъ (Дѣян. XVI, 6—9): когда апостолы намѣревались идти вмѣстѣ, Духъ повелѣвалъ имъ идти въ другое мѣсто. Итакъ, что я не пришелъ къ вамъ, не смотря на свое обѣщаніе, это зависѣло не отъ легкомыслія моего 409
или непостоянства, но отъ Духа, которому я подчиненъ и долженъ повиноваться. Видишь ли и здѣсь обычный образъ его умствованія? Изъ того, что по мнѣнію другихъ служило доказательствомъ, что онъ разсуждаетъ по плоти, т. е. что онъ не исполнилъ своего обѣщанія, — изъ этого самаго онъ показываетъ, что онъ располагаетъ собою всецѣло по Духу, совершенно противно предпринимаемому по плоти. Что же, скажетъ кто-либо? Развѣ (апостолъ) не по внушенію Духа Божія обѣщался (придти)? Нѣтъ (не по внушенію Духа). Я и прежде говорилъ, что Павелъ не все предвидѣлъ будущее и имѣющее совершиться успѣшно. Вотъ почему и въ первомъ посланіи онъ говоритъ: *да вы мя проводите,*

аможе аще пойду (1 Кор. XVI, 6), — конечно изъ опасенія, чтобы, сказавши—въ Іудею, послѣ не быть принужденнымъ отправиться въ другое мѣсто; здѣсь же, послѣ того какъ этого не случилось, говоритъ уже: *и вами проводитися во Іудею*. Такъ какъ обѣщаніе придти къ нимъ (въ Коринѳъ) было дѣломъ любви его къ нимъ, то онъ и сказалъ объ этомъ ясно. А желаніе его отправиться отъ нихъ въ Іудею нисколько ихъ не касалось; потому онъ и сказалъ раньше объ этомъ неопредѣленно. Но послѣ, когда удостовѣрился и въ этомъ, говоритъ здѣсь уже прямо, что пойдетъ въ Іудею. И это сдѣлано для пользы, —чтобы кто-нибудь изъ нихъ не подумалъ объ немъ болѣе надлежащаго. Въ самомъ дѣлѣ, если бы (апостолы) не показали въ себѣ никакихъ знаковъ немощи человѣческой, то до какого бы нечестія могли дойти люди, когда, несмотря и на эти знаки, хотѣли принести въ жертву имъ воловъ? И что ты удивляешься тому, что Павелъ не всегда зналъ будущее, если иногда не зналъ и того, о чемъ лучше молиться? *О чесомъ бо*, говоритъ, *помолимся, яко же подобаетъ, не вѣмы* (Рим. VIII, 26). И не только это говоритъ, чтобъ показать свою скромность, но еще указываетъ и самый случай, когда онъ не зналъ, о чемъ лучше ему надлежало молиться. Когда же онъ не зналъ этого? Тогда, какъ молился объ удаленіи отъ него искушеній. *Дадеся ми*, говоритъ, *пакостникъ плоти, ангелъ сатанинъ, да ми пакости дѣетъ. О семъ трикраты Господа молихъ. И рече ми: довлѣетъ ти благодать Моя: сила бо Моя въ немощи совершается* (2 Кор. XII, 7—9). Видишь ли, какъ не зналъ (апостолъ), чего ему лучше надлежало просить? А потому и не получилъ, хотя и неоднократно молилъ о томъ. *Вѣренъ же Богъ, яко слово наше, еже къ вамъ, не бысть ей и ни* (ст. 18). Здѣсь (апостолъ) прекрасно разрѣшаетъ возникавшее возраженіе. Если ты, могли ему сказать, обѣщавшись придти къ намъ, отложилъ намѣреніе и у тебя нѣтъ *ей ей* и *ни ни*, напротивъ, ты впослѣдствіи перемѣняешь прежде сказанное тобою, какъ поступилъ касательно твоего путешествія къ намъ,—то—горе намъ!—не случалось ли того же и въ самой проповѣди? Итакъ, чтобы этого не подумали и не смущались, онъ говоритъ: *вѣренъ же Богъ, яко слово наше, еже къ вамъ, не бысть ей и ни*. Въ проповѣди, говоритъ, этого не было, а бывало это только въ дорогѣ и путешествіяхъ. Въ проповѣди наши слова всегда вѣрны и неизмѣнны,—*словомъ же* здѣсь называетъ онъ проповѣдь. Далѣе представляетъ неоспоримое доказательство этого, относя все дѣло проповѣди къ Богу. Слова его имѣютъ такой смыслъ: обѣщаніе придти было мое, т. е. я отъ себя обѣщалъ это; проповѣдь же не мое дѣло, и не человѣческое, но Божіе; а что отъ Бога, то недоступно для лжи и обмана. Поэтому и сказалъ: *вѣренъ*

Богъ, т. е. истиненъ. Итакъ, не заподозривайте того, что происходитъ отъ Бога, и въ чемъ нѣтъ ничего человѣческаго. Упомянувъ же о *словѣ*, (апостолъ) далѣе присовокупляетъ и объясненіе, о какомъ словѣ онъ говоритъ. 410

4. Итакъ, какое же это *слово? Ибо Сынъ Божій*, говоритъ, *иже у васъ нами проповѣданный, мною и Силуаномъ и Тимоѳеемъ, не бысть ей и ни* (ст. 19). Здѣсь онъ выводитъ на сцену и другихъ учителей для того, чтобы этимъ указаніемъ не на слушателей только, но вмѣстѣ и на учителей, еще болѣе подтвердить достовѣрность своего свидѣтельства. Правда (тѣ, на кого указываетъ апостолъ) были ученики же; но онъ, по своему смиренію, причисляетъ и ихъ къ чину учителей. Что же значитъ: *не бысть ей и ни?* Я не извращалъ, говоритъ, смысла первой моей проповѣди; не проповѣдывалъ вамъ нынѣ такъ, а завтра иначе, потому что это свойственно только заблудившемуся разуму, а не вѣрѣ. *Но въ Немъ самомъ ей бысть*, т. е. слово проповѣди остается непоколебимо и твердо. *Елика бо обѣтованія Божія, въ томъ ей, и въ томъ аминь, Богу къ славѣ нами* (ст. 20). Что значитъ: *елика обѣтованія Божія?* Много обѣтованій содержитъ проповѣдь евангельская, и о многихъ обѣтованіяхъ благовѣствовали и проповѣдывали (апостолы). Они говорили и о воскресеніи, и о восхищеніи на небо, и о безсмертіи, и о великихъ наградахъ въ будущей жизни и неизреченныхъ тамъ благахъ. Эти-то обѣтованія (апостолъ) называетъ непреложными, и говоритъ, что въ нихъ не было—ей и ни. Смыслъ его словъ такой: что я вамъ говорилъ объ этихъ обѣтованіяхъ, то не было иногда истинно, а иногда ложно, какъ мое обѣщаніе придти къ вамъ, но всегда истинно. И прежде всего защищаетъ догматы вѣры и слово о Христѣ, говоря: и слово мое и проповѣдь моя *не бысть ей и ни*; потомъ уже самыя обѣтованія: *елика бо обѣтованія Божія, въ томъ ей.* Если же вѣрны обѣтованія Божіи, и нѣтъ сомнѣнія, что Богъ исполнитъ ихъ, то тѣмъ болѣе вѣренъ Онъ самъ, и слово о Немъ твердо, и нельзя сказать, что иногда Онъ есть, иногда же нѣтъ Его, но всегда есть, и одинъ и тотъ же.

Что же значитъ: *въ томъ ей, и въ томъ аминь?* Этими словами онъ показываетъ, что обѣтованія Божіи непремѣнно сбудутся, поскольку и существованіе, и исполненіе ихъ зависитъ отъ Бога, а не отъ человѣка. Итакъ нечего бояться: обѣщаетъ не человѣкъ, котораго можно подозрѣвать въ невѣрности, но Богъ, Который говоритъ и творитъ. *Богу къ славѣ нами.* Что значитъ: *къ славѣ нами?* Онъ исполнитъ обѣтованія Свои чрезъ насъ, т. е. изливая благодѣянія Свои на насъ, къ славѣ Его. Это и значитъ: *Богу къ славѣ.* А если исполненіе обѣтованій служитъ къ славѣ

Божіей, то они непремѣнно исполнятся, потому что Богъ не можетъ презрѣть Своей славы, хотя бы и презрѣлъ наше спасеніе, равно какъ и въ силу безпредѣльнаго Его человѣколюбія. Кромѣ того, спасеніе наше тѣсно соединено съ Его славою, которая открывается въ исполненіи обѣтованій Его. Итакъ, если исполненіе обѣтованій служитъ къ славѣ Божіей, то конечно совершится и наше спасеніе. То же самое постоянно внушаетъ (апостолъ) и въ посланіи къ Ефесеямъ, когда говоритъ: *въ похвалу славы Его* (Ефес. I, 14); и вездѣ употребляетъ такія выраженія, желая показать необходимость исполненія обѣтованій Божіихъ. То же говоритъ и здѣсь, т. е. что обѣтованія Божіи непреложны, такъ какъ исполненіе ихъ служитъ не только къ нашему спасе-
411 нію, но вмѣстѣ и къ славѣ Божіей. Итакъ не безпокойся, говоритъ, о томъ, что обѣтованія эти чрезъ насъ возвѣщены, и не сомнѣвайся въ вѣрности ихъ исполненія, потому что исполненіе ихъ зависитъ не отъ насъ, а отъ Бога, Которому они и принадлежатъ, такъ какъ мы возвѣстили вамъ не свои, а Его обѣтованія. *Извѣствуяй же насъ съ вами во Христа и помазавый насъ, Богъ:* и запечатлѣвшій и давшій *обрученіе Духа въ сердца наши* (ст. 21, 22). Опять изъ бывшаго утверждаетъ истину будущаго. Если, говоритъ, самъ Богъ утверждаетъ насъ во Христѣ, т. е. не попускаетъ намъ колебаться въ вѣрѣ во Христа, и самъ помазалъ насъ и даровалъ Духа въ сердца наши, то какъ не даруетъ намъ благъ, обѣтованныхъ въ будущей жизни? Если Онъ даровалъ уже начало и основаніе, корень и источникъ благъ, т. е. истинное познаніе о Немъ и причастіе Св. Духа, то какъ же Онъ не дастъ тѣхъ благъ, которыя проистекаютъ отсюда? Подлинно, если и настоящія блага, которыми пользуемся, даны ради тѣхъ, которыхъ ожидаемъ еще, то тѣмъ болѣе даровавшій эти блага даруетъ и ожидаемыя. И если первыя блага Онъ даровалъ намъ тогда, когда мы были еще врагами Его, то тѣмъ болѣе даруетъ намъ вторыя, когда мы сдѣлались уже любезными Ему. Потому-то (апостолъ) и не сказалъ просто—Духа, но прибавилъ—*обрученіе*, чтобы этимъ увѣрить насъ въ полученіи всего обѣщаннаго Богомъ. Дѣйствительно, если бы Богъ не хотѣлъ даровать намъ всего, что обѣщалъ, то не благоволилъ бы дать и залога, чтобы не потерять его попусту и напрасно. И смотри, какое благомысліе у Павла! Что еще, говоритъ онъ, должно сказать въ подтвержденіе того, что истина обѣтованій зависитъ не отъ насъ, когда и то самое, что вы твердо и непоколебимо стоите въ вѣрѣ, зависитъ не отъ насъ, но отъ Бога? *Извѣствуяй же* (βεβαιῶν—утверждающій) васъ, говоритъ, *Богъ*,—т. е. не мы утверждаемъ васъ, потому что и мы сами имѣемъ нужду въ утверждающемъ.

Итакъ, никто не долженъ думать, что истина проповѣди чрезъ насъ подвергается опасности. Самъ (утверждающій насъ въ вѣрѣ) все принялъ на Себя, самъ о всемъ печется.

5. Что же значитъ: *помазавый* и запечатлѣвшій? Значитъ— даровавшій Духа, чрезъ Котораго совершилъ и то и другое—помазаніе и запечатлѣніе, содѣлавъ насъ вмѣстѣ и пророками, и священниками, и царями, потому что въ древности были помазываемы получавшіе эти достоинства. Но мы нынѣ имѣемъ не одно которое-нибудь изъ этихъ достоинствъ, но всѣ три, и притомъ въ высшей мѣрѣ, такъ какъ мы и царство надѣемся получить, и содѣлываемся священниками, когда приносимъ тѣла наши въ жертву Богу, (по наставленію апостола, который) говоритъ: *представите* члены ваши *жертву живу, благоугодну Богови* (Рим. XII, 1), наконецъ мы дѣлаемся и пророками, потому что чего *око не видѣ и ухо не слыша*, то открыто намъ (1 Кор. II, 9). Но царями мы можемъ быть еще и иначе, именно—если будемъ обуздывать неумѣстные помыслы. Что такой (обуздывающій свои помыслы) дѣйствительно есть царь, и даже болѣе, чѣмъ облеченный только въ діадему, это я теперь же покажу вамъ. Царь имѣетъ много войска, а мы и болѣе того имѣемъ помысловъ. Въ самомъ дѣлѣ, невозможно исчислить необъятнаго множества помысловъ нашихъ. Впрочемъ, можно видѣть не только многочисленность нашихъ помысловъ, но и то, что въ этомъ множествѣ ихъ есть и полководцы, и тысящники, и сотники, и стрѣлки, и пращники. Что еще отличаетъ царя? Одежды. Но и онъ (обуздывающій свои помыслы) облекается еще въ лучшую и дра- 412
гоцѣннѣйшую одежду, которой ни моль не снѣдаетъ, ни время не истребляетъ. Онъ имѣетъ и многовидный славный вѣнецъ, — вѣнецъ милосердія Божія, какъ сказано: *благослови душе моя Господа, вѣнчающаго тя милостію и щедротами* (Пс. CII, 1, 4); вѣнецъ славы — *славою и честію вѣнчалъ еси Его* (Пс. VIII, 6); вѣнецъ благоволенія Божія — *яко оружіемъ благоволенія вѣнчалъ еси насъ* (Пс. V, 13); вѣнецъ благодатей — *вѣнецъ бо благодатей пріимеши на твоей главѣ* (Притч. I, 9). Видишь ли, какъ разнообразно украшена эта діадема, и насколько она великолѣпнѣе обыкновенной. Но изслѣдуемъ тщательнѣе и глубже принадлежности этихъ царей. Обыкновенный царь, имѣя во власти своей копьеносцевъ, всѣмъ имъ даетъ повелѣнія, и всѣ они повинуются и служатъ ему. Но я покажу тебѣ, что другой царь имѣетъ бóльшую власть. Что касается числа подвластныхъ, то оно у обоихъ равное, или даже у послѣдняго и больше; остается только разсмотрѣть покорность (тому и другому оказываемую). Не представляй мнѣ здѣсь въ примѣръ (царей) лишившихся

царства, или умерщвленныхъ собственными ихъ тѣлохранителями. Нѣтъ, не такихъ (царей) выведемъ на сцену, но съ той и другой стороны поищемъ такихъ, которые благополучно управляли своими царствами. Итакъ, представь съ своей стороны кого угодно, а я всякому, кого ты представишь, противопоставлю одного патріарха (Авраама).

Подумай, какое множество помысловъ должно было возстать въ душѣ его, когда ему повелѣно было принести въ жертву сына? Однако всѣ эти помыслы онъ покорилъ, и всѣ они повиновались ему съ бо́льшимъ страхомъ, чѣмъ какому-нибудь царю его тѣлохранители. Однимъ взоромъ онъ укротилъ всѣ помыслы, такъ что ни одинъ изъ нихъ не осмѣлился показать ни малѣйшаго знака противорѣчія, но всѣ преклонились предъ нимъ, и покорились ему какъ царю, хотя по природѣ они весьма непокорны и даже неукротимы. Не такъ страшны острія копій, прямо устремленныхъ многочисленными воинами, какъ страшны были тогда эти помыслы. Естественная любовь отца къ сыну—не острѣе ли самыхъ копій? Потому она могла и уязвлять душу отца гораздо глубже, чѣмъ самое изощренное остріе копья. Не бывало столь остраго копья, какъ остры были стрѣлы помысловъ, изощряемыя въ глубинѣ души родительскою любовію къ сыну, и пронзавшія сердце праведника. Тамъ потребны и время, и намѣреніе, и ударъ, и чувство мучительной боли, а затѣмъ уже слѣдуетъ смерть. Здѣсь же ничего подобнаго не требовалось; слѣдовательно и раны наносимы были несравненно скорѣе и глубже. Но несмотря на то, что противъ него ополчилось тогда такое множество помысловъ, въ душѣ его была великая тишина; и всѣ помыслы, предстоя предъ нимъ въ стройномъ чинѣ, болѣе украшали его, нежели устрашали. Итакъ, посмотри на этого праведника въ ту минуту, когда онъ извлекъ ножъ, и противопоставляй ему какихъ тебѣ угодно царей—Августовъ, Кесарей. Ты вѣрно не представишь ничего столь высокаго, и никогда не найдешь образца столь величественнаго и столь достойнаго небесъ. Этотъ праведный мужъ восторжествовалъ тогда надъ самовластіемъ самымъ могущественнымъ, потому что нѣтъ ничего самовластнѣе природы. Поэтому хотя бы ты представилъ тысячи мужей, которые умертвили тирановъ, ты не укажешь намъ ни одного подобнаго мужа. По-
413 истинѣ, это была побѣда, свойственная ангелу, а не человѣку. Смотри. Природа повержена долу со всѣмъ ея оружіемъ, со всѣмъ воинствомъ; а онъ твердо стоитъ, простерши руки не съ вѣнцомъ, но съ ножемъ, который блистательнѣе всякаго вѣнца; и сонмы ангеловъ рукоплещутъ ему, и самъ Богъ съ небесъ провозглашаетъ его побѣдителемъ. Такъ какъ онъ былъ граждани-

номъ неба, то оттуда же онъ получилъ и провозглашеніе. Итакъ, что можетъ быть славнѣе этого? Или, лучше, что могло бы равняться этой наградѣ? Если бы и на олимпійскихъ играхъ одержавшаго побѣду не глашатай, стоящій внизу, но самъ царь, вверху сидящій, вставъ, провозгласилъ побѣдителемъ, то не почелъ ли бы онъ такое провозглашеніе наградою, блистательнѣйшею самыхъ вѣнцовъ, и не обратилъ ли бы на себя вниманія всѣхъ зрителей? Скажи же теперь, на какой степени славы и величія должно поставить этого святого мужа, котораго не земной царь, но самъ Богъ съ неба во всеуслышаніе провозглашаетъ побѣдителемъ,—не на олимпійскомъ зрѣлищѣ, но на зрѣлищѣ цѣлаго міра, предъ сонмами ангеловъ и архангеловъ? Если угодно, выслушаемъ и самое провозглашеніе. Въ чемъ же состояло это провозглашеніе? *Авраамe, Авраамe, да не возложиши руки твоея на Исаака, ниже да сотвориши ему что: нынѣ бо познахъ, яко боишися ты Бога, и не пощадѣлъ еси сына твоего возлюбленнаго Мене ради* (Быт. XXII, 12). Что же это значитъ? Ужели Тотъ, Который знаетъ всѣ вещи прежде бытія ихъ, только теперь узналъ (Авраама)? Вѣдь и человѣку даже была очевидна богобоязненность этого мужа: столько показалъ онъ примѣровъ своего повиновенія Богу,— напр., когда Богъ сказалъ ему: *изыди отъ земли твоея и отъ рода твоего* (Быт. XII, 1), когда для Бога и изъ благоговѣнія къ Нему предоставилъ племяннику своему избрать плодоноснѣйшую страну, когда избавилъ его отъ великихъ и многихъ опасностей, когда по повелѣнію Божію не усумнился идти въ Египетъ, и не огорчился, когда тамъ лишился было жены, и во многихъ другихъ случаяхъ. По этимъ примѣрамъ, какъ я сказалъ, богобоязненность (Авраама) могъ знать и человѣкъ, не только Богъ, Который не имѣетъ нужды выжидать самыхъ дѣлъ, чтобы видѣть ихъ послѣдствія. Притомъ какъ же (Богъ) и оправдалъ его, если не зналъ его? *Вѣрова*, говорится, *Авраамъ и вмѣнися ему въ правду* (Рим. IV, 3).

6. Итакъ, что же значитъ: *нынѣ познахъ*? Сирскій переводчикъ передаетъ эти слова такъ: *нынѣ ты показалъ*, т. е. людямъ. Я самъ, говоритъ, давно зналъ тебя, еще прежде всѣхъ Моихъ тебѣ повелѣній. Но почему же и людямъ (показалъ только) теперь? Развѣ прежніе примѣры недостаточны были показать его богобоязненность? Безъ сомнѣнія, достаточны. Но этотъ послѣдній примѣръ, несомнѣнно, настолько превосходитъ всѣ прежніе, что тѣ въ сравненіи съ нимъ кажутся ничего не значащими. Итакъ, *нынѣ познахъ* сказано съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы превознести этотъ послѣдній подвигъ (Авраама) и поставить его выше всѣхъ другихъ. Это обыкновенный образъ выраженія и у мно-

гихъ людей въ случаяхъ особенной важности и превосходящихъ прежніе. Напримѣръ, если кто получитъ отъ другого даръ, несравненно больше прежнихъ, то онъ обыкновенно говоритъ: теперь я узналъ, что такой-то любитъ меня, выражая этимъ не то,
414 чтобы онъ прежде не зналъ этого, а желая показать, что настоящій даръ болѣе всѣхъ (прежде полученныхъ). Такъ и Богъ, бесѣдуя (съ Авраамомъ) человѣческимъ языкомъ, говоритъ: *нынѣ познахъ*, желая показать не что иное, какъ превосходство настоящаго его подвига, а не то, чтобы въ это время только узналъ его богобоязненность, или какъ велика эта богобоязненность. Такъ и тогда, когда Онъ сказалъ: пріидите, сошедши узримъ (Быт. XVIII, 21), сказалъ такъ не потому, чтобы Ему нужно было сходить,—вѣдь Онъ все наполняетъ и все ясно видитъ,—но для того, чтобы насъ вразумить, что Онъ не безъ причины что-либо опредѣляетъ. Также, когда Давидъ говоритъ: *Господь съ небесе приниче* (Псал. XIII, 2), то этой метафорой, взятой отъ людей, означаетъ въ Богѣ точное познаніе. Такъ и здѣсь: *нынѣ познахъ*—для того сказалъ (Богъ), чтобы показать, что этотъ подвигъ выше всѣхъ прежнихъ; и въ подтвержденіе этого присовокупляетъ слѣдующія слова: *яко не пощадѣлъ еси сына твоего возлюбленнаго Мене ради*. Не сказалъ просто—*сына*, но присовокупляетъ еще—*возлюбленнаго*. Въ самомъ дѣлѣ, (Авраамъ) съ твердостію подвизался здѣсь не только противъ природы, но и противъ той любви къ сыну, которая была особенно велика въ немъ, какъ въ силу собственной добродѣтели, такъ и въ виду многихъ добродѣтелей сына. Если же отцы неравнодушно переносятъ смерть и преступныхъ дѣтей, но и ихъ оплакиваютъ, то кто выразитъ высоту любомудрія этого отца, который рѣшился заклать собственными руками сына, — сына настоящаго, единороднаго, возлюбленнаго, Исаака? Подлинно, этотъ подвигъ блистательнѣе цѣлыхъ тысячъ діадемъ и безчисленныхъ вѣнцовъ. У того, кто носитъ обыкновенный вѣнецъ, можетъ отнять его не только внезапная смерть, но и прежде смерти еще тысячи неблагопріятныхъ обстоятельствъ; напротивъ, у того, кто украшенъ этою необыкновенною діадемою, отнять все и послѣ смерти не можетъ никто—ни свой, ни чужой. Разсмотри же, прошу, и драгоцѣннѣйшій камень въ этой діадемѣ,—потому что наверху она закрѣпляется какъ бы драгоцѣннымъ камнемъ. Чѣмъ же это? Словомъ: *Мене ради*. Въ самомъ дѣлѣ, не то удивительно, что не пощадилъ сына, но то, что—ради Него. О, блаженная десница! Какой чудный ножъ ты воспріяла? О, дивный ножъ! Какая чудная десница тебя воспріяла? О, дивный ножъ! На какое употребленіе ты назначенъ, какое ты совершилъ служеніе, и сколь чуднымъ образомъ послужилъ? Какъ это — и

обагрился ты кровію, и не обагрился? Я не знаю уже, что и сказать: такъ страшно было это таинство! Ножъ не коснулся тѣла отрока, не прошелъ чрезъ гортань этого святого, не обагрился кровію праведника; а если справедливѣе сказать, то и коснулся, и прошелъ, и обагрился кровію, и потопленъ былъ въ ней, и не былъ потопленъ. Можетъ быть вамъ кажется, что я противорѣчу самъ себѣ, какъ потерявшій разсудокъ. И дѣйствительно, разсудокъ мой теряется при размышленіи о чудѣ, случившемся съ этимъ праведникомъ; однако я нисколько не противорѣчу себѣ. Дѣйствительно, рука этого праведника вонзила уже ножъ въ гортань сына, но рука Божія и вонзенному ножу не допустила обагриться кровію. Не Авраамъ только держалъ ножъ, но и Богъ. И тогда какъ Авраамъ наноситъ ударъ рѣшеніемъ воли, Богъ останавливаетъ его Своимъ гласомъ. Одинъ и тотъ же гласъ и вооружилъ десницу праведника и удержалъ ее, и рука, управляемая Богомъ, какъ бы вождемъ, все дѣлала по Его мановенію, и во всѣхъ движеніяхъ повиновалась Его гласу. Смотри, въ са- 415
момъ дѣлѣ: Богъ сказалъ: заколи,—и она тотчасъ вооружилась; сказалъ: не заколай,—и она тотчасъ отлагаетъ оружіе. Такъ искусно устроено было все. Такимъ образомъ, Богъ показалъ въ немъ всему міру—вождя и воина, сонмамъ ангеловъ—вѣнценоснаго священника, царя, увѣнчаннаго діадемою, или лучше сказать—ножемъ, съ побѣднымъ знаменіемъ въ рукѣ, героя, побѣдителя безъ сраженія. Подобно тому, какъ какой-нибудь военачальникъ, выставивъ впередъ искуснаго и мужественнаго воина, однимъ вращеніемъ оружія, однимъ видомъ и быстротою движенія его часто приводитъ въ страхъ врага своего, такъ и Богъ однимъ только произволеніемъ, однимъ только видомъ и положеніемъ праведника поразилъ и обратилъ въ бѣгство всеобщаго нашего врага діавола, который, я думаю, тогда бѣжалъ въ страхѣ и ужасѣ. Но, скажетъ кто-нибудь, почему же Богъ не попустилъ десницѣ праведника обагриться кровію (сына), чтобы тотчасъ воскресить закланнаго? Потому что Богу несвойственно принимать такія кровавыя жертвы: онѣ служатъ трапезою только для проклятыхъ демоновъ. Здѣсь же (въ жертвоприношеніи Авраамовомъ) открылись вмѣстѣ—и человѣколюбіе Владыки, и вѣрность раба. Прежде (Авраамъ) вышелъ только изъ земли своей; а теперь отказался даже отъ своей природы. Потому-то и получилъ сверхъ сына еще и другое несравненно большее,—и весьма справедливо. Въ самомъ дѣлѣ, онъ рѣшился не называться отцомъ, лишь бы предъ Богомъ явиться вѣрнымъ рабомъ, и за это не только остался отцомъ, но сдѣлался еще и священникомъ. И такъ какъ онъ отказался отъ своего для Бога, за это и Богъ,

возвративъ, что было его, даровалъ ему и Свое. Притомъ, когда враги строятъ козни праведникамъ, Богъ попускаетъ дойти искушеніямъ до самаго дѣла и тогда творитъ чудеса,—такъ было, напр., въ печи вавилонской, и во рвѣ львиномъ,—когда же самъ повелѣваетъ имъ что-либо, то повелѣніе Его останавливается на готовности ихъ исполнить его.

7. Скажи же теперь, чего еще недоставало къ этой доблести? Въ самомъ дѣлѣ, развѣ Авраамъ предвидѣлъ, что будетъ? Развѣ могъ предугадывать человѣколюбіе Божіе? Правда, онъ былъ пророкъ, но и пророкъ не все знаетъ. Иначе, закланіе (Исаака) было бы излишне и недостойно Бога. Если же ему нужно было узнать, что Богъ силенъ воскресить и изъ мертвыхъ, то это онъ гораздо убѣдительнѣе узналъ въ разрѣшеніи неплодія Сарры, или даже еще прежде этого примѣра, потому что вѣровалъ. Ты же долженъ не удивляться только этому праведнику, но и соревновать ему. Видя, какъ онъ во время такого великаго возмущенія и обуреванія волнъ плыветъ какъ бы при ясной и тихой погодѣ, и ты, подобно ему, возьми въ руки кормило послушанія и мужества. Не о томъ только разсуждай, что онъ устроилъ жертвенникъ и приготовилъ дрова, но вспомни и то, что говорилъ ему сынъ его, и размысли, сколько страшныхъ полчищъ устремилось на него, когда онъ, отецъ, услышалъ отъ сына слова: *гдѣ овча* (Быт. ххII, 7)? Подумай, сколько тогда возстало на него помысловъ, вооруженныхъ не желѣзомъ, но огненными копьями, которыя поражали и пронзали сердце его со всѣхъ сторонъ? Если и теперь многіе, даже не будучи отцами, сокрушаются объ этомъ и проливаютъ слезы, не зная, чѣмъ кончилось это дѣло; многіе же, и зная это, плачутъ, какъ я вижу,—то какія страданія долженъ былъ вытерпѣть тотъ, который родилъ, воспиталъ и, будучи уже въ старости, имѣлъ только одного этого сына, котораго теперь
416 видитъ предъ собою, слышитъ эти слова и готовится тотчасъ умертвить? Съ другой стороны, какое благоразуміе въ словахъ (сына)! Съ какой кротостію онъ выслушиваетъ отвѣтъ (отца)! И кто же тутъ дѣйствовалъ? Ужели діаволъ, чтобы еще болѣе разжечь сердце (Авраама)? Нѣтъ,—тутъ дѣйствовалъ Богъ, чтобы еще болѣе испытать и очистить златую душу этого праведника. Когда говорила жена Іова, тогда дѣйствовалъ діаволъ, потому что таковъ былъ совѣтъ (Іов. II, 9). Но Исаакъ не произнесъ ни одного богохульнаго слова; напротивъ, все говорилъ весьма благочестиво и благоразумно. Необыкновенно трогательны были слова его, и какъ медъ сладкія истекали изъ его спокойной и кроткой души. Каменное сердце могли смягчить такія слова; но они нисколько не тронули и не поколебали того адаманта (Авраама).

Онъ не сказалъ: для чего ты называешь отцомъ того, кто немного спустя не будетъ твоимъ отцомъ; того, кто лишился уже этой чести? Но для чего сынъ спрашиваетъ (отца)? Конечно, не просто изъ любопытства и не по излишней любознательности, но потому, что и онъ заботился объ исполненіи предпринятаго (жертвоприношенія). Онъ такъ разсуждалъ съ собою: если бы отецъ не хотѣлъ сдѣлать меня участникомъ (жертвоприношенія), то не оставилъ бы рабовъ при подошвѣ горы, а меня не взялъ бы одного (на гору). Вотъ почему онъ и спрашиваетъ отца тогда, когда они были одни и никто не могъ слышать ихъ разговора. Вотъ какъ благоразуменъ былъ этотъ сынъ! Мужи и жены, не воспламеняется ли сердце у всѣхъ васъ? Не каждый ли изъ васъ мысленно готовъ обнять и облобызать этого отрока? Кто изъ васъ не дивится его благоразумію, и не изумляется той благоговѣйной покорности его, по которой онъ и въ то время, какъ (отецъ) связывалъ его и возлагалъ на дрова, не испугался, не вскочилъ, не сталъ обличать отца, какъ бы сумасшедшаго; напротивъ, позволилъ ему связать себя, вести и возложить на дрова, и все это перенесъ молча, какъ какой-нибудь агнецъ, или—лучше—какъ общій всѣхъ Владыка? И дѣйствительно, Исаакъ подражалъ Ему въ послушаніи и кротости, и былъ образомъ Его: *яко овча на закоденіе ведеся и, яко агнецъ предъ стригущимъ его, безгласенъ* (Ис. LIII, 7). Правда, отрокъ этотъ говорилъ; но говорилъ также и Владыка его. Какъ же онъ былъ безгласенъ? То есть, ничего не говорилъ дерзко и грубо, но все такъ скромно и уступчиво, что слова его болѣе, чѣмъ молчаніе, обнаруживали покорность и кротость его. Точно также и Христосъ хотя ударившему Его въ ланиту и сказалъ: *аще злѣ глаголахъ, свидѣтельствуй о злѣ; аще ли добрѣ, что Мя біеши* (Іоан. XVIII, 23)?—но этими словами еще болѣе обнаружилъ Свою кротость, чѣмъ если бы промолчалъ. И какъ Исаакъ произносилъ имя отца у жертвенника, такъ и Христосъ съ креста взывалъ, говоря: *Отче, отпусти имъ: не вѣдятъ бо что творятъ* (Лук. XXIII, 34). Что же патріархъ? *Богъ узритъ Себѣ овча во всесожженіе, чадо* (Быт. XXII, 8). Оба они произносятъ естественныя имена — одинъ отца, другой — сына. Жестокая война и сильная буря поднимается съ обѣихъ сторонъ, а кораблекрушенія нѣтъ ни на которой изъ нихъ. И это потому, что всѣмъ управляетъ любомудріе. Потомъ, лишь только услышалъ Исаакъ имя Бога, ни слова уже не говорилъ болѣе, чтобы не любопытствовать напрасно. Такъ благоразуменъ былъ этотъ отрокъ въ самомъ цвѣтѣ возраста! Итакъ, видишь, сколько воинствъ и въ скольких сраженіяхъ побѣдилъ этотъ царь? Подлинно, варвары, часто нападавшіе на Іерусалимъ, не были такъ страшны для этого города,

какъ (для Авраама) помыслы, отовсюду на него возстававшіе. И
417 однако, онъ восторжествовалъ надъ всѣми ими. Желаешь ли видѣть въ немъ и священника? Доказательство не далеко. Въ самомъ дѣлѣ, когда ты видишь его съ огнемъ и ножемъ въ рукахъ стоящимъ у жертвенника,—почему послѣ этого будешь сомнѣваться въ его священствѣ? Если хочешь видѣть и жертву, имъ принесенную, можешь видѣть,—даже сугубую. Онъ принесъ сына, принесъ и овна, а прежде всего свою волю. Кровію овна онъ освятилъ свою десницу, а закланіемъ сына свою душу. Такимъ образомъ, онъ рукоположенъ во священника кровію единороднаго и принесеніемъ въ жертву агнца, подобно тому какъ и (подзаконные) священники освящаемы были кровію (жертвъ) приносимыхъ Богу. Желаешь ли, наконецъ, видѣть (въ Авраамѣ) и пророка? *Авраамъ отецъ вашъ радъ бы былъ, дабы видѣлъ день Мой: и видѣ, и возрадовася*, говоритъ (Христосъ) (Іоан. VIII, 56). Такъ точно и ты въ купели крещенія содѣлываешься царемъ и священникомъ и пророкомъ: царемъ, повергнувъ долу всѣ злыя дѣла и умер-
418 твивъ грѣховныя пожеланія; священникомъ чрезъ посвященіе себя Богу, чрезъ принесеніе тѣла своего въ жертву Ему и чрезъ духовное закланіе самого себя, (по словамъ апостола, который) говоритъ: *аще съ Нимъ умрохомъ, то съ Нимъ и оживемъ* (2 Тим. II, 11); наконецъ содѣлываешься и пророкомъ,—такъ какъ познаешь будущее, дѣлаешься богодухновеннымъ и запечатлѣннымъ. Подобно тому, какъ воины запечатлѣваются печатью, такъ и вѣрующіе—Духомъ Святымъ, чтобы всякому ты былъ замѣтенъ, если выйдешь изъ строя. Іудеи имѣли печатію обрѣзаніе, а мы *обрученіе Духа*. Итакъ, узнавъ это и размысливъ о высокомъ достоинствѣ, полученномъ нами въ крещеніи, покажемъ въ себѣ жизнь достойную этой благодати, чтобы получить намъ и будущее царство, котораго всѣ мы да сподобимся, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА IV.

417 **Азъ же свидѣтеля Бога призываю на мою душу, яко щадя васъ ктому не пріидохъ въ Коринѳъ (2 Кор. I, 23).**

1. Что ты говоришь, блаженный Павелъ? Щадя ихъ, не пришелъ ты въ Коринѳъ? Намъ кажется, что, говоря такъ, ты противорѣчишь самому себѣ. Выше ты сказалъ, что не пришелъ

потому, что ничего не предпринимаешь по плоти, не имѣешь власти надъ собою, но идешь туда, куда велитъ тебѣ Святый Духъ. Притомъ, какъ на препятствія къ этому, указывалъ ты и на скорби свои. А теперь говоришь, какъ будто не придти зависѣло отъ тебя, а не отъ власти Духа. *Щадя васъ*, говоришь, *ктому не пріидохъ въ Коринѳъ*. Что же должно сказать на это? Или то, что и это самое случилось по волѣ Духа, который тогда, какъ (апостолъ) хотѣлъ идти, внушилъ ему отложить это путешествіе, представляя необходимость щадить ихъ; или онъ говоритъ о другомъ путешествіи, и этимъ даетъ имъ знать, что онъ хотѣлъ идти къ нимъ еще прежде, нежели написалъ первое посланіе, но удержался отъ этого по любви къ нимъ, чтобы не застать ихъ не исправившимися. Впрочемъ, вѣроятно и то, что (апостолъ) по той же причинѣ послѣ и самъ рѣшился остаться на мѣстѣ, когда писалъ второе посланіе, хотя Духъ уже и не удерживалъ его идти. И такое предположеніе гораздо вѣроятнѣе, т. е., что вначалѣ его удерживалъ Духъ, а послѣ и самъ онъ остался, разсудивъ, что такъ будетъ лучше. А ты смотри, какъ (апостолъ) опять упоминаетъ о себѣ,—чего замѣчать я не перестану,—извлекая для себя защиту изъ самыхъ нареканій, какія бы могли ему сдѣлать. Коринѳяне могли возымѣть подозрѣніе и сказать ему: ты возненавидѣлъ насъ, потому и не хотѣлъ къ намъ придти. (Предупреждая такое подозрѣніе, апостолъ) представляетъ противную причину, почему не пришелъ, именно ту, что любилъ ихъ. Что же значитъ: *щадя васъ*? Я слышалъ, говоритъ, что нѣкоторые изъ васъ блудодѣйствовали; потому и не хотѣлъ придти къ вамъ, чтобы не опечалить васъ. Находясь у васъ, я бы былъ поставленъ въ необходимость самъ разбирать и изслѣдовать это дѣло и многихъ наказать. Итакъ, я почелъ за лучшее не быть у васъ, чтобы дать вамъ время раскаяться, нежели, пришедши къ вамъ, наказывать васъ, и самому понести отъ васъ еще бо́льшую скорбь. Эту мысль онъ ясно изложилъ подъ конецъ посланія, 418
когда сказалъ: *боюся, еда како пришедша мя смиритъ Богъ мой у васъ, и восплачуся многихъ прежде согрѣшшихъ, и не покаявшихся о нечистотѣ и блужденіи, яко содѣяша* (XII, 21). То же разумѣетъ онъ и здѣсь, и хотя говоритъ это какъ бы въ оправданіе себя, но вмѣстѣ съ тѣмъ сильнѣйшимъ образомъ обличаетъ и устрашаетъ ихъ самихъ. (Самымъ оправданіемъ себя предъ ними) онъ даетъ имъ разумѣть, что они подлежатъ еще наказанію, и могутъ что-нибудь потерпѣть, если не поспѣшатъ исправиться. И это опять онъ высказываетъ въ концѣ посланія, говоря, *аще пріиду паки, не пощажду* (XIII, 2). Различіе только въ томъ, что въ концѣ посланія говоритъ объ этомъ прямо, а здѣсь — какъ еще

въ началѣ посланія—не такъ открыто и съ нѣкоторымъ снисхожденіемъ, и даже мало того, далѣе смягчаетъ и поправляетъ и этотъ образъ выраженія. Въ самомъ дѣлѣ, такъ какъ (апостолъ) сказалъ, какъ прилично говорить только имѣющему великую власть, — а щадить другихъ можетъ только тотъ, кто властенъ ихъ и наказывать, — то, чтобы смягчить и нѣсколько прикрыть то, что могло казаться рѣзкимъ, онъ говоритъ далѣе: *не яко обладаемъ вѣрою вашею* (ст. 24), — т. е., когда я сказалъ, что, щадя васъ, не пришелъ, то сказалъ такъ не потому, чтобы хотѣлъ властвовать надъ вами. Не сказалъ даже — надъ вами, но — надъ *вѣрою*, — что и гораздо благосклоннѣе, и согласнѣе съ истиною. Вѣдь не желающаго вѣрить кто властенъ принудить къ вѣрѣ? *Но споспѣшницы есмы вашей радости.* Такъ какъ ваша радость, говоритъ, есть вмѣстѣ и наша, то я не пришелъ къ вамъ, чтобы не ввергнуть васъ въ уныніе, и тѣмъ не увеличить своей печали; и остался для того, чтобы дать вамъ случай радоваться своему исправленію только отъ (заочной моей) угрозы. Мы все дѣлаемъ для вашей радости и только о ней и заботимся, потому что и мы сами имѣемъ общеніе въ ней. *Вѣрою бо стоите.* Смотри, съ какою опять осторожностію говоритъ онъ. Онъ опасается снова упрекать ихъ, потому что достаточно сильно уже обличилъ ихъ
419 въ первомъ посланіи, и они послѣ того показали уже нѣкоторую перемѣну (въ жизни). Если бы и послѣ этой перемѣны они услышали тѣ же упреки, какіе и прежде, то это могло бы погубить ихъ. Вотъ почему настоящее посланіе и написано съ большею мягкостію, чѣмъ первое. *Судихъ же въ себѣ, не паки скорбію къ вамъ пріити* (II, 1). Слово—*паки* показываетъ, что (апостолъ) уже огорченъ былъ (коринѳянами), и, повидимому, защищаясь предъ ними, онъ незамѣтно упрекаетъ ихъ же самихъ. Представь же, какъ велика должна была быть скорбь (апостола), если уже разъ огорчили его и опять готовы были огорчить. Но онъ не говоритъ имъ прямо: вы огорчили меня, а даетъ понять имъ это другими словами, именно говоря: я не пришелъ къ вамъ для того, чтобы не огорчить васъ. Это равносильно тому, что я сказалъ, между тѣмъ было удобопріемлемѣе и удобовыносимѣе. *Аще бо азъ скорбь творю вамъ, то кто есть веселяяй мя, точію пріемляй скорбь отъ мене* (ст. 2)? Какая тутъ послѣдовательность? Очень большая. Въ самомъ дѣлѣ, смотри. Не хотѣлъ, говоритъ, придти къ вамъ, чтобы не огорчить васъ новыми упреками, негодованіемъ и отвращеніемъ. Далѣе, такъ какъ и это было очень рѣзко, и уличало (коринѳянъ), будто они образомъ своей жизни огорчаютъ Павла, то онъ, желая смягчить сказанное, говоритъ: *аще бо азъ скорбь творю вамъ, то кто есть веселяяй мя, точію пріемляй скорбь*

отъ мене? Смыслъ же словъ его такой: если мнѣ довелось испытать и огорченія, когда я принужденъ былъ упрекать васъ и видѣть вашу скорбь отъ того, то и это самое доставило мнѣ радость. Это именно было признакомъ величайшей ко мнѣ любви вашей, когда я такъ много значилъ для васъ, что и одно негодованіе мое могло уязвлять васъ.

2. И замѣть мудрость (апостола). Ученики обыкновенно досадуютъ и скорбятъ, когда ихъ упрекаютъ, а онъ представляетъ эти упреки какъ благодать какую для нихъ. Никто, говоритъ онъ, такъ не радуетъ меня, какъ тотъ, кто уязвляется отъ словъ моихъ, и скорбитъ, видя меня огорченнымъ. Правда, слѣдовало бы сказать такъ: если я опечаливаю васъ, то кто же можетъ обрадовать васъ? Но онъ не говоритъ этого, а желая исправить ихъ, говоритъ обратное: хотя я и заставляю васъ скорбѣть, но вы, уязвляясь скорбію отъ моихъ словъ, доставляете мнѣ великую радость. *И писахъ вамъ сіе истое* (ст. 3). Что же такое? То, что я не пришелъ, именно щадя васъ. Когда же (апостолъ) писалъ объ этомъ? Развѣ въ первомъ посланіи, когда говорилъ: *не хощу васъ нынѣ въ мимохожденіи видѣти* (XVI, 7)? Нѣтъ, а я думаю, что въ томъ же посланіи, когда сказалъ: *да не паки пришедша мя смиритъ Богъ мой у васъ*. Итакъ, *писахъ вамъ*, говоритъ, *сіе истое*, въ концѣ посланія, *да не паки пришедша мя смиритъ Богъ мой, и восплачуся многихъ прежде согрѣшшихъ* (XII, 21). Для чего же ты писалъ? *Да не пришедъ скорбь пріиму, о нихже подобаше ми радоватися, надѣяся на вся вы, яко моя радость всѣхъ васъ есть* (II, 3). Такъ какъ (апостолъ) сказалъ: я радуюсь, когда вы скорбите, а 420
эти слова могли еще показаться слишкомъ тяжкими и жестокими, то онъ опять выразилъ то же самое иначе и послѣдующими словами сдѣлалъ сноснѣе сказанное. Я для того, говоритъ, прежде написалъ вамъ, чтобы, къ прискорбію моему, не найти васъ не исправившимися. И когда я сказалъ: *да не скорбь пріиму*, то сказалъ такъ, имѣя въ виду не свою, но вашу пользу. Я увѣренъ, что вы радуетесь, если видите меня радующимся; и сами исполнитесь печали, когда увидите меня печальнымъ. Смотри теперь, какую тѣсную связь имѣетъ все сказанное. Теперь для насъ будутъ понятны слова его. Для того, говоритъ, не пришелъ я, чтобы не опечалить васъ, если найду еще не исправившимися Поступилъ же такъ, имѣя въ виду не свою, но вашу пользу. Отъ вашего огорченія я получаю немалое удовольствіе, когда вижу, что вы такъ обо мнѣ заботитесь, что и сами скорбите и печалитесь, когда видите меня скорбящимъ: *кто бо есть веселяй мя, точію пріемляй скорбь отъ мене?* Однако, несмотря и на такое расположеніе моего духа, я, поскольку ищу вашей пользы, *пи-*

сахъ вамъ сіе истое, да не скорбь пріиму, и въ этомъ случаѣ опять ища не своей, но вашей пользы. Я вѣдь знаю, что вы и сами будете скорбѣть, увидѣвъ меня скорбящимъ; равно какъ, наоборотъ, возрадуетесь, когда увидите меня радующимся. Смотри же, какое здѣсь благоразуміе. Прежде онъ сказалъ: я не пришелъ, чтобы не огорчить васъ, хотя, говоритъ, я и радуюсь. Потомъ, чтобы не подумали, что онъ радуется только ихъ огорченію, говоритъ: потому я радуюсь, что еще имѣю мѣсто въ сердцахъ вашихъ. Иначе я бы сугубую понесъ скорбь, — и отъ того, что былъ бы принужденъ огорчить упреками васъ, которые столько любите меня, и отъ того, что самъ бы скорбѣлъ, чѣмъ увеличилъ бы еще болѣе и вашу скорбь. Смотри же теперь, какъ съ похвалою сказалъ и эти слова: *о нихже подобаше ми радоватися*. Они свидѣтельствуютъ объ искренности его и великой любви къ нимъ. Такъ могъ бы сказать какой-нибудь отецъ къ дѣтямъ, для которыхъ онъ дѣлалъ много добра и много потрудился. Итакъ, говоритъ, если я только пишу и нейду къ вамъ самъ, то нейду потому, что устрояю что-нибудь лучшее о васъ, а не по ненависти къ вамъ, не потому, чтобы отвращался васъ, но потому, что очень люблю васъ. Далѣе, чтобы въ виду словъ, что кто скорбитъ, тотъ радуетъ его, не сказали ему: такъ ты заботишься только о томъ, чтобы тебѣ самому радоваться и показать всѣмъ, какую великую ты имѣешь у насъ силу? — онъ присовокупилъ слѣдующее: *отъ печали бо многія и туги сердца написахъ вамъ многими слезами, не яко да оскорбитеся, но любовь да познаете, юже имѣю изобильно къ вамъ* (ст. 4).

Что можетъ быть любвеобильнѣе этой души? Этими словами (апостолъ) показываетъ, что онъ скорбѣлъ о согрѣшившихъ не только не менѣе, напротивъ, даже гораздо болѣе, чѣмъ скорбѣли сами согрѣшившіе. Онъ не просто говоритъ—отъ печали, но — *отъ многія*; не слезами только, но—*многими слезами*, и *отъ туги сердца*, т. е. я былъ угнетаемъ и подавляемъ печалію, и будучи не въ состояніи вынести этого облака печали, я рѣшился писать къ вамъ,—не для того впрочемъ, чтобы огорчить васъ, но чтобы вы познали любовь, говоритъ, какую я въ избыткѣ имѣю къ вамъ. Надлежало бы сказать такъ: не для того, чтобы оскорбить васъ,
421 но чтобы исправить, потому что для этого (апостолъ) и писалъ; но онъ не говоритъ такъ, а желая сдѣлать рѣчь болѣе пріятною и крѣпче привязать ихъ къ себѣ, онъ, вмѣсто напоминанія объ исправленіи, увѣряетъ ихъ въ любви своей, по которой все дѣлаетъ. И не просто говоритъ: имѣю къ вамъ любовь, но: *юже имамъ изобильно къ вамъ*. Желаетъ и этимъ привлечь ихъ къ себѣ, показавъ, что онъ болѣе всѣхъ любитъ ихъ, и расположенъ къ нимъ,

какъ къ избраннымъ ученикамъ. Потому-то онъ и прежде говорилъ: *аще инымъ и нѣсмь апостолъ, но обаче вамъ есмь* (1 Кор. IX, 2); и въ другомъ мѣстѣ: *аще бо и многи пѣстуны имате, но не многи отцы* (1 Кор. IV, 15); или еще: *благодатію Божіею жихомъ въ мірѣ, множае же у васъ* (2 Кор. I, 12); и ниже (въ концѣ настоящаго посланія) пишетъ: *и излишне васъ любя, меньше любимъ есмь* (XII, 15); наконецъ и здѣсь говоритъ: *юже имамъ изобильно къ вамъ.*

3. Такимъ образомъ, хотя слова (апостола) и полны были гнѣва, но этотъ гнѣвъ происходилъ отъ великой любви и скорби. И пиша посланіе, говоритъ, я страдалъ и скорбѣлъ не о томъ только, что вы согрѣшили, но и о томъ, что я поставленъ былъ въ необходимость огорчить васъ, и все это отъ любви,—подобно отцу, который, будучи поставленъ въ необходимость отсѣкать или прижигать гнилые члены у любимаго сына, вдвойнѣ страдаетъ,—и отъ того, что сынъ болѣетъ, и отъ необходимости самому отсѣкать. Такимъ образомъ, что вы почитаете признакомъ недоброжелательства къ вамъ, служитъ признакомъ величайшей къ вамъ любви. Если же огорчить васъ меня побуждала любовь, то тѣмъ болѣе радоваться—ваша скорбь. Итакъ, защитивъ себя (онъ и часто такъ защищается, и не стыдится этого, потому что если и Богъ это дѣлаетъ, говоря напр.: *людіе Мои, что сотворихъ вамъ*—Мих. VI, 3,—то тѣмъ болѣе могъ дѣлать это Павелъ),—итакъ, защитивъ себя самого, (апостолъ) переходитъ теперь къ защищенію впадшаго въ блудодѣяніе. Такъ какъ (апостолъ) самъ же прежде изъявилъ гнѣвъ на него, а теперь требуетъ простить его, то, чтобы не перетолковали въ худую сторону его повелѣнія, какъ противорѣчащаго первому, и не стали упорствовать,—смотри, какимъ образомъ предуготовилъ ихъ къ этому какъ выше сказаннымъ, такъ и нижеслѣдующимъ. Что именно онъ говоритъ далѣе? *Аще ли кто оскорбилъ, не мене оскорби* (ст. 5). Сначала похваливъ ихъ за то, что они имѣютъ съ нимъ однѣ радости и однѣ скорби, и сказавъ напередъ: *яко моя радость всѣхъ васъ есть* (ст. 3), (апостолъ) начинаетъ послѣ этого уже рѣчь о кровосмѣсникѣ. Если, говоритъ, радость моя есть вмѣстѣ и ваша радость, то вы должны и теперь вмѣстѣ со мною радоваться, точно такъ же, какъ и тогда вмѣстѣ со мною скорбѣли. Какъ тогда своею скорбію вы доставили мнѣ удовольствіе и радость, такъ и теперь сдѣлаете то же вашею радостію, если только примете участіе въ моей радости. (Апостолъ) не сказалъ: моя скорбь есть скорбь и для всѣхъ васъ, но онъ высказалъ то же въ другихъ мѣстахъ другими словами, а здѣсь упомянулъ только о томъ, что было нужно, именно о радости, сказавъ, что *радость моя всѣхъ васъ есть.* Вслѣдъ за этимъ онъ

напоминаетъ и прежде сказанное имъ, говоря: *аще ли кто оскорбилъ, не мене оскорби, но отъ части, да не отягчу всѣхъ васъ*. Знаю, говоритъ, что и вы со мною огорчились и вознегодовали на впадшаго въ блудодѣяніе, и что случай этотъ отчасти огорчилъ всѣхъ васъ. Впрочемъ, *отъ части* сказалъ я не потому, чтобы ваше огорченіе было меньше моего, но чтобы не отягчить впадшаго въ
422 блудодѣяніе. Итакъ, не меня только огорчилъ онъ, но и васъ въ равной мѣрѣ, и я только по снисхожденію къ нему сказалъ—*отъ части*. Видишь, какъ скоро (апостолъ) смягчилъ гнѣвъ ихъ, сказавъ, что и они были общниками въ его скорби? *Довольно бы таковому запрещеніе сіе, еже отъ многихъ* (ст. 6). Не говоритъ: впадшему въ блудодѣяніе, но опять, какъ и въ первомъ посланіи: *таковому*, хотя и по другой уже причинѣ; тогда говорилъ такъ по отвращенію отъ содѣланнаго грѣха, а здѣсь по снисхожденію къ согрѣшившему. Здѣсь онъ совсѣмъ не упоминаетъ о содѣянномъ грѣхѣ, потому что время уже было защищать виновнаго. *Тѣмже сопротивное паче вы да даруете и утѣшите, да не како многою скорбію пожертъ будетъ таковый* (ст. 7). (Апостолъ) повелѣваетъ здѣсь не только разрѣшить положенное наказаніе, но и возводитъ виновнаго въ прежнее его состояніе, потому что если кто, наказавши виновнаго, просто отпускаетъ его, безъ всякаго утѣшенія, то не дѣлаетъ ему никакой пользы. Но смотри опять, какъ (апостолъ) удерживаетъ и виновнаго, чтобы онъ, получивъ прощеніе, не сдѣлался хуже. Онъ показываетъ ему, что хотя онъ и исповѣдалъ свой грѣхъ и раскаялся въ немъ, однако получаетъ прощеніе не столько за раскаяніе, сколько по милости и снисхожденію,—почему и говоритъ: *да даруете и утѣшите*. Это же видно и изъ дальнѣйшихъ словъ. Не потому, говоритъ, разрѣшаю простить виновнаго, что онъ достоинъ этого, или что онъ показалъ достаточное раскаяніе; но потому, что онъ слабъ,—почему и присовокупилъ: *да не како многою скорбію пожертъ будетъ таковый*. Говоря такъ, (апостолъ) свидѣтельствуетъ и о великомъ раскаяніи виновнаго, и не допускаетъ его дойти до отчаянія. Что же значитъ: *пожертъ будетъ?* Или то, что онъ поступитъ такъ же, какъ Іуда, или—что, оставшись жить, сдѣлается еще хуже. Хотя, говоритъ, онъ и не таковъ, чтобы не могъ болѣе переносить скорби продолженнаго наказанія, но, потерявъ терпѣніе и надежду, легко можетъ посягнуть на свою жизнь, или предаться въ концѣ концовъ большему нечестію. Поэтому намъ нужно быть осмотрительными, чтобы рана не сдѣлалась болѣе тяжкой и чтобы неумѣренностію (въ наказаніи) не погубить того, что уже сдѣлали добраго.

Говоря такъ, (апостолъ), какъ я и прежде замѣтилъ, хотѣлъ

и обуздать и вразумить (виновнаго), чтобы онъ, получивъ прощеніе, не сдѣлался еще нерадивѣе. Я принялъ его, говоритъ, (въ прежнее мое расположеніе), не потому, чтобы онъ совершенно очистился отъ скверны, но боясь, чтобы онъ не сдѣлалъ чего-нибудь хуже. Отсюда мы научаемся, что мѣру покаянія надобно назначать не только по свойству грѣховъ, но и сообразуясь съ расположеніемъ и состояніемъ самихъ грѣшниковъ. Такъ и тогда поступилъ апостолъ, такъ какъ и его устрашила слабость грѣшника. Потому онъ и сказалъ: *да не пожертъ будетъ*—какъ бы звѣремъ какимъ-нибудь, или волнами, или бурею. *Тѣмъ же молю вы* (ст. 8). Не повелѣваетъ уже, но проситъ,—не какъ учитель, но какъ равный, и, предоставивъ имъ возсѣдать на судейскомъ сѣдалищѣ, самъ сталъ на мѣстѣ защитника. Такъ какъ онъ достигъ уже, чего хотѣлъ, то отъ радости не зналъ мѣры своему смиренію. О чемъ же ты просишь, скажи мнѣ? *Утвердите къ нему любовь*,—т. е. съ крѣпкою любовію, а не просто и какъ случилось примите его. Говоря это, (апостолъ) опять усвояетъ имъ величайшую добродѣтель. Тѣ самые, которые прежде такъ любили согрѣшившаго и такъ защищали его, что даже гордились этимъ, до такой степени отвратились отъ него, что Павлу стоило великаго труда заставить ихъ принять его съ крѣпкою любовью. Вотъ 423
похвальное качество въ ученикахъ, вотъ совершенство въ учителѣ—когда ученики такъ послушны, а учитель образуетъ такихъ (послушныхъ учениковъ). Если бы и нынѣ такъ было, то согрѣшающіе не были бы такъ нечувствительны къ своимъ грѣхамъ. И никого не должно ни безразсудно любить, ни отвращаться безъ причины. *На сіе бо и писахъ* вамъ, *да разумѣю искусство ваше, аще во всемъ послушливы есте* (ст. 9), то есть, не только въ отсѣченіи согрѣшившаго, но и въ присоединеніи его. Видишь, какъ и здѣсь опять (апостолъ) поставляетъ ихъ въ необходимость рѣшиться на этотъ подвигъ? Какъ тогда, когда (виновный) согрѣшилъ, (апостолъ) представилъ имъ, какая опасность грозитъ имъ, если они не отсѣкутъ его, сказавъ, что *малъ квасъ все смѣшеніе квасить* (1 Кор. v, 6), и многое другое, такъ точно и здѣсь опять представилъ имъ всю опасность непослушанія. Подобно тому какъ прежде,—какъ бы такъ говорилъ,—я долженъ былъ заботиться не о немъ только, но и о васъ, такъ и теперь не столько забочусь о немъ, сколько о васъ, чтобы кто не почелъ васъ за людей упорныхъ, безчеловѣчныхъ и не во всемъ послушныхъ. Поэтому и говоритъ: *на сіе бо и писахъ* вамъ, *да разумѣю искусство ваше, аще во всемъ послушливы есте*. То (удаленіе виновнаго изъ общества) могло показаться и дѣломъ ненависти и жестокости, а это

(принятіе его въ любовь) особенно докажетъ искренность послушанія, а вмѣстѣ и готовность къ дѣламъ человѣколюбія.

Въ томъ и заключается признакъ добрыхъ учениковъ, что они повинуются своему учителю не только въ первомъ (его требованіи), но и тогда, когда онъ повелѣваетъ и обратное (этому требованію). Потому-то (апостолъ) и сказалъ: *во всемъ*, желая показать, что коринѳяне въ случаѣ непослушанія постыдятъ не столько его, сколько себя, заслуживъ славу непокорныхъ. Дѣлаетъ же это онъ для того, чтобы и этимъ побудить ихъ къ послушанію, почему и говоритъ: *на сіе бо и писахъ вамъ*. Хотя онъ и не для того писалъ, такъ какъ главная цѣль его была спасеніе согрѣшившаго, однако говоритъ: *для сего*,—чтобы тѣмъ болѣе расположить ихъ въ пользу виновнаго. Впрочемъ, этимъ онъ и себѣ не вредитъ въ достиженіи главной цѣли, и коринѳянамъ дѣлаетъ пріятное. Словами же—*во всемъ* онъ напоминаетъ имъ о первомъ ихъ послушаніи, и выставляетъ его здѣсь на видъ, съ намѣреніемъ похвалить ихъ. *Ему же аще что даруете, и азъ* (ст. 10). Видишь, какъ опять унижаетъ себя передъ ними, поставляя ихъ на первомъ мѣстѣ, а себя на второмъ; и все это для того, чтобы смягчить ожесточенныя души и преклонить грубыя сердца. Затѣмъ, чтобы не подать повода думать, что все дѣло предоставлено ихъ власти, и чтобы они не стали упорствовать въ прощеніи (виновнаго), опять побуждаетъ ихъ къ этому, говоря, что и самъ онъ даровалъ ему прощеніе. *Ибо и азъ, аще что даровахъ, еже даровахъ, васъ ради*. И это самое, говоритъ, сдѣлалъ я для васъ. И въ первый разъ, когда повелѣвалъ отсѣчь виновнаго, онъ не далъ имъ власти простить его, сказавъ: *уже судихъ предати таковаго сатанѣ*, а потомъ допустилъ и ихъ къ участію въ этомъ приговорѣ, когда сказалъ: *собравшимся вамъ предати таковаго* (1 Кор. v, 3—5). Онъ поступилъ такъ, имѣя въ виду двѣ важныя вещи: чтобы и приговоръ произнести, и не безъ согласія коринѳянъ, чтобы не огорчить ихъ. И такимъ образомъ, ни самъ одинъ не произнесъ приговора, чтобы коринѳяне не подумали о немъ, какъ о человѣкѣ гордомъ и презирающемъ ихъ, ни имъ не присвоилъ всей власти, чтобы они, сдѣлавшись полновластными судіями, преждевременно не даровали прощенія виновному, и чрезъ то не
424 погубили его. Точно такъ же поступаетъ онъ и здѣсь, когда говоритъ: я даровалъ уже прощеніе,—я, который въ первомъ посланіи осудилъ его. Потомъ, чтобы коринѳяне не оскорбились, какъ бы пренебреженные (апостоломъ), онъ говоритъ: *васъ ради*. Что же это? Ужели онъ простилъ согрѣшившаго для людей? Нѣтъ,—почему и присовокупилъ: *о лицѣ Христовѣ*. Что же значитъ: *о лицѣ Христовѣ?* Или—по волѣ Божіей, или—во славу

Христа. *Да не обидими будемъ отъ сатаны: не неразумѣваемъ бо умышленій его* (ст. 11). Видишь, какъ онъ то присвояетъ (коринѳянамъ) власть суда, чтобы смягчить ихъ, то снова отнимаетъ ее, чтобы истребить въ нихъ всякую гордость. Впрочемъ, не этого только хочетъ онъ достигнуть своими словами; онъ хочетъ еще и показать, что въ случаѣ ихъ непослушанія вредъ будетъ общій для всѣхъ. Такъ поступилъ онъ и вначалѣ. Какъ тогда онъ говорилъ: *малъ квасъ все смѣшеніе квасить* (1 Кор. V, 6), такъ и теперь говоритъ: *да не обидими будемъ отъ сатаны*; и вездѣ усвояетъ прощеніе согрѣшившаго какъ себѣ, такъ и имъ (коринѳянамъ)

5. Пересмотри же снова (все, что онъ говорилъ): *аще же кто оскорбилъ*, говоритъ, *не мене оскорби, но отъ части, да не отягчу всѣхъ васъ*; затѣмъ далѣе: *довольно таковому запрещеніе сіе, еже отъ многихъ*. Таковъ его приговоръ и опредѣленіе. Впрочемъ, на этомъ приговорѣ онъ не остановился, но призываетъ опять къ участію въ немъ и коринѳянъ, говоря: *тѣмже сопротивное паче вы да даруете и утѣшите. Тѣмже молю вы, утвердите къ нему любовь*. Но предавъ виновнаго въ ихъ руки, опять переходитъ къ утвержденію своей власти, говоря: *на сіе бо и писахъ вамъ, да разумѣю искусство ваше, аще во всемъ послушливи есте*. Затѣмъ опять приписываетъ прощеніе согрѣшившаго коринѳянамъ, говоря: *ему же аще что даруете*; а потомъ себѣ: *и азъ*, говоритъ, *аще что даровахъ:* наконецъ имъ и себѣ вмѣстѣ: *ибо и азъ*, говоритъ, *аще что даровахъ, васъ ради, о лицѣ Христовѣ*,—т. е. или во славу Христа, или потому, что самъ Христосъ повелѣлъ (простить согрѣшившаго). Эти послѣднія слова особенно убѣдительны были для коринѳянъ, такъ какъ они боялись уже отказать въ прощеніи, которое служило къ славѣ (Іисуса Христа) и было Ему угодно. Вслѣдъ за тѣмъ опять поставляетъ на видъ коринѳянамъ общій для всѣхъ вредъ, въ случаѣ ихъ непослушанія, говоря: *да не обидими будемъ* (πλεονεκτηθῶμεν) *отъ сатаны*. Здѣсь онъ очень кстати употребилъ слово хищеніе (πλεονεξίαν), такъ какъ діаволъ беретъ уже не свое, а похищаетъ наше. Не говори мнѣ того, что одинъ только согрѣшившій могъ бы сдѣлаться добычею этого звѣря, но представляй и то, что угрожаетъ опасность всему стаду уменьшеніемъ числа его, и особенно теперь, когда можно возвратить то, что потеряно. *Не неразумѣваемъ бо умышленій его*, т. е. что (сатана) и путемъ благочестія можетъ привести къ погибели. Онъ можетъ погубить не только тѣмъ, что доводитъ до блудодѣянія, но и противоположнымъ способомъ можетъ ввергнуть въ погибель, именно безмѣрною печалію во время покаянія. Такимъ образомъ, если (сатана) вмѣстѣ съ своею собственностію захва-

тываетъ и нашу, когда и того, кого доводитъ до грѣха, погубляетъ, и того, кому мы повелѣваемъ спасительное покаяніе, у насъ похищаетъ, то какъ же назвать это, если не хищеніемъ? Для него недостаточно, что онъ низлагаетъ насъ чрезъ грѣхъ: онъ и чрезъ покаяніе дѣлаетъ то же, если мы не бываемъ осторожны. Вотъ почему (апостолъ) весьма справедливо и назвалъ хищеніемъ тотъ случай, когда (сатана) побѣждаетъ насъ нашимъ же оружіемъ. Ему свойственно овладѣвать нами чрезъ грѣхъ, а не чрезъ покаяніе, потому что послѣднее есть наше оружіе, а не
425 его. Итакъ, если (сатана) и чрезъ покаяніе можетъ овладѣвать нами, то разсуди самъ, какъ постыдно для насъ это пораженіе, какъ онъ будетъ насмѣхаться и издѣваться надъ нами, какъ надъ безсильными и немощными, если побѣдитъ насъ нашимъ же оружіемъ? И подлинно, въ высшей степени смѣшно и крайне постыдно, если онъ нашими же лѣкарствами причиняетъ намъ раны. Потому-то (апостолъ) и сказалъ: *не неразумѣваемъ бо умышленій его*, т. е. насколько лукавъ, коваренъ, злокозненъ и исполненъ онъ злобы, и какой вредъ причиняетъ намъ даже подъ видомъ благочестія. Итакъ, помышляя объ этомъ, не будемъ никогда ни презирать никого (изъ согрѣшающихъ), ни сами, согрѣшая, предаваться отчаянію, равно какъ и оставаться въ безпечности; напротивъ, будемъ сердечно сокрушаться о своихъ беззаконіяхъ, не на словахъ только раскаиваясь въ нихъ. Въ самомъ дѣлѣ, я знаю многихъ, которые хотя говорятъ, что они оплакиваютъ свои грѣхи, ничего однакожъ важнаго не дѣлаютъ. Правда, они постятся и носятъ грубыя одежды, но въ то же время имѣютъ жадность къ деньгамъ гораздо бо́льшую, чѣмъ торгаши, предаются болѣе сильному гнѣву, чѣмъ звѣри, и находятъ удовольствія въ злословіи болѣе, чѣмъ другіе въ похвалѣ. Это не составляетъ покаянія; это только призракъ и тѣнь покаянія, а не самое покаяніе. Потому-то и этимъ (грѣшникамъ) прилично сказать: смотрите, *да не обидими будемъ отъ сатаны: не неразумѣваемъ бо умышленій его*. Однихъ онъ губитъ чрезъ грѣхи, другихъ чрезъ покаяніе, и этихъ еще и другимъ образомъ—когда не даетъ имъ воспользоваться плодами покаянія. Когда сатана не находитъ случая прямо погубить кого-нибудь, онъ подходитъ къ нему другимъ путемъ, побуждая человѣка усугубить труды, но не давая ему воспользоваться плодами трудовъ своихъ, и стараясь увѣрить его, что онъ все необходимое уже сдѣлалъ, и потому можетъ не заботиться ни о чемъ другомъ. Итакъ, чтобы намъ не изнурять себя напрасно трудами, побесѣдуемъ немного съ тѣми женами, съ которыми такъ бываетъ, потому что женщины преимущественно подвержены этому недугу. Прекрасно,

конечно, и то, что и нынѣ вы дѣлаете, т. е. постъ, лежаніе на землѣ и посыпаніе пепломъ главы. Но всѣ эти дѣла не принесутъ никакой пользы, если къ нимъ не присоединятся другія. Богъ показалъ, какъ Онъ прощаетъ грѣхи. Для чего же вы, оставивъ указанный путь, пролагаете себѣ другой? Согрѣшили нѣкогда ниневитяне, и сдѣлали то же, что и вы теперь дѣлаете. Но посмотримъ, что послужило къ ихъ спасенію. Какъ для излѣченія больныхъ врачи хотя употребляютъ многія средства, но благоразумный смотритъ не на то, что принималъ больной, а на то, что послужило къ его исцѣленію, такъ точно и здѣсь надобно смотрѣть. Итакъ, что же спасло тѣхъ ниневитянъ? На язвы свои они возложили постъ, и строгій постъ, лежаніе на землѣ, одежды изъ вретища, пепелъ и слезы, и вмѣстѣ съ этимъ перемѣнили и образъ жизни.

6. Посмотримъ же, какое изъ перечисленныхъ лѣкарствъ уврачевало ихъ. Но какъ мы узнаемъ это, скажетъ кто? Узнаемъ, если придемъ ко Врачу, или спросимъ Его самого. Онъ не утаитъ отъ насъ; напротивъ, со всею готовностію откроетъ это. Онъ даже въ книгѣ записалъ это лѣкарство, исцѣлившее ихъ, чтобы всякій зналъ его и не имѣлъ нужды спрашивать о немъ. Что же это за лѣкарство? *Видѣ Богъ*, говоритъ (пророкъ), *яко обратишася отъ* 426
путей своихъ лукавыхъ: и раскаяся о злѣ, еже глаголаше сотворити имъ (Іон. III, 10). Не сказалъ: видѣлъ постъ, вретища и пепелъ. Я говорю это не съ тѣмъ, чтобы отвергать постъ,—нѣтъ,—а для того, чтобы убѣдить васъ дѣлать то, что лучше поста,—воздерживаться отъ всякаго зла. Согрѣшилъ и Давидъ: посмотримъ же, какъ и онъ каялся. Три дня онъ сидѣлъ во прахѣ. Однако онъ сдѣлалъ это не для заглажденія грѣха своего, но молясь о (больномъ) дѣтищѣ, не истрезвившись еще отъ упоенія страстію. Грѣхъ же свой очистилъ онъ иначе, именно, самоуничиженіемъ, сокрушеніемъ сердечнымъ, скорбію душевною, строгимъ воздержаніемъ отъ подобныхъ грѣховъ, непрестаннымъ памятованіемъ сдѣланнаго грѣха, благодушнымъ перенесеніемъ всѣхъ постигшихъ его скорбей, пощадою своихъ оскорбителей, наконецъ тѣмъ, что не только самъ не мстилъ врагамъ, поносившимъ его, но не позволялъ мстить и другимъ за него, когда они хотѣли того. Такъ, когда Семей осыпалъ его безчисленными проклятіями, и когда военачальникъ, находившійся (при Давидѣ), вознегодовалъ на это, тогда онъ сказалъ: *оставите его проклинати мя, яко Господь повелѣ ему* (2 Цар. XVI, 10). Онъ имѣлъ сокрушенное и смиренное сердце, и это-то особенно и очищало грѣхи его, потому что въ этомъ и состоитъ исповѣданіе, это и есть покаяніе. Напротивъ, если, постясь, мы остаемся высокомѣрными, то не только

не получимъ никакой пользы, но еще потерпимъ и вредъ. Итакъ, смири сердце твое и ты, чтобы умилостивить Бога: *близъ Господь сокрушенным сердцемъ* (Пс. xxxiii, 19). Видишь, какъ жившіе въ свѣтлыхъ чертогахъ переносили безчестіе, какъ они, поносимые и отъ послѣднихъ изъ рабовъ своихъ, не прекословили, но терпѣли поношенія за безчестіе, которымъ покрылъ ихъ грѣхъ. Такъ поступай и ты. Если поноситъ тебя кто,—не ожесточайся, но плачь и стенай, не о томъ, что тебя поносятъ, но о грѣхѣ, который подвергъ тебя такому безчестью. Плачь и стенай, когда согрѣшишь, не о томъ, что будешь наказанъ, такъ какъ это ничего не значитъ, но о томъ, что ты оскорбилъ своего Владыку, который столь кротокъ, столько тебя любитъ, столько заботится о твоемъ спасеніи, что и Сына предалъ за тебя. Вотъ о чемъ плачь и стенай и дѣлай это непрестанно, потому что въ этомъ и состоитъ исповѣданіе. Не будь нынѣ веселъ, завтра печаленъ, потомъ опять веселъ, а всегда пребывай въ плачѣ и сокрушеніи. *Блажени*, говоритъ (Господь), *плачущіи* (Мѳ. v, 4),—т. е. тѣ, которые непрестанно это дѣлаютъ. Непрестанно и ты дѣлай это, всегда внимай себѣ и сокрушай сердце твое, наподобіе того, какъ сокрушался бы тотъ, кто потерялъ любимѣйшаго сына. *Расторгните*, говоритъ (Господь), *сердца ваша, а не ризы ваша* (Іоил. II, 13). А расторгнутое не воздымается уже, сокрушенное не возстаетъ болѣе. Потому-то и говоритъ (Писаніе) въ одномъ мѣстѣ: *расторгните*, а въ другомъ: *сердце сокрушенно и смиренно Богъ не уничижитъ* (Пс. L, 19). Итакъ, мудрецъ ли ты, или богатый, или сильный, расторгни сердце твое, т. е. не попускай, чтобы оно высокомудрствовало и надмевалось, потому что расторгнутое не надувается, хотя бы и было чѣмъ надуваемо: оно не можетъ вынести этого надуванія, потому что расторгнуто. Такъ и ты смири свое сердце. Помысли, что мытарь за одно слово былъ оправданъ, хотя то, что говорилъ онъ, было даже не столько смиреніе, сколько истинное признаніе. Если же и истинное признаніе имѣетъ такую силу,
427 то насколько болѣе смиренномудріе? Прости обиды тѣмъ, кто погрѣшилъ противъ тебя, потому что и это служитъ къ прощенію грѣховъ твоихъ. О первомъ (сѣтованіи и скорби о грѣхахъ) сказано: Я видѣлъ, что *пойде дряхлъ* (печаленъ) *и исцѣлихъ пути его* (Ис. LXXVII, 17, 18). Это же прекратило гнѣвъ Божій и на Ахаава (3 Цар. XXI, 29). А о второмъ (прощеніи обидъ) говорится: *отпущайте, и отпустятъ вамъ* (Лук. VI, 37). Есть еще и другой способъ, которымъ обрѣтается это врачество, это—осужденіе себя въ своихъ беззаконіяхъ: *глаголи ты беззаконія твоя прежде, да оправдишися* (Ис. XLIII, 26). Равнымъ образомъ и благодарное чувство, съ которымъ мы переносимъ скорби, заглаждаетъ грѣхи наши,

болѣе же всего милостыня. Перечти же цѣлительныя средства для уврачеванія твоихъ язвъ и прикладывай всѣ ихъ одно за другимъ непрестанно: самоуничиженіе, исповѣданіе, непамятозлобіе, благодареніе за посылаемыя на тебя скорби, вспомоществованіе бѣднымъ деньгами и вещами, наконецъ непрестанную молитву. Неотступнымъ моленіемъ вдовица умилостивила жестокаго и немилосердаго судію (Лук. XVIII, 5). Если же эта вдова умилостивила неправеднаго судію, то тѣмъ болѣе ты умилостивишь Судію кроткаго. Кромѣ этихъ способовъ (къ очищенію грѣховъ)
есть еще и другой,—заступленіе обидимыхъ. *Судите*, говорится, 428
сиру, и оправдите вдовицу, и пріидите, и истяжимся: и аще будутъ грѣхи ваши яко багряное, яко снѣгъ убѣлю (Ис. I, 17, 18). Итакъ, будемъ ли мы достойны какого-либо извиненія, когда, имѣя столько путей, возводящихъ на небо, и столько средствъ для уврачеванія язвъ душевныхъ, остаемся въ этихъ язвахъ даже и послѣ крещенія? Не будемъ же закоснѣвать въ нихъ. И тѣ, которые еще не пали, пусть стараются сохранить невредимо красоту свою, мало того — пусть еще болѣе преумножаютъ ее,—потому что хотя они и теперь непорочны, но упомянутыя добродѣтели еще болѣе украсятъ ихъ. Что же касается насъ, которые много уже нагрѣшили, то потщимся воспользоваться предложенными средствами къ очищенію грѣховъ нашихъ, чтобы намъ предстать судищу Христову со многимъ дерзновеніемъ, которое всѣ мы и да сподобимся получить благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА V.

**Пришедъ же въ Троаду во благовѣстіе Христово, и 427
двери отверзенѣ ми бывшей о Господѣ, не имѣхъ покоя духу моему, не обрѣтшу ми Тита брата моего (2 Кор. II, 12, 13).**

1. Эти слова кажутся недостойными Павла, такъ какъ показываютъ, что онъ изъ-за отсутствія брата пренебрегъ случаемъ споспѣшествовать спасенію. Притомъ же они, повидимому, не имѣютъ и связи (съ прежде сказаннымъ). Что же прежде хотите, чтобы я вамъ доказалъ? То ли, что (апостолъ) не сказалъ здѣсь ничего недостойнаго себя, или то, что сказанное имъ имѣетъ тѣсную связь съ предыдущимъ? Мнѣ кажется, прежде должно доказать послѣднее, потому что тогда и первое будетъ для насъ

удобопонятнѣе и яснѣе. Итакъ, какую же связь имѣютъ эти слова съ тѣмъ, что сказано прежде? Припомнимъ прежде сказанное; тогда поймемъ и теперь сказанное. Что же прежде онъ говорилъ? То, что говорилъ въ началѣ посланія, а именно: *не хощу васъ не вѣдѣти о скорби, бывшей намъ во Асіи, яко по премногу и паче силы отяготихомся* (I, 8). Потомъ показываетъ, какъ онъ избавился отъ угрожавшей опасности, и, высказавъ далѣе промежуточныя мысли, служащія къ его оправданію, наконецъ опять даетъ знать, что онъ имѣлъ и другую скорбь. Какую же, и какимъ образомъ? Ту, что не нашелъ Тита. Поистинѣ и претерпѣнныя (апостоломъ) искушенія составляли для него немалую скорбь и могли повергнуть душу его въ уныніе. А когда не нашлось и того, кто могъ бы его утѣшить, и чрезъ участіе облегчить тяжесть скорби, то естественно душевная буря должна была возрасти еще болѣе. А этотъ Титъ есть тотъ самый, о которомъ ниже говоритъ (апостолъ) и который приходилъ къ нему (отъ коринѳянъ), и отъ него обратно былъ посылаемъ къ нимъ, и о которомъ онъ такъ много говоритъ съ великою похвалою. Итакъ, желая показать, что онъ и объ отсутствіи Тита скорбѣлъ изъ-за нихъ же, (апостолъ) и сказалъ вышеуказанныя слова. Отсюда очевидно, что эти слова имѣютъ тѣсную связь съ прежде сказаннымъ. А что слова эти и не недостойны Павла,—я попытаюсь доказать и это. Въ самомъ дѣлѣ, онъ не говоритъ, что отсутствіе Тита воспрепятствовало спасенію желавшихъ присоединиться къ вѣрующимъ; не говоритъ и того, что изъ-за этого онъ презрѣлъ вѣрующихъ; а говоритъ только,
428 что онъ не имѣлъ покоя, т. е. скорбѣлъ и печалился объ отсутствіи брата,—желая показать этимъ, что значитъ отсутствіе брата, — и по этой причинѣ вышелъ изъ Троады. Что же значатъ слова: *пришедъ въ Троаду во благовѣстіе?* Не безъ намѣренія, говоритъ, пришелъ я, но для того, чтобы проповѣдывать. И все-таки, несмотря на то, что съ такимъ намѣреніемъ пришелъ я (въ Троаду), и тамъ нашелъ весьма много дѣла: *двери отверзенѣ ми бывшей о Господѣ, не имѣхъ*, говоритъ, *покоя*. Впрочемъ, это не помѣшало дѣлу проповѣди. Какъ же говоритъ: *отрекся имъ изыдохъ?* То есть: я не могъ тамъ остаться на долгое время, по причинѣ стѣсненія и скорби сердечной; а можетъ быть и потому, что самое отсутствіе (Тита) служило препятствіемъ дѣлу. А это также немало служило къ успокоенію коринѳянъ. Если, говоритъ, потому только, что не нашелъ брата (въ Троадѣ), я долженъ былъ поспѣшно удалиться оттуда, хотя тамъ мнѣ отверзта была дверь для проповѣди, для которой я и приходилъ туда, то тѣмъ болѣе вы должны извинить насъ тѣснотою обстоятельствъ, которыя всюду нами управляютъ и не позволяютъ намъ, какъ бы мы хотѣли, ни уходить откуда-

либо, ни проводить гдѣ-либо болѣе времени, по нашему желанію. Вотъ почему, какъ выше онъ усвоялъ свои путешествія Духу Божію, такъ и здѣсь приписываетъ Богу, присовокупляя слова: *Богу же благодареніе всегда побѣдители насъ творящему о Христѣ, и воню разума Его являющу нами во всякомъ мѣстѣ* (ст. 14). Чтобы не подумали, что (апостолъ) сѣтуетъ и ропщетъ на принужденіе отъ Бога быть тамъ или въ другомъ мѣстѣ, онъ возсылаетъ благодареніе Богу. Смыслъ же словъ его такой: повсюду скорби, повсюду тѣснота! Пришелъ я во Асію, — тамъ отягченъ былъ сверхъ силъ; пришелъ во Троаду, — тутъ не нашелъ брата; не пошелъ къ вамъ,—и это причинило мнѣ немалое, даже весьма большое огорченіе, какъ потому, что многіе изъ васъ согрѣшили, такъ и потому, что я по этой причинѣ не могъ видѣть васъ. *Щадя васъ*, говоритъ, *ктому не пріидохъ въ Коринѳъ* (I, 23). Итакъ, чтобы, говоря такимъ образомъ, не показаться ропщущимъ на 429
Бога, (апостолъ) присовокупляетъ, что въ этихъ скорбяхъ мы не только не унываемъ, но еще радуемся; и что главное—радуемся не только ради будущихъ наградъ, но и ради настоящихъ, такъ какъ перенесеніемъ скорбей мы еще и въ этой жизни пріобрѣтаемъ себѣ похвалу и славу. Поэтому мы такъ далеки отъ сѣтованія и ропота, что случающіяся съ нами скорби называемъ даже торжествомъ и хвалимся ими. Въ этомъ смыслѣ и сказалъ (апостолъ): *Богу же благодареніе всегда побѣдители насъ творящему*, т. е. дѣлающему насъ для всѣхъ славными. Хотя для другихъ кажется безчестіемъ то, что мы всюду терпимъ гоненіе, но для насъ это является величайшей честью. Вотъ почему не сказалъ: дѣлающему насъ извѣстными, но: *побѣдители творящему*,—желая показать, что эти гоненія служатъ для насъ по всей землѣ вмѣсто славныхъ памятниковъ непрестанныхъ побѣдъ, одержанныхъ надъ діаволомъ. Указавъ же на Дающаго побѣды, далѣе сказываетъ и причину (этихъ побѣдъ) и тѣмъ ободряетъ слушателей. Не только, говоритъ, отъ Бога даются намъ побѣды, но и *о Христѣ*, т. е. чрезъ Христа и проповѣдь. А одерживая побѣды, говоритъ, нельзя и не прославиться намъ, носящимъ знаменіе побѣды, такъ какъ мы именно носимъ его. Оттого мы и извѣстны и сильны вездѣ. *И воню разума его являющу нами во всякомъ мѣстѣ*.

2. Выше (апостолъ) сказалъ: *всегда побѣдители насъ творящему*; теперь говоритъ: *во всякомъ мѣстѣ*,—указывая этимъ на то, что всякое мѣсто и время наполнены апостольскими подвигами. При этомъ онъ употребляетъ новую метафору, заимствованную отъ благовоннаго запаха. Мы такъ же, говоритъ, дѣлаемся всѣмъ извѣстны, какъ и носящіе многоцѣнное мѵро,—называя многоцѣннымъ мѵромъ познаніе (о Христѣ). И не сказалъ просто—

разумъ, но—*воню разума*, потому что именно таково нынѣшнее наше познаніе: не совсѣмъ ясно и не совершенно открыто. Потому-то и въ первомъ посланіи онъ говорилъ: *видимъ убо нынѣ зерцаломъ въ гаданіи* (xiii, 12), и здѣсь познаніе о Христѣ называетъ *вонею разума*. Кто обоняетъ благоуханіе, тотъ знаетъ, что гдѣ-то находится благовонное мvро; но каково это мvро само въ себѣ, этого не можетъ знать, если прежде не имѣлъ случая видѣть его. Точно такъ же и мы: знаемъ, что Богъ есть; а что Онъ по существу—этого не знаемъ. Итакъ мы, говоритъ, подобны царской кадильницѣ; и куда бы ни пошли, всюду источаемъ небесное мvро и духовное благоуханіе. Говоря такъ, (апостолъ) имѣлъ двоякое намѣреніе: во-первыхъ, хотѣлъ показать силу проповѣди,—именно то, что чрезъ враговъ, строющихъ козни, они только еще болѣе прославляются, поскольку гоненія даютъ возможность всей вселенной видѣть ихъ побѣды и обонять благоуханіе ихъ проповѣди; во-вторыхъ, желалъ убѣдить коринеянъ мужественно переносить скорби и искушенія, потому что чрезъ это они пріобрѣтутъ неизреченную славу еще прежде воздаянія (на небѣ). *Яко Христово благоуханіе есмы Богови въ спасаемыхъ и въ погибающихъ* (ст. 15). Спасается ли кто, говоритъ, или погибаетъ,—проповѣдь евангельская всегда сохраняетъ свое достоин-
430 ство. Какъ свѣтъ и тогда, когда ослѣпляетъ слабыхъ зрѣніемъ, остается свѣтомъ, хотя ослѣпляетъ; или какъ медъ, хотя бы казался горькимъ для больныхъ, не перестаетъ быть сладкимъ по природѣ,—такъ точно и благовѣстіе (о Христѣ) всегда сохраняетъ свое благоуханіе, хотя невѣрующіе и погибаютъ. Губитъ ихъ не благовѣстіе, но собственное ихъ ожесточеніе. И погибелью нечестивыхъ даже особенно обнаруживается благоуханіе проповѣди. Такимъ образомъ, сила благовѣстія обнаруживается не только въ спасеніи добрыхъ, но и въ погибели нечестивыхъ. Такъ и солнце потому особенно и ослѣпляетъ взоры слабыхъ, что свѣтитъ очень ясно. Также и Спаситель, хотя *лежитъ на паденіе и на востаніе многимъ* (Лук. ii, 34), однако не перестаетъ быть Спасителемъ и тогда, когда безчисленное множество людей падаютъ. И хоть пришествіе Его на землю болѣе послужило въ наказаніе для невѣрующихъ,—не смотря на то, оно всегда пребываетъ спасительнымъ. Въ этомъ смыслѣ и Павелъ говоритъ: *благоуханіе есмы Богови*; т. е., хотя нѣкоторые изъ слышащихъ благовѣстіе и погибаютъ, однако мы не перестаемъ быть тѣмъ, что мы есть. И не просто сказалъ—*благоуханіе*, но—*Богови*. Если же мы благоуханіе Богу и самъ Богъ такъ опредѣляетъ о насъ, то кто еще будетъ противорѣчить? И слова: *Христово благоуханіе*, по моему мнѣнію, имѣютъ двоякое значеніе. Этимъ (апостолъ) хочетъ ска-

зать или то, что они, повседневно умирая (1 Кор. xv, 31), приносятъ себя въ жертву Богу, или, что они—благоуханіе смерти Христовой точно такъ же, какъ бы кто-нибудь сказалъ: этотъ ѳиміамъ точно благоуханіе такой-то жертвы. Итакъ, или въ этомъ последнемъ значеніи употребилъ онъ слово *благоуханіе*, или въ первомъ мною сказанномъ, т. е. что (апостолы) повседневно приносили себя въ жертву Богу, для Христа. Видишь ли, до чего онъ возвысилъ искушенія, назвавъ ихъ своимъ торжествомъ, и благоуханіемъ, и жертвою, приносимою Богу? Далѣе, такъ какъ онъ сказалъ: *благоуханіе есмы и въ погибающихъ*, то, чтобы ты не подумалъ, что и погибающіе угодны Богу, присовокупилъ: *овѣмъ убо воня смертная въ смерть, овѣмъ же воня животная въ животъ* (ст. 16), т. е., обоняя это благоуханіе, одни спасаются, а другіе погибаютъ,—такъ впрочемъ, что если кто погибаетъ, тотъ бываетъ самъ виною своей погибели, потому что и благовонное мvро, говорятъ, удушаетъ свиней, и свѣтъ, какъ я прежде сказалъ, ослѣпляетъ слабыхъ зрѣніемъ. И таково свойство благъ, что они не только усовершаютъ сродное имъ, но и губятъ противное; и въ этомъ послѣднемъ случаѣ особенно обнаруживается ихъ сила. Такъ и огонь, не тогда только, когда свѣтитъ или очищаетъ золото, оказывается огнемъ и обнаруживаетъ свойственную ему силу; но еще болѣе тогда, когда пожигаетъ терніе. И Христосъ явитъ свое величіе, когда *убіетъ антихриста духомъ устъ Своихъ, и упразднитъ явленіемъ пришествія Своего* (2 Сол. п, 8). *И къ симъ кто доволенъ?* Такъ какъ (апостолъ) сказалъ много великаго и необычайнаго, называя себя и жертвою и благоуханіемъ Христовымъ, и усвояя себѣ повсемѣстное торжество, то онъ опять старается умѣрить сказанное, относя все это къ Богу. Поэтому и говоритъ: *и къ симъ кто доволенъ?* Все это, говоритъ, Христово, и нѣтъ ничего нашего. Видишь ли его отличіе отъ лжеапостоловъ? Послѣдніе хвалятся, что они въ проповѣдь о Христѣ приносятъ нѣчто свое; а онъ, напротивъ, ставитъ въ похвалу себѣ то, что ничего не называетъ своимъ. *Похваленіе наше*, говоритъ, *сіе есть*, 431
свидѣтельство совѣсти, яко не въ мудрости плоти, но благодатію Божіею жихомъ въ мірѣ (2 Кор. I, 12). И какъ тѣ пріобрѣтеніе земной мудрости вмѣняли въ похвалу себѣ, такъ онъ, напротивъ, вмѣняетъ себѣ въ похвалу незнаніе ея. Потому и здѣсь говоритъ: *и къ симъ кто доволенъ?* А если мы сами по себѣ недостаточны для этого, то все происходящее (съ нами и чрезъ насъ) есть дѣло благодати. *Нѣсмы бо, якоже прочіи нечисто проповѣдающіи слово Божіе* (ст. 17).

3. Хотя мы, говоритъ, и возвѣщаемъ много великаго, однако ничего не присвояемъ себѣ, напротивъ, все относимъ ко Христу.

Мы не хотимъ подражать лжеапостоламъ, которые много присвояютъ себѣ самимъ. Это значило бы поступать подобно торгашу, когда онъ поддѣлываетъ вино, или продаетъ за деньги то, что надлежало бы давать даромъ. Въ самомъ дѣлѣ, мнѣ кажется, что (апостолъ) здѣсь осмѣиваетъ и любостяжаніе (лжеапостоловъ) и опять намекаетъ на то, о чемъ я прежде говорилъ, т. е. что они проповѣдуютъ божественное съ примѣсью своего собственнаго. Обличая тотъ же порокъ, и Исаія говорилъ: *корчемницы твои мѣшаютъ вино съ водою* (I, 22). Хотя это сказано о винѣ, но не будетъ погрѣшности, если кто отнесетъ это и къ ученію. Не такъ, говоритъ, поступаемъ мы; но что ввѣрено намъ, то и предлагаемъ другимъ, и преподаемъ ученіе чистое—безъ всякой примѣси,—почему и присовокупилъ еще: *но яко отъ чистоты, но яко отъ Бога, предъ Богомъ, во Христѣ глаголемъ.* Мы, говоритъ, не съ тѣмъ проповѣдуемъ, чтобы обманывать васъ,—какъ бы свое даруя вамъ что-нибудь, или отъ себя что-нибудь привнося и примѣшивая,—но *яко отъ Бога,* т. е. не говоримъ, будто мы отъ себя что-нибудь даруемъ вамъ, но утверждаемъ, что все даровалъ Богъ. Выраженіе: *яко отъ Бога* именно и значитъ—ничѣмъ не хвалиться какъ своимъ, но все приписывать Богу. *Во Христѣ глаголемъ,*—т. е. все говоримъ не отъ нашей мудрости, но просвѣщаемые силою Христовою. Напротивъ, любящіе хвалиться не такъ проповѣдуютъ, но какъ бы привнося что-нибудь свое. Потому и въ другомъ мѣстѣ (апостолъ), обличая такихъ проповѣдниковъ, говоритъ: *что имаши, егоже нѣси пріялъ? Аще же и пріялъ еси, что хвалишися, яко не пріемъ* (1 Кор. IV, 7)?

Самая высокая добродѣтель—приписывать все Богу, и ничего не почитать своимъ, ничего не дѣлать для пріобрѣтенія славы человѣческой, но все—для благоугожденія Богу, потому что Онъ (а не другой кто) потребуетъ отъ насъ отчета. Въ наше же время порядокъ этотъ извращенъ. Нынѣ мы не столько боимся Того, Кто нѣкогда возсядетъ на судилищѣ, и потребуетъ отъ насъ отчета въ дѣлахъ нашихъ, сколько страшимся тѣхъ, которые вмѣстѣ съ нами предстанутъ на судъ. Откуда же у насъ эта болѣзнь? Откуда проникла въ наши сердца? Отъ рѣдкаго помышленія о будущемъ и крайней привязанности къ настоящему. Оттого мы такъ легко впадаемъ и въ злыя дѣла; и даже если дѣлаемъ что-нибудь доброе, то дѣлаемъ только напоказъ, такъ что и отсюда для насъ происходитъ вредъ. Ты не одинъ разъ глядѣлъ безстыдными глазами на женщину, и утаилъ это какъ отъ той, на которую посмотрѣлъ, такъ и отъ спутниковъ твоихъ; но ты не скроешь этого отъ Ока, никогда недремлющаго. Еще прежде, чѣмъ человѣкъ совершитъ грѣхъ, Оно уже видѣло въ

душѣ его преступную похоть, и внутреннее неистовство, и бурное и необузданное движеніе помысловъ. Тотъ, кто все видитъ, 432
не имѣетъ нужды въ свидѣтеляхъ и доказательствахъ. Итакъ, смотри не на подобныхъ тебѣ рабовъ. Если и похвалитъ дѣла твои человѣкъ, для тебя нѣтъ въ томъ никакой пользы, какъ скоро не приметъ ихъ Богъ; равнымъ образомъ, если и похулитъ ихъ человѣкъ, нѣтъ въ томъ для тебя никакого вреда, какъ скоро не похулитъ Богъ. Напротивъ, высоко цѣня мнѣніе подобныхъ тебѣ рабовъ, а не страшась и не трепеща негодованія Судіи, смотри, не прогнѣвай Судію. Итакъ, презримъ похвалу человѣческую. Доколѣ станемъ унижаться и пресмыкаться по землѣ? Доколѣ будемъ порываться къ землѣ, когда Богъ влечетъ насъ на небо? Братья Іосифа не сдѣлали бы умысла убить своего брата въ пустынѣ, если бы, какъ должно, имѣли предъ очами своими страхъ Божій (Быт. xxxvii). Равнымъ образомъ и Каинъ, если бы боялся суда Божія, какъ надлежало бояться, не сказалъ бы Авелю: *иди, и пойдемъ на поле* (Быт. iv, 8). Въ самомъ дѣлѣ, для чего ты, жалкій и несчастный, отлучилъ брата своего отъ отца, и увелъ въ пустыню? Развѣ Богъ не видитъ и на полѣ твоего дерзкаго преступленія? Какъ ты не научился изъ случившагося съ твоимъ отцомъ, что Богъ все видитъ, и присутствуетъ при всѣхъ нашихъ дѣлахъ? Но почему, когда (Каинъ) не признавался въ своемъ преступленіи, Богъ не сказалъ ему: отъ Меня ли Вездѣсущаго и знающаго даже тайныя помышленія ты скрываешь? Потому, что онъ не могъ еще хорошо понимать этихъ свойствъ Божіихъ. Что же сказалъ ему Богъ? *Гласъ крове брата твоего вопіетъ ко Мнѣ* (Быт. iv, 10). Слова эти не то значатъ, чтобы кровь имѣла голосъ, а сказаны въ томъ же смыслѣ, какъ и мы говоримъ о случаяхъ явныхъ и очевидныхъ: самое дѣло говоритъ. Итакъ, всегда должно имѣть предъ очами судъ Божій— и все зло угаснетъ. Такимъ же образомъ и во время молитвъ мы можемъ удерживать трезвенное вниманіе, если будемъ помнить, съ кѣмъ бесѣдуемъ, если будемъ представлять, что приносимъ жертву, имѣемъ въ рукахъ ножъ, и огонь и дрова; если, мысленно отверзши двери неба, тамъ остановимся, и, взявъ духовный ножъ, вонзимъ его въ жертвенное животное, и пожремъ Ему трезвенное вниманіе, и прольемъ предъ Нимъ слезы. Такова кровь этой жертвы; таковымъ закланіемъ долженъ быть обагренъ этотъ жертвенникъ! Смотри же, не позволяй ни одному помыслу занимать въ это время твою душу.

4. Припомни, что и Авраамъ при своемъ жертвоприношеніи не позволилъ быть ни женѣ, ни рабу, ни другому кому. Такъ и ты не оставляй при себѣ никакой страсти, свойственной рабамъ,

а не свободнымъ, но одинъ взойди на ту гору, на которую онъ всходилъ, и на которую никому другому всходить не позволено. Если же какіе изъ недостойныхъ помысловъ и будутъ усиливаться, чтобы взойти съ тобою на гору, запрети имъ это, какъ господинъ ихъ, и скажи: *сядите здѣ, азъ же и дѣтищъ поклонившеся возвратимся* (Быт. XXII, 5). Все, что есть безсловеснаго и неразумнаго—и осла и рабовъ—оставь при подошвѣ горы; взойди, взявъ съ собою только разумное, какъ онъ—Исаака. И ты, какъ онъ, устрой жертвенникъ, отрѣшившись отъ всего человѣческаго и ставъ выше своей природы,—вѣдь и онъ, если бы не сталъ выше своей природы, не рѣшился бы заклать сына. Наконецъ,
433 ничто пусть не возмущаетъ тебя въ это время, но будь выше самыхъ небесъ. Горько плачь, принеси въ жертву исповѣданіе (грѣховъ), потому что сказано: *глаголи ты беззаконія твоя прежде, да оправдишися* (Ис. XLIII, 26). Принеси въ жертву сокрушеніе сердечное. Такія жертвы не превращаются въ пепелъ, не исчезаютъ съ дымомъ: не нужны для нихъ ни дрова, ни огонь, нужно только сокрушенное сердце. Это дрова, это огонь, который объемлетъ дрова пламенемъ, а не сжигаетъ ихъ. Кто съ пламеннымъ усердіемъ молится, тотъ горитъ, и не сгораетъ,—подобно золоту, испытываемому огнемъ, дѣлается только чище и свѣтлѣе.

Вмѣстѣ съ этимъ наблюдай и то, чтобы не говорить въ молитвѣ ничего, что можетъ прогнѣвить твоего Владыку: не приступай къ Нему съ молитвою о погибели враговъ. Если имѣть враговъ есть уже преступленіе, то подумай, какое преступленіе, если молишься о погибели ихъ? Ты долженъ просить прощенія и въ томъ, что имѣешь враговъ; а ты хочешь еще обвинять ихъ? И какъ ты можешь получить прощеніе, когда обвиняешь другихъ, и притомъ въ такое время, когда самъ имѣешь нужду въ великой милости? Ты вѣдь приходишь сюда за тѣмъ, чтобы молиться о прощеніи своихъ грѣховъ: итакъ, не припоминай чужихъ грѣховъ, чтобы не припомнили твоихъ. Если ты, молясь Богу, говоришь: порази врага, то заграждаешь этимъ себѣ уста, и связываешь себѣ языкъ, во-первыхъ, потому, что въ самомъ началѣ молитвы тотчасъ приводишь въ гнѣвъ Судію, во-вторыхъ, потому, что просишь совсѣмъ не того, о чемъ повидимому молишься. Въ самомъ дѣлѣ, если ты молишься объ отпущеніи грѣховъ, то почему же просишь о наказаніи? Совсѣмъ напротивъ надлежало бы поступать тебѣ,—молиться и за самихъ враговъ, чтобы съ дерзновеніемъ молиться и за себя. А ты теперь, требуя казни грѣшниковъ, осужденіемъ ихъ присвояешь себѣ мѣсто Судіи, что и дѣлаетъ тебя недостойнымъ никакого помилованія. Когда же будешь молиться за враговъ, то, хотя бы ты ничего не говорилъ

въ молитвѣ о своихъ грѣхахъ, ты все исполнилъ. Припомни, сколько жертвъ указано въ законѣ. Жертва хвалы, жертва исповѣданія, жертва спасенія, жертва очищенія и другія безчисленныя; ни одной нѣтъ противъ враговъ, но каждая за свои грѣхи или даже за добродѣтели. Развѣ ты приступаешь съ молитвою къ другому Богу? Ты приступаешь къ тому же Богу, Который сказалъ: *молитеся за враговъ вашихъ* (Мѳ. v, 44). Какъ же ты вопіешь противъ нихъ? Какъ дерзаешь просить Бога, чтобы Онъ нарушилъ собственный Свой законъ? Эта личина неприлична молящемуся рабу. Всякій долженъ молиться не о погибели другого, но о своемъ спасеніи. Для чего же ты принимаешь на себя видъ молящагося раба, а говоришь какъ обвинитель? Притомъ, когда мы о себѣ молимся, то и почесываемся, и зѣваемъ, и развлекаемся безчисленными помыслами; а о погибели враговъ молимся со всѣмъ вниманіемъ. Такъ какъ діаволъ знаетъ, что мы въ это время поднимаемъ мечъ на себя самихъ, то онъ нисколько насъ и не развлекаетъ и не останавливаетъ, чтобы такимъ образомъ больше повредить намъ. Но меня обидѣли и огорчили, скажешь ты? Такъ молись о погибели діавола, который несравненно болѣе всѣхъ обижаетъ насъ. Объ этомъ тебѣ и предписано молиться такъ: *избави насъ отъ лукаваго* (Мѳ. vi, 13). Подлинно, онъ одинъ непримиримый нашъ врагъ, а человѣкъ, чтобы онъ ни дѣлалъ, всегда другъ и братъ нашъ. Итакъ, на діавола всѣ мы должны обращать гнѣвъ свой, о его погибели должны молить 434
Бога, и говорить: сокруши сатану подъ ноги наши, потому что онъ же и людей дѣлаетъ врагами намъ. Если же ты будешь молиться о погибели враговъ, то будешь молиться о томъ, чего хочетъ твой непримиримый врагъ, между тѣмъ какъ молитва за враговъ есть молитва противъ него самого. Итакъ, для чего ты, оставивъ настоящаго твоего врага, терзаешь собственные члены, и такимъ образомъ дѣлаешься лютѣе звѣрей? Ты скажешь: онъ обидѣлъ меня, или отнялъ у меня имѣніе. Но и въ этомъ случаѣ о комъ болѣе должно плакать, о томъ ли, кто потерпѣлъ обиду, или о томъ, кто обидѣлъ? (Объ обидѣвшемъ, потому что) тотъ, кто обогатился чужимъ имѣніемъ, лишился благоволенія Божія, и потерялъ несравненно болѣе, нежели сколько пріобрѣлъ,—онъ, слѣдовательно, и есть обиженный. Вотъ почему не противъ него, но за него должно молиться, чтобы Богъ былъ милостивъ къ нему.

5. Смотри, сколько несчастій потерпѣли три отрока, не сдѣлавшіе никакого зла: лишены были отечества и свободы, отведены въ плѣнъ и стали рабами въ странѣ чужой и варварской, наконецъ, безъ вины и напрасно приговорены были на смерть—

за сновидѣніе (котораго волхвы не могли припомнить и объяснить Навуходоносору—Дан. гл. I и II). Что же предпринимали эти три отрока вмѣстѣ съ Даніиломъ? О чемъ молились Богу, что говорили? Сокруши Навуходоносора? Сорви съ него діадему? Низвергни его съ престола? Нѣтъ, ничего такого (они не говорили); но—*щедротъ прошаху у Бога* (Дан. II, 18). Также поступали они и тогда, когда ввержены были въ пещь огненную. Не такъ поступаете вы; но терпя несравненно менѣе, нежели тѣ три отрока, и притомъ часто по заслугамъ, вы не престаете въ молитвѣ всячески проклинать враговъ. Одинъ говоритъ: низвергни (Господи) врага моего, какъ ввергъ ты въ море колесницы фараоновы. Другой говоритъ: порази плоть (врага); иной еще говоритъ: воздай ему на дѣтяхъ его. Ужели не узнаете, что это ваши слова?

Отчего же вы смѣетесь? Видишь, какъ смѣшны (проклятія твои), когда въ спокойномъ состояніи вспоминаешь о нихъ! И всякій другой грѣхъ оказывается столь же постыднымъ, когда будешь разсматривать его, отложивъ страсть къ нему. Человѣку, увлекшемуся гнѣвомъ, послѣ напомни слова, произнесенныя имъ во гнѣвѣ; онъ покраснѣетъ отъ стыда, будетъ смѣяться надъ самимъ собою, и скорѣе рѣшится терпѣть что угодно, нежели согласится признать ихъ своими. Или, приведи распутнаго къ блудницѣ, съ которой онъ палъ; онъ съ отвращеніемъ будетъ смотрѣть на нее, какъ на женщину непотребную. Такъ и вы теперь, будучи свободны отъ страсти, смѣетесь надъ своими словами. Они и достойны смѣха, потому что свойственны пьянымъ старухамъ и малодушнымъ женщинамъ. Іосифъ, проданный братьями, сдѣлавшись рабомъ и вверженный въ темницу, не говорилъ противъ оскорбившихъ его ничего оскорбительнаго. Что же онъ говорилъ? *Краденіемъ украденъ быхъ изъ земли Еврейскія* (Быт. XL, 15). Не упомянулъ даже, чрезъ кого былъ украденъ. Онъ стыдился за злыхъ братьевъ своихъ болѣе, нежели они сами, сдѣлавшіе это. Такія же чувства должны имѣть и мы, и причиняющихъ намъ обиды должны жалѣть болѣе, нежели они сами, потому что весь вредъ переходитъ на нихъ. Подобно тому, какъ вбивающіе гвозди и тѣмъ гордящіеся достойны сожалѣнія и слезъ за свое
435—436 безуміе, точно такъ же и обижающіе тѣхъ, которые не сдѣлали имъ никакого зла, достойны болѣе состраданія и слезъ, нежели проклятій, потому что погубляютъ свои души. Подлинно, нѣтъ ничего презрѣннѣе души, которая въ молитвѣ проклинаетъ другихъ, и сквернѣе языка, который приноситъ (Богу) такія жертвы. Ты человѣкъ,—не изливай же изъ устъ твоихъ яда аспидовъ. Человѣкъ ты,—не будь же звѣремъ. Уста даны тебѣ не для того, чтобы уязвлять, но чтобы исцѣлять язвы другихъ. Вспомни, го-

воритъ Богъ, что Я внушалъ тебѣ: оставлять и прощать (согрѣшенія). А ты умоляешь Меня, чтобы и Я былъ тебѣ сообщникомъ въ нарушеніи Моихъ же повелѣній, и снѣдаешь брата, обагряешь кровію языкъ свой, подобно бѣшенымъ, которые своими зубами терзаютъ свои же члены. Думалъ ли ты о томъ, какъ радуется и смѣется діаволъ, когда слышитъ такія молитвы? Помышлялъ ли, напротивъ, какъ гнѣвается, какъ отвращается и какъ ненавидитъ Богъ, когда ты такъ молишься? Что можетъ быть преступнѣе того, что ты дѣлаешь? Въ самомъ дѣлѣ, если и тому, кто имѣетъ только враговъ, не слѣдуетъ приступать къ таинствамъ, то какъ не должно возбранить приближаться даже къ преддверію храма тому, кто не только имѣетъ враговъ, но еще и молится о погибели ихъ? Итакъ, сообразивъ сказанное и припомнивъ, что виновникъ жертвы (нами приносимой) принесъ Себя въ жертву за враговъ, постараемся не имѣть враговъ. Если же имѣемъ, то будемъ молиться за нихъ, чтобы и мы, получивъ прощеніе грѣховъ нашихъ, съ дерзновеніемъ могли предстать на судъ Христа, Которому слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА VI.

Зачинаемъ ли паки насъ самѣхъ извѣщавати вамъ; или требуемъ, якоже нѣцыи, извѣщавательныхъ посланій къ вамъ, или отъ васъ (2 Кор. III, 1)? 435

1. Такъ какъ нѣкоторые могли сказать, что (апостолъ) самъ себя выхваляетъ, то въ предупрежденіе такого обвиненія онъ и говоритъ такъ. Хотя онъ и раньше нѣсколько разъ исправлялъ такую мысль, когда говорилъ: *къ симъ кто доволенъ*, и: *отъ чистоты глаголемъ* (2 Кор. II, 16, 17), тѣмъ не менѣе онъ не удовлетворяется; таковъ его обычай, чтобы какъ можно дальше отстранять отъ себя ту мысль, будто онъ самъ о себѣ говоритъ что-нибудь великое. Онъ избѣгаетъ этого съ величайшимъ стараніемъ и заботливостію. А ты съ своей стороны замѣть и здѣсь великую мудрость (апостола). Въ самомъ дѣлѣ, обстоятельства, казавшіяся сами по себѣ непріятными,—я разумѣю его бѣдствія,—онъ такъ возвысилъ и представилъ въ такомъ блескѣ и свѣтѣ, что изъ его описанія могло родиться подобное подозрѣніе. То же дѣлаетъ онъ и далѣе (въ посланіи). Перечисливъ безчисленныя бѣдствія, огорченія, тѣсныя обстоятельства, крайнюю нужду и тому подобное, онъ присовокупилъ: *не себе хвалимъ, но вину*

даемъ вамъ похваленія (v, 12). Но тамъ онъ говоритъ это гораздо сильнѣе и съ бóльшимъ негодованіемъ. Здѣсь слова его: *или требуемъ, якоже нѣцыи, извѣщавательныхъ посланій?*—выражаютъ любовь, тамъ,—какъ это было нужно и полезно,—слова его исполнены и особенной силы и негодованія: *не паки*, говоритъ, *себе хвалимъ, но вину даемъ вамъ похваленія;* и еще: *паки ли мните, яко отвѣтъ вамъ творимъ? Потому что предъ Богомъ во Христѣ глаголемъ. Боюся же, еда како пришедъ, не яцѣхъ же хощу, обрящу васъ, и азъ обрящуся вамъ, якова же не хощете* (хп, 19, 20). Чтобы не подвергнуться укоризнѣ въ лести и домогательствѣ отъ нихъ похвалы, говоритъ имъ: *боюся, еда како пришедъ, не яцѣхъ же хощу, обрящу васъ, и азъ обрящуся вамъ, якова же не хощете.* Но все это говоритъ онъ съ большою укоризною; вначалѣ же говоритъ не такъ, но гораздо снисходительнѣе. Что же значатъ слова его? Выше говорилъ онъ объ искушеніяхъ, опасностяхъ и о томъ, что
436 Богъ во Христѣ повсюду творитъ его побѣдителемъ, и вся вселенная знаетъ о побѣдахъ его. Сказавъ, такимъ образомъ, о себѣ нѣчто великое, онъ и предлагаетъ себѣ этотъ вопросъ: *зачинаемъ ли паки насъ самѣхъ извѣщавати вамъ?* Слова его имѣютъ такой смыслъ: можетъ быть кто-нибудь скажетъ намъ: что это значитъ, Павелъ? Для чего ты такъ говоришь о самомъ себѣ, для чего превозносишь себя? Въ предупрежденіе подобнаго возраженія онъ и говоритъ: нѣтъ, мы не хотимъ хвалиться и превозносить себя предъ вами; мы столько далеки отъ того, чтобы просить одобрительныхъ о себѣ къ вамъ писемъ, что вы сами служите для насъ вмѣсто письма: *посланіе бо наше*, говоритъ, *вы есте* (ст. 2). Что же значитъ: *вы есте?* Если нужно будетъ намъ рекомендовать себя предъ другими,—мы васъ выставимъ на средину, вмѣсто одобрительнаго письма. То же говорилъ онъ и въ первомъ посланіи: *печать бо моего апостольства вы есте* (1 Кор. ιx, 2). Но здѣсь онъ сказалъ не просто, а съ нѣкоторою ироніей, чтобы придать своей рѣчи болѣе силы: *или требуемъ*, говоритъ, *извѣщавательныхъ посланій?* И имѣя въ виду лжеапостоловъ, присовокупилъ: *якоже нѣцыи, къ вамъ, или отъ васъ извѣстительныхъ посланій*, къ другимъ. Потомъ, такъ какъ сказанное было тяжко для слуха, то далѣе онъ смягчаетъ слова свои, говоря: *посланіе наше вы есте, написанное въ сердцахъ нашихъ, знаемое отъ всѣхъ: являеми, яко есте посланіе Христово* (ст. 2). Здѣсь онъ не только выражаетъ свою любовь къ нимъ, но и свидѣтельствуетъ о ихъ добродѣтельной жизни, т. е., что они своими добродѣтелями могутъ доказать предъ всѣми достоинство своего учителя. Таковъ смыслъ словъ: *посланіе наше вы есте.* Что сдѣлали бы ваши письма, въ которыхъ стали бы вы одобрять и прославлять насъ,

то самое вы исполняете своею жизнію по вѣрѣ, которую всѣ видятъ и слышатъ. Добродѣтели учениковъ служатъ наилучшимъ украшеніемъ для ихъ наставника, и одобряютъ его лучше всякаго письма. *Написанное въ сердцахъ нашихъ*, т. е., которое всѣмъ извѣстно, потому что мы вездѣ носимъ васъ съ собою и содержимъ въ сердцѣ нашемъ. Какъ бы такъ онъ говорилъ: вы служите намъ одобреніемъ предъ другими, и мы всегда имѣемъ васъ въ сердцѣ своемъ, и предъ всѣми возвѣщаемъ о вашихъ добродѣтеляхъ. А потому не только мы не имѣемъ нужды въ одобрительныхъ отъ васъ письмахъ къ другимъ,—потому что вы служите одобреніемъ нашимъ,—но и для васъ самихъ мы не 437
имѣемъ нужды въ свидѣтельствѣ другихъ, — потому что мы сильно любимъ васъ. Одобрительныя письма нужны къ незнакомымъ, а вы находитесь въ сердцахъ нашихъ. И не просто сказалъ: находитесь, но—*написаны*, т. е. такъ, что не можете изгладиться изъ сердецъ нашихъ. Какъ читая посланія наши, такъ и увѣряясь изъ сердецъ нашихъ, всѣ знаютъ любовь нашу, которую имѣемъ къ вамъ.

2. Итакъ, если письма употребляются для того, чтобы показать, что такой-то мнѣ другъ и пользуется моею довѣренностію, то все это для насъ замѣняетъ ваша любовь. А потому, къ вамъ ли мы идемъ,—не имѣемъ нужды брать одобреніе отъ другихъ, такъ какъ это вполнѣ замѣняетъ ваша любовь къ намъ, или къ другимъ, — опять не имѣемъ нужды брать и отъ васъ одобрительныхъ писемъ, потому что, вмѣсто нихъ, для насъ и здѣсь довольно той же любви. Мы носимъ посланіе въ сердцахъ нашихъ. Потомъ, возводя ихъ къ высшему разумѣнію, называетъ ихъ посланіемъ Христовымъ, говоря: *являеми, яко есте посланіе Христово* (ст. 5). И сказавъ это, онъ извлекаетъ отсюда поводъ говорить о законѣ; и опять называетъ ихъ посланіемъ своимъ, но въ другомъ смыслѣ. Выше онъ называлъ ихъ посланіемъ потому, что они служатъ для него одобреніемъ; а здѣсь называетъ ихъ посланіемъ Христовымъ, какъ имѣющихъ въ себѣ написаннымъ законъ Божій. Что Богъ благоволилъ открыть всѣмъ и вамъ, все это, говоритъ, написано въ сердцахъ вашихъ; а мы приготовили васъ къ принятію этихъ письменъ. Какъ Моисей обдѣлалъ камни и скрижали, такъ и мы приготовили души ваши. Потому и говоритъ: *служеное нами*. Но скажутъ, что и тѣ и другія скрижали равны, потому что и тѣ написаны Богомъ, и эти Духомъ (Божіимъ). Гдѣ же между ними различіе? *Написано*, говоритъ, *не черниломъ, но Духомъ Бога жива; не на скрижалѣхъ каменныхъ, но на скрижалѣхъ сердца плотяныхъ*. А каково различіе между Духомъ и чернилами, и скрижалями каменными и

плотяными, таково же различіе и между тѣми и другими письменами: тѣмъ же различаются и послужившіе (письменамъ новозавѣтнымъ) отъ послужившаго (ветхозавѣтнымъ). Но чтобы не подумали, что онъ сказалъ о себѣ слишкомъ много, онъ тотчасъ и поясняетъ себя, говоря: *надѣяніе же таково имамы Христомъ къ Богу*. И такимъ образомъ опять все приписываетъ Богу, и виновникомъ всего называетъ Христа. *Не яко довольни есмы отъ себе помыслити что, яко отъ себе* (ст. 5). Смотри, вотъ и еще онъ умѣряетъ рѣчь свою. И это оттого, что онъ владѣлъ добродѣтелію смиренія въ высшей степени. И потому, какъ скоро говорилъ что-нибудь великое о себѣ, тотчасъ старался опять всѣми способами смягчить сказанное. Это дѣлаетъ онъ и здѣсь, когда говоритъ: *не яко довольни есмы отъ себе помыслити что, яко отъ себе*. То есть, я не сказалъ: *надѣяніе имамы таково*, по которому одно усвояемъ себѣ, а другое Богу; напротивъ, такое, которымъ все возлагаемъ на Бога и Ему вмѣняемъ, потому что *довольство наше отъ Бога, иже и удоволи насъ служители быти нову завѣту* (ст. 6). Что значитъ—*удоволи?* То, что Богъ сдѣлалъ насъ спо-
438 собными къ такому служенію. Не малое дѣло—сообщить вселенной такія скрижали и письмена, которыя гораздо важнѣе первыхъ. Потому и присовокупилъ: *не письмене, но Духу*. Вотъ еще новое различіе (ветхихъ и новыхъ скрижалей). Какое же? Развѣ ветхій законъ не былъ духовенъ? Какъ же говоритъ (тотъ же апостолъ): *вѣмы, яко законъ духовенъ есть* (Рим. VII, 14)? Онъ былъ духовенъ, но не подавалъ Духа, потому что Моисей принесъ не Духъ, а письмена, а мы увѣрены, что подаемъ Духа. Показывая это яснѣе, далѣе и говоритъ: *писмя убиваетъ, а Духъ животворитъ*. И говоритъ это не безъ цѣли, но для того, чтобы обличить тѣхъ, которые тщеславились исполненіемъ іудейскихъ обрядовъ. Письменемъ онъ называетъ здѣсь законъ, угрожающій наказаніемъ согрѣшающимъ, а духомъ—благодать, чрезъ таинство крещенія животворящую умерщвленныхъ грѣхами. Показавъ, такимъ образомъ, различіе тѣхъ и другихъ скрижалей изъ самаго ихъ существа, онъ не останавливается на этомъ; но продолжаетъ далѣе раскрывать это различіе и притомъ съ такой стороны, съ которой сильнѣе можетъ увлечь слушателя, — т. е. со стороны животворности и легкости (послѣднихъ). Новый завѣтъ, говоритъ онъ, и не труденъ, и даруетъ большую благодать. Если онъ, разсуждая о Христѣ, выставляетъ особенно то, что болѣе принадлежитъ Его человѣколюбію, нежели достоинству, или что принадлежитъ и тому и другому вмѣстѣ, то тѣмъ болѣе онъ долженъ такъ говорить, разсуждая о Его завѣтѣ. Итакъ, что значатъ слова: *писмя убиваетъ?* Прежде онъ сказалъ, что одинъ за-

вѣтъ написанъ на скрижаляхъ каменныхъ, а другой—на сердцахъ плотяныхъ. Но ему показалось, что такое различіе еще не велико, а потому присовокупилъ, что прежній завѣтъ написанъ былъ буквами и чернилами, а новый—Духомъ. Но такъ какъ и это различіе еще не вполнѣ могло возбудить его слушателей, то онъ указываетъ, наконецъ, нѣчто такое, что могло окрылить ихъ,—именно то, что *писмя убиваетъ, а Духъ животворитъ*.

3. Что же это значитъ? По (ветхому) закону грѣшникъ подвергается наказанію; а здѣсь (по новому) грѣшникъ прибѣгаетъ къ крещенію и становится праведнымъ, содѣлавшись же праведнымъ, онъ оживаетъ, освобождается отъ смерти грѣха. Законъ, если поймаетъ убійцу, то осуждаетъ его на смерть, а если благодать настигнетъ убійцу, то освящаетъ и оживляетъ его. Но что я говорю объ убійцѣ? Законъ и того схватилъ и побилъ камнями, который собиралъ дрова въ субботу (Числ. xv, 32—36). Вотъ что значитъ: *писмя убиваетъ!* Напротивъ, благодать ловитъ безчисленныхъ человѣкоубійцъ и разбойниковъ, и, омывая ихъ водами крещенія, разрѣшаетъ отъ прежнихъ золъ. Вотъ что значитъ: *Духъ животворитъ*! Законъ кого поймаетъ, того изъ живого дѣлаетъ мертвымъ; а благодать содѣлываетъ живымъ преступника изъ мертваго. *Пріидите ко Мнѣ* (говоритъ она) *вси труждающіися и обремененніи, и Азъ*, не говоритъ—накажу васъ, но *упокою вы* (Мѳ. xi, 28). Въ крещеніи погребаются грѣхи, заглаждаются прежнія неправды, человѣкъ оживаетъ, и всякая благодать напечатлѣвается въ его сердцѣ, какъ на скрижали. Итакъ, помысли, сколь велико преимущество Духа, когда и скрижали Его превосходнѣе первыхъ, когда Онъ показываетъ и нѣчто высшее даже самаго воскресенія. Въ самомъ дѣлѣ, та смерть, отъ которой Онъ освобождаетъ, гораздо опаснѣе первой смерти, и настолько опаснѣе, насколько душа превосходнѣе тѣла, и естественная жизнь держится тою жизнію, которую даетъ Духъ. Если же Онъ можетъ даровать эту высшую жизнь, то тѣмъ болѣе можетъ дать низшую; эту послѣднюю давали и пророки, а той никогда,—потому что никто не можетъ отпускать грѣховъ, кромѣ одного Бога (Лук. v, 21). Но и низшей жизни пророки не могли бы сооб- 439
щать безъ того же Духа. И не только то удивительно, что Духъ животворитъ, но и то еще, что Онъ даровалъ и другимъ силу животворить. *Пріимите Духъ Святъ*, говоритъ (Господь) (Іоан. xx, 22). Для чего же? Развѣ безъ Духа нельзя было? Богъ говоритъ это для того, чтобы показать, что (Духъ) имѣетъ высочайшую власть, ту же царскую сущность и ту же силу. Для того и присовокупляетъ: *имже отпустите грѣхи, отпустятся, и имже держите, держатся* (ст. 23). И вотъ, такъ какъ (Духъ Святый) живо-

творилъ насъ, то и сохранимъ эту жизнь, и не станемъ опять возвращаться къ прежней мертвости. *Христосъ ктому уже не умираетъ. Еже бо умре, грѣху умре единою* (Рим. VI, 9, 10). И не хочетъ, чтобы мы всегда ожидали спасенія только отъ благодати: иначе мы будемъ лишены всего; Онъ хочетъ, чтобы и съ нашей стороны привнесено было что-нибудь. Позаботимся же привнести что-нибудь, и соблюдемъ жизнь души.

А въ чемъ состоитъ жизнь души, это можешь узнать изъ жизни тѣла. Тѣло мы называемъ живымъ тогда, когда оно находится въ здоровомъ состояніи. Когда же оно находится въ разслабленіи и имѣетъ безпорядочное движеніе, то хотя оно повидимому и живетъ и движется, но такая жизнь бываетъ хуже всякой смерти. Также если (человѣкъ) ничего не говоритъ здраваго, но произноситъ слова свойственныя безумнымъ, и превратно видитъ предметы, то опять имѣющій такое тѣло гораздо болѣе достоинъ сожалѣнія, нежели умершій. Такъ и душа, если не имѣетъ ничего здраваго, если, напримѣръ, смотритъ на золото не какъ на золото, но какъ на нѣчто великое и важное, если ни мало не помышляетъ о будущемъ, но пресмыкается долу и дѣлаетъ то, чего не надлежало бы ей дѣлать,—такая душа хотя бы и казалась живою, она умерла. Изъ чего мы познаемъ, что имѣемъ душу? Не изъ дѣйствій ли свойственныхъ душѣ? Но если она не дѣлаетъ того, что ей свойственно, то не умерла ли она? Если, напр., она не заботится о добродѣтели, но похищаетъ чужое и беззаконничаетъ, то почему я могу сказать, что ты имѣешь душу? Потому ли, что ты ходишь? Но это свойственно и неразумнымъ животнымъ. Потому ли, что ѣшь и пьешь? Но и звѣри ѣдятъ и пьютъ. Потому ли, что ты стоишь въ прямомъ положеніи и на двухъ ногахъ? Но изъ этого я болѣе вижу, что ты звѣрь въ человѣческомъ образѣ. Въ самомъ дѣлѣ, когда ты по всему прочему сходенъ съ звѣремъ, и отличаешься отъ него только прямымъ положеніемъ, то этимъ ты только еще болѣе возмущаешь и поражаешь меня, и я, смотря на тебя, скорѣе сочту тебя за чудовище. Если бы я увидѣлъ звѣря, говорящаго человѣческимъ языкомъ, то не сказалъ бы по одному этому, что онъ человѣкъ, но почелъ бы его по этому самому болѣе страннымъ предъ другими звѣрями. Итакъ, откуда же могу я узнать, что ты имѣешь душу человѣческую? Когда ты лягаешься какъ оселъ, когда злопамятенъ какъ верблюдъ, когда кусаешься какъ медвѣдь, когда хищенъ какъ волкъ, когда крадешь какъ лисица, когда коваренъ какъ змѣй, когда безстыденъ какъ песъ, — какъ я могу узнать, что ты имѣешь человѣческую душу? Хотите, я покажу вамъ душу мертвую и живую. Обратимся опять къ древнимъ му-

жамъ, и, если угодно, представимъ того богатаго, который жилъ во дни Лазаря, чтобы узнать намъ, въ чемъ состоитъ смерть души. Что этотъ богачъ имѣлъ душу мертвую, это видно изъ дѣлъ его. Онъ не сдѣлалъ ничего, что показывало бы въ немъ 440
разумную душу; а только ѣлъ, пилъ и веселился.

4. Есть и нынѣ такіе же немилосердые и жестокіе люди. И они, подобно этому богачу, имѣютъ мертвую душу,—потому что они убили въ себѣ всю ту теплоту, какая происходитъ отъ любви къ ближнимъ, и душа ихъ мертвѣе бездушнаго тѣла. Но не таковъ былъ нищій: онъ просіялъ, какъ взошедшій на самый верхъ любомудрія. Борясь непрестанно съ голодомъ, и не имѣя даже самой необходимой пищи, онъ не произнесъ на Бога ни одного хульнаго слова, но все переносилъ великодушно. А это немаловажное дѣло души, и даже самое сильное доказательство ея крѣпости и здравія. Когда же не видно въ душѣ такихъ добродѣтелей,—явный признакъ, что онѣ пропали отъ ея мертвости. Не должны ли мы, скажи мнѣ, называть мертвою ту душу, которая, когда нападаетъ на нее діаволъ, бьетъ ее, терзаетъ, грызетъ, топчетъ,—всего этого не чувствуетъ, спитъ, какъ мертвая, и не скорбитъ о расхищеніи своего достоянія: діаволъ терзаетъ ее, а она остается неподвижною, подобно бездыханному тѣлу, и не чувствуетъ этого. Когда въ душѣ нѣтъ страха Божія и попеченія о своемъ спасеніи, то она необходимо дѣлается таковою, и еще хуже всякаго трупа. Душа не превращается подобно тѣлу въ гнилую жидкость, въ грязь и въ прахъ, но,—что еще отвратительнѣе,—въ пьянство, въ злобу, любостяжаніе, въ гнусную любовь, въ преступныя пожеланія. Если же ты еще яснѣе хочешь видѣть гнусность порочной души, то очисти душу твою, и тогда ясно увидишь, какъ отвратительна (душа) оскверненная и нечистая. Теперь ты увидѣть этого не можешь потому, что, когда мы остаемся съ привычкой къ нечистотѣ, тогда не чувствуемъ ея; но когда станемъ питаться духовными глаголами, тогда поймемъ, какъ велико это зло—нечистота душевная,—хотя для многихъ это и кажется безразличнымъ. Я не буду говорить теперь о гееннѣ; но, если угодно, посмотримъ на порочнаго человѣка еще здѣсь—на землѣ, и притомъ не на того, который гнусно дѣлаетъ, но который только говоритъ гнусное,—какъ онъ смѣшенъ, сколько онъ обижаетъ прежде всего самого себя, и какъ онъ, подобно изблевывающему изъ устъ тину, дѣлаетъ себя отвратительнымъ. Если же струя такъ отвратительна, то подумай, какъ отвратителенъ долженъ быть источникъ этой тины: *отъ избытка бо сердца уста глаголютъ* (Мѳ. XII, 34). Но я не объ этомъ только скорблю, а еще больше о томъ, что нѣкоторымъ это даже не кажется и по-

стыднымъ. Отсюда-то и умножается всякое зло, т. е., когда мы грѣшимъ, и между тѣмъ думаемъ, что не грѣшимъ.

Итакъ, хочешь ли знать, сколь великое зло—говорить срамное и постыдное? Всмотрись, какъ краснѣютъ отъ твоего безстыдства тѣ, которые тебя слушаютъ. Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть хуже и презрѣннѣе человѣка, безстыдно срамословящаго? Такіе включаютъ себя въ разрядъ скомороховъ и распутныхъ женщинъ. Вѣрнѣе же сказать, и распутныя женщины имѣютъ больше стыда, чѣмъ вы. Какъ же ты можешь научить цѣломудрію жену, когда безстыдными глазами возбуждаешь ее идти въ распутство? Лучше извергать гнилость изо рта, нежели сквернословіе. Если у тебя дурно пахнетъ изо рта, то ты не прикасаешься къ общей трапезѣ; но когда въ душѣ твоей такой смрадъ, скажи мнѣ, какъ ты дерзаешь приступать къ тайнамъ Господнимъ? Если бы кто, взявъ нечистый сосудъ, положилъ его на
441 твоей трапезѣ, такого ты, избивъ палками, прогналъ бы; скажи теперь, ужели ты не думаешь прогнѣвать Бога, когда на трапезу Его (а уста наши и есть трапеза Божія, когда мы пріобщаемся таинства евхаристіи) приносишь слова гнуснѣйшія всякаго нечистаго сосуда? Да и какъ можетъ быть иначе? Ничто такъ не прогнѣвляетъ Его, Святѣйшаго и Чистѣйшаго, какъ такія слова; ничто не дѣлаетъ людей столь наглыми и безстыдными, какъ когда они говорятъ и слушаютъ подобныя слова; ничто такъ легко не разстраиваетъ нервы цѣломудрія, какъ возгарающійся отъ такихъ словъ пламень. Богъ вложилъ въ уста твои благовоніе, а ты влагаешь въ нихъ слова, зловоннѣе всякаго трупа, убиваешь самую душу и содѣлываешь ее нечувствительною. Въ самомъ дѣлѣ, когда ты поносишь кого-нибудь, это голосъ не души, но твоего гнѣва; когда срамословишь, то не она такъ говоритъ, но твое безразсудство; когда злословишь—это говоритъ ненависть; когда обманываешь—это дѣло любостяжанія: все это не душѣ принадлежитъ, но страстямъ и болѣзнямъ души. По-
442 добно тому, какъ тлѣніе не принадлежитъ собственно тѣлу, но смерти и страстямъ, живущимъ въ тѣлѣ, такъ и эти пороки принадлежатъ прившедшимъ въ душу страстямъ. Если хочешь слышать голосъ души живой, то послушай, что говоритъ Павелъ: *имѣюще пищу и одѣяніе, сими довольни будемъ. Есть же снисканіе веліе благочестіе* (1 Тим. VI, 8, 6). Также: *мнѣ міръ распяся, и азъ міру* (Гал. VI, 14). Послушай, что говоритъ и Петръ: *сребра и злата нѣсть у мене: но еже имамъ, сіе ти даю* (Дѣя. III, 6). Послушай Іова, который благодаритъ Бога, и говоритъ: *Господь даде, Господь отъятъ* (Іов. I, 21). Вотъ слова души живой, которая выражаетъ въ нихъ ей принадлежащія силу и дѣйствіе. Подобнымъ

образомъ и Іаковъ говорилъ: *аще дастъ ми Господь хлѣбъ ясти, и ризы облещися* (Быт. xxviii, 20); такъ же говорилъ Іосифъ: *како сотворю глаголъ злый сей, и согрѣшу предъ Богомъ* (Быт. xxxix, 9)? Но не такъ говорила та пьяная и неистовая жена, когда сказала: *ляги со мною* (Быт. xxxix, 12). Итакъ, узнавъ все это, поревнуемъ душѣ живой и будемъ убѣгать души мертвой, чтобы такимъ образомъ получить намъ жизнь будущую, которой да сподобимся всѣ мы, благодатію и человѣколюбіемъ (Господа нашего Іисуса Христа, которому слава во вѣки вѣковъ. Аминь).

БЕСѢДА VII.

Аще ли же служеніе смерти писмены образовано въ каменехъ, бысть въ славу, яко не мощи взирати сыномъ Израилевымъ на лице Моисеово, славы ради лица его престающія: како не множае паче служеніе Духа будетъ въ славѣ (2 Кор. iii, 7, 8)? 441

1. (Апостолъ) сказалъ, что Моисеевы скрижали были каменныя и начертаны буквами, а (новозавѣтныя скрижали, т. е.) сердца апостоловъ плотяныя и написаны Духомъ; сказалъ также, что *писмя убиваетъ, а Духъ животворитъ*. Оставалось наконецъ присоединить къ этому сравненію еще нѣчто немаловажное, именно о славѣ лица Моисеева, каковой славы никто не видѣлъ въ новомъ завѣтѣ тѣлесными очами. Потому первая и казалась великою славою, такъ какъ поражала чувства и созерцаема была тѣлесными очами, хотя вмѣстѣ была и недоступна. А слава новаго завѣта есть духовная. Но постиженіе этого превосходства послѣдней недоступно было для немощныхъ; потому та (ветхозавѣтная) слава болѣе восхищала и привлекала ихъ къ себѣ. И такъ какъ онъ допустилъ уже такое сравненіе, то старается показать и превосходство (новозавѣтной славы). Но такъ какъ это было очень трудно по причинѣ немощи слушателей, то смотри, что онъ дѣлаетъ и какой способъ употребляетъ для достиженія своей цѣли: сперва онъ показываетъ это различіе и превосходство чрезъ умозаключенія, которыя извлекаетъ изъ вышесказаннаго. Если то (ветхозавѣтное) служеніе, говоритъ, было служеніе смерти, а это (новозавѣтное) есть служеніе жизни, то несомнѣнно, что и слава послѣдняго служенія больше славы перваго. Такъ какъ онъ не могъ представить ея (новозавѣтной славы) очамъ тѣлеснымъ, то превосходство ея и показалъ чрезъ умозаключеніе, говоря: *аще ли же служеніе смерти бысть во славу*:

како не множае паче служеніе Духа будетъ въ славѣ, разумѣя подъ
412 служеніемъ смерти законъ. И смотри, какую великую осторожность наблюдаетъ онъ въ сравненіи, чтобы не подать какого-нибудь повода еретикамъ. Онъ не сказалъ: (законъ) виновникъ смерти, но: *служеніе смерти,* такъ какъ законъ служитъ къ смерти, а не породилъ смерти. Виновникъ смерти былъ грѣхъ; а законъ подвергъ осужденію за грѣхъ, и только обнаружилъ грѣхъ, а не произвелъ его; онъ яснѣе открылъ зло, и только наказывалъ за зло, а не побуждалъ къ злу; и служилъ не для того, чтобы производить грѣхъ или смерть, но чтобы наказывать того, кто грѣшитъ. А такимъ образомъ онъ былъ вмѣстѣ и истребителемъ грѣха.

Въ самомъ дѣлѣ, когда онъ показывалъ грѣхъ столь страшнымъ, то, очевидно, этимъ заставлялъ и убѣгать его. Какъ тотъ, кто беретъ въ руки мечъ и умерщвляетъ осужденнаго, служитъ только орудіемъ судьи, произносящаго приговоръ, и хотя онъ умерщвляетъ, однако, не есть убійца, равно какъ и тотъ, кто произноситъ приговоръ и осуждаетъ виновнаго, но виною смерти есть преступленіе наказываемаго,—такъ и здѣсь не законъ умерщвляетъ, но грѣхъ. Онъ и умерщвлялъ и осуждалъ; законъ же, наказывая преступника, отнималъ силу у грѣха, укрощая его страхомъ наказанія. Но (апостолъ) не удовлетворился однимъ только этимъ сравненіемъ, чтобы убѣдить въ превосходствѣ (новаго завѣта), но присовокупилъ и другое нѣчто, сказавъ: *писмены образовано въ каменехъ.* Смотри, какъ онъ опять низлагаетъ іудейскую гордость. Въ самомъ дѣлѣ, законъ былъ не что иное, какъ письмена. А письмена никакой помощи, въ родѣ того какъ бываетъ въ крещеніи, не доставляли и не сообщали находящимся подъ закономъ; но скрижали и начертанія приносили смерть пре-
443 ступающимъ письмена. Видишь ли, какъ онъ исправляетъ іудейское любопреніе, и самыми наименованіями отнимаетъ превосходство у закона, называя его то *камнемъ,* то *писменами,* то *служеніемъ смерти,* и еще *образованнымъ* или начертаннымъ. Этимъ онъ показываетъ или то, что законъ привязанъ къ извѣстному только мѣсту, а не такъ, какъ духъ, который присутствуетъ вездѣ, и во все вдыхаетъ великую силу; или то, что письмена дышатъ великими угрозами, и такими угрозами, которыя не могутъ быть уничтожены, но всегда остаются какъ вырѣзанныя на камнѣ. Потомъ, хотя повидимому и хвалитъ древній (законъ), но тутъ же вмѣстѣ и обличаетъ опять грубость іудеевъ. Сказавъ: *писмены образовано въ каменехъ, бысть въ славу,* присовокупилъ: *яко не мощи взирати сыномъ Израилевымъ на лице Моисеово,* что обличало въ нихъ великую слабость и плотяность. И опять говоритъ,

что (іудеи) не могли взирать не ради славы скрижалей, но *ради славы лица его престающія*. Этими словами онъ показываетъ, что не скрижали прославлены были славою, а тотъ, кто принесъ скрижали. Онъ не сказалъ, что они не могли взирать на скрижали, а говоритъ: *на лице Моисеово*, равно какъ и не ради славы скрижалей, но *ради славы лица его.* Но превознесши эту славу, смотри, какъ онъ опять унижаетъ ее словомъ—*престающія*. Впрочемъ, этимъ словомъ онъ не унижаетъ Моисея, а только показываетъ временность славы его. Онъ не сказалъ, что она есть какая-нибудь нечистая или худая, но сказалъ только, что она престающая и имѣющая конецъ. *Како не множае паче служеніе Духа будетъ въ славѣ?* Теперь онъ уже съ дерзновеніемъ высказываетъ превосходство новаго завѣта, какъ уже не подлежащее сомнѣнію. И смотри, что онъ дѣлаетъ,—камень противополагаетъ сердцу, а письмена духу. Потомъ, указавъ на слѣдствія, которыя должны произойти отъ того и другого (завѣта), онъ еще не сказываетъ, что дѣйствительно произошло отъ того и отъ другого; но показавъ слѣдствіе письмени, т. е. смерть и осужденіе, умалчиваетъ еще о плодахъ Духа—жизни и правдѣ, а говоритъ только о самомъ Духѣ,—что подало ему случай къ большому распространенію рѣчи. Новый завѣтъ не только даровалъ жизнь, но и сообщилъ Духа, дающаго жизнь,—что важнѣе самой жизни. Поэтому онъ и сказалъ: *служеніе Духа*. Потомъ опять возвращается къ тому же, говоря: *аще бо служеніе осужденія слава* (ст. 9).

2. Показывая яснѣе значеніе словъ: *писмя убиваетъ*, (апостолъ) говоритъ то, что мы именно сказали уже выше, т. е., что законъ только открываетъ грѣхъ, а не производитъ его. *Множае паче избыточествуетъ служеніе правды въ славѣ.* Тѣ скрижали открывали только грѣшниковъ, и наказывали ихъ; а это (служеніе правды) не только не наказываетъ грѣшниковъ, но и дѣлаетъ ихъ праведными, потому что крещеніе даруетъ это (оправданіе). *Ибо не прославися прославленное въ части сей, за превосходящую славу* (ст. 10). Сперва онъ показалъ, что и это (служеніе оправданія) въ славѣ, и не только въ славѣ, но и преизбыточествуетъ (славою). Онъ не сказалъ уже (какъ выше): не гораздо ли болѣе служеніе Духа будетъ въ славѣ; но—*избыточествуетъ въ славѣ*, выводя это изъ вышесказанныхъ умозаключеній. Теперь показываетъ уже, и какъ велико это превосходство, говоря: если я сравню эту (славу) съ тою (ветхозавѣтною), то слава ветхаго завѣта не будетъ даже славою. Однако этимъ онъ не вовсе отнимаетъ славу (у ветхаго завѣта); но такъ говоритъ о немъ сравнительно, почему и присоединилъ: *въ части сей*, т. е. сравнительно. 444
И говоря такъ, онъ не охуждаетъ ветхаго завѣта, напротивъ, еще

одобряетъ его, потому что сравниваются обыкновенно вещи, въ чемъ-нибудь сродныя. Далѣе онъ приводитъ еще другое умозаключеніе, инымъ образомъ показывающее превосходство (новаго завѣта). Какое же именно? Заимствованное отъ времени: *аще бо престающее славою, много паче пребывающее въ славѣ* (ст. 11). То (ветхозавѣтное служеніе) прекратилось, а это постоянно пребываетъ. *Имуще убо таково упованіе, многимъ дерзновеніемъ дѣйствуемъ* (ст. 12). Такъ какъ слушатель, услышавъ столь много важнаго о новомъ завѣтѣ, желалъ бы и видѣть эту славу собственными очами, то смотри, какъ онъ обращаетъ его къ будущему вѣку. Для этого онъ и выставляетъ на видъ надежду, говоря: *имуще убо таково упованіе. Таково*—какое же? То, что мы удостоились бо́льшаго, нежели Моисей, и не только мы—апостолы, но и всѣ вѣрующіе. *Многимъ дерзновеніемъ дѣйствуемъ*. Предъ кѣмъ, скажи? Предъ Богомъ, или предъ учениками? Предъ вами, говоритъ, которымъ проповѣдуемъ мы, т. е. мы вездѣ проповѣдуемъ съ свободою, ничего не скрывая, безъ всякаго притворства, ничего не опасаясь, но говоря ясно, и не боимся поразить ваши взоры, подобно тому какъ Моисей поражалъ взоры іудеевъ. А что онъ именно это хотѣлъ сказать, увидимъ далѣе. Но прежде надобно разсказать самую исторію, потому что и самъ (апостолъ) постоянно обращается къ ней. Какова же это исторія? Когда Моисей, получивши въ другой разъ скрижали, сошелъ съ горы, то нѣкоторая слава, исходящая отъ лица его, такъ сіяла, что іудеи не могли приблизиться къ нему и говорить съ нимъ, доколѣ онъ не положилъ покрывала на лицо свое. Объ этомъ въ книгѣ Исхода написано такъ: *сходящу Моисею съ горы, обѣ скрижали въ руку его, и Моисей не вѣдяше, яко прославися зракъ плоти лица его: и убояшася приступити къ нему. И воззва ихъ Моисей, и глагола къ нимъ. И егда преста глаголя къ нимъ, возложи на лице свое покровъ. Егда же вхождаше глаголати предъ Господа, снимаше покровъ, дондеже исхождаше* (Исх. XXXIV, 29—34). Приведя на память эту исторію, (апостолъ) говоритъ: *и не якоже Моисей полагаше покрывало на лицѣ своемъ, за еже не мощи взирати сыномъ Израилевымъ на конецъ престающаго* (ст. 13). Эти слова его имѣютъ такой смыслъ: намъ не нужно покрывать себя подобно Моисею: вы можете смотрѣть на ту славу, которою мы окружены, хотя она гораздо болѣе и свѣтлѣе той (Моисеевой). Видишь ли преуспѣяніе (учениковъ)? Въ первомъ посланіи онъ сказалъ: *млекомъ вы напоихъ, не брашномъ* (III, 2); а здѣсь говоритъ: *многимъ дерзновеніемъ дѣйствуемъ*, и выводитъ на сцену Моисея, продолжая говорить о немъ сравнительно, и такимъ образомъ, возводя слушателей къ высшему. И во-первыхъ, онъ поставляетъ ихъ выше іудеевъ, когда

говоритъ, что мы (апостолы) не имѣемъ нужды въ покрывалѣ, какъ Моисей предъ народомъ своимъ. А потомъ возводитъ ихъ и въ одно достоинство съ (ветхозавѣтнымъ) законодателемъ, или даже еще и выше. Послушаемъ же теперь, что онъ говоритъ далѣе. *Но ослѣпишася помышленія ихъ: даже бо до сего дне тожде* 445
покрывало во чтеніи ветхаго завѣта пребываетъ не откровено, зане о Христѣ престаетъ (ст. 14). Смотри, къ чему онъ направляетъ рѣчь свою. Что тогда однажды произошло съ Моисеемъ, то навсегда осталось на законѣ его. Впрочемъ, сказанное относится не къ обвиненію закона, равно какъ и не къ обвиненію Моисея, что онъ тогда покрывалъ себя, но (къ обвиненію) грубости іудеевъ. Законъ имѣетъ свойственную ему славу, но іудеи не могли видѣть ея. Итакъ, чему вы удивляетесь, говоритъ, если они не могутъ видѣть благодатной славы, когда они не видѣли меньшей славы Моисея, не могли смотрѣть на лицо его? Что смущаетесь, если они не вѣруютъ во Христа, когда они не вѣрятъ и закону? Потому они и не познали благодати, что не познали ни ветхаго завѣта, ни славы его. Слава же закона—приводитъ ко Христу.

3. Видишь ли, какъ онъ и здѣсь низлагаетъ гордость іудеевъ? Въ самомъ дѣлѣ, въ чемъ они думали имѣть преимущество въ славѣ лица Моисеева, то самое онъ обращаетъ въ обличеніе ихъ невѣжества и грубости. Итакъ, пусть они не хвалятся этимъ: какая похвала и слава для іудеевъ въ томъ, чѣмъ они не могли наслаждаться? Вотъ почему онъ такъ часто и обращается къ этому предмету,—то говоря, что *тожде покрывало во чтеніи ветхаго завѣта пребываетъ не откровено, зане о Христѣ престаетъ*; то, что *даже до днесь, внегда чтется Моисей, тожде покрывало на сердцѣ ихъ лежитъ*,—показывая, что оно лежитъ и на чтеніи и на сердцѣ ихъ. А выше онъ сказалъ еще: *яко не мощи взирати сыномъ Израилевымъ на лице Моисеово славы ради лица его престающія*. Что можетъ быть хуже этого, когда они не могутъ взирать на славу не только преходящую, но даже въ сравненіи съ новозавѣтною почти не существующую, когда она сокрыта отъ нихъ, чтобы они не видали кончины преходящаго, т. е. закона, который имѣетъ конецъ? *Но ослѣпишася помышленія ихъ*. А какая связь этого (ослѣпленія) съ тогдашнимъ покрываломъ, скажетъ кто-нибудь? Та, что оно предзнаменовало будущее. Не только тогда они не видѣли закона, но и нынѣ не видятъ его. И причина этого въ нихъ самихъ, потому что ослѣпленіе зависитъ отъ нечувствительнаго и грубаго сердца. Только мы теперь видимъ законъ, а отъ нихъ сокрыты—не только благодать, но и самый законъ. *Ибо даже до сего дне*, говоритъ, *тожде покрывало во чтеніи*

ветхаго завѣта пребываетъ не откровено, зане о Христѣ престаетъ. Слова его имѣютъ слѣдующій смыслъ: (іудеи) не знаютъ, что это покрывало уничтожилось, потому что не вѣруютъ во Христа. Въ самомъ дѣлѣ, если оно чрезъ Христа уничтожено, какъ и дѣйствительно уничтожено, о чемъ предсказалъ еще напередъ и самый законъ, то какимъ образомъ не принявшіе Христа, Который отмѣнилъ законъ, могутъ узнать, что этотъ законъ отмѣненъ? Но если они не знаютъ этого, то, очевидно, не знаютъ и силы са-
446 маго закона, который говоритъ объ этомъ, и всей его славы. Но ты спросишь: гдѣ же сказалъ законъ, что онъ во Христѣ имѣетъ конецъ? Онъ не только сказалъ объ этомъ, но и на самомъ дѣлѣ показалъ. И во-первыхъ, показалъ тѣмъ, что всѣ жертвы и всякое освященіе заключилъ въ одномъ мѣстѣ—въ храмѣ, и этотъ самый храмъ послѣ разрушилъ. Въ самомъ дѣлѣ, если бы онъ не хотѣлъ отмѣнить эти жертвы и всѣ законы о жертвахъ, то онъ сдѣлалъ бы одно изъ двухъ: или не разрушилъ бы храма, или, и разрушивъ его, не запретилъ бы приносить жертвы въ другихъ мѣстахъ. Теперь же онъ сдѣлалъ невозможными такія священнодѣйствія какъ во всей вселенной, такъ и въ самомъ Іерусалимѣ. Назначивъ мѣстомъ для нихъ только одинъ храмъ іерусалимскій, а послѣ и тотъ разрушивъ, законъ самымъ дѣломъ показалъ, наконецъ, что постановленія законныя прекратились во Христѣ,—Христосъ осудилъ и храмъ на разореніе. Если же ты изъ самыхъ словъ желаешь видѣть, какъ законъ долженъ получить конецъ чрезъ Христа, то послушай самого законодателя, который такъ говоритъ: *пророка вамъ воздвигнетъ Господь отъ братіи вашея, якоже мене, того послушайте по всему, елика аще речетъ къ вамъ: и будетъ, всяка душа, яже аще не послушаетъ пророка онаго, потребится отъ людей* (Втор. xviii, 15, 18; Дѣян. iii, 22, 23). Видишь ли, какимъ образомъ законъ показалъ, что онъ во Христѣ имѣетъ конецъ? Этотъ пророкъ, т. е. Христосъ по плоти, Котораго Моисей велѣлъ слушать, отмѣнилъ и субботу, и обрѣзаніе, и всѣ ветхозавѣтные обряды. И Давидъ, предвозвѣщая то же самое, сказалъ о Христѣ: *Ты іерей во вѣкъ по чину Мельхиседекову* (Псал. cix, 4), а не по чину Ааронову. Потому и Павелъ, толкуя это мѣсто, ясно сказалъ, что *предлагаему священству, по нужди и закону премѣненіе бываетъ* (Евр. vii, 12). И въ другомъ мѣстѣ говоритъ еще: *жертвы и приношенія не восхотѣлъ еси, всесожженій и жертвы о грѣсѣ не благоволилъ еси. Тогда рѣхъ: се иду* (Евр. x, 5—7). Кромѣ этихъ, можно привести и многія другія свидѣтельства изъ ветхаго завѣта, которыя показываютъ, какимъ образомъ законъ получаетъ конецъ во Христѣ. Такимъ образомъ, когда ты оставляешь (ветхій) законъ, тогда хорошо ра-

зумѣешь законъ; а пока продолжаешь держаться его и не вѣруешь во Христа, то не знаешь и самаго закона. Потому-то (апостолъ), желая показать это яснѣе, и говоритъ далѣе: *но даже до днесь, внегда чтется Моисей, покрывало на сердцѣ ихъ лежитъ* (ст. 15). Такъ какъ (апостолъ) сказалъ, что въ чтеніи ветхаго завѣта остается покрывало, то, чтобы кто не подумалъ, что эти слова означаютъ темноту закона, онъ и прежде, хотя и другими словами, старался показать это (именно словами: *ослѣпишася помышленія ихъ* онъ показываетъ, что виноваты сами іудеи), и теперь въ самомъ этомъ изреченіи показываетъ то же. Въ самомъ дѣлѣ, онъ не сказалъ, что на буквахъ пребываетъ покрывало, а—*во чтеніи*, чтеніе же есть дѣло тѣхъ, кто читаетъ; равно какъ говоритъ: *внегда чтется Моисей*. Всего же яснѣе онъ показалъ это, сказавъ прямо, что это *покрывало лежитъ на сердцѣ ихъ*. Такъ точно оно и на лицѣ Моисея лежало не ради Моисея, но по причинѣ грубаго и плотского разумѣнія іудеевъ.

Итакъ, довольно обличивши ихъ, (апостолъ) показываетъ 447
имъ и способъ исправленія. Какой же именно? *Внегда же* обратится, говоритъ, *ко Господу*, т. е. оставитъ законъ, *взимается покрывало* (ст. 16). Видишь ли теперь, что то покрывало было не для лица Моисеева, но для глазъ іудеевъ? Оно положено было не для того, чтобы скрыть славу Моисея, но для того, чтобы они не смотрѣли на нее, потому что не были способны къ тому. Они сами, слѣдовательно, были виновны въ томъ. И оно не отъ Моисея скрывало что-нибудь, но отъ іудеевъ. И хотя онъ не сказалъ прямо: когда оставятъ законъ, однакожъ ясно указалъ на это, сказавъ: *внегда же* обратится *ко Господу, взимается покрывало*. Такимъ образомъ, (апостолъ) до конца выдержалъ исторію. И Моисей, когда говорилъ съ іудеями, покрывалъ лицо свое, когда же обращался къ Богу, снималъ съ себя покрывало. А это прообразовало имѣющее быть впослѣдствіи,—т. е., когда мы обратимся къ Господу, тогда узримъ славу закона, и непокровенное лицо законодателя, и мало того—станемъ даже на ряду съ Моисеемъ. Видишь ли, какъ онъ вызываетъ іудея къ вѣрѣ, показывая, что онъ не только можетъ видѣть Моисея, приходя къ благодати, но и стать на одномъ ряду съ этимъ законодателемъ? Ты не только, говоритъ, будешь созерцать ту славу, которой тогда не видалъ, но и самъ пріобщишься той же славы, и даже гораздо лучшей—такой, предъ которою первая не есть даже и слава. Какъ же и какимъ образомъ? Такъ, что ты, обратившись къ Господу и получивъ благодать, будешь наслаждаться такою славою, въ сравненіи съ которою слава Моисея такъ мала, что не есть и слава. Однако, какъ она ни мала и какъ ни далеко отстоитъ отъ той

(благодатной славы), ты, оставаясь іудеемъ, и ея бы не удостоился (какъ не видѣли ея ни тогдашніе іудеи, ни нынѣшніе); сдѣлавшись же вѣрующимъ, ты удостоишься созерцанія гораздо лучшей славы. Когда (апостолъ) обращалъ рѣчь свою къ вѣрнымъ, то говорилъ: *не прославися прославленное*; а здѣсь сказалъ напротивъ: *внегда же* обратится *ко Господу*, *взимается покрывало*. Такимъ образомъ, мало-по-малу возводитъ (іудея) на высоту; сперва поставляетъ его на ряду съ Моисеемъ, а потомъ уже дѣлаетъ участникомъ и большаго. Дѣйствительно, когда ты увидишь Моисея въ славѣ, тогда уже обратишься и къ Богу, и будешь наслаждаться славою лучшею и высшею (Моисеевой). Итакъ, пересмотри съ самаго начала, сколько онъ указалъ отличительныхъ признаковъ того и другого завѣта, различающихъ ихъ между собою и показывающихъ превосходство новаго предъ ветхимъ, а не разногласіе и противорѣчіе одного другому. Онъ сказалъ, что ветхій есть письмя, камень, служеніе смерти, и имѣетъ конецъ, и однако іудеи не были удостоены и такой славы его; новый же завѣтъ написанъ на скрижаляхъ плотяныхъ, и есть духъ, правда, и пребываетъ вѣчно; и мы всѣ удостоиваемся славы его, а не одинъ кто-нибудь, какъ Моисей тогда одинъ удостоился и меньшей славы. *Мы вси*, говоритъ, *откровеннымъ лицемъ на славу Господню взираемъ*, а не на славу Моисея. Но такъ какъ нѣкоторые, вопреки твердому исповѣданію, думаютъ, что эти слова—*внегда* обратится *ко Господу*—сказаны о Сынѣ, то изслѣдуемъ это изреченіе тщательнѣе и точнѣе, начавъ съ того, на чемъ они думаютъ основать свое мнѣніе. Что же это? Они говорятъ:
418 въ какомъ смыслѣ въ Писаніи говорится *Духъ Богъ* (πνεῦμα ὁ Θεός), въ такомъ же смыслѣ сказано и здѣсь—*Господь Духъ*. Но (апостолъ) не сказалъ: Господь Духъ (πνεῦμα ὁ Κύριος), но Господь Духъ есть (ὁ Κύριος τὸ πνεῦμά ἐστι). А между этимъ и тѣмъ соединеніемъ словъ большое различіе. Когда Писаніе хочетъ совершить такъ, какъ ты говоришь, тогда оно къ придаточному имени не прилагаетъ члена. Впрочемъ, и другимъ образомъ можно узнать, о комъ (апостолъ) говорилъ все, что говорилъ выше. Напр., когда онъ говорилъ: *письмя убиваетъ, Духъ животворитъ*; и опять: *написано не черниломъ, но Духомъ Бога жива*,—о Сынѣ ли говорилъ это, или о Духѣ? Очевидно, что о Духѣ, потому что къ Нему отъ письмени возводитъ онъ іудеевъ. Но чтобы кто-нибудь, услышавъ о Духѣ, и, разсуждая самъ съ собою, что Моисей обращался къ Господу, а этотъ къ Духу,—не подумалъ отсюда, что (апостолъ) ниже (Моисея), то онъ, предупреждая такую мысль, говоритъ: *Господь же Духъ есть* (ст. 17), т. е. и Духъ есть Господь. А чтобы ты зналъ, что онъ говоритъ объ Утѣши-

телѣ, присовокупилъ: *идѣже Духъ Господень, ту свобода*,—такъ что тебѣ нельзя уже сказать, что слова его то же значатъ, что— „идѣже Господь Господень“. О свободѣ онъ упомянулъ здѣсь въ противоположность прежнему рабству. Потомъ, чтобы ты не подумалъ, что онъ говоритъ о будущемъ еще времени, присовокупляетъ: *мы же вси откровеннымъ лицемъ славу Господню взирающе* (ст. 18), т. е. не ту преходящую, но пребывающую, *въ той же образъ преобразуемся отъ славы въ славу, якоже отъ Господня Духа*.

Видишь ли, какъ онъ опять поставляетъ Духа на мѣстѣ Бога, а ихъ (коринѳянъ) на одну степень съ апостолами? Онъ и выше сказалъ: *вы есте посланіе Христово* (ст. 3), и теперь говоритъ: *мы же вси откровеннымъ лицемъ*, хотя одни апостолы, подобно Моисею, ходили нося съ собою законъ. Но какъ мы, говоритъ, не имѣли нужды въ покрывалѣ, такъ и вы, принявшіе (евангеліе). Хотя (новозавѣтная) слава гораздо больше (ветхозавѣтной), потому что она не есть слава нашего лица, но Духа, тѣмъ не менѣе и вы одинаково съ нами можете смотрѣть на нее. Іудеи и при посредникѣ не могли видѣть; вы же и безъ посредника можете созерцать гораздо бо́льшую славу. Они и на славу Моисея не могли взирать, а вы можете созерцать и славу Духа. Итакъ, если бы Духъ былъ ниже, то онъ не поставилъ бы новозавѣтнаго выше ветхозавѣтнаго.

5. Что же значитъ: *славу Господню взирающе, въ той же образъ преобразуемся*? Это тогда было яснѣе, когда дѣйствовали дарованія чудесъ; впрочемъ, кто имѣетъ очи вѣры, тому и нынѣ нетрудно уразумѣть это. Какъ скоро мы крещаемся, то душа наша, очищенная Духомъ, дѣлается свѣтлѣе солнца; и мы не только бываемъ способны смотрѣть на славу Божію, но еще и сами получаемъ отъ нея нѣкоторое сіяніе. Какъ чистое серебро, лежащее противъ солнечныхъ лучей, и само испускаетъ лучи не только отъ собственнаго естества, но и отъ блеска солнечнаго, такъ и душа, очищенная Духомъ Божіимъ и содѣлавшаяся блистательнѣе серебра, принимаетъ лучъ отъ славы Духа, и отражаетъ его. Потому и говоритъ (апостолъ): *взирающе, въ той же образъ преобразуемся отъ славы* Духа въ *славу* нашу, которой удостоиваемся, въ славу такую, въ какую надлежитъ *отъ Господня Духа*.

Видишь, какъ и здѣсь онъ называетъ Духа Господомъ. Но и 119
въ другихъ мѣстахъ можно видѣть, что Онъ Господь. Такъ— *служащимъ имъ*, говорится, *и постящимся Господеви, рече Духъ: отдѣлите ми Павла и Варнаву* (Дѣян. XIII, 2). Для того и сказано— *служащимъ имъ Господеви, отдѣлите ми*, чтобы показать Его равночестность. Еще, опять, Христосъ говоритъ: *рабъ не вѣсть, что*

творитъ господь его (Іоан. xv, 15). Но Духъ такъ же знаетъ Божіе, какъ человѣкъ знаетъ ему принадлежащее, и притомъ безъ наученія; иначе не было бы подобія (1 Кор. II, 11). И то самое, что Онъ дѣйствуетъ, какъ хочетъ (1 Кор. XII, 11), показываетъ Его власть и господство. Онъ преобразуетъ насъ; Онъ не допускаетъ насъ сообразоваться вѣку этому; Онъ же есть и Творецъ такого творенія. И подобно тому, какъ говорится: *создани во Христѣ Іисусѣ* (Еф. II, 19), такъ точно же говорится: *сердце чисто созижди во мнѣ, Боже, и духъ правъ обнови во утробѣ моей* (Пс. L, 12). Хочешь ли, я покажу тебѣ это ощутительнѣе на апостолахъ? Подумай только о Павлѣ, одежда котораго имѣла (чудное) дѣйствіе: о Петрѣ, тѣнь котораго обнаруживала (чудодѣйственную) силу. Если бы они не носили въ себѣ образа Царя, и отъ нихъ не исходило нѣкоторое несравнимое блистаніе, то одежды и тѣни ихъ не обнаруживали бы такой силы. Вѣдь одежды царскія страшны и для злодѣевъ. Хочешь ли видѣть, какъ тотъ же образъ отражался и на тѣлѣ ихъ? *Воззрѣвше*, говорится, на лицо *Стефана, видѣша яко лице ангела* (Дѣян. VI, 15). Но это еще ничто въ сравненіи съ славою, которая сіяла внутри. Что Моисей имѣлъ на лицѣ своемъ, то самое они носили въ душѣ своей, лучше же сказать—гораздо даже большее, потому что слава Моисеева была чувственная, а эта невещественная. И какъ тѣла, имѣющія способность отражать свѣтъ, освѣщаясь свѣтящимися тѣлами, и сами разливаютъ отражающійся въ нихъ свѣтъ на другія ближайшія къ нимъ тѣла, такъ бываетъ и съ вѣрными. Вотъ почему тѣ, которые достигаютъ этого,—оставляютъ уже все земное, и живутъ однимъ небеснымъ. А мы что? Намъ остается только горько стонать по поводу того, что, удостоенные столь высокаго званія, мы не знаемъ даже того, что говорятъ намъ о немъ, потому что слишкомъ скоро погубляемъ въ себѣ (духовные) предметы и привязываемся къ чувственнымъ. Эта неизреченная и страшная слава остается въ насъ не болѣе, какъ на одинъ или на два дня; а потомъ мы опять погашаемъ ее, обуреваясь житейскими дѣлами, и затѣняя густыми облаками ея сіяніе.

Житейскія дѣла—это дѣйствительно ненастье, и даже страшнѣе ненастья. Хотя отъ нихъ не происходитъ ни стужи, ни дождя, ни грязи, ни глубокаго болота; но зато,—что всего хуже,—отъ этихъ дѣлъ является геенна со всѣми ея мученіями. И какъ во время сильной стужи всѣ члены цѣпенѣютъ и замираютъ, такъ и душа, оледенѣвшая отъ хлада грѣховнаго, не можетъ отправлять дѣлъ своихъ, будучи скована, какъ морозомъ, совѣстью. Дѣйствительно, что для тѣла морозъ, то для души худая совѣсть. Отсюда происходитъ и боязливость. Никто столько не страшится,

какъ прилѣпившійся къ житейскому. Онъ живетъ жизнью Каина, трепеща каждый день отъ страха. И нужно ли говорить о (его 450
опасеніяхъ) смерти, потеряхъ, распряхъ, коварствахъ и лести? Онъ и безъ того боится тысячи превратностей. И хотя сокровищница его полна золота, но душа не свободна отъ страха бѣдности. Это и очень естественно, потому что всѣ его желанія устремлены къ предметамъ скорогибнущимъ и скоропреходящимъ. Если самъ онъ и не испыталъ еще превратности, то, видя ее на другихъ, почитаетъ себя уже погибшимъ; оттого онъ весьма боязливъ и малодушенъ. И не въ однѣхъ только опасностяхъ такъ онъ боязливъ; онъ таковъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ. Если нападаетъ на него страсть сребролюбія,—онъ не отражаетъ ея нападенія, какъ поступаетъ человѣкъ, свободный отъ этой страсти, но дѣлаетъ все, какъ купленный рабъ, въ угожденіе жестокой своей госпожѣ—сребролюбію. Видитъ ли благообразную дѣвицу,—онъ тотчасъ плѣняется ею, трепещетъ и бѣжитъ за нею, подобно взбѣсившемуся псу; между тѣмъ какъ надлежало бы поступить иначе.

6. Когда ты видишь красивую женщину, не о томъ помышляй, какъ бы удовлетворить своей похоти, но какъ бы освободиться отъ этой похоти. Да какъ же это, скажешь ты, возможно? Любить вѣдь не отъ меня зависитъ. А отъ кого же, скажи мнѣ? Отъ навѣтовъ діавола? Пусть такъ,—обвиняй въ этомъ одного діавола; борись же съ діаволомъ и противься страсти. Но я не могу, скажешь ты. Ну, тогда и мы первымъ дѣломъ скажемъ тебѣ, что твоя страсть произошла отъ твоего нерадѣнія, и что ты самъ, еще прежде нежели получилъ страсть, далъ доступъ къ себѣ діаволу. Но и теперь, если бы ты хотѣлъ, очень легко могъ бы прогнать его отъ себя. Скажи мнѣ, что заставляетъ прелюбодѣевъ прелюбодѣйствовать—желаніе ли себѣ бѣдъ, или любовь? Очевидно, что любовь. Что же, должно ли ихъ поэтому извинять? Никакъ. Почему же? Потому что этотъ грѣхъ зависитъ отъ нихъ. Но для чего мнѣ такія умствованія, скажешь ты? Я сознаю въ себѣ желаніе освободиться отъ этой страсти, но не могу, потому что она сильно нападаетъ на меня, терзаетъ и жестоко мучитъ меня. Согласенъ, что ты желаешь освободиться отъ этой страсти, но не то дѣлаешь, чѣмъ бы можно было отогнать ее; ты дѣлаешь то же, что дѣлаетъ одержимый горячкою, когда пьетъ холодную воду, и такъ же говоритъ: сколько я ни придумываю средствъ избавиться отъ горячки, не только ничего не успѣваю, напротивъ еще болѣе усиливаю въ себѣ жаръ.

Итакъ посмотримъ: желая погасить свою страсть, не дѣлаешь ли ты чего, что болѣе разжигаетъ ее? Нѣтъ, скажешь ты.

Скажи же, какія ты употребляешь средства для того, чтобы погасить свою страсть? И что вообще увеличиваетъ эту страсть? Хотя и не всѣ мы подвержены этой страсти,—потому что болѣе можно найти зараженныхъ любовію къ деньгамъ, нежели плотскою любовію,—но и тѣмъ и другимъ предлагается общее лѣкарство. И та и другая любовь равно гнусны; послѣдняя только сильнѣе и пагубнѣе. Итакъ, когда мы преодолѣваемъ сильнѣйшую, то очевидно и слабѣйшую легко можно истребить. Но если любовь плотская сильнѣе, то отчего же, скажешь ты, не всѣ бываютъ заражены этимъ порокомъ, напротивъ большинство до безумія любитъ деньги? Это, во-первыхъ, оттого, что послѣдняя страсть многимъ кажется безопасною, а еще оттого, что любовь
451 плотская, хотя и сильнѣе, но она скорѣе проходитъ. Иначе, если бы она была столько же постоянна, какъ и страсть къ деньгамъ, то каждаго зараженнаго ею приводила бы къ погибели. Итакъ, разсмотримъ же внимательнѣе плотскую любовь, и узнаемъ, что усиливаетъ эту страсть. Тогда увидимъ, отъ насъ ли она зависитъ, или не отъ насъ. Если отъ насъ, то мы должны употребить всѣ усилія, чтобы освободиться отъ нея; если же не отъ насъ, то для чего напрасно и мучить себя? Для чего будемъ обвинять,—не слѣдуетъ ли скорѣе извинять тѣхъ, которые бываютъ плѣнены (этой страстію)? Итакъ, отчего же раждается эта любовь? Отъ красоты лица, скажешь ты, то есть, когда красива и благовидна будетъ та, которая уязвляетъ. Но ты несправедливо и безразсудно говоришь это. Въ самомъ дѣлѣ, если бы красота лица привлекала къ любви, то такую дѣвицу любили бы всѣ. Если же не всѣ любятъ ее, то и любовь эта зависитъ не отъ естества и не отъ красоты лица, а отъ безстыдныхъ глазъ. Когда ты, пристально смотря на нее, чрезмѣрно удивляешься ей и разжигаешься въ сердцѣ своемъ, то ты уже уязвленъ. Но кто же можетъ, скажешь, при взглядѣ на красивую женщину не похвалить ее? Если, слѣдовательно, не отъ нашей воли зависитъ удивляться въ такихъ случаяхъ, то не отъ насъ зависитъ и любовь. Не спѣши, человѣкъ. Для чего ты все смѣшиваешь и, бродя всюду, не хочешь видѣть корня этого зла? Я много знаю такихъ, которые удивляются и хвалятъ, между тѣмъ не любятъ. Какъ же возможно удивляться красотѣ, и не любить? Не тревожься, я объ этомъ и хочу теперь говорить, но потерпи и послушай, какъ Моисей удивляется сыну Іакова, говоря: *и бяше Іосифъ добръ образомъ и красенъ взоромъ зѣло* (Быт. xxxix, 6). Неужели же говорившій такъ вмѣстѣ и любилъ? Совсѣмъ нѣтъ. Ты скажешь, что Моисей не видалъ того, кого хвалилъ. Однако, мы впадаемъ въ любовную страсть не тогда только, когда видимъ красоту, но,

случается, и тогда, когда слышимъ о ней. Но чтобы ты болѣе не спорилъ съ нами объ этомъ, я спрошу тебя: Давидъ не былъ ли благообразенъ и весьма доброзраченъ, особенно по красотѣ своихъ глазъ? А что болѣе всего составляетъ властную черту въ благообразіи лица, это именно красота глазъ. Что же? Увлеченъ ли былъ кто-нибудь страстною любовію къ нему? Никто. Слѣдовательно, любовь не связана неразрывно съ удивленіемъ. Многіе имѣли также матерей, цвѣтущихъ тѣлесною красотою. Что же? Ужели дѣти любили ихъ страстною любовію? Да не будетъ! Хотя они и дивятся тому, что видятъ, однако не впадаютъ въ постыдную любовь. Но (ты опять скажешь, что) здѣсь удерживаетъ законъ природы? Скажи мнѣ, какой законъ природы? Тотъ, скажешь, что онѣ—матери. Но развѣ ты не слыхалъ, что персы, безъ всякаго посторонняго принужденія, живутъ съ матерями своими, какъ съ женами, и не одинъ или два изъ нихъ такъ поступаютъ, но цѣлый народъ? Впрочемъ, и безъ того уже видно, что любовная страсть происходитъ не просто отъ красоты только тѣлесной и благовидности, а отъ разслабленія и заблужденія души. Много было и такихъ, которые, много разъ пройдя мимо тысячъ благообразныхъ женщинъ, отдавались безобразнымъ. Отсюда ясно, что любовь зависитъ не отъ красоты лица. Въ противномъ случаѣ они избирали бы красивыхъ, а не безобразныхъ. Итакъ, гдѣ же причина (страсти)? Если не отъ красоты лица эта любовь, то откуда же, спросишь ты, она происходитъ, и гдѣ искать ея источника? Отъ злого демона? Точно, она и отсюда. Но мы не того доискиваемся; вопросъ въ томъ, не причиной ли и мы? Дѣйствительно, она не есть только навѣтъ діавола, но вмѣстѣ съ нимъ и прежде всего сами мы виновники ея. Подлинно, 452
эта злая болѣзнь ни отъ чего такъ легко не раждается, какъ отъ привычки, отъ льстивыхъ словъ, отъ праздности, лѣности и отъ того, что у насъ нѣтъ никакого дѣла.

7. Велика власть привычки, истинно велика, до такой степени, что она даже обращается въ необходимость природы. Но если привычка раждаетъ ее, то очевидно, что она же можетъ и погасить ее. Многіе, увлеченные любовію, освобождались отъ нея тѣмъ, что не видѣли болѣе любимыхъ ими лицъ. Сначала это кажется тяжело и очень непріятно, но со временемъ дѣлается пріятнымъ, а наконецъ, даже и при желаніи, невозможно уже становится вызвать опять страсть. А это отчего, ты скажешь, что я и безъ привычки еще плѣняюсь при первомъ взглядѣ? И это также происходитъ или отъ праздности тѣлесной, или отъ роскоши, или отъ безпечности о своихъ обязанностяхъ, или оттого, что человѣкъ вовсе не занимается даже необходимыми для него

дѣлами. Такой (человѣкъ), повсюду блуждая, точно заблудившійся въ пути, легко увлекается всякимъ зломъ; и его душу, какъ душу разсѣяннаго юноши, всякій, кто хочетъ, увлекаетъ въ рабство. Такъ какъ существенное свойство души — непрестанно быть въ дѣйствіи, то если ты прекратишь ея дѣятельность въ добромъ,—она, какъ не могущая оставаться въ бездѣйствіи, по необходимости устремляется къ другому (роду дѣятельности). Подобно тому какъ земля, если остается не засѣянной и не насажденной, сама собою производитъ траву, такъ и душа, когда не занимается необходимыми для нея дѣлами, какъ стремящаяся по природѣ своей непрестанно къ дѣятельности, по необходимости предается злымъ дѣламъ. И какъ глазъ не можетъ перестать смотрѣть, и потому необходимо увидитъ худое, когда не имѣетъ предъ собою хорошаго, такъ и помыслъ, когда отвлекается отъ предметовъ необходимыхъ, непремѣнно начинаетъ вращаться около предметовъ безполезныхъ. А что непрестанное упражненіе и бодрствованіе могутъ отогнать и первое нападеніе страсти, это извѣстно изъ многихъ примѣровъ. Итакъ, если ты при взглядѣ на красивую женщину почувствуешь къ ней страсть, то болѣе не смотри на нее—и освободишься (отъ страсти). Но какъ я могу, скажешь ты, не смотрѣть на нее, будучи увлекаемъ страстію? Займись другими полезными предметами, привлекающими душу, читай книги, заботься о своихъ нуждахъ, ходатайствуй, защищай обижаемыхъ, молись, размышляй о будущемъ вѣкѣ,—къ этимъ предметамъ устремляй душу. Поступая такимъ образомъ, ты освободишься не только отъ новой еще раны, но легко можешь излѣчить даже отвердѣвшую и застарѣвшую. Если худая молва, по пословицѣ, убѣждаетъ иногда влюбившагося отказаться отъ своей любви, то тѣмъ болѣе эти духовные напѣвы могутъ подавить зло, лишь бы только мы сами захотѣли оставить его. Но если мы всегда обращаемся и бесѣдуемъ съ тѣми, которые поражаютъ насъ стрѣлами этой страсти, и даже въ отсутствіе говоримъ о нихъ сами, и слушаемъ разсказы другихъ, то мы сами питаемъ болѣзнь свою. Какъ же ты хочешь погасить огонь, каждый день раздувая пламень? Всѣмъ, что мы сказали доселѣ о привычкѣ, пусть воспользуются юноши. Что же касается до мужей и тѣхъ, которые умѣютъ размышлять, то для нихъ болѣе всего въ этомъ случаѣ нуженъ страхъ Божій, память о гееннѣ и желаніе небеснаго царствія. Этого достаточно, чтобы погасить пламень преступной любви. Но кромѣ этого, представляй себѣ и то, что видимое тобою есть не болѣе, какъ влага, кровь и гной
453 разложившейся пищи. А свѣтлый цвѣтъ лица, скажешь ты? Но нѣтъ ничего свѣтлѣе цвѣтовъ земныхъ: а и они увядаютъ и

сгниваютъ. Такъ и здѣсь смотри не на цвѣтъ, но проникай мыслію въ глубь, и, оставивъ безъ вниманія красоту кожи, размышляй о томъ, что кроется подъ нею. И у страдающихъ водяною болѣзнію тѣло свѣтло, и снаружи не имѣетъ ничего безобразнаго; но при мысли о кроющейся внутри влагѣ мы не можемъ любить таковыхъ людей. А нѣжный и рѣзвый глазъ, красиво расположенныя брови, черныя рѣсницы, кроткая зѣница ока, веселый взглядъ? Но знай опять, что и это все не что иное, какъ нервы, жилы, перепонки и артеріи. Представь только этотъ красивый глазъ больнымъ, состарившимся, изсохшимъ отъ печали или пылающимъ гнѣвомъ: какъ онъ покажется тебѣ безобразнымъ, какъ вся прелесть его вдругъ пропадетъ и тотчасъ исчезнетъ! Вмѣсто того устремляй лучше мысль твою къ истинной красотѣ. Но я не вижу, скажешь, красоты душевной. Напрасно: если захочешь, увидишь. Подобно тому, какъ можно, и не видя глазами, мысленно удивляться отсутствующимъ красивымъ лицамъ, такъ точно—ви- 454
дѣть и красоту душевную безъ помощи глазъ. Не воображалъ ли ты себѣ иногда какого-нибудь красиваго лица, и не ощущалъ ли чего-нибудь къ этому созданному тобою образу? Такъ точно воображай себѣ и красоту души, и наслаждайся ея благообразіемъ. Ты скажешь: я не могу видѣть безплотнаго. Но умомъ мы еще лучше созерцаемъ безплотное, нежели тѣла. Такимъ образомъ мы удивляемся и ангеламъ и архангеламъ, хотя ихъ и не видимъ, равно какъ и добрымъ нравамъ и душевнымъ добродѣтелямъ. Итакъ, когда увидишь кроткаго и степеннаго человѣка, то подивись лучше ему, нежели обладающему красивымъ лицемъ; и если замѣтишь, что кто-нибудь безъ огорченія переноситъ напрасныя обиды, то дивись и вмѣстѣ полюби его, хотя бы онъ былъ и старецъ. Красота души именно такова, что и въ старости имѣетъ многихъ любящихъ, потому что никогда не увядаетъ и всегда цвѣтетъ. Итакъ, чтобы и намъ пріобрѣсть такую красоту, станемъ уловлять и любить тѣхъ, которые имѣютъ ее. Такимъ образомъ, мы и сами, получивъ ту же красоту, сможемъ достигнуть вѣчныхъ благъ, которыхъ и да сподобимся всѣ мы благодатію и человѣколюбіемъ (Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава во вѣки вѣковъ. Аминь).

БЕСѢДА VIII.

453 **Имуще убо служеніе сіе, якоже помилованн быхомъ, не стужаемъ си, но отрекохомся тайныхъ срама (2 Кор. IV, 1).**

1. Такъ какъ (апостолъ) сказалъ много великаго, и поставилъ себя и всѣхъ вѣрныхъ выше Моисея, то, сознавая всю силу и важность сказаннаго, смотри, какъ онъ опять умѣряетъ свое слово. Дѣйствительно, ему надлежало и возвысить себя ради лжеапостоловъ, равно какъ и своихъ слушателей, и опять умѣрить эту высоту, на которую поставилъ себя, не отказываясь, впрочемъ, отъ нея совершенно, потому что отказаться значило бы шутить. Для этого онъ употребляетъ такой оборотъ рѣчи, которымъ показываетъ, что все зависитъ не отъ собственныхъ его совершенствъ, но отъ человѣколюбія Божія, почему и говоритъ: *имуще убо служеніе сіе*. Мы ничего, говоритъ, не привнесли своего, мы только были служители у Бога и исполнители данныхъ отъ Него наставленій. Вотъ почему онъ и называетъ (свое апостольское дѣланіе) не начальствованіемъ, не водительствомъ, а только *служеніемъ*; и даже этимъ не довольствуется, а присовокупляетъ еще: *якоже помилованн быхомъ*,—то есть, и то самое, что мы поставлены служителями, зависитъ только отъ милости и человѣколюбія (Божія). Правда, дѣло милости есть избавлять отъ золъ, а не такія раздавать блага, какія даны были (апостоламъ); впрочемъ, Божіей милости и это свойственно. *Не стужаемъ си*, то есть, и то, что мы не унываемъ, надлежитъ приписать Его человѣколюбію. Выраженіе: *якоже помилованн быхомъ* должно именно относить какъ къ служенію, такъ и къ словамъ: *не стужаемъ си*. Смотри же, какъ онъ старается смягчить прежде сказанное о себѣ: онъ говоритъ, что кто удостоился столь великихъ и многихъ благъ, и удостоился только по милости и человѣколюбію,—тотъ ничего не дѣлаетъ великаго, сколько бы ни трудился, какимъ бы ни подвергался опасностямъ и какія бы ни терпѣлъ искушенія. Оттого мы не только не унываемъ, говоритъ, но еще радуемся и дерзаемъ. Сказавъ именно: *не стужаемъ си*, онъ присовокупилъ еще: *но отрекохомся тайныхъ срама, не въ лукавствіи ходяще, ни льстяще словесе Божія* (ст. 2). Что же зна-
454 читъ: *тайныхъ срама*? Мы не такъ возвѣщаемъ, говоритъ, что на словахъ обѣщаемъ многое, а на дѣлѣ показываемъ другое, какъ поступаютъ лжеапостолы,—почему онъ и говорилъ: *яже предъ лицемъ зрите* (2 Кор. X, 7),—но мы таковы же и на дѣлѣ, каковыми вы насъ видите, потому что мы не имѣемъ ничего двусмыслен-

наго, и ничего не говоримъ и не дѣлаемъ, что бы отъ стыда надлежало скрывать и оставлять во мракѣ. И желая высказать это еще яснѣе, прибавляетъ: *не въ лукавствіи ходяще*. Что тѣ (лжеапостолы) почитали похвальнымъ, то онъ (апостолъ) называетъ постыднымъ и достойнымъ смѣха. Что же значитъ—*въ лукавствіи*? Тѣ (лжеапостолы) славились какъ нелюбостяжательные, а между тѣмъ брали дары, только тайно; почитались за святыхъ и за истинныхъ апостоловъ, а на самомъ дѣлѣ имѣли множество пороковъ. Мы же, говоритъ, все это отвергнули (т. е. то, что онъ и называетъ *тайнымъ срама*); мы и въ самомъ дѣлѣ таковы, каковыми кажемся, и не имѣемъ ничего скрытаго какъ въ жизни нашей, такъ и въ самомъ проповѣданіи. Это и означаютъ слова: *ни льстяще словесе Божія, но явленіемъ истины*, т. е. не наружно и для вида, но самымъ дѣломъ. *Представляюще себе ко всякой совѣсти человѣчестѣй*. Мы извѣстны не только вѣрнымъ, но даже и невѣрнымъ, потому что представляемъ себя на судъ всякому, кто хочетъ испытывать наши дѣла. Такъ мы представляемъ себя, а не прикрываясь и показывая только свѣтлую личину. Мы говоримъ, что не принимаемъ никакихъ для себя даровъ,—и васъ же самихъ призываемъ въ свидѣтели этого; утверждаемъ, что мы ничего худого за собою не знаемъ,—и въ этомъ опять свидѣтельствуемся вами же самими. Мы не дѣлаемъ, какъ они, прикрывая дѣла свои, чтобы обманывать другихъ. Напротивъ, мы и жизнь свою предлагаемъ всѣмъ на разсмотрѣніе, и ученіе преподаемъ безъ всякаго прикрытія, такъ что всѣ могутъ разумѣть его. Но такъ какъ невѣрные не уразумѣли силы этого ученія, то онъ присовокупляетъ, что это не по нашей винѣ, а по при- 455
чинѣ безчувствія ихъ самихъ. Поэтому и говоритъ: *аще ли же и есть покровено благовѣствованіе наше, въ гибнущихъ есть покровено, въ нихже Богъ вѣка сего ослѣпи разумы невѣрныхъ* (ст. 3, 4). Здѣсь онъ говоритъ то же самое, что онъ и прежде сказалъ: *овѣмъ убо воня смертная въ смерть, овѣмъ же воня животная въ животъ* (гл. II, 16).

2. Кто же это *Богъ вѣка сего*? Послѣдователи заблужденія Маркіона говорятъ, что это сказано только о Творцѣ правосудномъ, а не благомъ: они утверждаютъ, что есть другой какой-то Богъ, правосудный только, безъ благости. Манихеи же, безумно желая ввести другого творца твари кромѣ истиннаго, говорятъ, что здѣсь говорится о діаволѣ, потому что Писаніе часто называетъ богомъ не по достоинству называемаго, но по безсилію подчиненныхъ его. Такъ оно и *мамону* называетъ господиномъ (κύριον) (Мѳ. VI, 24) и чрево богомъ (Филип. III, 19). Однако ни чрево поэтому самому не богъ, ни мамона—господь, но такъ на-

званы они изъ-за тѣхъ, которые имъ подчиняютъ себя. Мы же думаемъ, что это сказано и не о діаволѣ, но о Богѣ всяческихъ. И должно читать это мѣсто такъ: Богъ ослѣпилъ разумы невѣрныхъ вѣка сего (τῶν ἀπίστων τοῦ αἰῶνος τούτου ἐτύφλωσεν ὁ Θεὸς τὰ νοήματα), потому что не будущій, а только настоящій вѣкъ имѣетъ невѣрныхъ. Если же кто и такъ будетъ читать: Богъ вѣка сего (ὁ Θεὸς τοῦ αἰῶνος τούτου), то и такое чтеніе не представляетъ никакого затрудненія, потому что не показываетъ еще, что Онъ—Богъ только настоящаго вѣка. Онъ называется и Богомъ неба; однако не есть Богъ одного только неба. Мы называемъ Его также и Богомъ настоящаго дня; однако, говоря такъ, мы не ограничиваемъ власти Его только этимъ днемъ. Равнымъ образомъ называется Онъ и Богомъ Авраама, и Богомъ Исаака, и Богомъ Іакова, и, однако, Онъ не есть Богъ только ихъ однихъ. Много и другихъ подобныхъ доказательствъ можно находить въ Писаніи. Какъ же Онъ ослѣпилъ ихъ? Не содѣйствіемъ къ тому,—да не будетъ,—но оставленіемъ и попущеніемъ. Въ Писаніи часто употребляются такія выраженія. Такъ оно говоритъ: *предаде ихъ Богъ въ неискусенъ умъ* (Рим. I, 28). Такъ какъ язычники прежде сами не повѣрили и сдѣлали себя недостойными познанія таинъ Божіихъ, то и Богъ уже потомъ оставилъ ихъ. Что же другое надлежало бы съ ними дѣлать? Насильно влечь и открывать тайны не желающимъ знать ихъ? Но они еще болѣе презрѣли бы и отказались знать ихъ. Потому-то (апостолъ) и присовокупилъ: *во еже не возсіяти имъ свѣту благовѣствованія славы Христовы*,—не для того, чтобы не вѣровали въ Бога, но для того, чтобы невѣрующіе, какъ неспособные, не видѣли внутреннихъ таинъ. То же и намъ заповѣдалъ Господь, повелѣвъ не метать бисера предъ свиньями (Мѳ. III, 6). Иначе, если бы Онъ открылъ и невѣрующимъ, то болѣзнь (невѣрія) только еще болѣе усилилась бы въ нихъ. Такъ и больного глазами если бы кто насильно заставилъ смотрѣть на солнце, то еще больше только усилилъ бы его болѣзнь. Вотъ почему врачи и содержатъ такихъ больныхъ въ темнотѣ, чтобы не усилить болѣзни. Точно такимъ же образомъ и здѣсь представляй, т. е., что невѣрующіе сдѣлались такими по своей волѣ, а сдѣлавшись невѣрующими, они уже не могли созерцать неизреченныхъ таинъ евангелія, такъ какъ и Богъ уже сокрылъ отъ нихъ сіяніе свѣта
456 евангельскаго. Объ этомъ и (Господь) говорилъ ученикамъ: *сего ради въ притчахъ глаголю имъ, яко слышаще не слышатъ* (Мѳ. XIII, 13). Но чтобы еще лучше объяснить на примѣрѣ то, о чемъ я говорю,—представь себѣ какого-нибудь эллина, который считаетъ за басни наши таинства: больше ли пользы получилъ бы онъ, когда бы вошелъ къ намъ и увидѣлъ наши таинства, чѣмъ

когда бы вовсе не входилъ? Въ такомъ же смыслѣ и (апостолъ) говоритъ: *во еже не возсіяти имъ свѣту*, продолжая все еще держаться исторіи Моисея. Что именно случилось съ іудеями при Моисеѣ, то же самое происходитъ и со всѣми невѣрными во времена евангельскія. А что отъ нихъ сокрыто и неизвѣстно имъ, объ этомъ послушай самого (апостола), который говоритъ: *во еже не возсіяти имъ свѣту благовѣствованія славы Христовы, иже есть образъ Бога*,—т. е., что крестъ есть спасеніе вселенной и Его слава, что этотъ самый Распятый на немъ опять имѣетъ придти съ великою славою, и все другое, настоящее и будущее, видимое и невидимое, неизреченная слава ожидаемыхъ (благъ). Вотъ почему онъ и сказалъ: *возсіяти*, чтобы ты не всего искалъ здѣсь въ этой жизни, потому что слава, даруемая теперь, есть только нѣкоторое сіяніе Духа. На это (апостолъ) указалъ и выше, когда упоминалъ *о благоуханіи*, равно какъ о *залогѣ*, –показывая тѣмъ, что большее остается тамъ (въ будущей жизни). Но все это сокрыто отъ невѣрующихъ; сокрыто же за то, что сами прежде не захотѣли повѣрить. Далѣе, чтобы показать, что непознавшіе славы Христовой не знаютъ не только Христовой славы, но и славы Отца, прибавилъ: *иже есть образъ Бога*. Нельзя вѣдь остановиться на одномъ только Христѣ, потому что, подобно тому какъ чрезъ Христа ты видишь Отца, такъ, не познавъ славы Христовой, не познаешь и славы Отца. *Не себе бо проповѣдуемъ, но Христа Іисуса Господа, себе же самѣхъ рабовъ вамъ Іисуса ради* (ст. 5).

3. Какая здѣсь связь? И какъ это относится къ вышесказанному? Здѣсь онъ указываетъ или на тѣхъ, которые гордились собою, и заставляли учениковъ своихъ называть себя ихъ именами, какъ о томъ онъ говорилъ въ первомъ посланіи: *азъ есмь Павловъ, азъ же Аполлосовъ* (I, 12),—или на другое что, болѣе важное. На что же? Такъ какъ (лжеучители) сильно возставали (на апостоловъ), и со всѣхъ сторонъ нападали на нихъ, то онъ и говоритъ: противъ насъ ли вы вооружаетесь и возстаете, или противъ Проповѣдуемаго нами? Вѣдь мы не себя проповѣдуемъ. Я рабъ, я служитель даже тѣмъ, которые принимаютъ эту проповѣдь, я тружусь для другого, т. е. для Господа, и все дѣлаю для Его славы, такъ что враждующіе противъ насъ возстаютъ противъ Господа. Я столько далекъ отъ того, чтобы искать себѣ какихъ-нибудь выгодъ отъ проповѣди евангелія, что не отказываюсь быть и вашимъ рабомъ для Христа,—когда Ему угодно было столько почтить васъ, когда Онъ столько возлюбилъ васъ, и все для васъ сдѣлалъ. Поэтому и говоритъ: *себе же самѣхъ рабовъ вамъ Іисуса ради*. Видишь ли душу ни мало не заботящуюся о славѣ? Онъ говоритъ: мы не только не присвояемъ себѣ того,

что припадлежитъ Господу, но даже и вамъ служимъ для Него.
457 *Яко Богъ рекій изъ тмы свѣту возсіяти, возсія въ сердцахъ* вашихъ (ст. 6). Видишь ли, какъ онъ опять желающимъ находить превосходство въ славѣ Моисеевой показываетъ другую славу, сіяющую съ излишкомъ предъ Моисеевой? Онъ говоритъ, что какъ (тогда слава) озарила лицо Моисея, такъ (нынѣ слава) возсіяла въ сердцахъ вашихъ. Изъ всего созданнаго въ началѣ, прежде онъ упоминаетъ о чувственномъ свѣтѣ и осязательной тьмѣ, показывая тѣмъ превосходство ихъ предъ другими твореніями. Но когда (Богъ) повелѣлъ изъ тьмы возсіять свѣту? При самомъ началѣ творенія, какъ говоритъ (Моисей): *тма* была *верху бездны. И рече Богъ: да будетъ свѣтъ* (Быт. I, 2, 3). Но тогда Онъ сказалъ: *да будетъ*, и сдѣлалось, а нынѣ Онъ не сказалъ, но самъ сталъ для насъ свѣтомъ; не—*рече*, но самъ *возсія*. Потому и мы при сіяніи этого свѣта видимъ не чувственные предметы, но самого Бога чрезъ Христа. Видишь ли здѣсь нераздѣльность Св. Троицы? Въ самомъ дѣлѣ, о Духѣ Святомъ (апостолъ) говоритъ: *мы же вси откровенным лицемъ славу Господню взирающе, въ тойже образъ преобразуемся отъ славы въ славу, якоже отъ Господня Духа* (III, 18); о Сынѣ: *во еже не возсіяти имъ свѣту благовѣствованія славы Христовы, иже есть образъ Бога* (IV, 4); объ Отцѣ: *рекій изъ тмы свѣту возсіяти, возсія въ сердцахъ* вашихъ *къ просвѣщенію разума славы Божія о лицѣ Христовѣ* (ст. 6). И какъ сказавши: *благовѣствованія славы Христовы*, онъ присовокупилъ: *иже есть образъ Бога*, показывая тѣмъ, что (не познавшіе славы Христовой) лишены и славы Бога Отца, такъ и послѣ словъ: *разума Божія* прибавилъ: *о лицѣ Христовѣ*, показывая тѣмъ, что мы чрезъ Христа познаемъ Отца, подобно тому какъ и чрезъ Духа приводимся къ Нему. *Имамы же сокровище сіе въ скудельныхъ сосудѣхъ, да премножество силы будетъ Божія, и не отъ насъ* (ст. 7). Такъ какъ (апостолъ) сказалъ много великаго и высокаго о неизреченной славѣ (вѣрующихъ), то чтобы кто не сказалъ: почему же мы, получивъ такую славу, остаемся въ смертномъ тѣлѣ?—говоритъ, что это-то особенно и удивительно и представляетъ величайшее чудо силы Божіей, что скудельный сосудъ можетъ вмѣщать въ себѣ такой свѣтъ и хранить такое сокровище. Удивляясь и самъ этому, онъ сказалъ: да премножество силы будетъ Божія, а не отъ насъ; и опять указываетъ на тѣхъ, которые хвалятся о себѣ. И величіе даровъ, и слабость получившихъ ихъ показываютъ силу (Божію), не только тѣмъ, что (Богъ) даровалъ столь великія блага, но и тѣмъ особенно, что даровалъ людямъ слабымъ. Подъ скудельнымъ сосудомъ онъ именно разумѣетъ слабость нашей смертной природы и немощь нашей плоти

потому, что плоть наша нисколько не крѣпче скудельнаго сосуда, — она столь же удобосокрушима и также легко разрушается—и смертію, и болѣзнями, и воздушными перемѣнами, и другими безчисленными (причинами). И это сказалъ онъ какъ для того, чтобы постыдить высокомѣріе ихъ, такъ и для того, 458
чтобы всѣмъ показать, что въ дѣлахъ нашихъ нѣтъ ничего человѣческаго.

4. Подлинно, тогда-то особенно и бываетъ видима сила Божія, когда она совершаетъ великія дѣла чрезъ слабыя орудія. Потому-то и въ другомъ мѣстѣ (Господь) сказалъ: *сила бо моя въ немощи совершается* (2 Кор. XII, 9). Такъ въ ветхомъ завѣтѣ чрезъ мошекъ и мышей (Господь) сокрушалъ цѣлыя полчища варваровъ (Исх. VIII и X; I Цар. V и VI),—почему Онъ и гусеницъ называлъ великою Своею силою (Іоил. II, 25),—и нѣкогда чрезъ одно смѣшеніе языковъ разрушилъ строеніе великой вавилонской башни (Быт. XI). А на войнѣ въ одно время тремя стами человѣкъ разсѣялъ безчисленное войско (Суд. VII); въ другое—однимъ звукомъ трубъ разрушилъ городъ (Нав. VI); впослѣдствіи же посредствомъ малаго и ничтожнаго отрока Давида обратилъ въ бѣгство все варварское войско (1 Цар. XVII). Такъ и въ новомъ завѣтѣ, пославъ только двѣнадцать человѣкъ, покорилъ вселенную, и притомъ несмотря на гоненія и преслѣдованія, которымъ подвергались эти двѣнадцать. Итакъ, подивимся силѣ Божіей, почудимся ей и поклонимся! Спросимъ іудеевъ, спросимъ эллиновъ: кто убѣдилъ всю вселенную оставить отеческіе обычаи и перемѣнить образъ жизни? Рыболовъ или скинотворецъ? Мытарь или некнижный и простой человѣкъ? Но имѣло ли бы это (разумный) смыслъ, если бы не дѣйствовала чрезъ нихъ Божія сила? Что же они говорили, когда убѣждали? Крестись во имя Распятаго. Какого? Того, Котораго они не знали и не видали. И однако, говоря и проповѣдуя это, они убѣдили міръ, что прорицатели и такъ называемые по преданію боги не суть боги. А пригвожденный ко кресту Христосъ привлекалъ къ себѣ всѣхъ, несмотря на то, что распятіе Его и погребеніе извѣстны были всѣмъ, о воскресеніи же Его знали только немногіе. Но и въ этомъ они убѣдили даже тѣхъ, которые не видали этого, и увѣрили не только въ томъ, что Онъ воскресъ, но и въ томъ, что Онъ вознесся на небо и придетъ судить живыхъ и мертвыхъ.

Итакъ, скажи мнѣ: откуда такая сила убѣдительности въ этихъ рѣчахъ? Не откуда болѣе, какъ отъ силы Божіей. И прежде всего, самая новость была противна всѣмъ: если кто въ такого рода вещахъ вводитъ новое, для того дѣло становится очень

труднымъ, потому что онъ ниспровергаетъ основанія древняго обычая, и въ корнѣ подрываетъ законы. Къ тому же и самые проповѣдники казались не заслуживающими довѣрія, потому что были изъ народа, всѣми ненавидимаго, бѣдные и неученые. Какимъ же образомъ они покорили вселенную? Какъ могли посрамить и низложить васъ и вашихъ предковъ, славившихся мудростію, даже и съ богами вашими? Не ясно ли это показываетъ, что они имѣли Бога себѣ помощникомъ? Не человѣческой силѣ свойственно производить такія дѣйствія, но неизреченной силѣ Божіей. Нѣтъ, скажутъ, не Божіей силѣ, но волхвованію. Но если волхвованію, то въ такомъ случаѣ надлежало бы еще болѣе возрасти власти демоновъ и распространиться служенію идоламъ. Отчего же прекратились и исчезли ложныя служенія, а наше служеніе восторжествовало надъ ними? Не ясно ли опять и отсюда, что все это произошло по опредѣленію Божію, не только въ отношеніи проповѣди, но и самой жизни (проповѣдниковъ).
459—460 Въ самомъ дѣлѣ, когда явилась на землѣ повсюду такая любовь къ дѣвственной жизни? Когда стали презирать богатство, жизнь и другія всякія (блага)? Люди безчестные и волхвы ничего такого не могли бы произвести; они сдѣлали бы все напротивъ. Между тѣмъ апостолы научили насъ жизни ангельской; и не научили только, но и насадили и утвердили эту жизнь не только въ нашей странѣ, но и у варваровъ, и на самыхъ отдаленныхъ концахъ земли. Отсюда ясно открывается, что все это повсюду произвела сила Христова, повсюду сіяя и быстрѣе всякой молніи озаряя умы человѣческіе. Итакъ, размысливъ все это и въ точномъ исполненіи совершавшагося имѣя вѣрный залогъ имѣющихъ исполниться обѣтованій, поклонитесь вмѣстѣ съ нами непобѣдимой силѣ Распятаго, чтобы избѣжать вамъ тяжкихъ наказаній и наслѣдовать вѣчное царствіе, котораго да сподобимся всѣ мы благодатію и человѣколюбіемъ (Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава со Отцомъ и Святымъ Духомъ, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь).

БЕСѢДА IX.

459 Во всемъ скорбяще, но не стужающе си: не чаеми, но не отчаяваеми: гоними, но не оставляеми (2 Кор. IV, 8).

1. (Апостолъ) продолжаетъ еще доказывать, что все сказанное имъ выше есть дѣло силы Божіей, низлагая такимъ образомъ гордость тѣхъ, которые хвалятся самими собою. Не то одно,

говоритъ, только чудно, что мы хранимъ это сокровище въ скудельныхъ сосудахъ, но и то, что, подвергаясь безчисленнымъ бѣдствіямъ и будучи отвсюду поражаемы, сберегаемъ его, а не теряемъ. Между тѣмъ какъ и адамантовый сосудъ не могъ бы ни носить такого сокровища, ни устоять противъ столькихъ навѣтовъ, нынѣ (и скудельный сосудъ) вмѣщаетъ его и остается невредимъ по благодати Божіей. *Во всемъ скорбяще*, говоритъ, *но не стужающе си.* Что значитъ—*во всемъ*? Т. е. отвсюду мы терпимъ скорби—отъ враговъ, отъ друзей, отъ недостатка самаго необходимаго, и отъ другихъ нуждъ, отъ недоброжелателей и отъ своихъ,—но остаемся нестѣсненными. И смотри, какія онъ указываетъ противоположности, чтобы и здѣсь показать силу Божію: *скорбяще*, говоритъ, *но не стужающе си: не чаеми, но не отчаяваеми*, т. е. не теряемъ до конца надежды. Мы часто скорбимъ и не получаемъ, чего ищемъ, однако не такъ, чтобы теряли уже надежду получить то, къ чему стремимся, потому что Богъ попускаетъ такія искушенія не для того, чтобы поразить насъ, но чтобы усовершить насъ. *Гоними, но не оставляеми: низлагаеми, но не погибающе* (ст. 9). Хотя постигаютъ насъ искушенія, но не постигаютъ слѣдствія этихъ искушеній; и это все происходитъ дѣйствіемъ силы и благодати Божіей. Въ другихъ мѣстахъ онъ говоритъ, что такія (искушенія) Богъ попускаетъ и для того, чтобы смирить ихъ самихъ и предостеречь другихъ. Такъ, *да не превозношуся*, говоритъ, *дадеся ми пакостникъ* (2 Кор. XII, 7). И еще: *да не како кто вознепщуетъ о мнѣ паче, еже видитъ мя, или слышитъ что отъ мене* (ст. 6). И въ другомъ мѣстѣ: *да не надѣющеся будемъ на ся* (тамъ же, I, 9). А здѣсь (говоритъ): дабы явилась сила Божія.

Видишь, какая польза отъ искушеній? Чрезъ нихъ становится очевиднѣе дѣйствіе силы и благодати Божіей: *довлѣетъ ти*, говоритъ, *благодать Моя* (2 Кор. XII, 9). Они однихъ привели къ смиренномудрію, а другихъ по крайней мѣрѣ заставили умѣрить свою гордость, и сдѣлали болѣе великодушными: *терпѣніе*, говорится, *содѣлываетъ искусство, искусство же упованіе* (Рим. V, 4). Тѣ, которые подвергались безчисленнымъ бѣдствіямъ, и освобождались отъ нихъ только надеждою на Бога, научались чрезъ это и во всякомъ другомъ случаѣ всего болѣе держаться этой 460
надежды. *Всегда мертвость Господа Іисуса въ тѣлѣ носяще, да и животъ Іисусовъ явится въ тѣлѣ нашемъ* (ст. 10). Что же значитъ—*мертвость Господа Іисуса*, которую они носили? Ежедневно угрожающіе различные роды смерти, которые указывали вмѣстѣ и на воскресеніе. Если кто не вѣритъ, говоритъ, что Іисусъ умеръ и воскресъ, такой пусть увѣрится въ истинѣ воскресенія, видя

насъ ежедневно умирающими и воскресающими. Видишь, какъ онъ нашелъ еще и другую причину искушеній? Какую же именно? *Да и животъ Іисусовъ*, говоритъ, *явится въ тѣлѣ нашемъ*, т. е. когда Господь исторгаетъ насъ изъ опасностей смерти, такъ что то самое, что показываетъ повидимому безсиліе (апостоловъ) и оставленіе ихъ (отъ Господа), ясно проповѣдуетъ Его воскресеніе. Сила Его, говоритъ, не такъ бы была видима, если бы мы не терпѣли никакихъ страданій, какъ она видима теперь, когда мы страдаемъ, но остаемся непобѣдимыми. И *мы бо живіи въ смерть предаемся Іисуса ради, да и животъ Іисусовъ явится* въ насъ *въ мертвеннѣй плоти нашей* (ст. 11). Когда (апостолъ) говоритъ что-нибудь неясно, онъ всегда присовокупляетъ объясненіе своихъ словъ. Это самое онъ сдѣлалъ и здѣсь, поясняя сказанное имъ выше. Для того, говоритъ, мы предаемся, т. е. носимъ мертвость Его, чтобы открылась въ насъ сила жизни Его, когда Онъ не попускаетъ смертной плоти нашей, столько страждущей, быть побѣжденною множествомъ золъ. Можно и иначе понимать эти слова. Какъ же? Такъ, какъ въ другомъ мѣстѣ говоритъ: *аще съ* Нимъ *умрохомъ, съ* Нимъ *и оживемъ* (2 Тим. II, 11). Подобно тому какъ мы носимъ Его смерть и рѣшаемся заживо умереть для Него нынѣ, такъ и Онъ благоизволитъ умершихъ насъ оживить тогда. Если мы, пренебрегая жизнью, идемъ на смерть, то и Онъ приведетъ насъ отъ смерти къ жизни. *Тѣмже смерть въ насъ дѣйствуетъ, а животъ въ васъ* (ст. 12). Здѣсь онъ разсуждаетъ уже не о смерти, но о бѣдствіяхъ и утѣшеніяхъ. Мы, говоритъ, въ бѣдствіяхъ и искушеніяхъ, а вы наслаждаетесь покоемъ, и наши бѣдствія доставляютъ вамъ жизнь. Мы подвергаемся опасностямъ, а вы наслаждаетесь благополучіемъ, потому что вы не претерпѣваете подобныхъ искушеній. *Имуще же той же духъ вѣры, по писанному: вѣровахъ, тѣмъ же возглаголахъ; и мы вѣруемъ, тѣмже и глаголемъ, яко воздвигій Господа Іисуса, и насъ чрезъ Іисуса воздвигнетъ* (ст. 13, 14). Здѣсь онъ припомнилъ намъ псаломъ (CXV, 1), который заключаетъ въ себѣ много любомудрія, и весьма можетъ утѣшить въ не счастіи, потому что эти слова были произнесены праведникомъ, когда онъ находился среди ве-
461 ликихъ бѣдствій, отъ которыхъ нельзя было освободиться иначе, какъ только при помощи Божіей.

2. Такъ какъ (апостолъ) зналъ, что въ подобныхъ (несчастіяхъ) подобныя же (утѣшенія) особенно облегчаютъ душу, то и сказалъ—*имуще той же духъ*, т. е. тою же помощію, которою тотъ избавился отъ бѣдствій, и мы спасаемся, и тѣмъ же Духомъ, которымъ онъ говорилъ, и мы говоримъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ показываетъ здѣсь и то, что между ветхимъ и новымъ завѣтомъ

находится большое согласіе, что одинъ и тотъ же Духъ дѣйствовалъ въ обоихъ завѣтахъ; также что не мы одни подвергаемся бѣдствіямъ, но и всѣ древніе подвергались имъ, и что болѣе надо утверждаться въ вѣрѣ и надеждѣ, а не искать тотчасъ же избавленія отъ постигающихъ насъ (бѣдствій).

Доказавъ, такимъ образомъ, чрезъ умозаключенія воскресеніе и жизнь, и что бѣдствіе не есть признакъ безсилія и оставленія отъ Бога, (апостолъ) переходитъ наконецъ къ вѣрѣ, и къ ней все направляетъ. Но и для утвержденія этой вѣры онъ опять указываетъ на воскресеніе Христово, говоря: *и мы вѣруемъ, тѣмже и глаголемъ*. Чему же вѣруемъ? *Яко воздвигій Іисуса, и насъ воздвигнетъ и предпоставитъ съ вами. Вся бо васъ ради, да благодать умножившаяся, множайшими благодареніи избыточествуетъ въ славу Божію* (ст. 16). Опять внушаетъ (коринѳянамъ), чтобы они полученныя благодѣянія не приписывали людямъ, т. е. лжеапостоламъ, потому что все отъ Бога, Который благоволитъ изливать благодѣянія Свои на многихъ для того, чтобы большее число людей благодарили Его. Для васъ, говоритъ, Его воскресеніе и все прочее. Не для одного только человѣка Онъ столько совершилъ, но для всѣхъ. *Тѣмже и не стужаемъ си: но аще и внѣшній нашъ человѣкъ тлѣетъ, обаче внутренній обновляется по вся дни* (ст. 16). Какимъ образомъ *тлѣетъ?* Когда терпитъ бичеванія, гоненія и другія безчисленныя бѣдствія. *Обаче внутренній обновляется по вся дни*. Какъ *обновляется?* Вѣрою, надеждою, ревностію. Потому надо быть мужественными въ бѣдствіяхъ. Дѣйствительно, чѣмъ болѣе страдаетъ тѣло, тѣмъ болѣе душа имѣетъ благихъ надеждъ и тѣмъ болѣе просвѣтляется, какъ золото, много испытанное дѣйствіемъ огня. И смотри, какъ онъ отнимаетъ силу у скорбей настоящей жизни. *Еже бо нынѣ легкое печали*, говоритъ, *по преумноженію въ преспѣяніе* вѣчную *тяготу славы содѣлываетъ, не смотряющимъ намъ видимыхъ, но невидимыхъ* (ст. 17, 18). Все дѣло полагаетъ онъ въ надеждѣ. И какъ въ посланіи къ Римлянамъ говорилъ: *упованіемъ спасохомся, упованіе же видимое нѣсть упованіе* (Рим. VIII, 24), къ тому же и здѣсь приводитъ слушателя, когда настоящее противополагаетъ будущему, временное—вѣчному, легкое—трудному, скорбь—славѣ. И не довольствуясь этимъ противоположеніемъ, онъ прибавляетъ еще другое выраженіе съ усугубленіемъ его, и говоритъ: *по преумноженію въ преспѣяніе* (καθ' ὑπερβολὴν εἰς ὑπερβολὴν). Потомъ показываетъ и способъ, какъ облегчится тяжесть скорбей. Какъ же? *Не смотряющимъ намъ*, говоритъ, *видимыхъ, но невидимыхъ*. Если такимъ образомъ мы будемъ отвращать взоръ свой отъ видимаго, то настоящее будетъ для насъ легко, а будущее велико: *видимая бо временна*; слѣдо-

вательно, и скорби (временны). *Невидимая же вѣчна*; слѣдова-
462 тельно, и вѣнцы таковы же. Не сказалъ онъ: однѣ скорби временны, но все видимое, хотя бы то была скорбь, хотя бы радость,—чтобы и въ радости мы не разслабѣвали, и скорбями не тяготились. Потому же, говоря и о будущемъ, онъ не сказалъ: царствіе вѣчно, но: *невидимая вѣчна*, хотя бы то было царствіе, хотя бы мученіе,—чтобы мы этого послѣдняго страшились, а къ первому стремились. И такъ какъ видимое временно, а невидимое вѣчно, то къ невидимому и будемъ простирать наши взоры. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ мы извинимъ себя, если временное предпочтемъ вѣчному? Положимъ, что и временное пріятно, но оно непродолжительно; а мученія за него не будутъ имѣть ни конца, ни пощады. Какой отвѣтъ дадутъ тѣ, которые будучи удостоены Духа Божія и получивъ столь великій даръ Божій, обратили взоры свои долу и ниспали къ земному? Слышу, какъ многіе говорятъ весьма смѣшныя слова: дай мнѣ нынѣшній день и возьми себѣ завтрашній. Если въ будущемъ вѣкѣ дѣйствительно такъ, какъ говорите, то пусть будетъ одно за одно, а если тамъ вовсе нѣтъ ничего таковаго, то два за ничто. Что можетъ быть законопреступнѣе и безумнѣе такихъ словъ? Мы разсуждаемъ о небѣ и о неизреченныхъ тамошнихъ благахъ; а ты предлагаешь намъ слова, употребляемыя только на конскихъ ристалищахъ. И ты не стыдишься и не закрываешь лица, говоря то, что свойственно говорить безумнымъ? Не краснѣешь отъ стыда, такъ сильно прилѣпившись къ настоящему? Не перестаешь безумствовать, говорить противъ здраваго смысла, и болтать какъ юноша? Неудивительно, если это говорятъ язычники, но людямъ вѣрнымъ можно ли простить такое безуміе? Ужели ты совсѣмъ не вѣришь тѣмъ надеждамъ, какія обѣщаютъ тебѣ въ вѣчности? Ужели все это для тебя сомнительно? Можетъ ли быть для этого какое-нибудь оправданіе? Но кто, скажутъ, пришелъ оттуда и возвѣстилъ, что тамъ есть? Правда, изъ людей никто не приходилъ; но Богъ, Который болѣе всѣхъ достоинъ нашей вѣры, открылъ это. Ты не видишь, чтó тамъ? Но ты не видишь и Бога; однако ужели потому, что не видишь, скажешь, что нѣтъ Бога? Напрасно, скажешь, я очень вѣрю (что Богъ есть).

3. Итакъ, если кто-нибудь изъ невѣрныхъ спроситъ тебя: а кто приходилъ съ неба, и возвѣстилъ тебѣ это? — что ты отвѣтишь ему? Откуда ты узналъ, что Богъ есть? Изъ вещей, скажешь, видимыхъ, изъ благоустройства, какое усматриваемъ во всемъ твореніи, и изъ того, что это всѣмъ извѣстно. А если такъ, то съ такою же вѣрою прими и слово о судѣ. Какъ же? скажешь ты. А вотъ какъ: я буду тебя спрашивать, а ты отвѣчай

мнѣ. Правосуденъ ли этотъ Богъ, въ Котораго ты вѣруешь, и каждому ли воздаетъ по заслугамъ, или напротивъ—Онъ хочетъ, чтобы злые благоденствовали и веселились, а добрые страдали? Никакъ, отвѣчаешь,—потому что и человѣкъ этого не потерпитъ. Гдѣ же будутъ наслаждаться благами тѣ, которые жили здѣсь добродѣтельно? Гдѣ, напротивъ, злые получатъ наказаніе, если не будетъ другой жизни, послѣ настоящей, если не будетъ воздаянія? Видишь ли, что пока уже есть одно за одно, если не два за одно. А я покажу тебѣ, что праведнымъ будетъ не только одно за одно, но и два за одно; для грѣшниковъ же, которые здѣсь утѣшаются, все напротивъ. Дѣйствительно, проведшіе здѣсь свою жизнь въ увеселеніяхъ и удовольствіяхъ не получили и одного за одно, а живущіе добродѣтельно, напротивъ, получаютъ два за одно. Кто, въ самомъ дѣлѣ, и здѣсь наслаждается блаженнымъ спокойствіемъ—тѣ ли, которые во зло употребили настоящую жизнь, или тѣ, которые любомудрствовали? Ты, можетъ быть, скажешь, что первые; а я докажу тебѣ, что послѣдніе, призывая въ свидѣтели тѣхъ самыхъ, которые думали насладиться настоящими благами; и они не будутъ столько без- 463
стыдны, (чтобы стали говорить противъ того), что я намѣренъ сказать. Они часто проклинали виновниковъ брака, и тотъ день, въ который убраны были брачные чертоги ихъ, и называли счастливыми тѣхъ, кто не вступалъ въ бракъ. Многіе юноши, вступившіе въ брачный возрастъ, отказались отъ него единственно по причинѣ заботъ, соединенныхъ съ брачною жизнію. Впрочемъ, я говорю это не въ укоризну брака,—который честенъ,—но (въ укоризну) тѣхъ, кто худо воспользовался имъ. Если же вступившіе въ бракъ часто считаютъ свою жизнь невыносимой, то что сказать о тѣхъ, которые низверглись въ ровъ распутства, и чрезъ то попали въ состояніе рабства гораздо болѣе жалкаго, нежели рабство какого бы то ни было плѣнника? Что сказать о тѣхъ, которые отъ невоздержанія сгнили, и тѣла свои подвергли безчисленнымъ болѣзнямъ? А слава, скажутъ, развѣ не приноситъ удовольствія? Напротивъ, нѣтъ ничего несноснѣе такого рабства. Ищущій суетной славы и желающій всѣмъ угодить раболѣпствуетъ хуже всякаго послѣдняго слуги. Напротивъ, кто презрѣлъ эту славу и не заботится о томъ, чтобы другіе прославляли его, тотъ выше всѣхъ. Скажешь,—имѣть богатство вожделѣнно? Но мы нѣсколько разъ уже доказывали, что богаты и благоденствуютъ гораздо болѣе тѣ, которые свободны отъ этого бремени, и ничего не имѣютъ. И упиваться виномъ пріятно. Но кто бы сказалъ это? Итакъ, если гораздо пріятнѣе не имѣть богатства, нежели имѣть его; не вступать въ бракъ, нежели вступать въ

него; не искать славы, нежели искать ея; удаляться роскоши и нѣги, нежели утопать въ нихъ,—то и здѣсь еще болѣе имѣютъ тѣ, которые не прилѣпляются къ земнымъ благамъ. Я не говорю уже о томъ, что такой человѣкъ, хоть бы подвергся безчисленнымъ бѣдствіямъ, имѣетъ еще утѣшительную надежду, которая его поддерживаетъ, между тѣмъ какъ прилѣпившійся къ земному, хотя бы наслаждался безчисленными удовольствіями, смущается страхомъ будущаго и портитъ себѣ этимъ все удовольствіе. Дѣйствительно, и это немалый родъ наказанія; равно какъ и противный—проистекающій изъ самыхъ удовольствій и радостей земныхъ. Но есть для нихъ еще и третій родъ наказанія. Какой же это? Тотъ, что утѣшенія житейскія даже и тогда, когда они бываютъ, не открываются (въ полной мѣрѣ), такъ какъ и природа ихъ и время обличаютъ (ихъ ничтожество). Между тѣмъ утѣшенія небесныя не только истинны, но и пребываютъ неизмѣнны. Итакъ, видишь ли, что мы можемъ представить тебѣ не только два за ничто, но и три и пять и десять и двадцать и безчисленное множество за ничто? Но чтобы ты яснѣе могъ узнать это на примѣрѣ, то вотъ примѣръ богатаго и Лазаря: одинъ наслаждался благами настоящей жизни, а другой предвкушеніемъ благъ будущихъ. Ужели ты думаешь, что одно и то же—вѣчно терпѣть мученіе и въ короткое время претерпѣть голодъ? Ужели все равно: терпѣть болѣзни въ тлѣнномъ тѣлѣ, и въ нетлѣнномъ страшно мучиться въ пламени; быть увѣнчаннымъ и торжествовать въ безсмертной жизни за кратковременную болѣзнь въ здѣшней жизни, и мучиться тамъ безъ конца за кратковременное наслажденіе земными удовольствіями? И кто могъ бы сказать это? Чегожъ еще хочешь? Того ли, чтобы мы показали качество и количество того и другого, судъ Божій и опредѣленіе Божіе о томъ и другомъ? Доколѣ вы будете говорить слова приличныя только тѣмъ, которые подобны жукамъ, ничего болѣе не знающимъ, какъ только копаться въ навозѣ? Разумнымъ людямъ несвойственно губить за ничто столь драгоцѣнную душу, тогда какъ немного лишь стоитъ потрудиться, чтобы получить небо.

464 Если хочешь, я и иначе докажу тебѣ, что будетъ страшный судъ по смерти. Открой дверь твоей совѣсти, и посмотри на судію, сѣдящаго въ твоей душѣ. Если же ты, несмотря на самолюбіе, осуждаешь себя самого и не допускаешь, чтобы былъ произнесенъ неправедный судъ, то не гораздо ли болѣе Богъ попечется о Своемъ правосудіи и безпристрастно произнесетъ судъ о всемъ? Или Онъ оставитъ все на произволъ и безъ вниманія? Но кто отважится сказать это? Никто. Напротивъ, съ на-

шимъ мнѣніемъ согласны и эллины и варвары, стихотворцы и философы, и вообще весь родъ человѣческій,—хотя и не въ равной мѣрѣ, такъ какъ допускаютъ нѣкотораго рода судилища въ адѣ. Да такой степени это для всѣхъ ясно и несомнѣнно. Но скажутъ: для чего же здѣсь не наказываетъ Богъ? Для того, чтобы показать Свое долготерпѣніе, и чрезъ покаяніе доставить намъ спасеніе, чтобы въ противномъ случаѣ не истребить совершенно нашего рода, и чтобы не лишить спасенія тѣхъ, которые чрезъ перемѣну порочной жизни на лучшую могутъ еще спастись. Если бы Онъ тотчасъ наказывалъ каждаго за грѣхи его, то какъ бы спасся Павелъ, какъ бы Петръ, эти верховные учители вселенной? Какъ бы Давидъ чрезъ покаяніе получилъ спасеніе? Какъ бы (получили спасеніе) галатяне и многіе другіе? Вотъ почему Онъ не всѣхъ наказываетъ здѣсь, но изъ всѣхъ только нѣкоторыхъ, и не всѣхъ тамъ, но одного (наказываетъ) здѣсь, а другого тамъ,—чтобы, здѣсь наказывая однихъ, чрезъ то возбудить и самыхъ безчувственныхъ (отъ усыпленія грѣховнаго) и, не наказывая другихъ, заставить ожидать будущаго наказанія. Ужели ты не знаешь, что многіе наказываются и здѣсь, какъ напримѣръ погребенные подъ развалинами башни (Лук. XIII, 4), или тѣ, кровь которыхъ Пилатъ смѣшалъ съ ихъ жертвами (Лук. XIII, 1), или тѣ изъ коринѳянъ, которые умирали внезапною смертью за то, что недостойно причащались таинъ (1 Кор. XI, 30), какъ фараонъ, какъ тѣ изъ іудеевъ, которые побиты были нѣкогда варварами, и какъ многіе другіе, какъ тогда, такъ и нынѣ, и всегда? И другіе, хотя и много нагрѣшили, но умерли, не получивъ здѣсь наказанія, какъ напримѣръ богачъ (жившій) во дни Лазаря, и многіе другіе.

4. Такъ поступаетъ (Господь) съ одной стороны для того, чтобы возбудить вѣру въ тѣхъ, которые не вѣрятъ будущему, съ другой стороны для того, чтобы и вѣрующихъ, но живущихъ безпечно, сдѣлать болѣе ревностными. Богъ судія праведный и сильный и долготерпѣливый и не наводитъ гнѣва на всякій день (Псал. VII, 12). Но если мы будемъ во зло употреблять Его долготерпѣніе, то придетъ время, когда Онъ нисколько уже не потерпитъ, но тотчасъ накажетъ. Итакъ, не будемъ предаваться мгновеннымъ удовольствіямъ,—а настоящая жизнь и есть мгновеніе,—чтобы не навлечь на себя вѣчнаго наказанія; но лучше—мгновеніе потрудимся, чтобы послѣ вѣчно торжествовать. Ужели вы не видите, что и въ дѣлахъ житейскихъ многіе такъ поступаютъ, и предпринимаютъ малый трудъ ради долговременнаго спокойствія, хотя часто и выходитъ наоборотъ? Здѣсь выгоды бываютъ соразмѣрны съ трудами, но часто и то бываетъ, что трудъ тре-

буется необычайный, а польза отъ него очень малая, часто и той не бываетъ. Но не такъ въ царствѣ небесномъ: тамъ трудъ небольшой, а наслажденіе обильно и безпредѣльно. Вотъ смотри: здѣсь земледѣлецъ трудится цѣлый годъ, и часто подъ самый конецъ лишается и одежды и плода многихъ трудовъ своихъ.
465 Опять, мореплаватель и воинъ проводятъ жизнь до глубокой старости въ борьбѣ и трудахъ, но часто и тотъ и другой оставляютъ свое поприще такъ, что первый лишается богатаго своего груза, а второй вмѣстѣ съ побѣдою теряетъ и самую жизнь. Итакъ, скажи мнѣ, какое мы будемъ имѣть оправданіе, когда предпочитаемъ тяжкіе труды въ дѣлахъ житейскихъ, предпринимаемые для кратковременнаго успокоенія, или даже совсѣмъ напрасно,— потому что надежда въ нихъ очень сомнительна,—а въ дѣлахъ духовныхъ поступаемъ напротивъ, и за кратковременное нерадѣніе навлекаемъ на себя страшное наказаніе? Потому прошу васъ всѣхъ,—хоть поздно, но позаботьтесь высвободить себя изъ этого оцѣпенѣнія. Вѣдь въ то время никто уже насъ не избавитъ—ни братъ, ни отецъ, ни сынъ, ни другъ, ни сосѣдъ, ни другой кто, но если дѣла наши осудятъ насъ, то все будетъ потеряно, и мы непремѣнно погибнемъ. Какіе вопли испускалъ богачъ, какъ онъ умолялъ патріарха, и просилъ послать Лазаря? Но послушай, что отвѣчалъ ему Авраамъ: *пропасть между вами и нами, яко да хотящіе прейти отсюду къ вамъ не возмогутъ* (Лук. XVI, 26). Сколько дѣвы умоляли своихъ подругъ, чтобы онѣ удѣлили имъ немного елея? Но послушай, что и тѣ говорятъ: *еда како не достанетъ намъ и вамъ* (Мѳ. XXV, 9). И никто не могъ ввести ихъ въ чертогъ Жениха. Размышляя объ этомъ, позаботимся и сами о своей жизни. На какіе бы труды ты ни указалъ, какія бы ни представилъ мученія, все это ничего не значитъ въ сравненіи съ будущими благами. Представь, если угодно, огонь, желѣзо, звѣрей или что-нибудь еще болѣе страшное: все это не составитъ даже и тѣни будущихъ мученій. Въ самомъ дѣлѣ, здѣшнія мученія, когда усиливаются, тогда особенно и дѣлаются легкими, потому что ускоряютъ минуту освобожденія, когда тѣло не можетъ болѣе выносить ни жестокости, ни продолженія казни. Но тамъ будетъ не такъ. Тамъ соединяются и продолжительность и чрезмѣрность, какъ въ радостномъ состояніи, такъ и въ плачевномъ. Итакъ,
466 пока есть время, *предваримъ лице Его во исповѣданіи* (Псал. XCIV, 2), чтобы тогда намъ узрѣть Его кроткимъ и милостивымъ, чтобы избѣжать тѣхъ грозныхъ силъ. Посмотри здѣсь на воиновъ, служащихъ своимъ начальникамъ, какъ они влекутъ виновныхъ, какъ вяжутъ, какъ бичуютъ, какъ прокалываютъ бока, какъ, для умноженія мукъ, подносятъ факелы, какъ отсѣкаютъ члены тѣла.

Но все это игрушка и смѣхъ въ сравненіи съ будущими мученіями. Эти мученія временны, а тамъ *ни червь не умираетъ, ни огнь не угасаетъ* (Марк. IX, 48), потому что и тѣло нетлѣнно. Не дай Богъ намъ узнать это на опытѣ, но пусть эти ужасы останутся для насъ только на словахъ; не дай Богъ, чтобы мы были преданы тѣмъ мучителямъ, но чтобы здѣсь исправились. Сколько тогда будемъ мы говорить въ обвиненіе самихъ себя! Сколько будемъ плакать, сколько рыдать! Но все будетъ уже безполезно. Такъ и кормчіе не помогутъ уже кораблю, когда онъ разрушился и погрузился на дно, ни врачи — когда больной умеръ. Послѣ только говорятъ, что то и то надлежало бы сдѣлать; но все тщетно, все напрасно. Тогда надлежитъ обо всемъ и говорить, и все дѣлать, пока еще есть надежда исправить дѣло. А когда не осталось ничего въ нашей власти и все погублено, тогда напрасно уже и говорить, и дѣлать. Тогда и іудеи скажутъ: *благословенъ грядый во имя Господне* (Іоан. XII, 13), но это восклицаніе нисколько не поможетъ имъ, чтобы избѣжать вѣчнаго наказанія, потому что, когда надобно было говорить это, они не говорили. Итакъ, чтобы и съ нами, въ соотвѣтствіе съ образомъ нашей жизни, не случилось того же,—перемѣнимъ отнынѣ нашу жизнь, чтобы предстать предъ судилище Христово со всякимъ дерзновеніемъ, которое и да сподобимся получить всѣ мы благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу и Святому Духу слава (нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь).

БЕСѢДА X.

Вѣмы бо, яко аще земная наша храмина тѣла разорится, созданіе отъ Бога имамы, храмину нерукотворенну, вѣчну на небесѣхъ (2 Кор. V, 1). 465—466

1. (Апостолъ) опять возбуждаетъ ревность коринѳянъ, среди многихъ скорбей ихъ. И легко вѣдь имъ было ослабѣть среди нихъ по причинѣ отсутствія (апостола). Что же онъ говоритъ? Не должно удивляться тому, что мы терпимъ скорби, и смущаться отъ этого, потому что отъ нихъ мы получаемъ великую пользу. Въ чемъ заключается эта польза, онъ сказалъ уже и раньше, а именно: (терпя скорби) мы носимъ мертвость Іисуса (IV, 10), и представляемъ въ себѣ неоспоримое свидѣтельство силы Его (именно говоритъ: *да премножество силы будетъ Божія*,- IV, 7), и ясное доказательство воскресенія (*да животъ Іисусовъ явится въ*

мертвенный плоти нашей,—IV, 11). Но такъ какъ онъ сказалъ, кромѣ того, что чрезъ скорби и внутренній нашъ человѣкъ дѣлается лучшимъ: *аще и внѣшній нашъ человѣкъ тлѣетъ, обаче внутренній обновляется по вся дни* (IV, 16), то, чтобы показать опять, какъ полезно терпѣть бичеванія и гоненія, присовокупляетъ еще, что когда страданія достигаютъ послѣдняго предѣла, тогда для претерпѣвшихъ ихъ произрастаютъ безчисленныя блага. Чтобы ты, слыша, что внѣшній твой человѣкъ тлѣетъ, не сталъ скорбѣть, онъ говоритъ, что когда это случится вполнѣ, тогда-то ты больше всего и возрадуешься, и перейдешь къ лучшему жребію. Такимъ образомъ, тому, кто нынѣ отчасти тлѣетъ, не только не слѣдуетъ скорбѣть, а, напротивъ, должно еще и желать этого тлѣнія въ полной его мѣрѣ, потому что оно болѣе всего и ведетъ тебя къ нетлѣнію. Поэтому-то (апостолъ) и говоритъ: *вѣмы бо, яко аще земная наша храмина тѣла разорится, созданіе отъ Бога имамы, храмину нерукотворенну, вѣчну на небесѣхъ.* Такъ какъ (апостолъ) раскрываетъ опять ученіе о воскресеніи, относительно котораго они особенно хромали, то присоединяетъ въ качествѣ основанія судъ объ этомъ самихъ слушателей, и такимъ образомъ утверждаетъ это (ученіе),—впрочемъ не прямо, какъ прежде, но
467 какъ бы приведенный къ этому разсужденію другими размышленіями, потому что они были уже прежде наставлены (въ этомъ ученіи). *Вѣмы,* говоритъ, *яко аще наша земная храмина тѣла разорится, созданіе отъ Бога имамы, храмину нерукотворенну, вѣчну на небесѣхъ.* Нѣкоторые подъ земною храминою разумѣютъ этотъ міръ, но я думаю, что (апостолъ) скорѣе намекаетъ здѣсь на наше тѣло. Смотри же, какъ онъ самыми наименованіями показываетъ превосходство будущаго предъ настоящимъ. Сказавъ: *земная храмина,* онъ противоположилъ ей небесную; сказавъ: храмина тѣла (хижина), тѣмъ указалъ на ея удоборазрушимость и кратковременность, противоположивъ ей храмину вѣчную. Слово—*хижина* дѣйствительно часто означаетъ кратковременность,—почему и Господь сказалъ: *въ дому Отца Моего обители многи суть* (Іоан. XIV, 2). Если же Св. Писаніе и называетъ иногда мѣста успокоенія святыхъ хижинами, то не просто, а съ прибавленіемъ (какого-нибудь другого слова). Такъ Господь не сказалъ: чтобы приняли *въ кровы* свои (хижины—σκηνάς), но: *въ вѣчные кровы* (εἰς τὰς αἰωνίους σκηνάς,—Лук. XVI, 9). (Апостолъ) назвалъ будущую нашу храмину еще *нерукотворенною,* чѣмъ какъ бы указалъ на храмину рукотворенную. Что же? Ужели тѣло наше есть рукотворенное? Никакъ. Но онъ указываетъ или на здѣшніе рукотворенные домы, или, если не такъ, то назвалъ будущее тѣло нерукотворенною храминою не для противоположенія, но для того, чтобы болѣе

возвысить его достоинство и усугубить его славу. *Ибо о семъ воздыхаемъ, въ жилище наше небесное облещися желающе* (ст. 2). Скажи мнѣ, въ какое жилище? Въ нетлѣнное тѣло. Отчего же нынѣ воздыхаемъ? Оттого, что то тѣло гораздо лучше. Небеснымъ же называетъ его по причинѣ нетлѣнія. Этимъ словомъ онъ выражаетъ не то, будто это тѣло низойдетъ на насъ съ неба, а указываетъ только на благодать, посылаемую съ неба. Итакъ, мало того, что не должно скорбѣть, когда постигаютъ насъ нѣкоторыя искушенія, но должно желать, напротивъ, всевозможныхъ (искушеній). Какъ бы такъ сказалъ (апостолъ): ты воздыхаешь, что тебя гонятъ, что твой внѣшній человѣкъ тлѣетъ. Воздыхай о томъ, что тебя не со всею жестокостью гонятъ, что твой внѣшній человѣкъ не истлѣетъ еще совершенно. Видишь ли, какъ онъ далъ рѣчи противоположное направленіе, показавъ, что не о томъ надобно воздыхать, что постигаютъ насъ нѣкоторыя искушенія, но о томъ, что они недостаточны. (Апостолъ) не назвалъ (будущее наше тѣло) хижиною, но *жилищемъ*; и весьма справедливо, потому что хижина легко разрушается, а жилище пребываетъ вѣчно. *Аще же* (εἴ γε) *и облекшееся* [1]), *не нази обрящемся* (ст. 3). То есть, хотя и сложимъ съ себя это тѣло, однако не безъ тѣла тамъ явимся, но съ тѣмъ же самымъ тѣломъ, которое сдѣлается тогда нетлѣннымъ. Нѣкоторые же читаютъ: *аще точію* (εἴπερ) *и облекшееся, не нази обрящемся,* — и весьма разсудительно. Чтобы не всѣ полагались на воскресеніе, (апостолъ) и говоритъ: *аще* же (εἴγε) *и облекшееся*, то есть въ нетлѣніе, и получивъ нетлѣнное тѣло, *не нази обрящемся*—славы и извѣстности спасенія. О томъ же говоритъ онъ и въ первомъ посланіи, то есть, что хотя и всѣ воскреснемъ, *кійждо же во своемъ чину;* и: *есть тѣлеса небесная, и тѣлеса земная* (xv, 23, 40). Воскресеніе будетъ для всѣхъ, но слава не для всѣхъ. Одни воскреснутъ въ чести, а 463
другіе въ безчестіи; одни для царствія, а другіе для мученія. То же самое онъ хотѣлъ показать и здѣсь, когда сказалъ: *аще точію и облекшееся, не нази обрящемся. Ибо сущіи въ тѣлѣ семъ воздыхаемъ, понеже не хощемъ совлещися, но пооблещися* (ст. 4).

2. Здѣсь онъ ясно и совершенно заграждаетъ уста еретиковъ, показавъ, что говоритъ не просто о томъ или о другомъ тѣлѣ, но о тлѣніи и нетлѣніи. Мы не о томъ, говоритъ, воздыхаемъ, чтобы освободиться отъ тѣла (потому что мы не желаемъ сложить его съ себя), но страстно желаемъ только освободиться отъ тлѣнія, которое въ немъ находится. Потому и говоритъ, что

---

[1]) 'Ενδυσάμενοι; но повидимому Златоустъ читалъ здѣсь—'Εκδυσάμενοι, какъ показываютъ дальнѣйшія слова бесѣды.

мы хотимъ не совлечься тѣла, но только облечь его въ безсмертіе. Потомъ самъ же объясняетъ свои слова: *да пожерто будетъ мертвенное животомъ*. Такъ какъ для многихъ казалось тягостнымъ разлученіе съ тѣломъ, и онъ шелъ противъ всеобщаго голоса, говоря, что мы воздыхаемъ потому, что не желаемъ отъ него освободиться (если душа, могли сказать ему, такъ страдаетъ и скорбитъ, разлучаясь съ тѣломъ, то какъ же ты говоришь, что мы воздыхаемъ потому, что долго не освобождаемся отъ него), то, предупреждая такое возраженіе, (апостолъ) и говоритъ: и я не утверждаю, что мы о томъ воздыхаемъ, какъ бы сложить съ себя (никто безъ скорби не слагаетъ его, почему и о Петрѣ говоритъ Христосъ: возьмутъ тебя и поведутъ, аможе не хощеши [Іоан. XXI, 18]), а о томъ какъ бы облечь его въ нетлѣніе. Оттого мы и тяготимся тѣломъ, т. е. не оттого, что носимъ тѣло, но оттого, что носимъ тѣло тлѣнное и страстное. Это-то и производитъ въ насъ скорбь. Но наступающая жизнь истребитъ и уничтожитъ тлѣніе,—именно тлѣніе, а не тѣло. А какъ же, скажешь ты, это произойдетъ? Не спрашивай о томъ,—Богъ это дѣлаетъ,—не любопытствуй. Потому и присовокупилъ: *сотворивый же насъ въ сіе истое Богъ* (ст. 5). Этими словами онъ показываетъ, что это прежде было опредѣлено о насъ. Не теперь только это стало благоугодно Богу, но въ началѣ еще,—когда Онъ образовалъ насъ изъ земли, и создалъ Адама, а создалъ его не съ тѣмъ, чтобы онъ умеръ, но чтобы содѣлать его безсмертнымъ. Потомъ, чтобы болѣе удостовѣрить въ этомъ, присовокупилъ: *иже и даде обрученіе Духа*. Какъ тогда Онъ для этого (безсмертія) сотворилъ человѣка, такъ и теперь чрезъ крещеніе возсоздалъ его для той же цѣли, и въ удостовѣреніе этого далъ намъ немаловажный залогъ, Святого Духа. О залогѣ (апостолъ) упоминаетъ часто—какъ для того, чтобы показать себя должникомъ, такъ и для того, чтобы чрезъ это придать бóльшую достовѣрность своимъ словамъ во мнѣніи людей болѣе слабыхъ. *Дерзающе убо всегда и вѣдяще* (ст. 6). *Дерзающе*, т. е. среди гоненій, озлобленій и непрестанныхъ опасностей смерти. Онъ какъ бы такъ говоритъ: гонитъ ли кто тебя, преслѣдуетъ ли, умерщвляетъ ли,—не унывай. Все это къ твоему благу. Не бойся, дерзай. То, о чемъ ты воздыхаешь и скорбишь, т. е. что ты работаешь тлѣнію,—это самое тлѣніе исхититъ тебя изъ среды тлѣнія, и тѣмъ скорѣе освободитъ отъ этого раб-
469 ства. Потому и говоритъ: *дерзающе убо всегда*, т. е. не только въ благопріятное время, но и во время скорбей. *И вѣдяще, яко живуще въ тѣлѣ, отходимъ отъ Господа: вѣрою бо ходимъ, а не видѣніемъ: дерзаемъ же и благоволимъ паче отъити отъ тѣла, и внити ко Господу* (ст. 7, 8). Что всего важнѣе и выше, онъ поставилъ

на концѣ, — потому что со Христомъ быть лучше и выше, нежели получить нетлѣніе. Слово же его имѣетъ такой смыслъ: гонящій и убивающій насъ не отнимаетъ у насъ жизни; поэтому не бойся, но дерзай и тогда, когда разсѣкаютъ тебя на части. Это не только освобождаетъ тебя отъ тлѣнія и тяготящаго на тебѣ бремени, но и тотчасъ же отсылаетъ тебя къ Господу. Потому и не сказалъ: сущіи (ὄντες) въ тѣлѣ, что мы находимся въ немъ, какъ странники въ гостинницѣ. *Вѣдяще* убо, *яко живуще въ тѣлѣ, отходимъ отъ Господа*: *дерзаемъ же и благоволимъ паче отъити отъ тѣла и внити ко Господу*. Видишь ли, какъ онъ, умолчавъ о непріятныхъ именахъ смерти и кончины, замѣнилъ ихъ вожделѣннѣйшимъ наименованіемъ — *водворенія у Бога*; и напротивъ, оставивъ наименованіе, кажущееся пріятнымъ, именно — жизни, употребилъ непріятное, назвавъ здѣшнюю жизнь *удаленіемъ отъ Господа*. Это онъ сдѣлалъ для того, чтобы никто не только не услаждался настоящимъ, напротивъ, даже тяготился бы имъ; и чтобы никто, приближаясь къ смерти, не скорбѣлъ, а напротивъ, радовался, потому что переходитъ къ лучшимъ благамъ. Но чтобы кто-нибудь, услыша, что мы (находясь въ этомъ тѣлѣ) *отходимъ отъ Господа*, не сказалъ: что ты говоришь? ужели мы, живя здѣсь, находимся въ удаленіи отъ Него?—онъ отклонилъ это возраженіе, сказавъ: *вѣрою бо ходимъ, а не видѣніемъ*. И здѣсь мы имѣемъ познаніе о Немъ, но не столь ясное, а точно *въ зерцалѣ* и *въ гаданіи*, какъ говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ (1 Кор. XIII, 12). *Дерзаемъ же и благоволимъ*. Вотъ до чего онъ довелъ рѣчь! До сильнѣйшаго желанія кончины: слово *благоволимъ* у него то же значитъ, что и сильно желаемъ. Чего желаемъ? *Отъити отъ тѣла и внити ко Господу*. Такъ-то онъ всегда дѣлаетъ, о чемъ я и прежде замѣчалъ,— обращаетъ въ противную сторону слова противниковъ. *Тѣмже и тщимся, аще входяще, аще отходяще, благоугодни Ему быти* (ст. 9). Но тамъ ли, здѣсь ли мы находимся, говоритъ, наше дѣло—только заботиться о томъ, чтобы жить сообразно съ Его волею, потому что въ этомъ наша главная обязанность. Такимъ образомъ съ этимъ благоугожденіемъ ты уже безъ сомнѣнія наслѣдникъ царствія. Но чтобы (вѣрующіе), пріобрѣтя такое страстное желаніе (отойти ко Господу), не сѣтовали на замедленіе этого отшествія, (апостолъ) здѣсь уже даетъ имъ то, что составляетъ главное изъ всѣхъ благъ. Что же это такое? То, чтобы благоугождать (Господу): не просто отойти отсюда—хорошо, но отойти благоугодивши; чрезъ это послѣднее хорошимъ становится и первое. Равнымъ образомъ не просто жить здѣсь тяжко, но тяжко жить оскорбляя (Бога).

3. Итакъ не думай, что для вѣчной жизни достаточно одного

разлученія съ тѣломъ. Вездѣ нужна добродѣтель. Вотъ почему, какъ, разсуждая о воскресеніи, онъ не далъ основанія полагаться только на него, сказавъ: *аще же и облекшеся, не нази обрящемся*, такъ точно, говоря и о разлученіи (съ тѣломъ), чтобы ты не подумалъ, что этого только достаточно тебѣ для спасенія, присовоку-
470 пилъ, что надобно еще быть благоугоднымъ Богу. Возбудивъ, такимъ образомъ, ревность многоразличными благами, (апостолъ) не забылъ побудить ихъ и страхомъ угрожающихъ золъ; такъ какъ блаженство наше состоитъ и въ стяжаніи благъ, т. е. царства (небеснаго), и въ избѣжаніи золъ, т. е. геенны. Но желаніе избѣжать мученій сильнѣе дѣйствуетъ, и если бы вредъ ограничивался только лишеніемъ вѣчныхъ благъ, то многіе легко бы на это согласились; если же онъ соединенъ съ мученіями, то едва ли (кто согласится); конечно первое надлежало бы считать болѣе несноснымъ, но для многихъ, по причинѣ слабости ихъ и привязанности къ земному, послѣднее представляется болѣе тяжкимъ. Итакъ, въ виду того, что большинство слушателей не столько возбуждается обѣщаніемъ благъ, сколько угрозою наказаній, (апостолъ) и счелъ необходимымъ здѣсь заключить рѣчь свою такъ: *всѣмъ бо явитися намъ подобаетъ предъ судищемъ Христовымъ* (ст. 10). Но опять, устрашивъ и возбудивъ слушателя напоминаніемъ объ этомъ судѣ, онъ и здѣсь не оставилъ скорби безъ утѣшенія, и присовокупилъ нѣчто пріятное, сказавъ: *да пріиметъ кійждо, яже съ тѣломъ содѣла, или блага, или зла*. Этими словами (апостолъ) и живущихъ добродѣтельно, а между тѣмъ гонимыхъ, укрѣпляетъ надеждами, и ослабѣвшихъ дѣлаетъ болѣе ревностными страхомъ наказанія, вмѣстѣ съ тѣмъ подтверждаетъ также и ученіе о воскресеніи тѣлъ. Тѣло, говоритъ, которое служило добродѣтели или пороку, не будетъ исключено отъ участія и въ воздаяніяхъ: вмѣстѣ съ душою одни тѣла будутъ преданы мученіямъ, а другіе увѣнчаются наградами. Между тѣмъ нѣкоторые изъ еретиковъ говорятъ, что тѣло возстанетъ не прежнее, но другое. Какъ же это, скажи мнѣ? Одно тѣло грѣшило, а другое за то будетъ наказываться? Одно жило непорочно, а другое увѣнчается? И что вы скажете Павлу на слова его: *не хощемъ совлещися, но пооблещися?* Какъ же тлѣнное поглощается жизнью? Онъ не сказалъ: чтобы поглощено было смертное или тлѣнное тѣло тѣломъ нетлѣннымъ, но—чтобы тлѣніе *животомъ*. А это будетъ тогда, когда воскреснетъ то же самое тѣло. Если же прежнее тѣло будетъ оставлено, а вмѣсто него устроено другое, тогда тлѣніе не будетъ поглощено, но пребудетъ во всей силѣ. Потому и не будетъ этого, но *подобаетъ тлѣнному сему*, т. е. тѣлу, *облещися въ нетлѣніе* (1 Кор. xv, 53). Настоящее тѣло

находится между (тлѣніемъ и нетлѣніемъ): нынѣ оно тлѣнно, а послѣ будетъ нетлѣнно. И нынѣ оно въ этомъ состояніи (тлѣнія) находится потому, что нетлѣнію несвойственно разрушеніе: *тлѣніе*, говоритъ, *нетлѣнія не наслѣдствуетъ* (1 Кор. xv, 50),—иначе какъ будетъ нетлѣніе? Но, напротивъ, тлѣніе поглощается животомъ. Тлѣніе побѣждается нетлѣніемъ, но послѣднее первымъ никогда. Какъ огонь расплавляетъ воскъ, но воскъ не расплавляетъ огня, такъ и нетлѣніе истребляетъ и поглощаетъ тлѣніе; но тлѣніе никакъ не можетъ одержать побѣды надъ нетлѣніемъ. Итакъ, слыша Павла, говорящаго, что *намъ подобаетъ явитися предъ судищемъ Христовымъ*, вообразимъ мысленно этотъ судъ и представимъ, что онъ уже совершается теперь и что требуется отчетъ. Я намѣренъ подробнѣе изобразить его, такъ какъ Павелъ, какъ говорившій о скорбяхъ и не желавшій возбуждать въ нихъ еще новыхъ скорбей, не продолжилъ далѣе слова (объ 471
этомъ судѣ), но высказавъ кратко суровый приговоръ: *кійждо пріиметъ, яже содѣла*, тотчасъ перешелъ (къ другому разсужденію). Итакъ представимъ, что этотъ судъ уже наступилъ. Пусть каждый испытаетъ совѣсть свою, и вообразитъ, что уже пришелъ Судія, и все открывается и дѣлается явнымъ,—потому что мы не только будемъ предстоять, но и будемъ изобличены (на судѣ). Не краснѣете ли вы? Не смущаетесь ли?

Но если и нынѣ, когда еще не наступилъ день суда, когда мы просто напомнили о немъ, и только мысленно его представили,-мы казнимся совѣстью, то что будетъ съ нами, когда дѣйствительно онъ наступитъ, когда вся вселенная предстанетъ на судъ, всѣ ангелы и архангелы, и другія (небесныя) силы, когда люди будутъ стекаться отъ всѣхъ концовъ земли, восхищаемые на облакахъ, когда всѣ будутъ объяты страхомъ, когда повсюду вострубятъ трубы и будутъ раздаваться неумолкаемые звуки? Подлинно, если бы и не было геенны, то быть отверженнымъ въ присутствіи столь свѣтлаго собранія и отойти съ безчестіемъ—какимъ великимъ было бы наказаніемъ! Если и нынѣ, когда выступаетъ царь со своею свитою, каждый изъ насъ, сознавая свое убожество, не столько получаетъ удовольствія отъ этого зрѣлища, сколько печали отъ того, что нисколько не можетъ участвовать въ великолѣпіи, окружающемъ царя, и не находится близъ него, то что будетъ тогда? Ужели ты почитаешь маловажнымъ наказаніемъ—не быть включеннымъ въ этотъ сонмъ, не быть удостоеннымъ неизреченной славы, быть отлученнымъ куда-то далеко и надолго отъ этого торжества и неизреченныхъ благъ? Но когда и мракъ, и скрежетъ зубовъ, и неразрѣшимыя узы, и червь неумирающій, и огнь неугасающій, и скорбь, и тѣснота, и

страждущій въ пламени языкъ,—какъ это случилось съ богатымъ,—будутъ удѣломъ человѣка; когда мы будемъ испускать вопли, и никто не будетъ насъ слышать, будемъ стонать, терзаться отъ невыносимыхъ болѣзней, и никто не будетъ внимать намъ, будемъ всюду озираться, и ни откуда не получимъ утѣшенія,—то съ чѣмъ сравнить жребій бѣдствующихъ такимъ образомъ? Что можетъ быть несчастнѣе этихъ душъ? Что можетъ быть болѣе достойно сожалѣнія?

4. Если мы, входя въ темницу и видя въ ней однихъ изсохшими (отъ печали), другихъ—обремененными оковами и страдающими отъ голода, иныхъ заключенными во мракѣ,—приходимъ въ ужасъ, цѣпенѣемъ и всячески остерегаемся, какъ бы не попасть сюда, то что будетъ съ нами, когда насильно повлекутъ насъ для истязаній въ самую геенну? Тамъ оковы не изъ желѣза, но изъ огня никогда неугасающаго; и не одного рода съ нами будутъ тамъ у насъ приставники, которыхъ можно часто привести въ состраданіе, но ангелы, на которыхъ страшно будетъ и взглянуть, потому что они будутъ пылать великимъ гнѣвомъ на насъ за нашу непокорность Владыкѣ. Тамъ не такъ, какъ здѣсь: для облегченія бѣдствія твоего не принесутъ тебѣ—одинъ серебра, другой пищи, иной утѣшительнаго и отраднаго слова; тамъ всѣ будутъ чужіе. Даже и Ной, Іовъ и Даніилъ, хотя бы увидѣли кого изъ своихъ родныхъ страдающими, не согласятся тогда ходатайствовать за несчастныхъ. Тогда отнимется у насъ всякое сострадание, свойственное теперь природѣ нашей. Такъ какъ благочестивые родители порой имѣютъ нечестивыхъ дѣтей, и благо-
472 честивые дѣти нечестивыхъ родителей, то, чтобы радость праведниковъ всегда была чистая и чтобы наслаждающіеся благами не возмущались состраданіемъ,—для этого, повторяю, и самое сострадание отнимется, и они вмѣстѣ съ Владыкой воспылаютъ гнѣвомъ даже противъ единокровныхъ своихъ. Въ самомъ дѣлѣ, если и теперь самые обыкновенные родители иногда отказываются отъ дѣтей своихъ, и исключаютъ ихъ изъ своего родства, когда видятъ ихъ живущими распутно, тѣмъ болѣе такъ поступятъ тогда праведники. Пусть, поэтому, никто не надѣется имѣть утѣшеніе въ той жизни, если не сдѣлалъ ничего добраго въ здѣшней, хотя бы и имѣлъ безчисленное множество праведныхъ предковъ: *кійждо бо пріиметъ, яже съ тѣломъ содѣла* (ст. 10). Мнѣ кажется, что (апостолъ) здѣсь разумѣетъ и блудниковъ, и какъ ихъ, такъ и всѣхъ другихъ грѣшниковъ желаетъ привести въ страхъ ожидающими ихъ наказаніями. Послушаемъ же и мы! Если тебя палитъ огонь плотской похоти, противопоставь ему тотъ огонь (геенскій),—и огонь похоти твоей тотчасъ погаснетъ

и исчезнетъ. Хочешь ли сказать что-нибудь гнусное, помысли о томъ скрежетѣ зубовъ,—и страхъ обуздаетъ языкъ твой. Желаешь ли сдѣлать какое хищеніе, послушай, что повелѣваетъ и говоритъ Судія: *свяжите ему руцѣ и нозѣ, и ввержите его во тьму кромѣшнюю* (Мѳ. ххп, 13),—и такимъ образомъ изгонишь и эту страсть. Если ты преданъ пьянству и ведешь жизнь невоздержную, то послушай, что говорилъ богачъ: пошли Лазаря, чтобы концомъ перста своего освѣжилъ горящій въ пламени языкъ мой,—и не получилъ помощи (Лук. xvi, 24, 25),—и отстанешь отъ страсти (невоздержанія). Если ты любишь увеселенія, разсуждай о тѣснотѣ и скорбяхъ, имѣющихъ быть тамъ; послѣ этого ты и думать о нихъ не станешь. Если ты жестокъ и немилосердъ, то припоминай тѣхъ дѣвъ, которыя за то, что погасли ихъ свѣтильники, оказались внѣ чертога Жениха,—и ты скоро сдѣлаешься человѣколюбивымъ. Нерадивъ ты и безпеченъ? Размышляй о судьбѣ скрывшаго талантъ свой,—и ты сдѣлаешься быстрѣе огня. Тебя снѣдаетъ страсть, какъ бы завладѣть достояніемъ ближняго твоего? Воображай непрестанно неумирающаго червя,—и легко освободишься и отъ этой болѣзни, и всѣ прочія (слабости) исправишь. (Богъ) ничего не заповѣдалъ намъ труднаго и тяжкаго. Отчего кажутся намъ тяжкими заповѣди Его? Отъ нашего разслабленія. Какъ самое трудное при нашемъ стараніи и ревности становится легкимъ и удобоисполнимымъ, такъ и легкое отъ нашей лѣности дѣлается тяжкимъ. Итакъ, разсуждая о всемъ этомъ, будемъ смотрѣть не на то, какъ нѣкоторые предаются роскоши и невоздержанію, а на то, каковъ будетъ ихъ конецъ. (Конецъ же ихъ) въ здѣшней жизни—гной и утучненіе плоти; а въ будущей—червь и огонь. Равнымъ образомъ, будемъ смотрѣть не на то, какъ нѣкоторые хищничаютъ, а на конецъ ихъ жизни; ихъ въ настоящей жизни снѣдаетъ безпокойство, страхъ и мученія совѣсти, а въ будущей ожидаютъ неразрѣшимыя узы. Будемъ разсуждать не о (людяхъ) славолюбивыхъ, а о томъ, что слѣдуетъ за славолюбіемъ; но за нимъ послѣдуютъ—пресмыкательство и лицемѣріе здѣсь, а тамъ невыносимое мученіе въ вѣчномъ пламени. Если мы будемъ такимъ образомъ размышлять сами съ собою и противопоставлять такія и подобныя (размышленія) нашимъ злымъ пожеланіямъ, то скоро изгонимъ изъ себя и любовь къ настоящимъ благамъ, и возжемъ въ себѣ любовь къ будущимъ. Итакъ, возжемъ, воспламенимъ эту любовь. Если одна мысль о благахъ небесныхъ, даже неясная, доставляетъ намъ столько удовольствія, то подумай, сколько радости должно принести самое наслажденіе ими. Блаженны, и трижды и безсчетно блаженны, наслаждающіеся тѣми благами; напротивъ, достойны 473—474

сожалѣнія и трижды несчастны тѣ, которые претерпѣваютъ мученія. Итакъ, чтобы намъ быть въ числѣ первыхъ, а не послѣднихъ, возлюбимъ добродѣтель. Такимъ образомъ мы наслѣдуемъ и будущія блага, которыя всѣ мы и да сподобимся получить благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XI.

473 **Вѣдуще убо страхъ Господень, человѣки увѣщаваемъ, Богови же явлени есмы: уповаю же, яко и въ совѣстехъ вашихъ явлени есмы (2 Кор. v, 11).**

1. Итакъ, говоритъ, зная это, т. е. тотъ страшный судъ, мы дѣлаемъ все такъ, чтобы не подать вамъ никакого повода даже ложно подозрѣвать насъ въ неискренности нашего дѣйствованія. Видишь ли строгую точность въ исполненіи обязанностей, и заботливось души, пекущейся (о благѣ другихъ)? Мы, говоритъ, подлежимъ осужденію, не только тогда, когда въ самомъ дѣлѣ сдѣлали бы что худое, но подвергаемся ему и тогда, когда, ничего худого не сдѣлавши, бываемъ подозрѣваемы въ худомъ и, будучи властны удалить подозрѣніе, не заботимся о томъ. *Не паки себе хвалимъ, но вину даемъ вамъ похваленію о насъ* (ст. 12). Смотри, какъ онъ всегда предупреждаетъ подозрѣніе въ мнимомъ самохвальствѣ,—потому что ничто такъ не оскорбляетъ слуха слушателей, какъ разсказъ чего-либо великаго и необычайнаго о себѣ самомъ. Но такъ какъ онъ вынужденъ былъ сказать о себѣ нѣчто такое, то и поправляетъ себя, говоря: мы дѣламъ это для васъ, а не для себя,—чтобы вы имѣли, чѣмъ хвалиться, а не мы; но и это не безъ цѣли, а по причинѣ лжеапостоловъ, почему и прибавляетъ: *къ хвалящимся въ лице, а не въ сердцы.* Видишь ли, какъ онъ отвлекъ ихъ отъ лжеапостоловъ и привлекъ на свою сторону, показавъ, что и сами коринеяне желаютъ воспользоваться случаемъ, чтобы защитить его и отвѣчать за него тѣмъ, которые его порицали? Не для того, говоритъ, чтобы насъ хвалили, говоримъ это, но для того, чтобы вы могли свободно говорить за насъ,—что̀ доказываетъ вмѣстѣ и великую любовь его къ нимъ,—и не для того, чтобы вамъ хвалиться только, но чтобы васъ не обманывали болѣе. Такъ, впрочемъ, открыто онъ этого не сказалъ, а выразилъ то же другими словами, болѣе умѣренными, и не дѣлая имъ упрека, говоря: *да имате,* чѣмъ похвалиться *къ хва-*

лящимся въ лице. И это онъ заповѣдуетъ имъ дѣлать не просто
и безъ всякой нужды, но когда лжеапостолы будутъ превозно-
ситься, потому что онъ вездѣ соображается съ обстоятельствами.
Итакъ, не для своей славы онъ говоритъ это, но чтобы заградить
уста лжеапостоламъ, ко вреду коринѳянъ хвалящимся своими
дѣлами. Но что значитъ—*въ лице?* Хвалиться наружными дѣлами,
совершаемыми напоказъ. А лжеапостолы были дѣйствительно
таковы, и все дѣлали изъ любочестія; будучи пусты въ душѣ,—
хотя имѣли видъ благочестія, и казались достойными почтенія,—
были чужды добрыхъ дѣлъ. *Аще бо изумихомся, Богови: аще ли
цѣломудрствуемъ, вамъ* (ст. 13). Если, говоритъ, мы возвѣщаемъ 474
что-либо великое о себѣ (это называетъ онъ *изумленіемъ*, или,
какъ въ другихъ мѣстахъ, *безуміемъ*), то дѣлаемъ это для Бога,
чтобы вы, считая насъ немощными, не возгордились и не погибли;
если же говоримъ что смиренно и съ уничиженіемъ, то дѣлаемъ
это для васъ, чтобы вы научились смиренномудрствовать. Или
слова его имѣютъ такой смыслъ: если кто считаетъ насъ безум-
ными, мы надѣемся за то получить награду отъ Бога, за Кото-
раго мы подпадаемъ такому подозрѣнію, если же кто почитаетъ
насъ смиренномудрыми, тотъ и самъ пусть научится отъ насъ
смиренномудрію. И еще иначе: если кто считаетъ насъ безумными,
тотъ пусть знаетъ, что мы для Бога такъ безумствуемъ. Поэтому
и присовокупляетъ: *ибо любы Божія обдержитъ насъ суждшихъ
сіе* (ст. 14). Не только, говоритъ, страхъ будущаго, но и то, что
уже совершилось, не позволяютъ намъ быть безпечными и пре-
даваться сну, но возставляютъ насъ и побуждаютъ трудиться
для васъ. Что же такое, что уже совершилось? То, что *аще единъ
за всѣхъ умре, то убо вси умроша*. Слѣдовательно, всѣ погибли,
говоритъ. Если бы не всѣ умерли, то (и Христосъ) не за всѣхъ
бы умеръ, потому что здѣсь, а не тамъ средства ко спасенію.
Поэтому и говоритъ: *любы Божія обдержитъ насъ*, и не позво-
ляетъ намъ молчать, и крайнее будетъ несчастіе, жесточе
самой геенны, если послѣ того, какъ Богъ совершилъ такое дѣло,
нѣкоторые останутся не получившими никакого плода отъ та-
кого промышленія Его о насъ. Подлинно, дѣло преизобильной
любви—умереть за всю вселенную, и притомъ лежащую во злѣ.
*Да живущіи не ктому себѣ живутъ, но умершему за нихъ и вос-
кресшему* (ст. 15). Итакъ, если мы должны жить не для самихъ
себя, то, говоритъ, вы не должны смущаться и безпокоиться отъ
надвигающихся на васъ бѣдствій и смертей. И представляетъ
очевидную причину, почему такъ должно поступать. Если, го-
воритъ, мы живемъ Умершимъ за насъ, то должны и жить для
Того, которымъ живемъ. И хотя сказанное имъ содержитъ, по-

видимому, одну причину, однако, если тщательно разсмотримъ, то найдемъ слѣдующія двѣ: первую ту, что мы Имъ только живемъ, вторую ту, что Онъ умеръ за насъ. Каждая изъ нихъ, отдѣльно взятая, достаточна для того, чтобы содѣлать насъ покорными. Подумайте же, сколько мы должны быть обязаны, когда соединимъ обѣ вмѣстѣ. Но еще и третья причина скрывается въ его словахъ, именно та, что для тебя (Господь) воскресилъ и вознесъ на небо начатокъ нашего естества,—почему и прибавлено: *умершему* за насъ *и воскресшему. Тѣмже мы отъ нынѣ ни единаго*
475 *вѣмы по плоти* (ст. 16). Если всѣ умерли и всѣ воскресли, и умерли такъ, какъ осудило умереть владычество грѣха, воскресли же банею пакибытія и обновленія Духа Святаго, то онъ справедливо говоритъ, что мы *ни единаго* изъ вѣрующихъ *вѣмы по плоти*. Что въ самомъ дѣлѣ до того, если они находятся еще во плоти? Прежняя плотская жизнь уже кончилась, и мы свыше возродились Духомъ, и познали другое жительство, и пребываніе, и жизнь, и устроеніе, именно—небесныя. И всего этого виновникомъ (апостолъ) называетъ Христа, почему и прибавилъ: *аще же и разумѣхомъ по плоти Христа, но нынѣ ктому не разумѣемъ.*

2. Что же, скажи мнѣ, развѣ сложилъ Онъ съ Себя плоть, и теперь безъ тѣла? Нѣтъ, Онъ и теперь находится во плоти, потому что сказано: *сей Іисусъ вознесыйся отъ васъ на небо, такожде пріидетъ* (Дѣян. I, 11). Какъ *такожде?* Во плоти, съ тѣломъ. Какъ же онъ говоритъ: *аще же и разумѣхомъ по плоти Христа, но нынѣ ктому не разумѣемъ?* Въ приложеніи къ намъ, *по плоти* значитъ то же, что быть во грѣхахъ, а *не по плоти*—то же, что не быть во грѣхахъ. Въ приложеніи же ко Христу, *по плоти* не другое что означаетъ, какъ быть причастнымъ немощей человѣческаго естества, какъ-то: жажды, алканія, утомленія, сна (потому что Онъ *грѣха не сотвори, ни обрѣтеся лесть во устѣхъ Его* [Ис. LIII, 9; 1 Петр. II, 22], почему и говорилъ: *кто отъ васъ обличаетъ Мя о грѣсѣ* [Іоан. VIII, 46]? и еще: *грядетъ сего міра князь, и во Мнѣ не иматъ ничесоже* [Іоан. XIV, 30]); а *не по плоти* означаетъ то, что Онъ освободился уже и отъ этихъ немощей, а не то, чтобы Онъ находился теперь безъ плоти. Именно съ плотію, только уже непричастною страданіямъ и безсмертною, Онъ придетъ судить вселенную. Въ такое состояніе придемъ и мы, когда тѣло наше будетъ *сообразно тѣлу славы Его* (Филип. III, 21). *Тѣмже аще кто во Христѣ, нова тварь* (ст. 17). Доселѣ (апостолъ) заимствовалъ отъ любви побужденія къ добродѣтели, теперь возводитъ къ ней изъ разсмотрѣнія самыхъ дѣлъ. Потому присовокупилъ: *аще кто во Христѣ, нова тварь.* Кто, говоритъ, увѣровалъ въ него, тотъ

содѣлался другимъ созданіемъ, потому что таковой родился свыше чрезъ Духа. И по этой, слѣдовательно, причинѣ мы должны, говоритъ, жить для Него,—не потому только, что мы не свои (1 Кор. VI, 19), и не потому только, что Онъ умеръ за насъ, и воскресилъ начатокъ нашего естества, но и потому, что мы перешли въ другую жизнь. Смотри, сколько онъ приводитъ причинъ на то, что надо жить добродѣтельно. А чтобы показать, какъ важенъ этотъ переходъ и какъ много значитъ такая перемѣна, онъ даетъ и многозначительное наименованіе этому исправленію (жизни). Потомъ, чтобы болѣе объяснить сказанное и показать, какъ мы дѣлаемся новою тварію, онъ говоритъ: *древняя мимоидоша, се быша вся нова*. Что же такое древнее? Или грѣхи и разные роды нечестія, или всѣ іудейскіе (обряды); а лучше — то и другое вмѣстѣ. *Се быша вся нова. Всяческая же отъ Бога* (ст. 18). А отъ насъ—ничего. И оставленіе грѣховъ, и усыновленіе, и нетлѣнная слава— 478
все отъ Него намъ даровано. Такимъ образомъ онъ возбуждаетъ ихъ къ добродѣтели не только уже будущими благами, но и настоящими. Смотри же, какимъ образомъ. Онъ сказалъ, что мы воскреснемъ нѣкогда, перейдемъ въ нетлѣніе и получимъ храмину вѣчную. Но такъ какъ для убѣжденія тѣхъ, которые не такъ вѣрятъ будущему, какъ нужно вѣрить, настоящее имѣетъ больше силы, чѣмъ будущее, то онъ показываетъ имъ и то, что они уже получили, и каковы они были тогда, когда получили. Каковы же они были, когда получили? Они были всѣ мертвые (всѣ, говоритъ, умерли, и Христосъ за всѣхъ умеръ: такъ всѣхъ равно возлюбилъ Онъ), всѣ одряхлѣли, застарѣли въ безаконіяхъ.

Но вотъ теперь и душа новая (потому что очищена), и тѣло новое, и служеніе новое, и новыя обѣтованія, и завѣтъ, и жизнь, и трапеза, и одежда, и все вообще новое. Въ самомъ дѣлѣ, вмѣсто земного Іерусалима, мы получили вышній престольный градъ; вмѣсто чувственнаго храма узрѣли храмъ духовный; вмѣсто каменныхъ скрижалей получили плотяныя; вмѣсто обрѣзанія—крещеніе; вмѣсто манны—тѣло Владычне; вмѣсто воды изъ камня—кровь изъ ребра; вмѣсто жезла Моисеева или Ааронова—крестъ; вмѣсто обѣтованной земли—царство небесное; вмѣсто безчисленныхъ іереевъ—Единаго Архіерея; вмѣсто агнца безсловеснаго—Агнца духовнаго. Представляя всѣ эти и подобныя блага, (апостолъ) и сказалъ: *вся нова*. И все это отъ Бога чрезъ Христа и Его благодать. Потому и присовокупилъ: *примирившаго насъ Себѣ Христомъ и давшаго намъ служеніе примиренія*, потому что всѣ блага даны намъ чрезъ Христа. Тотъ, кто содѣлалъ насъ друзьями Своими, есть виновникъ и всѣхъ другихъ (благъ), которыя Богъ даровалъ друзьямъ Его, потому что, не врагами насъ оставивъ, Онъ

одѣлилъ насъ такими дарами, но содѣлавъ друзьями Себѣ. Но когда я называю Христа виновникомъ нашего примиренія, то разумѣю вмѣстѣ и Отца; когда же говорю, что Отецъ даровалъ (это примиреніе), то опять разумѣю и Сына. *Вся Тѣмъ быша* (Іоан. I, 3); слѣдовательно Онъ—виновникъ и этого. Не мы обратились къ Нему, но Онъ самъ призвалъ насъ къ Себѣ. Какъ же призвалъ? Смертію Христа. *И давшаго намъ служеніе примиренія.* Здѣсь (апостолъ) опять указываетъ на достоинство званія апостольскаго, показывая, сколь великое дѣло поручено имъ, и какъ велика любовь Божія къ намъ. Въ самомъ дѣлѣ, и послѣ того, какъ люди не послушали пришедшаго ходатая, (Богъ) не отвергнулъ и не оставилъ ихъ, но продолжаетъ звать ихъ какъ самъ, такъ и чрезъ другихъ. Кто достойно можетъ надивиться такому попеченію о насъ! Сынъ пришедшій для примиренія, Сынъ пріискренній и единородный умерщвленъ; но Отецъ, не взирая и на это, не отвергъ убившихъ Его, и не сказалъ: Я послалъ Сына Моего совершить Мое
477 посольство, а они не только не хотѣли послушать Его, но еще убили и распяли, потому праведно отвергнуть уже ихъ. Но поступилъ совсѣмъ напротивъ: по отшествіи отъ насъ Сына, Онъ ввѣрилъ намъ дѣло примиренія: *давшаго намъ служеніе примиренія. Зане Богъ бѣ во Христѣ міръ примиряя Себѣ, не вмѣняя имъ согрѣшеній ихъ* (ст. 19). Видишь ли любовь, превосходящую всякое слово, всякій умъ? Кто былъ обиженъ? Самъ (Богъ). Кто первый пришелъ для примиренія? Онъ же. Но, скажешь, Онъ послалъ Сына, а не самъ пришелъ? Да, Онъ послалъ Сына, но не одинъ Сынъ призывалъ насъ, а вмѣстѣ съ Нимъ и чрезъ Него дѣйствовалъ и Отецъ. Поэтому (апостолъ) и сказалъ, что *Богъ бѣ примиряя Себѣ міръ во Христѣ*, т. е. чрезъ Христа. Этими словами онъ поясняетъ выше сказанныя слова: *давшаго намъ служеніе примиренія*, и какъ бы такъ говоритъ: не подумайте, что мы виновники этого дѣла,— мы только служители; виновникъ же всего есть Богъ, примирившій съ Собою вселенную чрезъ Единороднаго. Какъ же Онъ примирилъ? Удивительно вѣдь не только то, что Онъ содѣлался другомъ, но еще болѣе то, что такъ содѣлался другомъ. Какъ же? Оставивъ имъ согрѣшенія: иначе не былъ бы и другъ, Потому (апостолъ) и сказалъ далѣе: *не вмѣняя имъ согрѣшеній ихъ.* Дѣйствительно, если бы Онъ захотѣлъ требовать отчета во грѣхахъ нашихъ, то всѣ мы погибли бы, потому что всѣ умерли. Но при такомъ множествѣ грѣховъ нашихъ, Онъ не только не потребовалъ намъ наказанія, но и примирился съ нами; не только оставилъ грѣхи наши, но даже и не вмѣнилъ ихъ намъ. Такъ и мы должны прощать враговъ своихъ, чтобы и самимъ получить такое же прощеніе. *И положивъ въ насъ слово примиренія.* И мы, го-

ворить, не для того пришли теперь, чтобы возвѣщать что-нибудь тяжкое, но чтобы сдѣлать всѣхъ друзьями Богу. Если мнѣ, говоритъ (Господь), они не повѣрили, то вы не переставайте увѣщевать ихъ, пока не убѣдите. Потому и говоритъ далѣе: *по Христѣ убо молимъ, яко Богу молящему нами: молимъ по Христѣ, примирится съ Богомъ* (ст. 20).

3. Смотри, до чего онъ возвысилъ это дѣло, представляя самого Христа просящимъ о примиреніи, и не только Христа, но и самого Отца. Смыслъ же словъ его такой: Отецъ послалъ Сына Своего увѣщевать (людей), и исполнить посольство отъ Его имени къ роду человѣческому. Но такъ какъ Онъ, будучи умерщвленъ, отошелъ отсюда, то теперь намъ передано это посольство, потому и просимъ васъ отъ имени Христа и Отца Его. Для Него столь дорогъ человѣческій родъ, что Онъ предалъ за него Сына Своего, напередъ зная, что Онъ будетъ умерщвленъ, и сдѣлалъ насъ апостолами для васъ,—такъ что справедливо сказалъ (апостолъ): *все для васъ* (1 Кор. III, 22). *По Христѣ убо молимъ*, то есть, вмѣсто Христа, потому что намъ передано дѣло Его. Если же тебѣ это кажется преувеличеннымъ, то послушай еще далѣе, гдѣ онъ говоритъ, что они дѣлаютъ это не только вмѣсто Него, т. е. Христа, но и вмѣсто Отца. Потому и прибавилъ: *яко Богу молящему нами*. Не чрезъ Сына только, говоритъ, (Богъ) призываетъ людей, но и чрезъ насъ, которымъ передано дѣло Его. Итакъ не 478
думайте, говоритъ, чтобы мы васъ просили,—самъ Христосъ чрезъ насъ проситъ васъ, и даже самъ Отецъ Христа. Что можетъ равняться съ такимъ преизбыткомъ (благости)? Будучи неблагодарно обиженъ за безчисленныя благодѣянія (отъ Него намъ данныя), Онъ не только не осудилъ насъ, но еще далъ Сына Своего, чтобы примирить насъ съ Собою; и когда тѣ, къ которымъ Онъ пришелъ, не только не примирились, но и убили Его, Онъ послалъ опять другихъ посланниковъ для призыванія, и чрезъ нихъ самъ проситъ. О чемъ же проситъ? *Примирится съ Богомъ*. Не сказалъ: примирите съ собою Бога, потому что не Богъ враждуетъ противъ насъ, но мы противъ Него. Богъ же никогда не враждуетъ. Потому, какъ посланный посредникъ, оправдывая Его, говоритъ: *невѣдѣвшаго бо грѣха по насъ грѣхъ сотвори* (ст. 21). Я не говорю уже о томъ, что прежде было,—что вы показали себя крайне неблагодарными противъ Того, кто не причинилъ вамъ никакой обиды, напротивъ, облагодѣтельствовалъ васъ; не говорю и о томъ, что Онъ не осудилъ васъ за это, и что первый, будучи обиженъ, первый и проситъ; пусть все это покрыто будетъ молчаніемъ. Только того благодѣянія, которое Онъ сдѣлалъ для васъ нынѣ, не достаточно ли къ тому, чтобы

вы примирились съ Нимъ? Что же Онъ сдѣлалъ? *Невѣдѣвшаго бо грѣха по насъ грѣхъ сотвори.* Если бы Онъ сдѣлалъ только одно это, и ничего другого, то подумай, каково было и это одно, что Онъ предалъ Сына Своего за оскорбившихъ Его? А Онъ много еще и другихъ благодѣяній сдѣлалъ для насъ, и сверхъ всего еще—не сдѣлавшаго никакой неправды осудилъ на страданія за неправедниковъ. Но (апостолъ) не сказалъ этого, а указалъ на нѣчто гораздо большее. Что же именно? То, что *невѣдѣвшаго грѣха*—Того, Который есть самосущая правда—*грѣхъ сотвори*, т. е. допустилъ быть осужденнымъ, какъ бы грѣшнику, и умереть, какъ бы проклятому, потому что *проклятъ висяй на древѣ* (Втор. XXI, 23). Дѣйствительно, умереть на древѣ гораздо болѣе значило, нежели просто умереть, на что указывая и въ другомъ мѣстѣ, онъ говоритъ: *послушливъ бывъ даже до смерти, смерти же крестныя* (Филип. II. 8). Такая смерть не только вмѣнялась въ наказаніе, но и въ безчестіе. Итакъ подумай, какъ много даровалъ тебѣ Богъ. Великое дѣло, когда и грѣшникъ умираетъ за кого-нибудь; но когда праведникъ страдаетъ такимъ образомъ и умираетъ за грѣшниковъ, и не просто умираетъ, но умираетъ какъ злодѣй, и не только вмѣняется съ злодѣями, но еще своею смертію даруетъ намъ великія блага, которыхъ мы и не ожидали (потому что говорится: *да мы будемъ правда Божія о Немъ*), то какое слово, какой умъ можетъ достойно обнять и изобразить это? Праведника, говоритъ, (Богъ) сдѣлалъ грѣшникомъ, чтобы грѣшниковъ сдѣлать праведными. Но онъ и не то еще сказалъ, а гораздо болѣе, именно указалъ не состояніе только, а самое качество. Онъ не сказалъ: сдѣлалъ грѣшникомъ, но—*грѣхъ сотвори*; и не только не согрѣшившаго, но и *невѣдѣвшаго грѣха*; чтобы и мы были, не сказалъ—праведными, но—*правда*, и *правда Божія*. И дѣйствительно, эта правда есть Божія, когда мы оправдываемся не отъ дѣлъ,—потому что иначе надлежало бы быть безъ всякаго порока,—но благодатію, которая одна всякій грѣхъ уничтожаетъ. А это и отъ гордости удерживаетъ насъ,—такъ какъ все намъ даровано отъ Бога,—и вмѣстѣ съ тѣмъ показы-
479 ваетъ всю важность дарованнаго намъ. Первая правда отъ закона и отъ дѣлъ, а эта послѣдняя—*Божія правда*. Итакъ, обсудивъ все это, убоимся сказаннаго болѣе, нежели самой геенны, почтимъ дѣла (Божіи) выше, нежели самое царство небесное, и утвердимся въ мысли, что страшно—не мученія терпѣть, но грѣшить. Если бы (Богъ) и не наказалъ насъ, то намъ самимъ надлежало бы просить себѣ наказанія за то, что мы такъ неблагодарны оказались къ своему Благодѣтелю. Если сгорающій любовію къ женщинѣ, не получивъ взаимной любви отъ нея, часто

убиваетъ самого себя; а когда и получитъ, но въ чемъ-нибудь погрѣшитъ противъ возлюбленной, считаетъ себя недостойнымъ жизни,—то, оскорбляя столь человѣколюбиваго и милосердаго (Бога), не должны ли мы сами себя повергнуть въ огонь геенскій? Скажу еще нѣчто странное, чудное и, можетъ быть, для многихъ невѣроятное: болѣе будетъ утѣшенія тому, кто за оскорбленіе такого Человѣколюбца терпитъ наказаніе, если только онъ имѣетъ умъ и любитъ Владыку, какъ должно любить, нежели тому, кто не понесетъ наказанія.

4. Что это такъ, можно видѣть изъ общаго у насъ обычая. Въ самомъ дѣлѣ, когда кто-нибудь обидитъ любимаго человѣка, то болѣе всего успокаивается тогда, когда самъ попроситъ себѣ наказанія и перетерпитъ какую-нибудь обиду. Такъ объ этомъ и Давидъ говорилъ: *азъ* пастырь *есмь согрѣшивый, и азъ есмь пастырь зло сотворивый, а сіи овцы что сотвориша? Да будетъ рука Твоя на дому отца моего* (2 Цар. XXIV, 17). И когда онъ лишился Авессалома, то искалъ себѣ жесточайшаго наказанія,—хотя самъ былъ и не обидѣвшій, а обидимый; но такъ какъ сильно любилъ погибшаго, то самъ себя предалъ мученіямъ скорби, находя утѣшеніе себѣ въ этомъ. Такъ и мы должны наказывать самихъ себя, когда согрѣшаемъ противъ Того, противъ Котораго не должно грѣшить. Видите, какъ лишившіеся любимыхъ дѣтей терзаютъ себя, рвутъ на себѣ волосы, находя облегченіе своей скорби о возлюбленныхъ въ наказаніи самихъ себя? Если же и тогда, когда мы ничѣмъ не оскорбили возлюбленныхъ нашихъ, наше только злостраданіе о томъ, что они зло пострадали, приноситъ намъ утѣшеніе, то, когда мы сами оскорбили ихъ и совершили противъ нихъ неправду, не гораздо ли болѣе должно успокоить насъ несеніе наказанія, чѣмъ освобожденіе отъ наказанія? Это всякому извѣстно. Кто любитъ Христа, какъ должно любить, тотъ понимаетъ, что я говорю, т. е., что онъ самъ не потерпитъ остаться безъ наказанія, хотя бы (Христосъ) и простилъ его, такъ какъ одно оскорбленіе Его составляетъ уже величайшее наказаніе. Знаю, что я говорю невѣроятное для многихъ; однако, дѣло обстоитъ именно такъ, какъ я сказалъ. Если мы любимъ Христа, 480
какъ должно любить Его, то сами себя будемъ наказывать за грѣхи свои. Для любящихъ прискорбно не то, что за оскорбленіе любимаго они терпятъ какое-нибудь зло, но прежде всего самое оскорбленіе любимаго. И если этотъ послѣдній, прогнѣвавшись, не накажетъ перваго, то этимъ еще болѣе будетъ мучить его; а если накажетъ, то, напротивъ, успокоитъ и утѣшитъ его. Итакъ, будемъ страшиться не геенны, а оскорбленія Бога, потому что когда Богъ, въ гнѣвѣ Своемъ, отвратится отъ насъ, то это

будетъ тягче геенны, хуже всего, страшнѣе всего. А чтобы тебѣ болѣе увѣриться, насколько это худо, размысли о томъ, что я скажу. Если бы какой царь, видя наказываемаго какого-нибудь разбойника или другого преступника, отдалъ за него на смерть возлюбленнаго, единороднато, кровнаго и законнаго сына своего, съ тѣмъ, чтобы вмѣстѣ съ смертью и вина разбойника перенесена была на невиннаго сына его, и чтобы виновный чрезъ то и отъ наказанія былъ освобожденъ, и отъ безчестія избавленъ; если бы сверхъ того онъ возвелъ его на высшую степень достоинства; а столь необычайно получившій спасеніе и почтенный такою славою послѣ оскорбилъ бы своего благодѣтеля,—то не пожелалъ ли бы онъ, если только не потерялъ ума, лучше тысячу разъ умереть, чѣмъ оставаться виновнымъ въ такой неблагодарности? Такъ будемъ разсуждать и мы теперь, и горько плакать о томъ, что такъ неблагодарно оскорбляемъ Благодѣтеля своего. Не будемъ безпечно надѣяться на то, что Онъ оскорбляемый долготерпитъ; напротивъ, поэтому-то еще болѣе и будемъ сокрушаться. И у насъ—людей, если кто ударившему въ правую щеку подставитъ и лѣвую, мститъ этимъ больше, нежели когда бы взаимно ударилъ его тысячу разъ; равнымъ образомъ, и терпящій поношеніе, когда не только взаимно не поноситъ, но и благословляетъ поносящаго, этимъ гораздо сильнѣе уязвляетъ его, нежели взаимными безчисленными поношеніями. Если же мы такъ стыдимся людей, великодушно переносящихъ наши обиды, то не тѣмъ ли болѣе должны бояться Бога, когда непрестанно согрѣшаемъ, но не терпимъ за то никакого наказанія? Поистинѣ страшное наказаніе соблюдается на главу таковыхъ. Итакъ, помышляя объ этомъ, прежде всего убоимся грѣха, такъ какъ отъ него мученіе, отъ него геенна, отъ него всякое зло. И не только убоимся, но и будемъ убѣгать его, и стараться всегда благоугождать Богу. Въ этомъ и состоитъ царствіе, въ этомъ жизнь, въ этомъ тысячи благъ. Такимъ образомъ, мы еще и въ этой жизни пріобщимся царствія небеснаго и будущихъ благъ, которыя всѣ мы и да сподобимся получить благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XII.

Споспѣшествующе же и молимъ, не воттще благодать Божію пріяти вамъ. Глаголетъ бо: во время пріятно послушахъ тебе и въ день спасенія помогохъ ти (2 Кор. VI, 1, 2.) 481

1. Такъ какъ (апостолъ) сказалъ, что Богъ призываетъ, а мы только посланники отъ Него, которые молимъ, чтобы вы примирились съ Богомъ, то, чтобы (коринѳяне) не предались безпечности, онъ снова устрашаетъ ихъ и возбуждаетъ, говоря: *молимъ, не вотще благодать Божію пріяти вамъ*. Не будемъ, говоритъ, предаваться безпечности потому, что Богъ насъ призываетъ, и послалъ къ намъ посланниковъ. Напротивъ, поэтому-то самому и будемъ всячески стараться угодить Богу, и собрать сокровища духовныя (о чемъ онъ и выше говорилъ, когда сказалъ, что *любовь Божія обдержитъ насъ*, т. е. побуждаетъ, заставляетъ, нудитъ),—чтобы, послѣ такого попеченія, предавшись безпечности и не показавши ничего добраго, не лишиться вамъ столь великихъ благъ. Итакъ не думайте, что, если (Богъ) послалъ призывающихъ, это призываніе продолжится вѣчно. Оно продолжится только до второго пришествія; Онъ будетъ призывать, доколѣ мы находимся только здѣсь, а послѣ того судъ и мученіе. Это-то, говоритъ, и побуждаетъ насъ призывать васъ. Онъ часто возбуждаетъ вѣрующихъ не только величіемъ благъ и человѣколюбіемъ (Божіимъ), но и краткостію времени. Такъ въ другихъ посланіяхъ онъ говоритъ: *нынѣ бо ближайшее намъ спасеніе* (Рим. XIII, 12); и еще: *Господь близъ* (Филип. IV, 6). А здѣсь еще болѣе дѣлаетъ: побуждаетъ вѣрующихъ не только краткостію даннаго времени, но еще и тѣмъ, что это только время и благопріятно для спасенія. *Се нынѣ*, говоритъ, *время благопріятно*, *се день спасенія*. Не будемъ же терять благопріятнаго времени, но покажемъ достойное данной намъ благодати попеченіе. Потому, говоритъ, и мы сами спѣшимъ, зная и краткость, и благопріятность времени. Вотъ почему онъ сказалъ: *споспѣшествующе же и молимъ. Споспѣшествующе* вамъ, потому что мы помогаемъ болѣе вамъ, нежели Богу, отъ Котораго мы посланы. Онъ ни въ чемъ не имѣетъ нужды; все спасеніе распространяется на васъ. Впрочемъ, этимъ не отвергается и то, что (апостолы) были споспѣшники и Богу, какъ и говоритъ въ другомъ мѣстѣ: *Богу есмы споспѣшницы* (1 Кор. III, 9). Къ этому-то спасенію, говоритъ, мы и призываемъ васъ: *и молимъ*. Когда же Богъ призываетъ ко спасенію, то не просто призываетъ, но представляя на то права Свои, именно то,

что Онъ далъ Сына-праведника, невѣдѣвшаго грѣха, и за насъ грѣшниковъ содѣлалъ Его грѣхомъ, чтобы мы сдѣлались праведными. Тому, Кто имѣетъ столько правъ и есть Богъ, не слѣдовало бы и призывать, и притомъ людей непокорныхъ; напротивъ, намъ бы надлежало призывать Его каждый день. И однако Онъ призываетъ. Мы же, говоритъ, призывая, не можемъ отъ себя представить вамъ никакого права или благодѣянія, развѣ то одно, что умоляемъ васъ именемъ Бога, открывшаго вамъ столько благодѣяній. Умоляемъ же для того, чтобы вы при-
482 няли Его благодѣяніе и не отвергли дара. Итакъ, послушайте насъ—и не напрасно примите предлагаемую вамъ благодать. Чтобы (слушатели) не подумали, что примиреніе состоитъ только въ томъ, чтобы вѣровать въ Призывающаго, онъ требуетъ еще исправленія жизни, потому что, получивши прощеніе грѣховъ и примирившись (съ Богомъ), жить опять попрежнему значитъ то же, что снова возвратиться къ враждѣ и, въ разсужденіи жизни, напрасно принять благодать.

Благодать не спасетъ насъ при нечистой жизни; напротивъ, еще болѣе повредитъ намъ и усугубитъ грѣхи наши, если мы послѣ такого познанія и дара возвратимся къ прежнимъ беззаконіямъ. Впрочемъ (апостолъ) ясно пока еще не говоритъ этого, чтобы не сдѣлать слова своего тяжкимъ; а говоритъ только, что иначе мы не получимъ никакой пользы. Потомъ напоминаетъ пророчество, убѣждая тѣмъ и побуждая (коринѳянъ) подвигнуться, чтобы получить спасеніе. *Глаголетъ бо*, говоритъ, *во время пріятно послушахъ тебе, и въ день спасенія помогохъ ти. Се нынѣ время благопріятно, се день спасенія* (ст. 2). *Время благопріятно.* Какое это время? Время дара и благодати, въ которое не отчета въ грѣхахъ требуютъ, не осужденіе произносятъ, но съ прощеніемъ грѣховъ предлагаютъ и наслажденіе безчисленными благами,—оправданіе, освященіе и всѣ другія. Сколько надлежало бы трудиться, чтобы дождаться такого времени? Но вотъ безъ всякаго съ нашей стороны труда пришло это время, неся съ собою оставленіе всѣхъ прежде бывшихъ грѣховъ. Поэтому и называютъ его благопріятнымъ, такъ какъ (Господь) принимаетъ нынѣ и величайшихъ грѣшниковъ, и не только принимаетъ, но еще удостоиваетъ ихъ высочайшихъ почестей. Когда Царь пришелъ, то уже не суда время, но милости и спасенія. Потому и называетъ это время благопріятнымъ, доколѣ мы находимся въ подвигѣ, доколѣ работаемъ въ виноградникѣ, доколѣ остается одиннадцатый часъ.

2. Итакъ приступимъ къ подвигу, покажемъ жизнь добродѣтельную; къ тому же это и легко. Подвизающемуся въ такое время, въ которое излились столь великіе дары, столь великая

благодать, легко получить награду. И у земныхъ царей, во время торжествъ, когда они являются въ царскихъ одеждахъ, и мало потрудившійся получаетъ великіе дары; между тѣмъ какъ въ дни, когда они судятъ, требуется большая исправность и великое усиліе (чтобы получить что-нибудь). Поэтому и мы будемъ подвизаться въ столь благопріятное время, въ которое дается даръ. Нынѣ время благодати, Божіей благодати, когда легко можемъ получить вѣнцы. Если (Богъ) принялъ насъ обремененныхъ столькими грѣхами и простилъ, то не тѣмъ ли болѣе приметъ насъ, когда мы прощены уже, и когда привносимъ нѣчто и отъ себя. Далѣе, какъ и всегда дѣлаетъ (апостолъ), выставляя самого себя на сцену, чтобы съ него брали примѣръ, такъ дѣлаетъ онъ и здѣсь. Поэтому и присовокупляетъ: *ни едино ни въ чемъ же дающе претыканіе, да служеніе* наше *безпорочно будетъ* (ст. 3),—заимствуя убѣжденіе не отъ времени только, но и отъ примѣра тѣхъ, которые подвизались какъ должно. И смотри, какъ скромно это дѣлаетъ. Не сказалъ: глядите на насъ, а мы таковы-то; но, какъ бы 483
защищаясь противъ обвиненія, исчисляетъ свои (подвиги). И полагаетъ два отличительныхъ признака безпорочной жизни, первый: *ни едино ни въ чемъ же дающе*—не сказалъ обвиненіе, но что гораздо маловажнѣе—*претыканіе*,—т. е. никому не подавая и повода къ укоризнамъ противъ насъ,—*да служеніе* наше *безпорочно будетъ*,—чтобы кто не сталъ нападать (на это служеніе); и не сказалъ опять, чтобы кто не сталъ порицать или обвинять, но чтобы оно не подавало и случайнаго повода къ тому, чтобы кто-нибудь могъ порицать въ чемъ-нибудь. Второй признакъ: *но во всемъ представляюще себе, якоже Божія слуги* (ст. 4). Это гораздо выше (предыдущаго). Дѣйствительно, не одно и то же—быть свободнымъ отъ обвиненія, и устроить себя такъ, чтобы изъ всего видно было, что мы Божіи слуги; и не одно и то же—избѣжать порицанія, и быть достойнымъ похвалъ. Не сказалъ: являясь (φαινόμενοι), но: *представляюще себе* (συνιστῶντες), т. е. показывая (себя таковыми на дѣлѣ). Далѣе говоритъ и о томъ, какимъ образомъ они сдѣлались таковыми. Какимъ же? *Въ терпѣніи*, говоритъ, *мнозѣ*. Терпѣніе онъ положилъ основаніемъ благъ, почему и не просто сказалъ—въ терпѣніи, но—въ *терпѣніи мнозѣ*, чтобы показать его важность. Дѣйствительно, перетерпѣть одну какую-нибудь бѣду или двѣ—еще не великое дѣло; потому и перечисляетъ множество скорбей и искушеній, говоря: *въ скорбѣхъ, въ бѣдахъ* (ἀνάγκαις). Но скорбь еще болѣе увеличивается, когда нельзя уклониться отъ несчастій, и когда точно неизбѣжная какая необходимость требуетъ злостраданій. *Въ тѣснотахъ*,—т. е. или въ тѣснотахъ голода и другихъ необходимыхъ потреб-

ностей, или просто въ тѣснотахъ искушеній. *Въ ранахъ, въ темницахъ, въ нестроеніихъ* (ἀκαταστασίαις) (ст. 5). И каждое изъ нихъ само по себѣ тяжко: тяжко терпѣть бичеваніе, тяжко быть въ узахъ, тяжко не имѣть покоя отъ гоненій—это именно и значитъ *въ нестроеніихъ*; но когда постигаютъ всѣ эти скорби и притомъ сразу, то подумай, какая для этого потребна душа! Потомъ ко внѣшнимъ скорбямъ присовокупляетъ и тѣ, которыя отъ него собственно зависѣли: *въ трудѣхъ, въ бдѣніихъ, въ пощеніихъ, въ очищеніи* (ἁγνότητι). Этими словами онъ указываетъ на тѣ труды, которыми обременялъ себя, переходя съ мѣста на мѣсто, и дѣлая своими руками,—на тѣ ночи, въ которыя училъ, или трудился для себя, и со всѣмъ тѣмъ не забывая и поста, хотя и одни эти (подвиги) стоили не одной тысячи постовъ. А подъ *очищеніемъ* здѣсь онъ разумѣетъ или цѣломудріе, или чистоту во всемъ, или же нелюбостяжательность, или же то, что онъ даромъ проповѣдывалъ евангеліе. *Въ разумѣ* (γνώσει) (ст. 6). Что такое *въ разумѣ*? Въ мудрости, даруемой отъ Бога, которая истинно есть вѣдѣніе, а не какъ мнимые мудрецы, хвалящіеся внѣшнимъ образованіемъ, а этой истинной мудрости лишенные. *Въ долготерпѣніи, въ благости.* И это важное свидѣтельство мужественной и благородной души—великодушно переносить пораженія и удары, отовсюду наносимые. Далѣе, чтобы показать, какъ онъ сдѣлался таковымъ, присовокупилъ: *въ Дусѣ Святѣ.* Чрезъ Него, говоритъ, мы все это совершаемъ. Но смотри, гдѣ онъ поставилъ помощь отъ Св. Духа,—послѣ уже исчисленія своихъ подвиговъ. Мнѣ кажется, онъ хотѣлъ показать этимъ и нѣчто еще другое. Что же такое? То, что мы обильно исполнены Духа Святаго, и свое апостольство оправдываемъ и тѣмъ, что удостоились духовныхъ дарованій, такъ какъ хотя это зави-
484 ситъ и отъ благодати, тѣмъ не менѣе и самъ онъ былъ причиною, своими дѣлами и подвигами привлекши на себя благодать. Если же кто думаетъ, что сверхъ сказаннаго (апостолъ) выражаетъ этими словами еще и то, что онъ, въ употребленіи благодатныхъ даровъ, не подавалъ никому никакого соблазна,—думаю, и тотъ не не погрѣшитъ противъ смысла. Дѣйствительно, нѣкоторые (изъ коринѳянъ), получивъ даръ языковъ и возгордившись, тѣмъ подали поводъ къ осужденію себя, потому что получившій духовные дары можетъ и злоупотребить ими. Мы же, говоритъ, не таковы, но и *въ дусѣ*, т. е. въ дарованіяхъ, пребыли безпорочными. *Въ любви нелицемѣрнѣ.*

3. Вотъ что было причиною всѣхъ благъ (имъ пріобрѣтенныхъ); вотъ что сдѣлало его таковымъ, и сохраняло въ немъ Духа, дѣйствіемъ Котораго все у него совершалось. *Въ словеси*

истины (ст. 7), о чемъ онъ часто упоминаетъ, т. е. что мы возвѣщали слово Божіе безъ обмана и безъ поддѣлки. *Въ силѣ Божіей*. Какъ всегда онъ поступаетъ,—т. е. ничего не относитъ къ самому себѣ, но все усвояетъ Богу и Ему приписываетъ всѣ свои дѣйствія,—такъ дѣлаетъ и здѣсь. Такъ какъ онъ сказалъ о себѣ много великаго, именно то, что проводилъ жизнь неукоризненную во всемъ, и показывалъ въ себѣ высочайшую мудрость, то все это усвояетъ Духу и Богу. Дѣйствительно, сказанное имъ было необычайно. Если и живущему въ тишинѣ трудно сдѣлаться добродѣтельнымъ и непорочнымъ, то подумай, какая должна быть душа у того, кто, обуреваемый столь многими скорбями, всегда сіяетъ. Но онъ не это только претерпѣлъ, а и гораздо болѣе того, какъ увидимъ далѣе. И не только то удивительно, что онъ пребылъ безпечаленъ, обуреваемый такими волнами, и мужественно перенесъ все, но еще болѣе то, что все это (перенесъ) съ радостію, — какъ на это онъ ясно указываетъ далѣе, говоря: *оружіи правды десными и шуими*. Видишь ли, какое присутствіе духа, и какая сильная душа? Онъ показываетъ, что скорби—это оружія, которыя не только не низлагаютъ (терпящихъ ихъ), но и ограждаютъ и укрѣпляютъ. *Шуими* же онъ называетъ мнимыя (δοκοῦντα) скорби, потому что и эти имѣютъ свою награду. Почему же онъ такъ называетъ ихъ? Или потому, что говоритъ, сообразуясь съ понятіями другихъ, или потому, что Богъ повелѣлъ молиться и о томъ, чтобы не впасть въ искушеніе. *Славою и безчестіемъ, гажденіемъ и благохваленіемъ* (ст. 8). Что ты говоришь? Почитаешь за великое то, что пользуешься славою? Подлинно такъ, говоритъ. Почему же? Казалось бы, терпѣть безчестіе—великое дѣло; а для наслажденія славою требуется невеликая душа? Напротивъ, великая и весьма великая,—чтобы, пользуясь славою, не впасть въ гордость. Вотъ почему онъ и о славѣ думаетъ такъ же, какъ о безчестіи, потому что онъ равно сіялъ въ томъ и другомъ случаѣ. Но какимъ же образомъ (слава) бываетъ оружіемъ правды? Такимъ, что многіе, видя учителей благочестія въ славѣ, и сами возбуждаются къ благочестію; она свидѣтельствуетъ о добрыхъ дѣлахъ ихъ; такою славою прославляется и Богъ. И это есть дѣло премудрости Божіей, — чтобы проповѣданіе евангелія совершалось противными средствами. Смотри,— вотъ Павелъ былъ связанъ. И это было допущено для пользы евангелія: *яже о мнѣ*, говоритъ онъ, *паче во успѣхъ благовѣствованія пріидоша: и множайшіи братія надѣявшіися о узахъ моихъ, паче дерзаютъ безъ страха слово глаголати* (Филип. I, 12, 14). Былъ онъ и въ славѣ. И это опять усугубляло ревность вѣрующихъ. *Славою и безчестіемъ*. Онъ переносилъ мужественно не только тѣ- 485

лесныя скорби, которыя исчислилъ выше, но и собственно душевныя. А и эти скорби обыкновенно сильно возмущаютъ духъ. Іеремія перенесъ много искушенія; а отъ этихъ изнемогъ, и когда его злословили, говорилъ: не стану пророчествовать, и *не воспомяну имене Господня* (Іерем. xx, 9). И Давидъ часто жалуется на злословія. А Исаія, послѣ многихъ другихъ утѣшеній, успокаиваетъ (іудеевъ) еще такъ: *не бойтеся укоренія человѣча, и похуленію ихъ не покаряйтеся* (Ис. ы, 7). И Христосъ говоритъ ученикамъ: *егда рекутъ всякъ золъ глаголъ на вы лжуще, радуйтеся и веселитеся, яко мзда ваша многа на небесѣхъ* (Мѳ. v, 11, 12), а въ другомъ мѣстѣ прибавляется еще: *и взыграйте* (Лук. vi, 23). Онъ не положилъ бы такой награды, если бы подвигъ этотъ не былъ великъ. Въ тѣлесныхъ страданіяхъ болѣзнь души раздѣляетъ и тѣло, потому что и тѣло и душа страдаютъ вмѣстѣ; а здѣсь (страдаетъ) одна душа. Потому-то многіе пали отъ однѣхъ душевныхъ скорбей и погубили души свои. Оттого и для Іова укоризны друзей его казались тяжелѣе ранъ и червей (Іов. xix). Поистинѣ, нѣтъ ничего тягостнѣе для мучимыхъ скорбями, какъ слово, уязвляющее душу. Потому-то и (апостолъ), перечисляя труды и подвиги свои, полагаетъ и этотъ, говоря: *славою и безчестіемъ*. Такъ многіе и изъ іудеевъ не хотѣли вѣровать (въ Господа), только изъ опасенія лишиться славы въ народѣ. Они боялись не казней, но того, чтобы не выгнали ихъ изъ сонмищъ (Іоан. v, 42). Потому (и Господь) говорилъ имъ: *како вы можете вѣровати, славу другъ отъ друга пріемлюще* (Іоан. v, 44)? И многихъ можно бы указать, которые, презрѣвъ всѣ страданія, побѣждены были славою. *Яко лестцы, и истинни* (ст. 8). Это—то же, что и *гажденіемъ и благохваленіемъ. Яко незнаеми, и познаваеми*. Это — то же, что и *славою и безчестіемъ*. Для однихъ они были знаемы и достоуважаемы, для другихъ недостойны и того, чтобы знать ихъ. *Яко умирающе, и се живи есмы*, т. е. какъ приговоренные и осужденные на смерть,—что также составляло родъ безчестія.

4. А это сказалъ онъ для того, чтобы показать и неизреченную силу Божію, и ихъ терпѣніе. (Смотря по тому, говоритъ) какъ и до чего злобствовали противъ насъ враги наши, намъ непремѣнно надлежало бы умереть; такъ и всѣ думали; но Богъ спасалъ насъ отъ погибели. Далѣе, чтобы показать, для чего Богъ попускаетъ это, (апостолъ) продолжаетъ: *яко наказуеми* (παιδευόμενοι), а *не умерщвляеми*. Здѣсь онъ показываетъ, какая польза проистекаетъ отъ искушеній, еще прежде наградъ, и какъ сами враги невольно дѣлаются ихъ благодѣтелями. *Яко скорбяще, присно же радующеся* (ст. 10). Другіе, смотря на насъ, думаютъ,

что мы скорбимъ, между тѣмъ какъ мы не только не скорбимъ, но ощущаемъ самое высшее удовольствіе. И не просто сказалъ: радующеся, но прибавилъ—*присно*, т. е. всегда. Что можетъ срав- 486
ниться съ такою жизнію, въ которой по мѣрѣ несчастій увеличивается радость? *Яко нищи, а многи богатяще*. Нѣкоторые думаютъ, что здѣсь говорится о богатствѣ духовномъ, а я нахожу возможнымъ присовокупить и видимое богатство, потому что они и имъ обладали, поскольку чуднымъ нѣкоторымъ образомъ имѣли отверстыми для себя всѣ домы. Это (апостолъ) и подтверждаетъ далѣе, говоря: *яко ничтоже имуще, а вся содержаще*. Но какъ это возможно? Какъ возможно совмѣстить двѣ вещи совершенно противныя? Обладающій многимъ не имѣетъ ничего; а ничего не имѣющій владѣетъ всѣмъ! Однако не только въ этомъ, а и въ другихъ вещахъ часто одно противное производитъ другое противное. Если же тебѣ все еще кажется удивительнымъ, какъ возможно имѣть все тому, кто ничего не имѣетъ, то я представлю въ примѣръ самого (апостола), который повелѣвалъ всей вселенной, и былъ господиномъ не только ихъ имѣнія, но и самыхъ очей. *Аще бы было мощно*, писалъ онъ, *очеса ваша изверттѣше дали бысте ми* (Галат. IV, 15). Все же это говоритъ для того, чтобы научить насъ не смущаться человѣческими о насъ сужденіями,—хотя бы насъ называли льстецами, хотя бы не хотѣли и знать о насъ, хотя бы считали насъ преступниками, осужденными на смерть, хотя бы скорбящими, бѣдными, ничего не имѣющими, хотя бы (считали насъ) находящимися въ унынiи и тогда, когда мы радуемся,—потому что и для слѣпыхъ солнце не свѣтитъ, и безумнымъ неизвѣстны удовольствія мудрыхъ. Одни только вѣрные умѣютъ справедливо цѣнить дѣла, и радуются и скорбятъ не о томъ, о чемъ другіе. Если бы кто, не имѣя никакого понятія о состязаніяхъ, увидѣлъ бойца, хотя украшеннаго вѣнцомъ, но имѣющаго раны, то, не зная того удовольствія, которое приноситъ бойцу вѣнецъ, конечно сталъ бы думать только о томъ, что тотъ испытываетъ мучительную боль по причинѣ ранъ. Такъ и тѣ знаютъ только то, что мы претерпѣваемъ, а того не знаютъ, за какую цѣну претерпѣваемъ, и потому естественно думаютъ, что мы только страдаемъ; они видятъ только борьбу и бѣдствія, а наградъ, вѣнцовъ и основанія подвиговъ не видятъ. Итакъ, что же это было, чѣмъ владѣлъ Павелъ, когда говоритъ: *яко ничтоже имуще, а вся содержаще?* Блага земныя и духовныя. Въ самомъ дѣлѣ, кого какъ ангела принимали города, для кого готовы были исторгнуть и отдать свои очи, за кого готовы были положить свои головы,—какъ тотъ не былъ господиномъ и всего имъ принадлежащаго? Если же хочешь видѣть

его духовныя блага, то увидишь, что онъ и ими былъ весьма богатъ. Кто такъ близокъ былъ къ Царю всяческихъ, что Владыка ангеловъ сообщилъ ему сокровенныя тайны,—тотъ какъ не превосходилъ всѣхъ и обиліемъ (духовныхъ благъ), и какъ же не имѣлъ всего? Иначе ему такъ не повиновались бы демоны, и и не стали бы убѣгать отъ него съ такою поспѣшностію болѣзни и недуги. Такъ и мы, если что несемъ ради Христа, должны нести не только мужественно, но и съ радостію. Постимся ли мы,—будемъ веселы, какъ пиршествующіе. Терпимъ ли поношеніе,—будемъ ликовать, какъ осыпаемые похвалами. Истрачиваемъ ли мы имѣніе,—постараемся быть въ такомъ расположеніи
487 духа, какъ будто приращаемъ его. Отдаемъ ли что бѣднымъ,—будемъ думать, что мы пріобрѣтаемъ, потому что кто не съ такимъ расположеніемъ даетъ, тотъ нелегко и даетъ. Итакъ, когда ты хочешь раздавать отъ своего имущества, то не о томъ только думай, что ты расточаешь, но и о томъ, что гораздо болѣе пріобрѣтаешь; и о послѣднемъ даже прежде (думай), чѣмъ о первомъ. И не только при раздачѣ милостыни, но и во всякой добродѣтели помышляй не о суровости трудовъ, но о сладости наградъ; а прежде всего имѣй въ виду Господа нашего Іисуса, для Котораго предпринимаешь тѣ или другіе подвиги,—и ты легко выйдешь на подвиги, и въ радости проведешь все время жизни. Подлинно, ничто не приноситъ такого удовольствія, какъ добрая совѣсть. Вотъ почему Павелъ, и каждодневно уязвляемый скорбями, радовался и веселился, а нынѣ живущіе, и во снѣ не претерпѣвая ничего подобнаго, скорбятъ и унываютъ,—не отъ чего иного, какъ только оттого, что не имѣютъ любомудрой души. Иначе, скажи мнѣ, о чемъ ты плачешь? О томъ ли, что ты бѣденъ и терпишь недостатокъ въ необходимыхъ вещахъ? Но въ такомъ случаѣ больше о тебѣ нужно плакать,—не потому, что ты бѣденъ, а потому, что ты такъ малодушенъ; не потому, что у тебя нѣтъ денегъ, а потому, что ты такъ дорого цѣнишь ихъ. Павелъ умиралъ каждый день (1 Кор. XV, 31),—и не только не плакалъ, но еще и радовался. Онъ непрестанно боролся съ голодомъ,—и не только не скорбѣлъ, но и хвалился.

5. А ты оттого, что не имѣешь всего годового запаса, плачешь и терзаешь себя? Да, скажешь,—потому что онъ имѣлъ попеченіе только о себѣ, а я и о рабахъ, и о дѣтяхъ, и о женѣ. Напротивъ, онъ и одинъ заботился о нужномъ не для себя, но для всей вселенной. Ты заботишься объ одномъ домѣ, а онъ о такомъ множествѣ бѣдныхъ въ Іерусалимѣ, въ Македоніи и о всѣхъ неимущихъ—повсюду; заботился притомъ и о тѣхъ, которые давали, не менѣе, чѣмъ о тѣхъ, которые принимали. У него

была двойная забота о вселенной: и чтобы никто не терпѣлъ нужды въ вещахъ необходимыхъ, и чтобы всѣ обогащались духовными дарами. И тебѣ не причиняютъ такой скорби твои голодныя дѣти, какую причиняли ему дѣла всѣхъ вѣрующихъ. Что я говорю—вѣрующихъ? Онъ не былъ чуждъ заботы и о невѣрующихъ, напротивъ, до того былъ снѣдаемъ заботою о нихъ, что молился за нихъ, и желалъ быть отвергнутымъ самъ ради ихъ спасенія (Рим. IX, 3). А ты, хотя бы въ тысячу разъ увеличился голодъ, не рѣшился бы умереть ни за кого. И ты заботишься объ одной женѣ; а онъ о всѣхъ церквахъ въ цѣломъ мірѣ: у меня, говоритъ, *попеченіе всѣхъ церквей* (2 Кор. XI, 28). Итакъ, доколѣ будешь шутить, сравнивая себя съ Павломъ, и скоро ли перестанешь страдать такимъ малодушіемъ? Не тогда должно плакать, когда мы бѣдны, но когда грѣшимъ. Только это одно достойно слезъ, а все прочее достойно даже смѣха. Но я не объ этомъ одномъ печалюсь, скажешь, а еще и о томъ, что такой-то облеченъ властію, а я въ безчестіи и презрѣніи. Что же изъ этого? И блаженный Павелъ для многихъ казался безчестнымъ и достойнымъ презрѣнія. Но то былъ Павелъ, скажешь. Значитъ, слѣдовательнѣ, печаль твоя происходитъ не отъ свойства вещей, а отъ недостатка разсужденія. Итакъ, ты долженъ оплакивать не бѣдность свою, но себя, что находишься въ такомъ (жалкомъ ослѣпленіи). Вѣрнѣе же—не плачь и о себѣ, а лучше 459
исправься: не богатствъ ищи, а старайся о пріобрѣтеніи того, что болѣе, нежели безчисленныя богатства, дѣлаетъ насъ радостными, то есть любомудрія и добродѣтели. При нихъ и бѣдность будетъ безвредна; а безъ нихъ нѣтъ никакой пользы и отъ богатства. Въ самомъ дѣлѣ, скажи мнѣ, какую пользу получаютъ тѣ, которые изобилуютъ богатствомъ, а души имѣютъ бѣдныя? Не столько ты почитаешь себя несчастнымъ, сколько такой богачъ считаетъ себя таковымъ потому, что не имѣетъ у себя (богатства) всѣхъ. Пусть онъ не плачетъ такъ, какъ ты; но загляни въ его сердце, и ты увидишь тамъ вопли и воздыханія.

Хочешь ли, я покажу тебѣ твое богатство, чтобы ты пересталъ почитать блаженными имѣющихъ большое богатство? Видишь ли это небо, какъ оно прекрасно, какъ величественно, на какой высотѣ поставлено? Красотою его и онъ наслаждается не болѣе твоего, и не можетъ тебя лишить его, и все присвоить себѣ,—потому что оно создано сколько для него, столько же и для тебя. А что сказать о солнцѣ? И это блестящее и свѣтозарное свѣтило, увеселяющее взоръ нашъ, не для всѣхъ ли смертныхъ открыто, и не всѣ ли равно наслаждаются имъ, какъ богатые, такъ и бѣдные? И сводъ звѣздный, и кругъ луны—не

всѣмъ ли равно принадлежатъ? Даже, странно сказать, мы бѣдные пользуемся имъ болѣе, нежели они. Они, предаваясь безмѣрному пьянству и проводя жизнь въ пиршествахъ и непробудномъ снѣ, часто и не замѣчаютъ ихъ, находясь всегда подъ кровлею и любя жить во мракѣ; напротивъ, бѣдные находятся въ такомъ положеніи, что болѣе всѣхъ наслаждаются пріятностями этихъ стихій. Равнымъ образомъ, если будешь разсматривать воздухъ, повсюду разлитый, то увидишь, что бѣдные и имъ пользуются въ большемъ количествѣ и гораздо чистѣйшемъ видѣ. Путешественники и земледѣльцы болѣе наслаждаются имъ, нежели живущіе въ городахъ; а въ этихъ послѣднихъ опять ремесленники болѣе, чѣмъ тѣ, кто по цѣлымъ днямъ предается пьянству. А что сказать о землѣ? Не всѣмъ ли она равно открыта? Нѣтъ, говоришь. Почему же, скажи мнѣ? Потому что богатый и въ городѣ, получивъ во владѣніе большее количество десятинъ земли, окружаетъ ихъ длинными стѣнами, и въ поляхъ отрѣзаетъ себѣ большіе участки. Что же? Ужели потому, что онъ отрѣзываетъ ихъ одному себѣ, одинъ онъ и пользуется ими? Никакъ, хотя бы онъ владѣлъ тысячами участковъ. Плоды ихъ онъ поневолѣ долженъ раздѣлять между всѣми; пшеницу, вино и елей онъ тебѣ готовитъ, и вездѣ для тебя служитъ. И огромныя ограды и зданія, сопряженныя съ несказанными издержками, трудами и безпокойствами, онъ воздвигаетъ для твоей же пользы, получая отъ тебя за такую свою услугу только малое количество серебра. То же самое всякій можетъ увидѣть и въ баняхъ, и вездѣ, т. е. что богатые тратятъ и большія деньги, и обременены трудами и заботами, а бѣдные легко и спокойно пользуются плодами трудовъ ихъ за нѣсколько оволовъ. Такимъ образомъ (богатый) ничѣмъ не болѣе твоего пользуется землею, и не десять желудковъ наполняетъ и онъ, но одинъ, какъ и ты. Но онъ питается роскошнѣйшими яствами? И это не большое преимущество; напротивъ, и здѣсь ты найдешь для себя предпочтеніе. Въ самомъ дѣлѣ, это обиліе и богатство стола возбуждаютъ въ тебѣ зависть тѣмъ, что доставляютъ много удовольствія; но у бѣднаго удо-
489 вольствія еще больше, и сверхъ того онъ наслаждается также здоровьемъ. Развѣ тѣмъ только богатый превосходитъ бѣднаго, что дѣлаетъ свое тѣло болѣе слабымъ, и собираетъ въ себѣ большіе источники тяжкихъ болѣзней, потому что у бѣднаго все дѣлается согласно съ природою, а у богатаго, который не знаетъ мѣры, все ведетъ къ разслабленію и болѣзнямъ.

6. Если угодно, разсмотримъ это на примѣрѣ. Если бы нужно было натопить печь,—и одинъ накидалъ бы въ нее шелковыхъ одеждъ и тонкихъ, искусно вытканныхъ занавѣсокъ, а

другой, напротивъ, наложилъ бы дровъ дубовыхъ и сосновыхъ, то чѣмъ лучше сдѣлалъ бы первый сравнительно съ послѣднимъ? Ничѣмъ,—напротивъ, даже хуже. Что же (мы можемъ нѣсколько и измѣнить этотъ самый примѣръ)? Если бы одинъ сталъ топить печь дровами, а другой тѣлами,—у какой печи остановился бы ты съ бо́льшимъ удовольствіемъ, у той ли, которую топили бы дровами, или у той, которую тѣлами? Безъ сомнѣнія у той, которая топилась бы дровами, потому что она топится естественнымъ образомъ, и тѣмъ представляетъ пріятное зрѣлище для зрителей; а та, напротивъ, гарью и смрадомъ, дымомъ и зловоніемъ костей прогнала бы отъ себя всѣхъ. Ты ужасаешься, слыша это, и чувствуешь отвращеніе къ такой печи? Но таковы и утробы богатыхъ. Въ нихъ ты найдешь еще больше, чѣмъ въ той печи, и смрада, и зловонныхъ испареній, и отвратительнаго запаха, потому что все тѣло ихъ и каждая часть его отъ пресыщенія отзываются большою несваримостью желудка. Вѣдь когда естественная теплота обезсилена, не можетъ переварить всей пищи, то послѣдняя пробивается на поверхность тѣла, подобно дыму, и производитъ отвратительный запахъ. Съ чѣмъ бы еще сравнить утробы богатыхъ? А вы не оскорбляйтесь моими словами; но если говорю неправду, изобличайте меня. Итакъ, съ чѣмъ же бы еще сравнить ихъ? Сказаннаго же еще недостаточно для полнаго изображенія того, какъ они жалки. Вотъ я нашелъ и другое сравненіе. Какое же? Какъ въ сточныхъ канавахъ, когда непрестанно умножающіеся наносы навоза, травы, тростнику, кам- 490
ней и тины производятъ въ нихъ завалы, потокъ грязи вырывается наконецъ на поверхность,—такъ точно бываетъ и съ утробами богатыхъ: вслѣдствіе стѣсненія ихъ внизу, бо́льшая часть такихъ зловонныхъ потоковъ устремляются на верхъ. Но не такъ у бѣдныхъ. Напротивъ, утробы ихъ такъ же чисты отъ такихъ зловонныхъ излишествъ, какъ источники, разливающіе чистыя воды и наполняющіе ими сады и луга. Совсѣмъ не таковы утробы богатыхъ или—лучше—предающихся пиршествамъ. Онѣ исполнены вредной влаги, мокротъ, желчи, испорченной крови, гнилыхъ испареній и другихъ подобныхъ вещей. Потому-то никто изъ живущихъ роскошно не можетъ быть здоровымъ даже на краткое время, но проводитъ жизнь среди непрестанныхъ болѣзней. Въ виду этого я желалъ бы спросить ихъ: для чего намъ даны различныя снѣди? Для того ли, чтобы мы погибали отъ нихъ, или для того, чтобы ими питались? Для болѣзней, или для здравія? Для разслабленія, или подкрѣпленія? Очевидно, что для питанія, здоровья и подкрѣпленія. Для чего же вы злоупотребляете ими, создавая чрезъ нихъ для своего тѣла болѣзни и раз-

слабленіе? Напротивъ, бѣдный, питаясь простою пищею, пріобрѣтаетъ здоровье, крѣпость и силу. Итакъ не плачь, находясь въ бѣдности, этой матери здоровья; напротивъ, радуйся. И если хочешь быть богатымъ, презирай богатство. Подлинно, не въ томъ состоитъ богатство, чтобы имѣть богатство, но въ томъ, чтобы не заботиться о снисканіи его. Если мы такъ устроимъ себя, то и здѣсь будемъ богаче всѣхъ богатыхъ, и тамъ насладимся будущими благами, которыхъ всѣ мы и да сподобимся благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XIII.

489 **Уста наша отверзошася къ вамъ, коринѳяне, сердце наше распространися. Не тѣсно вмѣщаетеся въ насъ, утѣсняетеся же во утробахъ вашихъ (2. Кор. vi, 11, 12).**

1. (Апостолъ) сказалъ о своихъ искушеніяхъ и скорбяхъ: въ *терпѣніи*, говоритъ, *въ скорбехъ, въ бѣдахъ, въ тѣснотахъ, въ ранахъ, въ темницахъ, въ изгнаніихъ, въ трудѣхъ, въ бдѣніихъ*; показалъ, какъ они важны и благодѣтельны: *яко скорбяще*, говоритъ, *присно же радующеся: яко нищи, а многи богатяще: яко ничтоже имуще, а вся содержаще* (ст. 10); назвалъ ихъ оружіемъ: *яко наказуеми*, говоритъ, *а не умерщвляеми* (ст. 9); обнаружилъ въ нихъ великое о насъ попеченіе Божіе и Его силу: *да премножество*, говоритъ, *силы будетъ Божія, а не отъ насъ* (iv, 7); изобразилъ опасность своихъ подвиговъ: *всегда*, говоритъ, *мертвость Его носимъ* (ст. 10); и что эта мертвость служитъ яснымъ доказа-
490 тельствомъ воскресенія: *да и животъ Іисусовъ*, говоритъ, *явится въ мертвеннѣй плоти нашей* (ст. 11); сказалъ, чего онъ удостоенъ отъ Господа, и какое служеніе ему было ввѣрено: *по Христѣ*, говоритъ, *молимъ яко Богу молящему нами* (v, 20); и чего онъ былъ служитель, т. е. *не писмене, но Духу* (iii, 6); и что не только поэтому онъ достоинъ уваженія, но и ради самыхъ скорбей: *Богу*, говоритъ, *благодареніе всегда побѣдители насъ творящему* (ii, 14). Послѣ всего наконецъ онъ приступаетъ къ обличенію (коринѳянъ) въ томъ, что они мало имѣютъ расположенія къ нему. Впрочемъ, не тотчасъ начинаетъ обличать ихъ, но сперва говоритъ имъ о той любви, которую онъ всегда обнаруживалъ къ нимъ, а потомъ уже приступаетъ и къ обличенію. Хотя бы обличающій и по своимъ добродѣтелямъ заслуживалъ уваженіе слушателей, но его

слово принимаютъ охотнѣе, когда онъ вмѣстѣ показываетъ и любовь свою къ обличаемымъ. Вотъ почему и апостолъ, упомянувъ сперва о своихъ искушеніяхъ, трудахъ и подвигахъ, переходитъ къ слову о любви своей къ нимъ, и потомъ уже начинаетъ обличать ихъ. Какъ же онъ свидѣтельствуетъ любовь свою 491
къ нимъ? *Уста наша*, говоритъ, *отверзошася къ вамъ, коринѳяне* (ст. 11). Что же это за свидѣтельство любви? И что вообще значатъ эти слова? Мы не хотимъ, говоритъ, молчать предъ вами, но всегда желаемъ говорить и бесѣдовать съ вами. А такъ поступаютъ обычно любящіе. И что для тѣла объятіе рукъ, то для души дружественная бесѣда. Вмѣстѣ съ этимъ онъ намекаетъ здѣсь еще и на нѣчто другое. Что же именно? То (говоритъ), что мы откровенно бесѣдуемъ съ вами, какъ съ возлюбленными, ничего не утаивая отъ васъ и ничего не скрывая. Такъ какъ онъ приступаетъ къ обличенію ихъ, то какъ бы проситъ у нихъ извиненія въ томъ, дѣлая самое обличеніе, смѣло высказанное, доказательствомъ сильной любви къ нимъ. И самое наименованіе (*коринѳяне*) выражаетъ великую любовь, расположеніе и горячность (чувства). Извѣстно, что мы часто повторяемъ и одни имена тѣхъ, кого любимъ. *Сердце наше распространися*. Какъ теплота расширяетъ (предметы), такъ и любви свойственно расширять (сердце), потому что она есть такая добродѣтель, которая и горяча, и разгорячаетъ. Она разверзала и уста Павловы, и расширила сердце его. Не устами только, говоритъ, люблю васъ, но (съ устами) согласуется и сердце. Потому я и говорю смѣло, открытыми устами и отъ всего сердца.

Подлинно, нѣтъ ничего пространнѣе сердца Павлова; оно такъ горячо любило всѣхъ вѣрныхъ, какъ кто-нибудь (любитъ) своего друга, не раздробляя на части своей любви и оттого ослабѣвая, но пребывая въ каждомъ всецѣло. И удивительно ли, что Павелъ имѣлъ такую любовь къ вѣрнымъ, когда сердце его обнимало всю вселенную, и даже невѣрныхъ? Вотъ почему онъ и не сказалъ: я люблю васъ, но гораздо выразительнѣе: *уста наша отверзошася, сердце наше распространися*; мы всѣхъ имѣемъ въ сердцѣ и не кое-какъ, но съ большимъ просторомъ, потому что въ такомъ случаѣ любимый безъ всякой опасности помѣщается въ сердцѣ любящаго. Поэтому и говоритъ: *не тѣсно вмѣщаетеся въ насъ, утѣсняетеся же во утробахъ вашихъ* (ст. 12). Смотри, какъ онъ щадитъ и въ самыхъ обличеніяхъ. А это — свойство сильно любящихъ. Не сказалъ: вы не любите насъ, а (говоритъ только): не въ такой мѣрѣ (любите, какъ мы), — потому что не хочетъ сильно упрекать ихъ. Перечитывая его посланія, желающій и вездѣ можетъ увидѣть, до чего онъ любилъ вѣрующихъ. Къ

римлянамъ, напримѣръ, онъ пишетъ: весьма *желаю* (ἐπιποθῶ) *видѣти васъ* (I, 11); и еще: *множицею восхотѣхъ пріити къ вамъ* (ст. 13); также: *аще убо благопоспѣшенъ буду пріити къ вамъ* (ст. 10). А къ галатамъ пишетъ: *чадца моя, имиже паки болѣзную* (IV, 19). И опять къ ефесеямъ: *сего ради преклоняю колѣна моя за васъ* (III, 14). Къ филиппійцамъ же (написалъ такъ): *кто бо ми есть упованіе или радость, или вѣнецъ похваленія? Не и вы ли* (1 Сол. II, 19, Филип. IV, 1)?—и говорилъ, что онъ носитъ ихъ *въ сердцѣ и во узахъ* (Филип. I, 7). А къ колоссянамъ: *хощу же васъ видѣти, коликъ подвигъ имамъ о васъ, и елицы не видѣша мя во плоти, да утѣшатся сердца ваша* (II, 1); и къ ѳессалоникійцамъ: *якоже доилица грѣетъ своя чада,
492 тако желающе васъ благоволихомъ подати вамъ не точію благовѣствованіе, но и души своя* (1 Сол. II, 7, 8). Или Тимоѳею: *поминая слезы твоя, да радости исполнюся* (2 Тим. I, 4); также Титу: *присному* (ἀγαπητῷ) *чаду* (I, 4). Подобнымъ же образомъ и къ Филимону.

2. Много подобнаго пишетъ онъ и къ евреямъ, не переставая утѣшать ихъ подобно матери, уговаривающей печальныхъ дѣтей своихъ; *еще мало елико елико, грядый пріидетъ, и не укоснитъ* (Евр. X, 37). Съ тою же любовію и къ нимъ (коринѳянамъ) говоритъ: *не тѣсно вмѣщаетеся въ насъ*. Притомъ говоритъ, что не только онъ ихъ любитъ, но что и они любятъ его, желая этимъ еще болѣе привлечь ихъ къ себѣ. То же самое свидѣтельствуетъ онъ о нихъ, когда говоритъ, что пришелъ Титъ, *повѣдая намъ ваше желаніе, ваше рыданіе, вашу ревность* (2 Кор. VII, 6, 7). То же и галатамъ: *аще бы было мощно, очеса ваша извертѣвше дали бысте ми* (IV, 15); и ѳессалоникійцамъ: *каковъ входъ имѣхомъ къ вамъ* (1 Сол. I, 9); и Тимоѳею: *поминаю слезы твоя, да радости исполнюся* (2 Тим. I, 4). И вездѣ въ посланіяхъ его всякій можетъ найти свидѣтельства любви его къ ученикамъ своимъ и ихъ любви къ нему, хотя и не равной. Такъ и въ настоящемъ посланіи говоритъ онъ: *аще и излишше васъ любя, менше любимь есмь* (XII, 15). Но такъ говоритъ онъ уже въ концѣ (посланія); а здѣсь еще сильнѣе: *не тѣсно вмѣщаетеся въ насъ, утѣсняетеся же во утробахъ вашихъ*. Вы пріемлете, говоритъ, одного, а я — цѣлый городъ и столь многочисленный народъ. Не сказалъ опять — не пріемлете насъ, но—*утѣсняетеся;* этими словами онъ указалъ на то же, но только снисходительнѣе, чтобы обличеніе было не слишкомъ жестоко. *Тожде же возмездіе, якоже чадомъ глаголю, распространитеся и вы* (ст. 13). И хотя не одно и то же— прежде самому быть любимымъ, а потомъ уже любить другихъ, потому что возлюбившій послѣ, хотя бы и равною платилъ любовію, по тому уже самому стоитъ ниже, что другой предварилъ

его любовію,—но я не вхожу, говоритъ, въ строгое разысканіе; для меня довольно, если вы, взявъ съ меня примѣръ, покажете ту же мѣру любви, какою я люблю васъ. Потомъ, чтобы показать, какъ это нужно для нихъ, и какъ слова его чужды всякаго ласкательства, прибавляетъ: *якоже чадомъ глаголю*. Что же значитъ: *якоже чадомъ?* Это значитъ — ничего болѣе не прошу отъ васъ, кромѣ вашей любви ко мнѣ, какъ отцу.

И замѣть благоразуміе и смиренномудріе (апостола). Онъ не говоритъ уже здѣсь о бѣдствіяхъ, какія претерпѣлъ за нихъ, о своихъ трудахъ, о смертныхъ опасностяхъ, хотя бы и много могъ сказать,—такъ онъ чуждъ гордости!—но говоритъ только о любви своей, и проситъ отъ нихъ взаимной любви,—за то, что я, говоритъ, отецъ вашъ, и сильно люблю васъ. Пользующагося любовію иногда очень раздражаетъ то, что ему напоминаютъ о благодѣяніяхъ,—потому что онъ видитъ въ этомъ упрекъ себѣ. Поэтому Павелъ и не дѣлаетъ такъ, а только говоритъ: возлюбите меня какъ дѣти отца, — что гораздо ближе къ природѣ (человѣческой), и составляетъ долгъ каждаго въ отношеніи къ отцу. Потомъ, чтобы кто не подумалъ, что онъ говоритъ это для своей пользы, показываетъ далѣе, что онъ для ихъ же блага желаетъ снискать любовь ихъ къ себѣ, — почему и присовокупляетъ: *не бывайте преложни ко иному ярму, якоже невѣрніи* (ст. 14). Не ска- 493
залъ—не смѣшивайтесь съ невѣрными; но, чтобы сильнѣе обличить ихъ какъ нарушителей правды, говоритъ: не уклоняйтесь (на ихъ пути). *Кое бо причастіе правдѣ къ беззаконію?* Здѣсь онъ дѣлаетъ различеніе уже не между своею любовію и любовію тѣхъ, которые растлѣвали коринѳянъ, но между благородствомъ послѣднихъ и низостью первыхъ. Отъ этого и рѣчь его сдѣлалась важнѣе и сообразнѣе съ его достоинствомъ, а для коринѳянъ привлекательнѣе. Если бы сыну, не почитающему своихъ родителей и предающемуся людямъ развратнымъ, кто-нибудь сказалъ: что ты дѣлаешь, дитя? ты презираешь своего отца, и предпочитаешь ему людей развратныхъ и преданныхъ всякому нечестію? ужели ты не знаешь, сколько ты лучше ихъ и благороднѣе?—то такими словами онъ лучше бы отклонилъ его отъ общенія съ ними, чѣмъ когда бы сталъ восхвалять только отца. Такъ, если бы онъ сказалъ: ужели ты не знаешь, насколько отецъ твой лучше ихъ? — то этимъ ничего бы не сдѣлалъ. Напротивъ, если онъ, оставивъ отца, укажетъ на превосходство предъ ними самого сына, говоря: ужели ты не знаешь, кто ты и кто они? какъ ты не подумаешь о своемъ благородствѣ и свободномъ происхожденіи, а ихъ низости? что у тебя общаго съ такими ворами, прелюбодѣями, разбойниками?—то, какъ бы окры-

ливъ его такими похвалами, онъ легко расположитъ его къ тому, чтобы онъ оставилъ сообщество съ ними. Первыя увѣщанія онъ не такъ легко приметъ потому, что восхваленіе отца будетъ служить уже обвиненіемъ, поскольку именно въ этомъ случаѣ онъ представляется оскорбителемъ не только отца, но и такого именно отца; здѣсь же онъ ничего подобнаго не услышитъ. Притомъ, кто не любитъ похвалы? И потому самое обличеніе, соединенное съ похвалою слушателя, бываетъ удобопріемлемѣе. Оно смягчаетъ, возвышаетъ духъ и заставляетъ гнушаться сообществомъ съ худыми людьми. Но здѣсь достойно удивленія не только такое различеніе, но и то, что придумалъ нѣчто большее для возбужденія въ нихъ страха. Сперва именно онъ ведетъ рѣчь свою чрезъ вопросы, что обыкновенно бываетъ тогда, когда говорится о чемъ-нибудь для всѣхъ извѣстномъ и очевидномъ; потомъ же распространяетъ ее многими и различными наименованіями. Не одно, въ самомъ дѣлѣ, не два и не три, но многія наименованія (сравниваемыхъ) вещей полагаетъ предъ глазами слушателей, чтобы съ одной стороны изобразить высоту добродѣтели, а съ другой—крайнюю низость порока, и чрезъ великое, даже безконечное между ними разстояніе показываетъ, что дѣло не требуетъ болѣе никакого доказательства. *Кое бо*, говоритъ, *причастіе правдѣ къ беззаконію? Кое же общеніе свѣту ко тьмѣ? Кое же согласіе Христови съ Веліаромъ? Или кая часть вѣрну съ невѣрнымъ? Или кое сложеніе церкви Божіей со идолы* (ст. 15, 16)?

3. Смотри, какія простыя, а между тѣмъ достаточныя слова употребляетъ (апостолъ) для отвращенія (коринѳянъ отъ ярма невѣрныхъ). Не сказалъ онъ: (какое общеніе у праведности) съ противозаконіемъ (παρανομίᾳ), но гораздо сильнѣе (съ беззаконіемъ—ἀνομίᾳ). Равнымъ образомъ не сказалъ: (какое общеніе) у находящихся во свѣтѣ съ пребывающими во тьмѣ, но противополагаетъ самыя вещи, противныя между собой и одна другую отвергающія, т. е. свѣтъ и тьму. Не сказалъ также: (какое согласіе) между послѣдователями Христа и чадами діавола, но — что гораздо большую обнаруживаетъ противоположность—между Христомъ и
494 Веліаромъ,—еврейскимъ именемъ назвавъ этого отступника. *Или кая часть вѣрну съ невѣрнымъ?* Чтобы кто не подумалъ, что онъ просто лишь обвиняетъ зло и похваляетъ добродѣтель, онъ здѣсь указываетъ уже и лица, хотя и неопредѣленно. И не сказалъ: какое общеніе, но—какія награды, назвавъ ихъ частію (μερίς). *Кое сложеніе церкви Божіей со идолы? Вы бо есте* церковь *Бога жива.* Смыслъ этихъ словъ такой. Царь вашъ не имѣетъ ничего общаго съ діаволомъ (*кое бо согласіе Христови съ Веліаромъ?*); ничего общаго не имѣютъ между собою и дѣла ихъ: *кое бо общеніе свѣту*

ко тьмѣ? Потому и у васъ не должно быть никакого общенія съ нимъ (діаволомъ). Апостолъ прежде указываетъ на царя, а потомъ уже на нихъ,—чтобы тѣмъ скорѣе отвлечь ихъ отъ діавола. Далѣе, сказавъ: (*кое сложеніе*) *церкви Божіей со идолы* и присовокупивъ: *вы бо есте* церковь *Бога жива*, (апостолъ) почелъ нужнымъ привести и свидѣтельство на это, желая показать, что эти слова не простая лесть,—такъ какъ кто хвалитъ, не представляя на то причинъ, о такомъ могутъ подумать, что онъ льститъ. Какое же (онъ приводитъ) свидѣтельство? *Вселюся въ нихъ и похожду*,—т. е. вселюся въ храмахъ этихъ и въ нихъ буду ходить, показывая тѣмъ великое къ нимъ благоволеніе,—*и будутъ Мнѣ въ людіе, и Я буду имъ* въ Бога (Лев. xxvi, 12). Для чего же, говоритъ, ты, нося въ себѣ Бога, бѣжишь къ идоламъ,—Бога, Который не имѣетъ съ ними ничего общаго? Такой поступокъ достоинъ ли какого-нибудь извиненія? Помысли, кто въ тебѣ живетъ и обитаетъ съ тобою. *Тѣмже изыдите отъ среды ихъ и отлучитеся, и нечистотѣ не прикасайтеся: и Азъ пріиму вы, глаголетъ Господь* (ст. 17). Не сказалъ: не творите нечистоты; но, требуя отъ нихъ большой точности, сказалъ: даже не прикасайтесь и не приближайтесь къ ней. Что же составляетъ нечистоту плотскую? Блудъ, прелюбодѣяніе и всякое плотоугодіе. А душевную? Нечистые помыслы, сладострастный взоръ, памятозлобіе, обманы и тому подобное. Онъ желаетъ, чтобы мы были чисты и отъ той и отъ другой нечистоты. Смотри, вотъ и награда за то,—отдѣленіе отъ нечестивыхъ и соединеніе съ Богомъ. Но послушай еще далѣе: и *буду вамъ во отца*, и *вы будете Мнѣ въ сыны и дщери, глаголетъ Господь* (Іерем. III, 19). Видишь, какъ пророкъ издревле уже предсказалъ о настоящемъ благородствѣ нашемъ, т. е. о возрожденіи благодатію. *Сицева убо имуще обѣтованія, о возлюбленніи* (vii, 1). Какія? То, что мы сдѣлались храмами для Бога, сынами и дщерями Его, что Онъ вселяется и обитаетъ въ насъ, что мы стали Его народомъ и Его имѣемъ Богомъ и Отцомъ своимъ. *Очистимъ себе отъ всякія скверны плоти и духа*,—не будемъ прикасаться къ нечистотѣ,—это именно и означаетъ *скверна плоти*,—и къ тому, что грязнитъ душу,—это именно и значитъ *скверна духа*. Этимъ однимъ однако онъ еще не довольствуется, и потому присовокупляетъ: *творяще святыню въ страсѣ Божіи*. Одно неприкосновеніе къ нечистому еще не дѣлаетъ чистымъ; чтобы сдѣлаться намъ святыми, для этого потребно и нѣчто другое,—именно ревность, бодрствованіе и благочестіе. И хорошо сказалъ онъ: *въ страсѣ Божіи*, потому что можно сохранять цѣломудріе и не въ страхѣ Божіемъ, но для суетной славы. Впрочемъ, онъ имѣлъ еще и другое въ виду, когда сказалъ: *въ*

страсѣ Божіи, именно—способъ, которымъ достигается святость. Дѣйствительно, какъ ни велика сила похоти, но если ты оградишь себя страхомъ Божіимъ, то побѣдишь ея неистовство. Подъ *святынею* же онъ разумѣетъ здѣсь не одно цѣломудріе, но и удаленіе отъ всякаго грѣха, потому что святъ тотъ, кто чистъ, а чистъ не тотъ, кто не творитъ только блуда, но кто чуждъ вмѣстѣ и сребролюбія, и зависти, и надменности, и тщеславія,—особенно же тщеславія, котораго и всегда нужно убѣгать, а болѣе всего при подаяніи милостыни. Милостыня, зараженная этой болѣзнію, перестаетъ быть уже и милостыней, а является хвастовствомъ и жестокосердіемъ.

Дѣйствительно, когда ты подаешь милостыню не изъ милосердія, но для того, чтобы показать себя, тогда она не только не есть милостыня, но даже является обидой, потому что ты выставляешь на позоръ своего брата. Милостыня состоитъ не въ томъ, чтобы только давать деньги, но чтобы давать съ чувствомъ милосердія. И на зрѣлищахъ даютъ деньги—и распутнымъ отрокамъ и другимъ появляющимся на сценѣ; но это не милостыня. И блудники даютъ деньги блудницамъ; но это—дѣло не человѣколюбія, а пьянаго безчинства. Имъ-то подобенъ и тотъ, кто (подаетъ милостыню) изъ тщеславія. Подобно тому какъ оскверняющійся съ блудницею даетъ ей награду за наносимую ей обиду, такъ и ты, подавая милостыню изъ тщеславія, только награждаешь принимающаго ее отъ тебя за причиняемую ему обиду, и чрезъ это создаешь и себѣ и ему худую славу, а отсюда невыразимый вредъ. Какъ лютый звѣрь и бѣшеный песъ нападаютъ на всѣхъ, такъ этотъ злой недугъ безчеловѣчія похищаетъ у насъ наши блага. Такая милостыня, подлинно, есть безчеловѣчіе и жестокость, или еще хуже того. Жестокосердый только самъ не подаетъ просящему, а ты хуже его дѣлаешь, — ты препятствуешь подавать желающимъ подать. Въ самомъ дѣлѣ, когда ты всѣмъ выставляешь напоказъ свое подаяніе, то этимъ приводишь въ сомнѣніе бѣдность принимающаго даръ твой, и тѣмъ удерживаешь отъ подаянія намѣревающагося подать, особенно если онъ человѣкъ легкомысленный. Такой человѣкъ уже не подаетъ просящему, какъ уже получившему подаяніе и не особенно нуждающемуся, и мало того — еще будетъ порицать его и обличать въ безстыдствѣ, когда онъ, получивъ отъ тебя милостыню, придетъ и къ нему просить.

4. Итакъ, какая это милостыня, когда ты безчестишь ею и себя и того, кто получилъ ее, а еще болѣе Того, кто повелѣлъ творить ее, такъ какъ не довольствуешься тѣмъ, что самъ (Богъ) видитъ милостыню твою, и требуешь еще, чтобы и глаза собра-

тій твоихъ обращены были на нее, и такимъ образомъ преступаешь данную отъ Него заповѣдь, запрещающую поступать такъ. Желалъ бы я побесѣдовать съ вами и о другихъ добрыхъ дѣлахъ, и о постѣ, и о молитвѣ,—чтобы показать, какъ и здѣсь пагубно тщеславіе; но я вспомнилъ, что въ прошедшей бесѣдѣ не совсѣмъ окончилъ предложенное тамъ, очень нужное слово. О чемъ же тамъ было слово? Разсуждая о здоровьѣ и удовольствіяхъ, я говорилъ тамъ, что бѣдные имѣютъ преимущество предъ богатыми въ потребностяхъ жизни, и это доказано было ясно. Теперь покажемъ, что бѣдные преимуществуютъ предъ богатыми не только въ житейскихъ вещахъ, но и въ духовныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, что вводитъ въ царствіе Божіе—богатство или бѣдность? Послушаемъ, что говоритъ объ этомъ самъ небесный Владыка. О богатыхъ онъ говоритъ, что удобнѣе верблюду пройти сквозь иглиныя уши, нежели богатому въ царствіе Божіе (Мѳ. xix, 24); а о бѣдныхъ сказалъ напротивъ: *аще хощеши совершенъ быти, продаждь имѣніе твое, и даждь нищимъ, и гряди въ слѣдъ Мене: и имѣти имаши сокровище на* небесахъ (Мѳ. xix, 21). 496
Но если угодно, мы и съ другой стороны покажемъ истину сказаннаго. *Узкій и тѣсный путь*, говоритъ (Писаніе), *вводяй въ животъ* (Мѳ. vii, 14). Но кто идетъ узкимъ путемъ: тотъ ли, кто проводитъ жизнь въ удовольствіяхъ, или кто въ бѣдности? Тотъ ли, кто идетъ безъ всякой ноши, или тотъ, кто несетъ на себѣ тысячу тяжестей? Изнѣженный и безпечный, или заботливый и старательный? Но что пользы въ умствованіяхъ? Лучше перейдемъ къ примѣрамъ. Лазарь былъ бѣденъ, и очень бѣденъ, а богатый проходилъ мимо него, когда онъ лежалъ у воротъ (богатаго). Кто же изъ нихъ взошелъ въ царство (небесное), и обрѣлъ покой въ нѣдрахъ Авраамовыхъ? Кто, напротивъ, мучился въ огнѣ, и не могъ испросить даже капли воды? Но ты скажешь, что и изъ бѣдныхъ многіе погибнутъ, и изъ богатыхъ многіе будутъ наслаждаться тѣми неизреченными благами. Напротивъ, должно знать, что только малое число богатыхъ спасется, а бѣдныхъ гораздо болѣе. Разсмотри и изслѣдуй тщательнѣе препятствія (къ спасенію) со стороны богатства и пороки бѣдности,—хотя тѣ и другіе собственно зависятъ ни отъ богатства, ни отъ бѣдности, а отъ тѣхъ, которымъ достались въ удѣлъ богатство или бѣдность; но посмотримъ все же, какое оружіе удобнѣе. Итакъ, какой порокъ кажется свойственнымъ бѣдности? Ложь. Какой (свойственнѣе) богатству? Гордость, которая есть мать пороковъ, отъ которой и діаволъ сдѣлался діаволомъ, не будучи таковымъ прежде. Опять, корень всѣхъ золъ сребролюбіе (1 Тим. vi, 10). Но кто стоитъ ближе къ этому корню—богатый или бѣд-

ный? Не очевидно ли, что богатый? Вѣдь чѣмъ большимъ кто окруженъ (богатствомъ), тѣмъ большаго еще желаетъ. Опять, тщеславіе губитъ безчисленныя добродѣтели. А богатый и къ нему тоже обитаетъ поблизости. Но почему же ты, скажутъ, ничего не говоришь о скорбяхъ и стѣсненномъ состояніи бѣднаго? Потому, что это удѣлъ и богатаго и даже еще болѣе, чѣмъ бѣднаго, такъ что несчастія, соединенныя повидимому съ бѣдностью, общи и бѣднымъ и богатымъ, между тѣмъ какъ несчастія богатаго угнетаютъ его одного. Но что (можно отвѣтить), скажутъ, на то, что бѣдный отъ недостатка необходимыхъ потребностей совершаетъ много злодѣяній? То, что никто изъ бѣдныхъ, никто не дѣлаетъ столько злодѣяній отъ бѣдности, сколько совершаютъ ихъ богатые, изъ желанія большаго богатства и изъ опасенія, чтобы не потерять уже хранящагося у нихъ. Въ самомъ дѣлѣ, не столько бѣдный желаетъ необходимаго для себя, сколько богатый излишняго, да и столько силъ опять съ совершенію зла онъ не имѣетъ, сколько богатый. Такимъ образомъ, если богатый и больше желаетъ зла и больше можетъ сдѣлать его, то очевидно, что онъ и дѣйствительно больше сдѣлаетъ. Не такъ бѣдный боится голода, какъ богатый трепещетъ, какъ бы не лишиться своихъ сокровищъ, и мучится оттого, что еще не завладѣлъ богатствами всего міра. Итакъ, когда богатый близокъ къ тщеславію, гордости и сребролюбію, которое есть корень всѣхъ золъ, то какую будетъ имѣть онъ надежду на спасеніе, если не покажетъ въ себѣ великаго любомудрія? Какъ онъ рѣшится шествовать тѣснымъ путемъ? Не будемъ же, поэтому, идти за мнѣніемъ толпы, а будемъ изслѣдовать самыя вещи. Если мы не довѣряемся другимъ, когда дѣло идетъ о деньгахъ, а сами пересчитываемъ и пересматриваемъ ихъ, то не безразсудно ли было бы просто слѣдовать мнѣнію другихъ въ опредѣленіи достоинства дѣлъ нашихъ,—и притомъ не взирая на то, что мы имѣемъ
497—498 для этого вѣрные вѣсы, вѣрный образецъ и вѣрное правило—судъ божественныхъ законовъ? Потому прошу и умоляю всѣхъ васъ,—не обращая вниманія на то, какъ объ этомъ думаетъ тотъ или другой, узнавайте все это изъ святыхъ Писаній, и узнавъ изъ нихъ, въ чемъ состоитъ истинное богатство, будемъ стараться о снисканіи его, чтобы чрезъ то достигнуть намъ и вѣчныхъ благъ, которыхъ и да сподобимся всѣ мы благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XIV.

Вмѣстите ны: ни единаго обидѣхомъ, ни единаго истлихомъ, ни единаго лихоимствовахомъ. Не на осужденіе глаголю: прежде бо рѣхъ, яко въ сердцахъ нашихъ есте, во еже умрети съ вами и сожити (2 Кор. VII, 2, 3). 497

1. (Апостолъ) опять говоритъ о любви, умѣряя строгость обличенія. Такъ какъ онъ обличилъ и укорилъ ихъ въ томъ, что, будучи любимы имъ, они не отвѣчаютъ ему такою же любовію, напротивъ, отпали отъ любви его, и предались людямъ зловреднымъ,—то теперь смягчаетъ строгость укоризнъ своихъ, говоря: *вмѣстите ны*, т. е. любите насъ; проситъ у нихъ маловажной милости, которая приноситъ болѣе пользы оказывающимъ ее, нежели принимающимъ. И не сказалъ—любите насъ, но, какъ бы вызывая состраданіе, говоритъ: *вмѣстите*. Кто, говоритъ, насъ удалилъ? Кто исторгнулъ изъ мыслей вашихъ? Почему вытѣсняете насъ изъ сердецъ вашихъ? Выше онъ сказалъ: *утѣсняетеся во утробахъ вашихъ* (VI, 12), а здѣсь выражаетъ то же самое яснѣе словами: *вмѣстите ны*. И этимъ опять привлекаетъ ихъ къ себѣ, потому что ничто такъ не возбуждаетъ любви, какъ наблюденіе любимаго, что любящій сильно желаетъ любви его. *Ни единаго обидѣхомъ*. Смотри, онъ опять умалчиваетъ о своихъ благодѣяніяхъ, но другимъ образомъ и смягчаетъ, и вмѣстѣ усиливаетъ свое слово. Вмѣстѣ съ тѣмъ, говоря: *ни единаго обидѣхомъ, ни единаго истлихомъ, ни единаго лихоимствовахомъ*, онъ указываетъ и на лжеапостоловъ. Что значитъ: *истлихомъ?* То есть, никого не обольстили, какъ и въ другомъ мѣстѣ говоритъ: *да не како, якоже змій Еву прельсти, тако истлѣютъ разумы ваша* (2 Кор. XI, 3). *Ни единаго лихоимствовахомъ*, то есть, ни у кого ничего не похитили, ни съ кѣмъ не поступали коварно. Не говоритъ еще: мы оказали вамъ тѣ и другія благодѣянія, но, чтобы болѣе пристыдить ихъ, говоритъ: *не обидѣхомъ*. Какъ бы такъ говоритъ: если бы мы и никакого не оказали вамъ благодѣянія, и тогда вамъ не надлежало бы отвращаться отъ насъ, потому что вы ни въ маломъ, ни въ большомъ не можете обвинить насъ. Но, чувствуя, что сказанное имъ можетъ показаться тяжкимъ, онъ опять смягчаетъ (свое слово). Впрочемъ и не совсѣмъ умолкъ (отъ обличенія), потому что тогда онъ не исправилъ бы ихъ; и не оставилъ слова своего несмягченнымъ, чтобы не оскорбить ихъ чрезъ мѣру. Что же говоритъ? *Не на осужденіе глаголю*. Изъ чего же это видно? *Прежде бо рѣхъ, яко въ сердцахъ нашихъ есте, во еже умрети съ вами и сожити*. Подлинно весьма велика такая любовь, что, будучи

даже ими презираемъ, готовъ и умереть и жить вмѣстѣ съ ними.
498 Не просто, говоритъ, вы находитесь въ сердцахъ нашихъ, но такъ, какъ я сказалъ. Можно и любить, и избѣгать опасностей; но не такъ любимъ мы.

Смотри, сколько и здѣсь дивнаго благоразумія! Онъ не упомянулъ о томъ, что сдѣлалъ уже для нихъ, чтобъ не сочли этого опять за упрекъ, но обѣщаетъ имъ благодѣянія въ будущемъ. Ежели бы, говоритъ, постигло васъ какое бѣдствіе, то я готовъ все терпѣть за васъ. Для меня ни смерть, ни жизнь, сами по себѣ, не важны; но быть тамъ, гдѣ вы, для меня предпочтительнѣе; съ вами и смерть лучше жизни, и жизнь лучше смерти. Что умереть за другого есть дѣло любви, это несомнѣнно; но жить—кто этого не пожелаетъ, даже и не будучи другомъ? Почему же онъ и желаніе жить выставляетъ какъ дѣло великое? Потому что и дѣйствительно оно весьма великое. Въ самомъ дѣлѣ, о страждущихъ друзьяхъ своихъ многіе соболѣзнуютъ; а когда они благоденствуютъ, то уже не радуются съ ними, но еще и завидуютъ. Мы же не таковы (говоритъ апостолъ). Если вы подвергнетесь бѣдствію, мы не устрашимся раздѣлить съ вами ваше несчастіе; если будете благоденствовать, не станемъ завидовать. Потомъ, въ виду того, что выше онъ непрестанно повторялъ одно и то же, говоря: *не тѣсно вмѣщаетеся въ насъ*; *утѣсняетеся во утробахъ вашихъ*; *вмѣстите ны; распротранитеся и вы*; и: *ни единаго обидѣхомъ*; а все это, повидимому, клонилось къ ихъ осужденію,—то смотри, какой новый способъ употребляетъ онъ, чтобы смягчить тяжесть (этихъ укоризнъ). *Много ми дерзновеніе къ вамъ* (ст. 4). Потому, говоритъ, я осмѣливаюсь на это, что говорю не къ осужденію вашему, но по великой надеждѣ на васъ. То же самое выражаетъ онъ и выше, говоря: *многа ми похвала о васъ*. Не подумайте, что когда я говорю такъ, то говорю, совсѣмъ уже осуждая васъ, потому что я весьма горжусь и хвалюсь вами; напротивъ, говорю это изъ заботливости, желая, чтобы вы больше успѣли въ добродѣтели. То же говоритъ онъ послѣ многихъ обличеній и евреямъ: *надѣемся же о васъ лучшихъ, и придержащихся спасенія, аще и тако глаголемъ* (Евр. VI, 9). *Желаемъ же, да кійждо васъ являетъ тожде тщаніе, къ извѣщенію упованія даже до конца* (VI, 11). Такъ точно и здѣсь говоритъ: *многа ми похвала о васъ*, т. е. я хвалюсь вами предъ другими. Видишь, какъ искренно утѣшаетъ! И не просто, говоритъ, хвалюсь, но и очень хвалюсь. Потому и присовокупилъ: *исполнихся утѣхи*. Какой же утѣхи? Которую получилъ отъ васъ; вы, исправившись, утѣшили меня дѣлами своими. Любящему свойственно и дѣлать упреки, что онъ не любимъ, и страшиться, чтобы излишними укоризнами не опечалить.

Поэтому и говоритъ: *исполнихся утѣхи, преизбыточествую радостію.* 409

2. Но скажутъ: это повидимому противорѣчитъ сказанному прежде. Нимало; напротивъ, очень даже согласно, потому что сказанное теперь дѣлаетъ удобопріемлемымъ то, что было сказано раньше, и настоящая похвала дѣлаетъ болѣе дѣйствительной пользу прежнихъ обличеній, уничтожая ихъ горечь. Вотъ почему онъ весьма кстати и щедро и расточаетъ эти слова. Не сказалъ: я исполненъ радости, но—*избыточествую*; и не только избыточествую, но—*преизбыточествую*, чѣмъ опять обнаруживаетъ горячность любви, по которой хотя и столько любимъ ими, что можетъ радоваться и веселиться, все же однако не почитаетъ еще себя любимымъ въ той степени, въ какой бы слѣдовало его любить, и не думаетъ, что все отъ нихъ получилъ. Такъ ненасытима была любовь его къ нимъ! И малая взаимная любовь отъ тѣхъ, кого любимъ, доставляетъ великую радость, по причинѣ нашей сильной къ нимъ любви. Такимъ образомъ и это послужило новымъ доказательствомъ его любви. Говоря объ утѣшеніи, онъ сказалъ: *исполнихся*, т. е. получилъ, что надлежало; а говоря о радости, сказалъ: *преизбыточествую*, т. е. я много боялся за васъ, но вы довольно удовлетворили и утѣшили меня, и не только отняли у меня предлогъ къ скорби, но еще доставили мнѣ обильную радость. Показывая затѣмъ, какъ велика эта радость, не только выражаетъ это словами: *преизбыточествую радостію*, но и тѣмъ, что присовокупляетъ: *о всякой печали нашей*. Такъ велико было доставленное вами удовольствіе намъ, что оно не затмилось и великою печалію, а напротивъ, избыткомъ своей великости преодолѣло всѣ постигшія насъ скорби, и не дозволило намъ даже почувствовать ихъ. *Ибо пришедшимъ намъ въ Македонію, ни единаго имѣ покоя плоть наша* (ст. 5). Упомянувъ выше о печали, сказываетъ, какая это была печаль, и представляетъ ее въ большемъ видѣ, желая показать, какъ велики доставленныя ими утѣшеніе и радость, если они разсѣяли и такую скорбь. *Но во всемъ скорбяще.* Какъ это во всемъ? *Внѣ уду брани*, отъ невѣрныхъ, *внутрь уду боязни*, за немощныхъ въ вѣрѣ, чтобы не увлеклись въ заблужденія, что случалось не у однихъ коринѳянъ, но и у другихъ. *Но утѣшаяй смиренныя, утѣши насъ пришествіемъ Титовымъ* (ст. 6). Такъ какъ онъ много сказалъ въ похвалу (коринѳянъ), то чтобы не показаться льстецомъ, приводитъ въ свидѣтели брата Тита, который пришелъ отъ нихъ къ Павлу послѣ перваго его посланія, извѣщая объ ихъ исправленіи. А ты замѣть, какъ высоко цѣнитъ онъ вездѣ прибытіе Тита. Такъ и раньше говоритъ о немъ: *пришедъ же въ Троаду, во благовѣстіе, не имѣхъ покоя духу моему, не обрѣтшу ми Тита брата моего* (II, 12, 13); и здѣсь опять

говоритъ: *пришествіемъ Титовымъ* мы утѣшились. Этимъ онъ желаетъ внушить имъ довѣріе и любовь къ Титу. И смотри, какъ достигаетъ того и другого. Словами — *не имѣхъ покоя духу моему* онъ
500 показываетъ высоту его добродѣтели; а сказавъ: въ скорби нашей пришествіе его достаточно было къ утѣшенію, *не токмо же пришествіемъ его, но и утѣшеніемъ, имже утѣшися о васъ,* — снискиваетъ Титу благорасположеніе коринѳянъ, потому что ничто такъ не возбуждаетъ и не утверждаетъ дружбы, какъ добрый и благопріятный о комъ-нибудь отзывъ. А о Титѣ свидѣтельствуетъ (апостолъ), что, возвратившись, онъ привелъ насъ въ восхищеніе отъ удовольствія, когда разсказалъ о васъ такъ много (пріятнаго). Потому-то пришествіе его и обрадовало насъ. Не только пришествіемъ его мы были обрадованы, но и *утѣшеніемъ*, которое онъ получалъ отъ васъ. Чѣмъ же онъ утѣшился? Вашею добродѣтелію, вашимъ исправленіемъ. Поэтому и присовокупляетъ: *повѣдая намъ ваше желаніе, ваше рыданіе, вашу ревность по мнѣ* (ст. 7). Вотъ что утѣшало и радовало (Тита)! Видишь, какъ и его представляетъ весьма расположеннымъ (къ коринѳянамъ), такъ какъ онъ добрую ихъ славу почитаетъ для себя утѣшеніемъ и, пришедши, хвалится ею предъ Павломъ, какъ собственнымъ благомъ. И смотри, съ какимъ жаромъ выражаетъ это (апостолъ): *ваше желаніе, ваше рыданіе, вашу ревность.* Дѣйствительно, имъ должно было и плакать и скорбѣть о томъ, что блаженный Павелъ такъ прогнѣвался на нихъ, и такъ долго не былъ у нихъ. Поэтому и сказалъ не просто—слезы, но—*рыданіе*, и не просто—желаніе, но—*сильное желаніе* (ἐπιπόθησιν), и не—гнѣвъ, но—*ревность*, и ревность за апостола какъ противъ блудника, такъ и противъ осуждавшихъ (Павла). Получивши мое посланіе, говоритъ, вы воспламенились и воспылали ревностію. Онъ избыточествуетъ радостію, исполнился утѣшенія, потому что сильно тронулъ ихъ. Мнѣ кажется однако, что это сказано не только для утѣшенія за прежнее, но и для большаго возбужденія исполнившихъ требуемое. Хотя нѣкоторые, какъ я думаю, и подлежали прежнимъ обличеніямъ и не заслуживали такой похвалы, однако онъ не отдѣляетъ ихъ, напротивъ, и хвалитъ, и укоряетъ всѣхъ вмѣстѣ, предоставляя совѣсти слушателей избрать каждому свое. А такимъ образомъ и укоризны не дѣлались невыносимыми, и похвалы возбуждали къ большей ревности.

3. Такъ и нынѣ должны вести себя обличаемые—плакать и рыдать, такъ же искать себѣ наставниковъ, такъ же любить ихъ болѣе, нежели отцовъ, — потому что отцы даютъ намъ только жизнь, а наставники жизнь добродѣтельную. Такъ должно сносить отеческія наказанія, такъ вмѣстѣ съ предстоятелями должно

соболѣзновать о согрѣшающихъ, потому что не отъ нихъ однихъ все зависитъ, но и отъ васъ. Въ самомъ дѣлѣ, если согрѣшившій видитъ, что отецъ обличаетъ, а братья потворствуютъ, то становится еще нерадивѣе. Напротивъ, когда отецъ укоряетъ, гнѣвайся съ нимъ и ты, или какъ заботящійся о братѣ, или какъ негодующій съ отцомъ, но только показывай великую заботу и сожалѣй не о томъ, что онъ наказанъ, но о томъ, что согрѣшилъ. Если же я буду созидать, а ты станешь разорять, то что пріобрѣтемъ кромѣ трудовъ? Мало того,—этимъ не ограничится для тебя вредъ, но ты навлечешь на себя еще и наказаніе. Тотъ, кто препятствуетъ уврачевать рану, заслуживаетъ не только меньшее наказаніе съ нанесшимъ ее, но еще и большее, потому что нанести рану и препятствовать ея уврачеванію—не одно и то же,— 501
послѣднее непремѣнно причиняетъ смерть, а первое не совсѣмъ. Говорю же это вамъ для того, чтобы и вы негодовали вмѣстѣ съ своими начальниками на тѣхъ, на кого они справедливо негодуютъ, чтобы, видя наказываемаго, всѣ вы отвращались отъ него еще болѣе, чѣмъ самъ наставникъ. Пусть погрѣшившій боится васъ больше, нежели начальниковъ. Если онъ будетъ бояться одного только учителя, то скоро опять согрѣшитъ, а если будетъ опасаться столькихъ глазъ и столькихъ устъ, то сдѣлается гораздо осторожнѣе. И какъ, не исполняя этого, подвергнемся крайнему наказанію, такъ, исполняя, будемъ участвовать въ плодахъ исправленія.

Будемъ же такъ поступать! Кто скажетъ, что христіанину прилично быть человѣколюбивымъ къ брату, тотъ пусть знаетъ, что человѣколюбивъ гнѣвающійся, а не тотъ, кто прежде времени снисходитъ къ нему, и не даетъ даже почувствовать грѣха. Скажи мнѣ, кто оказываетъ сострадание находящемуся въ горячкѣ или въ безуміи: тотъ ли, кто укладываетъ его въ постель, связываетъ, удерживаетъ отъ вредной для него пищи и питья, или тотъ, кто позволяетъ ему напиться вина, оставляетъ его на волѣ, дозволяя дѣлать все, что дѣлаютъ здоровые? Этотъ послѣдній, подъ видомъ человѣколюбія, не растравляетъ ли болѣзнь, а первый, напротивъ, не врачуетъ ли ее? Такъ будемъ разсуждать и здѣсь. Долгъ человѣколюбія требуетъ не во всемъ угождать больнымъ, и не потворствовать неразумнымъ ихъ желаніямъ. Коринѳскаго блудника никто такъ не любилъ, какъ Павелъ, повелѣвшій предать его сатанѣ, и никто такъ не ненавидѣлъ его, какъ ободрявшіе его и снисходившіе къ нему. Это и оправдалось впослѣдствіи. Послѣдніе воспламенили его духъ и произвели большее воспаленіе, а Павелъ унялъ жаръ, и дотолѣ не оставилъ больного, пока не привелъ въ совершенное здравіе. Тѣ къ на- 502

стоящей болѣзни присоединяли новую: а Павелъ изгналъ и ту, которая была въ немъ сначала. Этимъ-то правиламъ человѣколюбія научимся и мы. Когда ты видишь, что конь несется къ стремнинѣ, то накидываешь на него узду, со всею силою удерживаешь его и часто бьешь. И хотя это—наказаніе, однако такое наказаніе есть мать спасенія. Такъ поступай и съ согрѣшающими. Свяжи согрѣшившаго, пока не умилостивитъ онъ Бога, и не оставляй несвязаннымъ, чтобы онъ не былъ еще болѣе связанъ гнѣвомъ Божіимъ. Если я свяжу, то Богъ уже не свяжетъ его; если же я не свяжу, то его ожидаютъ неразрѣшимыя узы: *аще бо быхомъ себе осуждали, не быхомъ осуждени были* (1 Кор. XI, 31). Итакъ, не почитай такого отношенія жестокимъ и безчеловѣчнымъ, напротивъ, (почитай) дѣломъ крайней снисходительности, превосходнаго врачеванія и великой попечительности. Ты скажешь: довольно уже времени терпѣли они наказаніе. А скажи, сколько? Годъ, два, или три? Но у меня вопросъ не о продолжительности времени, а объ исправленіи души. Покажи же мнѣ (исправленіе): если они пришли въ сокрушеніе, если перемѣнились, то все сдѣлано; а если нѣтъ этого, не поможетъ время. Не спрашиваемъ и о томъ, часто ли была перевязываема рана, но—принесло ли перевязываніе какую пользу. Если принесло желаемую пользу, и въ короткое время, то оставь; если же не принесло никакой пользы, то и послѣ десяти лѣтъ продолжай (перевязывать). Уврачеваніе связаннаго пусть будетъ срокомъ къ разрѣшенію. Если мы такъ будемъ заботиться и о самихъ себѣ и о другихъ, и не станемъ смотрѣть на человѣческую славу или безславіе, но, имѣя въ мысли будущее мученіе и поношеніе, а болѣе всего страхъ оскорбить Бога, усугубимъ врачебныя средства покаянія, то скоро достигнемъ и совершеннаго здравія, и получимъ будущія блага, которыхъ и да сподобимся всѣ мы благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XV.

Яко аще и оскорбихъ васъ посланіемъ, не раскаюся, аще и раскаялбыхся (2 Кор. VII, 8).

501—502 1. Такъ какъ (коринѳяне) загладили свой грѣхъ, и потому безъ опасенія можно было говорить съ ними ласковѣе, то (апостолъ) извиняется предъ ними за прежнее свое посланіе и пока-

зываетъ его пользу. То же дѣлалъ онъ и выше, говоря: *отъ печали бо многія и туги сердца написахъ вамъ, не яко да оскорбитеся, но любовь да познаете, юже имамъ изобильно къ вамъ* (2 Кор. II, 4). То же дѣлаетъ и здѣсь, но только выражаетъ это пространнѣе. И не сказалъ: прежде я раскаивался, но теперь не раскаиваюсь; но какъ? *Не раскаюся* теперь, *аще и раскаялбыхся.* Хотя бы, говоритъ, написанное мною было и таково, что превышало мѣру (должнаго) обличенія, и побуждало меня раскаяться, но великая польза, происшедшая отъ того, не дозволяетъ мнѣ раскаиваться. Сказалъ же это не потому, что въ самомъ дѣлѣ сверхъ мѣры обличалъ ихъ, но чтобы увеличить похвалу ихъ. Вы, говоритъ онъ, показали такое исправленіе, что если бы мнѣ случилось и слишкомъ строго наказать васъ, такъ что я былъ бы долженъ обвинять себя въ томъ, однакожъ, взирая на послѣдствія, я сталъ бы теперь хвалить себя. Подобно тому какъ мы безбоязненно ласкаемъ дѣтей послѣ того, какъ къ нимъ примѣненъ уже какой-нибудь трудный способъ лѣченія, какъ напримѣръ разрѣзъ или прижиганіе, или горькое питье, такъ точно поступаетъ и Павелъ. *Вижду бо, яко посланіе оно, аще и къ часу, оскорби васъ. Нынѣ радуюся, не яко скорбни бысте, но яко оскорбистеся въ покаяніе* (ст. 8, 9). Сказавши—не раскаиваюсь, представляетъ и причину на то, показывая пользу отъ посланія, благоразумно оправдываясь и говоря: *аще и къ часу*, потому что печаль была краткая, а польза 503
вышла продолжительная. Слѣдовало бы сказать: если я и оскорбилъ васъ на время, но чрезъ то доставилъ вамъ радость и пользу навсегда. Однако онъ не говоритъ этого; но прежде, чѣмъ сказать о пользѣ, начинаетъ опять хвалить ихъ и показывать свое попеченіе о нихъ, говоря: *нынѣ радуюся, не яко скорбни бысте*,—да и какая мнѣ польза отъ вашей печали?—*но яко оскорбистеся въ покаяніе*, т. е. что ваша печаль принесла плодъ. Подобно какъ и отецъ, когда видитъ, что сыну дѣлаютъ разрѣзъ, радуется не тому, что сынъ терпитъ боль, но тому, что исцѣляется, такъ точно радуется и онъ. И замѣть, какъ онъ весь успѣхъ дѣла относитъ къ нимъ: печаль приписываетъ посланію, когда говоритъ: *аще и къ часу оскорби васъ*, а пользу отъ него ставитъ имъ въ заслугу. Не сказалъ: потому что посланіе исправило васъ, хотя такъ и было на дѣлѣ, но: *яко оскорбистеся въ покаяніе. Оскорбисте бо по Бозѣ, да ни въ чемже отщетитеся отъ насъ.* Замѣчаешь ли его неизреченное благоразуміе? Если бы мы не сдѣлали этого, говоритъ онъ, то нанесли бы вамъ вредъ: исправленіе приписываетъ имъ, а себѣ вредъ, который бы произошелъ отъ его молчанія. Если бы мы не обличили васъ, когда можно было исправить обличеніемъ, то мы нанесли бы вамъ вредъ, и ущербъ

былъ бы не для васъ только, но и для насъ. Подобно тому какъ тотъ, кто не даетъ купцу средствъ къ плаванію, дѣлаетъ вредъ ему, такъ и мы сдѣлали бы вамъ вредъ, если бы не дали вамъ повода къ покаянію. Видишь ли, что не обличать грѣшниковъ вредно и учителю и ученику? *Печаль бо, яже по Бозѣ, покаяніе во спасеніе нераскаянно содѣловаетъ* (ст. 10). Вотъ почему, говоритъ, хотя я и раскаивался, прежде нежели увидѣлъ весь плодъ и пользу отъ посланія, но теперь не раскаиваюсь. Такимъ (плодомъ) была печаль по Бозѣ. Разсуждая теперь о печали, онъ показываетъ, что она не всегда бываетъ горькою, а только когда дѣлается печалію по міру. А что значитъ печаль по міру? Когда печалишься объ имуществѣ, о славѣ, объ умершемъ,—все это печаль по міру. Потому она и причиняетъ смерть. Кто печалится о славѣ, тотъ завидуетъ, и по необходимости часто доходитъ до гибели. Такою печалію печалились Каинъ и Исавъ. Итакъ, подъ печалію по міру онъ разумѣетъ ту, которая вредитъ самимъ скорбящимъ. Только одна печаль о грѣхахъ полезна; и это ясно видно изъ слѣдующаго. Скорбящій о потерѣ богатства не вознаграждаетъ тѣмъ убытка; скорбящій объ умершемъ не воскрешаетъ его; скорбящій по причинѣ болѣзни не только не избавляется отъ болѣзни, но еще усиливаетъ ее. Только скорбящій о грѣхахъ пріобрѣтаетъ пользу отъ скорби, потому что истощаетъ и истребляетъ грѣхи. Печаль есть врачество, приготовленное на этотъ одинъ случай; поэтому здѣсь только имѣетъ она силу и оказываетъ пользу, въ другихъ же случаяхъ вредитъ.

2. Но и Каинъ, скажутъ, печалился потому, что Богъ не благоволилъ къ нему. Нѣтъ, не по этой причинѣ, а потому, что видѣлъ брата своего сіяющимъ (добродѣтелями). Иначе, если бы
504 онъ сѣтовалъ по той причинѣ, ему надлежало бы соревновать и сорадоваться брату; а онъ, напротивъ, въ скорби своей обнаружилъ печаль по міру. Не такъ скорбѣли Давидъ, Петръ, и каждый изъ праведниковъ, почему и угодили Богу, скорбя о грѣхахъ или своихъ, или чужихъ. Правда, что тяжелѣе печали? Но когда она бываетъ печалію по Богѣ, то является гораздо лучше мірской радости: эта послѣдняя обращается въ ничто, а та *покаяніе во спасеніе нераскаянно содѣловаетъ*. Въ ней и то достойно удивленія, что никто изъ скорбящихъ ею никогда не раскаивался, тогда какъ раскаяніе наиболѣе свойственно мірской печали. Въ самомъ дѣлѣ, что вожделѣннѣе родного сына? И что горестнѣе смерти его? Однако же отцы, которые во время сильной горести не принимали никакого утѣшенія и сами себя терзали, послѣ раскаиваются въ томъ, что безъ мѣры скорбѣли, поскольку сознаютъ, что не только не получили оттого никакой пользы, но

еще болѣе себя разстроили. Не такова печаль по Богѣ! Напротивъ, она имѣетъ двоякое преимущество: во-первыхъ, то, что не заставляетъ сожалѣть о томъ, о чемъ скорбишь, и во-вторыхъ, то, что самая печаль обращается во спасеніе. Обоихъ этихъ преимуществъ лишена печаль мірская. Въ ней скорбятъ ко вреду, и послѣ сильной скорби осуждаютъ себя же, а это и служитъ сильнѣйшимъ доказательствомъ того, что скорбящіе ею только вредятъ себѣ. Совсѣмъ противоположны (слѣдствія печали) по Богѣ; а потому и сказалъ (апостолъ), что она *покаяніе во спасеніе нераскаянно содѣловаетъ*. Никто не станетъ осуждать себя за то, что скорбѣлъ, плакалъ и сокрушался о грѣхѣ. Вотъ почему и блаженный Павелъ, говоря объ этомъ, не имѣлъ нужды приводить посторонніе примѣры въ подтвержденіе сказаннаго и изъ ветхозавѣтной исторіи представлять скорбѣвшихъ, а указываетъ на самихъ коринѳянъ и изъ того, что они дѣлали, заимствуетъ доказательство, чтобы вмѣстѣ съ похвалами дать имъ и наставленіе, а равно и болѣе привлечь къ себѣ. *Се бо*, говоритъ онъ, *сіе самое, еже по Бозѣ оскорбитися вамъ, колико содѣла въ васъ тщаніе* (ст. 11)? Печаль ваша, говоритъ онъ, не только не довела васъ до раскаянія, какъ напрасно скорбѣвшихъ, а напротивъ, сдѣлала еще болѣе заботливыми о себѣ. Потомъ показываетъ признаки тщанія: *но отвѣтъ* (извиненіе) предо мною; *но негодованіе* на согрѣшившаго; *но страхъ* — такое усердіе и весьма скорое исправленіе показывали, что они очень устрашились. И чтобы не подумали, что онъ хвалитъ самого себя, смотри, какъ тотчасъ смягчилъ рѣчь, сказавъ: *но вожделѣніе*, т. е. ко мнѣ; *но ревность*, т. е. къ Богу; *но отмщеніе*, такъ какъ вы наказали нарушившихъ законъ Божій. *Во всемъ представисте себе чисты быти въ вещи*, то есть, не только тѣмъ, что сами не посмѣли (сдѣлать такого же преступленія),—въ чемъ не было сомнѣнія,—но и тѣмъ, что сдѣлавшему не потворствовали. Такъ какъ въ первомъ посланіи онъ сказалъ — *и вы разгордѣсте* (1 Кор. v, 2), то здѣсь говоритъ: вы очистили себя и отъ этого подозрѣнія, когда не только не похвалили согрѣшившаго, но и выразили ему ваше порицаніе и негодованіе. *Аще убо и писахъ вамъ, не обидѣвшаго ради, ниже* 505
обидимаго ради (ст. 12). Чтобы не сказали: зачѣмъ же ты обличаешь насъ, когда мы чисты въ этомъ дѣлѣ?—(апостолъ), имѣя въ виду такое возраженіе и предупреждая его, и употребилъ приведенныя слова: *не раскаюся, аще и раскаяхбыхся*. Я, говоритъ, весьма далекъ отъ того, чтобы раскаиваться теперь въ написанномъ вамъ тогда; напротивъ, я болѣе раскаивался тогда, нежели теперь, когда вы показали себя исправными. Видишь ли опять его умѣнье состязаться и принуждать къ согласію? Видишь

ли, какъ рѣчи своей онъ далъ противный оборотъ? Чѣмъ думали пристыдить его, именно какъ бы напрасными порицаніями, въ виду (оказаннаго ими) успѣха, тѣмъ самымъ онъ доказываетъ, что въ правѣ былъ поступить съ ними такъ свободно. Онъ не отказывается уже смѣло говорить имъ и пріятное, когда это стало возможно. Прежде онъ говорилъ, что *прилѣпляяйся скверно-дѣйцѣ, едино тѣло есть* (1 Кор. VI, 16); и: предайте *таковаго сатанѣ во изможденіе плоти* (1 Кор. V, 5); также: *всякъ грѣхъ, егоже аще сотворилъ человѣкъ, кромѣ тѣла есть* (1 Кор. VI, 18), и тому подобное. Какъ же здѣсь онъ говоритъ: *не обидѣвшаго ради, ниже обидимаго ради?* И здѣсь онъ не противорѣчитъ себѣ, а напротивъ, весьма согласенъ самъ съ собою. Какимъ же образомъ согласенъ? Ему очень желалось показать свою любовь къ нимъ. Онъ не отрицаетъ, такимъ образомъ, что заботился о блудникѣ; но вмѣстѣ показываетъ, какъ замѣчено мною, и ту любовь, какую имѣлъ къ нимъ, равно какъ и то, что онъ еще больше страшился за всю церковь, такъ какъ боялся, чтобы зло не распространилось и, идя далѣе, не обняло всей церкви. Потому и говорилъ: *малъ квасъ все смѣшеніе кваситъ* (1 Кор. V, 6). Но это (сказалъ) тогда: теперь же, когда они исправились, то же самое выражаетъ не такъ, но иначе; и хотя ту же выражаетъ мысль, но съ большею пріятностью, говоря: *за еже явитися тщанію нашему, еже о васъ,* къ вамъ, то есть, чтобы видѣли вы, какъ люблю васъ. Это одно и то же съ прежнимъ, но, будучи иначе выражено, повидимому имѣетъ другое значеніе. А чтобы видѣть, что это одно и то же, разбери мысль его, и не найдешь никакого различія. Такъ какъ я васъ очень люблю, говоритъ онъ, то и опасался, чтобы вы отъ этого (соблазнительнаго примѣра) не потерпѣли непріятности, и сами за себя не были принуждены скорбѣть. Подобнымъ образомъ, когда сказалъ: *еда о волѣхъ радитъ Богъ* (1 Кор. IX, 9), не разумѣлъ, что Богъ не промышляетъ о волахъ, потому что ни одна вещь не можетъ существовать безъ промысла Божія; а то, что Онъ далъ заповѣдь преимущественно не ради воловъ. Такъ и здѣсь: я писалъ, во-первыхъ, для васъ, а потомъ и для него. Я любилъ васъ внутренно еще и прежде моего посланія; но чрезъ это посланіе хотѣлъ показать любовь мою и вамъ, и всѣмъ вообще. *Сего ради утѣшихомся* (ст. 13), т. е. потому, что мы и попеченіе свое о васъ показали, и все исполнилось по нашему желанію. Подобно этому и въ другомъ мѣстѣ говоритъ: *нынѣ живи есмы, аще вы стоите о Господѣ* (1 Сол. III, 8); и еще: *кто бо намъ упованіе, или радость, или вѣнецъ похваленія?*
506 *Не и вы ли* (1 Сол. II, 19)? Преспѣяніе учениковъ для благоразумнаго учителя есть жизнь, и утѣшеніе, и отрада.

3. Дѣйствительно, ничто столько не выказываетъ съ хорошей стороны начальника, какъ любовь къ подчиненнымъ. Такъ и для того, чтобъ быть отцомъ, не довольно только родить, но, родивши, надобно любить. А если любовь требуется тамъ, гдѣ (дѣйствуетъ) природа, то тѣмъ болѣе она нужна тамъ, гдѣ (дѣйствуетъ) благодать. Такъ просіяли всѣ древніе, такъ достигли славы всѣ прославляемые у евреевъ. Такъ показалъ себя великимъ Самуилъ, когда говорилъ: мнѣ же да не будетъ *согрѣшити Богу, еже оставити молитися о васъ* (1 Цар. XII, 23). Такъ Давидъ, Авраамъ, Илія, такъ и каждый изъ праведниковъ какъ въ ветхомъ, такъ и въ новомъ завѣтѣ. Такъ Моисей изъ любви къ подчиненнымъ оставилъ великія богатства и неисчислимыя сокровища, предпочтя страдать вмѣстѣ съ народомъ Божіимъ, и еще до избранія своего показалъ себя въ дѣлахъ правителемъ народа. Потому-то и крайне безразсудно сказалъ ему тотъ еврянинъ: *кто тя постави князя и судію надъ нами* (Исх. II, 14)? Что говоришь? Видишь дѣла, а въ наименованіи сомнѣваешься? Это похоже на то, какъ если бы кто, увидя искуснаго врача, дѣлающаго надрѣзъ и помогающаго больному члену тѣла, сказалъ: кто тебя поставилъ врачемъ и приказалъ рѣзать? Искусство, любезнѣйшій, и болѣзнь твоя. Такъ и Моисея сдѣлало таковымъ его знаніе. Вѣдь и начальствованіе есть искусство, а не достоинство только, и притомъ искусство высшее всѣхъ искусствъ. Но если внѣшнее (гражданское) начальствованіе есть искусство и знаніе лучшее всѣхъ (искусствъ и знаній), то тѣмъ болѣе это (духовное). Это начальствованіе настолько превосходнѣе внѣшняго, насколько это послѣднее превосходитъ другія искусства или даже и гораздо болѣе. Если угодно, изслѣдуемъ это подробнѣе. Есть искусство земледѣльческое, ткацкое, строительное; и всѣ они весьма необходимы и болѣе всего поддерживаютъ нашу жизнь. Прочія (искусства): кузнечное, плотничное, скотоводственное только служатъ имъ на помощь. Но и изъ этихъ искусствъ необходимѣе всѣхъ искусство земледѣлія, которое поэтому Богъ и ввелъ первымъ по сотвореніи человѣка. Въ самомъ дѣлѣ, безъ обуви и безъ одежды можно жить, но безъ земледѣлія немыслимо.

Таковы, сказываютъ, амаксовіи (живущіе въ кибиткахъ), номады у скиѳовъ, гимнософисты у индійцевъ. Они оставили искусства строить, ткать, шить обувь, и занимаются только земледѣліемъ. Постыдитесь же вы, пользующіеся для своей жизни излишними мастерами—поварами, хлѣбниками, златошвеями и тысячами другихъ. Постыдитесь, введшіе въ жизнь человѣческую суетныя художества. Постыдитесь, вѣрные, этихъ варваровъ,

не нуждающихся въ искусствахъ. Богъ устроилъ такъ, что при-
507 рода наша вполнѣ можетъ быть довольна и малымъ. Впрочемъ, я не принуждаю и не узаконяю такъ жить, но (по крайней мѣрѣ такъ живите) какъ просилъ Іаковъ. Чего же онъ просилъ? *Аще дастъ ми Господь хлѣбъ ясти и ризу облещися* (Быт. xxvIII, 20). Такъ и Павелъ заповѣдалъ: *имѣюще же пищу и одѣяніе, сими доволни будемъ* (1 Тим. vI, 8). Итакъ, земледѣліе есть первое искусство, ткачество — второе, строеніе домовъ — третье, а дѣланіе обуви—послѣднее изъ всѣхъ; и у насъ есть много слугъ и земледѣльцевъ, которые живутъ безъ обуви. Итакъ, вотъ искусства полезныя и нужныя! Теперь сравнимъ ихъ съ искусствомъ начальствованія. Для того вѣдь я и привелъ важнѣйшія изъ всѣхъ искусствъ, чтобы, когда искусство начальствованія окажется лучшимъ изъ нихъ, за нимъ и осталась безспорная побѣда надъ прочими. Но чѣмъ же мы докажемъ, что оно (искусство начальствованія) нужнѣе всѣхъ искусствъ? Тѣмъ, что безъ него и отъ прочихъ нѣтъ никакой пользы. Если угодно, то, оставивъ прочія, возьмемъ въ примѣръ одно земледѣліе, которое выше и необходимѣе всѣхъ. Итакъ, какая будетъ польза отъ множества земледѣльческихъ рукъ, когда люди станутъ воевать между собою и грабить другъ друга? Теперь удерживаетъ ихъ страхъ предъ начальникомъ, и охраняетъ добываемое ими. А если отнимешь начальство,—напрасенъ будетъ трудъ. Но кто вникнетъ глубже, тотъ найдетъ и другое начальство, которое есть матерь и союзъ начальства внѣшняго. Какое же это начальство? То, по которому каждый долженъ самъ собою владѣть и самъ надъ собою начальствовать, укрощая въ себѣ низкія страсти, а питая и возращая въ себѣ со всевозможнымъ тщаніемъ всѣ отрасли добродѣтели. Начальство бываетъ различныхъ родовъ: одно то, которымъ люди начальствуютъ надъ народами и городами, устрояя гражданскую жизнь; на него указывалъ Павелъ, говоря: *всяка душа властемъ предержащимъ да повинуется, нѣсть бо власть, аще не отъ Бога* (Рим. xIII, 1), причемъ, показывая пользу этого начальства, присовокупилъ, что начальникъ *Божій слуга есть во благое*, и далѣе: *Божій слуга есть, отмститель въ гнѣвъ злое творящему* (Рим. xIII, 4). Другое же начальство—то, которымъ каждый разумный (человѣкъ) начальствуетъ надъ самимъ собою; и на это послѣднее указалъ (Павелъ) словами: если же *хощеши не боятися власти, благое твори* (Римл. xIII, 3), говоря о человѣкѣ, начальствующемъ надъ самимъ собою.

4. Но у насъ есть еще и иное начальство, гораздо высшее начальства гражданскаго. Какое же? Начальство въ церкви, о которомъ также упомянулъ Павелъ, сказавъ: *повинуйтеся настав-*

никамъ вашимъ и покаряйтеся: тіи бо бдятъ о душахъ вашихъ, яко слово воздати хотяще (Евр. XIII, 17). Это начальство настолько превосходнѣе гражданскаго, насколько небо выше земли, и даже гораздо болѣе. И во-первыхъ, оно преимущественно имѣетъ въ виду не то, какъ наказать за содѣланные грѣхи, но какъ не допускать 508
до грѣховъ. Затѣмъ, если они совершены уже, то старается не страждущаго отлучить, но (грѣхи) уничтожить. Житейскимъ занимается оно совсѣмъ немного, напротивъ, вся забота его о небесномъ. *Наше бо житіе на небесѣхъ есть* (Фил. III, 20), и животъ нашъ тамъ, потому что, говоритъ, *сокровенъ есть со Христомъ въ Бозѣ* (Кол. III, 3). И награды наши тамъ, и подвиги наши изъ-за тамошнихъ вѣнцовъ, потому что эта жизнь наша не прекращается съ смертію, но тогда (по смерти) еще болѣе просіяваетъ. Вотъ почему имѣющіе это начальство облечены большею честію не только въ сравненіи съ высшими начальниками, но и съ самими одѣтыми въ діадемы, такъ какъ образуютъ людей въ высшемъ и для высшаго. Но ни стремящійся къ начальству гражданскому, ни ищущій духовнаго начальства не смогутъ хорошо править, если не научатся прежде начальствовать надъ самими собою, какъ должно, и не будутъ во всей точности исполнять законы гражданскіе и духовные. Какъ начальство надъ многими бываетъ двоякое, такъ и начальство каждаго надъ самимъ собою тоже двояко. Опять же, какъ выше показано, и здѣсь духовное начальство выше гражданскаго. Но можно видѣть, что и нѣкоторыя искусства имѣютъ видъ начальства, особенно же земледѣльческое. Земледѣлецъ есть какъ бы начальникъ надъ растеніями: одни обрѣзываетъ и препятствуетъ (имъ расти), за другими ухаживаетъ и помогаетъ (ихъ росту), подобно какъ и искусные начальники наказываютъ и отсѣкаютъ людей злыхъ и наносящихъ вредъ другимъ, а добрыхъ и кроткихъ возвышаютъ. Потому и Писаніе уподобляетъ начальниковъ виноградарямъ. Что, въ самомъ дѣлѣ, въ томъ, если растенія не издаютъ звука, подобно тому, какъ и обижаемые въ городахъ? Они самымъ видомъ своимъ свидѣтельствуютъ объ обидѣ, когда увядаютъ, будучи стѣснены вредными травами. И какъ у людей порокъ наказывается законами, такъ и здѣсь съ помощію земледѣльческаго искусства исправляется и дурное качество земли, и грубость и дикость растенія. И все, что есть въ нравахъ человѣческихъ, ты найдешь и здѣсь—грубость, нѣжность, робость, наглость, непостоянство; одни изъ растеній пышно разрастаются прежде времени и ко вреду сосѣднихъ, другія терпятъ недостатокъ и обиды, когда напр. или ограда разрастается во вредъ ближайшимъ къ ней растеніямъ, или когда другія безплодныя и дикія дерева, вытя-

гиваясь въ высоту, препятствуютъ росту находящихся подъ ними. И какъ начальники и цари имѣютъ противниковъ своей власти и враговъ, такъ и земледѣлецъ терпитъ отъ набѣга звѣрей, отъ неблагопріятныхъ перемѣнъ воздуха, отъ града, росы, ливней, засухи и тому подобнаго. Все же это бываетъ для того, чтобы ты всегда возлагалъ надежду свою на Бога. Другія искусства
509 своимъ успѣхомъ обязаны бываютъ и старательности людей; но земледѣліе бо́льшую часть (успѣха) имѣетъ отъ воли Божіей, и зависитъ отъ нея почти всецѣло. Для него нужны и дожди свыше, и надлежащая соразмѣрность временъ года, и прежде всего нуженъ промыслъ (Божій), потому что *ни насаждаяй, ни напаяяй есть что, но возращаяй Богъ* (1 Кор. ш, 7). Какъ и у людей, бываютъ здѣсь и смерть, и жизнь, и болѣзни при родахъ, и рожденія. Растенія посѣкаются, приносятъ плодъ, умираютъ, и умершія опять начинаютъ жить, чѣмъ земля многообразно и ясно напоминаетъ намъ о воскресеніи. Въ самомъ дѣлѣ, когда корень износитъ плодъ или сѣмя даетъ ростокъ, не воскресеніе ли это? И если кто все это разсмотритъ подробно, то увидитъ великій промыслъ и премудрость Божію, бодрствующія надъ этимъ начальствомъ. Но я хотѣлъ вамъ сказать, что это начальство простирается на землю и растенія, а наше имѣетъ въ виду врачеваніе душъ. И насколько велика разность между душою и растеніемъ, настолько и начальство надъ душою превосходнѣе начальства надъ растеніями. Начальники, опять, надъ земною жизнію настолько ниже начальниковъ надъ жизнію духовною, насколько лучше властвовать надъ вольными, нежели надъ невольными. Такое начальство сообразнѣе и съ природою (человѣческою). Въ самомъ дѣлѣ, тамъ все дѣлается по страху и по необходимости; а здѣсь по свободному произволенію и по разсужденію. И не этимъ только духовное начальство выше гражданскаго, но и тѣмъ, что оно не просто есть начальство, но и отеческая, можно такъ сказать, власть, потому что имѣетъ и кротость отеческую, и дѣйствуетъ больше убѣжденіями. Гражданскій начальникъ говоритъ: если впадешь въ прелюбодѣяніе, то наказанъ будешь смертію; а духовный угрожаетъ величайшими наказаніями и за то, если посмотришь безстыдными глазами. Потому и достойно всякаго уваженія это судилище; оно исправляетъ не только тѣло, но и душу.

5. Итакъ, насколько отличается душа отъ тѣла, настолько и духовное начальство отстоитъ отъ гражданскаго. Это последнее судитъ только явныя преступленія, вѣрнѣе же и тѣ не всѣ, но только уличенныя, а часто прикрываетъ и эти послѣднія; напротивъ, духовное судилище научаетъ входящихъ въ него, что

Судящій насъ все обнажитъ и объявитъ предъ лицомъ цѣлой вселенной, и отъ Него невозможно укрыться. Такимъ образомъ, христіанство гораздо лучше внѣшнихъ законовъ держитъ въ порядкѣ нашу жизнь. Въ самомъ дѣлѣ, если и страхъ за скрытные грѣхи дѣлаетъ человѣка болѣе осторожнымъ, нежели опасеніе только за явные, и требованіе отчета даже въ малыхъ проступкахъ болѣе возбуждаетъ къ добродѣтели, нежели наказаніе за важныя вины, то очевидно, что и начальство такого рода болѣе всякаго другого утверждаетъ нашу жизнь. Но если хочешь, разсмотримъ и то, какъ поставляются тѣ и другіе начальники. И здѣсь увидишь великое различіе. Въ самомъ дѣлѣ, получить духовное начальство можетъ не тотъ, кто далъ деньги, но тотъ, кто показалъ примѣрный образъ жизни. Поставленный вводится 510
въ это начальство не для славы человѣческой, не для собственнаго своего спокойствія, но для трудовъ и пота, и для пользы многихъ. Потому-то онъ получаетъ и великую помощь свыше отъ Духа. Тамъ начальство ограничивается только тѣмъ, чтобы приказывать, что надобно дѣлать; а здѣсь оно само содѣйствуетъ молитвами и благодатію. Сверхъ того, тамъ нѣтъ и слова о любомудріи; нѣтъ никого, кто бы училъ, что такое душа, что такое міръ, что будетъ съ нами послѣ настоящей жизни, куда мы переселимся отсюда, и какъ достигать добродѣтели; тамъ только и говорятъ о договорахъ, о союзахъ, о деньгахъ, а объ этихъ предметахъ вовсе нѣтъ никакой заботы; между тѣмъ въ церкви о нихъ только всегда и говорятъ. Вотъ почему весьма справедливо будетъ назвать церковь и судилищемъ, и врачебницею, и училищемъ любомудрія, и воспиталищемъ души, и школою, гдѣ она опытно учится востекать къ небесамъ. А что духовное начальство есть вмѣстѣ и самое кроткое, несмотря на бо́льшую его взыскательность, это видно изъ слѣдующаго. Гражданскій начальникъ, если поймаетъ прелюбодѣя, тотчасъ же наказываетъ его. Между тѣмъ, какая отъ того польза? Это значитъ не порокъ истреблять, но отринуть уязвленную душу. Духовный же начальникъ, найдя виновнаго, спѣшитъ не наказывать его, но изгнать изъ него страсть. Ты дѣлаешь то же, какъ если бы при случившейся въ головѣ боли не болѣзнь сталъ унимать, а отсѣкъ бы голову. Я же не такъ дѣйствую, а отсѣкаю самую болѣзнь. Я удаляю таковаго отъ таинъ и священной ограды, а когда онъ возстанетъ, очистится отъ грѣха и исправится чрезъ покаяніе, принимаю опять. Но какъ можно, скажешь, изгнать грѣхъ прелюбодѣянія? Можно, и очень можно, если кто подчинитъ себя (церковнымъ) законамъ. Церковь, подлинно, есть духовная баня, многоразличными способами покаянія омывающая

не нечистоту тѣла, но скверну души. Ты, если отпускаешь (грѣшника) ненаказаннымъ, дѣлаешь его еще худшимъ, и если наказываешь, оставляешь неизлѣченнымъ, а я и не оставляю безъ наказанія, и не наказываю, какъ ты, но вмѣстѣ и налагаю наказаніе, какое мнѣ прилично, и исправляю то, что имъ сдѣлано. Хочешь ли еще болѣе узнать, какъ ты, и обнажая мечь надъ преступниками, и указывая имъ на пламень, не великое производишь въ нихъ уврачеваніе, тогда какъ я и безъ этого привожу къ совершенному здравію? Мнѣ не нужны здѣсь разсужденія и слова; я представляю въ свидѣтельство море и землю, и самую природу человѣческую. Изслѣдуй, каковы были человѣческія дѣла, пока еще не было этого судилища; тогда не знали даже и по имени тѣхъ добродѣтелей, какія совершаются нынѣ. Кто отваживался на смерть? Кто пренебрегалъ богатствомъ? Кто прези-
511—512 ралъ славу? Кто, убѣжавши отъ мірскихъ треволненій, возлюблялъ горы и пустыню—матерь любомудрія? Гдѣ тогда (извѣстно) было имя дѣвства? Все это и многое другое еще важнѣйшее было слѣдствіемъ этого судилища, дѣломъ этого начальства. Итакъ, видя все это и зная, что отсюда—все полезное для жизни и исправленіе всей вселенной, приходите чаще въ здѣшнія собранія для слушанія слова Божія и для молитвы. И если такъ себя устроите, то, явивъ жизнь достойную неба, сможете получить обѣтованныя блага благодатію и человѣколюбіемъ (Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава со Отцемъ и Святымъ Духомъ, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь).

БЕСѢДА XVI.

Сего ради утѣшихомся о утѣшеніи вашемъ: лишше же паче возрадовахомся о радости Титовѣ, яко покоися духъ его отъ всѣхъ васъ (2 Кор. VII, 13).

511 1. Смотри, какъ (апостолъ) опять восхваляетъ (коринѳянъ), и выражаетъ свою любовь къ нимъ. Сказавъ выше о своей радости, что (первое) его посланіе имѣло такой успѣхъ и принесло такую пользу,—*радуюся бо*, говоритъ, *не яко скорбни бысте, но яко оскорбистеся въ покаяніе*,—и выразивъ свою къ нимъ любовь: *аще бо и писахъ вамъ*, говоритъ, *не обидѣвшаго ради, ниже обидимаго ради, но за еже явитися въ васъ тщанію нашему еже о васъ*,—теперь представляетъ другую черту ихъ благорасположенія, которая приноситъ также имъ великую похвалу и показываетъ искренность ихъ любви. (Утѣшихомся), говоритъ, *о утѣшеніи вашемъ*,

лишше же паче возрадовахомся о радости Титовѣ. Повидимому это не показываетъ сильной любви его (къ коринѳянамъ), потому что онъ радуется больше о Титѣ, нежели о нихъ. Нѣтъ, говоритъ, я радовался не столько за Тита, сколько за васъ. Потому-то указываетъ далѣе и причину, говоря: *яко покоися* утроба *его отъ всѣхъ васъ.* Не сказалъ—самъ онъ, но—*утроба его,* т. е. любовь его къ вамъ. Какъ же *покоися? Отъ всѣхъ,* потому что и это величайшая похвала. *Яко аще что ему похвалихся о васъ* (ст. 14). Велика похвала, когда учитель хвалится: *не посрамихся,* говоритъ. Потому я возрадовался, что вы показали себя лучшими, и на самомъ дѣлѣ оправдали мои слова. Такимъ образомъ, мнѣ выходитъ двойное украшеніе: и вы показали себя болѣе совершенными, и я не явился лжецомъ противъ истины. *Но яко вся воистинну глаголахомъ вамъ, тако и похваленіе наше, еже къ Титу, истинно бысть.* Здѣсь подразумѣваетъ онъ и нѣчто другое, именно: какъ у васъ говорилъ я одну истину,—а вѣроятно онъ много хвалилъ имъ и Тита,—такъ равно и сказанное мною о васъ Титу оказалось истиннымъ. *И утроба его излиха къ вамъ есть* (ст. 15). Это относится уже къ похвалѣ (Тита), что онъ къ нимъ сильно расположенъ и привязанъ. И не сказалъ: любовь его, но: *утроба его.* Потомъ приводитъ, какъ и вездѣ дѣлаетъ, причину такого расположенія, чтобы не показаться льстецомъ и чтобы съ одной стороны, какъ сказалъ я, избѣгнуть подозрѣнія въ лести, а съ другой и ихъ самихъ больше возбудить къ добродѣтели, относя всю похвалу къ нимъ самимъ и показывая, что они сами 512
подали (Титу) поводъ и причину къ такой любви. Сказавъ именно: *утроба его излиха къ вамъ есть,* присоединяетъ: *воспоминающаго всѣхъ васъ послушаніе* (ст. 15).

Этимъ (апостолъ) выражаетъ и признательность къ благотворителямъ Тита, который разлучился съ ними, напечатлѣвши всѣхъ въ душѣ своей, и всегда вспоминаетъ о нихъ, непрестанно имѣетъ на устахъ и въ сердцѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ еще болѣе хвалитъ и коринѳянъ, что отпустили (Тита), оказавъ ему такой усердный пріемъ. Далѣе упоминаетъ и объ ихъ послушаніи, возбуждая тѣмъ ихъ ревность,—почему и присовокупляетъ: *яко со страхомъ и трепетомъ пріясте его,* то есть, не только съ любовію, но и съ великой честію. Видишь ли, какъ онъ свидѣтельствуетъ о двойной ихъ добродѣтели,—то есть, что они и возлюбили (Тита) какъ отца, и убоялись какъ начальника,—что въ нихъ ни страхъ не помрачилъ любви, ни любовь не ослабила страха? То же и выше выражалъ онъ: *еже по Бозѣ оскорбитися вамъ, колико содѣла въ васъ тщаніе, но страхъ, но вожделѣніе* (ст. 11)? *Радуюся убо, яко во всемъ дерзаю въ васъ* (ст. 16). Видишь ли, что апостолъ

радуется болѣе о нихъ? Онъ говоритъ: вы ни въ чемъ не посрамили своего учителя, и не оказались недостойными моего свидѣтельства. Слѣдовательно, онъ радовался не столько за Тита, что онъ получилъ такую честь, сколько за нихъ, что они показали такое благородство духа. Но, чтобы не почли его радующимся болѣе за Тита, смотри, какъ и здѣсь представляетъ причину радости; какъ выше сказалъ: *яко аще что ему о васъ похвалихся, не посрамихся*, такъ и здѣсь говоритъ: *яко во всемъ дерзаю въ васъ*. Нужно ли васъ укорить, не страшусь, чтобы вы за то отложились, нужно ли похвалиться вами, не опасаюсь быть обличеннымъ въ напрасной похвалѣ: *дерзаю въ васъ*, буду ли хвалить васъ какъ покорныхъ, или какъ любвеобильныхъ, или какъ ревностныхъ. Я сказалъ: отсѣките,—и вы отсѣкли; сказалъ: примите,—и вы приняли; сказалъ Титу, что вы велики, достойны удивленія и умѣете почитать учителей,—и вы доказали это на самомъ дѣлѣ; и не столько отъ меня онъ узналъ это, сколько отъ васъ самихъ. Поэтому-то и возвратился ко мнѣ, исполнившись къ вамъ сильной любви, такъ такъ вы показали на дѣлѣ больше, чѣмъ я говорилъ ему. *Сказую же вамъ, братіе, благодать Божію, данную въ церквахъ Македонскихъ* (VIII, 1).

513 2. Ободривши (коринѳянъ) похвалами, (апостолъ) опять приступаетъ къ увѣщанію. Этими похвалами онъ растворяетъ свое обличеніе для того, чтобы, прямо переходя отъ обличенія къ увѣщанію, не сдѣлать неудобопріемлемыми для нихъ своихъ наставленій. Напротивъ, смягчая слухъ ихъ похвалами, пролагаетъ путь увѣщанію. Онъ хочетъ бесѣдовать о милостынѣ; въ виду этого предварительно и сказалъ: *радуюся, яко во всемъ дерзаю о васъ*,—возбуждая такимъ образомъ прежними ихъ добродѣтелями, которыя они уже показали, ихъ усердіе и къ милостынѣ. Впрочемъ, не сказалъ вдругъ: итакъ, подавайте милостыню, но замѣть, съ какимъ благоразуміемъ издалека и съ высоты ведетъ слово. *Сказую вамъ*, говоритъ, *благодать Божію, данную въ церквахъ Македонскихъ*. Дѣла милосердія называетъ благодатію, чтобы они не возгордились; и сообщая о дѣлахъ македонянъ, похвалами имъ возбуждаетъ ревность въ коринѳянахъ. И двоякую или лучше троякую похвалу приписываетъ македонянамъ—и за то, что терпѣливо переносятъ искушеніе, и за то, что умѣютъ творить милостыню, и за то, что показали щедрость въ милостынѣ, будучи сами бѣдны. Дѣйствительно, ихъ имѣнія были расхищены, какъ на это указалъ самъ же (Павелъ), когда въ посланіи къ нимъ писалъ: *вы подобницы бысте церквамъ Божіимъ, сущимъ во Іудеи: зане таяжде и вы пострадасте отъ своихъ сплеменникъ, якоже и тіи отъ Іудей* (1 Сол. II, 14). Послушай, что онъ писалъ потомъ

и въ посланіи къ евреямъ: *и разграбленіе имѣній вашихъ съ радостію пріясте* (Евр. x, 34). Благодатію же называетъ милостыню не только для того, чтобы удержать ихъ въ смиреніи, но и для того, чтобы вызвать къ милостынѣ, и слово свое сдѣлать не ненавистнымъ. Для того наименовалъ ихъ и братіею, чтобы пресѣчь всякую зависть, потому что хочетъ хвалить (македонянъ) чрезвычайно. Выслушай же похвалы. Написавъ: *сказую вамъ благодать Божію*, не говоритъ — данную въ томъ или другомъ городѣ, но хвалитъ цѣлый народъ, говоря: *въ церквахъ Македонскихъ*. Потомъ описываетъ и самую благодать: *яко во многѣмъ искушеніи скорби избытокъ радости ихъ* (ст. 2). Видишь ли благоразуміе его? Сначала говоритъ не то, что хочетъ, а нѣчто другое, чтобы не подумали, что онъ нарочито объ этомъ началъ говорить, но чтобы, начавъ съ другого, естественнымъ образомъ дойти и до нужнаго предмета. *Во многѣмъ искушеніи скорби*. То же говорилъ и въ посланіи македонянамъ: вы сдѣлались *подобницы Господу, пріемше слово въ скорби многѣ съ радостію Духа Святаго*; и далѣе: *отъ васъ промчеся слово Господне не токмо въ Македоніи и Ахаіи, но и во всяко мѣсто вѣра ваша, яже къ Богу, изыде* (1 Сол. і, 6, 8). Что же значатъ слова: *во многѣмъ искушеніи скорби избытокъ радости ихъ?* То, что у нихъ въ избыткѣ было и то, и другое — и скорбь, и радость. И что весьма странно, такое обильное удовольствіе произрасло для нихъ изъ такой скорби. Скорбь—и притомъ скорбь тяжчайшая—не только не породила въ нихъ печали, но еще была для нихъ причиной веселія. Говоря это, (апостолъ) имѣлъ въ виду научить (коринѳянъ) быть мужественными и непоколебимыми въ скорбяхъ,—потому что и македоняне не просто скорбѣли, но въ скорби содѣлались и искуснѣйшими чрезъ терпѣніе; впрочемъ не говоритъ — чрезъ терпѣніе, но — что̀ гораздо 514
выше терпѣнія — радость; и не просто радость, но избытокъ радости, потому что дѣйствительно радость ихъ была велика и неизреченна. *И яже во глубинѣ нищета ихъ избыточествова въ богатство простоты ихъ*. Опять то и другое съ избыткомъ. Какъ великая скорбь произвела великую радость и избытокъ радости, такъ и великая нищета породила великое богатство милостыни. Это самое и выразилъ (апостолъ), сказавъ: *избыточествова въ богатство простоты ихъ*, такъ какъ щедрость цѣнится не по мѣрѣ подаянія, но по расположенію подающихъ. Потому онъ нигдѣ и не говоритъ: богатство подаваемаго, но—*богатство простоты ихъ*. Смыслъ его словъ таковъ: нищета не только не воспрепятствовала имъ быть щедрыми, но еще и послужила причиной обилія, подобно тому какъ скорбь—причиной радости. Чѣмъ бѣднѣе были сами, тѣмъ дѣлались щедрѣе, и усерднѣе подавали. Потому-то

и весьма удивляется имъ, что при такой нищетѣ показали такую щедрость. *Яже бо во глубинѣ нищета ихъ*, т. е. великая и несказанная, показала ихъ простоту. Впрочемъ не сказалъ—показала, но—*избыточествова*, равнымъ образомъ не сказалъ—простоту, но—*богатство простоты*, т. е. простоту, равную ихъ убожеству; или—лучше сказать—они показали даже гораздо большій перевѣсъ щедрости. Далѣе онъ выражаетъ то же самое яснѣе, говоря: *яко по силѣ свидѣтельствую* (достовѣрный свидѣтель), *и паче силы*,—т. е. *избыточествова въ богатство простоты ихъ* (ст. 5). И не этими только, но и всѣми послѣдующими словами объясняетъ то же, именно говоритъ: *доброхотни* (ст. 4). Вотъ и другое превосходство. *Со многимъ моленіемъ*,—вотъ третье и четвертое. *Моляще насъ*,—вотъ еще и пятое. И будучи сами въ скорби и нищетѣ,—вотъ шестое. И седьмое,—съ избыткомъ подали.

3. Далѣе, такъ какъ главною его цѣлію было довести коринѳянъ до того, чтобы они подали милостыню по свободному расположенію, то онъ особенно останавливается на этомъ, говоря: *со многимъ моленіемъ*, и: *моляще насъ*. Не мы ихъ просили, а они насъ. О чемъ же *моляще насъ? Благодать и общеніе служенія, еже ко святымъ*. Видишь ли, какъ онъ превозноситъ опять милостыню, называя ее священными именами? Такъ какъ (коринѳяне) ревновали о дѣлахъ духовныхъ, то называетъ милостыню *благодатію*, чтобы прибѣгали къ ней, *и общеніемъ*, чтобы знали, что они не только даютъ, но и сами получаютъ. Они, говоритъ, просили насъ, чтобы мы приняли такое служеніе. *И не якоже надѣяхомся* (ст. 5). Это онъ говоритъ и въ отношеніи къ качеству (милостыни) и къ скорбямъ. Мы не надѣялись, говоритъ, чтобы находящіеся въ такихъ скорбяхъ и въ такой нищетѣ стали насъ убѣждать и столько просить. И въ прочихъ дѣлахъ (апостолъ) показалъ ихъ тщательность, сказавъ: *но себе вдаша первѣе Господеви, и намъ волею*
515 *Божіею*. Во всемъ они были послушны болѣе, чѣмъ мы надѣялись, и, помогая бѣднымъ, не пренебрегали другихъ добродѣтелей, *но себе вдаша первѣе Господеви*. Что же значитъ: *себе вдаша Господеви?* Посвятили себя Ему, показали себя искусными въ вѣрѣ, явили въ искушеніяхъ великое мужество, благочиніе, кротость, любовь, готовность и усердіе ко всѣмъ другимъ добродѣтелямъ. Что же значитъ: *и намъ?* Были намъ послушны, возлюбили насъ и покорились намъ, какъ исполняя Божіи законы, такъ и съ нами соединяясь любовію. Смотри же, какъ и здѣсь словами—*вдаша себе Господеви* показываетъ необычайную ревность ихъ (къ Богу). Они не покорились частію Богу, а частію міру, но все и самихъ себя всецѣло предали Богу. Помогая бѣднымъ, они не возносились, напротивъ, творили милостыню съ великимъ смиренно-

мудріемъ, съ великимъ послушаніемъ, съ великой почтительностію, съ великимъ любомудріемъ. Что же значитъ: *волею Божіею?* Такъ какъ онъ сказалъ: *намъ вдаша себе*, то (и указываетъ), что и это они сдѣлали не по человѣческимъ разсчетамъ, а по волѣ Божіей. *Во еже умолити намъ Тита, да якоже прежде начатъ въ васъ, такожде скончаетъ и благодать сію* (ст. 6). Какая же здѣсь связь съ предыдущимъ? Весьма большая и тѣсная. Такъ какъ мы узнали, говоритъ, твердость и ревность (македонянъ) во всемъ—въ искушеніяхъ, въ милостынѣ, въ любви къ намъ, въ неукоризненной чистотѣ всей ихъ жизни, то и послали къ вамъ Тита, чтобы и вы сравнились съ ними. Хотя (апостолъ) такъ и не сказалъ, но мысль выразилъ такую. И замѣть преизобиліе любви его. Когда, говоритъ онъ, тѣ просили и убѣждали насъ, мы заботились о васъ, чтобы вамъ не отстать отъ нихъ. Поэтому и послали мы Тита, чтобы вы, возбужденные и наведенные этимъ на мысль, соревновали македонянамъ,—потому что Титъ былъ тамъ, когда было писано это посланіе. При этомъ показываетъ, что (Титъ) еще до увѣщанія Павлова началъ это дѣло, какъ видно изъ словъ: *да якоже прежде начатъ*. Потому-то и высказываетъ великія похвалы Титу, какъ въ началѣ посланія говоря: *не имѣхъ покоя духу моему, не обрѣтшу ми Тита брата моего* (п, 13), такъ и здѣсь, кромѣ всего вышеуказаннаго, прибавляя и эти послѣднія слова. Не малая вѣдь похвала заключается въ томъ, что онъ прежде началъ, — это было знакомъ горячей и ревностной души. Для того и послалъ Тита, чтобы самое присутствіе его послужило (для коринѳянъ) побужденіемъ къ подаянію милостыни. Выхваляетъ же его для того, чтобы сильнѣе расположить къ нему коринѳянъ, такъ какъ и то имѣетъ великую убѣдительную силу, если убѣждаемые расположены къ убѣждающему. Упоминая же о милостынѣ въ первый, второй и третій разъ, прекрасно называетъ ее благодатію: *сказую же вамъ, братіе, благодать Божію, данную въ церквахъ Македонскихъ;* и опять: *доброхотни со многимъ моленіемъ моляще насъ благодать и общеніе;* и еще: *да якоже прежде начатъ, такожде и скончаетъ въ васъ благодать сію.*

4. И дѣйствительно, милостыня есть благо и Божій даръ; 516
и подаяніе милостыни уподобляетъ насъ по силѣ возможности самому Богу. Это больше всего и дѣлаетъ человѣка человѣкомъ. Вотъ почему нѣкто, представляя образецъ человѣка, сказалъ между прочимъ: *велика вещь—человѣкъ, и драгая—мужъ творяй милость* (Притч. xx, 6). Благодать эта важнѣе дара воскрешать мертвыхъ. Напитать алчущаго Христа гораздо важнѣе, чѣмъ именемъ Іисусовымъ воскрешать мертвыхъ. Тамъ ты благодѣтельствуешь Христу, а здѣсь Онъ тебѣ. И награда тому, кто самъ дѣлаетъ до-

бро, а не тому, кто принимаетъ его отъ другого. Здѣсь, при совершеніи чудесъ, ты самъ дѣлаешься должникомъ Богу, а въ дѣлѣ милостыни ты одолжаешь Бога. Милостыня же является таковою только тогда, когда ты подаешь ее охотно, щедро, когда ты думаешь, что не даешь, а самъ принимаешь, когда ты признаешь ее для себя благодѣяніемъ и пріобрѣтеніемъ, а не потерею. Иначе она и не благодать. Тотъ, кто оказываетъ другому милость, долженъ радоваться, а не печалиться. Не безразсудно ли, въ самомъ дѣлѣ, облегчая скорбь другого, самому скорбѣть? Тогда ты дѣлаешь свое подаяніе уже не милостыней. Если ты печалишься о томъ, что избавилъ другого отъ печали, то подаешь примѣръ крайней жестокости и безчеловѣчія. Лучше уже не избавлять, чѣмъ такъ избавлять. Да и о чемъ въ сущности ты печалишься, человѣкъ? О томъ ли, что уменьшится у тебя золото? Но если у тебя такое расположеніе, то совсѣмъ и не давай. Если не вѣришь, что отлагается тебѣ на небѣ великое сокровище, то не удѣляй. Но ты хочешь воздаянія здѣсь. Для чего? Оставь милостынѣ быть милостынею, а не куплею. Правда, многіе получили воздаяніе и здѣсь, но это не значитъ, что они будутъ имѣть больше тѣхъ, которые здѣсь не получили. Напротивъ, нѣкоторые изъ нихъ (получили вознагражденіе здѣсь), какъ немощнѣйшіе, потому что еще не сильно возжелали будущихъ благъ. Какъ люди жадные, не знающіе приличія и рабствующіе чреву, будучи призваны на царскую трапезу и не дожидаясь надлежащаго времени, подобно малымъ дѣтямъ, лишаютъ себя истиннаго удовольствія; когда хватаютъ впередъ и наполняютъ чрево худшими яствами, такъ и тѣ, которые ищутъ награды здѣсь и получаютъ ее, уменьшаютъ будущую свою награду. Давая въ заемъ, ты желаешь обратно получить отданное по прошествіи долгаго времени, а не вскорѣ,—чтобы такимъ замедленіемъ увеличилась прибыль. А въ дѣлѣ милостыни тотчасъ требуешь воздаянія,—и притомъ зная, что не здѣсь, а тамъ будешь жить вѣчно, что не здѣсь будешь судимъ, а тамъ отдашь отчетъ. Если бы кто построилъ тебѣ домъ тамъ, гдѣ ты не думаешь жить, то ты счелъ бы такое дѣло потерей для себя: какъ же ты желаешь быть богатымъ здѣсь, откуда еще до наступающаго вечера можешь не одинъ разъ отойти? Развѣ ты не знаешь, что мы подобно странникамъ и пришельцамъ пребываемъ здѣсь на чужой сторонѣ? Развѣ не знаешь, что пришельцевъ изгоняютъ, когда они ни ожидаютъ, ни думаютъ? Такой участи подлежимъ и всѣ мы на землѣ. Потому-то, что ни приготовляемъ здѣсь, здѣсь же и оставляемъ. Настроимъ ли мы домовъ, или накупимъ полей, рабовъ, сосудовъ или чего другого тому подобнаго,—всего этого Владыка не позволяетъ намъ

при отшествіи отсюда брать съ собою. И не только не позволяетъ, отходя отсюда, брать съ собою, но не даетъ за то и платы, потому что напередъ сказалъ тебѣ: не собирай и не трать чужого, но собирай и трать только свое. Для чего же ты, оставивъ свое, тру- 517
дишься надъ чужимъ и тратишь чужое, чтобы погубить и трудъ и награду, и послѣ подвергнуться крайнему наказанію? Не дѣлай этого, молю тебя. Но если мы пришельцы по естеству, то будемъ пришельцами и по произволенію, чтобы тамъ не быть пришельцами презрѣнными и отверженными. Если мы здѣсь пожелаемъ сдѣлаться гражданами, то не будемъ гражданами ни здѣсь, ни тамъ. Если же останемся пришельцами, и будемъ жить, какъ свойственно жить пришельцамъ, то получимъ права гражданъ и здѣсь, и тамъ. Праведникъ, даже ничего не имѣя, и здѣсь располагаетъ всѣмъ какъ своимъ, и перешедши на небо, узритъ вѣч- 518
ные свои кровы; здѣсь не потерпитъ онъ никакой непріятности, потому что никто не можетъ сдѣлать странникомъ того, для кого вся земля отечество, а достигши свое отечества, онъ получитъ истинное богатство. Итакъ, чтобы намъ воспользоваться и тѣми и другими благами — какъ настоящими, такъ и будущими, будемъ пользоваться настоящими какъ должно. Такимъ образомъ станемъ и гражданами небесными, и получимъ великое дерзновеніе, котораго всѣ мы и да сподобимся благодатію и человѣколюбіемъ (Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава со Отцемъ и Св. Духомъ, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь).

БЕСѢДА XVII.

Но якоже во всемъ избыточествуете, вѣрою и словомъ и разумомъ и всяцѣмъ тщаніемъ (2 Кор. VIII, 7). 517

1. Смотри, какъ опять (апостолъ) съ похвалами соединяетъ увѣщаніе достигать большихъ похвалъ. Не сказалъ: якоже даете, но—*якоже избыточествуете вѣрою*, т. е. дарами вѣры, *и словомъ*, т. е. словомъ мудрости, *и разумомъ*, т. е. познаніемъ догматовъ вѣры, *и всяцѣмъ тщаніемъ*, т. е. ревностію къ прочимъ добродѣтелямъ, *и любовію, яже отъ васъ*, т. е. любовію, о которой я говорилъ уже и которой представилъ доказательство. *Да и въ сей благодати избыточествуете*. Видишь ли, что для того онъ началъ рѣчь свою съ такихъ похвалъ, чтобы, идя по порядку, возбудить въ нихъ такую же ревность и къ милостынѣ. *Не по повелѣнію глаголю* (ст. 8). Смотри, какъ онъ вездѣ къ нимъ снисходителенъ, не дѣлаетъ обремененія, насилія и принужденія. Осо-

бенно же старается, чтобы въ словахъ его не было обремененія и принужденія. Такъ какъ онъ непрестанно увѣщевалъ ихъ, и очень хвалилъ македонянъ, то, чтобы подаяніе милостыни (коринѳяне) не почли необходимымъ, говоритъ: *не по повелѣнію глаголю. но за иныхъ тщаніе, и вашея любве истинное искушая*,—говорю не какъ сомнѣвающійся,—этого и не видно здѣсь,—но какъ желающій сдѣлать любовь вашу для всѣхъ видимою и открытою, и еще болѣе крѣпкою; говорю это для того, чтобы возбудить васъ къ такой же ревности; я упомянулъ объ усердіи (македонянъ), чтобы просвѣтлить, очистить и пробудить ваше расположеніе. Далѣе переходитъ онъ къ другому высшему роду убѣжденія, не оставляетъ ни одного способа къ увѣщанію, но всѣмъ пользуется и употребляетъ разные обороты слова. Такъ увѣщевалъ ихъ, то хваля другихъ: вы знаете *благодать Божію, данную въ церквахъ Македонскихъ;* то хваля ихъ самихъ: *но якоже во всемъ избыточествуете, словомъ и разумомъ*,—вѣдь очень чувствительно для человѣка видѣть, что онъ сталъ ниже не только другихъ, но и себя самого. Наконецъ переходитъ къ тому, что составляетъ верхъ и вѣнецъ увѣщанія: *вѣсте бо*, говоритъ, *благодать Господа нашего, яко* насъ *ради обнища, богатъ сый, да* мы *нищетою Его* обогатимся (ст. 9). Представьте себѣ, говоритъ, благодать Божію, подумайте и размыслите о ней, и не мимоходомъ обра-
518 тите на нее вниманіе, но вникните во все ея величіе и обширность: и тогда не пощадите ничего изъ своего достоянія. Онъ истощилъ славу (Свою), чтобы вы обогатились не богатствомъ, но нищетою Его. Если не вѣришь, что нищета производитъ богатство, то вспомни своего Владыку, и не будешь болѣе сомнѣваться. Въ самомъ дѣлѣ, если бы Онъ не обнищалъ, ты не сдѣлался бы богатымъ. Подлинно удивительно, что нищета обогатила богатство. Богатствомъ же онъ называетъ здѣсь познаніе благочестія, очищеніе грѣховъ, оправданіе, освященіе и прочія безчисленныя блага, какія (Христосъ) даровалъ, и обѣщалъ намъ даровать. И все это пріобрѣтено для насъ чрезъ нищету. Какую же нищету? Ту, что Онъ принялъ плоть, сталъ человѣкомъ и претерпѣлъ страданія; хотя Онъ и ничѣмъ не былъ долженъ тебѣ, но ты Ему долженъ. *И совѣтъ* вамъ *даю о семъ на пользу* (ст. 10). Смотри, какъ онъ опять заботится, чтобы не быть въ тягость, и какъ смягчаетъ свою рѣчь этими двумя выраженіями: *совѣтъ даю*, и: *на* вашу *пользу*. Я не принуждаю, говоритъ онъ, не дѣлаю насилія и не требую противъ воли; а говорю это, имѣя въ виду не столько пользу пріемлющихъ милостыню, сколько вашу собственную. Потомъ и въ примѣръ представляетъ ихъ же самихъ, а не другихъ: *иже не точію, еже творити, но и еже хо-*

хотѣти, прежде начасте отъ прошедшаго лѣта. Смотри, какъ онъ показываетъ, что и они добровольно и безъ увѣщаній дошли до того же. Такъ какъ онъ засвидѣтельствовалъ о солунянахъ, что они доброхотно и со многимъ моленіемъ приступили къ подаянію милостыни, то желаетъ показать, что и у коринѳянъ есть то же совершенство. Потому и сказалъ: *не точію, еже творити, но и еже хотѣти*; и не теперь только вы начали, но *прежде начасте отъ прошедшаго лѣта.* Потому и умоляю васъ исполнить то, къ чему вы сами предварительно себя возбудили со всѣмъ усердіемъ. *Нынѣ же и сіе творити скончайте* (ст. 11). Не сказалъ—сдѣлайте, но—положите конецъ. *Да якоже бысть усердіе хотѣти, тако будетъ и исполнити отъ сего, еже имате*; т. е., чтобы это прекрасное дѣло не остановилось на одномъ усердіи, но, будучи дѣйствительно исполнено, получило и награду. *Аще бо усердіе предлежитъ, по елику аще кто иматъ, благопріятенъ есть, а не по елику не иматъ* (ст. 12).

Какая несказанная мудрость! Прежде замѣтилъ, что солуняне поступили сверхъ силъ, и похвалилъ ихъ за то, сказавъ: *свидѣтельствую о нихъ*, и: *паче силы*; а теперь, когда увѣщеваетъ подавать милостыню только по силамъ, предоставивъ примѣру солунянъ произвести въ нихъ свое дѣйствіе,—такъ какъ зналъ, что не столько увѣщаніе, сколько соревнованіе побуждаетъ къ подражанію въ подобныхъ дѣлахъ,—онъ говоритъ: *аще бо усердіе предлежитъ, по елику аще кто иматъ, благопріятенъ есть, а не по елику не иматъ.* Не страшись, говоритъ, сказаннаго мною (о солунянахъ),—я сказалъ это въ похвалу ихъ щедролюбія; Богъ же требуетъ посильнаго подаянія, по мѣрѣ того, кто что имѣетъ, а не по мѣрѣ того, чего не имѣетъ. Слово—благопріятенъ то же здѣсь означаетъ, что—требуется. Надѣясь на силу представленнаго примѣра, онъ смягчаетъ (свои слова) и тѣмъ еще сильнѣе склоняетъ ихъ къ подаянію. Потому и присовокупилъ: *не бо да инымъ отрада, вамъ же скорбь* (ст. 13). 519

2. Правда, Христосъ, напротивъ, похвалилъ вдовицу, что она все пропитаніе свое истощила, и подала отъ скудости (Марк. xii, 44). Но (апостолъ) говорилъ коринѳянамъ, въ бытность свою у которыхъ предпочиталъ лучше голодать: *добрѣе бо мнѣ*, говоритъ, *паче умрети, нежели похвалу мою кто да испразднитъ* (1 Кор. ix, 15). Поэтому даетъ и наставленіе умѣренное, хвалитъ подающихъ милостыню сверхъ силъ своихъ, но не принуждаетъ дѣлать то же—не потому, чтобы онъ не желалъ, но потому, что они были еще слабы. Иначе для чего бы и хвалить (македонянъ), что *во мнозѣмъ искушеніи скорби избытокъ радости ихъ, и яже во глубинѣ нищета ихъ, избыточествова въ богатство простоты ихъ,*

и что они сверхъ силы подавали милостыню? Не явно ли—для того, чтобы (и коринеянъ) побудить къ тому же? Слѣдовательно, если онъ повидимому и соглашается на меньшее, то дѣлаетъ это для того, чтобы примѣромъ (солунянъ) побудить ихъ къ большему. Смотри, какъ и послѣдующими словами незамѣтно направляетъ къ тому же. А именно, къ сказанному онъ прибавляетъ: *ваше избыточествіе во онѣхъ лишеніе* (ст. 14). Какъ выше сказанными, такъ и этими словами онъ хочетъ облегчить заповѣдь свою; даже не этимъ только, но и представленіемъ награды дѣлаетъ ее болѣе легкою, и говоритъ о нихъ болѣе, чѣмъ сколько они стоютъ. *Да будетъ равенство въ нынѣшнее время, и онѣхъ избытокъ въ ваше лишеніе.* Что же хочетъ онъ сказать? Вы богаты деньгами, а тѣ чистотою жизни и дерзновеніемъ къ Богу. Итакъ, дайте имъ отъ вашихъ имѣній, которыхъ у васъ обиліе, а они не имѣютъ, чтобы самимъ получить отъ нихъ взамѣнъ дерзновеніе къ Богу, въ которомъ они богаты, а вы ощущаете недостатокъ. Видишь ли теперь, какъ онъ непримѣтнымъ образомъ убѣждаетъ (коринеянъ) подавать и сверхъ силы, и отъ недостатка? Если хочешь, говоритъ онъ, получить только отъ избытка, то и подавай отъ избытка. Если же хочешь все пріобрѣсти, то подавай и отъ недостатка, и сверхъ силы. Впрочемъ, не говоритъ этого явно, а предоставляетъ слушателямъ дойти до этого собственнымъ заключеніемъ. Самъ же продолжаетъ пока предположенное и сообразное съ его цѣлію увѣщаніе, присовокупляя, что
520 повидимому и слѣдовало сказать: *яко да будетъ равенство въ нынѣшнее время.* Какъ же будетъ это равенство? Такъ, что мы и они будемъ взаимно удѣлять другъ другу избытки, и восполнять недостатки. Но какое тутъ равенство—за плотское платить духовнымъ? Вѣдь послѣднее много превосходитъ первое. Почему же называетъ это равенствомъ? Онъ назвалъ это равенствомъ только въ отношеніи или къ избытку и лишенію, или къ настоящей жизни, почему, и сказавъ: *равенство*, присовокупилъ: *въ нынѣшнее время.* А сказалъ это для того, чтобъ низложить гордость богатыхъ и показать, что, по отшествіи отсюда, жившіе духовно будутъ имѣть болѣе преимущества. Въ настоящей жизни всѣ мы во многомъ равночестны; но тогда произойдетъ большое раздѣленіе, окажутся величайшія преимущества, потому что праведные возсіяютъ свѣтлѣе солнца. Потомъ, такъ какъ онъ показалъ, что (коринеяне) не только даютъ, но и сами взаимно получаютъ еще большее, то хочетъ и другимъ образомъ возбудить ихъ усердіе,—показывая именно, что если они не удѣлятъ своего другимъ, не больше будутъ имѣть у себя, хотя бы и все забрали; и приводитъ въ примѣръ древнее сказаніе: *яко же есть писано: иже*

многое, не преумножилъ есть, и иже малое, не умалилъ (ст. 15; Исх. XVI, 18). Такъ было при собираніи манны: одни собирали больше, другіе меньше, но тѣ и другіе находили у себя по равной мѣрѣ; этимъ Богъ наказывалъ за ненасытность. (Апостолъ) указалъ на это для того, чтобы и устрашить (коринѳянъ) древнимъ событіемъ, и убѣдить—никогда не желать большаго, равно какъ не скорбѣть, если имѣютъ мало. И не только было такъ съ манною, но то же самое, какъ можно видѣть, бываетъ и нынѣ въ житейскихъ дѣлахъ. Всѣ мы одинаково наполняемъ желудокъ, живемъ одно опредѣленное время, и всѣ облечены въ одинаковое тѣло: поэтому ни у богатаго ничего не прибудетъ отъ избытка, ни у бѣднаго не убудетъ отъ нищеты. Для чего же ты трепещешь нищеты? Для чего гонишься за богатствомъ? Боюсь, говоришь ты, чтобъ не заставила нужда идти къ чужимъ дверямъ и просить у ближняго. Я часто слышу, что многіе даже молятся объ этомъ и говорятъ: не попусти мнѣ когда-нибудь нуждаться въ помощи человѣческой. Слыша это, я очень смѣюсь, потому что такой страхъ приличенъ только дѣтямъ. Въ самомъ дѣлѣ, ежедневно и во всемъ, такъ сказать, мы нуждаемся въ помощи другъ друга. А потому такія слова свойственны только неразсудительному и надменному человѣку, который не знаетъ хорошо положенія дѣла. Развѣ не видишь, что мы всѣ имѣемъ нужду другъ въ другѣ? Воинъ въ ремесленникѣ, ремесленникъ въ купцѣ, купецъ въ земледѣльцѣ, рабъ въ свободномъ господинѣ, господинъ въ рабѣ, бѣдный въ богатомъ, богатый въ бѣдномъ, ничего не зарабатывающій въ подающемъ милостыню, подающій въ принимающемъ,—вѣдь и принимающій милостыню удовлетворяетъ величайшей нуждѣ, высшей всѣхъ нуждъ. Если бы не было нищихъ, то многое бы утратилось для нашего спасенія, потому что намъ некуда было бы сбывать свое имущество. Такимъ образомъ и нищій, который, повидимому, всѣхъ безполезнѣе, оказывается всѣхъ полезнѣе. Если же для тебя стыдно имѣть нужду въ другомъ, то тебѣ остается только умереть, потому что кто стыдится этого, тому нельзя и жить. Но я не могу, говоришь, вынести гордаго взгляда. Для чего ты, обвиняя другого въ гордости, себя самого стыдишь такимъ же обвиненіемъ? Вѣдь и то гордость, если не терпишь надменности гордаго человѣка. За- 521
чѣмъ же ты боишься, трепещешь того, что не стоитъ никакого вниманія, и изъ-за этого ужасаешься и нищеты? Какъ бы ты ни былъ богатъ, все будешь нуждаться во множествѣ людей, худшихъ тебя; чѣмъ болѣе ты богатѣешь, тѣмъ болѣе подвергаешь себя этой бѣдѣ.

3. Итакъ, ты самъ не знаешь, о чемъ молишься, когда просишь

богатства для того, чтобы ни въ комъ не имѣть нужды. Ты поступаешь подобно тому, какъ если бы кто, уходя въ море, гдѣ нужны и пловцы, и корабль, и многое снаряженіе, сталъ бы молиться о томъ, чтобы ему ни въ комъ не имѣть нужды. А если ты дѣйствительно желаешь не очень нуждаться въ другихъ, то проси себѣ нищеты. Будучи нищимъ, если у кого и попросишь, то только хлѣба или одежды. А сдѣлавшись богатымъ, будешь нуждаться и въ селахъ, и въ домахъ, и въ оброкахъ, и въ достоинствѣ, и въ безопасности, и въ славѣ; тебѣ понадобятся и начальники, и не только они, но и подчиненные имъ жители городовъ и селъ, купцы и мелкіе продавцы. Видите ли, что такія рѣчи крайне неразумны? Во всякомъ случаѣ, сколько бы тебѣ ни казалось страшнымъ имѣть въ комъ-либо нужду, всецѣло избавиться отъ этого никакъ невозможно. А если хочешь избѣжать шумной толпы,—что позволительно,—то бѣги въ спокойную пристань нищеты, отрѣшись отъ множества житейскихъ дѣлъ, и не почитай стыдомъ имѣть нужду въ другомъ. Такъ устроилъ Богъ по неизглаголанной премудрости Своей! Въ самомъ дѣлѣ, если мы нуждаемся другъ въ другѣ, самая необходимость во взаимной помощи не соединяетъ ли насъ узами дружбы? А если бы мы сами могли удовлетворять своимъ нуждамъ, то не сдѣлались ли бы неукротимыми звѣрями? Потому Богъ силою и необходимостію покорилъ насъ другъ другу, и мы ежедневно сталкиваемся другъ съ другомъ. А если бы Онъ снялъ эту узду, кто бы сталъ искать дружбы ближняго? Итакъ, не будемъ почитать этого постыднымъ, не станемъ молиться и говорить: не дай намъ имѣть нужду въ помощи другого; напротивъ будемъ молиться, говоря такъ: не попусти, чтобы во время нужды нашей отказали намъ могущіе подать помощь. Не нуждаться въ помощи другого, а похищать принадлежащее другому—тяжело. Между тѣмъ объ этомъ мы никогда не молимся и не говоримъ: не попусти мнѣ пожелать чужого. Напротивъ, нуждаться въ другомъ кажется для насъ ужаснымъ. Павелъ много разъ бывалъ въ нуждѣ, и не стыдился, а напротивъ—даже радовался и хвалилъ оказывавшихъ ему услуги, говоря: *яко и единою, и дващи въ требованіе мое посыласте* (Фил. IV, 16); и еще: *отъ иныхъ церквей уяхъ, пріимъ оброкъ къ вашему служенію* (2 Кор. XI, 8). Итакъ, стыдиться этого свойственно не разумно-свободной, но изнѣженной, испорченной и несмысленной душѣ. Да и Богу такъ угодно, чтобы мы имѣли нужду одинъ въ другомъ. Итакъ, не мудрствуй чрезъ мѣру. Ты говоришь: не могу переносить многократно умоляемаго и непреклонного человѣка. Но какъ же Богъ (переноситъ) тебя,—котораго Онъ многократно просилъ и не былъ услышанъ, хотя просилъ о

томъ, что для тебя же полезно? *По Христѣ молимъ*, говоритъ 522
(апостолъ), *яко Богу молящу нами. примиритеся съ Богомъ* (2 Кор. v, 20). Ты говоришь: я рабъ Его. Чтожъ изъ того? Если ты—рабъ Его—упиваешься, а Онъ—Владыка твой—алчетъ, и не имѣетъ необходимой для Себя пищи, то защититъ ли тебя имя раба? Напротивъ, оно еще болѣе обременитъ тебя—когда ты живешь въ трехъэтажныхъ палатахъ, а Онъ не имѣетъ и необходимаго крова; когда ты почиваешь на мягкомъ ложѣ, а Онъ не имѣетъ возглавія. Ты говоришь: я подалъ. Но не должно прекращать подаяній. Тогда только ты можешь имѣть извиненіе, когда самъ не имѣешь, когда самъ ничѣмъ не обладаешь. Доколѣ же у тебя что-нибудь есть, то хотя бы ты подалъ и тысячѣ нищихъ, но пока есть другіе алчущіе, тебѣ нѣтъ извиненія. Если же ты еще запираешь пшеницу, возвышаешь на нее цѣну, и измышляешь новые неслыханные способы къ полученію прибыли, то какую будешь имѣть надежду на спасеніе? Тебѣ заповѣдано даромъ давать алчущему, а ты не хочешь дать и за умѣренную цѣну. Христосъ истощилъ для тебя славу Свою, а ты не удѣляешь Ему и куска хлѣба. Песъ у тебя объѣдается, а Христосъ изнемогаетъ отъ голода; рабъ твой отъ пресыщенія разсѣдается, а твой и его Владыка не имѣетъ нужной пищи. Гдѣ такъ поступаютъ друзья? *Примиритеся съ Богомъ*,—потому что это дѣло враговъ и самыхъ злыхъ непріятелей. Итакъ, постыдимся ради тѣхъ благодѣяній, которыя мы получили и еще имѣемъ получить. И если придетъ къ намъ нищій просить милостыни, примемъ его со всѣмъ благорасположеніемъ, утѣшимъ, ободримъ словомъ, чтобы и самимъ получить то же отъ Бога и отъ людей.

Елика бо аще хощете, да творятъ вамъ, и вы творите имъ (Матѳ. vii, 12). Этотъ законъ не имѣетъ въ себѣ ничего тяжкаго и неудобоносимаго. Чего хочешь себѣ, говоритъ, то и дѣлай. Воздаяніе равное. Не сказано—не дѣлайте того другимъ, чего не хотите себѣ, но предписывается гораздо больше; то удерживало бы только отъ зла, а это требуетъ дѣлать добро; въ послѣднемъ заключается и первое. И не сказано—такъ и вы желайте, но—*творите имъ*. Какая же польза? „Въ этомъ законъ и пророки“. Хочешь ли получить прощеніе?—прощай и ты. Не хочешь слышать худого?—и не говори худого. Желаешь, чтобъ тебя хвалили?—самъ хвали (другихъ). Хочешь, чтобъ у тебя не похищали?—самъ не похищай. Видишь ли, какъ онъ доказалъ, что добро свойственно намъ по природѣ, и что мы не имѣемъ нужды ни во внѣшнихъ законахъ, ни въ наставникахъ? Тѣмъ уже самымъ, что желаемъ или не желаемъ себѣ чего-нибудь отъ ближняго, мы налагаемъ на себя законъ. Такимъ образомъ,

если себѣ не желаешь, а другому дѣлаешь, или себѣ желаешь, другому же не дѣлаешь, то самъ на себя произносишь судъ, и ничѣмъ уже не можешь оправдаться, будто бы не знаешь и не понимаешь, что должно дѣлать. Итакъ молю васъ, возстановите сами въ себѣ этотъ законъ, и читайте эти ясныя и краткія начертанія; будемъ для ближнихъ такими, какими
523—524 желаемъ имѣть ихъ для себя, чтобы насладиться намъ и въ настоящей жизни спокойствіемъ, и достигнуть будущихъ благъ, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XVIII.

523 **Благодареніе же Богови, давшему тожде тщаніе о васъ въ сердце Титово (2 Кор. VIII, 16).**

1. Опять (апостолъ) хвалитъ Тита. Такъ какъ онъ говорилъ о милостынѣ, то хочетъ теперь сказать и о тѣхъ, которые примутъ отъ коринѳянъ подаянія, и отнесутъ ихъ. Это нужно было для умноженія сбора и для возбужденія большей готовности въ подававшихъ. Тотъ, кто увѣренъ въ честности служащаго, и не относится съ подозрѣніемъ къ принимающимъ, подаетъ съ большей щедростью. Слушай же, какъ онъ и здѣсь, чтобы достигнуть этого, хвалитъ отправляемыхъ съ милостынею, въ числѣ которыхъ Титъ былъ первымъ. Онъ говоритъ: *благодареніе же Богови, давшему тожде тщаніе о васъ въ сердце Титово*. Что значитъ—тожде? Такое же, какое онъ имѣлъ о ѳессалоникійцахъ или какое имѣю я. И замѣть мудрость его. Показавъ, что это есть дѣло Божіе, онъ приноситъ благодареніе давшему, чтобы и тѣмъ возбудить (коринѳянъ). Если Богъ воздвигъ и послалъ его къ вамъ, то самъ Онъ и проситъ чрезъ него. Итакъ, не почитайте случившагося дѣломъ человѣческимъ. Но откуда видно, что самъ Богъ его наставилъ? *Яко моленіе убо пріятъ. Тщаливѣйшій же сый, своею волею изыде* (ст. 17). Смотри, какъ показываетъ, что (Титъ) исполняетъ свое дѣло, и не требуетъ побужденій отъ другихъ. Воздавъ благодареніе Богу, (апостолъ) однако не приписываетъ всего Богу, а говоритъ, что (Титъ) и самъ по доброй волѣ вызвался на дѣло, чтобы и этимъ опять внушить имъ большую любовь къ нему. *Тщаливѣйшій же сый, своею волею изыде*, т. е. восхитилъ себѣ дѣло, поспѣшилъ къ сокровищу, вмѣнилъ въ собственную свою пользу служить вамъ, и такъ сильно лю-

бить васъ, что не имѣлъ даже и нужды въ увѣщаніяхъ съ моей стороны. Хотя я и просилъ его, но не этимъ онъ былъ возбужденъ, а собственнымъ произволеніемъ и благодатію Божіею. *Послахомъ же съ нимъ и брата, его же похвала во евангеліи по всѣмъ церквамъ* (ст. 18).

Кто же этотъ братъ? Одни разумѣютъ Луку, по причинѣ евангельской исторіи, имъ написанной, другіе Варнаву, такъ какъ (апостолъ) и устную проповѣдь называлъ евангеліемъ. Почему же онъ не называетъ ихъ именъ, тогда какъ Тита и по имени называетъ, и упоминаетъ о содѣйствіи его въ проповѣданіи евангелія (онъ столько былъ полезенъ, что въ его отсутствіе Павелъ не могъ совершить ничего великаго и важнаго: *не имѣхъ покоя духу моему*, говоритъ онъ, *не обрѣтшу ми Тита брата моего* [II, 13]), и говоритъ о любви его къ нимъ (*утроба его излиха къ вамъ есть* [VII, 15]), и о ревности его въ собираніи милостыни (*своею волею изыде*); а этихъ, напротивъ, не хвалитъ подобнымъ образомъ и 524
даже именъ ихъ не упоминаетъ? Что сказать на это? Можетъ быть, они неизвѣстны были (коринѳянамъ), поэтому и не распространяется въ похвалахъ имъ, такъ какъ добродѣтелей ихъ (коринѳяне) еще не извѣдали, но говоритъ объ нихъ, сколько нужно было, чтобы внушить о нихъ доброе мнѣніе и удалить подозрѣніе. Однако посмотримъ, за что онъ хвалитъ и этого самаго брата. Итакъ, за что же хвалитъ? Во-первыхъ, за проповѣдь и за то, что не только проповѣдывалъ, но даже проповѣдывалъ какъ должно и съ надлежащимъ тщаніемъ. Не сказалъ, что проповѣдуетъ и благовѣствуетъ, но—*его же похвала во евангеліи*. И чтобы не подумали, что льститъ ему, приводитъ въ свидѣтели не одного, не двухъ, не трехъ человѣкъ, но всѣ церкви, говоря: *по всѣмъ церквамъ*. Потомъ обращаетъ ему въ честь судъ рукоположившихъ его,—что̀ также немаловажно. Потому-то вслѣдъ за словами: *его же похвала во евангеліи по всѣмъ церквамъ*, присовокупилъ: *не точію же* (ст. 19). Что значитъ—*не точію же?* Онъ достоинъ уваженія не только потому, что за проповѣдь всѣ одобряютъ его и хвалятъ, но и потому, что онъ *освященъ отъ церквей съ нами*. Отсюда догадываюсь, что (апостолъ) разумѣетъ Варнаву. Далѣе означаетъ великое достоинство его, указывая, для чего онъ рукоположенъ: *съ нами ходити, со благодатію сею служимою нами*. Видишь ли, сколько похвалъ приписываетъ ему? Онъ прославился проповѣдію евангелія, и свидѣтельство объ этомъ имѣлъ отъ всѣхъ церквей. *Освященъ съ нами*,—то есть на то же служеніе, на какое и Павелъ, и вездѣ былъ ему общникомъ—и въ искушеніяхъ, и въ бѣдахъ, какъ это показываетъ слово—*ходити*. Но что значатъ слова: *со благодатію сею служимою нами?*

То, что онъ избранъ возвѣщать слово и проповѣдывать евангеліе или служить при собираніи милостыни; вѣрнѣе же, какъ мнѣ кажется, (апостолъ) указываетъ на то и другое вмѣстѣ. Потомъ присовокупляетъ: *къ самого Господа славѣ и усердію вашему*. Смыслъ этихъ словъ слѣдующій: мы упросили, говоритъ онъ, чтобы его избрали вмѣстѣ съ нами, и поручили ему должность эконома священныхъ имуществъ и діакона (эта должность была не маловажна: *усмотрите бо*, сказано, *мужи отъ васъ свидѣтельствованы седмь* [Дѣян. VI, 3]); и онъ избранъ былъ церквами по согласію всего народа. Что же значатъ слова: *къ самого Господа славѣ и усердію вашему?* То, чтобы и Богъ прославлялся, и вы стали усерднѣе къ подаянію, когда принимающіе эти подаянія будутъ люди испытанные, такъ что на нихъ никто не можетъ имѣть никакого, даже ложнаго, подозрѣнія.

525 2. Для того мы и пріискали такихъ мужей, и, чтобы отдалить и такое подозрѣніе, не одному ввѣрили все, но послали Тита и другого съ нимъ. Затѣмъ, изъясняя тѣ же самыя слова: *къ самого Господа славѣ и усердію вашему*, присовокупляетъ: *блюдущеся того, да не кто насъ поречетъ въ обиліи семъ служимѣмъ нами* (ст. 20). Какой же смыслъ этихъ словъ? Достойный добродѣтели Павловой, и вмѣстѣ показывающій великое его попеченіе и снисхожденіе. Чтобы, говоритъ онъ, не сталъ кто-нибудь подозрѣвать насъ, и не возъимѣлъ хотя малѣйшаго повода укорять насъ, будто бы мы присвояемъ что-либо себѣ изъ вручаемыхъ намъ подаяній, послали мы этихъ (мужей), и не одного только, но двоихъ и троихъ. Видишь ли, какъ освобождаетъ ихъ отъ всякаго подозрѣнія? (Освобождаетъ) не только тѣмъ, что они проповѣдники евангелія, избраны церквами, но и тѣмъ, что они мужи испытанной честности, и за эту самую честность избраны, чтобы не было мѣста подозрѣнію. И не сказалъ—чтобы вы не стали укорять, но—*да не кто* другой. Хотя онъ сдѣлалъ это ради нихъ, на что и намекнулъ словами: *къ самого Господа славѣ и усердію вашему*, однако не хочетъ уязвить ихъ, и говоритъ иначе: *блюдущеся того* сдѣлать. И даже этимъ не довольствуется; но, желая успокоить ихъ еще болѣе, говоритъ далѣе: *въ обиліи семъ служимѣмъ нами*,—и такимъ образомъ тяжкое для слуха ихъ смягчаетъ похвалою. И чтобы они не оскорбились и не стали говорить: итакъ ты подозрѣваешь насъ, и мы такъ несчастны, что не заслуживаемъ твоего довѣрія,—онъ, предупреждая ихъ, говоритъ: много денегъ вами переслано, и самое обиліе, т. е. большое количество милостыни, можетъ возбудить въ злыхъ людяхъ подозрѣніе, если не примемъ предосторожности. *Промышляюще добрая не токмо предъ Богомъ, но и предъ человѣки* (ст. 21).

Что можетъ сравниться съ Павломъ? Онъ не сказалъ: пусть будетъ несчастнымъ и пусть погибнетъ тотъ, кто станетъ подозрѣвать въ чемъ-либо подобномъ; доколѣ не обличаетъ меня совѣсть, мнѣ нѣтъ дѣла до подозрѣвающихъ. Напротивъ, чѣмъ они были слабѣе, тѣмъ болѣе снисходилъ къ нимъ. Не негодовать нужно на больного, но помогать ему. Между тѣмъ, отъ какого грѣха мы столько далеки, сколько онъ далекъ отъ таковыхъ подозрѣній? Если бы кто былъ подобенъ даже демону, и тотъ не могъ бы подозрѣвать блаженнаго (апостола) въ этомъ служеніи. И все же, какъ ни далекъ онъ былъ отъ худыхъ подозрѣній, онъ все дѣлаетъ и устрояетъ такъ, чтобы не оставить и малѣйшей тѣни для тѣхъ, которые захотѣли бы хотя сколько-нибудь подозрѣвать его въ худомъ. Онъ избѣгаетъ не только обвиненія, но и худого мнѣнія, малѣйшей укоризны и простого подозрѣнія. *Послахомъ же съ ними брата нашего* (ст. 22). Вотъ и еще одного присовокупляетъ,—и этого съ похвалою и съ одобреніемъ, какъ своимъ собственнымъ, такъ и многихъ другихъ свидѣтелей: *его же искусихомъ*, говоритъ, *во многихъ множицею тщательна суща, нынѣ же множае тщательнѣйша*. Похваливъ его за собственныя 526
его заслуги, хвалитъ и за любовь къ нимъ, — и что́ сказалъ о Титѣ, что онъ *тщаливѣйшій сый своею волею изыде*,—то же говоритъ и объ этомъ: *нынѣ же множае тщательнѣйша*, т. е. послѣ того, какъ (Павелъ) посѣялъ въ нихъ сѣмена любви къ коринѳянамъ. Потомъ, показавъ ихъ добродѣтели, располагаетъ и коринѳянъ въ ихъ пользу, говоря: *аще ли же о Титѣ, общникъ* мой, *и къ вамъ споспѣшникъ* (ст. 23). Что значитъ: *аще ли о Титѣ?* Если, говоритъ, нужно сказать что-нибудь о Титѣ, то скажу, что онъ *общникъ* мой, *и къ вамъ споспѣшникъ*. Или это разумѣетъ (Павелъ), или то, что, если вы сдѣлаете что для Тита, сдѣлаете это не для обыкновеннаго человѣка, потому что онъ *общникъ* мой. И повидимому, похваляя его этимъ, хвалитъ вмѣстѣ и ихъ, показывая въ нихъ такое къ себѣ расположеніе, что они почитаютъ достаточнымъ основаніемъ уважать человѣка, какъ скоро извѣстно, что онъ Павловъ общникъ. Не довольствуясь, однако, этимъ, (апостолъ) присовокупляетъ еще: *и къ вамъ споспѣшникъ*. Не просто споспѣшникъ, но въ дѣлахъ, касающихся до васъ: въ вашемъ преспѣяніи, совершенствованіи, въ любви и тщаніи о васъ. А это болѣе всего могло привлечь ихъ къ нему. *Аще ли братія наша*. Если, говоритъ, желаете знать что-либо и о другихъ, то и они имѣютъ величайшія права на ваше расположеніе, потому что и они *братія наша и посланницы церквей*, т. е. отъ церквей посланы. Затѣмъ, что всего важнѣе, они *слава Христова*, потому что къ Нему относится все, что съ ними ни дѣлается.

Итакъ, хотите ли принять ихъ какъ братьевъ, или какъ посланниковъ церквей, или какъ дѣлающихъ все для славы Христовой,—во всякомъ случаѣ имѣете много побужденій оказать имъ свое расположеніе. Если о Титѣ могу сказать, что онъ общникъ мой и любитъ васъ, то и объ этихъ (скажу), что они братья, посланники церквей, слава Христова.

3. Видишь ли, какъ и отсюда ясно, что эти послѣдніе не были извѣстны (коринѳянамъ)? Иначе онъ и ихъ похвалилъ бы за то же, за что хвалилъ Тита, т. е. за любовь къ нимъ. Но такъ какъ они еще были незнакомы имъ, то и говоритъ: примите ихъ какъ братьевъ, какъ посланниковъ церквей, какъ дѣлающихъ все для славы Христовой. Потому присовокупляетъ: *показаніе убо любве вашея и нашего хваленія о васъ, къ нимъ покажите, въ лице церквей* (ст. 24). Теперь покажите, говоритъ, какъ вы насъ любите, и что мы не тщетно и не напрасно хвалимся вами. А докажете это, если окажете имъ свою любовь. Потомъ придаетъ слову своему особенную силу, говоря: *въ лице церквей*, т. е. для славы и чести церквей. Если, говоритъ, почтите ихъ, то почтите пославшія церкви. Не къ нимъ только относится ваша честь, но и къ пославшимъ, которые ихъ избрали, а еще прежде—къ славѣ Божіей, потому что, когда воздаемъ честь служителямъ (Бо-
527 жіимъ), чрезъ нихъ воздается похвала самому (Богу). Ко всѣмъ церквамъ,—немаловажно и это, потому что велика сила собора, или церквей. Посмотри, какую великую силу имѣлъ соборъ. Молитва церкви освободила Петра отъ узъ, отверзла уста Павлу. Приговоръ ихъ важенъ,—возводитъ на духовныя степени приступающихъ къ нимъ. Вотъ почему и готовящійся рукополагать испрашиваетъ при этомъ и ихъ молитвъ, и они подаютъ свой голосъ и возглашаютъ извѣстное освященнымъ, а неосвященнымъ не все можно открывать. Но есть случаи, въ которыхъ священникъ не отличается отъ подначальнаго, напримѣръ, когда должно причащаться страшныхъ таинъ. Мы всѣ одинаково удостоиваемся ихъ; не такъ, какъ въ ветхомъ завѣтѣ, гдѣ иное вкушалъ священникъ, иное народъ, и гдѣ не позволено было народу пріобщиться того, чего пріобщался священникъ. Нынѣ не такъ; но всѣмъ предлагается одно тѣло и одна чаша. И въ молитвахъ, какъ всякій можетъ видѣть, много содѣйствуетъ народъ. Такъ, напр., о бѣсноватыхъ и о кающихся совершаются общія молитвы священникомъ и народомъ, и всѣ читаютъ одну молитву, молитву—исполненную милосердія. Равнымъ образомъ, когда изгоняемъ изъ священной ограды недостойныхъ участвовать въ святой трапезѣ, нужна бываетъ другая молитва,—и мы всѣ вмѣстѣ повергаемся на землю, и всѣ вмѣстѣ встаемъ. Когда опять насту-

паетъ время преподанія и взаимнаго принятія мира, всѣ равно другъ друга лобзаемъ. При самомъ также совершеніи страшныхъ таинъ священникъ молится за народъ, а народъ молится за священника, потому что слова: *со духомъ твоимъ* означаютъ не что иное, какъ именно это. И молитвы благодаренія также общія,—потому что не одинъ священникъ приноситъ благодареніе, но и весь народъ. Получивъ сперва отвѣтъ отъ народа, и потомъ согласіе, что достойно и праведно совершаемое, начинаетъ священникъ благодареніе. И что удивительнаго, если вмѣстѣ со священникомъ взываетъ и народъ, когда онъ возноситъ эти священныя пѣсни совокупно съ самими херувимами и горними силами? Все же это сказано мною для того, чтобы каждый и изъ подначальныхъ трезвился, чтобы мы знали, что всѣ мы едино тѣло, и столько же различаемся одинъ отъ другого, сколько членъ отъ члена; и чтобы мы не все возлагали на однихъ священниковъ, но и сами пеклись о всей церкви, какъ о тѣлѣ, всѣмъ намъ общемъ. Это послужитъ и къ большему утвержденію, и насъ побудитъ къ большему преспѣянію (въ добродѣтели). Послушай, какъ иногда и апостолы привлекали къ участію въ своихъ рѣшеніяхъ подчиненныхъ. Такъ, когда они поставляли семь діаконовъ, то сообщили объ этомъ прежде народу. Когда Петръ избиралъ Матѳія, то предложилъ о томъ всѣмъ тогда съ нимъ бывшимъ—и мужамъ, и женамъ. И это потому, что здѣсь (въ церкви) нѣтъ ни высокомѣрія начальствующихъ, ни раболѣпства подчиненныхъ, а есть власть духовная, которая находитъ для себя болѣе всего пріобрѣтеніе въ томъ, чтобы принимать больше трудовъ и заботы о васъ, а не въ томъ, чтобы искать большихъ 528
почестей. Въ церкви должно жить, какъ въ одномъ домѣ; какъ составляющіе одно тѣло,—всѣ должны быть расположены другъ къ другу, поскольку и крещеніе одно, и трапеза одна, и источникъ одинъ, и твореніе одно, и Отецъ одинъ. Итакъ для чего же раздѣляемся, когда столько связей, насъ соединяющихъ? Для чего разрываемся? Вотъ и опять принуждены мы оплакивать то, о чемъ многократно я плакалъ. Слезъ достойно настоящее наше состояніе. Такъ далеко мы отторглись другъ отъ друга, между тѣмъ какъ надлежало бы изображать собою союзъ одного тѣла. Тогда бы и меньшій могъ приносить пользу большему. Въ самомъ дѣлѣ, если Моисей отъ тестя своего узналъ нѣчто полезное, чего самъ не зналъ, то тѣмъ болѣе было бы такъ въ церкви. И что была за причина, по которой духовный человѣкъ не зналъ того, что зналъ невѣрный? Та, чтобы всѣ тогда бывшіе вразумились, что (Моисей)—человѣкъ и имѣетъ нужду въ Божіемъ содѣйствіи, хотя и море раздѣлилъ, хотя и камень разсѣкъ, и что

дѣйствія эти совершены не человѣческою, но Божіею силою. И нынѣ, если одинъ не говоритъ полезнаго, пусть другой встаетъ и говоритъ.

Хотя бы онъ былъ и меньшій, но если предлагаетъ что-нибудь полезное,—предпочти его мнѣніе; хотя бы онъ былъ даже послѣдній,—не оставь безъ вниманія. Никто вѣдь изъ нихъ не отстоитъ такъ отъ ближняго, какъ отъ Моисея отстоялъ тесть его, а между тѣмъ Моисей не только удостоилъ выслушать, но и принялъ совѣтъ его, послѣдовалъ ему, вписалъ его въ книги, не устыдился даже передать его исторіи, въ низложеніе гордости многихъ. Такимъ образомъ, какъ бы на столпѣ начертавши все это, онъ оставилъ потомству, такъ какъ зналъ, что исторія эта для многихъ будетъ полезна. Не будемъ же презирать тѣхъ, кто даетъ намъ полезные совѣты, хотя бы они были изъ подчиненныхъ, хотя бы изъ людей низкихъ. Не будемъ непремѣнно почитать достойнымъ предпочтенія то, что предлагаемъ сами, но то, что окажется полезнымъ, это пусть и одобряется всѣми. Многіе, при слабомъ зрѣніи, распознаютъ иное лучше имѣющихъ острое зрѣніе, потому что тщательно и внимательно разсматриваютъ. Не говори: для чего призываешь меня на совѣтъ, если не слушаешь, что я говорю? Такія замѣчанія приличны не совѣтнику, а властолюбивому человѣку. Совѣтникъ властенъ только предлагать свое мнѣніе. Если же будетъ данъ другой совѣтъ, болѣе полезный, а онъ станетъ требовать, чтобы сдѣлали такъ, какъ ему хотѣлось, то онъ уже не совѣтникъ, а, какъ я сказалъ, властолюбецъ. Не будемъ такъ дѣлать; но, очистивши душу отъ всякой гордости и тщеславія, будемъ искать не того, чтобы только наши мнѣнія были уважаемы, но чтобы всегда предпочитаемъ былъ полезный совѣтъ, хотя бы онъ данъ былъ и не нами. Хотя и не сами найдемъ полезное, не мало однакожъ получимъ пользы, если примемъ придуманное другими,—и отъ Бога получимъ великую награду, и удостоимся тѣмъ большей славы, потому что какъ сказавшій полезное называется мудрымъ, такъ и мы, принявшіе слова его, заслужимъ похвалу за благоразуміе и благомысліе. Такъ (созидаются) домы и города; такъ созидаясь, и Церковь
529—530 получитъ большее приращеніе; такъ и мы, устроивъ наилучшимъ образомъ настоящую жизнь, сподобимся будущихъ благъ, которыя да получимъ всѣ мы благодатію и человѣколюбіемъ (Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу и Святому Духу слава, держава и честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь).

БЕСѢДА XIX.

О службѣ бо, яже ко святымъ, лишше ми есть писати вамъ (2 Кор. ix, 1). 529

1. Такъ много сказавъ объ этой (службѣ), теперь говоритъ: *лишше ми есть писати вамъ*. И не въ томъ только открывается его мудрость, что, сказавши уже многое, говоритъ — *лишше ми есть писати вамъ*, но и въ томъ еще, что опять говоритъ о ней же. То, что предъ этимъ только что было имъ сказано, онъ говорилъ о тѣхъ, которые приняли собранныя деньги,—чтобы они пользовались большимъ уваженіемъ; а что раньше еще этого говорилъ о македонянахъ, что *во глубинѣ нищета ихъ избыточествова въ богатство простоты ихъ*, и все прочее, было говорено о человѣколюбіи и милостынѣ. И все-таки, не смотря на то, что и прежде сказалъ уже много, онъ опять намѣренъ разсуждать о томъ же предметѣ, и говоритъ: *лишше ми есть писати вамъ*. А дѣлаетъ это для того, чтобы болѣе привлечь ихъ. Вѣдь человѣку, о которомъ идетъ такая слава, что для него не нужны совѣты, стыдно показать себя ниже добраго о себѣ мнѣнія и потерять его. Такъ поступаетъ онъ большею частію и при обличеніяхъ, употребляя оборотъ рѣчи, называемый умалчиваніемъ (παράλειψις), потому что онъ имѣетъ большую силу. Такъ напр. судія, когда видитъ великодушіе обвинителя, уже не подозрѣваетъ его, разсуждая: если этотъ человѣкъ не говоритъ многаго такого, что могъ бы сказать, то будетъ ли онъ вымышлять то, чего не было? И тѣмъ (обвинитель) заставляетъ судію предполагать въ дѣлѣ нѣчто большее того, что имъ самимъ сказано, а себѣ пріобрѣтаетъ имя честнаго человѣка. Такъ поступаетъ (и апостолъ), когда онъ даетъ совѣты, или хвалитъ кого. Сказалъ: *лишше ми есть писати вамъ*; но смотри, какъ даетъ совѣты: *вѣмъ бо усердіе ваше, имже о васъ хвалюся Македонянамъ* (ст. 2). Много значитъ и то, что самъ знаетъ; но гораздо важнѣе, что сообщаетъ о томъ другимъ. Это имѣетъ особенную силу, потому что они не захотѣли бы остаться посрамленными предъ такимъ числомъ людей. Видишь ли мудрость его совѣта? Онъ убѣждалъ ихъ примѣромъ другихъ, т. е. македонянъ: *сказую вамъ благодать Божію въ Церквахъ Македонскихъ* (viii, 1); убѣждалъ собственнымъ ихъ примѣромъ: *иже не точію еже творити, но и еже хотѣти прежде начасте отъ прешедшаго лѣта* (viii, 10); убѣждалъ примѣромъ самого Господа: *вѣсте благодать Господа нашего, яко васъ ради обнища богатъ сый* (viii, 9). Потомъ опять прибѣгаетъ къ сильнѣйшему способу убѣжденія — къ примѣру другихъ, потому что люди

склонны къ соревнованію. Примѣръ Господа и обѣщанныя награды болѣе бы должны были подѣйствовать на нихъ; но такъ какъ они были еще немощны, привлекаетъ ихъ примѣромъ подобныхъ имъ, потому что ничто такъ сильно не дѣйствуетъ, какъ соревнованіе. И смотри, въ какомъ новомъ видѣ предлагаетъ имъ то же самое увѣщаніе. Не сказалъ: подражайте имъ; но что? *Я-же*
530 *отъ васъ ревность раздражи множайшихъ* (ст. 2). Что говоришь? Недавно самъ сказалъ (о македонянахъ): добровольно *со многимъ моленіемъ моляще насъ*. Какъ же теперь говоришь: *яже отъ васъ* (коринѳянъ) *ревность*? Да, отвѣчаетъ (апостолъ), мы не совѣтовали имъ, не убѣждали ихъ, а только васъ хвалили и вами хвалились, — и этого довольно было къ ихъ убѣжденію. Видишь ли, какъ онъ возбуждаетъ ихъ взаимнымъ другъ друга примѣромъ,— коринѳянъ примѣромъ македонянъ, а македонянъ примѣромъ коринѳянъ, и это соревнованіе еще болѣе усиливаетъ присоединенною къ тому великою похвалою? А чтобы не дать имъ повода къ гордости, съ особеннымъ искусствомъ выражается: *и яже отъ васъ ревность раздражи множайшихъ*. Представь же, каково тѣмъ, которые были для другихъ побудительною причиною такой щедрости, самимъ отстать отъ нихъ въ благотворительности! Вотъ почему не сказалъ: подражайте имъ, потому что не возбудилъ бы этими словами такого соревнованія; а какъ сказалъ? Они вамъ подражали; вы, учители, не окажитесь хуже учениковъ. И смотри, какъ для большаго возбужденія и воспламененія ихъ показываетъ видъ, что вступается за нихъ, и защищаетъ ихъ дѣло, какъ будто идетъ о томъ споръ и состязаніе. Какъ выше онъ говорилъ: *яко доброхотни, со многимъ моленіемъ* приступили къ намъ, *во еже умолити намъ Тита, да якоже прежде начатъ, такожде и скончаетъ благодать сію* (VIII, 4, 6), такъ и здѣсь говоритъ: потому *послахъ братію, да не испразднится похваленіе наше* (ст. 3). Видишь ли, въ какомъ онъ безпокойствѣ и страхѣ? Чтобы все, что онъ сказалъ, не показалось сказаннымъ только для убѣжденія, а не потому, что и на дѣлѣ такъ было,—говоритъ: *послахъ братію*, — я столько забочусь о васъ, *да не испразднится похваленіе наше*. Повидимому наибольшее участіе принимаетъ онъ въ коринѳянахъ, хотя и о всѣхъ равно печется. А смыслъ словъ его такой: весьма много хвалюсь вами, всѣмъ говорю о васъ съ восхищеніемъ, хвалился и македонянамъ. Поэтому, если вы окажетесь ниже похвалы, стыдъ будетъ общій. Но выражается объ этомъ осторожно, именно присовокупилъ: *въ части сей*, а не во всемъ. *Да, якоже глаголахъ, приготовани будете*. Говорилъ о нихъ (македонянамъ) не то, что они будутъ готовы, но что у нихъ все уже приготовлено, и нѣтъ ни въ чемъ недостатка. Потому, гово-

ритъ, желаю, чтобы вы показали это на самомъ дѣлѣ. Потомъ еще болѣе обнаруживаетъ свое безпокойство, говоря: *да не како, аще пріидутъ со мною Македоняне, постыдимся мы (да не глаголемъ, вы) въ части сей похваленія* (ст. 4).

2. Больше будетъ стыда, когда будешь имѣть многихъ зрителей, и притомъ слышавшихъ о дѣлѣ. И не сказалъ: веду съ собою македонянъ, или: македоняне идутъ со мною,—чтобы не подумали, что дѣлаетъ это намѣренно; а какъ сказалъ? *Да не како, аще пріидутъ со мною Македоняне.* Можетъ случиться, что 531
они придутъ. Такимъ образомъ (апостолъ) отдалилъ отъ себя и подозрѣніе. А если бы сказалъ иначе, то, можетъ быть, довелъ бы ихъ и до ожесточенія. Смотри, какъ дѣйствуетъ на нихъ не духовными только, но и человѣческими (побужденіями). Если вы, говоритъ, мало смотрите на меня, въ твердой надеждѣ, что прощу васъ, то подумайте о македонянахъ—*да не како, аще пріидутъ, и обрящутъ васъ*—не сказалъ: не желающихъ, но—*неприготованныхъ*, т. е. не все еще исполнившихъ. Если же и поздно подать уже стыдно, то подумайте, какой стыдъ вовсе не подать милостыни, или подать меньше надлежащаго. Далѣе, кратко и вмѣстѣ съ силою, указываетъ и послѣдствія, имѣющія произойти отсюда, говоря такъ: *постыдимся мы, да не глаголемъ, вы.* И словами: *въ сей части похваленія* опять смягчаетъ рѣчь свою, — не для того впрочемъ, чтобы сдѣлать ихъ безпечными, но чтобы показать, что прославившіеся другими (добродѣтелями) должны отличиться и этой. *Потребно убо умыслихъ предпослати братію, да предуготовятъ благословеніе ваше сіе готово быти, тако якоже благословеніе, а не яко лихоимство* (ст. 5). Опять говоритъ о томъ же въ другихъ словахъ. И чтобы не показалось, что говоритъ такъ безъ особеннаго намѣренія, объясняетъ, что не по другой причинѣ идутъ братія, а единственно по той, чтобы (коринѳянамъ) не остаться въ стыдѣ. Видишь ли, что слова: *лишше ми есть писати вамъ* были началомъ къ увѣщанію? Видишь ли, сколько разсуждаетъ онъ объ этомъ служеніи? Кромѣ того можно сказать и то, что, дабы не подумали, будто (апостолъ) противорѣчитъ самъ себѣ, когда, сказавъ—*лишше*, разсуждаетъ о томъ же предметѣ, онъ сверхъ того, что говорилъ о скорости, щедрости и радушіи при подаяніи милостыни, и этимъ оборотомъ рѣчи достигаетъ той же цѣли. Онъ требуетъ этихъ трехъ качествъ, и поставилъ ихъ главными въ самомъ началѣ. Такъ, когда онъ говоритъ: *во мнозѣмъ искушеніи скорби избытокъ радости ихъ, и яже во глубинѣ нищета избыточествова въ богатство простоты ихъ* (VIII, 2), выражаетъ не другое что, какъ то, что (македоняне) сдѣлали великія приношенія, и сдѣлали съ радостію и поспѣш-

ностью, что они не скорбѣли, не только подавъ много, но и находясь въ искушеніяхъ, а это тяжелѣе, нежели подавать милостыню. Равнымъ образомъ и выраженіе: *себе вдаша намъ* (VIII, 5) показываетъ и ихъ радушіе, и твердую ихъ вѣру. Опять и здѣсь имѣетъ ту же цѣль. Такъ какъ щедрость и радушіе бываютъ между собою противоположны и иной, подавъ много, часто скорбитъ о томъ, а иной, чтобы не скорбѣть, подаетъ менѣе, то смотри, какъ (апостолъ) заботится и о томъ и о другомъ съ свойственною мудростію. Не сказалъ: лучше давать немного, но охотно, нежели по принужденію,—такъ какъ онъ хотѣлъ, чтобы они подавали и много и съ охотою. А какъ же (сказалъ)? *Да предуготовятъ благословеніе ваше готово быти якоже благословеніе, не яко лихоимство.* Сперва начинаетъ съ пріятнѣйшаго и легчайшаго—подавать непринужденно, такъ какъ (подаяніе), говоритъ, есть
532 *благословеніе.* Видишь, какъ въ самомъ увѣщаніи показываетъ тотчасъ и плодъ, приносимый (подаяніемъ), т. е. что подающіе исполняются благословенія. Самымъ этимъ словомъ онъ уже привлекалъ ихъ къ радушію, потому что никто не даетъ благословенія съ огорченіемъ. Впрочемъ, и этимъ онъ не ограничился, а присовокупилъ: *не яко лихоимство.* Не думайте, говоритъ, чтобы мы изъ корыстолюбія брали у васъ милостыню, напротивъ, желаемъ быть для васъ источниками благословенія. Корыстолюбіе свойственно тѣмъ, которые подаютъ принужденно, такъ что кто принужденно подаетъ милостыню, тотъ подаетъ скупо. Отъ этой мысли, далѣе, опять переходитъ къ прежней, т. е. къ тому, чтобы подавали щедро. *Се же глаголю,* т. е. при этомъ скажу и то. Что же? *Сѣяй скудостію, скудостію и пожнетъ; а сѣяй о благословеніи, о благословеніи и пожнетъ* (ст. 6). Не сказалъ — скупо, но употребилъ благороднѣйшее наименованіе бережливаго (φειδωλοῦ); и самое дѣйствіе назвалъ сѣяніемъ, чтобы ты тотчасъ вспомнилъ о воздаяніи, представилъ себѣ жатву, и понялъ, что (подавая другимъ) болѣе получаешь самъ, нежели даешь. Потому не сказалъ—дающій, но—*сѣяй.* Не сказалъ также—если вы сѣете, но употребляетъ общее выраженіе. Не сказалъ опять—щедро, но, что гораздо важнѣе — *о благословеніи.* И снова возвращается къ прежнему пріятному способу подаянія: *кійждо якоже изволеніе имать сердцемъ* (ст. 7), потому что получившій полную свободу дѣлаетъ больше принуждаемаго. Потому и останавливается на этомъ; сказавъ именно—*якоже изволеніе имать,* присовокупляетъ: *не отъ скорби, ни отъ нужды;* и этимъ еще не ограничивается, но приводитъ свидѣтельство изъ Писанія, говоря: *доброхотна бо дателя любитъ Богъ.* Видишь ли, сколько разъ онъ повторяетъ это? *Не по повелѣнію глаголю* (VIII, 8); *совѣтъ даю о семъ* (VIII, 10);

якоже благословеніе, а не яко лихоимство (IX, 5); *не отъ скорби, ни отъ нужды* (ст. 7); *доброхотна бо дателя любитъ Богъ.* По моему мнѣнію, доброхотнымъ онъ называетъ здѣсь щедраго, хотя употребилъ это слово съ тѣмъ, чтобы побудить (коринѳянъ) къ радушному подаянію. Такъ какъ примѣръ македонянъ и все прочее достаточно было, чтобы побудить ихъ къ щедрому подаянію, то не говоритъ уже объ этомъ много, а (ведетъ рѣчь къ тому), чтобы подавали не съ принужденіемъ. И подлинно, если милостыня есть добродѣтель, а всякое дѣло, сдѣланное по принужденію, теряетъ свою награду, то (апостолъ) справедливо поступаетъ такъ. И онъ не только совѣтуетъ, но, что всегда дѣлаетъ, и молитъ за нихъ (Бога), говоря: *силенъ же Богъ всяку благодать изобиловати въ васъ* (ст. 8).

3. Этою молитвою удаляетъ отъ нихъ помыселъ, противоборствующій щедрости, который и нынѣ для многихъ служитъ препятствіемъ. Дѣйствительно, многіе боятся подавать милостыню, говоря: какъ бы мнѣ самому не сдѣлаться бѣднымъ и не нуждаться въ помощи другихъ. Итакъ, чтобы разсѣять этотъ страхъ, онъ присоединяетъ молитву, говоря: *всяку благодать изобиловати въ васъ,*—не исполнить только, но *изобиловати.* Что же значитъ: *благодать изобиловати?* Обогатить васъ настолько, чтобы вы могли изобиловать при такой щедрости. *Да о всемъ всегда всяко довольство имуще, избыточествуете во всяко дѣло благо.* Смотри, и въ самой молитвѣ его какая мудрость. Не богатства проситъ имъ (у Бога), и не излишества, но всякаго довольства. И не это одно въ немъ удивительно, но то особенно, что, какъ не проситъ излишества, такъ равно не причиняетъ имъ и огорченія, и снисходя къ ихъ слабости, не принуждаетъ ихъ подавать отъ недостатка; 533
а проситъ довольства, и вмѣстѣ показываетъ, что даровъ Божіихъ не должно употреблять во зло. *Да избыточествуете во всяко дѣло благо.* Для того, говоритъ, прошу вамъ довольства, чтобы вы и другимъ удѣляли. И не сказалъ — удѣляйте, но—*да избыточествуете.* Въ благахъ тѣлесныхъ проситъ для нихъ довольства; а въ благахъ духовныхъ—не въ одномъ милосердіи, но и во всѣхъ прочихъ—проситъ имъ избытка. Таковъ смыслъ словъ: *во всяко дѣло благо.* Потомъ вводитъ совѣтникомъ пророка, пріискавъ свидѣтельство, побуждающее ихъ къ щедрости, и говоритъ: *якоже есть писано: расточи, даде убогимъ; правда его пребываетъ во вѣкъ.* (ст. 9; Псал. III, 9). Вотъ что значитъ—*да избыточествуете.* Слово—*расточи* не что другое означаетъ, какъ щедрость въ подаяніи. Если поданнаго и нѣтъ уже болѣе, но плоды подаянія остаются. То и удивительно, что сберегаемое гибнетъ, а расточаемое пребываетъ, и пребываетъ вѣчно. Правдою же называетъ здѣсь че-

ловѣколюбіе, потому что оно дѣлаетъ людей праведными, и, какъ огонь, истребляетъ грѣхи людскіе, когда обильно изливается. Итакъ, не будемъ скупы; напротивъ, будемъ расточать щедрою рукою. Развѣ не видишь, сколько другіе раздаютъ комедіантамъ и распутнымъ женщинамъ? Подай Христу хотя половину того, что они даютъ плясунамъ. Подай хотя столько алчущему, сколько они изъ тщеславія даютъ представляющимъ на зрѣлищахъ. Они множествомъ золота украшаютъ тѣло распутныхъ; а ты и въ простую одежду не хочешь облечь плоть Христову, даже видя, что она обнажена. Есть ли для этого какое-нибудь извиненіе? Не стоитъ ли это, напротивъ, всякаго наказанія, когда иной столько даетъ той, которая губитъ его и безславитъ, а ты и малѣйшей части не даешь тому, кто тебя спасаетъ и прославляетъ? Истощая свое богатство на удовлетвореніе чреву, на пьянство и распутство, ты не хочешь и вспомнить о бѣдности. Если же нужно облегчить чью бѣдность, ты считаешь себя бѣднѣе всѣхъ. Когда кормишь нахлѣбниковъ и льстецовъ, радуешься, какъ будто расточаешь на нихъ изъ неистощимыхъ источниковъ; а когда увидишь бѣднаго, тотчасъ нападаетъ на тебя страхъ бѣдности. За это-то самое нѣкогда мы осудимъ и сами себя и будемъ осуждены другими, какъ преуспѣвшими (въ добродѣтели), такъ и грѣшниками. Скажутъ тебѣ: почему ты не былъ великодушнымъ, гдѣ должно? Вотъ онъ, давая любодѣйцѣ, не представлялъ такихъ извиненій; а ты, подавая Владыкѣ, заповѣдавшему не пещись,—приходишь въ страхъ и трепетъ? И можешь ли быть достоинъ какого-нибудь извиненія? Если человѣкъ, получивъ благодѣяніе, не пренебрегаетъ имъ, но воздаетъ благодарностію, то тѣмъ болѣе Христосъ. Если Онъ и не получивъ даетъ, то ужели не воздастъ получивши? Почему же, скажешь, иные, расточивши много, не только сами не получили, но просятъ еще милостыни у другихъ? Ты указываешь на раздавшихъ все свое имѣніе, самъ не подавши и обола. Обѣщай раздать все,—и тогда спрашивай и о нихъ. А доколѣ ты бережливъ, и подаешь малость изъ своего имущества, къ чему представляешь мнѣ извиненія и предлоги? Вѣдь не на самый верхъ нестяжанія ведемъ мы тебя, просимъ только, чтобы ты отсѣкъ лишнее, и возлюбилъ только
534 довольство, а довольство ограничивается самымъ нужнымъ, безъ чего жить нельзя. Никто этого у тебя не отнимаетъ, никто не запрещаетъ тебѣ имѣть дневную пищу,—пищу, говорю, а не роскошь,—одѣянія, а не украшенія. Вѣрнѣе же сказать, если внимательно вникнемъ, въ этомъ болѣе всего и заключается роскошь. Смотри же, кого справедливѣе назвать роскошествующимъ: того ли, кто, питаясь овощами, здоровъ и не страдаетъ никакой болѣзнью,

или того, кто имѣетъ самый богатый и роскошный столъ, но страдаетъ безчисленными болѣзнями? Очевидно, что перваго. Итакъ не будемъ желать ничего излишняго, если хотимъ и роскошествовать и наслаждаться здоровьемъ, и этимъ ограничимъ довольство. И кто можетъ быть доволенъ и здоровъ, питаясь одними бобами, пусть не ищетъ ничего больше. Если же кто слабѣе, и имѣетъ нужду въ употребленіи огородныхъ овощей, тому пусть и это не будетъ возбранено. Если кто еще слабѣе, и для него потребуется умѣренное употребленіе мяса, мы не запрещаемъ ему и этого. Не для того вѣдь даемъ мы эти наставленія, чтобы доводить людей до смерти, или разстраивать ихъ здоровье, но чтобы отсѣчь излишество; а излишне все то, что сверхъ необходимости, такъ какъ если и безъ этого можемъ жить здорово и благопристойно, то безъ сомнѣнія это прибавлено излишне.

4. Такъ будемъ разсуждать и объ одеждахъ, и о столѣ, и о жилищѣ, и о всемъ прочемъ; вездѣ будемъ искать только нужнаго, а излишнее не нужно. Когда ты научишься ограничиваться довольствомъ, тогда, если ты захочешь подражать евангельской вдовицѣ (Лук. XXI, 1—4), поведемъ тебя къ высшему. Ты недостоинъ еще любомудрія этой жены, когда заботишься о довольствѣ. Она была выше и этой заботы, потому что всѣ средства своего пропитанія повергла (въ сокровищницу). Итакъ ужели будетъ останавливать тебя мысль о необходимомъ? Ужели не постыдишься быть ниже жены, и не только не поревнуешь ей, но и очень далеко отстанешь отъ нея? Она не говорила, какъ вы разсуждаете сами съ собой: что будетъ, если, истративъ все, принуждена буду просить милостыни у другихъ?—но со всѣмъ усердіемъ отдала, что имѣла. А что сказать еще о ветхозавѣтной (вдовицѣ), жившей во дни пророка Иліи? Ей угрожала не только бѣдность, но смерть, и угрожала не ей одной, но и дѣтямъ. Она уже ожидала не помощи отъ другихъ, но скорой смерти. Ты скажешь: она увидѣла пророка, и оттого сдѣлалась щедрою. Но развѣ не видите и вы безчисленнаго множества святыхъ? И что говорю—святыхъ? Вы видите просящимъ даже Владыку пророковъ, и не только не дѣлаетесь человѣколюбивыми, напротивъ, имѣя сокровищницы, переполненныя благами, не подаете и отъ такого избытка. Что ты говоришь: къ ней пришелъ пророкъ, и это побудило ее къ такому великодушію? То и достойно особеннаго удивленія, что она повѣрила, что (Илія) великъ и чуденъ. Почему она не сказала, какъ естественно было бы сказать женѣ-язычницѣ и иноплеменницѣ: если бы этотъ человѣкъ былъ пророкъ, то не сталъ бы просить у меня помощи; если онъ другъ Божій, то не оставилъ бы его (Богъ)? Пусть іудеи за грѣхи подверглись такому

наказанію; а онъ почему подвергся и за что? Но она ничего
535 такого не подумала, а напротивъ, открыла ему домъ свой, и еще прежде дома—сердце свое, предложила все, что имѣла, не вняла естественному чувству, забыла дѣтей своихъ, всему предпочла странника. Подумай же теперь, какое наказаніе должно постигнуть насъ, когда окажемся ниже и малодушнѣе жены-вдовицы, бѣдной, иноплеменницы, язычницы, матери дѣтей, нимало не знавшей того, что мы теперь знаемъ. Если мы имѣемъ только крѣпкое тѣло, то еще не значитъ, что мы мужественны. Только тотъ имѣетъ эту доблесть, кто имѣетъ внутреннюю крѣпость, хотя бы онъ лежалъ на одрѣ. А безъ этой крѣпости, хотя бы кто тѣлесной силой своей могъ и гору сдвинуть, я никакъ не соглашусь назвать его мужественнѣе отроковицы или дряхлой старухи. Тотъ борется съ духовными искушеніями, а этотъ не смѣетъ и взглянуть на нихъ. И если желаешь увѣриться, что въ этомъ именно состоитъ истинное мужество, можешь узнать это изъ приведеннаго примѣра. Въ самомъ дѣлѣ, что̀ можетъ быть мужественнѣе этой женщины, которая съ твердостію устояла противъ требованій самой природы, противъ силы голода, противъ ужасовъ смерти, и все это преодолѣла? Послушай, какъ прославляетъ ее Христосъ: *многи*, говоритъ, *бяша вдовицы во дни Иліины, и ни ко единой посланъ бысть* пророкъ, *токмо* къ сей (Лук. IV, 25, 26). Скажу нѣчто великое и странное: эта (вдовица) оказала большее гостепріимство, нежели отецъ нашъ Авраамъ. Она побѣжала не къ стаду, подобно тому (Аврааму), но съ одной горстью муки превзошла всѣхъ прославившихся гостепріимствомъ. Авраамъ превзошелъ тѣмъ, что самъ вызвался на гостепріимство;
536 а она тѣмъ, что для странника не пощадила и дѣтей, и притомъ, когда ничего не ожидала себѣ въ будущемъ. А мы, когда и царство готово, и геенна угрожаетъ, и, что̀ всего важнѣе, когда Богъ столько для насъ сдѣлалъ, когда Онъ веселится и радуется (видя дѣла милосердія),—мы остаемся холодны. Не будемъ, молю васъ, (такъ дѣлать), но расточимъ, отдадимъ бѣднымъ, какъ должно отдать, Богъ же многое и малое цѣнитъ не по мѣрѣ подаваемаго, а по достатку подающаго. Поэтому можетъ случиться, что, положивши сто золотыхъ монетъ, ты положишь меньше того, кто положилъ только одинъ маленькій оболъ, потому что ты положилъ отъ избытка. Впрочемъ, дѣлай хотя и такъ, и ты скоро сдѣлаешься болѣе щедрымъ. Расточай богатство, чтобы пріобрѣсти правду. Не съ богатствомъ приходитъ правда; хотя черезъ него, но не съ нимъ пріобрѣтается. Невозможно любостяжанію и правдѣ обитать вмѣстѣ; ихъ жилища раздѣлены. Итакъ не усиливайся соединить несоединяемое, но изгони мучи-

теля—сребролюбіе, если хочешь получить царицу. Правда—царица, она изводитъ (людей) изъ рабства въ свободу. Совершенно иначе дѣйствуетъ сребролюбіе. Итакъ со всѣмъ тщаніемъ будемъ бѣгать сребролюбія, а возлюбимъ правду, чтобы и здѣсь наслаждаться намъ свободою, и тамъ получить небесное царство, котораго всѣ мы да сподобимся достигнуть благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XX.

Даяй же сѣмя сѣющему, и хлѣбъ въ снѣдь да подастъ, 535
и умножитъ сѣмя ваше, и да возраститъ жита правды вашея (IX, 10).

1. Особенно можно подивиться мудрости Павла въ томъ, что какъ убѣжденія заимствовалъ онъ и отъ духовнаго и отъ плотского, такъ, говоря и о воздаяніи, дѣлаетъ то же самое, т. е. указываетъ на двоякія (духовныя и плотскія) воздаянія. Такъ слова: *расточи, даде убогимъ, правда его пребываетъ во вѣкъ*—указываютъ на воздаяніе духовное; а слова: *да умножитъ сѣмя ваше*—на воздаяніе плотское. Однако на этомъ онъ не останавливается, но опять переходитъ къ воздаяніямъ духовнымъ, и всегда ставитъ ихъ одни съ другими попеременно. Именно слова: *да возраститъ жита правды вашея*—означаютъ воздаяніе духовное. Дѣлаетъ же это и разнообразитъ рѣчь свою для того, чтобы искоренить въ нихъ боязливые и малодушные помыслы, и чтобы раз- 536
личными способами и указаніемъ на настоящій примѣръ разсѣять въ нихъ опасеніе бѣдности. Въ самомъ дѣлѣ, если засѣвающимъ землю Богъ подаетъ, если питающимъ тѣло свое даетъ Онъ обильно, то тѣмъ болѣе (Онъ даетъ) тѣмъ, которые воздѣлываютъ небо и пекутся о душѣ своей. И Ему угодно, чтобы такія (попеченія) состояли подъ особеннымъ Его промысломъ. Но (апостолъ) излагаетъ это не въ видѣ умозаключенія, и не такъ, какъ я сказалъ, а въ видѣ молитвы, при чемъ дѣлаетъ яснымъ свое умозаключеніе, и возводитъ ихъ къ большему упованію не только указаніемъ на повседневные примѣры, но и самою этою молитвою. *Да подастъ*, говоритъ, *и умножитъ сѣмя ваше, и да возраститъ жита правды вашея*. И здѣсь опять незамѣтно внушаетъ щедрость, что даетъ разумѣть словами: *умножитъ и возраститъ*; а вмѣстѣ съ тѣмъ словами: *и хлѣбъ въ снѣдь* не позво- 537

ляетъ желать ничего кромѣ необходимаго къ поддержанію жизни. И особенно удивительно (въ Павлѣ), что, какъ и раньше внушалъ онъ, разсуждая о необходимомъ для жизни, не позволяетъ домогаться чего-либо сверхъ нужды, а разсуждая о благахъ духовныхъ, совѣтуетъ собирать ихъ въ большомъ избыткѣ.

Потому онъ и выше говорилъ: *да довольство имуще, избыточествуете во всяко дѣло благо* (ст. 8), и здѣсь говоритъ: *даяй хлѣбъ въ снѣдь, да умножитъ сѣмя ваше*, т. е. духовное. Такъ какъ онъ требуетъ не просто милостыни, но милостыни щедрой, то постоянно называетъ ее сѣменемъ. Подобно тому какъ сѣмя, брошенное въ землю, произращаетъ тучную жатву, такъ и милостыня приноситъ полныя рукояти правды и произращаетъ безчисленные плоды. Пожелавъ имъ такого обилія, онъ показываетъ опять, на что должно иждивать его, говоря: *да о всемъ богатящеся во всяку простоту, яже содѣваетъ нами благодареніе Богу* (ст. 11). Иждивайте богатство ваше не на то, на что не должно, а на то, чѣмъ приносится великое благодареніе Богу. Богъ отдалъ многое въ нашу власть, и, Себѣ предоставивъ меньшее, намъ уступилъ важнѣйшее. Такъ заботиться о чувственной пищѣ нашей предоставилъ Себѣ самому, а попеченіе о духовной ввѣрилъ намъ, и въ нашей власти содѣлать цвѣтущими мысленныя нивы наши. Онѣ не требуютъ ни дождей, ни благорастворенннаго воздуха; было бы только одно произволеніе, и онѣ возрастутъ до самаго неба. Щедрость же называетъ здѣсь *простотою, яже содѣваетъ нами благодареніе Богу*, потому что отсюда происходитъ не одна милостыня, но и поводъ къ великому благодаренію, и не только къ благодаренію, но и ко многому другому. Это и перечисляетъ (апостолъ) въ слѣдующихъ словахъ, чтобы, показавъ многія добрыя послѣдствія щедрости, возбудить ихъ тѣмъ къ большему усердію. Какіе же это многіе плоды? Послушай, что самъ онъ говоритъ: *яко работа сего служенія не токмо есть исполняющая лишенія святыхъ, но избыточествующая многими благодареньми Богови: искушеніемъ служенія сего славяще Бога о покореніи исповѣданія вашего въ благовѣствованіи, и о простотѣ сообщенія къ нимъ, и ко всѣмъ, и о тѣхъ молитвѣ о васъ, возжелѣющихъ васъ за премногую благодать Божію на васъ* (ст. 12—14). Слова эти имѣютъ такой смыслъ: во-первыхъ, вы не только восполняете скудость святыхъ, но и производите у нихъ обиліе, т. е. подаете имъ больше, чѣмъ для нихъ нужно; затѣмъ, чрезъ нихъ вы возсылаете благодареніе Богу, потому что они прославляютъ Его за покорность исповѣданію вашему. А чтобы не подать мысли, что они благодарятъ потому только, что получаютъ благодѣянія, смотри, сколько возвышенными представляетъ ихъ. Что въ по-

сланіи къ Филиппійцамъ сказалъ я о себѣ: *не ищу даянія* (IV, 17), то же свидѣтельствую и о нихъ. Хотя они радуются о томъ, что вы восполняете ихъ недостатки и облегчаете ихъ бѣдность, но еще болѣе радуются о томъ, что вы такъ покорны Евангелію,— о чемъ свидѣтельствують ваши щедрыя подаянія, предписанныя 538
Евангеліемъ. *И о простотѣ сообщенія къ нимъ и ко всѣмъ.* Они прославляютъ Бога и за то, что вы такъ щедры не только къ нимъ, но и ко всѣмъ. И это благодареніе Бога за подаваемое другимъ служитъ опять къ ихъ похвалѣ. Они, говоритъ, не только хорошо управляютъ свои дѣла, но заботятся и о чужихъ, не смотря на то, что сами находятся въ крайней бѣдности. Это показываетъ высокую ихъ добродѣтель. Въ самомъ дѣлѣ, никто такъ не завистливъ, какъ бѣдные; а они между тѣмъ чисты отъ этой страсти, и не только не завидуютъ, видя ваши благодѣянія другимъ, но даже радуются не меньше, чѣмъ если бы сами ихъ получили. *И о тѣхъ молитвѣ о васъ.* За тѣхъ, говоритъ, они благодарятъ Бога, а за вашу любовь къ нимъ самимъ и общеніе молятъ Его, чтобы сподобилъ ихъ видѣть васъ. И желаютъ этого не ради вашего имущества, но чтобы видѣть благодать, дарованную вамъ.

2. Видишь ли мудрость Павла, какъ онъ, восхваливъ (коринѳянъ), все приписалъ Богу, когда назвалъ дѣло ихъ благодатію? Послѣ того какъ онъ сказалъ о нихъ много великаго, назвалъ ихъ служителями, превознесъ до небесъ,—поскольку они служили бѣднымъ, а онъ передавалъ то, чѣмъ они служили,— назвалъ ихъ искусными, теперь показываетъ, что виновникъ всего этого—Богъ, и самъ вмѣстѣ съ ними возноситъ благодареніе (Богу), говоря: *благодареніе же Богови о неисповѣдимѣмъ Его дарѣ* (ст. 15). Даромъ называетъ здѣсь или тѣ многочисленныя блага, какія получаютъ чрезъ милостыню и принимающіе ее и получающіе, или тѣ неизреченныя блага, которыя прещедро дарованы всему міру пришествіемъ (Христовымъ),—и эти послѣднія преимущественно слѣдуетъ разумѣть здѣсь. Чтобы смирить ихъ гордость и сдѣлать ихъ болѣе щедрыми, онъ напоминаетъ имъ о томъ, что они получили отъ Бога. Такое (напоминаніе о благодѣяніяхъ Божіихъ) имѣетъ особенную силу для побужденія къ какой бы то ни было добродѣтели. Потому и здѣсь (апостолъ) заключилъ свою рѣчь (этимъ напоминаніемъ). Если же дары (Божіи) неизслѣдимы, то что можетъ равняться безумію тѣхъ, кто усиливается постигнуть сущность (Божію)? И не только дары Его неизслѣдимы, но и миръ, которымъ Богъ примирилъ горнее съ дольнимъ, превышаетъ всякій умъ. Итакъ, сподобившись такой благодати, постараемся показать достойную ея доблесть

жизни, и особенно будемъ заботиться о милостыни. А этого мы достигнемъ, если будемъ избѣгать невоздержанія, пьянства, пресыщенія. Вѣдь и пищу и питіе далъ намъ Богъ не для неумѣренности, а для пропитанія. И не виномъ производится пьянство. А если бы такъ было, то надлежало бы всѣмъ упиваться. Но не надлежало бы, скажешь, чтобы вино вредило и въ большомъ количествѣ употребляемое? Такъ говорить свойственно пьяницамъ. Въ самомъ дѣлѣ, если въ большомъ количествѣ вино наноситъ вредъ, и ты ни мало не отстаешь отъ неумѣреннаго употребленія; если пьянство такъ постыдно и пагубно, и ты все-таки не оставляешь дурной страсти,—то до чего простерлась бы твоя неумѣренность, если бы можно было и много пить, и не терпѣть ни-
589 какого вреда? Тогда не захотѣлъ ли бы ты, чтобы и рѣки текли виномъ? А тогда не погубилъ ли бы ты и не истребилъ ли бы всего? Если есть мѣра въ употребленіи пищи, и, преступая эту мѣру, мы вредимъ себѣ, но тебя не удерживаетъ эта узда, ты расторгаешь ее и хватаешь все у всѣхъ, чтобы угодить гнусному твоему мучителю—сластолюбію, то чего бы ты не сдѣлалъ, когда бы природа не положила такой мѣры? Не сталъ ли бы ты тогда тратить все время жизни на это (удовлетвореніе своему чреву)? Итакъ, неужели надлежало усилить гнусную похоть, и не остановить вреда, происходящаго отъ неумѣренности? И сколько другихъ бѣдствій проистекло бы отсюда! До какого безумія доходятъ тѣ, которые въ пьянствѣ и другого рода распутствахъ валяются какъ въ грязи, а когда нѣсколько образумятся, ничего иного не дѣлаютъ, какъ только сидятъ и толкуютъ: для чего столько истрачено на такое дѣло?—тогда какъ имъ надлежало бы посудить о своихъ грѣхахъ! Вмѣсто того, чтобы говорить: для чего (Богъ) положилъ всему предѣлы? почему не дѣлается все безъ порядка?—скажи такъ: почему мы не перестаемъ упиваться? почему не знаемъ сытости? почему мы безсмысленнѣе безсловесныхъ? Вотъ о чемъ надлежало бы разсуждать намъ другъ съ другомъ; надлежало бы послушать апостольскаго слова, увидѣть, сколько благъ, по его свидѣтельству, проистекло для коринѳянъ отъ милостыни, и восхитить себѣ такое сокровище. Въ самомъ дѣлѣ, презрѣніе богатства, какъ сказалъ (апостолъ), и содѣлываетъ людей искусными, и ведетъ къ прославленію Бога, и воспламеняетъ любовь, и дѣлаетъ насъ великодушными, и поставляетъ іереями, возводя на священство, приносящее великую награду. Милостивый не облекается въ подиръ, не носитъ позвонковъ, не возлагаетъ на себя вѣнца; но облеченъ въ одежду человѣколюбія, которая святѣе священнической одежды, помазанъ елеемъ, который составленъ не изъ чувственнаго вещества, но воздѣланъ Духомъ

Святымъ, имѣетъ вѣнецъ, сплетенный изъ милосердія, какъ сказано въ Писаніи: *вѣнчающаго тя милостію и щедротами* (Псал. сп, 4), а вмѣсто того, чтобы носить златую дщицу съ именемъ Божіимъ, самъ дѣлается подобенъ Богу. Какимъ образомъ? Будите, говоритъ, подобны *Отцу вашему, иже есть на небесѣхъ* (Матѳ. v, 45).

3. Хочешь ли видѣть и жертвенникъ (милосердаго)? Не Веселеилъ соорудилъ его, и не другой кто, но самъ Богъ; не изъ камней, но изъ вещества, которое свѣтлѣе самого неба—изъ разумныхъ душъ. Но іерей входитъ во святое святыхъ? Можно и тебѣ, совершающему жертву (милосердія), войти въ святилище еще болѣе страшное, гдѣ никто не присутствуетъ, кромѣ Отца твоего, который видитъ тебя въ тайнѣ (Матѳ. vi, 6), гдѣ никто другой не видитъ. Но какъ, скажешь, можно не видѣть, когда жертвенникъ стоитъ открыто? То и достойно удивленія, что тогда двойныя двери и завѣсы дѣлали (святилище) безлюднымъ, а нынѣ, принося жертву среди народа, можно приносить ее какъ бы вступивъ во святое святыхъ, и даже съ большимъ страхомъ. Въ самомъ дѣлѣ, если ты дѣлаешь это не на показъ людямъ, то, хотя бы и вся вселенная видѣла, никто не видалъ, потому 540
что ты такъ сдѣлалъ. (Господь) не просто сказалъ: *не творите предъ человѣки*, но присовокупилъ: *да видими будете ими* (Матѳ. vi, 1). Жертвенникъ этотъ созданъ изъ самыхъ членовъ Христовыхъ; и тѣло самого Владыки служитъ тебѣ жертвенникомъ. Благоговѣй предъ Нимъ: на тѣлѣ Владычнемъ ты совершаешь жертву. Этотъ жертвенникъ страшнѣе и этого новаго, а не только древняго жертвенника. Однакожъ не смущайтесь. Этотъ (жертвенникъ) чуденъ по причинѣ предлагаемой на немъ жертвы, а тотъ (жертвенникъ милосердаго) удивителенъ и потому, что сооружается изъ той самой жертвы, которая его освящаетъ. Чуденъ опять этотъ (жертвенникъ) потому, что, будучи по природѣ камнемъ, дѣлается святымъ, такъ какъ принимаетъ тѣло Христово, а тотъ чуденъ потому, что самъ есть тѣло Христово. Такимъ образомъ страшнѣе этого жертвенника тотъ, предъ которымъ предстоишь ты, міррянинъ. Что въ сравненіи съ этимъ будетъ для тебя Ааронъ? Что кидаръ? Что звонцы? Что святое святыхъ? Да и нужно ли сравнивать (жертвенникъ милосердаго) съ древнимъ жертвенникомъ, когда онъ и въ сравненіи съ этимъ жертвенникомъ оказывается столь блистательнымъ? А ты между тѣмъ почитаешь этотъ жертвенникъ, потому что онъ принимаетъ тѣло Христово, и унижаешь тотъ (жертвенникъ), который есть самое тѣло Христово, и не обращаешь вниманія, когда онъ разрушается. Такой жертвенникъ ты можешь видѣть вездѣ—и на улицахъ, и на площадяхъ,

ежечасно можешь приносить на немъ жертву, потому что и здѣсь освящается жертва. И какъ іудей предстоитъ (предъ жертвенникомъ), призывая Духа, такъ и ты призываешь Духа, только не словами, а дѣлами. Ничто такъ не поддерживаетъ и не возжигаетъ огнь Духа, какъ этотъ елей, обильно изливаемый. Если же хочешь знать и то, что бываетъ съ возлагаемымъ на жертвенникъ, то иди, я и это покажу тебѣ. Итакъ какое куреніе, какое благоуханіе восходитъ отъ этого жертвенника? Слава и благодареніе. Куда восходитъ? До неба ли? Нѣтъ,—выше неба, и неба небеси, возносится къ самому Царскому престолу. *Молитвы твоя*, сказано, *и милостыни твоя взыдоша предъ Бога* (Дѣян. x, 4). Чувственное благовоніе не далеко проникаетъ въ воздухъ; а это проходитъ самые небесные своды. И хотя ты молчишь, однако же дѣло твое вопіетъ, и дѣлается жертвою хвалы; не телецъ закалается, и не кожа сожигается, но разумная душа приноситъ ей свойственное. А такая жертва достохвальнѣе всякаго человѣколюбія. Итакъ, когда ты видишь бѣднаго изъ вѣрныхъ, представляй, что видишь жертвенникъ. Когда видишь такого нищаго, не только не оскорбляй, но и отнесись съ почтеніемъ; и если видишь, что другой его оскорбляетъ, останови, защити. Такимъ образомъ, и самъ ты можешь надѣяться, что будешь помилованъ отъ Бога и получишь обѣщанныя блага, которыхъ да сподобимся всѣ мы благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа (Которому слава со Отцемъ и Святымъ Духомъ, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь).

БЕСѢДА XXI.

541 Самъ же азъ Павелъ молю вы кротостію и тихостію Христовою, иже въ лице убо смиренъ въ васъ, не сый же у васъ дерзаю въ васъ. Молю же, да не присущъ дерзаю надѣяніемъ, имже помышляю смѣти, на нѣкія непщующія о насъ, яко по плоти ходящихъ (2 Кор. x, 1, 2).

1. Кончивъ все, что надлежало сказать о милостынѣ, показавъ, что онъ болѣе любитъ коринеянъ, чѣмъ они его любятъ, и вспомянувъ о своемъ терпѣніи и искушеніяхъ, (апостолъ) благовременно переходитъ теперь къ обличительной рѣчи, въ которой указываетъ на лжеапостоловъ, обращается (къ коринеянамъ) съ угрозами, и говоритъ въ защиту себя самого. То же дѣлаетъ онъ и во всемъ посланіи, и, сознавая это, часто самъ себя поправляетъ, какъ напримѣръ въ словахъ: *зачинаемъ ли паки насъ*

самѣхъ извѣщавати вамъ (III, 1)? далѣе: *не паки себе хвалимъ предъ вами, но вину даемъ вамъ къ похваленію* (V, 12), затѣмъ: *бызъ несмысленъ хваляся, вы меня понудисте* (XII, 11), и многія другія въ томъ же родѣ употребляетъ оговорки. И не погрѣшитъ тотъ, кто назоветъ это посланіе похвальнымъ словомъ Павла: такъ пространно разсуждаетъ онъ и о дарахъ благодати (Божіей) и о своемъ терпѣніи! Такъ какъ среди коринѳянъ были такіе, которые много думали о себѣ, и, ставя себя выше апостола, говорили о немъ, что онъ только величается, а ничего не значитъ и ничему здравому не учитъ (что и было особеннымъ признакомъ ихъ развращенія), то смотри, какъ онъ начинаетъ обличать ихъ. *Самъ же азъ Павелъ.* Замѣчаешь ли, сколько тутъ вѣса, сколько достоинства? Хочетъ же сказать онъ слѣдующее: прошу васъ, не заставьте и не допустите меня употребить власть мою противъ тѣхъ, которые унижаютъ насъ и думаютъ, что мы живемъ по плоти. Это выражено здѣсь сильнѣе, нежели сказанное въ угрозу имъ въ первомъ его посланіи: *съ палицею ли пріиду къ вамъ, или съ любовію и духомъ кротости? Яко не грядущу ми къ вамъ разгордѣшася нѣцыи. Пріиду же, и разумѣю не слово разгордѣвшихся, но силу* (IV, 21, 18, 19). И здѣсь выражаетъ онъ то и другое, и власть свою, и любомудріе, и терпѣніе, когда съ такою заботливостію проситъ не доводить его до необходимости—придти показать надъ ними грозную власть свою, т. е. поразить ихъ, истязать и подвергнуть крайнему наказанію. Это именно даетъ онъ понять словами: *молю же, да не присущъ дерзаю надѣяніемъ, имже помышляю смѣти, на нѣкія непщующія насъ, яко по плоти ходящихъ.* Но обратимся опять къ первымъ словамъ: *самъ же азъ Павелъ.* Много силы и вѣса въ этихъ словахъ. Подобныя выраженія употребляетъ онъ и въ другихъ мѣстахъ, напримѣръ: *се азъ Павелъ глаголю вамъ* (Гал. V, 2); или еще: *якоже Павелъ старецъ* (Филим. ст. 9); или въ другомъ мѣстѣ: *сія заступница многимъ бысть, и самому мнѣ* (Рим. XVI, 2). Такъ и здѣсь: *самъ же азъ Павелъ.* Важно уже и 542
то, что онъ самъ проситъ; но гораздо важнѣе присовокупляемое: *кротостію и тихостію Христовою.* Желая сильнѣе пристыдить ихъ, онъ упоминаетъ о кротости и снисходительности, и тѣмъ придаетъ своему прошенію еще большую силу. Онъ говоритъ какъ бы такъ: устыдитесь самой кротости Христовой, которою умоляю васъ. Сказалъ же это съ намѣреніемъ вмѣстѣ показать, что, хотя они и тысячекратно вынуждаютъ его къ строгости, но самъ онъ болѣе склоненъ къ кротости, и не наказываетъ ихъ не потому, чтобы не имѣлъ силы, но потому, что кротокъ, и потому, что такъ дѣлалъ Христосъ. *Иже въ лицѣ убо смиренъ въ васъ, не сый же дерзаю въ васъ.* Что онъ хочетъ сказать этимъ? Или гово-

ритъ иронически собственными ихъ словами,—такъ какъ они говорили о Павлѣ, что когда онъ лично присутствуетъ, то не заслуживаетъ никакого уваженія, ничтоженъ и достоинъ презрѣнія, а въ отсутствіи гордится, ведетъ себя величаво, нападаетъ на насъ и угрожаетъ. На это намекаетъ онъ и далѣе, говоря: *яко посланія убо, рече, тяжки, а пришествіе тѣла немощно, и слово уничижено* (ст. 10). Итакъ, или говоритъ иронически, показывая великое огорченіе: я человѣкъ смиренный и ничего не значущій при личномъ свиданіи, какъ они говорятъ, а въ отсутствіи высокій,—или, если и говоритъ о себѣ съ важностію, то не по высокоумію, а по довѣрію къ нимъ. *Молю же, да не присущъ дерзаю надѣяніемъ, имже помышляю смѣти, на нѣкія непщующія насъ, яко по плоти ходящихъ.* Замѣчаешь ли, какое негодованіе выражается въ этихъ словахъ, и какое ясное обличеніе? Прошу васъ, говоритъ, не заставляйте меня доказывать, что я, и лично находясь у васъ, силенъ и имѣю власть. Такъ какъ нѣкоторые у васъ говорили, что я, не находясь у васъ,—выражаясь ихъ же словами,—дерзокъ и величавъ, то прошу, не заставьте меня употребить мою силу. Такой именно смыслъ имѣютъ слова: *дерзаю надѣяніемъ.* И не сказалъ: которымъ я приготовленъ, но — *имже помышляю.* Я еще не рѣшился на это, а вы сами подаете мнѣ поводъ; но, не смотря и на это, я не желаю. А такъ поступалъ онъ, не себя только защищая, но и Евангеліе. Если же и тогда, когда нужно защитить проповѣдь (евангельскую), онъ не является строгимъ, но уступаетъ, выжидаетъ, и проситъ не доводить его до такой необходимости, то тѣмъ болѣе никогда не поступилъ бы строго, защищая себя самого.

2. Итакъ сдѣлайте мнѣ милость, говоритъ, не вынуждайте меня показать вамъ, что и при личномъ свиданіи могу поступить смѣло, съ кѣмъ должно, т. е. подвергнуть истязанію и наказанію. Видишь ли, какъ онъ былъ не честолюбивъ, не дѣлалъ ничего изъ тщеславія, какъ, и при необходимости (поступать строго), называетъ строгость смѣлостію? *Молю же,* говоритъ, *да не присущъ дерзаю надѣяніемъ, имже помышляю смѣти на нѣкія.* Главный долгъ учителя—не тотчасъ наказывать, но исправлять,
543 и всегда выжидать и быть медленну въ наказаніяхъ. Кто же эти *нѣкія,* которымъ онъ угрожаетъ? *Непщующія насъ,* говоритъ, *яко по плоти ходящихъ.* Они клеветали (на Павла), будто бы онъ лицемѣренъ, лукавъ и гордъ. *Во плоти бо ходяще, не по плоти воинствуемъ* (ст. 3). Здѣсь уже и устрашаетъ наказаніемъ. Правда, что мы облечены плотію, говоритъ онъ, не отвергаю этого; но не по плоти живемъ. Впрочемъ и этого не сказалъ, но скрываетъ до времени, потому что это относится къ похвалѣ его жизни, а

разсуждаетъ о проповѣди, показывая, что она не человѣческое дѣло и не имѣетъ нужды въ земной помощи. Потому не сказалъ: не по плоти живемъ, но (говоритъ): *не по плоти воинствуемъ*, т. е. мы ведемъ войну и вступили въ брань, но сражаемся не плотскими оружіями, не съ помощью человѣческихъ силъ. *Оружія бо наша не плотская* (ст. 4). А какія плотскія оружія? Богатство, слава, власть, краснорѣчіе, важность, происки, ласкательства, лицемѣріе, и тому подобное. Но наши оружія не таковы. Каковы же? *Сильна Богомъ*. Не сказалъ: мы не плотскіе, но: *оружія наша*, потому что, какъ я замѣтилъ, онъ разсуждаетъ пока о проповѣди, и всю силу ея приписываетъ Богу. И не говоритъ: (оружія наши) духовныя,—хотя бы и такъ надлежало сказать въ противоположность плотскому,—но: *сильна*, давая чрезъ это разумѣть и то, (что они духовны), а вмѣстѣ съ тѣмъ показывая, что оружія его противниковъ слабы и безсильны. Смотри же, какъ онъ чуждъ гордости. Не сказалъ: мы сильны, но: *оружія наша сильна Богомъ*. Не мы сдѣлали ихъ такими, а самъ Богъ. Такъ какъ они были мучимы, изгоняемы, претерпѣвали безчисленныя и жесточайшія бѣдствія, а все это обнаруживало ихъ слабость, то, желая показать силу Божію, говоритъ: *но сильна Богомъ*. Сила Его въ томъ особенно и открывается, что Онъ побѣждаетъ ими. Такимъ образомъ, если и мы носимъ эти оружія, то сражается и дѣйствуетъ ими самъ (Богъ). Далѣе (апостолъ) распространяется въ похвалахъ этому оружію, говоря: *на разореніе твердемъ*. И чтобы кто-нибудь, слыша о твердыняхъ, не вообразилъ чего-либо чувственнаго, присовокупляетъ: *помышленія низлагающе*. Иносказаніемъ онъ придаетъ силу рѣчи, а изъясненіемъ его показываетъ, что брань ихъ духовна. Твердыни эти поражаютъ души, а не тѣла. И такъ какъ онѣ гораздо крѣпче твердынь вещественныхъ, то и оружіе требуется лучшее. Твердынями же называетъ онъ гордость эллиновъ и силу ихъ софизмовъ и силлогизмовъ. И однако всѣ эти оружія, употребляемыя противъ нихъ, (Богъ) низложилъ. *Помышленія низлагающе, и всяко возношеніе взимающееся на разумъ Божій* (ст. 5). Держится иносказанія, чтобы придать большую силу рѣчи. Хотя бы то были твердыни, или башни, или что другое, говоритъ онъ, — все уступаетъ этому оружію. *И плѣняюще всякъ разумъ въ послушаніе Христово*. Слово—плѣненіе имѣетъ невыгодный смыслъ, потому что плѣненіе есть отнятіе свободы. Почему же (апостолъ) употребилъ это слово? Онъ употребилъ его въ другомъ значеніи. Слово—плѣненіе имѣетъ двоякое значеніе: оно означаетъ и потерю свободы, и такое отнятіе силы, послѣ котораго нельзя уже возстать. Въ этомъ послѣднемъ значеніи употребилъ его (апостолъ). Подобно тому какъ,

544 когда говоритъ: *отъ иныхъ церквей уяхъ* (XI, 8), онъ не разумѣетъ, что взялъ тайно, но что явно отнялъ, все взялъ, такъ и здѣсь говоритъ: *плѣняюще*,—поскольку борьба не равна, но весьма легка. Не сказалъ: (*низлагающе*) одно или два, но—*всяко* (*возношеніе*); равнымъ образомъ не сказалъ только: мы побѣждаемъ и одерживаемъ верхъ, но — *плѣняемъ*, подобно тому какъ и прежде не сказалъ: выдвигаемъ орудія противъ твердынь, но—раззоряемъ (твердыни), потому что у насъ великое изобиліе оружій; мы сражаемся не словами, но дѣлами противу словъ, не мудростію плотскою, но духомъ кротости и силы. Поэтому, какая мнѣ нужда, продолжаетъ онъ, превозноситься, величаться на словахъ и угрожать посланіями, — какъ они клеветали, говоря, что *посланія тяжки*,—когда сила наша состоитъ вовсе не въ этомъ?

3. Такъ какъ въ выраженіи: *плѣняюще всякъ разумъ въ послушаніе Христово* слово—*плѣняюще*—тяжело, то иносказаніе онъ тотчасъ объяснилъ словами: *въ послушаніе Христово*, то есть, отъ рабства къ свободѣ, отъ смерти къ жизни, отъ погибели къ спасенію. Мы пришли, говоритъ онъ, не для того только, чтобы низложить противниковъ, но чтобы привести ихъ къ истинѣ. *И въ готовости имуще отмстити всяко преслушаніе, егда исполнится ваше послушаніе* (ст. 6). Здѣсь (апостолъ) устрашаетъ не только тѣхъ (клеветавшихъ на него), но и ихъ (коринѳянъ). Мы, говоритъ онъ, ожидаемъ васъ, чтобы, когда вы по нашимъ наставленіямъ и угрозамъ исправитесь, очиститесь и прекратите общеніе съ ними (клеветниками), тогда, отдѣливши ихъ однихъ, подвергнуть наказанію только неисцѣльно страждущихъ, какъ скоро совершенно узнаемъ, что вы отъ нихъ отстали, потому что хотя и теперь повинуетесь, но не вполнѣ. Скажешь: если бы ты это сдѣлалъ теперь, то больше бы принесъ пользы? Нисколько; если бы теперь я сдѣлалъ это, то и васъ подвергъ бы наказанію. Должно было, (скажете), наказать ихъ, а насъ пощадить? Но если бы я пощадилъ васъ, то могли бы подумать, что я поступилъ такъ съ вами только по снисхожденію. Теперь же не того желаю, а прежде—исправить васъ, и потомъ уже приступить къ наказанію тѣхъ. Что можно представить снисходительнѣе этой милости? Такъ какъ видитъ, что близкіе ему вошли въ общеніе съ противниками, то хочетъ нанести ударъ, но щадитъ и удерживаетъ гнѣвъ, доколѣ они не отдѣлятся отъ противниковъ, чтобы этихъ только и наказать, или лучше—и ихъ не наказывать. Для того онъ угрожаетъ и близкимъ, для того и говоритъ, что однихъ ихъ желаетъ возвратить себѣ, чтобы и тѣ, исправленные страхомъ, перемѣнились, и такимъ образомъ ни на кого не излился бы гнѣвъ его. Во всемъ онъ поступалъ какъ искусный врачъ,

какъ общій всѣмъ отецъ, покровитель и защитникъ: столько заботился о всѣхъ! Повсюду устранялъ препятствія, усмирялъ (людей) зловредныхъ, вездѣ бывалъ самъ. И не борьбою достигалъ своей цѣли, но, какъ бы идя на легкую и готовую побѣду, воздвигалъ побѣдные памятники, ниспровергалъ, разрушалъ, разсыпалъ твердыни діавола и козни демоновъ, и всѣхъ плѣнныхъ переводилъ въ воинство Христово. Даже и на малое время не давалъ себѣ покоя, быстро переходилъ отъ однихъ къ другимъ, а отъ этихъ опять къ инымъ, и, какъ опытный вождь, ежедневно, 545
или лучше—ежечасно, воздвигалъ побѣдные памятники. Въ одномъ только хитонѣ вступивъ въ воинскіе ряды, онъ бралъ города противниковъ вмѣстѣ съ ихъ жителями. Лукомъ, копьемъ, стрѣлами и всѣмъ былъ языкъ Павловъ. Онъ говорилъ только, и рѣчи его поражали противниковъ сильнѣе всякаго огня; онъ изгонялъ демоновъ, а людей, ими одержимыхъ, приводилъ къ себѣ. Когда изгналъ онъ злого духа (въ Ефесѣ), собралось пятьдесятъ тысячъ человѣкъ, занимавшихся тайными знаніями, сожгли волшебныя книги и обратились къ истинѣ. И какъ на брани, когда падаютъ стѣны крѣпости или низложенъ тиранъ, всѣ находящіеся при немъ бросаютъ оружіе и переходятъ къ вождю противной стороны, такъ было и тогда. Какъ только изгнанъ былъ злой духъ, всѣ содержимые имъ въ осадѣ, бросивши книги, или—лучше сказать—истребивши ихъ, прибѣгли къ ногамъ Павловымъ. А онъ, сражаясь съ цѣлою вселенной, какъ бы съ однимъ воинствомъ, нигдѣ не останавливался, но, точно носимый на крыльяхъ, дѣлалъ все: то исцѣлялъ хромого, то воскрешалъ мертваго, то наказывалъ слѣпотою,—я разумѣю волхва (Дѣян. XIII). Даже и будучи заключенъ въ темницу, не оставался въ бездѣйствіи, но и тамъ привлекъ къ себѣ стража темницы, продолжая захватывать людей въ этотъ прекрасный плѣнъ.

4. Итакъ, будемъ и мы по возможности подражать ему. Но что говорю—по возможности? Всякому, кто только пожелаетъ, можно приблизиться къ нему, высмотрѣть его искусство и перенять его мужество. Вѣдь и доселѣ еще дѣлаетъ онъ то же: *помышленія низлагающе, и всяко возношеніе, взимающееся на разумъ Божій*. И хотя многіе изъ еретиковъ задавались намѣреніемъ терзать его, но, и расторгнутый по членамъ, являетъ онъ великую силу. Пользовались имъ и Маркіонъ и Манихей, но разсѣкши на части; однако и самыми этими частями они обличаются. Такъ, и одна рука доблестнаго этого мужа, находясь у нихъ, гонитъ ихъ съ величайшею силою, и одна нога, находясь у другихъ, преслѣдуетъ ихъ и низлагаетъ, чтобы ты позналъ

богатство силы его, равно какъ и то, что, и на части разсѣченный, онъ силенъ истребить всѣхъ противящихся ему. Но это, скажешь, показываетъ неискренность, если препирающіеся между собою всѣ пользуются тѣмъ же (Павломъ). Да, неискренность, но не Павлову, а тѣхъ, кто пользуется имъ. У самого (Павла) нѣтъ запутанности и неопредѣленности; онъ простъ и ясенъ; напротивъ они перетолковали слова его по своимъ понятіямъ. Но для чего же онъ говорилъ такъ, что подалъ поводъ любящимъ споры? Не онъ подалъ, а собственное ихъ безуміе, потому что
546 они употребили слова его не такъ, какъ должно. Такъ, и весь этотъ міръ дивенъ и великъ, и явно открываетъ въ себѣ Божію премудрость, и *небеса повѣдаютъ славу Божію, и день дни отрыгаетъ глаголъ, и нощь нощи возвѣщаетъ разумъ* (Псал. XVIII, 1, 2), и однако многіе преткнулись и объ это, и имѣли противныя одно другому (заблужденія). Иные дивились ему сверхъ мѣры до того, что почли его за Бога; а другіе такъ мало признавали въ немъ красоты, что не почитали его дѣломъ достойнымъ Божія творенія, и приписывали большую часть его какой-то злой матеріи. Между тѣмъ Богъ и тѣхъ и другихъ предохранялъ (отъ заблужденія), создавъ міръ съ одной стороны прекраснымъ и великимъ, чтобы не могли почитать его несоотвѣтствующимъ Его премудрости, съ другой—и имѣющимъ недостатки, и не самодовлѣющимъ, чтобы не почитали его за Бога. И однако люди, ослѣпившись своими помышленіями, впали въ противныя мнѣнія; обличая и порицая другъ друга, они защищаютъ и Божію премудрость, и тѣ умствованія свои, которыя увлекли ихъ въ заблужденія. Но что говорю о солнцѣ и о небѣ? Сколько чудесъ видѣли у себя предъ глазами іудеи, и вскорѣ поклонились тельцу! Или—видѣли они, что Христосъ изгонялъ бѣсовъ, и однако называли Его бѣсноватымъ (Іоан. VIII, 48). Но это служитъ не въ предосужденіе Изгонявшему (бѣсовъ), а въ обвиненіе ослѣпленныхъ умомъ. Поэтому не осуждай и Павла за мнѣнія тѣхъ, которые во зло употребляли слова его, но постарайся вполнѣ узнать его сокровище и раскрыть его богатство; и тогда, огражденный его оружіемъ, ты мужественно противостанешь всѣмъ, сможешь заградить уста и эллинамъ и іудеямъ. Чѣмъ же, спросишь, когда они не вѣрятъ ему? Указаніемъ на то, что онъ совершилъ для нихъ, и для исправленія цѣлой вселенной. Въ самомъ дѣлѣ, не человѣческая сила могла произвести столь великія дѣла, но сила Распятаго, одушевлявшая (Павла), содѣлала его такимъ, что онъ сталъ сильнѣе и риторовъ, и философовъ, и тирановъ, и царей, и всѣхъ властителей. И онъ могъ не только облекаться въ оружіе и низлагать противниковъ, но и другихъ дѣлать побѣ-

дителями. Итакъ, чтобы стать полезными и для себя самихъ и для другихъ, будемъ непрестанно имѣть его въ рукахъ и услаждаться его писаніями, какъ бы прекраснымъ лугомъ или садомъ. Такимъ образомъ сможемъ и избавиться порока, и возлюбить добродѣтель, и получить обѣщанныя блага, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XXII.

Яже предъ лицемъ зрите. Аще кто надѣется себе Христова быти, да помышляетъ паки отъ себе, зане якоже онъ Христовъ, такоже и мы (x, 7). 547

1. Что особенно достойно удивленія въ Павлѣ при всемъ другомъ, это—то, что, будучи поставленъ въ большую необходимость хвалить себя, онъ достигаетъ двоякой цѣли: т. е. и себя хвалитъ, и вмѣстѣ такою похвалою самому себѣ не дѣлается обременителенъ для другихъ. Это можно видѣть особенно въ посланіи къ Галатамъ. И тамъ, коснувшись того же предмета, онъ заботится,—что особенно трудно, и требуетъ большого благоразумія,—о томъ и о другомъ, т. е. и скромность соблюдаетъ, и говоритъ о себѣ нѣчто великое. Но смотри, съ какимъ величіемъ и здѣсь дѣлаетъ это: *яже предъ лицемъ зрите.* Замѣчай и здѣсь благоразуміе. Обличивши тѣхъ, кто обольстилъ ихъ (коринѳянъ), онъ не останавливаетъ на нихъ своего слова, но переходитъ отъ обольстившихъ и къ обольстившимся. Такъ поступаетъ онъ и всегда, — обличаетъ не только виновниковъ заблужденія, но и введенныхъ въ заблужденіе. Если бы онъ не подвергъ отвѣтственности и этихъ послѣднихъ, то ихъ не такъ бы легко исправило сказанное другимъ; они даже возгордились бы, какъ не подвергшіеся обвиненію. Поэтому и ихъ обличаетъ. И не это только достойно удивленія (въ Павлѣ), но и то, что онъ употребляетъ обличенія, какія приличны тѣмъ и другимъ. Послушай, что говоритъ (вдавшимся въ обманъ): *яже предъ лицемъ зрите.* Не малое, но очень большое обвиненіе! Почему? Потому что родъ человѣческій очень легко впадаетъ въ обманъ. Смыслъ же словъ его таковъ: вы судите по наружности, по плотскимъ, по тѣлеснымъ (отношеніямъ). Что значитъ по наружности? Если кто богатъ, если кто надмевается, если кого окружаетъ толпа льстецовъ, если кто хвалитъ самъ себя, ищетъ пустой славы, если кто ли-

цемѣрно притворяется добродѣтельнымъ, не имѣя въ себѣ добродѣтели,—это и означаютъ слова: *яже предъ лицемъ зрите. Аще кто надѣется себе Христова быти, да помышляетъ паки отъ себе, зане якоже онъ Христовъ, такожде и мы.* (Апостолъ) не хочетъ вдругъ показать себя строгимъ, но мало-по-малу усиливаетъ и возвышаетъ (рѣчь). И смотри, какая здѣсь рѣзкость въ выраженіи и многознаменательность. Выраженіемъ: *отъ себе* онъ хочетъ сказать слѣдующее: пусть не ожидаетъ узнать отъ насъ, т. е. изъ нашего ему выговора, но пусть судитъ о томъ самъ по себѣ, что какъ онъ Христовъ, такъ и мы, — не потому, чтобы онъ былъ такъ Христовъ, какъ и тотъ, но *якоже онъ Христовъ, такожде* и я Христовъ. Въ этомъ мы одинаковы, и нельзя сказать, что онъ Христовъ, а я принадлежу кому-то другому. Но показавъ это равенство, выставляетъ на видъ и преимущество, говоря: *аще бо и лишше что похвалюся о власти, юже даде* мнѣ *Господь въ созданіе, а не на разореніе, не постыжуся* (ст. 8). Посмотри, какъ онъ смягчаетъ рѣчь свою, намѣреваясь сказать о себѣ нѣчто великое.

548 Дѣйствительно, ничто такъ не противно для многихъ изъ слушателей, какъ похвала самому себѣ. Поэтому, устраняя непріятность, (апостолъ) и говоритъ: *аще бо и лишше что похвалюся.* Не сказалъ: если кто увѣренъ въ себѣ, что онъ Христовъ, пусть разсудитъ, что онъ далеко еще отстоитъ отъ насъ, потому что я получилъ отъ Господа столь великую власть, что могу наказать и предать смерти, кого хочу. А что сказалъ? *Аще и лишше что.* Хотя и выразить нельзя, сколь великую имѣлъ онъ (власть), но въ словахъ своихъ онъ уменьшаетъ ее. Не сказалъ также: хвалюся, но: *аще похвалюся,* — если захочу (похвалиться). А такимъ образомъ соблюдаетъ вмѣстѣ и скромность, и показываетъ свое преимущество. *Аще бо похвалюся,* говоритъ, *о власти, юже даде* мнѣ *Господь.* Опять все приписываетъ Богу, и даръ дѣлаетъ общимъ, говоря: *въ созданіе, а не на разореніе.* Видишь ли, какъ онъ опять успокоиваетъ зависть, какую могъ бы возбудить похвалою себѣ, и привлекаетъ къ себѣ слушателя, указывая на пользу, для которой получилъ онъ власть? А какъ же онъ говоритъ: *помышленія низлагающе?* Это особенно является однимъ изъ видовъ созиданія — уничтожать препятствія, обличать гнилое, и утверждать одно истинное. *Въ созиданіе.* Итакъ, для того получили мы власть, чтобы созидать. Если же кто будетъ упорствовать, сопротивляться и не подавать никакой надежды на исправленіе, то употребимъ и другую силу: низложимъ и ниспровергнемъ его. Поэтому и присовокупляетъ: *не постыжуся,* т. е. не окажусь ни лжецомъ, ни тщеславнымъ. *Но да не явлюся, яко страша васъ, яко посланія убо, рече, тяжки и крѣпки, а пришествіе тѣла немощно,*

и слово уничижено: сіе да помышляетъ таковый, яко яцы же есмы словомъ посланій отстояще, таковіи и ту суще дѣломъ (ст. 9, 10). Смыслъ этихъ словъ такой: я могъ бы похвалиться; но чтобы не стали опять говорить, будто въ посланіяхъ я величаюсь, а при личномъ свиданіи ничего не значу, то не буду говорить о себѣ ничего великаго. Правда, впослѣдствіи онъ говорилъ, но не о силѣ, по которой онъ былъ страшенъ, а объ откровеніяхъ, и еще болѣе объ искушеніяхъ. Итакъ, чтобы не показалось, что я устрашаю васъ, *сіе да помышляетъ таковый, яко яцы же есмы словомъ посланій отстояще, таковіи и ту суще дѣломъ*. Такъ какъ о немъ говорили, что въ посланіяхъ своихъ онъ пишетъ о себѣ много великаго, а при личномъ свиданіи не стоитъ никакого вниманія, то онъ и говоритъ эти (приведенныя выше слова), но впрочемъ опять съ большою скромностью. Не сказалъ: какъ пишемъ къ вамъ о великихъ дѣлахъ, такъ и находясь лично съ вами дѣлаемъ великія дѣла: но выразился гораздо скромнѣе. Когда обращалъ рѣчь къ тѣмъ, (которые почитали его человѣкомъ плотскимъ), тогда употребилъ сильныя выраженія: *молю же, да не присущъ дерзаю надѣяніемъ, имже помышляю смѣти на нѣкія* (ст. 2). А обращаясь къ этимъ, поступаетъ снисходительнѣе, почему и говоритъ: каковы мы лично съ вами, таковы и заочно, т. е. мы смиренны, скромны, ничѣмъ не тщеславимся. И это видно изъ послѣдующихъ словъ: *не смѣемъ бо присовокупляти или прикладовати себе инымъ хвалящимъ себе самѣхъ* (ст. 12).

2. Здѣсь (апостолъ) показываетъ, что они и тщеславны, и много говорятъ о себѣ, и укоряетъ ихъ за то, что сами себя 549
хвалятъ. А мы, говоритъ, ничего такого (не дѣлаемъ), а если что великое и сдѣлали, то все приписываемъ Богу, и равняемъ себя другъ съ другомъ. Поэтому и присовокупляетъ: *но сами въ себѣ себе измѣряюще, и прилагающе себе самимъ себѣ, не разумѣваютъ*. Смыслъ этихъ словъ такой: мы не съ ними равняемъ себя, но другъ съ другомъ. Такъ онъ и ниже говоритъ о себѣ: *ничимже лишихся пребольшихъ апостолъ* (XII, 11); равно какъ и въ первомъ посланіи: *паче всѣхъ ихъ потрудихся* (XV, 10); и еще: *знаменія апостолова содѣяшася въ васъ во всякомъ терпѣніи* (XII, 12). Такъ, мы сравниваемъ себя сами съ собою, а не съ ними, которые ничего не имѣютъ. А такое высокоуміе ихъ свойственно только безумію. Итакъ, онъ говоритъ это или о себѣ, или о нихъ, т. е. что мы не смѣемъ сравнивать себя съ тѣми, которые другъ съ другомъ препираются, тщеславятся, и между тѣмъ не разумѣютъ (что дѣлаютъ), т. е. не видятъ, какъ они смѣшны, когда такъ тщеславятся и превозносятся другъ предъ другомъ. *Мы же не въ безмѣрная похвалимся* (ст. 13), какъ они. Вѣроятно, въ похвалу

свою они говорили: мы обратили вселенную, мы доходили до предѣловъ земли, и много другого подобнаго разглашали о себѣ. Но мы, говоритъ (апостолъ), не такъ, *но по мѣрѣ (правила) его же раздѣли намъ Богъ мѣру, достизати даже и до васъ.* И такимъ образомъ съ двухъ сторонъ открывается его смиренномудріе, съ одной—въ томъ, что онъ не говоритъ о себѣ ничего болѣе того, что сдѣлалъ, съ другой — въ томъ, что и это (сдѣланное имъ) приписываетъ Богу: *по мѣрѣ правила*, говоритъ, *его же раздѣли намъ Богъ мѣру, достизати даже и до васъ.* Какъ земледѣльцамъ раздѣляетъ (Богъ) виноградные сады, такъ и каждому изъ насъ назначилъ свой удѣлъ. А потому мы и хвалимся не большимъ чѣмъ-либо, но тѣмъ, чего дано намъ достигнуть. *Не яко бы не досязающе до васъ, паче простираемъ себе: даже бо и до васъ достигохомъ благовѣстіемъ Христовымъ* (ст. 14). Не только были мы у васъ, но и благовѣствовали, проповѣдывали, убѣждали, исправляли. Вѣроятно, порицавшіе Павла просто только приходили къ ученикамъ апостольскимъ, и вслѣдствіе этого одного прихода весь успѣхъ дѣла приписывали себѣ. Но мы, говоритъ (апостолъ), не такъ поступили: никто не можетъ сказать намъ, что мы не могли придти къ вамъ, и что только на словахъ распространяемъ похвалу свою и до васъ, потому что мы и вамъ проповѣдывали слово (вѣры). *Не въ безмѣрная хвалящеся*, но *въ чуждихъ трудѣхъ, упованіе же имуще, растущей вѣрѣ, въ васъ величатися по правилу нашему изобильно, во еже и въ дальшихъ васъ благовѣстити, не чужимъ правиломъ въ готовыхъ похвалитися* (ст. 15, 16). Въ этихъ словахъ (апостолъ) высказываетъ сильное обвиненіе (своимъ порицателямъ), что они и хвалились безъ мѣры, и хвалились чужимъ, и что, хотя весь трудъ принадлежалъ апостоламъ, они хвалились ихъ трудами. Но мы, говоритъ (апостолъ),
550 доказали это дѣлами. Итакъ, не будемъ подражать имъ; а станемъ напротивъ говорить то, о чемъ свидѣтельствуютъ самыя дѣла. И что говорю: (*достигохомъ*) *до васъ?* Имѣю надежду, что съ возрастаніемъ вѣры вашей,—не прямо утверждаетъ, но, слѣдуя своему обыкновенію, говоритъ: надѣюсь, что, когда вы возрастете въ вѣрѣ,—удѣлъ нашъ и далѣе распространится, и будемъ проповѣдывать Евангеліе дальнимъ. Мы пойдемъ и далѣе, говоритъ онъ, чтобы проповѣдывать и потрудиться, а не тщеславиться тѣмъ, надъ чѣмъ трудились другіе. Прилично назвалъ онъ трудъ свой правиломъ (удѣломъ) и мѣрою, какъ вступившій въ обладаніе вселенною, и получившій прекрасное наслѣдіе, показывая тѣмъ, что все это есть дѣло Божіе. Итакъ, говоритъ, имѣя таковыя дѣла и ожидая еще большихъ, мы не тщеславимся, подобно тѣмъ, которые ничего не имѣютъ, и ничего не припи-

сываемъ себѣ, но все (приписываемъ) Богу. Поэтому и присовокупляетъ: *хваляйся же, о Господѣ да хвалится* (ст. 17). И то (чтобы хвалиться), говоритъ онъ, дается намъ отъ Бога. *Не хваляй бо себе, сей искусенъ, но егоже Господь восхваляетъ* (ст. 18). Не сказалъ: мы (достойны похвалы), но—*егоже Господь восхваляетъ*. Видишь ли, съ какимъ смиреніемъ говоритъ онъ? А если далѣе онъ начинаетъ говорить о себѣ возвышеннѣе,—не удивляйся. И въ этомъ видно благоразуміе Павлово. Если бы онъ всегда сталъ говорить о себѣ съ смиреніемъ, то такъ не устрашилъ бы ихъ, и не освободилъ бы учениковъ своихъ отъ заблужденія. Бываетъ, что и тотъ, кто не во время скроменъ, причиняетъ вредъ; и напротивъ, тотъ, кто во время говоритъ о себѣ нѣчто удивительное, приноситъ пользу. Такъ поступалъ и онъ. Дѣйствительно, опасность была немалая, если бы ученики повѣрили какому-нибудь дурному слуху о Павлѣ. И не потому это, чтобы Павелъ искалъ славы человѣческой; если бы онъ ея искалъ, то не сталъ бы молчать столь долгое время о великихъ и дивныхъ событіяхъ, случившихся съ нимъ за четырнадцать лѣтъ; равно какъ не сталъ бы такъ медлить и неохотно говорить объ этомъ, когда была даже нужда. Очевидно, что и тогда онъ не сказалъ бы этого, если бы не видѣлъ крайней нужды.

Итакъ не славы человѣческой искалъ онъ, когда говорилъ это, но заботился объ ученикахъ. Такъ какъ на него клеветали, что онъ самохвалъ, величается только на словахъ, а дѣлами ничего не можетъ доказать, то онъ находитъ необходимымъ наконецъ сказать о бывшихъ ему откровеніяхъ. Хотя онъ могъ бы убѣдить ихъ и самыми дѣлами, когда говорилъ это, однако ограничивается одними словесными угрозами, такъ какъ онъ особенно былъ чуждъ тщеславія, что показываетъ вся его жизнь, и прежняя и послѣдующая. Потому-то онъ такъ внезапно и обратился къ вѣрѣ во Христа, и своимъ обращеніемъ изумилъ іудеевъ, и презрѣлъ всѣ почести, какими пользовался у нихъ, хотя былъ главою и представителемъ ихъ. Но ни о чемъ этомъ онъ не подумалъ, какъ скоро нашелъ истину, а (всю славу) промѣнялъ на обиды и безчестіе отъ нихъ. Онъ имѣлъ въ виду спасеніе многихъ (людей), и предпочиталъ это всему. Да и могъ ли гоняться за славою человѣческою тотъ, кто и геенну и царство, и безчисленные міры считалъ ни за что въ сравненіи съ любовію ко Христу? Безъ сомнѣнія, не могъ. Напротивъ, онъ весьма смиренъ, когда только можно; и самъ выставляетъ на показъ прежнюю свою жизнь, называя себя хулителемъ, гонителемъ и обидчикомъ (1 Тим. I, 13). Ученикъ его Лука многое о 551
немъ повѣствуетъ, очевидно узнавъ отъ него самого, разсказы-

вавшаго о прежней своей жизни не меньше, чѣмъ и о послѣдующей.

3. Говорю же это не для того только, чтобы слышали, но и чтобы назидались. Если Павелъ помнилъ грѣхи свои, содѣланные до крещенія, хотя они и совершенно были изглаждены, то какое можемъ получить прощеніе мы, которые не помнимъ грѣховъ и по крещеніи сдѣланныхъ? Что ты говоришь, человѣкъ? Ты оскорбилъ Бога, и забываешь это? Это новое оскорбленіе, новая вражда! Въ какихъ же грѣхахъ просишь себѣ прощенія? Въ тѣхъ ли, которыхъ не знаешь и самъ? Истинно такъ. Ты конечно не заботишься и не помышляешь о томъ, какъ дать отчетъ во грѣхахъ, когда не стараешься даже и помнить о нихъ, но шутишь тѣмъ, надъ чѣмъ не должно шутить. Но придетъ время, когда не пойдутъ уже намъ на мысль шутки. Вѣдь намъ непремѣнно должно умереть (въ виду крайней безчувственности многихъ приходится говорить и объ извѣстномъ), непремѣнно должно и воскреснуть, непремѣнно должно и на судъ предстать, должно и мученію подвергнуться. Впрочемъ послѣднее не непремѣнно, если захотимъ. Въ первомъ, т. е. въ смерти нашей, въ воскресеніи и въ судѣ, властны не мы, но Владыка нашъ; а чтобы подвергнуться наказанію, или нѣтъ, зависитъ отъ насъ, потому что это принадлежитъ къ области возможнаго. Если захотимъ, сдѣлаемъ и невозможнымъ, какъ сдѣлали Павелъ, Петръ и всѣ святые, поскольку имъ невозможно уже подвергнуться мученію. Такъ вотъ, если захотимъ, и намъ равнымъ образомъ невозможно будетъ пострадать что-нибудь. Хотя бы мы обременены были безчисленными грѣхами, можно еще исправиться, пока живемъ здѣсь. Итакъ постараемся исправить себя. И кто достигъ старости, пусть представляетъ себѣ, что скоро переселится отсюда, и что довольно уже насладился пріятностями жизни (хотя какое удовольствіе проводить жизнь въ грѣхѣ? но я говорю такъ, сообразуясь съ его образомъ мыслей), пусть затѣмъ помыслитъ, что и въ короткое время можно ему омыть всѣ свои скверны. Пусть и юноша опять представитъ себѣ неизвѣстность смертнаго часа, и что, когда часто многіе изъ старцевъ пребываютъ еще здѣсь, юноши прежде ихъ похищаются смертію. Чтобы мы не злоупотребляли временемъ нашей кончины, оно оставлено для насъ неизвѣстнымъ. Потому и одинъ премудрый въ увѣщаніе наше говоритъ: *не медли обратитися ко Господу, и не отлагай день отъ дне* (Сир. v, 8): *не вѣси бо что породитъ находяй день* (Притч. ш, 28; xxvп, 1). Отлагательство производитъ опасеніе и страхъ; а немедленное обращеніе (къ Богу) вѣрное и надежное спасеніе. Итакъ держись добродѣтели;

въ такомъ случаѣ, хотя бы ты въ юности переселился отсюда, переселишься безопасно; хотя бы достигъ старости, переселишься обогащенный, и во всю жизнь будешь имѣть сугубый праздникъ, и какъ воздержавшійся отъ порока, и какъ возлюбившій добродѣтель. Не говори: будетъ еще время, когда должно обратиться; такія слова весьма прогнѣвляютъ Бога. Почему? Потому что Онъ 552
обѣщалъ тебѣ безконечные вѣки, а ты не хочешь потрудиться и въ продолженіе настоящей жизни, краткой и скоропреходящей, и оказываешься такъ нерадивъ и малодушенъ, что ищешь даже этой кратчайшей жизни. Не тѣ же ли самыя у тебя ежедневно пиршества? Не тѣ же ли столы? Не тѣ же ли блудницы? Не тѣ же ли зрѣлища? Не тѣ же ли деньги? Долго ли будешь любить это, какъ нѣчто вѣчное? Долго ли будешь имѣть ненасытную похоть ко грѣху? Помысли, что сколько разъ ты соблудилъ, столько же разъ осудилъ самъ себя, потому что таково именно свойство грѣха: едва онъ совершенъ, какъ судія произноситъ уже приговоръ. Ты упивался, предавался пресыщенію, похищалъ чужое? Остановись же наконецъ, обратись на противный путь, воздай благодареніе Богу, что не восхитилъ тебя изъ среды живыхъ при самомъ совершеніи грѣховъ, и не желай, чтобы дано было тебѣ еще время дѣлать зло. Многіе лишились жизни въ то самое время, какъ предавались корыстолюбію, и отошли на явное мученіе. Бойся, чтобы и тебѣ не подвергнуться тому же безъ всякой надежды на оправданіе. Но многимъ, скажешь, Богъ далъ время и въ самой глубокой старости раскаяться. Что же? Развѣ и тебѣ дастъ? Можетъ быть, дастъ, говоришь ты. Что за слова: можетъ быть, когда-то, часто? Подумай только, что дѣло идетъ о душѣ твоей; представь же себѣ и противное, размысли и скажи: а что, если не дастъ? Но ты опять говоришь: а что, если дастъ? Положимъ, что и далъ бы (Богъ); но немедленное обращеніе и безопаснѣе и полезнѣе поздняго. Въ самомъ дѣлѣ, если ты уже началъ его, то во всякомъ случаѣ для тебя это полезно, получишь ли, или не получишь отсрочку. Если же ты всегда откладываешь, то можетъ быть за это самое не получишь (отсрочки). Отправляясь на войну, ты не говоришь: не нужно дѣлать духовнаго завѣщанія, можетъ быть возвращусь; собираясь жениться, не говоришь: возьму жену бѣдную, многіе не смотря и на это сверхъ чаянія сдѣлались богатыми; намѣреваясь строить домъ, не говоришь: построю на гниломъ основаніи,— многіе дома стояли и такъ. А когда идетъ дѣло о душѣ, утверждаешься на чемъ-то гниломъ: на „можетъ быть“, „часто“, „когда-то“, и ввѣряешь себя неизвѣстному. Не неизвѣстному, скажешь ты, но Божію человѣколюбію, потому что Богъ человѣко-

любивъ. Знаю это и я; но и при человѣколюбіи Своемъ Онъ изъялъ (изъ среды живыхъ) тѣхъ, о комъ я сказалъ. А что, если ты, и долго проживши, останешься такимъ же? Вѣдь кто безпеченъ теперь, тотъ и въ старости будетъ таковъ же. Нѣтъ, говоришь ты. Но разсуждающій такъ, проживъ до восьмидесяти лѣтъ, отложитъ до девяноста, а проживъ до девяноста, отложитъ до ста, а послѣ ста лѣтъ будетъ еще безпечнѣе. И такимъ образомъ вся жизнь твоя истрачена будетъ попусту, и на тебѣ исполнится то, что сказано было объ іудеяхъ: *исчезоша въ суетѣ дніе ихъ* (Псал. LXXVII, 33). И хорошо еще, если только въ суетѣ, а не во злѣ. Если же отойдемъ туда съ тяжкимъ бременемъ грѣховъ (а это и значитъ—во злѣ), то доставимъ пищу огню и
553—554 обильную трапезу червю. Поэтому прошу и молю васъ—стать наконецъ мужественно, и отстать отъ грѣха, чтобы получить намъ обѣтованныя блага, которыхъ да сподобимся всѣ мы благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, Которому со Отцемъ и Святымъ Духомъ слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XXIII.

553 О да бысте мало потерпѣли безумію моему, но и потерпите мя (2 Кор. XI, 1).

1. Намѣреваясь говорить въ похвалу себѣ, (апостолъ) употребляетъ много оговорокъ. И не разъ или два оговаривается, хотя достаточно оправдывали его какъ самая необходимость дѣла, такъ и то, что многократно говорилъ онъ прежде. Въ самомъ дѣлѣ, и то, что онъ поминалъ о своихъ грѣхахъ, которыхъ не помянулъ Богъ, и то, что называлъ себя за нихъ недостойнымъ даже наименованія апостольскаго,—и для самыхъ нечувствительныхъ дѣлало очевиднымъ, что онъ не для прославленія своего будетъ говорить то, что намѣренъ теперь сказать. Похвала себѣ самому, хотя и странно сказать, всего болѣе повредила бы его славѣ, притомъ она оскорбительна для многихъ. И однако онъ не посмотрѣлъ ни на что, но имѣлъ въ виду только одно—спасеніе слушателей. Итакъ, чтобы, восхваляя себя, не соблазнить тѣмъ неразсудительныхъ, онъ часто употреблялъ множество такихъ оговорокъ, и здѣсь говоритъ: *о да бысте мало потерпѣли* меня безразсудствующаго, *но и потерпите.* Видишь ли благоразуміе его? Сказать—*о да бысте*—значитъ предоставить дѣло на ихъ волю; а сказать утвердительно *(потерпите)* свойственно твердо

надѣющемуся на ихъ любовь, и показываетъ уже, что онъ любитъ ихъ, и ими взаимно любимъ. И не просто по обыкновенной какой-нибудь любви, но по любви самой пламенной и неудержимой, говоритъ, что они должны потерпѣть даже и его безразсудствующаго. Поэтому и присовокупилъ: *ревную бо по васъ Божіею ревностію* (ст. 2). Не сказалъ: люблю васъ, но употребилъ гораздо сильнѣйшее (выраженіе). Ревнивы тѣ души, которыя сильно пламенѣютъ къ любимымъ ими; и ревность можетъ рождаться не иначе, какъ отъ сильной любви. Притомъ, чтобы не подумали, что онъ ищетъ ихъ любви для власти, или чести, или денегъ, или чего-нибудь подобнаго, присовокупилъ: *Божіею ревностію*. И Богу приписывается ревность не для того, чтобы ты представлялъ въ Богѣ какую-нибудь страсть (Божество безстрастно); но чтобы всѣ знали, что Богъ все дѣлаетъ не ради чего-либо другого, а ради тѣхъ самихъ, о комъ ревнуетъ, и не для того, чтобы получить самому какую-нибудь прибыль, а чтобы ихъ спасти. Не такова ревность человѣческая; она имѣетъ цѣлію собственное успокоеніе, не то, чтобы не были оскорблены любимые, но чтобы любящіе не потерпѣли чего, и не потеряли уваженія, или не унизились въ глазахъ любимыхъ. Здѣсь же иначе. Я не о томъ забочусь, говоритъ (апостолъ), чтобы мнѣ не унизиться въ вашемъ мнѣніи, но о томъ, чтобы не увидѣть васъ растлѣнными (отъ лжеучителей). Такова ревность Божія, такова и моя ревность,— она сильна, и вмѣстѣ чиста. Затѣмъ слѣдуетъ и необходимая тому причина: *обручихъ бо васъ единому мужу дѣву чисту*. Поэтому ревную не для себя, но для Того, кому обручилъ васъ. Настоящее время есть время обрученія, а время брачныхъ чертоговъ другое, т. е. когда скажутъ: возсталъ женихъ. Какая новость! Въ мірѣ дѣвы обыкновенно бываютъ только до брака, а послѣ брака онѣ 554
уже не дѣвы. А здѣсь не такъ. Хотя бы до брака и не были дѣвами, но послѣ брака дѣлаются дѣвами. Такимъ образомъ вся Церковь есть дѣва, потому что (апостолъ) говоритъ это ко всѣмъ— и къ женатымъ, и къ замужнимъ. Посмотримъ же, что принесъ онъ, когда обручилъ насъ, какіе дары? Не золото или серебро, но царство небесное. Потому и сказалъ: *по Христѣ посольствуемъ* (2 Кор. v, 20). И онъ молитъ, когда хочетъ взять невѣсту. Образомъ этого служило то, что было съ Авраамомъ. И тотъ также посылалъ вѣрнаго раба для обрученія языческой дѣвы. И здѣсь Богъ послалъ слугъ Своихъ, чтобы они обручили Сыну Его церковь, а прежде посылалъ пророковъ, которые говорили: *слыши, дщи, и виждь, и забуди люди твоя и домъ отца твоего, и возжелаетъ царь доброты твоея* (Псал. xliv, 11, 12). Видишь ли пророка обручающаго? Видишь ли и апостола, съ великимъ дерзновеніемъ

повторяющаго то же и говорящаго: *обручихъ васъ единому мужу дѣву чисту представити Христови?* Замѣчаешь ли опять благоразуміе (апостола)? Сказавши: вы должны снизойти ко мнѣ,—не прибавилъ: потому что я вашъ учитель, или: ради себя говорю; но употребилъ выраженіе, которое дѣлало имъ особенную честь, представилъ себя въ видѣ невѣстоводителя, а ихъ въ видѣ невѣсты. И потомъ говоритъ: *боюся же, да не како, якоже змій Еву прельсти лукавствомъ своимъ, тако истлѣютъ разумы ваши отъ простоты, яже о Христѣ* (ст. 3). Хотя погибель угрожаетъ вамъ собственно, но скорбь общая. Смотри и здѣсь какое благоразуміе! Онъ не сказалъ этого открыто, хотя они уже дѣйствительно были растлѣнны, какъ можно видѣть изъ словъ: *егда исполнится ваше послушаніе*, также: *восплачуся многихъ прежде согрѣшившихъ* (x, 6; xii, 21); между тѣмъ не попускаетъ имъ оставаться и въ ожесточеніи. Потому и говоритъ: *да не како*. И не осуждаетъ, и не умалчиваетъ, поскольку и то и другое—и явно сказать, и совсѣмъ скрыть—равно не безопасно. Потому онъ и соблюдаетъ средину, говоря: *да не како*. Такъ именно свойственно говорить тому, кто ни слишкомъ осуждаетъ, ни слишкомъ довѣряетъ, но держится средины между тѣмъ и другимъ. Этими словами, такимъ образомъ, онъ успокоивалъ ихъ; историческимъ же напоминаніемъ (объ Евѣ) приводилъ ихъ въ несказанный страхъ, и отнималъ у нихъ всякій поводъ къ извиненію. Вѣдь хотя и змій былъ злобенъ, и Ева несмысленна, однако ничто не спасло жену (отъ обвиненія).

2. Итакъ, смотрите, говоритъ (апостолъ), не подвергнитесь и вы тому же: тогда ничто не защититъ васъ. И змій тѣмъ и
555 обманулъ, что обѣщалъ много. Отсюда видно, что и лжеучители, хвалясь и надмеваясь, обольщали (коринѳянъ). Объ этомъ же можно заключать не только отсюда, но и изъ дальнѣйшихъ словъ: *аще бо грядый инаго Іисуса проповѣдаетъ, егоже не проповѣдахомъ, или духа инаго пріемлете, егоже не пріясте, или благовѣствованіе ино, еже не пріясте, добрѣ бысте потерпѣли*. Не говоритъ: чтобы вамъ не прельститься, какъ Адамъ; но показываетъ, что они, какъ женщины, подверглись обольщенію, потому что женщинамъ свойственно обольщаться. И не сказалъ: такъ и вы обольщены; но, продолжая иносказательную рѣчь, говоритъ: *да не како истлѣютъ разумы ваши отъ простоты, яже о Христѣ*. Отъ простоты, говорю, а не отъ лукавства; не отъ злонамѣренности, не отъ невѣрія вашего, но отъ простоты. Впрочемъ и въ этомъ случаѣ не заслуживаютъ извиненія обольщаемые, какъ показалъ примѣръ Евы. Если же это (обольщеніе) не заслуживаетъ извиненія, то тѣмъ болѣе—кто впадаетъ въ обольщеніе по тщеславію.

Аще бо грядый инаго Христа проповѣдаетъ, егоже не проповѣдахомъ. Отсюда видно, что коринѳяне не сами были причиною своего растлѣнія, но что посторонніе обольстили ихъ. Поэтому и говоритъ: *грядый. Аще духа инаго пріемлете, или благовѣствованіе ино, еже не пріясте, добрѣ бысте потерпѣли.* Что ты говоришь? Галатамъ сказалъ: *аще кто вамъ благовѣститъ паче, еже пріясте, анаѳема да будетъ* (I, 9); а теперь говоритъ: *добрѣ бысте потерпѣли?* Именно поэтому-то самому и надлежало бы не терпѣть, а бѣжать. Если бы они говорили то же (что и ты), надлежало бы потерпѣть. Какъ же ты говоришь: когда говорятъ тоже, не должно терпѣть? А если бы говорили иное, должно было бы терпѣть? Вникнемъ (въ слова апостола). Предъ нами великая опасность, и глубокая пропасть: если оставимъ безъ изслѣдованія, то сказанное выше откроетъ входъ всѣмъ ересямъ. Итакъ какая же мысль заключается въ этихъ словахъ? Лжеучители хвалились, что апостолы учатъ несовершенно, а они, напротивъ, привносятъ нѣчто большее. Вѣроятно они, пустословя о многомъ, внесли въ догматы (вѣры) безсмысленныя добавленія. Потому-то (апостолъ) упомянулъ и о зміѣ и объ Евѣ, обольщенной чаяніемъ большаго. На это намекалъ онъ и въ первомъ посланіи, говоря: *се обогатистеся, безъ насъ воцаристеся* (IV, 8), и еще: *мы буи Христа ради, вы же мудри о Христѣ* (IV, 10). И такъ какъ они, пользуясь внѣшнею мудростію, вѣроятно, много пустословили, то (апостолъ) и говоритъ: если бы они сказали что-нибудь лишнее, и проповѣдывали другого Христа, котораго не должно проповѣдывать, а мы умолчали бы, *добрѣ бысте потерпѣли.* Съ этимъ намѣреніемъ онъ и присовокупилъ: *егоже не проповѣдахомъ.* А если у нихъ тѣ же основанія вѣры, то какое преимущество? Сколько бы они ни говорили, не скажутъ больше того, что мы уже сказали. И смотри, съ какою точностію говоритъ объ этомъ. Не сказалъ: если бы пришедшій сталъ говорить нѣчто большее, нежели мы,—потому что (лжеучители) говорили нѣчто большее, съ большею властію и съ большею красотою въ словахъ. Поэтому и не сказалъ такъ, а что (говоритъ)? *Грядый инаго Іисуса проповѣдаетъ,* — для чего не было нужды въ красивомъ наборѣ 556
словъ,—*или духа инаго пріемлете,* — то есть, обогащаетъ васъ большими дарами благодати, для чего также не было нужды въ красивыхъ словахъ,—*или благовѣствованіе ино, еже не пріясте,*—что точно также не требовало изящества слова,—*добрѣ бысте потерпѣли.* Смотри же, какое строгое наблюдается вездѣ разграниченіе, изъ котораго ясно видно, что они ничего лишняго и большаго (предъ апостолами) не сказали. Сказавши: *аще грядый инаго Іисуса проповѣдаетъ,* прибавилъ: *его же не проповѣда-*

хомъ; и къ словамъ: *или инаго духа пріемлете,* присовокупилъ: *егоже не пріясте*; также сказавши: *или благовѣствованіе ино,* присоединилъ: *еже не пріясте.* А всѣмъ тѣмъ показываетъ, что должно смотрѣть не просто на то, сказали ли они что-нибудь большее, но на то, сказали ли они что-нибудь большее, что надлежало сказать, а нами было опущено. Если же они говорили, о чемъ не надлежало говорить, о чемъ потому и мы не сказали, то для чего и слушаете ихъ?

3. Но скажешь: если они говорятъ то же самое, почему запрещаешь имъ говорить? Потому что, прикрываясь лицемѣріемъ, они вводятъ другое ученіе. Впрочемъ, этого онъ пока еще не говоритъ, а высказываетъ впослѣдствіи, когда говоритъ, что они преобразуются въ апостоловъ Христовыхъ (ст. 13). Теперь же употребляетъ легчайшіе способы, чтобы ослабить въ ученикахъ уваженіе къ нимъ,—и дѣлаетъ это не по зависти къ нимъ, но для безопасности учениковъ. Иначе, почему онъ не запрещаетъ Аполлосу, мужу краснорѣчивому и свѣдущему въ Писаніи, а напротивъ, даже проситъ и самъ обѣщаетъ прислать его? Конечно потому, что (Аполлосъ) при своихъ познаніяхъ сохранялъ и правоту догматовъ; а тѣ (коринѳскіе учители) напротивъ. Потому (апостолъ) и вооружается противъ нихъ, и порицаетъ учениковъ за то, что они съ удивленіемъ слушаютъ ихъ, говоря: если мы опустили что-нибудь, о чемъ бы надлежало сказать, а они это дополнили, то не препятствуемъ вамъ слушать ихъ; если же все нами сдѣлано и ничего не опущено, то что васъ влечетъ къ нимъ? Поэтому и говоритъ далѣе: *непщую бо ничимже лишитися преднихъ апостолъ* (ст. 5), сравнивая себя не съ ними (коринѳскими учителями), но съ Петромъ и другими (апостолами). Такимъ образомъ, если (говоритъ) больше меня знаютъ, то больше и ихъ (высшихъ апостоловъ). Смотри, какая и здѣсь скромность. Не сказалъ: апостолы не больше сказали, чѣмъ я,—но какъ? *Непщую,* т. е. я такъ думаю, что я ни въ чемъ не отсталъ отъ высшихъ апостоловъ. Такъ какъ, вѣроятно, въ униженіе (Павлу) обращали и то, что предшествовавшіе ему по времени (апостолы) имѣли предъ нимъ болѣе громкое имя и большую славу, и (коринѳскіе лжеучители) вздумали равнять себя съ ними, то и сравниваетъ себя (съ апостолами) приличнымъ ему образомъ; потому и отзывается о нихъ съ похвалою, не просто называя апостолами, но *предними,* имѣя въ виду Петра, Іакова и Іоанна. *Аще же и невѣжда словомъ, но не разумомъ* (ст. 6). Такъ какъ развратители коринѳянъ гордились тѣмъ, что они не неученые люди, то онъ упоминаетъ и объ этомъ, показывая, что онъ не только не стыдится своей неучености, но еще и хвалится ею. Не сказалъ

однако: если я невѣжда словомъ, то и другіе (апостолы) также, потому что это показалось бы порицаніемъ апостоламъ и похвалою лжеучителямъ. Напротивъ, онъ уничтожаетъ самое преимущество,—т. е. внѣшнюю мудрость. Точно также и въ первомъ посланіи онъ сильно нападаетъ на нее, говоря, что она не только 557
не содѣйствуетъ (евангельской) проповѣди, но еще и помрачаетъ славу креста. *Пріидохомъ*, говоритъ онъ, *не по превосходному словеси, или премудрости*, къ вамъ, *да не испразднится крестъ Христовъ*, и многое другое тому подобное (1 Кор. II, 1, и I, 17), чѣмъ показывается, что (лжеучители) были невѣжды познаніемъ, и что это есть крайняя степень невѣжества.

Итакъ, когда надлежало сравнивать въ важномъ, онъ сравниваетъ себя съ апостолами; а когда (нужно было) показать, что недостатокъ есть только мнимый,—не дѣлаетъ сравненія, но обращаетъ вниманіе на самое дѣло, и показываетъ его превосходство. И когда не было никакой нужды хвалить себя, онъ называетъ себя меньшимъ изъ апостоловъ, и даже недостойнымъ имени (апостольскаго) (1 Кор. v; 9); а здѣсь, когда потребовали обстоятельства, говоритъ, что онъ ничѣмъ не меньше высшихъ апостоловъ,—потому что зналъ, что это особенно будетъ полезно для учениковъ. Потому и далѣе говоритъ: *не во всемъ явленны есмы во всѣхъ къ вамъ*. И здѣсь опять обличаетъ лжеапостоловъ, что они дѣйствуютъ лукаво. Но о себѣ и прежде говорилъ тоже, что онъ не лицемѣрилъ, безъ обмана и безкорыстно проповѣдывалъ слово (Божіе). Лжеапостолы иными были на самомъ дѣлѣ, и иными показывали себя; но онъ не таковъ. Потому и хвалится вездѣ, что ничего не дѣлаетъ для славы человѣческой, и не скрываетъ дѣлъ своихъ. Такъ и прежде говорилъ: *явленіемъ истины представляюще себе во всякой совѣсти человѣчестѣй* (2 Кор. IV, 2), и теперь говоритъ: *во всемъ явленны есмы къ вамъ*. Что же это значитъ? Мы невѣжды, говоритъ онъ, и не скрываемъ этого; беремъ у нѣкоторыхъ, и не умалчиваемъ объ этомъ. Такъ и отъ васъ пользуемся, и не притворяемся, что ничѣмъ не пользуемся, какъ дѣлаютъ эти пользующіеся отъ васъ; напротивъ, мы все открыто дѣлаемъ предъ вами. А такъ могъ говорить только вполнѣ полагающійся на нихъ (коринѳянъ), и во всѣхъ словахъ соблюдающій правду. Потому и ссылается на нихъ, какъ на свидѣтелей—и теперь, когда говоритъ: *во всемъ къ вамъ*, и прежде, когда говорилъ: *не иная бо пишемъ къ вамъ, но яже чтете и разумѣваете* (2 Кор. I, 13). Защитивъ себя такимъ образомъ, (апостолъ) далѣе начинаетъ уже говорить гораздо сильнѣе: *или грѣхъ сотворихъ себе смиряя, да вы вознесетеся* (ст. 7)? И объясняя это, продолжаетъ: *отъ иныхъ церквей уяхъ, пріимъ оброкъ, къ ва-*

вашему служенію (ст. 8). Смыслъ этихъ словъ таковъ: я жилъ у васъ въ крайней нищетѣ: это именно значитъ — *себе смиряя.* Итакъ это ли ставите мнѣ въ вину? И потому ли превозноситесь предо мною, что я смирялъ себя у васъ, просилъ милостыню, терпѣлъ тѣсноту и голодъ, чтобы васъ возвысить? Какъ же они возвышались, когда онъ былъ въ крайности? Такъ, что они болѣе получали назиданія, а не повода къ соблазну. Между тѣмъ особенно могло служить къ ихъ обвиненію и къ обличенію ихъ слабости то, что (апостолъ) не могъ иначе вести ихъ (къ совершенству), какъ смирившись прежде самъ. Итакъ, въ томъ ли обвиняете меня, что я смирилъ себя? Но чрезъ это вы возвысились. Такъ какъ онъ и прежде говорилъ, что на него клеветали, будто при личномъ свиданіи онъ смиренъ, а въ отсутствіи смѣлъ, то теперь, защищая себя, опять поражаетъ ихъ, говоря:
536 это я сдѣлалъ для васъ: *отъ иныхъ церквей уяхъ.* Отсюда начинаются уже упреки; впрочемъ сказанное прежде дѣлаетъ ихъ сносными. Онъ сказалъ: *потерпите мало безумію моему.* И прежде другихъ своихъ заслугъ, во-первыхъ, хвалится этимъ (презрѣніемъ земныхъ благъ). Мірскіе люди больше всего ищутъ этого; этимъ хвалились и противники (Павловы). Поэтому онъ и начинаетъ свою рѣчь не съ опасностей, равно и не съ чудесъ, а съ презрѣнія земныхъ благъ, такъ какъ этимъ особенно гордились (лжеучители); а вмѣстѣ съ тѣмъ непримѣтно обличаетъ ихъ и въ любостяжаніи.

4. Но достойно удивленія то, что (апостолъ), хотя могъ сказать, что собственными руками снискивалъ себѣ пропитаніе, не сказалъ этого, а говоритъ то, что особенно стыдило ихъ (коринѳянъ), и даже ему не служило къ похвалѣ, именно, что онъ получалъ отъ другихъ. И не сказалъ: я получалъ, но—*уяхъ*, т. е. взялъ послѣднее и сдѣлалъ ихъ бѣдными. И что еще важнѣе, бралъ не для избытка, но для удовлетворенія необходимыхъ потребностей. Подъ словомъ—оброкъ разумѣетъ именно необходимое къ пропитанію. И самое важное—*къ вашему служенію,* т. е., мы вамъ проповѣдывали, и когда отъ васъ должно было получать пропитаніе, я получалъ его отъ другихъ. Обвиненіе двойное, или даже тройное, поскольку, и находясь у нихъ, и служа имъ, и имѣя нужду въ необходимомъ содержаніи, получалъ его, однако, отъ другихъ. Эти другіе такимъ образомъ имѣли великое преимущество предъ ними. Они оставались беззаботными, а тѣ показали ревностную заботу, издалека посылали ему, тогда какъ они не могли пропитать его, когда онъ и у нихъ находился. Но такимъ образомъ строго ихъ укоривъ, (апостолъ) опять непримѣтно смягчаетъ укоризну, и говоритъ: *пришедъ къ вамъ, и*

въ скудости бывъ, не стужихъ ни единому. Не сказалъ: вы не давали мнѣ, но: я не бралъ. Онъ еще щадитъ ихъ. Однако и при самомъ смягченіи рѣчи своей опять непримѣтно поражаетъ ихъ. Слова: *пришедъ* и: *въ скудости бывъ*—весьма выразительны. Чтобы они не сказали: что намъ было дѣлать, когда ты имѣлъ у себя? онъ присовокупилъ: *и въ скудости бывъ, не стужихъ вамъ*. Здѣсь опять слегка укоряетъ ихъ въ томъ, что они медленно, и какъ бы неохотно, дѣлали такія пособія. Вслѣдъ за тѣмъ показываетъ и самую причину, весьма для нихъ укоризненную, и вмѣстѣ побуждающую ихъ къ соревнованію. Потому и представилъ эту причину не прямо, но какъ бы объясняя, откуда и отъ кого онъ получалъ пропитаніе, чтобы, не вызывая въ нихъ никакого подозрѣнія, опять побудить ихъ къ милостынѣ. *Скудость бо мою*, говоритъ, *исполниша братія пришедшіе отъ Македоніи* (ст. 9). Видишь, какой чувствительный ударъ опять наноситъ имъ, представивъ тѣхъ, которые послужили ему? Сперва онъ возбудилъ (въ коринѳянахъ) желаніе узнать, кто такіе были они, сказавъ—*отъ иныхъ церквей уяхъ*, потомъ уже и называетъ ихъ. А это побуждало ихъ къ тому, чтобы подавать милостыню. Унизившихъ себя тѣмъ, что не пропитали апостола, онъ убѣждаетъ по крайней мѣрѣ не унижать себя въ оказаніи вспомоществованія бѣднымъ. Объ этомъ писалъ онъ и къ самимъ македонянамъ, говоря: въ нуждахъ моихъ *посласте ми и единою и дващи, и въ началѣ благовѣствованія* (Филип. IV, 16. 15), что и послужило имъ въ величайшую похвалу, потому что въ самомъ началѣ такъ отличились. Но замѣть, что (апостолъ) вездѣ выставляетъ свою нужду, и нигдѣ не говоритъ объ изобиліи. Словами: *пришедъ* и: *въ ску-* 559
дости бывъ—онъ показалъ, что пропитаніе надлежало ему получить отъ коринѳянъ; а словами: *скудость мою исполниша*—показываетъ, что онъ этого и не требовалъ, объясняя вмѣстѣ и причину тому, хотя не настоящую. Какую же? Ту, что отъ другихъ получилъ. *Скудость бо мою*, говоритъ, *исполниша пришедшіе*. Потому, говоритъ, *не стужихъ*, а не потому, чтобы не надѣялся на васъ. А въ самомъ дѣлѣ поступилъ такъ по послѣдней причинѣ, что и показываетъ далѣе, хотя говоритъ объ этомъ не прямо, но прикровенно, предоставляя (догадываться) совѣсти слушателей, и незамѣтно указывая на то слѣдующими словами: *и во всемъ безъ стуженія себе соблюдохъ и соблюду*. Не думайте, чтобы я говорилъ это съ намѣреніемъ получить что-нибудь отъ васъ. Слово же—*соблюду* еще сильнѣе, указываетъ на то, что онъ не только теперь не надѣется на нихъ, но и разъ навсегда отказался взять что-нибудь у нихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ показываетъ и то, что они считали для себя тягостнымъ помогать ему, почему и сказалъ:

безъ стуженія соблюдохъ и соблюду. Подобно этому говоритъ онъ и въ первомъ посланіи: *не писахъ, да тако будетъ о мнѣ: добрѣе бо мнѣ умрети, нежели похвалу мою кто да испразднитъ* (IX, 15). И здѣсь опять: *безъ стуженія вамъ себе соблюдохъ и соблюду.* Потомъ, чтобы они не подумали, что говоритъ это для снисканія себѣ большей отъ нихъ благосклонности, присовокупляетъ: *есть истина Христова во мнѣ* (ст. 10). Не подумайте, чтобы я говорилъ это съ намѣреніемъ получить или болѣе привлечь васъ къ себѣ. *Есть,* говоритъ, *истина Христова во мнѣ, яко похваленіе* мое *сіе не заградится въ странахъ Ахайскихъ.* Чтобы опять кто-нибудь не подумалъ, что онъ печалится объ этомъ, или говоритъ такъ въ гнѣвѣ, онъ называетъ поступокъ свой похвалою. Подобно этому и въ первомъ посланіи: и тамъ не въ оскорбленіе имъ говоритъ: *кая убо ми есть мзда? Да благовѣствуяй безъ мзды положу благовѣстіе Христово* (IX, 18). И какъ въ первомъ посланіи называетъ это наградой, такъ здѣсь похвалою, чтобы не слишкомъ пристыдить ихъ словами своими, какъ будто они не доставляли (ему пропитанія), хотя онъ и просилъ. Чтожъ, говоритъ, и вы готовы бы дать; но я не беру. Слово— *не заградится* употреблено въ переносномъ значеніи: оно взято съ (преграждаемой) рѣки, и означаетъ, что слава о немъ, что онъ не беретъ, разливается всюду (какъ рѣка). Вы не заградите подаяніемъ своимъ моей свободы. Не сказалъ однако: вы не заградите, что было бы болѣе тяжко для нихъ, но: *не заградится въ странахъ Ахайскихъ.* И это опять могло ихъ страшно поразить, и весьма достаточно было для того, чтобы повергнуть ихъ въ уныніе и опечалить,—т. е. что однихъ только ихъ онъ отвергаетъ. Въ самомъ дѣлѣ, если онъ хвалится этимъ, то ему вездѣ бы надлежало хвалиться; а если у васъ однихъ хвалится, то быть можетъ по вашей немощи. Итакъ, чтобы они отъ такой мысли не впали въ уныніе, смотри, какъ онъ смягчаетъ сказанное. *Почто? Зане не люблю ли васъ? Богъ вѣсть* (ст. 11). Скоро и легко далъ рѣшеніе. Впрочемъ и тѣмъ не освободилъ ихъ отъ вины. Не сказалъ: вы не слабы, вы сильны; но—люблю васъ; а это больше всего увеличивало ихъ вину. Отъ великой любви его къ нимъ происходило то, что онъ ничего не бралъ у нихъ, потому что они очень обижались этимъ.

5. Такъ онъ по одной и той же любви совершалъ противоположныя дѣла,—т. е. и принималъ, и не принималъ, а эта противоположность зависѣла отъ различнаго расположенія дающихъ.
560 И не сказалъ: изъ-за того не беру, что очень люблю васъ, потому что этимъ обвинилъ бы ихъ въ слабости и повергъ бы въ сомнѣніе, но представилъ другую причину. Какую же? *Да отсѣку вину хотящимъ вины, да о немже хвалятся обрящутся, якоже и мы*

(ст. 12). Такъ какъ (лжеапостолы) о томъ только заботились, чтобы найти какой-нибудь предлогъ, то надлежало и его отнять. А они хвалились только этимъ (безкорыстіемъ). Итакъ, чтобы имъ нечѣмъ было хвалиться, апостолу надлежало на дѣлѣ доказать тоже (свое безкорыстіе), такъ какъ во всемъ прочемъ они были ниже. А къ назиданію мірскихъ людей, какъ я говорилъ уже, ничто такъ не служитъ, какъ то, чтобы ничего не брать у нихъ. Потому и лукавый діаволъ бросилъ имъ эту именно приманку, желая причинить имъ зло въ другомъ. Впрочемъ мнѣ кажется, что и это (въ лжеапостолахъ) было дѣломъ лицемѣрія. Поэтому (апостолъ) и не сказалъ: чѣмъ они отличались; но что говоритъ? *О немже хвалятся.* Этими словами онъ осмѣивалъ ихъ тщеславіе, потому что они лишь хвалились, а на дѣлѣ не были такими. Благородно мыслящему человѣку не должно хвалиться не только тѣмъ, чего не имѣетъ, но и тѣмъ, что имѣетъ. Такъ поступалъ и этотъ блаженный (апостолъ); такъ—и патріархъ Авраамъ, который говоритъ: *азъ же есмь земля и пепелъ* (Быт. XVIII, 27). Такъ какъ онъ не имѣлъ грѣховъ, о которыхъ бы могъ сказать, а сіялъ добродѣтелями, то, разсмотрѣвши все и не нашедши никакого важнаго предлога къ обличенію самого себя, обратился къ своей природѣ. И такъ какъ слово—*земля* въ нѣкоторомъ отношеніи еще почтенно, то и присовокупилъ слово—*пепелъ.* Потому же и другой нѣкто сказалъ: *почто гордится земля и пепелъ* (Сирах. X, 9)? Не говори мнѣ ни о цвѣтѣ лица, ни о вытянутой шеѣ, ни объ одеждѣ, ни о конѣ, ни о свитѣ, но размысли и скажи: чѣмъ все это оканчивается? Если ты указываешь на внѣшнюю видимость, то я покажу тебѣ то же на картинахъ, и еще въ гораздо болѣе блистательномъ видѣ. Но какъ мы не удивляемся изображенному (на картинахъ), зная, что все это въ существѣ своемъ грязь, такъ нѣтъ причины и этому удивляться. Поистинѣ, и это грязь,—и даже прежде, чѣмъ разрушится и обратится въ пыль. Покажи мнѣ эту вытянутую (шею), когда человѣкъ страдаетъ горячкою и находится при послѣднемъ издыханіи; тогда я побесѣдую съ тобою, и спрошу: что сталось съ этою великою красотою, куда дѣвалось множество льстецовъ и услужливыхъ рабовъ, обиліе богатства и стяжаній? Какой вѣтеръ нашелъ и развѣялъ все это? Но скажешь, что онъ, и лежа на одрѣ, имѣетъ при себѣ знаки богатства и знатности, облеченъ въ великолѣпныя одежды, окруженъ бѣдными и богатыми, и прославляется народомъ. Но вѣдь и это одинъ только смѣхъ; кромѣ того все это тотчасъ, подобно цвѣту, опадетъ и развѣется. Лишь только мы выйдемъ за ворота города, и, предавши тѣло червямъ, возвратимся, куда, спрошу опять тебя, идетъ эта многочислен-

ная толпа? Гдѣ прежній вопль и шумъ? Гдѣ свѣтильники? Гдѣ лики женщинъ? Не сновидѣніе ли все это? Что значили эти вопли? Гдѣ тѣ безчисленные голоса, которые кричали и убѣждали (умершаго) не страшиться, потому что смерти нѣтъ? Не теперь надлежало говорить ему объ этомъ, не теперь, когда уже не слышитъ, но въ то время, когда похищалъ, предавался любостяжательности,—тогда надлежало бы говорить ему, немного измѣнивъ слова: не надобно слишкомъ надѣяться, никто не безсмер-
561 тенъ на землѣ, удержись отъ своего безумія, угаси похоть, не надѣйся на неправедное (стяжаніе). Теперь говорить ему о томъ свойственно не доброжелателю, а насмѣшнику, потому что этимъ заставишь его не надѣяться, а страшиться и трепетать. Но если безполезно это для сошедшаго уже съ поприща, то по крайней мѣрѣ пусть услышатъ тѣ изъ богатыхъ, которые больны тою же болѣзнію, и сопровождаютъ гробъ. Они, будучи упоены богатствомъ, ничего такого не представляли себѣ прежде, но въ настоящее время, когда самый видъ лежащаго предъ ними увѣряетъ ихъ въ истинѣ нашихъ словъ, пусть образумятся и научатся, что чрезъ нѣсколько времени и они будутъ отведены къ страшному отчету, чтобы принять наказаніе за все, что они похищали и неправедно пріобрѣтали. Но какое, скажешь, отношеніе имѣетъ это къ бѣднымъ? Для многихъ весьма пріятно и то, когда они видятъ притѣснителя наказаннымъ. Но намъ, скажешь, это непріятно, а (пріятно) самимъ не потерпѣть зла? Весьма хвалю и одобряю васъ, что не радуетесь несчастіямъ другихъ, а заботитесь о собственной безопасности. Хорошо,—я обѣщаю вамъ и безопасность. Когда мы терпимъ оскорбленіе отъ людей,—этимъ уменьшаемъ не малую часть нашего долга, если только переносимъ великодушно. Итакъ, въ этомъ случаѣ мы не терпимъ никакой обиды. Богъ вмѣняетъ намъ терпѣніе скорбей въ уплату долга, не потому, чтобы такъ и надлежало, но по Своему милосердію. Поэтому самому Онъ и въ древности не (всегда) отмщалъ за терпѣвшихъ зло. Скажешь: откуда это извѣстно? Страдали нѣкогда іудеи отъ вавилонянъ, и Богъ не препятствовалъ этому; напротивъ, отводимы были въ плѣнъ и дѣти и женщины. Но впослѣдствіи это плѣненіе, по мѣрѣ страданія за грѣхи, служило іудеямъ въ утѣшеніе. Поэтому Богъ говорилъ Исаіи: *утѣшайте, утѣшайте люди моя, священницы: глаголите въ сердце Іерусалиму, яко пріятъ отъ руки Господни сугубы грѣхи своя* (XL, 1, 2); и еще: *даждь намъ миръ, вся бо воздалъ еси намъ* (XXVI, 12). И Давидъ говоритъ: *виждь враги моя, яко умножишася, и остави вся грѣхи моя* (Псал. XXIV, 19, 18). И когда Семей проклиналъ его, онъ терпѣлъ, говоря: оставь его, чтобы видѣлъ Господь смиреніе мое и воз-

далъ мнѣ за этотъ день (2 Цар. xvi, 12). Когда (Господь) не отмщаетъ за причиняемыя намъ обиды, тогда-то мы особенно и получаемъ пользу, потому что Онъ вмѣняетъ намъ это въ заслугу, если переносимъ съ благодарностію.

6. Поэтому, когда видишь, что богатый грабитъ бѣднаго, оставь терпящаго обиду, а плачь о грабителѣ. Первый очищается отъ скверны, а второй еще болѣе оскверняется. Такъ случилось и съ отрокомъ Елисея за Неемана. Хотя онъ и не похитилъ, но взять обманомъ—была та же обида. Что же случилось? Вмѣстѣ съ неправдою онъ получилъ и проказу. Обиженный получилъ пользу, а обидѣвшій потерпѣлъ величайшій вредъ. То же и нынѣ бываетъ съ душою. И терпѣніе обидъ имѣетъ такую силу, что часто оно одно умилостивляло Бога. Хотя бы терпящій неправду и недостоинъ былъ помощи (Божіей), но если онъ чрез- 562
мѣрно страдаетъ, то это одно преклоняетъ Бога къ прощенію его и къ наказанію обидѣвшаго. Вотъ почему и язычникамъ нѣкогда говорилъ Богъ: Я предалъ ихъ за немногое, *они же налегоша въ злая* (Зах. I, 15), и за это потерпятъ величайшія бѣдствія. Ничто, ничто не прогнѣвляетъ такъ Бога, какъ грабительство, насиліе и лихоимство. Почему же? Потому что очень легко удержаться отъ этого грѣха. Онъ происходитъ не отъ естественной нудящей похоти, но отъ безпечности.

Какъ же апостолъ называетъ этотъ грѣхъ корнемъ золъ? И я утверждаю то же. Но этотъ корень отъ насъ, а не отъ свойства вещей. Если угодно, сдѣлаемъ сравненіе и посмотримъ, какая похоть болѣе насильственна,—похоть ли сребролюбія, или плотская? Которая изъ нихъ окажется настолько сильною, что можетъ побѣждать великихъ людей, та и будетъ тяжелѣе. Итакъ посмотримъ, кого изъ великихъ людей одержала похоть сребролюбія? Никого, а только людей ничтожныхъ и отверженныхъ,—Гиезія, Ахаава, Іуду и священниковъ іудейскихъ. Между тѣмъ похоть плотская побѣдила и великаго пророка Давида. Говорю это не съ тѣмъ, чтобы извинять плѣненныхъ плотскою похотію; напротивъ, чтобы еще болѣе побудить ихъ къ бдительности. Когда я доказываю, какъ сильна эта страсть, то вмѣстѣ съ тѣмъ показываю, что они особенно не будутъ имѣть никакого извиненія. Въ самомъ дѣлѣ, если бы ты не зналъ этого звѣря, то ты могъ бы прибѣгнуть (къ извиненію этимъ незнаніемъ). Теперь же, когда знаешь и попадаешься ему, не можешь уже имѣть никакого извиненія. Послѣ Давида, и сыномъ его еще болѣе овладѣла (та же страсть). И хотя не было человѣка мудрѣе его, хотя онъ имѣлъ всѣ другія добродѣтели, однако онъ такъ жестоко былъ плѣненъ этою страстію, что получилъ

даже смертельную рану. Отецъ его возсталъ, опять одержалъ побѣду, и снова получилъ вѣнецъ; а этотъ не показалъ ничего подобнаго. Потому и Павелъ говоритъ: *лучше есть женитися, нежели разжизатися* (1 Кор. VII, 9). И Христосъ сказалъ: *могій вмѣстити да вмѣститъ* (Мѳ. XIX, 12). О богатствѣ же не такъ сказалъ, но: *кто оставитъ имѣніе свое, сторицею пріиметъ* (Мѳ. XIX, 29). Какъ же, спросишь, сказано о богатыхъ, что они съ трудомъ достигнутъ царства небеснаго (Мѳ. XIX, 23)? Этими словами Христосъ опять указываетъ на ихъ малодушіе, не на тиранію сребролюбія, но на чрезмѣрное ихъ раболѣпство. Это видно и изъ совѣтовъ Павла. Отъ страсти къ богатству онъ отвлекаетъ, говоря: *а хотящіи богатитися впадаютъ въ напасти* (1 Тим. VI, 9); въ отношеніи же къ плотской похоти этого не дѣлаетъ, но, разлучивъ только на время, и то по согласію, совѣтуетъ опять сходиться. Онъ опасался, чтобы волны похоти не произвели ужаснаго кораблекрушенія (1 Кор. VII, 5). Эта страсть сильнѣе даже гнѣва. Гнѣваться невозможно, когда никто не раздражаетъ. А плотская похоть нудитъ, хотя бы и лица, возбуждающаго ее, не
563 было въ виду. Вотъ почему и гнѣвъ не вовсе запретилъ (Христосъ), а только гнѣвъ *всуе* (Мѳ. V, 22); равно и не самую плотскую похоть отвергъ (апостолъ), а только похоть незаконную. По причинѣ похоти, говоритъ онъ, *кійждо свою жену да имать* (1 Кор. VII, 2). Напротивъ, собирать сокровища не позволено ни напрасно, ни не напрасно. Тѣ страсти привиты къ намъ по нуждѣ. Похоть плотская для чадорожденія, а гнѣвъ для оказанія помощи терпящимъ обиды. Но страсть сребролюбія ни къ чему не годна, потому она и не врождена. Поэтому, если ты будешь плѣненъ ею, тѣмъ безславнѣе это для тебя. Вотъ почему Павелъ, дозволяя второй бракъ, требуетъ строгой точности въ удаленіи отъ сребролюбія, говоря: *почто не паче обидими есте? почто не паче лишени бываете* (1 Кор. VI, 7)? Разсуждая о дѣвствѣ, онъ говоритъ: *повелѣнія Господня не имамъ*, и: *на пользу вамъ глаголю, не да сило вамъ наложу* (1 Кор. VII, 25, 35), а когда у него рѣчь о богатствѣ, говоритъ: *имѣюще пищу и одѣяніе, сими довольни будемъ* (Тим. VI, 8). Почему же, спросишь, многіе больше уловляются этой страстью? Потому, что не столько остерегаются ея, сколько разврата и блуда. Если бы и любостяжательность казалась имъ столь же ужасною, то не такъ бы легко уловлялись ею. Такъ и юродивыя дѣвы были изгнаны изъ брачнаго
564 чертога по той причинѣ, что, низложивши сильнѣйшаго противника, низложены были слабѣйшимъ и ничтожнымъ. Сверхъ того должно сказать и то, что если кто, преодолѣвая плотскую похоть, побѣждается страстью сребролюбія, то часто не удержи-

вается и отъ плотской похоти, развѣ уже отъ природы имѣетъ такое свойство, что не сильно возмущается этой страстью. Вѣдь не всѣ равно склонны къ ней. Итакъ зная это и имѣя непрестанно предъ глазами примѣръ юродивыхъ дѣвъ, будемъ бѣгать этого лютаго звѣря. Если и дѣвство не принесло никакой пользы, напротивъ, послѣ безчисленныхъ трудовъ и подвиговъ (юродивыя дѣвы) погибли отъ сребролюбія, то кто избавитъ насъ, когда впадемъ въ эту страсть? Потому молю васъ употреблять всѣ усилія, чтобы не быть плѣненными этой страстью, и, попавши въ плѣнъ, не оставаться въ немъ, но скорѣе разорвать тяжкія эти оковы. Поступая такимъ образомъ, сможемъ достигнуть неба и получить безчисленныя блага, которыхъ всѣ мы и да сподобимся благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XXIV.

Таковіи бо лживи апостолы, дѣлатели льстивіи, пре- 563
образующеся во апостолы Христовы (2 Кор. xi, 13).

1. Что ты говоришь? Ужели тѣ, которые проповѣдуютъ Христа, не берутъ денегъ, не вводятъ иного благовѣстія, лжеапостолы? Да, говоритъ, и поэтому именно самому больше всего (они лжеапостолы), что все это дѣлаютъ лицемѣрно, для обмана. *Дѣлатели льстивіи*. Они трудятся, но исторгаютъ насажденное. Такъ какъ они знаютъ, что иначе не нашли бы себѣ доступа, то, принявши на себя личину истины, скрываютъ подъ нею дѣло обольщенія. И денегъ, говоритъ (апостолъ), не берутъ для того, чтобы получить больше, чтобы погубить душу. Вѣрнѣе же,—и это ложь: они и брали (деньги), но только тайно, что и показываетъ (апостолъ) далѣе. Онъ и выше сдѣлалъ уже намекъ на это, сказавъ: *да о немже хвалятся, обрящутся якоже и мы*; но впослѣдствіи яснѣе указалъ на это, сказавъ: *аще кто* васъ *поядаетъ, аще кто отъемлетъ, аще кто величается*, того *пріемлете* (ст. 20). Теперь же обличаетъ ихъ въ другомъ, говоря: *преобразующеся*. У нихъ только личина; ихъ покрываетъ овчая кожа. *И не дивно*, потому что если *самъ сатана преобразуется во ангела свѣта*, то что великаго, *аще и служителіе его преобразуются яко служители правды* (ст. 14, 15). Итакъ, если должно удивляться, то сатанѣ должно удивляться, а не служителямъ его. Когда учитель ихъ дерзаетъ на все, то нисколько не удивительно, что

и ученики ему слѣдуютъ. Что же значитъ: *ангела свѣта?* Ангела, имѣющаго дерзновеніе бесѣдовать съ Богомъ, предстоящаго Богу.
564 Но есть и ангелы тьмы, служители діавола—темные и свирѣпые. И многихъ діаволъ обольстилъ такимъ образомъ, т. е. преобразуясь въ ангела свѣта, а не дѣлаясь таковымъ. Такъ точно и эти носятъ на себѣ личину апостоловъ, но не самую силу, потому что не могутъ.

Нѣтъ ничего столь діавольскаго, какъ дѣлать что-нибудь только для вида. Кто же такіе *служители правды?* Это—мы, говоритъ, проповѣдующіе вамъ Евангеліе, заключающее въ себѣ правду. Или это разумѣетъ онъ, или то, что и тѣ (лжеапостолы) присвояютъ себѣ славу людей праведныхъ. Какъ же намъ узнавать ихъ? Отъ дѣлъ ихъ, какъ сказалъ Христосъ (Мѳ. vii, 20). Это вынуждаетъ (апостола) сравнить собственныя свои заслуги и ихъ худыя дѣла, чтобы чрезъ такое сличеніе обнаружились незаконные (учители). И опять, намѣреваясь хвалить себя, онъ обличаетъ прежде ихъ (лжеапостоловъ), чтобы показать необходимость, по которой онъ касается этого предмета, и чтобы никто не могъ укорять его, зачѣмъ говоритъ о самомъ себѣ. Онъ продолжаетъ: *паки глаголю.* И прежде уже дѣлалъ онъ много оговорокъ, но не довольствуюсь, говоритъ, сказаннымъ прежде, я снова повторяю: *да никтоже мнитъ мя безумна быти* (ст. 16). Такъ дѣлали они (лжеапостолы), — хвалились безъ всякой причины. А ты замѣть, что всякій разъ, какъ (апостолъ) намѣревается говорить въ собственную похвалу, напередъ оговаривается. Дѣло безумія, говоритъ онъ, хвалиться; но я не безумствуя дѣлаю это, а по нуждѣ. Если же вы не повѣрите, но и видя необходимость, будете осуждать меня, — я и въ такомъ случаѣ не отрекусь (отъ своего дѣла). Видишь ли, какъ онъ показалъ, что велика была нужда говорить? Въ самомъ дѣлѣ, если онъ и та-
565 кого подозрѣнія не устрашился, то разсуди, какое насиліе долженъ былъ употребить онъ, чтобы говорить, какъ мучился и принуждалъ себя, когда говорилъ? Однако и въ этомъ случаѣ со скромностію приступилъ къ дѣлу. Не сказалъ: чтобы похвалиться, но, намѣреваясь сколько-нибудь похвалиться, употребилъ опять другую оговорку, сказавъ: *еже глаголю, не по Господѣ глаголю, но яко въ безуміи, въ сей части похвалы* (ст. 17). Видишь ли, что хвалиться не есть дѣло по Господѣ? *Егда*, сказано, *сотворите вся, глаголите, яко раби неключими есмы* (Лук. xvii, 10). Но хотя хвалиться само по себѣ не есть дѣло по Господѣ, однако становится такимъ дѣломъ въ зависимости отъ намѣренія. Поэтому и сказалъ: *еже глаголю*, осуждая не причину, но слова. Цѣль такъ высока, что и самыя слова дѣлаетъ достойными уваженія. Такъ

убійца, хотя убійство строго запрещено, часто хвалится по намѣренію. И обрѣзаніе, хотя не по Господѣ, однако бываетъ таковымъ по расположенію сердца. Подобнымъ образомъ можно и хвалиться. Почему же онъ не говоритъ объ этомъ обстоятельно? Потому что спѣшитъ къ другому предмету, и изъ множества предметовъ даже желающимъ слушать его говоритъ объ одномъ томъ, что полезно. И сказаннаго имъ достаточно было къ отклоненію всякаго подозрѣнія. *Но яко въ безуміи.* Прежде сказалъ: *о да бысте мало потерпѣли безумію моему;* а теперь говоритъ: *яко въ безуміи.* Чѣмъ далѣе идетъ, тѣмъ яснѣе дѣлаетъ рѣчь свою. Потомъ, чтобы ты не подумалъ, что онъ все дѣлаетъ *яко въ безуміи,* прибавилъ: *въ сей части похвалы.* Такъ и въ другомъ мѣстѣ сказалъ: *да не постыдимся,* а потомъ прибавилъ: *въ части сей похваленія* (IX, 4). Еще и въ другомъ мѣстѣ, сказавъ: *или, яже совѣщаваю, по плоти совѣщаваю, да будетъ у мене еже ей, ей, и еже ни, ни* (2 Кор. I, 17)? и показавъ, что не можетъ вездѣ исполнить того, что обѣщаетъ, потому что предпринимаетъ не по плоти, — чтобы кто не возъимѣлъ такого же сомнѣнія и объ ученіи его, говоритъ: *вѣренъ Богъ, яко слово наше, еже къ вамъ, не бысть ей и ни* (ст. 18).

2. И смотри, какъ, послѣ всего вышесказаннаго, онъ опять приводитъ новыя оправданія, присовокупляя и говоря: *понеже мнози хвалятся по плоти, и азъ похвалюся* (ст. 18). Что значитъ— *по плоти?* Внѣшними (преимуществами): благородствомъ, богатствомъ, мудростію,—тѣмъ, что имѣютъ обрѣзаніе и прародителей евреевъ, тѣмъ, что у многихъ пользуются славою. И замѣть благоразуміе (апостола)! Указалъ на такія (преимущества), которыя, какъ онъ доказываетъ, суть ничто, и потомъ уже называетъ (похвалу) безуміемъ. Дѣйствительно, если безумно хвалиться дѣйствительными благами, то тѣмъ болѣе—ничего не значущими. И это-то самое называетъ онъ — *не по Господѣ,* потому что быть евреемъ, и все подобное тому—не доставляетъ пользы. Итакъ не думайте, (говоритъ апостолъ), чтобы я почиталъ это за добродѣтель. Но такъ какъ они хвалятся, то я принужденъ и въ этомъ сравнить себя съ ними. Такъ поступаетъ онъ и въ другомъ мѣстѣ, говоря: *аще кто мнится надѣятися во плоти, азъ паче* (Фил. III, 4). И тамъ говоритъ это для полагавшихъ надежду на то (плотское свое происхожденіе). Если бы кто, знаменитый родомъ, но избравшій для себя любомудрую жизнь, увидѣлъ, что другіе гордятся благородствомъ, и захотѣлъ посрамить ихъ надменность, то онъ принужденъ былъ бы сказать и о своей знаменитости, не въ похвальбу себѣ, но въ ихъ униженіе. Такъ дѣлаетъ и Павелъ. Потомъ, оставивши ихъ (лжеучителей), сла- 566

гаетъ всю вину на коринѳянъ, говоря: *любезно пріемлете безумныя* (ст. 19). Такимъ образомъ, вы виновны въ этомъ, и даже болѣе, нежели они. Если бы вы не терпѣли ихъ, и сами не были заражены тѣмъ же, чѣмъ они, то я ничего бы не сказалъ. Но я забочусь о вашемъ спасеніи, и поступаю снисходительно. И смотри, какъ онъ и самую укоризну растворяетъ похвалою. Сказавъ: *любезно пріемлете безумныя*, прибавилъ: *мудри суще*. Дѣйствительно, безумному только свойственно хвалиться и этимъ. И хотя надлежало бы запретить и сказать: не принимайте людей безумныхъ, но онъ дѣлаетъ это съ большимъ искусствомъ. Если бы (онъ сказалъ) такъ, то могли бы подумать, что онъ запрещаетъ потому, что не имѣетъ ихъ преимуществъ. А теперь, показавъ, что онъ и по этимъ (преимуществамъ) выше ихъ, и однако же почитаетъ ихъ за ничто,—тѣмъ гораздо болѣе исправляетъ ихъ. Между тѣмъ прежде, чѣмъ начинаетъ хвалить себя и сравнивать (съ лжеучителями), порицаетъ коринѳянъ за ихъ крайнее раболѣпство (лжеапостоламъ), и за то, что до такой степени подчинились имъ. И смотри, какъ упрекаетъ ихъ. *Пріемлете бо*, говоритъ, *аще кто васъ поядаетъ* (ст. 20). Какъ же ты сказалъ: *да о немъ же хвалятся, обрящутся, якоже и мы*? Видишь ли, теперь показываетъ, что (лжеапостолы) берутъ, и не только берутъ, но и сверхъ мѣры? Это и значитъ—*поядать. Аще кто васъ порабощаетъ*. Вы, говоритъ, предали и имущества свои, и плоть свою, и свободу. Стать господами не имѣній только вашихъ, но и васъ самихъ, значитъ уже гораздо больше, нежели брать. На это указываетъ и прежде, говоря: *аще иніи власти вашея причащаются, не много ли паче мы* (1 Кор. IX, 12)? Потомъ присовокупляетъ, что еще важнѣе: *аще кто величается*. Рабство ваше не легко, говоритъ онъ; у васъ не кроткіе повелители, но тяжкіе и нестерпимые. *Аще кто по лицу біетъ вы*. Видишь ли опять крайнюю степень тираніи? Сказалъ же это не потому, что (лжеапостолы) въ самомъ дѣлѣ били ихъ по лицу, а потому, что они презирали ихъ и безчестили, вслѣдствіе чего и присовокупилъ: *по досажденію* (къ стыду) *глаголю* (ст. 21). Вы терпите не меньше тѣхъ, которыхъ бьютъ по лицу. Что же можетъ быть хуже этого? Какое господство несноснѣе того, когда отнявшіе у васъ и имѣнія, и свободу, и честь, даже не смотря и на это, не дѣлаются кроткими, и даже не хотятъ обходиться съ вами какъ съ рабами, но поступаютъ презрительнѣе, чѣмъ съ послѣднимъ невольникомъ? *Зане аки мы изнемогохомъ*. Эти слова не ясны. Такъ какъ обвиненіе было для нихъ тягостно, то (апостолъ) и выразился такимъ образомъ, чтобы неясностію прикрыть жестокость. А то, что онъ хочетъ сказать, состоитъ въ слѣдующемъ:

развѣ и мы не можемъ дѣлать того же? Однако не дѣлаемъ. Итакъ, для чего же ихъ принимаете, точно мы не можемъ сдѣлать того же? Заслуживаетъ порицанія—даже и глупыхъ людей терпѣть, а терпѣть людей, которые васъ презираютъ, грабятъ, превозносятся, бьютъ—это ничѣмъ не можетъ быть ни извинено, ни оправдано. Это новый родъ обольщенія. Другіе обольстители сами даютъ и льстятъ; а эти и обольщаютъ, и берутъ, и оскорбляютъ. Поэтому вы не заслуживаете и малѣйшаго извиненія, 567
когда тѣхъ, которые смиряются для васъ, чтобы васъ возвысить, презираете, а дивитесь тѣмъ, которые возвышаются надъ вами, чтобы васъ унизить. Развѣ и мы не могли бы сдѣлать того же? Но не хотимъ, потому что заботимся единственно о вашей пользѣ; они же напротивъ, расточая ваше, наблюдаютъ свои (выгоды). Видишь ли, какъ онъ всегда, о чемъ можетъ смѣло говорить съ ними, тѣмъ самымъ и устрашаетъ ихъ? Если вы, говоритъ онъ, почитаете ихъ за то, что они бьютъ васъ и издѣваются надъ вами, то и мы можемъ дѣлать это, порабощать васъ, бить, превозноситься надъ вами.

3. Видишь ли, какъ слагаетъ на нихъ всю вину и за высокомѣріе (лжеапостоловъ) и за мнимое свое безразсудство? Не для того, чтобы показать себя болѣе славнымъ, но чтобы васъ избавить отъ этого тяжкаго рабства, я вынужденъ нѣсколько похвалиться. Надобно вникать не въ одни слова, а брать во вниманіе и причину. И Самуилъ многое сказалъ въ похвалу себѣ, когда помазывалъ Саула, говоря: *еда у кого отъ васъ осля взяхъ, или тельца, или обущу, или кого* изъ васъ *утѣснихъ* (1 Цар. XII, 3)? Но никто не обвинялъ его въ этомъ. И не по той причинѣ говорилъ онъ, чтобы самому похвалиться, а потому, что, намѣреваясь поставить имъ царя, онъ въ видѣ оправданія желалъ научить послѣдняго быть кроткимъ и снисходительнымъ. И замѣть благоразуміе пророка, или лучше—человѣколюбіе Божіе. Когда онъ хотѣлъ отклонить народъ (отъ намѣренія имѣть царя), то перечислялъ многія тягости, говорилъ о будущемъ царѣ, что онъ сдѣлаетъ женъ ихъ хлѣбницами, мужей—пастухами и конюхами (подробно описывалъ всю царскую службу); когда же увидѣлъ, что ничто не отвращаетъ ихъ отъ намѣренія и что они одержимы неизлѣчимою болѣзнію, то все же щадитъ ихъ, и употребляетъ мѣры, чтобы царь былъ кротокъ. А для этого приводитъ самого (царя) въ свидѣтели. Тогда никто (съ Самуиломъ) не судился, и не вызывалъ его къ отвѣту, такъ что онъ говорилъ это единственно для того, чтобы сдѣлать (царя) лучшимъ. А чтобы смирить его гордость, присовокупилъ еще: если послушаете вы и царь вашъ, то получите такія и такія-то блага; а если не по-

слушаете, то постигнетъ васъ зло. А (пророкъ) Амосъ говорилъ: *не бѣхъ пророкъ, ниже сынъ пророчь: но пастырь бѣхъ, ягодичія обирая. И поя мя Богъ* (VII, 14). Но не въ похвалу себѣ говорилъ это, а чтобы заградить уста тѣмъ, которые не считали его пророкомъ, и показать, что онъ не обманываетъ и не отъ себя говоритъ, что говоритъ. И другой (пророкъ), выражая опять то же самое, говорилъ: но я исполненъ силы Господней въ Духѣ и могуществѣ (Мих. III, 8). Также Давидъ, когда разсказывалъ о медвѣдицѣ и львѣ, говорилъ не въ похвалу себѣ, но имѣлъ въ виду нѣчто великое и чудное. Такъ какъ ему не вѣрили, чтобы онъ, будучи безоруженъ и не способенъ носить оружіе, могъ преодолѣть врага, то надобно было ему представить доказательства своего мужества. И когда отрѣзалъ онъ край одежды Сауловой, то не для того, чтобы показать себя, говорилъ сказанное имъ при этомъ случаѣ, но чтобы отклонить отъ себя худое мнѣніе, которое распространяли о немъ, будто бы онъ имѣлъ намѣреніе убить
568 (царя). Итакъ, вездѣ должно доискиваться причины. Кто заботится о пользѣ слушающихъ, тотъ, хотя бы и хвалилъ самъ себя, не только не заслуживаетъ порицанія, но и достоинъ вѣнца. А еслибы умолчалъ о себѣ, въ такомъ случаѣ былъ бы достоинъ осужденія. Такъ и Давидъ, если бы умолчалъ о себѣ, когда хотѣлъ сразиться съ Голіаѳомъ, то его не допустили бы выйти на сраженіе, и онъ не одержалъ бы славной побѣды. Вотъ почему онъ и принужденъ былъ говорить о себѣ, и не только братьямъ, но и царю. Братья не хотѣли ему вѣрить, потому что зависть заграждала имъ слухъ. Поэтому, оставивши ихъ, онъ обратился къ (царю) еще незараженному завистью.

4. Опасна, весьма опасна зависть. Она заставляетъ презирать даже собственное спасеніе. Такъ погубилъ себя Каинъ, а еще прежде Каина діаволъ, погубившій отца его. Такъ Саулъ привлекъ злого демона на свою душу; а привлекши, опять сталъ завидовать своему врачу. Таково уже свойство зависти. Саулъ зналъ, что спасенъ (Давидомъ), но хотѣлъ лучше погибнуть, чѣмъ видѣть въ славѣ своего спасителя. Что можетъ быть лютѣе этой страсти? Не погрѣшитъ, кто назоветъ её порожденіемъ діавола. Въ ней не только плодъ тщеславія, но и самый корень. Эти два порока обыкновенно рождаютъ другъ друга взаимно. Такъ Саулъ завидовалъ уже, когда говорили: *побѣди Давидъ со тьмами* (1 Цар. XVIII, 7). Что можетъ быть безумнѣе этого? Въ самомъ дѣлѣ, скажи мнѣ, чему ты завидуешь? Тому ли, что одинъ похвалилъ другого? Но этому скорѣе должно радоваться, а можетъ быть ты и не знаешь, справедлива ли похвала. И о томъ ли ты скорбишь, что похвалили не стоющаго похвалы? Но тебѣ скорѣе надобно

было бы пожалѣть его. Если онъ добрый человѣкъ, то никто не завидуетъ хвалимому, но и самъ хвалитъ вмѣстѣ съ хвалящими; если же не таковъ, что огорчаешься? Для чего обращаешь мечъ на самого себя? Потому ли, что ему дивятся люди? Но они нынѣ живы, а завтра ихъ уже не будетъ. Или потому, что онъ пользуется славою? Какою, скажи мнѣ? Не той ли, о которой пророкъ говоритъ, что она есть *цвѣтъ травный* (Ис. xl, 6). Итакъ, не тому ли завидуешь, что и ты не отягченъ (подобно ему), и не носишь такого же бремени травы? Если онъ кажется тебѣ ради этого достойнымъ соревнованія, то почему же не достойны твоего соревнованія дровосѣки, которые ежедневно носятъ тяжести и входятъ съ ними въ городъ? Его ноша не лучше этой, но еще хуже. Эта угнетаетъ только тѣло, а та часто вредитъ душѣ и приноситъ болѣе скорби, нежели удовольствія. Если онъ славится даромъ слова, то онъ имѣетъ больше зависти, чѣмъ похвалы,—притомъ похвалу имѣетъ кратковременную, а зависть непрестанную. Но онъ въ почетѣ у начальниковъ? И здѣсь опять зависть и опасность: какъ ты чувствуешь къ нему зависть, такъ и многіе другіе. Но его постоянно хвалятъ? Это составляетъ для него горькое рабство. Въ самомъ дѣлѣ, онъ не посмѣетъ безъ страха ничего сдѣлать по собственной волѣ, чтобы не оскорбить прославляющихъ его. Знаменитость для него служитъ тяжкими оковами. Такимъ образомъ, чѣмъ больше извѣстенъ онъ, тѣмъ больше имѣетъ надъ собою властелиновъ, тѣмъ больше тяготѣетъ надъ нимъ рабство, такъ какъ всюду видитъ господъ своихъ. И слуга, когда онъ не 560
на глазахъ у господина, отдыхаетъ и наслаждается полною свободою; а знатный вездѣ встрѣчаетъ своихъ властелиновъ. Онъ рабъ всякаго, кто ни появится въ народномъ собраніи. Хотя бы была и крайняя нужда ему, онъ не смѣетъ вступить въ собраніе безъ сопровожденія слугъ, безъ коня и безъ другихъ знаковъ пышности, чтобы не подпасть осужденію своихъ властелиновъ. Если даже увидитъ искренняго друга, не осмѣливается побесѣдовать съ нимъ какъ съ ровней, опасаясь владыкъ своихъ, чтобы они не низринули его съ высоты славы. Такимъ образомъ чѣмъ онъ славнѣе, тѣмъ больше порабощенъ. Если же онъ терпитъ какую непріятность, то оскорбленіе тѣмъ чувствительнѣе для него, чѣмъ больше свидѣтелей, и чѣмъ несообразнѣе оно кажется съ его достоинствомъ. И таково для него не только оскорбленіе, но и несчастіе. Многіе радуются его несчастію; равнымъ образомъ, когда онъ пользуется какимъ благомъ, весьма многіе ненавидятъ, завидуютъ ему и стараются низвергнуть его. Итакъ, скажи 570
мнѣ, ужели это благо? Ужели это слава? Нѣтъ; это, напротивъ, безславіе, рабство, узы, и все, что можно назвать тягостнымъ.

Если же и при всемъ томъ для тебя людская слава вожделѣнна, и тебя сильно тревожитъ всякій, кто вызываетъ восторги толпы, то, какъ скоро увидишь удостоившагося рукоплесканій, перенесись умомъ въ будущій вѣкъ, и представь вѣчную славу. И какъ спѣша убѣжать отъ нападающаго звѣря, ты, войдя въ пристанище, запираешь двери, такъ и теперь бѣги къ будущей жизни и неизреченной ея славѣ. Такимъ образомъ ты легко пренебрежешь временную славу и получишь вѣчную, насладишься истинною свободою и вѣчными благами, которыхъ и да сподобимся всѣ мы, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XXV.

560 О немъ же аще кто дерзаетъ, несмысленно глаголю, дерзаю и азъ (2 Кор. XI, 21).

1. Смотри, какъ онъ опять уклоняется, употребляетъ извиненія и оговорки, хотя и раньше уже много сказалъ подобнаго. Напримѣръ: *о да бысте мало потерпѣли безумію моему*; и еще: *да никтоже мнитъ мя безумна быти. Аще ли ни, поне яко безумна пріимите. Еже глаголю, не по Господѣ, но яко въ безуміи. Понеже мнози хвалятся по плоти, и азъ похвалюся*. И здѣсь опять: *о немъ же аще кто дерзаетъ, несмысленно глаголю, дерзаю и азъ*. Онъ называетъ дерзостію и безуміемъ говорить о себѣ что-либо важное, даже когда настоитъ въ томъ нужда, научая насъ всѣми силами избѣгать похвальбы. Если и послѣ того, какъ сотворимъ все, мы должны называть себя непотребными (Лук. XVII, 10), то безъ всякой побудительной причины превозносящійся и хвалящійся можетъ ли быть достоинъ какого-нибудь извиненія? За это и фарисей былъ осужденъ, и въ самой пристани потерпѣлъ крушеніе, приразившись къ скалѣ (самохвальства). По этой-то причинѣ и Павелъ, видя тысячи нуждъ, отговаривается (хвалить себя) и непрестанно повторяетъ, что это дѣло безумное; и только тогда наконецъ осмѣлился, когда представилъ въ свое оправданіе крайнюю необходимость. Тогда говоритъ: *евреи ли суть? И азъ. Израилите ли суть? И азъ* (ст. 22). Не всѣ евреи были израильтяне, такъ какъ и аммонитяне и моавитяне тоже происходили отъ евреевъ. Поэтому въ подтвержденіе благородства происхожденія присовокупилъ: *сѣмя Авраамле ли суть? И азъ. Служителіе ли Христовы суть? Не въ мудрости глаголю, паче азъ* (ст. 23). Для

него не довольно было прежняго извиненія, но и здѣсь опять извиняется: *не въ мудрости глаголю, паче азъ*, т. е. я лучше ихъ и превосходнѣе. И хотя имѣлъ ясныя доказательства своего превосходства, но все же и при такомъ условіи называетъ это дѣло безуміемъ. Однакожъ, если они были лжеапостолы, то ему надле- 570
жало не сравнивать свое преимущество, но опровергнуть то, что они служители. Онъ уже и опровергъ это, сказавъ: *лживи апостоли, дѣлатели льстиви, преобразующеся во апостолы Христовы*. Теперь то же самое, но дѣлаетъ не такъ, потому что намѣревается войти въ изслѣдованіе, а никто не высказываетъ своего мнѣнія прежде изслѣдованія; напротивъ, сперва посредствомъ сравненія извлекши изъ сущности самаго дѣла опровerженіе, показываетъ истину, которая отъ этого получаетъ большую твердость. Или иначе, напередъ представляетъ мнѣніе ихъ самихъ (противниковъ), а не свое сужденіе, говоря: *служителіе Христовы суть*; а въ словахъ—*паче азъ* дѣлаетъ сравненіе, и доказываетъ, что онъ сохраняетъ характеръ апостольства, хотя и не объявляетъ о томъ, а показываетъ только самыми дѣлами. И умалчивая о чудесахъ, начинаетъ съ искушеній, и говоритъ: *въ трудѣхъ множае, въ ранахъ преболѣ*. Послѣднее, т. е. терпѣть побои и бичеваніе, выше перваго. *Въ темницахъ излиха*. Здѣсь опять усиленіе рѣчи. *Въ смертехъ многащи. По вся дни*, говоритъ, *умираю* (1 Кор. XV, 31). Здѣсь разумѣетъ смерть и на самомъ дѣлѣ, потому что часто подвергался опасностямъ, угрожавшимъ смертью. *Отъ Іудей пять краты четыредесять развѣ единыя пріяхъ* (ст. 24). Почему—*развѣ единыя?* (У іудеевъ) былъ древній законъ, по которому получившій болѣе сорока ударовъ считался у нихъ безчестнымъ (Втор. XXV, 3). Поэтому, чтобы бьющій въ запальчивости и увлеченіи не нанесъ лишняго числа (ударовъ), и тѣмъ не обезчестилъ наказываемаго, положили давать (сорокъ) ударовъ безъ одного, чтобы бьющій не превысилъ сорока, хотя бы и лишній разъ ударилъ, но, всегда оставаясь въ предѣлахъ узаконеннаго числа, не могъ нанести безчестія наказываемому. *Трищи палицами біенъ быхъ, единою каменми наметанъ быхъ, трикраты корабль опровержеся со мною* (ст. 25). Какъ послѣднее относится къ Евангелію? Такъ, что онъ предпринималъ отдаленныя путешествія, и притомъ по морямъ. *Нощь и день во глубинѣ сотворихъ*. Одни 571
объясняютъ это въ томъ смыслѣ, что онъ цѣлыя сутки находился среди моря, а другіе, что (по разбитіи корабля) сутки плавалъ во глубинѣ морской; послѣднее согласнѣе съ истиною, а первое не заслуживаетъ и удивленія, и (апостолъ) не поставилъ бы этого выше кораблекрушенія. *Бѣды въ рѣкахъ*, потому что принужденъ бывалъ переплывать рѣки. *Бѣды отъ разбойникъ, бѣды*

въ градѣ, бѣды въ пустынѣ. Вездѣ предстояли мнѣ подвиги, въ различныхъ мѣстахъ, странахъ, городахъ, пустыняхъ. *Бѣды отъ языкъ, бѣды во лжебратіи* (ст. 26). Замѣть новый родъ ратоборства. Не только враги нападали, но имѣвшіе личину братства; и много въ этомъ случаѣ требовалось напряженія, много благоразумія. *Въ трудѣ и подвизѣ*. Труды смѣнялись бѣдами, бѣды трудами, слѣдуя непрерывно одни за другими и не давая ему ни малѣйшаго покоя. *Въ путныхъ шествіихъ множицею, во алчбѣ и жажди и наготѣ* (ст. 27), *кромѣ внѣшнихъ* (ст. 28).

2. Сравнительно съ тѣмъ, что перечислено, еще болѣе опущено. Но даже и перечисленнаго невозможно описать подробно, потому что апостолъ не означилъ каждаго искушенія порознь, но вспомнилъ только о тѣхъ, число которыхъ было невелико, и могло удержаться въ памяти, говоря: *трищи, трикраты* и *единою*; о прочихъ же искушеніяхъ и этого не сказалъ, потому что много разъ претерпѣвалъ ихъ. И не говоритъ, какіе были плоды его подвиговъ, что онъ столькихъ-то и столькихъ-то обратилъ; но описываетъ, что только претерпѣлъ за проповѣдь,—съ одной стороны наблюдая скромность, съ другой желая показать, что хотя бы и ничего изъ этого не вышло, но для труждающагося не остается безъ пользы, поскольку дѣло, достойное награды, и въ такомъ случаѣ исполнено. *Нападеніе, еже по вся дни*. Бунты, мятежи, утѣсненіе отъ народа и нападеніе цѣлыхъ городовъ. Въ этомъ отношеніи больше всего обнаруживали вражду свою къ нему іудеи, потому что онъ болѣе всѣхъ посрамлялъ ихъ и служилъ наибольшимъ обличеніемъ ихъ безумія вслѣдствіе внезапнаго своего обращенія (ко Христу). Великая война воздвигалась противъ него отъ своихъ, отъ чужихъ, отъ лицемѣрствующихъ; вездѣ для него были волны и стремнины—въ обитаемыхъ и необитаемыхъ мѣстахъ, на сушѣ и на морѣ, внѣ и внутри. Онъ не имѣлъ въ достаткѣ даже необходимой пищи, нуждался въ самой простой одеждѣ; подвижникъ цѣлой вселенной, подвизался нагой и боролся голодный. Такъ далекъ онъ былъ отъ того, чтобы собирать сокровища! И не только не скорбѣлъ, а и воздавалъ еще за то благодареніе Подвигоположнику. *Попеченіе всѣхъ церквей* (ст. 28). Это главнѣе всего,—т. е. что и душа его терзалась, и сердце раздиралось. Въ самомъ дѣлѣ, если бы внѣшнихъ (скорбей) даже и не было, то достаточно было и внутренней брани, постоянно смѣняющихся волнъ, тучи заботъ, борьбы помысловъ. Если пекущійся объ одномъ домѣ, имѣя у себя слугъ, приставниковъ и домоправителей, часто не знаетъ покоя отъ заботъ, хотя никто его не тревожитъ, то представь, что долженъ былъ терпѣть (Павелъ), который имѣлъ попеченіе не объ одномъ домѣ,

но о городахъ, о народахъ, о племенахъ, о цѣлой вселенной, и въ дѣлахъ столь важныхъ, при такомъ множествѣ (враговъ), старавшихся вредить ему, трудился одинъ, и былъ такъ чувствителенъ, такъ заботился, какъ не заботится даже и отецъ о дѣтяхъ. А чтобы ты не сказалъ: хотя и заботился, но заботился слегка,—онъ показалъ, какъ велика была его забота, говоря: *кто изнемогаетъ, и не изнемогаю?* Не сказалъ: я не принимаю участія въ скорби, 572
но (говоритъ): я такъ безпокоюсь и скорблю, какъ бы самъ находился въ томъ же недугѣ, страдалъ тою же болѣзнію. *Кто соблазняется, и азъ не разжизаюся* (ст. 29)? Смотри опять, до какой степени велика скорбь его, какъ это показываетъ слово *разженіе*. Воспламеняюсь, сгораю, говоритъ онъ; и эта скорбь подлинно больше всѣхъ прочихъ. Другія скорби хотя и были тяжки, но скоро проходили и приносили неувядаемое удовольствіе; а эта скорбь—терпѣть столько страданій за каждаго немощнаго, кто бы онъ ни былъ—угнетала, стѣсняла, уязвляла его сердце. Не о высшихъ вѣдь только страдалъ онъ, оставляя низшихъ въ небреженіи, напротивъ, и непотребнаго считалъ въ числѣ потребныхъ. Поэтому и сказалъ: *кто изнемогаетъ,* показывая, что разумѣетъ всякаго, кто бы онъ ни былъ; какъ бы въ одномъ себѣ заключая цѣлую вселенскую церковь, болѣзновалъ онъ о каждомъ членѣ ея. *Аще хвалитися подобаетъ, о немощи моей похвалюся* (ст. 30). Видишь ли, что онъ никогда не хвалится чудесами, а всегда гоненіями и искушеніями? Это именно, говоритъ онъ, и есть знакъ немощи. Вмѣстѣ съ тѣмъ показываетъ и то, насколько разнообразная предстояла ему брань. Дѣйствительно, на него ополчались іудеи, возставали язычники, съ нимъ препирались лжебратія, его оскорбляли немощные и соблазняемые братья. Отовсюду ему доставлялось смущеніе и безпокойство,—и отъ своихъ, и отъ чужихъ. Таково отличительное свойство апостольства. Чрезъ это утверждается благовѣствованіе. *Богъ и Отецъ Господа нашего Іисуса вѣсть, яко не лгу. Языческій князь* (ἐθνάρχης) *Ареѳы царя стрежаше Дамаскъ градъ, яти мя хотя* (ст. 31, 32). Почему онъ здѣсь подтверждаетъ и удостовѣряетъ свои слова, тогда какъ прежде нигдѣ этого не дѣлалъ? Потому, можетъ быть, что это было уже давно и мало извѣстно; а указанное прежде, какъ напр. попеченіе о церквахъ и все прочее, было имъ извѣстно. Итакъ, смотри, какова была брань, если (этнархъ) ради его стерегъ городъ. Когда же говорю о брани, разумѣю ревность Павлову. Если бы онъ не дышалъ такимъ огнемъ ревности, то не воспламенилъ бы такого неистовства въ этнархѣ. Таково свойство души апостольской—столько терпѣть и никогда не колебаться, но все, что ни случится, переносить мужественно, однако не вдаваться безразсудно въ

опасности, и не бѣжать имъ на встрѣчу. Смотри, въ самомъ дѣлѣ, на какое средство согласился онъ, чтобы избѣгнуть осады. *Оконцемъ въ кошницѣ свѣшенъ быхъ.* Хотя онъ и желалъ переселиться изъ этой жизни, однако искалъ и спасенія человѣческаго, почему неоднократно изобрѣталъ и подобныя средства, чтобы сберечь себя для проповѣди, и не отказывался пользоваться человѣческими мѣрами, когда требовали того обстоятельства. Такъ онъ былъ остороженъ и бдителенъ. Гдѣ бѣдствія были неизбѣжны, тамъ прибѣгалъ къ одной благодати; а гдѣ искушеніе не превышало (человѣческихъ силъ), тамъ многое и отъ себя придумывалъ. Но и здѣсь опять все приписывалъ Богу. И какъ искра неугасимаго огня, упавшая въ море, хотя и поглощается множествомъ волнъ, но потомъ опять восходитъ на поверхность столь же свѣтлою,
573 такъ и блаженный Павелъ—то какъ бы въ бездну погружался, обуреваемый бѣдствіями, то освобождался и являлся блистательнѣйшимъ, оставаясь побѣдителемъ въ своихъ злостраданіяхъ.

3. Вотъ славная побѣда, вотъ побѣдное знаменіе Церкви. Такъ низлагается діаволъ нашими злостраданіями. Когда мы злостраждемъ, онъ дѣлается плѣнникомъ, и терпитъ зло, между тѣмъ какъ хочетъ сдѣлать его намъ. Такъ было и съ Павломъ. Діаволъ, чѣмъ больше наводилъ на него напастей, тѣмъ больше былъ поражаемъ. Онъ уготовлялъ ему искушенія не одного какого-нибудь рода, но многообразныя и многоразличныя. Вевергалъ его то въ труды, то въ скорбь, то въ страхъ, то въ болѣзнованіе, то въ заботу, то въ стыдъ, то во все вдругъ. Но (Павелъ) во всемъ оставался побѣдителемъ. Подобно воину, который одинъ сражается противъ цѣлой вселенной, окруженъ рядами непріятельскими, и никакого не терпитъ зла, и Павелъ, одинъ являясь у варваровъ, у эллиновъ, повсюду—на сушѣ и на морѣ оставался непобѣжденнымъ. И какъ искра, упавшая въ солому или сѣно, превращаетъ все сгараемое въ одно съ собою естество, такъ и онъ, къ кому ни являлся, всѣхъ приводилъ къ истинѣ, проходя всюду на подобіе потока, разрушающаго преграды. Какъ борецъ какой-нибудь, который одинъ и борется, и преслѣдуетъ, и поражаетъ, или какъ воинъ, который и осаждаетъ стѣны, и сражается на сушѣ и на морѣ, такъ (и Павелъ) вступалъ во всякій родъ брани, дышалъ огнемъ, для всѣхъ былъ неприступенъ, однимъ тѣломъ обнималъ цѣлую вселенную, однимъ языкомъ всѣхъ разсѣивалъ. Не съ такою силою множество трубъ поколебало каменныя стѣны города Іерихона и разрушило ихъ, съ какою гласъ Павловъ ниспровергалъ своимъ звукомъ твердыни діавольскія, и привлекалъ къ нему противниковъ. А собравши множество плѣнниковъ, онъ самъ вооружалъ ихъ, составлялъ

изъ нихъ свое воинство и съ помощію его дивно побѣждалъ. Давидъ низложилъ Голіаѳа однимъ только камнемъ; но если разсмотришь подвиги Павловы, то подвигъ Давидовъ покажется дѣтскимъ дѣломъ, и увидишь такое же различіе (между Давидомъ и Павломъ), какое между пастухомъ и военачальникомъ. Павелъ не Голіаѳа низлагалъ, бросая камень, но однимъ словомъ поражалъ весь строй діавольскій. И какъ левъ, рыкающій и испускающій изъ устъ пламень, онъ для всѣхъ былъ нестерпимъ. Непрестанно онъ являлся всюду, приходилъ къ однимъ, спѣшилъ къ другимъ, появлялся у тѣхъ, переносился къ этимъ, налеталъ быстрѣе вѣтра. И управляя вселенною, какъ однимъ домомъ, или однимъ кораблемъ, онъ то извлекалъ утопающихъ, то укрѣплялъ изнемогающихъ, то давалъ приказанія корабельщикамъ, то сидѣлъ на кормѣ, осматривалъ руль, натягивалъ канаты, управлялъ весломъ, снималъ паруса, смотрѣлъ на небо,—самъ былъ все—и корабельщикъ и кормчій, и парусъ и корабль,—все терпѣлъ, чтобы только другихъ освободить отъ зла. И замѣть, онъ претерпѣлъ кораблекрушеніе, чтобы остановить кораблекрушеніе 574
вселенной; ночь и день пробылъ во глубинѣ морской, чтобы извлечь (людей) изъ глубины заблужденія; былъ въ трудахъ, чтобы дать покой трудящимся; терпѣлъ язвы, чтобы уврачевать изъязвленныхъ діаволомъ; сидѣлъ въ темницахъ, чтобы сидящихъ въ узахъ и въ мракѣ извести на свѣтъ; многократно бывалъ при смерти, чтобы избавить другихъ отъ лютой смерти. Пять разъ получалъ онъ по сорока ударовъ безъ одного, чтобы избавить отъ бичей діавольскихъ тѣхъ, которые его бичевали; былъ битъ палками, чтобы другихъ привести подъ жезлъ и палицу Христову; наметанъ былъ камнями, чтобы освободить отъ безчувственныхъ камней; былъ въ пустынѣ, чтобы извести изъ пустыни; былъ въ путешествіяхъ, чтобы остановить заблуждающихъ и открыть путь, ведущій къ небу; подвергался опасностямъ въ городахъ, чтобы указать горній градъ; терпѣлъ голодъ и жажду, чтобы избавить отъ лютѣйшаго голода; былъ въ наготѣ, чтобы непристойно ходящихъ облечь въ одежду Христову; терпѣлъ нападеніе отъ народа, чтобы отвести отъ нападенія демонскаго; воспламенялся, чтобы угасить раскаленныя стрѣлы діавола; былъ спущенъ въ корзинѣ въ окно по стѣнѣ, чтобы поднять поверженныхъ долу. Будемъ ли еще говорить, когда не знаемъ даже всего, что претерпѣлъ Павелъ? Упоминать ли объ имуществѣ, о женѣ, о городѣ, о свободѣ, когда видимъ, что онъ тысячекратно презиралъ самую жизнь? Мученикъ умираетъ однажды, а этотъ блаженный однимъ тѣломъ и одною душею претерпѣлъ столько бѣдъ, что онѣ могутъ и адамантовую душу привести въ трепетъ.

И что всѣ святые пострадали каждый въ такомъ множествѣ тѣлъ, все это претерпѣлъ онъ въ одномъ (тѣлѣ). Вступивъ во вселенную, какъ бы на нѣкоторое поприще, и совлекшись всего, стоялъ онъ мужественно. Онъ зналъ, что съ нимъ сражаются демоны. Потому вдругъ, въ самомъ началѣ, показалъ себя славнымъ; и отъ самаго начала до послѣдняго конца пребылъ одинаковъ; или лучше сказать, еще усилилъ преслѣдованіе врага, когда приближался къ побѣдному вѣнцу. Удивительно также, что, не взирая на то, что столько претерпѣлъ, и такъ много сдѣлалъ, онъ умѣлъ соблюдать глубокое смиреніе. Даже когда нужда заставляла разсказывать о своихъ заслугахъ, онъ касался ихъ слегка; и хотя могъ бы написать тысячи книгъ, если бы захотѣлъ распространяться о каждомъ предметѣ, перечислять церкви, о которыхъ заботился, говорить о темницахъ и о подвигахъ своихъ въ нихъ, о подробностяхъ каждаго подвига въ частности, о нападеніяхъ на него, однако же не захотѣлъ этого. Итакъ, зная это, научимся и мы смиряться и никогда не хвалиться ни богатствомъ, ни другими житейскими благами, напротивъ, будемъ хвалиться одними оскорбленіями за Христа,—да и ими тогда только, когда потребуетъ нужда. Если же ничто не понуждаетъ насъ къ этому, не будемъ вспоминать и о нихъ, чтобы не возгордиться, а будемъ помнить только грѣхи свои. Такимъ образомъ мы и отъ нихъ легко освободимся, и умилостивимъ Бога, и достигнемъ вѣчной жизни, которой и да сподобимся всѣ мы благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XXVI.

575 **Похвалитися же не пользуетъ ми. Пріиду бо въ видѣнія и откровенія Господня (2 Кор. xii, 1).**

1. Что это значитъ? Сказавши такъ много, говоритъ: *похвалитися не пользуетъ ми.* (Въ томъ ли смыслѣ говоритъ это), что ничего еще не сказалъ? Нѣтъ, не въ томъ смыслѣ, что ничего еще не сказалъ; но такъ какъ онъ намѣренъ перейти къ другому роду похвалы, которая, хотя не ведетъ къ такой же наградѣ, какъ и прежнія, но повидимому болѣе прославляетъ его въ глазахъ многихъ, не умѣющихъ вполнѣ вникнуть въ дѣло, то и говоритъ: *похвалитися же не пользуетъ ми.* Въ самомъ дѣлѣ, велики вышеисчисленные предлоги къ похвалѣ, т. е. искушенія.

Но онъ можетъ представить и другого рода основанія, именно откровенія и неизреченныя тайны. Для чего же говоритъ: *не пользуешъ ми?* Для того, отвѣчаетъ онъ, чтобы мнѣ не впасть въ высокоуміе. Что ты говоришь? Развѣ ты не знаешь этого, хотя бы и не сказалъ? Но не одинаково бываетъ наше превозношеніе, когда мы сами только знаемъ причину къ тому, и когда сообщаемъ ее другимъ. Надмеваютъ насъ обыкновенно не заслуги сами по себѣ, но то, что многіе о нихъ свидѣтельствуютъ и знаютъ. Поэтому и говоритъ (апостолъ): *не пользуетъ ми,*—чтобы не дать повода слушателямъ думать о немъ выше надлежащаго. Лжеапостолы разсказывали о себѣ и то, чего не бывало; онъ же, и что было, скрываетъ, даже когда самая нужда требовала не скрывать. *Не пользуетъ ми*, говоритъ онъ, научая всѣхъ всячески избѣгать самохвальства. Дѣйствительно оно не приноситъ никакой пользы, а только вредъ, если не побуждаетъ къ похвальбѣ какая-либо необходимая и полезная причина. Итакъ, упомянувши объ опасностяхъ, искушеніяхъ, злоумышленіяхъ, досадахъ и кораблекрушеніяхъ, приступаетъ теперь къ другому роду похвалы, говоря: *вѣмъ человѣка прежде лѣтъ четыренадесяти (аще въ тѣлѣ, не вѣмъ; аще ли кромѣ тѣла, не вѣмъ; Богъ вѣсть) восхищена бывша таковаго до третіяго небесе. И вѣмъ, яко восхищенъ бысть въ рай (аще въ тѣлѣ*, не вѣмъ, *или кромѣ тѣла, не вѣмъ), и слыша неизреченны глаголы, ихже не лѣть есть человѣку глаголати. О таковѣмъ похвалюся*; *о себѣ же не похвалюся* (ст. 2—5). Велико это откровеніе. И не одно оно было, а и многія другія; но онъ упоминаетъ объ одномъ изъ многихъ. А что ихъ было много, послушай, какъ о томъ самъ онъ говоритъ: *за премногая откровенія, да не превозношуся* (ст. 7). Но скажетъ кто-нибудь: если (Павелъ) хотѣлъ скрыть, то ему надлежало вовсе и намека не дѣлать, и не говорить ничего подобнаго; если же хотѣлъ сказать, то надлежало говорить ясно. Итакъ, для чего же онъ и ясно не сказалъ, и не умолчалъ? Для того, чтобы и этимъ показать, что онъ неохотно приступаетъ къ дѣлу. Поэтому опредѣлилъ и время—за четырнадцать лѣтъ. Не безъ причины онъ упомянулъ объ этомъ, но желая показать, что молчавши столько времени, и теперь не сказалъ бы, если бы не было великой нужды, напротивъ умолчалъ бы, если бы не видѣлъ погибающихъ братій. 576
А если Павелъ былъ таковъ, что въ самомъ началѣ, когда не имѣлъ еще такихъ заслугъ, удостоился высокаго откровенія, то подумай, каковъ онъ сталъ чрезъ четырнадцать лѣтъ. Но смотри, какъ и въ данномъ случаѣ онъ скроменъ: объ одномъ говоритъ, а о другомъ сознается, что не знаетъ. Сказалъ, что былъ восхищенъ; а въ тѣлѣ, или внѣ тѣла, того, говоритъ, не знаю. До-

вольно было бы сказать о восхищеніи, умолчавъ о прочемъ; но онъ по скромности и то присовокупляетъ. Итакъ что же? Умъ ли только и душа были восхищены, а тѣло оставалось мертвымъ? Или и тѣло было восхищено? Этого нельзя опредѣлить. Если не знаетъ самъ Павелъ, который былъ восхищенъ, и удостоился столь многихъ и столь неизреченныхъ откровеній, то тѣмъ болѣе не знаемъ мы. Что онъ былъ въ раю, это знаетъ; что былъ на третьемъ небѣ. и то ему небезъизвѣстно; но какъ былъ восхищенъ, того не знаетъ ясно. Посмотри и съ другой стороны, какъ онъ былъ чуждъ тщеславія. Разсказывая о случившемся съ нимъ въ Дамаскѣ, онъ подтверждаетъ слова свои (именемъ Божіимъ), а здѣсь не дѣлаетъ этого, потому что не имѣлъ намѣренія сильно увѣрять въ этомъ, а хотѣлъ только сказать, и сдѣлать намекъ. Потому и присовокупляетъ: *о таковѣмъ похвалюся*, не то выражая, чтобы восхищенный былъ кто другой, но даетъ такой оборотъ рѣчи, чтобы и сказать, что прилично и что можно, и вмѣстѣ избѣжать необходимости говорить о себѣ открыто. Иначе какая была бы сообразность, разсуждая о самомъ себѣ, вводить другое лицо? Почему же такъ выразился? Потому, что не одно и то же значитъ—сказать: я былъ восхищенъ, и: знаю (человѣка), который былъ восхищенъ; или: о себѣ хвалюся, и: о таковомъ похвалюся. А если кто скажетъ: какъ возможно быть восхищену безъ тѣла? то и я спрошу: какъ возможно восхищену быть съ тѣломъ? Послѣднее даже труднѣе перваго, если разсуждать по разуму, а не покориться вѣрѣ. А для чего восхищенъ былъ (Павелъ)? Для того, какъ думаю, чтобы его не почитали меньшимъ другихъ апостоловъ. Тѣ были вмѣстѣ со Христомъ, а онъ не былъ; поэтому (Господь). въ изъявленіе славы его, и его восхитилъ въ рай. А слово — рай — многозначительно, и вездѣ было извѣстно.

2. Поэтому и Христосъ сказалъ (разбойнику): *днесь со Мною будеши въ раи* (Лук. XXIII, 43). *О таковѣмъ похвалюся*. Для чего? Если другой былъ восхищенъ,—чѣмъ ты хвалишься? Отсюда явно, что это (апостолъ) говоритъ о себѣ. Если же онъ присовокупилъ: *о себѣ же не похвалюся*, то это значитъ только, или что онъ безъ нужды, напрасно и легкомысленно не сказалъ бы ничего подобнаго, или что онъ хотѣлъ, насколько возможно, прикрыть сказанное. А что всю рѣчь ведетъ о себѣ самомъ, это видно и изъ послѣдующаго. Именно онъ прибавляетъ: *аще же и восхощу похвалитися, не буду безуменъ; истину бо реку* (ст. 6). Какъ же прежде говорилъ: *о да бысте мало потерпѣли безумію моему*, также: *еже*
577 *глаголю, не по Господѣ глаголю, но яко въ безуміи*; а здѣсь напротивъ говоритъ: *аще же и восхощу похвалитися, не буду безуменъ*?

Это надобно разумѣть не въ отношеніи къ похвалѣ, но въ отношеніи къ справедливости того, чѣмъ хвалится, потому что если хвалиться свойственно безумному, то тѣмъ болѣе лгать. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи и говоритъ онъ: *не буду безуменъ.* Потому и присовокупляетъ: *истину бо реку; щажду же, да не како кто вознепщуетъ о мнѣ паче, еже видитъ или слышитъ что отъ мене.* Вотъ истинная причина. Дѣйствительно, за великія знаменія, его (и Варнаву) почли даже за боговъ (Дѣян. XIV, 11). Подобно тому какъ Богъ создалъ стихіи міра и немощными и славными, чтобы онѣ чрезъ одно проповѣдали Его могущество, а чрезъ другое удерживали людей отъ заблужденія, такъ (и апостолы) были вмѣстѣ и чудны и немощны, чтобы самыми дѣлами научать невѣрныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, если бы они, пребывая всегда чудными, и не показывая въ себѣ примѣровъ немощи, стали однимъ словомъ убѣждать людей—не думать о нихъ больше надлежащаго, то не только не успѣли бы въ этомъ, но еще и произвели бы противное. Ихъ словесныя увѣщанія скорѣе были бы приписаны смиренію, и заставили бы еще больше имъ удивляться. Потому-то немощь ихъ дѣйствительно обнаруживалась и въ самыхъ дѣлахъ ихъ. То же самое можно видѣть и на примѣрахъ ветхозавѣтныхъ мужей. Такъ Илія былъ человѣкъ чудный, но нѣкогда изобличалъ себя въ боязливости (3 Цар. XIX). Великъ былъ и Моисей, но и онъ по той же самой немощи предался бѣгству (Исх. II). А подвергались они этому, когда Богъ отступалъ отъ нихъ, и попускалъ, чтобы изобличалась въ нихъ (немощь) человѣческой природы. Въ самомъ дѣлѣ, если израильтяне, когда ихъ вывелъ изъ Египта Моисей, говорили: гдѣ Моисей? то чего бы они не сказали, если бы онъ и ввелъ ихъ (въ обѣтованную землю)? Поэтому (Павелъ) и говоритъ: *щажду же, да не како кто вознепщуетъ о мнѣ.* Не сказалъ—скажетъ, но—даже не подумаетъ о мнѣ болѣе, нежели чего я достоинъ. Такъ и отсюда видно, что вся рѣчь идетъ о немъ. Потому и въ началѣ сказалъ: *похвалитися не польѕуетъ ми.* Этого онъ не сказалъ бы, если бы то, что сказано имъ, онъ намѣревался говорить о другомъ, — да и почему не полезно было бы хвалиться другимъ? Но онъ самъ удостоился этихъ (откровеній). Потому и говоритъ далѣе: *и за премногая откровенія, да не превозношуся, дадеся ми пакостникъ плоти, ангелъ сатанинъ, да ми пакости дѣетъ* (ст. 7). Что говоришь? Ужели ты, ни за что почитавшій царство и геенну въ сравненіи съ любовію ко Христу, почиталъ за что-нибудь честь отъ людей, такъ что превозносился и имѣлъ нужду въ непрестанномъ обузданіи? Вѣдь не сказалъ, чтобы впредь мучилъ меня, но *да ми пакости дѣетъ* (пусть мучитъ меня). И кто бы могъ сказать это?

Что же значать слова его? Когда мы откроемъ, кто такой этотъ пакостникъ, и кто ангелъ сатанинъ, тогда и это скажемъ. Нѣкоторые говорили, что онъ разумѣетъ какую-то головную боль, производимую діаволомъ. Но этого нельзя допустить. Тѣло Павлово не могло быть отдано въ руки діавола, если самъ діаволъ уступалъ тому же Павлу, по одному его повелѣнію. (Павелъ) полагалъ ему законы и предѣлы,—когда напр., предалъ ему блудника въ изможденіе плоти (I Кор. v); и (діаволъ) не дерзалъ преступать
578 ихъ. Итакъ, что же значитъ сказанное? Сатана на еврейскомъ языкѣ значитъ—противникъ. И Писаніе въ третьей книгѣ Царствъ (v, 4) называетъ этимъ именемъ противниковъ. Повѣствуя именно о Соломонѣ, говоритъ: не было сатаны во дни его, т. е. сопротивника, который бы воевалъ съ нимъ, или безпокоилъ его. Поэтому слова (апостола) имѣютъ такой смыслъ: Богъ не благоволилъ, чтобы проповѣдь наша распространялась безпрепятственно, желая смирить наше высокое о себѣ мнѣніе, но попустилъ противникамъ нападать на насъ. Этого дѣйствительно достаточно было къ низложенію гордыхъ помысловъ; а головная болѣзнь не могла этого произвесть. Такимъ образомъ подъ именемъ ангела сатанина онъ разумѣетъ Александра ковача, сообщниковъ Именея и Филита, и всѣхъ противниковъ слова, которые вступали съ нимъ въ состязанія, и противоборствовали ему, ввергали его въ темницу, били и влачили, такъ какъ они дѣлали дѣла сатанинскія. Подобно тому какъ (Писаніе) называетъ сынами діавола іудеевъ за то, что они ревновали дѣламъ его, такъ и ангеломъ сатаны называетъ всякаго сопротивника. Потому слова: *дадеся ми пакостникъ, да ми пакости дѣетъ*—означаютъ не то, что Богъ самъ вооружалъ противниковъ, или наказывалъ и обуздывалъ чрезъ нихъ (апостола),—да не будетъ!—а только то, что Онъ дозволялъ и попускалъ на время. *О семъ трикраты Господа молихъ* (ст. 8), т. е. многократно.

8. И это показываетъ великое смиреніе (апостола), когда онъ не скрываетъ того, что не выносилъ вражескихъ навѣтовъ, но изнемогалъ и молился объ освобожденіи отъ нихъ. *И рече ми: довлѣетъ ти благодать Моя, сила бо Моя въ немощи совершается* (ст. 9), т. е. довольно для тебя, что ты воскрешаешь мертвыхъ, исцѣляешь слѣпыхъ, очищаешь прокаженныхъ и творишь другія чудеса. Не домогайся жить въ безопасности безъ страха, и проповѣдывать безъ труда. Но ты скорбишь и печалишься? Не приписывай Моей немощи того, что многіе коварствуютъ противъ тебя, бьютъ тебя, гонятъ и бичуютъ. Это-то самое и показываетъ Мою силу. *Сила бо Моя въ немощи совершается,*—т. е., когда вы гонимые одерживаете верхъ надъ гонителями, когда вы преслѣ-

дуемые побѣждаете своихъ преслѣдователей, когда вы связываемые обращаете въ бѣгство связывающихъ. Итакъ, не желай излишняго. Замѣчаешь ли, какъ (апостолъ) представляетъ одну причину, а Богъ другую? Тотъ говоритъ: *да не превозношуся, дадеся ми пакостникъ плоти*; а Богъ сказалъ, что попускаетъ это для явленія силы Своей. Поэтому ты просишь не только излишняго, но даже помрачающаго славу Моего могущества. Именно слова: *довлѣетъ ти* показываютъ, что не нужно уже ничего другого прибавлять, но что все сдѣлано. Такимъ образомъ и отсюда видно, что здѣсь говорится не о головной боли,—больные не проповѣдали, да и не могли бы проповѣдывать,—но о томъ, что (апостолы) гонимые и и преслѣдуемые все превозмогли. Услышавъ такой отвѣтъ, (Павелъ) говоритъ: *сладцѣ убо похвалюся въ немощехъ моихъ*. Чтобы (коринѳяне) не пали духомъ, видя, что лжеапостолы хвалятся совсѣмъ противнымъ, а истинные (апостолы) терпятъ гоненія,—(Павелъ) показываетъ, что чрезъ гоненія онъ дѣлается еще славнѣе, что въ этомъ особенно обнаруживается сила Божія, и что совершающееся съ нимъ достойно того, чтобы хвалиться. Поэтому и говоритъ: *сладцѣ убо похвалюся*. Не отъ скорби сказалъ я исчис- 579
ленное мною выше, или упоминаемое теперь, т. е. что *дадеся ми пакостникъ*; напротивъ, я этимъ украшаюсь, и привлекаю на себя еще большую силу (отъ Бога). Потому и присовокупляетъ: *да вселится въ мя сила Христова*. Здѣсь онъ даетъ разумѣть и нѣчто другое—именно: въ какой мѣрѣ усиливались искушенія, въ такой мѣрѣ умножалась и пребывала въ немъ благодать. *Тѣмже благоволю въ немощехъ* многихъ. Въ какихъ же, скажи мнѣ? *Въ досажденіихъ, въ изгнаніихъ, въ бѣдахъ, въ тѣснотахъ* (ст. 10). Видишь ли, какъ ясно открылъ теперь все? Говоря о родѣ немощей, онъ назвалъ не горячку, не повторяющуюся какую болѣзнь, или другую тѣлесную немощь, но обиды, гоненія и притѣсненія. Видишь ли, какая благопокорная душа! Онъ желалъ избавиться отъ бѣдствій. Но когда услышалъ отъ Бога, что этому не должно быть, не только не палъ духомъ, не получивъ просимаго, но еще и радовался. Потому и сказалъ: *благоволю*, радуюсь, желаю терпѣть обиды, гоненія и притѣсненія за Христа. Сказалъ же это, желая и тѣхъ (лжеапостоловъ) смирить, и ихъ (коринѳянъ) ободрить, чтобы они не стыдились Павловыхъ страданій,—потому что такое терпѣніе скорбей можетъ сдѣлать славнѣе всѣхъ. Потомъ выставляетъ и другую причину: *егда бо немощствую, тогда силенъ есмь*. Чему дивишься, если въ немощахъ обнаруживается сила Божія, и я тогда бываю силенъ? Тогда вѣдь особенно и дѣйствуетъ благодать Божія.

По мѣрѣ того какъ умножаются въ насъ страданія (Хри-

стовы), умножается и утѣшеніе наше (2 Кор. 1, 5). Гдѣ скорбь, тамъ и утѣшеніе; гдѣ утѣшеніе, тамъ и благодать. Когда онъ ввергнутъ былъ въ темницу, тогда сотворилъ чудеса. Когда потерпѣлъ кораблекрушеніе, и занесенъ былъ въ варварскую страну, тогда особенно прославился. Когда связанный вошелъ въ судилище, тогда побѣдилъ самого судію. Такъ бывало и въ ветхомъ завѣтѣ: среди искушеній процвѣтали праведники. Такъ три отрока, такъ Даніилъ, Моисей и Іосифъ,—всѣ чрезъ искушенія сдѣлались славными и удостоились великихъ вѣнцовъ. Подлинно, тогда душа и очищается, когда терпитъ скорби ради Бога. Тогда она получаетъ большую помощь, потому что имѣетъ нужду въ большемъ содѣйствіи (отъ Бога), и достойнѣе большей благодати. А дѣлаясь любомудрою, пріобрѣтаетъ себѣ великія блага, не говоря уже о тѣхъ наградахъ, какія отложены для нея у Бога. Въ самомъ дѣлѣ, скорбь искореняетъ высокомѣріе, отсѣкаетъ всякое нерадѣніе, пріучаетъ къ терпѣнію, обнаруживаетъ ничтожество дѣлъ человѣческихъ и приводитъ къ великому любомудрію. Ей уступаютъ всѣ страсти: зависть, ревность, похоть, властолюбіе, пристрастіе къ богатству, плотская любовь, гордость, высокомѣріе, гнѣвъ, и весь остальной рой (душевныхъ) недуговъ. И если хочешь на самомъ дѣлѣ видѣть это на примѣрахъ одного ли человѣка, или цѣлаго народа, то я могу тебѣ показать какъ жившихъ въ скорби, такъ и проводившихъ жизнь въ благополучіи, и научить, какая происходила польза отъ скорбей, и какая безпечность отъ недостатка ихъ.

560 4. Такъ евреи, когда подвергались страданіямъ и гоненіямъ, тогда стенали, призывали Бога, и получали свыше великую помощь; а когда утучнялись, тогда оставляли (Бога). Также ниневитяне, когда жили безмятежно, до того прогнѣвали Бога, что Онъ угрожалъ истребить до основанія весь городъ; а когда смирились, услышавъ проповѣдь (Іоны), тогда показали всякое любомудріе. А если хочешь видѣть примѣръ на одномъ человѣкѣ, то вспомни о Соломонѣ. Когда онъ съ заботой и безпокойствомъ размышлялъ о томъ, какъ управлять народомъ, тогда удостоился боговидѣнія; а когда сталъ жить среди удовольствій, то впалъ въ самую бездну нечестія. А что сказать объ отцѣ его? Когда онъ былъ чуденъ и удивителенъ? Не тогда ли, какъ былъ въ искушеніяхъ? Авессаломъ, не тогда ли только велъ себя благоразумно, пока находился въ бѣгствѣ? А возвратившись, не сдѣлался ли мучителемъ и отцеубійцею? Что скажемъ объ Іовѣ? Правда, онъ славенъ былъ и во время благополучія; но еще славнѣе онъ оказался послѣ скорбей. Но нужно ли говорить о давнемъ и древнемъ? Если кто разсмотритъ и настоя-

щія наши дѣла, тотъ увидитъ, какъ велика польза скорбей. Нынѣ, наслаждаясь миромъ, мы ослабѣли, облѣнились, и наполнили Церковь тысячами золъ. Когда же терпѣли гоненія, тогда были цѣломудреннѣе, благонравнѣе, ревностнѣе и усерднѣе какъ къ этимъ собраніямъ, такъ и къ слушанію. Что огонь для золота, то скорбь для души: она стираетъ съ нея скверну, дѣлаетъ ее чистою, свѣтлою и ясною. Скорбь вводитъ въ царство, а безпечальная жизнь въ геенну. Вотъ почему путь къ царству тѣсенъ, а въ геенну пространенъ. Потому (и Христосъ), какъ бы предлагая намъ какое-нибудь великое благо, сказалъ: *въ мірѣ скорбни будете* (Іоан. XVI, 33). Итакъ, если ты ученикъ (Христовъ), иди путемъ тѣснымъ и скорбнымъ; не ропщи и не унывай. Если ты (для Господа) не хочешь терпѣть скорби, то все же будешь терпѣть скорби по другимъ причинамъ, но безъ всякой для себя пользы. Такъ и завистникъ, и корыстолюбецъ, и привязавшійся къ блудницѣ, и тщеславный, и преданный всякому другому пороку, терпитъ многія печали и скорби, и скорбитъ не меньше плачущихъ. Если же не проливаетъ слезъ и не плачетъ, то отъ стыда и безчувствія. А если бы ты проникъ въ душу его, то увидѣлъ бы, что она обливается безчисленными волнами. Итакъ, если и той и другой жизнью живущимъ необходимо должно скорбѣть, то почему мы не избираемъ жизни, которая вмѣстѣ со скорбію доставляетъ безчисленные вѣнцы? Всѣхъ святыхъ Богъ велъ этимъ путемъ,—путемъ скорбей и тѣсноты, какъ для ихъ собственной пользы, такъ и для предохраненія другихъ, чтобы послѣдніе не думали о нихъ выше ихъ достоинства.

Дѣйствительно, отъ того и идолопоклонство сдѣлалось господствующимъ, что дивились людямъ сверхъ ихъ достоинства. Такъ римскій сенатъ призналъ Александра тринадцатымъ богомъ,—сенатъ же имѣлъ такую власть производить и включать 581
въ число боговъ. Когда стали извѣстны всѣ дѣла Христовы, начальствовавшій надъ (іудейскимъ) народомъ послалъ спросить, не угодно ли будетъ и Его включить въ число боговъ? Но сенатъ не соизволилъ, гнѣваясь и досадуя, что прежде его приговора и опредѣленія просіяла сила Распятаго и привлекла къ почитанію всю вселенную. Впрочемъ, не по ихъ волѣ устроилось, что не человѣческимъ опредѣленіемъ провозглашено божество Христа, и что Онъ не признанъ былъ однимъ изъ многихъ, произведенныхъ въ боги (римскимъ сенатомъ). Сенатъ вѣдь призналъ богами и кулачныхъ бойцовъ и любимца Адріанова, отчего и городъ Антиной получилъ свое названіе. Такъ какъ смерть свидѣтельствуетъ о смертной природѣ людей, то діаволъ изобрѣлъ другой путь, именно воспользовался безсмертіемъ души,

и, присоединивъ къ этому непомѣрную лесть, многихъ ввелъ въ нечестіе. И смотри, какая злокозненность! Когда мы разсуждаемъ о безсмертіи съ надлежащею цѣлію, діаволъ внушаетъ сомнѣнія противъ истины; а когда самъ хочетъ употребить ту же истину во вредъ, то всячески старается подтвердить ее. И если бы кто спросилъ: почему Александръ богъ? не умеръ ли онъ, и даже жалкимъ образомъ?—(діаволъ) скажетъ: душа безсмертна. Теперь ты разсуждаешь о безсмертіи и любомудрствуешь, чтобы отвлечь насъ отъ Бога всяческихъ. А когда мы скажемъ, что безсмертіе есть величайшій даръ Божій, тогда ты станешь увѣрять насъ, какъ будто заблуждающихся, что мы низки, пресмыкаемся долу, и ничѣмъ не лучше безсловесныхъ. Когда мы скажемъ, что Распятый живъ, тотчасъ слѣдуетъ смѣхъ, хотя вся вселенная вопіетъ о томъ — и древле, и нынѣ, древле чудесами, а нынѣ обращеніемъ къ Нему многихъ, такъ какъ такія дѣла не мертвому свойственны. А если кто скажетъ, что Александръ живъ, ты вѣришь этому, хотя не можешь представить ни одного знаменія. Да, скажешь, онъ сдѣлалъ много великаго во время жизни: покорилъ народы и города, одержалъ побѣды во многихъ войнахъ и сраженіяхъ, и воздвигъ побѣдные памятники.

5. Но если я представлю нѣчто такое, о чемъ ни онъ во время жизни, ни другой кто-либо изъ прежде бывшихъ людей и помыслить не могъ, то какого еще другого потребуешь доказательства воскресенію? Въ самомъ дѣлѣ, если царь, имѣющій войско, при жизни счастливо ведетъ войны и одерживаетъ побѣды, то въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, ничего страннаго и новаго. Но послѣ крестной смерти и погребенія произвести вездѣ— и на сушѣ и на морѣ—такія великія дѣла, это въ высшей степени поразительно, и свидѣтельствуетъ о божественномъ и неизреченномъ могуществѣ. Александръ по смерти своей не возстановилъ раздѣленной и совершенно исчезнувшей державы своей. Да и какъ могъ сдѣлать это мертвый? Напротивъ Христосъ тогда особенно и утвердилъ державу свою, когда умеръ. Но что говорить о Христѣ, когда и ученикамъ Своимъ Онъ далъ силу прославляться по смерти? Скажи мнѣ, гдѣ гробъ Александра? Укажи мнѣ и скажи, въ какой день онъ умеръ? А рабовъ Христовыхъ
582 и гробы славны, такъ какъ находятся въ царственномъ городѣ, и дни кончины извѣстны, такъ какъ составляютъ торжество для цѣлой вселенной. Александрова гроба не знаютъ и свои; а гробъ Христовъ знаютъ и варвары.

И гробы рабовъ Распятаго блистательнѣе царскихъ дворцовъ, не только по величинѣ и красотѣ строеній,—хотя и въ этомъ отношеніи они превосходнѣе,—но, что гораздо важнѣе, по рев-

ности стекающихся къ нимъ. Самъ облеченный въ багряницу приходитъ лобызать эти гробы, и, отложивши гордость, стоитъ предъ ними, и молитъ святыхъ, чтобы предстательствовали за него предъ Богомъ. Въ предстательствѣ умершихъ скинотворца и рыбаря имѣетъ нужду облеченный въ діадему. Итакъ, скажи мнѣ, ужели дерзнешь называть мертвымъ ихъ Владыку, когда рабы Его и по смерти предстательствуютъ за царей вселенной? И это можетъ всякій, кому угодно, видѣть не только въ Римѣ, но и въ Константинополѣ. И здѣсь сынъ Константина Великаго почиталъ великой честію для родителя положить его въ преддверіи рыбаря. И что во дворцахъ царей привратники, то при гробахъ рыбарей цари. Рыбари, какъ владѣтели мѣста, занимаютъ внутренность, а цари, какъ присельники и сосѣди ихъ, пожелали, чтобъ имъ отведено было мѣсто у (наружныхъ) дверей, а чрезъ это и невѣрующимъ показываютъ, что въ воскресеніи рыбари будутъ имѣть преимущество. Вѣдь если здѣсь въ гробницахъ такое (предпочтеніе), то тѣмъ болѣе въ воскресеніи. Такъ измѣняется порядокъ вещей! Цари замѣняютъ мѣсто слугъ и рабовъ, а подчиненные облекаются саномъ царей, или даже еще и болѣе славнымъ. А что въ этомъ нѣтъ лести, въ томъ увѣряетъ самая истина. Отъ гробовъ рыбарей и царскія гробницы стали славнѣе, потому что эти гробы почитаются болѣе, нежели всѣ другія царскія гробницы. Тамъ глубокая пустыня, а здѣсь великое стеченіе народа. А если хочешь сравнить эти гробы и съ царскими дворцами, то первенство опять на сторонѣ первыхъ. Изъ дворцовъ многіе гонятъ народъ, а сюда многіе призываютъ и влекутъ богатыхъ и бѣдныхъ, мужчинъ и женщинъ, рабовъ и свободныхъ. Тамъ великій страхъ, а здѣсь неизреченное наслажденіе. Пріятно видѣть царя, облеченнаго въ золотую одежду и въ вѣнецъ, и видѣть окружающихъ его военачальниковъ, правителей, центуріоновъ, трибуновъ и преторовъ. Но здѣсь все столько внушаетъ уваженія и благоговѣнія, что первое въ сравненіи съ этимъ не больше, какъ тѣнь, или дѣтская забава. Едва ты переступаешь порогъ, самое мѣсто возноситъ мысль твою къ небу, къ горнему Царю, къ воинству ангельскому, къ престолу высокому, къ неприступной славѣ. Здѣсь (на землѣ) начальнику предоставлено право одного изъ подданныхъ разрѣшать отъ узъ, а другого связывать; кости же святыхъ имѣютъ не эту жалкую и низкую власть, 583
а гораздо высшую. Они предаютъ суду и подвергаютъ истязаніямъ демоновъ, разрѣшаютъ связанныхъ жестокими ихъ узами. Какое судилище страшнѣе этого? Тогда какъ никого не видно, никто не давитъ демона, мы слышимъ вопли, терзанія, бичеванія, истязанія, языки палимые, потому что демонъ не можетъ

сносить этой дивной силы. Тѣ, которые были облечены въ плоть, побѣждають безплотныя силы. Прахъ, кости и пепелъ мучатъ существа невидимыя. Вотъ почему для того, чтобы видѣть царскіе дворцы, никто бы никогда не предпринялъ путешествія; напротивъ, многіе цари часто путешествовали для такого зрѣлища.
584 И это потому, что храмы святыхъ мучениковъ представляютъ знаменія и образы будущаго суда, такъ какъ здѣсь демоны мучатся, и люди наказываются и освобождаются. Видишь ли, какова сила святыхъ и послѣ смерти? Видишь, каково безсиліе грѣшниковъ даже и при жизни? Итакъ убѣгай порока, чтобы тебѣ имѣть верхъ надъ порочными, и со всѣмъ тщаніемъ слѣдуй добродѣтели. Вѣдь если настоящее такъ велико, то подумай, каково будущее. И непрестанно возбуждаемый такою любовію къ добродѣтели, старайся восхитить вѣчную жизнь, которой всѣ мы да сподобимся благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XXVII.

583 **Быхъ несмысленъ хваляся, вы мя понудисте; азъ бо долженъ быхъ отъ васъ хвалимъ бывати (XII, 11).**

1. Окончивъ рѣчь о похвалахъ себѣ самому, (апостолъ) не остановился на этомъ, но снова защищается, и проситъ извиненія въ сказанномъ, говоря, что это сдѣлалъ онъ по необходимости, а не по собственной охотѣ. Впрочемъ, не смотря и на необходимость, называетъ себя несмысленнымъ. Въ началѣ говорилъ: *яко безумна пріимите мя*, или: *яко въ безуміи*; а теперь, отбросивъ *яко*, прямо называетъ себя несмысленнымъ. Онъ достигъ своею рѣчью желаемаго, и потому уже смѣло и безъ пощады нападаетъ на этотъ недостатокъ, научая всѣхъ никогда не хвалиться безъ нужды, когда уже онъ, Павелъ, даже и по нуждѣ похвалившись, назвалъ за то себя несмысленнымъ. Потомъ и всю вину сказаннаго слагаетъ не на лжеапостоловъ, но на учениковъ: *вы*, говоритъ, *понудисте*. Если бы (лжеапостолы) хвалились, но тѣмъ не вводили бы васъ въ заблужденіе и погибель, то я не дошелъ бы до того, чтобы дозволить себѣ такія слова. Но такъ какъ они растлили всю церковь, то, заботясь о вашей пользѣ, я принужденъ былъ сдѣлаться несмысленнымъ. И не сказалъ: я опасался, чтобы они, восхитивши надъ вами первенство, не посѣяли у васъ своего ученія; объ этомъ сказалъ онъ прежде: *боюся, да не како,*

якоже змій Еву прельсти, тако истлѣютъ и разумы ваша; а здѣсь говоритъ не такъ, но съ большимъ достоинствомъ и съ большею властію, сдѣлавшись смѣлѣе вслѣдствіе сказаннаго. *Азъ бо долженъ быхъ отъ васъ хвалимъ бывати.* Потомъ представляетъ на это и причину; и говоритъ опять не объ однихъ откровеніяхъ, или чудесахъ, но и объ искушеніяхъ. *Ничимъ же бо лишихся превыйшихъ апостоловъ.* Смотри, какъ и здѣсь опять говоритъ съ большею властію. Раньше онъ говорилъ: *непщую ничимже лишитися;* а здѣсь говоритъ уже положительно, потому что, какъ я 584
уже замѣтилъ, послѣ представленныхъ доказательствъ сталъ смѣлѣе. Впрочемъ, все еще не отступаетъ отъ умѣренности и отъ своего обычая. Но какъ сказавшій нѣчто необычайное и высшее своего достоинства,—потому что сопричислилъ себя къ апостоламъ,—опять употребляетъ скромное выраженіе и присовокупляетъ: *аще и ничтоже есмь, знаменія апостолова содѣяшася въ васъ* (ст. 12). Смотри, говоритъ, не на то, что я незначителенъ и малъ, но на то, получилъ ли ты отъ меня, что надлежало получить отъ апостола. И не сказалъ: незначителенъ, но — что еще ниже: *ничтоже.* Какая, въ самомъ дѣлѣ, польза быть великимъ, и никому не приносить пользы? Такъ нѣтъ пользы и отъ искуснаго врача, который не вылѣчилъ ни одного больного. Итакъ, говоритъ, не разсуждай о томъ, что я ничего не значу; но смотри на то, что во всемъ, служившемъ къ вашему благу, я не отсталъ отъ другихъ, а напротивъ далъ доказательство моего апостольства. Поэтому мнѣ не было нужды говорить самому о себѣ. Говорилъ же это не для того, чтобы дѣйствительно искалъ похвалы,—какъ могъ нуждаться въ похвалахъ тотъ, кто самое небо почиталъ малымъ въ сравненіи съ любовію ко Христу?—но потому, что желалъ спасенія (учениковъ своихъ). Затѣмъ, чтобы не сказали: чтó намъ, если ты и ничѣмъ не ниже первѣйшихъ апостоловъ?—онъ присовокупилъ: *знаменія апостолова содѣяшася въ васъ, во всякомъ терпѣніи и въ знаменіихъ и чудесѣхъ.* О, какую бездну совершенствъ выразилъ онъ въ немногихъ словахъ! И смотри, что ставитъ на первомъ мѣстѣ. Терпѣніе, — потому что признакъ апостола все переноситъ великодушно. И о терпѣніи выразился кратко, однимъ словомъ, между тѣмъ какъ о знаменіяхъ, которыя совершены были не его собственною силою, выразился нѣсколькими словами. Но представь себѣ, сколько узъ, сколько ударовъ, сколько опасностей, сколько навѣтовъ, какое множество искушеній разумѣлъ онъ здѣсь, сколько браней внутреннихъ и внѣшнихъ, сколько печалей, сколько нападеній выразилъ онъ однимъ словомъ—*терпѣніе.* А словомъ—*знаменія* не изобразилъ ли опять того, сколько имъ воскрешено мертвецовъ,

585 сколько исцѣлено слѣпцовъ, сколько очищено прокаженныхъ, сколько изгнано демоновъ? Слыша это, научимся и мы, если даже насъ заставляетъ необходимость говорить о своихъ заслугахъ, не распространяться о нихъ, какъ поступилъ и самъ (Павелъ).

2. Потомъ, чтобы кто-нибудь не сказалъ: хотя ты великъ и сдѣлалъ много, однако не столько, сколько апостолы въ другихъ церквахъ,—(Павелъ) присовокупилъ: *что бо есть, егоже лишистеся паче прочихъ церквей* (ст. 13)? И вы, говоритъ, въ сравненіи съ прочими церквами причастны не меньшей благодати. Но можетъ быть кто-нибудь скажетъ: для чего онъ переводитъ рѣчь на апостоловъ, оставивъ борьбу съ лжеапостолами? Для того, чтобы больше возбудить ихъ вниманіе и показать, что онъ не только лучше ихъ (лжеапостоловъ), но и не ниже великихъ апостоловъ. Вотъ почему, разсуждая о нихъ (лжеапостолахъ), онъ говоритъ: *паче азъ*; а когда сравниваетъ себя съ апостолами, то считаетъ достаточнымъ для себя быть не ниже ихъ, хотя и болѣе ихъ потрудился. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ показываетъ чрезъ это, что (коринѳяне) обижаютъ и самихъ апостоловъ, когда равнаго имъ ставятъ ниже лжеапостоловъ. *Развѣ точію, яко азъ самъ не стужихъ вамъ.* Апостолъ опять дѣлаетъ (коринѳянамъ) строгій упрекъ; а послѣдующія слова еще сильнѣе: *дадите ми неправду сію.* Но и при всей строгости, въ нихъ выражается любовь и похвала (коринѳянамъ), если только и сами они считаютъ для себя обидою, что апостолъ не соглашался ничего брать у нихъ, и не осмѣливался получать отъ нихъ себѣ пропитанія. Если, говоритъ, вы обвиняете меня въ этомъ, то (не сказалъ: несправедливо обвиняете, но гораздо благосклоннѣе) прошу извиненія, простите мнѣ этотъ грѣхъ. И замѣть, какое благоразуміе! Такъ какъ этотъ упрекъ, часто повторяемый, наносилъ имъ безчестіе, то онъ каждый разъ смягчаетъ его. Такъ, выше сказавъ: *есть истина Христова во мнѣ, яко похваленіе сіе не заградится о мнѣ* (XI, 10), вслѣдъ затѣмъ говоритъ: *не люблю ли васъ? Богъ вѣсть; но да отсѣку вину хотящимъ вины*, и *да о немже хвалятся, обрящутся якоже и мы* (ст. 11, 12). И въ первомъ посланіи: *кая убо ми есть мзда? Да благовѣствуяй безъ мзды положу благовѣстіе* (IX, 18). И здѣсь опять говоритъ: *дадите ми неправду сію.* Вездѣ онъ старается не показать, что не беретъ по причинѣ ихъ немощи. Поэтому и здѣсь говоритъ: если вы это ставите мнѣ въ вину, то прошу прощенія. А говоря такимъ образомъ, онъ и наноситъ имъ рану, и врачуетъ ее. Не говори: если хочешь нанесть ударъ, то для чего извиняешься? если хочешь врачевать, то для чего наносишь ударъ? Въ томъ и состоитъ благоразуміе, чтобы и разсѣчь, и перевязать рану. Потомъ, чтобы не подумали,

какъ я и прежде сказалъ, что (апостолъ) часто обращается къ одному и тому же съ намѣреніемъ получить что-нибудь отъ нихъ, онъ отклоняетъ такое подозрѣніе, подобно тому какъ и въ первомъ посланіи, когда говорилъ: *не писахъ же, да тако будетъ о мнѣ; добрѣе бо мнѣ паче умрети, нежели похвалу мою кто да испразднитъ* (IX, 15). (То же самое, только) пріятнѣе и благосклоннѣе, (выражаетъ онъ) и здѣсь. Какъ же именно? *Се третіе,* говоритъ онъ, *готовъ пріити къ вамъ, и не стужу вамъ; не ищу бо* 586
вашихъ, но васъ. Не должни бо суть чада родителемъ снискати имѣнія, но родители чадомъ (ст, 14). Смыслъ его словъ такой: не прихожу къ вамъ не потому, что не беру; напротивъ, я приходилъ уже въ другой разъ, и въ третій готовъ идти, и опять не буду вамъ въ тягость. И причина тому уважительная. Не сказалъ: (не хочу быть вамъ въ тягость), потому что вы скупы, потому что вы этимъ обременитесь, потому что вы немощны. Но что говоритъ? *Не ищу бо вашихъ, но васъ.* А ищу большаго: вмѣсто денегъ--душъ, вмѣсто золота—спасенія. Потомъ, такъ какъ оставалось еще мѣсто подозрѣнію, что онъ огорченъ ими,—онъ представляетъ и разсужденіе. Они естественно могли сказать: развѣ нельзя искать и насъ и нашего? Поэтому онъ оправдываетъ ихъ съ великою благосклонностью, говоря: *не должни бо суть чада родителемъ снискати имѣнія, но родители чадомъ.* Вмѣсто наименованій: учители и ученики, употребляетъ слова: родители и дѣти, и показываетъ, что вмѣняетъ себѣ въ обязанность и то, къ чему не былъ обязанъ, такъ какъ Христосъ не далъ такого повелѣнія, а (апостолъ) изъ снисхожденія (къ коринѳянамъ) говоритъ это. Потому же присовокупляетъ и нѣчто большее: сказалъ не только то, что дѣти не должны снискивать для родителей имѣнія, но еще и то, что родители обязаны это дѣлать. Итакъ, если родители обязаны давать, то *азъ,* говоритъ, *въ сладость иждиву, и иждивенъ буду по душахъ вашихъ* (ст. 15). Родителямъ собирать имѣніе для дѣтей повелѣлъ законъ природы, а я, говоритъ, не только это исполняю, но даже отдаю самого себя. Верхъ щедрости—не только ничего не брать, но и отдавать свое, и отдавать не просто, но съ великимъ усердіемъ, даже при недостаткѣ. На это и указываетъ (апостолъ) выраженіемъ: *иждивенъ буду.* Хотя бы нужно было изнурить самую плоть, не пощажу ея ради вашего спасенія. Слѣдующія за этимъ слова выражаютъ и любовь и упрекъ: *аще и излишше васъ любя, менше любимъ есмь.* И это, говоритъ, я дѣлаю для тѣхъ, которыхъ я люблю, и которые не любятъ меня въ той же мѣрѣ. Итакъ, смотри теперь, сколько здѣсь степеней: надлежало брать, а онъ не бралъ,—это первая заслуга; не бралъ, находясь въ бѣдности,—это вторая; не бралъ, когда имъ пропо-

вѣдывалъ, — это третья; самъ даетъ имъ,—это четвертая; и не просто даетъ, но съ избыткомъ, — это пятая; отдаетъ не имѣніе только, но и самого себя,—это шестая; отдаетъ себя за тѣхъ, которые не очень его любятъ,—это седьмая; и которыхъ онъ весьма любитъ,—это восьмая.

3. Будемъ же и мы соревновать ему. Великъ грѣхъ [ненавидѣть и] не имѣть любви; но еще больше грѣхъ, если кто на любовь не отвѣчаетъ любовью. Если любящій любящаго не имѣетъ никакого преимущества предъ мытарями, то не имѣющій и этого хуже самыхъ звѣрей. Что ты говоришь, человѣкъ? Ты не любишь любящаго? Для чего же живешь? Къ чему ты послѣ этого годенъ? Къ какимъ дѣламъ—къ общественнымъ или къ частнымъ?
587 Ни къ чему. Подлинно, нѣтъ ничего безполезнѣе человѣка, не умѣющаго любить. Закону любви часто покорялись и разбойники, и убійцы, и воры; вкусивъ только вмѣстѣ соли, дѣлались они другими, и за общимъ столомъ перемѣняли свой нравъ. А ты, имѣя общеніе съ другимъ не только за солью, но въ словахъ и дѣлахъ, во входахъ и исходахъ, не любишь его? Предающіеся постыдной любви расточаютъ все свое имущество на безчестныхъ женщинъ; а ты, имѣя честную любовь, такъ холоденъ, немощенъ, безсиленъ, что не въ состояніи любить даже и тогда, когда это не стоитъ никакихъ издержекъ? Но кто же, скажешь, будетъ такъ жалокъ, кто такъ звѣроподобенъ, что могъ бы отвращаться и ненавидѣть любящаго. Хорошо дѣлаешь, что, по причинѣ несообразности дѣла, не вѣришь. Но если я укажу тебѣ многихъ людей такого рода, то какъ намъ стерпѣть тогда такой стыдъ? Въ самомъ дѣлѣ, когда ты злословишь любящаго тебя, когда, слыша о немъ худыя рѣчи, не защищаешь его, когда завидуешь его доброй славѣ, то что это за любовь? Конечно, и не завидовать—еще недостаточное доказательство дружбы, равно какъ и не враждовать и не преслѣдовать; надобно поддерживать любящаго насъ, и споспѣшествовать его выгодамъ. Когда же человѣкъ все говоритъ и дѣлаетъ, чтобы еще и погубить ближняго, то что можетъ быть несчастнѣе такой души? Вчера и сегодня утромъ ты былъ другомъ, раздѣлялъ съ нимъ бесѣду и столъ, а затѣмъ вдругъ, увидѣвъ, что членъ твой благоуспѣваетъ, ты сбрасываешь съ себя личину дружбы, враждуешь, даже безумствуешь,—потому что явное вѣдь безуміе терзаться благополучіемъ ближняго. Это свойственно только одурѣвшимъ и бѣшенымъ собакамъ; подобно имъ, и раздраженные завистію набрасываются на каждаго. Лучше имѣть змѣю, клубящуюся въ утробѣ, нежели зависть, внутри гнѣздящуюся. Змѣю можно еще или изблевать при помощи лѣкарства, или усмирить пищею; но зависть

не въ утробѣ гнѣздится, а живетъ въ самыхъ нѣдрахъ души, и есть болѣзнь, съ трудомъ излѣчиваемая. Змѣя, находящаяся во внутренности, когда есть для нея другая пища, не трогаетъ тѣла человѣческаго; зависть же, хотя бы предложили ей тысячу снѣдей, пожираетъ самую душу, со всѣхъ сторонъ ее грызетъ, терзаетъ и рветъ; для нея нельзя найти никакого успокоительнаго средства, которое сокращало бы ея неистовство; кромѣ одного только—несчастія съ благоденствующимъ. Тогда она успокоивается. Вѣрнѣе же сказать, и то (средство) недѣйствительно. Пусть этотъ и злостраждетъ; но, видя другого благоденствующимъ, она снѣдается тѣми же муками; для нея отвсюду раны, отвсюду удары, потому что, живя на землѣ, невозможно не видѣть счастливыхъ. И такъ велика сила этой болѣзни, что подверженный ей, хотя бы заключился и внутрь дома, завидуетъ прежнимъ, уже умершимъ людямъ. Велико зло, что страждутъ завистію люди, живущіе въ мірѣ, хотя это и не такъ еще страшно; но когда этой же болѣзнью одержимы люди, уже освободившіеся отъ треволненій,—это тяжелѣе всего. Желалъ бы я молчать; но еслибы молчаніе уничтожало и стыдъ, причиняемый дѣлами, то полезно было бы не говорить. А если, хотя я умолчу, самыя дѣла будутъ вопіять громче моего языка, то вреда отъ моихъ словъ никакого не будетъ, поскольку пороки выставляются нами на позоръ, а какая-нибудь выгода и польза, можетъ быть, произойдетъ. Эта болѣзнь коснулась и церкви, все извратила, расторгла союзъ тѣла, и, вооружаемые завистію, мы возстаемъ другъ противъ друга. Отсюда произошло великое развращеніе. Въ самомъ дѣлѣ, если и при общемъ всѣхъ созиданіи не легко достигнуть, чтобы твердо стояли назидаемые, то какой же будетъ конецъ, когда всѣ будемъ разрушать?

4. Что ты дѣлаешь человѣкъ? Ты считаешь полезнымъ разрушать благосостояніе ближняго; но прежде него ты разрушаешь свое собственное. Не видишь ли, какъ и садовники и земледѣльцы всѣ стремятся къ одной цѣли? Одинъ копаетъ землю, другой насаждаетъ растеніе, иной прикрываетъ корень, иной поливаетъ посаженное, иной ограждаетъ и обноситъ стѣною, иной отгоняетъ скотъ,—и всѣ заботятся объ одномъ, чтобы оберечь растеніе. А тутъ не такъ. Напротивъ, я насаждаю, а другой колеблетъ и ослабляетъ насажденное. Дай по крайней мѣрѣ хорошо укрѣпиться ему, чтобы оно пріобрѣло силу противиться навѣту. Ты не мое дѣло губишь, а свое разстраиваешь. Я насадилъ, тебѣ надлежало поливать. Если же ты станешь потрясать насажденное, выдернешь и самый корень, то тебѣ нечего будетъ и поливать. Но ты видишь, что насаждающій пользуется почетомъ? Не

бойся,—ни ты, ни я ничего не значимъ, потому что *ни насаждаяй, ни напаяяй есть что* (1 Кор. III, 7); все дѣло принадлежитъ одному Богу, такъ что ты возстаешь и враждуешь на Бога, если исторгаешь насажденное. Итакъ, надобно наконецъ образумиться, придти въ сознаніе. Я не столько боюсь внѣшней войны, сколько борьбы внутренней. Если корень хорошо укрѣпленъ въ землѣ, то не потерпитъ вреда отъ вѣтровъ; а если шатается, потому что внутри подточенъ червемъ, то дерево упадетъ, хотя бы никто его не трогалъ. Долго ли будемъ и мы, подобно червямъ, подтачивать корень церкви? Подлинно, отъ земли рождаются таковые помыслы, или лучше сказать, и не отъ земли, а отъ нечистотъ, потому что имѣютъ матерью своей гнилость, и недалеко отстоятъ отъ самыхъ отвратительныхъ женскихъ отправленій. Сдѣлаемся когда-нибудь доблестными мужами, станемъ подвижниками любомудрія, отразимъ сильное стремленіе этихъ золъ. Я вижу, что многочисленныя чада церкви повержены нынѣ долу, подобно мертвому тѣлу. И какъ въ тѣлѣ, недавно умершемъ, хотя можно еще видѣть и глаза, и руки, и ноги, и шею, и голову, однако ни одинъ членъ не исправляетъ своего дѣла, такъ и здѣсь присутствующіе. Здѣсь всѣ — вѣрные, но вѣра ихъ бездѣйственна. Мы погасили ревность, и тѣло Христово содѣлали мертвымъ. Страшно выговорить это; но гораздо страшнѣе видѣть на самомъ дѣлѣ. По имени мы братья, а по дѣламъ враги; всѣ называемся членами одного тѣла, а чужды другъ другу какъ звѣри. Говорю это не для того, чтобы выставить на позоръ дѣла наши, но чтобы пристыдить и отвратить отъ нихъ. Кто-нибудь
589 вошелъ въ домъ, принятъ съ честію; надлежало бы благодарить Бога за то, что членъ твой пользуется почтеніемъ, и въ немъ прославляется Богъ, а ты поступаешь напротивъ: говоришь о немъ худо тому, кто почтилъ его, чтобы обоихъ свалить, да и на себя навлечь стыдъ. Для чего, несчастный и жалкій человѣкъ, ты скорбишь, слыша, что брата твоего хвалятъ или предъ мужами, или предъ женами? Приложи и свои похвалы, тогда и себѣ доставишь похвалу. Если же отрицаешь похвалу, то прежде всего самъ о себѣ говоришь худо, навлекая на себя худую славу, а его еще болѣе возносишь. Когда слышишь похвалы другому, старайся сдѣлать, чтобы онѣ относились и къ тебѣ, если не за жизнь и добродѣтель твою, по крайней мѣрѣ за то, что радуешься совершенствамъ въ братѣ. Одинъ похвалилъ, и ты удивляйся: тогда и тебя онъ похвалитъ, какъ человѣка благонамѣреннаго и правдиваго. Не опасайся, что унизишь себя, хваля другого; скорѣе приведетъ къ тому твое осужденіе. Люди своенравны, и когда видятъ, что ты говоришь худо, упорствуютъ въ похвалахъ, же-

лая тѣмъ уязвить тебя, а обвинителей выставить лжецами и въ собственныхъ ихъ глазахъ, и предъ другими. Видишь ли, какой 590
позоръ навлекаемъ мы сами на себя? Какъ губимъ и разгоняемъ паству? Сдѣлаемся же наконецъ членами, составимъ одно тѣло. Кого хвалятъ, тотъ пусть отказывается отъ похвалъ и пусть относитъ ихъ къ своему брату; а кто слышитъ похвалу другому, пусть радуется объ этомъ. Если мы будемъ находиться въ такомъ тѣсномъ союзѣ, то привлечемъ къ себѣ и Главу тѣла; если же будемъ разъединены, то лишимся Ея помощи; а безъ Нея тѣло, не будучи поддерживаемо свыше, потерпитъ великій вредъ. Итакъ, чтобы этого не случилось съ нами, отвергнемъ ненависть и зависть и, презрѣвъ людскую славу, облобызаемъ любовь и согласіе. Такимъ образомъ содѣлаемся причастниками и настоящихъ, и будущихъ благъ, которыхъ и да сподобимся всѣ мы благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XXVIII.

Буди же, самъ азъ не отягчихъ васъ, но коваренъ сый, 589
лестію васъ пріяхъ. Еда коимъ отъ посланныхъ къ вамъ лихоимствовахъ васъ? Умолихъ Тита, и съ нимъ послахъ брата. Еда лихоимствова чимъ васъ Титъ? Не тѣмъ же ли духомъ ходихома? Не тѣми же ли стопами (xII, 16—18)?

1. Очень неясно сказаны эти слова Павломъ, но не безъ цѣли, и не напрасно. Такъ какъ рѣчь идетъ о деньгахъ, и (апостолъ) защищается, что онъ ничего не беретъ, то и прилично ему было прикрыть свои слова. Что же, однако, значитъ сказанное? Раньше (апостолъ) сказалъ, что онъ ничего не бралъ, напротивъ—даже готовъ отдать и издержать свое, и много разсуждалъ о томъ какъ въ этомъ посланіи, такъ и въ первомъ. А теперь говоритъ нѣчто другое,—какъ бы вводитъ слова изъ сдѣланнаго ему возраженія, и предварительно разрѣшаетъ его. Вотъ смыслъ сказаннаго имъ: я не искалъ отъ васъ прибытковъ, но, можетъ быть, иной скажетъ, что хотя самъ я и ничего не бралъ, но, какъ человѣкъ хитрый, настроилъ посланныхъ мною отъ своего лица просить у васъ чего-нибудь, и отъ нихъ самъ получалъ, а такимъ образомъ, получая чрезъ другихъ, отклонялъ отъ себя подозрѣніе, что беру самъ. Но и этого никто не можетъ сказать. Свидѣтели тому вы сами. Вотъ почему онъ и ведетъ рѣчь вопросами, говоря: *умолихъ Тита, и съ нимъ послахъ*

брата. Еда лихоимствова чимъ васъ Титъ? Не такъ же ли онъ приходилъ къ вамъ, какъ и я? Т. е. и онъ ничего не бралъ. Видишь ли, съ какимъ тщаніемъ старался онъ не только себя сохранить чистымъ отъ корыстолюбія, но и посылаемыхъ имъ поставить такъ, чтобы не подать и малаго предлога желавшимъ порицать его? Это гораздо выше того, что сдѣлалъ патріархъ
590 (Авраамъ). Этотъ послѣдній, возвращаясь съ побѣды, когда царь давалъ ему часть военной добычи, отказался взять больше того, что съѣли его домочадцы; а онъ (Павелъ), какъ самъ не пользовался, такъ и сотрудникамъ своимъ не позволялъ пользоваться даже необходимою пищею, чтобы такимъ образомъ совершенно заградить уста безстыдныхъ. Поэтому онъ не самъ отъ себя говоритъ, что они ничего не брали, но, что гораздо важнѣе, представляетъ въ этомъ свидѣтелями самихъ коринѳянъ, чтобы свидѣтельство шло не отъ собственнаго его лица, но утверждалось на ихъ приговорѣ. Такъ обыкновенно поступаемъ мы, когда дѣло идетъ о чемъ-нибудь очевидномъ и не подлежащемъ никакому сомнѣнію. Скажите, говоритъ (апостолъ), развѣ кто-нибудь изъ посланныхъ нами обогатился чѣмъ отъ васъ? Не говоритъ: развѣ кто взялъ что-нибудь у васъ? Но называетъ такое дѣло лихоимствомъ, укоряя ихъ тѣмъ, приводя въ стыдъ, и показывая, что брать у кого-нибудь противъ воли его есть лихоимство. И не сказалъ: Титъ, но: кто-нибудь,—т. е., вы не можете и того сказать, что хотя одинъ не бралъ, но бралъ другой. Напротивъ, не бралъ ни одинъ изъ посланныхъ. *Умолихъ Тита.* И это сказано съ укоризной. Не сказалъ: я послалъ Тита, но—*умолихъ*, показывая тѣмъ, что если бы онъ и взялъ что у нихъ, то взялъ бы по праву; однако онъ и при всемъ томъ остался чистымъ. Поэтому опять спрашиваетъ ихъ: *еда лихоимствова чимъ васъ Титъ? Не тѣмъ же ли духомъ ходихомъ?* Что значитъ: *тѣмъ же духомъ?* То, что онъ все приписываетъ благодати, и показываетъ, что все достойное похвалы совершено не нашими трудами, но есть дѣло дара Духа и благодати. Подлинно, величайшая была благодать, когда терпѣвшіе во всемъ недостатокъ и голодавшіе ничего не брали ради назиданія наставляемыхъ. *Не тѣми же ли стопами?* Т. е. они нисколько не отступили отъ принятой мною осторож-
591 ности, но сохранили то же правило. *Паки ли мните, яко отвѣтъ вамъ творимъ* (ст. 19)? Видишь ли, какъ онъ вездѣ опасался, чтобы не показаться льстецомъ? Видишь ли, съ какимъ апостольскимъ благоразуміемъ часто повторяетъ это? Такъ раньше сказалъ: *не паки себѣ хвалимъ предъ вами, но вину даемъ вамъ похваленію* (v, 12), и въ началѣ посланія: *или требуемъ извѣщавательныхъ посланій* (ш, 1). *Вся же о вашемъ созиданіи.* Опять успо-

каиваетъ ихъ. Но даже и здѣсь не говоритъ ясно: мы не брали у васъ по причинѣ вашей немощи, но—для вашего назиданія, хотя, правда, яснѣе чѣмъ прежде высказалъ, что огорчило его, впрочемъ безъ укоризны. Именно не сказалъ: по причинѣ немощи вашей, но—чтобы вы получили назиданіе. *Боюся* бо, *еда како пришедъ, не яцѣхъ же хощу, обрящу васъ, и азъ обрящуся вамъ, якова же не хощете* (ст. 20). (Апостолъ) хочетъ сказать нѣчто важное, и для нихъ непріятное; потому и представляетъ оправданіе, говоря: *вся же о вашемъ созиданіи*, а присовокупляя: *боюся*, смягчаетъ то, что́ намѣренъ былъ сказать. Это уже показываетъ не высокомѣріе, или учительскую власть, но отеческую попечительность, когда онъ страшится болѣе, чѣмъ сами согрѣшившіе, и съ трепетомъ приступаетъ къ ихъ исправленію. Но даже и такъ не нападаетъ на нихъ и говоритъ не прямо, а въ видѣ сомнѣнія: *еда како пришедъ, не яцѣхъ же хощу*. Не сказалъ: добродѣтельными, но: *не яцѣхъ же хощу*,—вездѣ употребляя слова, выражающія дружескую любовь. И слово—*обрящу* выражаетъ нѣчто неожиданное, равно какъ и: *обрящуся вамъ*, поскольку то и другое—дѣло не произвольное, но необходимое, имѣющее начало въ васъ самихъ. Поэтому говоритъ: *обрящуся, якова же не хощете*. Не сказалъ и здѣсь: каковымъ я не хочу, но гораздо разительнѣе—*якова же не хощете*. Это было уже въ его волѣ, хотя не главнымъ образомъ, однако же въ его волѣ. Онъ могъ опять сказать: каковымъ я не хочу, и тѣмъ показать свою любовь; но не хочетъ, чтобы ослабѣвалъ слушатель; при томъ и рѣчь его въ такомъ случаѣ была бы гораздо строже. А теперь онъ и имъ сильнѣе далъ почувствовать, и себя показалъ болѣе кроткимъ. Такъ свойственно дѣйствовать его благоразумію,—чтобы и рана была глубже, и ударъ легче. Потомъ, въ виду того, что сказанное было неясно, онъ раскрываетъ это, говоря: *да не како рвенія, зависти, ярости, клеветы, шептанія, киченія*. Такимъ образомъ, что надлежало сказать въ началѣ, онъ говоритъ въ концѣ;—потому что они возставали противъ него. Итакъ, не желая подать вида, что главнымъ образомъ ищетъ своего, говоритъ сначала вообще.

2. Дѣйствительно, все вышеуказанное—клеветы, обвиненія, разногласія—порождено было завистью. Зависть, какъ вредный корень, порождала раздраженіе, осужденіе, высокомѣріе, и все прочее, а чрезъ нихъ и сама еще болѣе возрастала. *Да не паки пришедша смиритъ мя Богъ мой у васъ* (ст. 21). Въ словѣ—*паки* новый упрекъ. Довольно и прежняго, говоритъ онъ; о чемъ и въ началѣ говорилъ: *щадя васъ, не пріидохъ въ Коринѳъ* (I, 23). Видишь, какъ онъ выказываетъ и негодованіе и сердоболіе? Что

же значить слово—*смиритъ*? Обвинять, наказывать, требовать
592 отчета, возсѣдать въ качествѣ суди—составляетъ повидимому славу, а онъ называетъ все это смиреніемъ. Онъ не только не стыдился этого смиренія, того, что пришествіе тѣла его немощно и слово уничиженно, но даже желалъ всегда быть таковымъ и просилъ, чтобы не дойти до противнаго состоянія. Объ этомъ дальше онъ говоритъ яснѣе, показывая, что считаетъ для себя наибольшимъ смиреніемъ дойти до необходимости карать и наказывать. Но почему онъ на сказалъ: да не пришедъ смирюся, но: *да не пришедша смиритъ мя Богъ мой*? Если бы это было не для Бога, говоритъ онъ, я не обратилъ бы на то вниманія, не безпокоился бы о томъ, потому что я не самовластно и не самовольно налагаю наказаніе, но по (Божію) повелѣнію Выше онъ то же самое выразилъ, сказавъ: *обрящуся, якова же не хощете*; а здѣсь ослабляетъ рѣчь и говоритъ съ большею снисходительностью и кротостью: *восплачуся многихъ согрѣшившихъ*,—не просто *согрѣшившихъ*, но—*не покаявшихся*. И не сказалъ: всѣхъ, но—*многихъ*, причемъ и этихъ многихъ не объявляетъ по имени, облегчая и этимъ для нихъ возвратъ на путь покаянія; и давая знать, что покаяніе можетъ исправить ихъ преступленія, оплакиваетъ только нераскаивающихся, неисцѣлимо больныхъ, остающихся въ язвахъ. Итакъ, представь себѣ, какова добродѣтель апостола, если онъ, не зная за собою ничего худого, плачетъ о чужихъ грѣхахъ и смиряется за преступленія другихъ. Въ этомъ преимущественно и состоитъ долгъ учителя, чтобы соболѣзновать о несчастіяхъ учениковъ, чтобы плакать и рыдать о язвахъ людей, ему подначальныхъ. Потомъ исчисляетъ и роды грѣха: *о студоложствіи и нечистотѣ, яже содѣяша*. Хотя самъ (апостолъ) разумѣетъ здѣсь блудъ, но если тщательно вникнуть въ дѣло, то можно назвать этимъ именемъ и всякій родъ грѣха, потому что хотя блудникъ и прелюбодѣй по преимуществу называются нечистыми, но и другіе грѣхи производятъ нечистоту въ душѣ. Вотъ почему и Христосъ называетъ іудеевъ нечистыми, обвиняя ихъ не въ одномъ блудѣ, но и въ другихъ порокахъ. Потому и говоритъ, что они очистили только внѣшнее (Мѳ. XXIII, 26), и что *не входящее сквернитъ человѣка, но исходящее* (Мѳ. XV, 11). И въ другомъ мѣстѣ сказано: *нечистъ предъ Господемъ всякъ высокосердый* (Притч. XVI, 5). И вполнѣ справедливо, потому что ничего нѣтъ чище добродѣтели, и ничего—грязнѣе порока. Добродѣтель свѣтлѣе солнца, а порокъ смраднѣе навоза. И это могутъ засвидѣтельствовать сами погрязшіе въ навозѣ и живущіе во тьмѣ, если кто-нибудь хотя нѣсколько откроетъ имъ глаза. Доколѣ они остаются сами съ собою, и упиваются страстью, до тѣхъ поръ, пребывая какъ бы

во тьмѣ, они безстыдно погрязаютъ въ мерзостяхъ порока, и хотя чувствуютъ свое положеніе, но не совершенно. Когда же кто-нибудь изъ добродѣтельныхъ обличаетъ ихъ, или только является предъ ними, тогда они яснѣе видятъ свое жалкое положеніе, и какъ бы освѣщаемые солнечнымъ лучемъ, скрываютъ свою гнусность и стыдятся знакомыхъ, хотя одинъ рабъ, а другой свободный, одинъ царь, а другой подданный. Такъ устыдился Ахаавъ, 593
увидѣвъ Илію, и, раньше, чѣмъ послѣдній сказалъ что-нибудь, уловленъ былъ его однимъ взоромъ. Обвинитель молчалъ, а онъ самъ произнесъ осуждающій его приговоръ, говоря, какъ попавшійся въ плѣнъ: *обрѣлъ еси мя, враже мой* (3 Цар. XXI, 20). Такъ самъ Илія безбоязненно говорилъ тогда мучителю. Такъ Иродъ, не снося стыда отъ обличеній (а великій и трубный гласъ пророческаго языка явно укорялъ его), ввергъ въ темницу Іоанна. Какъ бы будучи обнаженнымъ, онъ хотѣлъ погасить свѣтильникъ, чтобы опять остаться во мракѣ. Или лучше—самъ не дерзнулъ погасить, но поставилъ въ дому, какъ бы подъ спудомъ, а жалкая и несчастная женщина принудила его сдѣлать это. Но и такимъ образомъ они не могли скрыть обличенія, а только еще болѣе обнаружили его, такъ какъ и спрашивавшіе: за что Іоаннъ посаженъ въ темницу?—узнавали причину, а впослѣдствіи и всѣ населяющіе море и сушу, всѣ, сколько доселѣ было, есть и будетъ людей, ясно узнали и будутъ узнавать объ ихъ гнусныхъ дѣлахъ, т. е. о распутствѣ и убійствѣ, и никакое время не сможетъ истребить памяти объ этомъ преступленіи.

3. Такова добродѣтель! Такъ безсмертна память ея! Такъ однимъ словомъ поражаетъ она своихъ противниковъ! Дѣйствительно, за что (Иродъ) заключилъ (Іоанна) въ темницу? Почему не оставилъ его безъ вниманія? Ужели бы (Іоаннъ) повлекъ его въ судилище? Ужели бы наказалъ за прелюбодѣяніе? Все сказанное (Іоанномъ) не состояло ли въ одномъ обличеніи? Чего же (Иродъ) боялся и трепеталъ? Не простая ли это была рѣчь, не одни ли только слова? Но они уязвляли его сильнѣе самаго дѣла. (Іоаннъ) не повелъ его въ обыкновенное судилище, но предалъ его на иной судъ, судъ собственной совѣсти, и всѣхъ поставилъ надъ нимъ судіями, всѣ въ сердцѣ своемъ полновластно произносили тогда надъ нимъ приговоръ. Потому-то тиранъ и трепеталъ, не снося сіянія добродѣтели. Видишь ли, какова сила любомудрія? Оно узника сдѣлало славнѣе тирана, такъ что послѣдній страшился и трепеталъ перваго. Но (Иродъ) заключилъ только въ оковы (Іоанна); а беззаконная (Иродіада) подвигла и на убійство. Между тѣмъ (Іоанново) обвиненіе падало больше на него, потому что не ей говорилъ тогда (Іоаннъ): для чего ты живешь

съ тираномъ? Не обличалъ же ее не потому, чтобы она не подлежала отвѣтственности (могло ли это быть?), но потому, что онъ хотѣлъ исправить все (начавъ съ Ирода). Поэтому и укорялъ его одного, и мало того,—даже и его укорялъ не строго. Не говорилъ: скверный и гнусный, беззаконный и мерзкій! Ты попралъ законъ Божій, презрѣлъ заповѣди Божіи, и силу свою сдѣлалъ для себя закономъ. Онъ не сказалъ ничего такого, но и въ обличеніяхъ его видна большая умѣренность и кротость: *не достоитъ тебѣ имѣти*, говорилъ онъ, *жену Филиппа брата твоего* (Мрк. VI, 18). Такія слова болѣе приличны учащему, нежели обличающему; вразумляющему, нежели наказывающему; руководствующему, нежели позорящему; исправляющему, нежели нападающему. Но, какъ я сказалъ, вору враждебенъ свѣтъ, грѣшникамъ ненавистенъ праведникъ, даже и при одномъ своемъ появленіи: *тяжекъ намъ и къ видѣнію* (Прем. II, 15). (Грѣшники) не могутъ сносить лучей его, какъ больные глазами—лучей солнечныхъ. А многимъ грѣшникамъ тяжело не только видѣть праведника, а даже и слышать о немъ. Вотъ почему и та скверная и гнусная женщина, наставница, или лучше сказать, убійца своей дочери, хотя сама даже не видала (Іоанна) и не слыхала его рѣчей, устремилась на убійство, и распутно воспитанную дочь заставила распутно идти на убійство. Такъ сильно боялась она (Іоанна)! И что говоритъ? *Даждь ми здѣ на блюдѣ главу Іоанна Крестителя* (Мѳ. XIV, 8). Бѣдная и несчастная, въ какую несешься ты пропасть? Развѣ пришелъ твой обличитель? Развѣ онъ предъ тобою, и безпокоитъ тебя? Иные говорили: *тяжекъ есть намъ и къ видѣнію*; а ей, какъ сказалъ я, тяжекъ былъ и для слуха, почему и она говоритъ: *даждь ми здѣ на блюдѣ главу Іоанна*. За тебя (Ирадіада, Іоаннъ) въ темницѣ, за тебя заключенъ въ оковы; ты можешь тщеславиться любовью царя и говорить: я овладѣла имъ, онъ и всенародно обличенный не охладѣлъ ко мнѣ, не пересталъ меня любить, не отвергъ любодѣянія со мною, но даже и обличителя заключилъ въ оковы. Что же ты бѣсишься и неистовствуешь, когда и по обличеніи грѣха имѣешь мужа? Для чего ищешь трапезы фурій и готовишь пиръ для убійцъ—демоновъ? Видишь ли, какъ ничтожна, какъ робка, какъ безсильна злоба, какъ она чѣмъ болѣе одолѣваетъ, тѣмъ становится слабѣе? (Иродіада) не столько безпокоилась, когда Іоаннъ еще не былъ заключенъ въ темницу, сколько тревожится, когда онъ уже связанъ. И потому настоятельно проситъ: *даждь ми здѣ на блюдѣ главу Іоанна*. Для чего же—*здѣ*? Боюсь, говоритъ она, чтобы не обманули ложнымъ извѣстіемъ объ убіеніи, чтобы кто-нибудь не избавилъ (Іоанна) отъ гибели. Но почему просишь не всего мертвеца, а одну главу?

Страстно желаю, говоритъ, видѣть безмолвнымъ языкъ, оскорбившій меня. Но, бѣдная и несчастная! Ты увидишь противное (какъ то̀ и случилось): отсѣченная голова будетъ говорить еще громче прежняго. Тогда Іоаннъ вопіялъ въ одной только Іудеѣ, а теперь его гласъ дойдетъ до предѣловъ вселенной; и гдѣ ни войдешь въ церковь, у мавровъ ли, или у персовъ, или даже на британскихъ островахъ,—вездѣ услышишь вопіющаго Іоанна: *не достоитъ тебѣ имѣти жену Филиппа брата твоего.* Но (Иродіада) не умѣла разсуждать; она неотступно проситъ, требуетъ, понуждаетъ несмысленнаго тирана совершить убійство, боясь, чтобы онъ не одумался. А ты и отсюда познай опять силу добродѣтели. Не выноситъ праведника, когда онъ заключенъ даже въ темницу, находится въ оковахъ, молчитъ. Видишь ли, какъ порокъ безсиленъ и какъ нечистъ? Вотъ вносятъ на блюдѣ человѣческую главу вмѣсто снѣдей. Что отвратительнѣе, что порочнѣе, что безстыднѣе этой дѣвицы? Что она сказала на діаволь- 595
скомъ зрѣлищѣ, на демонскомъ пиршествѣ? Видишь ли языкъ и еще языкъ,—одинъ доставляетъ спасительныя врачества, а другой носитъ на себѣ ядъ и уготовляетъ діавольское пиршество. Но почему она не велѣла обезглавить его среди самаго пиршества, что доставило бы ей болѣе удовольствія? Опасалась, чтобы (Іоаннъ), представши на пиршествѣ, своимъ видомъ и дерзновеніемъ не преклонилъ къ себѣ всѣхъ. Потому и требуетъ главы, желая воздвигнуть блистательный памятникъ любодѣянію. *И даде матери своей* (Мрк. VI, 28).

4. Видишь ли награду за пляску? Видишь ли добычу діавольскихъ козней? Я разумѣю не главу Іоанна, но самого мужа (Ирода). Въ самомъ дѣлѣ, кто тщательно вникнетъ, тотъ увидитъ, что надъ царемъ одержана побѣда, что побѣдительница сама побѣждена, а обезглавленный увѣнчанъ, провозглашенъ побѣдителемъ, и по смерти своей еще сильнѣе поражаетъ страхомъ сердца грѣшниковъ. А что сказанное не пустыя слова, спроси самого Ирода. Когда онъ услышалъ о чудесахъ Христовыхъ, то 596
говорилъ: *сей есть Іоаннъ; той воскресе отъ мертвыхъ и сего ради силы дѣются о немъ* (Мѳ. XIV, 2). Такъ сильно онъ боялся и непрестанно трепеталъ, и никто не могъ освободить его отъ страха совѣсти; напротивъ—судія этотъ оставался неподкупнымъ, мучилъ его, и каждодневно наказывалъ за убійство. Итакъ, зная это, убоимся не претерпѣвать, но дѣлать зло. Одно есть побѣда, а другое—пораженіе. Потому и Павелъ говорилъ: *почто не паче обидими есте? Но вы сами обидите и лишаете, да еще братію* (1 Кор. VI, 7. 8). Терпящему зло готовы вѣнцы, награды и прославленіе. И это можно видѣть на всѣхъ святыхъ. Если же всѣ такимъ

образомъ увѣнчаны и провозглашены побѣдителями, то и мы пойдемъ тѣмъ же путемъ; будемъ молиться, чтобы не впасть въ искушеніе; а если оно придетъ, то, вооружившись мужествомъ, покажемъ должную ревность, чтобы получить намъ будущія блага, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XXIX.

595 **Третицею се гряду къ вамъ: при устѣхъ двою или тріехъ свидѣтелей станетъ всякъ глаголъ (XIII, 1).**

1. Любомудріе Павла и его отеческое сердоболіе можно видѣть изъ многаго другого, а преимущественно изъ того, что онъ въ увѣщаніяхъ обиленъ и строгъ, а въ наказаніяхъ мягокъ и медлителенъ. Онъ не тотчасъ наказалъ согрѣшившихъ, но двукратно увѣщевалъ ихъ; мало того, даже и послѣ того, какъ они преслушали его увѣщанія, не наказываетъ, но опять увѣщеваетъ, говоря: *се третицею гряду къ вамъ*, а до пришествія пишу еще посланіе. А чтобы медленность не произвела безпечности, смотри, какъ и это предотвращаетъ, непрестанно угрожая, напрягая ударъ и говоря: *аще пріиду паки, не пощажду;* и еще: *да не пришедъ, восплачуся многихъ.* Такъ поступаетъ онъ и говоритъ, подражая въ этомъ случаѣ Владыкѣ всѣхъ. И Богъ, хотя непрестанно угрожаетъ, и многократно увѣщеваетъ, но не часто караетъ и наказываетъ. Такъ поступаетъ и онъ. Потому и прежде говорилъ: *щадя васъ, ктому не пріидохъ въ Коринѳъ* (I, 23). Что значитъ—*щадя васъ?* Т. е., чтобы, нашедши васъ согрѣшившими и неисправившимися, не подвергнуть васъ карѣ и наказанію. И здѣсь, говоря: *третицею се гряду къ вамъ: при устѣхъ двою или тріехъ свидѣтелей станетъ всякъ глаголъ* — прилагаетъ неписанное къ написанному. Такъ поступилъ онъ и въ другомъ случаѣ, сказавъ: *прилѣпляяйся скверннодѣйцѣ, едино тѣло есть: будета бо, рече, оба въ*
596 *плоть едину* (1 Кор. VI, 16). Хотя послѣднія слова сказаны о законномъ бракѣ, но онъ удачно ими воспользовался для своего предмета, чтобы тѣмъ болѣе устрашить. Такъ поступаетъ и здѣсь, вмѣсто свидѣтелей представляя свои пребыванія (въ Коринѳѣ) и свои увѣщанія. Слова его имѣютъ такой смыслъ: разъ и другой говорилъ я вамъ, когда приходилъ къ вамъ; говорю и теперь на письмѣ. И если вы послушаете меня, то исполнено мое желаніе; если же не послушаете, то надобно уже будетъ сдѣлать сказан-

ное мною, и наложить наказаніе. Поэтому и говоритъ: *прежде рѣхъ и предглаголю, яко у васъ бывъ второе, и отсутствуя нынѣ пишу, прежде согрѣшившимъ и прочимъ всѣмъ, яко аще пріиду паки, не пощажду* (ст. 2). Если *при устѣхъ двою или тріехъ свидѣтелей станетъ всякъ глаголъ*, а я уже два раза былъ у васъ и говорилъ, теперь же говорю на письмѣ, то мнѣ надобно будетъ сдержать свое слово. Не думайте, чтобы посланіе мое къ вамъ было маловажнѣе личнаго моего у васъ присутствія. Какъ будучи у васъ я говорилъ, такъ и находясь въ отсутствіи пишу. Видишь ли отеческую заботливость? Видишь ли подобающую учителю попечительность? Онъ и не смолчалъ, и не наказалъ; нѣсколько разъ предваряетъ, и не перестаетъ грозить, но наказаніе откладываетъ; если же и послѣ этого не исправятся, тогда уже угрожаетъ дѣйствительнымъ наказаніемъ. Что же ты прежде говорилъ, будучи въ Коринѳѣ, и что пишешь теперь, находясь въ отсутствіи? *Яко аще паки пріиду, не пощажду*. Сперва сказалъ, что не можетъ этого сдѣлать, если не будетъ къ тому принужденъ, и необходимость наказывать назвалъ плачемъ и смиреніемъ для себя: *да* 597
не паки, говоритъ, *пришедша мя смиритъ Богъ мой у васъ, и восплачуся многихъ прежде согрѣшшихъ и не покаявшихся;* даже оправдывался предъ ними, что уже разъ, и два, и три предварялъ ихъ, что все дѣлаетъ и придумываетъ, какъ бы обойтись безъ наказанія и исправить ихъ словесными только угрозами; и послѣ этого только уже произноситъ грозныя эти слова: *аще паки пріиду, не пощажду*. Не сказалъ: отмщу, накажу, предамъ истязанію, но и о самомъ наказаніи опять выражается отечески, показывая свою къ нимъ любовь и сострадательность, по которымъ, щадя ихъ, доселѣ отлагалъ (наказаніе). Потомъ, чтобы они и теперь не подумали, что (наказаніе) опять будетъ отложено и угрозы только на словахъ, онъ какъ выше сказалъ: *при устѣхъ двою или тріехъ свидѣтелей станетъ всякъ глаголъ*, такъ и здѣсь присовокупляетъ: *аще паки пріиду, не пощажду*. Слова эти значатъ: я уже не отложу (наказанія), если,—чего не дай Богъ!—найду васъ не исправившимися, но непремѣнно накажу, и исполню, что сказалъ. Вслѣдъ затѣмъ съ великимъ гнѣвомъ и съ сильнымъ негодованіемъ на тѣхъ, которые смѣялись надъ нимъ, какъ надъ человѣкомъ слабымъ, и о прибытіи его (въ Коринѳъ) шутя говорили: *пришествіе немощно и слово уничиженно* (X, 10),—какъ бы обращая къ нимъ рѣчь свою, говоритъ: *понеже искушенія ищете глаголющаго во мнѣ Христа* (ст. 3)? Это сказалъ онъ, чтобы нанести и ударъ (лжеапостоламъ), и вмѣстѣ дать почувствовать всѣмъ имъ (коринѳянамъ). Смыслъ же словъ его такой: такъ какъ вы хотите испытать, обитаетъ ли во мнѣ

Христосъ, требуете отъ меня доказательствъ, и потому смѣетесь надо мною, какъ надъ человѣкомъ низкимъ, и презрѣннымъ, не имѣющимъ въ себѣ силы Христовой, то узнаете, что я не лишенъ ея, если подадите къ тому случай, чего впрочемъ да не будетъ. Что же,—скажи мнѣ,—за то ли хочешь наказать, что они ищутъ доказательства? Нѣтъ, говоритъ. Если бы я искалъ случая наказать ихъ, то съ самаго же начала наказалъ бы согрѣшившихъ, и не сталъ бы медлить. А что онъ точно не желаетъ наказывать, это онъ ясно показалъ впослѣдствіи словами: *молюся же не сотворити вамъ ни единаго зла, не яко да мы искусни явимся, но* чтобы вы были искусны, *мы же яко неискусни будемъ* (ст. 7).

2. Итакъ онъ говоритъ это не въ видѣ причины, но выражая скорѣе свое негодованіе, и желая дать почувствовать это тѣмъ, которые его презирали. Я не хочу, говоритъ онъ, показать надъ вами такого опыта. Если же сами вы подадите случай, и захочете вызвать меня на то, то узнаете на самомъ дѣлѣ. И смотри, съ какою суровостію говоритъ онъ. Не сказалъ: такъ какъ вы стараетесь искусить меня, но: *глаголющаго во мнѣ Христа*,—показывая тѣмъ, что они противъ Его согрѣшили. Не просто сказалъ: во мнѣ обитающаго, но—*глаголющаго*,—показывая тѣмъ, что слова его внушены Духомъ Святымъ. И если (Христосъ) не обнаруживаетъ силы Своей, и не наказываетъ,—(апостолъ) для того переноситъ рѣчь отъ себя (ко Христу), чтобы сдѣлать угрозы болѣе страшными,—то не по немощи,—такъ какъ Онъ всемогущъ, — но по долготерпѣнію. Итакъ никто пусть не почитаетъ терпѣнія (Господня) немощію! Чему ты, въ самомъ дѣлѣ, дивишься, если (Господь) не произноситъ теперь же суда на грѣшниковъ и не подвергаетъ ихъ наказанію, но медлитъ и долго-
598 терпитъ, когда Онъ благоволилъ быть распятымъ на крестѣ, и терпя крестныя страданія, не наказывалъ? Потому (апостолъ) и присовокупилъ: *Иже въ васъ не изнемогаетъ, но можетъ въ васъ. Ибо аще и распятъ бысть отъ немощи, но живъ есть отъ силы Божія* (ст. 4). Слова эти очень не ясны, и смущаютъ немощныхъ. Поэтому нужно раскрыть ихъ яснѣе, и показать истинное значеніе этого выраженія, заключающаго въ себѣ неясность, чтобы никто и изъ простыхъ не соблазнялся.

Итакъ требуется объяснить, какой смыслъ сказаннаго, что значитъ слово — *немощь* (ἀσθένεια), и въ какомъ значеніи оно употреблено. Вѣдь одно и тоже слово имѣетъ многія значенія. Такъ немощію называется болѣзнь тѣлесная, почему и сказано въ Евангеліи о Лазарѣ: *се, егоже любиши, болитъ* (немоществуетъ — ἀσθενεῖ) (Іоан. XI, 3). И самъ (Христосъ) сказалъ: *сія болѣзнь* (немощь—ἀσθένεια) *не къ смерти* (ст. 4). И Павелъ объ Епафродитѣ

сказалъ: *болѣ* (ἠσθένησε) *близъ смерти, но Богъ помилова его* (Филип. II, 27); и о Тимоѳеѣ: *мало вина пріемли, стомаха ради твоего и частыхъ твоихъ недуговъ* (ἀσθενείας) (1 Тим. V, 23). Во всѣхъ приведенныхъ мѣстахъ, слово—немощь означаетъ тѣлесный недугъ. Немощію называются также нетвердость, колеблемость и несовершенство въ вѣрѣ. Въ такомъ смыслѣ Павелъ говорилъ: *изнемогающаго въ вѣрѣ пріемлите, не въ сомнѣніе помышленій* (Рим. XIV, 1). И въ словахъ: *овъ бо вѣруетъ ясти вся, а изнемогаяй зелія да ястъ* (Римл. XIV, 2), разумѣетъ немощнаго въ вѣрѣ. Вотъ два значенія слова—*немощь*. Но и еще нѣчто называется немощію. Что же такое? Гоненія, навѣты, оскорбленія, искушенія, бѣдствія. И въ такомъ смыслѣ Павелъ говорилъ: *о семъ трикраты Господа молихъ. И рече ми: довлѣетъ ти благодать Моя, сила бо Моя въ немощи совершается* (2 Кор. XII, 8, 9). Что значитъ—*въ немощи*? Въ гоненіяхъ, въ опасностяхъ, въ искушеніяхъ, въ навѣтахъ, въ различныхъ родахъ смерти. И въ томъ же смыслѣ (апостолъ) сказалъ: *тѣмже благоволю въ немощи* (XII, 10). Показывая затѣмъ, о какой говоритъ немощи, не упомянулъ о горячкѣ или о сомнѣніи въ вѣрѣ; но что сказалъ? *Въ досажденіихъ, во изгнаніихъ, въ бѣдахъ, въ тѣснотахъ, въ ранахъ, въ темницахъ, да вселится въ мя сила Христова. Егда бо немощствую, тогда силенъ есмь* (XII, 9, 10; XI, 23). Когда, говоритъ, меня преслѣдуютъ, когда гонятъ, когда противъ меня злоумышляютъ, *тогда силенъ есмь*, тогда больше всего побѣждаю и превозмогаю злоумышляющихъ, помощію живущей во мнѣ обильной благодати. Въ этомъ-то третьемъ значеніи Павелъ и употребилъ слово—*немощь*. И вотъ смыслъ сказаннаго. (Апостолъ) клонитъ рѣчь къ тому же, что говорилъ прежде, именно, что (коринѳяне) почитали его низкимъ и презрѣннымъ. Такъ какъ онъ не хотѣлъ хвалиться, не хотѣлъ, чтобы и другіе разумѣли его такимъ, каковъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ, не хотѣлъ показать силу, которую имѣлъ для наказанія непокорныхъ, то и почитали его ничего не значущимъ. И такъ какъ думавшіе такимъ образомъ оставались въ крайней безпечности и нечувствительности, и не исправлялись отъ грѣховъ, то (апостолъ), пользуясь благопріятнымъ случаемъ, въ выраженіяхъ весьма сильныхъ разсуждаетъ и о нихъ, показывая, что онъ ничего не сдѣлалъ имъ не по немощи, но по долготерпѣнію.
Потомъ, какъ я уже сказалъ, переноситъ рѣчь отъ себя ко Хри- 599
сту и тѣмъ умножаетъ страхъ, увеличиваетъ угрозу. Слова же его имѣютъ такой смыслъ: если и сдѣлаю что, накажу и покараю согрѣшившихъ, то развѣ я буду карать и наказывать ихъ? Накажетъ Христосъ, Который обитаетъ во мнѣ. Если же не вѣрите тому, и хотите видѣть доказательство, то скоро узнаете

изъ дѣйствій Живущаго во мнѣ, такъ какъ Онъ *не изнемогаетъ въ васъ, но можетъ*. Для чего (апостолъ) прибавилъ — *въ васъ*, когда (Христосъ) вездѣ силенъ? Захочетъ ли Онъ наказать невѣрныхъ, или демоновъ, или кого другого,—Онъ все можетъ. Что же значитъ это прибавленіе? (Апостолъ) или хочетъ пристыдить ихъ тѣмъ, что они сами уже испытали, или выражаетъ то, что (Христосъ) теперь показываетъ силу въ васъ, которые должны исправиться. Такъ и въ другомъ мѣстѣ сказалъ: *что бо ми и внѣшнихъ судити* (1 Кор. v, 12)?

8. Внѣшнихъ, говоритъ онъ, будетъ судить Богъ въ день суда; а васъ хочетъ наказать еще нынѣ, чтобы избавить отъ будущаго наказанія. Но смотри, какъ при всей своей попечительности, происходящей отъ отеческаго сердоболія, (апостолъ) даетъ мѣсто страху и великому гнѣву, говоря: *Иже въ васъ не изнемогаетъ, но можетъ въ васъ. Ибо аще и распятъ бысть отъ немощи, но живъ есть отъ силы Божія*. Что значатъ слова: *аще и распятъ бысть отъ немощи?* То, что хотя (Христосъ) благоизволилъ пострадать, что имѣло видъ немощи, но это нисколько не уменьшаетъ Его силы. Сила Его пребываетъ непобѣдимою, и то, что имѣло видъ немощи, нимало не повредило ей; напротивъ, оно-то наиболѣе и показало Его крѣпость въ томъ, что и страданіе претерпѣлъ Онъ, и сила Его чрезъ то не сократилась. Итакъ, да не смущаетъ тебя слово—*немощь*, потому что и въ другомъ мѣстѣ (апостолъ) говоритъ: *буее Божіе премудрѣе человѣкъ есть, и немощное Божіе крѣпчае человѣкъ есть* (1 Кор. I, 25); хотя въ Богѣ нѣтъ ничего буіяго, ничего слабаго, но такъ (апостолъ) назвалъ крестъ, представляя мнѣніе о немъ невѣрныхъ. Послушай, какъ самъ онъ толкуетъ слова свои: *слово бо крестное погибающимъ убо юродство есть, а спасаемымъ намъ сила Божія есть*. И еще: *мы же проповѣдуемъ* Бога *распята, Іудеемъ убо соблазнъ, Еллиномъ же безуміе, самимъ же званнымъ Іудеемъ же и Еллиномъ Христа, Божію силу и Божію премудрость* (1 Кор. I, 18, 23, 24). И въ другомъ мѣстѣ: *душевенъ же человѣкъ не пріемлетъ, яже Духа; юродство бо ему есть* (II, 14). Смотри, какъ вездѣ онъ излагаетъ мнѣніе невѣрныхъ, почитающихъ крестъ юродствомъ и немощію. Такъ и здѣсь говоритъ не о дѣйствительной немощи, но о воображаемой невѣрующими. Итакъ (апостолъ) не то говоритъ, что (Христосъ) распятъ по немощи,—да не будетъ этого!—вѣдь Онъ во всемъ показалъ, что могъ быть и не распятъ, то повергнувъ ницъ на
600 землю (пришедшихъ съ Іудою, Іоан. XVIII, 6), то помрачивъ солнце, то изсушивъ смоковницу, то ослѣпивъ очи хотѣвшихъ взять Его, и сотворивъ другія безчисленныя чудеса. Что же значитъ выраженіе—*отъ немощи?* То, что хотя Христосъ былъ и

распятъ, претерпѣлъ бѣдствія и навѣты, — а мы уже доказали, что навѣты и бѣдствія называются немощію,—однако Онъ не понесъ никакого вреда. И все это (апостолъ) сказалъ для того, чтобы примѣнить къ самому себѣ. Такъ какъ (коринѳяне) видѣли, что (апостолы) были гонимы, преслѣдуемы, презираемы, и Богъ не отомщалъ за нихъ, и сами они не вступались за себя, то, чтобы научить ихъ, что они терпятъ все это не по немощи, и не потому, чтобы не могли отмстить за себя, указываетъ на примѣръ Владыки. Такъ, говоритъ, и самъ (Господь) былъ распятъ, связанъ, терпѣлъ безчисленныя мученія, но не мстилъ за Себя; напротивъ, понесъ все, что казалось немощію, и въ этой немощи явилъ силу свою,—потому что не потерпѣлъ никакого вреда, хотя и не мстилъ и не вступался за Себя. Крестъ не пресѣкъ жизни Его, не воспрепятствовалъ воскресенію; напротивъ—(Христосъ) воскресъ, и живетъ. А когда слышишь о крестѣ и жизни, разумѣй это о домостроительствѣ спасенія, потому что о немъ идетъ вся рѣчь. А когда (апостолъ) говоритъ: *отъ силы Божія*, онъ не разумѣетъ, что (Христосъ) не могъ самъ оживотворить плоти Своей, а показываетъ только, что безразлично—сказать ли: силою Отца, или: силою Сына; и потому сказавъ: *отъ силы Божія*, то же сказалъ, что и—Своею силою. А что (Христосъ) дѣйствительно самъ воздвигъ и воскресилъ плоть Свою, послушай, какъ Онъ самъ говоритъ о томъ: *разорите церковь сію, и азъ треми денми воздвигну ю* (Іоан. II, 19). Если же (Христосъ) принадлежащее Ему называетъ принадлежащимъ Отцу, не приходи отъ этого въ смущеніе. *Вся бо*, говоритъ Онъ, *яже Отца Моего Моя суть* (Іоан. XVI, 15); и въ другомъ мѣстѣ: *Моя вся Твоя суть, и Твоя Моя* (XVII, 10). Итакъ, говоритъ (апостолъ), какъ (Христосъ), будучи распятъ, не потерпѣлъ никакого вреда, такъ и мы, когда насъ гонятъ и вооружаются на насъ (не терпимъ вреда). Потому и присовокупляетъ: *ибо и мы немощствуемъ въ Немъ, но живи будемъ въ Немъ отъ силы Божія.* Что значитъ: *немощствуемъ въ Немъ*? Подвергаемся гоненіямъ, притѣсненіямъ, и терпимъ крайнія бѣдствія. А что значитъ—*въ Немъ?* То, что терпимъ за проповѣдь и за вѣру въ Него. Если же терпимъ за Него все скорбное и тягостное, то несомнѣнно получимъ и радостное. Поэтому (апостолъ) и говоритъ далѣе: *но живи будемъ въ Немъ отъ силы Божія. Себе искушайте, аще есте въ вѣрѣ, себе искушайте. Или не знаете себе, яко Христосъ въ васъ есть, развѣ точію чимъ неискусни есте? Уповаю же, яко разумѣти имате, яко мы нѣсмы неискусни* (ст. 5, 6). (Апостолъ) выше доказалъ, что если не наказываетъ (коринѳянъ), то не потому, чтобы не имѣлъ въ себѣ Христа, но потому, что подражаетъ Его долготерпѣнію,

такъ какъ самъ (Господь) былъ распятъ, и не отмстилъ за Себя. И теперь доказываетъ то же, но другимъ образомъ и гораздо убѣдительнѣе, извлекая доказательство изъ примѣра учениковъ. Что мнѣ говорить о себѣ-учителѣ, который имѣю столько попеченій, которому ввѣрена цѣлая вселенная, который совершилъ
601 столько чудесъ? И вы сами, находящіеся въ числѣ учениковъ, если захотите испытать самихъ себя, усмотрите, что и въ васъ обитаетъ Христосъ. Если же въ васъ, то тѣмъ болѣе въ учителѣ. Если вы имѣете вѣру, то и Христосъ въ васъ. И это самое сказано имъ о такихъ вѣрующихъ, которые творили чудеса, потому что вѣрующіе въ то время чудодѣйствовали. Поэтому (апостолъ) и прибавляетъ: *себе искушайте, аще есте въ вѣрѣ, себе искушайте. Или не знаете себе, яко Христосъ въ васъ, развѣ точію чимъ неискусни есте?* Если же въ васъ, то тѣмъ болѣе въ учителѣ. Мнѣ кажется, что (апостолъ) здѣсь говоритъ о вѣрѣ чудодѣйствующей. Если вы имѣете, говоритъ онъ, эту вѣру, то Христосъ въ васъ: *развѣ точію чимъ неискусни* сдѣлались вы.

4. Видишь ли, какъ опять онъ устрашаетъ, и со всею ясностію показываетъ, что Христосъ съ нимъ? Здѣсь, мнѣ кажется, онъ указываетъ (коринѳянамъ) и на жизнь. Такъ какъ одна вѣра недостаточна къ полученію духовной силы (чудотворенія); а онъ сказалъ, что если вы пребываете въ вѣрѣ, то имѣете въ себѣ Христа, между тѣмъ какъ многіе, имѣя вѣру, не имѣли этой силы чудодѣйственной,—то, разрѣшая недоумѣніе, онъ и говоритъ: *развѣ точію чимъ неискусни есте,* т. е. развѣ порочна жизнь ваша. *Уповаю же, яко разумѣти имате, яко мы нѣсмы неискусни.* Слѣдовало сказать: если вы сдѣлались и неискусны, все же мы не неискусны. Но не такъ онъ говоритъ, чтобы не оскорбить ихъ, а выражаетъ это прикровенно; не говоритъ утвердительно—вы неискусны; не предлагаетъ и въ видѣ вопроса: развѣ вы неискусны? Но оставляя это, выражаетъ то же самое скрытнымъ образомъ, говоря: *уповаю же, яко разумѣти имате, яко мы нѣсмы неискусни.* И здѣсь опять сильная угроза, великій страхъ. Если вы хотите, говоритъ, чтобы я доказалъ вамъ это, наказавъ васъ, то мы не затруднимся дать вамъ такое доказательство. Впрочемъ, онъ не такъ говоритъ, но съ большею строгостію и угрозою: *уповаю же, яка разумѣти имате, яка мы нѣсмы неискусни.* Вамъ и безъ этого, говоритъ онъ, надлежало знать нашу силу и то, что въ насъ говоритъ и дѣйствуетъ Христосъ; но такъ какъ вы хотите испытать это на самомъ дѣлѣ, то узнаете, что *мы нѣсмы неискусни.* Потомъ, въ виду того, что онъ простеръ угрозу далеко, поставилъ наказаніе у самыхъ уже дверей, привелъ (коринѳянъ) въ трепетъ и заставилъ ожидать казни,—то смотри, какою сладостію

опять растворяетъ свое слово, какъ умѣряетъ ихъ страхъ и показываетъ свою невзыскательность, попечительность объ ученикахъ, любомудріе, высоту, и свободу отъ тщеславія. Все это онъ выражаетъ въ слѣдующихъ далѣе словахъ: молюся *же къ Богу, не сотворити вамъ ни единаго зла, не яко да мы искусни явимся, но да вы доброе сотворите, мы же яко неискусни будемъ. Ничто же бо можемъ на истину, но по истинѣ. Радуемся бо, егда мы немощствуемъ, вы же сильни бываете. О семъ бо и молимся, о вашемъ совершеніи* (ст. 7—9).

Гдѣ можно найти душу подобную (Павловой)? Его презирали, унижали, осмѣивали, надъ нимъ издѣвались, какъ надъ человѣкомъ ничтожнымъ, ничего незначущимъ, хвастливымъ, который величается только на словахъ, а на дѣлѣ нисколько не можетъ показать своей силы; а онъ не только медлитъ, не только не хочетъ наказывать, но еще молитъ Бога, чтобы не дойти до такой необходимости. Молюся *же*, говоритъ онъ, *не сотворити вамъ ни единаго зла, не яко да мы искусни явимся, но да вы доброе сотворите, мы же яко неискусни будемъ*. Что значатъ эти слова? Прошу и молю Бога, говоритъ онъ, чтобы мнѣ никого не найти не исправившимся, никого не найти не раскаявшимся. И не только объ этомъ молю, но и о томъ, чтобы вы и не начинали грѣшить, *не сотворити вамъ*, говоритъ онъ, *ни единаго зла*; а если согрѣшите, то чтобы вы спѣшили покаяться, предварили меня исправленіемъ, и предотвратили всякій гнѣвъ. Я забочусь не о томъ, чтобы явиться предъ вами искуснымъ, но совершенно напротивъ—о томъ, чтобы намъ не явиться искусными. Если, говоритъ, вы пребываете во грѣхахъ нераскаянными, то необходимо нужно наказать васъ, подвергнуть истязанію ваши тѣла, какъ поступлено было съ Сапфирою и съ волхвомъ (Дѣян. v, 13, 14; xiii, 11),—надъ которымъ мы явили опытъ нашей силы. Но мы не объ этомъ молимся, а напротивъ, чтобы намъ не показывать себя искусными въ такомъ дѣлѣ, то есть, чтобы не дѣлать опыта силы, какая въ насъ, наказывая васъ и карая согрѣшающихъ и болящихъ неисцѣльно. Но о чемъ (молимся)? *Да вы доброе сотворите*; молимся о томъ, чтобы вы всегда пребывали въ добродѣтели, всегда были исправны; *мы же яко неискусни будемъ*, не обнаруживая въ себѣ карающей силы. И не сказалъ: *неискусни* (будемъ), такъ какъ не сталъ бы неискуснымъ, хотя бы и не наказалъ; напротивъ, чрезъ это самое и показалъ бы себя искуснымъ. Но если нѣкоторые, говоритъ, и почитаютъ насъ презрѣнными и недостойными уваженія, потому что не показываемъ силы своей, то мы нимало объ этомъ не заботимся. Лучше намъ навлечь на себя отъ нихъ такое мнѣніе, нежели проявлять дан- 602

ную намъ отъ Бога силу въ наказаніи людей съ неисправимой душой. *Ничто же бо можемъ на истину, но по истинѣ.* Чтобы не показалось, будто онъ дѣлаетъ такъ изъ угожденія имъ (что чуждо для души, незнающей тщеславія), а напротивъ, что дѣлаетъ то, чего требуетъ самое свойство дѣла, (апостолъ) и присовокупилъ: *ничто же бо можемъ на истину.* Если, говоритъ, найдемъ васъ благоустроенными, сложившими съ себя грѣхи чрезъ покаяніе, и имѣющими дерзновеніе къ Богу, то намъ, хотя бы мы и захотѣли, нельзя будетъ наказать васъ, и, еслибы рѣшились на то, Богъ не будетъ намъ содѣйствовать. Онъ для того далъ намъ силу, чтобы мы произносили приговоръ вѣрно, праведно, а не вопреки истинѣ. Видишь ли, какъ онъ вездѣ смягчаетъ слово свое, и умѣряетъ тяжесть угрозы? И сколько заботился объ этомъ, столько желаетъ показать и свое къ нимъ благорасположеніе. Потому и присовокупилъ: *радуемся бо, егда мы немощствуемъ, вы же сильни бываете. О семъ же и молимся, о вашемъ совершеніи.* Тому особенно радуемся, говоритъ онъ, что ничего не можемъ противъ истины, т. е. не можемъ наказывать васъ, когда вы благоугождаете (Богу). А такъ какъ не можемъ,
603 то и не хотимъ, даже желаемъ противнаго. Но потому-то самому особенно и радуемся, когда не находимъ, что вы подаете намъ причину показать силу нашу въ наказаніи васъ. И хотя и чрезъ то явились бы мы славными, искусными и сильными, но желаемъ противнаго, т. е., чтобы вы были искусны и непорочны, а мы отсюда не пріобрѣли себѣ славы. Потому и говоритъ: *радуемся бо, егда мы немощствуемъ.* Что значитъ—*немощствуемъ?* Когда насъ почитаютъ немощными; не когда мы немощны, но когда почитаемся немощными. А таковыми почитали (апостоловъ) враги за то, что не обнаруживали карающей своей силы. И все же мы радуемся, когда вы такъ живете, что не подаете намъ повода наказывать васъ. И для насъ пріятно, что почитаютъ насъ въ этомъ отношеніи немощными, только бы вы были неукоризненны. Потому и прибавляетъ: *вы же сильни бываете,* т. е. искусны и добродѣтельны. И мы не только желаемъ, но и молимся объ этомъ,—чтобы вы были непорочны, совершенны, и не подавали намъ никакого повода (наказывать васъ).

5. Подлинно отеческая любовь—предпочитать спасеніе учениковъ личной своей славѣ! Вотъ душа, въ которой нѣтъ мѣста тщеславію. А свобода отъ тщеславія больше всего освобождаетъ отъ оковъ тѣлесныхъ, и возноситъ отъ земли къ небу. Напротивъ, тщеславіе ведетъ ко многимъ грѣхамъ. Да и невозможно стать высокимъ, великимъ и благороднымъ не очистившему себя отъ тщеславія; онъ необходимо пресмыкается долу, и многое пор-

тить, раболѣпствуя этому гнусному повелителю, болѣе жестокому, чѣмъ всякій варваръ. Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть свирѣпѣе тщеславія, которое тогда наиболѣе и свирѣпствуетъ, когда наиболѣе ему услуживаютъ? Такого свойства не имѣютъ даже и звѣри, напротивъ, смягчаются, когда за ними ухаживаютъ. А тщеславіе совершенно напротивъ: когда его презираютъ, оно укрощается, а когда чествуютъ, свирѣпѣетъ и вооружается на своихъ почитателей. Служившіе тщеславію іудеи жестоко наказаны; а ученики (Христовы), презиравшіе его, увѣнчаны. Но что говорю о наказаніи и вѣнцахъ? Даже къ тому самому, чтобы сдѣлаться славнымъ, всего болѣе содѣйствуетъ презрѣніе тщеславія. И отсюда видно также, что почитающіе тщеславіе сами себѣ вредятъ; а презирающіе его пріобрѣтаютъ пользу. Ученики (ничто не мѣшаетъ воспользоваться опять тѣмъ же примѣромъ), презрѣвшіе тщеславіе, предпочтившіе славу Божію, сіяютъ свѣтлѣе солнца, стяжавъ себѣ безсмертную память и по кончинѣ. Напротивъ, поработившіеся тщеславію іудеи не имѣютъ теперь ни города, ни домовъ, стали безчестными, изгнанниками, пресельниками, ничтожными, презрѣнными.

Такъ и ты, если хочешь достигнуть славы, отвергай славу; а если будешь гоняться за славою, лишишься славы. Если же угодно, покажемъ то же самое и на дѣлахъ житейскихъ. Кого мы преслѣдуемъ насмѣшками и остротами? Не тѣхъ ли, которые домогаются славы? Они-то, слѣдовательно, всего болѣе и лишены ея, имѣя тысячи обвинителей и находясь у всѣхъ въ безчестіи. А кому, скажи, удивляемся? Не тѣмъ ли, которые презираютъ славу? Они-то, слѣдовательно, и пользуются ею. Подобно тому, 604
какъ богатъ не тотъ, кто во многомъ имѣетъ нужду, но кто ни въ чемъ не нуждается, такъ и славенъ не тотъ, кто ищетъ славы, но кто презираетъ ее. Вѣдь земная слава только тѣнь славы. Видя написанный на картинѣ хлѣбъ, никто не прикасается къ картинѣ, хотя бы мучился ужаснымъ голодомъ. Не гоняйся же и ты за тѣнью,—вѣдь это тѣнь славы, а не слава. А чтобы тебѣ увѣриться, что это такъ, размысли о томъ, что славолюбіе всѣми считается за нѣчто худое, чего надобно избѣгать по мнѣнію всякаго, даже желающаго славы, и снискалъ ли уже кто славу, или только домогается ея,—стыдится, когда называютъ его славолюбцемъ. Откуда же, спросишь, желаніе славы, и отчего происходитъ эта страсть? Отъ малодушія (нужно не обличать только погрѣшности, но и исправлять), отъ несовершеннаго смысла, отъ дѣтскаго понятія. Перестанемъ же быть дѣтьми, и станемъ мужами; будемъ не за тѣнью гоняться, но искать вездѣ истины—и въ богатствѣ, и въ удовольствіяхъ, и въ наслажденіяхъ, и въ славѣ, и въ мо-

гуществѣ,—и эта болѣзнь прекратится, а вмѣстѣ съ нею и другія многія. Гоняться за тѣнью свойственно безумному. Потому Павелъ и сказалъ: *истрезвитеся праведно и не согрѣшайте* (1 Кор. xv, 34). Пристрастіе къ славѣ есть своего рода безуміе, которое гораздо сильнѣе безумія, производимаго въ человѣкѣ бѣсомъ или обнаруживаемаго при сумасшествіи. Послѣднее извинительно, а первое не имѣетъ никакого оправданія, потому что здѣсь самая душа повреждена, и ея сужденія неправильны, погибельны. Сумасшествіе часто зависитъ отъ болѣзни тѣлесной, а это неистовство происходитъ отъ злохудожнаго разума. Какъ самая жестокая и неисцѣльная горячка есть та, которая поражаетъ твердое тѣло, свирѣпствуетъ въ нервахъ и скрывается въ жилахъ, такъ и это неистовство ужасно, потому что свирѣпствуетъ въ разумѣ, извращаетъ и ослабляетъ его. Въ самомъ дѣлѣ, не ясное ли и очевидное сумасшествіе, не болѣзнь ли всякаго сумасшествія жесточе—презирать постоянно пребывающее, и съ великимъ тщаніемъ гоняться за скоропреходящимъ? Скажи, если бы кто сталъ догонять вѣтеръ, или захотѣлъ схватить его, не назвали ли бы его безумнымъ? Или, еслибы кто сталъ гоняться за тѣнями и презирать дѣйствительные предметы, возненавидѣлъ бы жену свою и вмѣсто ея обнималъ тѣнь ея, или сталъ бы отвращаться отъ своего сына, а любить опять тѣнь его, то потребуешь ли ты еще яснѣйшаго доказательства его сумасшествія? Но таковы-то всѣ пристрастные къ настоящимъ вещамъ. Все, вѣдь, настоящее тѣнь—укажешь ли ты на славу, или на могущество, на почести, на богатство, на удовольствіе, или на что бы то ни было другое житейское. Потому-то и пророкъ сказалъ: *убо образомъ ходитъ человѣкъ, обаче всуе мятется* (Пс. xxxviii, 7), и еще: *дніе наши яко сѣнь уклонишася* (Пс. ci, 12). И въ другомъ мѣстѣ всѣ человѣческіе (замыслы) онъ называетъ дымомъ и цвѣтомъ травнымъ (Пс. ci, 4, 5). Но не одно только пріятное есть тѣнь, а также и прискорбное, какъ-то: и смерть, и бѣдность, и болѣзнь, и тому подобное. Что же постоянно какъ изъ пріятнаго, такъ и изъ прискорбнаго? Вѣчное царствіе и нескончаемое мученіе, потому что ни червь не умретъ, ни огонь не угаснетъ, и праведники вос-
605—606 креснутъ въ жизнь вѣчную, а грѣшники въ муку вѣчную. Итакъ, чтобы намъ избѣжать нескончаемаго мученія, а наслѣдовать вѣчное царствіе,—оставивъ тѣнь, со всею ревностью обратимся къ предметамъ дѣйствительнымъ. Такимъ образомъ достигнемъ царствія небеснаго, котораго и да сподобимся всѣ мы благодатію и человѣколюбіемъ (Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава со Отцемъ и Святымъ Духомъ нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь).

БЕСѢДА XXX.

Сего ради не сый у васъ сія пишу, да не пришедъ безщадно сотворю по власти, юже Господь далъ ми есть въ созиданіе, а не на разореніе (2 Кор. XIII, 10). 605

1. (Апостолъ) сознавалъ, что сказанное имъ, особенно къ концу посланія, строго. Выше онъ говорилъ: *самъ же азъ Павелъ молю вы кротостію и тихостію Христовою, иже въ лице убо смиренъ въ васъ, не сый же у васъ дерзаю въ васъ. Молю же, да не присущъ дерзаю надѣяніемъ, имъ же помышляю смѣти на нѣкія непщующія насъ, яко по плоти ходящихъ*; и: *въ готовости имуще отмстити всяко преслушаніе, егда исполнится ваше послушаніе* (X, 1, 2, 6); и еще: *боюся же, еда како пришедъ, не яцѣхъ же хощу обрящу васъ, и азъ обрящуся вамъ, якова же не хощете: да не паки пришедша мя смиритъ Богъ мой у васъ, и восплачуся многихъ прежде согрѣшившихъ и не покаявшихся о нечистотѣ и блуженіи, яже содѣяша* (XII, 20, 21); и потомъ: *прежде рѣхъ и предглаголю, яко у васъ бывъ второе, и отсутствуя нынѣ пишу, яко еще пріиду паки, не пощажду, понеже искушенія ищете глаголющаго во мнѣ Христа* (XIII, 2, 3). Итакъ, въ виду этого, равно какъ и многаго другого, что сказано было имъ въ ихъ устрашеніе, посрамленіе, укоризну и порицаніе, онъ, желая оправдать себя во всемъ, говоритъ: *сего ради не сый у васъ сія пишу, да не пришедъ безщадно сотворю*. Я желаю (говоритъ), чтобы строгость моя была только на словахъ, а не на дѣлѣ; желаю, чтобы посланія были строги, чтобы угрозы продолжались, но не приводились въ исполненіе. Но и въ самомъ этомъ оправданіи онъ опять дѣлаетъ рѣчь свою грозною, показывая, что не онъ будетъ наказывать ихъ, но Богъ,—именно онъ присовокупилъ: *по власти, юже Господь даде ми*,—и вмѣстѣ давая опять разумѣть, что не желаетъ употребить власть свою для наказанія ихъ,—тоже присовокупилъ: *въ созиданіе, а не на разореніе*. Впрочемъ, теперь хотя и сдѣлалъ объ этомъ намекъ, какъ сказалъ я, однако оставилъ имъ самимъ на размышленіе,—что если они не исправятся, то наказать неисправляющихся есть также созиданіе. А что это дѣйствительно такъ, самъ онъ зналъ, и показалъ то на дѣлѣ. *Прочее, братіе, радуйтеся, совершайтеся, утѣшайтеся, тожде мудрствуйте, миръ имѣйте, и Богъ любве и мира будетъ съ вами* (ст. 11). Что значитъ: *прочее, братіе, радуйтеся?* Ты опечалилъ, устрашилъ, повергъ въ скорбь, заставилъ трепетать и бояться: какъ же велишь радоваться? Поэтому самому, говоритъ, и велю радоваться. Въ самомъ дѣлѣ, если вы съ своей стороны будете со-

отвѣтствовать тому, что я обязанъ сдѣлать съ своей стороны, то не будетъ препятствія къ радости. А съ моей стороны все сдѣ-
606 лано: я долготерпѣлъ, медлилъ, не отлучалъ васъ, убѣждалъ, увѣщевалъ, устрашалъ, угрожалъ, чтобы какъ-нибудь произвести въ васъ плоды покаянія. Теперь вамъ должно сдѣлать свое дѣло,— и радость ваша не помрачится. *Совершайтеся.* Что же значитъ— *совершайтеся?* Будьте совершенны и восполните, чего не достаетъ. *Утѣшайтеся.* Такъ какъ искушеній было много, и опасности были велики, то ищите утѣшенія другъ въ другѣ, и въ насъ, и въ собственномъ исправленіи. Если радость ваша происходитъ отъ (чистой) совѣсти, и если вы совершенны, то ничего не достаетъ къ вашему благодушію и утѣшенію, потому что ничто не доставляетъ столько утѣшенія, какъ чистая совѣсть, хотя бы вы окружены были безчисленными искушеніями. *Тожде мудрствуйте, миръ имѣйте.* Объ этомъ просилъ онъ и въ началѣ перваго посланія. Случается, что люди имѣютъ однѣ и тѣ же мысли, однако не имѣютъ мира, напримѣръ — когда въ догматахъ вѣры согласны, а другъ противъ друга враждуютъ. Напротивъ, Павелъ здѣсь требуетъ того и другого (и единомыслія и согласія). *И Богъ любве и мира будетъ съ вами.* Не только увѣщеваетъ и совѣтуетъ имѣть миръ, но и молитъ о томъ Бога; и подлинно, здѣсь онъ или молитъ, или предсказываетъ будущее, а вѣрнѣе то и другое вмѣстѣ. Если, говоритъ онъ, будете такъ поступать, то есть одно и то же мудрствовать и имѣть миръ между собою, то и Богъ будетъ съ вами, потому что Богъ есть Богъ любви и мира, Онъ этому радуется, и объ этомъ веселится. Отсюда—отъ любви Его—и въ васъ будетъ миръ. Отсюда—избавленіе отъ всѣхъ золъ. Эта любовь спасла вселенную, она прекратила застарѣлую на землѣ вражду, она соединила землю съ небомъ, она сдѣлала людей ангелами. Возлюбимъ же ее и мы, потому что она—матерь безчисленныхъ благъ. Ею мы спасены, чрезъ нее намъ дарованы всѣ неизреченныя блага. Затѣмъ, возводя ихъ къ любви, (апостолъ) говоритъ: *цѣлуйте другъ друга лобзаніемъ святымъ* (ст. 12). Что значитъ—*святымъ?* Не притворнымъ, не коварнымъ, какимъ Іуда облобызалъ Христа. Для того и дано лобзаніе, чтобы возбуждать любовь, чтобы воспламенять искреннее расположеніе, чтобы мы такъ любили другъ друга, какъ братья братьевъ, какъ дѣти отцовъ, и отцы дѣтей, или еще и больше,—потому что эта (любовь)—отъ природы, а наша— отъ благодати. Чрезъ лобзаніе соединяются между собою души. Вотъ почему, и возвращаясь изъ путешествій, мы цѣлуемъ другъ друга, когда души наши приходятъ во взаимное общеніе. Поцѣлуй устъ особенно выражаетъ расположеніе души нашей.

2. Можно сказать и еще нѣчто объ этомъ святомъ лобзаніи. Что же такое? Мы храмъ Христовъ. Поэтому, лобзая другъ друга, мы лобзаемъ преддверія и входъ храма. Не видите ли, какъ многіе лобызаютъ двери и этого храма *), одни преклоняя главу, 607
другіе прикасаясь рукой и поднося руку къ устамъ? И этими вратами и дверми **) входилъ и входитъ къ намъ Христосъ, когда мы причащаемся. Вы, причастники таинства, понимаете, что́ я говорю. Не простой чести сподобляются уста наши, пріемлющія тѣло Владычне. Потому-то здѣсь по преимуществу мы и лобзаемъ друга. Пусть слышатъ это предающіеся сквернословію и злословію,—и да ужаснутся при мысли, какъ они сквернятъ уста свои. Пусть слышатъ это срамно лобызающіеся. Послушай, что Богъ вѣщалъ устами твоими,—и береги ихъ отъ оскверненія. Онъ вѣщалъ ими о жизни будущей, о воскресеніи, о безсмертіи, о томъ, что смерть уже не смерть, и о многихъ другихъ неизреченныхъ (тайнахъ). Въ самомъ дѣлѣ, приступающій къ таинству приближается къ устамъ іерея, какъ къ прорицалищу. Послушаемъ, какъ они страшны. Приступающій погубилъ жизнь свою еще въ прародителяхъ, и приходитъ взыскать ее и просить совѣта, какъ найти и пріобрѣсть ее. Тогда Богъ вѣщаетъ устами іерея, какъ найти ее; и уста іерея бываютъ страшнѣе самаго очистилища. Это послѣднее никогда не издавало такого гласа, а пророкало о предметахъ гораздо низшихъ, о земныхъ войнахъ и о земномъ мирѣ; напротивъ эти уста вѣщаютъ о небѣ, о будущей жизни, о вещахъ новыхъ и превосходящихъ разумъ. Сказавши же: *цѣлуйте другъ друга лобзаніемъ святымъ*, (апостолъ) присовокупилъ: *цѣлуютъ вы святіи вси*,—и этимъ подавая имъ радостную надежду. Это онъ написалъ вмѣсто лобзанія, соединяя ихъ между собою этимъ взаимнымъ привѣтствіемъ, потому что отъ тѣхъ же устъ происходятъ и лобзаніе и слова. Видишь ли, какъ онъ соединяетъ между собою всѣхъ—удаленныхъ по плоти и близкихъ, первыхъ посредствомъ писанія, а послѣднихъ посредствомъ лобзанія? *Благодать Господа нашего Іисуса Христа, и любы Бога и Отца, и общеніе Святаго Духа со всѣми вами. Аминь* (ст. 13). Такимъ образомъ соединивъ ихъ между собою и привѣтствіями и лобзаніями, опять заключаетъ слово молитвою, а чрезъ нее всемѣрно старается соединить ихъ и съ Богомъ.

Гдѣ теперь утверждающіе, что Святый Духъ не единосущенъ Отцу и Сыну потому, что о Немъ не упоминается въ началѣ посланій? Вотъ теперь (апостолъ) наименовалъ и Его вмѣ-

*) Храма, въ которомъ Златоустъ произносилъ свою бесѣду.

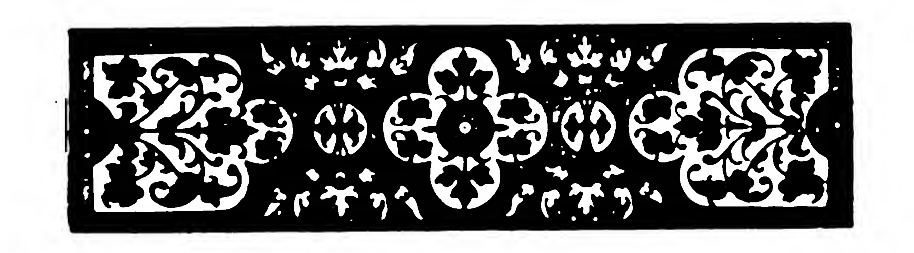
**) Нашими устами.

стѣ съ Отцемъ и Сыномъ. Кромѣ того, должно сказать и то, что (апостолъ) въ посланіи къ колосянамъ, сказавъ: *благодать вамъ и миръ отъ Бога Отца нашего* (Кол. I, 2), умолчалъ о Сынѣ, и не прибавилъ, какъ въ прочихъ посланіяхъ: *и Господа Іисуса Христа*. Ужели поэтому и Сынъ будетъ не единосущенъ (Отцу)? Но утверждать это есть крайнее безуміе. Напротивъ, то самое и показываетъ Его единосущіе, что Павелъ въ различныхъ мѣстахъ различно упоминаетъ (о лицахъ). А что сказанное мною не одна
608 догадка, послушай, какъ онъ упоминаетъ о Сынѣ и о Духѣ, а умалчиваетъ объ Отцѣ. Такъ въ (первомъ) посланіи къ Коринѳянамъ говоритъ: *но омыстеся, но освятистеся, но оправдастеся именемъ Господа Іисуса Христа, и Духомъ Бога нашего* (VI, 11). Итакъ, скажи, ужели они не крестились во имя Отца? Тогда они и не омылись, и не освятились. Но они крестились (во имя Отца), такъ какъ дѣйствительно крестились. Почему же не сказалъ, что омылись именемъ Отца? Потому, что для него безразлично— одинъ разъ упомянуть объ одной ипостаси, въ другой разъ — о другой. То же найдешь и во многихъ мѣстахъ посланій. Такъ въ посланіи къ Римлянамъ говоритъ: *молю убо васъ щедротами Божіими* (Римл. XII, 1), хотя щедроты принадлежатъ и Сыну. И въ другомъ мѣстѣ: *молю вы любовію Духа* (XV, 30), хотя любовь принадлежитъ и Отцу. Почему же онъ не упомянулъ о Сынѣ, когда говоритъ о щедротахъ, и объ Отцѣ, когда говоритъ о любви? Онъ умолчалъ объ этомъ, какъ для всѣхъ явномъ и несомнѣнномъ. Найдешь также и то, что (апостолъ) и самые дары приписываетъ (лицамъ Св. Троицы) въ обратномъ порядкѣ. Такъ, сказавъ здѣсь: *благодать Христа, и любы Бога и Отца, и общеніе Святаго Духа*, въ другомъ мѣстѣ общеніе приписываетъ Сыну, а любовь Духу, говоря: *молю вы любовію Духа*, а въ (первомъ) посланіи къ Коринѳянамъ: *вѣренъ Богъ, имъ же звани бысте во общеніе Сына Его* (I, 9). Такъ все, принадлежащее Троицѣ, нераздѣльно! И гдѣ общеніе Духа, тамъ и общеніе Сына, и гдѣ благодать Сына, тамъ благодать Отца и Святаго Духа. Такъ (апостолъ) сказалъ: *благодать вамъ отъ Бога Отца*; а въ другомъ мѣстѣ, исчисливши многіе виды благодати, присоединилъ: *вся же сія дѣйствуетъ единъ и тойжде Духъ, раздѣляя властію коемуждо, якоже хощетъ* (1 Кор. XII, 11). Говорю же это не потому, что смѣшиваю ипостаси,—нѣтъ!—напротивъ, знаю какъ то, чѣмъ онѣ различаются и раздѣляются, такъ и единство ихъ сущности.

3. Итакъ, будемъ и догматы эти содержать со всею точностью, и привлекать къ себѣ любовь Божію. Богъ прежде возлюбилъ насъ, когда мы еще ненавидѣли Его, и примирилъ съ Собою, когда мы еще были врагами Его; и теперь хочетъ любить

насъ, уже любящихъ Его. Будемъ же постоянно любить Его, чтобы и Онъ любилъ насъ. Если мы, пользуясь любовью сильныхъ людей, для всѣхъ бываемъ страшны, то тѣмъ болѣе, когда будемъ (въ любви) у Бога. И если изъ любви къ Нему нужно будетъ отдать имущество, тѣло свое, даже самую душу, не пощадимъ ничего. Не достаточно свидѣтельствовать любовь свою къ Нему только на словахъ; нужно показать ее и дѣлами, такъ какъ и Онъ самъ явилъ Свою любовь къ намъ не словами только, но и дѣлами. Такъ и ты покажи любовь къ Нему на самомъ дѣлѣ, и твори угодное Ему. Въ такомъ случаѣ самъ же ты опять получишь пользу. Самъ, вѣдь, Онъ ни въ чемъ нашемъ не нуждается. Это-то и служитъ особеннымъ доказательствомъ искренней любви Его къ намъ, что, не нуждаясь въ нашей любви, Онъ все дѣлаетъ для того, чтобы мы Его любили. Потому и Моисей говорилъ: *что бо ищетъ Господь Богъ у васъ, точію еже любити Его, и готову быти* тебѣ *еже ходити въ слѣдъ Его* (Втор. x, 12). Такимъ образомъ, когда Онъ повелѣваетъ тебѣ любить Его, тогда 609
особенно показываетъ, что любитъ тебя, потому что ничто такъ не доставляетъ намъ спасенія, какъ любовь къ Нему. Смотри, и всѣ заповѣди Его клонятся къ нашему успокоенію, спасенію и прославленію. Такъ, когда Онъ говоритъ: *блажени милостивіи, блажени чистіи сердцемъ, блажени кротцыи, блажени нищіи духомъ, блажени миротворцы* (Мѳ. v, 3—9), самъ Онъ никакой пользы отсюда не получаетъ, а заповѣдуетъ это для того, чтобы насъ украсить и настроить. Равнымъ образомъ, когда говоритъ: *взалкахся* (Мѳ. xxv, 42), не имѣетъ нужды въ нашей помощи, но тебя побуждаетъ къ человѣколюбію. Онъ и безъ тебя могъ бы пропитать бѣднаго, но, даруя тебѣ величайшее сокровище, заповѣдалъ это. Если солнце, будучи твореніемъ, не нуждается въ нашихъ очахъ (оно вѣдь такъ же стало бы блистать, хотя бы и никто не смотрѣлъ на него), но мы получаемъ пользу, когда наслаждаемся лучами его, то тѣмъ болѣе примѣнимо это къ Богу. Но чтобы тебѣ еще болѣе увѣриться въ этомъ, послушай: какое, ты думаешь, различіе между Богомъ и нами? Такое ли, какъ между нами и комарами, или гораздо большее? Очевидно, что гораздо и даже безпредѣльно большее. Итакъ, если мы тщеславные не нуждаемся въ помощи или въ славѣ отъ комаровъ, то тѣмъ болѣе не нуждается Богъ безстрастный и ни въ чемъ не имѣющій нужды. Поэтому въ той только мѣрѣ получаетъ отъ насъ пользу Богъ, въ какой благотворитъ намъ, въ какой радуется о нашемъ спасеніи. Часто даже оставляя Свое, Онъ ищетъ твоего. *Аще кто*, сказано, *жену иматъ невѣрну, и та благоволитъ жити съ нимъ, да не оставляетъ ея* (1 Кор. vii, 12). *А отпущаяй*

жену развѣ словесе любодѣйнаго, творитъ ю любодѣйствовати (Мѳ. v, 32). Видишь ли несказанную благость? Если, говоритъ, жена
610 твоя любодѣйствуетъ, не принуждаю тебя жить съ нею; если же она невѣрующая, не препятствую. Опять, если кто оскорбилъ тебя, повелѣваю оставить приносимый Мнѣ даръ и идти къ оскорбившему. *Аще бо*, говоритъ, *принесеши даръ твой, и ту помянеши, яко братъ твой имать нѣчто на тя, остави даръ твой предъ алтаремъ, и шедъ, прежде смирися съ братомъ твоимъ, и тогда пришедъ принеси даръ твой* (Мѳ. v, 23, 24). И притча о должникѣ не то же ли самое показываетъ? Въ самомъ дѣлѣ, когда онъ расточилъ десять тысячъ талантовъ, господинъ умилосердился надъ нимъ и отпустилъ ему; когда же онъ потребовалъ отъ своего сораба сто динаріевъ, господинъ назвалъ его лукавымъ и предалъ наказанію (Мѳ. xviii, 24 сл.). Столь много печется Господь о твоемъ спокойствіи! Варваръ замыслилъ грѣхъ противъ жены праведника,—и (Господь) говоритъ ему: *пощадѣхъ тя, да не согрѣшиши ко Мнѣ* (Быт. xx, 6). Павелъ гналъ апостоловъ,—и (Господь) говоритъ ему: *что Мя гониши* (Дѣян. ix, 4)? Другіе алчутъ, а Онъ называетъ Себя алчущимъ, и нагимъ и странникомъ (Мѳ. xxv, 35), желая пристыдить тебя и побудить тѣмъ къ подаянію милостыни. Итакъ, представляя себѣ любовь, какую Богъ доселѣ во всемъ намъ оказывалъ и оказываетъ,—а Онъ благоволилъ сообщить намъ вѣдѣніе о Себѣ, что составляетъ величайшее и главное благо, свѣтъ ума, и ученіе добродѣтели, далъ намъ законъ добродѣтельной жизни, сдѣлалъ для насъ все, далъ намъ и Сына Своего, и обѣщалъ царствіе, и призвалъ насъ къ неизреченнымъ благамъ, и пріуготовилъ намъ блаженнѣйшую жизнь,—будемъ все дѣлать и говорить такъ, чтобы намъ явиться достойными и любви Его, и получить будущія блага, которыхъ и да сподобимся всѣ мы благодатію и человѣколюбіемъ Господа Нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу и Святому Духу слава, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.



СВЯТАГО ОТЦА НАШЕГО ІОАННА ЗЛАТОУСТАГО,

АРХІЕПИСКОПА КОНСТАНТИНОПОЛЬСКАГО,

ТОЛКОВАНІЕ НА ПОСЛАНІЕ КЪ ГАЛАТАМЪ.

ГЛАВА I. 611

Павелъ апостолъ, ни отъ человѣкъ, ни человѣкомъ, но Іисусъ Христомъ и Богомъ Отцемъ воскресившимъ Его изъ мертвыхъ, и иже со мною вся братія, Церквамъ Галатійскимъ: благодать вамъ и миръ отъ Бога Отца нашего и Господа Іисуса Христа (ст. 1—3).

1. Начало посланія исполнено великаго гнѣва и вмѣстѣ великой мудрости; да и не одно только начало, но и все, можно сказать, посланіе. Это потому, что бесѣдовать съ наставляемыми всегда съ кротостію, хотя бы даже по отношенію къ нимъ и была необходима строгость, свойственно скорѣе не учителю, а губителю и недоброжелателю. Вотъ почему и Господь, бесѣдовавшій въ большинствѣ съ учениками съ кротостію, въ нѣкоторыхъ случаяхъ употребляетъ строгость въ словѣ, и иногда ублажаетъ ихъ, а иногда порицаетъ. Такъ, сказавъ Петру: *блаженъ еси, Симоне, варъ Іона*, и обѣщавъ на исповѣданіи его положить основаніе Церкви (Матѳ. XVI, 17), спустя немного послѣ этихъ словъ говоритъ: *иди за Мною, сатано, соблазнъ ми еси* (ст. 23); а въ другомъ мѣстѣ снова говоритъ: *единаче ли и вы безъ разума есте* (Матѳ. XV, 16)? И наконецъ внушилъ имъ такой страхъ, какъ замѣчаетъ Іоаннъ, что увидѣвши Его бесѣдующимъ съ женою самарянкою, они напомнили Ему только относительно 612

пищи, но ни одинъ не осмѣлился сказать: о чемъ Ты говоришь, или: чего требуешь отъ нея (Іоан. IV, 27)? Зная это, и Павелъ, слѣдуя по стопамъ Учителя, также разнообразилъ свое слово, соотвѣтственно нуждѣ наставляемыхъ, въ однихъ случаяхъ примѣняя какъ бы прижиганіе и отсѣченіе, а въ другихъ—прилагая какъ бы смягчающія лѣкарства. Такъ кориноянамъ онъ говоритъ: *что хощете, съ палицею ли пріиду къ вамъ, или съ любовію и духомъ кротости* (1 Кор. IV, 21)? а галатамъ сказалъ: *о несмысленніи Галате* (Гал. III, 1)! и не одинъ только разъ, но и въ другой употребилъ тотъ же самый упрекъ (ст. 3). И въ концѣ (посланія) также упрекая ихъ сказалъ: *труды да никто же ми даетъ* (VI, 17). Но съ другой стороны онъ и утѣшаетъ ихъ, когда, напримѣръ, говоритъ: *чадца моя, ими же паки болѣзную* (IV, 19), и многое другое подобное этому. А что дѣйствительно посланіе исполнено гнѣва, это каждому станетъ ясно и послѣ бѣглаго прочтенія его.

Но необходимо сказать, что раздражило его противъ учениковъ: безъ сомнѣнія, это было не маловажное что-нибудь и нестоющее вниманія, потому что въ такомъ случаѣ онъ не сдѣлалъ бы имъ столь сильнаго упрека. Вѣдь раздражаться по поводу незначительныхъ случаевъ свойственно людямъ малодушнымъ, жестокимъ и удрученнымъ горемъ; равно какъ проявлять равнодушіе въ дѣлахъ важныхъ—свойственно лѣнивымъ и сонливымъ. Но Павелъ былъ не таковъ. Итакъ, что же это былъ за
613 проступокъ, возмутившій его? Великій и весьма тяжкій, притомъ отчуждавшій всѣхъ ихъ отъ Христа, какъ онъ самъ говоритъ далѣе: *се азъ Павелъ глаголю вамъ, яко аще обрѣзаетеся, Христосъ васъ ничтоже пользуетъ*; и опять: *иже закономъ оправдаетеся, отъ благодати отпадосте* (V, 2, 4). Итакъ, что же это значитъ? Это требуетъ болѣе подробнаго разъясненія. Нѣкоторые изъ увѣровавшихъ іудеевъ, находившіеся еще подъ вліяніемъ воззрѣній іудейства, а вмѣстѣ надменные честолюбіемъ, желая присвоить себѣ достоинство учителей, явившись къ галатамъ, стали учить, что необходимо обрѣзываться, соблюдать субботы и новомѣсячія, и не принимать Павла, который отвергалъ все это. Вѣдь Петръ, Іаковъ и Іоаннъ,—говорили они,—эти первоверховные апостолы, бывшіе со Христомъ, не запрещали этого. И дѣйствительно они не запрещали; но поступали такъ не потому, чтобы признавали необходимость всего этого, а лишь по снисхожденію къ слабости увѣровавшихъ изъ іудеевъ. Павелъ же, проповѣдывавшій среди язычниковъ, не находилъ нужды въ подобномъ снисхожденіи, между тѣмъ какъ, когда находился въ Іудеѣ, онъ и самъ дѣлалъ такое снисхожденіе. Но лжеучители, не указывая при-

чинъ, по которымъ какъ онъ, такъ и тѣ (апостолы) допускали такое снисхожденіе, обольщали людей болѣе простыхъ, говоря, что не должно слушать Павла, такъ какъ онъ явился только вчера или сегодня, тогда какъ Петръ и сущіе съ нимъ суть первѣйшіе изъ апостоловъ; притомъ, онъ—ученикъ апостоловъ, а тѣ—ученики Христовы; онъ одинъ, а тѣхъ много и они—столпы Церкви. Они кромѣ того обвиняли (Павла) и въ лицемѣріи, говоря, что и самъ онъ, отвергая обрѣзаніе, въ другихъ случаяхъ несомнѣнно исполняетъ іудейскіе обряды и что онъ иначе проповѣдуетъ имъ и иначе другимъ. Вотъ почему, увидавъ, что весь народъ воспламенился и въ Церкви галатійской возгорѣлся опасный пожаръ, что зданіе ея колеблется и угрожаетъ паденіемъ, (апостолъ), объятый справедливымъ гнѣвомъ, а также и скорбію (онъ вѣдь объявилъ и это, сказавъ: *хотѣлъ быхъ пріити къ вамъ нынѣ, и измѣнити гласъ мой* [Гал. IV, 20]),—пишетъ посланіе, отвѣчая на всѣ обвиненія. И прежде всего въ самомъ началѣ онъ возражаетъ на то, что говорили унижавшіе его достоинство, а именно, что прочіе апостолы были учениками Христа, а онъ—ученикъ апостоловъ. Вотъ почему онъ и началъ посланіе такъ: *Павелъ апостолъ, ни отъ человѣкъ, ни человѣкомъ* (ст. 1). Какъ я сказалъ выше, тѣ лжеучители утверждали, что Павелъ—послѣдній изъ всѣхъ апостоловъ и что онъ отъ нихъ уже научился вѣрѣ. Петръ же, Іаковъ и Іоаннъ и призваны были прежде, и занимаютъ первое мѣсто между учениками, и догматы вѣры приняли отъ самого Христа, а потому и вѣрить слѣдуетъ болѣе имъ, чѣмъ первому. Названные же апостолы не воспрещаютъ ни обрѣзываться, ни соблюдать законъ (Моисеевъ).

2. Говоря это и подобное этому и тѣмъ унижая Павла и возвышая достоинство тѣхъ (апостоловъ), впрочемъ не съ цѣлію прославленія ихъ, а для того, чтобы обольстить галатянъ, они несвоевременно уже внушали имъ соблюдать законъ. Итакъ (апостолъ) вполнѣ справедливо началъ (посланіе) подобнымъ образомъ. Въ самомъ дѣлѣ, такъ какъ они унижали ученіе его, го- 614
воря, что оно отъ человѣкъ, тогда какъ ученіе Петра отъ Христа, то (апостолъ) въ самомъ началѣ тотчасъ же и опровергаетъ это, говоря, что онъ апостолъ (избранный) „не человѣками и не чрезъ человѣковъ“. Правда, его крестилъ Ананія (Дѣян. IX, 17), но не онъ вывелъ его изъ заблужденія и привелъ къ вѣрѣ, а самъ Христосъ воззвалъ къ нему свыше тѣмъ чудеснымъ гласомъ и такимъ образомъ уловилъ его. Петра и брата его, а равно и Іоанна съ братомъ послѣдняго Господь призвалъ, ходя при морѣ, Павла же — послѣ вознесенія на небеса. И подобно тому, какъ тѣ не имѣли нужды во вторичномъ призваніи, но оставивши

сѣти и все прочее, тотчасъ послѣдовали за Нимъ, — точно такъ же и этотъ отъ перваго призванія возшелъ на самый верхъ совершенства, и тотчасъ принявъ крещеніе и вступивъ въ непримиримую борьбу съ іудеями, тѣмъ самымъ много превзошелъ еще и апостоловъ: *паче ихъ*, говоритъ онъ, *потрудихся* (1 Кор. xv, 10). Но въ настоящемъ случаѣ онъ не касается этого, а лишь довольствуется указаніемъ на свое равенство (съ другими апостолами). Вѣдь для него здѣсь важно было не то, чтобы показать свое превосходство предъ ними, но уничтожить причину соблазна.

Итакъ слова: *не отъ человѣкъ* относились ко всѣмъ (проповѣдникамъ), — такъ какъ проповѣдь евангельская имѣетъ начало и основаніе свое свыше, — слова же: *ни человѣкомъ* относились исключительно къ апостоламъ, такъ какъ Христосъ призвалъ ихъ не чрезъ людей, но непосредственно самъ. Но почему онъ не упомянулъ о призваніи и не сказалъ: Павелъ званный не человѣками, но упоминаетъ объ апостольствѣ? Потому, что въ этомъ заключалось все дѣло. Вѣдь (обольстители) говорили, что право ученія передано ему отъ людей - апостоловъ и что потому онъ долженъ слѣдовать имъ. Но что это право получено имъ не отъ людей, — это засвидѣтельствовалъ Лука, сказавши: *служащимъ же имъ и постящимся Господеви, рече Духъ Святый: отдѣлите Ми* Павла и Варнаву (Дѣян. xiii, 2). Отсюда ясно, что власть Сына и Духа Святаго — одна и та же. Въ самомъ дѣлѣ, будучи посланъ Духомъ Святымъ, (апостолъ) говоритъ, однако, что онъ посланъ Христомъ. Это показываетъ онъ и въ другомъ мѣстѣ, приписывая Духу (Святому) то, что приличествуетъ Богу. Такъ въ бесѣдѣ съ милетскими пресвитерами онъ говоритъ: *внимайте себѣ и стаду, въ немже васъ Духъ Святый постави* пастырями и блюстителями (Дѣян. xx, 28), хотя въ одномъ изъ другихъ посланій говоритъ: *овыхъ убо положи Богъ въ Церкви первѣе апостоловъ, второе пророковъ*, далѣе, пастырей и учителей (1 Кор. xii, 28). Такимъ образомъ онъ безразлично пользуется словами, усвояя Духу то, что принадлежитъ Богу, и наоборотъ — свойственное Духу приписывая Богу. Но онъ и другимъ еще образомъ заграждаетъ уста еретиковъ, когда говоритъ: *Іисусомъ Христомъ и Богомъ Отцемъ*. Такъ какъ говорятъ, что подобное выраженіе употреблено по отношенію къ Сыну, какъ имѣющее меньшую важность, то посмотри, что онъ дѣлаетъ: онъ поставляетъ его предъ названіемъ Отца, научая насъ этимъ не полагать законовъ для непостижимаго естества и не опредѣлять мѣры божественности между Сыномъ
615 и Отцомъ, такъ какъ сказавъ: *Іисусомъ Христомъ*, онъ присоединилъ: *и Богомъ Отцемъ*. Вѣдь еслибы онъ, упомянувъ отдѣльно

только объ Отцѣ, употребилъ это выраженіе—„чрезъ Котораго", то можетъ быть они прибѣгли бы и къ уловкѣ, сказавъ, что выраженіе „чрезъ Котораго" приличествуетъ Отцу, такъ какъ дѣйствія Сына относятся къ Нему; теперь же, упомянувъ вмѣстѣ о Сынѣ и объ Отцѣ и употребивъ по отношенію къ Нимъ одинаковое выраженіе, онъ совершенно уже не оставляетъ мѣста для подобнаго измышленія,—такъ какъ онъ дѣлаетъ это не для того, чтобы приписать принадлежащее Сыну—Отцу, но съ цѣлію показать, что это выраженіе не допускаетъ никакого различія въ Ихъ существѣ. Что же теперь скажутъ и тѣ, которые измышляютъ какое-то уменьшеніе (божескихъ ипостасей) въ крещеніи на томъ основаніи, что крещеніе совершается во имя Отца и Сына и Святаго Духа? Вѣдь если Сынъ по своему достоинству ниже Отца только потому, что Онъ поставляется послѣ Отца, то что они скажутъ теперь, послѣ того какъ апостолъ начавши со Христа потомъ уже переходитъ къ Отцу? Но мы не будемъ говорить ничего богохульнаго. Вступая въ состязаніе съ ними, мы не должны отступать отъ истины, но если бы даже они тысячу разъ безумствовали, намъ и въ такомъ случаѣ необходимо держаться въ предѣлахъ благочестія. Вотъ почему какъ здѣсь, только на основаніи того, что (апостолъ) упомянулъ о Христѣ прежде, мы не назовемъ Сына большимъ Отца,—вѣдь это было бы верхомъ безумія и всякаго нечестія,—такъ и тамъ, (въ заповѣди о крещеніи), на основаніи того, что Сынъ поставленъ послѣ Отца, мы не должны считать Сына меньшимъ Отца. *Воскресившимъ Его изъ мертвыхъ.* Что ты дѣлаешь, Павелъ? Желая привести къ вѣрѣ іудействующихъ, ты не выставляешь на видъ ни одного изъ великихъ и блистательныхъ свойствъ Его, подобно тому, какъ ты писалъ къ филиппійцамъ, говоря, что (Онъ) *во образѣ Божіи сый, не восхищеніемъ непщева быти равенъ Богу* (Филипп. II, 6); какъ затѣмъ въ посланіи къ евреямъ громогласно возвѣстилъ, что Онъ *есть сіяніе славы и образъ ипостаси Его* (Евр. I, 3); или какъ провозгласилъ о Немъ въ началѣ своего Евангелія сынъ грома: *въ началѣ бѣ Слово, и Слово бѣ къ Богу, и Богъ бѣ Слово* (Іоан. I, 1); или какъ, наконецъ, самъ Іисусъ часто объявлялъ іудеямъ, говоря, что Онъ обладаетъ равнымъ могуществомъ съ Отцемъ и имѣетъ ту же самую власть (Іоан. V, 17, 19 и слѣд.). Ты не говоришь ничего подобнаго, но оставивъ все это, упоминаешь о томъ, что совершилось надъ плотію Его, указывая на крестъ и смерть? Да, говоритъ онъ. Вѣдь еслибы рѣчь была обращена къ людямъ, не знающимъ ничего великаго о Христѣ, то было бы прилично сказать о Немъ это; но такъ какъ противъ насъ поднимаютъ мятежъ люди, которые думаютъ, что они подвергнутся

наказанію, если отступять отъ закона, то поэтому и упомянуто объ обстоятельствѣ, которымъ совершенно отмѣняется необходимость закона, т. е. о благодѣяніи, происшедшемъ для всѣхъ отъ креста и воскресенія. Если бы онъ сказалъ, что „въ началѣ было Слово", или—что Оно было во образѣ Божіи, и содѣлало Себя равнымъ Богу, и тому подобное, то этимъ онъ показалъ бы божественность Слова, но нисколько не помогъ бы въ настоящемъ дѣлѣ; сказавъ же — *воскресившимъ Его изъ мертвыхъ*, онъ этимъ самымъ напомнилъ о самомъ главномъ благодѣяніи, оказанномъ намъ, а это принесло ему немалую пользу въ данномъ случаѣ. Вѣдь большинство людей обыкновенно не столько внимательно слушаютъ слова, доказывающія величіе Божіе, сколько бесѣды, раскрывающія благодѣянія Его къ людямъ. Вотъ почему, отло-
616 живъ бесѣду о первомъ, онъ и говоритъ объ оказанномъ намъ благодѣяніи.

3. Но еретики возражаютъ, говоря: смотри, Отецъ воскрешаетъ Сына! Такъ какъ они однажды заразились болѣзнію еретичества, то становятся притворно глухими къ тому, что касается высоты догматовъ, а выбираютъ только относящееся къ состоянію уничиженія (Христа), сказанное во вниманіе или къ человѣчеству Его, или къ чести Отца, или по какому другому устроенію (Божію), и разсматривая подобныя мѣста въ отдѣльности, причиняютъ вредъ сами себѣ (не скажу — Писанію). Я охотно спросилъ бы у нихъ: для чего они говорятъ это? Неужели для того, чтобы представить Сына слабымъ и не имѣющимъ силы для воскрешенія даже тѣла? Но одна вѣра въ Него производила то, что и тѣнь вѣровавшихъ въ Него воскрешала мертвыхъ (Дѣян. v, 15). Итакъ, люди вѣрующіе въ Него, будучи сами смертными, одною тѣнью своихъ перстныхъ тѣлъ и одеждами своими, облекавшими эти тѣла, воскрешали мертвыхъ,—а Онъ не могъ воскресить самого Себя? Не явное ли это сумасшествіе и высшая степень безумія? Ты не слышалъ, что говоритъ Онъ: *разорите церковь сію, и треми денми воздвигну ю* (Іоан. II, 19), и еще: *область имамъ положити* душу Мою, *и область имамъ паки пріяти ю* (Іоан. x, 18)? Итакъ, почему же говорится, что Отецъ воскресилъ Его? Потому же, почему и многое другое, что творитъ (Сынъ), приписывается (Отцу). Это сказано въ честь Отца и ради немощи слушателей. *И иже со мною вся братія*. Почему нигдѣ въ другихъ посланіяхъ онъ не прибавляетъ этого? Тамъ онъ или полагаетъ одно только свое имя, или называетъ по имени еще двоихъ или троихъ, здѣсь же назвалъ все множество, а потому и не упомянулъ ни о комъ по имени. Для чего же онъ дѣлаетъ это? Его упрекали за то, что онъ только одинъ проповѣдуетъ

такъ и вводитъ новое ученіе въ догматы вѣры. Желая поэтому уничтожить такое подозрѣніе и показать, что онъ имѣетъ многихъ единомышленниковъ, онъ присоединилъ братію, давая тѣмъ понять, что то, что онъ пишетъ, онъ пишетъ согласно съ ихъ мнѣніемъ. *Церквамъ Галатійскимъ*. Вѣдь пламя заблужденія объяло не одинъ городъ, не два и три, но весь народъ галатійскій. Обрати вниманіе и здѣсь на великое негодованіе (апостола). Онъ не сказалъ: „возлюбленнымъ“, не сказалъ также: „святымъ“, но—*Церквамъ Галатійскимъ*. Это было признакомъ сильно скорбящаго и обнаруживающаго печаль свою—что не привѣтствовалъ ихъ ни именемъ любви, ни именемъ чести, но именемъ только ихъ общества, и что не прибавилъ даже: „церквамъ Божіимъ“, но просто сказалъ—*Церквамъ Галатійскимъ*. Вмѣстѣ же съ тѣмъ онъ спѣшитъ въ самомъ началѣ привести къ единству ихъ раздѣленіе, а потому и прибавилъ имя Церкви, желая этимъ пристыдить ихъ и собрать во едино. Въ самомъ дѣлѣ, будучи раздѣлены на многія части, они и не могли называться этимъ именемъ, такъ какъ имя Церкви есть имя согласія и единодушія. *Благодать вамъ и миръ отъ Бога Отца и Господа Іисуса Христа*. Онъ полагаетъ необходимымъ вездѣ употреблять это (привѣтствіе), въ особенности же теперь, посылая посланіе къ галатамъ. Такъ какъ они находились въ опасности отпасть отъ 617
благодати, то онъ и желаетъ имъ снова утвердиться въ ней. Они сдѣлались противниками Богу, а потому онъ и проситъ Бога, чтобы Онъ привелъ ихъ къ прежнему миру съ Собою.

Бога Отца. И этими словами снова легко побѣждаются еретики. Они утверждаютъ, что Іоаннъ, говоря въ началѣ своего Евангелія: *и Богъ бѣ Слово*, употребилъ слово Богъ безъ члена (καὶ Θεὸς ἦν ὁ Λόγος) потому, что желалъ представить божество Сына меньшимъ (божества Отца); и что опять, когда Павелъ говоритъ, что „Сынъ былъ образомъ Бога“ (Филип. II, 6), говоритъ это не объ Отцѣ, потому что это слово (Θεοῦ) и здѣсь поставлено безъ члена: что же они скажутъ теперь, когда Павелъ говоритъ не ἀπὸ τοῦ Θεοῦ—отъ Бога (употребляя это слово съ приставкой члена τοῦ), но ἀπὸ Θεοῦ Πατρός—отъ Бога Отца (безъ прибавленія члена)? Бога же называетъ онъ здѣсь Отцомъ не льстя имъ, но напротивъ сильно упрекая ихъ этимъ и приводя на память причину, по которой они сдѣлались сынами. Вѣдь не чрезъ законъ, но банею пакибытія они удостоились такой чести. Вотъ почему онъ вездѣ и въ началѣ посланій своихъ многократно дѣлаетъ указанія на проявленія благости Божіей, говоря почти такъ: рабы, враги и отверженные, какъ это вы (будучи таковыми) вдругъ называете Бога Отцомъ? Развѣ законъ даровалъ вамъ это высо-

кое родство? Зачѣмъ же въ такомъ случаѣ вы, оставивъ Того, Кто такъ приблизилъ васъ къ Себѣ, снова обращаетесь къ пѣстуну? И не только имя Отца, но и наименованія, примѣняемыя по отношенію къ Сыну, достаточны для того, чтобы показать имъ эту благость. Вѣдь и самое наименованіе „Господь Іисусъ Христосъ“, будучи со вниманіемъ разсмотрѣно, всецѣло обнаруживаетъ эту благость. Потому, сказано, и наречется имя Ему Іисусъ, что *Той спасетъ люди своя отъ грѣхъ ихъ* (Мѳ. I, 21); названіе же Христосъ приводитъ на память помазаніе Духомъ. *Давшаго Себе по грѣсѣхъ нашихъ* (ст. 4).

4. Смотри, Онъ не рабское и не принужденное понесъ служеніе и никто не предавалъ Его, но Онъ самъ предалъ Себя, а потому, когда услышишь Іоанна, говорящаго, что Отецъ отдалъ Сына Своего Единороднаго за насъ (Іоан. III, 16), то не умаляй на этомъ основаніи достоинства Единороднаго и не подумай о Немъ чего-нибудь человѣческаго. Хотя и говорится, что Отецъ предалъ Его, но не для того, чтобы ты считалъ служеніе (Сына) рабскимъ, а для того, чтобы ты узналъ, что это служеніе было угодно и Отцу. Это именно и здѣсь показалъ Павелъ, сказавъ: *по воли Бога и Отца нашего*—не по повелѣнію, но — *по воли*. Въ самомъ дѣлѣ, такъ какъ воля у Отца и Сына—одна, то чего желалъ Сынъ, того же желалъ и Отецъ. *По грѣсѣхъ нашихъ*. Мы погрязли, говоритъ онъ, въ безчисленныхъ беззаконіяхъ и достойны были жесточайшаго наказанія. Законъ же не только не избавлялъ насъ, но еще и осудилъ, сдѣлавъ болѣе явными наши согрѣшенія и будучи не въ состояніи освободить насъ и утишить гнѣвъ Божій; а Сынъ Божій сдѣлалъ возможнымъ и это невозможное, разрѣшивъ и наши грѣхи, и поставивъ насъ, бывшихъ враговъ, въ разрядъ друзей, и даровавъ намъ другія безчисленныя блага. Потомъ говоритъ: *яко да избавитъ насъ отъ настоящаго вѣка лукаваго*. Опять другіе еретики пользуются этимъ
618 выраженіемъ, чтобы оклеветать настоящую жизнь и привести (въ доказательство этого) свидѣтельство Павла. Вотъ, говорятъ они, Павелъ называетъ настоящій вѣкъ лукавымъ. Но скажи мнѣ, что такое вѣкъ? Время, состоящее изъ дней и часовъ. Итакъ что же? Неужели продолженіе дней и теченіе солнца лукавы? Но никто никогда не скажетъ этого, хотя бы онъ дошелъ до крайняго безумія. Ты скажешь, что (апостолъ) назвалъ лукавымъ не время, а настоящую жизнь? Но эти слова означаютъ не то, и ты основываешься не на словахъ Павла, сплетая обвиненіе на настоящую жизнь, а произвольно составляешь свое толкованіе. Позволь же въ такомъ случаѣ и намъ истолковать сказанное (апостоломъ), тѣмъ болѣе, что наше толкованіе и благочестиво,

и имѣетъ основаніе. Итакъ, что же мы скажемъ? То, что никакое зло никогда не можетъ быть причиною добра, а настоящая жизнь служитъ причиною безчисленныхъ вѣнцовъ и величайшихъ наградъ. Вотъ почему и самъ блаженный Павелъ безмѣрно восхваляетъ эту жизнь, говоря такъ: *аще же, еже жити ми тѣломъ, сіе мнѣ плодъ дѣла, и что изволю, не вѣмъ* (Филип. I, 22). И предоставляя себѣ выборъ—жить ли здѣсь, или разрѣшиться и быть со Христомъ, онъ предпочитаетъ пребываніе здѣсь. А если бы настоящая жизнь была зломъ, онъ не сказалъ бы этого о себѣ, и никто другой не могъ бы воспользоваться ею для добродѣтели, хотя бы и прилагалъ къ тому величайшее стараніе. Вѣдь никто никогда не можетъ воспользоваться зломъ для достиженія добра, ни блудомъ для цѣломудрія, ни завистью для благожелательства. И когда Павелъ говоритъ о плотскихъ помышленіяхъ, что они не покоряются закону Божію, да и не могутъ (Римл. VIII, 7), онъ говоритъ тѣмъ самымъ, что порокъ, оставаясь порокомъ, не можетъ быть добродѣтелью. Поэтому, когда ты услышишь о лукавомъ вѣкѣ, то разумѣй подъ этимъ лукавыя дѣла, развращенную волю. И Христосъ пришелъ не для того, чтобы умертвить насъ и такимъ образомъ вывести изъ настоящей жизни, но для того, чтобы, оставивъ насъ въ мірѣ, сдѣлать насъ достойными жизни небесной. Вотъ почему и въ бесѣдѣ Своей съ Отцомъ Онъ говорилъ: *и сіи въ мірѣ суть, и Азъ къ Тебѣ гряду*. И еще: *не молю, да возмеши ихъ отъ міра, но да соблюдеши ихъ отъ непріязни*, т. е. отъ порока (Іоан. XVII, 11, 15). Если же ты не принимаешь этого объясненія, но продолжаешь утверждать, что настоящая жизнь есть зло, то не осуждай и самоубійцъ. Въ самомъ дѣлѣ, подобно тому какъ человѣкъ, освобождающій себя отъ порока, заслуживаетъ не порицаній, а наградъ, точно такъ же, по вашему мнѣнію, и прекращающій свою жизнь насильственной смертію, чрезъ удавленіе или инымъ какимъ-либо способомъ, не будетъ достоинъ осужденія. Но въ дѣйствительности и Богъ подвергаетъ такихъ большему наказанію, чѣмъ человѣкоубійцъ, да и всѣ мы съ ужасомъ отвращаемся отъ нихъ, и это вполнѣ справедливо, потому что если преступно убивать другихъ, то тѣмъ болѣе самого себя. Если же настоящая жизнь есть зло, то человѣкоубійцъ надобно награждать за то, что они избавляютъ насъ отъ зла. Кромѣ того, говорящіе это опровергаютъ и самихъ себя. Въ самомъ дѣлѣ, признавая солнце, а вмѣстѣ съ нимъ и луну, божествомъ и покланяясь имъ, какъ виновникамъ многихъ благъ, они противорѣчатъ сами себѣ. Вѣдь они (солнце и луна), а равно и другія звѣзды совершенно без- 619
полезны для чего-нибудь другого, а приносятъ пользу намъ для

настоящей, лукавой, какъ утверждаютъ они, жизни, питая и освѣщая тѣла и содѣйствуя созрѣванію плодовъ. Какимъ же образомъ эти, по вашему мнѣнію, боги содѣйствуютъ такому устроенію лукавой жизни? Но ни звѣзды—не боги, ни въ коемъ случаѣ, а дѣла Божіи, сотворенныя для нашей пользы, ни самый міръ не является злымъ. Если же ты укажешь мнѣ на человѣкоубійцъ, прелюбодѣевъ и грабителей могилъ, то все это нисколько не говоритъ противъ настоящей жизни, потому что грѣхи эти зависятъ не отъ жизни нашей во плоти, но отъ развращенной воли. Если бы они зависѣли отъ настоящей жизни и были какъ бы необходимо связаны съ нею, то никто не былъ бы свободнымъ и чистымъ отъ нихъ. Смотри, вѣдь никто не въ состояніи избѣжать необходимыхъ нуждъ плотской жизни. Какія же это нужды? Ѣсть, пить, спать, расти, алкать, жаждать, рождаться, умирать и всѣ другія подобнаго рода. И отъ этихъ нуждъ никто не можетъ избавиться, ни грѣшникъ, ни праведникъ, ни царь, ни простолюдинъ, но всѣ мы подлежимъ этой необходимости природы. Точно такъ же, еслибы и дѣланіе зла являлось по самой природѣ неизбѣжною участію жизни, то никто не избѣжалъ бы этого, подобно тому какъ невозможно избѣжать и тѣхъ естественныхъ нуждъ. Не говори мнѣ, что рѣдкіе ведутъ добродѣтельную жизнь. Такого, кто побѣдилъ бы необходимыя естественныя потребности, совсѣмъ не найдешь. Поэтому до тѣхъ поръ, пока найдется хоть одинъ, преуспѣвающій въ добродѣтели, истина нашего слова останется непреложной. Что ты говоришь, несчастный и жалкій, неужели лукава настоящая жизнь, въ которой мы познали Бога, любомудрствуемъ о будущемъ, содѣлались изъ людей ангелами и составляемъ одинъ сонмъ съ горними силами? Какое же еще другое найдемъ мы доказательство противъ вашего злого и развращеннаго разума?

5. Почему же, говоришь ты, Павелъ назвалъ настоящій вѣкъ лукавымъ? Онъ сказалъ такъ по обычному употребленію этого слова. Такъ и мы обыкновенно говоримъ: сегодня былъ для меня плохой день, обвиняя этимъ не время, но дѣла и обстоятельства. Точно также и Павелъ, осуждая злыя влеченія сердца, употребилъ общепринятое выраженіе, и показываетъ, что Христосъ освободилъ насъ и отъ прежнихъ грѣховъ и поставилъ насъ въ безопасность отъ нихъ на будущее время. Сказавъ: *давшаго Себе по грѣсѣхъ нашихъ*, Онъ показалъ первое, прибавленіемъ же словъ: *яко да избавитъ насъ отъ настоящаго вѣка лукаваго,* онъ указалъ безопасное пристанище и на будущее время. Законъ былъ безсиленъ для (освобожденія и отъ) одинхъ изъ названныхъ грѣховъ, а благодать имѣла силу для (очищенія) тѣхъ и другихъ.

По воли Бога и Отца нашего. Такъ какъ они думали, что они оказываютъ неповиновеніе Богу, какъ давшему законъ, и боялись, оставивши древній законъ, послѣдовать новому, то (апостолъ) исправляетъ и это предубѣжденіе ихъ, говоря, что это угодно и Отцу. И онъ сказалъ не просто—Отца, но—*Отца нашего*, да и часто дѣлаетъ такое прибавленіе, для того, чтобы постыдить ихъ указаніемъ на то, что Своего Отца Христосъ сдѣлалъ и нашимъ Отцомъ. *Ему же слава во вѣки. Аминь* (ст. 5). И это нѣчто новое и необычайное. Слóва—аминь мы не встрѣчаемъ 620
нигдѣ въ началѣ и въ предисловіи посланій, а обыкновенно оно поставляется уже послѣ многихъ (разсужденій). Здѣсь же, желая показать, что и сказанное заключаетъ въ себѣ достаточное обличеніе галатовъ и что рѣчь его совершенно закончена, онъ поставилъ это (слово) въ началѣ посланія. Очевидные проступки не требуютъ продолжительныхъ приготовленій (для обличенія). Поэтому, вспомянувъ о крестѣ и воскресеніи, объ искупленіи грѣховъ, о безопасности отъ нихъ на будущее время, о волѣ Отца и согласіи Сына, о благодати, мирѣ и о всяческихъ дарахъ Божіихъ, онъ заключилъ рѣчь свою славословіемъ. И не поэтому только онъ поступилъ такъ, но также отъ чрезмѣрнаго изумленія предъ величіемъ дара и преизбыткомъ благодати, и отъ представленія того, каковыми мы были и чѣмъ содѣлалъ насъ Богъ сверхъ нашего чаянія и въ самое короткое время. Не будучи въ состояніи выразить этого словомъ, онъ и заключилъ рѣчь свою славословіемъ, возсылая за всю вселенную хвалу Богу,—не такую, которая была бы достойна Его, но которая была возможна для него. Вотъ почему послѣ этого онъ еще съ большею силою продолжаетъ рѣчь свою, воспламенившись, какъ бы отъ сильнаго пламени, отъ представленія благодѣяній Божіихъ. Сказавъ: *Ему же слава во вѣки. Аминь*, онъ начинаетъ затѣмъ еще сильнѣе свое обличеніе, слѣдующими словами: *чуждуся, яко тако скоро прелагаетеся отъ звавшаго вы благодатію Христовою, во ино благовѣствованіе* (ст. 6). Такъ какъ они соблюденіемъ закона думали угодить Отцу, подобно тому какъ и іудеи преслѣдованіемъ Христа, то онъ прежде всего показываетъ, что, поступая такимъ образомъ, они оскорбляютъ не только Христа, но и Отца. Дѣлая это, говоритъ онъ, вы отлагаетесь не только отъ Христа, но и отъ Отца, потому что какъ ветхій завѣтъ принадлежитъ не только Отцу, но и Сыну, точно такъ же и благодать есть даръ не только Сына, но и Отца, и все у Нихъ общее: все, что принадлежитъ Отцу, есть Мое (Іоан. XVI, 15). Показавъ такимъ образомъ, что они отступаютъ и отъ Отца, онъ возлагаетъ на нихъ двѣ вины: отступленіе и весьма

скорое отступленіе. Конечно, они были бы достойны обвиненія и въ томъ случаѣ, если бы отпали спустя много времени, но здѣсь рѣчь идетъ объ обольщеніи. Вѣдь достоинъ обвиненія и тотъ, кто отступаетъ спустя долгое время, падающій же при первомъ нападеніи и еще отъ издали пускаемыхъ стрѣлъ показываетъ собою примѣръ крайней слабости. Въ этомъ обвиняетъ (апостолъ) и галатовъ, какъ бы говоря: что такое значитъ, что обольщающіе васъ не имѣютъ нужды даже и во времени, но и одного перваго приступа довольно для нихъ, чтобы покорить всѣхъ васъ и плѣнить? Какое же вы можете имѣть извиненіе? Если и по отношенію къ друзьямъ подобный поступокъ является виною, и оставившій прежнихъ и полезныхъ друзей своихъ достоинъ осужденія, то подумай, какому наказанію подлежитъ тотъ, кто оставилъ Бога, призвавшаго его? Когда же онъ говоритъ: *чуждуся*, то этимъ словомъ не упрекаетъ ихъ только за то, что они, послѣ столь обильныхъ дарованій, послѣ столь великаго прощенія грѣховъ и столь великаго человѣколюбія Божія, добровольно предались игу рабства, но вмѣстѣ и показываетъ, какое имѣетъ онъ
621 о нихъ мнѣніе, т. е. высокое и отличное. Въ самомъ дѣлѣ, онъ не дивился бы случившемуся, если бы считалъ ихъ слабыми и легко обольщаемыми, но такъ какъ, говоритъ онъ, вы были изъ числа искренно увѣровавшихъ и много потрудившихся, то поэтому я и удивляюсь. Этого довольно было для ихъ обращенія и приведенія въ прежнее состояніе. Это же изъяснилъ онъ и въ серединѣ посланія, сказавъ: *толика пострадасте туне, аще точію и туне* (III, 4). *Прелагаетеся*. Не сказалъ—преложились, но—*прелагаетеся*, т. е. я не вѣрю еще, и не думаю, чтобы это обольщеніе имѣло совершенный успѣхъ,—чѣмъ опять показываетъ надежду обратить ихъ. Это же онъ яснѣе выразилъ и впослѣдствіи, сказавъ: *азъ надѣюся о васъ, яко ничтоже ино разумѣти будете* (V, 10). *Отъ звавшаго вы благодатію Христовою*. Призываніе, конечно, есть дѣло Отца, причиною же призыванія является Сынъ, такъ какъ Онъ примирилъ насъ и далъ даръ благодати,—вѣдь не отъ дѣлъ праведныхъ мы получили спасеніе. Лучше же сказать—принадлежащее Сыну принадлежитъ и Отцу, и принадлежащее Отцу принадлежитъ и Сыну: *Моя*, говоритъ Онъ, *Твоя, и Твоя Моя* (Іоан. XVII, 10). И не сказалъ: вы прелагаетесь отъ благовѣствованія, но—*отъ звавшаго вы*, т. е. Бога. Онъ употребилъ выраженіе, которое было болѣе грозно для нихъ и скорѣе могло поразить ихъ страхомъ. Люди, хотѣвшіе обольстить галатовъ, дѣлали это не сразу, но, измѣняя мало-по-малу сущность проповѣданныхъ имъ истинъ, не измѣняли ихъ наименованій. Такого же рода и обольщенія діавола, и онъ незамѣтно разставляетъ свои сѣти. Если бы они

стали говорить: отрекитесь отъ Христа, то галаты остерегались бы ихъ какъ обманщиковъ и развратителей, теперь же, оставивъ ихъ до времени въ вѣрѣ и прикрывъ свой обманъ наименованіемъ благовѣствованія, они съ большею смѣлостію подкапывали зданіе, прикрывая, подобно подкапывающимъ стѣны, какъ бы нѣкоторою завѣсою, этими именами проповѣдуемое ученіе.

6. Итакъ, въ виду того, что они называли свое ложное ученіе благовѣствованіемъ, (апостолъ) весьма кстати вступается и за самое наименованіе и дѣйствуетъ прямо, говоря: *во ино благовѣствованіе, еже нѣсть ино* (ст. 7). Прекрасно (сказано), потому что оно дѣйствительно не иное. Но подобно тому, какъ это случается съ больными, которые терпятъ вредъ и отъ здоровой пищи, такъ и маркіониты потерпѣли здѣсь то же самое. Они воспользовались этими словами и говорили: вотъ и Павелъ сказалъ, что нѣтъ другого благовѣствованія,—такъ какъ они принимаютъ не всѣхъ евангелистовъ, но только одного, и притомъ многое отсѣкши и измѣнивши въ немъ по произволу. Что же въ такомъ случаѣ значатъ сказанныя тѣмъ же апостоломъ слова: *по благовѣствованію моему и проповѣданію Іисусъ Христову* (Римл. XIV, 24)? Итакъ, слова ихъ заслуживаютъ великаго посмѣянія; но хотя бы они были и смѣшны, однако необходимо обличить ихъ ложь ради тѣхъ, которые легко соблазняются. Что же мы скажемъ? То, что хотя бы и весьма многіе писали евангелія, но если они будутъ писать одно и то же, въ такомъ случаѣ и многія евангелія будутъ представлять одно, и множество пишущихъ нисколько не воспрепятствуетъ ему быть однимъ, подобно тому какъ и наоборотъ, хотя бы и одинъ кто писалъ, но сталъ бы говорить противное,—написанное имъ не будетъ однимъ. Въ самомъ дѣлѣ, 622
одно или не одно (евангеліе),—это опредѣляется не числомъ пишущихъ, но тождествомъ или разностію содержанія. Отсюда ясно, что и четыре евангелія представляютъ собою одно евангеліе. Вѣдь когда четверо говорятъ одно и то же, то это не будетъ разнымъ только благодаря различію лицъ, но является однимъ въ силу согласія написаннаго ими. И Павелъ говоритъ здѣсь не о числѣ проповѣдающихъ, но о несогласіи проповѣдуемаго. Поэтому, если по силѣ написаннаго и по правильности догматовъ евангеліе Матѳея представляетъ одно, а Луки—другое, то (маркіониты) справедливо приводятъ слова Павла; если же (эти евангелія представляютъ) совершенно одно и то же, то пусть перестанутъ они безумствовать, притворяясь незнающими того, что вполнѣ ясно и малымъ дѣтямъ. *Точію нѣцыи суть смущающіи вы, и хотящіи превратити благовѣствованіе Христово* (ст. 7). Это значитъ: до тѣхъ поръ, пока вы будете здравы умомъ и будете обра-

щать вниманіе лишь на правое, а не извращенное, измышляя то, чего нѣтъ, вы не признаете другого евангелія. Подобно тому какъ поврежденный глазъ видитъ одно вмѣсто другого, точно также и умъ, возмущенный приливомъ злыхъ помысловъ, обыкновенно подвергается точно такой же болѣзни. Вотъ почему и страдающіе сумасшествіемъ представляютъ одно вмѣсто другого. Но это безуміе опаснѣе того, такъ какъ причиняетъ вредъ въ познаніи не чувственныхъ предметовъ, но духовныхъ, производитъ разстройство не въ зрачкѣ плотскихъ глазъ, но въ очахъ ума. *И хотящіи превратити благовѣствованіе Христово.* Правда, они прибавили еще только одну или двѣ заповѣди, установивъ вновь заповѣдь объ обрѣзаніи и соблюденіи дней; но желая показать, что и незначительное нарушеніе закона разрушаетъ все, онъ и сказалъ, что ниспровергается евангеліе. Подобно тому какъ тотъ, кто хотя бы незначительно испортитъ въ царскихъ монетахъ печать, дѣлаетъ негодной всю монету, точно такъ же и тотъ, кто извратитъ и малѣйшій догматъ правой вѣры, все уже подвергаетъ разрушенію, постепенно переходя отъ одного поврежденія къ другому—худшему.

Итакъ, гдѣ осуждающіе насъ въ любопреніи за несогласіе съ еретиками? Гдѣ говорящіе, что нѣтъ никакого различія между нами и ими, но что существующій раздоръ происходитъ отъ любоначалія? Пусть они услышатъ, что говоритъ Павелъ, а именно, что ниспровергаютъ евангеліе и тѣ, которые привносятъ въ него вновь даже что-нибудь и маловажное. Они же вводятъ вновь не маловажное, потому что можетъ ли быть маловажнымъ, когда они называютъ Сына Божія твореніемъ? Развѣ ты не слышалъ, какъ и въ ветхомъ завѣтѣ нѣкто, собиравшій дрова въ субботу и тѣмъ нарушившій одну заповѣдь и притомъ не самую важную, подвергся жестокому наказанію (Числ. xv, 32—36), или о томъ, что Оза, хотѣвшій поддержать угрожавшій паденіемъ ковчегъ завѣта, тотчасъ умеръ, за то, что присвоилъ не соотвѣтствующее ему служеніе (2 Цар. vi, 6,7)? Итакъ, если нарушеніе субботы и прикосновеніе къ падающему ковчегу привели Бога въ такое негодованіе, что дерзнувшіе на то и другое не получили ни малѣйшаго помилованія, то извращающій страшные и неизречен-
623 ные догматы вѣры неужели получитъ оправданіе и помилованіе? Нѣтъ ему помилованія, нѣтъ никакого! Это-то самое и служитъ причиною всѣхъ золъ, именно—что мы не безпокоимся о малыхъ проступкахъ. Потому-то и возникли болѣе тяжкіе грѣхи, что малые остаются безъ надлежащаго исправленія. И подобно тому какъ въ отношеніи къ тѣламъ, пренебрегающіе врачеваніемъ ранъ производятъ этимъ горячки, гніеніе и смерть, точно такъ же

и по отношенію къ душамъ—не обращающіе вниманія на незначительныя погрѣшности впадають въ большія. Такой-то, говорятъ, погрѣшаетъ противъ поста, и тутъ нѣтъ ничего важнаго; другой твердъ въ православной вѣрѣ, но, лицемѣря въ угоду времени, не съ такимъ дерзновеніемъ исповѣдуетъ ее,—и это, говорятъ, не представляетъ очень большого зла; иной, будучи раздраженъ, грозилъ отступить отъ правой вѣры,—но и это будто бы не заслуживаетъ наказанія, такъ какъ онъ, говорятъ, согрѣшилъ въ гнѣвѣ и раздраженіи. И безчисленное множество подобнаго рода грѣховъ, какъ каждый можетъ видѣть, ежедневно вторгается въ Церковь. Поэтому мы и сдѣлались достойными посмѣянія въ въ глазахъ іудеевъ и эллиновъ, (видящихъ) какъ Церковь раздѣляется на безчисленныя части. Если бы тѣ, которые покушаются отступить отъ божественныхъ законовъ и сдѣлать въ нихъ какое-нибудь маловажное измѣненіе, подвергались соотвѣтственному порицанію, то не появилась бы настоящая зараза и не объяла бы Церкви столь великая буря. Итакъ, смотри, почему Павелъ называетъ обрѣзаніе ниспроверженіемъ евангелія.

7. А нынѣ многіе у насъ и постятся въ одинъ день съ іудеями, равнымъ образомъ и субботы соблюдають; мы же терпимъ это съ мужествомъ, или лучше съ униженіемъ. Да что я говорю объ іудейскихъ (обычаяхъ)? Даже нѣкоторые изъ насъ соблюдаютъ многіе языческіе обычаи, волхвованія, гаданія, предзнаменованія, наблюденіе дней, суевѣрныя примѣты при рожденіи и исполненныя всякаго нечестія письмена, которыя они къ несчастію возлагаютъ на головы только что родившихся дѣтей, научая ихъ съ первыхъ дней жизни презирать труды изъ-за добродѣтели и подчиняя участь ихъ обманчивому господству судьбы, управляющей ими. Но если и обрѣзывающимся не будетъ никакой пользы отъ Христа (Гал. v, 2), то можетъ ли вѣра сколько-нибудь послужить во спасеніе тѣмъ, которые вводятъ такое нечестіе? Правда, обрѣзаніе было установлено Богомъ, но въ виду того, что оно, будучи соблюдаемо не во время, вредило евангелію, Павелъ сдѣлалъ все, чтобы прекратить его. Неужели же послѣ того, какъ Павелъ приложилъ такое стараніе къ прекращенію іудейскихъ обычаевъ потому только, что соблюденіе ихъ было несвоевременно, мы не уничтожимъ обычаевъ языческихъ? Какое же мы будемъ имѣть оправданіе? Вотъ почему все у насъ теперь въ такомъ смятеніи и смѣшеніи, и наставляемые, преисполненные великой гордости, ниспровергли порядокъ, и все извратилось. Теперь если кто и немного ихъ укоритъ, они презираютъ своихъ начальниковъ, потому что мы плохо ихъ воспитывали. А между тѣмъ, если бы начальники и дѣйствительно были негодны и преисполнены без-

численныхъ пороковъ, то и въ такомъ случаѣ ученику было бы не позволительно оказывать имъ неповиновеніе. Въ самомъ дѣлѣ, если объ іудейскихъ учителяхъ сказано, что они, какъ сидѣвшіе на Моисеевомъ сѣдалищѣ, заслуживали того, чтобы ихъ слушали
624 наставляемые, хотя дѣла ихъ были настолько злы, что (Господь) приказывалъ ученикамъ не подражать имъ и не соревновать въ нихъ (Мѳ. xxııı, 2.3), то какого извиненія будутъ достойны тѣ, которые насмѣхаются и презираютъ предстоятелей Церкви, по благодати Божіей благочестиво живущихъ? Вѣдь если не позволительно осуждать другъ друга, то тѣмъ болѣе нельзя осуждать учителей. *Но аще и* азъ *или ангелъ съ небесе благовѣститъ вамъ* не то, что вы приняли, *анаѳема да будетъ* (ст. 8). Замѣчай благоразуміе апостола! Чтобы кто-нибудь не сказалъ, что онъ по тщеславію составляетъ свои собственные догматы, онъ подвергъ проклятію также и самого себя. А такъ какъ они опирались еще на достоинство Іакова и Іоанна, то въ виду этого онъ упомянулъ и объ ангелахъ: Чтобы ты не указалъ мнѣ, говоритъ онъ, на Іакова и Іоанна, (я и говорю): хотя бы даже кто изъ первыхъ ангеловъ съ неба сталъ повреждать проповѣдь евангельскую,—да будетъ анаѳема. И не напрасно онъ сказалъ—*съ небесе*, но съ тою цѣлію, чтобы ты, на основаніи того, что и священники называются ангелами (въ словахъ): *понеже устнѣ іерсовы сохранятъ разумъ, и закона взыщутъ отъ устъ его, яко ангелъ Господа Вседержителя есть* (Малах. ıı, 7),—не подумалъ, что здѣсь говорится объ этихъ ангелахъ, онъ прибавленіемъ слова—*небесе* указалъ на горнія силы. И не сказалъ: если будутъ проповѣдывать противное, или—ниспровергнутъ все, но—если бы и маловажное что стали благовѣствовать несогласно съ тѣмъ, что благовѣствовали мы, да будутъ анаѳема. *Якоже предрекохъ, и нынѣ паки глаголю* (ст. 9). Для того, чтобы ты не подумалъ, что предыдущія слова произнесены въ гнѣвѣ, или сказаны преувеличенно, или вырвались какъ-нибудь невольно, онъ снова повторяетъ ихъ. Вѣдь кто скажетъ что-нибудь будучи возбужденъ гнѣвомъ, тотъ скоро раскаивается въ своихъ словахъ; кто же въ другой разъ говоритъ то же самое, показываетъ тѣмъ, что онъ сказалъ такъ подумавши и что, прежде рѣшивъ въ умѣ своемъ, онъ произнесъ сказанное именно такъ (какъ рѣшилъ). Авраамъ, умоляемый (богатымъ), чтобы послалъ Лазаря, сказалъ: у нихъ есть Моисей и пророки; если не послушаютъ ихъ, то не послушаютъ и воскресшихъ изъ мертвыхъ (Лук. xvı, 29, 31). Христосъ, представляя Авраама говорящимъ это, желаетъ показать, что Онъ хочетъ, чтобы болѣе вѣрили Писанію, чѣмъ возстающимъ изъ мертвыхъ. А Павелъ (когда же я называю Павла, я разумѣю вмѣстѣ и Христа, потому что Онъ

самъ дѣйствовалъ въ душѣ его) предпочитаетъ (Писаніе) и ангеламъ, сходящимъ съ неба; и вполнѣ справедливо. Въ самомъ дѣлѣ, ангелы, хотя и велики, но они—рабы и слуги, а все Писаніе ниспослано намъ, будучи написано не рабами, но Владыкою и Богомъ всяческихъ. Вотъ почему онъ и говоритъ: если кто будетъ благовѣствовать вамъ не то, что мы благовѣствовали вамъ. Онъ не сказалъ: такой-то или такой-то,—что весьма разумно и не тягостно. Для чего дѣйствительно нужно было упоминать объ именахъ тому, кто обладалъ такимъ превосходствомъ, что обнималъ всѣхъ—и горнихъ и дольнихъ? Произнесши проклятіе на благовѣстниковъ и ангеловъ, онъ тѣмъ обнялъ всякое достоинство, а произнесши проклятіе и на самого себя—всякое сродство и дружество. Не говори мнѣ, говоритъ онъ, что это проповѣдуютъ твои собратья—апостолы и друзья, потому что я и самого себя не пощажу, если буду проповѣдывать противное. Впрочемъ это онъ говоритъ не для осужденія другихъ апостоловъ, какъ 625
бы извращавшихъ проповѣдь (евангельскую); нѣтъ: мы ли, говоритъ онъ, они ли,—мы такъ проповѣдуемъ (1 Кор. xv, 11); но этимъ онъ хотѣлъ только показать, что достоинство лицъ не принимается во вниманіе, когда рѣчь идетъ объ истинѣ. *Нынѣ бо человѣки препираю, или Бога? Или ищу человѣкомъ угождати? Аще бо быхъ еще человѣкомъ угождалъ, Христовъ рабъ не быхъ убо былъ* (ст. 10). Если бы, говоритъ, я и могъ обмануть васъ своими словами, то неужели я былъ бы въ состояніи обмануть Бога, Который знаетъ всѣ тайныя помышленія и непрестанно угождать Которому составляетъ предметъ единственной моей заботы? Видишь ли духъ апостольскій? Видишь ли высоту евангельскую? То же самое говорилъ онъ и въ своемъ посланіи къ коринѳянамъ: мы не защищаемся предъ вами, *но вину даемъ вамъ похваленію* (2 Кор. v, 12); и еще: *мнѣ же не велико есть, да отъ васъ истяжуся, или отъ человѣческаго дне* (1 Кор. iv, 3). Такъ какъ онъ, будучи учителемъ, принужденъ защищаться предъ учениками, то хотя и терпѣливо переноситъ это, но вмѣстѣ съ тѣмъ и негодуетъ, впрочемъ не по гордости,—да не будетъ,—но изъ-за легкомыслія обольщаемыхъ и изъ-за того, что они мало вѣрятъ его словамъ. Вотъ почему онъ и сказалъ это, почти такъ говоря: развѣ у меня съ вами дѣло? Развѣ люди будутъ судить меня? У меня дѣло съ Богомъ, и я дѣлаю все, чтобы оправдаться тамъ, предъ Его судомъ; да я еще и не дошелъ до такого несчастія, чтобы, готовясь дать отвѣтъ въ проповѣди моей предъ Владыкою всяческихъ, сталъ повреждать догматы.

8. Итакъ онъ сказалъ вышеприведенныя слова частію въ защиту себя, частію же желая дать имъ отпоръ. Вѣдь настав-

ляемымъ слѣдовало не судить своихъ учителей, но вѣрить имъ; но разъ порядокъ уже извращенъ, говоритъ онъ, и вы возсѣли на мѣсто судей, то знайте, что я очень мало забочусь объ оправданіи предъ вами, но все дѣлаю для Бога, чтобы предъ Нимъ и оправдаться въ проповѣдуемыхъ догматахъ. Кто хочетъ снискать благоволеніе людей, тотъ употребляетъ много лукавства и хитрости, пользуется обманомъ и ложью, чтобы склонить на свою сторону и расположить къ себѣ слушателей; напротивъ, кто хочетъ снискать себѣ благоволеніе у Бога и старается угодить Ему, тому нуженъ только здравый и чистый умъ, такъ какъ Божество не поддается обману. Изъ этого очевидно, говоритъ онъ, что и мы пишемъ это не изъ любоначалія, и не для того, чтобы имѣть учениковъ, а равно и не потому, чтобы добивались славы у васъ, такъ какъ мы стараемся угодить не людямъ, но Богу. Если бы я хотѣлъ угождать людямъ, то и теперь былъ бы на сторонѣ іудеевъ, и теперь бы еще преслѣдовалъ Церковь. Но такъ какъ я презрѣлъ цѣлый народъ и друзей и родственниковъ и высокую славу и предпочелъ всему этому гоненія, вражду, брани и каждодневную смерть, то очевидно, что все, что я говорю теперь, я говорю не для пріобрѣтенія славы человѣческой. Сказалъ же онъ это потому, что намѣревается разсказать и свою прежнюю жизнь и внезапную перемѣну, и очевиднымъ образомъ
626 доказать, что онъ стоитъ за истину, чтобы они не подумали, что онъ дѣлаетъ это желая оправдаться предъ ними, и не возгордились. Поэтому онъ и сказалъ напередъ: *нынѣ бо человѣки ли препираю?* Онъ зналъ, что для исправленія наставляемыхъ иногда бываетъ благовременно предложить что-нибудь высокое и великое. Хотя онъ могъ представить доказательства истины своего проповѣданія и изъ другого источника, напримѣръ доказать это на основаніи знаменій, чудесъ, опасностей, темницъ, ежедневныхъ смертей, голода и жажды, наготы, и на основаніи другого подобнаго этому, но такъ какъ онъ говоритъ теперь не о лжеапостолахъ, но объ апостолахъ, а послѣдніе и сами участвовали въ этихъ опасностяхъ, то онъ приступаетъ къ рѣшенію вопроса съ другой стороны; въ другихъ же случаяхъ, когда онъ обращаетъ рѣчь свою къ лжеапостоламъ, онъ употребляетъ сравненіе, выставляя на видъ свое терпѣніе въ скорбяхъ и говоритъ: *служителіе ли Христовы суть? (Не въ мудрости глаголю) паче азъ: въ трудѣхъ множае, въ ранахъ преболѣ, въ темницахъ излиха, въ смертѣхъ многащи* (2 Кор. xi, 23). Теперь же онъ разсказываетъ о своемъ прежнемъ образѣ жизни, и говоритъ: *сказую же вамъ, братіе, благовѣствованіе, благовѣщенное отъ мене, яко нѣсть по человѣку. Ни бо азъ отъ человѣка пріяхъ е, ниже научихся, но явле-*

ніемъ Іисусъ Христовымъ (ст. 11 и 12). Смотри, какъ онъ отовсюду представляетъ доказательства того, что былъ ученикомъ Христа, Который самъ, безъ посредства человѣческаго, благоволилъ открыть ему разумѣніе всего. Но какъ же возможно доказать невѣрующимъ, что самъ Богъ, безъ посредства человѣческаго, открылъ тебѣ тѣ неизреченныя тайны? Это доказываетъ, говоритъ онъ, мой прежній образъ жизни (и внезапное обращеніе): вѣдь если бы не Богъ открылъ мнѣ эти тайны, я не могъ бы такъ внезапно перемѣниться. Для тѣхъ, кто учится у людей, въ томъ случаѣ, если они твердо и пламенно держатся своихъ убѣжденій, бываетъ нужно время и много стараній, чтобы убѣдиться въ противномъ; кто же такъ внезапно перемѣнился и, находясь на самой высокой ступени безумія, пришелъ къ такому искреннему сознанію, тѣмъ ясно показываетъ, что онъ такъ внезапно возвратился къ здравомыслію благодаря божественному откровенію и наставленію. Вотъ почему онъ и вынужденъ упомянуть о своей прежней жизни и призвать ихъ во свидѣтели бывшаго съ нимъ. Конечно, вы не знаете, говоритъ онъ, того, что единородный Сынъ Божій непосредственно самъ призвалъ меня (гласомъ Своимъ) съ небесъ,—потому что какъ вы можете знать это, разъ вы не были при этомъ?—но вы хорошо знаете, что я былъ гонителемъ. Вѣдь слухъ о моей жестокости достигъ и до васъ, не смотря на громадное разстояніе между Палестиною и Галатіею: а такой слухъ обо мнѣ не распространился бы такъ далеко, если бы моя жестокость не была слишкомъ велика и для всѣхъ несносна. Поэтому онъ и говоритъ: *слышасте бо мое житіе иногда въ жидовствѣ, яко по премногу гонихъ Церковь Божію и разрушахъ ю* (ст. 13). Видишь ли, съ какою силою выражаетъ каждое (слово), и не стыдится? Вѣдь онъ не просто гналъ, но гналъ со всею жестокостію, и не только гналъ, но и опустошалъ, то есть, старался уничтожить, разорить, низложить и истребить Церковь; поступать же такъ свойственно опустошителю. *И преспѣвахъ въ* 627
жидовствѣ паче многихъ сверстникъ моихъ въ родѣ моемъ, излиха ревнитель сый отеческихъ моихъ преданій (ст. 14).

9. Чтобы ты не подумалъ, что такая дѣятельность его была слѣдствіемъ гнѣва, онъ поясняетъ, что все это онъ дѣлалъ по ревности, хотя и въ невѣдѣніи, и гналъ не изъ тщеславія, и не по враждѣ, но—*ревнитель сый отеческихъ моихъ преданій*. А слова эти значатъ слѣдующее: если то, что я дѣлалъ противъ Церкви, я дѣлалъ не по побужденіямъ человѣческимъ, а по ревности божественной, правда, ошибочной, но во всякомъ случаѣ—ревности, то какъ же теперь, подвизаясь за Церковь и познавъ истину, я могу дѣлать это по тщеславію? Вѣдь если во время

заблужденія мною не обладала такая страсть, но побуждала меня къ подобному образу дѣйствій ревность по Богѣ, то тѣмъ болѣе, когда я позналь истину, несправедливо было бы подозрѣвать во мнѣ подобное тщеславіе. Дѣйствительно, лишь только я обратился къ догматамъ Церкви и отказался отъ всѣхъ іудейскихъ заблужденій, я проявилъ еще большую ревность здѣсь, нежели тамъ, а это служитъ доказательствомъ того, что я истинно перемѣнился и объятъ божественной ревностію. Если же не это, то что же другое, скажи мнѣ, могло расположить меня къ такой перемѣнѣ и промѣнять честь на поношеніе, покой на опасности, безопасность на страданія? Не было никакой другой причины, кромѣ одной только любви къ истинѣ. *Егда же благоволи Богъ, избравый мя отъ чрева матере моея, и призвавый благодатію Своею, явити Сына Своего во мнѣ, да благовѣствую Его во языцѣхъ, абіе не приложихся плоти и крови* (ст. 15, 16). Смотри, какъ онъ старается здѣсь показать, что и то время, въ продолженіе котораго онъ оставался въ заблужденіи, находилось въ зависимости отъ нѣкотораго неисповѣдимаго усмотрѣнія (Божія). Въ самомъ дѣлѣ, если онъ отъ чрева матери своей избранъ быть апостоломъ и предназначенъ къ этому служенію, призванъ же послѣ и притомъ, будучи призванъ, послушался (Призывающаго), то очевидно, что Богъ медлилъ призваніемъ его по какой-нибудь неисповѣдимой причинѣ. Какое же могло быть здѣсь смотрѣніе (Божіе)? Можетъ быть вы сначала отъ меня хотите услышать, почему (Богъ) не призвалъ его вмѣстѣ съ двѣнадцатью (апостолами); но, чтобы, отступивъ отъ занимающаго насъ предмета, не продолжить слова далѣе надлежащаго, и я умоляю вашу любовь не всему учиться отъ меня, но и самимъ изслѣдовать и молить Бога, чтобы Онъ открылъ вамъ. Къ тому же объ этомъ было нами сказано нѣчто и тогда, когда я разсуждалъ съ вами о перемѣнѣ его имени, и почему онъ, носившій имя Савла, былъ названъ Павломъ; если же вы забыли, то справившись въ той книгѣ, узнаете все это. Теперь же по порядку будемъ продолжать свою рѣчь, и замѣтимъ, какъ онъ снова показываетъ, что случившееся съ нимъ не было дѣломъ человѣческимъ, но что Богъ устроилъ все относительно его по особенному промышленію. *И призвавый благодатію Своею*. Богъ, говоритъ онъ, призвалъ его за его добродѣтель. *Сосудъ избранъ Ми есть*, сказалъ Онъ Ананіи, *пронести имя Мое предъ языки и царьми* (Дѣян. IX, 15), то есть, онъ способенъ для служенія и совершенія великаго дѣла.
628 Такую причину призванія его указываетъ (Богъ); самъ же (апостолъ) вездѣ приписываетъ все благодати и неизреченному человѣколюбію Божію, говоря такъ: но я помилованъ, не потому,

что я способенъ былъ или достоинъ, но для того, чтобы во мнѣ Онъ показалъ все долготерпѣніе въ примѣръ тѣмъ, которые будутъ вѣровать въ Него въ жизни вѣчной (1 Тим. I, 16). Видишь ли высоту смиренія? Для того я, говоритъ онъ, и помилованъ, чтобы никто не отчаивался, послѣ того какъ худшій изъ всѣхъ людей удостоился человѣколюбія Божія. Вѣдь именно это хочетъ показать онъ словами: для того, чтобы во мнѣ показалъ все долготерпѣніе въ примѣръ тѣмъ, которые будутъ вѣровать въ Него. *Явити Сына Своего во мнѣ.* А Христосъ въ одномъ мѣстѣ говоритъ: никто не знаетъ Сына, кромѣ Отца, и никто не знаетъ Отца, кромѣ Сына, и кому Сынъ хочетъ открыть (Мѳ. XI, 27). Видишь ли, что и Отецъ открываетъ Сына, и Сынъ Отца? Тоже самое происходитъ и по отношенію къ славѣ. Сынъ прославляетъ Отца и Отецъ Сына: прославь Меня, говоритъ Онъ, чтобы и Я прославилъ Тебя; и еще: какъ Я прославилъ Тебя (Іоан. XVII, 1, 4). Но почему Онъ не сказалъ: явить Сына Своего мнѣ, но—*во мнѣ?* Для того, чтобы показать, что онъ не только чрезъ слова узналъ то, что относилось къ вѣрѣ, но и преисполнился Духа Святаго, потому что, когда откровеніе озарило его душу, онъ имѣлъ въ себѣ говорящимъ и Христа. *Да благовѣствую Его во языцѣхъ.* Не только самое обращеніе его къ вѣрѣ, но и призваніе (къ апостольству) было дѣломъ Божіимъ. Вѣдь Онъ открылъ мнѣ Себя съ тою цѣлію, чтобы я не только позналъ Его, но возвѣстилъ о Немъ и другимъ. И онъ не сказалъ просто—другимъ, но: *да благовѣствую Его во языцѣхъ*, уже этимъ самымъ предуготовляя не малое основаніе для своей защиты, именно отъ самаго происхожденія учениковъ. Вѣдь для него не одинаково являлось необходимымъ проповѣдывать іудеямъ и язычникамъ. *Абіе не приложихся плоти и крови.* Здѣсь онъ указываетъ на апостоловъ, называя ихъ по естеству. Но если онъ говоритъ это и о всѣхъ людяхъ, мы не противорѣчимъ и этому. *Ниже взыдохъ во Іерусалимъ къ первѣйшимъ мене апостоломъ* (ст. 17). Если кто будетъ разсматривать эти слова въ отдѣльности, можетъ подумать, что они исполнены великаго хвастовства и совершенно несогласны съ духомъ апостольскимъ. Въ самомъ дѣлѣ, рѣшать что-нибудь самому съ собою и никому не открывать своихъ мыслей—можетъ быть принято за гордость. *Видѣхъ*, сказано, *мужа, непщевавша себе мудра быти, упованіе же иматъ безумный паче его* (Притч. XXVI, 4, 12); и: *горе, иже мудри въ себѣ сомнѣхъ и предъ собою разумни* (Ис. V, 21); и самъ (Павелъ) говоритъ: *не бывайте мудри о себѣ* (Рим. XII, 16).

10. Итакъ, кто слышалъ подобныя наставленія отъ другихъ и самъ училъ тому же другихъ, не могъ конечно впасть въ та-

кое самомнѣніе,—не только Павелъ, но и какой-нибудь (простой) человѣкъ. Но, какъ я сказалъ, это изреченіе, будучи разсматриваемо въ отдѣльности, можетъ ввести въ сомнѣніе и поколебать нѣкоторыхъ изъ слушателей; если же мы приведемъ причину, по которой это было сказано, то всѣ будутъ рукоплескать и удивляться сказавшему. Итакъ сдѣлаемъ это. Вѣдь не должно разсматривать отдѣльно взятыя слова, такъ какъ это повлечетъ за собою много погрѣшностей; равнымъ образомъ не должно изслѣдовать и отдѣльно взятаго изреченія, но необходимо обращать вниманіе на намѣреніе пишущаго. И въ нашихъ разговорахъ, если мы не будемъ употреблять этого способа и доискиваться истинной мысли говорящаго, то мы возбудимъ много недоразумѣній, и весь смыслъ рѣчи извратится. Да и что говорить о словахъ, когда и въ дѣлахъ, разъ мы не будемъ слѣдовать этому правилу, все придетъ въ совершенный безпорядокъ? Въ самомъ дѣлѣ, и врачи рѣжутъ тѣло и разсѣкаютъ нѣкоторыя кости, но тоже самое дѣлаютъ часто и разбойники. Какое же было бы несчастіе, если бы мы не могли отличить разбойника отъ врача? Равнымъ образомъ человѣкоубійцы и мученики, предаваемые мучительной смерти, претерпѣваютъ одинаковыя страданія, но между тѣми и другими несомнѣнно великое различіе. Если же мы не будемъ соблюдать указаннаго правила, если будемъ изслѣдовать одни только дѣла, не принимая во вниманіе намѣренія дѣлающихъ, то мы не будемъ въ состояніи видѣть указаннаго различія, но назовемъ человѣкоубійцами и Илію, и Самуила, и Финееса, а Авраама назовемъ, пожалуй, и дѣтоубійцею. Изслѣдуемъ же мысль Павла, съ какою онъ написалъ эти слова; узнаемъ цѣль его и то, каковымъ онъ являлся всегда по отношенію къ апостоламъ,—и тогда узнаемъ, съ какимъ намѣреніемъ онъ сказалъ это. Конечно, какъ это, такъ и предыдущее онъ сказалъ не для того, чтобы унизить ихъ, а равнымъ образомъ и не для того, чтобы восхвалить себя, — какъ, въ самомъ дѣлѣ, могъ онъ это сдѣлать, когда и самъ себя подвергалъ проклятію (ст. 8)?— но затѣмъ, чтобы вовсюду сохранить безопасность Евангелія. Такъ какъ разрушавшіе Церковь говорили, что нужно слѣдовать тѣмъ апостоламъ, которые не запрещаютъ этого, а не Павлу, который это запрещаетъ, а благодаря этому незамѣтно проникало іудейское заблужденіе, то онъ вынужденъ былъ рѣшительно возстать противъ этого, не думая говорить что-либо худое объ апостолахъ, но желая низложить гордость несправедливо возносящихся. Вотъ почему онъ и говоритъ: *не приложихся плоти и крови*. И было бы крайнею нелѣпостію, если бы тотъ, кто научился отъ Бога, сталъ бы совѣтоваться еще съ людьми. Кто получаетъ уче-

ніе отъ людей, тотъ вполнѣ справедливо и опять прибѣгаетъ къ совѣтамъ людей; но тотъ, кто удостоился того божественнаго и блаженнаго слова и научился всему отъ Того, Кто владѣетъ самымъ сокровищемъ мудрости, для чего сталъ бы еще совѣтоваться съ людьми? Такой человѣкъ по справедливости долженъ не учиться у людей, но учить людей. Итакъ онъ сказалъ эти слова не по гордости, но чтобы показать достоинство своей проповѣди. *Ниже взыдохъ*, говоритъ онъ, *къ первѣйшимъ мене апостоломъ*. Такъ какъ они говорили, что прочіе (апостолы) были и старше его, и призваны прежде его, то поэтому, говоритъ, онъ и не пошелъ къ нимъ. Если бы ему нужно было вступить въ соглашеніе съ ними, то Открывшій ему слово проповѣди, повелѣлъ бы ему сдѣлать и это.

Итакъ что же, онъ не ходилъ туда? Конечно ходилъ, и не 690
просто, но чтобы узнать нѣчто отъ нихъ. Когда же? Когда въ городѣ Антіохіи, обнаружившемъ съ самаго начала великую ревность къ Церкви, возникло недоумѣніе о томъ же предметѣ, о которомъ и мы теперь разсуждаемъ, и (апостолы) хотѣли узнать, нужно ли обрѣзывать увѣровавшихъ изъ язычниковъ, или же совсѣмъ не слѣдуетъ принуждать ихъ подвергаться тому. Тогда самъ Павелъ и Сила ходили (въ Іерусалимъ). Какъ же въ такомъ случаѣ онъ говоритъ, что не ходилъ и не совѣтовался? Во-первыхъ, потому, что онъ не по своей волѣ ходилъ туда, но былъ посланъ другими; а во-вторыхъ, не для того, чтобы учиться, но чтобы убѣдить другихъ. А самъ онъ съ самаго начала держался того мнѣнія, которое впослѣдствіи утвердили и апостолы,— именно, что не должно обрѣзываться; но такъ какъ они до сихъ поръ не считали его достойнымъ довѣрія и болѣе слушались тѣхъ, которые находились въ Іерусалимѣ, то онъ и ходилъ туда, не для того, впрочемъ, чтобы самому узнать что-нибудь большее, но чтобы убѣдить противниковъ, что и находящіеся въ Іерусалимѣ согласны съ этимъ. Такимъ образомъ онъ съ самаго начала видѣлъ, что нужно дѣлать, и не имѣлъ никакой нужды въ учителѣ, и въ томъ, что апостолы имѣли утвердить послѣ долгаго разсужденія, онъ непоколебимо былъ утвержденъ свыше еще прежде ихъ разсужденія. Лука, изъясняя это, сказалъ, что, у Павла было большое и продолжительное состязаніе съ ними по этому предмету еще прежде путешествія его въ Іерусалимъ (Дѣян. XV, 2). Но такъ какъ братіямъ угодно было узнать объ этомъ (и отъ остальныхъ апостоловъ), то онъ и пошелъ туда, для нихъ, а не для себя. Если же онъ говоритъ — *неже взыдохъ*, то въ объясненіе этихъ словъ можно сказать то, что онъ не ходилъ туда и въ началѣ своей проповѣди, да и тогда,

когда ходилъ туда, ходилъ не для того, чтобы учиться. Вѣдь именно на обѣ эти мысли указываетъ онъ въ словахъ: *абіе не приложихся плоти и крови*. Онъ не сказалъ просто — *не приложихся*, но—*абіе*. Если же послѣ ходилъ туда, то не за полученіемъ чего-нибудь. *Но идохъ во Аравію*. Смотри, какая пламенная душа! Онъ старался занять страны, еще не воздѣланныя и остававшіяся въ дикомъ состояніи. Если бы онъ оставался вмѣстѣ съ апостолами, не имѣя ничего, чему бы отъ нихъ научиться, то остановилось бы дѣло проповѣди, тогда какъ имъ надлежало вездѣ распространять ученіе. Вотъ почему этотъ блаженный, пламенѣя духомъ, тотчасъ же приступилъ къ дѣлу ученія людей не наученныхъ еще и дикихъ, избравъ жизнь многотрудную и сопряженную со многими опасностями.

11. И смотри, какое у него смиреніе! Сказавъ: *идохъ во Аравію*, онъ прибавилъ: *и паки возвратихся въ Дамаскъ*. Онъ не говоритъ ничего о своихъ подвигахъ, ни о томъ, кого и сколькихъ онъ научилъ, между тѣмъ какъ тотчасъ по крещеніи обнаружилъ такую ревность, что смутилъ іудеевъ и возбудилъ къ себѣ такую ненависть, какъ въ нихъ, такъ и въ язычникахъ, что они подстерегали его и хотѣли умертвить; а этого не случилось бы, если бы онъ не пріобрѣлъ великаго множества вѣрующихъ. Такъ какъ они были побѣждены ученіемъ его, то имъ и оставалось только обратиться къ убійству, а это было яснымъ
631 доказательствомъ побѣды Павла. Но Христосъ не попустилъ ему умереть, сохраняя его для проповѣди. И не смотря на это, онъ ничего не говоритъ объ этихъ своихъ подвигахъ, а потому все, что онъ ни говоритъ, онъ говоритъ не изъ честолюбія и не для того, чтобы его считали бо́льшимъ въ сравненіи съ другими апостолами, а равно и не потому, чтобы онъ огорчался тѣмъ, что его унижаютъ предъ ними, но изъ опасенія, чтобы отсюда не произошло какого-нибудь вреда для проповѣди. Вѣдь онъ самъ называетъ себя и извергомъ, и первымъ изъ грѣшниковъ, и послѣднимъ изъ апостоловъ, и даже недостойнымъ такого названія (1 Кор. xv, 8, 9; 1 Тим. I, 15); и это говоритъ тотъ, кто потрудился больше всѣхъ,—что является особеннымъ доказательствомъ его смиренія. Въ самомъ дѣлѣ, кто, не признавая за собою ничего добраго, говоритъ о себѣ смиренно, тотъ, конечно, благоразуменъ, но его нельзя назвать смиреннымъ; кто же, несмотря на столько вѣнцовъ, говоритъ о себѣ такъ, тотъ умѣетъ быть скромнымъ. *И паки возвратихся*, говоритъ онъ, *въ Дамаскъ*. И какъ много, по всей вѣроятности, онъ совершилъ тамъ! Объ этомъ городѣ онъ говоритъ, что̀ этнархъ (областной правитель) царя Ареты стерегъ этотъ городъ, желая схватить блаженнаго

(2 Кор. xi, 32), а это служило самымъ явнымъ доказательствомъ того, что онъ весьма сильно нападалъ тамъ на іудеевъ. Но здѣсь онъ ничего не говоритъ объ этомъ, да и тамъ онъ не упомянулъ бы объ этомъ, если бы не видѣлъ, что въ то время самыя обстоятельства требуютъ этого разсказа; но умолчалъ бы, точно такъ же, какъ и здѣсь, говоря о томъ, что онъ приходилъ и ушелъ, онъ ничего болѣе не говоритъ о томъ, что было тамъ. *Потомъ же по тріехъ лѣтѣхъ взыдохъ во Іерусалимъ соглядати Петра* (ст. 18). Что можетъ быть смиреннѣе подобной души? Послѣ столь великихъ и столь многихъ подвиговъ, не имѣя никакой нужды въ Петрѣ, ни въ его словѣ, но будучи равночестенъ ему,—больше ничего не скажу пока,—онъ все-таки приходитъ къ нему, какъ бы къ бо́льшему и старѣйшему, и причиною путешествія туда указываетъ только то, чтобы увидѣться съ Петромъ. Видишь ли, какъ онъ воздаетъ прочимъ апостоламъ должную честь, и не только не считаетъ себя лучше ихъ, но даже и не равняетъ себя съ ними? И это ясно видно изъ предпринятаго имъ путешествія. Въ самомъ дѣлѣ, подобно тому какъ въ настоящее время многіе изъ нашихъ братій отправляются къ святымъ мужамъ, точно такъ же и Павелъ по тому же расположенію ходилъ тогда къ Петру, но только съ гораздо большимъ смиреніемъ. Въ настоящее время предпринимаютъ путешествія для пользы, а блаженный (Павелъ) отправился не для того, чтобы чему-нибудь научиться и не для исправленія какой-нибудь своей погрѣшности, но исключительно ради того, чтобы видѣть (Петра) и почтить его своимъ присутствіемъ: *соглядати*, говоритъ онъ, *Петра*. И не сказалъ—видѣть Петра, но—видѣться (ἱστορῆσαι) съ Петромъ (т. е. узнать его), какъ обыкновенно говорятъ люди, разсматривающіе великіе и знатные города. Такъ онъ считалъ достойнымъ особеннаго старанія и одно то, чтобы видѣть этого мужа. Тоже самое ясно показываютъ и дѣла его. Дѣйствительно, когда онъ пришелъ въ Іерусалимъ, послѣ того какъ обратилъ многихъ изъ язычниковъ и совершилъ такія дѣла, какихъ не совершилъ никто изъ другихъ (апостоловъ), послѣ того какъ обратилъ Памфилію, Ликаонію, народъ Киликійскій и всѣхъ живущихъ въ этой части земли и привелъ ихъ ко Христу, — онъ сначала приходитъ къ Іакову съ великимъ смиреніемъ, какъ бы къ старшему и почтенному большею честію. Затѣмъ онъ выслушиваетъ его совѣты, и притомъ противные тому, что самъ онъ говоритъ теперь. Видишь ли, братъ, сказалъ (Іаковъ), сколько 632
тысячъ увѣровавшихъ іудеевъ. Но остриги себѣ волосы и очистись (Дѣян. xxi, 20, 24),—и онъ остригся и совершилъ всѣ іудейскіе обычаи. Тамъ, гдѣ не было вреда для благовѣстія, онъ яв-

лялся уступчивѣе всѣхъ; гдѣ же онъ видѣлъ, что отъ уступчивости произойдетъ для нѣкоторыхъ вредъ, онъ не пользовался этимъ преизбыткомъ смиренія, потому что это уже не значило бы быть смиреннымъ, но погублять и развращать наставляемыхъ. *И пребыхъ у него дній пятьнадесять.* Предпринятіе путешествія (ради Петра) было доказательствомъ великаго уваженія къ нему (Павла), пребываніе же въ теченіе столькихъ дней показывало дружественное расположеніе и искреннюю любовь ихъ между собою. *Иного же отъ апостолъ не видѣхъ, токмо Іакова брата Господня* (ст. 19). Смотри, какое великое расположеніе имѣетъ онъ къ Петру: ради него онъ предпринялъ путешествіе, у него и пребывалъ. Говорю же объ этомъ я такъ часто и желаю сохранить это у васъ въ памяти для того, чтобы, когда вы услышите слова, произнесенныя повидимому противъ Петра, никто изъ васъ не подозрѣвалъ апостола. Въ предупрежденіе этого онъ и самъ говоритъ о посѣщеніи Петра, чтобы, когда онъ скажетъ: я противосталъ Петру (II, 11), никто не считалъ этихъ словъ проявленіемъ вражды и соревнованія; и дѣйствительно онъ почитаетъ этого мужа и любитъ больше всѣхъ. Вѣдь и въ Іерусалимъ пришелъ онъ, по его словамъ, не ради кого-нибудь другого изъ апостоловъ, но единственно ради него. *Иного же отъ апостолъ не видѣхъ*, говоритъ онъ, *токмо Іакова.* Видѣлъ, говоритъ, но не учился у него ничему. Но замѣть, съ какимъ почтеніемъ наименовалъ онъ и этого. Не сказалъ онъ просто— Іакова, но прибавилъ и достославное наименованіе его — брата Господня,—такъ онъ былъ чуждъ какой бы то ни было зависти! Если бы онъ хотѣлъ только указать на того, о комъ говорилъ, то могъ бы сдѣлать это понятнымъ, употребивъ другой отличительный признакъ, и назвать его сыномъ Клеопы, какъ сказалъ и Евангелистъ (Іоан. XIX, 25). Однако онъ не сказалъ такъ, но такъ какъ считалъ почетныя наименованія апостоловъ и своими наименованіями, то, какъ бы превознося себя самого, такъ величаетъ и его. Вѣдь онъ не назвалъ его такъ, какъ я сказалъ, но какъ же? Братомъ Господнимъ. Хотя онъ и не былъ на самомъ дѣлѣ братомъ Господнимъ по плоти, но лишь считался таковымъ, однако и это не остановило (апостола) признать достоинство этого мужа. Да и во многихъ другихъ мѣстахъ онъ показываетъ, что былъ расположенъ ко всѣмъ апостоламъ такъ искренно, какъ ему было прилично. *А яже пишу вамъ, се предъ Богомъ, яко не лгу* (ст. 20). Видишь ли смиреніе этой святой души, одинаково сіяющее повсюду? Онъ, какъ бы состязаясь на судилищѣ и готовясь подвергнуться истязанію, заботился о подобномъ защищеніи себя. *Потомъ же пріидохъ въ страны Сирскія и*

Киликійскія (ст. 21),—послѣ свиданія съ Петромъ. Снова начинаетъ онъ слово проповѣди и предлежащій подвигъ, не касаясь іудеевъ, какъ потому, что былъ посланъ къ язычникамъ, такъ и потому, что не хотѣлъ строить на чужомъ основаніи. Вотъ почему онъ не встрѣчался, даже и случайно, съ другими апостолами; это ясно видно и изъ дальнѣйшихъ словъ. *Бѣхъ же*, говоритъ онъ, *не знаемъ лицемъ Церквамъ Іудейскимъ. Точію же слышаще бяху, яко гоняй насъ иногда, нынѣ благовѣствуетъ вѣру, юже* 633–634
иногда разрушаше (ст. 22, 23). Что можетъ быть скромнѣе такой души? Въ самомъ дѣлѣ, все, что служило къ его обвиненію, какъ, напр., то, что онъ гналъ Церковь и опустошалъ ее, онъ изложилъ съ особенною силою и подробностію, обнаруживая такимъ образомъ свою прежнюю жизнь; а то, что могло выставить его съ свѣтлой стороны, обходитъ (молчаніемъ). И имѣя возможность, если бы захотѣлъ, пересказать всѣ свои подвиги, онъ не говоритъ ни объ одномъ изъ нихъ, но, перешедши однимъ словомъ неизмѣримое море, и сказавъ: *пріидохъ въ страны Сирскія и Киликійскія*, и: *слышаще бяху, яко гоняй насъ иногда, нынѣ бла-* 634
говѣствуетъ вѣру, юже иногда разрушаше, ничего болѣе не прибавилъ. Что же онъ хотѣлъ сказать словами: *не знаемъ бѣхъ церквамъ Іудейскимъ?* (Хотѣлъ) чтобы ты зналъ, что онъ такъ далекъ былъ отъ того, чтобы проповѣдывать имъ обрѣзаніе, что даже и въ лицо не былъ извѣстенъ имъ. *И славяху о мнѣ Бога* (ст. 24). Замѣть и здѣсь правило его смиренія, и съ какою строгостію онъ выполняетъ его. Онъ не сказалъ: дивились мнѣ, хвалили меня, изумлялись мнѣ, но показалъ, что все это было дѣломъ благодати. И прославили, говоритъ онъ, за меня Бога.

ГЛАВА II. 633

Потомъ же по четыренадесяти лѣтѣхъ взыдохъ во Іерусалимъ съ Варнавою, поемь съ собою и Тита, взыдохъ же по откровенію (ст. 1, 2).

1. Причиною перваго восхожденія въ Іерусалимъ служилъ, по его словамъ, Петръ и свиданіе съ нимъ, а причиною второго—откровеніе Духа. *И предложихъ имъ благовѣствованіе, еже проповѣдую во языцѣхъ, наединѣ же мнимымъ, да не како вотще теку, или текохъ* (ст. 2). Что ты говоришь, Павелъ? Не рѣшившись предложить сначала или черезъ три года, какъ же по прошествіи четырнадцати лѣтъ ты спрашиваешь, не напрасно ли подвизаешься? Насколько бы было лучше тотчасъ въ самомъ началѣ

сдѣлать это, нежели послѣ столькихъ лѣтъ? Зачѣмъ же ты и подвизался, если не былъ увѣренъ, что не напрасно подвизался? Кто можетъ быть настолько неразуменъ, чтобы проповѣдывать въ теченіе столькихъ лѣтъ, не зная, хорошо ли онъ проповѣдуетъ? А еще непонятнѣе этого то, что онъ ходилъ, говоритъ, по откровенію. Впрочемъ, хотя это и непонятнѣе перваго, какъ я сказалъ, но оно можетъ дать намъ объясненіе и того. Вѣдь если бы онъ и по собственному побужденію ходилъ, то и въ такомъ случаѣ трудно объяснить его поступокъ, потому что невозможно допустить, чтобы эта блаженная душа впала въ такое безразсудство, а онъ самъ говоритъ: *тако теку, не яко безвѣстно, тако подвизаюся, не яко воздухъ біяй* (1 Кор. IX, 26). Итакъ, если (ты бѣжишь) не на невѣрное, то какъ же говоришь: *да не како вотще теку, или текохъ*? Отсюда ясно, что еслибы онъ ходилъ и безъ откровенія, то и тогда поступилъ бы такъ, какъ свойственно только неразумнымъ; только тогда сдѣланное имъ не такъ было бы неумѣстно; когда же и благодать Духа влечетъ его, то кто уже осмѣлится подозрѣвать его въ чемъ-нибудь подобномъ? Поэтому-то онъ и присовокупилъ: *по откровенію,* чтобы ты прежде разрѣшенія вопроса не осудилъ его въ неразуміи, зная, что сдѣланное имъ было не человѣческимъ дѣломъ, но дѣломъ божественнаго промысла, предустрояющаго и настоящее и будущее. Итакъ, какая же причина этого путешествія его? Подобно тому какъ тогда, когда онъ въ первый разъ приходилъ изъ Антіохіи въ Іерусалимъ, онъ приходилъ не для себя, — потому что онъ самъ ясно зналъ, что безъ всякаго измѣненія должно слѣдовать ученію Христа,—но для того, чтобы примирить между собою препирающихся, точно такъ же и нынѣ онъ ходилъ не потому, что
634 имѣлъ нужду узнать, не напрасно ли онъ подвизался, но для того, чтобы вполнѣ убѣдить тѣхъ, которые обвиняли его. Такъ какъ послѣдніе были болѣе высокаго мнѣнія о Петрѣ и Іоаннѣ и думали, что онъ не согласуется съ ними, такъ какъ проповѣдывалъ Евангеліе безъ обрѣзанія, а тѣ допускали таковое, и такъ какъ они думали, что въ этомъ случаѣ онъ поступаетъ противъ закона, и напрасно подвизается, то онъ и говоритъ поэтому: я ходилъ и сообщилъ имъ благовѣствованіе, не для того, чтобы самому научиться чему-нибудь отъ нихъ,—о чемъ яснѣе говоритъ ниже,—но для того, чтобы вразумить тѣхъ, которые подозрѣвали это, что я не напрасно подвизаюсь. А Духъ, предвидя это состязаніе, и расположилъ его идти (въ Іерусалимъ) и сообщить тамъ свое ученіе. Вотъ почему онъ и говоритъ: ходилъ по откровенію, и взялъ съ собою Варнаву и Тита, чтобы они были свидѣтелями его проповѣди. *И предложихъ имъ благовѣствованіе,*

еже проповѣдую во языцѣхъ,—т. е. безъ обрѣзанія, — *наединѣ же мнимымъ*. Что значитъ—*наединѣ*? Вѣдь кто желаетъ исправить общіе догматы, тотъ не наединѣ, но предъ всѣми излагаетъ ихъ. Но не такъ поступилъ Павелъ, такъ какъ онъ желалъ не научиться чему-нибудь, или исправить, но отнять поводъ къ обману у тѣхъ, которые хотѣли обмануть другихъ. Такъ какъ въ Іерусалимѣ всѣ соблазнялись, если кто допускалъ отступленіе отъ закона, и возбранялъ употреблять обрѣзаніе,—вотъ почему (Іаковъ) и сказалъ: *видиши ли, брате, колико темъ вѣровавшихъ*, и всѣ они *увѣстишася о тебѣ, яко отступленію отъ закона учиши* (Дѣян. XXI, 20, 21)? — такъ какъ (повторяю) соблазнялись, то онъ и не рѣшился придти открыто и изложить предъ всѣми свою проповѣдь, но предложилъ *наединѣ мнимымъ*, при Варнавѣ и Титѣ, чтобы они были достовѣрными свидѣтелями предъ обвинителями его, что и апостолы не нашли противною проповѣдь его, но напротивъ подтвердили ее. Когда же говоритъ—*мнимымъ*, то говоритъ это не для того, чтобы лишить ихъ принадлежащаго имъ достоинства, такъ какъ и о себѣ говоритъ: *мнюся бо и азъ Духа Божія имѣти* (1 Кор. VII, 40), что означаетъ просто умѣряющаго свое достоинство человѣка, а не отрицающаго въ себѣ то, что имѣетъ. Точно такъ же и здѣсь: говоря—*мнимымъ*, говоритъ это по общему о нихъ мнѣнію и своему. *Но ни Титъ иже со мною, Еллинъ сый, нужденъ бысть обрѣзатися* (ст. 3). Что значитъ—*Еллинъ сый*? Значитъ—былъ изъ эллиновъ и необрѣзанный. Не только я, говоритъ, такъ проповѣдывалъ, но и Титъ поступалъ точно такъ же, и апостолы не принуждали его, необрѣзаннаго, обрѣзываться. Это служило самымъ вѣрнымъ доказательствомъ, 635
что апостолы не осуждали ученія Павла, или его дѣлъ. А что еще болѣе важно, — было доказательствомъ того, что и тогда, когда противники, узнавши объ этомъ, настаивали на обрѣзаніи, они не могли принудить апостоловъ приказать сдѣлать это,—на что именно онъ и указывалъ словами: *и за пришедшую лжебратію* (ст. 4). Кто же эти лжебратія? Это требуетъ здѣсь не малаго изслѣдованія. Вѣдь если апостолы допускали здѣсь обрѣзаніе, то почему ты называешь лжебратіями тѣхъ, которые, согласно съ мнѣніемъ апостоловъ, и сами приказывали дѣлать это? Во-первыхъ, потому, что не одно и то же требовать что-нибудь дѣлать и допускать дѣлаемое. Въ самомъ дѣлѣ, кто приказываетъ, тотъ настаиваетъ на этомъ, какъ необходимомъ и важномъ, а кто хотя не требуетъ самъ, но не возбраняетъ желающему, тотъ допускаетъ извѣстное дѣйствіе, не какъ необходимо-должное, но по особенному какому-нибудь соображенію. Скажу напримѣръ: Павелъ писалъ кориноянамъ и повелѣвалъ женамъ и мужамъ опять жить вмѣстѣ (1 Кор. VII, 5).

2. Но чтобы ты не подумалъ, что онъ налагаетъ на нихъ законъ этими словами, онъ прибавилъ: *сіе же глаголю по совѣту, а не по повелѣнію* (1 Кор. VII, 6), потому что это означало не рѣшительный приговоръ его, но снисхожденіе къ ихъ невоздержанію. Поэтому и говоритъ: чрезъ невоздержаніе ваше (ст. 5). Если же ты желаешь знать мнѣніе Павла объ этомъ, то послушай, что онъ говоритъ: *хощу, да вси человѣцы будутъ, якоже и азъ*,—въ воздержаніи (ст. 7). Точно такъ же и здѣсь, — апостолы допускали обрѣзаніе не какъ защитники закона, но по снисхожденію къ немощи іудеевъ. Дѣйствительно, если бы они защищали законъ, то не стали бы проповѣдывать іудеямъ такъ, а язычникамъ иначе; и если что необходимо было дѣлать по закону Христову невѣрнымъ, то очевидно, что это же нужно было дѣлать и всѣмъ вѣрнымъ. Если же они постановили закономъ не отягощать этимъ (обрѣзаніемъ) язычниковъ, то показали тѣмъ, что и іудеямъ они дозволяли его только по снисхожденію.

Но лжебратія дѣлали это не по такому побужденію, а для того, чтобы отторгнуть вѣрующихъ отъ благодати и снова подчинить ихъ подъ иго рабства. Это—первое различіе, полагающее великое разстояніе между апостолами и лжебратіями. Второе же то, что апостолы дѣлали это въ Іудеѣ, гдѣ и законъ еще имѣлъ силу, а лжебратія дѣлали это повсюду, такъ какъ хотѣли поработить и всѣхъ галатовъ. Отсюда ясно, что это дѣлалось не для созиданія, но для совершеннаго разрушенія. И притомъ съ инымъ намѣреніемъ допускали это апостолы, и съ инымъ принуждали къ тому лжебратія. *Иже привнидоша соглядати свободы нашея, юже имамы о Христѣ Іисусѣ*. Видишь ли, какъ названіемъ соглядатаевъ онъ выразилъ непріязнь ихъ? Дѣйствительно, соглядатаи входятъ только для того, чтобы, разузнавши дѣла противниковъ, приготовить себѣ удобнѣйшія средства къ пораженію и уничтоженію ихъ; такъ же поступали тогда и лжебратія, желая подчинить галатовъ ветхозавѣтному рабству. Такимъ образомъ и отсюда ясно, что намѣреніе апостоловъ и лжебратій было не одно и то же, но, напротивъ, совершенно противоположно. Первые допускали снисхожденіе для того, чтобы мало-по-малу вывести изъ рабства;
636 послѣдніе же установляли это, чтобы подвергнуть еще большему рабству. Поэтому они тщательно подсматривали и наблюдали, кто былъ обрѣзанъ,—какъ и Павелъ, указывая на это, сказалъ: *привнидоша соглядати свободы нашея*, обнаруживая коварство ихъ не только названіемъ соглядатаевъ, но и тѣмъ, что они приходили тайно и скрытнымъ образомъ. *Имже ни часу повинухомся въ покореніе* (ст. 5). Замѣть высоту и выразительность этихъ словъ. Не сказалъ—въ словѣ, но—*въ покореніе*, потому что тѣ дѣлали это

не для того, чтобы научить чему-нибудь полезному, но чтобы подчинить и поработить себѣ. Поэтому, говоритъ, апостоламъ мы уступили, а тѣмъ—нѣтъ. *Да истина благовѣстія пребудетъ въ васъ.* Чтобы то, говоритъ, чему мы учили словами, подтвердить дѣлами, а именно, что древнее прошло и стало все новое, что *аще кто во Христѣ, нова тварь* (2 Кор. v, 17) и что обрѣзывающимся не будетъ никакой пользы отъ Христа (Галат. v, 2 и vi, 15). Утверждая эту истину, мы ни на часъ не уступили (имъ). Но такъ какъ противъ него сейчасъ же говорили поступки апостоловъ, и поэтому нѣкоторые естественно могли сказать: какъ же они повелѣваютъ это?—то смотри, какъ мудро рѣшаетъ онъ это возраженіе. Онъ не указываетъ истинной причины, именно—что апостолы дѣлали это по снисхожденію и по особому соображенію,—такъ какъ это могло бы повредить слушателямъ. Вѣдь не нужно знать причины дѣйствія тѣмъ, которые, благодаря ему, имѣютъ получить какую-нибудь пользу, потому что если откроется причина того, что дѣлается, то все разрушится. Поэтому только тотъ, кто дѣлаетъ, долженъ знать причину дѣйствія, тѣ же, для которыхъ готовится польза чрезъ это, не должны знать этой причины. А чтобы сдѣлать болѣе понятнымъ то, что я говорю, я представлю примѣръ изъ этого же самаго предмета. Самъ этотъ блаженный Павелъ, отмѣняющій обрѣзаніе, когда хотѣлъ послать Тимоѳея учителемъ къ іудеямъ, сначала обрѣзалъ его, и тогда уже послалъ (Дѣян. xvi, 3).

Это сдѣлалъ онъ для того, чтобы слушатели имѣли болѣе довѣрія къ Тимоѳею, и онъ пришелъ къ нимъ обрѣзанный, чтобы уничтожить обрѣзаніе. И самъ онъ, а также и Тимоѳей, зналъ причину этого дѣла, но ученикамъ не сказалъ. Дѣйствительно, если бы они узнали, что онъ обрѣзался для того, чтобы уничтожить обрѣзаніе, то совершенно не стали бы слушать его проповѣди, и погибла бы вся польза, а теперь невѣдѣніе принесло имъ величайшую пользу. Полагая, конечно, что онъ сдѣлалъ это, какъ хранитель закона, они благосклонно и охотно принимали и его и его ученіе. А принимая мало-по-малу его ученіе и утверждаясь въ немъ, они оставили древнее, чего не случилось бы, если бы они въ самомъ началѣ узнали причину. Въ самомъ дѣлѣ, если бы они узнали это, то стали бы отвращаться отъ него, а отвращаясь, не стали бы слушать, не слушая же, остались бы въ прежнемъ заблужденіи. А чтобы не случилось послѣдняго, онъ и не открылъ причины. Вотъ почему и здѣсь онъ не открываетъ причины такого дѣйствія, но другимъ путемъ ведетъ свое слово, 637
говоря такъ: *отъ мнящихся же быти что, якови нѣкогда бѣша, ничтоже ми разнствуетъ: лица Богъ человѣча не пріемлетъ* (ст. 6).

Здѣсь онъ не только не защищаетъ апостоловъ, но и сильно говоритъ противъ этихъ святыхъ, чтобы доставить пользу немощнымъ. Слова же его имѣютъ такое значеніе: если они и допускаютъ обрѣзаніе, то они же дадутъ и отвѣтъ Богу. Вѣдь Богъ, за то только, что они почитаются великими и верховными, не уважитъ лица ихъ. Впрочемъ онъ сказалъ не такъ откровенно, но съ осторожностію. Въ самомъ дѣлѣ, онъ не сказалъ: если они повреждаютъ проповѣдь и проповѣдуютъ не такъ, какъ заповѣдали, то дадутъ отвѣтъ на послѣднемъ судѣ и понесутъ тяжкое наказаніе; ничего подобнаго не сказалъ онъ, но, кажется, гораздо почтительнѣе касается ихъ, говоря такъ: *отъ мнящихся же быти что, якови нѣкогда бѣша.* И не сказалъ: каковы они теперь, но—*бѣша,* показывая этимъ, что и они перестали послѣ такъ проповѣдывать, когда повсюду возсіялъ свѣтъ проповѣди. Словами же: *якови нѣкогда бѣша,* говоритъ: если они такъ проповѣдывали, то сами дадутъ отвѣтъ. И не предъ людьми, но предъ Богомъ они дадутъ отвѣтъ.

3. Говорилъ же онъ это не потому, чтобы сомнѣвался въ нихъ, или не зналъ ихъ намѣреній, но, какъ я сказалъ, потому, что считалъ болѣе полезнымъ такъ вести свое слово. Потомъ, чтобы не подумали, что онъ держится противнаго пути, обвиняя ихъ, и тѣмъ не подать повода къ раздѣленію, онъ тотчасъ исправилъ свою рѣчь, сказавъ: *мнѣ мниміи ничтоже привозложиша.* Что же это значитъ? Что говорите вы, того, говоритъ онъ, я не знаю; а между тѣмъ достовѣрно знаю то, что они не противорѣчили мнѣ, напротивъ были единомысленны и согласны со мною,—вѣдь это именно показываетъ онъ словами: *десницы даша* (ст. 9). Но пока онъ не говоритъ этого, а говоритъ только, что они ничему не учили его, ничего не поправляли и ничего не прибавили къ тому, что онъ зналъ. *Мнѣ бо мниміи,* говоритъ онъ, *ничто же привозложиша.* Это значитъ: узнавши мое ученіе, они ничего не прибавили къ нему, ничего не исправили, и это не смотря на то, что они знали, что я пришелъ для того, чтобы сообщить имъ мое ученіе, притомъ пришелъ по откровенію Духа, чтобы сообщить это, и привелъ съ собою необрѣзаннаго Тита; но они ни мнѣ ничего не сказали больше того, что я зналъ, ни Тита не обрѣзали. *Но сопротивное* (ст. 7). Что же значитъ—*сопротивное?* Нѣкоторые думаютъ, что этимъ онъ хотѣлъ сказать, что (апостолы) не только ничему не научили его, но еще и сами научились отъ него; но я не скажу этого. Въ самомъ дѣлѣ, чему бы еще они стали учиться у него? Вѣдь каждый изъ нихъ былъ совершенъ. Итакъ не это хочетъ сказать онъ словомъ—*сопротивное,* но то, что они не только не укоряли его, а напротивъ были

такъ далеки отъ порицаній, что еще и одобрили его, потому что противоположное порицанію есть одобреніе. Но противъ этого нѣкоторые могли сейчасъ же сказать: если они одобрили, то почему въ такомъ случаѣ не отмѣнили обрѣзанія? Вѣдь если одобрили, то надлежало отмѣнить его. Но сказать, что отмѣнили, онъ считалъ слишкомъ нескромнымъ и думалъ, что этимъ онъ возбудитъ открытую борьбу противъ (апостольскаго) исповѣданія. Съ другой стороны онъ видѣлъ, что открыто признать, что необходимо допускать обрѣзаніе, значитъ встрѣтить другое возраженіе. Если они одобрили твою проповѣдь, сказали бы тогда, 638
а сами допускали обрѣзаніе, то въ такомъ случаѣ они сами противорѣчили себѣ. Какъ же разрѣшить это затрудненіе? Онъ могъ, конечно, сказать, что (апостолы) сдѣлали это (дозволили обрѣзаніе) по снисхожденію къ іудеямъ; но, сказавъ это, онъ поколебалъ бы все основаніе ихъ мудраго устроенія. Вотъ почему онъ и не говоритъ этого, но оставляетъ это подъ сомнѣніемъ и нерѣшеннымъ, сказавъ только: *отъ мнящихся же быти что, ничто же ми разнствуетъ*, какъ бы говоря тѣмъ: я не осуждаю и не оговариваю этихъ святыхъ; они сами знаютъ, что дѣлали,— такъ какъ должны дать отвѣтъ Богу; предметъ же моей заботы— доказать только то, что они не отвергали моего ученія, и не поправляли его, и не прибавили къ нему ничего, какъ будто бы въ немъ чего-нибудь не доставало, но напротивъ одобрили его и подтвердили своимъ согласіемъ, и свидѣтелями этого я имѣю Тита и Варнаву. Поэтому онъ и говоритъ далѣе: *уразумѣвше, яко увѣрено ми бысть благовѣстіе необрѣзанія, яко же Петру обрѣзанія*,— разумѣя подъ обрѣзаніемъ и необрѣзаніемъ не самое дѣло, но народы, различающіеся этимъ между собою. Дѣйствительно, далѣе онъ и говоритъ: *ибо споспѣшествовавый Петру въ посланіе обрѣзанія, споспѣшествова и мнѣ во языки* (ст. 8). Итакъ, подобно тому, какъ необрѣзаніемъ онъ называетъ язычниковъ, такъ обрѣзаніемъ— іудеевъ. При этомъ показываетъ, что онъ имѣетъ равную честь (съ апостолами) и сравниваетъ себя не съ кѣмъ-нибудь другимъ изъ нихъ, но съ первоверховнымъ, показывая этимъ, что каждый изъ нихъ получилъ равное достоинство. Представивъ же доказательство своего единомыслія (съ апостолами), онъ уже смѣло и свободно продолжаетъ свою бесѣду и не останавливается уже только на однихъ апостолахъ, но возводитъ слово свое даже до Христа и благодати (апостольства), данной ему Христомъ, называя свидѣтелями этого самихъ апостоловъ, и говоритъ: *познавше благодать* Господа, *данную ми, Іаковъ и Кифа, и Іоаннъ, мниміи столпи быти, десницы даша мнѣ и Варнавѣ общенія* (ст. 9). И не сказалъ: услышавши, но—*познавше*, т. е. убѣдившись изъ самыхъ

дѣлъ, *десницы даша мнѣ и Варнавѣ общенія*. Видишь ли, какъ онъ мало-по-малу показалъ, что его проповѣданіе угодно и Христу, и апостоламъ? Въ самомъ дѣлѣ, благодать не была бы дана ему и не дѣйствовала бы въ немъ, если бы подобное проповѣданіе не было угодно (Христу). И гдѣ ему нужно было сравнивать себя, тамъ онъ упоминаетъ объ одномъ только Петрѣ, а гдѣ надлежало представить свидѣтельство, тамъ называетъ троихъ вмѣстѣ, и притомъ съ похвалою, говоря: *Кива и Іаковъ, и Іоаннъ, мнимiи столпи быти*. И опять, словомъ—*мнимiи* онъ не отвергаетъ того, что они дѣйствительно были таковы, но приводитъ мнѣніе и другихъ, и говоритъ, что тѣ великіе и славные, которыхъ всѣ повсюду превозносятъ, сами являются свидѣтелями того, что говорю я, а именно, что это угодно и Христу, что въ истинѣ этого они убѣдились изъ самыхъ дѣлъ и увѣрились въ томъ изъ самаго опыта. Вотъ почему они и подали мнѣ руку (общенія), и не только мнѣ, но и Варнавѣ, *да мы во языки, они же во обрѣзаніе*.

Какое богатство разума и непререкаемое доказательство согласія! Онъ показываетъ, что ихъ ученіе было согласно съ его ученіемъ, и его ученіе было согласно съ ихъ ученіемъ. Той и
639 другой сторонѣ угодно было тоже самое,—чтобы они проповѣдывали такъ іудеямъ, а онъ такъ язычникамъ, а потому и прибавилъ: *да мы во языки, они же во обрѣзаніе*. Видишь ли, что обрѣзаніемъ онъ называетъ здѣсь не самое дѣло, а іудеевъ? Когда онъ говоритъ о самомъ дѣйствіи обрѣзанія, то, желая показать его отличіе, противопоставляетъ ему необрѣзаніе, напримѣръ, когда говоритъ: *обрѣзаніе пользуетъ, аще законъ твориши: аще же закона преступникъ еси, обрѣзаніе твое необрѣзаніе бысть* (Римл. II, 25); или еще: *ни обрѣзаніе что можетъ, ни необрѣзаніе* (Галат. V, 6). Когда же онъ такъ называетъ іудеевъ, и хочетъ обозначить этимъ словомъ не самое дѣло, а народъ, то противополагаетъ ему не необрѣзаніе, а язычниковъ. Язычникамъ противопоставляются іудеи, а обрѣзанію—необрѣзаніе,—какъ напримѣръ, когда онъ и выше говоритъ: *ибо споспѣшествовавый Петру въ посланіе обрѣзанія, споспѣшествова и мнѣ во языки*, или еще здѣсь: *мы во языки, они же во обрѣзаніе*,—онъ разумѣетъ не самое дѣло, но называетъ этимъ словомъ народъ іудейскій, противополагая его язычникамъ. *Точію нищихъ да помнимъ, еже и потщахся сіе истое творити* (ст. 10).

4. Что же значатъ эти слова? Въ дѣлѣ проповѣди, говоритъ онъ, мы раздѣлили между собою вселенную: я взялъ язычниковъ, а они—іудеевъ, какъ то угодно было Богу; въ попеченіи же о нищихъ изъ іудеевъ, и я оказывалъ имъ помощь. Поэтому, если бы между нами было несогласіе и распря, то они не приняли бы

моего участія. Что же это за нищіе? Многіе изъ увѣровавшихъ іудеевъ въ Палестинѣ, которые лишились всего имущества и повсюду были гонимы. На это указываетъ онъ въ посланіи къ Евреямъ, когда говоритъ: *и разграбленіе имѣній вашихъ съ радостію пріясте* (Евр. x, 34); на то же указываетъ и въ посланіи къ Ѳессалоникійцамъ, когда восхваляетъ ихъ мужество: *вы*, говоритъ онъ, *подобницы бысте церквамъ Божіимъ, сущимъ во Іудеи, зане и вы таяжде пострадасте отъ своихъ сплеменникъ, якоже и тіи отъ іудей* (1 Ѳессал. II, 14). Да и повсюду онъ показываетъ, что увѣровавшіе изъ язычниковъ не такъ были преслѣдуемы оставшимися въ язычествѣ, какъ были гонимы увѣровавшіе изъ іудеевъ своими единоплеменниками, потому что іудеи—самый жестокій народъ изъ всѣхъ народовъ. Вотъ почему (апостолы) такъ много заботятся о вѣрующихъ изъ іудеевъ, проявляя по отношенію къ нимъ все свое усердіе, да и (самъ апостолъ Павелъ) пишетъ о нихъ и къ римлянамъ и къ коринѳянамъ. И онъ не только собираетъ для нихъ деньги, но и самъ относитъ ихъ (1 Кор. xvi), и говоритъ: *нынѣ же гряду во Іерусалимъ, служай святымъ* (Рим. xv, 25), такъ какъ они нуждались и въ самой необходимой пищѣ. Такъ и здѣсь, указывая на это, говоритъ, что ему поручено было помогать имъ въ этой нуждѣ, и онъ принялъ это порученіе и не уклонился отъ него. Показавъ такимъ образомъ свое согласіе и единомысліе (съ апостолами), онъ далѣе находитъ нужнымъ упомянуть и о разговорѣ своемъ съ Петромъ, происходившемъ въ Антіохіи, и говоритъ: *егда же пріиде Петръ во Антіохію, въ лице ему противу стахъ, яко зазоренъ бѣ. Прежде бо даже не пріити нѣкимъ отъ Іакова, съ языки ядяше: егда же пріидоша, опряташеся* 640
и отлучашеся, бояся сущихъ отъ обрѣзанія (ст. 11, 12).

Многіе, читая эти слова посланія безъ должнаго вниманія, думаютъ, что Павелъ обличаетъ ими лицемѣріе Петра; но это совершенно не такъ, этого допустить невозможно, такъ какъ мы найдемъ здѣсь великое благоразуміе и Петра и Павла, сокровенно направленное въ пользу слушателей. Но прежде необходимо сказать о дерзновеніи Петра и о томъ, какъ онъ всегда предварялъ всѣхъ учениковъ (Христовыхъ). Благодаря этому онъ получилъ и имя свое за твердую и непоколебимую вѣру: когда были спрашиваемы всѣ вообще, онъ, предваривъ другихъ, отвѣчаетъ: *Ты еси Христосъ Сынъ Бога живаго* (Мѳ. xvi, 16), за что ему тогда ввѣрены были и ключи царства небеснаго. Точно также и на горѣ онъ одинъ является говорящимъ, и когда (Господь) бесѣдовалъ о крестѣ, и всѣ другіе молчали, онъ одинъ сказалъ: будь милостивъ къ Себѣ (ст. 22). И хотя эти слова не были плодомъ зрѣлаго разсужденія, все же они происходили отъ пламенной

любви. Да и вездѣ мы видимъ его болѣе ревностнымъ, чѣмъ другіе, и предваряющимъ другихъ въ опасностяхъ. Такъ, когда (Господь) явился ученикамъ на берегу, онъ, въ то время какъ другіе спѣшили къ берегу на суднѣ, не былъ въ состояніи дождаться, пока судно придетъ къ берегу; да и послѣ воскресенія (Господа), когда іудеи, дыша убійствомъ и неистовствуя, искали истребить (учениковъ), онъ первый выступивъ осмѣлился, возвысилъ голосъ и сказалъ, что Распятый возсталъ и находится на небесахъ. Но не одно и то же отверзть заключенныя двери и положить начало дѣлу,—и потомъ продолжать начатое съ тою же смѣлостію. Итакъ, какимъ образомъ могло бы случиться, что тотъ, кто отдалъ душу свою въ руки такого множества народа, сталъ бы потомъ когда-нибудь лицемѣрить? Кто, не смотря на то, что подвергался бичеванію и узамъ, не согласился нисколько уступить своего дерзновенія, и притомъ въ самомъ началѣ проповѣди, въ центрѣ столицы, гдѣ угрожала ему столь великая опасность, — какъ могъ такой человѣкъ бояться увѣровавшихъ изъ іудеевъ спустя столько уже времени и въ Антіохіи, гдѣ не было и никакой опасности, и послѣ уже того, какъ онъ пріобрѣлъ великую славу и засвидѣтельствовалъ ее такими дѣлами? Кто не страшился самихъ іудеевъ и притомъ въ самомъ началѣ и въ столицѣ ихъ, какъ, по прошествіи такого уже времени и находясь въ чужомъ городѣ, сталъ бы бояться тѣхъ, которые отдѣлились (отъ іудеевъ)? Итакъ Павелъ говоритъ это не противъ Петра; но говоритъ это съ тѣмъ же самымъ намѣреніемъ, съ какимъ сказалъ: *отъ мнящихся же быти что, якови нѣкогда бѣша, ничтоже ми разнствуетъ*. Впрочемъ, чтобы намъ долѣе не оставаться въ сомнѣніи относительно этого, необходимо раскрыть причину сказаннаго. Апостолы, какъ я сказалъ выше, дозволяли въ Іерусалимѣ обрѣзаніе, такъ какъ невозможно было вдругъ отвлечь отъ закона; но когда они пришли въ Антіохію, то ничего подобнаго не соблюдали уже, но жили одинаково съ вѣрующими изъ язычниковъ; такъ безъ сомнѣнія поступалъ тогда и Петръ. Когда же пришли изъ Іерусалима знавшіе, что онъ проповѣдывалъ тамъ иначе, то онъ перестаіъ поступать по-язычески, боясь оскорбить ихъ, и измѣнилъ образъ жизни, имѣя въ виду двѣ цѣли: чтобы
641 не привести въ соблазнъ вѣрующихъ изъ іудеевъ, и чтобы Павлу доставить благовидный случай для обличенія. Вѣдь если бы тотъ, кто проповѣдывалъ въ Іерусалимѣ, не отвергая обрѣзанія, измѣнилъ свой образъ мысли въ Антіохіи, то вѣрующіе изъ іудеевъ подумали бы, что онъ поступаетъ такъ изъ страха предъ Павломъ, и ученики осудили бы его въ крайнемъ легкомысліи, а это могло бы явиться не малымъ соблазномъ. Впрочемъ своей

перемѣной онъ не подалъ бы такого подозрѣнія Павлу, такъ какъ послѣднему, ясно знавшему все, было извѣстно и намѣреніе, съ которымъ такъ дѣйствовалъ Петръ. Вотъ почему Павелъ обличаетъ, а Петръ переноситъ это, чтобы ученики, видя молчаніе учителя, не смотря на сдѣланный ему выговоръ, тѣмъ легче могли измѣнить свой образъ мыслей. Если бы Павелъ не при такихъ обстоятельствахъ сталъ увѣщевать ихъ, онъ не произвелъ бы ничего важнаго; теперь же, воспользовавшись удобнымъ случаемъ для строгаго обличенія, онъ внушилъ гораздо большій страхъ ученикамъ Петра. А если бы Петръ, выслушавъ обличеніе, сталъ противорѣчить, то кто-нибудь справедливо могъ бы обвинять его въ томъ, что онъ извращаетъ строеніе спасенія; теперь же, когда одинъ обличаетъ, а другой молчитъ,—вѣрующіе изъ іудеевъ поражены были великимъ страхомъ. Вотъ для чего онъ такъ сильно и обличаетъ Петра.

5. И смотри, съ какою осмотрительностью говоритъ онъ, давая замѣтить благоразумнымъ, что слова его не были дѣломъ раздора, но дѣломъ мудраго усмотрѣнія. *Егда же*, говоритъ, *пріиде Петръ во Антіохію, въ лице ему противу стахъ, яко зазоренъ бѣ*. Не сказалъ—(подвергался нареканію) отъ меня, но—отъ другихъ. А если бы и самъ (Павелъ) осуждалъ его, то не усумнился бы сказать это. Слова же его: *въ лице ему противу стахъ* являются лишь образнымъ выраженіемъ. Еслибы они въ самомъ дѣлѣ были несогласны между собою, то конечно не стали бы обличать другъ друга въ присутствіи учениковъ, такъ какъ этимъ они подали бы большой соблазнъ; теперь же это кажущееся несогласіе было полезно. И какъ Павелъ уступилъ (апостоламъ) въ Іерусалимѣ, такъ и они ему въ Антіохіи. Въ чемъ же состояло пререканіе? *Прежде бо даже не пріити нѣкимъ отъ Іакова* (а послѣдній и самъ былъ учителемъ въ Іерусалимѣ), *съ языки ядяше*: *егда же пріидоша*, *опряташеся и отлучашеся*, *бояся сущихъ отъ обрѣзанія;* не того боялся, чтобы не подвергнуться опасности самому,— въ самомъ дѣлѣ, тотъ, кто не боялся въ началѣ, тѣмъ болѣе не могъ бояться теперь,—но того, чтобы не отпали (ученики), такъ какъ онъ и самъ говоритъ галатамъ: *боюся о васъ*, *еда како всуе трудихся* (IV, 11), и еще коринѳянамъ: боюсь, чтобы какъ змѣй прельстилъ Еву, такъ и ваши умы не повредились (2 Кор. XI, 3). Вѣдь страхъ смерти ничего не значилъ для нихъ, но страхъ погибели учениковъ сильно поражалъ души ихъ. *Яко и Варнавѣ пристати лицемѣрству ихъ* (ст. 13). Не удивляйся тому, что поступокъ (Петра) онъ называетъ лицемѣріемъ, потому что, какъ я сказалъ уже, онъ не хочетъ открывать намѣренія, для того, чтобы (іудеи) исправились. Такъ какъ они сильно привязаны были къ

закону, то въ виду этого онъ и называетъ поступокъ (Петра) лицемѣріемъ, и такъ сильно обличаетъ его, чтобы совершенно уничтожить укоренившееся въ нихъ предубѣжденіе. А Петръ, слыша это, также показываетъ видъ, какъ будто онъ дѣйствительно виновенъ, для того, чтобы благодаря сдѣланному ему порицанію (увѣровавшіе изъ іудеевъ) исправились. Если бы Павелъ сталъ обличать самихъ вѣрующихъ изъ іудеевъ, то они съ презрѣніемъ и негодованіемъ отвергли бы его обличеніе, такъ какъ еще не питали къ нему большого уваженія; теперь же, видя, что учитель ихъ, будучи обличаемъ, молчитъ, они не могли ни пренебречь, ни противорѣчить тому, что говорилъ (Павелъ). *Но егда
642 видѣхъ, яко не право ходятъ во истинѣ благовѣствованія* (ст. 14). Пусть не смущаютъ васъ и эти слова, такъ какъ онъ говоритъ ихъ не въ обличеніе Петру, но придаетъ такой видъ словамъ, чтобы они, будучи выслушаны, принесли пользу тѣмъ, которые чрезъ обличеніе Петра должны были стать лучшими. *Рекохъ Петру предъ всѣми.* Видишь ли, какъ исправляетъ другихъ? Для того именно и сказалъ—*предъ всѣми,* чтобы устрашились и слушающіе. Что же ты сказалъ? *Аще ты іудей сый, язычески, а не іудейски живеши, почто языки нудиши іудейски жительствовати?* Но не язычники, а іудеи были увлечены къ лицемѣрію (примѣромъ Петра): почему же въ такомъ случаѣ обвиняешь въ томъ, чего не было? Почему ты обращаешь рѣчь свою не противъ лицемѣрившихъ изъ іудеевъ, а противъ язычниковъ? Почему также обвиняешь одного Петра, тогда какъ и прочіе лицемѣрили вмѣстѣ съ нимъ? Разсмотримъ же, въ чемъ состоитъ самое обвиненіе. *Аще ты іудей сый, язычески, а не іудейски живеши, почто языки нудиши іудейски жительствовати?* Но вѣдь таился одинъ (Петръ): чего же въ такомъ случаѣ онъ хочетъ достигнуть, говоря это? Хочетъ сдѣлать, чтобы обличеніе не возбуждало подозрительности противъ себя. Если бы онъ сказалъ: ты худо дѣлаешь, соблюдая законъ,—то увѣровавшіе изъ іудеевъ обвинили бы его въ дерзости противъ своего учителя; теперь же, обвиняя его за своихъ учениковъ, т. е. обратившихся изъ язычниковъ, онъ дѣлаетъ этимъ удобовоспріемлемой свою рѣчь, и не только этимъ, но и тѣмъ, что, оставивъ обличеніе всѣхъ другихъ, обратилъ его всецѣло противъ апостола. *Аще ты*, говоритъ, *іудей сый, язычески, а не іудейски живеши,*—почти совершенно явно говоря тѣмъ: вы подражаете своему учителю, а между тѣмъ и самъ онъ, будучи іудеемъ, живетъ по-язычески. Но онъ не сказалъ такъ ясно, потому что увѣщанія его не приняли бы, а открываетъ мысль Петра подъ видомъ выговора за язычниковъ. Равнымъ образомъ, если бы онъ сказалъ: зачѣмъ ты принуждаешь обратившихся

изъ іудеевъ жить по-іудейски?—слова его были бы гораздо невыносимѣе; теперь же, какъ бы принимая сторону учениковъ изъ язычниковъ, а не изъ іудеевъ, этимъ самымъ исправляетъ послѣднихъ. Вѣдь упреки становятся наиболѣе удобовоспріемлемыми тогда, когда бываютъ не слишкомъ суровы. Да и изъ язычниковъ никто не могъ обвинять Павла, потому что онъ говорилъ противъ іудеевъ. А все это устроилъ во благо Петръ своимъ молчаніемъ, принявъ на себя видъ лицемѣрія, чтобы тѣмъ освободить іудеевъ отъ дѣйствительнаго лицемѣрія. Итакъ, сначала онъ направляетъ свою рѣчь лично къ Петру, сказавъ: *аще ты іудей сый*, а потомъ обращаетъ ее ко всѣмъ вообще, не исключая и себя, и говоритъ такъ: *мы естествомъ іудеи, а не отъ языкъ грѣшницы* (ст. 15). Слова его были въ дѣйствительности только увѣщаніемъ, но имъ былъ приданъ видъ укоризны по причинѣ бывшихъ тутъ вѣрующихъ изъ іудеевъ.

6. Тоже дѣлаетъ онъ и въ другихъ мѣстахъ: говоря повидимому одно, имѣетъ въ виду другое; такъ, когда въ посланіи къ Римлянамъ говоритъ: *нынѣ же гряду во Іерусалимъ, служай святымъ* (Рим. xv, 25). Этимъ, конечно, онъ не то хотѣлъ сказать, и не просто только увѣдомить ихъ о томъ, для чего онъ пошелъ въ Іерусалимъ, но хотѣлъ ихъ побудить къ соревнованію въ милостынѣ. Вѣдь если бы онъ хотѣлъ указать только на причину 643
своего путешествія, то довольно было бы сказать: иду (въ Іерусалимъ), чтобы послужить святымъ; а теперь, смотри, какъ много онъ присоединяетъ еще. *Благоволиша бо Македонія и Ахаіа общеніе нѣкое сотворити къ нищимъ святымъ, живущимъ во Іерусалимѣ. Благоволиша бо и должни имъ суть.* И еще: *аще бо въ духовныхъ ихъ причастники быша языцы, должни суть и въ плотскихъ послужити имъ* (Рим. xv, 26—27). Смотри же, какъ и въ настоящемъ случаѣ онъ низлагаетъ гордые помыслы іудеевъ, достигая одного посредствомъ другого, и со властію продолжаетъ рѣчь свою, говоря: *мы естествомъ іудеи, а не отъ языкъ грѣшницы.* Что же значитъ—*естествомъ іудеи?* Мы—не изъ язычества обращенные (προσήλυτοι), но отъ младенчества воспитанные въ законѣ, оставивши прежній образъ жизни, въ которомъ воспитались, прибѣгли къ вѣрѣ во Христа. *Увѣдѣвше же, яко не оправдится человѣкъ отъ дѣлъ закона, но токмо вѣрою Іисусъ Христовою, и мы во Христа вѣровахомъ* (ст. 16). Смотри, съ какою осмотрительностію говоритъ онъ все это. Мы оставили законъ, говоритъ, не потому, чтобы онъ былъ золъ, но потому, что немощенъ. Поэтому, если законъ не доставляетъ оправданія, то излишне и обрѣзаніе. Впрочемъ такъ говоритъ онъ теперь, далѣе же показываетъ, что обрѣзаніе не только излишне, но и опасно; и особенно замѣчательно, что сна-

чала онъ сказалъ только: *не оправдится человѣкъ отъ дѣлъ закона*, далѣе же выражается гораздо сильнѣе: *аще ли ищуще оправдатися о Христѣ, обрѣтохомся и сами грѣшницы, Христосъ убо грѣху ли служитель* (ст. 17). Если, говоритъ, вѣра во Христа не можетъ оправдать, но снова необходимо слѣдовать закону, то, оставивъ законъ для Христа и не получая оправданія чрезъ это оставленіе, но подвергаясь осужденію, мы должны будемъ признать виновникомъ осужденія Того, къ Которому мы перешли, оставивъ ради Него же законъ. Смотри, къ какой неизбѣжной нелѣпости привелъ онъ свое слово, и съ какою силою подвизался? Если не должно оставлять закона, говоритъ онъ, а мы оставили его для Христа, то какъ мы будемъ судимы? Но для чего ты говоришь и совѣтуешь Петру, который зналъ это совершеннѣе всѣхъ? Не ему ли Богъ открылъ, что человѣка необрѣзаннаго не должно осуждать за то, что не обрѣзанъ? Не онъ ли, разсуждая объ этомъ съ іудеями, такъ сильно противостоялъ имъ на основаніи этого откровенія? Не онъ ли также посылалъ изъ Іерусалима ясныя наставленія относительно этого?

Итакъ, это онъ говоритъ не для исправленія Петра, но найдя нужнымъ обратить рѣчь свою къ Петру, обличалъ между тѣмъ учениковъ. Притомъ слова эти относятся не только къ галатамъ, но и ко всѣмъ тѣмъ, которые подобно имъ страдаютъ тою же болѣзнію. Вѣдь хотя въ настоящее время многіе уже не обрѣзываются, но постятся и соблюдаютъ субботу вмѣстѣ съ ними, а дѣлая это, лишаютъ сами себя наравнѣ съ ними благодати. Если въ самомъ дѣлѣ для тѣхъ, которые только обрѣзывались, не бу-
644 детъ никакой пользы отъ Христа, то, когда присоединяется къ этому еще постъ и суббота, и вмѣсто одной заповѣди исполняются двѣ,—смотри, какая угрожаетъ опасность, отъ времени дѣлающаяся еще сильнѣе! Тѣ поступали такъ въ началѣ, когда еще существовалъ ихъ городъ, храмъ и все прочее, эти же, будучи свидѣтелями и наказанія, которое понесли іудеи, и разрушенія ихъ города, и не смотря на это соблюдающіе законъ еще въ большей мѣрѣ, какое могутъ представить оправданіе, сохраняя его тогда, когда и сами іудеи, даже при всемъ своемъ желаніи, не могутъ уже соблюдать его? Ты облекся во Христа, содѣлался членомъ Владычнымъ, сопричисленъ къ высшему граду, и все еще пресмыкаешься около закона? Какъ же возможно тебѣ достигнуть царства (небеснаго)? Послушай словъ Павла, который говоритъ, что соблюденіемъ закона ниспровергается Евангеліе. И, если хочешь, узнай, какъ это возможно, и тогда устрашись и постарайся избѣжать угрожающей бездны. Почему ты, въ самомъ дѣлѣ, соблюдаешь субботу и постишься вмѣстѣ (съ іудеями)? Безъ

сомнѣнія потому, что боишься оставить законъ и его предписанія; но ты не устрашился бы оставить законъ, если бы не презиралъ вѣры, какъ слабой и самой по себѣ не могущей доставить спасеніе. Вѣдь если ты боишься не соблюдать субботы, то очевидно, что ты устрашился закона, какъ имѣющаго силу еще и въ настоящее время. Если же опять нуженъ законъ, то безъ сомнѣнія нужна не часть его, и не одна какая-нибудь заповѣдь, но нуженъ весь законъ; а если весь, то такимъ образомъ мало-по-малу уничтожится и оправданіе вѣрою. Если ты соблюдаешь субботу, то почему и не обрѣзываешься? А если будешь обрѣзываться, то почему не станешь приносить и жертвы? Если, въ самомъ дѣлѣ, необходимо исполнять законъ, то необходимо исполнять его весь; если же всего исполнять не нужно, то не нужно исполнять и части его. Если, съ другой стороны, ты страшишься подвергнуться осужденію за преступленіе одной части закона, то тѣмъ болѣе нужно страшиться за преступленіе всего закона; а если нарушеніе цѣлаго закона не подвергаетъ осужденію, то ясно, что не подвергаетъ ему и нарушеніе части; если же нарушеніе одной части подвергаетъ осужденію, то тѣмъ болѣе нарушеніе цѣлаго закона. А если необходимо исполненіе всего закона, то необходимо отвергнуться Христа, или, послѣдуя Христу, сдѣлаться преступникомъ закона. Вѣдь если должно исполнять законъ, то неисполняющіе его—преступники, и виновникомъ этого преступленія закона окажется у насъ Христосъ, такъ какъ Онъ самъ разрѣшалъ отъ (исполненія) закона, и другимъ повелѣлъ разрѣшать.

7. Видишь, до чего доходятъ іудействующіе? Христа, виновника нашего спасенія, они выставляютъ виновникомъ и грѣха, какъ и Павелъ говоритъ: *Христосъ убо грѣху ли служитель?* Послѣ того какъ онъ довелъ ихъ до такой нелѣпости, ему уже не нужно было доказательствъ къ опроверженію ихъ, но достаточно было одного отрицанія, почему онъ и сказалъ только: *да не будетъ*, такъ какъ противъ совершенной нелѣпости и безстыдства не нужно изыскивать доказательствъ, а достаточно и одного отрицанія. *Аще бо яже разорихъ, сія паки созидаю, преступника себе представляю* (ст. 18). Посмотри на благоразуміе Павла. Іудеи хотѣли показать, что не соблюдающій закона есть преступникъ; а онъ говоритъ совершенно противное и показываетъ, что исполняющій законъ есть преступникъ, и не только вѣры, но и самаго закона, такъ какъ подъ словами—*яже разорихъ, сія паки созидаю* онъ разумѣетъ законъ. А слова его имѣютъ такой смыслъ: за- 645
конъ потерялъ свою силу, и мы подтвердили это тѣмъ, что, оставивши его, прибѣгли къ спасенію вѣрою. Поэтому, если мы уси-

ливаемся возстановить законъ, то этимъ самымъ становимся преступниками, такъ какъ упорно хотимъ соблюдать то, что отмѣнено самимъ Богомъ. Далѣе показываетъ и то, какимъ образомъ отмѣненъ законъ. *Азъ бо закономъ закону умрохъ* (ст. 19). Эти слова имѣютъ двоякій смыслъ: или онъ говоритъ о законѣ благодати, потому что и благодать онъ обыкновенно называетъ закономъ, напримѣръ когда говоритъ: а законъ Духа жизни освободилъ меня (Рим. VIII, 2), или же разумѣетъ здѣсь ветхій законъ, желая показать, что черезъ этотъ же самый законъ онъ умеръ закону, т. е., самый законъ убѣдилъ меня больше не слѣдовать ему. И если послѣ этого буду слѣдовать ему, то этимъ самымъ нарушу его. Какъ же и какимъ образомъ? Моисей, предсказывая о Христѣ, говоритъ: пророка воздвигнетъ вамъ Господь Богъ изъ братьевъ вашихъ, какъ меня,—Его слушайте (Втор. XVIII, 15). Такимъ образомъ тѣ, которые не повинуются Христу, преступаютъ законъ. Но мы можемъ и иначе понимать слова—*закономъ закону умрохъ*. Вѣдь законъ повелѣваетъ исполнять все написанное въ немъ, а не исполняющаго наказываетъ. Поэтому мы всѣ умерли для закона, такъ какъ никто не исполнилъ его. И смотри, съ какою осторожностію онъ и здѣсь возстаетъ противъ закона: онъ не сказалъ—законъ умеръ для меня, но—я умеръ для закона. А эти слова имѣютъ такой смыслъ: подобно тому какъ для бездушнаго и мертваго является невозможнымъ повиноваться заповѣдямъ закона, точно такъ же и для меня, умершаго отъ клятвы закона,—потому что я умеръ чрезъ то, что говоритъ онъ. Слѣдовательно, онъ болѣе не долженъ требовать повиновенія отъ умершаго, котораго и самъ онъ умертвилъ, и притомъ смертію не только тѣлесною, но и духовною, чрезъ которую подвергъ и тѣлесной. А что онъ говоритъ именно это, ясно показалъ изъ послѣдующаго. *Да Богови живъ буду*, говоритъ онъ, *Христови сораспяхся*. Такъ какъ онъ сказалъ: я умеръ, то чтобы кто не сказалъ ему: какъ же ты живъ?—онъ и представилъ причину жизни, и показалъ, что хотя законъ и умертвилъ его живого, но Христосъ, воспринявъ мертваго, оживотворилъ чрезъ смерть Свою; и этимъ показываетъ двойное чудо—во-первыхъ, (Христосъ) оживотворилъ мертваго, и во-вторыхъ, чрезъ смерть даровалъ жизнь. Подъ смертію онъ разумѣетъ здѣсь жизнь, потомучто это именно показываютъ слова его: *да Богови живъ буду, Христови сораспяхся*. Но какимъ образомъ, скажетъ кто-нибудь, онъ сораспялся, когда былъ живъ и дышалъ? Что Христосъ былъ распятъ, это ясно; но какъ ты и распялся и живешь? Смотри, какъ онъ изъясняетъ и это, говоря: *живу же не ктому азъ, но живетъ во мнѣ Христосъ* (ст. 20). Сказавъ — *Христови сораспяхся*, онъ указалъ на креще-

ніе, словами же—*живу же не къ тому азъ*,—на послѣдующій за-
тѣмъ образъ жизни, которымъ умерщвляются наши уды. Что же
значитъ: *живетъ во мнѣ Христосъ?* То, говоритъ, что я ничего
не дѣлаю, что не угодно Христу. Подобно тому какъ подъ смер-
тію онъ разумѣетъ не обыкновенную смерть, но смерть изъ-за грѣ-
ховъ, точно также и подъ жизнію разумѣетъ освобожденіе отъ
нихъ (грѣховъ), потому что по Богѣ невозможно жить иначе,
какъ умерши для грѣха. И вотъ, какъ Христосъ претерпѣлъ
смерть тѣлесную, такъ и я смерть по отношенію къ грѣху.
Умертвите, говоритъ, земные члены ваши, каковы суть блудъ,
нечистота, прелюбодѣяніе (Кол. ш, 5), и еще: ветхій нашъ че- 646
ловѣкъ распятъ (Рим. vi, 6), что совершилось въ купели креще-
нія. Послѣ этого, если ты будешь оставаться мертвымъ для грѣха,
то будешь жить Богу, если же снова воскреснешь для грѣха, то
ты потеряешь эту жизнь. Но Павелъ не таковъ, онъ оставался
во всю жизнь мертвымъ (грѣху). Итакъ, если я, говоритъ онъ,
живу для Бога другою жизнію, чѣмъ какою жилъ въ законѣ, и
сдѣлался мертвъ для закона, то ничего уже не могу исполнять
изъ закона.

8. Смотри какъ правильна его жизнь и особенно подивись
этой блаженной душѣ! Онъ не сказалъ—живу я, но—*живетъ во
мнѣ Христосъ*. Кто дерзнетъ оспаривать истину этихъ словъ? Въ
самомъ дѣлѣ, такъ какъ онъ проявилъ совершенное послушаніе
Христу, отказался отъ всего временнаго и все дѣлалъ по волѣ
Его, то и не сказалъ—я живу для Христа, но, что гораздо важ-
нѣе: *живетъ во мнѣ Христосъ*. Подобно тому, какъ грѣхъ, овла-
дѣвъ человѣкомъ, самъ живетъ въ немъ, направляя душу его
по своему желанію, точно также, если съ умерщвленіемъ грѣха
человѣкъ дѣлаетъ благоугодное Христу, то такая жизнь является
уже не жизнью человѣка, но живущаго въ насъ, т. е. дѣйствую-
щаго и управляющаго (Христа). А такъ какъ онъ сказалъ—*со-
распяхся*, и—*не ктому живу*, но умеръ, и многимъ казалось, что
онъ говоритъ невѣроятное, то и присовокупилъ: *а еже нынѣ живу
во плоти, вѣрою живу Сына Божія*. То, что сказано мною, гово-
ритъ, относится къ духовной жизни; если же кто хочетъ узнать
и настоящую плотскую мою жизнь, то и таковая стала возмож-
ной для меня только чрезъ вѣру во Христа. Что касается до преж-
няго образа жизни и закона, то я достоинъ былъ величайшаго
наказанія, и давно уже надлежало бы мнѣ погибнуть: *вси бо со-
грѣшиша, и лишени суть славы Божія* (Рим. ш, 23), и Христосъ
искупилъ насъ уже приговоренныхъ къ смерти, искупилъ тогда,
когда мы находились уже въ ожиданіи скораго исполненія этого
приговора и когда всѣ мы были уже мертвы, если не въ дѣй-

ствительности, то по смертному о насъ приговору. И послѣ того уже, какъ законъ осудилъ насъ и Богъ приговорилъ къ смерти, Христосъ, пришедши и предавъ самого Себя на смерть, освободилъ всѣхъ насъ отъ смерти. Поэтому, *еже нынѣ живу во плоти, вѣрою живу*. А если бы не было этого, то ничто не могло бы воспрепятствовать всеобщей погибели, какъ это случилось и во время потопа; только пришествіе Христа, отвратившии гнѣвъ Божій, дало намъ возможность жить вѣрою. А что дѣйствительно онъ говоритъ это, выслушай слѣдующее далѣе: сказавши—*а еже нынѣ живу во плоти, вѣрою живу*, онъ прибавилъ еще: *Сына Божія возлюбившаго мене, и предавшаго Себе по мнѣ*. Что ты дѣлаешь, Павелъ, присвояя общее всѣмъ себѣ и относя исключительно къ себѣ то, что сдѣлано за весь міръ? Въ самомъ дѣлѣ, онъ не сказалъ—возлюбившаго насъ, но—*возлюбившаго мене*. Евангелистъ между тѣмъ говоритъ: *тако возлюби Богъ міръ* (Іоан. III, 16), да и ты самъ въ другомъ мѣстѣ говоришь: Тотъ, Который Сына Своего не пощадилъ, но предалъ Его—не за тебя, но—за всѣхъ (Рим. VIII, 32); и еще: чтобы пріобрѣсти себѣ народъ особенный (Тит. II, 14). Итакъ, что же значитъ сказанное имъ здѣсь? Представивъ себѣ всю безнадежность человѣческаго естества и неизреченное попеченіе Христа, а равно и то, отъ чего онъ освободилъ насъ и что даровалъ намъ, онъ, будучи объятъ пламенемъ любви къ
647 Нему, и говоритъ такимъ образомъ. Такъ и пророки часто называютъ общаго всѣмъ Бога своимъ, говоря: *Боже, Боже мой, къ тебѣ утренню* (Псал. LXII, 2). Кромѣ того этимъ онъ хотѣлъ показать, что каждый изъ насъ столь же справедливою благодарностію обязанъ Христу, какою (онъ былъ бы обязанъ), если бы Онъ пришелъ и для него одного. Вѣдь Онъ не отказался бы принять на Себя таковое ходатайство и за одного, потому что и каждаго человѣка въ отдѣльности онъ любитъ въ такой же мѣрѣ, какъ и весь міръ. Притомъ, хотя жертва была принесена за всю природу и достаточна была для спасенія всѣхъ, но воспользовались благодѣяніемъ ея одни увѣровавшіе. И то обстоятельство, что не всѣ обратились (ко Христу), во всякомъ случаѣ не могло удержать Его отъ таковаго ходатайства, но подобно тому, какъ и упоминаемый въ Евангеліи пиръ былъ приготовленъ для всѣхъ и, когда на него не пожелали придти званные, Онъ всетаки не отмѣнилъ его, но призвалъ другихъ (Лук. XIV, 16),—такъ точно поступилъ Онъ и здѣсь. И овца, отставшая отъ девяноста девяти, была одна, а всетаки Онъ не презрѣлъ и ее (Мѳ. XVIII, 12). Тоже самое даетъ понять и Павелъ, когда, разсуждая объ іудеяхъ, говоритъ: *что бо, аще не вѣроваша нѣцыи? Еда невѣрствіе ихъ вѣру Божію упразднитъ? Да не будетъ. Да будетъ же Богъ истиненъ,*

всякъ же человѣкъ ложъ (Рим. III, 3, 4). Итакъ, послѣ того какъ Онъ возлюбилъ тебя настолько, что предалъ самого Себя, и, когда ты не имѣлъ уже надежды ко спасенію, привелъ тебя къ столь 648 великой и столь высокой жизни, ты, получивши такія блага, все-таки опять обращаеться къ ветхозавѣтному? Такимъ образомъ тщательно изслѣдовавъ, что требовало изслѣдованія, онъ заключаетъ рѣчь свою возглашеніемъ, говоря: *не отметаю благодати Божія* (ст. 21). Пусть услышатъ это тѣ, которые и нынѣ живутъ еще по-іудейски и привержены къ закону: сказанное относится и къ нимъ. *Аще бо закономъ правда, убо Христосъ туне умре*. Что можетъ быть тяжелѣе этого грѣха? Какія еще слова болѣе этихъ способны пристыдить? Вѣдь если Христосъ умеръ, то очевидно потому, что законъ не въ состояніи оправдать насъ; если же законъ оправдываетъ, то смерть Христа безполезна. Но не безразсудно ли будетъ называть безполезнымъ и напраснымъ это столь великое, столь страшное и превышающее умъ человѣческій дѣло, это неизреченное таинство, котораго съ нетерпѣніемъ ожидали патріархи, которое предсказывали пророки, взирая на которое ужасались ангелы и которое по справедливости признается всѣми самымъ главнымъ дѣломъ Божія промышленія о насъ? Представивъ такимъ образомъ высшей степенью нелѣпости считать совершеніе этого столь великаго и важнаго дѣла безполезнымъ (а это именно и доказывали поступки галатовъ), онъ далѣе поноситъ ихъ, говоря такъ:

ГЛАВА III. 647

О несмысленніи Галате, кто вы прельстилъ есть? имже предъ очима Іисусъ Христосъ преднаписанъ бысть, въ васъ распятъ (ст. 1).

1. Здѣсь онъ переходитъ уже къ другому предмету. Въ предыдущихъ главахъ онъ показалъ только, что сдѣлался апостоломъ не отъ людей и не чрезъ людей, и что не имѣлъ нужды въ наученіи отъ апостоловъ; здѣсь же послѣ того какъ уже представилъ себя достойнымъ довѣрія учителемъ, бесѣдуетъ съ большею властію, сравнивая между собою законъ и вѣру. Такъ въ началѣ онъ говоритъ: *чуждуся, яко тако скоро прелагаетеся* (I, 6); а здѣсь: *о несмысленніи Галате!* Тогда онъ скрывалъ свое негодованіе, теперь же, послѣ того какъ защитилъ себя и доказалъ это, обнаружилъ его. Если же онъ называетъ ихъ несмысленными, то не удивляйся этому: поступая такъ, онъ не нарушаетъ закона

Христова, который запрещаетъ называть брата своего безумнымъ (Мѳ. v, 22), но строго исполняетъ его. Вѣдь тамъ не просто сказано—кто назоветъ брата своего безумнымъ, но—кто назоветъ напрасно. Нѣкоторые же изъ галатовъ по всей справедливости заслуживали этого названія, такъ какъ они послѣ столь многихъ и столь великихъ благодѣяній не переставали держаться прежнихъ обычаевъ, какъ будто бы ничего особеннаго не случилось съ ними. Если же ты за это называешь Павла обидчикомъ, то и Петра за Ананію и Сапфиру (Дѣян. v) долженъ будешь назвать человѣкоубійцею. Но если сказать первое—безумно, то тѣмъ болѣе безумно сказать послѣднее. Ты же обрати вниманіе на то, что онъ не въ самомъ началѣ употребилъ такую строгость, но послѣ обличеній и доказательствъ, когда уже они получили это порицаніе будто бы не отъ него, но какъ необходимое слѣдствіе самыхъ обличеній. Въ самомъ дѣлѣ, только уже послѣ того какъ онъ доказалъ, что они отметаютъ вѣру и представляютъ смерть Христа излишнею, онъ прибавляетъ это порицаніе, притомъ болѣе легкое, чѣмъ они заслуживали, такъ какъ они достойны были порицанія еще въ болѣе строгихъ выраженіяхъ. Впрочемъ смотри, какъ онъ сейчасъ же, какъ только укорилъ ихъ, смяг-
648 чаетъ свою рѣчь. Онъ не сказалъ: кто васъ обманулъ? кто злоупотребилъ вашей простотой? кто ввелъ васъ въ заблужденіе? но—*кто вы прельстилъ есть* [1])?—не лишая такимъ образомъ порицанія и нѣкоторой доли похвалы. Этимъ онъ показываетъ, что прежніе поступки ихъ были достойны зависти, и что случившееся съ ними было дѣломъ непріязни діавола, сильно досадовавшаго на нхъ благоденствіе. Когда же ты слышишь здѣсь слово—зависть, или въ Евангеліи слова—худое око (Мѳ. vi, 23), что означаетъ то же самое, то не подумай, что одно устремленіе глазъ можетъ вредить тѣмъ, на кого смотрятъ, потому что глазъ, какъ членъ тѣла, самъ по себѣ не можетъ быть завистливъ; но здѣсь Христосъ такъ называетъ зависть. Вѣдь дѣло глазъ—просто только смотрѣть, смотрѣть же лукаво—зависитъ отъ развращеннаго сердца. Такъ какъ чрезъ чувство зрѣнія входитъ въ нашу душу знаніе разсматриваемыхъ нами предметовъ, и напримѣръ, въ большинствѣ случаевъ возбуждаетъ въ насъ зависть богатство, а богатство мы видимъ глазами, равно какъ начальниковъ и ихъ свиту, то онъ поэтому назвалъ лукавымъ такое око, которое не просто смотритъ, но смотритъ съ завистію и душевною злобою. Сказавъ же—*кто вы прельстилъ есть*?—онъ показываетъ, что завидующіе дѣлаютъ это не изъ благожеланія и не для вос-

---

[1]) Ἐβάσκανεν—сглазилъ, обманулъ побуждаемый завистію.

полненія недостающаго, но для того, чтобы уничтожить и то, что было. Вѣдь дѣло зависти—не восполнять недостающее, но отнимать нѣчто и изъ наполненнаго уже, съ тѣмъ, чтобы послѣ лишить всего. И это говоритъ онъ не потому, чтобы зависть сама по себѣ имѣла силу (вредить), но потому что учившіе этому по зависти рѣшились на это. *Имже предъ очима Іисусъ Христосъ преднаписанъ бысть въ васъ распятъ*. Но не въ Галатійской странѣ Онъ распятъ былъ, а въ Іерусалимѣ: почему же онъ говоритъ— *въ васъ?* Этимъ онъ хочетъ указать на силу вѣры, которая мо- 649
жетъ видѣть и отдаленное. И не сказалъ онъ—распятъ, но—предначертанъ былъ распятымъ, ясно показывая тѣмъ, что они очами вѣры видѣли это гораздо лучше. чѣмъ нѣкоторые изъ присутствовавшихъ тамъ и смотрѣвшихъ на совершавшееся предъ ними. Въ самомъ дѣлѣ, многіе изъ этихъ послѣднихъ, видя все это собственными глазами, не получили никакой пользы, а тѣ, хотя и не видѣли этого своими глазами, но силою вѣры увидѣли еще яснѣе. Говоря же это, онъ и укоряетъ ихъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ хвалитъ. Хвалитъ за то, что они все совершившееся приняли съ полной увѣренностію въ истинѣ, а укоряетъ за то, что они оставили Того, Котораго видѣли обнаженнымъ за нихъ, привязаннымъ къ столпу, пригвожденнымъ ко кресту, оплеваннымъ, поруганнымъ, напояемымъ оцтомъ, поносимымъ разбойниками, прободаемымъ копіемъ (все это онъ обнялъ словами *преднаписанъ бысть въ васъ распятъ)*, и, оставивши Его, обратились къ закону, нисколько не устыдившись этихъ страданій Его. Ты же замѣть, какъ онъ, оставивъ небо, землю, море и все прочее, проповѣдывалъ силу Христову, повсюду прославляя (одинъ) крестъ. Это было верхомъ божественнаго промышленія о насъ. *Сіе едино хощу увѣдѣти отъ васъ, отъ дѣлъ ли закона Духа пріясте, или отъ слуха вѣры* (ст. 2)? Такъ какъ вы, говоритъ, не слушаете продолжительныхъ наставленій и не хотите видѣть всего величія домостроительства Божія, то я хочу убѣдить васъ немногими словами и кратчайшимъ доказательствомъ, видя крайнее ваше невѣжество. Выше онъ вразумлялъ ихъ бесѣдою, обращенною къ Петру, здѣсь же обращаетъ рѣчь свою къ нимъ непосредственно, заимствуя все, служащее къ убѣжденію ихъ, не изъ того, что случилось въ другомъ мѣстѣ, но изъ того, что произошло съ ними, и убѣждаетъ и увѣряетъ ихъ не изъ тѣхъ только дарованій, которыя были у нихъ общими съ другими, но и изъ тѣхъ, которыя были сообщены собственно имъ. Поэтому и говоритъ: *сіе едино хощу увѣдѣти отъ васъ, отъ дѣлъ ли закона Духа пріясте, или отъ слуха вѣры?* Вы получили Духа Святаго, говоритъ онъ, творили многія чудеса, совершали знаменія, воскрешая мертвыхъ, очищая

прокаженныхъ, пророчествуя и говоря разными языками. Законъ ли вамъ далъ такую силу? Но прежде вы не дѣлали ничего подобнаго. Слѣдовательно вѣра?

2. Итакъ, не есть ли дѣло крайняго безумія—оставить вѣру, даровавшую вамъ столь великія блага, и снова обратиться къ закону, который не далъ вамъ ничего подобнаго? *Тако ли: не смысленни есте, начение духомъ, нынѣ плотію скончаваете* (ст. 3). Опять благовременно онъ укорилъ ихъ. Надлежало бы вамъ, говоритъ, съ теченіемъ времени умножить свое преспѣяніе въ вѣрѣ; а вы не только ничего не прибавили, но еще и возвратились назадъ. Другіе, начиная съ малаго и постепенно преуспѣвая, наконецъ восходятъ къ великому, а вы, начавши съ великаго, перешли къ противному. Если бы вы начали и съ плотского, то и въ такомъ случаѣ вамъ надлежало бы возвыситься до духовнаго; теперь же вы, начавши съ духовнаго, возвратились къ плотскому, такъ какъ творить знаменія есть дѣло духовное, а обрѣзываться—плотское. А вы отъ знаменій перешли къ обрѣзанію, постигши истину возвратились къ образамъ, послѣ созерцанія солнца ищете свѣтильника, послѣ твердой пищи обращаетесь къ молоку. И не сказалъ онъ—плотію совершаете (τελεῖσθε), но—*плотію скончаваете* (ἐπιτελεῖσθε), показывая этимъ, что лжеучители, уловивши ихъ,
650 умертвили какъ безсловесныхъ животныхъ, когда они сами добровольно согласились терпѣть все, что угодно было тѣмъ,—подобно тому, какъ если бы какой полководецъ и вмѣстѣ храбрый воинъ, стяжавшій уже безчисленные трофеи и побѣды, предавши самъ себя на поруганіе измѣнникамъ, дозволилъ имъ безъ всякаго сопротивленія заклеймить свое тѣло. *Толико пострадасте туне? аще точію и туне* (ст. 4). Это должно было поразить ихъ еще сильнѣе, чѣмъ сказанное выше. Воспоминаніе о знаменіяхъ не такъ сильно могло подѣйствовать на нихъ, какъ указаніе на подвиги и страданія, которыя они претерпѣли за Христа. Они хотятъ, говоритъ онъ, чтобы вы потеряли все то, что претерпѣли (за Христа), и стараются лишить васъ заслуженнаго вѣнца. Но вслѣдъ затѣмъ, чтобы не поразить слишкомъ ихъ души и не сокрушить ихъ силъ, онъ, не дожидаясь отъ нихъ отвѣта, тотчасъ присовокупилъ: *аще точію и туне*. Если вы, говоритъ, захотите образумиться и исправитесь, то это не будетъ безъ пользы. Что скажутъ теперь отвергающіе покаяніе? Въ самомъ дѣлѣ, вотъ галаты получили и Духа, и творили знаменія, и были исповѣдниками, претерпѣвши ради Христа безчисленныя опасности и гоненія, и послѣ такихъ благихъ дѣлъ, отпали отъ благодати. И всетаки, говоритъ (апостолъ), если вы захотите, то можете снова достигнуть прежняго состоянія. *Подаяй убо вамъ Духа, и дѣйствуяй силы*

въ васъ, отъ дѣлъ ли закона, или отъ слуха вѣры (ст. 5)? Вы удостоились такого дара и сотворили столько чудесъ, говоритъ онъ, потому ли, что соблюдали законъ, или потому, что сохраняли вѣру? Конечно—за вѣру. Такъ какъ (лжеучители) толковали это въ ту и другую сторону, и повсюду разглашали, что вѣра безъ соединенія съ закономъ не имѣетъ силы, то (апостолъ) утверждаетъ противное, именно, что съ присоединеніемъ заповѣдей закона вѣра уже не принесетъ никакой пользы, такъ какъ вѣра только тогда имѣетъ силу, когда къ ней ничего не привносится изъ закона. *Иже закономъ оправдаетеся*, говоритъ, *отъ благодати отпадосте* (Гал. v, 4). Но объ этомъ онъ говоритъ ниже, когда пишетъ еще съ большимъ дерзновеніемъ, получивъ уже къ этому основаніе изъ доказаннаго; теперь же только пролагаетъ путь къ тому. Вы, говоритъ, получили Духа и творили знаменія тогда, когда внимали вѣрѣ, а не закону. Затѣмъ, такъ какъ рѣчь была о законѣ, то онъ привелъ и другое доказательство, притомъ самое спорное, представивъ въ примѣръ Авраама, и очень кстати, и съ большою пользою, говоря такъ: *якоже Авраамъ вѣрова Богу, и вмѣнися ему въ правду* (ст. 6). Доказываютъ, говоритъ, силу вѣры и совершенныя вами чудеса, но если угодно, я постараюсь увѣрить васъ въ томъ и примѣрами изъ ветхозавѣтной исторіи. А такъ какъ они имѣли великое уваженіе къ этому патріарху, то онъ и представляетъ его въ примѣръ, показывая, что и онъ оправдался вѣрою. Если же онъ, жившій прежде благодати, оправдался вѣрою, хотя былъ преукрашенъ и добрыми дѣлами, то тѣмъ болѣе вы. Какой же потерпѣлъ онъ ущербъ оттого, что не былъ подъ закономъ? Никакого, но и одной вѣры достаточно было къ его оправданію. Но тогда, скажутъ, еще не было закона. И теперь нѣтъ закона, какъ не было его тогда. Вотъ потому-то онъ, желая доказать, что законъ теперь не нуженъ, и представилъ въ примѣръ человѣка, оправданнаго прежде закона, чтобы не встрѣтить подобнаго возраженія. Въ самомъ дѣлѣ, какъ тогда законъ еще не былъ данъ, такъ и теперь, будучи данъ, получилъ конецъ. Затѣмъ, такъ какъ они много гордились своимъ происхожденіемъ отъ Авраама (Іоан. VIII, 33), и боялись, какъ бы, 651
съ оставленіемъ закона, не лишиться имъ родства съ нимъ, то Павелъ и это снова обращаетъ въ противное и разсѣеваетъ страхъ, показывая, что вѣра преимущественно и утверждаетъ родство съ нимъ. И хотя яснѣе онъ доказалъ это въ посланіи къ римлянамъ, однако и здѣсь не менѣе утверждаетъ это самое, говоря: *разумѣйте убо, яко сущіи отъ вѣры, сіи суть сынове Авраамли* (ст. 7). Затѣмъ и эту истину подтверждаетъ свидѣтельствомъ изъ ветхаго завѣта: *предувѣдѣвше же*, говоритъ, *Писаніе, яко отъ вѣры*

оправдаетъ языки Богъ, прежде благовѣствова Аврааму, яко благословятся о тебѣ вси языцы (ст. 8; Быт. XII, 3). Итакъ, если не тѣ, которые имѣли съ нимъ естественное родство, суть сыны его, но тѣ, которые подражали вѣрѣ его (это именно и значатъ слова—*о тебѣ языцы*), то ясно, что (и вѣрующіе язычники) вводятся въ это родство.

3. Этими словами онъ показываетъ и другое нѣчто весьма важное. Такъ какъ ихъ смущала мысль, что законъ древнѣе вѣры, а вѣра послѣ закона, то онъ уничтожаетъ и это ихъ недоумѣніе, показывая, что вѣра древнѣе закона, и что это ясно видно изъ примѣра Авраама, такъ какъ послѣдній получилъ оправданіе прежде, нежели явился законъ. А вмѣстѣ съ тѣмъ показываетъ, что и случившееся въ послѣднія времена случилось по пророчеству: *предувѣдѣвше же*, говоритъ, *Писаніе, яко отъ вѣры оправдаетъ языки Богъ*, а не отъ закона, *прежде благовѣствова Аврааму*. Что же это значитъ? Самъ законодатель, говоритъ онъ (этимъ), прежде нежели далъ законъ, опредѣлилъ, чтобы язычники оправдались вѣрою. И не сказалъ—открылъ, но—благовѣствовалъ, для того чтобы ты зналъ, что такому способу оправданія радовался и патріархъ, и сильно желалъ, чтобы это было приведено въ исполненіе. Но такъ какъ они боялись еще и другого, (потому что) написано было: *проклятъ всякъ, иже не пребудетъ во всѣхъ писанныхъ въ книзѣ* закона сего, *яко творити я* (Втор. XXVII, 26), то онъ устраняетъ и эту боязнь, премудро и благоразумно обращая въ противную сторону сказанное въ законѣ, и показываетъ, что оставившіе законъ не только не прокляты, но и благословенны, а держащіеся закона не только не благословенны, но и прокляты. Тѣ (ревнители закона) говорили, что не сохраняющій закона проклятъ, онъ же (апостолъ) показываетъ, что сохраняющій законъ проклятъ, а несохраняющій — благословенъ. Тѣ говорили также, что надѣющійся только на вѣру—проклятъ, онъ же показываетъ, что надѣющійся на одну только вѣру — благословенъ. Какъ же все это онъ доказываетъ? Мы возвѣстили вамъ не какую-нибудь обыкновенную вещь, а потому надлежитъ быть особенно внимательными къ тому, что будетъ сказано далѣе. Апостолъ и выше уже показалъ это, сказавъ, что Писаніе предвозвѣстило патріарху: въ тебѣ благословятся всѣ народы. А тогда закона еще не было, но была вѣра; поэтому онъ и вывелъ слѣдующее заключеніе: *тѣмже сущіи отъ вѣры, благословятся съ вѣрнымъ Авраамомъ* (ст. 9). Но чтобы не стали противорѣчить этому и не сказали бы: (Авраамъ) вполнѣ справедливо получилъ оправданіе отъ вѣры, потому что тогда не было еще закона; а ты покажи мнѣ, что вѣра оправдывала и послѣ того, какъ данъ былъ

законъ,—(апостолъ) переходитъ и къ этому и показываетъ болѣе того, чѣмъ требуютъ они,—не только то, что вѣра оправдываетъ, но и то, что законъ предаетъ проклятію тѣхъ, которые держатся закона. Но чтобы тебѣ понять это, послушай, что говоритъ самъ апостолъ: *елицы бо отъ дѣлъ закона суть, подъ клятвою суть* (ст. 10). 652
Но это—положеніе требующее еще доказательства. Откуда же можетъ быть оно доказано? (Всякому это ясно) изъ самаго закона: *проклятъ всякъ, иже не пребудетъ во всѣхъ писанныхъ въ книзѣ* закона сего, *яко творити я. А яко въ законѣ никтоже оправдается*, коемуждо *явѣ*. Дѣйствительно, всѣ согрѣшили и находятся подъ клятвою. Но этого онъ еще не говоритъ, чтобы не подумали, что онъ самъ выражаетъ свое мнѣніе, но опять подтверждаетъ это свидѣтельствомъ, которое въ немногихъ словахъ заключаетъ въ себѣ и то и другое—и то, что никто не исполнилъ закона (поэтому и были прокляты), и то, что вѣра оправдываетъ. Что же это за свидѣтельство? Изъ пророка Аввакума, который такъ говоритъ: *праведный же отъ вѣры живъ будетъ* (Аввак. II, 4). Оно показываетъ не только то, что оправданіе зависитъ отъ вѣры, но и то, что чрезъ законъ невозможно спастись. Такъ какъ, говоритъ, никто не исполнилъ закона, но за преступленіе его всѣ подверглись проклятію, то и открытъ другой болѣе удобный путь (къ оправданію),—чрезъ вѣру; а это служитъ и самымъ сильнымъ доказательствомъ того, что никто не можетъ оправдаться закономъ. Въ самомъ дѣлѣ, пророкъ не сказалъ: праведный же закономъ живъ будетъ, но—вѣрою. *Законъ же нѣсть отъ вѣры, но сотворивый та живъ будетъ въ нихъ* (ст. 12). Законъ, говоритъ, требуетъ не только вѣры, но и дѣлъ; благодать же чрезъ вѣру спасаетъ и оправдываетъ. Видишь ли, какъ онъ доказалъ, что держащіеся закона подверглись проклятію потому, что невозможно выполнить его? Но какимъ образомъ вѣра имѣетъ эту силу оправдывать? Это онъ возвѣстилъ раньше, и доказалъ это съ большою силою. Такъ какъ законъ былъ безсиленъ привести человѣка къ оправданію, то и найдено другое достаточное средство—вѣра, которая невозможное по закону дѣлаетъ возможнымъ собою. Итакъ, если и Писаніе говоритъ, что праведный вѣрою живъ будетъ, отрицая спасеніе черезъ законъ, и если Авраамъ получилъ оправданіе вѣрою, то ясно, что сила вѣры велика. Итакъ ясно, что не пребывающій въ законѣ—проклятъ, а пребывающій въ вѣрѣ—праведенъ. Но чѣмъ ты можешь доказать намъ, скажетъ кто-нибудь, что то проклятіе болѣе уже не существуетъ? Вѣдь Авраамъ былъ прежде закона, а мы, однажды подпавъ подъ иго рабства, сами себя подвергли проклятію: кто же разрушилъ это проклятіе? Смотри, съ какою поспѣшностію онъ идетъ на встрѣчу этому

возраженію, хотя для этого конечно было достаточно и ранѣе сказаннаго. Въ самомъ дѣлѣ, какъ можетъ подлежать проклятію тотъ, кто былъ однажды оправданъ, и умеръ для закона, и получилъ новую жизнь? Однако онъ не довольствуется всѣмъ этимъ, но еще и другимъ образомъ доказываетъ это, написавъ: *Христосъ ны искупилъ есть отъ клятвы законныя, бывъ по насъ клятва: написано бо есть: проклятъ всякъ висяй на древѣ* (ст. 13; Втор. XXI, 23). Да еще и другой клятвѣ подлежалъ народъ, какъ сказано: *проклятъ всякъ, иже не пребудетъ въ писанныхъ въ книзѣ* закона, (Втор. XXVII, 26). Но что изъ этого? Пусть народъ подлежалъ этому проклятію, потому что онъ не исполнялъ его постоянно, да и не было никого, кто бы могъ исполнить весь законъ; но Христосъ замѣнилъ это проклятіе другимъ, которое говоритъ: *проклятъ всякъ висяй на древѣ*. А такъ какъ и тотъ, кто виситъ на древѣ, проклятъ, и кто преступаетъ законъ, находится подъ
633 клятвою, между тѣмъ желающій разрушить эту клятву долженъ быть свободенъ отъ нея, и долженъ принять на себя эту клятву (незаслуженную) вмѣсто той (заслуженной), то Христосъ и принялъ на себя таковую клятву, и ею уничтожилъ заслуженную. И подобно тому какъ кто-нибудь невинный, рѣшившись умереть вмѣсто осужденнаго на смерть, этимъ избавляетъ его отъ смерти,— точно такъ же сдѣлалъ и Христосъ. Такъ какъ Христосъ не подлежалъ проклятію за преступленіе закона, то и принялъ на Себя вмѣсто заслуженнаго нами незаслуженное Имъ проклятіе, чтобы освободить всѣхъ отъ заслуженнаго,—потому что Онъ не совершилъ грѣха, и не было лжи въ устахъ Его (Ис. LIII, 9).

4. Итакъ, подобно тому какъ умершій за тѣхъ, которые должны были умереть, освобождаетъ ихъ отъ смерти, точно также и принявшій на Себя проклятіе освободилъ отъ проклятія. *Да въ языцѣхъ благословеніе Авраамле будетъ* (ст. 14). Какимъ же образомъ на язычниковъ? Въ сѣмени твоемъ, сказано, благословятся всѣ народы (Быт. XXII, 18), то есть, во Христѣ. А если бы это говорилось объ іудеяхъ, то какъ было бы сообразно съ здравымъ смысломъ, чтобы подлежащіе проклятію за нарушеніе закона сдѣлались виновниками благословенія для другихъ? Вѣдь никто изъ находящихся подъ проклятіемъ не можетъ сообщить другому благословенія, котораго самъ лишился. Отсюда ясно, что все это сказано о Христѣ, такъ какъ Онъ былъ сѣмя Авраамово, и чрезъ Него благословляются народы, и такимъ образомъ является обѣтованіе Духа. Указывая именно на это, и (апостолъ) сказалъ: *да обѣтованіе Духа* пріимутъ *вѣрою*. А такъ какъ благодать Духа не можетъ излиться на неблагодарнаго и находящагося во враждѣ, то благословляются прежде всего чрезъ снятіе проклятія; потомъ,

будучи оправданы чрезъ вѣру, получаютъ благодать Духа. Такимъ образомъ крестъ уничтожилъ клятву, а вѣра ввела оправданіе, оправданіе же низвело благодать Духа. *Братіе, по человѣку глаголю, обаче человѣческаго предутвержденна завѣта никтоже отметаетъ или приповелѣваетъ* (ст. 15). Что значитъ—*по человѣку глаголю*? Это значитъ—я пользуюсь человѣческими примѣрами. Такъ какъ онъ утвердилъ свое слово и Писаніемъ, и чудесами, бывшими у нихъ, и страданіями Христовыми, и примѣромъ патріарха, то наконецъ и обращается къ всеобщему обычаю. Онъ имѣетъ обыкновеніе постоянно употреблять подобный способъ доказательства, какъ для того, чтобы смягчить свою рѣчь, такъ и для того, чтобы сдѣлать ее болѣе удобопріемлемою и болѣе понятною для самыхъ неспособныхъ. Такъ, бесѣдуя съ коринѳянами, онъ говоритъ: кто, пася стадо, не ѣстъ молока отъ него? кто насаждая виноградъ, не ѣстъ плодовъ его (1 Кор. IX, 7)? И опять къ евреямъ говоритъ: *завѣтъ бо въ мертвыхъ извѣстенъ есть: понеже ничесоже можетъ, егда живъ есть завѣщавай* (Евр. IX, 17). И изъ многихъ другихъ мѣстъ всякій можетъ увѣриться, что онъ любитъ употреблять такой родъ доказательствъ. Да и самъ Богъ въ ветхомъ завѣтѣ часто говоритъ такимъ образомъ, какъ напримѣръ: *еда забудетъ жена отроча свое* (Ис. XLIX, 15)? и опять: скажетъ ли издѣліе горшечнику: что ты дѣлаешь (Ис. XXIX, 16 и XLV, 9)? А у Осіи онъ уподобляетъ себя мужу, презираемому женою (Осіи I, 2). И въ образахъ ветхозавѣтныхъ всякій можетъ увидѣть много заимствованнаго изъ человѣческихъ примѣровъ, когда напримѣръ пророкъ опоясывается, и сходитъ въ хижину горшечника (Іерем. XVIII. 2). Итакъ что же значитъ приведенный (апостоломъ) примѣръ? То, что вѣра была древнѣе, а законъ явился послѣ, имѣетъ временное значеніе, и данъ для того, чтобы приготовить путь для вѣры. Поэтому и говоритъ: *братіе, по* 654
человѣку глаголю. Назвавъ ихъ выше несмысленными, здѣсь называетъ ихъ братьями, такимъ образомъ вмѣстѣ и бранитъ ихъ и утѣшаетъ. *Обаче человѣческаго (пред)утвержденна завѣта*. Если человѣкъ, говоритъ, сдѣлаетъ завѣщаніе, осмѣлится ли кто-нибудь послѣ перемѣнить его, или что-нибудь прибавить? Это и значитъ слово—*приповелѣваетъ*. Поэтому тѣмъ болѣе не должно дѣлать этого по отношенію къ завѣту Божію. Кому же Богъ сдѣлалъ завѣщаніе? *Аврааму*, говоритъ, *речени быша обѣти, и сѣмени его. Не глаголетъ: и сѣменемъ его, яко о мнозѣхъ, но яко о единѣмъ, и сѣмени твоему, еже есть Христосъ. Сіе же глаголю завѣта предутвержденнаго отъ Бога во Христа, бывый по четыреста и тридесятихъ лѣтѣхъ законъ не отметаетъ, во еже разорити обѣтованіе. Аще бо отъ закона наслѣдіе, не ктому уже отъ обѣтова-*

нія: Аврааму же обѣтованіемъ дарова Богъ (ст. 16—18). Итакъ, вотъ и Богъ сдѣлалъ завѣщаніе Аврааму, сказавъ, что язычники получатъ благословенія о сѣмени его: какъ же въ такомъ случаѣ законъ можетъ уничтожить эти (благословенія)? А такъ какъ никакой примѣръ не можетъ выразить изображаемаго имъ предмета, то поэтому онъ и сказалъ ранѣе: *по человѣку глаголю.* Не выводи ничего несообразнаго съ величіемъ Божіимъ изъ приведеннаго примѣра. Смотри съ высшей точки на этотъ примѣръ: Богъ обѣщалъ Аврааму, что о сѣмени его благословятся народы; сѣмя же его по плоти есть Христосъ. Спустя четыреста тридцать лѣтъ явился законъ. Итакъ, если законъ даруетъ благословеніе, и жизнь, и оправданіе, то указанное обѣтованіе не имѣетъ силы. Но какъ же это: человѣческаго завѣщанія никто не уничтожаетъ, а Божіе завѣщаніе спустя четыреста тридцать лѣтъ становится недѣйствительнымъ? Въ самомъ дѣлѣ, если то, что обѣщало это завѣщаніе, не оно даетъ, а другой вмѣсто него, то оно очевидно отвергнуто. Но есть ли тутъ какой-нибудь смыслъ? Итакъ для чего же, скажутъ, данъ законъ? *Преступленій ради* (ст. 19). Такимъ образомъ и законъ не излишенъ. Видишь ли, какъ онъ все соглашаетъ? Какъ онъ многими глазами смотритъ на все? Такъ какъ онъ превознесъ вѣру и показалъ, что она древнѣе закона, то, чтобы кто-нибудь не подумалъ, что законъ излишенъ, онъ исправляетъ и это заблужденіе, показавъ, что законъ данъ не напрасно, но съ очень большою пользою: по причинѣ преступленій, т. е., чтобы іудеи не жили безъ страха и не дошли до крайняго нечестія, но чтобы законъ служилъ для нихъ вмѣсто узды, научая, усмиряя, и удерживая ихъ отъ нарушенія если и не всѣхъ, то по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ заповѣдей. Такимъ образомъ не малая польза была и отъ закона. Но до какихъ поръ? *Дондеже пріидетъ сѣмя, ему же обѣтовася,* говоритъ онъ, разумѣя (подъ сѣменемъ) Христа. Итакъ если законъ данъ только до пришествія Христова, то для чего ты продолжаешь его далѣе и за предѣлы назначеннаго срока? *Вчиненъ ангелы рукою ходатая.* Ангелами онъ называетъ или священниковъ, или самихъ ангеловъ, какъ служителей при законоположеніи. Ходатаемъ же здѣсь называетъ онъ Христа, показывая тѣмъ, что Онъ и прежде былъ и что Онъ самъ далъ и законъ. *Ходатай же единаго нѣсть: Богъ же единъ есть* (ст. 20).

655 5. Что здѣсь скажутъ еретики? Вѣдь если (Отецъ только) одинъ истинный Богъ (Іоан. XVII, 3) и вслѣдствіе этого Сынъ уже не можетъ быть истиннымъ Богомъ, то слѣдовательно Онъ и не Богъ, такъ какъ сказано: *Богъ же единъ есть* (Втор. VI, 4). Но если, не смотря на то, что Отецъ называется единымъ Богомъ

(1 Кор. VIII, 6), и Сынъ есть Богъ, то очевидно, что если Отецъ называется истиннымъ,—и Сынъ есть истинный. Ходатай же, говоритъ, бываетъ посредникомъ между какими-либо двумя сторонами. Между кѣмъ же былъ посредникомъ Христосъ? Ясно, что между Богомъ и людьми. Видишь ли, какъ онъ доказываетъ, что самъ (Христосъ) далъ и законъ? Если же Онъ самъ далъ законъ, то имѣетъ власть и отмѣнить его. *Законъ ли убо противу обѣтованіемъ Божіимъ* (ст. 21)? Если въ сѣмени Авраамовомъ даны были благословенія, а законъ вводитъ проклятіе, то онъ конечно противенъ обѣтованіямъ Божіимъ. Какъ же онъ разрѣшаетъ это противорѣчіе? Сначала просто отрицаетъ сказанное, говоря: *да не будетъ*; а потомъ и доказыватъ (отрицаемое), говоря такъ: *аще бо данъ бысть законъ могій оживити, воистинну отъ закона бы была правда*. А эти слова имѣютъ такой смыслъ: если бы мы, говоритъ, въ законѣ имѣли надежду жизни, и если бы въ его власти было наше спасеніе, то можетъ быть и справедливо было бы то, что ты говоришь о законѣ; если же ты спасаешься вѣрою, то, хотя бы законъ подвергалъ всѣхъ и проклятію, ты никакого вреда не потерпишь, послѣ того какъ явилась вѣра, отъ всего избавляющая. Если бы закономъ давалось обѣтованіе, то ты справедливо могъ бы бояться, что, отпавши отъ закона, лишишься и оправданія; но если законъ данъ былъ для того, чтобы затворить всѣхъ, т. е., чтобы онъ обличилъ и обнаружилъ собственныя прегрѣшенія ихъ, то онъ не только не препятствуетъ тебѣ получить обѣтованія, но даже содѣйствуетъ этому полученію. Итакъ, указывая на это, онъ сказалъ: *но затвори писаніе всѣхъ подъ грѣхомъ, да обѣтованіе отъ вѣры Іисусъ Христовы дастся вѣрующимъ* (ст. 22). Такъ какъ іудеи не сознавали своихъ грѣховъ, а не сознавая не желали и прощенія ихъ, то Богъ и далъ имъ законъ, который открывалъ бы ихъ раны, и чрезъ это побуждалъ ихъ искать врача. Слово—*затвори* значитъ—обличилъ, и обличивъ, держалъ ихъ въ страхѣ. Видишь ли, что законъ не только не противенъ обѣтованіямъ, но даже и данъ былъ изъ-за обѣтованій? Если бы законъ присвоилъ себѣ дѣло и власть оправданія, тогда это было бы сказано справедливо; но если онъ служитъ другому и для другого все дѣлалъ, то какъ онъ можетъ быть противенъ обѣтованіямъ Божіимъ? Если бы не былъ данъ законъ, то всѣ погрязли бы въ беззаконіяхъ, и никто изъ іудеевъ не пожелалъ бы слушать Христа; теперь же, когда законъ былъ данъ, онъ приносилъ двоякую пользу: во-первыхъ, руководилъ къ посильной добродѣтели внимающихъ ему, а во-вторыхъ, возбуждалъ въ каждомъ сознаніе своихъ грѣховъ, что́ особенно располагало ихъ искать Сына (Божія). Итакъ тѣ, которые не вѣ-

рили закону, не вѣрили для того, чтобы не знать своихъ грѣховъ. И указывая именно на это, онъ въ другомъ мѣстѣ сказалъ: *не разумѣюще бо Божія правды, и свою правду ищуще поставити, правдѣ Божіей не повинушася* (Рим. x, 3). *Прежде же пришествія вѣры, подъ закономъ стрегоми бѣхомъ, затворени въ хотящую вѣру открытися* въ насъ (ст. 23). Видишь ли, какъ ясно онъ подтвердилъ сказанное нами? Словами: *стрегоми бѣхомъ* и *затворени* онъ обозначаетъ не что-либо другое, какъ охраненіе іудеевъ, совершавшееся посредствомъ заповѣдей закона. Въ самомъ дѣлѣ, за-
656 конъ, содержа ихъ, какъ бы въ какихъ стѣнахъ, въ страхѣ и жизни по закону, тѣмъ самымъ соблюдалъ ихъ для вѣры. *Тѣмже законъ пѣстунъ намъ бысть во Христа, да отъ вѣры оправдимся* (ст. 24). Пѣстунъ не противодѣйствуетъ учителю, но содѣйствуетъ ему, удерживая юнаго питомца отъ всякаго порока, и со всѣмъ тщаніемъ приготовляя его къ принятію учительскихъ уроковъ; а когда питомецъ пріобрѣтетъ навыкъ, пѣстунъ наконецъ оставляетъ его. Вотъ почему онъ и говоритъ: *пришедшей же вѣрѣ,* которая дѣлаетъ человѣка мужемъ совершеннымъ, *уже не подъ пѣстуномъ есмы. Вси бо вы сынове Божіи вѣрою о Христѣ Іисусѣ* (ст. 25—26). Итакъ, если законъ есть пѣстунъ и мы были заключены подъ стражею его, то онъ не противникъ благодати, но сотрудникъ; если же онъ и по пришествіи благодати будетъ держать подъ своимъ игомъ, въ такомъ случаѣ онъ будетъ противникомъ. Если онъ станетъ насъ удерживать тогда, когда мы должны перейти къ благодати, въ такомъ случаѣ онъ составитъ препятствіе нашему спасенію. Какъ свѣтильникъ, освѣщающій ночью, если бы съ наступленіемъ дня сталъ препятствовать видѣть солнце, не только не исполнилъ бы своего назначенія, но причинялъ бы еще и вредъ,—такъ и законъ, если онъ будетъ служить препятствіемъ къ полученію большаго. Такимъ образомъ сохраняющіе его теперь тѣмъ самымъ весьма извращаютъ его. Такъ и пѣстунъ дѣлаетъ своего питомца смѣшнымъ, если будетъ удерживать его при себѣ тогда, когда, по требованію времени, ему надлежало бы оставить его. Поэтому-то и Павелъ говоритъ: *пришедшей же вѣрѣ, уже не подъ пѣстуномъ есте.* Итакъ мы уже не подъ пѣстуномъ. *Вси бо вы сынове Божіи есте.* Вотъ какова сила вѣры, и какъ онъ постепенно раскрываетъ ее! Прежде онъ показалъ, что вѣра сдѣлала ихъ сынами Авраама: *разумѣйте убо*, говоритъ, *яко сущіи отъ вѣры, сіи суть сынове Авраамли*; теперь же объявляетъ, что они и сыны Божіи: *вси бо вы сынове Божіи есте*, говоритъ онъ, *вѣрою о Христѣ Іисусѣ,*—по вѣрѣ, а не по закону. Потомъ, такъ какъ сказалъ нѣчто великое и удивительное, показываетъ и образъ усыновленія. *Елицы бо во Христа креститеся, во Христа облеко-*

стеся (ст. 27). Почему онъ не сказалъ: всѣ вы, во Христа крестившіеся, отъ Бога родились? Вѣдь это болѣе соотвѣтствовало бы доказательству того, что они сыны Божіи. Потому, что употребленное имъ выраженіе гораздо сильнѣе. Въ самомъ дѣлѣ, если Христосъ есть Сынъ Божій и ты въ Него облекся, имѣешь Сына въ себѣ самомъ и уподобился Ему, то ты чрезъ это приведенъ въ одно съ Нимъ родство и въ одинъ образъ. *Нѣсть Іудей, ни Еллинъ, нѣсть рабъ, ни свободь, нѣсть мужескій полъ, ни женскій. Вси бо вы едино есте о Христѣ Іисусѣ* (ст. 28). Видишь ли душу ненасытную (не удовлетворяющуюся однажды сказаннымъ)? Сказавъ, что чрезъ вѣру мы сдѣлались сынами Божіими, онъ не останавливается на этомъ, но старается отыскать нѣчто еще большее, что яснѣе могло бы доказать ближайшее единеніе со Христомъ. А сказавши: въ Него облеклись, не удовлетворяется также и этимъ выраженіемъ, но, объясняя его, представляетъ еще болѣе тѣснымъ такое соединеніе и говоритъ: *вси вы едино о Христѣ Іисусѣ*, т. е. всѣ вы имѣете одинъ обликъ, одинъ образъ—образъ Христа. Что можетъ быть поразительнѣе этихъ словъ? Кто прежде былъ эллиномъ, іудеемъ и рабомъ, тотъ теперь носитъ на себѣ образъ не ангела, и не архангела, но самого Владыки всѣхъ, и отображаетъ въ себѣ Христа. *Аще ли вы Христовы, убо Авраамле* 657—658
сѣмя есте, и по обѣтованію наслѣдницы (ст. 29). Видишь ли, какъ наконецъ доказалъ онъ сказанное выше о сѣмени, т. е., что Арааму и сѣмени его даны были благословенія?

ГЛАВА IV. 657

Глаголю же, въ елико время наслѣдникъ младъ есть, ничимже лучшій есть раба, господь сый всѣхъ: но подъ повелители и приставники есть, даже до нарока отча. Такожe и мы, егда бѣхомъ млади, подъ стихіами бѣхомъ міра порабощени (ст. 1—3).

1. (Апостолъ) говоритъ здѣсь о дѣтствѣ не по возрасту, а по уму, и показываетъ, что Богъ съ самаго начала хотѣлъ даровать намъ свои благословенія, но такъ какъ мы находились еще въ состояніи младенчества, то и оставилъ насъ подъ стихіями міра, т. е. новолуніями и субботами, потому что эти дни зависятъ у насъ отъ теченія солнца и луны. Поэтому тѣ, которые и теперь приводятъ вась подъ иго закона, дѣлаютъ не иное что, какъ возвращаютъ васъ, уже достигшихъ совершеннаго возраста, снова въ младенчество. Видишь ли, что значитъ наблюденіе дней? Гос-

подина, хозяина дома, имѣющаго полную власть надъ всѣмъ, оно низводитъ въ состояніе раба. *Егда же пріиде кончина лѣта, посла Богъ Сына Своего, раждаемаго отъ жены, бываема подъ закономъ, да подзаконныя искупитъ, да всыновленіе воспріимемъ* (ст. 4—5). Здѣсь онъ приводитъ двѣ причины и два благихъ дѣйствія воплощенія: избавленіе отъ золъ и дарованіе благъ, чего никто другой не могъ совершить кромѣ Его одного. Какія же это были блага? Искупленіе отъ проклятія закона и усыновленіе: *да подзаконныя искупитъ*, говоритъ онъ, и *да всыновленіе воспріимемъ*. Прекрасно сказалъ онъ—*воспріимемъ*, показывая этимъ, что (усыновленіе намъ) принадлежало. Дѣйствительно, оно давно было обѣщано, какъ и самъ онъ многократно указалъ на это, упоминая объ обѣтованіяхъ относительно этого, данныхъ Аврааму. Но откуда видно, скажутъ, что мы сдѣлались сынами? Одно доказательство на это онъ уже представилъ, когда сказалъ, что мы облеклись во Христа, который есть Сынъ; а теперь приводитъ другое,—то, что мы получили духа усыновленія. *И понеже есте сынове, посла Богъ Духа Сына своего въ сердца ваша, вопіюща: Авва Отче! Тѣмже уже нѣси рабъ, но сынъ: аще ли же сынъ, и наслѣдникъ Божій Христомъ* (ст. 6—7). И въ самомъ дѣлѣ, мы не могли бы называть (Бога) Отцемъ, если бы не сдѣлались прежде сынами Его. Итакъ, если благодать сдѣлала насъ изъ рабовъ свободными, изъ младенцевъ совершеннолѣтними, изъ чужихъ наслѣдниками и сынами, то не безразсудно ли и крайне неблагодарно будетъ оставить эту (благодать) и возвратиться въ прежнее состояніе? *Но тогда убо не вѣдуще Бога, служисте не по естеству сущимъ богомъ: нынѣ же, познавше Бога, паче же познани бывше отъ Бога, како возвращаетеся паки на немощныя и худыя стихіи, имже паки свыше служити хощете* (ст. 8—9)? Здѣсь (апостолъ), обращаясь къ увѣровавшимъ изъ язычниковъ, говоритъ, что и служеніе идоламъ таково же, какъ и наблюденіе дней, и что оно теперь заслуживаетъ большаго наказанія. Потому и боговъ называетъ онъ стихіями, а не (богами) по природѣ, что желаетъ убѣдить ихъ въ томъ же самомъ и привести ихъ въ боль-
658 шій страхъ. Слова же его имѣютъ такой смыслъ: тогда вы, пребывая во тьмѣ и проводя жизнь въ заблужденіи, прикованы были къ землѣ; а теперь, послѣ того какъ вы познали Бога, или лучше, получили познаніе отъ Него, не навлекаете ли вы на себя большаго и жесточайшаго наказанія, если, не смотря на столь великое попеченіе о васъ, снова добровольно подвергаете себя той же самой болѣзни, которою страдали прежде? Не своими усиліями вы обрѣли Бога, но проводили жизнь въ заблужденіи, а Онъ самъ привлекъ васъ къ Себѣ. Стихіи же называетъ онъ немощ-

ными и бѣдными потому, что онѣ не имѣютъ никакой силы къ доставленію обѣтованныхъ благъ. *Дни смотряете и мѣсяцы и времена и лѣта* (ст. 10). Изъ этихъ словъ видно, что (іудействующіе) проповѣдывали галатамъ не только обрѣзаніе, но и необходимость соблюденія іудейскихъ праздниковъ и новомѣсячій. *Боюся о васъ, еда како всуе трудихся въ васъ* (ст. 11). Видишь ли искреннее участіе апостола? Тѣ подвергаются опасности, а онъ боится и трепещетъ за нихъ. Поэтому и слова—*трудихся въ васъ*—онъ сказалъ для того, чтобы сильно пристыдить ихъ, какъ бы говоря этимъ: не сдѣлайте напрасными моихъ великихъ трудовъ. Сказавъ же—*боюся* и прибавивъ затѣмъ—*еда како*, онъ и возбудилъ въ нихъ страхъ и внушилъ имъ благія надежды. Въ самомъ дѣлѣ, онъ не сказалъ: я напрасно трудился, но—*еда како* (всуе трудихся). Пока, говоритъ онъ, не произошло кораблекрушенія; но я вижу еще бурю, которая можетъ причинить его. Поэтому я боюсь, однакожъ не отчаиваюсь, такъ какъ въ вашей власти все это исправить и возвратиться къ прежней тишинѣ. Затѣмъ, какъ бы простирая руку помощи находящимся въ опасности кораблекрушенія, представляетъ имъ въ примѣръ самого себя, говоря: *будите якоже азъ, зане и азъ якоже вы* (ст. 12). Это говоритъ онъ къ вѣрующимъ изъ іудеевъ, а потому и приводитъ въ примѣръ себя, чтобы этимъ убѣдить ихъ оставить древніе обряды. Если бы вы, говоритъ, и не имѣли никакого другого примѣра, то довольно вамъ посмотрѣть только на меня, чтобы безбоязненно рѣшиться на такую перемѣну. Итакъ посмотрите на меня: и я прежде испытывалъ тоже самое состояніе, и притомъ въ сильной степени, и горѣлъ ревностію по законѣ; но не смотря на это, послѣ не убоялся оставить законъ и перемѣнить жизнь. Хорошо вы знаете также и то, съ какою великою ревностію я держался іудейства и какъ еще съ большею готовностію потомъ оставилъ его. И весьма благоразумно (апостолъ) представилъ этотъ примѣръ послѣ всего. Въ самомъ дѣлѣ многіе люди, хотя бы нашли и безчисленное множество доказательствъ, притомъ справедливыхъ, всетаки, скорѣе увлекаются примѣромъ кого-нибудь изъ своихъ собратій, и когда видятъ другого дѣлающаго что-нибудь, скорѣе склоняются къ тому же и сами. *Братіе, молю вы, ничимже мене обидѣсте*. Смотри, какъ онъ опять называетъ ихъ почтительнымъ именемъ, а тѣмъ самымъ вмѣстѣ напоминаетъ имъ и о благодати. Послѣ того какъ онъ сильно упрекалъ ихъ, подвергая всестороннему обсужденію ихъ дѣла, уличилъ ихъ въ преступленіи закона и со многихъ сторонъ нападалъ на нихъ, онъ теперь снова умѣряетъ рѣчь свою и утѣшаетъ ихъ, употребляя болѣе ласковыя слова, потому что какъ безпрестан-

ныя ласки разслабляютъ человѣка, такъ и постоянные упреки еще болѣе ожесточаютъ. Поэтому хорошо вездѣ соблюдать умѣренность. Смотри же, какъ онъ оправдывается въ сдѣланномъ
659 имъ обличеніи, показывая, что не просто по ненависти, но побуждаемый заботою о нихъ онъ сказалъ имъ все это. Сдѣлавъ такимъ образомъ глубокую рану, онъ тотчасъ возливаетъ на нее елей утѣшенія. А чтобы доказать имъ, что сказанное не было слѣдствіемъ ненависти или вражды къ нимъ, онъ приводитъ имъ на память любовь, которую обнаружилъ по отношенію къ нимъ, и присоединяетъ къ своему оправданію похвалу имъ.

2. Поэтому онъ и говоритъ: *молю вы, ничимже мене обидѣсте. Вѣсте же, яко за немощь плоти* моей *благовѣстихъ вамъ: и искушенія моего, еже во плоти моей, не уничижисте* (ст. 13, 14). Но еще не великая заслуга—не обидѣть: даже и самый обыкновенный человѣкъ едва ли захочетъ вредить человѣку, который ничѣмъ не обидѣлъ его, или оскорбить его напрасно и безвинно. А вы не только меня не обидѣли, но еще и проявили ко мнѣ великое и несказанное расположеніе; и не можетъ поэтому быть, чтобы тотъ, кто пользовался у васъ такимъ почтеніемъ, сталъ говорить это по злобѣ. Итакъ я говорю это не по ненависти къ вамъ, но по чрезмѣрной любви и заботливости о васъ. *Молю вы, ничимже мене обидѣсте. Вѣсте же, яко за немощь плоти* моей *благовѣстихъ вамъ.*

Никакая душа не можетъ быть благосклоннѣе, нѣжнѣе и любвеобильнѣе этой святой души. А потому и прежде сказанное было слѣдствіемъ не безразсуднаго гнѣва и не страстнаго возмущенія души, но великой заботливости. И что я говорю — не обидѣли? Напротивъ, вы обнаружили великое и сердечное расположеніе ко мнѣ. *Вѣсте*, говоритъ онъ, *яко за немощь плоти благовѣстихъ вамъ, и искушенія моего, еже во плоти моей, не уничижисте, ни оплевасте.* Что же этимъ онъ хочетъ сказать? Проповѣдуя вамъ, говоритъ, я былъ гонимъ, бичуемъ, подвергался тысячамъ смертей, и не смотря на все это, вы не презрѣли меня. Это именно значатъ слова — *искушенія моего, еже во плоти моей, не уничижисте, ни оплевасте.* Видишь духовную мудрость? Въ самомъ оправданіи онъ снова укоряетъ ихъ, когда представляетъ имъ на видъ, сколько онъ пострадалъ за нихъ. И всетаки, говоритъ, это нисколько не соблазнило васъ, и вы не погнушались мною за эти страданія и гоненія,—такъ какъ именно эти (страданія и гоненія) называетъ онъ немощію и искушеніемъ. *Но якоже ангела Божія пріясте мя.* Итакъ не странно ли — преслѣдуемаго и гонимаго принимать какъ ангела Божія, а научающаго необходимому—не принимать? *Кое убо бяше блаженство ваше? Свидѣ-*

тельствую бо вамъ, яко, аще бы было мощно, очеса ваша извертѣвше дали бысте ми. Тѣмже врагъ вамъ быхъ, истину вамъ глагола (ст. 15—16)? Здѣсь онъ недоумѣваетъ и изумляется, и старается отъ нихъ самихъ узнать причину ихъ перемѣны. Кто васъ обольстилъ, говоритъ онъ, и убѣдилъ относиться къ намъ иначе? Не вы ли заботились и служили, и считали дороже очей своихъ? Что же такое случилось? Откуда эта непріязнь, откуда подозрѣніе? Неужели отъ того, что я говорилъ вамъ истину? Но за это во всякомъ случаѣ вамъ надлежало бы еще болѣе почитать и угождать мнѣ,—а между тѣмъ теперь я сдѣлался вашимъ врагомъ, говоря вамъ истину. Подлинно, говоритъ, я не знаю другой причины, кромѣ той, что говорилъ вамъ истину. И смотри, съ какимъ смиреніемъ онъ защищаетъ себя. Невозможность того, чтобы онъ говорилъ это по зложелательству къ нимъ, доказываетъ не тѣмъ, что онъ для нихъ сдѣлалъ, а тѣмъ, что они для него сдѣлали. Не сказалъ онъ: какъ возможно, чтобы я, который для васъ подвергался бичеванію, гоненію и безчисленнымъ страданіямъ, сталъ теперь злоумышлять противъ васъ?—но заимствуетъ доказатель- 660
ство изъ того, чѣмъ они могли бы гордиться, говоря: какъ возможно, чтобы тотъ, кого вы почитали и приняли какъ ангела, сталъ платить вамъ за это враждою? *Ревнуютъ по васъ не добрѣ, но отлучити васъ хотятъ, да имъ ревнуете* (ст. 17). Бываетъ ревность и похвальная, когда кто-нибудь ревнуетъ подражать другому въ добродѣтели; но бываетъ ревность и злая — желаніе отклонить добродѣтельнаго отъ добродѣтели; этого именно они (лжеучители) и добиваются теперь, стремясь лишить васъ совершеннаго вѣдѣнія и привести къ поверхностному и ложному, не съ какою-либо иною цѣлію, но для того, чтобы самимъ занять положеніе учителей, а васъ, которые теперь выше ихъ, поставить на мѣсто учениковъ. Это именно и показалъ (апостолъ) словами: *да имъ ревнуете*. А я напротивъ желаю, говоритъ онъ, чтобы вы были лучше ихъ и служили примѣромъ для совершеннѣйшихъ. А это дѣйствительно такъ и было, когда я пребывалъ у васъ,—почему онъ и прибавляетъ: *добро же еже ревновати всегда въ добромъ, и не точію внегда приходити ми къ вамъ* (ст. 18). Здѣсь онъ даетъ разумѣть, что его отсутствіе служило причиною этого зла, и что блаженно то состояніе, когда ученики содержатъ здравое ученіе не только въ присутствіи своего учителя, но и во время его отсутствія; а такъ какъ они не достигли еще этой степени совершенства, то онъ и употребляетъ всѣ способы, чтобы довести ихъ до этого. *Чадца моя, имиже паки болѣзную, дондеже вообразится Христосъ въ васъ* (ст. 19). Смотри, какъ смущается, какъ безпокоится онъ. Братія мои, прошу васъ: *чадца моя, имиже*

паки болѣзную. Онъ подражаетъ матери, которая боится за дѣтей своихъ. *Дондеже вообразится Христосъ въ васъ*. Видишь ли любовь отеческую? Видишь ли скорбь, достойную апостола? Слышишь ли, какой онъ испустилъ вопль, болѣе горькій, чѣмъ вопль раждающей? Вы уничтожили, говоритъ, образъ, утратили высокое сродство, измѣнили подобіе; вамъ нужно другое возрожденіе, новое возсозданіе; но, не смотря на это, я все еще называю васъ дѣтьми,—васъ, выкидышей и недоносковъ. Впрочемъ онъ не говоритъ именно такъ, но иначе, такъ какъ щадитъ ихъ и не хочетъ ожесточать, налагая раны на раны; подобно тому какъ искусные врачи лѣчатъ подвергшихся продолжительной болѣзни не сразу, но съ промежутками, для того, чтобы они, впавъ въ малодушіе, не умерли, — точно такъ же поступаетъ и блаженный (Павелъ). А эти мученія его тѣмъ были болѣзненнѣе мученій тѣлесныхъ, чѣмъ сильнѣе была его любовь и чѣмъ важнѣе былъ грѣхъ ихъ.

3. Впрочемъ,—какъ я всегда говорилъ, и не перестану говорить,—и малое преступленіе обезобразило всю красоту и повредило образъ (Божій въ человѣкѣ). *Хотѣлъ быхъ пріити къ вамъ нынѣ, и измѣнити гласъ мой*. Замѣть, какъ онъ нетерпѣливъ, какъ пылокъ, какъ не можетъ этого снести. Таково уже свойство любви: она не довольствуется (заочными) словами, но ищетъ и свиданія. Чтобы *измѣнити гласъ мой*, говоритъ онъ. Это значитъ—измѣнить его въ плачевный, проливать слезы, и заставить плакать всѣхъ. Но въ письмѣ вѣдь невозможно было показать слезы и рыданія, а потому онъ и горитъ желаніемъ видѣться съ ними. *Яко не домышляюся о васъ*. Я не знаю, говоритъ, что сказать; не знаю, что подумать. Какъ это вы, достигши такой небесной вы-
661 соты, и чрезъ тяжкія бѣдствія, которыя вы претерпѣли за вѣру, и чрезъ знаменія, которыя вы совершили вѣрою, теперь внезапно снизошли до такого униженія, что обращаетесь къ обрѣзанію и субботамъ, и соединяетесь съ іудеями? Вотъ почему онъ и въ началѣ сказалъ: *дивлюся яко тако скоро прелагаетеся* (Гал. 1, 6), и здѣсь говоритъ: *недомышляюся о васъ*,—какъ бы говоря этимъ: что мнѣ сказать? съ чего начать рѣчь? что подумать? Недоумѣваю. Поэтому остается только плакать, какъ поступали и пророки въ безнадежныхъ случаяхъ. Но и такой способъ врачеванія не маловаженъ,—чтобы не только увѣщевать, но и плакать. Объ этомъ сказалъ онъ и въ бесѣдѣ къ милетянамъ: три года со слезами я не переставалъ учить васъ (Дѣян. xx, 31). То же говоритъ и здѣсь словами: *измѣнити гласъ мой*. Да и мы, побѣждаемые постигающими насъ противъ ожиданія безвыходными и затруднительными обстоятельствами, чаще всего предаемся слезамъ. Итакъ, обли-

чивъ ихъ и укоривъ и снова утѣшивъ, онъ наконецъ сталъ плакать; плачъ же выражаетъ не только порицаніе, но и ласкательство. Онъ не раздражаетъ подобно порицанію, и не разслабляетъ подобно угожденію, но есть врачество смѣшанное, и въ увѣщаніяхъ имѣетъ великую силу. Такимъ образомъ смягчивъ ихъ сердце своими слезами и болѣе расположивъ ихъ къ себѣ, онъ снова вступаетъ въ состязаніе, предлагая на разсужденіе предметъ еще болѣе важный и показывая, что и самый законъ не требуетъ, чтобы его соблюдали. Выше онъ привелъ въ примѣръ Авраама, а теперь представляетъ самый законъ убѣждающимъ, чтобы его не соблюдали болѣе, но оставили, что конечно являлось болѣе сильнымъ (доказательствомъ). Если вы хотите, говоритъ онъ, быть послушными закону, то оставьте его, такъ какъ онъ самъ этого требуетъ. Впрочемъ (апостолъ) не говоритъ именно такъ, но инымъ образомъ достигаетъ того же самаго, воспользовавшись исторіей. *Глаголите ми*, говоритъ, *иже подъ закономъ хощете быти, закона ли не слушаете* (ст. 21)? Хорошо сказалъ онъ—*иже хощете*,—такъ какъ дѣло зависѣло не отъ теченія вещей, но отъ неумѣстной ревности ихъ. Закономъ же здѣсь называетъ книгу Бытія, что часто онъ дѣлаетъ, называя такъ весь ветхій завѣтъ. *Писано бо есть, яко Авраамъ два сына имѣ, единаго отъ рабы, а другаго отъ свободныя* (ст. 22). Опять онъ указываетъ на Авраама; впрочемъ не повторяя этимъ сказаннаго прежде, но такъ какъ этотъ патріархъ былъ у іудеевъ въ великомъ уваженіи, то (апостолъ) и показываетъ, что образы въ немъ получили свое начало, въ немъ же предначертаны были и настоящія событія. И такъ какъ онъ прежде показалъ, что они (галаты) суть сыны Авраама, то далѣе, въ виду того, что сыновья этого патріарха имѣли неодинаковое достоинство, одинъ былъ рожденъ отъ рабы, а другой отъ свободной, онъ и говоритъ, что они не только сыновья Авраама, но и такіе сыновья, каковъ былъ сынъ его свободный и благородный. Такова сила вѣры. *Но иже отъ рабы, по плоти родися: а иже отъ свободныя, по обѣтованію* (ст. 23). Что значитъ—*по плоти*? Такъ какъ онъ сказалъ, что вѣра соединяетъ насъ съ Авраамомъ, а слушателямъ казалось непонятнымъ, какъ онъ называетъ сынами Авраама тѣхъ, которые не происходили отъ него, то онъ и показываетъ, что это необычайное дѣло совершено Богомъ. Исаакъ, родившійся не по естественному порядку, и не по закону супружества, а равно и не отъ силы плотской, былъ однако сыномъ и сыномъ настоящимъ, 662
рожденнымъ отъ тѣлесъ увядшихъ и утробы заматорѣвшей. Не плоть совершила зачатіе, и не сѣмя произвело плодъ, такъ какъ утроба матери была (вдвойнѣ) мертва—и по возрасту, и по не-

плодству, но образовало его слово, изреченное Богомъ. Напротивъ рабъ родился не такъ, но по законамъ естества и обыкновеннаго супружества. И всетаки рожденный не по плоти былъ предпочтенъ родившемуся по плоти. Итакъ не безпокойтесь и вы, что не родились по плоти (отъ Авраама), такъ какъ, въ силу того обстоятельства, что вы не по плоти родились отъ него, вы являетесь особенно родственными ему. Рожденіе по плоти не увеличиваетъ, но уменьшаетъ достоинство, такъ какъ рожденіе не по плоти является болѣе чудеснымъ и духовнымъ, что ясно открывается изъ примѣра тѣхъ, которые родились свыше. Измаилъ родился по плоти, но былъ рабомъ, и не только рабомъ, но даже былъ изгнанъ изъ родительскаго дома; а Исаакъ, рожденный по обѣтованію, какъ истинный сынъ и свободный, остался господиномъ всего. *Яже суть иносказаема* (ст. 24). (Апостолъ) противъ обыкновенія назвалъ иносказаніемъ образъ. Слова его имѣютъ слѣдующій смыслъ: эта исторія изображаетъ не только то, что представляется въ ней съ перваго взгляда, но выражаетъ также и нѣчто другое, а потому и названа иносказаніемъ. Что же она изображала? Не иное что, какъ настоящія событія. *Сія бо еста*, говоритъ, *два завѣта, единъ убо отъ горы Синайскія въ работу раждаяй, иже есть Агарь.* Кто эти—*сія*? Матери упомянутыхъ сыновей—Сарра и Агарь. Что означаютъ два завѣта? Два закона. Но такъ какъ въ исторіи это были имена женъ (Авраамовыхъ), то (апостолъ), держась общаго значенія этихъ названій, и изъ самыхъ именъ выводитъ великое слѣдствіе. *Агарь бо*, говоритъ онъ, *Сина гора есть во Аравіи* (ст. 25). Агарью называлась раба, а гора Синай на языкѣ той страны и означаетъ это (рабу).

4. Такимъ образомъ всѣ раждавшіеся въ ветхомъ завѣтѣ по необходимости были рабы. Въ самомъ дѣлѣ, та гора, на которой данъ былъ ветхій завѣтъ, будучи одноименна съ рабою, обнимаетъ и самый Іерусалимъ, что показываютъ дальнѣйшія слова—*прилагается же нынѣшнему Іерусалиму*. Это значитъ—сродна ему и близко указываетъ на него. *Работаетъ же съ чады своими.* Что же изъ этого слѣдуетъ? То, что не только Агарь была рабою и раждала рабовъ, но и самый завѣтъ, образомъ котораго была раба. Іерусалимъ и по мѣстоположенію лежитъ не далеко отъ той горы, имя которой означаетъ рабу, а на этой горѣ и данъ былъ законъ. Но что прообразовала Сарра? *А вышній Іерусалимъ свободь есть* (ст. 26). Поэтому и раждающіеся въ немъ не рабы. Образомъ нижняго Іерусалима была Агарь, и очевидно—отъ горы, носившей это названіе; а образомъ вышняго—Церковь. Впрочемъ (апостолъ) не довольствуется одними образами, но въ подтвержденіе словъ своихъ приводитъ свидѣтельство Исаіи. Дѣйствительно,

сказавъ, что вышній Іерусалимъ есть наша матерь и назвавъ этимъ именемъ Церковь, онъ указываетъ на пророка, который говоритъ то же самое, что сказалъ и онъ. *Возвеселися*, говоритъ, *неплоды не раждающая, расторгни и возопи не болящая, яко многа чада пустыя паче, нежели имущія мужа* (ст. 27). Кто же эта неплодная и кто эта оставленная прежде? Не очевидно ли, что это Церковь изъ язычниковъ, лишенная прежде познанія о Богѣ? 663
А кто имѣющая мужа? Не ясно ли, что іудейская синагога? И всетаки неплодная превзошла ее многочадіемъ. Первая обнимала собою только одинъ народъ, а чада Церкви наполнили Грецію и варварскія страны, землю, море и всю вселенную. Видишь ли, какъ Сарра самымъ дѣломъ, а пророкъ словомъ предвозвѣстили намъ будущее? Но смотри—Исаія сначала назвалъ неплодною, а потомъ показалъ, что эта неплодная сдѣлалась потомъ многочадною. Это прообразовательно случилось и съ Саррой, такъ какъ и она, будучи сначала неплодною, сдѣлалась потомъ матерію многочисленнаго потомства. Однако Павлу и этого недостаточно, но онъ тщательно изслѣдуетъ еще и то, какимъ образомъ неплодная стала матерію, чтобы и отсюда показать близость образа къ разсматриваемой истинѣ. Вотъ почему онъ и прибавляетъ: *мы же, братіе, по Исааку обѣтованія чада есмы* (ст. 28). Вѣдь и Церковь не только была неплодна, какъ Сарра, и не только, подобно послѣдней, оказалась многочадною потомъ, но и стала раждать одинаковымъ съ нею образомъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ Сарра сдѣлалась матерію не по природѣ, но по обѣтованію Божію [Тотъ, Кто сказалъ: въ это же время приду, и будетъ у Сарры сынъ (Быт. XVIII, 10), самъ, войдя въ утробу, образовалъ младенца],—точно также и въ дѣлѣ нашего возрожденія природа не имѣетъ никакого значенія; но божественныя слова, произносимыя священникомъ,—они извѣстны вѣрующимъ,—и только они, возсозидаютъ и возрождаютъ крещаемаго въ купели водной, какъ бы въ материнской утробѣ. Итакъ, если мы дѣти неплодной, то вмѣстѣ и свободные. Но что это за свобода, скажетъ кто-нибудь, если іудеи повсюду господствуютъ и наказываютъ бичами вѣрующихъ, а считающіе себя свободными подвергаются преслѣдованіямъ? Дѣйствительно такъ было въ то время, когда вѣрные были повсюду гонимы. Но это обстоятельство не должно смущать васъ, говоритъ (апостолъ), такъ какъ и оно было предначертано въ томъ же образѣ: вѣдь и Исаакъ, будучи свободнымъ, былъ гонимъ рабомъ Измаиломъ. Вотъ почему онъ и говоритъ далѣе: *но якоже тогда по плоти родивыйся гоняше духовнаго, тако и нынѣ. Но что глаголетъ писаніе? Изжени* сына рабы, *не имать бо наслѣдовати сынъ рабынинъ съ сыномъ свободныя* (ст. 29, 30). Что же? Неужели въ томъ и состоитъ все 664

утѣшеніе, чтобы свободные узнали, что они будутъ терпѣть гоненіе отъ рабовъ? Нѣтъ, говоритъ (апостолъ); я не останавливаюсь на этомъ; но послушай и дальнѣйшее,—и тогда получишь достаточное утѣшеніе, чтобы не малодушествовать въ гоненіяхъ. Что же такое далѣе? Изгони сына рабы, такъ какъ онъ не будетъ наслѣдникомъ вмѣстѣ съ сыномъ свободной. Видишь ли возмездіе за кратковременную тиранію и неумѣстное высокомѣріе? Отрокъ лишается отцовскаго наслѣдія, и дѣлается изгнанникомъ и скитальцемъ вмѣстѣ съ матерію. А ты замѣть мудрость сказаннаго. Онъ не сказалъ, что изгоняется только потому, что гналъ, но— чтобы не былъ наслѣдникомъ. Онъ понесъ наказаніе не за временное преслѣдованіе (это и неважно и нисколько не относится къ дѣлу); но потому, что (Богъ) не допуститъ его быть участникомъ въ томъ, что приготовлено было сыну, показывая этимъ, что и независимо отъ преслѣдованія, это было предопредѣлено ему свыше, и причиною своею имѣло не гоненія, но Божіе опредѣленіе. И не сказалъ онъ: не будетъ наслѣдникомъ сынъ Авраама, но—сынъ рабы, давая ему названіе отъ низкаго рода. Но Сарра была неплодною: такова же была и Церковь языческая. Видишь ли, какъ во всемъ содержится прообразованіе? Какъ та, не раждая во всѣ ранніе годы, становится матерію въ глубокой старости, такъ и Церковь языческая стала раждать, когда пришло исполненіе (временъ). Это самое предвозвѣстили и пророки, говоря: *возвеселися неплоды нераждающая, возгласи и возопій не чревоболѣвшая, яко многа чада пустыя паче, нежели имущія мужа* (Ис. LIV, 1),—называя этимъ именемъ Церковь. Дѣйствительно, послѣдняя прежде не знала Бога, но когда познала, то превзошла многочадіемъ синагогу. *Тѣмже, братіе, нѣсмы рабынина чада, но свободныя* (ст. 31). Все это объясняетъ и раскрываетъ (апостолъ), желая показать, что случившееся не было дѣломъ новымъ, но было прообразовано Богомъ и за много вѣковъ. Итакъ не безумно ли избраннымъ за столько вѣковъ прежде и получившимъ уже свободу добровольно подчинять себя подъ иго рабства? Затѣмъ (апостолъ) приводитъ и другую причину, убѣждающую ихъ твердо стоять въ догматахъ вѣры.

ГЛАВА V.

663—664 Свободою убо, говоритъ, ею же Христосъ васъ свободи, стойте (ст. 1).

1. Развѣ вы сами освободили себя, что опять стремитесь подъ прежнее владычество? Самъ (Христосъ) искупилъ васъ,—

развѣ другой заплатилъ за васъ цѣну выкупа? Видишь, сколько средствъ употребляетъ (апостолъ), чтобы отклонить ихъ отъ іудейскаго заблужденія? Во-первыхъ, онъ показываетъ, что крайне безумно сдѣлавшимся изъ рабовъ свободными желать изъ свободныхъ снова сдѣлаться рабами; во-вторыхъ, даетъ имъ понять, что, презирая освободителя, а любя поработителя, они окажутся жестокими и неблагодарными по отношенію къ своему благодѣтелю; въ-третьихъ, внушаетъ, что это уже и невозможно, такъ какъ законъ утратилъ свое владычество, послѣ того, какъ другой откупилъ всѣхъ насъ у него однажды навсегда. Словомъ же—
стойте онъ указываетъ ихъ непостоянство и шаткость. *И не паки* 664
подъ игомъ работы держитеся. Словомъ—*иго* изображаетъ тяжесть закона, а сказавъ—*паки*, обнаруживаетъ ихъ великую безчувственность. Если бы вы сами не испытали этой тяжести, то не заслуживали бы еще такихъ упрековъ; но если вы по опыту знаете всю тяжесть этого ига и не смотря на это опять сами подчиняетесь ему, то заслуживаете ли вы какого извиненія? *Се азъ Павелъ глаголю вамъ, яко аще обрѣзаетеся, Христосъ васъ ничтоже пользуетъ* (ст. 2). Смотри, какая угрожаетъ опасность! Справедливо поэтому онъ анаѳематствовалъ и самихъ ангеловъ (Гал. I, 8). Но какимъ образомъ не будетъ имъ никакой пользы отъ Христа? Этого онъ самъ не сталъ доказывать, а только объявилъ, такъ какъ достоинство лица было убѣдительнѣе всякаго другого доказательства (вотъ почему онъ предварительно и сказалъ: *се азъ Павелъ глаголю вамъ*,—что служило доказательствомъ увѣренности его въ расположеніи къ себѣ тѣхъ, кому онъ говорилъ).
Но мы, насколько возможно, предложимъ отъ себя нѣчто въ 665
объясненіе того, почему обрѣзывающемуся не будетъ никакой пользы отъ Христа. Обрѣзывающійся обрѣзывается какъ бы боясь закона, боящійся же закона не вѣритъ силѣ благодати, а невѣрующій не получаетъ никакой пользы отъ благодати, которой онъ не вѣритъ. Съ другой стороны, кто обрѣзывается, тотъ дѣлаетъ законъ господиномъ надъ собою; кто же, считая законъ господиномъ, въ то же время большую часть его нарушаетъ и соблюдаетъ только меньшую, тотъ опять подвергаетъ себя проклятію; но какъ можетъ спастись тотъ, кто подвергаетъ себя проклятію и отвергаетъ свободу отъ проклятія, приносимую вѣрою? А если позволительно сказать нѣчто невѣроятное,—такой человѣкъ не вѣруетъ ни во Христа, ни въ законъ, онъ сталъ въ серединѣ между тѣмъ и другимъ, желая получить пользу и отъ того и отъ другого, а потому ни откуда ничего не получитъ. Затѣмъ, сказавъ, что имъ не будетъ никакой пользы, онъ, хотя не прямо и въ короткихъ словахъ, приводитъ и дока-

зательство, говоря такъ: *свидѣтельствую же всякому человѣку обрѣзающемуся, яко долженъ есть весь законъ творити* (ст. 3). Чтобы ты не подумалъ, что это сказано по непріязненному расположенію, для этого, говоритъ, не только вамъ, но и всякому человѣку обрѣзывающемуся, я говорю, что онъ долженъ исполнить весь законъ, потому что постановленія закона тѣсно связаны между собою. И какъ тотъ, кто, будучи свободнымъ, предалъ себя въ рабство, болѣе уже не дѣлаетъ того, что хочетъ, но подчиняется всѣмъ законамъ рабства, такъ и по отношенію къ закону: если ты примешь хотя бы и одну незначительную часть его и подчинишь себя игу его, то этимъ привлечешь на себя всю его власть. Точно также бываетъ и въ мірскомъ наслѣдствѣ: кто ничего не беретъ изъ него, тотъ свободенъ и отъ всѣхъ обязанностей, возлагаемыхъ на наслѣдника умершаго; если же кто получилъ, хотя бы и не все наслѣдство, а только малую часть его, тотъ и за эту одну часть принимаетъ на себя всѣ обязанности наслѣдника. То же происходитъ и по отношенію къ закону, и не только такимъ образомъ, какъ я сказалъ, но и другимъ, потому что заповѣди закона связаны между собою. Напримѣръ, обрѣзаніе соединено съ жертвоприношеніемъ и наблюденіемъ дней; жертвоприношеніе также связано съ наблюденіемъ дней и мѣста; мѣсто—съ безчисленными видами очищеній; очищенія неразлучны со множествомъ различныхъ обрядовъ; нечистому не позволяется ни приносить жертвы, ни входить въ священныя мѣста, ни дѣлать другое что-нибудь подобное. Такимъ образомъ законъ и для одной завовѣди требуетъ многаго. Такъ, если ты обрѣзался, но не въ восьмой день, или хотя и въ восьмой, но безъ жертвоприношенія, или даже и съ жертвоприношеніемъ, но не на томъ мѣстѣ, которое опредѣлено, или и на опредѣленномъ мѣстѣ, но не по предписаніямъ закона, или хотя и согласно съ предписаніями закона, но будучи нечистымъ, или и чистымъ, но очистившимся не установленными обрядами,—то всѣ эти твои труды пропали. Вотъ почему онъ и говоритъ, что (обрѣзывающійся) долженъ исполнить весь законъ. Если законъ господствуетъ, то исполняй не часть его, а весь; если же онъ не имѣетъ силы, то не исполняй и части. *Упразднистеся отъ Христа, иже закономъ оправдаетеся, отъ благодати отпадосте* (ст. 4). Вслѣдъ за доказательствомъ онъ показываетъ далѣе и крайнюю опасность ихъ положенія. Если прибѣгающій къ закону не можетъ найти въ немъ спасенія, а между тѣмъ отпадаетъ отъ благодати, то что ему
666 остается кромѣ неизбѣжнаго наказанія, когда законъ не имѣетъ силы, а благодать не принимаетъ его?

2. Усиливъ такимъ образомъ страхъ ихъ, поколебавши ихъ

мысли и указавъ на угрожающее имъ кораблекрушеніе, онъ затѣмъ открываетъ имъ близкую къ нимъ пристань благодати, какъ и повсюду онъ дѣлаетъ, обѣщая въ ней вѣрнѣйшее и надежнѣйшее спасеніе. Поэтому онъ далѣе и говоритъ: *мы бо духомъ отъ вѣры упованія правды ждемъ* (ст. 5). Мы, говоритъ онъ, не имѣемъ нужды ни въ какихъ постановленіяхъ закона, такъ какъ вѣра достаточна для того, чтобы сообщить намъ Духа, а чрезъ него оправданіе и кромѣ того многія и великія блага. *О Христѣ бо Іисусѣ ни обрѣзаніе что можетъ, ни необрѣзаніе, но вѣра любовію споспѣшествуема* (ст. 6). Видишь ли, какъ онъ обращается къ нимъ уже съ большимъ дерзновеніемъ? Облекшійся во Христа, говоритъ, пусть не заботится объ обрѣзаніи. Однако онъ не сказалъ, что обрѣзаніе вредно: какъ же въ такомъ случаѣ онъ считаетъ его безразличнымъ? Оно безразлично для тѣхъ, которые были обрѣзаны прежде принятія вѣры, но не для тѣхъ, которые обрѣзывались уже послѣ принятія вѣры. Смотри же, какъ онъ отвергъ обрѣзаніе, поставивъ его на ряду съ необрѣзаніемъ. Вѣдь различіе дѣлаетъ вѣра. Такъ, если кто набираетъ борцовъ, то будутъ ли они кривоносые или курносые, черные или бѣлые, это нисколько не важно въ дѣлѣ выбора, но надобно искать въ нихъ только того, чтобы они были сильны и опытны въ своемъ дѣлѣ. Точно также и желающему вступить въ новый завѣтъ нисколько не повредитъ то, что онъ не соблюлъ всѣхъ этихъ тѣлесныхъ обрядовъ, равно какъ не принесетъ никакой пользы и то, если онъ соблюдетъ ихъ. Что же значитъ—*любовію споспѣшествуема*? Этими словами (апостолъ) сильно уязвляетъ ихъ, показывая, что это уклоненіе ихъ отъ истины произошло оттого, что они не утвердились еще въ любви ко Христу, такъ какъ здѣсь потребна не только вѣра, но и пребываніе въ любви. Какъ бы такъ онъ сказалъ: если бы вы любили Христа какъ должно, то вы не уклонились бы къ рабству, не оставили бы вашего Искупителя и не оскорбили бы Освободителя. Онъ указываетъ здѣсь вмѣстѣ и на тѣхъ, которые злоумышляли противъ нихъ, давая понять, что если бы и они имѣли любовь къ нимъ, то не рѣшились бы сдѣлать этого. Кромѣ того этими словами онъ желаетъ исправить и жизнь ихъ. *Течасте добрѣ, кто вамъ возбрани* (ст. 7)? Это—слова не вопрошающаго, а недоумѣвающаго и скорбящаго. Какъ остановлено такое шествіе? Кто имѣлъ столько силы? Вы, которые были выше всѣхъ и стояли на степени учителей, не остались даже и на степени учениковъ. Какъ это случилось? Кто былъ такъ силенъ? Это скорѣе голосъ призывающаго и скорбящаго, подобно тому, какъ и выше онъ сказалъ: *кто вы прельстилъ есть* (Гал. III, 1)? *Препрѣніе не отъ призвавшаго вы* (ст. 8). Призвавшій

васъ не для того призвалъ, чтобы вы такъ колебались, не далъ вамъ заповѣди жить по-іудейски. Затѣмъ, чтобы кто-нибудь не сказалъ: зачѣмъ ты такъ преувеличиваешь дѣло и представляешь его столь ужаснымъ? мы соблюли только одну заповѣдь закона, а ты производишь такой шумъ?—послушай, какъ устрашаетъ ихъ, не настоящимъ ихъ поступкомъ, но имѣющими произойти отъ него послѣдствіями, въ слѣдующихъ словахъ: *малъ квасъ все смѣшеніе квасить* (ст. 9). Такъ и васъ, говоритъ, эта не-
667 большая погрѣшность, оставленная безъ исправленія, можетъ преодолѣть и увлечь совершенно въ іудейство, подобно тому какъ закваска (заквашиваетъ) тѣсто. *Азъ надѣюся о васъ* во Христѣ, *яко ничтоже ино разумѣти будете* (ст. 10). Не сказалъ—не разумѣете, но—не будете разумѣть, т. е. исправитесь. Откуда ты знаешь это? Но онъ не сказалъ—знаю, а—надѣюсь. Надѣюсь на Бога, говоритъ онъ, и съ твердымъ упованіемъ призываю Его содѣйствіе къ вашему исправленію. И не просто сказалъ—*надѣюся о васъ*, но прибавилъ—*о Господѣ*. Онъ вездѣ соединяетъ обличеніе съ похвалою; какъ бы такъ онъ сказалъ: я знаю моихъ учениковъ, знаю удобоисправимость вашу; полагаюсь въ этомъ и на Господа, который не попускаетъ погибнуть даже и самому незначительному человѣку, и на васъ, которые легко можете возвратиться въ прежнее состояніе. Но вмѣстѣ съ тѣмъ убѣждаетъ приложить и собственное стараніе, такъ какъ не возможно получить отъ Бога ничего, если мы не привнесемъ ничего съ своей стороны. *Смущаяй же васъ, понесетъ грѣхъ, кто бы ни былъ*. Съ двухъ сторонъ побуждаетъ ихъ къ исправленію,—и тѣмъ, что ободряетъ ихъ, и тѣмъ, что угрожаетъ и предсказываетъ наказаніе обольстителямъ. Но замѣть, что онъ нигдѣ не назвалъ по имени злоумышленниковъ, чтобы тѣмъ не сдѣлать ихъ еще безстыднѣе. А смыслъ его словъ такой: хотя вы и не будете мыслить иначе, однако это не избавитъ виновниковъ обольщенія отъ наказанія, но они будутъ осуждены, такъ какъ невозможно допустить, чтобы за благочестіе однихъ облегчалась участь другихъ, злонравныхъ. Говоритъ же это для того, чтобы лжеучители не сдѣлали такого же нападенія еще и на другихъ. И не просто сказалъ—смущающіе, но и усилилъ выраженіе, сказавъ: *кто бы ни былъ. Азъ же, братіе, аще обрѣзаніе еще проповѣдую, почто еще гонимъ есмь* (ст. 11)? Такъ какъ на него возводили клевету, будто онъ часто соблюдаетъ іудейскіе обряды и проповѣдуетъ (необрѣзаніе) притворно, то посмотри, какъ онъ показалъ себя чистымъ (отъ этой клеветы), призывая въ свидѣтели ихъ самихъ. Вы и сами знаете, говоритъ онъ, что причиною гоненій на меня было то, что я повелѣваю оставлять законъ; а если бы я проповѣды-

валъ обрѣзаніе, то за что бы стали меня преслѣдовать? Ни въ чемъ другомъ, кромѣ этого, іудействующіе не могутъ обвинить меня. И если бы я дозволялъ имъ вѣровать по отеческимъ обычаямъ, то, конечно, ни увѣровавшіе, ни неувѣровавшіе не злоумышляли бы противъ меня, такъ какъ ничего изъ ихъ обычаевъ не отвергалось бы.

3. Что же? Не проповѣдалъ ли онъ обрѣзанія? Не обрѣзалъ ли Тимоѳея (Дѣян. xvi)? Обрѣзалъ, конечно. Какъ же въ такомъ случаѣ говоритъ—„не проповѣдую"? Замѣть и здѣсь его осмотрительность. Онъ не сказалъ—я не совершаю обрѣзанія, но—не проповѣдую, т. е. не учу такъ вѣрить. И ты не долженъ брать моего поступка въ утвержденіе догматовъ: я дѣйствительно обрѣзалъ, но не проповѣдывалъ обрѣзанія. *Убо упраздися соблазнъ креста*. Это значитъ: если вѣрно то, что вы говорите, то преграда и вражда, раздѣляющія насъ, уничтожены. Іудеевъ соблазнялъ не столько крестъ, сколько ученіе не слѣдовать отеческимъ обычаямъ. И когда они привели Стефана въ синедріонъ, не говорили, что онъ почитаетъ Распятаго, но что онъ говоритъ (хульныя слова) на мѣсто это и на святой законъ (Дѣян. vi, 13). Да и самого Іисуса они обвиняли въ томъ, что онъ разоряетъ законъ (Іоан. v, 16). Вотъ почему Павелъ и говоритъ: если мы допускаемъ обрѣзаніе, то прекратилась ваша борьба съ нами,—нѣтъ бо- 668
лѣе никакой вражды противъ креста и проповѣди; если же насъ ежедневно умерщвляютъ, то почему же насъ обвиняютъ въ этомъ? А на меня за то и возложили руки, что я ввелъ въ храмъ необрѣзаннаго. Неужели же я, говоритъ, настолько неразуменъ, что, допуская обрѣзаніе, рѣшился бы совершенно напрасно и самъ подвергнуться такому злу, и подать такой соблазнъ для креста? Вы и сами видите, что ни за что такъ не враждуютъ на насъ, какъ за обрѣзаніе. Итакъ, неужели я былъ настолько неразуменъ, чтобы безъ всякой причины и себя подвергнуть скорби, и другихъ ввести въ соблазнъ? А назвалъ онъ это соблазномъ креста потому, что и ученіе о крестѣ повелѣваетъ оставить отеческіе обычаи, и что это именно повелѣніе преимущественно и соблазняло іудеевъ и служило препятствіемъ къ принятію креста. *О дабы отсѣчени были развращающіи васъ* (ст. 12)! Смотри, какимъ строгимъ является здѣсь (апостолъ) по отношенію къ обольстителямъ (галатовъ). Сначала онъ упрекалъ обольщенныхъ, дважды назвавъ ихъ несмысленными, но послѣ того какъ достаточно научилъ и вразумилъ ихъ, обращается уже къ обольстителямъ. А мы должны и здѣсь замѣтить мудрость (апостола). Первыхъ онъ убѣждаетъ и вразумляетъ, какъ дѣтей своихъ, способныхъ еще исправиться, обольстителей же отсѣкаетъ, какъ чуж-

дыхъ и неизлѣчимо больныхъ; на это послѣднее указываетъ онъ, когда говоритъ: *понесетъ грѣхъ, кто бы ни былъ*, а на первое, когда угрожаетъ имъ и говоритъ: *о дабы отсѣчени были развращающіи васъ*. И справедливо сказалъ—*развращающіи* (ἀναστατοῦντες). Въ самомъ дѣлѣ, они принудили ихъ, оставивъ свое отечество и свободу и небесное родство, искать отечества чуждаго и неизвѣстнаго, и изгнавъ ихъ изъ Іерусалима горняго и свободнаго, заставили блуждать какъ плѣнниковъ и пришельцевъ. Поэтому-то (апостолъ) и желаетъ ихъ удаленія. Смыслъ же его словъ таковъ: я нисколько не забочусь о нихъ, такъ какъ *еретика человѣка по первомъ и второмъ наказаніи отрицайся* (Тит. III, 10). Если они хотятъ, пусть не только обрѣзываются, но и (все тѣло свое) изрѣжутъ.

Итакъ, что скажутъ теперь тѣ, которые осмѣливаются сами себя искажать, навлекая тѣмъ на себя клятву апостола и осуждая устроеніе Божіе,—споборники манихеевъ? Но и манихеи только говорятъ, что тѣло злокозненно и составлено изъ злого вещества, а эти самыми дѣлами подаютъ поводъ къ ихъ нелѣпымъ толкамъ, отсѣкая членъ, какъ бы враждебный и злокозненный. Въ такомъ случаѣ скорѣе надлежало бы выкалывать глаза, такъ какъ чрезъ нихъ входитъ въ душу похоть. Но ни глазъ, ни другой какой-либо членъ не виновны въ этомъ, а виновна одна только злая воля. Если же не можешь воздержаться, то почему не отсѣкаешь языка за богохульство, рукъ за хищеніе, ногъ за стремленіе ихъ ко злу, и всего, такъ сказать, тѣла? Да и слухъ, услаждаемый игрою на флейтѣ, часто разслабляетъ душу, и ноздри при ощущеніи благовонія прельщаютъ сердце и увлекаютъ къ удовольствію. Итакъ отсѣчемъ все, и уши, и руки, и ноздри. Но это—край-
669 нее нечестіе и безуміе сатанинское. Нужно только исправить безпорядочное стремленіе души, потому что злой демонъ, услаждающійся всегда убійствами, могъ внушить, что должно истреблять самый органъ, какъ будто бы великій художникъ сдѣлалъ ошибку. Какъ же бываетъ, скажетъ кто-нибудь, что отъ тучности тѣла возгарается похоть? Но и тутъ опять грѣхъ души, такъ какъ утучненіе тѣла зависитъ не отъ тѣла, а отъ души. Вѣдь если она захочетъ истощить его, то имѣетъ къ этому полную возможность. Ты поступаешь подобно тому, кто, видя подкладывающаго зажженныя дрова и поджигающаго ими домъ, оставилъ бы совершенно въ сторонѣ поджигателя, и сталъ бы обвинять огонь за то, что онъ разгорѣлся такъ сильно оттого, что охватилъ много бревенъ дома. Но виноватъ не огонь, а поджигатель. Огонь данъ для приготовленія пищи, для освѣщенія и для многихъ другихъ потребностей, а не для того, чтобы жечь дома. Точно также и по-

желаніе дано для дѣторожденія и сохраненія жизни, а не для прелюбодѣянія, блуда и распутства; дано для того, чтобы ты былъ отцемъ, а не прелюбодѣемъ, чтобы законно находился въ общеніи съ женою, а не растлѣвалъ ее противозаконнымъ образомъ, чтобы ты оставилъ свое сѣмя, а не оскверняль чужое. Вѣдь прелюбодѣяніе зависитъ не отъ естественнаго пожеланія, но противоестественной необузданности, такъ какъ пожеланіе ищетъ только совокупленія, а не такого именно совокупленія.

4. Впрочемъ это я сказалъ теперь не безъ намѣренія, но приступаю къ нѣкоторымъ состязаніямъ и предначинаю борьбу противъ тѣхъ, которые называютъ твореніе Божіе злымъ и, не обращая вниманія на безпечность души, безумно возстаютъ противъ тѣла и клевещутъ на плоть нашу, о которыхъ далѣе говоритъ и апостолъ Павелъ, обвиняя именно не плоть, а хульные помыслы. *Вы же, братіе, на свободу звани бысте: точію да не свобода въ вину плоти* (ст. 13). Здѣсь (апостолъ), кажется, переходитъ къ нравственной части посланія; но въ этомъ посланіи онъ допускаетъ нѣкоторую особенность, каковой нѣтъ ни въ одномъ изъ другихъ его посланій. Всѣ другія посланія онъ обыкновенно раздѣляетъ на двѣ части, изъ которыхъ въ первой разсуждаетъ о догматахъ, а въ послѣдней излагаетъ правила жизни; между тѣмъ какъ здѣсь, перешедши къ нравственному ученію, онъ послѣ опять присоединяетъ къ нему ученіе догматическое; и это потому, что нравственное ученіе опять имѣетъ нужду въ догматическомъ въ борьбѣ съ манихеями. Что же значатъ слова: *точію да не свобода въ вину плоти?* Христосъ, говоритъ, освободилъ насъ отъ ига рабства и предоставилъ намъ свободу дѣлать, что хотимъ, не для того, чтобы мы употребляли эту свободу на зло, но чтобы пользовались ею, какъ средствомъ къ полученію большей награды, восходя къ совершеннѣйшей мудрости. Такъ какъ онъ повсюду называетъ законъ игомъ рабства, а благодать освободительницей отъ клятвы закона, то чтобы кто-нибудь не подумалъ, будто онъ повелѣваетъ оставить законъ для того, чтобы можно было жить беззаконно, онъ предупреждаетъ подобное подозрѣніе, говоря: не для того (освобождены мы отъ закона), чтобы жить намъ беззаконно, но чтобы стяжать мудрость выше закона, потому что узы закона разрѣшены. И я говорю это не для того, чтобы намъ еще болѣе унизиться, но чтобы болѣе возвыситься. Вѣдь и блудникъ, и дѣвственникъ—оба преступили предѣлы закона, но не одинаково, а одинъ ниспалъ въ худшее, другой же возвысился къ лучшему, одинъ преступилъ законъ, а другой превзошелъ законъ. Итакъ Павелъ говоритъ слѣдующее: Христосъ освободилъ васъ отъ ига не для того, чтобы вы прыгали и бѣсились, но чтобы освобо- 670

жденные отъ ярма текли благоустроеннѣе. Затѣмъ (апостолъ) указываетъ и способъ, посредствомъ котораго легко можно достигнуть этого. Какой же это способъ? *Любовію*, говоритъ, *работайте другъ другу*. Снова здѣсь онъ даетъ понять, что причиною ихъ заблужденія были честолюбіе, несогласіе, любоначаліе и гордость, такъ какъ мать ересей есть страсть властолюбія. И словами—*работайте другъ другу* онъ показалъ, что это зло произошло именно отъ тщеславія и гордости, а потому представляетъ и соотвѣтственное врачество. Такъ какъ вы раздѣлились между собою вслѣдствіе желанія властвовать одинъ надъ другимъ, то служите другъ другу, и такимъ образомъ вы опять соединитесь. Впрочемъ онъ ясно не называетъ грѣха, а ясно предлагаетъ только способъ исправленія, чтобы отсюда уже они узнали и грѣхъ свой,—подобно тому, какъ если бы кто, не говоря (прямо) распутному, что онъ распутенъ, сталъ бы убѣждать его быть цѣломудреннымъ. И дѣйствительно, кто любитъ, какъ должно, ближняго, тотъ не откажется служить ему покорнѣе всякаго раба. Какъ огонь, поднесенный къ воску, легко размягчаетъ его, точно такъ же и теплота любви сильнѣе огня разрушаетъ всякую гордость и надменность. Вотъ почему не сказалъ просто—любите другъ друга, а—*работайте*, указывая этимъ на высшую степень любви. А чтобы они, освободясь отъ ига закона, не сдѣлались безчинными, онъ возлагаетъ на нихъ другое иго, иго любви, которое хотя и крѣпче перваго, но гораздо легче и пріятнѣе. Потомъ, изъясняя, въ чемъ состоитъ благо любви, говоритъ: *ибо весь законъ въ единомъ словеси исполняется, во еже: возлюбиши ближняго твоего, якоже себе* (ст. 14; Мѳ. XXII, 39; Левит. XIX, 18). Такъ какъ они всячески извращали законъ, то онъ и говоритъ: если ты хочешь исполнить законъ, то не обрѣзывайся, потому что онъ исполняется не въ обрѣзаніи, а въ любви. Смотри, какъ онъ не можетъ забыть своей скорби, но непрестанно возвращается къ тому, что причиняетъ ему эту скорбь, даже и перешедши къ нравственному ученію. *Аще же другъ друга угрызаете и снѣдаете, блюдитеся, да не другъ отъ друга истреблени будете* (ст. 15). Онъ не высказываетъ своей мысли прямо, чтобы не огорчить ихъ, хотя зналъ, что такъ и дѣлается между ними; но то же самое говоритъ съ видомъ нѣкотораго сомнѣнія. Онъ не сказалъ: потому что вы угрызаете другъ друга, и далѣе тоже (не сказалъ прямо), равно какъ опять и послѣ не высказалъ прямо, что вы будете истреблены другъ другомъ; такая рѣчь свойственна только устрашающему и предостерегающему отъ опасности, а не осуждающему. Слова же употребилъ самыя сильныя. Не сказалъ онъ только—*угрызаете*, что дѣлаетъ иногда раздраженный, но прибавилъ—*и снѣдаете*, что

свойственно закоренѣвшему въ злобѣ. Угрызающій удовлетворяетъ только страсть гнѣва, тотъ же, кто съѣдаетъ, обнаруживаетъ въ себѣ крайнюю степень звѣрства. Впрочемъ онъ говоритъ здѣсь не о тѣлесныхъ укушеніяхъ и съѣданіяхъ, а разумѣетъ еще болѣе худшія. Въ самомъ дѣлѣ, не столько причиняетъ вреда тотъ, кто съѣдаетъ плоть человѣка, сколько тотъ, кто угрызаетъ душу его, такъ какъ, насколько душа драгоцѣннѣе тѣла, настолько тягостнѣе и причиняемое ей зло. *Блюдитеся, да не другъ отъ друга истреблени будете*, говоритъ онъ. Такъ какъ обманщики и злоумышленники приходятъ для того, чтобы губить другихъ, то онъ поэтому и говоритъ: смотрите, чтобы дѣло не дошло и до васъ. Раздѣленіе и борьба гибельны и разорительны, безъ сомнѣнія, какъ для тѣхъ, которые принимаютъ ихъ, такъ и для тѣхъ, кто вводитъ ихъ, и изъѣдаютъ все еще болѣе, чѣмъ моль. *Глаголю же, духомъ ходите, и похоти плотскія не совершайте* (ст. 16).

5. Вотъ показываетъ и другой способъ, облегчающій добро- 671
дѣтель и содѣйствующій исполненію выше сказаннаго,—способъ, раждающій любовь и поддерживаемый любовію. Дѣйствительно, ничто такъ не дѣлаетъ насъ любвеобильными, какъ жизнь по духу, и ничто такъ не убѣждаетъ духа обитать въ насъ, какъ сила любви. Поэтому онъ и говоритъ: *духомъ ходите, и похоти плотскія не совершайте*. Такъ какъ онъ ранѣе назвалъ причину болѣзни, то теперь указываетъ на лѣкарство, приносящее здоровье. Какое же это лѣкарство и какая это сила, отъ которой зависятъ сказанныя выше блага, какъ не жизнь по духу? Поэтому и говоритъ: *духомъ ходите, и похоти плотскія не совершайте. Плоть бо похотствуетъ на духа, духъ же на плоть: сія же другъ другу противятся, да не яже хощете, сія творите* (ст. 17). Здѣсь нѣкоторые нападаютъ (на насъ), говоря: вотъ и апостолъ раздѣляетъ человѣка на два, представляя его какъ бы составленнымъ изъ противоположныхъ природъ, разъ приписываетъ борьбу противъ души тѣлу. Но это совершенно несправедливо, такъ какъ плотію онъ называетъ здѣсь не тѣло; а если разумѣетъ здѣсь тѣло, то какой смыслъ будутъ имѣть слѣдующія далѣе слова? *Похотствуетъ*, говоритъ, *на духа*. Но вѣдь тѣло принадлежитъ къ числу вещей не движущихъ, а движимыхъ, не дѣйствующихъ, а которыми дѣйствуютъ,—какъ же въ такомъ случаѣ оно желаетъ? Желаніе безъ сомнѣнія принадлежитъ душѣ, а не тѣлу. Да и въ другихъ мѣстахъ Писанія говорится: желаетъ душа моя (Псал. LXXXIII, 3); также: чего желаетъ душа твоя, я сдѣлаю для тебя (1 Цар. XX, 4); и еще: не слѣдуй влеченію души твоей (Іис. с. Сир. V, 2); и опять: *сице желаетъ душа моя* (Псал. XLI, 2). Какъ же Павелъ говоритъ: *плоть похотствуетъ*

на духа? Плотію онъ обыкновенно называетъ не природу тѣлесную, а злую волю, напр., когда говоритъ: *вы нѣсте во плоти, но въ дусѣ* (Рим. VIII, 9); и еще: *сущіи же во плоти, Богу угодити не могутъ* (Рим. VIII, 8). Итакъ что же? Должно убивать плоть? Но самъ сказавшій это развѣ не былъ облеченъ плотію? Такія внушенія дѣло не плоти, а діавола, такъ какъ *онъ человѣкоубійца бѣ искони* (Іоан. VIII, 44). О чемъ же въ такомъ случаѣ говоритъ (апостолъ)? Плотію онъ называетъ здѣсь помыслъ земной, легкомысленный и нерадивый, а въ послѣднемъ виновато не тѣло, но безпечная душа. Вѣдь тѣло есть только орудіе, отъ орудія же никто не отвращается, ни ненавидитъ, а отвращаются отъ того, кто употребляетъ это орудіе во зло. Мы ненавидимъ и наказываемъ не мечъ, а человѣкоубійцу. Но, скажетъ кто-нибудь, называть хрѣхи души именемъ плоти именно и значитъ обвинять тѣло. Я же признаю, что хотя плоть и ниже души, но и она прекрасна. Въ самомъ дѣлѣ, то, что ниже хорошаго, и само хорошо, тогда какъ худое не ниже хорошаго, но совершенно противоположно ему. Если ты дѣйствительно можешь указать зло, происходящее отъ тѣла, то обвиняй плоть; но если ты на основаніи одного только названія хочешь порицать плоть, то смотри, чтобы тебѣ не пришлось обвинять и душу, потому что и лишенный истины человѣкъ называется душевнымъ человѣкомъ (1 Кор. II, 14), и полчища демоновъ называются духами злобы (Ефес. VI, 12). Съ другой стороны, именемъ плоти Писаніе называетъ обыкновенно и таинства, равно и всю Церковь, называя ее тѣломъ Христовымъ (Колос. I, 18). Если же ты хочешь, чтобы я указалъ
672 тебѣ благодѣянія, получаемыя нами чрезъ тѣло, то представь, что всѣ чувства у него уничтожены, и ты увидишь тогда душу лишенною всякаго познанія, и не имѣющею никакого понятія о томъ, что она знаетъ теперь. Въ самомъ дѣлѣ, если сила Божія отъ созданія міра видима чрезъ разсматриваніе твореній (Рим. I, 20), то какъ мы могли бы познать ее безъ глазъ? Если также и вѣра отъ слуха (Рим. X, 17), то какъ услышимъ о ней безъ ушей? А проповѣдывать и обходить землю можно только посредствомъ языка и ногъ. Какъ въ самомъ дѣлѣ проповѣдывать, если не будутъ посланы (Рим. X, 15)? Да и письмо возможно благодаря рукамъ. Видишь ли, какое множество благъ приноситъ намъ служеніе плоти? Если же (апостолъ) говоритъ: *плоть похотствуетъ на духа*, то говоритъ о двухъ противоположныхъ видахъ помысловъ,—о добродѣтели и порокѣ, такъ какъ именно они противятся другъ другу, а не душа и тѣло. Если бы эти послѣднія находились во взаимной враждѣ, то они истребили бы другъ друга, такъже какъ вода истребляетъ огонь, какъ тьма—свѣтъ;

если же душа заботится о тѣлѣ и проявляетъ по отношенію къ нему великое попеченіе, весьма многое претерпѣваетъ, чтобы только не разстаться съ нимъ, и сопротивляется, когда ее хотятъ разлучить съ нимъ, если въ свою очередь и тѣло служитъ ей, много доставляетъ ей познаній и само приспособлено къ ея дѣятельности,—то какъ они могутъ быть противными и враждебными другъ другу? И дѣйствительно, изъ самыхъ дѣйствій ихъ я вижу, что они не только не противны, но и весьма между собою согласны и взаимно другъ друга поддерживаютъ. Такимъ образомъ не о тѣлѣ и душѣ говоритъ (апостолъ) въ словахъ—противятся другъ другу, а указываетъ на борьбу злыхъ и добрыхъ помысловъ. Желать и не желать—есть, конечно, дѣло души. Поэтому онъ и говоритъ: они противятся, чтобы ты не дозволялъ душѣ предаваться злымъ ея пожеланіямъ. Онъ сказалъ это какъ наставникъ и учитель, возбуждая страхъ. *Аще ли духомъ водими есте, нѣсте подъ закономъ* (ст. 18).

6. Какая тутъ послѣдовательность? Самая строгая и очевидная. Кто имѣетъ духа, какъ и слѣдуетъ, тотъ при его помощи погашаетъ въ себѣ всякое злое желаніе; кто же освободился отъ злыхъ пожеланій, тотъ уже не имѣетъ нужды въ помощи закона, ставъ много выше его ученія. Въ самомъ дѣлѣ, кто не гнѣвается, развѣ нуждается въ томъ, чтобы слышать—не убій? Кто не смотритъ любострастными глазами, развѣ имѣетъ нужду въ наставленіи—не прелюбодѣйствовать? Кто станетъ говорить о послѣдствіяхъ зла тому, кто исторгъ въ себѣ и самый корень зла? А корень убійства, безъ сомнѣнія, есть гнѣвъ, прелюбодѣянія же—похотливый взглядъ глазъ. Поэтому онъ и говоритъ: *аще духомъ водими есте, нѣсте подъ закономъ*. Здѣсь, мнѣ кажется, онъ высказалъ вмѣстѣ великую и удивительную похвалу закону. Если законъ, говоритъ, до пришествія духа замѣнялъ, сообразно силамъ своимъ, духа, то даже и поэтому нѣтъ нужды оставаться теперь подъ пѣстуномъ. Тогда, конечно, мы справедливо находились подъ закономъ, чтобы, побуждаемые страхомъ, удерживали свои пожеланія, такъ какъ не явился еще духъ; а теперь, послѣ того какъ намъ дарована благодать, которая не только повелѣваетъ воздерживаться отъ нихъ, но и сама изсушаетъ ихъ и возводитъ человѣка къ совершеннѣйшей жизни, какая нужда въ законѣ? Кто по собственному побужденію совершаетъ большее, на что тому пѣстунъ? Философъ, конечно, не имѣетъ нужды въ учителѣ грамматики. Итакъ, для чего вы унижаете себя, слушая теперь слова закона, послѣ того какъ первоначально изъявили готовность служить духу? *Явлена же суть дѣла плотская, яже суть блудъ, прелюбодѣяніе, нечистота, студодѣяніе, чародѣянія, идолослу-* 673

женіе, вражда, рвенія, завиды, ярости, разженія, распри, соблазны, ереси, зависти, убійства, піянства, безчинны кличи, и подобная симъ, яже предглаголю вамъ, якоже и предрекохъ, яко таковая творящіи царствія Божія не наслѣдятъ (ст. 19—21). Теперь ты, обвинитель плоти своей, скажи мнѣ, если ты думаешь, что это сказано о борьбѣ и враждѣ ея (пусть даже прелюбодѣяніе и блудъ, по вашему, зависятъ отъ плоти),—какъ вражда, ссоры, зависть, распри, ереси и волшебство (а все это, равно какъ и другое, конечно зависитъ отъ воли, только развращенной), какъ они-то могутъ зависѣть отъ плоти? Видишь, что (апостолъ) говоритъ здѣсь не о плоти, а о земныхъ и низменныхъ помыслахъ? Поэтому онъ возбуждаетъ и страхъ, говоря, что *таковая творящіи, царствія Божія не наслѣдятъ.* А если бы это зависѣло отъ злой природы, а не отъ развращенной воли, то ему скорѣе слѣдовало бы сказать не—„творятъ", но—претерпѣваютъ. Но за что же они въ такомъ случаѣ лишаются и царствія? Вѣдь какъ вѣнцы, такъ и наказанія слѣдуютъ не за то, что совершается по природѣ, но за то, что по волѣ. Вотъ почему и Павелъ угрожалъ такъ. *Плодъ же духовный любы, радость, миръ* (ст. 22). Не сказалъ—дѣло, но—*плодъ* духа. Чтоже, не излишня ли душа? Если рѣчь идетъ только о плоти и духѣ, то гдѣ душа? Или онъ говоритъ о существахъ неимѣющихъ души? Въ самомъ дѣлѣ, когда зло приписывается плоти, а добро духу, то душѣ нѣтъ уже мѣста. Но это совершенно не такъ, потому что воздержаніе страстей есть дѣло души, и ей принадлежитъ; и если она, находясь посреди добродѣтели и порока, употребляетъ тѣло на должное, то и его дѣлаетъ духовнымъ, а если удаляется отъ духа и предается злымъ пожеланіямъ, то и сама становится болѣе земною. Видишь ли изъ всего этого, что онъ говоритъ здѣсь не о существѣ плоти, а о зломъ и добромъ произволеніи? Почему же онъ (добрыя дѣла) называетъ „плодомъ"
674 духа? Такъ какъ злыя дѣла происходятъ только отъ насъ, поэтому онъ и называетъ ихъ дѣлами, между тѣмъ добрыя требуютъ не нашего только старанія, но и человѣколюбія Божія. Затѣмъ, перечисляя добрыя дѣла, на первомъ мѣстѣ поставляетъ корень ихъ, говоря такъ: *любы, радость, миръ, долготерпѣніе, благость, милосердіе, вѣра, кротость, воздержаніе. На таковыхъ нѣсть закона* (ст. 22, 23). Въ самомъ дѣлѣ, чему можно научить того, кто самъ въ себѣ имѣетъ все, и у кого совершеннѣйшимъ учителемъ мудрости служитъ любовь? Какъ кроткіе кони, и сами по себѣ дѣлающіе все, не имѣютъ нужды въ бичѣ, такъ и душа, преуспѣвающая въ добродѣтели дѣйствіемъ духа, не имѣетъ нужды въ предписаніяхъ закона. Итакъ (апостолъ) и здѣсь съ удивительною мудростію отвергъ законъ, не потому, чтобы онъ былъ

худъ, но потому, что онъ ниже премудрости, даруемой Духомъ. *А иже Христовы суть, плоть распяша со страстьми и похотьми* (ст. 24). Чтобы не спросили: кто же это такіе?—онъ изъ самыхъ дѣлъ указываетъ тѣхъ, которые поступаютъ такъ, называя снова здѣсь плотію злыя дѣла. Вѣдь таковые конечно не убили своей плоти,—иначе какъ бы они стали жить?—распятое безъ сомнѣнія мертво, и недѣятельно,—но говоритъ о совершенствѣ ихъ мудрости. Хотя страсти и досаждаютъ имъ, но возстаютъ на нихъ совершенно безъ успѣха. Итакъ, если такова сила духа, то имъ и жить будемъ, имъ только и будемъ довольствоваться. Указывая на это, и самъ (апостолъ) прибавилъ: итакъ будемъ жить *духомъ*, и *духомъ да ходимъ* (ст. 25), живя по его законамъ. Это именно и значитъ—*да ходимъ*, т. е. будемъ довольны силою духа и не станемъ искать дополненія въ законѣ. Затѣмъ, желая показать, что вводящіе обрѣзаніе дѣлаютъ это по честолюбію, говоритъ: не будемъ тщеславиться, въ чемъ заключается причина всѣхъ золъ, не будемъ другъ друга раздражать, другъ другу завидовать (ст. 26). Вѣдь отъ тщеславія раждается зависть, а отъ зависти происходятъ всѣ тѣ безчисленные виды зла.

ГЛАВА VI.

Братіе, аще и впадетъ человѣкъ (ст. 1). 673

1. Такъ какъ (галаты), подъ предлогомъ обличенія, мстили другимъ за свои страсти, и обольщали себя тѣмъ, что они дѣлаютъ это для исправленія грѣховъ другихъ, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ желали утвердить свое любоначаліе, то (апостолъ) говоритъ: *братіе, аще и впадетъ* (человѣкъ въ нѣкое прегрѣшеніе). Не сказалъ—если сдѣлаетъ, но—*аще впадетъ*, т. е. если будетъ увлеченъ. *Вы духовніи исправляйте таковаго*. Не сказалъ опять—наказывайте, или осуждайте, но—исправляйте. И даже на этомъ не останавливается, но, желая показать, что имъ нужно быть крайне снисходительными къ вовлеченнымъ въ грѣхъ, прибавилъ: *духомъ кротости*. Не сказалъ просто—кротостію, но—*духомъ кротости*, показывая тѣмъ, что это угодно и Духу, и что способность исправлять кротостію согрѣшающихъ есть даръ духовный. Затѣмъ, чтобы исправляющій другого не возгордился, онъ устрашаетъ и его опасностію подобнаго паденія, говоря: *блюдый себе, да не и ты искушенъ будеши*. Какъ богатые подаютъ бѣднымъ милостыню, чтобы, если и имъ самимъ придется впасть въ 674
бѣдность, получить тоже отъ другихъ, такъ должно поступать и намъ. Поэтому онъ представляетъ и необходимую причину, го-

воря: *блюдый себе, да не и ты искушенъ будеши.* При этомъ онъ еще и защищаетъ согрѣшающаго, во-первыхъ, словами: *аще и впадетъ*, которыми указываетъ на великую немощь души, во-вторыхъ, словами: *да не и ты искушенъ будеши*, обвиняя болѣе искушеніе демонское, нежели нерадѣніе души. *Другъ друга тяготы носите.* Такъ какъ невозможно, будучи человѣкомъ, быть свободнымъ отъ недостатковъ, то (апостолъ) убѣждаетъ не быть строгими судіями погрѣшностей другихъ, но терпѣливо сносить недостатки ближнихъ, чтобы и другіе сносили ихъ собственные недостатки. Какъ при постройкѣ зданія не всѣ камни получаютъ одно назначеніе, но одинъ годится для угла, а не для основанія, другой для основанія, а не для угла, такъ безъ сомнѣнія и въ тѣлѣ Церкви. Равнымъ образомъ и въ нашемъ тѣлѣ каждый мо-
675 жетъ увидѣть тоже самое, однако же одинъ членъ терпитъ другого, и мы не требуемъ всего отъ каждаго изъ нихъ, потому что изъ совокупности разнообразнаго состоитъ и тѣло, и зданіе. *И тако исполните законъ Христовъ.* Не сказалъ—исполняйте (πληρώσατε), но—восполняйте (ἀναπληρώσατε), т. е. исполняйте всѣ вмѣстѣ совокупными силами, терпя недостатки одинъ другого. Такъ напримѣръ, тотъ вспыльчивъ, а ты сонливъ: сноси же въ такомъ случаѣ его бурные порывы, чтобы и онъ сносилъ твою вялость. Такимъ образомъ и онъ не согрѣшитъ, когда встрѣтитъ снисхожденіе къ себѣ съ твоей стороны, да и ты не погрѣшишь, разъ братъ твой терпитъ въ тебѣ то, что для него тяжело. Итакъ, подавая другъ другу руку помощи, когда угрожаетъ опасность паденія, исполняйте законъ общими силами, восполняя каждый недостатки ближняго своимъ терпѣніемъ. Если же не будете такъ поступать, а всякій станетъ судить дѣла ближняго, то вы никогда не достигнете того, чего должны достигать. Подобно тому какъ и по отношенію къ тѣлу, если кто станетъ требовать отъ всѣхъ членовъ его одинаковаго служенія, тѣло ни въ какомъ случаѣ не устоитъ, такъ и между братіями произойдетъ великая вражда, если мы отъ каждаго будемъ требовать всего. *Аще бо кто мнитъ себе быти что, ничтоже сый, умомъ льститъ себе* (ст. 3). Обрати снова и здѣсь вниманіе на гордость. Кто считаетъ себя чѣмъ-нибудь, тотъ ничто, и первымъ доказательствомъ ничтожности своей представляетъ именно такое легкомысліе. *Дѣло же свое да искушаетъ кійждо* (ст. 4). Здѣсь онъ показываетъ, что намъ нужно быть судіями своей собственной жизни, и не слегка, но со тщаніемъ изслѣдовать совершенное нами. Напримѣръ, ты сдѣлалъ какое-либо добро? Смотри, не сдѣлалъ ли ты его по тщеславію, или по нуждѣ, или по ненависти, или по лицемѣрію, или по какому-либо другому человѣческому побужденію. Въ самомъ дѣлѣ,

подобно тому какъ золото, хотя и кажется блестящимъ прежде, чѣмъ положено будетъ въ горнило, но совершенно познается уже послѣ того, какъ подвергнется дѣйствію огня и отъ чистаго золота будетъ отдѣлена всякая примѣсь, точно также и наши дѣла тогда только откроются въ настоящемъ видѣ, когда мы тщательно изслѣдуемъ ихъ,—тогда мы и увидимъ, что мы сами за многое повинны осужденію. *И тогда въ себѣ точію хваленіе да иматъ, а не во иномъ.* Этими словами (апостолъ) предписываетъ не правило, но лишь оказываетъ снисхожденіе, говоря какъ бы такъ: хвалиться, конечно, безумно, но если уже хочешь хвалиться, то не передъ ближнимъ, какъ фарисей. А кто научится не хвалиться передъ ближнимъ, тотъ безъ сомнѣнія скоро перестанетъ хвалиться и въ себѣ. Вотъ почему онъ и сдѣлалъ имъ это снисхожденіе, чтобы мало-по-малу уничтожить въ нихъ все зло. Дѣйствительно, привыкшій хвалиться только въ себѣ, а не передъ другими, скоро исправитъ и этотъ недостатокъ, потому что, кто не считаетъ себя лучше другихъ (это и значатъ слова—*не во иномъ*), но хвалится только собою, разсматривая себя одного, тотъ перестанетъ наконецъ дѣлать и это. А чтобы ты могъ убѣдиться, что (апостолъ) имѣетъ въ виду достиженіе именно этого, смотри, какъ онъ смиряетъ таковаго страхомъ, и выше сказавъ: *дѣло свое да искушаетъ,* и здѣсь прибавляя: *кійждо бо свое бремя понесетъ* (ст. 5). Онъ дѣлаетъ видъ, будто даетъ заповѣдь, возбраняющую хвалиться передъ другимъ, а между тѣмъ этимъ исправляетъ и хвалящагося, чтобы онъ и о себѣ не думалъ много, приводя его въ сознаніе своихъ собственныхъ грѣховъ, и поражая его совѣсть наименованіями бремени и ношенія тяжести. *Да обращается же учайся словеси учащему во всѣхъ благихъ* (ст. 6).

2. Здѣсь (апостолъ) говоритъ уже объ учителяхъ, чтобы 676
наставляемые усердно служили имъ въ содержаніи. Но для чего Христосъ установилъ такой законъ? А въ новомъ (завѣтѣ) есть дѣйствительно этотъ законъ, чтобы проповѣдывающимъ Евангеліе жить отъ благовѣствованія (1 Кор. IX, 14); да и въ ветхомъ (завѣтѣ) точно также левиты получали большія приношенія отъ подчиненныхъ (Числ. XXXI и XXXV). Итакъ для чего же Онъ установилъ это? Прежде всего для того, чтобы дать побужденіе къ смиренію и любви. Такъ какъ учительское достоинство часто надмеваетъ имѣющихъ его, то Христосъ, желая смирить высокомѣріе учителя, поставилъ его въ необходимость нуждаться въ помощи наставляемыхъ имъ, а съ другой стороны и послѣднимъ предоставилъ случай быть болѣе доступными благосклонности, научая ихъ чрезъ услужливость учителямъ быть благосклоннѣе и къ другимъ, а чрезъ это возбуждая и не малую любовь въ

тѣхъ и другихъ. А если бы не было, какъ я сказалъ, этого (намѣренія), то для чего Онъ, питавшій неблагодарныхъ іудеевъ манною, поставилъ апостоловъ въ состояніе нищихъ? Не очевидно ли, что чрезъ это Онъ хотѣлъ научить (послѣднихъ) великимъ добродѣтелямъ, смиренію и любви, а равно и тому, чтобы наставляемые не стыдились быть подъ руководствомъ людей, повидимому, презрѣнныхъ? Просить считается постыднымъ; но это не могло уже казаться такимъ послѣ того, какъ учители дѣлали то же самое совершенно свободно; а такимъ образомъ и отсюда ученики получали не мало пользы, научаясь изъ примѣра учителей презирать всякую славу. Поэтому-то (апостолъ) говоритъ: *да обращается же учайся словеси учащему во всѣхъ благихъ.* Это значитъ—долженъ проявлять по отношенію къ нему совершенную щедрость, такъ какъ, указывая на это, онъ сказалъ: *во всѣхъ благихъ.* Ученикъ, говоритъ онъ, не долженъ ничего считать своею собственностію, но все должно быть у него общее съ учителемъ. Вѣдь онъ получаетъ больше, нежели даетъ, и настолько больше, насколько небесное выше земного. Указывая на это, онъ и въ другомъ мѣстѣ сказалъ: *аще мы духовная сѣяхомъ вамъ, велико ли, аще мы ваша тѣлесная пожнемъ* (1 Кор. IX, 11)? Поэтому онъ и называетъ это дѣло общеніемъ, показывая тѣмъ, что оно не остается безъ воздаянія, а благодаря этому и любовь дѣлается пламеннѣе и крѣпче. Итакъ, если учитель проситъ необходимаго для жизни, то, и получая это, сохраняетъ свое достоинство. Въ самомъ дѣлѣ, похвалою учителю служитъ уже и то, когда онъ такъ усерденъ къ проповѣди, что имѣетъ нужду въ помощи другихъ, терпитъ крайнюю бѣдность и презираетъ все житейское. А если онъ преступаетъ мѣру необходимаго, то теряетъ и свое достоинство, но не отъ того, что беретъ, а отъ того, что беретъ сверхъ мѣры. Чтобы неблаговидная жизнь учителя не ослабила усердія къ нему ученика, и чтобы послѣдній, во время бѣдности учителя, не сталъ пренебрегать имъ за его нечестные поступки, (апостолъ) ниже говоритъ: *доброе же творяще, да не стужаемъ си* (ст. 9); здѣсь же онъ показываетъ различіе между общеніемъ и пристрастіемъ къ земнымъ благамъ, говоря такъ: *не льститеся: Богъ поругаемь не бываетъ. Еже бо аще сѣетъ человѣкъ, тожде и пожнетъ: яко сѣяй въ плоть свою, отъ плоти пожнетъ истлѣніе: а сѣяй въ духъ, отъ духа пожнетъ животъ вѣчный* (ст. 7, 8). Подобно тому какъ въ посѣвахъ—тотъ, кто сѣетъ горохъ, не можетъ пожать пшеницы, потому что жатва необходимо бываетъ однородна съ посѣяннымъ,—точно также бываетъ и въ дѣлахъ,—кто наполняетъ плоть свою удовольствіями, пьянствомъ, необузданными пожеланіями, тотъ и пожнетъ то, что изъ этого обыкно-

венно произрастаетъ. Что же это такое? Наказаніе, отмщеніе, посрамленіе, поруганіе, истлѣніе. Вѣдь роскошные обѣды и пиршества не имѣютъ никакого другого послѣдствія, кромѣ истлѣнія,—такъ какъ и сами они тлѣютъ, и вмѣстѣ съ собою тлятъ и тѣло. Напротивъ, дѣла духовныя не таковы, но совершенно противоположны (плотскимъ). Смотри въ самомъ дѣлѣ: ты посѣялъ милостыню,—тебя ожидаютъ небесныя сокровища и вѣчная слава; посѣялъ цѣломудріе,—тебя ожидаютъ честь и награда, привѣтствія ангеловъ и вѣнцы отъ Подвигоположника. *Доброе же творяще, да не стужаемъ си: во время бо свое пожнемъ не ослабѣюще. Тѣмже убо, дондеже время имамы, да дѣлаемъ благое ко всѣмъ, паче же къ присныимъ по вѣрѣ* (ст. 9, 10). Чтобы кто не подумалъ, что должно заботиться и пропитывать только учителей, а о другихъ можно и не заботиться, (апостолъ) заключаетъ свое слово общимъ наставленіемъ, и раскрываетъ дверь щедрости для всѣхъ, и распространяетъ ее до того, что повелѣваетъ подавать милостыню даже іудеямъ и язычникамъ, хотя и въ надлежащемъ порядкѣ, но все-таки подавать ее всѣмъ. Какой же это порядокъ? Имѣть бóльшее попеченіе о вѣрныхъ. И какъ онъ обыкновенно дѣлаетъ и въ другихъ посланіяхъ, такъ поступаетъ и здѣсь,—говоря не только о томъ, что нужно подавать милостыню, но и подавать съ охотою и непрестанно; на это именно указываетъ онъ словами—„сѣять“ и „не должно унывать“. Но такъ какъ онъ потребовалъ отъ нихъ многаго, то полагаетъ при дверяхъ и награду для нихъ, указывая на нѣкоторую новую и необыкновенную жатву.

3. Въ земледѣльческихъ трудахъ не только сѣющій, но и жнущій претерпѣваетъ большое утомленіе, борясь съ жаромъ, пылью и великою тяжестью труда; тогда же, говоритъ онъ, ничего подобнаго не будетъ, какъ это видно изъ сказаннаго имъ: *во время бо свое пожнемъ не ослабѣюще.* И этими словами онъ убѣждаетъ и привлекаетъ ихъ, а послѣдующими побуждаетъ и понуждаетъ, говоря: *тѣмже убо, дондеже время имамы, да дѣлаемъ благое ко всѣмъ.* Подобно тому какъ не всегда въ нашей власти производить посѣвъ, точно также не всегда мы можемъ подавать и милостыню. Когда мы уйдемъ изъ этого міра, то хотя бы и тысячу разъ хотѣли творить милостыню, мы не будемъ въ состояніи совершить ничего. Объ этомъ свидѣтельствуютъ намъ и тѣ дѣвы, которыя, хотя пришли съ искреннимъ желаніемъ, но не имѣя обильной милостыни, отлучены были отъ брачнаго чертога (Мѳ. XXV), а равно и тотъ богачъ, который презрѣлъ Лазаря, такъ какъ и онъ, потому что лишенъ былъ помощи ея, не получилъ милости ни отъ патріарха, ни отъ кого-либо другого,

не смотря на слезы и сильныя просьбы, но остался навсегда въ огненномъ мученіи, безъ всякаго послабленія (Лук. xvi). Поэтому и говоритъ: *дондеже время имамы, да дѣлаемъ благое,* и притомъ всѣмъ. Этими словами онъ особенно предостерегаетъ ихъ отъ скупости іудейской. У послѣднихъ всѣ дѣла человѣколюбія ограничивались только единоплеменниками, тогда какъ ученіе благодати призываетъ на трапезу благотворенія и море, и землю, хотя и обнаруживаетъ бо́льшее попеченіе о своихъ. *Видите, колицѣми книгами писахъ вамъ моею рукою. Елицы хотятъ хвалитися по плоти, сіи нудятъ вы обрѣзатися* (ст. 11, 12). Подумай, какая великая скорбь объемлетъ эту блаженную душу. Какъ пораженные какою-либо скорбію, или лишившіеся кого-нибудь изъ родныхъ, или потерпѣвшіе какое-нибудь неожиданное несчастіе не имѣютъ покоя ни днемъ, ни ночью, по причинѣ удручающей ихъ душу скорби,—такъ и блаженный Павелъ, сказавъ немного
378 о нравственности, опять возвращается къ прежнему, что болѣе всего возмущало его душу, и говоритъ такъ: *видите, колицѣми книгами писахъ вамъ моею рукою.*

Здѣсь онъ указываетъ только на то, что все это посланіе написалъ онъ самъ, а это служило свидѣтельствомъ его великой близости. Другія посланія самъ онъ только диктовалъ, а писалъ другой, какъ это видно изъ посланія къ римлянамъ, въ концѣ котораго сказано: *цѣлую вы и азъ Тертій, написавый посланіе сіе* (Рим. xvi, 22); въ настоящемъ же случаѣ написалъ все посланіе самъ. Сдѣлалъ же это онъ теперь и по необходимости, не только изъ любви къ нимъ, но вмѣстѣ и для отвращенія худого подозрѣнія. Такъ какъ на него возводили обвиненіе въ такихъ дѣлахъ, въ которыхъ онъ не принималъ никакого участія, и говорили, что онъ проповѣдуетъ обрѣзаніе и только притворяется не проповѣдающимъ, то въ виду этого онъ и вынужденъ былъ собственноручно написать это посланіе, чтобы представить о себѣ письменное свидѣтельство. Словомъ же—*колицѣми*, по моему мнѣнію, онъ указываетъ не на обширность посланія, а на недостаточную красоту почерка, какъ бы такъ говоря: хотя я не умѣю красиво писать, однако же принужденъ написать это посланіе собственноручно, чтобы заградить уста клеветникамъ. *Елицы хотятъ хвалитися по плоти, сіи нудятъ вы обрѣзатися, точію да не креста ради Христова гоними будутъ. Ни бо обрѣзающіися сами законъ хранятъ, но хотятъ вамъ обрѣзоватися, да въ вашей плоти похвалятся* (ст. 12, 13). Здѣсь (апостолъ), показывая, что они не сами собою впали въ это заблужденіе, а по принужденію, тѣмъ самымъ представляетъ имъ случай оставить таковое, а почти оправдывая ихъ, тѣмъ убѣждаетъ скорѣе отстать

отъ лжеучителей. Но что значитъ—хвалиться по плоти? Заслуживать похвалу отъ людей. Такъ какъ (лжеучители) сами терпѣли поношеніе отъ іудеевъ за оставленіе отеческихъ обычаевъ, то, чтобы избѣгнуть этого поношенія, говоритъ онъ, они хотятъ совратить васъ, чтобы самимъ оправдаться передъ тѣми вашею плотію. Сказалъ же это онъ для того, чтобы показать, что лжеучители дѣлали это не для Бога, говоря какъ бы такъ: это происходитъ не отъ благочестія, а все дѣлается изъ одного человѣческаго честолюбія, ради угожденія невѣрнымъ—тѣмъ, что вѣрные обрѣзываются, и предпочитаютъ оскорбить Бога, чтобы только угодить людямъ. Это именно значатъ слова—„хвалиться по плоти". Затѣмъ, желая показать, что лжеучители и съ другой стороны недостойны прощенія, онъ еще обличаетъ ихъ и въ томъ, что они повелѣваютъ обрѣзываться не только изъ угожденія другимъ, но и для собственнаго тщеславія. Поэтому онъ и прибавилъ: *да въ вашей плоти похвалятся*,—какъ будто они дѣйствительно имѣютъ учениковъ, а сами учители. Но откуда это видно? *Ни бо сами законъ хранятъ*,—говоритъ онъ. Впрочемъ, если бы и соблюдали, то и въ такомъ случаѣ были бы достойны величайшаго осужденія, а теперь и самое намѣреніе ихъ преступно. *Мнѣ же*, говоритъ, *токмо о крестѣ Господа нашего Іисуса Христа* (ст. 14). Конечно, это считается позорнымъ, но только въ мірѣ и у невѣрныхъ, а на небесахъ и у вѣрныхъ это величайшая слава. Такъ и бѣдность для другихъ постыдна, для насъ же она—похвала; и терпѣть поруганія для многихъ кажется смѣшнымъ, а мы этимъ хвалимся. Точно также и крестъ есть наша похвала. И не сказалъ онъ: я же не хвалюсь, или: я же не хочу хвалиться, но—*мнѣ же да не будетъ*, какъ бы отвращаясь чего, какъ безразсуднаго, и прося у Бога помощи, чтобы ему избѣжать этого. 679
Въ чемъ же состоитъ похвала о крестѣ? Въ томъ, что Христосъ ради меня принялъ зракъ раба, и ради меня претерпѣлъ страданія,—ради меня, бывшаго рабомъ, врагомъ и неблагодарнымъ, и такъ возлюбилъ меня, что предалъ и Себя (на смерть). Что еще можно найти равное этому? Если рабы, получая только похвалу отъ своихъ господъ, которые притомъ одного естества съ ними, хвалятся этимъ, то какъ же не хвалиться намъ, когда Владыка, истинный Богъ, не постыдился претерпѣть за насъ крестную смерть?

4. Поэтому и мы не будемъ стыдиться Его неизреченнаго милосердія къ намъ. Онъ не устыдился быть распятымъ за тебя, а ты стыдишься исповѣдывать Его безконечное милосердіе? Въ такомъ случаѣ ты подобенъ тому узнику, который прежде не стыдился своего царя, а когда послѣдній, придя къ нему въ тем-

ницу, снялъ съ него оковы своими руками, сталъ изъ-за этого стыдиться его. Это было бы крайнимъ безуміемъ, такъ какъ этимъ особенно и надобно хвалиться. *Имже мнѣ міръ распяся, и азъ міру.* Міромъ онъ называетъ здѣсь не небо и землю, но дѣла житейскія—похвалу отъ людей, почетъ, славу, богатство и все подобное, что кажется обыкновенно блистательнымъ. Все это, говорить, стало для меня мертво. Таковъ долженъ быть христіанинъ, и эти слова онъ долженъ постоянно имѣть на устахъ своихъ. Но (апостолъ) еще не былъ доволенъ только первымъ видомъ умерщвленія, но присовокупилъ и другой, сказавъ: *и азъ міру*, указывая этимъ на двойное умерщвленіе, и какъ бы такъ говоря: и это для меня мертво, и я, съ другой стороны, мертвъ для этого: это не можетъ овладѣть мною или плѣнить меня, потому что разъ навсегда умерло для меня; и я не могу быть одержимъ желаніемъ его, такъ какъ и я мертвъ для этого. Нѣтъ ничего блаженнѣе подобнаго умерщвленія, такъ какъ оно служитъ основаніемъ блаженной жизни. *Ни обрѣзаніе бо что можетъ, ни не обрѣзаніе, но нова тварь. И елицы правиломъ симъ жительствуютъ, миръ на нихъ и милость, и на Израили Божіи* (ст. 15, 16).

Видишь ли, на какую высоту вознесла (апостола) сила креста? Она не только все мірское сдѣлала мертвымъ для него, но и поставила его несравненно выше прежней жизни. Какая сила можетъ равняться этой силѣ (креста)? Въ самомъ дѣлѣ, кто раньше подвергался смерти и другихъ умерщвлялъ за обрѣзаніе, того крестъ научилъ, вмѣнивъ обрѣзаніе наравнѣ съ необрѣзаніемъ, искать дѣлъ новыхъ, дивныхъ и превышенебесныхъ. Новою тварью онъ называетъ нашу жизнь,—какъ въ отношеніи къ совершившемуся, такъ и въ отношеніи къ имѣющему еще совершиться. Въ отношеніи къ совершившемуся — потому, что душа наша, состарѣвшаяся во грѣхѣ, чрезъ крещеніе вдругъ обновилась, какъ бы созданная вновь, почему и требуется отъ насъ также и образъ жизни новый и небесный; въ отношеніи же къ будущему — потому, что небо, и земля, и вся наконецъ тварь вмѣстѣ съ нашими тѣлами должны перейти въ состояніе нетлѣнія. Итакъ, не говори мнѣ, говоритъ (апостолъ), объ обрѣзаніи, которое теперь не имѣетъ уже силы; да и какъ, въ самомъ дѣлѣ, оно можетъ оставаться теперь, когда все такъ измѣнилось? Ищи новыхъ дѣлъ благодати. Только стремящіеся къ этимъ дѣламъ насладятся миромъ и милостію Божіею и могутъ быть названы въ собственномъ смыслѣ Израилемъ, — тогда какъ тѣ, которые мыслятъ противное этому, хотя бы они родились и отъ Израиля и носили имя его, лишились всего этого, и сродства съ нимъ, и самаго наименованія. Только исполняющіе это правило, оставивши

древнее и слѣдуя ученію благодати, могутъ назваться истинными израильтянами. *Прочее, труды да никтоже ми даетъ* (ст. 17). Здѣсь онъ говоритъ это не какъ утомленный, или отчаявшійся. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, могъ ослабѣть или упасть духомъ тотъ, кто рѣшился ради учениковъ все сдѣлать и претерпѣть,—кто говоритъ: *настой благовременнѣ и безвременнѣ* (2 Тим. IV, 2), и еще: *еда како дастъ имъ Богъ* познаніе *истины, и возникнутъ отъ діавольскія сѣти* (2 Тим. II, 25, 26)? Для чего же онъ говоритъ это? Для того, чтобы возбудить ихъ недѣятельный умъ, привести ихъ въ большій страхъ, утвердить предписанныя имъ правила, и предостеречь ихъ впредь отъ подобныхъ смятеній. *Азъ бо язвы Господа* нашего *Іисуса Христа на тѣлѣ моемъ ношу*. Не сказалъ—имѣю, а—*ношу*, точно кто-нибудь гордящійся своими трофеями или царскими знаками отличія. Хотя носить язвы считается также признакомъ безчестія, но онъ хвалится язвами; и подобно тому какъ радуются воины, носящіе знамена, такъ радуется и онъ, носящій язвы. Но для чего онъ говоритъ это? Для того, говоритъ, что эти язвы оправдываютъ меня лучше всякаго слова, лучше всякаго голоса. Онѣ издаютъ голосъ сильнѣе всякой трубы противъ тѣхъ, которые противоборствуютъ мнѣ и говорятъ, что я учу притворно и говорю иногда въ угожденіе людямъ. Если бы кто увидѣлъ окровавленнаго и покрытаго безчисленными ранами воина, вышедшаго изъ строя, тотъ конечно не могъ бы обвинять его въ трусости и предательствѣ, такъ какъ онъ на самомъ тѣлѣ своемъ носитъ доказательство своего мужества. Такъ же, говоритъ, должно судить и обо мнѣ. И если кто хочетъ слышать мое оправданіе и узнать мой образъ мыслей, тотъ пусть смотритъ на мои раны, которыя представляютъ доказательство сильнѣе этихъ словъ и этого писанія. Въ началѣ посланія онъ ясно доказалъ свое непритворство внезапнымъ своимъ обращеніемъ, въ концѣ же его доказываетъ это своими страданіями. А чтобы кто-нибудь не сказалъ, что онъ обратился съ искреннимъ сердцемъ, но послѣ не устоялъ въ томъ же самомъ расположеніи, для этого онъ и приводитъ свои труды, страданія и язвы въ свидѣтели того, что онъ также и устоялъ. Наконецъ, достаточно оправдавшись во всѣхъ отношеніяхъ, и увѣривъ, что ничего не сказалъ по гнѣву или по нерасположенію, а питаетъ къ нимъ неизмѣнную любовь, онъ снова подтверждаетъ то же самое, заключая свое слово молитвою, исполненною безчисленныхъ благъ, и говоря: *благодать Господа нашего Іисуса Христа со духомъ вашимъ, братіе. Аминь* (ст. 18). Этими послѣдними словами онъ наложилъ печать на все сказанное прежде. Въ самомъ дѣлѣ, онъ не сказалъ просто — съ вами, какъ говоритъ въ другихъ посланіяхъ, но—*со духомъ ва-*

шимъ, отклоняя ихъ отъ плотского, и вездѣ указывая на благодѣянія Божіи, и напоминая о благодати, которую они получили и которая достаточна была для того, чтобы избавить ихъ отъ всякаго іудейскаго заблужденія. Какъ принятіе Духа зависѣло не отъ немощного закона, но отъ оправданія чрезъ вѣру, такъ и удержаніе его послѣ принятія зависѣло не отъ обрѣзанія, а отъ благодати. Поэтому онъ и заключилъ увѣщаніе молитвою, напомнилъ о благодати и духѣ и назвалъ ихъ братіями, и призвавъ Бога, чтобы они постоянно наслаждались этими дарами,
681—2 оградилъ ихъ двойною оградою, такъ какъ сказанное имъ есть и молитва, и вмѣстѣ всецѣлое наставленіе, и потому служитъ для нихъ вмѣсто двойной стѣны. Въ самомъ дѣлѣ, и наставленіе, напоминающее имъ, какихъ благъ они удостоены, весьма сильно могло удерживать ихъ въ догматахъ Церкви, и молитва, призывающая благодать и умоляющая ее неотлучно пребывать въ нихъ, не попускала духу отступить отъ нихъ. Когда же (Духъ) будетъ пребывать въ нихъ, тогда всякое ложное ученіе исчезнетъ какъ пыль, о Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, Которому слава и держава съ Отцемъ и Святымъ Духомъ, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

ТВОРЕНІЯ,

ПРИПИСЫВАЕМЫЯ СВ. ІОАННУ ЗЛАТОУСТУ

и

въ патрологіи Миня отнесенныя къ разряду

SPURIA.

СВЯТАГО ОТЦА НАШЕГО ІОАННА ЗЛАТОУСТАГО,

АРХІЕПИСКОПА КОНСТАНТИНОПОЛЬСКАГО.

Любовь по Богу—дѣло достойное Бога. 631

Ни въ какомъ словѣ невозможно по достоинству прославить любовь, эту небесную лѣстницу. Любовь сопрестольна Отцу, любовь сочетаетъ земное съ небеснымъ; для достойной похвалы ея не достанетъ языка, ни находчивости ума; само же дѣло показываетъ, что любовь—начальница лучшей жизни. Она облекаетъ твореніе Божіе совершеннымъ благолѣпіемъ, она—воспитательница многихъ въ единеніи, устроительница сонмовъ человѣческихъ въ видѣ ангеловъ и людей, на подобіе единой и святой красоты. Будучи единымъ образомъ, она даетъ образъ всей разумной твари, для уподобленія Богу; Онъ (Богъ) почиваетъ не въ чуждыхъ Его, но въ имѣющихъ родиться отъ Него и соединенныхъ (съ Нимъ). При множествѣ своемъ, они всѣ, достигшіе единаго согласія, выражаютъ чрезъ самихъ себя прекраснѣйшую и усладительную гармонію. Такъ многія и различныя дѣйствія Святаго Духа, своимъ сочетаніемъ въ единое и благое согласіе, выражаютъ богоподобную и богодостойную красоту, драгоцѣннѣйшую предъ Богомъ и достойную благой радости Зиждителя. По этой любви къ людямъ сошелъ Богъ на землю, и жилъ съ людьми, не тайно и вдали, какъ раньше, когда Ему покланялись (чрезъ посредство) жертвы; но сошелъ какъ сожитель съ людьми, для уподобленія и общенія съ нами, чтобы, возводя всѣхъ въ родство единому Духу, сдѣлать изъ насъ какъ бы одно тѣло и одинъ духъ. Какъ служительница Господа и помощница Духа, божественная любовь раздѣленное соединяетъ и отчуждившееся водворяетъ. О, удивительное дѣло Христово—эта любовь! О, спасительная для міра тайна! По любви посылаетъ Отецъ и Богъ своего единороднаго Сына въ міръ:

Христосъ возлюби церковь, и себе предаде за ню (Еф. v, 25). Любовь охотно несетъ труды за своего ближняго; намъ велѣно быть рабами другъ другу по любви: *любовію работайте другъ другу* (Гал. v, 13). Любовь достояніе каждаго въ отдѣльности дѣлаетъ общимъ для всѣхъ; любовь указываетъ тебѣ на ближняго твоего, какъ бы на тебя самого, и переноситъ грѣхи (другихъ) будто свои собственные. Въ маломъ разгнѣваешься, зато во многомъ будешь снисходить. Чрезъ любовь возрастаетъ стадо Христово; любовь смиряетъ духъ кровожадный, притупляетъ вражеское оружіе, забываетъ всѣхъ враговъ и вводитъ въ міръ мирную жизнь Христову: *не возметъ языкъ на языкъ меча, и не навыкнутъ ктому ратоватися* (Ис. II, 4). Вслѣдствіе этого *возсіяетъ во днехъ*
682 *его правда и множество мира, дондеже отъимется луна* (Пс. LXXI, 7). Свѣтелъ также образъ мирной жизни. О, любовь, предводительница блаженнаго мира! Она изгоняетъ отъ людей враждебнаго демона; изъ-за нея, при мирѣ людей, стенаетъ діаволъ, ангелы же тогда радуются, видя среди людей образъ ихъ собственнаго мира; мы привѣтливы другъ къ другу; для брата выше всякой радости, что онъ видитъ брата. Павелъ говоритъ, что онъ утѣшается въ горестяхъ своихъ пришествіемъ Тита (2 Кор. VII, 6), и когда его нѣтъ вблизи, онъ не спокоенъ душою. Любовь къ Богу и любовь къ братьямъ—двѣ неразлучныхъ (любви). И эта заповѣдь у насъ отъ Бога, говоритъ Іоаннъ, чтобы, кто любитъ Бога, любилъ также брата своего. Это же сказалъ (Господь) также Петру: если ты любишь меня, паси *овцы моя* (Іоан. XXI, 16),—то есть: покажи свою любовь къ пастырю усерднымъ попеченіемъ объ овцахъ. Насколько несокрушима стѣна, укрѣпленная связями изъ огромныхъ камней и защищающая отъ вражескихъ приступовъ, настолько несокрушимъ союзъ святыхъ, гармонированный узами любви и отражающій искушенія діавола. Вѣдь какъ красивы растенія, насажденныя по порядку, или хорошо построенное войско, когда оно выступаетъ чинно и красивыми рядами! Это доставляетъ удовольствіе; но пріятнѣе и усладительнѣе всего благолѣпіе взаимно соединившихся въ любви, на подобіе естественнаго союза; въ очахъ Божіихъ оно важно и цѣнно. Послушай Давида или лучше благодать Святаго Духа: *се что добро, или что красно?* Ничто другое, ничто иное изъ земного, *но еже жити братіи вкупѣ* (Пс. CXXXII, 1); (это) какъ бы миро, возлитое на главу. Хоры ангельскіе окружаютъ наши хоры, и радуются за насъ, что мы подражаемъ имъ въ образѣ жизни. Если, по слову Господа, бываетъ радость на небѣ объ одномъ кающемся грѣшникѣ, то намного больше о такомъ множествѣ спасающихся. Уже отсюда открывается радость будущаго вѣка, для діавола печаль, демоновъ разсѣяніе, когда мы составляемъ взаимные хоры, чтобы въ единодушномъ и единомысленномъ славословіи Бога подражать всестройному и славному херувимскому пѣнію. Какъ они поютъ трисвятую пѣснь, чередуясь другъ за другомъ, такъ и мы,

по образу ихъ, составивъ два хора и вторя другъ другу, поемъ духовную пѣснь. У внѣшнихъ зарождается удивленіе, у зрителей желаніе, у слушателей любовь, и мы испытываемъ божественное, полезное чувство, чрезъ которое замѣчаемъ въ себѣ, что у всѣхъ насъ искореняются при- 683
чины къ злонравію и раздѣленію. Всѣ, кто видитъ небесную жизнь на землѣ, изъ-за насъ славятъ Бога. Поэтому, Павелъ учитъ, чтобы всѣ мы одно мудрствовали и тоже самое говорили (Филип. II, 2),—изъ-за этого Христосъ и отправляетъ апостоловъ по два, во время посольства,—даже женщинамъ (Павелъ) предлагаетъ единомысліе, чтобы и собору дѣвъ не лишиться участія въ этомъ ангельскомъ подобіи. Поэтому, онъ говоритъ: *Еводію молю, и Синтихію, тожде мудрствовати о Господѣ* (Филип. IV, 2). Превосходящихъ другъ друга онъ побуждаетъ блюсти за собою, чтобы не раздѣляться имъ по любочестію, особенно по тщеславію, но быть во взаимномъ единеніи и союзѣ, поступаясь своею честью для ближняго. Итакъ, то, что относится къ священной и божественной любви, почтенно у насъ и поистинѣ красиво. Посмотримъ также наставленія закона. И они учатъ полезному. Не презирай, говорится, нуждающагося, удѣляй часть угнетаемому; пусть вкуситъ плодовъ твоихъ бѣдный и остатки жатвы и винограднаго сбора пусть возьметъ онъ себѣ въ пищу; въ седьмой годъ да отпустится на свободу рабъ, а въ пятидесятый весь долгъ да простится; и продавшіе свое имѣніе пусть снова его возьмутъ себѣ, безъ выкупа. Процента не требуй, не бери въ залогъ мельницы, ни жернова, ни одежды отъ бѣднаго, и даже по принужденію не иди, чтобы взять залогъ. Не покидай въ опасности рабочаго скота своего ближняго, даже въ случаѣ вражды (ближняго); но, ставъ слугою (для него), какъ бы для друга, отведи къ нему блуждающее животное, и прекрати вражду, если представился къ тому поводъ.
Всѣ эти завѣты не изъ чего иного, но изъ священной и многожеланной 684
предъ Богомъ любви, и евангельскіе завѣты направлены къ тому же. Сказавъ многое, что дополняетъ законъ, (Господь) прибавилъ: *добро творите ненавидящымъ васъ, и молитеся за творящихъ вамъ напасть* (Мѳ. V, 44). Всюду вражду прекращайте, и любовь насаждайте. Любовь другъ къ другу пусть будетъ у васъ долгомъ, никогда неисполнимымъ. Павелъ говоритъ: *ни единому же ничимже должни бывайте, точію еже любити другъ друга* (Рим. XIII, 8). Какъ ежедневно мы требуемъ себѣ пищи, и минувшимъ насыщеніемъ не освобождаемся отъ ежедневнаго требованія ея, но, вынуждаясь своею природою, отбываемъ это какъ бы долгъ, такъ и въ любви будемъ блюсти тотъ же самый образъ: *не насытится око зрѣти*, ни исполнится *ухо слышанія* (Ек. I, 8). Пріятенъ свѣтъ для глазъ, и ничей глазъ не утомляется зрѣніемъ, ничьи уши слышаніемъ; такъ нелѣностно намъ нужно совершать и желанное дѣло любви, и никогда не насыщаться. Проливной дождь не сможетъ погасить любовь: *пребываютъ* три сія, *вѣра, надежда, любы*

(1 Кор. XIII, 13). Какъ отъ начала она была, такъ и во вѣки сохранится. Да будетъ, чтобы мы, послѣдовавъ ей, достигли вѣчныхъ благъ во Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, Которому слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

---

683 На слова: аще Сынъ еси Божій, верзися низу, и: поятъ его діаволъ на гору высоку зѣло (Мѳ. IV, 6, 8), и прочее.

Солнце, приподнявшись надъ землею, и совершая къ намъ путь съ востока, прогоняетъ ночь, будитъ спящихъ и вызываетъ къ дѣламъ; свѣтъ богопознанія будитъ душу, освѣщаетъ помыслы и вызываетъ къ добродѣтели; и этого намъ нужно желать больше, чѣмъ солнечнаго блеска. Иной и не глядящій на солнце будетъ жить, — вѣдь слѣпой живетъ, зная о солнцѣ по слуху,—а души, лишенныя солнца богопознанія, мертвы, хотя бы и думалось имъ, что онѣ живутъ; о нихъ именно Господь говоритъ: оставьте *мертвыхъ* погребать *своя мертвецы* (Мѳ. VIII, 22). Но побѣдитель виновника смерти освободилъ насъ отъ той и другой смерти. У насъ двоякая смерть. Одна свойственна смертной природѣ, другая зарождается чрезъ потерю знанія; невѣдѣніе о Богѣ подобно мертвенной безчувственности. Виновникъ обѣихъ діаволъ. Христосъ, сокрушивъ его, освободилъ природу отъ той и другой смерти: душу возставилъ животворнымъ ученіемъ, а смертное снискалъ себѣ воскресеніемъ. Если гонитель палъ, то гонимое встанетъ. И картина этой борьбы оставлена (намъ) для жизни, чтобы, взирая на нее, укрѣпляться. Гдѣ же картина? Посмотри на пустыню: тамъ благодать воскресила насъ образомъ, гибельнымъ для тирана, и преслѣдуетъ тирана въ пустынѣ. Мѣстомъ борьбы мы видимъ пустыню, діаволъ же—рука, изображающая голодъ Господа; три нападенія, три отвѣта; (таковъ) законъ борьбы, что она состоитъ изъ трехъ частей. И считай три части этой борьбы. *Аще Сынъ еси Божій, рцы, да каменіе сіе хлѣбы будутъ* (Мѳ. IV, 3). Этимъ началъ борьбу діаволъ съ Господомъ. Христосъ же ему: *не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ* (ст. 4). Господь остался невредимымъ. *Аще Сынъ еси Божій, верзися низу* (ст. 6). Это второе нападеніе демона. *Не искусиши Господа Бога твоего* (ст. 7). Этимъ изреченіемъ прекращено испытаніе. *Сія вся тебѣ дамъ, аще падъ поклонишимися* (ст. 9). Вотъ начало третьяго состязанія, въ которомъ Господь, подобно нѣкоему атлету, отбросилъ діавола за поприще, какъ сварливаго противника. *Иди за мною, сатано, писано бо есть: Господу Богу твоему поклонишися, и тому единому послужиши* (ст. 10). Увидѣвъ борьбу, научись бороться; сдѣлайся изъ созерцателя борьбы ученикомъ. Первая борьба Господа съ діаволомъ учитъ тебя борьбѣ
684 противъ удовольствій. Голодъ былъ началомъ состязаній; голодъ—это

неограниченная страсть; голодъ—это главное въ удовольствіяхъ. Желаніе пищи—стремленіе необузданное; желудокъ видитъ неотвратимое удовольствіе; и многіе, не будучи въ состояніи исцѣлиться отъ этого, уклоняются обычно къ отрицанію промысла, будто нѣтъ Бога, попечителя о голодныхъ. Діаволъ и Христа на это наталкиваетъ, задумавъ поколебать Его, какъ человѣка, мучимаго голодомъ; онъ не зналъ о сочетаніи въ Немъ божества: иначе не подошелъ бы къ божеству, будто голодающему. Зная о собственной природѣ, что она не можетъ голодать, онъ не говорилъ бы о пищѣ, узнавъ Бога. Но глядя какъ на человѣка, какъ человѣку говоритъ: *аще Сынъ еси Божій, рцы, да каменіе сіе хлѣбы будутъ*. Онъ, ненужный изслѣдователь усыновленія, попечитель о пищѣ, опаснѣйшей голода, съ самаго начала внушилъ обоженіе отъ древа, теперь отъ сильнаго желанія—указываетъ на пустыню, гдѣ нѣтъ ничего кромѣ камней, чтобы голодное мѣсто, усиливъ отчаяніе изъ-за пищи, стало для души какъ бы толчкомъ къ невѣрію, и уничтожило бы сыновство. Но поглядимъ на искусителя и вникнемъ въ коварство словъ его. *Аще Сынъ еси Божій, рцы, да каменіе хлѣбы будутъ.* Ты назывался, говоритъ, Сыномъ недавно, при крещеніи, и я слышалъ слова голоса: *сей есть Сынъ мой возлюбленный, о немже благоволихъ* (Мѳ. III, 17). Смѣялся я надъ этимъ привѣтствіемъ, дутости его, надъ этой многозначительной шуткой, надъ честью въ дѣйствительности пустою; а Тебѣ можетъ быть эта рѣчь была въ угоду, и вѣришь, что истинно любимъ, смѣлъ, будто на небѣ поставленъ, и радъ, будто для Бога очень желаненъ. Какой отецъ не печется о голодномъ сынѣ? Какой покровитель не питаетъ своего просителя? А Ты 40 дней изнываешь отъ голода, и Отецъ не печется о Тебѣ голодномъ, пренебрегаетъ многодневнымъ голодомъ. Какой чадолюбивый отецъ съ радостью не даетъ хлѣба дитяти? Хорошо ли голодному сыну, если онъ не кормится отцомъ? Пусть Онъ покажетъ Свою любовь охотнымъ дарованіемъ хлѣба; пусть накормитъ Сына, голодающаго въ пустынѣ. Онъ можетъ камни обратить въ хлѣбы; проси отъ голода объ этомъ; пусть бы Онъ оказалъ благодать, чтобы Ты оставался въ красѣ Сына; но прежде, чѣмъ получить это, не шути съ Своимъ названіемъ. О, человѣколюбіе ненавистника людей! О, состраданіе человѣкоубійцы! О, гибельная заботливость! О, сладкій ядъ! Падшій побуждаетъ къ невѣрію и вызываетъ къ требованію пищи,—не съ тѣмъ, чтобы напитать голоднаго, но, соблазнивъ на требованіе, столкнуть его, какъ невѣрнаго, съ Богомъ. Обратись къ Богу, Которымъ Ты обманываешься, (что) *сей есть Сынъ мой возлюбленный, о немже благоволихъ*. Что же (на это) Господь Христосъ? Онъ не 685
открываетъ сокрытаго Бога, чтобы не отогнать отъ Себя добычу, но отвѣчаетъ, какъ простой человѣкъ: *писано есть: не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ, но о всякомъ глаголѣ, исходящемъ изо устъ Божіихъ*. Не изумляетъ Меня, говоритъ, недостатокъ пищи, не сму-

щаетъ голоданіе въ пустынѣ, не требую приготовленія хлѣбовъ изъ камней; много путей божественнаго попеченія и разнообразно покровительство. Онъ предоставилъ людямъ питаться пищею; пища—хитрость плоти; но божественное писаніе учитъ Меня, что Богъ переступаетъ границы природы. Я помню божественный голосъ къ людямъ, чтобы они не боялись голода, когда печется Богъ. Не жалѣй голоднаго, и не указывай на пустыню въ отчаяніи; пусть заботится Богъ, хотя подлѣ и не будетъ хлѣба. Есть животворящій Богъ и безъ питанія, и плоть будетъ жива безъ пищи, если повелѣваетъ ей жить Богъ. Такъ написано, и Я смѣло вѣрую въ божественное изреченіе, и не жду жизни только отъ питанія. На этомъ споткнулся Адамъ; Христосъ примиряетъ. Такъ какъ Адамъ палъ по невѣрію и изъ-за пищи (онъ былъ отвергнутъ, когда не повѣрилъ Богу и вкусилъ), то пришедшій и воскресившій насъ Христосъ начинаетъ воздержаніемъ и вѣрою. Итакъ, діаволъ вступаетъ наконецъ въ борьбу самолично. Предъ рожденіемъ, говоритъ, я замышлялъ противъ Младенца чрезъ подозрѣніе въ прелюбодѣйствѣ; потерявъ надежду (въ этомъ), я ошибся (также), гоняясь чрезъ Ирода за рожденнымъ; оставаясь всегда побѣжденнымъ, я теперь буду бороться самъ. О, сварливый слѣпецъ! Побѣжденъ Младенцемъ, и съ возмужавшимъ вступаетъ въ борьбу! Подойди, и отвѣдай, діаволъ, возмужавшаго; узнай Его силу еще разъ. Уже онъ былъ пораженъ, когда подошелъ къ голодному (вы слышали, какъ онъ палъ); но, разсчитавъ одержать побѣду, онъ удвояетъ свою дерзость. Такъ какъ онъ обманулся въ первой хитрости и голоднаго не обольстилъ, то прибѣгаетъ ко второму коварству. Безуспѣшно, говоритъ, мое старое средство; разстаюсь съ хитростію, низвергшею Адама; оставляю обольщеніе пищи; этотъ, повидимому, царь надъ удовольствіемъ. Онъ не можетъ разслабляться удовольствіемъ отъ пищи, давно не ищетъ хлѣба. Нисколько не повинуется голоду; Его нельзя взять бранею плоти. Задумалъ я другую уловку борьбы; у меня есть одна удочка еще слаще — (это) слава, усладительная для души. Пріятна петля тщеславія; не только пріятна, но и вдвое скручена; рядомъ съ тщеславіемъ стоитъ безуміе. Кто полюбилъ славу, ужасенъ въ хвастовствѣ; а у Него есть предлогъ къ этой страсти. Можетъ быть Онъ очень много думаетъ о Себѣ, какъ многодневный постникъ. Пощекочу хвастливость; подошедши, какъ къ праведнику, напыщу псаломскимъ изреченіемъ, будто для Него раньше сказаннымъ, обольщу лукавымъ вопросомъ. Пусть будетъ обрывъ мѣстомъ моего вопроса; потащу съ собою на крыло (храма), и на высотѣ предложу: *аще Сынъ еси Божій, верзися низу, писано бо есть, яко ангеломъ своимъ заповѣсть о тебѣ, и на рукахъ возмутъ тя, да не когда преткнеши о камень ногу твою.* Онъ, конечно, или приметъ къ Себѣ это изреченіе, или убѣжитъ. Если приметъ, то, какъ праведникъ, поспѣшно согласится на предложеніе упасть, самъ бросится съ высоты; а я посмѣюсь надъ мер-

твымъ, если, упавъ, Онъ умретъ; живымъ я ранилъ (Его) страстью тщеславія, убѣдивъ въ доказательство мнѣ броситься внизъ. Если увижу, что (Онъ) отказывается, то поссорю Его съ Богомъ, какъ Іова, такою клеветою на даръ сыновства. Я прочиталъ Ему Тобою написанное изреченіе, сказалъ объ обѣтованіи Твоего спасенія,—и Онъ не рѣшился броситься въ глубину; ясно, что Онъ не твердъ въ томъ, что̀ Ты обѣщалъ. Какъ столь невѣрнаго Ты привѣтствовалъ Сыномъ? Господь узналъ его замыселъ, и даетъ увлечь Себя, какъ человѣкъ слѣдуетъ за человѣкомъ. Когда (Онъ) взошелъ, предлагаетъ (Ему) свой замыселъ: *аще Сынъ еси Божій, верзися низу*. На діавольское предложеніе мы отвѣчаемъ. Если ты считаешь Бога Отцомъ настолько овладѣвшаго Собою мужа, чтобы оставаться невредимымъ при вредѣ, то у тебя уже есть доказательство того, что̀ ты предлагаешь; это самое, діаволъ, есть показатель сыновства, что стоящаго съ тобою рядомъ ты не толкаешь въ крутизну, хотя давно стараешься низвергнуть Его. Это значитъ ничто иное, какъ то, 686
что, побуждая, онъ какъ бы говоритъ: Ты невольно не падаешь, низвергнись по волѣ: *верзися низу, писано бо есть: яко ангеломъ своимъ заповѣсть о тебѣ, да не когда преткнеши о камень ногу твою*,—потому что и это показываетъ и уясняетъ (Его), какъ Бога. Если бы противникъ узналъ (въ Немъ) Бога, то не предложилъ бы Ему пасть съ высоты; онъ раньше зналъ, что Богу не опасны высота и широта, но поднимается Онъ до высокаго и наполняетъ широкое; онъ раньше зналъ, что божество свободно отъ претккновеній; спотыкаться свойственно ногамъ человѣческимъ, не Божіимъ. Что онъ говорилъ не какъ съ Богомъ, свидѣтельствуютъ слова діавола. Вникнемъ въ смыслъ его словъ. Недавно Ты говорилъ: *писано есть: не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ, но о всякомъ глаголѣ исходящемъ изо устъ Божіихъ*. И я похвалилъ Твою вѣру въ Бога. Но такъ какъ есть другое изреченіе Божіе, что *ангеломъ своимъ заповѣсть о тебѣ, да не когда преткнеши о камень ногу твою*, то покажи, что вѣруешь слову Божію: чтобы, низвергшись, упасть безъ вреда, воспользуйся этой стремниной, (какъ) судьею Твоего сыновства, воспользуйся паденіемъ, (какъ) доказательствомъ божественнаго попеченія. Если, упавъ отсюда, встанешь невредимымъ, то названіе сыновства, высказанное Тебѣ, истинно: именно Тебѣ было обѣщано Богомъ раньше, что *ангеломъ своимъ заповѣсть о тебѣ, сохранити тя во всѣхъ путехъ твоихъ* (Пс. хс, 11). Ты, діаволъ, возобновилъ старую исторію: изливаешь миро изъ пахучаго сосуда. Самсономъ былъ убитъ левъ, во рту котораго былъ сотовый медъ; онъ (левъ), злобный, былъ брошенъ (потомъ); и ты, львовидный, источаешь изо рта медъ Писанія, а окажешься повергнутымъ отъ отвѣта Господа: *писано есть: не искусиши Господа Бога твоего*. Онъ ни отказался броситься, ни согласился. Отказавшись броситься, Онъ далъ бы діаволу доводъ, что Онъ не твердъ въ Богѣ; согласившись съ предложеніемъ пасть, по-

казался бы хвастливымъ и скорымъ на доказательство. Ни соглашенія, ни отрицанія нѣтъ въ *не искусиши Господа Бога твоего.* Этимъ Онъ говоритъ діаволу: Меня, твоего Господа, не искусишь. Понявъ это, онъ не могъ бы потомъ обѣщать, какъ человѣку: *сія вся тебѣ дамъ, аще падъ поклонишимися.* Псаломскія слова, что предстательство есть у обѣщавшаго Бога, Я принимаю, какъ истинныя; знаю, что Онъ заповѣдуетъ ангеламъ о людяхъ, но не тогда, когда они будутъ кидаться въ стремнины, когда будутъ умирать по своей волѣ, когда безъ нужды станутъ искушать. Такъ діаволъ палъ вторично, (и) поднимается для третьяго искушенія. Но сущность третьяго искушенія есть долгъ, и у всѣхъ васъ есть рукопись этого долга. Эта рукопись сладка, и только для діавола горька, потому что уплата заключается въ паденіи его. Итакъ, я убѣжденъ, что (это пока) два платежа по рукописи обѣщанія; остается долгъ больше; думаю, онъ затруднительнѣе всего для уплаты. Остальной долгъ — это третье коварство діавола; третье по порядку, по величинѣ первое; оно—послѣдній по счету обманъ, но первый по коварному искусству. Сначала онъ былъ терпимъ во всякомъ лукавствѣ; онъ не требовалъ прямо отступничества отъ Бога, но, злоупотребляя памятью о Богѣ, и обращаясь къ Нему: *аще Сынъ еси Божій,*—придалъ благочестивый видъ своей богоборной хитрости. Въ третьемъ искушеніи въ наготѣ низкая ярость, выглядываетъ непокрытое зло; онъ требовалъ поклоненія отъ поклоняемаго, вообразивъ себѣ поклоненіе на основаніи того, что̀ онъ (діаволъ) слышалъ (отъ Господа). Такъ какъ онъ увидѣлъ, что Господь всюду говоритъ съ вѣрою, и сказалъ, что Бога не нужно искушать,—то онъ подумалъ, что Господь легкодоступенъ вѣрѣ, и не будетъ много хлопотать объ испытаніи ея. И подходитъ съ величественнымъ видомъ, чтобы изумить зрѣлищемъ: *поятъ его діаволъ на гору высоку зѣло, и показа ему вся царствія міра и славу ихъ.* Нарисовавъ въ воздухѣ тѣнью, выдумавъ воздушныя формы, составивъ грубое изображеніе міра и изготовивъ красоты лженачертаннаго царства,—онъ надѣялся блескомъ вымысла за-
687 влечь Господа удободоступнаго въ отношеніи вѣры. Но онъ теперь не чувствуетъ, что споритъ противъ себя, и спѣшитъ къ паденію. Чтобы не пасть, обѣщаетъ дары міра: *сія вся тебѣ дамъ, аще падъ поклонишимися.* Кто не вѣритъ Павлу, что корыстолюбецъ—идолопоклонникъ, тотъ пусть послушаетъ отца идоловъ, соглашающагося съ словами Павла. Поклоняющемуся мнѣ, говоритъ, дамъ чужое. Итакъ, снискатель чужого—подъ покровительствомъ діавола. Онъ самъ обѣщаетъ дать чужое, дарами вредитъ и даетъ то, что̀ крадетъ. И въ отношеніи Господа у него та любочестивая мысль, чтобы незамѣтно повергнуть обѣщаніемъ даровъ. Этотъ, говоритъ, не слабъ къ удовольствію пищи, не плѣняется страстью тщеславія. Онъ сразу сломалъ моихъ двѣ стрѣлы, удобныхъ къ борьбѣ; нужно поискать иную крѣпкую стрѣлу; у всѣхъ есть страсть

любоначалія; искать выгоды не противно никому; корыстолюбіемъ всѣ, такъ сказать, ранены; вынувъ эту (стрѣлу) изъ своего колчана, пущу. Но гдѣ буду стрѣлять? Какое мѣсто мнѣ поможетъ? О, еслибы Онъ пошелъ со мною на высокую гору! Высота удобна для зрѣлища; я показалъ бы съ высоты плодородныя страны; ко взору приблизилъ бы сокровища царей; представилъ бы для созерцанія знаменитый блескъ жизни, одно въ дѣйствительности показывая, а другое воображая чрезъ хитрость. Человѣческая природа очень податлива на корысть. Если Онъ увидитъ свѣтлости земли, то устремится къ пріобрѣтенію, похититъ показываемое богатство, прельстится столькимъ пріобрѣтеніемъ, приметъ тѣнь за истину, сейчасъ повѣритъ показываемому, потому что Онъ всюду обнаруживаетъ въ Себѣ вѣру. Я сказалъ: требуй хлѣба!—и Онъ пропустилъ это мимо Себя, вѣруя, что Богъ питаетъ и безъ хлѣба. Я сказалъ: низвергнись!—и это слово Онъ отвергъ, говоря, что не должно искушать Бога. Итакъ, подойду къ Нему съ величественнымъ видомъ. Онъ повѣритъ моему обману, такъ какъ привыкъ припадать къ Богу; повѣритъ, такъ какъ не пытливъ; а когда повѣритъ, я, насмѣявшись, уйду. Зная эти мысли, Христосъ взошелъ съ нимъ на высокую гору; и діаволъ началъ свою хитрость: представилъ глазамъ разрисованный вымыселъ. Господь хитрости не обличилъ, но созерцаетъ, будто не зная коварства. А ему думалось, что Онъ побѣжденъ хитрымъ вымысломъ, и охваченъ красотою явленія; съ этимъ предположеніемъ морочитъ, наконецъ, чудовищно властными словами: *сія вся тебѣ дамъ, аще падъ поклонишимися.* Не видишь, говоритъ, человѣкъ, величія міра? Не созерцаешь богатства его? Не изумляешься множеству въ немъ царствъ? Владыка этого—я. Эти дары у меня распредѣляются между людьми, каждому по моему рѣшенію. Но Ты у меня предпочтительнѣе всѣхъ, и только Ты вправѣ цар- 688
ствовать на землѣ; получи же отъ меня всемірную власть, и за это воздай поклоненіемъ: *сія вся тебѣ дамъ, аще падъ поклонишимися.* Наполовину ты пророчествуешь невольно, діаволъ: ты отдашь міръ, который поработилъ злу, но не за поклоненіе, а бичеваніе. Не думаешь ли, что съ Адамомъ ты говоришь? Адама онъ обольстилъ, убѣдилъ, что онъ будетъ богомъ и, убѣдивъ, низвергъ. И Христу теперь обѣщаетъ всевластіе, разсчитывая, что Онъ падетъ на высотѣ надежды. Но услышалъ достойный отвѣтъ: *иди за мною сатано, писано бо есть: Господу Богу твоему поклонишися, и тому единому послужиши. Иди, сатано!* Кстати здѣсь Онъ прибавляетъ имя сатаны; подобно нѣкоему владыкѣ, называетъ скрывающагося раба по имени, показывая, что онъ (для Него) очевиденъ. *Иди.* Грозна, думаю, кротость этого слова,—какъ гнѣвающагося на него Господа. Ты усталъ, лицемѣря, и открылъ свое притворство; отчаялся въ побѣдѣ, и льстишь мнѣ дарами; уже ты хлопочешь о продажѣ Меня; уже ты приготовляешь Мнѣ, что согласно съ дѣломъ (Моего) предателя. Преждевременно позаботился, діаволъ, о продажѣ;

обожди товарища своего, Іуду. Иди теперь: Я ожидаю креста; иди теперь: не купишь Меня; теперь иди: сбереги дары свои предателю; теперь Я говорю тебѣ только: *Господу Богу твоему поклонишися, и тому единому послужиши.* Не дѣлись ты съ Богомъ людьми, потому что только предъ Нимъ они должники. *Тогда остави его діаволъ.* Велика побѣда надъ послѣднимъ обманомъ. Какъ какой-нибудь благородный атлетъ, поднявъ противника на высоту, низвергаетъ (его) сверху, — такъ Господь Христосъ, поднявъ діавола на гору и исполнивъ мечтательными надеждами, низвергъ (его) съ высоты надежды. Чудо побѣды, изумившее ангеловъ, составило (изъ нихъ) охрану для побѣдителя: *се ангели приступиша, и служаху ему.* Подобно ангеламъ, предадимся и мы въ рабство Господу; будемъ угождать небу, исполняя ангельское служеніе на землѣ; отдадимъ душу свою въ непобѣдимыя руки; возлюбимъ исправителя падшей природы; обнимемъ Того, Кто обезсилилъ общаго врага; прославивъ побѣду, будемъ представлять себя копьеносцами; опозоримъ падшаго діавола; и, срывая безстыдную голову, воскликнемъ полною грудью: *Господу Богу твоему поклонишися, и тому единому послужиши.* Ему слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

О предательствѣ Іуды и о страстяхъ Господа нашего Іисуса Христа. Въ великій пятокъ.

687 Вижу церковь мрачною, угрюмо выражающею предательство со стороны своего родного сына. Ужасное дѣло: и заготовленное убійство, и страдалецъ—небесный Судія живыхъ и мертвыхъ. Но ужаснѣе всего: вдругъ врагъ и злоумышленникъ—недавній ученикъ и послѣдователь, разомъ (стала) звѣремъ овца, апостолъ—отступникомъ отъ свѣта, рабъ несогласный—продавцомъ Владыки; это—(считающійся) двѣнадцатымъ послѣ одиннадцати учениковъ. И почему не назвать мнѣ имени, чтобы не навлекать безчестія на всѣхъ апостоловъ укрывательствомъ виновника? *Шедъ единъ отъ обоюнадесяте* (Мѳ. XXVI, 14). Кто? *Глаголемый Іуда.* И еще, чтобы невинный не скрывалъ виновнаго (такъ какъ мы находимъ между апостолами другого, названнаго тѣмъ же именемъ): *Іуда Искаріотскій,* говорится, *единъ шедъ отъ обоюнадесяте.* И не одинъ: у него былъ съ собою помощникомъ діаволъ. Отправившись къ архіереямъ, онъ сказалъ: *что хощете ми дати, и азъ вамъ предамъ его* (ст. 15)? Скажи мнѣ теперь, Іуда, предлагающій продать Владыку міра и своего учителя—во что ты цѣнишь достоинство ученика? Что вынуждаетъ тебя отправиться на предательство своего царя? Въ чемъ ты увидѣлъ предпочтеніе тебѣ остальныхъ соучениковъ, что задумалъ это беззаконное дѣло? Вѣдь ты знаешь голосъ Владыки, бывшій къ тебѣ и одиннадцати апостоламъ: *аще кто хощетъ* въ васъ *быти старѣй, да будетъ всѣхъ*

меншій, и всѣмъ слуга (Мрк. IX, 35). Развѣ не сказалъ Онъ напередъ 688
этого, чтобы остановить твой замыселъ? И Онъ поощрилъ тебя служеніемъ въ числѣ первыхъ, чтобы ты, какъ послѣдній, подверженный недостойной болѣзни, не изготовилъ своего коварства. Еслибы ты не былъ жаденъ къ деньгамъ, когда дарилъ іудеямъ предательство, то можно было подумать, что ты, перенесши что-нибудь неправое, ушелъ для мщенія за несправедливость. Но слова твои: *что хощете ми дати, и азъ вамъ предамъ его*—ясно обнаруживаютъ тебя въ твоей коварности. *Они же поставиша ему тридесять сребреникъ. И оттолѣ искаше удобна времене, да его предастъ* (Мѳ. XXVI, 16). Что ты дѣлаешь, Іуда: согласился въ тридцати сребреникахъ за драгоцѣнную жемчужину? Исчисли сначала звѣзды, которыя создалъ Онъ только словомъ, и тогда подумай предать словомъ Слово. *Искаше удобна времене, да его предастъ.* Онъ создалъ времена и вѣки, и противъ Него онъ искалъ времени, удобнаго для своего предательства. *Вечеру же бывшу возлежаше со обѣманадесяте ученикома. И ядущимъ имъ рече*: аминь, *аминь глаголю вамъ, единъ отъ васъ предастъ мя* (ст. 20, 21). Онъ пошелъ противъ Меня и васъ, и чему научился, того не могъ сохранить. *И скорбяще зѣло начаша глаголати ему кійждо ихъ: еда азъ есмь, Господи* (ст. 22)? Сказаннымъ Онъ всѣхъ побудилъ къ точному изслѣдованію своей совѣсти, у кого сокрытое въ сердцѣ (было) чисто. Іисусъ въ отвѣтъ сказалъ: зачѣмъ вамъ всѣмъ оклеветывать себя предпріятіемъ предателя? *Омочивый со мною въ солило руку, той мя предастъ* (ст. 23). Невольно онъ указываетъ 689
на себя, раньше дѣла говоритъ, хотя и не желаетъ; имя его сохранится Мною до тѣхъ поръ, пока онъ выскажетъ вамъ свой замыселъ противъ Меня. *Отвѣщавъ же Іуда предаяй его, рече: еда азъ есмь, равви? Глагола ему: ты реклъ еси* (ст. 25). Ты оправдалъ одиннадцать, показавъ ихъ невинными въ совершаемомъ тобою. Прими и другое осужденіе за то, что̀ думаешь дѣлать по сребролюбію. *Ядущимъ же имъ, пріемъ Іисусъ хлѣбъ, и благословивъ преломи, и даяше ученикомъ* своимъ, *и рече: пріимите ядите: сіе есть тѣло мое. И пріемъ чашу, хвалу воздавъ, даде глаголя:* пріимите, *пійте отъ нея вси: сія бо есть кровь моя новаго завѣта, яже за многія изливаема во оставленіе грѣховъ* (ст. 26, 27, 28). Пріимите *отъ нея вси.* И ты, говоритъ, предатель, будь участникомъ въ вѣчной жизни; и если останешься въ ней, то прощается тебѣ твой договоръ съ іудеями; а если ты не уничтожишь въ себѣ своего желанія, то всегда сознавай, сколь человѣколюбиваго Владыку ты продаешь. Но онъ, не воспользовавшись милосердіемъ Владычнимъ, уйдя къ іудеямъ, торопился привести въ исполненіе свое намѣреніе. *И се Іуда единъ* 690
отъ обоюнадесяте пріиде, и съ нимъ народъ многъ со оружіемъ и дреколми, отъ архіерей и старецъ людскихъ. Предаяй же его, даде имъ знаменіе глаголя: егоже аще лобжу, той есть: имите его (ст. 47, 48). Обращайте вниманіе на мои губы; иначе Слово не можетъ быть

предано. *И абіе приступль ко Іисусови рече* ему: *радуйся равви: и облобыза его* (ст. 49). О, поцѣлуй! Уничтоженіе мира во вселенной, или, по правдѣ скорѣе сказать, прекращеніе міровой войны, хотя ты, Іуда, дерзнулъ на предательство, не стремясь къ этой цѣли! *Іисусъ же рече ему: друже, на сіе ли пришелъ еси* (ст. 50)? Ты далъ Мнѣ цѣлованіе; исполни свой договоръ съ предстоящими. *Тогда приступльше возложиша руцѣ на Іисуса, и яша его* (ст. 50). Отошелъ предатель чуждымъ отъ апостоловъ, и начальникъ жизни приведенъ къ іудеямъ на смерть; приготовленъ крестъ, и гробъ созидается для жизни; мертвые возстаютъ, и въ адъ отправляется Іуда; распинается Спаситель съ разбойниками, и всѣхъ зоветъ въ рай. Ему слава и держава во вѣки вѣковъ.

На слова: помянухъ Бога и возвеселихся (Псал. LXXVI, 4).

689 *Помянухъ Бога и возвеселихся,* засвидѣтельствовалъ пѣснопѣвецъ Давидъ. Не отъ себя онъ засвидѣтельствовалъ, но отъ Святого Духа Божія прославилъ; не просто вспомнилъ, но и мудро молилъ; не устами только вспоминалъ, но и сердцемъ учился; не забывалъ днемъ или ночью, но, прося, всякій часъ помнилъ. И чтобы ты зналъ, что истину, а не ложь мы излагаемъ, приведемъ пѣснопѣнія Святого Духа словами самого Писанія. *Помянухъ Бога и возвеселихся,* сказалъ Давидъ. И если желаешь знать на самомъ дѣлѣ, что Давидъ вспоминалъ Бога и днемъ и ночью и, при воспоминаніи, веселился, то вникни съ любознательностію въ слова: *помянухъ въ нощи имя твое, Господи* (Пс. CXVIII, 55); и: *помяну имя твое во всякомъ родѣ и родѣ* (Пс. XLIV, 18); *полунощи востахъ исповѣдатися тебѣ,* Господи (Пс. CXVIII, 62); *на утреннихъ поучахся въ тя* (Пс. LXII, 7); *вечеръ и заутра и полудне повѣмъ, и возвѣщу* (Пс. LIV, 18); *Боже, Боже мой, къ тебѣ утренюю* (Пс. LXII, 1); и еще: *возвѣщати заутра милость твою, и истину твою въ нощи* (Пс. XCI, 3). Видишь, что нѣтъ свободнаго времени, когда бы онъ забывалъ,—ни утромъ, ни ночью. Если ты желаешь знать на самомъ дѣлѣ, что Давидъ не просто вспоминалъ о Богѣ, но съ участіемъ сердца, то слушай: *изъ глубины воззвахъ къ тебѣ, Господи* (Пс. CXXIX, 1); Господи. *исповѣмся тебѣ въ правости сердца* (Пс. CXVIII, 7). И чтобы привести предѣлъ всѣхъ часовъ, Давидъ потомъ говоритъ: *коль возлюбихъ законъ твой Господи, весь день поученіе мое есть* (Пс. CXVIII, 97). Вотъ такъ цѣлодневнымъ размышленіемъ о словахъ Господа и постояннымъ памятованіемъ о Богѣ какую онъ получилъ достойную благодать? Былъ ли онъ вознагражденъ на землѣ? Считаю его и замѣчательнымъ, и царемъ на землѣ. Здѣсь онъ покоряетъ враговъ, и тамъ повелѣваетъ ангеламъ; здѣсь облеченъ въ порфиру земного царя, и тамъ блеститъ славою небеснаго царства; здѣсь знаменитъ благозвучными словами Святого Духа, и тамъ бле-

ститъ жемчугомъ избранной мудрости. И мы лишь отчасти описываемъ это. Онъ получилъ лучшее изъ всего этого. Такъ какъ Святой Духъ видѣлъ, что Богъ постоянно прославляется Давидомъ на землѣ, то Онъ предстательствовалъ на небѣ словами: Господи, Давидъ ежедневно памятуетъ о Тебѣ и, памятуя, веселится; и самъ Ты вспомни о немъ, Господи, Боже нашъ,—и говоритъ: *помяни Господи Давида, и всю кротость его* (Пс. cxxxi, 1). Отвѣчаетъ человѣколюбецъ Богъ: такъ какъ Давидъ всегда и разумно памятуетъ обо Мнѣ, то и Я всѣмъ возвѣщу Свое расположеніе къ нему и любовь; выше святыхъ, и ангеловъ, и силъ возвеличу его на землѣ. Какими словами? *Обрѣтохъ Давида раба моего* 690
(Пс. lxxxvііі, 21), *человѣка по сердцу* моему (1 Цар. xііі, 14); и: *первенца положу его, высока паче царей земныхъ* (Пс. lxxxvііі, 28); и: *престолъ его яко дніе неба* (ст. 30). Этими словами Давидъ обозначилъ самого себя. Видишь, что велика польза для человѣка отъ памятованія о Богѣ? *Помянухъ Бога и возвеселися* сердце мое, сказалъ Давидъ. Остальныя радости чрезъ уста входятъ и афедрономъ исходятъ; а радость о Богѣ, какъ источникъ, какъ медоточивыя слова, веселитъ сердце, такъ что такой (радующійся) говоритъ: *коль сладка гортани моему словеса твоя, паче меда устомъ моимъ* (Пс. cxvііі, 103). Кто помнитъ Бога, у того въ сердцѣ гнѣздятся всѣ блага радости; тамъ источникъ, изобилующій благами, тамъ медъ и сотъ и зажженный свѣтильникъ, тамъ въ сокровеніи сокровищница Святой Троицы. Отецъ, и Сынъ, и Святый Духъ приходятъ и у него жительствуютъ; и онъ уже не оглашаемый человѣкъ, а богоносимый ангелъ. Какъ человѣкъ удостоившійся такой благодати, и вкусившій такой радости, Давидъ радовался; также и мы, наслаждаясь радостью о Богѣ, постоянно будемъ памятовать о Богѣ, чтобы наслаждаться Его благами. Итакъ, изслѣдуемъ добродѣтели пришествія Спасителя, и прославимъ, какъ столпъ украшенный всякою добродѣтелью, Его пришествіе на землю,—потому что я слышалъ изъ устъ законопреступныхъ іудеевъ хульныя доказательства, и потому что они не вѣруютъ Писанію, которое недостойно читаютъ, и не знаютъ тайны. Они, несчастные и развращенные, соблазняются тѣмъ, что Господь рожденъ Дѣвою. О, безуміе! О, законопреступники противоестественные! Какое писаніе, или какой пророкъ не возглашаетъ объ этой благодати Господа? Первый Соломонъ, возница великой мудрости, ублажилъ Дѣву словами: *блажена неплоды неоскверненая, яже не позна ложа во грѣсѣ* (Прем. ііі, 13). Называетъ неплодною раньше, чѣмъ совершилось наитіе Святого Духа и возсіяло солнце. Она не познала грѣховнаго ложа, потому что не сообщалась съ мужемъ. Когда чтимый Исаія услышалъ о непорочной безплодной, тотчасъ воспринялъ слово мудреца, и воспѣлъ: ты сказалъ о непорочной безплодной; и я говорю: *возвеселися неплоды нераждающая* (Ис. lіv, 1). Теперь пока ты не родила; отнынѣ возвеселись, такъ какъ Того, Кого не объемлютъ небеса, ты удостоилась принять. Когда

два свидѣтеля это возвѣщали, они старались пріобщить къ тайнѣ еще третьяго, чтобы при трехъ свидѣтеляхъ стало твердо изслѣдуемое. Во время своего размышленія объ этомъ, они нашли Давида, творца пѣснопѣній, и напоминаютъ ему о будущемъ домостроительствѣ (спасенія). Онъ, услышавъ эту тайну, отвѣчалъ трубнымъ голосомъ: вотъ вы оба
691 изрекли о неплодной; почему же не изрекли о славномъ зачатіи? Исаія, подумавъ, тотчасъ отвѣчаетъ: *се Дѣва во чревѣ зачнетъ, и родитъ Сына* (Ис. VII, 14). И Соломонъ вслѣдъ за нимъ сказалъ: *имѣти будетъ плодъ въ посѣщеніи душъ* (Прем. III, 13). Услышавъ это, Давидъ сказалъ имъ: вотъ вы изрекли, что она родитъ; (но) въ какомъ мѣстѣ? Въ городѣ, или пустынѣ, или въ полѣ? Говорятъ ему: ты скажи о мѣстѣ и городѣ, потому что ты удостоился особенной благодати. Тогда Давидъ, при содѣйствіи Святого Духа, велегласно объявилъ тайну. Вы, говоритъ, втайнѣ прославляете, а я воспою зачатіе во всеуслышаніе: *се слышахомъ ю во Евфраѳѣ, обрѣтохомъ ю въ поляхъ дубравы* (Пс. CXXXI, 6). И, понявъ, что это ученіе—загадка глубокая, изложилъ яснѣе: *се слышахомъ ю во Евфраѳѣ, обрѣтохомъ ю въ поляхъ дубравы*, то есть, въ Виѳлеемѣ, такъ какъ онъ называется Евфраѳа. *Слышахомъ ю во Евфраѳѣ*, что она непраздна; оттуда вышелъ слухъ, что Дѣва непраздна. Тогда мы обрѣли ее въ поляхъ дубравы, въ пещерѣ, гдѣ Свѣтъ возсіялъ. Здѣсь мы услышали о ея непраздности, о мужѣ; тамъ обрѣли матерь Господа. Вотъ изъ твоихъ мы представили тебѣ трехъ свидѣтелей, возвѣщающихъ славу Дѣвы; (это) не значитъ, что только этихъ нашли,—всѣ пророки, видѣвшіе, надѣются на Него,—но при трехъ свидѣтеляхъ стоитъ правда. Я не о трехъ разсуждаю; но или дай мнѣ одного вѣрнѣйшаго свидѣтеля, что тайна ложна, что Дѣва зачала отъ мужа, или признай это, и, обратившись, поклонись, какъ Богородицѣ. Или ты покажи, что Спаситель находится въ вертепѣ и гробѣ, или я тебѣ покажу, что Онъ сидитъ одесную Отца. Не изъ иноплеменниковъ я приведу свидѣтеля, но изъ твоего рода, со словами: *рече Господь Господеви моему: сѣди одесную мене, дондеже положу враги твоя подножіе ногъ твоихъ* (Пс. CIX, 1). Объ іудеяхъ говорится: нѣтъ врага больше, чѣмъ отрицатель креста.

Но, оставивъ богоборную синагогу, буду говорить боговдохновенной церкви. Если тебя спроситъ іудей: скажи, какъ родила Дѣва безъ мужа?—то спроси его и ты: какъ родилъ Еву Адамъ безъ жены? Какъ безсѣменно родила Дѣва? А какъ разцвѣла безсѣменно земля? Какъ родила Дѣва? А какъ источилъ воду дѣвственный утесъ? Какъ родила Дѣва? А какъ, скажи, произросъ жезлъ Аарона? Какъ родила Дѣва? А какъ, скажи, (падала) съ неба манна? Какъ наполнялись кувшины? Какъ изъ корня Іессея произросъ цвѣтъ? Какъ изливался въ кувшины елей Елисея? Какъ родила Дѣва? А какъ, скажи, при Гедеонѣ руно изводило росу? Скажи, какъ при Сампсонѣ кость источила воду? Скажи, какъ сохранила пещь отроковъ? Скажи, какъ при Маноѣ загорѣлся камень безъ

дровъ? Скажи, какъ горѣла купина, и не сгорала? Скажи, какъ не сгорѣлъ Илія въ огненной колесницѣ? Скажи, какъ Моисей вошелъ въ мракъ, и опять вышелъ? Какъ родила Дѣва? А какъ Исаія созерцалъ Господа, сидящаго на престолѣ высокомъ и превознесенномъ? Скажи, какъ Даніилъ объявилъ Навуходоносору сокрытое сновидѣніе? Какъ Іезекіиль увидѣлъ незримаго сидящимъ на херувимской колесницѣ? Какъ родила Дѣва? А какъ Іеремія былъ освященъ въ пророки отъ чрева матери? Скажи, какъ мертвыя кости пророка воскресили тогда мертвеца? Скажи, какъ Ериөра обращена въ камень жезломъ? Скажи, какъ Іорданъ вернулъ назадъ свое теченіе? Скажи, какъ деревья зачинаютъ плоды? Скажи, какъ виноградная лоза даетъ кисть? Скажи, какъ ночь рождаетъ день? Какъ родила Дѣва? А скажи, какъ солнце согрѣваетъ міръ? Скажи, какъ небо являетъ звѣзды? И въ этомъ есть тайны неизреченныя, сокрытыя на небѣ и непостижимыя. Если ты, защитникъ іудейскій, объяснишь мнѣ это, то знаю, что постигаешь и непраздность Дѣвы. Но ты чуждъ и тѣхъ и этихъ тайнъ; мы же и это радушно принимаемъ, и тому вѣруемъ. Объясни пророковъ и посмотри на проповѣдниковъ пришествія. Да вѣнчается проповѣдь! То, что Онъ совершилъ и претерпѣлъ, это они 692
живо изобразили напередъ за столько родовъ. Первый Давидъ умоляетъ: *Господи, преклони небеса, и сниди* (Пс. cxlііі, 5). И, по полученіи просимаго, благовѣствуетъ и говоритъ: *приклони небеса и сниде* (Пс. xvіі, 10). И что Онъ имѣлъ явиться младенцемъ, говоритъ Исаія: *отроча родися намъ* (Ис. іх, 6). Что Его матерь имѣла бѣжать съ Нимъ въ Египетъ: *се Господь сѣдитъ на облацѣ легцѣ, и пріидетъ во Египетъ, и потрясутся рукотворенная Египетская* (Ис. xіx, 1). Онъ справедливо назвалъ Дѣву легкимъ облакомъ, такъ какъ она не приняла тяжести человѣческаго сѣмени. Что Онъ намѣренъ былъ креститься въ Іорданѣ, говоритъ Іеремія: *како сотвориши въ шумѣ Іорданскомъ* (Іерем. xіі, 5). И зачѣмъ намъ (такъ) исчислять? Соединимъ цѣлыя пророчества въ одинъ свѣточъ. О предуготовленіи чрезъ проповѣдь Гавріилъ говоритъ: *се посылаю ангела моего* предъ лицемъ твоимъ, иже *призритъ на путь* твой предъ тобою (Мал. ііі, 1). О встрѣчѣ Христа и Крестителя Давидъ говоритъ: *милость и истина срѣтостѣся* (Пс. lxxxіv, 11); и о привѣтствіи Елизаветы къ святой и непорочной Богородицѣ: *правда и миръ облобызастася* (ст. 11). И опять объ Іоаннѣ и Господѣ: *истина отъ земли возсія, и правда съ небесе приниче* (ст. 12). Объ апостолахъ: *азъ рѣхъ: бози есте* (Пс. lxxxі, 6). О свидѣтельствѣ свыше: *сынъ мой еси ты, азъ днесь родихъ тя* (Пс. іі, 7). О болящихъ: *посла слово свое, и исцѣли я* (Пс. cvі, 20); о грѣшникахъ: *сей грѣхи наша носитъ* (Ис. lііі, 4); о воскрешеніи мертвыхъ: *воскреснутъ мертвіи* (Ис. xxvі, 19); объ удерживаемыхъ (въ адѣ) душахъ: и вы, во тьмѣ сидящіе. свѣтъ возсіялъ вамъ (Ис. іх, 2). О Каіафѣ и Иродѣ: *князи людстіи собрашася съ* Авраамомъ (Пс. xlvі, 10); объ Іудѣ: *ядый хлѣбы моя*,

возвеличи на мя запинаніе (Пс. XL, 10); о синагогѣ іудеевъ и архіереевъ: *пріидетъ Господь на судъ со старѣйшины людей* (Ис. III, 14); о крестѣ: *пріидите и вложимъ древо въ хлѣбъ его* (Ерем. XI, 19); о разбойникѣ одесную: *десница Господня сотвори силу* (Пс. CXVII, 16); о гробѣ: *положиша мя въ ровѣ преисподнѣмъ* (Пс. LXXXVII, 7); о терновомъ вѣнцѣ: виноградникъ мой вмѣсто гроздій произрастилъ тернія; объ искушеніи діаволомъ: *врагъ поноси Господеви* (Пс. LXXIII, 18); о наименованіи Сыномъ человѣческимъ: *и на сына, егоже укрѣпилъ еси себѣ* (Пс. LXXIX, 18); о погребеніи Его: *и дамъ лукавыя вмѣсто погребенія его* (Ис. LIII, 9); о воскресеніи: *востани, вскую спиши Господи* (Пс. XLIII, 24); о вознесеніи: *взыде Богъ въ воскликновеніи* (Пс. XLVI, 6); о горнемъ сидѣніи: *сѣди одесную мене* (Пс. CIX, 1). И зачѣмъ мнѣ много говорить? Цѣлыхъ пророчествъ, прославляющихъ благодать Христову, не высказываютъ даже провозвѣстники (ихъ). Желаешь знать непоколебимость прекрасной исторіи, что о новомъ завѣтѣ живописуетъ ветхій, и что устрояется здѣсь, то тамъ прикровенно начертывается? Смотри: Онъ тамъ пребываетъ подлѣ кущи Авраама съ двумя ангелами, и здѣсь съ двѣнадцатью учениками входитъ въ домъ Закхея. Смотри: Онъ тамъ двухъ братьевъ призвалъ въ священство, и здѣсь двухъ братьевъ избралъ въ апостольство; Моисей и Ааронъ среди священниковъ Его, Петръ и Андрей среди апостоловъ Его. Смотри: Онъ тамъ сына вдовы чрезъ Илію воскрешаетъ, и здѣсь единороднаго вдовы самъ воскрешаетъ. Тамъ чрезъ Елисея Нееманъ былъ очищенъ, и здѣсь Имъ самимъ очищается прокаженный. Тамъ Маріамь Онъ вводитъ, какъ сестру, (въ среду) святыхъ пророковъ, и здѣсь подъ тѣмъ же самымъ именемъ называетъ сестру святыхъ апостоловъ. Тамъ изъ пророковъ возвеличиваетъ четырехъ, и здѣсь чествуетъ четырехъ по числу евангелистовъ. Тамъ образовалъ двѣнадцать другихъ пророковъ, и здѣсь Онъ призвалъ двѣнадцать апостоловъ. Тамъ великимъ пророкамъ Онъ указалъ помощниковъ, и здѣсь апостоламъ—семьдесятъ. Ѳаддей былъ еще врачомъ Авгаря. Тамъ Іисусъ Навинъ воспиталъ царей Палестины, здѣсь Іисусъ, истинный Богъ, прославилъ царей вселенной. Тамъ двѣнадцать источниковъ
693 текутъ въ Эдемѣ, здѣсь двѣнадцать учениковъ источаютъ крещеніе изъ солнца правды. Тамъ было указано семьдесятъ финиковыхъ деревьевъ, здѣсь произросло семьдесятъ учениковъ апостольскихъ. Тамъ горькую воду усладило древо, и здѣсь древо креста измѣнило особенную горечь грѣховъ въ сладкій источникъ даровъ. Тамъ скинія свидѣнія была освящена, и здѣсь скинія пастофорія была прославлена [1]). Тамъ Давидъ

[1]) Παστοφόριον=τὸ τὸν παστὸν φέρον. Это—подставка или пьедесталъ для маленькаго храмика. Слово александрійскаго происхожденія. Тамъ былъ обычай носить во время праздничныхъ процессій маленькій храмикъ, въ который вставлялось къ тому случаю *изображеніе* прославляемаго божества (*A. Pauly*. Real-Encyclopädie d. class. Alterthumswissenschaft. Bd. v. Stuttgart 1848, SS. 1220, 1221).

воспѣвалъ гимны, и здѣсь Павелъ возглашалъ ученія. Тамъ изъ пророковъ Илія былъ дѣвственникомъ, здѣсь изъ апостоловъ Іоаннъ дѣвственникъ. Тамъ Илія на огненной колесницѣ возсѣлъ, и здѣсь Іоаннъ возлегъ на груди Господа: *Богъ нашъ огнь поядаяй есть* (Евр. xii, 29). Тамъ выдѣлились три великихъ, носившихъ имя Спасителя, обнаруживавшихъ отличительныя свойства славной Троицы—три святыхъ сильныхъ. Они не были просто изъ обыкновенныхъ, или изъ неблагородныхъ; Іисусъ, сынъ Іоседека,—великій между священниками. Эти три достовѣрныхъ свидѣтеля возвеличиваютъ образъ Святой Троицы.

Моя мысль стремится перейти къ другому—къ спасительной вѣрѣ. Я не удаляюсь отъ словъ пророка: *помянухъ Бога и возвеселихся.* Избранная мудрость въ пѣсняхъ возглашаетъ о Немъ: *востани сѣвере, и гряди юже, повѣй въ вертоградѣ моемъ, и да потекутъ ароматы* (Пѣсн. iv, 16). Что такое сѣверъ, или югъ? Или что такое садъ? Или что такое садовыя насажденія? Или что такое текущіе ароматы? Я объ этомъ думаю, согласно объясненію Писанія: сѣверъ—святая Дѣва, Спаситель міра—югъ, святые мученики и апостолы—насажденія, крещеніе Спасителя—источникъ, орошающій садъ, печать креста—стражъ сада. исцѣленія и дары Спасителя—ароматы. Итакъ, это значитъ: *востани сѣвере,* то есть, Дѣва изъ Галилеи; *и гряди юже:* иди, Христосъ, съ полудневнаго неба и подуй на святую Дѣву; подуй на міръ, и возбуди святыхъ мучениковъ и апостоловъ; и пусть потекутъ ароматы къ немощнымъ и заблудившимся. Эти ароматы сгущаются въ различную благодать, и бываютъ—для немощныхъ знакомъ здравія, для заблудившихся свидѣтельствомъ обращенія, для грѣшниковъ защитой покаянія, для праведниковъ крѣпкою помощью. Какъ намъ достойно прославить врачество врачеваній, животворную надежду, земную жизнь, небесное спасеніе? Какъ благоухала земля, когда текли эти ароматы? Какъ земля приносила собственныя куренія? И, принося ихъ Владыкѣ со страхомъ, говорила: Ты, Владыко, доставляешь (мнѣ) небесные ароматы,—и я приношу Твоему божеству свои земныя куренія; Ты, какъ миромъ, покрываешь мою спину святыми и всенепорочными Своими стопами,—и я съ радостью приношу Тебѣ миро. Потомъ, радуясь всему этому, земля взывала къ сорабынѣ своей, всей твари: идите, соберитесь, всѣ мои потомки, и посмотрите на землѣ Того, Кто славится на небесахъ; идите, поглядите, носимымъ въ объятіяхъ жены, Того, Кто возсѣдаетъ на херувимахъ; идите, посмотрите, питаемымъ молокомъ, Того, Кто даетъ молоко женщинамъ; идите, посмотрите, вмѣщающимся во чревѣ Дѣвы, Того, Кто не объемлется небесами; идите, посмотрите, принимающимъ питаніе отъ матери, Того, Кто

Проповѣдникъ, вѣроятно, разумѣетъ подъ σκηνή Божію Матерь, а подъ παστοφόριον Іисуса Христа, *иже во образѣ Божіи сый* (Филип. II, 6). Если это объясненіе вѣрно, то первоначальный смыслъ παστοφόριον имъ нарушенъ.

питаетъ всегда предѣлы (моя); идите, посмотрите, предаваемымъ учителямъ, Того, Кто воспитываетъ учителей; идите, посмотрите, искушаемымъ людьми, Того, Кто славится ангелами; идите, посмотрите, входящимъ въ домъ Закхея, Того, Кто возсѣдаетъ выше небесъ; идите, посмотрите, разговаривающимъ съ хананеянкой, Того, Кто прославляется херувимскимъ служеніемъ; идите, посмотрите, пребывающимъ съ женой грѣшницей, Того, Кто возсѣдаетъ одесную Отца; идите, посмотрите Того, къ краямъ (одежды) Котораго касается немощная женщина,—Кому поклоняется безплотная природа Силъ; идите, посмотрите, рожденнымъ, какъ человѣкъ, Того, Кто есть творецъ вѣковъ; идите, посмотрите, дѣлающимся дитятею, Того, Кто существовалъ раньше созданія міра; идите, посмотрите, искушаемымъ архіереями, Того, Кто охраняется ангелами; идите, всѣ творенія,
694 смотрѣть своего Творца; на землѣ Жизнь,—живите всѣ; идите, богоноситесь всѣ; идите, соберитесь малые съ великими, бѣдные съ богатыми, рабы съ господами, грѣшники съ праведниками, пресмыкающееся и четвероногое съ птицами,—и глядите на Того, Кто даровалъ жизнь. Зима и поздняя осень, перемѣнитесь, и сверхъ природы плодоносите, и отъ плодовъ своихъ принесите зародившему ваши плоды; все сдѣлайте, и облагоухайте божество; или свои принесите куренія, или отъ Него возьмите ароматы. Такъ какъ земля презиралась людьми, то все это, какъ я сказалъ, собралось вмѣстѣ, и произрасли пустынныя мѣста и принесли свое благовоніе; исполнилось воспѣтое Исаіей пророчество: *да веселится пустыня, и да цвѣтетъ яко кринъ, и процвѣтетъ, и возвеселится пустыня Іорданова* (Ис. xxxv, 1, 2). Когда это было въ прекрасномъ состояніи, (тогда) само море пожелало вкусить благоуханія, начало предлагать себя на служеніе, и спорило съ землею словами: и мнѣ уступи Господа; Владыка не твой только, что ты приняла благодать всего Его божества; попроси Его придти ко мнѣ, чтобы я, идя къ Нему, не открыло всего твоего лица. Если бы я не знало Его, и не боялось Его, запечатавшаго меня и связавшаго неразрывными узами, то давно бы я, выйдя, сокрушило твои предѣлы. Или ты не знаешь, что по чести и рожденію я впереди тебя? Прежде, чѣмъ ты явилась, я составляло хоры въ безднахъ. Отдай мнѣ моего Владыку, какъ сказалъ пророкъ: *яко того есть море, и той сотвори е* (Пс. xciv, 5), и затѣмъ прибавилъ: *и сушу руцѣ его создастѣ* (ст. 5). Итакъ, ты послѣ создана. Ты, сухая, мать пыли, ненасытимая, гробъ мертвыхъ, кровей, домъ коварства и грѣховъ,—что ты насильно господствуешь надъ старшимъ себя, и одна владѣешь Господомъ? Отдай мнѣ Его, чтобы исполнилось слово: *въ мори путіе твои* (Пс. lxxvi, 20); отдай мнѣ моего Создателя, чтобы и мое лоно Онъ исполнилъ благодатію. Обдержимая, по Его волѣ, моремъ земля съ міровою гордостью, торжественно говоритъ: я не хуже тебя—текучаго, тщеславнаго, непостояннаго, шумнаго, причиняющаго болѣзни, возницы грѣха, неполезнаго для жизни, тебя съ соляными источниками, бездорожнаго, недоступнаго

для путешествія, сородственника вихрю, волнуемаго бурями. Если бы ты было выше честью, то въ тебѣ сначала поселился бы Владыка; а теперь изъ того уже видно мое достоинство, превосходство надъ тобою,—что ко мнѣ сначала Онъ послалъ лучи Своего божества. Я настолько выше тебя честью, насколько я матерь людей, а ты пресмыкающихся; я матерь святой Дѣвы, которая родила Владыку, а ты лукаваго дракона, который тѣшится съ твоими животными; я матерь пророковъ, апостоловъ и святыхъ мужей, а ты матерь дикихъ и лукавыхъ пресмыкающихся, и гибель несчастныхъ въ плаваніи; я плодоносный рай съ цвѣтами и ароматами, а у тебя вѣтры, непогода и безпорядокъ. Если бы было въ моей власти удерживать Господа, я не дозволила бы Ему прибыть къ тебѣ. Когда стихіи спорили въ своихъ желаніяхъ, всеисполняющій и всеустрояющій Господь приходитъ къ морю, желая прославить святыми стопами и почтить вмѣстилище водъ. Море, расширивъ свое лоно, радостно приняло Господа со словами: идите сюда, все живое, малое съ великимъ; что̀ въ глубинахъ, соберитесь; всплывите къ Тому, Кто отъ начала посадилъ васъ (какъ бы) на тронѣ, и даровалъ вамъ жизнь; умолкните, всѣ противныя вѣянія непогоды, и трепещите предъ божествомъ пришедшаго; всѣ вихри, бури, смирите величіе своей силы; смиритесь, всѣ вѣтры и ненастье; всѣ волны, успокойтесь, и будьте тихи; Господа жизни и смерти съ радостью примите. Кто возвѣститъ мнѣ, что сегодня у меня Господь идетъ по морю? Я возвеличилось бы съ этого дня, что сдѣлалось херувимскимъ сѣдалищемъ, и стало серафимскою постелью; что сѣдящій тамъ здѣсь у меня ходитъ; Кто летаетъ на крыльяхъ вѣтровъ, Тотъ на острова мои приходитъ; Кто высится поверхъ столь высокихъ 695
воздушныхъ твердынь, Тотъ у меня пѣшешествуетъ по моей свѣтлой поверхности. Теперь я уже не называюсь моремъ, но небесной купальней; теперь сдѣлалось свѣтильникомъ небеснымъ, сильно сверкающимъ; теперь я сдѣлалось источникомъ, изливающимъ врачеванія; теперь я сдѣлалось солнцемъ съ блистающими лучами; теперь я сдѣлалось небомъ, издающимъ сіяніе, не по своей природѣ, но по изобилію источниковъ благодати.

Тогда вся тварь украшалась; земля и поднебесное просвѣтлялись вмѣстѣ благодатію. Заблудшіе обращались, грѣшники каялись, безбожники дѣлались благочестивыми, больные получали здоровье, мертвые (призывались) къ жизни дѣятельной, живые (предстояли) лицу божества. Тогда демоны преслѣдовались, и болѣзнь истреблялась, и смерть унижалась, и содержимые врагомъ во адѣ, услышавъ о Немъ, старались увидѣть славу, и умоляли освободить ихъ отъ оковъ. Тогда увидѣлъ виновникъ гибели и начальникъ тьмы, что Онъ (Господь) здѣсь исправилъ (все) и готовъ разрушить царство ада,—побѣжалъ онъ, лукавый, къ стрегущимъ тамъ демонамъ, со словами: идетъ подъ землю Тотъ, Кто подъ небомъ былъ благоразуменъ; идетъ опустошить предѣлы, и плѣнить наши

темные тайники. Говорятъ ему въ отвѣтъ мучители: кто сильнѣе тебя? Не ты ли говорилъ: нѣтъ могущественнѣе меня въ борьбѣ съ противникомъ? Теперь (же) испугался—(будто) укрощаешься Имъ. Пока попытайся воевать; будь смѣлъ, и окажется, что Онъ во всемъ побѣжденъ. Онъ имъ (въ отвѣтъ): я пытался, и узналъ (Его)—Онъ всюду овладѣлъ моимъ господствомъ; въ пустынѣ я съ Нимъ воевалъ, и Онъ во всемъ обнаружилъ мою пустоту. Даже противъ учениковъ Его у меня не было силы; я потерялъ свою славу и въ отношеніи ихъ. Они ему (въ отвѣтъ): пока войди внутрь, и затвори мѣдныя врата; мы заключимъ ихъ желѣзными засовами, и приготовимъ свои стрѣлы. Когда лукавые кричали это и подобное, приходитъ Господь съ огненосными войсками. *Возмите врата, князи* демоновъ, *и внидетъ царь славы* (Пс. xxiii, 7). Они же изнутри смѣло спрашивали: *кто есть сей царь славы?* (Эти въ отвѣтъ): *Господь крѣпокъ и силенъ въ брани* (ст. 8). Предводитель демоновъ говорилъ внутри: не сказалъ ли я вамъ, что онъ крѣпокъ и могущественъ въ войнѣ и силенъ въ силѣ? Ангелы побуждали: откройте врата, прежде, чѣмъ намъ ихъ сокрушить и засовы сломать; съ миромъ откройте, прежде, чѣмъ намъ съ гнѣвомъ войти. *Возмите врата, князи* ада, *и внидетъ царь славы.* Они же, въ страхѣ собираясь, спрашивали: *кто есть сей царь славы?* Тѣ отвѣчали: *Господь* есть *силъ* (ст. 10), Владыка небесныхъ и преисподнихъ. И когда они спорили, не открывая (вратъ) изъ страха, (тогда) по мановенію Божію, тотчасъ врата сокрушились и засовы сломались, и исполнилась пророческая проповѣдь, возглашенная за столько родовъ: *сокруши врата мѣдная, и вереи желѣзныя сломи* (Пс. cvi, 16). Находясь въ безпомощности, виновники безчестія, беззаконники сказали: со стрѣлами и мечами устремимся на Него. Онъ же, сломавъ врата и ихъ сокрушивъ, (тѣмъ) исполнилъ два пророчества: Господь сокрушаяй враги, Господь имя ему. *Тамо сокруши крѣпости луковъ, оружіе и мечь и брань* (Пс. lxxv, 4). Когда заключенные увидѣли свѣтъ вѣчной жизни, воскликнули: *просвѣщаеши ты дивно отъ горъ вѣчныхъ* (ст. 5). Горами они называли твердыни ада. *Смятошася вси неразумніи сердцемъ* (ст. 6), т. е., діавольскіе начальники обезумѣли; *уснуша сномъ своимъ, и обрѣтоша ничтоже* (ст. 6), (т. е.) они были умерщвлены Господомъ, и погибло, что у нихъ было въ рукахъ, и ничего они не пріобрѣли. *Отъ запрещенія твоего, Боже Іаковль, воздремаша всѣдшіи на кони* (ст. 7). Конями онъ называетъ души заключенныхъ, и всадниками лукавыхъ демоновъ, безжалостно наказывавшихъ человѣческія души. Они уснули и были умерщвлены. Когда они увидѣли спасеніе душъ и собственную гибель, ихъ освобожденіе и
696 свое порабощеніе, что (тѣхъ) разрѣшаютъ, а ихъ связываютъ несокрушимыми оковами,—сильно возопили: *ты страшенъ еси, и кто противостанетъ тебѣ* предъ лицо (ст. 8)? Насъ, бичевателей душъ, Ты низвергъ съ неба праведнымъ судомъ; мы не право судили; за это судимся,

за это не получаемъ пощады: *судъ бо безъ милости не сотворшему милости* (Iак. II, 13). Онъ заключилъ ихъ въ тайники ада мучиться смрадомъ драконовъ; связалъ ихъ несокрушимыми оковами. Всѣ души Господь собралъ, и (тѣмъ) исполнилъ пророчество Іереміи: *собра рябъ, ихже не роди* (Iерем. XVII, 11). Тѣхъ, которыхъ врагъ свелъ въ адъ, Господь собралъ; которыхъ тамъ родилъ діаволъ, или лучше, разсѣялъ,— этихъ собралъ Христосъ. Встаньте, сказалъ (имъ) Господь, и взойдемъ на небо. Все это совершилось во исполненіе загадочнаго пророчества: встаньте, и взойдемъ на гору, т. е., въ небесный Іерусалимъ. Преисподнія врата были открыты, или лучше, сокрушены; нужно (было) открыть и небесныя врата; но привратники, по незнанію, препятствовали. Когда Онъ сходилъ, они не знали; потому, при возвращеніи, не узнали, и начали спрашивать (а у Господа были съ Собою души, которыя Онъ искупилъ, и разбойникъ, или лучше, ученикъ): кто это идетъ съ такимъ отрядомъ? Предводившіе ангелы объявили о божественномъ достоинствѣ. Но они не спѣшили (открыть врата), удерживаясь невѣдѣніемъ: если восходитъ Господь, то почему мы не замѣтили Его нисходящимъ? Развѣ въ другое время Онъ не нисходилъ? При Ноѣ Онъ повелѣлъ (устроить) ковчегъ, при Авраамѣ пришелъ къ кущѣ, при Іаковѣ (былъ) на лѣствицѣ, при Іовѣ бесѣдовалъ чрезъ бурю и облако, при Моисеѣ (сходилъ) на гору Синай, при Іисусѣ въ Іерихонъ, при Иліи въ пещеру. Нѣтъ рода, когда бы Онъ не нисходилъ, и отъ насъ Онъ не былъ скрытъ. И если теперь Господь восходитъ, то почему мы не замѣтили Его нисходящимъ? Предводители отвѣтили: Онъ есть тогда сходившій; Онъ принялъ образъ раба, чтобы не быть узнаннымъ при восхожденіи, чтобы вамъ не узнать владычняго великолѣпія. И (теперь) узнайте тайну Владыки и мудрое дѣло Господа, и не мѣшайте человѣколюбивому рѣшенію. Если бы вы замѣтили Его сходящимъ съ великимъ смиреніемъ ради Своего творенія, то помѣшали бы схожденію и лишили бы человѣка спасенія, оставивъ его внѣ горняго царства. Теперь откройте, упадите на колѣни! Отвѣчаютъ они: если мы не услышимъ Его божественнаго голоса, не можемъ открыть дверей. Никто нечистымъ не входитъ оттуда: *сія врата Господня: праведніи внидутъ въ ня* (Пс. CXVII, 20). Тогда Господь драгоцѣннымъ голосомъ сказалъ: Я есмь, о Которомъ вы спрашиваете; *отверзите мнѣ врата правды: вшедъ въ ня исповѣмся Господеви* (ст. 19), т. е., что Я сдѣлалъ и пострадалъ, сколько совершилъ прекраснаго и получилъ худого. Я возвѣщу признаки праведныхъ, дары исцѣленій, правоту дѣлъ—*отверзите мнѣ врата правды: вшедъ въ ня исповѣмся Господеви.* Тогда привратники, узнавъ непорочный голосъ Владыки, со страхомъ вышли для поклоненія: мы не узнали Тебя, Владыко, нисходящимъ; поклоняемся Тебѣ, восходящему. Потомъ Онъ и слѣдующіе за нимъ проходятъ безпрекословно. Но они препятствовали входившимъ позади: *сія врата Господня: праведніи внидутъ въ ня,* но

никакъ не неправедные; здѣсь (же) прелюбодѣи, и мытари, и хищники. Почему же это происходитъ вопреки Твоей святой волѣ? Эти врата Ты самъ утвердилъ, Ты поставилъ насъ привратниками, Ты объявилъ намъ законъ, что *сія врата Господня: праведніи внидутъ въ ня.* Не о Тебѣ ли сказано, что *повелѣніе положи, и не мимо идетъ* (Пс. CXLVIII, 6)? Ты сказалъ: только праведные войдутъ,—но никакъ не неправедники; сюда (же) вводятся прелюбодѣи и мытари, сюда входятъ волхвы и разбойники и хищники. Хотя первыми праведныхъ введи, и послѣ грѣшникамъ руку подай. Пусть будетъ, что всѣхъ этихъ Ты вводишь: очевидно, они покаялись. Но этого разбойника за что Ты вводишь впереди всѣхъ въ горнее царство? Гдѣ онъ образумился, гдѣ покаялся? Ни одного дня въ своей жизни онъ не употребилъ съ пользою для себя, и не совершилъ
697 чего-нибудь хорошаго; даже часа одного онъ не удѣлилъ на покаяніе. Вотъ у насъ запись его грѣховъ, которыхъ онъ не изгладилъ покаяніемъ, и Ты вводишь его въ рай впереди всѣхъ праведныхъ! Спаситель (отвѣчалъ): вы изслѣдуете его грѣховность, которую Я раньше всѣхъ изгладилъ? Ничего не значитъ запись его грѣховъ, потому что его вѣра уничтожила ее. Пусть уничтожится запись его неправостей прекраснымъ исповѣданіемъ! Онъ не покаялся до времени, но сталъ благоразуменъ вóвремя; предъ смертью, безъ вѣры онъ былъ нагъ,—въ смерти, его вѣра побѣдила наводненія моря; во время покоя онъ не зналъ, но во время нужды призналъ праведность. Когда Мои ученики отъ Меня убѣжали,—онъ прибѣжалъ ко Мнѣ; когда Петръ говорилъ: *не знаю человѣка,*—этотъ исповѣдалъ Царемъ небесъ; когда священники Меня казнили, онъ назвалъ Господомъ жизни. Для Меня дѣло покаянія совершено, когда вижу его волю и готовность (т. е. разбойника); для Меня оправданіе чрезъ терпѣніе достигнуто, когда онъ склонилъ свое сердце ко благу. Адамъ чрезъ ребро свое (т. е. жену) заключилъ рай, этотъ исповѣданіемъ своимъ открываетъ врата, стрегомыя огненнымъ мечомъ. Не ищите его грѣховности, которой вы не найдете. Вслѣдствіе этого Давидъ за столько родовъ пророчествовалъ: *взыщется грѣхъ его, и не обрящется* (Пс. IX, 36).

Наконецъ Спаситель взошелъ, побѣдивъ всякую власть и силу, и всѣ ангельскія воинства встрѣтили и, какъ Владыкѣ, поклонились,—весь херувимскій чинъ и серафимское служеніе поклонились Ему и Отцу, (Его) родившему. И Онъ былъ принятъ Отцомъ, и сѣлъ одесную никогда не оставлявшій отеческаго лона. Если и сошелъ Онъ на землю по человѣколюбію, то однако никогда не оставлялъ престола; если и сдѣлался совершеннымъ человѣкомъ для устроенія (спасенія), то (однако) никогда не измѣнялъ Своему природному божеству. Не по преуспѣванію человѣческому сдѣлался Богомъ Христосъ,—да не будетъ!—но, будучи Богомъ, сдѣлался человѣкомъ, чтобы человѣка спасти. Поэтому, не человѣка обоженнаго мы проповѣдуемъ, но Бога воплотившагося исповѣдуемъ, какъ

божественный Павелъ сказалъ: поэтому всякое начало и власть подчинились Ему, какъ существующему раньше всякаго созданія; а лучше (исповѣдуемъ) Творца твари, господствующаго и царствующаго съ непорочнымъ Своимъ Отцомъ и животворящимъ Духомъ во вѣки. Аминь. Онъ 698
имѣетъ судить вселенную и всю поднебесную, и воздать каждому по его дѣламъ. Итакъ, кто разскажетъ о милости человѣколюбія, или о величіи Его власти? Кто выразитъ мудрость Его благости, или величіе Его силы? Кто изложитъ сострадание Его благоутробія, или изслѣдуетъ достоинство Его превосходства,—какъ Онъ, не оставивъ горняго, сошелъ для насъ на землю; какъ, незамѣтно для началъ и властей, вселился въ утробу непорочной Дѣвы; незамѣтно для хоровъ ангельскихъ и архангельскихъ, облекся въ образъ раба, чтобы спасти отъ погибели и смерти человѣка, (созданнаго) по (Его) образу; и умеръ плотію, чтобы сдѣлать насъ общниками Его безсмертной природы? И чѣмъ мы воздадимъ Ему за все, что Онъ намъ даровалъ? Какими благодареніями, или моленіями? Если бы всѣ наши члены получили голосъ, и наши волосы стали бы говорить и всякое чувство наше исполнилось бы пѣснопѣніемъ,—мы и тогда не могли бы достойно прославить бывшую къ намъ милость и (ея) величіе. Но насколько можемъ, прославимъ Единаго Святѣйшаго, исполняя предреченіе: *помянухъ Бога и возвеселихся*. Въ этомъ обозрѣніи я изложилъ великія и изумительныя чудеса Спасителя, чтобы ежедневнымъ воспоминаніемъ (ихъ) радоваться; лишь бы вспоминать намъ достойно, какъ слѣдуетъ. Впрочемъ, прикровенно ли, или открыто, но пусть Богъ возвѣщается; поэтому будемъ говорить съ пророкомъ: *помянухъ Бога и возвеселихся*. Богъ силъ, явившій человѣколюбіе и многую благость, воспринявшій благодатно нашу немощь и молитвы и приведшій къ лучшему благому промышленію,—самъ Онъ да сохранитъ нашу душу незапятнанною, тѣло неоскверненнымъ, духъ незагрязненнымъ, да соблюдетъ жизнь безболѣзненною, вѣру неприкосновенною, братолюбіе безобиднымъ, дѣвство неукоризненнымъ, дружбу безмолвною, любовь непритворною, добродѣтель тихою, справедливость безпрепятственною, вѣру плодоносною. Да откроетъ Онъ намъ врата рая и угаситъ огненный мечъ, откроетъ дверь царствія Своего и приготовитъ чистое наслажденіе, поставитъ одесную и десницею да увѣнчаетъ по человѣколюбію Своей благости, такъ какъ Ему подобаетъ слава, Отцу и Сыну и Святому Духу, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

О Рахили и о чадахъ.

Пользуясь самыми сладкими древесными плодами, вмѣстѣ съ тѣмъ 697
хвалятъ вѣтви и деревья; такъ и мы, возлюбленные—воспользовавшись плодами словъ предупредившаго (насъ) учителя, воздаемъ вмѣстѣ съ тѣмъ

честь ему и своимъ отцамъ. Какъ плодамъ сообщается сладкая тучность изъ тучности деревьевъ, такъ и вышеназванному мужу сообщается сладость слова изъ благодати Духа. Итакъ, какъ сладкими финиками, воспользуемся сладчайшими словесными плодами, пріобрѣвшими сладость изъ праваго корня отцовъ; о сладости слова размыслимъ, а за пріятность возблагодаримъ нашихъ отцовъ. Честь отцовъ зависитъ отъ благопристойности сыновей, или лучше, вѣнцы сыновей украшаются хорошею славою отцовъ. Чтеніемъ о стенаніи Рахили я побуждаюсь, какъ бы стрекаломъ. (и) къ ней обращаюсь. Говори мнѣ, Рахиль, говоря о скрывающемся въ твоемъ стонѣ трудѣ! Ладья мысли твоей, отягченная печалью, облегчится; когда слова, выражающія трудъ, изойдутъ отъ сердца твоего,—вмѣстѣ со словами исчезнетъ и тяжесть печали. Итакъ, говори мнѣ, Рахиль, чего ты плачешь? Вижу, что слезы твои рѣкою текутъ по щекамъ, дыханіе тяжко стѣснено около сердца и безпорядочно выходитъ чрезъ ноздри. Чего ты рвешь свои волосы, и обнажаешь тѣ, которые тебѣ нужно скрывать? Зачѣмъ, въ излишнемъ безуміи, выдаешь важную тайну почтен-
698 ныхъ женщинъ? Горе, горе Рахили!. Буду говорить, угнетаясь горечью души; но что̀ мнѣ сказать? Желаю отъ сердца произнести слово, и не рѣшаюсь, не находя причины золъ и величайшаго несчастія. О, царь Иродъ, учившій меня, что не должно убивать, и на дѣлѣ упразднившій свой законъ! Я думала, что онъ царь благоустройства, а теперь вижу его начальникомъ неустройства, поступающимъ безпорядочно и беззаконно. О, величайшее безуміе! Кто совершилъ одно убійство, отвѣтственъ въ смерти; а Иродъ совершилъ столько убійствъ, (и) называется царемъ. Земледѣльцы, вынесши изъ своихъ сокровищницъ сѣмя, бросаютъ чистый хлѣбъ въ взборожденную землю; когда же выросшіе колосья укажутъ на блестящее время жатвы, тогда срѣзаютъ хлѣбъ острымъ серпомъ. А Иродъ погубилъ острымъ мечомъ рожденія моей утробы, еще не зацвѣтшія цвѣтомъ возраста, еще не покрывшія своихъ щекъ пухомъ весенней прелести, мою зелень. Горе, горе! Я скорблю о своей утробѣ, и чувства сердца моего неистовствуютъ, душа моя терзается сердцемъ: не буду молчать! Я переношу это изъ-за небрачной Дѣвы Маріи, изъ-за Слова, сокрытаго въ ясляхъ. Гроздья мои, еще не созрѣвшія, я вижу уничтоженными. Горе, горе! Кого съ трудомъ въ теченіе девятимѣсячнаго времени носившая природа родила, содѣлавъ зрѣлыми,—тѣхъ я вижу преждевременно сраженными однимъ ударомъ меча. Горе! О, Марія, Дѣва
699 вмѣстѣ и Матерь, мужа не познавшая и Сына родившая! Ты не знаешь болѣзни матерей; если бы ты знала, плакала бы. Безболѣзненно ты носила, безболѣзненно родила, безболѣзненно ты имѣла гостемъ небесное Слово въ домѣ утробы своей, безболѣзненно возрастила для вселенной небесный цвѣтъ. Но подойди сюда, и не плачь больше, прекрати свою печаль, Рахиль! Иродъ убилъ твоихъ дѣтей на землѣ, но Богъ вскармливаетъ ихъ на небѣ. Иродъ лишилъ твоихъ дѣтей временнаго свѣта, но

Онъ исполнитъ ихъ Своимъ свѣтомъ на небѣ. Не видишь ихъ рѣзвящимися на землѣ, но тогда увидишь, и возрадуешься, видя ихъ, какъ агнцевъ, рѣзвящимися въ раю. Теперь печалишься, что не видишь ихъ за столомъ протягивающими руки, но тогда увидишь, и возрадуешься, что они съ ангелами угощаются хлѣбомъ небеснымъ. Теперь печалишься, не слыша ихъ шума, но тогда услышишь, и возрадуешься хору этихъ дѣтей, прославляющихъ Христа въ раю, подобно весеннимъ ласточкамъ. Пророкъ говорилъ: *изъ устъ младенецъ и ссущихъ совершилъ еси хвалу* (Пс. VIII, 3); во исполненіе этого пророческаго слова—*изъ устъ младенецъ и ссущихъ совершилъ еси хвалу*—дѣтскій хоръ предварилъ Христа, со своими побѣдными пѣснями. Но мы сказали это, возлюбленные, для услажденія души. Обратимся, наконецъ, къ стезѣ Евангелія. *Слышавъ Иродъ смутися* (Мѳ. II, 3). Что услышавъ? Что царь іудейскій родился. Смотри, возлюбленный: діаволъ въ Иродѣ тревожится, и даже сильно. Видитъ волкъ, что родился пастырь, скрывается въ ясляхъ и держитъ въ рукахъ крѣпкій жезлъ Духа, и, видя это, сильно тревожится. Видитъ драконъ приманку тѣла, и дитя, какъ бы червя, ползающаго,—потому что *азъ есмь червь, и не человѣкъ* (Пс. XXI, 7),—подходитъ съ раскрытою 700
пастью, (но) созерцаетъ внутри небесное Слово во плоти, какъ бы скрывающійся крючекъ, и, созерцая это, сильно тревожится. Онъ видитъ горчичное зерно, упавшее на землю, распростирающее вѣтви надежды и имѣющее защищать человѣческій родъ подъ листьями спасенія, и, видя это, ненавистникъ добра—демонъ сильно тревожится. Онъ видитъ, что мудрость пришла на землю, приняла малую закваску тѣла, смѣшиваетъ (въ себѣ) три части муки—души, тѣла и духа—и имѣетъ всквасить все человѣчество во единое спасеніе вѣрою, и, усмотрѣвъ это, сильно тревожится. Онъ видитъ, что демонскій легіонъ изгоняется человѣчествомъ и посылается въ бездну, и, видя это, сильно тревожится. Онъ видитъ, что адскіе запоры сокрушаются, Адамъ опять возводится въ рай, и сильно тревожится. Онъ видитъ, что Ева опять спасается чрезъ Марію, и убивается змѣй, въ которомъ онъ особенно былъ смѣлъ, и, видя это, сильно тревожится. Онъ видитъ, что древо жизни насаждается, и, видя это, сильно тревожится. И не достанетъ мнѣ времени, возлюбленные, чтобы разсказывать о тревогѣ діавола. Наконецъ, будучи совершенно безсиленъ противъ Господа, діаволъ устремляется на дѣтей и новорожденныхъ. И кого онъ убиваетъ? Отъ двухъ лѣтъ и ниже; а прожившихъ троицу годовъ не убиваетъ. Это—дѣти, которые исповѣдуютъ двоицу, и въ Троицу не увѣровали. Изъ-за этого сама Рахиль, церковь изъ язычниковъ, оплакиваетъ ихъ, такъ что голосъ ея слышенъ въ Рамѣ, т. е., въ высокомъ. Рама значитъ *высокая*, горній Іерусалимъ у высочайшаго Бога, Которому подобаетъ всякая слава, держава со всесвятымъ и животворящимъ Духомъ, во вѣки вѣковъ. Аминь.

Объ Иродѣ и о младенцахъ.

699 Всегда и всюду я желалъ излагать духовное слово, повинуясь слову Павла: *духовная духовными сразсуждающе* (1 Кор. II, 18); но оказался должникомъ (предъ вами) особенно за предыдущее воскресеніе съ именемъ Господа. Не знаю, какъ это происходитъ со мною, что моя скудость никогда не освобождается отъ долга, отъ васъ, жаждущихъ духовнаго, ростовщиковъ, требующихъ долгъ съ процентомъ. Однако я не плачу объ этомъ, возлюбленные, но болѣе радуюсь; я рабъ богатаго Владыки, имѣющій хорошія надежды. Поэтому, не прощенія прошу, но къ перемирію побуждаю. У меня есть податель слова Богъ, говорящій: *разшири уста твоя, и исполню я* (Пс. LXXX, 11),—и не по достоинству говорящаго, но по благочестивой любознательности слушателей. Итакъ, ты выслушалъ слова евангелиста Матѳея: *видѣвъ* царь *Иродъ, яко поруганъ бысть отъ волхвовъ, разгнѣвася зѣло, и пославъ изби вся дѣти сущія въ Виѳлеемѣ, и во всѣхъ предѣлѣхъ его, отъ двою лѣту и нижайше, по времени, еже извѣстно испыта отъ волхвовъ* (Мѳ. II, 16). Это во время рожденія по плоти Христа. Но слушай, какъ за много времени раньше было сказано: да *сбыстся реченное Іереміемъ пророкомъ глаголющимъ: гласъ въ Рамѣ слышанъ бысть, Рахиль плачущися чадъ своихъ* (ст. 17). Видишь, за сколько родовъ раньше было возвѣщено о безуміи Ирода въ послѣдніе дни: *пославъ изби вся дѣти сущія въ Виѳлеемѣ, и во всѣхъ предѣлѣхъ его.* О, безуміе Иродово, или лучше, нечестіе діавольское! Вѣдь и это было его дѣло; онъ вооружилъ Ирода противъ дѣтей. Однако онъ поднялъ мечъ дѣтоубійства противъ самого себя; Иродъ, много замышлявшій, не убилъ Іисуса, Котораго искалъ; неудача Ирода—несчастіе для діавола. *Видѣвъ, яко поруганъ бысть отъ волхвовъ, разгнѣвася зѣло, и пославъ изби вся дѣти сущія въ Виѳлеемѣ, и во всѣхъ предѣлѣхъ его.* О, Иродъ, зачѣмъ безразсудно раздражаешься? Зачѣмъ вооружаешься противъ дѣтей? Ты осмѣянъ волхвами, и убиваешь младенцевъ. Развѣ младенцы указали дорогу волхвамъ? Звѣзда указала имъ родившагося Господа. Не въ силахъ будучи умѣ-
700 тить въ звѣзду, убиваешь младенцевъ? Или для того ты получилъ царство, чтобы показать свою силу противъ кормящихся грудью? Съ дѣтьми воюешь, Иродъ? Матерей сиротишь? Сосцы сушишь? Объятія обнажаешь? Сердца ранишь? Женщинамъ, мучащимся родами, прибавляешь плача? Младенцевъ двухъ лѣтъ и моложе убиваешь? Есть ли, гдѣ вонзить мечъ? Это (значитъ) не убивать, но преждевременно рѣзать. Покажи дѣтямъ мечъ: если, испугавшись, они сробѣютъ, то убивай, рѣжь; а если весело подбѣгутъ къ мечу, то зачѣмъ вынимаешь мечъ противъ улыбающихся мечу? Ты думаешь, Иродъ, Спасителя настигнуть, и Его убить? Такъ какъ ты совсѣмъ рѣшился (на это), то издай повелѣніе, призови волх-

вовъ, задержи звѣзду, заключи въ темницу Гавріила, распроси пророковъ,
разыщи матерь Дѣву; если ты этимъ овладѣешь, то можешь и Христа
найти. Не славословишь, но ищешь рожденнаго безсѣменно? Богоборству-
ешь, царь? Хлопочешь о Царѣ? Желаешь овладѣть владѣющимъ тобою?
Желаешь погубить, кто желаетъ тебя спасти? Замышляешь схватить,
Кто стоитъ подлѣ тебя, и не желаетъ, чтобы ты видѣлъ Его, по твоему
лукавству? Онъ, о, Иродъ, есть Тотъ, Кто взывалъ за много времени
раньше: *взыщутъ мене зліи, и не обрящутъ* (Прит. I, 28). Какъ ты
(можешь) презирать этого Младенца? Онъ, по божеству, много древнѣе
Авраама; не только Авраама древнѣе, но и Адама создатель. Онъ не
страхомъ облеченъ, но идетъ для домоправленія. Зачѣмъ безразсудно
раздражаешься, Иродъ? Корысть напраснаго гнѣва—паденіе. Зачѣмъ ты
дѣлаешь подобно фараону? Онъ въ Египтѣ приказалъ, чтобы младенцевъ
мужескаго пола бросали въ рѣку; и ты приказываешь, чтобы въ Виѳле-
емѣ іудейскихъ младенцевъ мужескаго пола убивали. О, одинаковый духъ!
О, равная безжалостность! О, сходное нечестіе! Вѣрнѣе же сказать, Иродъ
много свирѣпѣе фараона. Также и копьеносцы Иродовы много тягостнѣе
щитоносцевъ фараоновыхъ. Фараонъ въ Египтѣ, если и приказалъ, чтобы
іудейскихъ младенцевъ мужескаго пола убивали, однако рѣшился на это,
какъ иноплеменникъ, изъ боязни, чтобы не усилился израильскій родъ,
и не истребилъ бы египтянъ. Онъ египетскихъ дѣтей щадитъ, а убива-
етъ израильскихъ; по страху воюетъ, а не по зависти умерщвляетъ. Фа- 701
раонъ былъ человѣколюбивѣе Ирода (настолько), что даже отмѣнилъ за-
конъ, который онъ объявилъ, и сдѣлался нарушителемъ собственнаго по-
велѣнія. Онъ нашелъ одного Моисея носящимся по рѣкѣ въ ящикѣ; чрезъ
свою дочь взялъ его, и не только не убилъ, но, какъ сына, вскормилъ;
щадитъ младенца, нарушивъ свой законъ. Что ты говоришь, Иродъ?
Фараонъ спасаетъ Моисея, а ты рѣшился настигнуть Владыку Христа;
тотъ спасаетъ будущаго карателя Египта, а ты желаешь убить Спаси-
теля вселенной? И щитоносцы фараоновы почтеннѣе копьеносцевъ Иро-
довыхъ. Бабки, получивъ приказаніе душить еврейскихъ младенцевъ му-
жескаго пола, во время (ихъ) рожденія, не исполняли этого, изъ благо-
честія—хотя и египтянки родомъ; ихъ внутренность переворачивалась,
при мысли, что̀ испытываютъ матери, когда лишаются младенцевъ
насильственною смертью. Они рѣшились скорѣе оскорбить царя
временнаго, чѣмъ противодѣйствовать бо́льшему Царю и Богу. Иродъ
показалъ свое нечестіе въ отношеніи не иного племени, но съ едино-
племенниками безумно поступилъ. Фараонъ только въ Египтѣ обна-
ружилъ такую ярость, не далѣе; а Иродъ приказалъ избивать нѣж-
ныхъ младенцевъ не только въ Виѳлеемѣ, но и во всѣхъ его предѣ-
лахъ. О, несправедливое повелѣніе того, кто возсталъ тогда сразу
противъ города, деревень, полей и улицъ! Не было у матерей, гдѣ бы
дѣтей скрыть; внѣ материнскихъ объятій они не могли остаться.

Если бы когда мать пожелала укрыть свое дитя, оно само выдало бы себя плачемъ, привлекло бы къ себѣ смерть привязанностію къ сосцамъ. Какъ рыба не можетъ жить внѣ воды, такъ и младенецъ скоро гибнетъ, лишаясь материнскихъ сосцовъ. О, та вселенская плачевная пѣсны! Я не нахожу, какъ описать виды материнскихъ сѣтованій. Если бы произошло варварское нападеніе, матери легче переносили бы скорбь; раздѣляемое несчастіе умѣреннѣе терзаетъ страдающаго (имъ). Но (то)
702 было не нападеніемъ варварскимъ, но междоусобною войною; было насиліемъ, не допускающимъ просьбы; было беззаконіемъ, имѣющимъ защитникомъ законъ. Матери кричали, и не было слушателя; младенцы рыдали, и подлѣ не было жалѣющаго; сосцы обливали молокомъ землю, а Иродъ, какъ камень, болѣе ожесточался. Копьеносцы царя еще кровожаднѣе тамъ и здѣсь различно нападали на младенцевъ: однихъ у стѣнъ мучили, другихъ на скалы бросали, иныхъ душили. Волновалъ ихъ діаволъ, виновникъ такого дѣла. Въ этомъ и подобномъ матери ослабѣвали и, забывшись отъ страданія, не заботились о благопристойности. Разрывали одежды, распускали по воздуху косы, сосцы обнажали, которые нужно было скрывать, грудь поражали камнями, царапали (себѣ) щеки, какъ палачи, призывали въ свидѣтели небо, молчаливаго судью, обращались съ просьбою къ общему Судьѣ и Владыкѣ, со словами: что̀ это за кровожадность царя, Владыко? Онъ свирѣпствуетъ надъ Твоимъ твореніемъ; Ты создалъ, онъ не перестаетъ закалывать; Ты одарилъ, онъ вредитъ. Для чего мы рождали дѣтей, если такъ горька смерть дѣтей? Если (это) Твое приказаніе, прикажи и намъ съ ними умереть; если (это) предпріятіе и приказаніе беззаконнаго царя, почему Ты скорѣе на него не нападешь? Но, конечно, матери такъ кричатъ, терзаясь страданіемъ, (и) по незнанію пользы для своихъ птенцовъ. Въ дѣйствительности что̀ блаженнѣе тѣхъ, кто переноситъ замыслы изъ-за Владыки Христа? Что̀ блаженнѣе этихъ дѣтей,—такъ какъ они закалывались не ради только ихъ самихъ, но и какъ бы самъ Христосъ убивался? Поистинѣ благовременно сказать къ матерямъ слово Господа: не плачьте, матери, не плачьте; на малое время они потеряли ваше лоно, но лоно Авраамово получили. Не плачьте, матери, не плачьте; не препятствуйте дѣтямъ идти ко Мнѣ: *таковыхъ бо есть царство небесное* (Мѳ. XIX, 14), во Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, Которому слава и держава, во вѣки вѣковъ.

О Марѳѣ, Маріи и Лазарѣ, и Иліи пророкѣ.

701 Вы, которые пребываете въ любви къ воскресенію Господа, поистинѣ примите Христу угодное миро недавно прочитаннаго свидѣтельства. Уже Марія миропомазуетъ, и церковь благоухаетъ; уже сосудъ опорожняется, и жертвенникъ исполняется благовонія. Марія миропомазуетъ, Марѳа

служитъ и воскрешенный возлежитъ съ Господомъ. Почтененъ родъ мужей, такъ какъ мужъ созданъ по образу Божію, а жена по образу мужа—она славитъ мужа, но не представляетъ собою Христа. И кто свидѣтель этого, чтобы намъ безупречно имъ воспользоваться? Слушай слова Павла: *мужъ не долженъ есть главу покрывати, образъ и слава Божія сый: жена же слава мужу есть* (1 Кор. xi, 7). Жена—слава своего мужа, (а) не чужихъ; (слава) не вслѣдствіе древняго суетнаго совѣта, но вслѣдствіе совершеннаго, истиннаго дѣторожденія. Это истинное дѣторожденіе освободило жену отъ проклятія. И кто свидѣтель этого? Тотъ же самый апостолъ: *Адамъ не прелстися: жена же прелстившися, въ преступленіи бысть. Спасется же* опять *чадородія ради* (1 Тим. п, 14, 15). Видишь, что жена спасается вслѣдствіе дѣторожденія; не за то, что Ева извергла Каина, но за то, что славная Дѣва чревоносила Христа. Итакъ, Марія миропомазуетъ, Марѳа служитъ, и Лазарь съ Господомъ возлежитъ, какъ только что ты слышалъ. Марія изображаетъ церковь: не оскудѣваемо миро церкви; Марѳа обозначаетъ синагогу: маловѣрующа и любительница земного; Лазарь носитъ скипетръ воскресенія, какъ ты только что слышалъ изъ словъ евангелиста: *пріиде Іисусъ въ Виѳанію, идѣже бѣ Лазарь, егоже воскреси отъ мертвыхъ. Сотвориша же ему вечерю ту, и Марѳа служаше: Лазарь же единъ бѣ отъ возлежащихъ съ нимъ. Марія же пріемши литру мира нарда пистика многоцѣнна, помаза нозѣ Іисусовѣ, и власы своими отре: храмина же* вся *исполнися отъ вони* мира (Іоан. xii, 1, 2, 3). Видѣлъ ты занятіе жены, и 702
какъ она предъизобразила церковь? Марія отвлекла многихъ женъ отъ ихъ худого занятія, и научила—приносить литру мира, а не отсѣкать головы Крестителя; Господа помазывать миромъ, а не съ Іудою воровать; волосы распускать, а не грѣхи связывать; зваться сестрою Лазаря, а не называться дочерью діавола. Это мною сказано о синагогѣ іудейской, не миропомазавшей Господа, но напоившей уксусомъ и желчью, о любительницѣ крови, всегда дѣйствовавшей враждебно противъ Владыки Христа, старавшейся умертвить Лазаря, котораго Онъ воскресилъ изъ мертвыхъ. И кто достовѣрнѣе: Господь воскрешающій, или они убивающіе? Сейчасъ ты слышалъ слова евангелиста: *разумѣ же народъ многъ отъ Іудей, яко ту есть* Іисусъ: *и пріидоша не Іисуса ради токмо, но да и Лазаря видятъ, егоже воскреси отъ мертвыхъ* (ст. 9),—многіе изъ іудеевъ пришли ради его, и увѣровали въ Іисуса. Видишь, какъ іудейская синагога, человѣкоубійца, пророкоубійца, дошла до убіенія Господа? Господь самолично ей, какъ любящей убійство и разбойнической, говорилъ: *Іерусалиме, Іерусалиме, избивый пророки и каменіемъ побиваяй посланныя къ тебѣ* (Мѳ. xxiii, 37), доколѣ ты будешь убивать, и не обратишься? Ты пьяна безъ вина, любительница крови! И чтобы тебѣ знать, что не напрасны эти слова, слушай Господа, говорящаго чрезъ пророка: *слышите* сія вся *старѣйшины дому Іаковля, и оставшіи дому Израилева*

гнушающіися судомъ, и вся правая развращающіи, созидающіи Сіона кровми, и Іерусалима неправдами (Мих. III, 9); и еще: аще *простреете руки ваша ко мнѣ, отвращу* лице *мое отъ васъ: и аще умножите моленіе, не услышу: руки бо ваша крове исполнены* (Ис. I, 15).
703 Что же евангелистъ? *Прежде шести дній пасхи пріиде* Іисусъ *въ Виѳанію.* Господь, пришедшій въ Виѳанію, и здѣсь предстоитъ. Настоящій домъ поистинѣ называется Виѳаніей, такъ какъ Виѳанія значитъ домъ мира, а домъ мира — настоящій домъ Господа, въ которомъ мы, жители его, ежедневно взываемъ къ Домовладыкѣ: *слава въ вышнихъ Богу, и на земли миръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе* (Лук. II, 14). Пришедшій въ Виѳанію и сюда прибываетъ; прибываетъ не какъ не присутствующій, но какъ сущій, и присутствующій, и идущій. Предвидѣвъ это прибытіе Господа, пророкъ говорилъ: *се съ крѣпостію идетъ, и мышца его со властію* (Ис. XL, 10). *Се Господь съ крѣпостію идетъ.* Истинно это слово: *съ крѣпостію Господь идетъ.* Съ какою крѣпостію? Какъ опустошившій адъ, какъ давшій Лазарю вкусить воскресенія, какъ наполнившій міръ несмѣтными благодѣяніями. *Се Господь съ крѣпостію идетъ.* Кто сильнѣе сказавшаго: *Лазаре, гряди вонъ?* Идетъ не отсутствующій; ты слышалъ: выйдемъ на встрѣчу присутствующему и идущему, (выйдемъ) не шествіемъ по землѣ, но очищеніемъ души, улучшеніемъ нравовъ. Выйдемъ на встрѣчу присутствующему съ благодарностію; сдѣлаемъ, что̀ сдѣлала сестра Моисея; воспользуемся голосами болѣе сильными, чѣмъ она, такъ какъ діаволъ, даже покрытый моремъ, тягостнѣе фараона. Возьмемъ съ любовію знаки побѣды, не тимпаны ручные, но ваія, финиковыя вѣтви; воскликнемъ съ единовѣрными братьями то, что̀ мы недавно слышали: *осанна, благословенъ грядый во имя Господне Царь Израилевъ* (Іоан. XII, 13). Пророкъ Исаія, предвидя это царское пришествіе Господа, говорилъ: *се Господь съ крѣпостію идетъ*, какъ воскреситель мертвыхъ, и не просто мертвыхъ, но сотлѣвшихъ, разсѣявшихся, (какъ) воскреситель изъ гроба четырехдневнаго Лазаря, о чемъ ты слышалъ изъ словъ евангелиста: *прежде шести дній пасхи пріиде* Іисусъ *въ Виѳанію, идѣже бѣ Лазарь, егоже воскреси отъ мертвыхъ.* Что̀ же такого сдѣлалъ Моисей, подобно Владыкѣ нашему Христу? Моисей умертвилъ, (а) не оживилъ. Да устыдятся дѣти іудеевъ, прославляющіе Моисея и порицающіе Владыку Христа! Но іудей сейчасъ поспѣшно возражаетъ: а у насъ не воскресъ мертвый? Развѣ не воскресилъ пророкъ Илія сына сарептской вдовы? Между тѣмъ Илія—человѣкъ. Почему вы много думаете о вашемъ Учителѣ—доказываете въ Немъ божественную силу изъ того, что Онъ воскресилъ изъ мертвыхъ Лазаря? Что̀ ты, іудей, говоришь? Сравниваешь Илію и Владыку Христа? Иное (дѣло) рабское состояніе, и иное—власть божественная. Если ты не узнаешь напередъ, какъ было это воскрешеніе, то не поймешь дѣла божественной власти. Слушай внимательно:

мертвый при Иліи, сынъ сарептской вдовы, если и преданъ былъ смерти, то, однако, не по недостатку природы, но для воспитанія и огорченія Иліи, чтобы склонить Илію отъ жестокосердія къ состраданію. Нѣкогда Илія—какъ вы хорошо знаете—разгнѣвавшись на домъ Ахава и израильскій народъ за беззаконіе Іезавели, съ клятвою объявилъ: *живъ Господь Богъ, аще будетъ въ лѣта сія роса* или *дождь* на землѣ, *точію отъ устъ* моихъ (3 Цар. XVII, 1). Этимъ рѣшеніемъ Иліи о безводности Богъ всяческихъ не удовольствовался, но исполняетъ рѣшеніе раба, такъ какъ Онъ желалъ его самого, связавшаго облака на безплодіе, разрѣшить отъ несчастія безводности. Но Илія не внялъ этому примиренію. Иначе Богъ сострадаетъ, и иначе человѣкъ ожесточается. Господь желалъ упросить жестокаго раба, чтобы онъ далъ на землю дождь по своему слову. Не свойственно Богу просить человѣка; потому, какъ Богъ, Онъ употребилъ другое средство. Какое? Слушай внимательно. При усиливавшемся бездождіи (три года и шесть мѣсяцевъ облака не давали дождя), началъ Илія пренебрегать жаждою, (и) съ твердостію переносилъ недостатокъ, дѣлая это изъ соревнованія; желалъ (лучше) самъ уничтожиться, чѣмъ примириться съ домомъ Ахава. Что же Господь? Онъ тонко поступаетъ со Своимъ рабомъ—не проситъ, но говоритъ: встань отсюда и иди къ 704
потоку Хораѳа предъ лицомъ Іордана, и пей воду изъ потока, *и врановъ* заповѣдаю *препитати тя тамо* (3 Цар. XVII, 3, 4). Это сказалъ Господь не съ тѣмъ, чтобы напитать Илію, но посрамить; не съ тѣмъ, чтобы почтить, но привлечь его къ состраданію чрезъ позорную пищу. Не свойственно было пророку питаться чрезъ вороновъ, и пользоваться мясной трапезой ему, исполнявшему сначала аскетическіе труды. Силенъ былъ Господь прокормить праведника или черезъ голубей, или черезъ подачу манны, подобно сынамъ Израиля, или, по примѣру Даніила, представить мужа Аввакума съ чечевицей; силенъ былъ Господь почтенно прокормить Илію, какъ почтенно Онъ прокормилъ его (въ другой разъ). Когда, убѣгая отъ Іезавели, въ иное время Илія достигъ пустыни, и въ пустынѣ спалъ, при сильномъ голодѣ и жаждѣ—такъ какъ великъ (былъ) путь бѣгства—(тогда) Господь полагаетъ у его головы хлѣбъ и воду, и потомъ толкаетъ его въ бокъ, а не въ другую часть (тѣла). Почему? Слушай внимательно: Онъ толкаетъ его въ бокъ, такъ какъ онъ избѣгъ угрозы бока. И къ нему Господь: Илія, *востани* и *яждь, и пій, яко многъ отъ тебе путь.* Вставъ же Илія и поѣвши и попивши, *иде въ крѣпости яди тоя четыредесять дней и четыредесять нощей* (3 Цар. XIX, 7, 8), не какъ голодающій, но какъ насыщенный. Такова богодарованная пища. Итакъ, тамъ достойно прокормившій силенъ былъ и въ настоящемъ (случаѣ) прокормить его съ неба; но Онъ предоставляетъ ему неподходящую трапезу, чтобы позорнымъ питаніемъ склонить его къ состраданію и жалости. Но онъ оставался непреклоннымъ. Нужно было, чтобы Илія, услышавъ слова Господа: пей изъ потока, *и врановъ*

заповѣдаю *препитати тя тамо*,—припалъ, умолялъ и сказалъ: *никакоже Господи*, никогда не входило въ уста мои все скверное и нечистое (Дѣян. x, 14). Ты мнѣ предоставляешь вороновъ, коварныхъ для Ноя,—(мнѣ) воспитавшемуся сначала въ аскетическихъ привычкахъ устраиваешь мясную трапезу, какъ язычнику и иноплеменнику? Нужно было Илія произнести эти слова, какъ просьбу. Но Илія ничего такого (не сказалъ). Онъ зналъ, что если пожалуется на неподходящую трапезу, Господь ему скажетъ: что̀ ты говоришь, Илія? Не берешься пить грязную воду, когда не позволилъ сойти дождю? Ты опалилъ землю израильскую; не возможно найти каплю воды въ колодцѣ, ни въ источникѣ влаги. Прими, что̀ ты сдѣлалъ! Не берешь мясной пищи отъ вороновъ? Не возможно найти хлѣба, ни колоса, ни травоноснаго овоща, такъ какъ ни дождь, ни роса не упала еще на землю, по твоему заключенію; ничего не возможно найти, кромѣ одного мяса, и то мертвечины, такъ какъ животныя умерли, по недостатку питанія. Что же ты не берешь трапезы твоихъ трудовъ? Чтобы ничего этого не услышать, Илія принялъ неподходящую трапезу. Онъ предпочелъ скорѣе перенести долговременное бездождіе, чѣмъ одолжить дождевоснымъ словомъ. Что же всемудрый Господь? Когда онъ увидѣлъ, что онъ остается при (своей) жестокости, обращается къ иному средству, болѣе сильному, чѣмъ первое. Къ какому? Изсушаетъ потокъ, задерживаетъ вороновъ, обращаетъ къ нему голосъ: *иди въ Сарепту Сидонскую; се* заповѣдаю *женѣ вдовицѣ препитати тя* тамо (3 Цар. xvii, 9). Видишь, какъ старался Господь склонить его къ состраданію? Онъ не послалъ его въ домъ начальническій, или царскій, или къ какой-нибудь зажиточной женщинѣ, но къ недостаточной вдовѣ, чтобы этимъ склонить его къ состраданію. Но онъ и здѣсь остался непреклоннымъ. Ему нужно было, услышавъ слова Господа: *иди въ Сарепту Сидонскую; се* заповѣдаю *женѣ вдовицѣ препитати тя* тамо,—припасть, воззвать, умолять и сказать: Владыко! Не доводи меня до униженія! Отсылаешь меня къ сидонянамъ, и повелѣваешь мнѣ быть въ тягость женщинѣ-вдовѣ, хлѣбъ которой исполненъ слезъ, трапеза полна стенаній, ложе имѣетъ возглавіемъ проклятіе? Но Илія ничего такого (не сказалъ). Онъ зналъ, что если будетъ отказываться отъ трапезы вдовы, то Господь ему скажетъ:
705 что̀ ты говоришь, Илія? Отказываешься отъ трапезы вдовы (ты), обезплодившій всю землю Израиля, сдѣлавшій ее вдовою, безплодною и бездѣтною, нерождающею плодовъ,—ты отказываешься отъ трапезы вдовы? Чтобы ничего такого не слышать, Илія тотчасъ отправился въ путешествіе къ сидонянамъ, скорѣе съ радостію, чѣмъ со скорбію. Выслушай и еще. Принятый вдовою, какъ гость, Илія нашелъ неистощимую трапезу, истинную, удобную, аскетическую—воду, елей и муку, и два полѣнца. Только два полѣнца было у вдовы? Да. Почему? Слушай, и я скажу тебѣ. Эта упомянутая вдова изображала собою церковь, по-

чему пророкъ и посылается къ ней. Войдя въ домъ вдовы, пророкъ нашелъ (у нея) поистинѣ залогъ нашей церкви: воду, елей и муку, и два полѣнца; вода—крещеніе, елей—миропомазаніе, мука—хлѣбъ, два полѣнца—подвигъ креста. Илія воскликнулъ ко вдовѣ: сосудъ съ елеемъ не умалится, и водоносъ съ мукою не оскудѣетъ (3 Цар. xvii, 14). Не недостаточна благодать православной вѣры. Итакъ, Илія, нашедши неистощимую трапезу вдовы, обрадовался, возликовалъ, говоря самъ съ собою: здѣсь наконецъ я поживу, здѣсь проведу все свое время; трапезу нашелъ удобную; ничего не значатъ для меня домъ Ахава, народъ израильскій и безуміе Іезавели; пусть остаются при своемъ жребіи, безводіи; я отсюда не пойду совсѣмъ. Такъ говоря (и) радостно размышляя самъ съ собою, Илія, какъ человѣкъ, не сознавалъ, что въ радости онъ имѣлъ найти скорбь. Вы всѣ знаете, какъ вдова, имѣвшая двухъ законныхъ и единоутробныхъ сыновей, утромъ, поднявшись съ постели, видитъ одного своего сына мертвымъ. Чему свойственно предаваться вдовѣ, подлѣ скончавшагося возросшаго сына, всякій изъ васъ знаетъ. Жизнь сына она цѣнитъ выше всякаго богатства въ мірѣ. Женщина не припала, по обычаю, къ мертвому, не хоронила, и не заботилась о выносѣ; но, оставивъ его, подошла къ Иліи, держитъ его, шумитъ и кричитъ при всѣхъ: *что мнѣ и тебѣ, человѣче Божій? Вшелъ еси ко мнѣ воспомянути неправды моя, и уморити сына моего* (ст. 18), т. е., ты его умертвилъ. Видишь, какъ радость Иліи обратилась въ скорбь? Онъ удерживается, какъ убійца, такъ какъ вдова говорила: *что мнѣ и тебѣ, человѣче Божій?* Вошелъ *ко мнѣ воспомянути неправды моя, уморити сына моего.* Ты его умертвилъ; твой приходъ это сдѣлалъ. Ты не засталъ моего сына больнымъ; не болѣлъ онъ и одного дня; твой приходъ доставилъ смерть сыну моему. Что ты благодаришь меня мукою, когда нѣтъ ядущаго? Отдай мнѣ сына моего; ты его умертвилъ, желая унаслѣдовать домъ мой. Возьми свою муку́, и отдай сына моего. Меня кормишь, а дитя мое убиваешь. Буду со своими голодать, а не съ чужими жить въ богатствѣ: *что мнѣ и тебѣ, человѣче Божій?* Вошелъ *ко мнѣ воспомянути неправды моя, и уморити сына моего.* Ты умертвилъ сына моего; ты, по моему, какой-то жестокій; твой приходъ не правъ. Разскажи мнѣ, что ты сдѣлалъ? Не бѣжишь ли ты отъ Бога своего? Не совершилъ ли ты дѣлъ Іоны? Ты, по моему, какой-то черствый. Дышешь огнемъ, стремишься къ убійству, влечешь съ собою безводность, сжигаешь пятьдесятъ начальниковъ; мнѣ извѣстны твои дѣла. Не достаточно тебѣ, что ты душишь своихъ единоплеменниковъ, но и сюда пришелъ дѣлать подобное. Надъ многими ты потѣшился, надо мною не потѣшишься; отдай сына моего. Что же Илія? Онъ тотчасъ преклонился, потому что узналъ ударъ Господа. Съ великимъ сѣтованіемъ, какъ побѣжденный, онъ воскликнулъ словами: *увы мнѣ Господи, свидѣтелю вдовы, у неяже азъ пребываю, ты озлобилъ еси еже умо-*

706 *рити сына ея* (ст. 20). Твое дѣло; она узнала, Владыко! Вотъ, угнетаюсь вдовою; Ты всегда меня посылаешь къ жесточайшимъ женщинамъ. Іезавели я избѣгъ, и наткнулся на эту. Много испытаній я выдержалъ, а языка этой не могу перенести. Ты сказалъ мнѣ, Владыко: *иди въ Сарепту Сидонскую; се* заповѣдаю *женѣ вдовицѣ препитати тя* тамо. И вотъ она уничтожаетъ, не кормитъ. Я удерживаюсь, какъ убійца, и законно удерживаюсь; при моемъ приходѣ сынъ былъ цвѣтущимъ; какъ онъ сразу преданъ смерти, не знаю. Освободи меня, Господи, отъ этой тягости; Ты окружилъ меня зрѣлищемъ, облекъ позоромъ, доставилъ великое мученіе. Отдай душу, и я доставлю дождь; удовлетвори вдову, и я орошу страну; оживи отрока, и я стану просить о дарованіи дождя. Это—по поводу раньше сказаннаго воскрешенія Лазаря и возраженія іудеевъ; (именно) иначе Владыка самовластвуетъ, и иначе рабъ воскрешаетъ. Илія воскресилъ мертваго, однако не самовластвовалъ; онъ много былъ огорченъ, мучился и былъ въ угнетеніи. Поэтому, онъ взывалъ въ молитвѣ словами: *увы мнѣ!* Гдѣ *увы мнѣ*, тамъ скорбь души. Такъ и повсюду найдешь: пророкъ сѣтуетъ и говоритъ: увы мнѣ, *понеже* я оставленъ былъ *аки собираяй сламу на жатвѣ, и яко пародокъ во обиманіи винограда* (Мих. VII, 1); и опять другой пророкъ: *увы мнѣ, увы мнѣ въ день, яко близъ день Господень*, и онъ какъ бѣда; еще иной пророкъ: увы мнѣ, потому что погибъ онъ отъ земли. Всюду скорбь—*увы мнѣ!* Такъ и Илія здѣсь: *увы мнѣ Господи, свидѣтелю вдовы, ты озлобилъ еси еже уморити сына ея. И дуну на отрочища трижды*. Смотри здѣсь, какъ въ законѣ изображается таинство благодати. Именно — *дуну трижды* обозначаетъ вхожденіе нераздѣльной Троицы. И возззвалъ къ Богу и сказалъ: *да возвратится душа отрочища сего въ онь: и бысть тако* (ст. 21). Что ты говоришь, іудей? Отнюдь не то Господь (совершилъ), что̀ Илія, ни Илія, что̀ Господь. Господь не склонялъ колѣнъ; не простиралъ молитвы. Всякая молитва къ Нему возсылается; Онъ воскликнулъ только: *Лазаре, гряди вонъ*, какъ Владыка, зовущій раба. Что же? Онъ вышелъ, какъ рабъ, послушавшійся Владыки. Онъ вышелъ, не медлилъ, адъ не удержалъ, смерть не воспротивилась, подземныя силы не отсрочили, но скорѣе были поражены. Адъ былъ беззаботенъ, имѣя въ своихъ предѣлахъ, четыре дня, совершенно разложившагося Лазаря, какъ не сколоченный корабль; подземныя силы не помышляли, что Лазарь будетъ извлеченъ изъ преисподней. Когда голосъ Владычній, сойдя во гробъ съ великимъ свѣтомъ, сразу началъ насаждать на головѣ Лазаря волосы, влагать мозгъ въ опустѣвшіе кости, наполнять живою кровію вены,—пораженныя подземныя силы кричали другъ другу: кто это зоветъ? Кто это самовластный? Кто это возсоздаетъ разсыпавшійся прахъ? Кто это пробуждаетъ мертваго, какъ отъ сна? Кто разрушаетъ несокрушимыя врата? Кто взываетъ: *Лазаре, гряди вонъ?* Голосъ человѣческаго звука, а сила

Божія. Кто это зоветъ? (Это) не человѣкъ; видъ человѣка, а голосъ Божій. Вышлемъ Лазаря, вынесемъ его скорѣе, чтобы не сошелъ сюда, кто его зоветъ, въ случаѣ его замедленія. Начали волноваться мертвые и двигаться. На одномъ потерпимъ, говорятъ, убытокъ, чтобы всѣхъ не потерять. Такъ Лазарь быстро вышелъ изъ адскаго лона, хваля, благословляя и славословя Господа нашего Іисуса Христа. Здѣсь слово свое мы скрѣпимъ печатью: съ финиковыми ваіями выйдемъ на встрѣчу Господу, со словами: *осанна, благословенъ грядый во имя Господне.* Ему слава и держава во вѣки.

На слова: Фарисее же шедше совѣтъ сотвориша (Мѳ. XII, 14).

Сколько васъ ни есть учениковъ Иліи, не презрѣвшаго бѣдной 705—706
вдовьей трапезы, оставайтесь у насъ. Столь же скромная словесная трапеза, съ однимъ хлѣбомъ, приготовлена и у насъ; жерновъ Его не
моллъ, руки не смягчали и огонь не довершалъ, но Его, какъ цвѣтъ, 707
произвела дѣвственная пашня, безъ плуга и сѣмени крестъ возрастилъ, Отецъ довершилъ и двѣнадцать апостольскихъ кошницъ собрали плоды. Этотъ хлѣбъ Марія родила, церковь восприняла; ежедневно мы Его вкушаемъ, и Онъ не издерживается. Я желалъ бы замолчать, предложивъ вамъ этотъ хлѣбъ на своей скромной трапезѣ; но козни богоборныхъ іудеевъ противъ Спасителя вынуждаютъ говорить даже камни. Чтò мы слышали изъ сейчасъ читаннаго: и вышедши, фарисеи *совѣтъ сотвориша* противъ Іисуса, *како его погубятъ.* И что за причина, изъ-за которой совѣщаются погубить Господа? Что Онъ исцѣлилъ въ субботній день человѣка, и въ день покоя сдѣлалъ годною для дѣла безполезную и сухую руку. О, неразуміе іудейское, не могущее понять, чтò нужно, чтобы правая рука Адама, коснувшаяся древа въ раю и высушенная преступленіемъ, была опять возсоздана ея Творцомъ! Или, чтò нужно было, чтобы правая рука, запятнанная діаволомъ чрезъ пролитіе крови для безбожныхъ идоловъ, была опять простерта къ небу чистою ея Создателемъ! Но они печалятся, когда человѣку оказывается благодѣяніе и спасается душа; учатъ о субботнемъ покоѣ, а не знаютъ чудотворенія Іисуса. Почему же, фарисеи, вы не печалились, или у васъ не было такой заботы, по поводу Манасіи, когда онъ распиливалъ Исаію, когда въ жертву демонамъ приносилъ вашихъ сыновей и дочерей, и домы Божіи обращалъ въ идольскія святыни? Почему вы не вошли въ такое совѣщаніе противъ Ирода, когда онъ несправедливо убилъ младенцевъ и осиротилъ матерей; когда можно было видѣть, что младенцы, подобно незрѣлымъ колосьямъ, не имѣющіе даже зерна жестокости сердца, не доросшіе даже до перваго пука волосъ, распростерты однимъ

ударомъ меча, убиваются Иродомъ, какъ бы сильнымъ порывомъ града, во время нѣжнѣйшаго молочнаго кормленія; когда на улицахъ и переулкахъ города слышались вопли и стоны совмѣстно мужчинъ и женщинъ—тамъ отцовъ обезумѣвшихъ, (здѣсь) матерей съ распущенными волосами, страшно оплакивающихъ несправедливое избіеніе ихъ незрѣлыхъ дѣтей; когда Виѳлеемъ обагрялся дѣтскою кровью, и молодое вино незрѣлыхъ виноградныхъ кистей смѣшивалось съ горячими слезами родителей; когда лицо отцовъ отъ вопля искажалось, и внутренность матерей надрывалась отъ горя, молочные источники сосцовъ раньше времени изсушались; когда въ материнскихъ грудяхъ дыханіе, спираясь, безпорядочно вырывалось чрезъ ноздри; когда глаза отцовъ и матерей были подобны источникамъ воднымъ, и ниспровергали на землю со щекъ серебристыя капли шумно текущихъ слезъ; когда отъ сильнаго безумія женщины рвали себѣ волосы, и въ горестномъ отчаяніи обнажали тѣ, которые нужно было скрывать? Но такъ какъ вы совсѣмъ иначе разсуждаете, то совсѣмъ иначе и дѣлаете: убійцъ и отвѣтственныхъ въ смерти отпускаете, а невинныхъ и праведныхъ наказываете, когда законъ говоритъ: *неповинна и праведна да не убіеши* (Исх. XXIII, 7). О, порядокъ безпорядочный, и законъ беззаконный, который издаетъ діаволъ, пишутъ демоны, іудеи же донынѣ соблюдаютъ! Какой это законъ—убійцамъ жизнь сохранять, а этого, дарующаго жизнь убитымъ, погублять? Для Вараввы, захваченнаго въ возстаніи и убійствѣ, требовали у Пилата освобожденія, а для Іисуса, оживотворившаго убитыхъ діаволомъ, требовали распятія: и вышедши, фарисеи *совѣтъ сотвориша, како его погубятъ*. О, рѣшеніе неразумное, и совѣтъ, исполненный безразсудства! Источникъ благъ рѣкою изливалъ имъ благодѣянія; а они, черпая благодать, изрыгали въ сердцѣ убійственные совѣты. У нихъ имѣющіе раны, врачуясь, освобождались отъ страданій; а они, не имѣя тѣлесныхъ ранъ, мучились, уязвляясь завистью. Голодные ихъ питались въ пустынѣ до сытости; а они, при изобиліи вѣры, погибали отъ невѣрія. Вода превращалась въ вино; а они, не вкусивъ вина
708 увлекались, опьяняясь завистью. Они видѣли, что остановился токъ крови у кровоточивой; а они изливали клевету до истощенія себя. Бѣсноватые ихъ приходили въ здравый умъ, освобождаясь отъ демоновъ; а они, движимые завистью, безумствовали хуже бѣсноватыхъ. Ихъ слѣпцы, не имѣя глазъ, просвѣщались; а они, съ глазами, помрачались. У глухихъ, какъ мы сейчасъ слышали, слухъ открывался; а у нихъ въ извилинахъ сердца обдумывались совѣты убійства. Море, остановивъ свои волны, готовилось къ хожденію по нему Владыки; а ихъ сердце пѣнилось чрезъ уста волнами смертоносныхъ помышленій. Жесточайшіе вѣтры смѣнялись мягкимъ вѣтеркомъ; а они, тѣснимые бурею зависти, шумѣли ненастьемъ креста. О, зависть—корень смерти, хитрая болѣзнь сердца, острѣйшій гвоздь! Какой самый острый гвоздь такъ колетъ,

какъ зависть ранитъ сердце, въ которомъ она есть? Какая болѣзнь такъ уничтожаетъ красоту лица, какъ зависть изсушаетъ любовь, благоухающій цвѣтъ души? Вода гаситъ огонь, а зависть не прекращаютъ безчисленные источники учителей; одинъ оселокъ счищаетъ желѣзную стрѣлу, а пять камней Давида возбудили еще бо̀льшую зависть въ Саулѣ. Говорятъ, ящерица зелена, но она не зеленѣе завистливыхъ. Какъ червь сушитъ сердце дерева, изгрызая по частямъ, такъ зависть, съѣдая по частямъ, истребляетъ сердце, которое ею одержимо. И сколько бы мы ни говорили, возлюбленный, о зависти, мы еще не приступили бы и къ началу рѣчи о ея низости; (этого) не въ силахъ высказать даже языкъ ораторовъ, слово философовъ, реченіе учителей. Полнота закона есть любовь Слова, а полнота убійства есть низость зависти. О, зависть, корабль осмоленный, адскій, гибельный! Твой владѣлецъ — діаволъ, кормчій—змѣй, Каинъ—главный гребецъ. Діаволъ далъ тебѣ въ залогъ бѣдствія; змѣй, будучи кормчимъ, привелъ Адама къ смертному кораблекрушенію; Каинъ—старшій гребецъ, потому что черезъ тебя, зависть, онъ первый совершилъ убійство. У тебя отъ начала мачтою (служитъ) райское древо преслушанія, снастями верви грѣховъ, матросами завистники, корабельщиками демоны, веслами хитрости, рулемъ лицемѣріе. О, корабль, носитель безчисленныхъ золъ! Если спросишь о лицемѣріи, тамъ оно находится; если о коварствѣ, тамъ оно рождается. Тамъ живетъ зависть, вражда, ссора, обманъ, сварливость, ругательство, злословіе, хула, и что̀ только мы ни скажемъ и что̀ ни опустимъ—все это носитъ адскій корабль зависти. Потопъ не въ силахъ былъ погубить этотъ корабль зависти, но Іисусъ потопилъ его силою Духа, источникомъ крещенія. Въ этомъ кораблѣ были и желѣзные якоря, но расплавились они въ гвозди Христа; въ этомъ кораблѣ была и мачта, но діаволъ вырубилъ изъ нея крестъ; въ этомъ кораблѣ были и снасти, но ими удавился Іуда. Въ этотъ корабль вошедшіе іудеи, наткнувшись на скалу, потерпѣли крушеніе въ вѣрѣ, Потому, донынѣ іудеи плаваютъ въ глубинѣ невѣдѣнія. Впрочемъ, которые изъ нихъ въ силахъ ухватиться за Христоносное судно, спасаются; остальные погибаютъ горькою смертью невѣрія. О, если бы, находясь въ глубинѣ, они устремлялись въ кита къ Іонѣ! Можетъ быть, научившись отъ него (Іоны) благочестію о Христѣ, изъ жизни съ нимъ,—были бы выброшены китомъ въ Ниневіи. А теперь, смеживъ очи сердца, они ни къ нему не прибѣгаютъ, (хотя) видятъ блескъ благочестія посреди земли и сіяющую вѣру, ни къ проповѣднику покаянія, Іоанну, чтобы жить. И вышедши, фарисеи *совѣтъ сотвориша, како его погубятъ*. И отошли фарисеи—откуда? Не 709
отъ зависти, но отъ закона. Если бы не отошли они отъ закона, не оскорбили бы Законоположника. И отошли фарисеи—откуда? Отъ закона, который говоритъ: *неповинна и праведна да не убіеши*. И отошли фарисеи—откуда? Отъ заповѣди Божіей, просвѣщающей очи сердца:

заповѣдь Господня свѣтла, просвѣщающая очи. И вышедши, фарисеи *совѣтъ сотвориша, како его погубятъ.* И отошли фарисеи—откуда? Отъ заповѣди, отъ закона, отъ жизни. Кто замышляетъ смерть другому, самъ первый лишается свѣточа жизни. И вышедши, фарисеи *совѣтъ сотвориша.* Писатель не сказалъ—чей (совѣтъ), чтобы подвигнуть нашъ умъ къ изслѣдованію. И вышедши, фарисеи *совѣтъ сотвориша*—чей (совѣтъ)? Ясно, что діавольскій, человѣкоубійцы искони. И вышедши, фарисеи *совѣтъ сотвориша, како его погубятъ. Како,* какимъ образомъ? Камнемъ, мечомъ, огнемъ, или водою? Совѣтникъ ихъ, діаволъ, повторяя исконное древо, которымъ онъ умертвилъ Адама, прибѣгаетъ опять къ нему, и совѣтуетъ распять Іисуса Христа на древѣ. Онъ не зналъ, что это древо имѣло уничтожить древнее преступленіе древа, и произвести жизнь людямъ. И вышедши, фарисеи *совѣтъ сотвориша, како его погубятъ.* О, злѣйшій совѣтъ, посѣваемый завистью, и завистью изобличаемый! О, тщетный совѣтъ! Они не знаютъ, что Богъ не погубляется. Разрушаютъ скудельный свѣтильникъ тѣла, (но) не могутъ погасить негасимый свѣточъ самого Божества. Вышедши, фарисеи *совѣтъ сотвориша, како его погубятъ.* О, изумительное дѣло, и новая тайна! Пришелъ Іисусъ взыскать и спасти погибшее, а эти ищутъ погубить обрѣтателя погибшихъ. За какую вину, скажите намъ, іудеи, совѣщаетесь противъ Него? Но они стыдятся говорить; мы этотъ стыдъ ихъ всюду разгласимъ. Зачѣмъ, говорятъ, воскрешаетъ мертвыхъ? Зачѣмъ исцѣляетъ больныхъ? Зачѣмъ хорошо говоритъ? Зачѣмъ хорошо поступаетъ? Зачѣмъ хорошо учитъ? За всѣ эти вины они совѣщаются погубить Его. Какъ только дѣти вышли съ ваіями, предвозглашая ваіями побѣду Его, и съ хорошимъ предзнаменованіемъ въ словахъ: *осанна въ вышнихъ* (Мѳ. XXI, 9),—они уязвлялись завистью, (какъ бы) поражаясь стрѣлами; хвалы, кому завидуютъ,—стрѣлы для завистниковъ. Подходятъ къ Іисусу и говорятъ Ему: *слышиши ли, что сіи глаголютъ* (ст. 16)? И не знали они, что исполнялось написанное пророчески: *изъ устъ младенецъ и ссущихъ совершилъ еси хвалу* (Пс. VIII, 3). Когда Іезавель дѣлала вымышленныя письмена противъ Навуѳея, вы охотно это сносили; когда Пилатъ пишетъ на дощечкѣ дѣльныя письмена, вы негодуете и препятствуете писать. Что̀ они говорятъ? *Не пиши,* что *Царь*
710 *Іудейскій* (Іоан. XIX, 21), т. е. *не пиши* истины, пусть никто не воспользуется (ею), пусть никто не будетъ совершенъ въ благочестіи. Они совсѣмъ не такъ негодовали противъ плясуновъ, пишущихъ драматическія дѣйствія; даже и теперь немного, которые не будутъ слушать демонскаго пѣнія. Относительно ихъ они не печалятся, но мучатся относительно божественныхъ ученій, что записываются. И нѣтъ ничего хуже, что пишутся пустословія Филистіона, а славныя дѣла Іисуса, которыми мы возводимся на небо, не пишутся. Если бы кто-нибудь изъ учителей и былъ несвѣдущъ въ словѣ, однако, когда говоритъ Божіе, не лучше ли,

чтобы писались его слова, чѣмъ демонскія миѳологіи эллиновъ? Юношамъ полезно воспитываться въ изреченіяхъ богослововъ-учителей, хотя бы и неискусныхъ, (но) благозвучныхъ, имѣющихъ безупречный духъ; а не доходить до безумнаго распутства, занимаясь ученіями демоновъ. *Не пиши.* Почему? Въ чемъ для васъ вредъ? Какого имущества васъ лишаетъ писаніе истины? Иной не досадуетъ на руку, когда усерденъ пишущій; а они въ грудь себя ударяли. Хотя фарисеи и говорили это Пилату, и препятствовали ему писать письмена истины, однако онъ, будучи язычникомъ, говорилъ имъ: *еже писахъ, писахъ* (ст. 22). И къ намъ подходяще это наставленіе, чтобы, когда еретики посовѣтуютъ намъ отступиться отъ славы, сказать имъ: что̀ написали, то написали. И вышедши, фарисеи *совѣтъ сотвориша, како его погубятъ.* Узнавъ же Іисусъ, *отъиде оттуду.* Узнавъ—не отъ другого кого узналъ, но самъ по Себѣ зналъ, потому что былъ сердцевѣдецъ, и есть Тотъ, о Комъ евангелистъ Іоаннъ говоритъ: *яко не требоваше, да кто свидѣтельствуетъ* ему о человѣкѣ (Іоан. II, 25). Узнавъ же Іисусъ, *отъиде оттуду*, не изъ боязни смерти, но ожидая времени креста. Ему нужно было прежде мертвыхъ воскресить, больныхъ исцѣлить, много голодныхъ насытить, многихъ въ вѣрѣ утвердить,—и тогда войти въ славную смерть, или лучше, въ чертогъ. Ему нужно было прежде поставить таинственное древо креста,—и тогда съ горящимъ духомъ спуститься къ находящимся въ адѣ. Узнавъ же Іисусъ, *отъиде оттуду.* Гдѣ коварство не обнаруживается, туда Онъ спѣшитъ; гдѣ убійство устраивается, оттуда Онъ удаляется; гдѣ любовь сплетается, тамъ Отецъ и Сынъ и Духъ Святый пребываютъ. Итакъ, сплетемъ, возлюбленные, эту тройную любовь, не обманчивымъ языкомъ, но дѣятельными руками, чтобы съ нами былъ Эммануилъ, Которому слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

О блудницѣ и фарисеѣ.

Сегодня фарисей позвалъ Владыку на обѣдъ, смѣшавъ честь съ 709
поношеніемъ; а блудница угостила его вѣрою. Когда онъ былъ въ домѣ Симона, вотъ (входитъ туда) жена-блудница (Лук., VII, 37). Безумное зрѣлище: жена-блудница въ городѣ—(все равно что) война въ стѣнахъ, не желѣзная стрѣла; она приманка юношей, оселокъ влеченія, пробужденіе страсти, барышничество тѣломъ, безполезная торговля, вредное предпріятіе, удружающее смертью продавщицѣ и покупателю, сѣть юности, не скрытая западня. Глаза блудницы—западня для грѣшниковъ; (она) залогъ распутства, самопродавщица, порабощающая покупателей, многоглавая львица, зловоніе города, язва, распространяющаяся по всѣмъ чувствамъ, удочка для глазъ, круговая смерть, рынокъ убытка, страсть

погибели, запахъ смерти, многогнойная рана. *Се жена во градѣ*—это
язва обитателей, насильница брака, потеря чести, борьба мужей и
женъ, трапеза, требующая худыхъ издержекъ, опустошеніе кошельковъ,
трата имуществъ, гибель трудовъ, точило для наслѣдниковъ, на кото-
ромъ давильщики веселятся, топча собственную наготу. *Се жена во
градѣ, яже бѣ грѣшница.* Но грѣшница та прибѣгла къ Справедли-
710 вости, и истребила свои грѣхи, какъ тернія во огнѣ. Лѣсная чаща стала
раемъ, львица агницею, зловоніе миромъ, гибель сокровищницей, ворона
голубицей, блудница дѣвой, сестрою Христа, невѣстою Слова. Она, уче-
ница кровоточивой, ставъ позади Іисуса, оросила слезами (Его) ноги, отерла
волосами, цѣловала и помазывала драгоцѣннымъ миромъ. Всеоружіе
грѣха она принесла къ Царю, прося мира; и всеоружіе зла положила
у ногъ Владыки. Какъ нѣкогда она доводила многихъ до страсти выну-
жденными слезами, такъ теперь разрѣшила самое себя истинными сле-
зами, робкимъ взглядомъ на Владыку; (нѣкогда) злокозненно сплетала
волосы и непристойно поднимала ихъ въ видѣ башни, (теперь) отерла
волосами, какъ тонкимъ полотномъ, ноги Христовы, не убѣляя Владыку,
но освящая самое себя. Она исповѣдалась своими волосами, сколькихъ,
уловивъ ими, она предала смерти. И миромъ мазала многоцѣннымъ
(Лук. VII, 39). Зачѣмъ? Нѣкогда, помазуясь миромъ, она многихъ загряз-
нила; подобно и злоупотребленными ароматами обратила своихъ любов-
никовъ въ чуткихъ собакъ. Теперь, хорошо воспользовавшись миромъ и
принесши миро къ Истинному, она смыла съ себя сатанинскія пома-
занія. Когда Господь принялъ ее за это дѣло, Симонъ заворчалъ, ставъ
испытателемъ Владычней благости. Говоритъ ему Владыка: Симонъ! Ты
711 для чести Меня позвалъ, и не почтилъ Меня, чего Я не ожидалъ. *Два
должника бѣста заимодавцу нѣкоему* (ст. 41). Ты и она—не долж-
ники Мои (только), ни обязанные (только), но должники—обязанные,
отвѣтственные вдвойнѣ: получивъ и заемъ природный и капиталъ закона,
въ томъ и другомъ потеряли вѣру у своего Благодѣтеля. *Единъ бѣ
долженъ* динаріевъ пятьсотъ—это ты, фарисей, имѣющій грѣховъ про-
тивъ души больше, и особенно тяжкихъ: *яко мытари и любодѣйцы
варяютъ вы въ царствіи Божіи* (Мѳ. XXI, 31). *Другій же пятіюде-
сятъ*—въ этомъ отвѣтственъ образъ жизни блудницы. *Не имущема има
воздати* (Лук. VII, 42) совершеніемъ добрыхъ дѣлъ, онъ простилъ имъ
обоимъ долгъ; получивъ вѣру, разорвалъ рукопись. Скажи, который его
паче возлюбитъ (ст. 42)? Тогда фарисей: *мню, яко емуже вящши отда*
(ст. 43). И онъ, отвѣтственный, сдѣлался судьею самого себя, и обрѣлъ
въ Владыкѣ хвалителя: *право судилъ еси* (ст. 43). Слушай дальше:
712 *видиши ли сію жену* (ст. 44), задолжавшую меньше тебя и доставившую
больше гостепріимства и даровъ? Видишь эту жену, бывшую погибелью
для многихъ? (Видишь) одушевленный гробъ, круговую смерть? *Внидохъ
въ домъ твой* (ст. 44),—вода дешева и всѣмъ доступна, (а) ты не при-

несъ ея для Моихъ ногъ; эта же принесла на Мои ноги источники слезъ. *Лобзанія ми не далъ еси* (ст. 45),—она же прильнула своими устами къ Моимъ ногамъ. *Масломъ главы моея*, какъ помилованный Мною, *не помазалъ еси* (ст. 46),—она же помазала Мнѣ тѣло миромъ, божество—вѣрою. *Егоже ради, глаголю ти: отпущаются* ея *грѣси* мнози (ст. 47), чтобы исполнилось сказанное въ псалмѣ: *оставилъ еси беззаконія людей твоихъ* (Пс. LXXXIV, 3), и проповѣданное Іоанномъ: *се агнецъ Божій, вземляй* грѣхъ *міра* (Іоан. I, 29). Ему слава во вѣки. Аминь.

На вознесеніе Господа нашего Іисуса Христа.

Изобрѣтательность грѣха измѣнилась въ изобрѣтательность противъ 711
грѣха. Средство грѣха—крестъ, и облеченіе смертью негрѣховнаго тѣла; но крестъ сдѣлался орудіемъ распятой плоти для восхожденія на небо, и сказанное о грѣхѣ измѣнилось. Раньше Павелъ проповѣдывалъ: *вину же пріемь грѣхъ заповѣдію* (Рим. VII, 8), обманулъ меня, и чрезъ нее убилъ; а теперь орудію пристойно слово оправданія: оправданіе, воспользовавшись поводомъ грѣха, обмануло его и убило. Это, изумивъ Павла, вызвало въ немъ восклицаніе: *велія есть благочестія тайна* (1 Тим. III, 16). Воскресеніе и рожденіе безсмертной жизни сокрыто въ крестѣ; Царь рождаетъ людямъ безсмертіе, возсіявшее изъ ада. Поистинѣ, (это) величайшая тайна! Какъ ее можно узнать? *Явися во плоти*. И что это за явленіе? *Оправдася въ Дусѣ* (ст. 16). Какое доказательство оправданія? *Показася ангеломъ*. Ангелы узнали достоинство явившагося; подошли и служили Ему. Предсказатели оправданія достовѣрны, Павелъ, и почитаютъ могущество Христа; покажи, однако, людямъ знакъ той силы. *Проповѣданъ бысть во языцѣхъ* (ст. 16). Разнеслось слово, говорящее о Его божествѣ, когда препятствовали ему отовсюду; распространилась проповѣдь, которая задерживалась. Что же—вслухъ проповѣдуемое и проповѣданное было для выслушавшихъ язычниковъ болтовнею? *Проповѣданъ бысть* и *вѣровася въ мірѣ*. Потомъ, чтобы показать безпрепятственность (для Него), послѣ этой вѣры, говоритъ: *вознесеся во славѣ* (ст. 16). Проповѣдана сила церкви, или лучше, устой всей вселенной. Общая защита человѣческой природы—это сегодня вознесенное человѣчество; отсюда наказанія мягче. Разсмотри древнія наказанія людей Богомъ, и ты найдешь, что вознесеніе общеполезно. Адамъ, претknувшійся однимъ грѣхомъ, былъ отвергнутъ; Каинъ былъ осужденъ на продолжительный трепетъ; небо одождило огонь, чтобы выжечь Содомъ, какъ гниль земли; въ столбъ превратилась женщина, нарушившая законъ бѣгства. Какая разница для народа, послушай изъ Писанія, разсказывающаго какъ бы въ плачевной пѣснѣ: *искусиша* Бога, *и отъ змій*

погибоша; ропташа, и погибоша отъ всегубителя; соблудиша, и падоша во единъ день двадесять три тысящи (1 Кор. x, 8, 9, 10). *Даде Господь смерть во Израили отъ утра и до часа обѣдняго, и умроша седмьдесятъ тысящъ мужей* (2 Цар. xxiv, 15). Разсказывать ли мнѣ для тебя тогдашнія предложенія Божіи царю? Вотъ что говоритъ Господь: *избери себѣ три лѣта глада на землю, или три мѣсяцы* враги твои *будутъ гоняще тя, или три дни смерти въ земли твоей* (ст. 13). Трогательно разсказываютъ эллинскіе писатели о несчастіи древнихъ временъ—чрезмѣрности наводненій, крайности истребленій огнемъ, многолѣтіи голодовъ, общенародной гибели отъ землетрясеній, пролитіи единоплеменной крови, волнахъ непрерывныхъ войнъ.
712 Не было тогда мира въ состязаніяхъ съ небомъ и землею ни у эллиновъ, ни у варваровъ, ни у іудеевъ. Ждали умиротворителя между горнимъ и дольнимъ, посредника, о Которомъ Павелъ говоритъ: *той есть миръ нашъ, разоривый вражду плотію своею* (Еф. ii, 14). Сколько теперь (людей) распутнѣе содомлянъ, и воздухъ не изливаетъ на нихъ огня, какъ раньше! Приняла (земля) пришедшаго съ миромъ посредника, и Онъ принесъ милость роду человѣческому. Сколько—негоднѣе рода при Ноѣ, и небо не смываетъ ихъ потопомъ! Сколько—болѣе звѣрскихъ, (чѣмъ) духъ Каина, и Богъ не мститъ имъ (местью) Каина! Всякій разъ, какъ раздражится Онъ нами, примиряется, увидѣвъ Начатокъ, Сопрестольника; когда разгнѣвается на безчинствующихъ внизу, старается не смотрѣть (на нихъ), глядя на безупречное человѣчество по правую сторону; когда возбудится гнѣвомъ противъ лукавнующаго рода внизу, вверху сосѣдящій сродникъ рода смягчаетъ Его духъ. Павелъ выражаетъ это словами: *Христосъ есть одесную Бога, и ходатайствуетъ о насъ* (Рим. viii, 34), не какъ судимый,—потому что Христосъ вошелъ въ царство,—не по собственной природѣ, но самое вознесеніе Начатка Павелъ представилъ въ видѣ ходатайства, дающаго примиреніе. О, ужасно для демоновъ сегодняшнее зрѣлище! Они видѣли ужасное зрѣлище: повидимому, человѣческая природа совершаетъ воздушный путь, восходитъ выше ихъ, становится выше неба. Они сѣтовали, ангелы же, представъ ученикамъ, восклицали: *сей Іисусъ вознесыйся отъ васъ на небо, такожде пріидетъ, имже образомъ видѣсте его идуща на небо* (Дѣян. i, 11). Этимъ удостовѣряется тайна вознесенія. Ученики оставались въ изумленіи и съ напряженнымъ взоромъ на небо; когда же плоть стала по-немногу выше зрѣнія, они поколебались помыслами о безпомощности. Нигдѣ, говорятъ, не видно тѣла; можетъ быть, это просто вознесеніе образа; можетъ быть, это зрѣлище фантазіи; можетъ быть, мы подверглись заблужденію зрѣнія; или мы не ошиблись, но тѣло, можетъ быть, разрѣшилось въ воздухъ, и не имѣетъ (теперь) природы, чтобы видѣть его земнымъ. Съ такою безпомощностію смотря на небо, они вдругъ услышали ангеловъ: *мужіе Галилейстіи, что стоите зряще*

на небо (ст. 11)? Чего желаетъ вашъ слишкомъ усердный взоръ? Почему изумленно смотрите на небо? Чего все ищете въ небѣ? Облако уноситъ Іисуса. Увидитъ ли Его кто-нибудь опять въ тѣлѣ? Будьте крѣпко увѣрены въ томъ и другомъ. Если и теперь Онъ вознесся на небо, то и опять придетъ, *имже образомъ видѣсте его идуща на небо.* Но да не напрягается слишкомъ языкъ; ослабимъ усталую киөару словъ; будемъ слушать и остальныя киөары; да прославляется вознесеніе многоустнымъ привѣтствіемъ; да поетъ сегодня сообща весь родъ человѣческій: *велія есть благочестія тайна: показася ангеломъ, вѣровася въ мірѣ, вознесеся во славѣ.* Ему слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

На преображеніе Спасителя.

Идите, возлюбленные, нелѣностно воспользуемся сегодня евангельскою сокровищницею, чтобы почерпнуть оттуда по обычаю богатство, 713
обильно удѣляемое и никакъ, никогда не истрачиваемое; идите къ всемудрому, прекрасному путеводителю, и снова послѣдуемъ за Лукою, чтобы видѣть Христа восходящимъ на высокую гору и берущимъ въ свидѣтели Своего божественнаго преображенія Петра, Іакова и Іоанна. *Поемь* Петра съ товарищами, *на гору высоку* взошелъ Господь (Лук. IX, 28; Мө. XVII, 1). Высока гора, на которой Моисей и Илія разговаривали со Христомъ; высока гора, на которой законъ и пророки бесѣдовали съ благодатію; высока гора, на которой (былъ) Моисей, заклавшій пасхальнаго агнца и окропившій его кровію дверные косяки евреевъ; высока гора, на которой (былъ) Илія, разсѣкшій на части вола (и) истребившій жертву огнемъ чрезъ воду; высока гора, на которой (былъ) Моисей, открывшій и заключившій Чермное море; высока гора, гдѣ узнаютъ Петръ (и его товарищи), что Онъ есть Тотъ, предъ Которымъ преклонится все небесное, земное и преисподнее (Филип. II, 10). Онъ трехъ только взялъ; не всѣхъ взялъ, не всѣхъ оставилъ, не позавидовалъ остальнымъ въ славѣ, не счелъ болѣе ничтожными, потому что Онъ праведенъ и все справедливо устрояетъ; думая обо всѣхъ, Онъ объединилъ ихъ, не участвующихъ, во взаимной любви между собою. Такъ какъ имѣющій сдѣлаться предателемъ Іуда былъ недостоинъ того божественнаго видѣнія и ужаснаго явленія, то изъ-за этого Онъ не беретъ и остальныхъ, чтобы у него, какъ одного оставленнаго, не было впослѣдствіи защиты; беретъ съ Собою трехъ свидѣтелей преображенія, достаточныхъ по закону, а по душѣ носящихъ у себя и остальныхъ. Самъ говоритъ: соблюди ихъ, Отче праведный, чтобы и они были одно, какъ и Мы одно (Іоан. XVII, 21). Іуда, видя, что подлѣ горы пребываютъ съ нимъ Андрей, Өома, Филиппъ и остальные, что не ропщутъ, не негодуютъ, не порицаютъ, но радуются и совмѣстно признаютъ горнюю благодать для самихъ себя и для всѣхъ,—

былъ совершенно безотвѣтенъ, (какъ) никогда ни въ чемъ чудесномъ непрезрѣнный. Но у него былъ кошелекъ, и онъ безвинно оговорилъ жену съ миромъ, и дерзко предалъ Учителя врагамъ. И что же говорится (въ евангеліи)? *И преобразися предъ ними, и явистася Моисей и Илія глаголюща* съ нимъ (Мѳ. xvii, 2, 3). Петръ, какъ всегда во всемъ пылкій, узрѣвъ очами ума разговаривающихъ съ Нимъ, которыхъ никогда не зналъ, не вдумавшись много въ чудо, не вдумавшись въ неожиданность божественнаго блистанія, называлъ пустынное мѣсто прекраснымъ, изъ рыбака сталъ дѣлателемъ палатокъ, когда взывалъ къ Спасителю: *сотворимъ* здѣсь три сѣни, *едину тебѣ*, и одну Иліи, и одну Моисею, *не вѣдый*, что говоритъ (Лук. ix, 33). Но, о, верховный и первый изъ учениковъ Петръ! Зачѣмъ увлекаешься низкими мыслями, и помыслами человѣческими безчестишь божественное, и говоришь, чтобы воздвигнуть три (сѣни) въ пустынѣ? Въ одной чести съ рабами ты считаешь Владыку? Желаешь (сдѣлать) Христу одну палатку, и этимъ двоимъ по одинаковому жилищу? Ужели отъ Святаго Духа зачатъ Моисей, подобно Ему? Ужели дѣва родила Илію, какъ Его всесвятая Дѣва Марія? Ужели младенецъ во чревѣ узналъ Моисея, какъ Его Предтеча? Ужели небо объявило о рожденіи Иліи? Или волхвы поклонились спеленатому Моисею? Ужели Моисей и Илія столько совершили чудесъ? Или изъ человѣческой пещеры изгоняли духовъ? Моисей нѣкогда разгнѣвался и, ударивъ жезломъ, перешелъ море; а твой Учитель, Іисусъ, путешествуя по морю съ Отцомъ, сдѣлалъ пучину проходимою. Илія, помолившись, умножилъ муку вдовицы и воскресилъ изъ мертвыхъ ея сына; а взявшій тебя въ ученики изъ рыбаковъ немногими хлѣбами напиталъ тысячи, адъ опустошилъ и восхитилъ отъ вѣка спящихъ. Поэтому, не говори, Петръ: *сотворимъ* здѣсь три сѣни, ни—*добро намъ здѣ быти*, (не говори) ни человѣческаго, ни низкаго, ни земного, ни пошлаго; о горнемъ думай, горнее изслѣдуй, какъ объявилъ Павелъ, не земное. Почему пре-
714 красно намъ быть здѣсь, гдѣ змѣй, обезчестивъ первозданнаго, причинилъ вредъ и рай заключилъ, гдѣ мы слышали, что (нужно ѣсть хлѣбъ въ потѣ лица, гдѣ мы узнали, что (нужно) сѣтовать и трепетать на землѣ за преслушаніе, гдѣ все тѣнь, гдѣ все исчезнетъ мгновенно? Почему прекрасно намъ здѣсь быть? Если здѣсь насъ Христосъ оставилъ, то для чего Онъ пріобщился плоти и крови? Если здѣсь насъ Христосъ оставилъ, то для чего Онъ сошелъ къ падшему, и лежащаго поднялъ? Если прекрасно быть на землѣ, то напрасно былъ позванъ небесный ключеносецъ. Въ чемъ, наконецъ, польза небесныхъ ключей? Такъ какъ ты желаешь этой горы, разстанься впредь съ небомъ; если хочешь воздвигнуть палатки, откажись быть основаніемъ церкви. Христосъ преобразился не напрасно, но чтобы показать намъ будущее преображеніе природы, будущее спасеніе, второе пришествіе на облакахъ съ голосомъ архангельскимъ. Онъ есть Самъ, одѣвающійся свѣтомъ, какъ

одеждою, судія живыхъ и мертвыхъ,—почему Онъ вызвалъ Моисея и Илію, чтобы взору древнихъ представить эти знаки. И что̀ говоритъ великій писатель? *Еще ему глаголющу, се облакъ свѣтелъ осѣни ихъ: и се гласъ* съ небесъ *глаголя: сей есть Сынъ мой возлюбленный, о немже благоволихъ: того послушайте* (Мѳ. XVII, 5). Еще во время рѣчи Петра отвѣтилъ Отецъ. О чемъ ты, Петръ, говоришь, какъ о прекрасномъ, не зная, что̀ говоришь? Ты не былъ еще наставленъ, и нетвердо зналъ сыновство, когда говорилъ: *ты еси Христосъ, Сынъ Бога живаго* (Мѳ. XVI, 16). Ты, варъ Іона и Симонъ, видѣлъ столько чудесъ! Я тебя поставилъ ключеносцемъ небесъ, а ты еще не сложилъ съ себя одежду корабельщика. Вотъ третій разъ ты противишься волѣ Спасителя, говоришь, не зная что̀. Онъ сказалъ тебѣ: *подобаетъ мнѣ пострадати,* а ты говоришь: *не имать быти тебѣ сіе* (Мѳ. XVI, 21, 22). Онъ сказалъ опять: *вси вы соблазнитеся*, а ты говоришь: *аще вси, азъ* же не *соблажнюся* (XXVI, 31, 33). Вотъ и теперь ты желаешь воздвигнуть палатку Христу, вмѣстѣ со Мною основавшему землю, вмѣстѣ со Мною установившему море и укрѣпившему твердь, зажегшему эѳиръ, и все со Мною устроившему прежде вѣковъ,—Тому, Кто изъ Меня,—палатку Тому, Кто во Мнѣ и съ вами,—палатку Адаму безъ отца,—палатку Богу безъ матери,—палатку взявшему палатку, дѣвическую утробу, которую избралъ для Себя. Такъ какъ ты желаешь воздвигнуть три палатки, не зная, что̀ говоришь, то Я, воспользовавшись свѣтлымъ облакомъ, соблювъ палатку и присутствующихъ, восклицаю съ высоты: *сей есть Сынъ мой возлюбленный, о немже благоволихъ*. Не Моисей и Илія, но Этотъ; не тотъ или другой, но Этотъ; одинъ и именно Онъ. Котораго Я одобрилъ,—Его вы слушайте. Моисея Я оправдалъ, но Этого одобрилъ; Илію Я взялъ, но Этого послалъ изъ Дѣвы въ самое небо: *никтоже взыде на небо, токмо сшедый съ небесе* (Іоан. III, 13). Онъ сошелъ на землю, уничижилъ Себя, принявъ образъ раба. Если Онъ не сдѣлался что̀ мы, оставаясь чѣмъ былъ; если не претерпѣлъ креста у насъ и для насъ и не купилъ міръ собственною кровію,—то напрасно домостроительство, и древнія изреченія пророковъ не тверды. Но перестань, Петръ, и не думай о человѣческомъ, а о Божіемъ: *сей есть Сынъ мой возлюбленный, о немже благоволихъ: того послушайте*. Дважды Я воспользовался этимъ голосомъ относительно Его: при васъ, на этой горѣ, и при Іоаннѣ, на рѣкѣ Іорданѣ. Древній пророкъ поистинѣ говорилъ объ этомъ голосѣ, когда восклицалъ: *Ѳаворъ и* Ермоніилъ *о имени твоемъ возрадуетася* (Пс. LXXXVIII, 13). О какомъ имени? *Сей есть Сынъ мой возлюбленный*. Онъ даровалъ Ему имя выше всякаго имени. Но ты, возлюбленный, спросишь, конечно: что̀ значитъ—*Ѳаворъ и* Ермоніилъ *о имени твоемъ возрадуетася?* Учись же. Ѳаворъ—это гора, гдѣ по желанію преобразился Христосъ, и отъ Отца былъ засвидѣтельствованъ Сыномъ, какъ сейчасъ вы слышали. Ермоніилъ—гора малая въ іорданской землѣ, откуда былъ вознесенъ Илія, и

близъ которой, въ струяхъ Іордана, крестился по Своей волѣ Христосъ, и былъ засвидѣтельствованъ отъ Отца Сыномъ. На этихъ двухъ горахъ
715 непорочный Отецъ, утверждая сыновство, и тогда и теперь вторично восклицаетъ: *сей есть Сынъ мой возлюбленный, о немже благоволихъ: того послушайте.* Слушающій Его и Меня слушаетъ; и кто постыдится Его и Его словъ, и Я того постыжусь во славѣ Моей и святыхъ ангеловъ.
716 Слушайте Его непритворно, простодушно, безгранично, съ вѣрою изслѣдуя, а не языкомъ измѣряя, съ вѣрою принимая, а не взвѣшивая Слово словами. Павелъ проповѣдникъ, обуздывая суетнаго и уча всему несомнительно, восклицаетъ: *о, глубина богатства и премудрости и разума Божія! яко неиспытани судове его, и неизслѣдовани путіе его* (Рим. xi, 33). Ему слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

О ваіяхъ.

715 Уже дары духовнаго торжества сіяютъ, уже есть знаки всеславнаго праздника, уже есть вѣсти о невещественномъ женихѣ, уже Лазарь возлежитъ съ Господомъ, получивъ залогъ всеобщаго воскресенія, уже царственное миро исполняетъ благовонія приходящихъ къ крещенію, уже вѣрные стражи Царя взяли этотъ великій городъ, уже вѣрный народъ, выбѣжавъ на встрѣчу Господу, взываетъ словами: *осанна* въ вышнихъ, какъ сейчасъ мы слышали, *благословенъ грядый во имя Господне царь Израилевъ* (Іоан. xii, 13); благословенъ идущій, всегда идущій, съ нами сущій, и внѣ вѣрныхъ отнюдь не бывающій. Дѣйствительно, народъ тотъ узналъ царскую силу и пришествіе. Какъ теперь, когда земной царь совершитъ походъ противъ тирана, и возвращается съ побѣдою, всѣ граждане встрѣчаютъ его предъ городомъ съ цвѣтами, отплачиваютъ за побѣду хвалебными пѣснями, сплетая похвалы,—а влечетъ ихъ къ этому не любовь къ славѣ, но побѣдная пѣсня и желаніе (прославить),—точно такимъ же образомъ и къ Владыкѣ Христу, какъ царю—трофееносцу, (вышло на встрѣчу) все множество и объявляло словами и ваіями, что прибывшій есть побѣдитель, или лучше, познаваемый есть Богъ. Только для Бога (были) тогда стройно раздававшіеся голоса, и для разумныхъ обнаруживались божественныя тайны: *осанна* въ вышнихъ, т. е., спаси Ты, Который въ вышнихъ. Такъ объясняется на еврейскомъ языкѣ—*осанна въ вышнихъ*: вверху спасеніе, а внизу человѣколюбіе. О, богознаніе народа, участника въ ангельскомъ служеніи! Ступаютъ по землѣ и восходятъ на небо, обложены тѣломъ и слѣдуютъ за безтѣлесными, іудеи по названію и христіане по дѣланію, мірскіе по образу жизни и апостольскіе по исповѣданію: и они, какъ Петръ, свыше получили откровеніе. Какъ верховный изъ апостоловъ не по собственному размышленію, но по божественному откровенію говорилъ Господу: *ты еси Сынъ*

Бога живаго (Мѳ. XVI, 16), и Господь, показывая, что онъ не по собственнымъ помысламъ, но отъ Отца получилъ откровеніе, говорилъ, ублажая его: *блаженъ еси Симоне варъ Іона, яко плоть и кровь не яви тебѣ, но Отецъ мой иже на небесѣхъ* (ст. 17),—такимъ же точно образомъ и народъ, свыше принявъ откровеніе, взывалъ къ Господу словами: *осанна* въ вышнихъ, *благословенъ грядый во имя Господне царь Израилевъ*. Но вполнѣ естественно сказать: какое и откуда у насъ доказательство, что этотъ іудейскій народъ свыше получилъ откровеніе? Итакъ, чѣмъ мнѣ для васъ доказать? Самыми словами Господа: *видѣвше архіерее и книжницы отроки зовуща въ церкви и глаголюща: осанна Сыну Давидову, негодоваша, и рѣша* Іисусу: *слышиши ли, что сіи глаголютъ? Іисусъ же* говоритъ *имъ*: *ей, нѣсте ли чли николиже: изъ устъ младенецъ и ссущихъ совершилъ еси хвалу* (Мѳ. XXI, 15, 16)? И не только словами Господа, но и неожиданнымъ стеченіемъ народа, встрѣчею и дѣлами, которыя онъ совершалъ,—тѣмъ, что не только кричали, но и держали въ рукахъ сломанныя вѣтви маслинъ и финиковыя ваія, подстилали свои одежды и называли Спасителемъ, Царемъ и Господомъ,—откуда всякому ясно, что они свыше получили откровеніе. Если они не получили свыше, то откуда узнали Царя-Господа? Онъ не носилъ діадемы мірского царя, не одѣвался въ пурпуровое платье, не окружалъ Себя множествомъ войска, Ему не предшествовали кони съ колесницами и щиты, украшенные золотомъ, Онъ не ѣхалъ на царской колесницѣ, 716
устланной пурпуровыми коврами, но сидѣлъ на чужомъ небольшомъ жеребенкѣ, сопровождался только двѣнадцатью учениками. Откуда узналъ народъ, что Онъ Царь, если не свыше получилъ откровеніе? Они не искали на Господѣ мірской діадемы, потому что узнали въ Немъ безначально царствующаго; не искали пурпуроваго платья, потому что созерцали Его одѣвающимся свѣтомъ, какъ одеждою; не видѣли окружающаго множества воиновъ, повѣривъ пророку, сказавшему: тьмы темъ *служаху ему*, и тысячи тысячъ архангеловъ *предстояху ему* (Дан. VII, 10); не искали они всадниковъ и колесницъ, такъ какъ узнали, что Онъ есть взявшій Илію на огненной колесницѣ; и евангелистовъ они узнали, подобно конямъ, сопровождавшихъ Его, повѣривъ сказавшему пророку. Объ этомъ Захарія сказалъ, что позади Его кони бѣлые, рыжіе, пестрые и сѣрые (Зах. VI, 2, 3). Бѣлый конь—Матѳей, какъ изложившій весьма ясно воплощеніе Господа; сѣрый конь—Маркъ, который написалъ евангеліе очень цвѣтисто; пестрый конь—Лука, какъ изложившій дѣла Господа весьма краснорѣчиво и разнообразно; рыжій конь—Іоаннъ, показавшій между апостолами божество Христа, какъ блескъ огня: *въ началѣ бѣ Слово, и Слово бѣ къ Богу, и Богъ бѣ Слово* (Іоан. I, 1). И пророкъ Аввакумъ назвалъ апостоловъ конями быстрыми, разнесшими по всей землѣ евангеліе: *и навелъ еси на море кони твоя* (Авв. III, 15); моремъ онъ образно назвалъ весь міръ. Они не искали у Господа повозки, укра-

шенной камнями, устланной порфиромъ, съ царскимъ оружіемъ; они раньше знали, что повозка (Его) устремляется херувимами и серафимами, шестикрылыми свѣточами, такъ какъ повѣрили словамъ: *сѣдяй на Херувимѣхъ явися* (Пс. LXXIX, 2). Итакъ, получивъ отъ Бога откровеніе, тотъ вѣрующій іерусалимскій народъ не соблазнился ничтожнымъ жеребенкомъ, но укрѣпился пришествіемъ Владыки. Поэтому, какъ только они увидѣли, что Господь сѣлъ на жеребенка, тотчасъ, побужденные пророческими предреченіями, взявъ финиковыя ваія, говорили другъ другу: чего мы ждемъ, и не выходимъ на встрѣчу съ финиковыми ваіями къ духовному финику? Плодъ его полонъ сладости и безсмертія; листья его—врачество вселенной; стволъ его, т. е., древо креста—спасеніе всего міра и трофеи побѣды надъ діаволомъ. Мы слышали, что наша церковь взываетъ въ Пѣсняхъ Пѣсней: *взыду на финикъ, удержу* вѣтви *его* (Пѣсн. VII, 8). Опередимъ церковь изъ язычниковъ, и будемъ привѣтствовать, какъ духовнаго финика и какъ царя сильнаго. Во время этой рѣчи народа, дѣйствій и прославленій (имъ) Господа, архіереи и фарисеи, сильно огорчившись, порицали народъ словами: что вы дѣлаете, что легкомысленно пустословите? Какъ къ Богу, къ сыну плотника подходите съ ваіями; Господомъ называете не имѣющаго гдѣ склонить голову; окружаете царскими криками сидящаго на ослиномъ жеребенкѣ. Не у насъ ли Его отецъ и Его мать? Перестаньте, легкомысленные! А если нѣтъ, вы будете наказаны. На то мы посланы, чтобы замѣчать между вами легкомысленныхъ, отплачивающихъ наказаніемъ за дерзость. Народъ, услышавъ эти слова архіереевъ, не устремляется къ возмущенію, но отвѣчаетъ имъ по дѣйствующей благодати: порицаете насъ, фарисеи, и угрожаете намъ наказаніемъ, точно произносящимъ богохульство! Кто достоинъ наказанія: вы, читающіе Писаніе и не размышляющіе, или мы,
717 слушающіе и соблюдающіе? Мы обманываемся, принося Господу финиковыя ваія? Не Онъ ли есть финикъ правды? Не о Немъ ли восклицалъ пророкъ: *праведникъ яко финикъ процвѣтетъ* (Пс. XCI, 13)? Не Онъ ли далъ прозрѣніе слѣпымъ? Не даровалъ ли Онъ безпрепятственнаго бѣганья хромымъ? Не заставилъ ли нести постель, принесшую разслабленнаго? Не воскресилъ ли изъ мертвыхъ четыреxдневнаго Лазаря? Не за это ли вы совѣщаетесь убить Лазаря? Не вы ли отвергли камень, и сами, какъ камень, коснѣете въ невѣріи? Не вамъ ли Онъ предоставилъ развязать погребальныя пелены, чтобы вы не лжесловили другъ за другомъ, какъ при слѣпцѣ отъ рожденія, будто онъ выскочилъ изъ гроба? Всегда вы, фарисеи, клевещете на прекрасное и противитесь вполнѣ вѣрующему. Поэтому, вы уговорились Лазаря убить, чтобы истребить вѣру народа. Если убьете Лазаря, то—что же—не можетъ Онъ опять его воскресить? Посмотримъ кто устанетъ—вы въ убійствѣ, или Онъ въ воскрешеніи. Вы дѣломъ и съ трудомъ убиваете, (а) Онъ словомъ воскрешаетъ. Кто болѣе утомляется? Слово не легче ли дѣла? Обманываемся ли мы, фари-

сеи, что подошли къ Господу, какъ къ Царю? Созерцая жеребенка, мы болѣе укрѣпляемся. Мы узнаемъ Царя сильнаго, и у насъ есть подъ рукою Писаніе, чтобы вы разумно научились, что не мы обманываемся, но вы заблуждаетесь. У васъ есть пророкъ Захарія; разверните его слова; побойтесь его серпа мщенія; за много времени, благовѣствуя Іудеѣ, онъ восклицалъ: *радуйся зѣло, дщи Сіоня: се царь твой грядетъ тебѣ кротокъ* и тихій, *всѣдъ* на жеребенка ослинаго, сына *подъяремника* (Зах. ix, 9). Мы не ошибаемся, читая Писаніе: узнаемъ Царя, благодѣтельствуемъ самимъ себѣ и сомнѣвающихся обращаемъ. У васъ есть пророкъ, и вы не желаете думать надъ его пророчествомъ. Итакъ, отступите, фарисеи! Насколько вы насъ тѣсните, настолько болѣе возбуждаете наше желаніе и ревность. Поэтому, мы не заблуждаемся, когда взываемъ: *осанна* въ вышнихъ, *благословенъ грядый во имя Господне*. Мы знаемъ это имя, фарисеи! Это имя освободило насъ изъ Египта, сдѣлало для насъ море проходимымъ, пустыню населило и поселило насъ въ землѣ, текущей молокомъ и медомъ, приготовило пророческое восклицаніе: *да познаютъ, яко имя тебѣ Господь, ты единъ Вышній по всей земли* (Пс. lxxxii, 19). Что народъ послушенъ, а архіереи непокорны, слушай евангелиста: и *совѣщаша архіерее, да и Лазаря убіютъ: яко мнози его ради идяху отъ Іудей, и вѣроваху во Іисуса* (Іоан. xii, 10). Видишь архіерейское безуміе? Чтобы уничтожить вѣру народа, они старались и Лазаря убить, говоря сами себѣ, что если Іисуса только мы убьемъ, а Лазаря оставимъ въ живыхъ, то никакой намъ нѣтъ пользы: видя этого, они вѣруютъ въ Него. Чтобы и послѣ смерти намъ не было препятствія въ чьей-либо вѣрѣ въ Іисуса, убьемъ Лазаря, чтобы намъ совершенно изгладить память его. Это и подобное говорили архіереи, какъ люди суетнаго ума, не понимавшіе, что Господь, имѣвшій подвергнуться добровольной смерти для безсмертія міра, не думалъ оставлять міру на память только Лазаря и его воскрешеніе, но и необоримый Свой крестъ, который они не въ силахъ будутъ ни разрушить, ни скрыть, ни упразднить,— обнаруживающій силу своего дѣйствія по всей вселенной. Какой домъ безъ знака креста, безъ трофея противъ демоновъ, безъ защиты душъ? Какой корабль безъ кормила-креста? Какой городъ не имѣетъ креста стражею? Какой царь не украшаетъ крестомъ своей головы? Какая дѣва не имѣетъ креста вмѣсто посоха? Какая церковь не укрѣплена крестомъ, какъ стѣнами? Крестъ ночью свѣтитъ, и днемъ служитъ свѣточемъ; зиму несчастій, весну и лѣто установляетъ, супружество скрѣпляетъ, дружбу умножаетъ, во всякомъ благѣ господствуетъ.

Что же евангелистъ? Хорошо изслѣдовать этотъ отрывокъ отъ начала. Сейчасъ ты слышалъ слова евангелиста: *прежде шести днiй пасхи пріиде* Іисусъ *въ Виѳанію, идѣже бѣ Лазарь, егоже воскреси отъ мертвыхъ* (Іоан. xii, 1). И какой это день прежде шести дней? Какой? Тепе- 718
решній день, обозначающій Іоанна Предтечу. Какъ Іоаннъ предшество-

валъ Господу, такъ и этотъ предшествовалъ воскресенію; и какъ Іоаннъ, перстомъ указывая на Господа, говорилъ: *се агнецъ Божій, вземляй грѣхъ міра* (Іоан. I, 29), такъ и этотъ, указывая на будущее воскресеніе, восклицалъ словами: вотъ мать имѣющихъ родиться вновь! *Прежде шести дній пасхи*. Послушайте: этотъ день не просто *прежде шести дній пасхи*, но чтобы ты научился очистить себя отъ всякой скверны плоти и духа. Этотъ день есть предочищеніе—чтобы ты очистилъ самого себя отъ всякой нечистоты, чтобы уничтожилъ вражду и прекратилъ гнѣвъ, чтобы погасилъ клевету, чтобы напрягъ любовь, чтобы увеличилъ нищелюбіе, чтобы не ты одинъ только праздновалъ, но и нуждающійся праздновалъ бы съ тобою. Если ты не дашь нуждающемуся, и онъ будетъ печалиться, а ты праздновать, то смотри, чтобы не было тебѣ воздаянія того богача, который, ежедневно веселясь блистательно, не далъ Лазарю крупицъ. Итакъ, дай нуждающемуся отъ своей трапезы, благотвори недостаточнымъ, чтобы и ты всегда праздновалъ, и бѣдный былъ бы съ тобою. Если не сдѣлаешь блага своему единовѣрному бѣдняку, нуждающемуся въ утѣшеніи, онъ же, по нуждѣ, не облагодѣтельствованный тобою, пойдетъ къ еретику и будетъ имъ утѣшенъ, то послѣдній будетъ человѣколюбивѣе тебя. А всякій еретикъ нападаетъ на пастыря. Что же евангелистъ? *Прежде шести дній пасхи пріиде* Іисусъ *въ Виѳанію, идѣже бѣ Лазарь, егоже воскреси отъ мертвыхъ*. О, мудрость Господня! Онъ воскресилъ Лазаря, чтобы раздражить діавола. Слушай въ короткихъ словахъ. Когда увидѣлъ діаволъ, во время восклицанія Господа: *Лазаре, гряди вонъ*, что все преисподнее разрушено и подземныя силы не могутъ его удержать, и что, какъ бы изданнымъ царскимъ повелѣніемъ, или лучше, дѣйствіемъ божественной воли, волосы Лазаря сверху вкоренялись, ослабленные нервы стягивались, убыль тѣла заполнялась, разрозненныя кости соединялись, живительное дыханіе входило, владычица-душа брала прежнее, старое жилище,—когда это и подобное онъ увидѣлъ, въ страхѣ и безпокойствѣ приказывалъ своимъ силамъ словами: противьтесь, будьте крѣпки, не предайте моего царства! О, что̀ я перенесъ! Разрушается власть смерти, мною пріобрѣтенная грѣхомъ; кто былъ въ моей власти четыре дня, (того) теперь я отдаю по насилію; со мною случилось несчастіе; я началъ изблевывать тѣхъ, кого поглотилъ. Не изъ-за Лазаря только я плачу, но боюсь, какъ бы не потерять и остальныхъ, которыхъ удерживаю отъ Адама до нынѣ. Мнѣ нужно усердіе и много силы; если напередъ не захвачу похищающаго у меня словомъ, то Онъ упразднитъ все мое существованіе. Я нашелъ, что̀ мнѣ дѣлать,—знаю, что̀ мнѣ дѣлать! У меня есть помощники іудеи; нанимаю себѣ Іуду; онъ всегда мнѣ прекрасно услуживаетъ; будучи сребролюбивымъ, онъ оцѣнилъ миро пришедшей женщины въ триста динаріевъ, въ огорченіе ей; и онъ оцѣнилъ миро въ триста динаріевъ, а Владыку міра продалъ за тридцать динаріевъ. Мнѣ нужно много ста-

раться, чтобы приготовить крестъ. Онъ взялъ у меня Лазаря, а я Его сюда стащу и сопричислю къ мертвымъ, чтобы Онъ зналъ, что не нужно воевать противъ бóльшаго. Преисподнія силы ему (въ отвѣтъ): ты хочешь всего Іисуса сюда низвергнуть? Смотри: не утруди самого себя! У тебя есть опытъ надъ Нимъ; ты боролся съ Нимъ въ пустынѣ; не трижды ли ты подходилъ и трижды палъ? Если Онъ сойдетъ, чтò ты намѣренъ дѣлать? Посовѣтовавшись въ этомъ и подобномъ, діаволъ возбудилъ іудеевъ на бóльшую зависть, подстрекнулъ умертвить воскресившаго изъ мертвыхъ Лазаря и приготовить крестъ Господу, чтобы сдѣлалось проклятіе благословеніемъ, и древо креста спасеніемъ для всѣхъ. Воскрешеніемъ Лазаря діаволъ былъ потрясенъ, фарисеи смущены, Маѳа удостовѣрена, Марія прославлена, воскресеніе предуказано, ученики укрѣпились, и многіе изъ увѣровавшихъ іудеевъ встрѣтили Господа нашего Іисуса Христа съ вѣтвями и ваіями, восклицая и говоря: *осанна* въ 719—720
вышнихъ, *благословенъ грядый во имя Господне царь Израилевъ*. Ему слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

Похвала святому Іоанну Богослову.

Созвалъ насъ, возлюбленные, святѣйшій Іоаннъ Богословъ и другъ 719
Христовъ, не произраставшій намъ пріятно пахучихъ розъ, но возрастившій намъ добродѣтели отцовъ духовныхъ. Ихъ благоуханіе есть благочестивое исповѣданіе и нашихъ душъ спасеніе. Скажи мнѣ: какая роза такъ украшена листьями, какъ святѣйшій Іоаннъ прославленъ богоприличнымъ вѣнцомъ святыхъ? Роза блеститъ извнутри благовоніемъ, сверкающимъ золотомъ; а святѣйшій Іоаннъ сіяетъ съ самой вершины престола ароматною жизнію всемудраго пастыря нашего и учителя. О, Іоаннъ! Ты ежегодно воспоминаешься пришельцами и ежедневно живешь съ ефесянами. О, Іоаннъ! Ты сіяешь на той священной горѣ, какъ высокій правитель—не одаряешь своихъ гражданъ имуществами, но дарствуешь просящимъ у тебя врачеванія. О, Іоаннъ! Ты низвергъ трофеемъ креста единоборную змѣю, Артемиду, и властно возстановилъ силою креста единобрачную невѣсту Христову, церковь. О, Іоаннъ! Ты покинулъ отца своего, Заведея, на кораблѣ, и возлюбилъ на груди Господа своего Назорея. Какъ двѣ горы, ты созерцалъ два сосца, посреди которыхъ сладко успокоившись, ты богословствовалъ о Томъ, Кто познавался посреди двухъ животныхъ: *въ началѣ бѣ Слово, и Слово бѣ къ Богу, и Богъ бѣ Слово* (Іоан. I, 1). И ты созерцай изумительнаго апостола. Землю орошаетъ не погребенный въ землѣ, и орошеніе есть манна цѣлительная, и, истощаясь, не истощается отъ времени. Что за причина, что за дѣйствіе? Никто не съумѣетъ сказать; непреложны дары нашего Спасителя Христа, и неисчерпаемы дѣла святыхъ. О, Іоаннъ!

(Ты) оружіе благочестивыхъ, поистинѣ благочестивое исповѣданіе общее ихъ пристанище, къ Богу прибѣжище. Что пристань для обуреваемыхъ, то Богъ для утруждаемыхъ. Сегодня святѣйшій Іоаннъ сіяетъ для насъ красотою своей добродѣтели; онъ былъ читанъ у насъ, — онъ, сіяющій своимъ благочестіемъ изъ своей древней книги, какъ бы отъ царскаго образа. Іоаннъ—прекрасное начало вѣры, благоцвѣтущій корень, не-
720 исчерпаемый источникъ, у всѣхъ язычниковъ не только временный законъ, но—вѣрится—всегдашнее почтенное извѣщеніе благочестія, первая вершина вѣры, расширитель благочестія для всѣхъ, воспитатель нашъ въ ревности о прекрасныхъ дарахъ любви. Мы смотримъ на чертогъ дѣвства, и обнимаемъ источникъ исцѣленій. Раскроемъ же слово его о свѣтѣ. Отецъ—свѣтъ, Сынъ—свѣтъ, Духъ Святый—свѣтъ. Отецъ свѣтъ, потому что истинный Богъ; Сынъ свѣтъ, потому что возсіялъ отъ Отца; Духъ Святый свѣтъ, потому что изъ Отца исходитъ, и потому истинный Богъ. Апостолъ свидѣтельствуетъ словами: *Богъ свѣтъ есть* (1 Іоан. I, 5), и еще: *пріиде* Іоаннъ, *да свидѣтельствуетъ о свѣтѣ* (Іоан. I, 7), а также: *бѣ свѣтъ истинный*, *иже просвѣщаетъ всякаго человѣка грядущаго въ міръ* (ст. 9), т. е., идущаго къ истинѣ. О Сынѣ: *азъ есмь свѣтъ* истинный (Іоан. VIII, 12), и: Я во Отцѣ и Отецъ во Мнѣ (Іоан. X, 38). Что Сынъ свѣтъ и солнце правды, восклицаетъ пророкъ: *свѣтися, свѣтися Іерусалиме*, *пріиде бо* къ тебѣ *твой свѣтъ, и слава Господня на тебѣ возсія* (Ис. LX, 1). О Святомъ Духѣ въ псалмѣ поется: *у тебе источникъ живота, во свѣтѣ твоемъ узримъ свѣтъ* (Пс. XXXV, 10), т. е., въ Сынѣ увидимъ Духа Святаго; (это) свѣтъ, которымъ мы освѣщены, и до сегодня освѣщаемся въ сердцахъ нашихъ. Отецъ свѣтъ, потому что истинный Богъ; Сынъ свѣтъ, потому что отблескъ Его свѣта; Духъ Святый свѣтъ, (какъ) исходящій изъ Отца: никто не знаетъ Божія, *точію Духъ* въ Немъ (1 Кор. II, 11). Духъ Святый свѣтъ истинный, который въ истинномъ свѣтѣ созерцается и мыслится. Итакъ, да остается у насъ, братіе, вѣра несокрушимою и Троица нераздѣльною! И блаженный Соломонъ говоритъ, что тройная вервь *не расторгнется* (Еккл. IV, 12). Богъ святитъ, освѣщаетъ, животворитъ, освобождаетъ, и больше этого. И Сынъ точно также; все, что дѣлаетъ Отецъ, и Духъ Святый точно также святитъ, освѣщаетъ, животворитъ, освобождаетъ. Мы освобождены, и освящены, и освѣщены, и ожили, крестившись въ Отца и Сына и Святаго Духа, Которому слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

О святомъ Іоаннѣ апостолѣ и евангелистѣ Богословѣ.

719 Опять, ефесяне, нашъ Іоаннъ, или лучше, учитель всей вселенной, развернулъ духовную сѣть и съ разныхъ мѣстъ собралъ насъ, не съ

тѣмъ, чтобы мы его почтили вѣнками изъ розъ, но чтобы возвеличили его благими и праведными дѣлами. Опять привлекъ къ себѣ свои духовные источники, не съ тѣмъ, чтобы напоить жаждущихъ лѣнивцевъ, но утвердить труждающіеся народы. Опять взошелъ во святилище второй послѣ Петра, не съ тѣмъ, чтобы уврачевать одного хромого, но всѣхъ насъ, укрѣпивъ въ благочестіи, приготовить для жизни небесной. Онъ уже не возлежитъ на Господней груди, но, восклонившись къ каждому изъ насъ въ отдѣльности, принявъ всѣхъ насъ равночестно, принесъ свою лихву къ Богу и воскликнулъ такими словами: *се азъ и дѣти, яже ми даде Богъ* (Ис. VIII, 18). Дѣти? Какія? Которыхъ благодать возрастила, а онъ предъявилъ въ наслѣдники царства небеснаго. Многихъ нѣкогда, какъ добычу, уводила Артемида, но апостолъ еще больше приводитъ. Она, питая собакъ, охотясь за звѣрями, сѣяла заблужденіе; Іоаннъ, устрояя нищихъ и уча народы, посѣялъ богопознаніе. Она омрачила воздухъ идольскими процессіями; Іоаннъ просвѣтилъ Азію памятями святыхъ. Египетъ воспоминаетъ чудеса Моисея; Ефесъ возвѣщаетъ о благодѣяніяхъ Іоанна. Моисей наказалъ Египетъ десятью казнями; 720
Іоаннъ же упорядочилъ Ефесъ, или лучше, всѣхъ помиловалъ боговдохновеннымъ евангеліемъ. Моисей жезломъ раздѣлилъ море; Іоаннъ крестомъ низвергъ Артемиду. Когда море было раздѣлено, фараонъ и колесницы его были потоплены; когда Артемида ниспала, ея жрецъ и мерзости были сокрушены. Давидъ говоритъ: *море видѣ и побѣже* (Пс. CXIII, 3); сегодня церковь точно также восклицаетъ: Артемида увидѣла и пала. Она увидѣла Богослова и божественнаго проповѣдника, увидѣла богоносца,—и упала грѣшница, напрасно почитавшаяся. Она увидѣла того, кого любилъ Іисусъ,—и не въ силахъ была удержаться. Что̀ съ тобою, Артемида, что ты пала? Я увидѣла сына грома, и сокрушено святилище моего предстательства; я увидѣла божественнаго друга, и разрушена; я увидѣла восклонявшагося на божественную грудь, и поникла на свою идольскую грудь. Изумителенъ Илія, возлюбленные, что низвергъ Ваала; Іоаннъ еще изумительнѣе, что изгналъ Артемиду. Илія четыреста пятьдесятъ умертвилъ; Іоаннъ убитаго колонною жреца, ожививъ, воскресилъ во Христѣ. О, чудо! Каменный столбъ умертвилъ подобнаго камню жреца, котораго Іоаннъ воскресилъ благодатію. Говорятъ, поднявъ его тѣло, несли на рукахъ (и) положили у дверей Іоанна; и кого онъ не желалъ видѣть при жизни, этого мертвый искалъ, прося себѣ жизни и вѣры. Такъ нѣкогда сдѣлали и вселукавые іудеи: отъ живого Христа отверглись, а умершаго исповѣдали Сыномъ Божіимъ. Они 721
отверглись Его, сказавъ слѣпцу: *мы Моисеовы есмы ученицы, сего же не вѣмы откуду есть* (Іоан. IX, 28, 29). Прозрѣлъ слѣпецъ, и омрачился неразумный народъ. Сыномъ Божіимъ исповѣдали при крестѣ, когда, склонивъ голову, Онъ испустилъ духъ, и копіемъ пронзили прославляемый Его бокъ, и истекло много крови и воды; (тогда) воскли-

цали громкимъ голосомъ іудейскія дѣти и говорили: *воистинну Божій Сынъ бѣ сей* (Мѳ. XXVII, 54). Іоаннъ, при жизни своей, проповѣдникъ богопознанія, получившій благодать Святаго Духа, ораторъ церкви, свѣтильникъ благочестія, глазъ Азіи; онъ низвергъ демона Артемиду, и въ цѣломъ мірѣ велегласно проповѣдалъ Бога Слова: *въ началѣ бѣ Слово, и Слово бѣ къ Богу, и Богъ бѣ Слово* (Іоан. I, 1). Спросимъ ловца
722 рыбъ и писателя святаго евангелія, кто его этому научилъ, какой отецъ внушилъ это произнесть, въ какой книгѣ онъ это нашелъ и возгласилъ? Но никто его не научилъ, и въ книгѣ онъ не нашелъ; на Владычню грудь онъ возлегъ и, просвѣтивъ свой умъ въ глубинѣ мудрости и знанія, возгласилъ: *въ началѣ бѣ Слово, и Слово бѣ къ Богу, и Богъ бѣ Слово.* Чтó мнѣ сказать больше написаннаго? Ты слышалъ, что *въ началѣ бѣ,* т. е., въ Отцѣ и съ Отцомъ, и Богомъ былъ изъ Бога и Отца, несказанно и безстрастно рожденнымъ прежде вѣковъ. Ему слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

На преображеніе.

721 Восходящее солнце простираетъ свои лучи на весь міръ; и востокъ рожденія по плоти Владыки Христа посылаетъ во всю вселенную своихъ учениковъ, какъ бы лучи. И сегодня, какъ свѣтильники, освѣщаютъ это священное собраніе Петръ, Іаковъ и Іоаннъ, ловцы невѣрныхъ и раньше заблуждавшихся въ богопознаніе, пользовавшіеся вмѣсто трости крестомъ, вмѣсто каната тройнымъ исповѣданіемъ извлекавшіе духовныхъ рыбъ изъ глубины нечестія; они (были) общниками со своимъ Учителемъ въ неизреченныхъ тайнахъ, сдѣлавшись самовидцами и самослушателями несказанныхъ и незримыхъ дѣлъ. Петръ по вѣрѣ названъ камнемъ, и на самомъ себѣ поддерживаетъ зданіе церкви: *ты еси Петръ, и на семъ камени созижду церковь мою, и врата адова не одолѣютъ ей* (Мѳ. XVI, 18). Но посмотримъ, за что и по какой причинѣ получилъ верховный эту награду? Спаситель спрашивалъ нѣкогда учениковъ, какое у нихъ мнѣніе о Немъ. Пока остальные молчали, онъ, доблестный, выступивъ, не сказалъ: Ты сдѣлался, Ты созданъ былъ; но, по слову пророка: *ты же тойжде еси, и лѣта твоя не оскудѣютъ* (Пс. CI, 28), сказалъ: *Ты еси.* И за это исповѣданіе получаетъ ключи небесные: *и еже аще свяжеши на земли, будетъ связано на небесѣхъ: и еже аще разрѣшиши на земли, будетъ разрѣшено на небесѣхъ* (Мѳ. XVI, 19). О, дивное и превосходящее природу достоинство! Шествуя по землѣ, Онъ издавалъ законы небеснымъ силамъ, и онѣ ихъ соблюдали. И на землѣ онъ подсказывалъ мнѣніе, а Богъ подтверждалъ свыше словесное рѣшеніе. Ублажался нѣкогда тотъ Іосифъ, которому были довѣрены житницы фараона; но выше соревнованія и трижды блаженъ Петръ, кото-

рому ввѣряются сокровищницы самыхъ небесъ. Я не столько за то ублажаю, что онъ получилъ власть вязать, и не за то, что падающія отъ его одежды тѣни исцѣляли болѣзни, и не тѣмъ поражаюсь, что онъ воскресилъ изъ мертвыхъ Тавиѳу—(все) это дары особенно дѣйствующаго Духа; а ублажаю я Петра за то, что онъ первый изъ всѣхъ выступилъ для истиннаго исповѣданія: *ты еси Христосъ, Сынъ Бога живаго* (ст. 16). Явившагося онъ исповѣдуетъ: *ты еси Христосъ*; это знакъ сосуществованія (Его) съ Отцомъ. Посмотримъ также особенныя преимущества треблаженнаго Іоанна. Онъ (ублажается) не за божественную бѣдность, въ которой участвовалъ съ Петромъ, такъ какъ былъ съ тѣмъ, кто говорилъ: *сребра и злата нѣсть у мене* (Дѣян. III, 6), и молчаніемъ выразилъ согласіе; но за то, что, возлегши на Владычню грудь, онъ оттуда изготовилъ себѣ ту священную и велегласную трубу, чрезъ которую только объявилъ смѣлымъ и вѣрующимъ языкомъ: *въ началѣ бѣ Слово, и Слово бѣ къ Богу, и Богъ бѣ Слово* (Іоан. I, 1), чего небо не сказало, ангелы не вздумали, никто изъ остальныхъ апостоловъ не получилъ. Для чего и по какой причинѣ, будучи впереди остальныхъ евангелистовъ, онъ послѣднимъ написалъ евангеліе? Это 722
также необходимо изслѣдовать. Матѳей на еврейскомъ языкѣ по порядку изложилъ евангельскія чудеса; Маркъ, сдѣлавшись ученикомъ Петра, написалъ происшедшее чрезъ Владыку Христа — разумѣю рожденство безъ смѣшенія, безпорочную жизнь, поразительныя знаменія, іудейскую зависть, спасительную страсть, животворящую для насъ смерть, воскресеніе для нетлѣнія, вознесеніе на отчее лоно; одинаково и Лука, случайный ученикъ Павла, шелъ тою же самою дорогою, что̀ и до него. Итакъ, только Іоаннъ, какъ нѣкій рыбакъ, сидѣвшій вдали и бывшій зрителемъ другихъ ловцовъ, когда увидѣлъ, что оставлено главное въ знаніи, берется за рыбарскую евангельскую трость и ловитъ ею искомую рыбу, и отдаетъ (потомъ) ее даромъ вѣрующимъ, возглашая: *въ началѣ бѣ Слово.* Не отъ того, отъ кого Марія,—говоритъ, — названная матерь, получилъ начало Христосъ, не отъ того, отъ кого Іосифъ, нареченный отецъ Его, Онъ имѣетъ бытіе; не отъ того, отъ кого Моисей, отъ кого Авраамъ, отецъ всѣхъ до закона; но *въ началѣ бѣ Слово.* Нѣтъ ничего древнѣе начала, ничего старше начала; всякое дѣло начинается, и зависитъ отъ начала; а начало всего Сынъ, и, какъ творецъ, Онъ есть начало всего. Все, что̀ производится отъ начала, моложе; только начало владѣетъ преимуществомъ вѣчности. Но посмотримъ (преимущество) праведнаго Іакова. Хотя прозваніе праведнаго, какъ отличительное, получилъ другой Іаковъ, называемый праведнымъ, но онъ не откажетъ въ этой чести соапостолу. И сынъ Зеведея богатъ многими евангельскими успѣхами; достаточно въ настоящій разъ для похвальнаго слова, что онъ съ радостію перенесъ обезглавленіе за любовь къ Владыкѣ. Его убиваетъ Иродъ, какъ повѣствуетъ Лука въ Дѣяніяхъ (Дѣян.

хii, 2). Это—подвижники благочестія, это—служители евангельской проповѣди. Народъ и города стекаются посмотрѣть одного, кто возвратился изъ Олимпа съ вѣнкомъ, украшаютъ (его) за это лавровыми листьями: а мы, на происшедшемъ у насъ собраніи, созерцали не одного, но трехъ борцовъ, борцовъ за Троицу, подвижниковъ за Троицу увѣнчанныхъ. Всякій языкъ отваживается на неизмѣримость, когда пытается похвалить одного изъ нихъ, и мысль теряется, рѣшаясь измѣрить чашею море добродѣтелей; однако мы взялись за это, чтобы показать отцамъ плодъ своего благомыслія. Назадъ два дня у насъ праздновалось торжество рожденія всецаря Христа; естественно, борцами пяти подвиговъ совершены были блестящія состязанія въ честь рожденія Господа. Такъ происходитъ обычно и у внѣшнихъ: царское рожденіе чествуютъ въ городахъ начальники. Но тамъ побѣдитель пожинаетъ удовольствіе тѣни и временной радости; а здѣсь награды для увѣнчанныхъ безсмертны, вѣнцы вѣчны, радость вмѣстѣ съ ангелами, слава вмѣстѣ съ святыми въ воскре-
723—4 сеніе. Это сберегается, какъ залогъ для такихъ подвиговъ. Ихъ (подвижниковъ) предстательствомъ да сохранимся и мы, и этотъ пастырь добрый да дарствуется намъ на многіе десятки лѣтъ во Христѣ, Которому слава во вѣки. Аминь.

О засухѣ.

723 *Кто дастъ главѣ моей воду, и очесемъ моимъ источникъ слезъ* (Іер. ix, 1)? Самый сострадательный изъ пророковъ пусть щедро снабдитъ меня этимъ введеніемъ въ слово. Но онъ оплакивалъ опустошеніе одного города Іерусалима, а я побуждаюсь къ сѣтованію и слезамъ, смотря на наступившую кару всей этой окрестности. Заключено небо нашимъ грѣхомъ, и облака солнцемъ *яко сушило сосхошася* (Пс. ci, 4). Водные источники высушены и теченіе постоянныхъ рѣкъ изсякло; обожженная зноемъ земля отказывается дать обычные для нея плоды. Ахъ, наше несчастіе! Даже безсловесныя животныя въ опасности изъ-за нашего грѣха. Изсушена земля и ея трава, или скорѣе, она не произрастила, и опустошается язвою. И быкъ жалобно мычитъ, какъ бы приговоренный къ смерти; овечьи стада плачевно блеютъ, видя близъ стоящее водное питье, какъ сосудъ пламевидный, и сушимые до времени хлѣба. Исполнилось теперь и надъ нами пророчество Іоиля: *восплакашася стада воловъ, яко не бѣ пажити имъ, и паствы овчія погибоша, яко посхоша источницы водніи* (Іоил. i, 18, 20). Столь многія наши ошибки подвигли на праведный гнѣвъ милостивую и кроткую природу Божію! И такъ какъ мы на каждый день не перестаемъ зажигать огонь грѣховъ, то, естественно, отмщаемся засухою и зноемъ. Можетъ быть и къ намъ гдѣ-то пророкъ взываетъ: *ходите свѣтомъ огня ва-*

шего, и пламенемъ, егоже разжегосте (Ис. і, 11). Израильтянамъ чрезъ пророка Богъ обѣщалъ, если они будутъ соблюдать Его заповѣди: одождю *вамъ дождь ранній и поздный; и наполнятся гумна ваша* хлѣба, *и точила* вина (Іоил. II, 23, 24); для насъ это обѣщаніе обращено въ противоположную сторону, скорѣе насъ постигло проклятіе Іереміи (Моисея): да будетъ надъ главою у тебя небо *мѣдяно* (Втор. XXVIII, 23), обозначающаго угрозою этого слова совершенную сухость и недостатокъ воды. Развѣ это сейчасъ не исполняется надъ нами? Земля, расколотая засухою и какъ бы окамененная, уничтожила трудъ земледѣльцевъ: не позволяетъ на себѣ ни орать, ни копать; посѣвы, немного проросши и давъ хорошія надежды, высохли и пропали прежде, чѣмъ зачаться колосу. Остались только ростки виноградныхъ лозъ и насажденій, но и они проявляютъ могущую быть скоро чахлость. Таковъ плодъ грѣховъ, таковы жертвы нечестія,—за то, что мы не пошли по путямъ Бога, но порабощены дурными дѣлами: другъ другу завидуемъ, презираемъ меньшихъ, желаемъ насытиться чужимъ, радуемся неудачѣ сосѣда, поѣдаемъ другъ друга ябедой, предаемся въ рабство нелѣпостнымъ страстнымъ желаніямъ, сдѣлавшись *кони женонеистовни* (Іерем. V, 8), какъ говоритъ Писаніе, и волками хищными, и злопамятными, какъ верблюды, не милуемъ бѣдныхъ, не сострадаемъ неудачникамъ, не заботимся о церковныхъ собраніяхъ, пренебрегаемъ святыми, не почитаемъ памяти ихъ, бѣгаемъ исповѣдничества, будучи рабами какъ бы горячечнаго безумія. Священники стали худымъ примѣромъ для народа: надмеваются, злопамятствуютъ, враждуютъ, злоумышляютъ, пристрастничаютъ, не обличаютъ и не исправляютъ падающихъ, но сообщаются съ ними въ неправдѣ своимъ молчаніемъ, какъ древній тотъ Илій. Міряне, оставивъ свое, стараются каждый взвѣшивать священническое, и быть судьями неумолимыми. Развѣ не истину я говорю? Не исполненъ ли нашъ городъ этихъ золъ? Не ежедневно ли я объ этомъ свидѣтельствую? Не трудился ли я, крича, что нужно удерживаться отъ клятвъ? Не говорилъ ли я раньше, что Господь не оставитъ безъ вниманія, что священное евангеліе такъ пренебрегается, и безстыдно, нагло держится корыстолюбивыми руками? Итакъ, неси полевые плоды, пріобрѣтенные 724
твоимъ корыстолюбіемъ, потому что (поле) не возвратитъ даже посѣянныхъ сѣмянъ; и съ виноградника ты не соберешь, который по корыстолюбію похитилъ. Чѣмъ Богъ въ древности угрожалъ іудеямъ чрезъ Михея, это теперь исполнилъ надъ нами: ты сѣешь, и *не пожнеши: ты изгнетеши масличіе,* и *не помажешися масломъ,* и вина не выпьешь (Мих. VI, 15). Можетъ быть кто-нибудь скажетъ: не всѣ корыстолюбцы, не всѣ клятвопреступники; когда согрѣшаютъ немногіе, почему для всѣхъ вообще растворена полынь гнѣва Божія? Нужно было, чтобы только на злыхъ было возложено наказаніе. Но какъ въ одномъ тѣлѣ, если только въ части бываетъ истеченіе, все тѣло нуждается въ очищеніи, такъ и

у насъ. Такъ какъ мы одно тѣло, и всѣ — члены Христа, то, при болѣзни одной части, всѣ становимся участниками въ страданіи. Такъ нѣкогда, когда сынъ Саула согрѣшилъ, все войско подверглось наказанію; и когда Давидъ исчислилъ народъ вопреки желанію Божію, произошла гибель общая. Объ этомъ говоритъ даже внѣшнее ученіе, что часто весь городъ вкушаетъ отъ нечестія одного мужа. Потому-то, чаша гнѣва Божія для насъ растворена безъ растворенія: *чаша въ руцѣ Господни* полна растворенія вина нерастворённаго (Пс. LXXIV, 9). Видишь, какъ измѣнчива природа этой чаши! Если она не растворена, какъ она полна растворенія? Растворенное не бываетъ нерастворённымъ. Здѣсь разумѣется то и другое вмѣстѣ: и не растворена она, потому что, вслѣдствіе праведнаго суда, (она) безъ примѣси божественнаго сострадашія къ падающимъ постоянно; но растворена она, такъ какъ (состоитъ) изъ различныхъ каръ и мщеній, которыми обычно Богъ наказываетъ не сдѣлавшихся отчаянными во злѣ. Какъ тѣ, которые удаляютъ тѣлесныя болѣзни и въ лѣченіи выработали опытъ, очищаютъ наиболѣе тяжелыя раны теплою водою и ѣдкими лѣкарствами, и помощью искусства смягчаютъ страданіе отъ присущей въ нихъ нечистоты,—такъ (поступаетъ) и всезнающій Богъ съ безчувственными къ Его ударамъ, которымъ (безчувственнымъ) лучше было бы раньше отмаливаться отъ наступленія испытанія. Итакъ, что же можно намъ сказать въ настоящемъ случаѣ? Праведенъ судъ Божій, или лучше, человѣколюбивый Владыка намного облегчилъ мщеніе Своего праведнаго гнѣва, не настолько, чтобы мы перенесли испытаніе, котораго достойны, но настолько, чтобы мы вошли въ сознаніе того, въ чемъ согрѣшили. Разсмотри долготерпѣніе Божіе: мы согрѣшили, и стихіи наказываются; мы ошибаемся, и землѣ отмщается; мы живемъ негодною жизнью, и бичуется бездушное; мы безчестимъ художника своими постыдными поступками, и ударъ принимаетъ ни въ чемъ не погрѣшившее; (происходитъ то) какъ если кто-нибудь, при паденіи сына, переноситъ мученіе на раба. Такой благой у насъ Владыка, такъ Онъ наставляетъ, возводя къ исправленію: лукъ угрозы натягиваетъ, а стрѣлу гнѣва задерживаетъ. Онъ не желаетъ нашей душевной смерти, но ждетъ обращенія и покаянія. Пребудемъ же, братіе, въ чувствѣ пристойности, умилостивимъ къ себѣ милосердаго Господа, не явимся хуже ниневитянъ. Они, будучи язычниками и невѣрными, когда узнали отъ пророка о разрушеніи города, выказали такое покаяніе, что принуждали даже дѣтей и скотъ къ посту, и (сами) покрылись золою и рубищемъ, и такъ избавились отъ праведнаго гнѣва Божія. Заплачемъ же и мы, исповѣдуемъ каждый собственныя паденія, заручимся (какъ) посредниками у Бога святыми и остальными, особенно пренепорочною Владычицею, скорымъ и неодолимымъ предстательствомъ; припадемъ къ ней, прося со слезами: Госпожа Владычица, вмѣстившая во чревѣ своемъ Бога Слово, обожившая своимъ рожденіемъ нашу природу, ставшая по-

средницей своимъ рожденіемъ между Богомъ и людьми! Помилуй свой народъ и достояніе свое, умилосердись надъ этимъ городомъ своимъ, который хвалится твоимъ именемъ; походатайствуй за насъ недостойныхъ
рабовъ твоихъ; умоли единороднаго твоего Сына, чтобы Онъ снизошелъ 725
къ нашимъ паденіямъ, прекратилъ противъ насъ этотъ праведный гнѣвъ и повелѣлъ облакамъ излить по обычаю дождь, прекратить засуху и оросить зной земли. Ей, Владычица, Владычица, заступничество міра! Помилуй, напитай дѣтей молокомъ, старцевъ утружденныхъ, бѣдняковъ из-
сушенныхъ; не допусти погибнуть намъ въ нашихъ грѣхахъ; мы согрѣ- 726
шили, законъ нарушили, осквернили чистую одежду крещенія, отвергли заповѣди Владычни; но, и падая, не простираемъ своихъ рукъ къ богу чужому, но къ единородному твоему Сыну, Господу Нашему Іисусу Христу, поклоняемому и славимому со Отцомъ и Святымъ Духомъ, нынѣ и присно, и во вѣки.

О рѣкѣ Іорданѣ.

Почему, помимо всѣхъ земныхъ рѣкъ, Христосъ совершаетъ таин- 725
ство крещенія въ рѣкѣ Іорданѣ? Необходимо разсказать о природѣ рѣки, чтобы отсюда узнать соотвѣтствіе съ установленнымъ таинствомъ. Исключительно въ Іорданѣ есть два коренныхъ источника; не изъ одного источника течетъ Іорданъ. Одинъ источникъ его въ Панеадѣ, другой близъ Панеады; одинъ источникъ называется Іоръ, другой Данъ; нѣсколько протекши въ раздѣльности другъ отъ друга, эти источники въ извѣстномъ мѣстѣ взаимно сливаются и образуютъ одну рѣку. Древніе дали ему имя по коренннымъ источникамъ, сначала раздѣляющимся и въ концѣ соединяющимся; Іорданъ—рѣка, рожденная Іоромъ и Даномъ. Не въ примѣръ опять всѣмъ рѣкамъ, эта не течетъ въ живое море; его принимаетъ не живая вода моря, но принимаетъ его мертвое море. Онъ только, не какъ всѣ рѣки, соединяется съ мертвыми и безплодными водами. Іорданъ есть образъ нашего смертнаго рода, и слушай, какъ. Сначала нашъ родъ имѣлъ два корня: Адама, образованнаго изъ земли, (и) Еву, происшедшую отъ ребра; не одно мѣсто, и не одинъ способъ устройства. Онъ образованъ былъ изъ земли, имѣлъ источникомъ землю; она была отъ ребра, имѣла корнемъ ребро; одно начало того, и другое этой. Пока они были въ отдѣльности другъ отъ друга, по способу образованія; но сошлись (потомъ) въ брачный союзъ, сдѣлалось изъ обоихъ одно тѣло, и рождавшіеся рождались уже болѣе не отъ ребра или изъ земли, но отъ сожительства (ихъ): будутъ два *въ плоть едину* (Мѳ. XIX, 6). Этотъ нашъ образъ, протекши послѣдовательность природы, закончился смертью. Начался нашъ образъ изъ земли и прекратился смертью; его приняло мертвое море, глубокое, преисподнее, мертвая бездна. Что мер-

твое море для живыхъ водъ, то адъ для умирающихъ. Потому Павелъ говоритъ: *да не речеши въ сердцы твоемъ: кто снидетъ въ бездну? сирѣчь Христа отъ мертвыхъ возвести* (Рим. x, 6, 7). Итакъ, относительно этого Іордана, истекающаго изъ живыхъ источниковъ и разрѣшающагося въ мертвое море, все чудодѣяніе Божіе совершалось (для того), чтобы живая вода не текла болѣе къ смерти. Трижды его раздѣлилъ Богъ, чтобы въ немъ не было болѣе теченія къ мертвому морю, но чтобы онъ востекалъ къ древнимъ живымъ корнямъ. Онъ былъ разсѣченъ при Іисусѣ Навинѣ; разсѣченъ былъ и при Иліи, когда милотью онъ разсѣкъ его; разсѣченъ былъ Елисеемъ, когда, возвращаясь, онъ разсѣкъ его. Первый Іисусъ Навинъ разсѣкъ Іорданъ, и слушай, какъ. Не остановилъ струи источниковъ, но обратилъ воду назадъ, какъ свидѣтельствуетъ псаломопѣвецъ словами: *что ти есть море, яко побѣгло еси, и тебѣ Іордане, яко возвратился еси вспять* (Пс. cxiii, 5)? То, что позади, сдѣлалось источниками. Спаситель, освобождая нашъ родъ отъ теченія къ смерти, дѣлаетъ, что онъ болѣе не течетъ къ смерти, но возвращается къ древнимъ живымъ корнямъ, не разрѣшается въ мертвое море. Итакъ, возстановляется смертная природа въ древній видъ. Ни одинъ разсѣкатель Іордана не является безъ нѣкотораго символа. Іисусъ Навинъ разсѣкъ съ ковчегомъ, Илія съ милотью, Елисей разсѣкъ опять съ милотью учителя. Такъ какъ смертная природа не достаточна была сама по себѣ остановить теченіе, то входитъ Іисусъ (Навинъ) первый, съ именемъ Владыки, неся съ собою кивотъ, символъ Владычняго тѣла. И оказывается, Іорданъ ни Іисуса не почтилъ, (какъ) только человѣка,
726 разумѣю Навина, ни іудеевъ не устыдился, ни предъ священниками не поворотился. И чтобы показать, что не народу онъ уступаетъ, но кивотъ уважаетъ, Іисусъ говоритъ: *се кивотъ Господа всея земли преходитъ Іорданъ. И будетъ егда почіютъ ноги жерцевъ воздвизающихъ кивотъ,* Іорданъ *оскудѣетъ* (Іис. Нав. iii, 11, 13); не священниковъ уважаетъ, но кивотъ. И слушай, почему такъ. Спрашиваетъ его Давидъ словами: *что ти есть море, яко побѣгло еси, и тебѣ Іордане, яко возвратился еси вспять?* На это созданіе отвѣчаетъ словами: *отъ лица Господня подвижеся земля* (Пс. cxiii, 7). Лицомъ Господа былъ видъ ковчега. Чѣмъ былъ кивотъ для закона, скрижалей, стамны и жезла, тѣмъ была плоть Владычня для необъятнаго божества, какъ въ кивотѣ носившая божество. Объ этомъ святомъ кивотѣ говорилъ блаженный Давидъ: *воскресни Господи въ покой твой, ты и кивотъ святыни твоея* (Пс. cxxxi, 8). И смотри, что онъ дѣлаетъ: Іорданъ высохъ, не потерявъ своихъ струй, но отступивъ къ древнимъ корнямъ. Взялъ Іисусъ отъ Іордана *двенадесять каменей* великихъ, и поставилъ ихъ по ту сторону рѣки; положилъ же вмѣсто нихъ *другія двенадесять каменей* въ рѣкѣ (Іис. Нав. iv, 8, 9). Чего онъ желаетъ тѣмъ, что кряду взялъ двѣнадцать камней, и вмѣсто нихъ положилъ другіе двѣнадцать? Какъ я раньше сказалъ, онъ осво-

бождаетъ смертную природу; или лучше—желаетъ показать, что вытаскиваетъ человѣчество изъ глубины и возводитъ на небо. Онъ извлекъ на свѣтъ камни, никогда не созерцавшіе солнечныхъ лучей, не принимавшіе свѣта; они были вытащены изъ глубины на землю. Почему онъ взялъ оттуда двѣнадцать камней? Потому что двѣнадцатью апостолами (Господь) намѣренъ былъ освободить человѣчество отъ смертной природы. И вотъ: онъ взялъ снизу камни, чтобы обнаружить ихъ предъ солнцемъ и свѣтомъ, и для яснаго созерцанія будущимъ людямъ, какъ они перешли Іорданъ; эту именно причину онъ обозначилъ: *егда вопроситъ тебе сынъ твой, глаголя: что суть каменіе сіе?*—скажи ему, что по сушѣ мы перешли Іорданъ, когда Богъ удержалъ воду предъ лицомъ нашимъ (Іис. Нав. IV, 6, 7). И вотъ: вынесенные камни были положены, чтобы были явны для будущихъ (поколѣній); (но) почему вмѣсто нихъ были положены (другіе)? Онъ взялъ изъ глубины погруженные въ глубину, и опять далъ глубинѣ залогъ спасенія. Положенные камни — залогъ, взятые—постоянство. Важно изслѣдовать это: почему положены камни, и почему взяты камни? Христосъ и беретъ и даетъ. Онъ пришелъ въ міръ: принялъ наше тѣло, далъ намъ Свою силу. Чрезъ апостоловъ Онъ обратно полагаетъ въ рѣкѣ двѣнадцать камней, залогъ спасенія и задатокъ будущаго. Дающій кому-нибудь нѣчто на дѣло даетъ ему залогъ на будущее. Такъ какъ это имя (Іисусъ) имѣло въ будущемъ сохраниться за Нимъ, когда Онъ намѣренъ былъ креститься отъ Іоанна, то, напередъ взявъ, Онъ положилъ залогъ пришествія, и поставилъ (также) камни, которые взялъ оттуда, (т. е.) патріарховъ, которыхъ воскресилъ тогда; (камни же) которые положилъ вмѣсто нихъ—(это) апостолы, которыхъ далъ за нихъ: *вмѣсто отецъ твоихъ быша сынове твои* (Пс. XLIV, 17). Такъ онъ (І. Навинъ) перешелъ Іорданъ, и дѣлается Іорданъ для Іисуса Навина началомъ обладанія землею. Пока онъ не перешелъ Іорданъ, не получалъ въ наслѣдство обѣтованной земли; пока Христосъ не вступилъ въ Іорданъ, не начиналъ проповѣди о царствѣ. Іорданъ—начало обладанія землею; Іорданъ—начало обладанія царствомъ небеснымъ. Поэтому пророкъ (Пс. XLI, 7) говоритъ: буду помнить о Тебѣ, Господи, *отъ земли Іордански*, (это) память непрерывная. Такъ перешедшій Іисусъ разсѣкъ Іорданъ, показавъ предъ нимъ ков- 727
чегъ. Илія разсѣкъ милотью, мертвою кожею, и живыя воды послушались мертвенной милоти; разсѣкъ Іорданъ Илія милотью, и съ тѣмъ перешелъ, чтобы взойти на небо. Возвратился блаженный Елисей съ милотью учителя, послѣ просьбы къ нему: *духъ иже въ тебѣ* да будетъ *сугубъ во мнѣ;* говоритъ *ему: ожесточилъ еси просити; аще узриши мя вземлема отъ тебе, будетъ ти* (4 Цар. II, 9, 10), т. е., ты удостоишься двойного дѣйствія Святаго Духа. Потомъ онъ былъ взятъ; была поднята на воздухъ милоть, и упала къ ученику; онъ взялъ залогъ и поспѣшилъ къ рѣкѣ, попытался разсѣчь Іорданъ, но не 728

послушалась вода; въ затрудненіи Елисей говоритъ: *гдѣ Богъ Иліинъ апфо* (ст. 14), и послѣ этихъ словъ ударилъ по водѣ вторично, и раздѣлился Іорданъ. Почему вода не послушалась его первый разъ? Чтобы онъ не думалъ, что она послушалась за его прежнее достоинство, которое было у него; и потому онъ призвалъ Бога и говорилъ: *гдѣ Богъ Иліинъ апфо?* Почему онъ сказалъ: *гдѣ Богъ*? Не зналъ развѣ пророкъ, что Богъ на небѣ, и на землѣ, и всюду? Но такъ какъ ему сказалъ Илія: *аще узриши мя вземлема, будетъ ти тако...* (здѣсь совсѣмъ прерывается).

О фарисеѣ и о блудницѣ.

Произнесено во святой и великій четвергъ.

727 Кто желаетъ, всякое время удобно для покаянія. Каждому возможно, по желанію, и весною произрасти хорошую жизнь, и лѣтомъ собрать снопы спасенія, и осенью замѣтить вредъ и порчу души, и зимою избѣгнуть зимы беззаконій; при всякой перемѣнѣ (возможно) измѣниться на лучшую перемѣну: и ночью уклониться отъ ночи грѣха, и днемъ убѣжать къ свѣту чистой совѣсти и прибѣгнуть къ создателю; настоящее время, огражденное воздержаніемъ и постомъ, болѣе удобно для покаянія, но не всѣмъ. Какой-то голосъ почти-что говоритъ: если кто приходитъ ко мнѣ, я, взявъ его, возведу къ общему создателю. Окрылимъ же самихъ себя вѣрою и покаяніемъ и взлетимъ къ нашему творцу: и мы, какъ первородные сыны церкви, и вы, какъ бы зародыши, лежащіе въ нѣдрахъ церкви и желающіе съ любовію принять блаженные и немучительные ро́ды и сдѣлаться дѣтьми поборника за насъ (а благодать вѣры необходима и вамъ, имѣющимъ насладиться тѣхъ же благъ); мы—чтобы омыть слезами царскую одежду, которую ношеніемъ загрязнили, а вы—чтобы имѣть возможность одѣться ею, и сохранить чистою отъ всякой грязи. Безъ чистой вѣры никому не возможно удостоиться человѣколюбія Божія. Мое слово подтверждаетъ, кромѣ иныхъ безчисленныхъ (примѣровъ), та блудница, которая владѣла вѣрою и покаяніемъ, какъ бы двумя свѣтильниками, прибѣгла къ небесному жениху и сдѣлалась невѣстою Христовою въ одинъ день. Но такъ какъ я вспомнилъ о блаженной блудницѣ—называю пока нарицательное ея имя (чтобы намъ знать, кто она прежде и что̀ послѣ)—то желаю ввести ее во святую церковь, чтобы и намъ поучиться отъ нея, какъ должно намъ подойти ко Христу, и получить избавленіе отъ грѣховъ. Сдѣланное ею—ясное свидѣтельство, что̀ должно дѣлать намъ; и разговоръ Спасителя съ нею будетъ утѣшеніемъ для грѣшниковъ. Кто слышитъ, что жена, покрытая безчисленными нечистотами, получила награду дѣвства, такъ какъ прибѣгла только къ Нему и облила Его ноги теплыми каплями слезъ, тотъ

пусть покажетъ въ себѣ такой же образъ, чтобы пожать такой же плодъ. Кто, обсуждая ея перемѣну и отплату (ей), не выработаетъ того же самаго намѣренія, чтобы пріобрѣсть одинаковое воздаяніе? Чтò есть блудница, какъ не погибель, не открытое поношеніе природы, не публичное торжество надъ женскимъ поломъ, оскорбленіе души и тѣла, усладительная язва, убѣленный гробъ, необузданныя и ненавистныя уста ада, украшенное преддверіе смерти, усладительный ядъ, дерзкое безстыдство, поборъ безстыдный, красивая гибель, приманка распутства, петля юношей, торгашъ собственными членами, глубина погибели, любимое кораблекрушеніе, общее несчастіе всякаго грѣха, дерзкій притонъ, учитель всякаго беззаконія, устроитель вражды къ Богу, матеріалъ для вѣчнаго геенскаго огня? Однако служительница стольких и такихъ золъ вписана въ евангельскихъ книгахъ, такъ какъ, вопреки (своему) обычаю, возлюбила цѣломудріе. Раскрывъ ихъ (книги), воспользуемся ея исторіей, какъ она получила пользу отъ Христа. *Моляше нѣкій отъ Фарисей* 728
Іисуса, *дабы ялъ съ нимъ: и вшедъ въ домъ Фарисеовъ, возлеже* (Лук. VII, 36). Кто видѣлъ, что царь приглашается воиномъ? Кто видѣлъ, что владыка кормится рабомъ? Кто видѣлъ, что такая высота сходитъ до такого смиренія? О, чрезмѣрная изумительность! О, божественное снисхожденіе! Онъ не сказалъ позвавшему фарисею: ты зовешь на обѣдъ Меня, Кто зоветъ всѣхъ людей на обѣдъ небесный; ты зовешь на обѣдъ Меня, Кто насытилъ цѣлый народъ пятью хлѣбами; ты зовешь на обѣдъ Меня, Кто даетъ пищу всякой плоти! Ничего такого не сказалъ Спаситель, но, молча, возлегъ въ домѣ фарисея. Онъ напередъ зналъ, какой обѣдъ Онъ намѣренъ былъ приготовить; уже зналъ, что имѣетъ подойти къ Нему блудница и спастись, и всюду къ окружающимъ обращалъ взоръ, смотря на дверь, и только что не восклицалъ возлежащимъ: Я буду ѣсть пищу, которую вы немного спустя увидите; Я буду ѣсть пищу — спасеніе имѣющей подойти ко Мнѣ жены; Мое питаніе—обращеніе людей; Мое питаніе—жизнь Моихъ рабовъ; Мой пиръ—раскаяніе грѣшниковъ; Моя услада—разрѣшеніе осужденныхъ; Мое угощеніе—освобожденіе плѣнныхъ. Когда Спаситель говорилъ это на ложѣ взоромъ и видомъ, *се жена во градѣ, яже бѣ грѣшница.* Подъ прицѣлъ небеснаго Царя прибѣжала добыча; ловецъ уже возлежалъ готовымъ, и ловитва поспѣшила къ ловцу: *и се жена во градѣ; яже бѣ грѣшница.* (Это) два тяжкихъ знака нечестія. Скажи мнѣ, евангелистъ, названіе ея, напиши имя жены; узнаемъ, какъ она называлась. Она имѣла названіемъ грѣхъ и именемъ дурное поведеніе. Увидѣвъ, что Іисусъ возлежалъ въ домѣ фарисея, она сказала сама себѣ: внутри Христосъ, изливающій человѣколюбіе и источающій милосердіе; внутри Христосъ, дающій и словомъ исцѣленія и звукомъ врачеванія; внутри Христосъ, прославляемый ангелами и живущій между людьми, какъ одинъ изъ нихъ; внутри Христосъ, сопрестольный Отцу и подъ одною кровлею съ фарисеемъ; внутри Хри-

стосъ, питающій всѣхъ божествомъ и питаемый человѣчествомъ; внутри Христосъ—и терпитъ фарисейскую трапезу исполняющій всякимъ благомъ всякую трапезу; и Онъ вполнѣ удостоилъ войти въ домъ фарисея, безгрѣшный, вполнѣ попустилъ угощеніе Себя грѣшникомъ. У меня есть хорошія надежды относительно моего нечестія: такимъ явившійся относительно фарисея, и относительно меня во всемъ будетъ добръ и человѣколюбивъ.

Я нашла, какъ желала, общее умилостивленіе; нашла находящаго ищущихъ Его, нашла отыскивающаго желающихъ Его, нашла прибѣгающаго къ бѣгущимъ и предваряющаго приходящихъ къ Нему, нашла удобныя для меня время и мѣсто. Подойду къ чистому источнику, огрязненная сладострастіемъ; не останусь оскверненною, когда явился такой источникъ; омою самое себя задаромъ,—такъ желаетъ источникъ. Подойду къ вѣчному свѣту—онъ полезенъ и днемъ, какъ ночью; увижу небесный свѣтъ въ свѣтѣ; подойду къ солнцу правды, навлекающая на себя мракъ неправды. Кто, обращаясь со свѣтомъ, не получаетъ части
729 свѣта? Подойду къ Царю небесъ, пришедшему для меня ко мнѣ, занявшему этотъ домъ и давно, кажется, ожидающему моего прихода; подойду къ небесному врачу, отверженная всѣми; подойду къ небесному врачу, болѣющая при здоровьѣ; такъ, увидѣвъ меня, Онъ можетъ положить на мои страсти лѣкарство, которое можетъ усыпить всю боль. Покажу знающему свои раны, и возьму лѣкарство. Подойду къ единой жизни, отдѣлившая самое себя отъ жизни самою дурною жизнью; подойду къ человѣколюбивому судьѣ, осужденная. До воскресенія мертвыхъ разрѣшу свой долгъ, до страшнаго суда избѣгну суда, предъ ужаснымъ сѣдалищемъ незамѣтно похищу свое наказаніе; прежде, чѣмъ увидѣть, что Христосъ является судьею, увижу, что Онъ человѣколюбно бесѣдуетъ; прежде, чѣмъ устрашиться наказывающаго, приласкаюсь къ присутствующему. Я не первая осмѣливаюсь на бесѣду съ Нимъ; уже и другая, какъ слышала я, жена самарянка, при законѣ беззаконная, встрѣтилась съ источникомъ при источникѣ, и отошла, почерпнувъ богопознаніе. И опять иная какая-то жена хананейскаго рода, свободная отрасль проклятаго и рабскаго сѣмени, подошла съ просьбою противъ демона, насильно властвовавшаго надъ ея единородною; она возвратилась, получивъ власть противъ демона: мать стала врачомъ для дочери, а этотъ жестокій и грубый демонъ, устрашенный повелѣніемъ голоса Христова, не осмѣлился болѣе приблизиться къ дѣвицѣ. Буду подражать этой и я; буду подлѣ Того, Кто все даритъ, можетъ и беретъ; воспользуюсь привычнымъ безстыдствомъ для своей пользы; незваною стану у Спасителя, угощаемаго, имѣя видъ какъ бы гражданства среди многихъ пирующихъ; распущу волосы, и буду оплакивать свое несчастіе; раскрою хитрыя сѣти, чтобы уловить щедро дающаго милость; заплачу разъ хорошо, часто смѣявшаяся худо; заплачу теперь у человѣколюбиваго судьи, чтобы подъ конецъ не

плакать безполезно; посѣтую теперь немного, чтобы не сѣтовать тогда много; залью ноги Христовы слезами, чтобы мнѣ Онъ омылъ мои беззаконія словами; оботру слезы косами, чтобы и для нихъ было отсюда нѣкоторое освященіе; зацѣлую непорочныя стопы, которыя и море цѣловало, чтобы цѣломудренными поцѣлуями извергнуть мнѣ ядъ распутныхъ поцѣлуевъ; обниму божественное тѣло, дѣвственное, изъ Дѣвы, чтобы на свое осужденное тѣло мнѣ перевести нѣкоторую каплю правды изъ того святого тѣла. Склонится къ этому милосердый; помилуетъ припадающую, которую не наказалъ согрѣшающую; помилуетъ колѣнопреклоненную, которой безпорядочно пляшущей постоянно благодѣтельствовалъ; помилуетъ желающую спасенія, которую кротко поднималъ, нашедши погибающею. Онъ не переноситъ искреннихъ слезъ, не можетъ и для меня не явиться тѣмъ, что̀ Онъ есть по природѣ, милосердымъ; много можетъ предъ Нимъ стонъ, поднимающійся изъ глубины души; большое дерзновеніе имѣетъ у Него покаяніе; скажетъ всячески и мнѣ нѣчто кроткое, тихое и приличное Его божеству. Такъ размышляла мудрая, такъ дѣлала вѣрная. И нарядившись въ женское покрывало, подѣвически, а не поблудничному, и скрывши такъ весь свой ликъ, до тѣхъ поръ для всѣхъ открытый, какъ въ театрѣ, и тщательно осмотрѣвшись отовсюду, чтобы никакой блудничный видъ не вошелъ съ нею къ Господу, съ обличеніемъ ея,—она вбѣжала въ домъ фарисеевъ и, ставъ подлѣ ногъ Владыки, исполнила задуманное желаніе: *принесши алавастръ мνра, и ставши при ногу его созади плачущися, начатъ умывати нозѣ его слезами, и власы главы своея отираше, облобызаше нозѣ его, и мазаше мνромъ* (Лук. VII, 37, 38). Она говоритъ молча и восклицаетъ молча, поднимаетъ крикъ въ душѣ къ умѣющему слышать страдающія души и, при молчащихъ устахъ, слезами пишетъ такое моленіе. Я брошена, какъ погибшая овца, но узнала Тебя, моего пастыря и Господа; по волѣ, я захвачена дикими звѣрями, но пришла къ мысли избѣгнуть острыхъ укусовъ волка; часто, по желанію, терпѣла кораблекрушеніе, но спасена, удержавшись за Твое пришествіе, какъ за якорь. Но у меня нѣтъ дерзно- 730
венія: всякій грѣшникъ безъ дерзновенія; нѣтъ никакихъ оправдательныхъ словъ: безотвѣтенъ всякій грѣшникъ и беззаконникъ; нѣтъ голоса: безъ голоса всякій осужденный; порочная совѣсть заграждаетъ мои уста, которыя развратила моя распутная жизнь; обвинитель—богатство давитъ мой языкъ всегдашнимъ внутри меня восклицаніемъ: затвори уста; уста грѣшниковъ не дерзновенны для ходатайства, языкъ осужденный не удобенъ для моленія и обманчивое слово не пристойно для просьбы. Молча, я учу Тебя, знающаго все обо мнѣ; взглядомъ говорю, образомъ восклицаю, глазами проповѣдую о беззаконіяхъ, слезами объявляю погрѣшности, стономъ возвѣщаю, что только отъ Тебя не въ силахъ укрыться. Какъ плѣнница, со всѣмъ своимъ оружіемъ падаю подъ Твои ноги, Царя небеснаго; и все свое тѣло, которымъ воевала противъ Тебя, или лучше,

противъ себя, приношу къ Тебѣ, человѣколюбецъ! Помилуй эту голову, *яко беззаконія моя превзыдоша главу мою* (Пс. XXXVII, 5); помилуй эти волосы, которые Ты создалъ; помилуй эти глаза, которые Ты устроилъ; помилуй эту грязь, которую Самъ преобразилъ въ красоту, а я воспользовалась красою для безобразной непристойности; помилуй Твой образъ, надъ которымъ непріятель надругался, какъ желалъ; помилуй Твою колонну, которую, какъ не имѣющую Владыки, увлекъ Твой врагъ; прими, какъ выкупъ, слезы и разрѣши, какъ благой, обвиненія; пожелай только, и я разрѣшена; дай знакъ только, и я искуплена; прикажи, и желаемое совершено. Чего Ты желаешь—совершается, и слово Твое—дѣло. Я получу свободу отъ пречистыхъ Твоихъ ногъ, какъ похитила врачеваніе отъ края Твоей одежды кровоточивая, когда Ты пожелалъ этого хищенія; и я буду повѣствованіемъ для послѣдующихъ за мною о Твоемъ человѣколюбіи. Отпусти меня, и что обо мнѣ—(это будетъ) для послѣдующихъ родовъ прекраснымъ воспоминаніемъ о Твоемъ милосердіи; пусть говорятъ всѣ, что нѣкогда беззаконная и осужденная блудница, подойдя къ Іисусу, была оправдана Имъ; и, увидя, всѣ пусть подойдутъ со мною, и восхитятъ Твои дары. Праведный и человѣколюбивый судія, обращающійся съ осужденными по многому человѣколюбію! Сюда къ Тебѣ, какъ судьѣ, я пришла—здѣсь объяви мнѣ отпущеніе; не торжествуй надъ моими грѣхами предъ всякимъ созданіемъ; не объявляй всѣмъ на будущемъ судѣ мои беззаконія; не посылай меня въ адскій огонь, имѣющій своимъ веществомъ жизнь нерадивыхъ. Іисусъ Христосъ, Сынъ Дѣвы Маріи и Создатель Дѣвы! Чрезъ Дѣву и Матерь Твою и опять Дѣву, возстанови чрезъ нее святую меня преступную, и сдѣлай невинною. Будучи также рожденъ женою, Ты знаешь, какъ Ты только знаешь, немощь людей.

Когда такъ говорила сама себѣ вѣрная и умоляющая жена, Спаситель, будучи вблизи, далъ желающей (возможность) воспользоваться желаніемъ, и обнять Свои ноги для ненасытнаго наслажденія; будучи на ложѣ, Онъ и плачемъ ея пользуется, и пируетъ слезами покаянія, и жаждетъ, жаждая милости. Фарисеи тихо перешептывались другъ съ другомъ, говоря: что это за странное и неожиданное зрѣлище? Кто научилъ эту блудницу цѣломудрію? Кто подвигнулъ предавшуюся постыднымъ удовольствіямъ на такія мысли? Не она ли завѣдомый срамъ нашего города? Не она ли жена постоянныхъ желаній? Не она ли обвинительница грѣха для каждаго? Не она ли врагъ цѣломудрія и разрушительница законныхъ браковъ? Не она ли лестью похищала людей? Какъ изъ такой и вдругъ этакая? Какъ любящая смѣхъ и наслажденіе явилась любящею слезы и печаль? Какъ неразумная и неумѣстная, обручающая всѣхъ смерти и образомъ, и взглядомъ, и видомъ, и суетною походкою и всѣмъ тѣломъ—измѣнилась въ этотъ разумный видъ? О, неожиданное измѣненіе! О, странная перемѣна! Они такъ разсуждали, а позвавшій Іисуса

фарисей, порождая хульные помыслы въ своей душѣ, говорилъ: *сей аще*
бы былъ пророкъ, вѣдѣлъ бы, кто и какова жена, которая *прикасается*
ему: яко грѣшница есть (ст. 39). Простой случай, что называется Онъ 731
пророкомъ; и я обманулся съ остальными, введши Его въ свой домъ, какъ
испытателя (всего) неизвѣстнаго. Если бы Онъ былъ пророкомъ, зналъ бы
ясно и будущее. Онъ не знаетъ явной и очевидной для всѣхъ (грѣшницы),—
какъ же можетъ знать тайное для всѣхъ? Какъ Онъ терпитъ блудничныя
руки? Какъ не прогоняетъ прочь не имѣющую ничего невиннаго въ своемъ
тѣлѣ? Какъ не гнушается гнусной и исполненной всякаго постыдства?
Фарисей охуждаетъ великое человѣколюбіе, какъ незнаніе, и снисхожде-
ніе называетъ незнаніемъ, самъ болѣя незнаніемъ происходящаго. *И от-*
вѣщавъ Іисусъ рече къ нему: имамъ ти нѣчто рещи (ст. 40). Я знаю,
что̀ говоришь, ничего не говоря; знаю, о чемъ кричишь молчаливо; знаю,
о чемъ восклицаешь молчаливо; знаю, съ чѣмъ и эта обращается ко
Мнѣ въ мысляхъ; знаю Я, какіе строишь въ душѣ противъ Меня по-
мыслы. Я разскажу рѣчи твоихъ мыслей, объявлю твое богохульство, об-
народую высокомѣріе твоихъ помышленій, такъ какъ я пребываю въ по-
мыслахъ твоей души. Ты говоришь такъ: *аще бы былъ пророкъ, вѣдѣлъ*
бы, кто и какова жена, которая *прикасается ему: яко грѣшница есть.*
Это слова твоей мысли. Какъ бы Я узналъ въ глубинѣ твоей мысли вол-
неніе поднятыхъ помысловъ, если бы не былъ Богомъ, устроителемъ
всего? Какъ подозрѣваешь уже самъ изъ отвѣта, познай, Кто Я, отвѣ-
чающій тебѣ, когда ты ничего не говоришь; Я открываю рѣчи твоей
души. Если бы Я былъ пророкомъ, зналъ бы, кто и откуда жена? А
гдѣ необходимое пророку освѣщеніе для знанія видимаго? Я не знаю
стоящей на площади? Не знаю всѣмъ очевидной? Не знаю вотъ этой,
для которой пришелъ къ тебѣ? Я знаю, кто и откуда эта жена; ничто
не сокрыто отъ божественныхъ очей—ни корыстолюбецъ, ни дурное по-
веденіе; знаю, кто и откуда эта жена, и что она грѣшница; и радъ, что
удерживаюсь ею, такъ какъ ее, робко держащуюся за Меня, спасу, какъ
прилично Богу. Не оскверняюсь ея руками, но дѣлаю ее чистою. Нечи-
стота не омрачаетъ солнца, жемчуга не измѣняетъ грязь, безгрѣшному
не приражается грѣхъ. Не коснулся ли Я недавно прокаженнаго, и стра-
даніе исчезло? Вѣдь прокаженнымъ не сдѣлался, приблизившись къ про-
каженному? Такъ и теперь обычное совершаю чудо: измѣняю ее въ свя-
тость, а самъ не измѣняюсь въ ея качество, терпя прикосновеніе (ея)
руки. Я врачъ, но врачъ не ранъ, гнили и гнойной крови, а совершаю
спасеніе болѣющихъ душою; Я творецъ, и щажу Свое твореніе; Я Вла-
дыка, и не терплю наказанія рабы, любящей Владыку; Я пастырь, и ра-
дуюсь, нашедши Свою блуждающую овцу; Я пристань, и всѣхъ устрем-
ляющихся (ко Мнѣ) принимаю. *Симоне, имамъ ти нѣчто рещи. Два*
должника бѣста заимодавцу нѣкоему (ст. 40, 41). Пока ты стоишь съ
нею въ одномъ ряду; почему возстаешь противъ нея, какъ одинъ только

взошедшій въ крѣпость добродѣтелей? Пока ты стоишь отвѣтчикомъ предо Мною; за что судишь ее, какъ единственно неотвѣтственный? Два должника—ты и она, а заимодавецъ Я; Я далъ въ долгъ тебѣ и женѣ настоящую жизнь. *Единъ бѣ долженъ* динаріевъ *пятіюсотъ, другій же пятіюдесятъ* (ст. 41). Она должна пятьсотъ динаріевъ, такъ какъ во многомъ погрѣшила; ты долженъ пятьдесятъ, такъ какъ немного ошибался; однако ты подлежишь отчету въ жизни. *Не имущема же има воздати, обѣма отда* (ст. 42). Я простилъ тебѣ твои вины, прощаю и ей ея погрѣшности; ты первый вкусилъ Моего пришествія, пусть вкуситъ и она Моего непамятозлобія. Ты желалъ, чтобы Я явился человѣколюбивымъ къ тебѣ и безчеловѣчнымъ къ ней? Но Я не допускаю взять тебя въ управители Моей благости. Если бы ты занималъ ея мѣсто, а она твое, желалъ ли бы ты, чтобы она о тебѣ то говорила, что̀ ты противъ нея думаешь? Ты не слышалъ, что чего не желаешь себѣ, не дѣлай другимъ; это общій законъ природы. Итакъ, скажи мнѣ: кто *паче возлюбитъ его* (ст. 42)?

Въ отвѣтъ Симонъ сказалъ: *мню, яко ему же вящше отда*. И ему Спаситель: *право судилъ еси* (ст. 43). Итакъ, оставайся при томъ, что̀ ты Самъ первый рѣшилъ. *И обращся къ женѣ, Симонови* говоритъ: *видиши ли сію жену* (ст. 44)? Я не называю уже блудницей бросившую
732 вмѣстѣ съ дѣломъ и имя свое. Видишь эту жену, самозванно вошедшую къ намъ, показывающую собою похвальное безстыдство, дѣлающую безстыдство вожделѣннымъ, предводительницу по пути, который ведетъ ко Мнѣ, начальницу благочестія, учительницу покаянія, научившую дѣломъ дѣлу, непрестанно плачущую, дерзновеніе грѣшниковъ, проповѣдницу Моего милосердія, сдѣлавшую твой домъ церковью, только ее одну молящуюся Единому, смотрящую на Меня, какъ на человѣка, и умоляющую, какъ Бога, преклоняющую колѣни предо Мною, какъ предъ судьею, хотя безъ тѣлохранителей и судейскаго сѣдалища, поклоняющуюся (Мнѣ) возлежащему? Видишь эту жену, неутомимую, совершительницу благого, ткущую себѣ одежду безсмертія своими волосами и слезами, ходатайствующую за себя всѣмъ своимъ тѣломъ, ненасытную въ томъ, чего не нужно было видѣть, и болѣе ненасытную въ томъ, неумѣренность чего ублажается? Разсмотри сдѣланное тобою, и посмотри на сдѣланное ею,—и ты увѣнчаешь со Мною увѣнчавшую самое себя. Если ты не изумишься благочестію и дѣламъ ея, порицай Мое состраданіе. *Внидохъ въ домъ твой* Я, Христосъ, вверху и внизу и всюду и здѣсь такой же, какимъ видишь; пришествіемъ Своимъ почтилъ тебя и домъ твой; и ты *воды на нозѣ мои не далъ еси*; ты не возлилъ на мои ноги удобнаго, легкаго и доступнаго, *сія же*, поносимая тобою, *слезами облія ми нозѣ*, которыхъ не омочаютъ воды и волны цѣлаго моря. Ты видишь (жену) возливающую странное орошеніе на Мои ноги; видишь неожиданный дождь, не изъ облаковъ несущійся, но изъ женскихъ глазъ рождающійся. Какой источ-

никъ изливаетъ столько потоковъ, сколько она слезъ? Какой родникъ не оскудѣваетъ, источая столько капель? *Сія слезами облія ми нозѣ, и власы главы своея отре*; странный лентій она приготовила изъ своихъ волосъ, и неожиданное полотенце сдѣлала для Моихъ ногъ изъ своихъ косъ. *Лобзанія ми не далъ еси*; ты не удостоилъ приложить свои губы къ Моимъ губамъ; *сія же, отнелиже внидохъ, не преста облобызающи ми нозѣ*. О, пріятное усердіе! О, божественные поцѣлуи! О, духовные поцѣлуи, возмѣстившіе за прежнія объятія! *Масломъ главы моея не помазалъ еси*; болѣе цѣнную часть тѣла ты не увлажнилъ простымъ елеемъ, *сія же мѵромъ помаза ми нозѣ*. Итакъ, что̀ тебѣ кажется? Отвергну приносящую Мнѣ такія угощенія? Сброшу съ Себя любезные Мнѣ дары? Не обращусь къ такому расположенію? Не обращусь къ вѣрѣ высшей неба? Презрю столь прекрасное? Презрю жалостные стоны? Но Я не таковъ по природѣ. Презрю источники слезъ? Но Я не могу. Презрю заплаканный образъ? По человѣколюбію только Я принялъ образъ раба. Откажусь отъ самого Себя для тебя? Возненавижу такъ искренно Меня любящую? Оттолкну такъ обнимающую Мои ноги? Прогоню просительницу, не надѣющуюся на это? Исполню волю діавола? Подарю Свою добычу непріятелю? Опять пошлю Свою голубицу къ ястребу? Не сжалюсь надъ не говорящей ничего другого, какъ только—помилуй меня? Не помилую убѣгшую такъ отъ діавола и прибѣгшую ко Мнѣ? Зачѣмъ же Я сошелъ съ небесъ? Зачѣмъ облекся видимымъ тѣломъ? Зачѣмъ Я внутри твоего дома? Если бы Я намѣренъ былъ прогнать ту, которая является и желаетъ быть пойманною, то зачѣмъ Я занялъ мѣсто ловли? Но *не пріидохъ призвати праведники, но грѣшники на покаяніе* (Мѳ. IX, 13); почему говорю тебѣ: *отпущаются ея грѣси мнози, яко возлюби много*. Кто же мало любитъ, мало возлюбится (Лук. VII, 47). Сказавъ это фарисею, Христосъ удостоилъ (жену) прильнувшую къ Нему кроткаго и ласковаго взгляда и рѣчи и, немного нагнувшись къ закрывшейся и молящей, удостоилъ ее желаемаго отпущенія грѣховъ: *отпущаются тебѣ грѣси* (ст. 48). Прими наконецъ, жена, просьбу, скрѣпленную слезами, прими воздаяніе вѣры, прими награду послушанія, прими дары благочестія, прими вѣнецъ покаянія, прими сладчайшій плодъ горькихъ стоновъ, прими сладчайшую жатву печальнаго сѣянія. Ты посѣяла со слезами, съ 733
веселіемъ пожни: *отпущаются тебѣ грѣси*. Разорваны верви худой жизни, расторгнуты оковы порочности; ты освобождена отъ вины и отчетовъ, избѣгла негасимаго огня, немногими слезами погасила столь великій пламень, раздавила главу лукаваго врага, славно побѣдила противника.

Дерзай, дочь: если Богъ оправдываетъ, то кто осудитъ? Я, судья, становлюсь вручителемъ отпущенія: кто другой разрушитъ Мой приговоръ? Я, судья, разрѣшаю: кто иной осудитъ? Дерзай, дочь; подумай,

какъ внезапно ты возвышена, какъ ты пришла точно осужденная—и удостоилась освободиться отъ осужденія и сдѣлаться дочерью Моего небеснаго царства. Ты пришла, какъ раненая, получить лѣкарство, и понесла, какъ царица, царскій вѣнецъ. Ты возрождена помимо утробы, возсоздана помимо грязи, выплавлена помимо огня, крещена помимо купели. Ты сама для себя сдѣлала купель изъ слезъ; рѣчь Моя стала твоимъ крещеніемъ, слово Мое просвѣщеніемъ твоего лица. Дерзай, дочь: *вѣра твоя спасе тя.* Какъ повѣрила,—почерпнула; какъ пожелала,—получила; какъ захотѣла,—стала царицей. Согнулась тѣломъ, и исполнилась вся свѣтомъ. *Вѣра твоя спасе тя.* Вѣра начало спасенія, вѣра введеніе къ безсмертію, вѣра чистое око богопознанія, вѣра усматриваетъ незримое. *Вѣра твоя спасе тя.* О, если бы и іудеи подражали твоей вѣрѣ! О, если бы и эллины поревновали о твоемъ рѣшеніи! О, если бы всѣ люди научились вѣровать, какъ ты! *Иди въ миръ.* Такъ какъ ты пожелала, будешь всегда имѣть Меня съ тобою и въ тебѣ; если останешься такою невинною, Я никогда не отлучусь отъ твоей мысли; если соблюдешь эту чистоту не загрязненною, Я всегда съ тобою пребуду; если останешься дѣвственною невѣстою, Я буду для тебя дѣвственнымъ женихомъ, женихомъ—стражемъ нетлѣнія; если не отвергнешь брачнаго залога, совершеннаго сегодня между нами, Я не прекращу сожительства съ тобою; если не будешь блудницей противъ Меня, Я не отвергну тебя отъ Моего родства; если не допустишь противъ Меня прелюбодѣйнаго помысла, Я подарю тебѣ, какъ небесный женихъ, и все небесное; если сохранишь совѣсть не уязвимою въ отношеніи Меня, будешь постоянно наслаждаться Моимъ благоволеніемъ. *Иди въ миръ.* Помни настоящій день, въ который ты насладилась свободой; помни эти прекрасныя слезы, которыми ты достигла такой свѣтлости; помни
734 это покаяніе, которымъ ты обрѣла достоинство дочери. *Иди въ миръ.* Я примирился съ тобою, печалясь много времени до этого о тебѣ чрезъ тебя. Не разрывай прекраснаго мира низкими дѣлами; не поднимай опять войны противъ Меня своимъ тѣломъ; не сплетай опять по-сатанински волосъ; не убѣляй, какъ стѣну, своего лица; не измышляй суетнаго и гибельнаго украшенія; не предлагай, какъ на площади, взгляда своего купцамъ постыдныхъ удовольствій; не устремляй очей, какъ ловецъ, противъ добровольно уловляемыхъ; не пользуйся губами, какъ стрѣлами, противъ охотно ранящихъ себя; не дѣлай устъ своихъ смертью; не порочь рукъ непристойными объятіями; не осуждай ногъ постыднымъ бѣганьемъ; не извращай прекраснаго своего бѣганья худымъ бѣганьемъ; не разбрасывай жемчуга невинности, который безъ труда ты собрала; не будь опять притокомъ порчи; не устремляйся опять къ старому своему обману; не возстановляй прежней палатки; не созидай худо того, что́ прекрасно разрушила; не принимай въ совѣтники змѣя, чтобы не обнажиться тебѣ, какъ Евѣ; не покидай источ-

ника вѣры для удовольствія, чтобы многообразный драконъ не отравилъ тебя ядомъ; не усыпляйся сномъ сладострастія, чтобы не возбудить противъ себя Моего праведнаго гнѣва; не принимай на себя грязи послѣ такого мира; не будь опять, чѣмъ была; разъ очищена, разъ сплавлена; останься вновь сдѣланнымъ украшеніемъ цѣломудрія, чтобы не плавиться въ огнѣ. *Иди въ миръ.* Возвѣщай встрѣчнымъ, какъ благъ Я и человѣколюбивъ; указывай не знающимъ смывшаго твою нечистоту; будь впредь сѣтью жизни. До настоящаго дня ты охотилась за юношами для погибели (ихъ); съ настоящаго дня уловляй всѣхъ людей для спасенія; восклицай вмѣсто Павла, будто раньше Павла уловленная: *вѣрно слово и всякаго пріятія достойно, яко Христосъ Іисусъ пріиде въ міръ грѣшники спасти, отъ нихже первая есмь азъ* (1 Тим. I, 15). Поревнуемъ и мы всѣ покаянію ея, чтобы пріобрѣсти равное дерзновеніе; разрѣшимъ неправды, какъ она волосы; прольемъ такія же слезы, чтобы получить такія же лѣкарства; будемъ такъ любить Владыку, чтобы Онъ такъ любилъ насъ; будемъ держаться и мы руками вѣры за Того, Кто охотно предается, и никогда не покинемъ Его, пока Онъ не скажетъ самымъ дѣломъ и намъ: отпущаются ваши грѣхи; дерзайте, дѣти; вѣра ваша спасла васъ! И вѣру ея напишемъ въ нашихъ мысляхъ, возсылая славу Отцу и Сыну и Святому Духу, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

О тридневномъ воскресеніи Господа нашего Іисуса Христа.

Воскресъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ въ третій день, даруя 733
міру жизнь. И вотъ нѣкоторые изъ стражи, придя къ іудеямъ, сказали: воскресъ изъ мертвыхъ Іисусъ, называемый Христомъ. И говорятъ неразумные іудеи воинамъ: почему вы не удержали Его? Говорятъ воины: вы, удержавъ Его, какую получили пользу, кромѣ вреда для вашихъ душъ? Онъ сказалъ, что должно Мнѣ умереть и въ третій день воскреснуть; и это исполнилъ, воскресши изъ мертвыхъ со многою славою. Говорятъ неблагодарные іудеи: вы получили деньги отъ учениковъ Его и выдали Его тѣло. И говорятъ воины: у васъ такое невѣріе, беззаконники? Вы не повѣрили Его слову, что должно Мнѣ умереть и въ третій день воскреснуть. Горе вамъ, іудеи, такъ какъ Онъ теперь пришелъ, и вы не повѣрили Ему, для того пришедшему, чтобы исполнилось все Писаніе, говорящее о Немъ. Когда Онъ придетъ второй разъ опять, что вы будете дѣлать, беззаконники? И какъ мы могли удержать Его, когда сдѣлались мертвыми отъ страха славы Его? При воскресеніи Его, поколебалось мѣсто съ основаній, и воинства ангеловъ окружили божественный гробъ Его; и, подойдя, одинъ ангелъ отодвинулъ камень отъ двери гроба; и вотъ вышелъ Іисусъ, какъ изъ чертога, блестя, какъ молнія.

И мы услышали, что ангелъ говорилъ женщинамъ: не бойтесь вы; идите, скажите ученикамъ Его, что Онъ воскресъ изъ мертвыхъ, и вотъ Онъ
734 предшествуетъ вамъ въ Галилеѣ; тамъ Его увидите. Итакъ, вотъ Онъ въ Галилеѣ. Если можете, идите, удержите Его. Вотъ мы сказали вамъ истину, которую услышали отъ ангела. Іудеи, услышавъ эти слова, стали, какъ мертвые, отъ страха и изумленія; и переглянувшись между собою, дали достаточно сребрениковъ воинамъ, и просили ихъ словами: скажите, что ученики Его, придя ночью, украли Его, когда мы спали. И если услышитъ объ этомъ начальникъ, мы убѣдимъ его, и васъ сдѣлаемъ безотвѣтственными. О, беззаконные іудеи! Кто убѣдитъ цѣлый міръ? Горе вамъ, жалкіе, что замыслили лукавый совѣтъ, что были названы дѣтьми, но стали собаками! Горе вамъ, жестоковыйные и необрѣзанные, что, будучи избраннымъ народомъ Божіимъ, стали волками и изощрили зубы противъ агнца Божія, и стали чуждыми славы Его! Горе вамъ, неразумные, что возлюбили адъ и вѣчный огонь! Адъ, послѣ выхода находившихся въ его сокровищницахъ, принимаетъ васъ вмѣсто нихъ, со словами: не успокоится ли кто-нибудь изъ евреевъ, которые подняли руку противъ Христа, и меня сдѣлали плѣнникомъ? Если бы они не замыслили лукавства противъ Господа, и я бы не пострадалъ такъ. Когда приму ихъ, спущу ихъ въ самыя нижнія свои части, гдѣ отецъ ихъ, діаволъ, заключенъ въ вѣчный огонь и съ неусыпнымъ червемъ, чтобы не вооружались противъ Господа славы, не говорили бы неправды про-
735 тивъ Бога и не поднимали бы на высоту гордости свой рогъ. Горе вамъ, несчастные іудеи, что, оставивъ свѣтъ, возлюбили тьму! О васъ сказалъ пророкъ Исаія: *горе полагающимъ* свѣтъ тьму и тьму свѣтъ, говорящимъ *горькое сладкое и сладкое горькое* (Ис. v, 20). Горе вамъ, несчастные іудеи, когда увидите, что древу, на которомъ вы распяли Господа, покланяется міръ, и въ день воскресенія и второго пришествія Своего идетъ Господь на облакахъ небесныхъ, окруженный копьеносцами-ангелами, и васъ осуждаетъ! Горе вамъ, іудеи, что держите между собою лукавый совѣтъ умертвить безсмертнаго! Онъ живетъ вѣчно, а вы умерли въ невѣріи, и не повѣрили слову блаженнаго Павла: *Христосъ ны искупилъ есть отъ клятвы законныя, бывъ по насъ клятва* (Гал. ііі, 13). Но мы, оставивъ злыхъ и непокорныхъ іудеевъ, пойдемъ къ свѣту Солнца правды, и съ радостью примемъ воскресеніе Господа. Итакъ, воскресъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ изъ мертвыхъ, и встрѣтили Его двѣ жены, т. е., Марія Магдалина и другая Марія, которая есть Матерь Іисуса, и поклонились Ему. Что же Онъ? *Не бойтеся*, но *идите*, скажите *братіи моей* и Петру, *да идутъ въ Галилею, и ту мя видятъ* (Мѳ. xxviii, 10). Итакъ, эти жены первыми приняли отъ Него радость и поспѣшили проповѣдать апостоламъ о Его воскресеніи, и отошли къ себѣ, получивъ радость отъ Владыки твари. Марія Магдалина опять пришла ко гробу; и не найдя Его, услышала ангельскій голосъ, повто-

ряющій то, что она слышала и отъ Господа, что Онъ предваряетъ въ Галилеѣ; и обратившись видитъ, что Господь говоритъ ей. Думая, что Онъ—стражъ сада, спрашиваетъ, не знаетъ ли, гдѣ Христосъ положенъ. Іисусъ говоритъ ей: Марія, чего ты плачешь, чего ищешь? Перестань плакать, принявъ радость! Гдѣ радость, исчезли мрачныя слезы; гдѣ радость, убѣгаетъ потупленная скорбь; гдѣ радость, нѣтъ печали, гдѣ радость, знаки веселія. Я Сынъ Дѣвы, Я Іисусъ, побѣдитель ада, Я побѣдитель міра, Я опустошитель ада. Я Іисусъ, благовѣстившій мертвымъ надежду воскресенія, Я добровольно претерпѣвшій крестъ за спасеніе міра, Я Іисусъ, тридневно воскресшій изъ мертвыхъ, какъ предсказалъ, и произнесшій вамъ: радуйся. *Небо и земля мимоидетъ, словеса же моя не мимоидутъ* (Мѳ. XXIV, 35). Я Іисусъ, одѣватель крещаемыхъ; обо Мнѣ Павелъ возглашалъ: *елицы во Христа крестистеся, во Христа облекостеся* (Гал. III, 27). Я Іисусъ, невѣстоводитель просвѣщенныхъ; Я Іисусъ, женихъ церкви; Я Іисусъ, податель мира и веселія. Перестаньте плакать, и одѣньтесь въ радость; перестаньте сѣтовать, и благовѣстите апостоламъ. Это день, въ который Я удалилъ со всякаго лица слезу; это день побѣды надъ смертью и жизни для находившихся въ адѣ; это день, въ который (Я), первородный, воскресъ изъ мертвыхъ и доставилъ міру радость; это день, въ который Петру и остальнымъ апостоламъ Я объявляю чрезъ васъ Євангеліе Моего воскресенія. И пойдя, *рцыте ученикомъ* Моимъ и Петру, *яко воста отъ мертвыхъ: и се варяетъ вы въ Галилеи: тамо его узрите* (Мѳ. XXVIII, 7). Видишь милосердіе Владыки? Онъ не назвалъ по имени ни одного изъ апостоловъ, кромѣ Петра. Почему, Господи, Ты назвалъ только его имя? Почему? Слушай, почему Я назвалъ только его по имени. Потому что остальные не сказали: если намъ нужно будетъ умереть съ Тобою, мы не отречемся отъ Тебя; а онъ сказалъ, (и) отрекся отъ Меня трижды, (но) раскаявшись, горько плакалъ. Должно быть, онъ боится подойти къ лицу Моему, думая, что не отпущенъ грѣхъ. Вслѣдствіе этого Я сказалъ: и Петру,—чтобы, не колеблясь, шелъ съ остальными моими учениками, и увидитъ Меня. Скажите Петру, чтобы онъ нисколько не робѣлъ. Я не умалилъ тебя предъ сонмомъ апостольскимъ. Хотя и Іоанна Я люблю, и поручилъ ему, какъ непорочному, Свою матерь при крестѣ,—однако и тебѣ я далъ ключи царства небеснаго. Ты нисколько не робѣй придти ко Мнѣ: *еже аще свяжеши на земли, будетъ связано на небесѣхъ* (Мѳ. XVI, 19). Не бойся, Петръ; Я не от- 736
странилъ тебя отъ предсѣдательства между соучениками твоими; что̀ Я тебѣ обѣщалъ, исполню. На твоей вѣрѣ, твердой, какъ камень, Я создамъ церковь Свою, и врата ада не овладѣютъ ею. Ты будешь пастыремъ овецъ, ты будешь пасти моихъ агнцевъ, ты станешь направо отъ Меня, какъ военачальникъ. Не бойся, что ты отрекся отъ Меня; Я видѣлъ твои слезы, и отпустилъ твой грѣхъ. Было бы хорошо и Іудѣ, предавшему Меня, если бы онъ не удавился и покаялся; Я Богъ кающихся. Для того

Я и сошелъ на землю, чтобы даровать міру покаяніе. Мытарямъ и блудницамъ Я такъ много простилъ грѣховъ, и тебѣ ли не прощу одного? Я люблю кающихся. Вспомни, что я плакалъ объ Іудѣ, и не желалъ его погибели. Ему было бы хорошо, если бы, когда бросилъ сребренники въ храмѣ, не удавился и покаялся; но, такъ какъ онъ остался безъ покаянія, за это мучится вѣчно. А ты не бойся; Я видѣлъ твои слезы, и отпустилъ тебѣ грѣхъ. Давиду, совершившему два нечестія, прелюбодѣйство и убійство, Я простилъ и возвелъ въ прежній чинъ пророчества; и тебѣ ли не прощу одного грѣха, покинувшему все, что пріобрѣлъ? Петръ! Это Я сказалъ: *радость будетъ на небеси о единомъ грѣшницѣ кающемся* (Лук. XV, 7); это Я сказалъ: *пріидите ко мнѣ вси труждающіися и обремененніи, и азъ упокою вы* (Мѳ. XI, 28). Хорошо было бы и Іудѣ, если бы обратился ко Мнѣ, не удавился, не погубилъ бы самого себя; и его грѣхъ Я пригвоздилъ бы ко кресту. Онъ самъ предъ собой былъ виновенъ. Я даже не проклялъ его; скорѣе, подобно остальнымъ, и его умылъ ноги, и ему удѣлилъ отъ хлѣба и чаши; ни въ чемъ бы его не обвинилъ, если бы какъ-нибудь онъ пришелъ къ покаянію; но не пожелалъ онъ придти къ сознанію своего грѣха. А ты покайся; не бойся придти ко Мнѣ на глаза съ сoучениками твоими; настолько тебя Я не умалилъ, что даже тѣнь твоя въ состояніи исцѣлять больныхъ. И посмотри на человѣколюбіе Божіе: чрезъ этихъ женъ Онъ благовѣститъ ученикамъ, и особенно обезчещенный, чрезъ преслушаніе Евы, полъ ведетъ къ чести и благимъ надеждамъ. Вы видѣли, какой чести удостоились жены за свое усердіе? Будемъ подражать имъ въ ревности и мы, мужи и жены, и по силѣ почтимъ день воскресенія! Какъ онѣ оставались всю ночь до времени воскресенія, и мы останемся, не съ миромъ и ароматами чувственными, но съ благоуханіемъ благихъ дѣлъ и лучшей жизни, съ напряженною молитвою, съ исповѣданіемъ грѣховъ. Какъ онѣ получили въ награду за терпѣніе то, что раньше всѣхъ остальныхъ удостоились видѣть Его послѣ воскресенія, удержать ноги и поклониться,—такъ возможно и каждому изъ насъ, если пожелаемъ, удержать не только ноги, но и всего Его,—только если напередъ очистимъ мысль отъ всякаго житейскаго помысла, смывъ грязь грѣховъ слезами, милостынею; въ тотъ особенно часъ, когда подходимъ со страхомъ и трепетомъ къ ужасной трапезѣ, приблизимся къ божественнымъ тайнамъ, отогнавъ отъ своей мысли всякое волненіе и смущеніе, и въ мирѣ со всѣми. Подходя, пусть никто не имѣетъ внутри себя порочныхъ помысловъ, ни коварства противъ ближняго своего; (пусть не подходитъ) ни порочный, ни блудникъ, ни ругатель, ни братоненавистникъ, ни сребролюбецъ, ни прелюбодѣй, ни пьяница, ни корыстолюбецъ, ни мужеложникъ, ни завистникъ, ни воръ, ни злоумышленникъ, чтобы не получить для себя осужденія. Призываю всѣхъ васъ показать въ себѣ многую любовь, многое благоговѣніе, многое сокрушеніе, чтобы и вамъ понести для себя щедрую награду и быть

въ состоянін не только ноги удержать и руки, но и голову, для наслажденія тѣми страшными и несказанными тайнами,—только если съ чистою совѣстію будемъ участвовать въ непорочныхъ тайнахъ. И не здѣсь только будемъ жить въ чистотѣ, но и въ тотъ день будемъ въ состояніи увидѣть Его идущимъ въ неизреченной той славѣ и съ сонмомъ ангель- 737
скимъ, если пожелаемъ быть кроткими и братолюбивыми; и не только увидимъ Его, но и сдѣлаемся храмомъ Его, какъ сказалъ Господь: вселюсь въ нихъ, *и похожду и буду* ихъ *Богъ* (Лев. XXVI, 12); и не только услышимъ отъ Него: *радуйтесь*, какъ Онъ сказалъ женамъ, но даже слова, удостоивающія царства: *пріидите благословенніи Отца моего,* 738
наслѣдуйте уготованное вамъ царствіе отъ сложенія міра (Мѳ. XXV, 34). Да будетъ, чтобы мы всѣ удостоились этихъ словъ, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава и держава, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

На Рождество Христово.

Сегодня взошло Солнце правды, и скрыло раньше восходившее; я 737
освобожденъ отъ тьмы, и не пользуюсь лучами; для меня опять родился свѣтъ, и омрачаюсь страхомъ; радуюсь рожденію, и смущаюсь его образомъ; вижу, что проистекаетъ новый источникъ, и убѣгаетъ отъ древняго нечестія; вижу, что рождается младенецъ, и небо склоняется для поклоненія Ему; матерь рождаетъ, и утроба не отверзается; дитя запечатываетъ собственное зачатіе; родитель не мужъ, и сынъ безъ отца; Спаситель рождается, и создаетъ Себѣ звѣзду; пеленается младенецъ, и держитъ землю; ясли изображаютъ престолъ небесный, и скотъ—херувимское предстояніе; свѣточъ является, и объявляется чудо; ангелы предвозвѣщаютъ, и пастыри пророчествуютъ; волхвы богословствуютъ, и іереи богоборствуютъ; Иродъ падаетъ, и смерть оплакивается; Адамъ освобождается, Ева радуется, и змѣй скорбитъ; плѣнные отпускаются, и насильники наказываются; младенецъ питается молокомъ, и питаетъ питающую; носится на рукахъ, и носитъ носящую; тварь узнаетъ, и природа устрашается. Отсюда и я изумляюсь чуду, трепещу отъ таинства. Смѣло довѣрюсь Гавріилу, и изгоню свой страхъ. Слова къ Маріи объясняютъ чудо. Какія? И говоритъ (Гавріилъ): *радуйся благодатная* (Лук. I, 28), неизмѣримая пашня небеснаго колоса; радуйся, благодатная, неложно дѣвственная матерь истинной виноградной лозы; радуйся, благодатная, непоколебимая сѣть неизмѣримаго божества; радуйся, благодатная, обширное мѣсто необъятной природы; радуйся, благодатная, невѣста вдовствующаго міра, непорочное рожденіе; радуйся, благодатная, соткавшая для созданія вѣнецъ нерукотворный; радуйся, благодатная, святая обитель огня; радуйся, благодатная, возвращеніе бѣгствующей вселенной;

радуйся, благодатная, неизсякаемая житница голодающей твари; радуйся, благодатная, нескончаемая благодать святой Дѣвы; радуйся, благодатная, носитель свѣтильника, украшенный многими добродѣтелями,—(носитель) свѣта негасимаго и свѣтлѣйшаго (чѣмъ) солнце; радуйся, благодатная, приманка духовной удочки; радуйся, благодатная, духовный кивотъ славы; радуйся, благодатная, златая стамна съ небесною манною; радуйся, благодатная, напоившая жаждущихъ сладкимъ питіемъ вѣчнаго источника; радуйся, благодатная, духовное море съ небесной жемчужиной, Христомъ; радуйся, благодатная, блестящее небо, имѣющее въ себѣ въ небесахъ невмѣстимаго Бога, необъятнаго и пространнаго; радуйся, благодатная, столповидное облако, имѣющее Бога, путеводившаго Израиля въ пустынѣ. Чтó мнѣ сказать, и чтó произнести? Какъ мнѣ ублажить всекоренящую славу? Кромѣ Бога, ты выше всѣхъ. Этимъ словомъ она смущена и, отвращая взоръ, стоитъ тѣломъ (и) изображаетъ зрѣлище крестной исторіи; нерѣшительно стоитъ предъ ангеломъ—ни бѣжать не осмѣливается, ни стоять не дерзаетъ. Видя, что безтѣлесный стоитъ, какъ человѣкъ, она стыдилась оставаться, цѣня дѣвство; не осмѣливалась спросить неподобнаго себѣ. И было лицо Дѣвы исполнено страха; говоритъ сама въ себѣ: что это за привѣтствіе? Кто привѣтствовалъ меня? Онъ превосходитъ блескомъ солнце, и бесѣдуетъ съ грязью; сошелъ съ неба, и привѣтствуетъ дѣву; не облеченъ тѣломъ, и стоитъ подлѣ жены, ступаетъ по землѣ крыльями, какъ ногами. О чемъ онъ спрашиваетъ у земли? По моему, онъ ангелъ, но говоритъ какъ человѣкъ; исходитъ голосъ ко мнѣ отъ безтѣлесныхъ святыхъ; лицомъ украшенъ свѣтлѣе свѣтильника; облеченъ одеждою; вижу юношу, не облеченнаго плотію, ступаю-
738 щаго по полу, и не оставляющаго знаковъ слѣда; нѣтъ у него языка, и восклицаетъ мнѣ: радуйся; губами не двигаетъ, и пророчествуетъ мнѣ радость. Не знаю, чтó подумать о страшномъ мнѣ видѣніи? Если не знаю посланнаго, какъ буду знать пославшаго? Если страшенъ вѣстникъ, то возвѣщатель страшнѣе. Если такъ блестящій омрачилъ мой умъ, какимъ тѣломъ я покрою Солнце правды? Если устрашаетъ меня созданіе, то какъ я буду носить Создателя? Если изумлена рабомъ, то какъ рожду Господа? Сказалъ ей ангелъ: *не бойся Маріамь* (Лук. I, 30); ты не падешь, какъ Ева; изъ нея смерть, изъ тебя жизнь безсмертная; изъ нея плодъ умиранія, изъ тебя плодъ животворный; изъ нея обманъ, изъ тебя любовь; изъ нея людямъ отъ Бога удаленіе, изъ тебя неизъяснимое соединеніе Бога и плоти; изъ нея мрачный сонъ ада, изъ тебя свѣтлый свѣтильникъ міра; изъ нея проклятіе, изъ тебя благословеніе; изъ нея отверженіе, изъ тебя прощеніе; изъ нея мученіе, изъ тебя вѣра; изъ нея слезы, изъ тебя рѣки живой воды; изъ нея труды, изъ тебя успокоеніе; изъ нея древнее нечестіе, изъ тебя жизнь Троицы; изъ нея братоненавидѣніе, изъ тебя человѣколюбіе; изъ нея потопъ, изъ тебя омовеніе безсмертія; изъ нея убійство, изъ тебя возрожденіе; изъ

нея закланіе живыхъ, изъ тебя воскресеніе мертвыхъ; изъ нея ненавистный двѣнадцати-колѣнникъ, изъ тебя двѣнадцать апостоловъ, соединенныхъ любовію; изъ нея смерть, распространяющаяся въ мірѣ, изъ тебя—она падаетъ, достигши успѣха; изъ нея паденіе, изъ тебя воскресеніе. *Не бойся Маріамь: обрѣла бо еси благодать у Бога. И се зачнеши во чревѣ* Того, Который въ Отцѣ и во плоти; и родишь Сына древнѣе Адама; родишь Сына старше меня; родишь Сына выше неба; родишь Сына выше херувимовъ; родишь Сына, устроителя вѣковъ; родишь Сына, собезначальнаго Отцу; родишь Сына, совѣчнаго Духу; родишь Сына, Котораго (область) все существующее; родишь Сына, Котораго мы (не можемъ) видѣть; родишь Сына, образъ Котораго отъ меня сокрытъ; родишь Сына, Которому я предстою съ трепетомъ. И исполнились дни рожденія ею, и родила Сына своего первенца, Котораго не насадилъ мужъ; она родила Сына, Котораго не носилъ отецъ; родила колосъ. Котораго не посѣяло тѣло; родила Создателя, сдѣлавшагося человѣкомъ; родила въ пещерѣ, и въ Персидѣ Онъ явился. Христу *рождшуся въ Виѳлеемѣ Іудейстѣмъ, се волсви отъ востокъ пріидоша во Іерусалимъ, глаголюще: гдѣ есть рождейся царь Іудейскій* (Мѳ. II, 1, 2)? Гдѣ безсѣменно рожденный, пославшій звѣзду Свою раньше самого Себя? Гдѣ влекущій насъ странным лучомъ къ невѣдомому свѣту? Гдѣ неизмѣримою дланію ограждающій вселенную? Гдѣ всюду являющійся, и во плоти скрывающійся? Гдѣ освободившій насъ отъ заблужденія, и путеводитель къ благодати? Гдѣ явившійся подъ дубомъ ангельскою троицею? Гдѣ не сжегшій терновника, и не уничтожившій матери? Гдѣ (родившійся) отъ Отца, невидимый, и матерью держимый? Гдѣ изсушившій Чермное море, и молокомъ питающійся? Гдѣ наказавшій фараона, и отъ Ирода скрывающійся? Гдѣ потопившій дракона, и въ пеленахъ лежащій? Гдѣ Тотъ, Котораго не видѣли ангелы и созерцаютъ люди? *И се звѣзда, юже видѣша на востоцѣ, идяше предъ ними, дондеже пришедши ста верху, идѣже бѣ отроча;* и поклонившись, *принесоша ему дары, злато, и ливанъ, и смирну. И вѣсть пріемше не возвратитися ко Ироду, инымъ путемъ отъидоша во страну свою* (Мѳ. II, 9, 11, 12). Родившагося Христа, Бога нашего, воспоемъ и прославимъ вмѣстѣ съ Его Отцомъ (и) со Святымъ Духомъ, нынѣ и присно, во вѣки. Аминь.

На слова: вошелъ Господь въ храмъ въ преполовеніе праздника (Іоан. VII, 14); и о Мельхиседекѣ. Въ Преполовеніе.

Гранаты, яблоки, финики и остальные древесные плоды услаждаютъ 739
тѣлесную гортань; божественныя слова святыхъ учителей, срастворенныя любовію, воспринимаясь слухомъ назиданія, услаждаютъ душевную гор-

тань. И какъ собравшій древесные плоды, во время собиранія ихъ, хвалитъ деревья,—такъ и собравшій своимъ слухомъ божественныя слова учителей, потомъ воспринявъ ихъ умомъ и вкусивъ сладости слова, выражая устами похвалы учителю, говоритъ: *коль сладка гортани моему словеса твоя, паче меда* и сота *устомъ моимъ* (Пс. cxviii, 103). И мудрѣйшій Соломонъ, уподобивъ прекрасныя слова сотовому меду, говоритъ: *сотове медовніи словеса добрая* (Прит. xvi, 24). Какъ гортань, отвѣдывая снѣди, умѣетъ различать хорошія отъ худыхъ,—такъ и умъ души умѣетъ различать полезныя изреченія отъ худыхъ, какъ говорится у Іова: *гортань брашна вкушаетъ*, умъ же *словеса разсуждаетъ* (Іов. xii, 11). И никто пусть не думаетъ, что домовладыка имѣетъ въ своемъ саду различныя деревья—финики, яблони, маслины, а Господь въ Своемъ саду церкви не имѣетъ различныхъ отцовъ, такъ, чтобы каждый, по своей добротѣ, износилъ изъ глубины сердца плоды слова, для вкушенія приходящимъ. Иной изъ нихъ, какъ хорошо растущая маслина, густо покрытъ листьями вѣры и плодовитъ дѣлами благочестія; иной, какъ финикъ, увѣнчанъ ваіями побѣды надъ діаволомъ, и доставляетъ бѣднымъ сладчайшій плодъ благодѣянія,—о немъ говоритъ Писаніе: *праведникъ яко финиксъ процвѣтетъ* (Пс. xci, 13). Иной, какъ яблоня, доставляетъ людямъ два наслажденія, запахъ и сладость для гортани; невѣста церковь, хваля такого въ Пѣсняхъ пѣсней, что говоритъ? *Яко яблонь посредѣ древесъ лѣсныхъ, тако братъ мой посредѣ сыновъ* Израиля: *подъ сѣнь его восхотѣхъ и сѣдохъ, и плодъ его сладокъ въ гортани* (Пѣсн. ii, 3). Что же дѣлать мнѣ, возлюбленные, когда я владѣю небольшой листвой словъ и (немногими) плодами, не могу ни прохладить утомленныхъ зноемъ, ни напитать голодающихъ плодами словъ? Хорошо мнѣ было бы вмѣстѣ съ вами изучать наставленія святыхъ отцовъ! Но такъ какъ страхъ Божій и ваша любовь побуждаютъ насъ къ рѣчи, то, взявъ два или три слова изъ сладчайшаго евангелія, какъ бы финики, и вкусивъ, мы возбудимъ васъ—съ усердіемъ, съ пылкимъ духомъ, подвигнуться къ плодоноснымъ деревьямъ святыхъ отцовъ. Только что мы слышали слова евангелиста: *въ преполовеніе праздника, взыде Іисусъ во церковь, и учаше* (Іоан. vii, 14). Не напрасно это евангельское слово, такъ какъ наступило время праздника; прилично настоящему (случаю) евангельское чтеніе, согласно съ днемъ поученіе; сила этого слова—сестра настоящаго праздника. *Въ преполовеніе праздника, взыде Іисусъ во церковь.* По окончаніи праздника, Онъ уже болѣе не восходитъ въ храмъ, но поднимается на небо. *Въ преполовеніе праздника, взыде Іисусъ во церковь.* Подъ праздникомъ онъ разумѣетъ не то, что бываетъ у эллиновъ и іудеевъ, гдѣ пьянство, шутки, блудныя пѣсни, обольстительное благозвучіе и оживленныя пляски,—но праздникъ святой, приличный христіанамъ, гдѣ не пьянство и шутки, но молитвы, пѣснопѣнія и умилостивленія; гдѣ не блудныя пѣсни, разслабляющія тѣло, но

божественныя пѣсни, укрѣпляющія душу; гдѣ не оживленныя пляски, но
веселая рѣзвость святыхъ душъ. Если желаешь видѣть у насъ поющихъ,
пляшущихъ и прыгающихъ, каковы они, то посмотри на Исаію, поющаго
и говорящаго: *воспою возлюбленному пѣснь возлюбленнаго моего, вино-
граду моему* (Ис. v, 1). Погляди и на хоръ святыхъ женъ, Марію,
сестру Моисея, съ другими женами израильтянъ, поющихъ побѣдныя
пѣсни Богу и говорящихъ: *поимъ Господеви, славно бо прославися*
(Исх. xv, 1). Объ этомъ вспоминаетъ и Давидъ, словами: *посредѣ дѣвъ
тимпанницъ въ церквахъ благословите Бога* (Пс. lxvii, 26, 27). И самъ 740
блаженный Давидъ не стыдится плясать впереди богоноснаго ковчега,
какъ можно слышать изъ его словъ: *и буду играти*, и смѣяться, *и пля-
сати предъ Господемъ* (2 Цар. vi, 21). Младенецъ Елизаветы, Іоаннъ,
увидѣвъ богоносную кисть, скрывающуюся въ небрачной утробѣ, взыгралъ
во чревѣ. *Въ преполовеніе праздника, взыде Іисусъ во церковь.* Храмъ
есть жилище только для Бога. И эллины говорятъ: у насъ есть храмъ,—
(но) по незнанію, что это не храмъ, а мерзость. Гдѣ пролитіе крови,
возліяніе, идольскій тукъ и демонскія таинства, тамъ не можетъ быть
храма, но мерзость демоновъ. *Въ преполовеніе праздника, взыде Іисусъ
во церковь.* Храмъ есть жилище, принадлежащее только Богу; здѣсь оби-
таютъ любовь и миръ, вѣра и цѣломудріе. Потому, и іерею Божію, свя-
щеннодѣйствующему предъ Богомъ, надлежитъ быть мирнымъ и тихимъ,
не хищникомъ, не коварнымъ, не сребролюбивымъ, чтобы прежде всего
въ его душѣ Богъ былъ совершенъ, и потомъ измѣнялъ бы такъ по
своему образу свой народъ. Можетъ называться храмомъ и очищенная
душа каждаго вѣрующаго человѣка: вселюся въ васъ, *и похожду* (Лев.
xxvi, 12). Храмъ поистинѣ святъ, жертва и іерей—это Христосъ, въ
Которомъ, по божественному апостолу, *всяко исполненіе божества жи-
ветъ тѣлеснѣ* (Колос. ii, 9). Ему сказалъ Отецъ: *ты іерей во вѣкъ,
по чину Мелхиседекову* (Пс. cix, 4). Теперь, неожиданно попавъ на
величайшій вопросъ, я затрудняюсь, куда склонить взоръ своей мысли,
не знаю, куда направить кормило назиданія. Если апостолъ, дойдя до
главнаго о Мельхиседекѣ, не рѣшился подробно излагать, слегка ска-
завъ: *о немже многое намъ слово и неудобь сказаемое* (Евр. v, 11),—
то что я могу сказать, когда настолько уступаю апостолу, насколько мо-
жетъ разсуждать человѣкъ? И какъ путникъ, пока идетъ по наклонной
и ровной дорогѣ, съ удовольствіемъ совершаетъ путешествіе, а когда
придетъ на какое-нибудь неровное мѣсто, или крутое и непроходимое,
гдѣ гора превысокая, остановившись и обсудивъ трудъ подъема, начи-
наетъ тихо идти, чтобы не обезсилѣть скоро,—такъ и мы, пока у насъ
были покатость и равнинность евангелія, шествовали съ удовольствіемъ
путемъ слова, а когда подошли къ превысокой мысли, начинаемъ тихо
восходить по небесной лѣстницѣ толкованія. Что же это за вопросъ,
изслѣдуемый всѣми христіанами? Для чего апостолъ, вспомнивъ о Мель-

хиседекѣ, сказалъ, что онъ безъ отца и родословія, не имѣетъ ни начала дней, ни конца жизни (Евр. VII, 3)? Такой вѣдь не можетъ быть человѣкомъ, но Богомъ. Многіе, не вдумавшись въ сказанное о немъ, сочли его бóльшимъ Христа, образовали изъ себя ересь и называются мельхиседекіанами; споря съ нами и желая показать, что Мельхиседекъ больше Христа, приводятъ намъ въ свидѣтели Писаніе, говорящее: *ты іерей во вѣкъ, по чину Мелхиседекову*. Какъ, говорятъ, Мельхиседекъ не больше, по образу и чину котораго Христосъ іерействуетъ? Другіе, заблудившись, говорятъ, что онъ Духъ Святой. А мы говоримъ, что онъ человѣкъ подобострастный намъ, и не больше Христа—да что говорить о Христѣ?—даже и Іоанна Крестителя, потому что истинно слово Господа: *аминь глаголю вамъ, не воста въ рожденныхъ женами болій Іоанна крестителя* (Мѳ. XI, 11). Но онъ не есть и Духъ Святой. Что Мельхиседекъ не больше Христа,—пусть скажутъ намъ они, говорящіе это, откуда или изъ какого мѣста онъ? Изъ небесныхъ,—земныхъ,—преисподнихъ? Если они скажутъ, что Мельхиседекъ изъ небеснаго или другого какого-нибудь мѣста, то пусть послушаютъ, что колѣно его преклоняется предъ Христомъ; апостолъ именно говоритъ, что Ему поклонится *всяко колѣно, и всякъ языкъ исповѣсть*, небесныхъ, земныхъ и преисподнихъ (Филип. II, 10, 11). Если Мельхиседекъ склоняетъ колѣно предъ Христомъ, то поклоняющійся Мельхиседекъ меньше поклоняемаго отъ
741 него Христа. Почему же, несчастные, они не слушаютъ и слѣдующаго по порядку стиха, сказаннаго апостоломъ, чтобы имъ знать, что онъ меньше Христа? Онъ прибавляетъ: *уподобленъ же Сыну Божію* (Евр. VII, 3), какъ и мы стали по образу и подобію Христа. Но можетъ быть кто-либо изъ слушателей спроситъ: почему же говорится, что Мельхиседекъ безъ отца и безъ матери и безъ родословія? Ему мы отвѣтимъ: іудеи сказали, что онъ рожденъ отъ блуда, и потому въ Писаніи нѣтъ родословія. Имъ мы отвѣтимъ: худо вы сказали; мы находимъ, что и другіе рождены отъ блуда, но имѣютъ родословіе. Соломонъ, рожденный отъ жены Уріи, родословится; и Авимелехъ, сынъ Гедеона, рожденный отъ блуда, родословится. Почему же не родословится Мельхиседекъ? Потому что Мельхидесекъ былъ типомъ Христа, и носилъ образъ Христа. Поэтому, Писаніе опустило отца и матерь, и разсказываетъ о немъ безъ родословія, чтобы въ немъ, какъ въ образѣ, мы усматривали Христа, (Который) поистинѣ безъ отца, безъ матери и безъ родословія. Христосъ безотеченъ на землѣ по плоти, безматеренъ на небесахъ по Духу, по божеству. Таковъ есть *ни начала днемъ, ни животу конца имѣя* (Евр. VII, 3). Писаніе не обозначило родства Мельхиседекова, но опустило и рожденіе его и кончину, чтобы, какъ мы раньше сказали, въ немъ мы созерцали этого истиннаго Мельхиседека. Мельхиседекъ значитъ царь
742 правды, Который есть Христосъ, не имѣющій ни начала дней, ни конца жизни. Богъ Слово ни начала дней не имѣлъ, ни прекращался когда-

либо, или умиралъ; Христосъ всегда пребываетъ. Намъ возражаютъ мельхиседекіане: что же это, чтó Ему говоритъ Отецъ—*ты іерей во вѣкъ, по чину Мелхиседекову?* Имъ мы говоримъ: этотъ Мельхиседекъ былъ мужемъ праведнымъ и поистинѣ носилъ въ себѣ образъ Бога. Движимый пророческимъ Духомъ, онъ разсудилъ теперь принести отъ себя Богу будущее приношеніе отъ Христа: хлѣбомъ и виномъ чествовалъ Бога, подражая будущему Христу. Такъ какъ у іудеевъ чинъ Аарона приносилъ въ жертву не хлѣбъ и вино, но тельцовъ и агнцевъ, прославлялъ Бога кровавыми жертвами, то Богъ имѣющему родиться отъ Дѣвы Маріи Іисусу восклицаетъ словами: *ты іерей въ вѣкъ, по чину Мелхиседекову;* не по чину Аарона, служившаго тельцами, агнцами и кровавыми жертвами, но *ты іерей въ вѣкъ, по чину Мелхиседекову,* хлѣбомъ и виномъ совершаешь приношеніе язычниковъ вѣчно. Но, чтобы не казалось, возлюбленные, что мы попусту удлинняемъ слово, здѣсь прекративъ слово, отошлемъ васъ къ источнику назиданія отцовъ, которые и жажду души вашей утолятъ и сердца ваши возвеселятъ, исполняя Духомъ Святымъ, во Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, Которому слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

На Преполовеніе.

Гдѣ ни бываетъ Владыка, какъ источникъ жизни, тѣлесно, (вездѣ) 741
изливаетъ многіе и различные потоки человѣколюбія. Взошелъ на гору съ учениками, и предложилъ слушателямъ потоки блаженства; сошелъ оттуда, и одержимымъ различными болѣзнями излилъ потоки исцѣленій; остановился у овчей купели, и разслабленнаго напоилъ укрѣпленіемъ; вошелъ въ домъ Петра, и его тещу, сжигаемую лихорадкою, охладилъ; пришелъ въ Виѳанію, и четырехдневнаго Лазаря напоилъ чашею жизни; встрѣтился съ прокаженнымъ, и его болѣзнь отеръ губкою человѣколюбія; остановился въ синагогѣ, и сухую руку увлажнилъ для дѣятельнаго движенія; приходилъ на бракъ, и позвавшимъ смѣшивалъ удивительное вино; и множество другого, чтó трудно исчислить. И сегодня Онъ взошелъ въ храмъ, и предложилъ слушателямъ рѣки ученія. Вы слышали евангельское чтеніе, которое къ намъ, въ срединѣ праздника, съ высокаго сѣдалища, евангелистъ велегласно произнесъ, какъ бы левитскою трубою: *абіе же въ преполовеніе праздника, взыде Іисусъ во церковь, и учаше* (Іоан. VII, 14). Это Писаніе исполнено человѣколюбія. Не сказалъ онъ: при наступленіи преслѣдованія, или—при настоящей печали, или—при унынiи, овладѣвшемъ учениками, или (не сказалъ) наставленія въ чемъ-либо иномъ такомъ, что постоянно представляло дѣло апостольское,—но чтó онъ говоритъ? *Абіе же въ преполовеніе праздника.* Но что въ срединѣ праздника, скажи, Іоаннъ?

Иродъ наложилъ руки? Іудейскій народъ одобрилъ коварный замыселъ? Снова Іуда съ предательствомъ? Нѣтъ, говоритъ. Но что? *Взыде Іисусъ во церковь, и учаше.* Приличное Христу онъ предложилъ Христу: усвоилъ Ему дѣло подходящее. Рѣчь есть дѣло слова, и ученіе—(дѣло) учителя, и Христово (дѣло)—произнесеніе слушателямъ словъ полезныхъ. *Взыде Іисусъ во церковь, и учаше.* О, непреодолимое человѣколюбіе! Гдѣ почти побивался камнями, тамъ побивающихъ обогащалъ словесными ученіями. *Взыде Іисусъ во церковь, и учаше.* Гдѣ читался законъ Моисея, тамъ Онъ предложилъ ученіе благодати, будучи не уничтожителемъ закона, но исполнителемъ закона. Самъ въ евангеліи восклицаетъ: *не пріидохъ разорити* законъ, *но исполнити* (Мѳ. v, 17); и
742 Павелъ произноситъ устами Владыки: *кончина бо закона Христосъ въ правду* (Рим. x, 4). *Абіе же въ преполовеніе праздника, взыде Іисусъ во церковь, и учаше;* всѣхъ учитъ на мѣстѣ молитвы, предлагаетъ слово оглашенія, какъ Слово, тамъ, гдѣ былъ собранъ и лукавый синедріонъ. Іерей по чину Мельхиседека взошелъ въ храмъ и училъ; когда многіе слушали, изъ іудеевъ никто не научался. О нихъ Онъ напередъ возглашалъ: *очи имутъ, и* не видятъ: *уши имутъ, и* не слышатъ (Пс. cxiii, 13, 14), объявляя о безуміи богоборцевъ. *Взыде Іисусъ во церковь, и учаше.* Онъ взошелъ въ храмъ, чтобы распростереть сѣть небеснаго ученія,—для духовной ловитвы людей; Іисусъ взошелъ въ храмъ, а іудеи отошли отъ вѣры. *Абіе же въ преполовеніе праздника, взыде Іисусъ во церковь, и учаше. Дивляхуся Іудее глаголюще: како сей книги вѣсть не учився?* Они удивлялись, но не вѣровали; поражались избыткомъ мудрости, но не раскаивались, исполненные нечестіемъ. Они смотрѣли на врача, предлагающаго лѣкарства, и болящіе не принимали врачеванія; глядѣли на освободителя, и любили плѣнъ; въ своей средѣ имѣли лугъ благъ, (но) собирали терніе; въ присутствіи пристани, терпѣли кораблекрушеніе; при мудрости, изливающей божественныя ученія, не желали смыть съ себя убійства; при Христѣ, распростирающемъ крылья человѣколюбія, отказывались укрыться отъ порожденій ехидниныхъ: *колькраты восхотѣхъ собрати чада* ваша—говоритъ Онъ въ евангеліи—*яко кокошъ птенцы своя, и не восхотѣсте* (Мѳ. xxiii, 37)? *Дивляхуся Іудее глаголюще: како сей книги вѣсть не учився?* О. дѣла! Ты, іудей, не знаешь закона, и не знаешь наставленій закона! Говоришь: *како сей книги вѣсть не учився?* Скажи мнѣ, врагъ истины, какъ Адамъ, не учившись, положилъ звѣрямъ подходящія названія? Раба не спрашиваешь, и дѣлаешь отвѣтчикомъ Владыку, говоря: *како сей книги вѣсть? Отвѣща Іисусъ и рече: мое ученіе нѣсть мое, но пославшаго мя* Отца (ст. 16). Посылается ли когда Богъ въ смыслѣ перемѣны мѣста? Наполняющій все приходитъ ли туда когда-нибудь, гдѣ находится? Къ іудеямъ слово это, (а) не къ умѣющимъ учиться благочестію это изреченіе: *мое ученіе нѣсть мое, но пославшаго мя*

Отца, Который далъ Мнѣ свидѣтельство съ неба при всѣхъ васъ, въ 743
словахъ: *сей есть Сынъ мой возлюбленный* (Мѳ. III, 17). Обо Мнѣ и
Іоаннъ возгласилъ: *се агнецъ Божій, вземляй* грѣхъ *міра* (Іоан. I, 29).
Агнецъ—поистинѣ Христосъ, сегодня пришедшій въ храмъ, и Іоаннъ
къ Нему относилъ голосъ истины. Будучи голосомъ, онъ по должному
прославилъ Слово; будучи свѣтильникомъ, обозначилъ свѣточъ солнца;
какъ Предтеча, объявилъ идущаго; какъ сіяніе, проповѣдалъ утро; какъ
воинъ, обнародовалъ имя царя. *Се агнецъ Божій, вземляй* грѣхъ *міра*;
агнецъ, Котораго дѣвственная агница безсѣменно зачала, нетлѣнно ро- 744
дила; травоносныя ясли приняли Его дитятею; Іорданъ омылъ, Іоаннъ
крестилъ, Іуда продалъ іудеямъ, Пилатъ заклалъ, гробъ заключилъ, мы
вкусили, и Онъ одѣлъ всѣхъ насъ, нагихъ вслѣдствіе преступленія
Адама, своимъ руномъ. Ему слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

О самарянкѣ.

Въ день Преполовенія.

Сегодня, возлюбленные, приступимъ къ евангельской сокровищницѣ, 743
насколько позволяетъ божественная благодать. Любознательность въ
этомъ украшаетъ души и направляетъ къ небу земной навыкъ. Любо-
знательность сдѣлала ту дивную самарянку изъ водоносицы боговдохно-
венной; обрѣтши сокровищницу ученія, она подбѣжала; а лучше, не она
обрѣла, но была обрѣтена. Христосъ пришелъ не съ тѣмъ, чтобы ну-
ждающіеся отыскивали Его съ трудомъ, но самъ съ мукою рождаетъ по-
мощь для каждаго. Онъ мучился, заботясь о разслабленныхъ, сострадая
горячечнымъ, усвояя Себѣ несчастіе слѣпцовъ, перенося безпокойство
прокаженныхъ, стремясь на помощь къ бѣснующимся, омывая огрязнен-
ныя души всѣхъ, учитель для водоносицъ. Тогда, утомившись отъ путе-
шествія, Онъ сидѣлъ подлѣ колодца: *Іисусъ утруждся отъ пути,
сѣдяше тако на источницѣ: бѣ яко часъ шестый* (Іоан. IV, 6). Не-
насытность человѣколюбія непрерывна: во-первыхъ, Онъ утомился, спѣша
пріуготовить спасеніе самарянки; во-вторыхъ, сидѣлъ, ожидая спасенія
явившейся; въ-третьихъ, тратилъ время обѣда на попеченіе о ней. *Бѣ
яко часъ шестый.* Хотя и Богомъ Онъ былъ, но то, въ чемъ онъ
явился, было облечено немощами природы,—чувствуя усталость, подвер-
гаясь сну, затрудняясь голодомъ, имѣя съ нами все сродное, кромѣ
грѣха. Любовь къ спасаемымъ побѣждала въ Немъ усталость тѣла.
Медлила болѣе нуждающаяся въ утомленномъ, а не нуждающійся ожи-
далъ. Онъ сжигался полуденнымъ зноемъ, и наблюдалъ время прише-
ствія имѣющей спастись. *Сѣдяше на источницѣ*; Онъ ожидалъ ло-
витву, не возлежа, но заранѣе приготовился для самарянки, сильно же-
лая доставить спасеніе. А она не спѣша вышла изъ дома, шла поне-

многу впередъ женской походкой, съ водоносомъ, часто останавливалась, чтобы поглядѣть на полевые плоды. Соглядатай не лѣностенъ и не замѣтенъ; какъ опытный ловецъ, скрывъ въ Себѣ благодѣтеля, Онъ заявляется точно нуждающійся. Говоритъ Іисусъ: жена, *даждь ми пити*. Онъ сѣетъ слово, какъ кружащійся голубь зерно. *Даждь ми пити*; придя растворить ей сосудъ спасенія, Онъ принимаетъ видъ жаждущаго; а если кто-либо изслѣдуетъ глубже это слово, то (найдетъ что) это скорѣе истинная жажда Владыки; Онъ жаждалъ спасенія ея, и въ самомъ дѣлѣ восклицалъ къ ней: *даждь ми пити*. У тебя есть, говоритъ, скрытый въ самой тебѣ источникъ благоразумія; отъ полноты его напой Меня. Жена не понимала загадки, внимая простому слову. *Како ты жидовинъ сый отъ мене пити просиши, жены Самаряныни сущей?* Христосъ, уставшій отъ пути, встрѣтилъ судъ (на почвѣ) ученій; но (всякія) случайности нужно переносить Тому, кто разъ рѣшилъ принять на Себя все за насъ. Поэтому, Онъ переноситъ и порицаніе самарянки. Онъ охотно спускается со Своего достоинства, чтобы отвлечь душу грѣшницы отъ ничтожества. Нѣкая грѣховная пошлость владѣла самарянкой, оскверняла блудною жизнью, смѣняла любовника любовникомъ, (такъ что) бракъ былъ временемъ любви, замужняя была невѣстою для любовниковъ, была какъ бы постоянно вдовою и новобрачною, лучше же, ни чистою вдовою, ни невѣстою, потому что и съ первымъ она разлучилась не вслѣдствіе (его) смерти, и съ послѣдующими не сочеталась законнымъ бракомъ. Свидѣтель этого у нея Владыка: *добрѣ рекла еси, яко мужа не имамъ: пять бо мужей имѣла еси: и нынѣ, егоже имаши, нѣсть ти мужъ*. Это *воистинну рекла еси* (ст. 18). Но она
744 была жемчужиной, запятнанной грязью; и она не укрылась отъ покупателя. Онъ обнаружилъ блескъ ея души этими словами. *Како ты жидовинъ сый отъ мене пити просиши, жены Самаряныни сущей? Како ты?* И это *ты*—(слово) гнѣвающейся. Какъ Ты просишь у меня пить? Если бы Ты мыслилъ согласно со мною, я бы готова (была) на Твою просьбу; а если желаешь іудейскаго, не спрашивай у иноплеменныхъ привѣтливости, не требуй дара, отъ котораго Ты убѣгаешь. Самарянка думала принужденіемъ жажды уловить Господа на самарянское служеніе; не знала, что она связана Его словами; привязалась къ Господу отвѣтомъ, или лучше, словами Господа къ ней: *аще бо вѣдала еси даръ Божій, и кто есть глаголяй ти: даждь ми пити, ты бы просила у него, и далъ бы ти воду живу* (ст. 10). Такъ какъ ты укоряешь Мою жажду и называешь іудеемъ, безучастнымъ для васъ, то знай, что ты много ошибаешься въ испытаніи Меня. Ты не знаешь Моего истиннаго рода, не знаешь многой чести, которая (зависитъ) отъ Меня, не знаешь, какъ обиленъ Мой источникъ; если бы ты знала, ты попросила бы; а теперь Я не порицаю тебя за незнаніе, но послѣ просьбы твоей даю. Онъ возбуждаетъ въ не жаждущей жажду, и напоя-

щую измѣняеть въ нуждающуюся въ питьѣ; жена ранена Его словами, и плѣнена желаніемъ воды. Она, упавъ предъ Господомъ, говорила: *Господи, даждь ми сію воду, да ни жажду, ни прихожду сѣмо почерпати* (ст. 15). Та, которая раньше была прошена о питьѣ, теперь проситъ быть напоенною. Благородный разумъ удобенъ для обработки, каковъ былъ разумъ этой блаженной самарянки, каковъ (былъ ея) нравъ, очищенный отъ тернія невѣрія, не имѣющій іудейской зависти. Она ожидаетъ Мессію и, удостоившись Его божественнаго ученія, повѣрила искренно; и не только даромъ овладѣла, но и своихъ согражданъ убѣдила прибѣгнуть къ Нему, проповѣдавъ апостольски: *пріидите и видите человѣка, иже рече ми вся, елика сотворихъ: еда той есть Христосъ* (ст. 29)? О, мудрая жена! Она знала, что женское свидѣтельство не пріемлемо; поэтому, привлекаетъ въ свидѣтели мужей своего города, чтобы сдѣлаться посредницей въ спасеніи многихъ. Евангелистъ говоритъ: *отъ града же того мнози вѣроваша въ онь отъ Самарянъ, за слово жены свидѣтельствующія, яко рече ми вся, елико сотворихъ. Егда убо пріидоша къ нему Самаряне, моляху его* пребыть *у нихъ: и пребысть ту два дни. И много паче вѣроваша за слово его. Женѣ же глаголаху, яко не ктому за твою бесѣду вѣруемъ: сами бо слышахомъ, и вѣмы, яко сей есть воистинну Спасъ міру, Христосъ* (ст. 39—42). Видишь, возлюбленный, жажду Христа, и какъ пищей и питьемъ было спасеніе вѣрующихъ въ Него? Ради этого, жаждая, напояетъ самарянку водою, а она, почерпнувъ, отдала даръ Господа гражданамъ своимъ, со щедростію, въ изобиліи. Вслѣдствіе этого, народъ Авраамовъ непонятливѣе самарянки: ему не приносили пользы и ученія въ храмѣ, а ей и бесѣда у колодца была полезна. Воспримемъ же себѣ прекрасное отъ самарянки, усвоимъ себѣ божественную ревность, возжелаемъ благоразумной любознательности, и въ церкви будемъ бесѣдовать о божественномъ, будемъ считать, что и для насъ сказано, что 745—6
сказано къ ней Владыкой Христомъ: поклоняющимся Богу *духомъ и истиною достоитъ кланятися* (ст. 24). Ему слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

О женѣ грѣшницѣ, помазавшей Господа муромъ, и о фарисеѣ.

Во святой и великій четвергъ.

Христосъ, угощаясь у Закхея, достаточно привлекалъ недавно 745
наши души. Гдѣ Христосъ угощается, возлежитъ съ людьми и пользуется нашимъ мѣстомъ и трапезой, тамъ все измѣняется въ слово радости. Какой мытарь, или блудница, или несказанный злодѣй, видя, что творецъ неба и земли приходитъ къ мытарю, податель хлѣба беретъ въ

руки хлѣбъ человѣческій, податель винограда благословляетъ чаши питья для всѣхъ участниковъ,—не сознается, что чрезъ это дѣлается праздникъ и торжество? Это поистинѣ праздникъ, это поистинѣ веселіе ангельскаго пира—видѣть, что Владыка съ рабами, Богъ съ людьми, судья съ отвѣтчиками вкушаетъ отъ общей трапезы. Для того на землю Онъ пришелъ, не покинувъ неба, и человѣкомъ сдѣлался, не переставъ быть Богомъ, чтобы, и по морю плывя, извлекать изъ глубины грѣха обуреваемыхъ въ житейскомъ морѣ, и обходя селенія, города, тѣснины, стези и ристалища, блуждающихъ на распутіяхъ, какъ овецъ безъ пастыря, возвратить къ Своему стаду. Онъ есть ищущій погибшую овцу, оставившій девяносто девять и отправившійся въ поиски за одной. Онъ отыскивалъ одну, не пренебрегая многими, и не предпочитая одну множеству; Онъ покидалъ девяносто девять, потому что зналъ, что онѣ безопасны въ овчарнѣ; всюду отыскивалъ одну, чтобы она не стала пищей для діавола. Овца безъ пастыря—готовый обѣдъ для звѣрей; и душа не запечатлѣнная подвержена кознямъ демонскимъ. Поэтому, недавно Закхея, какъ овцу, онъ исхитилъ изъ пасти волка, присоединилъ къ Своей овчарнѣ и удостоилъ печати. Какъ пастырь, желая поймать заблудившуюся овцу, оставляетъ ручное животное, чтобы оно, свободно пасясь, привлекло отлучившуюся,—такъ и Слово Божіе оставило Свою плоть, которую получило отъ Дѣвы, какъ овцу на пастбищѣ, за трапезой Закхея, чтобы, привлекши его общимъ угощеніемъ къ сожительству, незамѣтно соединить со Своимъ стадомъ. Но, не понимая этого, фарисеи роптали, видя, что Онъ ѣстъ съ мытарями. Они, какъ ветхій мѣхъ, разорвались, потому что не могли удержать у себя новаго вина ученія, а мы пойдемъ вслѣдъ за человѣколюбивымъ пастыремъ. Присоединивъ къ апостольскому стаду мытаря Закхея, Онъ и грѣшницу блудницу, повинную въ неисчислимомъ нечестіи, воротилъ въ незапятнанную овчарню, извлекши, какъ агницу, изъ пасти діавольской. Чтобы вамъ знать и человѣколюбіе Христа, и неразуміе фарисеевъ, и отреченіе грѣшницы (отъ ея прежняго),—я предложу вамъ евангельскія изреченія; если вы вслушаетесь въ высокое чтеніе, то легко усвоите и толкованіе. *Моляше же нѣкій отъ Фарисей* Іисуса, *дабы ялъ съ нимъ: и вшедъ въ домъ Фарисеовъ, возлеже* (Лук. VII, 36). О, несказанная благодать! О, неизреченное человѣколюбіе! И съ фарисеемъ Онъ угощается, и мытарей не отвергаетъ, и блудницъ принимаетъ, и съ самарянками бесѣдуетъ, и хананеянку удостоиваетъ слова, и кровоточивой уступаетъ край одежды. Подлинно, Онъ врачъ, исцѣляющій всякія страданія, чтобы всѣмъ принести пользу — злымъ и добрымъ, неблагодарнымъ и признательнымъ. Потому и теперь, будучи позванъ фарисеемъ, Онъ входитъ въ домъ, исполненный нечестія. Гдѣ фарисей, тамъ притонъ порока, убѣжище грѣха, вмѣстилище надменности. И хотя таковъ былъ его домъ, Господь не лишаетъ его Своего прибытія, — и естественно.

Какъ солнце остается безъ вреда для себя, посылая свои лучи на грязь, напротивъ, устраняетъ присущую тамъ мерзость, ничего себѣ не усвояя отсюда, такъ и Христосъ, какъ Солнце правды, принимаетъ вся- 746
кое преступное и нечистое мѣсто, и истребляетъ лучами Своей благодати зловоніе грѣха, не терпя, по Своему божеству, ни оскорбленія, ни умаленія, ни оскверненія. Потому Онъ легко согласился на призывъ фарисея—тихо, молча, безъ обличенія его жизни, во-первыхъ, чтобы освятить позванныхъ, позвавшаго, семью, роскошныя кушанья, потомъ, (чтобы) показать возлежаніемъ, вкушеніемъ, употребленіемъ хлѣба, питіемъ, что воплощеніе не было призракомъ. Онъ соглашается на призывъ фарисея скоро, такъ какъ намѣрена была придти блудница и показать образъ теплаго и пламеннаго покаянія; оплакиваніемъ своего нечестія предъ лицомъ книжниковъ и фарисеевъ она имѣла научить ихъ, какъ грѣшникамъ, сокрушающимся о своихъ грѣхахъ, нужно умилостивлять Бога. *Се жена во градѣ, яже бѣ грѣшница.* Жена грѣшница—первая сѣть діавола, поводъ къ заблужденію, учитель преступленія, помощница, оказывающаяся непріятелемъ, красота по природѣ, оказывающаяся зломъ по своей волѣ, посредница смерти; она показала красоту древа, и цѣлый рай погубила. *И се жена во градѣ, яже бѣ грѣшница*, обремененная многимъ нечестіемъ. Я скажу о множествѣ ея прежняго нечестія, чтобы вамъ знать ея многоцѣнность. Богъ, взявъ кость изъ бока Адамова, сдѣлалъ ее плотію, создалъ Еву, которую далъ въ помощь Адаму, назвавъ (ее) женою. Но послѣ грѣха и нарушенія закона, изгнанія изъ рая и наказанія смертію, Онъ устрояетъ борьбу между бракомъ и смертію, чтобы родъ (человѣческій) не погибъ совершенно, истребляясь смертію, (такъ что) что̀ онъ сѣетъ, она пожинаетъ, (и) что она посѣкаетъ, то онъ произращаетъ. А что послѣ подверженія смерти была дана благодать брака, это очевидно изъ того, что Адамъ сочетался съ Евою послѣ выхода изъ рая. Написано, что послѣ выхода изъ рая Адамъ позналъ жену свою (Быт. IV, 1). До грѣха было дѣвство, соблюдающее одежду природы незапятнанною; послѣ преступленія, послѣ суда смерти, былъ введенъ бракъ, чтобы обиліемъ онъ побѣждалъ истощающую смерть, и насажденіемъ поражалъ пожинателя. Для преемства рода и произрастанія природы былъ данъ законъ брака: въ мужскомъ (полѣ) посѣяно удовольствіе, женскій сдѣланъ ласковымъ; не съ тѣмъ, чтобы они возбуждались къ распутному смѣшенію, но чтобы законно сочетавались для брака. Отсюда законное брачное смѣшеніе честно предъ Богомъ, а совершаемое для удовольствія подлежитъ смерти: *честна женитва, и ложе нескверно: блудникомъ же и прелюбодѣемъ судитъ Богъ* (Евр. XIII, 4). Для чадородія законно смѣшивающіяся со своими мужьями неповинны, каковы Сарра, Ревекка, Рахиль и подобныя; а возбуждающія юношей къ распущенности, на основаніи сладострастія, какъ истребляющія храмъ Божій, предаются истребленію: *аще кто* рас-

тлитъ храмъ Божій, *растлитъ сего Богъ* (1 Кор. III, 17). Одною изъ такихъ была и наша грѣшница. Торгуя природою и румяня щеки наружною окраскою, стараясь при помощи искусства явиться красивою, она увлекала юношей въ распутство, вовлекала ихъ въ пропасть блуда. Такъ говорю, не осмѣивая ее за то, что̀ сдѣлала раньше, но хваля ее за то, чѣмъ стала сразу; я говорю, чѣмъ она была, чтобы показать, чѣмъ сдѣлалась теперь; говорю о ея грѣховныхъ паденіяхъ, чтобы показать правоту покаянія. Она, раньше безстыдно пользовавшаяся своимъ тѣломъ, когда однихъ уловляла локонами, другихъ смягчала сле-
747 зами, иныхъ морочила мазями, всѣхъ повсюду призывала въ пропасть распутства,—она (теперь) измѣняетъ свою срамную и сладострастную любовь на божественную и небесную. Такъ какъ она видѣла, что Іисусъ бесѣдуетъ съ самарянкой, допускаетъ къ Себѣ хананеянку, объявляетъ о тайномъ дѣлѣ кровоточивой, ѣстъ съ мытарями, посѣщаетъ домы фарисеевъ, то разсуждала сама съ собою: если Онъ допускаетъ къ Себѣ блудницъ и мытарей и грѣшниковъ, то (и) я исчерпаю море своего грѣха, пока уязвляюсь имъ чрезмѣрно. Я не останусь юной, не останусь красивой; все проходитъ, все исчезаетъ—и цвѣты, и лиліи, и красота лица. Зачѣмъ же мнѣ страдать за то, что̀ я сдѣлала? Уже я помышляю о геенскомъ огнѣ, уже мою душу объемлетъ раскаяніе, что я старалась явиться красивою на погибель юношамъ, бѣгала по городскимъ улицамъ, площадямъ, распутіямъ, уловляя, какъ сѣтью, своими ногами и языкомъ. О, сколько я обольстила юношей, когда нагло поводила глазами, наряжалась на пагубу зрителямъ, то заплетенными косами придавала головѣ видъ башни, то оставляла сбиваться прядямъ на лобъ, румянила щеки и подрисовывала глаза, иногда проливала слезы, лестью повергая душу въ несчастіе! Что теперь будетъ со мною? Кого я найду врачомъ этихъ безконечныхъ страданій? Если людямъ скажу о самой себѣ, для меня будетъ безполезно это признаніе. Скрыть худое? Но не могу скрыть: отъ кого я утаю, будучи не въ состояніи утаиться? Куда я убѣгу, когда всюду нахожу судью, который, хотя не является, но всюду изобличаетъ мое нечестіе? У меня остается одна надежда на спасеніе, есть впереди одно средство для жизни—признаться Іисусу, и къ Нему прибѣгнуть. Онъ, принимая мытарей, не отвергаетъ блудницы; ѣдя съ фарисеями, не избѣгаетъ слезъ грѣшницы. Я узнала, что Онъ зашелъ къ Симону фарисею, человѣку важному и грѣшному; побѣгу къ Нему! Но, придя, о чемъ мнѣ просить? О здравіи глазъ? Но эта милость не долга. О прекращеніи болѣзни? Но счастье не велико: вѣчная смерть тягостнѣе настоящей. Оставивъ все тѣлесное, буду просить исцѣленія души. Я найду только тогда разрѣшеніе отъ предстоящихъ мнѣ золъ, если увижу судію, если предварю время наказанія. Буду подражать Раавъ блудницѣ; послѣдую этому избранному примѣру женщины. Богъ ничего отъ насъ не желаетъ, кромѣ перемѣны воли. Обсудивъ это бла-

гочестиво и остановившись мыслію на вѣрѣ, она, воспользовавшись прежнимъ безстыдствомъ, какъ основой дерзновенія, входитъ къ Іисусу, гдѣ Онъ возлежалъ. И ничего не говоритъ; не рѣшалась; она раньше знала, что наблюдатель помысловъ не нуждается въ словахъ. И что бы она сказала знающему все? Что согрѣшила? Что стала повинна во многомъ нечестіи? Что, любя и любясь, послужила удовольствіемъ для всѣхъ? Это для Бога было ясно, не только во время совершенія, но и въ скрытомъ помышленіи души. Зная, что Онъ все знаетъ, и ничто не можетъ отъ Него скрыться, она удерживаетъ языкъ, а говоритъ слезами: *ставши при ногу его плачущися, начатъ умывати позѣ его слезами.* Хотя языкомъ она и не говорила, но невыразимымъ сѣтованіемъ открывала сокрушеніе сердца, торжествовала надъ множествомъ грѣховъ, осуждала въ себѣ помыслы, порочныя побужденія, нечистыя дѣла, беззаконныя бесѣды. Изъ худыхъ ея дѣлъ ничего не было, чего бы она не оплакивала; она знала, что въ чемъ признавалась, въ томъ получала прощеніе: *рѣхъ: исповѣмъ на мя беззаконіе мое Господеви, и ты оставилъ еси нечестіе сердца моего* (Пс. XXXI, 5). И не только безъ рѣчи она говорила сердечнымъ сѣтованіемъ, умилостивляя Господа, но и видомъ изображала красоту покаянія. Она плакала, чтобы, какъ много смѣявшейся, омыть худой смѣхъ прекрасными слезами; смывала со щекъ грязь слезами, чтобы, чѣмъ погрѣшила, оттуда получить и пользу, въ чемъ беззаконничала, тѣмъ умилостивить законодателя. Какъ Давидъ омывалъ слезами постель, которую осквернилъ беззаконнымъ бракомъ: *измыю на всяку нощь ложе мое, слезами моими постелю мою омочу* 713 (Пс. VI, 7),—такъ и она, увлекавшая своими глазами многихъ юношей въ распутство, смыла несмываемую скверну грѣховъ источниками слезъ, приготовивъ сама себѣ купель покаянія изъ слезъ. Слезы для нея служили какъ бы водою, и отпущеніе она получила отъ Христа невидимо. И не только подражая Аврааму, но даже превосходя его, она омывала ноги Христовы. Онъ омывалъ водою, поставивъ умывальникъ, и полотенцемъ отиралъ; она омывала ноги Іисуса, не воды почерпнувъ, но источая потоки слезъ. Изъ предосторожности не оскорбить грѣховными слезами святыхъ ногъ, она, какъ полотенцемъ, отерла ноги, пользуясь прекрасными волосами. И было видно, что жена вся и всѣмъ старается служить Іисусу. Вверху глаза, какъ источники, изливали потоки слезъ; внизу душа, какъ умывальникъ, принимала капли, падающія съ ногъ; волосы отирали, въ видѣ полотенца; руки, держа сосудъ съ миромъ, помазывали божественныя ноги, чествуя миро миромъ: *мѵро изліяное имя твое* (Пѣсн. I, 2). Видишь, какъ превзошла неблагодарный іудейскій умъ жена грѣшница, не имѣющая части въ божественномъ законѣ. Они (іудеи) бросали въ Него камнями, а она порадовала благовоннымъ миромъ. Іудеи, какъ неразумные и непризнательные, платили зломъ благодѣтелю, чествуя краеугольный камень камнями, она же помазала ми-

ромъ ноги, имѣющія изъ-за нея весь день оставаться на крестѣ. И что я говорю, что она побѣдила неблагодарный іудейскій народъ, когда она превзошла сонмъ всѣхъ святыхъ? Она получила благодать, которой не получили цари, ни властелины. *Царіе Ѳарсійстіи и острови дары принесутъ, и поклонятся ему вся царіе земстіи* (Пс. LXXI, 10, 11). По пророку, и они дали дары, но издали поклонились; никто изъ нихъ не цѣловалъ ногъ Іисуса. Какъ пришли волхвы, взявъ въ помощницы звѣзду поклоненія? Они издали приносили дары, сознавая мѣру своего чина. *Небо престолъ мой, земля же подножіе ногъ моихъ* (Ис. LXVI, 1). Итакъ, да хвалится жена, что она получила честь всей земли; она касалась непорочныхъ ногъ, пыль съ которыхъ будутъ лизать народы и племена; въ тѣлѣ Христовомъ она участвовала съ Іоанномъ. Онъ возлежалъ на груди, потому что ему нужно было извлечь для себя оттуда божественное ученіе; а она держала ноги, ходившія за насъ. Христосъ, не судя грѣха, но хваля покаяніе, не наказывая прошедшаго, но одобряя будущее, предаетъ забвенію ея прежнее нечестіе, чтитъ жену и хвалитъ покаяніе, оправдываетъ слезы и вѣнчаетъ рѣшеніе. Фарисей, видя чудо, изумляется въ душѣ, и изъ зависти не допускаетъ покаянія жены; такъ почтившую Господа порицаетъ, и достоинство почтеннаго унижаетъ, осуждая Его незнаніе: *видѣвъ Фарисей, воззвавый его, рече въ себѣ: сей аще бы былъ пророкъ; вѣдѣлъ бы, кто, и какова жена*, которая *прикасается ему: яко грѣшница есть.* О, несмысленный, неразумный и во всемъ фарисей! Говоря такъ, ты не нравъ жены изобличаешь, но обвиняешь свое произволеніе,—говоря, что Онъ не знаетъ, кѣмъ нѣкогда была эта жена. Ты не почтилъ Его приглашеніемъ, какъ Бога, знающаго все. Знатный обвинитель и клеветникъ! Ты говоришь съ Нимъ, какъ съ Богомъ, и (какъ съ) могущимъ благословлять, (но) осуждаешь Его, какъ человѣка, и (какъ) не знающаго ничего больше насъ: *сей аще бы былъ пророкъ.* И насколько лучше тебя, фарисей, сихемская жена, которая не знала, что Онъ пророкъ, и съ перваго взгляда благоразумно исповѣдала Его Спасителемъ: *Господи, вижу яко пророкъ еси ты* (Іоан. IV, 19). Насколько удивительна и эта грѣшница, грѣхъ которой ты видишь, а на покаяніе не глядишь; даже осуждаетъ ту, которую Судія оправдываетъ, даже упрекаешь и порицаешь ту, которую Богъ, одобривъ, вѣнчаетъ,—(вѣнчаетъ) за то, что, видя у тебя Бога возлежащимъ въ образѣ человѣка, узнала и почтила (Его), и, открывъ душевныя раны, просила милости и забвенія своей прошлой жизни. Ты почтилъ
749 приглашеніемъ, (но) безчестишь порицаніемъ, говоря: *аще бы былъ пророкъ, вѣдѣлъ бы, кто, и какова жена*, которая *прикасается ему.* Безумецъ! Такъ какъ Онъ не обличилъ твоего нечестія, ты осуждаешь Его за незнаніе; такъ какъ Онъ пришелъ подъ твою кровлю, отягченную многимъ нечестіемъ, ты отказываешь Ему въ вѣдѣніи; такъ какъ Онъ удостоилъ возлежать съ тобою и согласился взять въ руки твое

кушанье, и не отвергъ, ты считаешь Его однимъ изъ множества? Достоинъ ли ты былъ оказать гостепріимство Богу, или предложить трапезу приготовляющему трапезу въ пустынѣ? Но, будучи человѣколюбивымъ, Онъ не отказался принять питье и хлѣбъ даже отъ твоихъ домашнихъ. За что фарисей обвиняешь человѣколюбиваго Владыку, одинаково всѣмъ дающаго отъ Своей благости? Зачѣмъ процѣживаешь комара жены, (а) верблюда своего нечестія проглатываешь? Желаешь, чтобы Богъ былъ долготерпѣливъ къ тебѣ, и строгъ къ ней? Зачѣмъ на чужія вины ты побуждаешь судію, (а) своимъ просишь прощенія? Зачѣмъ вы съ Іудой согласились искусить Господа? Ты, будто чистый отъ скверны, поносишь жену за грѣхъ (и) осуждаешь Бога въ незнаніи; онъ, будто любящій нищихъ, негодуетъ словами: къ чему трата этого мира? Можно было продать дорого, и раздать нищимъ. О, неразумная душа! О, неблагодарный нравъ! Ты, Іуда, считаешь гибелью служеніе Христу, и называешь пустой тратой совершенное для чести Божіей? Сколько мы дали за то, что́ получили? Подумаемъ, Кѣмъ созданъ міръ, сколько рѣкъ милости текутъ отъ Него,—и Богъ не считаетъ потерей для Себя это изобиліе; сколько благовоній произращаетъ земля, сколько розъ, лилій, стиракса, нарда, стактія и остального, изъ чего приготовляется прекрасное миро,—и Богъ не считаетъ этого тратой для Себя; а ты ропщешь, что на ноги Христовы возлитъ небольшой сосудъ мира? Задаромъ ли Онъ принялъ это, чтобы тебѣ роптать? Онъ принялъ миро, и объявилъ о покаяніи; принялъ слезы, и остановилъ источникъ грѣховъ. Что́ за погибель, если спасена жена, чрезъ которую заключился рай, чрезъ которую Адамъ извергнутъ? Но Іуду это опечалило; понятно: ея спасеніе опечалило діавола. Онъ зналъ, что впредь чрезъ нее родъ (человѣческій) обратится къ покаянію, и терзается и мучится, не имѣя впредь сѣти, которою бы ему уловить человѣка; отсюда и тебя побудилъ къ ропоту: зачѣмъ эта трата, можно бы продать дорого! Уже и продажа, Іуда? Уже ты, начало зла, думаешь о предательствѣ? Но Іисусъ не обличаетъ болѣзни его, не обнаруживаетъ сребролюбія, чтобы не задержалось будущее предательство. Христосъ всѣмъ говоритъ: *что труждаете жену* (Мѳ. XXVI, 10)? Зачѣмъ вы охуждаете жену, въ довершеніе ея прежняго нечестія? Достаточно женскій полъ потрудился; никто пусть не препятствуетъ его спасенію; никто пусть не осмѣиваетъ омывшую миромъ ноги, ходящія ради нея по землѣ. Нищіе съ вами; возьмите и Меня съ ними; для васъ Я сталъ нищимъ, будучи богатымъ, чтобы вамъ обогатиться Моею нищетою. Убиваете Меня, и Я не обвиняю; она погребаетъ Меня, и вы ропщете: *возліявши бо сія мгро на тѣло мое, на погребеніе мя сотвори* (ст. 12). Итакъ, не стыдно ли тебѣ, Іуда, что она, будучи грѣшницею, миромъ Меня чествуетъ, а ты, будучи апостоломъ, продажей Меня безчестишь? Жена приготовляетъ что́ относится къ погребенію, (а) ученикъ предаетъ смерти. (Что) грѣш-

ница эта жена, Я знаю; но у нея нечѣмъ было одарить Меня, какъ источникомъ слезъ; источникъ умилостивляетъ источникъ, приноситъ не имущему учителю иную умилостивительную жертву. Ты одобряешь, безумецъ, миро, оцѣнивая его въ триста динаріевъ; но одобряешь не съ тѣмъ, чтобы похвалить ея великодушіе, что она на покупку мира издержала все свое богатство, худо собранное, но чтобы ропотомъ показать, что ты, потерявшій столько, подпалъ ненавистному злу. Немного, если досадуешь на потерю трехсотъ динаріевъ, когда за тридцать отдалъ Господа! *Что ми хощете дати, и азъ вамъ предамъ его* (ст. 15)? Несчастный! Рабъ продаетъ Господа; извращенъ порядокъ: Я покупаю тебя отъ грѣха Своею кровію, а ты Меня продаешь за тридцать обо-
750 ловъ! Если человѣкъ продаетъ Бога (пусть Онъ отданъ ему для продажи), то кто покупатель? Засколько кто купитъ Бога? Почему такъ дешево цѣнишь? Кто продаетъ за тридцать оболовъ Бога въ образѣ человѣка? (Продаешь) какъ раба, какъ варвара? Разсуди, засколько (продаешь) внутри живущаго Бога и засколько видимаго человѣка? *Что ми хощете дати*? Что̀ ты желаешь получить? У нихъ нѣтъ ничего равноцѣннаго Богу. И *поставиша ему тридесять сребреникъ*. Кто продаетъ дарового врача за тридцать оболовъ,—врача, просвѣщающаго слѣпыхъ, поднимающаго къ ходьбѣ хромыхъ? Я это говорю, чтобы наставить твой умъ. *Что труждаете жену* за то, что она почтила между мертвыми свободнаго, и передъ смертію, какъ мертваго, за то, что миромъ предвозвѣстила благодать погребенія и воскресенія? Ты будешь имѣть плодомъ предательства петлю; а память о ней будетъ непрестанна, гдѣ ни проповѣдуется евангеліе. Какъ Онъ сказалъ, такъ и на дѣлѣ было: миро Аарона и Елеазара прекратилось и его достоинство упразднилось, а сосудъ ея продолжается вѣчно, имѣя неистощимое благовоніе памяти. Это— Іудѣ, а ропщущему фарисею Христосъ такъ говорилъ: *Симоне, имамъ ти нѣчто рещи* (Лук. VII, 40). О, несказанная благодать! О, неизреченное человѣколюбіе! Богъ совѣщается съ человѣкомъ и предлагаетъ задачу и правило человѣколюбія, чтобы освободить его отъ порочности. *Симоне, имамъ ти нѣчто рещи*, чего никому изъ древнихъ не сказалъ—ни патріарху, ни пророку, ни законодателю. Тогда Я требовалъ око за око, зубъ за зубъ, спрашивая правды; но такъ какъ вы не можете носить правды, то замѣняю законъ благодатію, и скажу тебѣ неизреченную тайну. Онъ говоритъ: *учителю, рцы. Два должника бѣста* у одного мужа. Смотри на премудрость Божію: Онъ умалчиваетъ о женѣ, чтобы не испортить его отвѣта. *Единъ бѣ долженъ* динаріевъ пятьсотъ и другой *пятіюдесятъ*. Страшно объясненіе: наша жизнь есть запись, гдѣ незримо пишутся и помыслы и дѣла и блужданія глазъ и движенія души. Но человѣколюбивый судія освобождаетъ отъ страха, разрывая рукопись грѣха, и не только разрывая, но и омывая водами крещенія, чтобы не осталось памяти отъ прежняго стихійнаго нечестія. *Не иму-*

щема има воздати, обѣма отда. Видишь ли человѣколюбиваго ссудителя, какъ Онъ ссужаетъ, и не беретъ обратно, какъ Онъ непризнательныхъ не цѣпенитъ, но расширяетъ для нихъ Свою руку? *Не имущема има воздати, обѣма отда*; отпустилъ потому, что они не имѣли, (а) не потому, что не желали; иное (дѣло) не имѣть, и иное не желать. Для примѣра скажу: Богъ ничего отъ насъ не требуетъ, кромѣ покаянія; потому Онъ желаетъ, чтобы мы всегда радовались и прибѣгали къ покаянію. Если, при нашемъ желаніи покаяться, множество грѣховъ показываетъ слабость нашего покаянія, то мы не выплачиваемъ долга не отъ нежеланія, но отъ недостатка. Поэтому, Онъ говоритъ: *не имущема има,* чтобы показать, что, увидѣвъ ихъ желаніе отдать долгъ чрезъ покаяніе, но невозможность по множеству грѣховъ,— какъ человѣколюбецъ, простилъ имъ, не за дѣло, но за произволеніе освободилъ отъ обязанности долга. *Не имущема има воздати,* не наказавъ, не пытавъ, не предавъ безчестію, *обѣма отда. Который убо ею должень больше возлюбить? Отвѣщавъ же Симонъ рече: мню, яко ему же вящше отда.* Гляди на досаду фарисея: онъ увидѣлъ, что словомъ истины заключенъ; боясь дать окончательный отвѣтъ, *мню*—рѣшилъ. Господь не мысль его отмѣтилъ, но, ухвативъ отвѣтъ, говоритъ: *право судилъ еси. И обращся къ женѣ, Симонови рече: видиши ли сію жену* грѣшницу, отвергнутую тобою, Мною спасаемую? *Внидохъ въ домъ твой*—твой домъ, не мой, полонъ злословія—*воды на нозѣ мои не далъ еси,* на ноги, запыленныя для тебя, подъявшія трудъ, чтобы освободить труждающихся (и) обремененныхъ; ты на половину почтилъ: что вверху,
тому изумился, а что внизу, тому не послужилъ. Ты воды не далъ на 751
Мои ноги; а она, изливъ источники слезъ, смыла нечистоту своего грѣха. Ты мнѣ цѣлованія *не далъ еси*—о, еслибы и Іуда не совершилъ предательства цѣлованіемъ!—*сія же, отнелиже внидохъ, не преста облобызающи ми нозѣ. Масломъ главы моея не помазалъ еси,* потому что *елей грѣшнаго да не намаститъ главы моея* (Пс. CXL, 5),—какъ тебѣ было почтить голову, когда ты пренебрегъ ногами?—*сія* же и ноги помазала миромъ, по пророчеству: *мгро излїяное имя твое* (Пѣсн. I, 2), излїянное, (а) не излитое. Такъ какъ сосудъ іудейскаго ума былъ гнилъ, то изъ вашего сосуда миро излїянное на моихъ ногахъ, чтобы чрезъ Меня проникла благодать благовонія къ язычникамъ. *Егоже ради, глаголю ти: отпущаются* ея *грѣси мнози,*—за то, что ты, принявъ Меня въ своемъ домѣ, не почтилъ цѣлованіемъ, не послужилъ помазаніемъ; а
она, получившая прощеніе многаго нечестія, почтила Меня, смѣшавъ 752
какъ бы двойной сосудъ, слезъ и мира. Итакъ, ублажимъ жену, покрывшую нечестіе Евы, грѣшницу, блудницу, посредницу благъ, показавшую образъ покаянія и обнаружившую законъ человѣколюбія, имѣвшую защитникомъ самого Судію, побѣдившую слезами плачъ суда. Сколько васъ (здѣсь ни) присутствуетъ, поревнуйте тому, что вы слышали, и возь-

мите въ примѣръ не страсть блудницы къ удовольствію, но плачъ ея. Удовольствіе родило плачъ, плачъ доставляетъ освобожденіе. Омойте свое тѣло не водою, но слезами, помажьтесь не миромъ, но цѣломудріемъ; одѣньтесь не въ шелковыя ткани, но въ нетлѣнную одежду спасенія, чтобы вамъ получить ея славу, возсылая благодарность агнцу Божію, берущему грѣхъ міра. Ему слава и честь и поклоненіе, со Отцемъ и Святымъ Духомъ, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

На слова: Отче, аще возможно есть, чаша сія да мимоидетъ отъ Мене (Мѳ. XXVI, 39).

Въ великую пятницу.

751 Учители церкви похожи на чадолюбивую мать, переносящую всякую тягость и трудъ для воспитанія своихъ милыхъ дѣтей. Какъ она предлагаетъ свои сосцы, доставляющіе неистощимую молочную пищу милому дитяти, такъ точно и учитель церкви, предлагая свой умъ дѣтямъ церкви, побуждаетъ охотно извлекать словесное молоко. И какъ мать, послѣ времени молочной пищи, служитъ для жизни своихъ дѣтей тѣмъ, что даетъ твердый хлѣбъ вмѣстѣ съ овощами, приготовленными на огнѣ, такимъ же образомъ и учитель, послѣ оглашенія божественными словами, какъ бы послѣ молочной пищи, даетъ питающимся отъ него дѣтямъ трудно объяснимый хлѣбъ слова, вмѣстѣ съ разными толкованіями и ученіями Писанія. Поэтому и мы, возлюбленные, послѣ того, какъ напитали васъ молокомъ легкихъ словъ въ предыдущіе дни, теперь поведемъ къ разсмотрѣнію ученій: Духъ Святый приготовляетъ для васъ здравое слово наставленія. На трапезѣ Писанія намъ предложенъ такой хлѣбъ слова: почему Господь нашъ Іисусъ Христосъ, пришедшій за жизнь всѣхъ принять на Себя страданіе и смерть, предъ славнымъ крестомъ говоритъ: *Отче, аще возможно есть, чаша сія да мимоидетъ отъ мене?* Многіе, не понявъ мудрой цѣли и не вникнувъ въ сокрытое въ этомъ изреченіи сокровище, говорятъ о Его робости. Но мы, возлюбленные, побесѣдуемъ съ Нимъ, какъ дѣти, чтобы вамъ, какъ дѣтямъ, усвоить мысли Его. Скажемъ Ему, не какъ совершенные, но какъ дѣти: почему, Господи, предъ страданіемъ за насъ, предъ распятіемъ на крестѣ, Ты робѣешь и молишься, говоря: *Отче, аще возможно есть, чаша сія да мимоидетъ отъ мене?* Если Ты самъ Себя истощилъ, принявъ образъ раба, когда никто Тебя не принуждалъ, зачѣмъ теперь Ты о другомъ просишь и говоришь: *Отче, аще возможно есть, чаша сія да мимоидетъ?* Ты вѣдь сдерживался и спѣшилъ пить эту чашу. Ты говорилъ: *крещеніемъ имамъ креститися, и како удержуся дондеже* буду пить его (Лук. XII, 50); и между тѣмъ какъ сдерживаешься и спѣшишь пить его, (теперь) отказываешься и говоришь: *Отче, аще возможно есть, чаша сія да мимоидетъ.* Ужели

не знаешь, что Ты намѣренъ былъ претерпѣть за насъ смерть? И вѣдь
Ты говорилъ: *подобаетъ* Сыну человѣческому быть предану и *постра-
дати и въ третій день востати* (Мѳ. XVI, 21); почему же предъ са-
мымъ крестомъ Ты отказываешься и говоришь: *аще возможно есть,
чаша сія да мимоидетъ?* И если Ты этого желалъ, зачѣмъ порицалъ
своего ученика Петра, препятствовавшаго Тебѣ? Ты говорилъ: *подобаетъ*
Сыну человѣческому *пострадати* и быть погребеннымъ *и въ третій
день возстати;* а Петръ говорилъ: *милосердъ ты Господи: не имать
быти тебѣ сіе* (ст. 22); (тогда) вознегодовавъ на него, Ты говорилъ:
иди за мною сатано, соблазнъ ми еси: яко не мыслиши, яже Божія, 752
но человѣческая (ст. 23). Если Ты порицалъ его тогда, какъ почело-
вѣчески говорящаго, зачѣмъ теперь ищешь того, чему онъ тогда пре-
пятствовалъ, и говоришь: *Отче, аще возможно есть, чаша сія да ми-
моидетъ?* Мы научаемся, что Ты творецъ видимаго и невидимаго; при-
косновеніемъ руки исцѣлялъ отъ болѣзней, словомъ укрѣплялъ разру-
шившіяся тѣла мертвыхъ, потоки крови изсушалъ краемъ одежды, пятью
хлѣбами напиталъ до сытости пять тысячъ мужей, повелѣвалъ вѣтрамъ
и морю, и все Тебѣ съ трепетомъ повиновалось; и, совершитель столь-
кихъ чудесъ и разрушитель смерти, теперь Ты боишься смерти, и го-
воришь: *Отче, аще возможно есть, чаша сія да мимоидетъ?* И если
Ты боишься смерти, на кого впредь будетъ у насъ надежда жизни; и
если боишься смерти, то почему говоришь: *азъ есмь* жизнь и воскре-
сеніе (Іоан. XI, 25)? Жизнь и воскресеніе никогда не боятся смерти.
Что же значитъ, что Ты говоришь: *Отче, аще возможно есть, чаша
сія да мимоидетъ?* Развѣ Ты не знаешь, знающій все прежде бытія
его, не знаешь—возможно, или нѣтъ миновать этой чашѣ? Почему Ты
говорилъ: никто не знаетъ Отца, *токмо Сынъ* (Мѳ. XI, 27)? Ты знаешь
Отца, Котораго ни въ чемъ Ты не больше, а о чашѣ не знаешь, воз-
можно ли ей миновать? Почему же Павелъ говоритъ: *нѣсть тварь не-
явлена предъ нимъ, вся же нага и объявлена предъ очима его;* и еще:
*живо бо слово Божіе, и дѣйственно, и острѣйше паче всякаго меча
обоюду остра, и преходящее даже до раздѣленія души же и духа,
членовъ же и мозговъ, и судително помышленіемъ и мыслемъ сердеч-
нымъ* (Евр. IV, 13, 12)? Если нѣтъ предъ лицомъ Его твари неявной,
все обнажено и объявлено въ глазахъ Его, почему Ты теперь, будто
не знающій, говоришь: *Отче, аще возможно есть, чаша сія да мимо-
идетъ отъ мене,* если только въ этомъ словѣ нѣтъ какой-либо сокры-
той тайны? Не подходяще, Господи, къ Тебѣ это слово, такъ какъ Ты
Богъ, Сынъ Божій, Слово, Мудрость, Сила, Свѣтъ, Солнце правды, Источ-
никъ безсмертія, Жизнь вѣчная, Воскресеніе для насъ, умершихъ отъ
грѣха. *Отче, аще возможно есть, чаша сія да мимоидетъ.* О, какъ
трудно проникнуть въ это слово, разсмотрѣть и обсудить его! Какъ тѣ-
сно (оно) и мучительно для многихъ людей! Научи насъ, Господи, этой

тайнѣ Твоего слова; мы Твои, и въ Тебя увѣровали. Пусть не поднимается въ своемъ злословіи исполинъ Евномій, и не порицаетъ воинства Израиля Господня; онъ насъ порицаетъ, и противъ Тебя, нашего Владыки, поднимается безчестіе. Возбуди въ нашемъ сердцѣ умъ, какъ у кротчайшаго Давида; дай намъ одинъ камень слова, чтобы, метнувъ имъ, разрушить сущность ихъ нечестія, чтобы узнало сегодня все воинство, что Ты Господь всевышній, одинъ только *по всей земли* (Пс. LXXXII, 19). Великъ у насъ сонмъ еретическій, говорящій: видишь,
753 какъ Онъ боится и робѣетъ; видишь, какъ молится Отцу словами: *Отче, аще возможно есть, чаша сія да мимоидетъ!* Теперь Евномій радуется, теперь Арій веселится, какъ нашедшіе хульныя слова, шипящія противъ истины. Но не веселитесь вы, иноплеменники! Сокрушено ярмо нашего мучителя. Съ нами Богъ (Числ. XIV, 9)! Знайте, язычники, и покоряйтесь; если опять усилитесь, опять будете побѣждены; и если совѣтъ совѣщаете, разоритъ Господь; уста Господни сказали это—*Отче, аще возможно есть, чаша сія да мимоидетъ.* О, чаша, исполненная жизни и безсмертія! Изъ нея, осквернивъ своимъ зловѣріемъ, Евномій и Арій напояютъ ближняго коварною гибелью, считая горечью ея сладкое смѣшеніе мыслей, и не боясь голоса Писанія, говорящаго: *горе напаяющему подруга своего развращеніемъ мутнымъ* (Авв. II, 15); горе говорящимъ *горькое сладкое, и сладкое горькое*; *полагающимъ* свѣтъ тьмою, и тьму свѣтомъ; *горе иже мудри въ себѣ самихъ, и предъ собою разумни* (Ис. V, 20, 21). Мы же, возлюбленные, взявъ чашу Господа нашего, съ любовію почерпнемъ преисполняющаго ее ученія. *Отче, аще возможно есть, чаша сія да мимоидетъ.* Не по твоему, Арій—будто робѣетъ Господь нашъ, или боится смерти; почему Онъ боялся бы, когда имѣлъ власть умереть и не умереть: *область имамъ положити* душу мою, *и область имамъ паки пріяти ю* (Іоан. X, 18)? Если бы Онъ принуждался кѣмъ-нибудь, то ты вѣрно бы сказалъ, что Онъ робѣетъ; а теперь Онъ самъ говоритъ: *область имамъ положити* душу мою, *и область имамъ паки пріяти ю,* т. е., Я никѣмъ не принуждаюсь. Но какъ Я самъ Себя истощилъ, принявъ образъ раба, безъ принужденія кѣмъ-либо, и Себѣ самому устроилъ тѣло для жительства: *премудрость созда себѣ домъ* (Прит. IX, 1),—такимъ же образомъ могу и разрушенное смертію Свое тѣло воскресить для жизни. Я есмь говорящій: *разорите церковь сію, и треми денми воздвигну ю* (Іоан. II, 19), такъ что ни изъ робости, ни изъ страха смерти Я говорю: *Отче, аще возможно есть, чаша сія да мимоидетъ,* но предлагая слово сокрытой тайны. Это изреченіе есть приманка для діавола; Мнѣ нужно было уловить его этимъ изреченіемъ. Діаволъ видѣлъ, что Я совершилъ много знаменій, что исцѣлялъ прикосновеніемъ руки болѣзни, что изгонялъ словомъ легіоны демоновъ, что струпья прокаженныхъ снималъ словомъ, какъ бы вѣялкой, что разслабленныхъ укрѣплялъ голосомъ, что повелѣ-

валъ вѣтрамъ и морю, и все Мнѣ съ трепетомъ повиновалось; увидѣвъ изъ этихъ дѣлъ, что Я Сынъ Божій, онъ подумалъ, что если Я буду распятъ на крестѣ, онъ погибъ; если Я сойду въ преисподнюю, то сокрушу его желѣзные запоры и разрушу его мѣдныя врата. И, увидѣвъ это, изъ страха избѣгаетъ поставить многоцѣнный для Меня трофей креста. Что Мнѣ дѣлать? Какъ мудрый рыбакъ, Я дѣлаю видъ, что робѣю,—дѣлаю видъ, что боюсь смерти и говорю: *Отче, аще возможно есть, чаша сія да мимоидетъ*, чтобы онъ, заключивъ изъ этихъ моихъ малодушныхъ словъ, что Я робкій человѣкъ, избѣгающій смерти, поспѣшилъ поставить посреди земли тайну крестнаго древа, будто бы противъ Меня. Мнѣ нужно было, какъ мудрому рыбаку, воспользоваться искусствомъ противъ него; Мнѣ нужно было все претерпѣть за жизнь всѣхъ. Если онъ отъ начала воспользовался хитростію для погибели Адама, тѣмъ болѣе Мнѣ нужно было воспользоваться для спасенія всѣхъ. Коварными словами онъ обманулъ Адама; божественными словами: *Отче, аще возможно есть, чаша сія да мимоидетъ отъ менг*—обманывается онъ, коварный. Если бы рыбакъ, когда опускаетъ уду въ море, не надѣвалъ на нее червя, и не показывалъ его будто ускользающимъ, рыбы не бросались бы къ нему. Я облекъ уду Моего божества червемъ тѣла; опустилъ уду, сокрытую въ червѣ тѣла, въ глубину этой жизни; если бы червь не двигался подобно червю, не пришелъ бы тотъ, кому нужно было уловиться удою. Мнѣ нужно было принять видъ червя и сказать: *азъ есмь червь, и не человѣкъ* (Пс. xxi, 7), чтобы онъ подбѣжалъ и ухва- 754
тился за уду, и былъ бы вытащенъ Мною, и исполнилось бы написанное у Іова: извлечешь же *змія удицею* (Іов. xl, 20). Я становлюсь какъ бы робкимъ человѣкомъ, становлюсь какъ бы убѣгающимъ смерти, говорю: *прискорбна есть душа моя до смерти* (Мѳ. xxvi, 38), говорю: *Отче, аще возможно есть, чаша сія да мимоидетъ*. Онъ съ радостію и весело слушаетъ эти слова; спѣшитъ дѣлать враждебное для Меня. И что же говоритъ самъ въ себѣ? И это человѣкъ. Я поглотилъ Авраама, Исаака, Іакова, патріарховъ и пророковъ; поглощу и Его. Вотъ Онъ робѣетъ, какъ человѣкъ; Онъ человѣкъ; поглощу Его. Онъ поглотитъ Меня, какъ человѣка, и Я окажусь въ утробѣ его Богомъ совершителемъ. *Отче, аще возможно есть, чаша сія да мимоидетъ*. Онъ поглотитъ закваску тѣла, и Я окажусь негасимымъ углемъ божества, страшно сжигающимъ его внутри: *огня пріидохъ воврещи на землю* (Лук. xii, 49). *Отче, аще возможно есть, чаша сія да мимоидетъ*. Я буду говорить, какъ агнецъ; не желаю, чтобы онъ видѣлъ сверкающій мечъ божества, чтобы не убѣгъ онъ, волкъ. Онъ поглотитъ Меня, какъ агнца, и извнутри уязвится изощреннымъ мечомъ: *не пріидохъ воврещи миръ* на него, *но мечь* (Мѳ. x, 34). *Отче, аще возможно есть, чаша сія да мимоидетъ*. Я скрою пастыря Бога въ агнцѣ тѣла; не желаю обнаружить пастыря Бога, чтобы не убѣжалъ волкъ; волкъ уходитъ, если видитъ

пастыря. Я буду говорить, какъ агнецъ. *Отче, аще возможно есть, чаша сія да мимоидетъ*. Буду говорить, какъ агнецъ, не имѣющій пастыря; Я сдѣлался какъ бы безпомощнымъ человѣкомъ. Поглотитъ Меня, какъ агнца, и сокрушится извнутри крестнымъ посохомъ пастыря. Онъ сгрызетъ зерно горчичное, и Я окажусь для него остротою страшно мучительнаго божества; онъ сгрызетъ Меня, какъ человѣка, и Я окажусь крѣпкимъ камнемъ, сильно сокрушившимъ его зубы, чтобы онъ научился не сгрызать болѣе людей; и исполнится написанное: *Богъ же сокрушитъ зубы* его *во устѣхъ* его (Пс. LVII, 7). *Отче, аще возможно есть, чаша сія да мимоидетъ*. Если бы онъ зналъ, какова эта чаша, отъ которой Я отмаливаюсь, онъ молился бы, чтобы она миновала; противъ него она жало, а для моихъ спасеніе. Когда онъ Меня поглотитъ, тогда почувствуетъ, Кого поглотилъ; когда онъ увидитъ, что Мною скрывается солнце, омрачается день, тогда и самъ огорчится; и исполнится написанное: *адъ долѣ огорчися, срѣтъ тя* (Ис. XIV, 9). *Отче, аще возможно есть, чаша сія да мимоидетъ*. Пусть не смущаютъ васъ эти слова, мудро произносимыя; подождите, и увидите выводъ изъ Моихъ словъ, и тогда изумитесь мудрости ихъ. Онъ думаетъ, что глупо ухищреніе Мое; а не знаетъ, что *буее Божіе премудрѣе человѣкъ есть* (1 Кор. I, 25); онъ думаетъ отсюда, что Я самый немощный, а не знаетъ, что *немощное Божіе крѣпчае человѣкъ есть* (ст. 25); не знаетъ, что Я буду пить чашу, онъ упьется и омрачится, а мои возбудятся и станутъ бодрыми. Теперь онъ съ радостію слушаетъ эти Мои слова: *Отче, аще возможно есть, чаша сія да мимоидетъ*. Когда поглотитъ Меня, когда увидитъ, что камни раскалываются, гробницы и могилы открываются и самъ онъ сокрушается, и мертвые встаютъ и восходятъ на небо, тогда онъ раскается и будетъ печалиться надъ тѣмъ, чему теперь радуется. Онъ не знаетъ, что самому себѣ ставитъ западню, которую ставитъ, и самъ попадется, по писанному: *ровъ изры, и ископа и, и падетъ въ яму, юже содѣла* (Пс. VII, 16). Онъ не знаетъ, что крестъ, который онъ намѣренъ поставить, для Меня постель, для него крестъ,— для Меня почивальня, для него смерть. О, чаша, жало для діавола, пугало демоновъ, вѣялка грѣховъ, устроительница жизни, умилостивленіе для грѣшниковъ, чаша безсмертія! *Обаче не якоже азъ хощу, но якоже ты*. Онъ узналъ, несчастный, что все стало, чтó Я сказалъ; онъ слышалъ Мои слова: благодарю Тебя, Отче, *яко услышалъ еси мя. Азъ же вѣдѣхъ, яко всегда мя послушаеши* (Іоан. XI, 41, 42). Такъ какъ Я молился, чтобы миновала чаша смерти, то, чтобы ты не думалъ, вслѣд-
755 ствіе молитвы о минованіи чаши, будто дѣло креста стало слабымъ, Я дѣлаю сомнительный выводъ изъ Своей молитвы, и говорю: *обаче не якоже азъ хощу, но якоже ты*. Отцу Своему Я приписываю власть надъ смертію, хотя самъ имѣю власть положить душу Свою, и власть имѣю опять взять ее. Я покрываю Свое божественное достоинство ду-

ховными листьями, покрываю властность Своего божества человѣческими словами, говорю: *не якоже азъ хощу, но якоже ты*. Онъ, слѣпецъ, не зналъ, что Моя воля и Отца Моего одно: *вся, елика имать Отецъ, моя суть* (Іоан. XVI, 15), и: *азъ и Отецъ едино есма* (Іоан. X, 30). *Обаче не якоже азъ хощу, но якожe ты*. Онъ повѣситъ зерно хлѣбное, и когда поглотитъ Меня, увидитъ, что самъ удавляется тройною петлею. Но можетъ быть кто-нибудь изъ слушателей спроситъ: ужели Христосъ насмѣялся надъ діаволомъ, или возможно ли было насмѣхаться надъ нимъ? Ему мы скажемъ: прочитай Писаніе, и найдешь, что самъ Отецъ говоритъ Моисею: видишь, *елико наругахся Египтяномъ* (Исх. X, 2). Такъ и Господь насмѣялся надъ діаволомъ и демонами. Нужно было, чтобы онъ былъ осмѣянъ, какъ безумецъ, за свое великорѣчіе и слова: крѣпостію Моею *сотворю и* разумомъ рукъ моихъ *отъиму предѣлы языковъ, и вселенную всю* какъ гнѣздо возьму, *и яко оставленая яица* 756
возму, и никого не будетъ, *иже противу мнѣ речетъ* (Ис. X, 13, 14). Нужно было, чтобы онъ и демоны были осмѣяны, чтобы обнаружилось, что въ такихъ своихъ похвальбахъ они неразумнѣе даже дѣтей. Поэтому и не знали, что̀ дѣлали: *аще бо быша разумѣли, не быша Господа славы распяли* (1 Кор. II, 8). Также и пророкъ предвозвѣстилъ объ этомъ драконѣ, что онъ будетъ осмѣянъ: *змій сей, егоже создалъ еси ругатися ему* (Пс. CIII, 26). Но, чтобы не казалось, что излишнимъ удлинненіемъ слова мы препятствуемъ желающимъ послѣ насъ еще яснѣе передать мысль Писанія,—здѣсь прекратимъ свое Слово. Мы были вызваны сказать по поводу той же самой главы, не потому, что можемъ говорить безъ пропусковъ, но чтобы объяснить по своимъ силамъ, и дать поводъ любознательнымъ: *даждь премудрому вину, и премудрѣйшій будетъ* (Прит. IX, 9). И вы, возлюбленные, собравъ изъ Писанія, въ подкрѣпленіе сказанному, старайтесь еще больше уяснить трудную мысль,— Господь нашъ не по робости, какъ выше у насъ сказано, уклоняется отъ чаши смерти, но по божественному устроенію, — чтобы по моимъ ничтожнымъ словамъ и мыслямъ и вашимъ трудамъ возсылалась слава Христу, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

На притчу въ евангеліи Луки, въ которой говорится: человѣкъ нѣкій схождаше, и въ разбойники впаде (Лук. X, 30).

Дѣйствительно, по божественному апостолу, *текущіи въ позорищи,* 755
вси убо текутъ, единъ же пріемлетъ почесть (I Кор. IX, 24). Шелъ сегодня іерей, шелъ и левитъ, и только самарянинъ получилъ награду. Онъ безъ труда опередилъ ушедшихъ впередъ; чего не совершили наученные закону, то съ успѣхомъ сдѣлалъ иноплеменникъ. Они, увидѣвъ

въ другомъ собственную природу въ опасности, заключили свое сострадательное сердце и, сомкнувъ глаза, прошли какъ бы мимо лежащаго мертваго столба, какъ нѣкогда былъ не милосердъ богачъ къ брошенному предъ его дверями Лазарю; невѣрный же самарянинъ, вѣрный болѣе іудеевъ, забывъ о своемъ дѣлѣ, утѣшилъ незнакомца, и, забывъ о своей настоятельной нуждѣ, поспѣшилъ къ ухаживанію за пораженнымъ, и, не зная закона, исполнилъ его, совершивъ все по закону: *егда бо языцы не имуще закона естествомъ законная творятъ, сіи закона не имуще, сами себѣ суть законъ: иже являютъ дѣло законное написано въ сердцахъ своихъ, спослушествующей имъ совѣсти, и между собою помысломъ осуждающимъ* (Рим. п, 14, 15). Итакъ, чтоже говоритъ евангелистъ? *Человѣкъ нѣкій схождаше отъ Іерусалима во Іерихонъ, и въ разбойники впаде: иже и совлекше его, и язвы возложше отъидоша, оставльше едва жива суща. По* приключенію *) *же священникъ нѣкій схождаше путемъ тѣмъ, и видѣвъ его, мимоиде. Такожде же и левитъ, бывъ на томъ мѣстѣ, пришедъ и видѣвъ, мимоиде. Самарянинъ же нѣкто грядый, пріиде надъ него, и видѣвъ его, милосердова: и приступль обвяза струпы его, возливая масло и вино: всадивъ же его на свой скотъ, приведе въ гостинницу, и прилѣжа ему. И наутрія изшедъ, изъемъ два* динарія *даде гостиннику, и рече ему: прилѣжи ему и, еже аще пріиждивеши, азъ, егда возвращуся, воздамъ ти* (Лук. х, 30—35). Поучимся: что такое Іерусалимъ; и что Іерихонъ; и кто разбойники, съ которыми онъ нечаянно встрѣтился; и что за одежда, которую они сняли съ него; и что такое раны, которыя они причинили человѣку; и почему отошли, оставивъ полуживымъ; и кто іерей, и кто левитъ, и кто самарянинъ; и что такое елей, и что такое вино, и что такое повязки; и что такое скотъ; и что такое гостинница и гостинникъ; и что такое два динарія, и что такое излишнія издержки, которыя онъ обѣщался отдать; и что такое возвращеніе самарянина?
756 Итакъ, одинъ человѣкъ шелъ изъ Іерусалима въ Іерихонъ. Іерусалимъ—рай, Іерихонъ—этотъ міръ; человѣкъ, шедшій изъ Іерусалима въ Іерихонъ—первозданный Адамъ; по изгнаніи изъ рая, онъ шелъ въ Іерихонъ, т. е., въ этотъ міръ. И пришедши, *въ разбойники впаде,* т. е., къ жестокимъ лукавымъ демонамъ; они сняли съ него одежду безсмертія, которую онъ носилъ до грѣха; одѣли его въ листья смоковные. Почему въ листья смоковные? Потому что они жестки и горьки. Такъ какъ послѣ грѣха приключилась съ нимъ жесткость дѣлъ и много горечи, то, поэтому, онъ былъ одѣтъ въ листья смоковные. *И язвы возложше,* т. е., житейскія страданія. Именно: *въ потѣ лица твоего снѣси хлѣбъ твой: тернія и волчцы возраститъ тебѣ* земля; *въ болѣзнехъ родиши чада*

*) Проповѣдникъ дальше различаетъ συντυχία и евангельское συγκυρία. Мы не могли выдержать это различіе иначе, какъ *случай* и *приключеніе.*

(Быт. III, 19, 18, 16); это раны для души. И *отъидоша, оставлше* его *едва жива суща;* преступивъ заповѣдь Божію, Адамъ не былъ ни между живыми, ни совершенно мертвымъ, такъ какъ не вполнѣ отказался отъ Бога. *По* приключенію *же священникъ нѣкій схождаше путемъ тѣмъ.* Не сказалъ: по случаю, но: по приключенію; по случаю—(значитъ) не предусмотрѣнно, неожиданно, когда происходитъ что-либо съ кѣмъ-нибудь само собою; по приключенію—(значитъ) когда кто-нибудь совершаетъ что-либо по промыслу Божію; здѣсь по промыслу Божію шелъ іерей тѣмъ путемъ. *И видѣвъ его мимоиде. Такожде же и левитъ.* Кто іерей, и кто левитъ? Іерей—законъ Моисея, а левитъ—слово пророческое. Они, по промыслу Божію, пришли для ухаживанія за израненнымъ разбойниками; не будучи въ состояніи исцѣлить его, прошли мимо. Когда у нихъ не было силы возстановить лежащаго, идетъ самарянинъ, который есть Владыка Христосъ, стражъ нашихъ душъ. Самарянинъ значитъ—стражъ. Онъ сказалъ: *самарянинъ же нѣкто грядый, пріиде*; не сказалъ, что *пріиде* къ нему, но *пріиде* надъ него, т. е., принялъ, какъ онъ, плоть,—подлежалъ тѣлесной страсти, какъ онъ, но безъ грѣха. *И видѣвъ его, милосердова* надъ нимъ, *и приступль обвяза струпы его, возливая масло и вино.* Что такое повязки, и что елей, и что вино? Повязки—повелѣнія Христа, елей—святое миропомазаніе, вино—таинство вѣры. Этими тремя врачуются наши душевныя раны. Что говоримъ, знаютъ новонаставляемые. *Всадивъ же его на свой скотъ, приведе въ гостинницу.* Собственнымъ скотомъ Христосъ называетъ тѣло, которое Онъ принялъ для насъ отъ пренепорочной Дѣвы. Онъ посадилъ на Свой скотъ израненнаго разбойниками, такъ какъ, по пророку Исаіи, Онъ немощи наши принялъ и болѣзни понесъ (Ис. LIII, 4). И *приведе* 757
въ гостинницу, т. е., въ святую церковь; и заботился о немъ сначала самъ. *Наутрія* же *изшедъ,* т. е., послѣ святаго воскресенія, *изъемъ два* динарія *даде гостиннику.* Кто гостинникъ, и что такое два динарія? Гостинникъ—апостолъ Павелъ, поставленный во главѣ церкви изъ язычниковъ; онъ названъ гостинникомъ, потому что всѣхъ принимаетъ, и всѣхъ влечетъ къ спасенію. Христосъ послѣ Своего воскресенія, вынувъ два динарія, ветхій и новый завѣтъ, далъ ихъ гостиннику, со словами: позаботься о немъ; тебѣ вручаю народъ языческій, израненный самыми жестокими разбойниками; только заботься о немъ; и что издержишь лишнее, то Я отдамъ тебѣ, при Своемъ возвращеніи. Что издер- 758
жалъ Павелъ сверхъ динаріевъ? Четырнадцать посланій, которыя онъ разсылалъ язычникамъ. Что значитъ — *егда возвращуся, воздамъ ти?* При второмъ Своемъ пришествіи, когда приду судить живыхъ и мертвыхъ, при возвращеніи Своемъ, Я отдамъ тебѣ то, что ты издержишь лишняго, какъ и самъ Павелъ говоритъ: *подвигомъ добрымъ подвизахся, теченіе скончахъ, вѣру соблюдохъ. Прочее соблюдается мнѣ вѣнецъ правды, егоже воздастъ ми Господь въ день онъ, праведный судія: не*

токмо же мнѣ, но и всѣмъ возлюбльшимъ явленіе его (2 Тим. IV, 7, 8). Да будетъ, чтобы и намъ всѣмъ получить такой вѣнецъ, по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава и держава, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

На рожденіе святого Іоанна пророка, Предтечи и Крестителя.

757 Благовременевъ день праздника и всеобщей радости, въ который мнѣ пришли на мысль служеніе Гавріила и священство Захаріи, и я думаю объ осужденномъ на нѣмоту за невѣріе. Вы слышали евангелиста Луку, открывшаго намъ сегодня душеполезную врачебницу. Евангелистъ Лука былъ врачомъ и по искусству; но тогда онъ (былъ) цѣлитель тѣлъ, а теперь попечитель о дѣлахъ; онъ замѣнилъ искусство искусствомъ, и принялъ на себя вмѣсто одного попеченія другое. Итакъ, что же Лука, прекрасный врачъ? Вы сейчасъ слышали его слова: *по обычаю священничества ключися ему покадити*, и вошелъ въ храмъ Божій Захарія: *и все множество людей бѣ молитву дѣя внѣ, въ годъ виміама*. И вотъ ангелъ Господень явился ему, *стоя одесную олтаря кадильнаго: и смутися Захарія видѣвъ, и страхъ нападе нань. Рече же къ нему ангелъ: не бойся Захаріе: зане услышана бысть молитва твоя, и* вотъ *жена твоя Елисаветь родитъ сына тебѣ, и наречеши имя ему Іоаннъ* (Лук. I, 9—13). О, странное и таинственное чудо! Справедливо Захарія возразилъ ангелу. Онъ требовалъ одного утѣшенія, и получилъ другое; молился за народъ, и названъ былъ отцомъ сына; искалъ прощенія грѣховъ, и получилъ обѣщаніе отъ безплодной утробы. Захарія болѣе желалъ исцѣленія душъ согрѣшившихъ, чѣмъ беременности Елизаветы. Справедливо Захарія смутился и устрашился; человѣкъ онъ былъ нрава рабскаго, хотя и облеченъ былъ священнымъ достоинствомъ. Сказалъ Захарія тотчасъ въ своей душѣ, какъ только увидѣлъ ангела: страненъ приходъ этого человѣка, странно его обѣщаніе! Кто это, что смѣло вступаетъ въ священный храмъ? Кто это, что стоитъ справа алтаря кадильнаго? Кто это, что блеститъ образомъ чуждаго вида? Кто это? Я не видѣлъ человѣка съ крыльями, ни птицы въ образѣ человѣка; кто это, что наполняетъ мою душу страхомъ? Кто это—свѣтоносецъ по устамъ, говорящій великое, при закрытыхъ устахъ? Кто это—наблюдатель за моею чредою? Кто это, что препятствуетъ моему ходатайству? Народъ, внѣ молящійся, ожидаетъ меня съ отвѣтомъ отъ Царя небеснаго, и этотъ задерживаетъ меня внутри; чрезъ меня они приносили моленія къ Царю, прося прощенія въ грѣхахъ; объ этомъ я молюсь, чтобы исполнить желаніе народа, чтобы показать дѣйствіе своей чреды; итакъ, перестань, кто бы

ты ни былъ, устрашающій меня! Если ты ангелъ, посланный Богомъ, то содѣйствуй въ моемъ дѣлѣ, сострадай внѣ плачущимъ, сокрушайся съ сокрушающимися; отойди! Кто ты, устрашающій меня? Я нисколько не думаю о сынѣ; зачѣмъ ты обѣщаешь мнѣ сына? Что за выгода для народа, если у меня будетъ сынъ? Что за польза, если Елизавета станетъ кормить грудью дитя? Что за выгода, если я оставлю наслѣдника? Отойди, устрашитель мой, кто бы ты ни былъ, отойди отъ меня! Мы стары; миновало время зачатія; погасла страсть брака; время охладило жаръ; неплодіе отвергло плодъ; природа возстала противъ самой себя; мы оба мертвы для смѣшенія; юность не цвѣла,—какъ старость произраститъ? 758
Такъ Захарія. Ангелъ же говоритъ ему, какъ ты сейчасъ слышалъ: *не бойся Захаріе*, не смущайся помыслами; я ангелъ свѣта, а не тьмы; я Гавріилъ, одинъ изъ начальниковъ у Царя небеснаго; исполняю повелѣніе, не по своей власти приказываю; я посланъ объявить тебѣ, а не сдѣлать надъ тобою насиліе; облеченъ я видомъ, а не въ обнаженномъ существѣ являюсь предъ тобою; пославшій меня щадитъ твою жизнь; не бойся, Захарія, я посланъ благовѣстить тебѣ, а не изумлять тебя; ты превзойдешь старость, и сѣдое безчадство и безплодную утробу; и кто рождаетъ по желанію? Это даръ Божій, не изобрѣтеніе человѣческое; развѣ ты не слышалъ словъ Господа: Я есмь творецъ человѣка, *и созидаяй* въ человѣкѣ духъ (Зах. хп, 1)? Не вѣришь, Захарія? А какъ былъ созданъ Адамъ, какъ Ева была сотворена, какъ Исаакъ былъ рожденъ? Авраамъ въ послушаніи не ошибся; а ты, іерей, не вѣришь! Неужели безсильно у Бога всякое слово, Захарія? По своей старости ты возражаешь, старецъ, тѣлесное омертвѣніе полагаешь сильнѣе Бога. Если бы ты не видѣлъ примѣра Авраамова, то основательно сомнѣвался бы; ссылаешься па немощь природы, и не вѣришь настоящему божественному обѣщанію, но сомнѣваешься и споришь? О маломъ ты просишь, и много получаешь, и, какъ бы перенося наказаніе, кричишь, Захарія. Ты молишься только объ іудейскомъ народѣ, а я благовѣствую тебѣ о томъ, кто всѣ племена приготовитъ къ спасенію. Захарія, услышавъ это, и, немного отвративъ свой взоръ, въ отвѣтъ говорилъ ангелу: что ты говоришь, ангелъ? Родитъ жена моя? Что же—объ этомъ я молился, или совершаю кажденіе въ свою чреду ради того, чтобы предъ народомъ выказать свою плодородность? Я прошу о прощеніи грѣховъ, и ужели сверхъ этого пожелаю разрѣшенія неплодства? Желаю для народа облегченія, неужели для Елизаветы обремененія? Я призываю израненныя души къ уврачеванію, и неужели, чтобы изсохшіе сосцы стали млекоточными? Что ты говоришь, ангелъ? Жена моя родитъ? И что за выгода въ этомъ для внѣ молящихся? Ужели, услышавъ, не побьютъ они меня камнями, со словами, что я становлюсь главнымъ іереемъ не за нихъ и для общеполезнаго спасенія, но только за самого себя, что не благословеніе, а сына я принялъ? Я нисколько не думаю о дѣторожденіи; отойди! Я этого не

желаю; о чемъ я молился, того не получилъ; и теперь ты мнѣ объясняешь одно вмѣсто другого; я нисколько не думаю о дѣторожденіи; теперь несчастіе безплодства; неужели отъ времени не прекратилась страсть, и отъ немощи природы—соитіе? Я нисколько теперь не думаю о дѣторожденіи. Мы не можемъ ходить безъ посоха, и какъ теперь намъ повелѣваютъ начать свое дѣторожденіе? Старость отвергаетъ природу; это дѣло внѣ вѣры; въ гробъ мы глядимъ, и будемъ нанимать кормилицу? Я нисколько не думаю о дѣторожденіи, я ищу спасенія народа и счастія племени, плѣненія враговъ и благоденствія города, а не дѣтскаго плача, пеленокъ и кормленія; я нисколько не думаю объ этомъ. Какъ я окажусь отцомъ природнаго сына? Старость отталкиваетъ отъ себя вѣру; внѣ природы это дѣло; я иду съ посохомъ, какъ съ конемъ, и ты побуждаешь меня къ брачному дѣлу, когда все тѣло мое стало гробомъ?
759 Чѣмъ мнѣ убѣдиться въ этомъ, скажи мнѣ, великій Гавріилъ (нужно не знающимъ знать, что Гавріилъ значитъ—человѣкъ Божій)? Скажи, чѣмъ мнѣ убѣдиться въ этомъ? Вотъ мои члены трясутся, вотъ по старости мы оба въ землю смотримъ. Если бы одинъ былъ молодъ, а другой состарѣлся, была бы нѣкоторая надежда на сказанное; теперь тѣло насъ обоихъ дряхло; ничего другого мы не ожидаемъ, кромѣ серпа смерти, какъ зрѣлые колосья во время жатвы; если ты во всемъ истиненъ, что говоришь, владыка Гавріилъ, то дай напередъ какое бы то ни было знаменіе, вручи мнѣ залогъ обѣщаннаго чуда. Чѣмъ мнѣ убѣдиться въ этомъ? Ааронъ не повѣрилъ бы, если бы не расцвѣлъ жезлъ; Моисей не былъ бы удостовѣренъ, если бы его рука не побѣлѣла; Гедеонъ не понялъ бы, если бы не было росы на рунѣ; Езекія не призналъ бы, если бы солнце не отступило назадъ; чѣмъ мнѣ убѣдиться въ этомъ? Ты дай знаменіе, и я буду радъ, какъ юноша; дай знаменіе, чтобы Елизавета не посмѣялась легкомысленно, какъ Сарра; чѣмъ мнѣ убѣдиться въ этомъ, вѣстникъ архангелъ? Откуда для меня очевидны твои слова ко мнѣ? Если я являюсь вторымъ Авраамомъ, будетъ и для меня свойственное Аврааму, то войди въ мой домъ, и я омою твои ноги, послѣ совершеннаго путешествія, и предложу тебѣ трапезу, исполненную тайны; Елизавета замѣситъ три саты муки, предъизображая церковь; спрашивай тельца, чтобы тебѣ одарить сыномъ. Чѣмъ мнѣ убѣдиться въ этомъ, о, ты, приносящій намъ на землю прекрасное благовѣстіе свыше? Зачѣмъ, ангелъ, преднарекаешь мнѣ имя сына, и исчисляешь добродѣтели еще не существующаго? Покажи мнѣ то, что свыше природы, чтобы мнѣ повѣрить тому, что противъ природы. Если небо станетъ шатромъ, и я обновлюсь; если море измѣрится, и жена моя Елизавета станетъ матерью; если солнце будетъ задержано, и изсохшіе сосцы источатъ молоко; если луна низвергнется, и изсохшая утроба увлажнится. Чѣмъ мнѣ убѣдиться въ этомъ, *азъ бо есмь старъ, и жена моя заматорѣвши во днехъ своихъ* (ст. 18)? Ангелъ Захаріи: ты требуешь отъ Бога ручательства. Считаешь немощь

сильнѣе Владычняго обѣщанія? Не боишься напередъ распрашивать приносящаго тебѣ благовѣстіе? Чѣмъ мнѣ убѣдиться въ этомъ,—говоришь, Захарія. Развѣ тебя посылаютъ въ Египетъ, чтобы устрашить фараона? Чѣмъ мнѣ убѣдиться въ этомъ,—говоришь, Захарія. Развѣ ничего сверхъестественнаго Богъ не дѣлаетъ? Ты спрашиваешь послѣдовательности у природы, и не видишь изумительнаго дѣла божества. Скажи мнѣ, Захарія, на чемъ укрѣплены столпы земли? Чѣмъ поддерживается сводъ неба? Гдѣ изобрѣтаются вмѣстилища облаковъ? Гдѣ образуются капли дождя? Гдѣ создаются хлопья снѣга? Кто руководитъ теченіемъ солнца? Кто отграничиваетъ умаленіе луны? Кто исчислитъ множество звѣздъ? Море во время бури какъ удерживается пескомъ? Какъ смѣшиваются теплые потоки? Какъ создается мракъ тумана? Какъ образуется человѣкъ во утробѣ? И какъ женскій полъ оказывается слабѣе мужескаго? Богоподобная душа какъ сразу оказывается въ тѣлѣ? Чѣмъ мнѣ убѣдиться въ этомъ,—говоришь, Захарія. Ты ищешь послѣдовательности природы, гдѣ дѣло Божіе? Не вѣришь, что можетъ родить безплодная? Что же—если услышишь, что Дѣва сверхъ ожиданія рождаетъ? И можетъ ли быть прежнее невѣріе вѣрою? И за то теперь наказывается невѣріе въ виду безплодности, чтобы ты не усомнился въ чудѣ въ виду Дѣвы: *будеши молча и не могій проглаголати* (ст. 20). О, человѣколюбивое наказаніе, производящее скорѣе исправленіе! Ангелъ вразумляетъ поколебавшійся голосъ, обуздываетъ дерзкій языкъ: *бѣ помавая имъ: и пребываше нѣмъ*. Хорошо у евангелиста записано и это—*пребываше*; молчаніе ожидаетъ рождаемаго голоса, Захарія—Іоанна, старецъ—сына, іерей—пророка. Этимъ ангелъ говоритъ: такъ какъ ты, какъ невѣрующій, ищешь знаменія отъ Бога, то прими биченосное знаменіе въ собственномъ своемъ тѣлѣ: *будеши молча и не могій проглаголати, до негоже дне будутъ сія*. Гдѣ орудіе противорѣчія, тамъ и мщеніе; гдѣ необдуманная смѣлость, тамъ и воспитательная вожжа; гдѣ была дерзость, на томъ и наказаніе. Богъ желалъ, Захарія, чтобы ты сдѣлался проповѣдникомъ такого чуда: рождается начальникъ воинства Царя небеснаго и 760
предуготовитель освобожденія міра отъ грѣховъ. Такъ какъ ты сдѣлалъ для себя немощь тѣла сильнѣе Владычняго обѣщанія, то за это *будеши молча и не могій проглаголати, до негоже дне будутъ сія: зане не вѣровалъ еси словесемъ моимъ, яже сбудутся во время свое.* Видишь ли, что безъ вѣры ничто изъ должнаго не совершается. Только что услышалъ Захарія эти слова, тотчасъ вышелъ изъ храма, съ молчаніемъ, наградою за невѣріе. О, чудо! Онъ вошелъ для освобожденія другихъ, и самъ вышелъ осужденнымъ; принося богослужебное кажденіе, вынесъ знакъ изгнанія. Народъ ждалъ услышать что-нибудь благое отъ него, а онъ выражалъ знаками: никто пусть меня не спрашиваетъ; я устрашаюсь Владычняго негодованія. О, изумительныя дѣла! Захарія обуздывается, и Елизавета благоденствуетъ; языкъ нѣмотствуетъ, и утроба бе-

ременѣетъ; болтливый языкъ безплодствуетъ, и безплодная дѣлается матерью; болѣзнь утробы переселяется на языкъ; рѣчь обуздывается, и рождаемое освобождается; Захарія молчитъ, и Іоаннъ играетъ. Лишь только безплодная увидѣла Дѣву, утренняя звѣзда замѣтила солнце,—и сильно взыгралъ Іоаннъ въ материнской утробѣ, обвиняя медлительность природы: я, говоритъ, проповѣдникъ Владыки, и зачѣмъ связанъ узами, подобно сорабамъ своимъ? Предварю время рожденія, не буду ждать родовъ, чтобы не потерять своего теченія, чтобы Владыка не опередилъ заключеннаго раба, чтобы послѣдовательность природы не сдѣлалась нарушеніемъ порядка; я узналъ присутствующаго, и не переношу молчанія; я узналъ предпославшаго меня въ путь предъ лицомъ Своимъ, чтобы приготовить путь Его предъ Нимъ; я поколеблю узы природы, потому что спѣшу проповѣдывать. О, изумительныя дѣла и чудеса! О чемъ не вѣдали на небесахъ ангелы, узналъ Іоаннъ, во утробѣ носимый, и говорилъ матери своей. Для Престоловъ Онъ былъ незамѣтенъ, и носимаго во утробѣ приходящій Богъ не опередилъ; отъ Господствъ Онъ скрылъ, и тайну домостроительства открылъ носимому во чревѣ; и съ какимъ благовѣстіемъ пришелъ архангелъ къ Богородицѣ, (это) внушилъ внутри играющій младенецъ. Пришедшій Освободитель нашего рода, будучи во чревѣ, прибылъ къ Своему другу, Іоанну; и видно было, что Создатель привѣтствуетъ созданіе, что Царь пребываетъ въ шатрѣ воина, что Владыка входитъ въ домъ раба. Іоаннъ, увидѣвъ изъ утробы находящагося во утробѣ, старался превзойти границы природы, говоря: я не знаю ограниченнаго природою Господа, (и) не буду ждать времени рожденія; мнѣ не нужны для рожденія девять утробныхъ мѣсяцевъ; не нуждаюсь въ этомъ теперешнемъ заключеніи; и почему не выйти изъ узъ, удерживающихъ меня? Я выйду, кратко объявлю значеніе дивнаго дѣла; я печать божественнаго пришествія; я труба воплотившагося Бога Слова; вострублю, и отцовскій языкъ сдѣлаю краснорѣчивымъ; вострублю, и материнскую омертвѣлую утробу оживлю. Смотри странность тайны: еще не рождается, и говоритъ играніемъ; еще не является, и угрожаетъ; еще не можетъ взывать, и слышенъ въ дѣлѣ; еще не учитъ жизни, и напередъ проповѣдуетъ Бога; еще не видитъ свѣта, и узнаетъ Солнце; еще не рождается, и спѣшитъ предтекать; не переноситъ задержки, при пришедшемъ Владыкѣ; не желаетъ ожидать срока рожденія, но старается разрушить темницу чрева, и усердно объявляетъ о грядущемъ Спасителѣ, играніемъ восклицая: прибылъ разрушитель оковъ, и зачѣмъ мнѣ удерживаться въ узахъ? Пришелъ создавшій все словомъ, и зачѣмъ мнѣ ожидать срока природы? Выйду, предтеку, проповѣдую, возглашу всѣмъ присутствующимъ: *се агнецъ Божій, вземляй* грѣхъ *міра* (Іоан. I, 29). Таково играніе Іоанна, или лучше, слова. *Елисаветi же исполнися время родити ей, и роди сына. И слышаша* родственники ея и сосѣди, *и радовахуся съ нею* (Лук. I, 57, 58). Сказано: *родити* и

роди *): то—дѣло природы, а это—сверхъ природы; то значитъ—жена родила, а это—благодать Святого Духа явилась, (и жена) сверхъ природы 761
родила; иное дѣло природы, и иное дѣло благодати. Чудомъ было то, что совершалось Іоанномъ; а это зависѣло не столько отъ плотского отца, сколько отъ Бога Слова. Объ этомъ свидѣтельствуетъ самъ архангелъ Гавріилъ словами къ Захаріи: вотъ *жена твоя родитъ сына тебѣ, и Духа Святаго исполнится еще изъ чрева матере своея.* И многихъ отъ *сыновъ Израилевыхъ обратитъ ко Господу Богу ихъ: и той предъидетъ предъ нимъ духомъ и силою Иліиною* (ст. 13, 15—17). О, рожденіе сына иной, изумительной природы! Оно было изумительно и неестественно, такъ какъ (обычно) тотъ, кто рождаетъ, при содѣйствіи страсти рождаетъ,—и та, которая рождаетъ, въ болѣзняхъ рождаетъ. Захарія не повѣрилъ, а Елизавета не усомнилась, принимая сверхъ надежды поздно рождаемаго сына; ради этого говорится: *родити* и *роди*; одно по природѣ, другое по вѣрѣ. Рождающій, какъ я сказалъ, со страстью рождаетъ; и производящая—въ скорбяхъ производитъ. Въ чемъ же скорбь Елизаветы, когда присутствуетъ Святой Духъ, а не неопытная воспріемница, когда это дѣло благодати, а не тягость природы? Слушай! Этотъ трудъ былъ ничтожнымъ въ сравненіи съ радостію. Не послѣ своего рожденія Іоаннъ получилъ благодать, но, изъ материнской утробы одѣвшись освященіемъ, сталъ дивнымъ предводителемъ, какъ сказалъ ангелъ: *Духа Святаго исполнится изъ чрева матере своея, и той предъидетъ предъ нимъ духомъ и силою Иліиною.* Кто кому будетъ предшествовать? Іоаннъ Владыкѣ Христу; поэтому онъ называется Предтечею, какъ можно слышать изъ словъ самого Іоанна о Спасителѣ: идетъ за мною *мужъ, иже предо мною бысть* (Іоан. I, 30). *За мною* (значитъ) по времени; *предо мною*—по престолу. Почему Гавріилъ сказалъ, что Іоаннъ предшествуетъ Царю Христу въ духѣ и силѣ Иліи Ѳесвитянина? Слушай внимательно! Илія значитъ—Богъ. Такъ какъ Іоаннъ имѣлъ въ самомъ себѣ Бога,—онъ исполнился Духа Святаго еще отъ чрева матери своей, а Богъ есть Духъ—,то о немъ говорилъ Господь чрезъ пророка за много времени раньше: *се азъ посылаю ангела моего* предъ лицомъ Твоимъ, который приготовитъ путь Твой предъ Тобою (Мал. III, 1), и многихъ обратитъ отъ заблужденія къ истинѣ; ради этого Іоаннъ предшествуетъ Господу въ духѣ и силѣ Иліи, такъ какъ у Іоанна много было сходства съ Иліею. Конечно, сынъ рождается, и рѣчь возвращается къ отцу. Захарія, когда его спрашивали, какъ бы онъ желалъ назвать дитя,—*испрошъ дщицу* и *написа, глаголя: Іоаннъ* есть имя его. Не повѣрившій
словамъ ангела теперь вынужденъ писать о явленіи, проповѣдывать пись- 762

*) Проповѣдникъ находитъ различный смыслъ въ евангельскихъ τεκεῖν и ἐγέννησεν. Въ переводѣ мы не могли выразить это различіе подходящими словами, и позволили себѣ свободную передачу.

момъ; тогда по слуху не принявшій сказаннаго теперь законодательствуетъ рукою, пишетъ о бывшемъ. И, давъ имя ему, получилъ рѣчь: отсюда *чудяхуся вси. Отверзошася уста его,* и разрѣшились узы языка его, *и глаголаше благословя Бога.* О, изумительное и странное чудо! Пишется имя сына, и нѣмыя уста отца открываются; Іоанномъ называется, и языкъ называющаго устрояется. Видишь ли, какъ онъ не погрѣшилъ, и мы не погрѣшили. сказавъ приличное объясненіе? Вотъ имя самого праведнаго открываетъ нѣмыя уста, и побуждаетъ неподвижный языкъ. Такъ гласъ вопіющій Іоанна обнаруживается, что даже самое его имя вызываетъ голосъ: я *гласъ вопіющаго въ пустыни, уготовайте путь Господень, правы творите стези его* (Мѳ. ш, 3). О, чудо! Слово прибываетъ, и голосъ предвозвѣщаетъ; Владыка идетъ, и рабъ предпосылается; Царь приходитъ, и воинъ предуготовляется. Итакъ, возрадуемся и возвеселимся, что Елизавета родила и Захарія возговорилъ; что неплодная произвела, и старецъ воскликнулъ; что вощатая дощечка была спрошена, и языкъ іерейскій разрѣшился и голосъ возвратился; что Предтеча явился, и весь міръ возрадовался. Здѣсь слѣдовало бы закончить слово, но Захарія не позволяетъ восклицаніемъ: *благословенъ Господь Богъ Израилевъ, яко посѣти и сотвори избавленіе людемъ своимъ* (Лук. 1, 68). О, изумительныя дѣла! Что говоритъ Захарія? Послѣ своего воскресенія Захарія первый разъ воскликнулъ: *благословенъ Господь.* Что (значитъ)? Захарія былъ мертвымъ, и воскресъ. Онъ не былъ мертвымъ по природѣ, но перенесъ подобіе смерти. Онъ удерживался молчаніемъ, какъ гробомъ, и, какъ пеленами, былъ связанъ узами языка; онъ возвратился къ жизни, не дыша священствомъ, и перенесъ оплакиваніе, горесть народа. Когда упраздняется іерей, скорбятъ всѣ, за кого онъ ходатайствовалъ. Послѣ этого образнаго воскресенія Захарія первый разъ воскликнулъ: *благословенъ Господь Богъ Израилевъ.* О, Захарія! Если бы ты не увидѣлъ духовнаго колоса, не узналъ духовнаго земледѣльца, не получилъ дара, то не благословилъ бы дателя. Но Захарія восхвалилъ Бога пророческою пѣснею, достойною дара. Воскликнемъ и мы: *благословенъ Господь Богъ* христіанскій, *яко посѣти и сотвори избавленіе людемъ своимъ.* Ему слава и держава, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

На святое Богоявленіе.

761 Желаю, возлюбленные, праздновать, хочу торжествовать; это—священный день свѣта, и печать праздника, и дверь торжества. Онъ (праздникъ) запечатываетъ виѳлеемскую пещеру, гдѣ ветхій денми, какъ грудной младенецъ, возлежалъ въ ясляхъ; но открываетъ іорданскіе источники, гдѣ опять Онъ крестится съ грѣшниками, даруя міру отпущеніе

грѣховъ Своимъ пренепорочнымъ тѣломъ. Но когда изшелъ изъ утробы на землю, Онъ явился дѣтямъ какъ дитя, человѣкамъ какъ человѣкъ, матери какъ сынъ, пастырямъ какъ пастырь: *азъ есмь пастырь добрый*, положившій душу *за овцы* (Іоан. x, 11), говоритъ божественное Писаніе. Теперь Онъ намѣренъ придти къ источникамъ іорданскимъ, (источникамъ для) мытарей и грѣшниковъ, изъ желанія омыть съ нихъ грѣхи. И велико чудо этого торжества. Мудрѣйшій Павелъ возглашаетъ словами: *явися благодать Божія спасительная всѣмъ человѣкомъ* (Тит. II, 11), и во всемъ мірѣ преизобилуетъ радость. Радуется небо, такъ какъ первымъ слышитъ исходящій голосъ; освящается воздухъ пареніемъ Духа; водное естество научилось омывать души вмѣстѣ съ тѣлами. И вся тварь совершаетъ праздничное веселіе; скорбитъ только діаволъ, при видѣ приготовленной купели, давящей лишь его. Что же говоритъ (евангелистъ)? *Тогда приходитъ Іисусъ на Іорданъ ко Іоанну креститися отъ него.*
Іоаннъ же возбраняше ему, глаголя: азъ требую тобою креститися, 762
и ты ли грядеши ко мнѣ (Мѳ. III, 13, 14)? Кто видѣлъ, что владыка стоитъ предъ рабомъ? Кто видѣлъ, что царь склоняется главою къ воину? Кто видѣлъ, что подвигоположникъ награждается борцомъ? *Азъ требую тобою креститися.* Ты самъ, Владыко, дай мнѣ, говоритъ, то, что намѣренъ даровать міру, крещеніе. *Азъ требую тобою креститися*, потому что я подверженъ прародительскому грѣху, ношу въ себѣ ядъ змѣя; мнѣ нужно смыть нечистоту древняго преступленія, а Ты за какіе грѣхи пришелъ для крещенія? У Тебя есть свидѣтельство пророка о Тебѣ: Онъ *беззаконія не сотвори, ниже обрѣтеся лесть во устѣхъ его* (Ис. LIII, 9). Какъ Ты ищешь искупленія, когда доставляешь умилостивленіе? Крещаемымъ свойственно исповѣдываться въ своихъ грѣхахъ, а что есть у Тебя для исповѣдыванія, когда Ты во всемъ безгрѣшенъ? Что Ты отъ меня спрашиваешь, чему я не наученъ? Я не осмѣливаюсь на большее; не знаю, какъ очищается свѣтъ; не умѣю омывать солнце правды; ночь не освѣщаетъ дня; золото не рабствуетъ свинцу; созданіе не исправляетъ создателя; море не заимствуется отъ источника; рѣка не нуждается въ каплѣ; чистота не очищается скверною; осужденный не разрѣшаетъ
судію: *азъ требую тобою креститися*; мертвенность не воскрешаетъ 763
жизни; болѣзнь не исцѣляетъ врача; я знаю ничтожество своей природы; нѣтъ ученика выше учителя, ни раба выше господа своего; ко мнѣ не приближаются со страхомъ херувимы; мнѣ не восклицаютъ трисвятаго преклоненно серафимы; я не владѣю небомъ, какъ престоломъ; обо мнѣ не проповѣдывала волхвамъ звѣзда; у меня нѣтъ голоса, создателя всего; Моисей, служитель, удостоился увидѣть задняя, и какъ я осмѣлюсь коснуться пренепорочной главы? Зачѣмъ Ты мнѣ предоставляешь, что превосходитъ меня? У меня нѣтъ длани, могущей крестить Бога: *азъ требую тобою креститися.* Отъ неплодной я рожденъ, но, по Твоему повелѣнію, природа не противилась; и тогда, обитая въ мѣстѣ своего рожде-

нія, когда еще не могъ говорить, я воспользовался устами своей матери,— а теперь какъ не буду богословствовать о Тебѣ присутствующемъ, Котораго вмѣстилъ дѣвственный кивотъ? Развѣ я ослѣпъ умомъ, подобно іудеямъ? Знаю, что, будучи Владыкой, Ты принялъ образъ раба, чтобы исцѣлить образъ,—знаю, что Ты явился тѣмъ, кого спасаешь,—знаю, что Ты сталъ камнемъ вѣры для того, кого помиловалъ; но мнѣ не препятствуетъ видимое мною, такъ какъ я вижу мыслимое. Я смертенъ, Ты— Богъ безсмертный; я отъ неплодной, но Ты—отъ Дѣвы; я первый, но я не больше Тебя, пришедшаго послѣ меня; я предварилъ проповѣдью, но не крещеніемъ такимъ; я узналъ въ Тебѣ сѣкиру, лежащую при корнѣ; я узналъ посѣкателя безплоднаго іудейскаго насажденія; я увидѣлъ серпъ противъ страстей; я сказалъ, что источникъ исцѣленій вблизи насъ; какое найду мѣсто, непричастное къ Твоимъ чудесамъ? Ты очистилъ словомъ прокаженныхъ; изсушилъ токъ крови прикосновеніемъ къ краю одежды; однимъ повелѣніемъ укрѣпилъ разслабленнаго; Твоимъ чудомъ крупицы напитали дочь хананеянки; Ты грязью открылъ глаза слѣпцу; и какъ Ты требуешь моего рукоположенія? *Азъ требую тобою креститися. Призираяй на землю, и творяй ю трястися* (Пс. сш, 32)—это Ты, шествующій по водамъ, какъ по полу, дозволившій блудницѣ отереть Твои ноги и даровавшій отпущеніе грѣховъ. Какъ я осмѣлюсь коснуться Твоей святой главы, когда я часто восклицалъ въ проповѣди: *грядетъ крѣплій мене, во слѣдъ мене, емуже нѣсмь достоинъ разрѣшити*
764 *ремень сапогъ его* (Мрк. I, 7)? Возьми отъ меня воду Твоего снисхожденія: потопляясь, я не переношу ея больше. Что же говоритъ ему Христосъ? *Остави нынѣ, тако бо подобаетъ намъ исполнити всяку правду* (Мѳ. ш, 15). *Остави нынѣ.* Какъ голосъ служи Слову; какъ рабъ содѣйствуй Владыкѣ, какъ воинъ—Царю, какъ созданіе—Создателю; не бойся прикосновенія, но будь смѣлъ; крести меня, чтобы Мнѣ освободить міръ. Я предалъ Себя на смерть, чтобы оживить умерщвленную природу. Ты медлишь протянуть свою руку, когда тебѣ приказываютъ, а іудеи, спустя немного, не изумятся предательству Меня. *Остави нынѣ, тако бо подобаетъ намъ исполнити всяку правду.* Раньше вѣковъ Я опредѣлилъ, по Своему человѣколюбію, спасти родъ человѣческій; сталъ человѣкомъ для человѣка; много ли, если Сыномъ человѣческимъ прихожу для крещенія? Я не презрѣлъ созданія Своихъ рукъ; не устыдился земного естества; то, что Я былъ, сдѣлался тѣмъ, чѣмъ не былъ, когда Моя природа осталась безъ измѣненія. *Остави нынѣ.* Врагъ рода (человѣческаго) извергнутъ съ неба, прогнанъ съ земли; онъ гнѣздится еще въ водномъ естествѣ, но и отсюда Я пришелъ его изгнать, по восклицанію пророка: *ты сокрушилъ еси главу зміеву* въ водѣ (Пс. LXXIII, 14). *Остави нынѣ.* Какъ къ человѣку, ко Мнѣ подошелъ искуситель, и Я переношу, чтобы всѣмъ объявить о его немощи; Я скажу ему: *не искусиши Господа Бога твоего* (Мѳ. IV, 7). О, новое чудо! О, несказанная

благодать! Христосъ подвизается, и я получаю награду; Онъ борется съ діаволомъ, и я усвояю себѣ Его побѣду надъ діаволомъ; Онъ сокрушаетъ въ водѣ главу дракона, и я вѣнчаюсь, какъ законный борецъ; Онъ крестится, и я снимаю свою нечистоту; на Него сходитъ Духъ Святый, и мнѣ даруется отпущеніе грѣховъ; Онъ свидѣтельствуется отъ Отца Сыномъ возлюбленнымъ, и я дѣлаюсь сыномъ Божіимъ чрезъ Него. Небеса открылись для Него, чтобы явилось жилище крещеннаго, и голосъ Отца свидѣтельствуетъ для Него словами: *сей есть Сынъ мой возлюбленный, о немже благоволихъ, того послушайте* (Мѳ. III, 17; Лук. IX, 35). Ему подобаетъ слава и держава всегда, нынѣ и во всѣ вѣки. Аминь.

На Рождество Господа нашего Іисуса Христа.

Всякій разъ, какъ послѣ холодной зимы засіяетъ теплая весна, 763
тогда и земля произращаетъ зеленую траву, и древесные стебли украшаются цвѣтами, и воздухъ блистаетъ отъ солнца, и всѣ птицы, летая по воздуху, мелодично чирикаютъ. Тогда и живущіе въ горахъ пастухи и пастыри, вылѣзши изъ шалашей, преображаются лицомъ отъ красоты воздуха, и, въ отвѣтъ звонкому чириканью пѣвчихъ птицъ, играя на свирѣляхъ и услаждая чувства своихъ неразумныхъ овецъ, тихою поступью гонятъ ихъ на пастбище. Тогда и земледѣлецъ, наточивъ камнемъ свой ножъ, отправляется въ виноградникъ срѣзывать безплодные побѣги виноградной лозы. Тогда и приморскіе плаватели, при видѣ безбурнаго моря, покинувъ сушу, вручивъ свои души дереву, водѣ и вѣтру, безбоязненно прилетаютъ по морскому хребту. И словомъ, чтобы мнѣ не удлиннять своего приступа въ словѣ, всякое искусство и всякое ремесло, устроенное людьми для житейской нужды, безпрепятственно приводится въ исполненіе, какъ только засіялъ тихій воздухъ. Такъ какъ и для насъ возсіяла небесная весна, Христосъ изъ дѣвственной утробы, и разсѣяла холодную и бурную мглу діавола, усыпленныя сердца людей пробудила изъ мрака невѣдѣнія Своими божественными лучами, то устремимъ свой умъ къ небесной и блаженной славѣ. Но рождество Христа, блистающее божественностію, останавливаетъ теченіе моего языка, и связываетъ самый языкъ. Когда я представляю себѣ младенца рожденнымъ отъ Дѣвы, и Дѣву безмужнею и по рожденіи остающеюся дѣвою, когда слишкомъ
любопытствую въ этомъ дѣлѣ, тогда, не обрѣтая способа, запечатлѣваю 764
дѣло вѣрою. Какъ, поистинѣ, не дивно и не превосходитъ всякое помышленіе, что Дѣва родила, и обрѣтена дѣвою по рожденіи? Что она родила, это изобличало родившееся дитя; что, по зачатіи, она осталась дѣвою, учила свойственная ея тѣлу природа. Смотри тайну, которая зрима и незрима, овладѣваема и не овладѣваема, осязаема и не обрѣтаема! Кто не видѣлъ и не держалъ и Младенца и Матери? Но кто,

видя дѣвственную Матерь и Младенца сына Дѣвы, изъ любопытства изслѣдуетъ эту тайну? О, поистинѣ, это тайна небесная и земная, которою можно и нельзя овладѣть, зрима и не являема. Таковымъ былъ и родившійся сегодня Христосъ: небеснымъ и земнымъ, Которымъ можно и нельзя овладѣть, зримымъ и невидимымъ. Онъ—небесный по природѣ божества, земной—по Своему человѣчеству, зримъ—по тѣлу, невидимъ—по духу, Имъ можно овладѣть по тѣлу, нельзя овладѣть по Слову. Но Христосъ, будучи Богомъ всемогущимъ, родившимся по Своей волѣ, явился Своему міру; однако рожденіе отъ Дѣвы поражаетъ мой умъ болѣе тѣмъ, что Дѣва зачала во чревѣ, не съ неба сошедши, но происходя отъ сѣмени Давида, состоя не изъ духа, но изъ тѣла и души; беременность чрева изобличалась дѣломъ, а зачатіе было безсѣменно. Онъ обитаетъ на небѣ, и младенцемъ таинственно завершился въ дѣвственной утробѣ. По природѣ Онъ рождался, но воспріемницы, касаясь и рождающей и младенца, не находили истлѣнія, какъ у другихъ женщинъ. Идущій чрезъ нее былъ Богомъ.
765 О, купина, которую видѣлъ Моисей на горѣ опаляемою и несгораемою! О, Дѣва Марія, рождающая и остающаяся нетлѣнною! О, камень, который видѣлъ Даніилъ отсѣкаемымъ отъ горы, помимо рукъ человѣческихъ! О, дѣвственная матерь дѣвственнаго младенца, и священное дитя безбрачной жизни! Гдѣ слишкомъ любознательные? Пусть они скажутъ намъ, какъ Дѣва безъ мужа родила младенца и, родивъ, не подверглась истлѣнію? Если необъяснимъ этотъ образъ, такъ какъ рожденіе—отъ Духа, то тѣмъ болѣе не изслѣдуемо несказанное рожденіе Слова отъ Отца. Но ты вѣруешь, признаешь, что она, родивъ, не подверглась истлѣнію; а обвиняешь Бога словами: если нетлѣнный Отецъ, родивъ Сына Своего, подвергся истлѣнію (это по твоему безумію!), то тѣмъ болѣе Дѣва, будучи тлѣнной природы, родивъ, подверглась бы истлѣнію. Если ты самъ свидѣтельствуешь, что Дѣва, родивъ, не подверглась истлѣнію, тѣмъ болѣе вѣруй, что нетлѣнный Отецъ, родивъ нетлѣннаго Сына, не подвергся истлѣнію. Но, оставивъ празднословцевъ, возвратимся скорѣе къ богословамъ—проповѣдникамъ. *Іисусу же* Христу *рождшуся въ Виѳлеемѣ Іудейстѣмъ, во дни Ирода царя* (Мѳ. II, 1). Евангелистъ по необходимости обозначаетъ мѣсто и время, чтобы невѣрующій въ рожденіе Спасителя по плоти, изслѣдовавъ мѣсто и время, обрѣлъ бы истину. Время онъ опредѣляетъ властію Ирода, изъ хронографовъ, мѣсто—обозначеніемъ Виѳлеема. Если въ мірскихъ договорахъ, для точности изложенія, и консулы пишутся, и мѣсяцы считаются, и дни обозначаются, и города отмѣчаются,—тѣмъ болѣе нужна была точность мѣста и времени въ обозначеніи, для послѣдующихъ, когда родилось спасеніе всего міра. Матѳей разсказываетъ только о рожденіи Христа по плоти; Лука, для точности во времени, прибавляетъ и о сдѣланной тогда первой переписи. Онъ такъ говоритъ: въ сорокъ первый годъ при кесарѣ Августѣ, *изыде повелѣніе отъ Августа написати всю вселенную. Сіе написаніе пер-*

вое. Взыде же и Іосифъ отъ Галилеи во Іудею, во градъ Давидовъ, иже нарицается Виөлеемъ, зане быти ему отъ дому и отечества Давидова, написатися съ Маріею обрученою ему женою, сущею непраздною (Лук. II, 1, 2, 4, 5). Лука обозначаетъ у себя первую перепись, чтобы вмѣстѣ и время точно опредѣлить и показать, что величайшая тайна, при очевидности, не являема. Онъ говоритъ, что первая и вынужденная перепись—это рожденіе человѣка. Нужно было, чтобы, во время рожденія Христа, и потомъ обожествленія плоти, и низверженія діавола и разрушенія смерти,—(чтобы) души праведныхъ и вѣрныхъ поименно переписались въ небесной книгѣ, на землѣ по повелѣнію кесаря, на небѣ по приказанію Отца ангеламъ. И Господь, благовѣствуя объ этомъ Своимъ ученикамъ, говорилъ: *не радуйтеся, яко дуси вамъ повинуются,* но *радуйтеся, яко имена ваша* на небесахъ написаны (Лук. X, 20). *Іисусу же рождшуся въ Виөлеемѣ Іудейстѣмъ, во дни Ирода, се волсви отъ востокъ пріидоша, глаголюще: гдѣ есть рождейся царь Іудейскій? видѣхомъ бо* Его звѣзду *на востоцѣ, и пріидохомъ поклонитися ему* (Мө. II, 1, 2). Увы! Я пораженъ чудомъ, угнетенъ зрѣлищемъ, и мой языкъ не находитъ, что̀ прежде сказать или что̀ опустить. Если я займусь Его рожденіемъ, то изумляюсь, что дитя прежде, чѣмъ родиться, совершаетъ знаменія. Развѣ не величайшее знаменіе, что Дѣва по рожденіи осталась дѣвою, и молчаливое небо говоритъ чрезъ звѣзду? Жаждущимъ увидѣть родившагося Онъ посылаетъ въ сопутницы звѣзду, и показываетъ желаемаго младенца. Матөей вспоминаетъ о волхвахъ, пришедшихъ съ востока, а Лука объ ангелахъ; онъ говоритъ: *и пастыріе бѣху бдяще и стрегуще стражу нощную о стадѣ своемъ.* И ангела Господняго они увидѣли, *и слава Господня осія ихъ: и убояшася страхомъ веліимъ. И рече имъ ангелъ: не бойтеся: се бо благовѣствую вамъ радость велію, яже будетъ всѣмъ людемъ. Яко родися вамъ днесь Христосъ Господь, во градѣ Давидовѣ. И внезапу бысть со ангеломъ множество вой небесныхъ, хвалящихъ Бога и глаголющихъ: слава въ вышнихъ Богу, и на земли миръ, во человѣцѣхъ благоволеніе* (Лук. II, 766
8—11, 13—14). Христосъ родился: земное съ небеснымъ сочетается, ангелы съ людьми составляютъ хоры, пастыри на полѣ бодрствуютъ, волхвы поклоняются, небо свѣтитъ, земля приноситъ въ ясляхъ свой блестящій плодъ. Исполнилось тогда на землѣ написанное: *истина отъ земли возсія* (Пс. LXXXIV, 12). Истина—это Христосъ, говорящій: *азъ есмь путь и истина* (Іоан. XIV, 6). *Отъ земли,* т. е., отъ Дѣвы возсіялъ по плоти. Я спрашиваю, откуда научились волхвы относительно звѣзды, что пользовались ея путеводительствомъ, чтобы обрѣсти искомаго ими младенца? Не такъ, какъ нѣкоторымъ воображалось, будто это звѣзда блуждающая, и волхвы на самомъ дѣлѣ не искали младенца. Если бы звѣзда была блуждающею, то какъ бы она указала истину, Христа? Она остановилась въ своемъ теченіи, какъ только достигла Его. Какъ бы и

волхвы, если бы они не отошли на самомъ дѣлѣ, приносили отъ своихъ трудовъ такіе дары, обозначавшіе Его божество и человѣчество и исполнявшіе пророческое слово: *живъ будетъ, и дастся ему отъ злата Аравійска* (Пс. LXXI, 15)? Ни такъ опять, какъ басносłовы говорятъ, будто звѣзда восходитъ при каждомъ человѣческомъ рожденіи; они не знаютъ даже сказочной эллинской астрологіи. Думаютъ, что они христіане; имъ мы скажемъ: о, философы! Если такъ было, какъ вы говорите, то скажите намъ—когда изъ людей были только двое, Адамъ и Ева, какъ (тогда) небо было исполнено звѣздъ? И во время потопа и погибели въ водѣ всѣхъ людей, какъ не попадали тѣ же самыя звѣзды, но оставалось тоже самое множество звѣздъ, когда былъ только Ной съ тремя сыновьями и ихъ женами? Но нужно внимать Писанію, и размышлять о таинственномъ! Былъ пророкомъ нѣкто Валаамъ, котораго позвалъ къ себѣ царь моавитскій проклясть Израиля, вышедшаго изъ египетской земли; кого бы онъ благословилъ, были бы благословлены, и кого бы проклялъ, были бы прокляты; (но) онъ, приблизившись къ израильскому лагерю, и взойдя на вершину горы, увидѣлъ Израиля ополчившимся, воспользовался сравненіемъ и сказалъ пророчески: *возсіяетъ звѣзда отъ Іакова, и востанетъ человѣкъ отъ Израиля, и погубитъ князи Моавитскія*, и опустошитъ сыновъ Аммоновыхъ (Числ. XXIV, 17). Эти волхвы изъ рода пророка Валаама, наслѣдники его книгъ и пророчествъ; подумавъ, что когда звѣзда возсіяетъ, тогда возстанетъ и человѣкъ, именно, Царь іудейскій, Который не только сокрушитъ начальниковъ Моава, но, по Даніилу, и всѣ царства діавола ослабитъ и разсѣетъ,—они наблюдали это время; увидѣвъ, сравнительно съ остальными, странно возсіявшую звѣзду, они узнали, что она есть древне предсказанная, послѣдовали (за нею) и, найдя родившагося, возрадовались исполненію пророчества. Но ты, слушатель, понимай, что волхвы—это образъ язычниковъ, обратившихся отъ своего нечестія подъ руководствомъ не совершеннаго свѣта, но какъ бы отраженнаго чрезъ Іоанна, (такъ какъ) они руководились звѣздою (по пути) къ родившемуся во плоти Христу. Смотри: и у меня звѣзда, пришедшая до младенца и остановившаяся въ своемъ теченіи. Іоаннъ, подобно звѣздѣ, засіялъ проповѣдью, и показалъ Христа словами: *се агнецъ Божій, вземляй грѣхъ міра* (Іоан. I, 29); онъ прекратилъ свое теченіе, такъ какъ сказалъ: *оному подобаетъ расти, мнѣ же малитися* (Іоан. III, 30). *И пришедше*, волхвы нашли отрока и матерь, *и падше поклонишася ему* (Мѳ. II, 11). Нужно, чтобы приходящіе ко Христу изъ языческой жизни прежде упали съ высоты своего нечестія, и такъ, какъ бы съ земли поднимаясь, исповѣдали бы рожденіе Христа по плоти, потомъ отчасти намекали бы на Его божество. *И отверзше сокровища своя, принесоша ему дары, злато, и ливанъ, и смирну:* золото, какъ царю, ладанъ, какъ Богу, смирну, какъ страдальцу за насъ. И Христосъ принялъ эти дары, не потому, что нуждался, но

для пользы приносящихъ. Принимая золото, Онъ отвращалъ ихъ отъ сребролюбія; принимая ладанъ, избавлялъ (ихъ) отъ идолослуженія; при- 767
нимая смирну, очищалъ ихъ души отъ мертвенности. Если нужно и иную тайну разсмотрѣть, то изучимъ тщательно. Золото и смирну они приносятъ родившемуся. Такъ какъ было написано о Немъ: Ему поклонится всякое колѣно *небесныхъ и земныхъ и преисподнихъ* (Филип. II, 10), то своими приношеніями они предъизображали будущее: золотомъ—славословіе небесныхъ ангеловъ, ладаномъ—колѣнопреклоненіе земныхъ человѣковъ, смирною—умилостивленіе за души, содержимыя во адѣ. Такъ какъ пришедшему ко Христу нужно владѣть тремя добродѣтелями, о которыхъ говоритъ Павелъ, вѣрою, надеждою и любовію (1 Кор. XIII, 13),
то, открывъ сокровищницы сердца, они приносили вѣру, блистающую 768
какъ золото, надежду, благоухающую какъ ладанъ, любовь, связующую какъ смирна члены церкви. *И вѣсть пріемше во снѣ не возвратитися ко Ироду, инымъ путемъ отъидоша во страну свою* (Мѳ. II, 12). Нужно было, чтобы разъ пришедшіе ко Христу не возвращались по тѣмъ же самымъ слѣдамъ нечестія; но, по упражненіи въ чистой вѣрѣ и дѣлахъ, незамѣтно перешли отъ человѣкоубійцы змѣя въ наслѣдіе Христово. Ему подобаетъ слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

О Закхеѣ мытарѣ.

Тѣ, которые любятъ прекрасное, ничѣмъ не отличаются отъ жажду- 767
щихъ, возлюбленные. Поскольку они не обрѣтаютъ искомаго, постольку возгораются жаждою къ желаемому; и ночью, какъ жаждущіе, они представляютъ себѣ желанные источники; днемъ, переходя съ мѣста на мѣсто, часто оглядываясь кругомъ себя, они ищутъ желаннаго для своего сердца. И какъ путники проходятъ безводную землю въ часъ зноя, кругомъ себя смотрятъ (нѣтъ ли) источниковъ, угнетаясь жаждою, часто поднимаются на возвышенности, (ища) гдѣ источникъ, и какъ только увидятъ его издали, радуются и поспѣшно усиливаютъ свой путь къ нему, потомъ же, придя къ источнику, утоляютъ жажду,—такъ (бываетъ) и съ христолюбивыми мужами. Днемъ они отыскиваютъ желаннаго имъ Христа добрыми дѣлами, ночью бесѣдуютъ съ Нимъ въ молитвахъ и во снѣ представляютъ себѣ, что шествуютъ съ Нимъ; если въ видѣніяхъ они усмотрятъ Его издали, то радуются и веселятся, какъ жаждущіе, когда найдутъ желанные источники; пробудившись, снова желаютъ заснуть, чтобы во снѣ обрѣсти тоже самое зрѣлище. Таковымъ былъ и Закхей, о которомъ сейчасъ только прочитали вамъ изъ евангелиста. Смотри: онъ и спѣшитъ, и пылаетъ божественнымъ желаніемъ, и на дерево восходитъ, и Іисуса смотритъ, чтобы увидѣть живоносный источникъ. Увидѣвъ Господа, Закхей утолилъ свое зрѣніе, но еще больше возжегъ въ своемъ сердцѣ же-

ланіе. *Вшедъ* же Іисусъ въ Іерихонъ, проходилъ (его). *И се мужъ* именемъ *Закхей: и сей бѣ старѣй мытаремъ, и той бѣ богатъ: и* желалъ видѣть Іисуса, такъ какъ тамъ Онъ имѣлъ проходить (Лук. XIX, 1—3). Смотри желаніе человѣка, возлюбленный! *И не можаше* видѣть *отъ народа, яко* малъ былъ возрастомъ. *И предитекъ возлѣзе на ягодичину, да видитъ* Іисуса, *яко* отсюда имѣлъ Онъ проходить (ст. 3, 4). Закхей, малый по тѣлесному возрасту, но великій разумѣніемъ духа, старался увидѣть Іисуса, желалъ увидѣть Бога, дарующаго людямъ небесное; старался увидѣть создателя ангеловъ и устроителя небеснаго и надземнаго свѣта ходящимъ по-человѣчески; старался увидѣть, какъ Солнце правды, будучи въ тѣлесномъ облакѣ, просвѣщаетъ очи сердца вѣрующихъ; старался увидѣть Бога Іисуса, прекрасный образъ, желанный предметъ, сладкое имя Іисуса, обозначающаго Своимъ именемъ всякій предметъ; старался увидѣть багрянорунпаго овна, кровь Котораго искупила вселенную и руно покрыло нагихъ отъ Адама до кончины; онъ, плѣненный воинъ, желалъ увидѣть своего царя, овца—пастыря, заблудившійся—свой путь, омраченный—свѣтъ; онъ, не имѣющій сладчайшаго средства къ богознанію, желалъ увидѣть проповѣдника благочестія; онъ, безсильный, старался увидѣть здоровье, голодный—небесный хлѣбъ, жаждущій—живоносный источникъ; онъ желалъ увидѣть жизнедателя іересвъ и воскресителя Лазарева. О, божественная любовь! О, благое желаніе! О, любовь златокрылая, или лучше, (любовь) Христа, Который возводитъ на небо душу, имѣющую въ себѣ Его! Божественная любовь, подъявъ его отъ земли, заставила его взойти на дерево; она уже не позволяетъ ему глядѣть на земное, ни сноситься съ людьми; но, поглядѣвъ на лю-
768 бовь, онъ ожидалъ небеснаго; къ Тому онъ спѣшилъ, къ Кому побуждался, и, взошедши на дерево, смотрѣлъ на Христа и мысленно всходилъ на облако. Увидѣвъ Христа, Закхей приблизительно говорилъ: *къ тебѣ возведохъ очи мои, живущему на небеси* (Пс. CXXII, 1). Закхей увидѣлъ Господа, и воспламенялся любовію еще больше; она коснулась его сердца, и онъ сдѣлался другимъ: вмѣсто мытаря ревнителемъ, вмѣсто невѣрнаго вѣрнымъ и вмѣсто волка овцою запечатлѣнною. Чтобы можно было испытать это дѣло, (спросимъ): кто такъ любитъ отца или матерь, кто такъ полюбилъ когда-нибудь жену или дѣтей, какъ Закхей Господа? Для Христа все свое имущество онъ отдалъ бѣднымъ, и кого оклеветалъ, возвратилъ вчетверо. О, благой образъ ученика! О, кротость учителя и сила божественная, однимъ созерцаніемъ Іисуса приводящая къ дѣлу! Не говорилъ еще Господь Закхею огласительнаго слова, но ему желающему далъ только увидѣть Себя, и сила вѣры извлеклась изъ желающаго сердца. Нѣчто похожее было и у кровоточивой: подошедши къ Господу, и прося Его, чтобы исцѣлилъ Онъ ее, она не ожидала прикосновенія руки, но сама, подошедши, тихонько коснулась края Его одежды, и сила исцѣленія извлеклась прикоснувшеюся, какъ губкою. И Закхей невѣдѣ-

піемъ совершалъ, подъ вліяніемъ божественной ревности, и, пламенѣя духовною любовію, поспѣшно всходилъ на смоковницу; но Господь, усмотрѣвъ нѣчто таинственное, говорилъ: *слѣзи!* Я знаю твою душу, знаю твою благочестивую любовь. *Слѣзи!* Вспомни, что укрылся подъ смоковницею обнаженный Адамъ, и ты, желая спасенія своего, не спѣши на смоковницу. Мнѣ нужно эту смоковницу изсушить и насадить иную—крестъ. Онъ полезное дерево; на него спѣши душою; отсюда съ готовностію стремись на небо. (А) на этомъ деревѣ змѣй въ листьяхъ вьется, на этомъ онъ скрывается, на этомъ онъ гнѣздится. Поспѣши сойти прежде, чѣмъ онъ станетъ шептать душѣ твоей, какъ было съ Евою—которую убѣдилъ вкусить сладкаго удовольствія. Поспѣши сойти; пока Я стою, сойди; когда Я смотрю на него, онъ обуздывается. Поспѣши сойти; не желаю оставить тебя на смоковницѣ, не желаю твоей погибели; ты Моя овца, ко Мнѣ ты прибѣгъ. Поспѣши сойти, и предупреди Меня въ домѣ своемъ; Мнѣ нуженъ тамъ отдыхъ. Гдѣ вѣра, тамъ почиваю; гдѣ любовь, туда прихожу. Знаю, что̀ ты думаешь дѣлать; знаю, что все свое имущество думаешь отдать бѣднымъ, и прежде всего возвратить вчетверо, кого ты оклеветалъ. У такихъ Я съ охотою пребываю. И Закхей поспѣшно сошелъ, и пришелъ въ свой домъ, и принялъ Іисуса. Отъ полноты радости, ставъ, онъ сказалъ; не ходя, не сидя, но ставъ, чтобы показать неизмѣнность рѣшенія своей души; ставъ, сказалъ, когда подвизался нераскаянною мыслію, горя духомъ; онъ уже зналъ, гдѣ сѣетъ, и гдѣ будетъ пожинать,—сказалъ: *се полъ имѣнія моего дамъ нищимъ: и* которыхъ *обидѣхъ,* вчетверо отдамъ (ст. 8). О, чистое исповѣданіе, исходящее отъ чистаго сердца; исповѣданіе непостыдное, предстоящее непостыдной славѣ Божіей, дышущее вѣрою, и цвѣтущее правдою! Этой правды да удостоитъ насъ Богъ всѣхъ, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

О сотникѣ.

Сотнику нѣкоему рабъ боля злѣ хотяше умрети (Лук. VII, 1); 769
но онъ не умеръ, благодаря Владыкѣ, хотя имѣлъ умереть, потому что былъ человѣкомъ; не умеръ, благодаря угодному для Бога ходатайству. Природа требуетъ своего долга, но Владыка природы уступилъ по вѣрѣ владѣтелю его владѣніе. Смерть и необходимость природы понуждали къ кончинѣ, но вѣра, воюющая со смертію и разрушающая законы смерти, перетянула на свою сторону. И ты не повѣришь, можетъ ли столько вѣра, чтобы разорвать оковы смерти и извлечь души изъ преисподней пропасти? Вѣра открываетъ даже врата смерти, заключаетъ небо, измѣняетъ предѣлы природы, укрощаетъ силу огня, обращаетъ пламень въ

росу и притупляетъ жало смерти. Не буду говорить безъ свидѣтельства; увѣрю тебя Священнымъ Писаніемъ. Я сказалъ, что вѣра открываетъ двери ада, и небо заключаетъ—прими ясныя доказательства. Смотри: блаженный Петръ словомъ открылъ двери ада и вывелъ изъ преисподней Тавиѳу. Онъ только сказалъ: *Тавиѳо, востани* (Дѣян. IX, 40), (и) тотчасъ двери ада открываются, засовы преисподней падаютъ, и умершая повинуется быстрѣе живыхъ. Опять пророкъ Илія, положившись на эту вѣру, сказалъ: не будетъ дождя, *точію отъ устъ* моихъ (3 Цар. XVII, 1), и небо становится мѣдью, задерживается дождь на три года и шесть мѣсяцевъ, земля, какъ бы желѣзная по природѣ, отказываетъ въ своемъ обычномъ плодѣ, чтобы ты зналъ, сколько можетъ вѣра. Человѣкъ на землѣ рѣшаетъ, и Богъ на небѣ утверждаетъ это рѣшеніе; смертныя уста изрекаютъ, и воля Божія опредѣляетъ, выражая слово въ дѣлѣ. Заключилъ Илія небо *три лѣта и мѣсяцъ шесть* (Лук. IV, 25); запоромъ небеснымъ были уста смертнаго человѣка, украшенныя благочестивою вѣрою. Опять Илія осмѣлился взойти на огненную колесницу и, какъ птица, взлетѣлъ въ воздушныя обители; и, безъ сомнѣнія, до сего дня не вкушаетъ смерти, не по закону природы, но по единственной въ своемъ родѣ благодати, непоколебимо соблюдаясь силою вѣры. И зачѣмъ объ этомъ много говорить? Енохъ перешелъ съ тѣломъ отъ жизни въ жизнь, превзошедши вѣрою смерть и старость и природу. Много и другого можно говорить о вѣрѣ, но я ограничиваю слово, чтобы не вызвать излишества. Я знаю, что божественныя слова служатъ для вашего христолюбиваго слуха не къ пресыщенію, но къ любви; однако возвращусь къ предмету рѣчи. *Сотнику нѣкоему рабъ боля злѣ хотяше умрети, иже бѣ ему честенъ;* онъ былъ рабомъ уважаемымъ для господина. Если корыстолюбіе жизни придумало раба, то благоразуміе господина не отказало ему въ родствѣ природы. Онъ не презрѣлъ (его), какъ раба, но полюбилъ, какъ единоплеменника, облегчая тяжкое иго рабства человѣколюбіемъ. Слушайте и учитесь, господа рабовъ, чтобы вамъ не презирать рабовъ, какъ чуждой природы, и не изнурять сородичей, какъ враговъ, повинуясь слову блаженнаго Павла: *господіе,* рабамъ равенство оказывайте, *послабляюще прещенія, вѣдуще, яко* ихъ и вашъ Господь на небесахъ пребываетъ (Колос. IV, 1; Еф. VI, 9). Богъ дозволилъ ему быть рабомъ, чтобы ты учился быть рабомъ Божіимъ. Ты требуешь благомыслія отъ раба? Будь благомысленъ и самъ къ Владыкѣ. Ты наказываешь его за ошибку? Не согрѣши же, чтобы не быть тебѣ наказану Богомъ. Ты не прощаешь сородичу? И ты не проси прощенія. Тебя учитъ евангеліе такъ молиться: *остави намъ долги наша, яко и мы оставляемъ должникомъ нашимъ* (Мѳ. VI, 12). Ища у Бога человѣколюбія, и вы оказывайте человѣколюбіе единоплеменникамъ. *Слышавъ же о Іисусѣ, посла къ нему старцы Іудейскія* (Лук. VII, 3). Что услышавъ? Что Онъ словомъ исцѣляетъ, словомъ животворитъ мертвыхъ, словомъ

прогоняетъ демоновъ, словомъ все совершаетъ: *живо бо слово Божіе, и дѣйственно, и острѣйше паче всякаго меча обоюду остра* (Евр. IV, 12). Не травы и лѣкарства Онъ употребляетъ, но слово Имъ произносится, и дѣло совершается. Смотри, какая разница между сотникомъ и іудеями! Онъ, услышавъ, только по одному слуху увѣровалъ и, увѣровавъ, подошелъ, какъ къ Богу; а они, смотря на самыя чудеса, отвергли чудо- 770
творца, хотя зрѣніе дѣйственнѣе слуха. Зрѣніе дѣйственнѣе слуха, но у нихъ было учителемъ болѣзни нечестіе. Поэтому слѣпцы презрѣли на своемъ судѣ Судію. *Посла старцы Іудейскія, моля его, яко да пришедъ спасетъ раба его. Посла къ нему старцы;* не изъ гордости отказывается самъ придти, но не рѣшается за самого себя ходатайствовать, по величію этого достоинства. Онъ сознавалъ себя человѣкомъ отъ человѣка тлѣннаго, а Іисуса Богомъ отъ Бога, единороднымъ Сыномъ отъ нерожденнаго Отца. Поэтому, вслѣдствіе благоговѣнія, посылаетъ старѣйшинъ церкви, поступая по-апостольски раньше апостоловъ: *болитъ ли кто, да призоветъ пресвитеры церковныя, и да молитву сотворятъ надъ нимъ, и аще грѣхи сотворилъ есть, отпустятся ему* (Іак. V, 14, 15). Итакъ, онъ послалъ къ Нему старѣйшинъ, прося Его придти спасти его раба. Дивись состраданію этого мужа! Во время болѣзни своего слуги, онъ не презиралъ его, но прилагалъ столько усердія, сколько кто-нибудь показалъ бы при собственномъ страданіи. Это относится къ добродѣтели разумнаго мужа—выказать столько усердія, и послать отъ себя ходатайство объ исцѣленіи слуги. Онъ зналъ о равночестности природы, и не презиралъ его, какъ раба, но сострадалъ ему, какъ сорабу, зная, что Богъ существуетъ для всѣхъ вообще. Такимъ былъ сотникъ. Многіе изъ богачей требуютъ безъ снисхожденія отъ здоровыхъ службы, а о больныхъ нисколько не заботятся; когда случилась болѣзнь, и рабыня повержена на землѣ,—ни господинъ не обращаетъ вниманія, ни госпожа не наблюдаетъ; и если когда нужно госпожѣ подойти, она не смотритъ, какъ на сродную, но внимаетъ съ мрачнымъ взглядомъ и заговариваетъ съ нею суровыми словами, отвергшись родства природы по высокомѣрію. Однако вы читаете Писаніе. Не знаете, что̀ говоритъ святой Давидъ? *Се яко очи рабъ въ руку господій своихъ, яко очи рабыни въ руку госпожи своея: тако очи наши ко Господу Богу нашему* (Пс. CXXII, 2). Почти образъ, уважь написанное, снизойди на помощь къ немощному! Спаситель, единородный Сынъ Божій, благоволилъ сдѣлаться человѣкомъ для человѣковъ; ты, будучи человѣкомъ, отказываешься отъ равночестнаго, какъ будто отъ неравночестнаго, отказываешься отъ состраданія сородной природѣ? И когда какое-нибудь неразумное животное хромаетъ, ты заботишься для своей пользы; а когда разумное, т. е., твой слуга болѣетъ, ты отвергаешь (его) и не печешься. Ужели пренебрегаешь изъ-за того, что разумное тебѣ служитъ? А мы потому—завидуемъ. Весьма прекрасенъ предъ Богомъ человѣкъ, но мужъ

милостивый драгоцѣненъ. Мы не обращаемъ вниманія на написанное, но питаемъ внѣшнихъ, гоняясь за славою отъ людей, а внутреннихъ оставляемъ гибнуть голодомъ и мерзнуть отъ холода, не помышляемъ о воздаяніи Божіемъ. Не таковъ былъ сотникъ: во всемъ трезвый, въ собственномъ смыслѣ владѣтель, сохранявшій имущество и себя, какъ имущество Божіе, исполненный разума и сіявшій божественною мудростію. Поэтому, онъ напередъ посылаетъ къ Іисусу старѣйшинъ. Они съ большою готовностію ходатайствуютъ, предлагаютъ достаточно убѣжденій, и говорятъ: достоинъ тотъ, которому Ты окажешь милость; благоразуменъ получатель дара; достоинъ Твоего пришествія. *Любитъ бо языкъ нашъ, и сонмище той созда намъ*. Поистинѣ, достаточно признаковъ богопочтенія, достаточно доказательствъ благой совѣсти. Каковы же (доказательства)? Любовь къ Богу и истинное расположеніе къ человѣку. *Любитъ бо языкъ нашъ*, т. е. законъ. *Исполненіе закона любы* (Рим. XIII, 10). *И сонмище той созда*, выражая любовь къ Богу. Устроеніемъ дома Богу онъ воздвигъ какъ бы отовсюду видимую колонну своей любви къ Нему. Смотри, какъ прекрасныя дѣла, воспоминаясь во время нужды, доставляютъ много дерзновенія тѣмъ, за кого ходатайствуютъ; всюду прекрасныя дѣла достаточны для убѣжденія. Такъ они ходатайствовали; Іисусъ принялъ
771 приглашеніе старѣйшинъ, не ихъ уважая, но одобряя вѣру сотника. Вставъ, Онъ отправился съ ними. Онъ шелъ кое-гдѣ съ промедленіемъ и дѣлалъ остановки, не опаздывая совершать благодѣяніе, но выжидая времени, чтобы всѣмъ объявить расположеніе, таившееся внутри сотника, чтобы похвалить неуклонную вѣру, въ обличеніе невѣрныхъ, чтобы обнаружить чистое и неподдѣльное произволеніе. *Уже ему не далече сущу отъ храмины, посла къ нему сотникъ* рабовъ своихъ, *глаголя:* не безпокойся: *нѣсмь бо достоинъ, да подъ кровъ мой внидеши* (Лук. VII, 6). По первому побужденію своей души, онъ посылаетъ старѣйшинъ; но сдѣлавъ это и ожидая у себя, онъ не остается въ покоѣ. Подумавъ про себя, сколько различія въ достоинствѣ, онъ высылаетъ напередъ рабовъ, съ приглашеніемъ и словами: не безпокойся: *нѣсмь бо достоинъ, да подъ кровъ мой внидеши*. О, сообразительность и трезвенность сотника! Не остался для него въ тайнѣ Богъ, скрываемый въ человѣкѣ; не осталось для него въ тайнѣ единородное Слово, облекаемое тѣломъ. Онъ видитъ храмъ, и разумѣетъ обитателя. Не остался для него въ тайнѣ Владыка въ достоинствѣ раба, царь въ видѣ плѣнника, малый—въ безграничномъ величіи. Тотчасъ Іисусъ удивляется и свидѣтельствуетъ о его высокой вѣрѣ, о благородномъ побужденіи его души, по которому онъ говорилъ Спасителю: *нѣсмь достоинъ, да подъ кровъ мой внидеши*. Таковымъ былъ и Петръ, когда онъ былъ изумленъ при ловлѣ рыбы и понялъ величіе Его могущества; тогда онъ обращается къ Нему и говоритъ: *изыди отъ мене, яко мужъ грѣшенъ есмь я, Господи* (Лук. V, 8). Но можетъ быть онъ и не зналъ о Петрѣ, а читалъ въ книгѣ Левитъ: про-

каза лежащая нечистымъ дѣлаетъ подпавшаго болѣзни (Лев. xiii). На проказу похожи бѣлыя пятна на тѣлѣ, бѣлая сыпь и лишаи. Для многихъ такія пораженія не различимы, и особенно въ началѣ болѣзни; отсюда законъ желаетъ отъ іерея, чтобы онъ былъ судьею въ этомъ. Законъ ведетъ іерея въ домъ изслѣдуемаго; и тамъ, признавъ, какъ проказу, онъ объявляетъ все, что въ домѣ, оскверненнымъ. Отсюда большинство напередъ приготовляется, и тогда зовутъ іерея. Блаженный сотникъ, помысливъ объ этомъ, отказывается отъ прибытія Спасителя: *нѣсмь достоинъ, да подъ кровъ мой внидеши.* Многое есть въ домѣ томъ; я знаю свои грѣхи; прежде, чѣмъ очищусь, отказываюсь отъ пришествія Твоего, какъ судіи. Я знаю, что Ты начальникъ всѣхъ іереевъ и архіерей Отца. *Нѣсмь достоинъ, да подъ кровъ мой внидеши.* Небо для Тебя престолъ, и земля подножіе,—какой домъ вмѣститъ невмѣстимаго? У меня нѣтъ небеснаго дома, чтобы Тебѣ войти въ мой домъ; у меня нѣтъ царскаго дворца, чтобы мнѣ принять Царя небесъ. Какъ я приму подъ свою кровлю покрывающаго *водами превыспреннія своя* (Пс. ciii, 3)? Какъ я приму въ свою бѣдную гостинницу сожителемъ измѣрившаго небо пядью? Какой домъ вмѣститъ вмѣщающаго вмѣстѣ все небо и землю? *Нѣсмь достоинъ, да подъ кровъ мой внидеши.* Какъ благодѣтеля, я восхищаю (Твое) пришествіе, но какъ судіи—боюсь (своего) дерзновенія. Ты наблюдатель душъ, изслѣдователь внутренностей, испы- 772
татель сердца и судія грѣховъ. *Нѣсмь достоинъ, да подъ кровъ мой внидеши.* Я боюсь самого себя; *рцы слово, и исцѣлѣетъ отрокъ мой.* Ужели тебѣ не кажется, что говорящій: *рцы слово* только—точно знаетъ, что *Словомъ Господнимъ небеса утвердишася, и вся сила ихъ* (Пс. xxxii, 6), что все существующее Словомъ и содержится и управляется? Просвѣтившись божественною мыслію, этотъ мужъ, когда увидѣлъ Іисуса во плоти, сразу узнаетъ въ Немъ Сына Божія. *Рцы слово* только. Я знаю, что о Тебѣ предвѣстилъ мудрый Соломонъ: *ниже зеліе, ниже обязаніе исцѣли* народъ Твой, *но слово твое, Господи, исцѣляющее вся* (Прем. xvi, 12). *Рцы слово* только. Я знаю, чье Ты Слово, и какимъ могуществомъ владѣешь, и что все совершилъ (Ты) словомъ. Отецъ не страдалъ при Твоемъ рожденіи; Ты не страдаешь, творя, не страдаешь, устрояя. *Рцы слово* только. Слово Твое — полезнѣйшее во всемъ; не воздухъ оно поражаетъ, но обнаруживаетъ желаніе Твое. *Рцы слово* только. Дай знакъ въ удостовѣреніе слышащихъ. Смотри (какая) разсудительность: онъ проситъ отложить приходъ, но о своемъ знаніи не разсказываетъ; свидѣтельствуетъ Ему о своемъ знаніи, но отказывается отъ Его прихода. Эта мудрая мысль преемствуется другою, большею. Такъ отъ силы въ силу восходитъ этотъ мужъ, и становится богатымъ источникомъ замѣчательныхъ мыслей, юнѣя въ успѣхахъ ученій. *Рцы слово* только, *и исцѣлѣетъ отрокъ мой. Ибо и азъ человѣкъ есмь подъ* властію *учиненъ, имѣя подъ собою воины, и*

глаголю сему: иди, и идетъ: и другому: пріиди и приходитъ: *и рабу: сотвори сіе, и* дѣлаетъ (Лук. VII, 7, 8). Я знаю, что Ты, облеченный властію надъ всѣми, прибылъ къ намъ, какъ одинъ изъ всѣхъ. Ты пришелъ къ намъ, какъ и мы (приходимъ), хотя имѣешь власть во всемъ, какъ говоритъ святой Давидъ: *учиненіемъ твоимъ пребываетъ день: яко всяческая работна тебѣ* (Пс. CXVIII, 91). Ты спишь, и море поднимается; Ты встаешь, и волны утихаютъ. Ты зовешь умершихъ, и умершій повинуется быстрѣе живыхъ. *Рцы слово, и исцѣлѣетъ отрокъ мой. Ибо и азъ человѣкъ есмь подъ* властію *учиненъ.* Здѣсь онъ объявляетъ, что самовластное стремленіе души препятствуетъ восходить къ лучшему. У меня самого есть воины. Онъ называетъ воинами различные помыслы, гнѣздящіеся въ человѣкѣ. Этихъ воиновъ называетъ блаженный Павелъ: *соуслаждаюся закону по внутреннему человѣку: вижду же инъ законъ противу воюющъ закону ума моего, и плѣняющъ мя закономъ* грѣха (Рим. VII, 22, 23). Точно, говорилъ онъ, имѣю *подъ собою воины,* но у меня нѣтъ воиновъ противъ меня: *и глаголю сему: иди, и идетъ: и другому: пріиди, и* приходитъ; не управляюсь, но управляю помыслами. Можетъ быть сотникъ потому и названъ сотникомъ, что онъ, какъ начальникъ и повелитель страстей, показываетъ намъ такую твердость надъ неразумными страстями; да получимъ ее всѣ мы благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава и держава, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

На слова: изыде сѣяй сѣяти сѣмене своего (Лук. VIII, 5).

771 Дѣвственная почва, взборожденная, при помощи быковъ, плугами опытныхъ земледѣльцевъ, принимаетъ сѣмена; охвативъ ихъ своими комьями, она прежде произращаетъ траву, потомъ удлинняетъ колосъ, потомъ въ колосѣ наливаетъ хлѣбное зерно. Тогда земледѣльцы, видя блестящій колосистый посѣвъ, хвалятъ надежды своихъ трудовъ, спѣшатъ искренно умилостивить Бога, чтобы Онъ въ цѣлости сохранилъ плоды обнаруживающихся благъ. Часто, когда приближается средина лѣта, надежда почти достижима и земледѣлецъ радуется, тогда или знойный вѣтеръ изсушаетъ колосъ, или ржавчина гноитъ, или градъ истребляетъ, и исчезаетъ преждевременная надежда; земледѣлецъ, угнетенный сильнымъ унынiемъ, отложивъ серпъ, сокрушается печалью о преждевременномъ концѣ лѣта. Но когда благорастворенность воздуха сдѣлаетъ колосъ блестящимъ и зрѣлымъ, и бѣлѣющій посѣвъ согнется на подобіе старцевъ, ожидая лѣтней жатвы, тогда сельчане, съ острыми серпами въ своихъ широкихъ дланяхъ, прибавляютъ къ трудамъ труды, удовлетворяютъ свое желаніе, насыщаются исполненіемъ своихъ надеждъ. Тогда волъ веселою поступью, съ суровымъ взглядомъ, отправляется на

гумно, когда остальныя животныя отдыхаютъ дома. Остальныя животныя,—козы, свиньи и овцы,—которыя не подвергали свои шеи ярму плуга, стѣсняясь своею совѣстію, рабски приближаются къ гумну (и) похищаютъ вязанки колосьевъ; только волъ, вытянувъ широкій языкъ, смѣло беретъ плоды своихъ трудовъ. Ты видишь тамъ жнецовъ, видишь 773
тамъ плодоносную пашню, гумно, вола; перейди отсюда къ церковному благоустройству, и ты увидишь таинственную церковную обработку земли. *Изыде сѣяй сѣяти.* Мы только что слышали объ этомъ изъ евангелія. *Изыде.* Кто? Христосъ, пришедшій съ неба въ міръ. Сѣятель—Христосъ, сѣмя—слово Божіе, пашня—человѣчество, волы—апостолы, плугъ—крестъ, ярмо—единомысліе, яремный ошейникъ—сладкая любовь, соединяющая выи апостольскія. *Изыде сѣяй сѣяти.* Вышелъ Христосъ не съ тѣмъ, чтобы жать, но сѣять; еще не были посѣяны сѣмена воскресенія въ сердцахъ людей. *Изыде сѣяй сѣяти,* не рожь, не ячмень, не пшено, ни другое что-нибудь земное, но вѣру въ Отца и Сына и Святаго Духа, надежду воскресенія, любовь къ Богу и людямъ нелицемѣрную и небезразличную. Сѣющій Христосъ вышелъ изъ отеческаго лона, сущій въ лонѣ Отца, и пришелъ къ намъ, какъ самъ прямо говоритъ: Я отъ Отца изшелъ и прихожу (Іоан. VIII, 42; XVI, 28). Но изшелъ отъ Отца, отнюдь не разлучаясь съ Нимъ, а съ нами пребывая. Этотъ сѣятель вышелъ, чтобы искоренить плевелы, злобно посѣянныя діаволомъ въ душахъ людей. *Всякъ садъ*, сказано, *егоже не насади Отецъ мой небесный, искоренится* (Мѳ. XV, 13). Вышло солнце правды, чтобы свѣтлыми лучами Своего божества осіять омраченныя сердца людей. Вышелъ пастырь овецъ, чтобы, посѣявъ соль благочестія, доставить овцамъ здоровый кормъ писаннаго закона. Вышелъ сѣятель съ десятью запряжками воловъ, чтобы сдѣлать одинъ скудельный сосудъ и, посѣявъ шесть мѣрокъ, сдѣлать три мѣры. Теперь говори, Исаія, не молчи! *Идѣже бо возорютъ десять супругъ воловъ, сотворитъ корчагъ единъ* (Ис. V, 10). Десять запряжекъ воловъ — это двадцать воловъ; десять разумныхъ запряжекъ воловъ — это двѣнадцать апостоловъ Христа и семь, которыхъ избрали апостолы. Кого именно? Стефана, Филиппа, Прохора, Никанора, Тимона, Пармена и Николая, пришельца антіохійскаго; и (еще) апостолъ, воздѣлавшій землю отъ Іерусалима до Иллирика. Эти десять запряжекъ воловъ сдѣлали на пашнѣ человѣчества исповѣданіе о Христѣ, облекшемся въ нашъ скудельный сосудъ тѣла. Что божественное слово называетъ скудельнымъ сосудомъ плотское пришествіе Христа, слушай. Когда Онъ имѣлъ отойти на страданіе, говорятъ Ему ученики Его: *гдѣ хощеши уготоваемъ пасху?* А онъ имъ: *идите* вотъ въ этотъ *градъ, и срящетъ васъ человѣкъ въ скудельницѣ воду нося, и рцыте ему: учитель* нашъ сказалъ: *у тебе сотворю пасху. И покажетъ* вамъ *горницу постлану*, и тамъ намъ приготовьте пасху (Мѳ. XXVI, 17, 18; Мрк. XIV, 15). Кто человѣкъ, но-

сящій скудель воды, или что за городъ, въ который Онъ ихъ посылаетъ, или что такое устланная горница,—(это) вамъ, по изслѣдованіи, необходимо знать. Человѣкъ, носящій скудель воды, Іоаннъ Предтеча Христа, объявлявшій о Христѣ, что Онъ облекся въ нашъ скудель тѣла (и) имѣетъ у Себя воду крещенія. Устланною горницею называетъ будущее упокоеніе святыхъ на небѣ послѣ воскресенія: *Идите* вотъ въ этотъ *градъ*; не въ ветхую синагогу іудеевъ, гдѣ ветхій законъ закисъ въ ветхихъ мѣхахъ,—смѣшавъ уксусъ съ желчью, они поднесли Господу,—но идите въ новый городъ, въ новый Іерусалимъ, гдѣ новое слово, гдѣ новая благодать Духа въ новыхъ мѣхахъ источаетъ молодое вино вѣры; гдѣ не ветхая пасха, но новое воскресеніе; гдѣ не агнецъ закалается въ жертву, но Христосъ освобождаетъ; гдѣ не ветхая закваска, но приготовляется на крестѣ небесный хлѣбъ. *Идѣже бо возорютъ десять супругъ воловъ, сотворитъ корчагъ единъ*; гдѣ работаютъ десять запряжекъ воловъ, (т. е.) апостоловъ [апостолы были уподоблены воламъ, какъ свидѣтельствуетъ Павелъ словами: написано въ законѣ: *да не заградиши устенъ вола молотяща. Еда о волѣхъ радитъ Богъ* (1 Кор.
774 IX, 9)? но о насъ говоритъ],—тамъ они совершаютъ исповѣданіе Іисуса, облекшагося въ скудель нашего тѣла. И сѣятель шести мѣрокъ (артабовъ) сдѣлаетъ только три мѣры. Ужели у земледѣльцевъ бываетъ когда-либо такой неурожай, чтобы посѣять шесть артабовъ (и) сдѣлать только три мѣры? Но изслѣдуемъ смыслъ Писанія; возлюбленные, войдемъ во внутреннюю завѣсу буквы, и мы встрѣтимся съ божественнымъ разумѣніемъ Духа. Сѣятель шести артабовъ сдѣлаетъ три мѣры. Шесть артабовъ—новый завѣтъ, то есть, четыре евангелиста, Дѣянія и апостолы. Посѣявшій эти шесть артабовъ въ какой-либо одной душѣ дѣлаетъ три мѣры—исповѣданіе въ Отца и Сына и Святаго Духа. *Изыде сѣяй сѣяти* не злакъ для приготовленія хлѣба, но животворную вѣру; не ячмень въ пищу неразумнымъ, но пищу для дыханія людей; не пшено, питающее птицъ, но божественное слово, огненное, подобное зерну горчичному, сильно возгрѣвающее наши души для благочестія и мудрости. *Изыде сѣяй сѣяти, и ово паде при пути, и попрано бысть*, и пришедшія *птицы небесныя позобаша е. Другое паде* въ терніи, *и подави* терніе ростокъ. *Другое паде на* каменистость *), и такъ какъ не имѣло корня, прозябши, тотчасъ засохло (Лук. VIII, 5—7). То, что при пути,—аріане; терніе—евноміане; то, что на камнѣ,—маркелліане. И ты замѣть въ точности, возлюбленный! *Изыде сѣяй сѣяти, и ово паде при пути*. Не сказалъ: на пути, но *при пути*. Какой же путь, кромѣ Христа, говорящаго: *азъ есмь путь и истина* (Іоан. XIV, 6)? То, что при пути—

*) Проповѣдникъ объясняетъ евангельское ἐπὶ τὰ πετρώδη, не какъ нѣчто каменное, но какъ среднее между камнемъ и землею. Это видно будетъ дальше.

аріане. Они не на пути, не православны, и опять не вдали отъ пути, какъ эллины или іудеи, но при пути, то есть, подлѣ Христа, подлѣ правой вѣры. Исповѣданіе ими Христа дѣлаетъ, что они близъ пути; непризнаніе ими Христа Сыномъ Божіимъ препятствуетъ имъ быть на пути. Поэтому, прилетѣвшія небесныя птицы, то есть, духи лукавства, уносятъ изъ ихъ сердецъ божественное слово, и совершенно лишаютъ ихъ правой вѣры. Тернія—евноміане; у нихъ самихъ есть тернія злословій; они произращаютъ траву вѣры, но не заканчиваютъ колосомъ исповѣданія. Исповѣданіе ими Христа дѣлаетъ, что они произращаютъ траву вѣры; но опять ученіе ихъ о твореніи и созданіи дѣлаетъ, что ихъ колосъ вѣры сохнетъ незрѣлымъ. Поражая и заглушая слово истины эллинскими ученіями о почитаніи твари вмѣсто Бога, они дѣлаютъ это слово, въ отношеніи правой вѣры, совершенно безплоднымъ и непроизводительнымъ. То, что на каменистой землѣ,—мараѳоніане. Не сказало Писаніе: то, что упало на камень, потому что камнемъ былъ Христосъ (1 Кор. х, 4), но: на каменистость. Они ни добрая земля, не православные, ни камень, чтобы, будучи высѣчены изъ камня учителями, создать храмъ Божій,—но что? Они сталактитъ. Есть нѣкоторая порода камня, по имени, сталактитъ; онъ ни земля, ни твердый камень; мягокъ противъ камня, но твердъ противъ земли. Исповѣданіе ими Сына Божія подобнымъ по существу Отцу дѣлаетъ ихъ болѣе мягкими; отрицаніе ими Святого Духа дѣлаетъ ихъ сердца затвердѣлыми. Итакъ, они ни добрая земля, чтобы произвести хорошее растеніе и нарядиться имъ въ красоту вѣры, ни твердый камень, чтобы непоколебимо и невозмутимо соблюдать исповѣданіе въ Отца и Сына и Святого Духа. Они принимаютъ это слово, и произращаютъ, но тотчасъ его сушатъ и охлаждаютъ; вслѣдствіе этого у нихъ корни помышленій не въ глубинѣ духа. И хотя они исповѣдуютъ, что Христосъ Сынъ Божій, но, отрицая Святого Духа, они и Сына не имѣютъ, по свидѣтельству и слову апостола: *аще кто Духа Христова не имать, сей нѣстьеговъ* (Рим. VIII, 9). *Другое паде на земли добрѣй: и даяше плодъ:* и одно тридцать дѣлало, другое шестьдесятъ, иное сто (Мрк. IV, 8). Добрая земля—сердце православныхъ; она существуетъ внѣ еретическихъ терній, обработана совер- 775
шенными учителями, и какъ бы взборождена, принимаетъ евангельскія слова, становящіяся сѣменами для души. Такое сердце прежде всего произращаетъ траву вѣры, потомъ удлинняетъ косось надежды, потомъ показываетъ зрѣлый плодъ совершенной любви. Объ этихъ трехъ плодахъ души вспоминаетъ и блаженный Павелъ словами: *вѣра, надежда, любы* (1 Кор. XIII, 13). Вѣрующій дѣлаетъ тридцать, надѣющійся шестьдесятъ, усовершаемый въ любви дѣлаетъ сто; помазуемый дѣлаетъ тридцать, сходящій въ воду дѣлаетъ шестьдесятъ, усовершаемый въ таинствѣ дѣлаетъ сто. Такъ изъ одного сѣмени онъ приносить троякій плодъ: Бога славословитъ, церковь возвышаетъ, самого себя спасаетъ.

Такой получаетъ свою награду отъ Святой Троицы: духомъ разумѣетъ, душою провидитъ, тѣломъ терпитъ. Онъ трижды благословляется: на землѣ славится, изъ мертвыхъ воскресаетъ, на небѣ упокоивается. Такой чествуется тремя высокими степенями: тридцатью, когда на небѣ; шестидесятью, когда между ангелами; сотней, когда у Бога. Такой кротокъ, тихъ, смиренъ, мудръ, милостивъ, сострадателенъ, праведенъ,
776 странникъ міра, чуждъ жизни, только образомъ является на землѣ, а сердцемъ и дѣлами пребываетъ на небѣ. Нѣкоторые изъ еретичествующихъ, по своему неразумному сужденію, измышляютъ лѣстницу въ словахъ богохульныхъ. Что они говорятъ? Вѣра въ Духа дѣлаетъ тридцать,—въ Сына дѣлаетъ шестьдесятъ,—въ Отца дѣлаетъ сто. Они не знаютъ, что когда умаляютъ Духа Святого, (на дѣлѣ) Его возвеличиваютъ. Они ставятъ Духа впереди Отца и Сына; говорятъ: вѣрующій въ Духа дѣлаетъ тридцать; и впереди Отца прежде всего ставятъ Духа, потомъ Сына, потомъ Отца. Мы мыслимъ противоположно, противоположное и говоримъ. Вѣрующій вѣруетъ прежде всего не въ Духа, но въ Отца; вѣрующій въ Отца дѣлаетъ тридцать; присоединяющій вѣру въ Сына удвояетъ число и дѣлаетъ шестьдесятъ; облекшійся въ Духа Святого закончилъ сотней, во Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, Которому слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

О второмъ пришествіи Господа нашего Іисуса Христа, и о милостынѣ.

775 По вознесеніи на небо Господа нашего Іисуса Христа, и когда ученики пристально смотрѣли на небо,—вотъ явился имъ ангелъ Господень, говорящій: *что стоите зряще на небо? Сей Іисусъ, вознесыйся отъ васъ на небо,* самъ опять придетъ на это мѣсто, *имже образомъ видѣсте его идуща на небо* (Дѣян. I, 11). И вотъ, возлюбленные, я вамъ сообщу, какимъ будетъ Его второе пришествіе, страшное и приводящее въ трепетъ, обличающее всякое дыханіе. Явится прежде всего знаменіе Сына человѣческаго, на которомъ распяли Его іудеи, блестящее, какъ молнія, которое понесутъ святые ангелы; и впереди его будетъ трубить архангелъ Михаилъ и пробуждать почившихъ отъ Адама до конца вѣка. И встанутъ мертвые, какъ бы отъ сна, изъ своихъ гробовъ, какъ сказалъ апостолъ Павелъ, что *вострубитъ, и мертвіи* во Христѣ *востанутъ нетлѣнни*, сразу, въ мгновеніе ока, при послѣдней трубѣ (1 Кор. XV, 52). И соберутъ ангелы людей, отъ четырехъ предѣловъ вселенной, въ долинѣ плача. Потрясется та долина и откроются средства суда: огненная рѣка, исполненная неусыпаемаго червя, жестокіе и немилосердые ангелы и вкругъ ставшія дѣла каждаго, обличающія грѣшника. Измѣнятся небеса, и земля упразднится, и слава всего прой-

детъ, какъ тѣнь; богатство и все пройдетъ, исчезнутъ, какъ дымъ, когда даже звѣзды, какъ листья, спадутъ съ неба; и никто ни за кого не заступится, и ни откуда не будетъ помощи: ни отецъ за сына, ни мать за дочь, ни братъ за брата, ни другъ за друга, ни господинъ за раба, ни рабъ за господина, ни богатство, ни серебро, ни золото, ни дорогая одежда, ни дома съ золотыми потолками,—но обнажатся дѣла каждаго, хорошія или худыя. Откроются небеса, и вотъ Сынъ Божій идетъ на облакахъ небесныхъ со многою силою и славою; Онъ, небесный, снисходитъ въ Іерусалимъ, и Онъ, необъятный, въ Сіонъ; и поставляются двѣнадцать престоловъ двѣнадцати апостоловъ и учениковъ Его; и вотъ Онъ, какъ молнія, являющаяся отъ востока до запада; отъ страха и прещенія Его свертываются небеса, какъ свитокъ. Тогда поколеблется вся земля, горы задымятся, огненныя рѣки будутъ готовы принять грѣшниковъ, черви, какъ драконы, съ раскрытыми ртами будутъ жаждать крови грѣшныхъ людей; всѣ будутъ мучиться непрерывно. Та тьма не имѣетъ свѣта. Подумайте, братіе, о томъ страшномъ, великомъ и славномъ днѣ! (Если) даже ангелы, ни въ чемъ не согрѣшившіе, трепещутъ того дня, то какой трепетъ овладѣетъ грѣшниками въ тотъ страшный и ужасный день? Тогда будетъ горькій плачъ и скрежетъ зубовъ. И никто пусть не думаетъ, будто тотъ судъ (будетъ) въ умоизступленіи. Я знаю, что многіе говорятъ, будто тотъ судъ будетъ такъ, какъ если кто-нибудь мучится, 776
находясь во снѣ. Не заблуждайтесь, люди! Кто мучится во снѣ, только воображаетъ себѣ это, а тѣло и душа почиваютъ на постели. Но въ тотъ день нельзя отдѣлиться тѣлу отъ души, а вмѣстѣ онѣ будутъ предстоять страшному тому судилищу, гдѣ книги дѣлъ раскрыты, судія нелицепріятенъ, и судъ неизмѣненъ; во многой славѣ позоветъ Онъ всѣхъ на судъ по имени, и всѣ мы предстанемъ обнаженными. Тамъ нѣтъ ораторской рѣчи, побѣждающей правду, нѣтъ многословія языка, но испытаніе дѣлъ; тамъ не нужны дары, ни защитники, но всѣ несутъ собственныя бремена. Тамъ старости не вѣрятъ, знаменитости нѣтъ, тѣлесное благородство не спрашивается; тамъ красота лица не смущаетъ судію, но достоинство дѣвства и остальныхъ добродѣтелей смущаетъ судію, родившагося отъ Дѣвы; тамъ великій и малый равно судятся. Часто на томъ судѣ осуждаютъ дѣти родителей. Если ты родишь дѣтей и не соблюдешь равенства между ними, но одного обогатишь, а другого возненавидишь, то дашь отвѣтъ. Тогда и рабъ становится предъ господиномъ съ дерзновеніемъ, и рабыня предъ госпожею, и ученикъ предъ учителемъ. Всѣ они судятся въ страшномъ судилищѣ: дѣти съ родителями, жены съ мужьями; и дѣла каждаго становятся явными. Поэтому, и благословенный апостолъ Павелъ, зная это, всѣмъ повелѣлъ словами: *чада, послушайте своихъ родителей о Господѣ. И отцы, не раздражайте чадъ своихъ. Раби, послушайте господій* вашихъ (Еф. VI, 1, 4, 5). *Господіе, уравненіе* соблюдите къ рабамъ вашимъ.

Мужіе, любите жены ваша, и *жены*, бойтесь мужей вашихъ (Кол. IV, 1; III, 19, 18),—чтобы всѣмъ намъ неосужденно предстать предъ страшнымъ престоломъ Господа нашего Іисуса Христа Бога. Итакъ, будемъ трепетать того дня, въ который пастырь имѣетъ отдѣлить овецъ отъ козловъ, и поставить овецъ по правую сторону, а козловъ по лѣвую. Тогда скажетъ царь стоящимъ по правую сторону: *пріидите благословенніи Отца* моего, наслѣдуйте уготованное вамъ царствіе отъ сложенія міра (Мѳ. XXV, 34). Подумай только о той радости и дерзновеніи въ отношеніи къ ангеламъ, пророкамъ и апостоламъ! *Взалкахся бо, и дасте ми ясти: возжадахся, и напоисте мя* (ст. 35) и прочее. Идите, благословенные Отца Моего, получите вмѣсто земного небесное, вмѣсто тлѣннаго нетлѣнное, вмѣсто временнаго вѣчное. Вы Меня одѣли одеждою, а Я облекаю васъ вѣчною славою; вы дали Мнѣ хлѣба, а Я дарую вамъ пищу райскую; вы Мнѣ приносили плоды, а Я васъ сдѣлаю соучастниками святыхъ; вы напоили Меня холодною водою, а Я васъ введу въ рай. Братъ, когда ты это слышишь, то чего ждешь, чего медлишь отдать свое нуждающим-
777 ся? Кромѣ того, ты даешь самому Богу, какъ сказалъ Онъ самъ: если сдѣлаете *единому сихъ братій моихъ меньшихъ, мнѣ сотвористе* (ст. 40). Тѣ, которые гнали бѣдныхъ, Христа гнали. И за это Онъ поставитъ ихъ по лѣвую сторону; и какъ они гнали бѣдныхъ, такимъ же образомъ и Господь изгонитъ ихъ словами: *идите отъ мене проклятіи во огнь вѣчный, уготованный діаволу и ангеламъ его. Взалкахся бо, и не дасте ми ясти: возжадахся, и не напоисте мене* (ст. 41, 42) и прочее. Подумай только о томъ стыдѣ при сонмѣ ангеловъ! Уже здѣсь, если кто-нибудь обличенъ въ грѣхѣ противъ одного друга, какъ онъ опускаетъ лицо! Какъ онъ отказывается предстать! Какъ онъ смущается друзей, сосѣдей, родственниковъ, изъ-за стыда въ томъ, въ чемъ былъ обличенъ! Подумай же о томъ стыдѣ, когда (будутъ) миріады ангеловъ и ряды пророковъ, хоры апостоловъ, неисчислимое множество мучениковъ, безграничный міръ, и скажетъ судія: *идите отъ мене проклятіи. Взалкахся, и не дасте ми ясти: возжадахся, и не напоисте мене: нагъ былъ, и не одѣясте мене: боленъ* былъ, *и не посѣтисте мене:* странникомъ былъ, и не ввели Меня. Чѣмъ вы, говоритъ, оправдываетесь? Я лишилъ васъ повода. У васъ нѣтъ защиты. Если Я скажу: *взалкахся, и не дасте ми ясти*, то ты можетъ быть скажешь, что у тебя не было хлѣба. У тебя не было хлѣба и воды? Но ужели у тебя не было и ногъ, чтобы навѣстить больныхъ и въ темницѣ? Или ты не могъ даже стонать съ удрученными?
778 Ты ничего не причиняешь бѣдному? А развѣ не поражаешь его своимъ языкомъ, потомъ не позволяя ему стонать противъ тебя? Стонамъ его скоро внимаетъ Господь: *и воздаетъ излише творящимъ гордыню* (Пс. XXX, 24). Господь не такъ внимаетъ праведнымъ, какъ бѣднымъ, такъ какъ у бѣднаго нѣтъ еще другого защитника. За бѣдность всѣ мы отвергаемъ его: родители своихъ дѣтей. друзья друзей, особенно братъ

брата, сосѣди сосѣдей; бѣдный всюду отверженъ и безпомощенъ, ни откуда не имѣетъ помощи, кромѣ Бога, милующаго бѣдныхъ. Поэтому, имъ скоро внимаетъ Господь, какъ и пророкъ въ другомъ мѣстѣ говоритъ: скоро выслушиваетъ *убогія Господь, и окованныя своя не* уничижитъ (Пс. LXVIII, 34). У тебя есть хлѣбъ, или что-нибудь иное, чѣмъ утѣшается бѣдность? Дай бѣдному. Если у тебя нѣтъ, послужи ему словомъ, попечалься съ нимъ, помолись за него, чтобы, если у тебя не нашелъ онъ покоя, нашелъ бы у другого. У кого нѣтъ что-либо дать, и онъ одаряетъ бѣднаго хорошими словами, тотъ пріобрѣтаетъ себѣ награду больше, чѣмъ кто даетъ. Кромѣ того, въ другомъ мѣстѣ говорится: велико благодѣяніе милостыни. Никакое другое доброе дѣло не въ силахъ когда-нибудь (такъ) изгладить грѣхи. Обратимся же къ нему, возлюбленные, чтобы получить вѣчныя блага, во Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, Которому слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

Слово о разслабленномъ, въ день Преполовенія; и на слова: „Не судите на лица" (Іоан. V, 5; VII, 24).

Какъ свѣтоносная луна, освѣщая ночной мракъ, и свѣтя путни- 777
камъ по землѣ и пловцамъ по морю, дѣлаетъ для каждаго путешествіе безпрепятственнымъ,—такъ въ субботу Господь говорилъ разслабленному: вставъ, *возми одръ твой*, и иди въ домъ твой (Іоан. V, 8), и потомъ іудеямъ говорилъ: *мое ученіе нѣсть мое, но пославшаго мя* Отца (Іоан. VII, 16). Что по поводу самовластнаго исцѣленія разслабленнаго Господь съ этими словами обращался къ іудеямъ,—бери доказательство изъ только что прочитаннаго. Здѣсь Господь очень ясно выразилъ нераздѣльность Свою отъ Отца. Если бы Господь сказалъ: Мое ученіе не есть Отца, но Мое, то Онъ отдѣлялъ бы самого Себя отъ Отца, дѣлалъ бы чуждое для существа (Божія), нарушалъ бы домостроительство (спасенія); но сказавъ: *мое ученіе нѣсть мое, но пославшаго мя* Отца, Онъ показалъ (этимъ) нераздѣльность существа, и что ученіе Отца и Сына и Святаго Духа одно. Одно есть Слово, Сынъ Отца; и Духъ Отца есть Духъ Святый. Какъ иному будетъ учить Слово? И какъ въ иномъ будетъ оглашать Святый Духъ? Это невозможно, невозможно по слову блаженнаго Павла: никто не знаетъ того, что въ человѣкѣ, *точію духъ человѣка живущій въ немъ; такожде и* того, что въ Богѣ, *никто же вѣсть, точію Духъ Божій* (1 Кор. II, 11). Что по поводу самовластнаго исцѣленія разслабленного, какъ я сказалъ раньше, Господь присоединилъ тѣ Свои слова, ты сейчасъ слышалъ изъ рѣчи Господа: *едино дѣло сотворихъ, и вси дивитеся. Сего ради Моисей даде вамъ обрѣзаніе, не яко отъ Моисеа есть, но отъ отецъ: и въ субботу обрѣзаете человѣка. Аще обрѣзаніе пріемлетъ человѣкъ въ субботу, да не*

разорится законъ Моисеовъ: на мя ли гнѣваетеся, яко всего человѣка здрава сотворихъ въ субботу? Не судите на лица, но праведный судъ судите (Іоан. VII, 21—24). Господь показываетъ изъ закона ихъ беззаконіе. Онъ говоритъ имъ: *аще обрѣзаніе пріемлетъ человѣкъ въ субботу*, и въ субботу обрѣзаете младенца, чтобы не упразднился законъ восьми дней, то вы нарушаете закономъ законъ, и *на мя ли гнѣваетеся, яко всего человѣка здрава сотворихъ въ субботу*, безъ труда, но чудомъ? Въ субботу не должно работать, но во всемъ быть въ праздности? Почему у васъ, іудеи, въ субботу жена рождаетъ, бабка
778 суетится, пеленками трясутъ, природа очищается и сосцы приготовляются для кормленія? Жена рождаетъ, и природа побѣждаетъ законъ, и Богъ не чудотворитъ? Скажи Мнѣ: если въ субботу обрѣзается человѣкъ, *да не разорится законъ*, (то) *на мя ли гнѣваетеся, яко всего человѣка здрава сотворихъ въ субботу? Не судите на лица, но праведный судъ судите.* Принимаю на Себя вашъ вражескій судъ, чтобы какимъ судомъ вы судите, васъ судить. Кто нарушаетъ субботу: вы, когда обрѣзаете въ субботу—точите ножъ, дѣлаете разрѣзъ, устраняете часть тѣла, или Я, когда сказалъ: вставъ, *возми одръ твой*, и иди въ домъ твой? Если бы слово было не дѣйственно, Я нарушилъ бы субботу пустословіемъ; а если дѣло опередило слово, то почему вы мстите за субботу, и отвергаете Творца? Развѣ вы не насытились, дѣти іудейскія, когда тридцать восемь лѣтъ смотрѣли на разслабленнаго, пригвожденнаго къ одру—на утруждающій его одръ и на (самого) разслабленнаго, испытывавшаго день и ночь тягость? Вы (тогда) не вознегодовали, и не сострадали; а (теперь) негодуете, что въ одно мгновеніе разслабленный понесъ одръ и принялъ отплату! Чтожъ, не слѣдовало и это возглашать: переворотилъ Ты ложе мое *въ болѣзни* моей (Пс. XL, 4)? Знаю, фарисеи, за что вы негодуете. Не за то вы сердитесь, что исцѣленъ разслабленный, но за то, что не въ силахъ были скрыть одръ и похитить чудо. Зная вашу мысль, Я приказалъ ему нести одръ, чтобы, если вы будете замалчивать, одръ вопіялъ о чудѣ. Чего колеблетесь, фарисеи? Разслабленный ни тайно введенъ, ни подложный, ни кратковременный; вы всѣ его знаете: онъ тридцать восемь лѣтъ жилъ при вашей купальнѣ. Вы не въ состояніи говорить, какъ на слѣпца отъ рожденія: *сей есть; подобенъ ему есть*; не этотъ (Іоан. IX, 9). Если бы не побѣдилъ васъ слѣпецъ, то и его бы вы схватили и повлекли бы въ судилище, такъ что исполнились бы вы за все стыда. *Не судите на лица, но праведный судъ судите.* Если угодно, пробѣжимъ вкратцѣ самый отдѣлъ о разслабленномъ, такъ какъ и Господь вспомнилъ разслабленнаго. Если въ самомъ дѣлѣ Господь его вспомнилъ, то какъ мы предадимъ его забвенію? Тогда изумляются, когда разсказываются чудеса Господа. Господня есть и настоящая средина праздника: Господь посредникъ, и праздника средина. Средина всегда укрѣпляется оконечностями; вслѣд-

ствіе этого, и настоящая средина праздника владѣетъ двойною благодатію воскресенія. Занимая средину между Воскресеніемъ и Пятидесят- 779
ницей, объявляетъ о Воскресеніи, указываетъ на Пятидесятницу, возвѣщаетъ о Вознесеніи. Вы, любители изслѣдованія слова (Божія), знайте, въ чемъ вся исторія разслабленнаго, чтобы вамъ получить плодъ духовной пользы. Ты хорошо помнишь рѣчь евангелиста Іоанна: *по сихъ бѣ праздникъ Іудейскій, и взыде Іисусъ во Іерусалимъ.* Была *же во Іерусалимѣхъ купѣль, яже глаголется Еврейски Виѳезда, пять притворъ имущи. Въ тѣхъ слежаше множество* много *болящихъ, слѣпыхъ, хромыхъ, сухихъ. Бѣ же нѣкій человѣкъ* тамъ, *тридесять и осмь лѣтъ имый въ недузѣ своемъ. Сего видѣвъ Іисусъ,* знающій все прежде бытія, *и разумѣвъ, яко* много уже времени *имаше,* говоритъ *ему: хощеши ли цѣлъ быти* (Іоан. v, 1—3, 5—6)? О, нетщеславное исцѣленіе Господне! Онъ не ждетъ просьбы отъ больного; самъ спѣшитъ къ страдающимъ. Будучи солнцемъ правды, Онъ расширяетъ лучъ благодѣянія на всѣхъ. *Бѣ же во Іерусалимѣхъ* при овчей купальнѣ, *яже глаголется Еврейски Виѳезда, пять притворъ имущи.* Въ ней *слежаше множество* много *болящихъ, слѣпыхъ, хромыхъ, сухихъ.* Пять притворовъ, которые были исполнены больными—это знакъ іудейской болѣзни. Іудейскій народъ болѣлъ пятью чувствами: зрѣніемъ, обоняніемъ, вкусомъ, слухомъ, осязаніемъ. Дѣти іудеевъ болѣли всѣмъ. У нихъ не было чистаго зрѣнія: смотрѣли на чудеса, и не замѣчали; у нихъ не было пріятнаго вкуса: вкушали манну, и требовали огурцовъ; у нихъ не было чистаго обонянія: Владычне миро признавали діавольскимъ зловоніемъ; у нихъ не было чистаго слуха: слѣдовали внушенію змѣинаго свиста, а не пророческому наставленію; у нихъ не было содѣйствующаго осязанія: богословствовали объ идолахъ, и пренебрегали живымъ Богомъ. Но пришедшій во плоти Владыка Христосъ, создатель чувствъ и творецъ твари, освободилъ и отъ тѣлесныхъ страданій и отъ произвольныхъ паденій. Разслабленный вдвойнѣ страдалъ: по тѣлу, онъ разрушался болѣзнію; по душѣ, былъ разслабленъ грѣхами. Поэтому Господь, врачъ того и другого, и тѣло укрѣпляетъ, и духъ просвѣщаетъ; и тѣлу повелѣлъ носить одръ, и душѣ позволилъ носить добродѣтель. Господь, увидѣвъ разслабленнаго лежащимъ, говорилъ ему, какъ вы всѣ отлично знаете: *хощеши ли цѣлъ быти?* Но за это сейчасъ ухватываются іудейскія дѣти, говоря противъ Господа: если бы Христосъ былъ Богомъ, то зачѣмъ бы Онъ спрашивалъ разслабленнаго: *хощеши ли цѣлъ быти?* Онъ угнетался болѣзнію, былъ боленъ уже тридцать восемь лѣтъ, оставался при купальнѣ, чтобы освободиться отъ страданія,—и (однако) Онъ спрашиваетъ его: *хощеши ли цѣлъ быти?* Какой Богъ спрашиваетъ? Слушай, возражатель! Здѣсь Господь спрашиваетъ не по незнанію, но изъ желанія даровать ему исправленіе во всемъ. Если бы была только тѣлесная немощь, Господь

не говорилъ бы разслабленному: *хощеши ли цѣлъ быти?*—зная, что онъ желаетъ того, чего желаетъ; но такъ какъ было душевное паденіе, то ради этого Онъ спрашиваетъ разслабленнаго: *хощеши ли цѣлъ быти?* т. е. остерегайся, чтобы впредь не грѣшить. *Хощеши ли цѣлъ быти*: дай согласіе и возьми исцѣленіе, такъ какъ Я ничего не домогаюсь по принужденію. За много времени я возглашалъ черезъ пророка: *аще хощете, и послушаете мене, благая земли снѣсте: аще же не хощете, ниже послушаете мене, мечь вы поястъ* (Ис. I, 19, 20). Такъ какъ человѣкъ существо самовластное, а разслабленный былъ поражень душевно, то ради этого Господь, чтобы не дать ему исцѣленія даромъ, спрашиваетъ его: Я прошу твоего согласія—*хощеши ли цѣлъ быти?* Господь спрашиваетъ не исключительно о тѣлесномъ страданіи: *хощеши ли цѣлъ быти?* Ни кровоточивую, ни прокаженнаго, ни двухъ слѣпцовъ Онъ не спросилъ. А гдѣ Онъ увидитъ душевное страданіе, тотчасъ спрашиваетъ, желая для Себя согласія; если не получитъ согласія, не даетъ исцѣленія. Иной быть можетъ скажетъ: что же—
780 слѣпцы сознавали грѣхи, что ихъ Господь спросилъ: *что хощета да сотворю вама* (Мѳ. XX, 32)? Ужели на нихъ были грѣхи? Слушай, возражатель! И тѣ раньше названные въ евангеліи два слѣпца были слѣпы тѣлесными глазами и душевнымъ взоромъ; они не усматривали ясно Господа, не было у нихъ совершеннаго знанія, сомнѣвались въ исповѣданіи. Поэтому, и Господь обѣщаетъ исцѣленіе, чтобы укрѣпить вѣру. Быть можетъ иной еще скажетъ: ты осуждаешь слѣпцовъ? Они были вѣрующими мужами. Лишь только они услышали, что Господь идетъ мимо, они воскликнули: *помилуй ны Господи сыне Давидовъ*. Какъ они грѣшники, когда такъ воскликнули? Слушай, возражатель! За этотъ вырвавшійся у нихъ съ самаго начала голосъ Господь обѣщалъ имъ исцѣленіе, за то, что, будучи позваны, они говорили: *помилуй ны сыне Давидовъ*. (Но) какой сынъ Давида доставлялъ такую силу, или такія чудеса? Авессаломъ возмужалъ, но оказался отцеубійцей; Амнонъ желаненъ, но растлилъ свою сестру; Соломонъ мудръ, но въ концѣ палъ. Такъ какъ они подошли (къ Нему), какъ къ сыну Давидову, не думая, что Онъ сильный Богъ, (какъ) къ опытному врачу, а не славному Богу, то, когда они восклицали: *помилуй ны сыне Давидовъ*, Онъ не далъ имъ отвѣта, чтобы преуспѣла ихъ вѣра. Поэтому, слѣпцы, принявъ обѣщаніе, просвѣтились въ душѣ. И немного спустя, когда Господь увидѣлъ, что они въ душѣ просвѣтились и приняли свѣтильникъ вѣры, спрашиваетъ ихъ: *вѣруета ли яко могу сіе сотворити* (Мѳ. IX, 28)? Что же слѣпцы? Преуспѣвъ, говорятъ: *ей, Господи*. Уже не сказали: ей, сыне Давидовъ, но: *ей, Господи*. Они вспомнили обѣщаніе, и здѣсь же исповѣдуютъ: *ей, Господи*, мы вѣруемъ, что Ты можешь это сдѣлать. Потомъ показывая, что они въ вѣрѣ преуспѣли, Господь отвѣчалъ: *по вѣрѣ ваю буди вама*. Если бы они не преуспѣли въ вѣрѣ, то не получили бы прозрѣ-

нія. Такъ какъ разслабленный больше страдалъ душевно, грѣховнымъ растлѣніемъ, то, вслѣдствіе этого, и здѣсь Господь спрашиваетъ: *хощеши ли цѣлъ быти?* т. е., если получишь исцѣленіе, ты не намѣренъ воротиться опять къ тому же самому, *хощеши ли цѣлъ быти?* Разслабленный, не зная еще, кто съ нимъ говоритъ, отвѣчалъ Господу: Ты кстати спросилъ, желаю ли я, потому что я больше не желаю; я много разъ желалъ, и ничего не достигалъ. Что же наконецъ? Желаю, чего не получаю. Я состарѣлся на одрѣ, я болтливый гробъ, живой мертвецъ, по смерти ничего новаго не получу, меня всѣ берутъ въ клятву. Я живу близъ купальни тридцать восемь лѣтъ, и никто не сострадаетъ. Даръ продается: имъ торгуютъ фарисейскія дѣти. Въ годъ очищается одинъ, и нужно, чтобы прежде предпочли; избирается болѣе достаточный. Купальня не разбираетъ; присутствующіе не справедливы. Ужели когда-нибудь будетъ правильный надзоръ, чтобы даръ не былъ предметомъ торговли, но подавался бы всѣмъ изобильно? Господь разслабленному: почему же ты думаешь, что это находится только въ одномъ мѣстѣ? Ты разговариваешь со Мною, какъ не знающимъ. Я Господь купальни, и не знаю, что происходитъ? Я знаю іудейское занятіе; потому пришелъ замѣнить купальню; теперь Я прекращу ее, и открою купальню крещенія. Въ этой одинъ сошедшій очищается; тамъ безъ числа будутъ возрождаться ежедневно. На эту Я посылалъ ангела; въ ту сойду Я, создатель ангеловъ. Потому отвѣтъ на вопросъ: *хощеши ли цѣлъ быти?* т. е., вѣруешь ли, что въ этомъ Я, говорящій съ тобою, силенъ? Разслабленный, немного поднявшись, узналъ владычество Господа, но, подъ вліяніемъ еще привычки, въ отвѣтъ говоритъ то, что вы отлично знаете изъ чтенія: *ей, Господи, человѣка же не имамъ, да, егда возмутится вода, ввержетъ мя въ купѣль: егда же прихожду азъ, инъ прежде мене слазитъ* (Іоан. v, 7). Господь разслабленному: о чемъ ты думаешь, разслабленный? Достаточно тебѣ признать Меня Господомъ; не представляй себѣ многаго, не обращайся къ возмущенной купальнѣ; іудейское возмущено; держись осьмины Моего источника. Я знаю, чего ты ищешь: хотя и нѣтъ у тебя человѣка, но предстою тебѣ Я, вочеловѣчившійся Богъ; потому слушай Меня и, вставъ, *возми одръ твой*, и иди въ домъ
твой. Раздражи іудеевъ, изуми демоновъ, покрой мракомъ возражателей, 781
удостовѣрь прибѣгающихъ, уничтожь субботнюю праздность, вмѣсто защитника береги одръ. Разслабленный, услышавъ это, освободившись по слову Господа отъ страданія, исполнилъ Его повелѣніе и носилъ одръ; іудеевъ, желавшихъ помѣшать изъ-за субботы, и говорившихъ: нельзя тебѣ взять одръ, потому что (теперь) суббота (Іоан. v, 10), прогонялъ, какъ бы исполняя повелѣніе повелѣвшаго, и говорилъ имъ: *иже мя сотвори цѣла, той мнѣ рече: возми одръ твой, и ходи* (ст. 11). И когда
беззаконные іудеи обвиняли Господа, и спрашивали, кто исцѣлилъ и 782
приказалъ ему взять одръ, и, подобно собакамъ, нападали на исцѣлѣв-

шаго, этотъ переносилъ, мученически подвизаясь противъ запятнанныхъ убійствомъ. Послѣ этого его опять находитъ Господь, и говоритъ ему: *се здравъ еси: ктому не согрѣшай, да не горше ти что будетъ* (ст. 14). Видишь ли, возлюбленный, что за свои грѣхи онъ столько времени былъ подверженъ болѣзни? Обратимся (къ Господу) и мы, чтобы избавиться этого временнаго наказанія и избѣгнуть вѣчной геенны, во Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, Которому слава и держава, во вѣки вѣковъ. Аминь.

На евангеліе отъ Луки, о драхмѣ, и на слова: человѣкъ нѣкій имѣ два сына (Лук. xv, 11).

781 Опять лоно Христово изводитъ неизсякаемый сладкій потокъ любви; опять свѣтлая мудрость Христова, зажегши свѣтильникъ, и поставивъ его на подсвѣчникѣ креста, освѣщаетъ всю вселенную съ цѣлію благочестія. Божественная мудрость, воспользовавшись этимъ свѣтильникомъ, отыскала одну потерянную драхму и присоединила къ девяти ангельскимъ драхмамъ. Необходимо, возлюбленные, сказать, кто это жена, имѣющая десять драхмъ. Это мудрость Божія, имѣющая десять драхмъ. Какія? Сосчитай: ангелы, архангелы, начала, власти, силы, престолы, господства, херувимы, серафимы и первозданный Адамъ. Эту драхму, Адама, отторгнутую діавольскою злобою, увлеченную въ эту бездну жизни и погруженную въ различныя грѣховныя удовольствія, пришедшая мудрость Божія обрѣла. Какъ обрѣла, возлюбленные? Она, пришедши съ неба, беретъ скудельный свѣтильникъ тѣла, зажигаетъ свѣтомъ божества, поставляетъ на подсвѣчникѣ креста, ищетъ драхму, вводитъ ее во дворъ и пастбище ангеловъ. Но можетъ быть нѣкоторые изъ здѣсь стоящихъ, которые согрѣшили послѣ крещенія, спросятъ: что же намъ изъ того, если Адамъ былъ спасенъ? Какъ мы будемъ помилованы? Какъ спасемся, если нарушили законъ послѣ крещенія? Имъ мы говоримъ: вы, такіе, не бойтесь, не суетитесь, не смущайтесь, не малодушествуйте! Богъ не то, чтобы заботился объ Адамѣ, а вами пренебрегъ; но если для него Онъ сдѣлался женою, имѣющею десять драхмъ, то для тебя Онъ—милосердый отецъ, имѣющій двухъ сыновей и опять принимающій въ объятія заблудившагося. Для всѣхъ Онъ сдѣлался всѣмъ, чтобы всѣхъ Себѣ пріобрѣсть. Мы сейчасъ слышали слова евангелиста: *человѣкъ нѣкій имѣ два сына: и* подошедши *юнѣйшій* изъ нихъ сказалъ отцу: *отче даждь ми* имущество. Онъ же *раздѣли имъ имѣніе. И не по мнозѣхъ днехъ собравъ все* юнѣйшій *сынъ, отъиде на страну далече, и ту расточи имѣніе свое, живый блудно. Изжившу же ему все, бысть гладъ крѣпокъ на странѣ той.* И пришелъ къ одному изъ гражданъ, и посылаетъ его гражданинъ *на села пасти свинія. И же-*

лаше насытити чрево свое отъ рожецъ, яже ядяху свинія: и никтоже даяше ему. Въ себе же пришедъ рече: колико теперь *наемникомъ отца моего избываютъ хлѣбы, азъ же* здѣсь *гладомъ гиблю? Воставъ иду ко отцу моему, и реку ему: отче, согрѣшихъ на небо и предъ тобою: и уже нѣсмь достоинъ нарещися сынъ твой: сотвори мя яко единаго отъ наемникъ твоихъ* (Лук. xv, 11—19). Смыслъ этого нужно искать не внѣ, но въ насъ самихъ. Эта притча для насъ сказана, и для насъ читается, чтобы никто не отчаивался, если окажется и очень грѣшнымъ; но чтобы подошелъ къ Богу съ покаяніемъ и съ просьбою къ Нему объ умилостивленіи, особенно, если кто изъ васъ сталъ по вѣрѣ въ Господа сыномъ Божіимъ. *Елицы пріяша его, даде имъ область чадомъ Божіимъ быти* (Іоан. I, 12). Если кто-нибудь изъ васъ по вѣрѣ въ Господа нашего сталъ Его сыномъ, и отдалился отъ Него, не мѣстомъ, но образомъ жизни; если кого-нибудь постигъ голодъ, не обычнаго хлѣба, но небеснаго (*хлѣбъ небесный даде имъ. Хлѣбъ ангельскій яде человѣкъ*—Пс. LXXVII, 24, 25), то онъ пусть покинетъ удовольствія похоти, подобныя свиньямъ, и пусть не желаетъ болѣе ѣсть стручки. Что 782
такое стручки? Плодъ дерева. Стручки подобны грѣху: какъ стручки при началѣ вкушенія услаждаютъ, а послѣ вкушенія раздражаютъ горло,—такъ и грѣхъ въ началѣ вкушенія сладокъ, а послѣ вкушенія раздражаетъ. Объ этомъ говоритъ и мудрый Соломонъ: *не внимай злѣй женѣ: медъ бо каплетъ отъ устенъ жены блудницы, яже на время наслаждаетъ твой гортань: послѣди же горчае желчи* оказывается, *и изощренну паче меча обоюду остра* (Прит. v, 2—4). Если кого-нибудь постигъ голодъ небеснаго хлѣба, то пусть подойдетъ, пусть ищетъ: *всякъ бо* ищущій находитъ, и просящій получаетъ, *и толкущему отверзется* (Мѳ. VII, 8). Стучи въ дверь покаянія несказаннымъ своимъ сѣтованіемъ; не бойся ея; она не чужда для тебя: за тебя умерла. И если ты скажешь въ самомъ себѣ: кто это?—тебѣ отвѣчаетъ Христосъ и говоритъ: *азъ есмь двери* овецъ (Іоан. x, 7). Скажи и ты: *согрѣшихъ на небо и предъ тобою.* Если кто-нибудь согрѣшилъ, принявъ небесное крещеніе,—онъ согрѣшилъ противъ неба. Согрѣшающій до крещенія грѣшитъ противъ земли: *яко земля еси, и въ землю отъидеши* (Быт. III, 19), сказано Адаму. Если кто-нибудь облекся во Христа въ крещеніи, тотъ уже не земля, но небо: *яковъ перстный, такови и перстніи: и яковъ небесный, тацы и небесніи* (1 Кор. xv, 48); *елицы бо во Христа креститеся, во Христа облекостеся* (Гал. III, 27). Если кто-нибудь согрѣшилъ послѣ крещенія,—согрѣшилъ противъ неба; потому, пусть подходитъ и говоритъ: *отче, согрѣшихъ на небо и предъ тобою: и уже нѣсмь достоинъ нарещися сынъ твой.* Почему? Говори вину. Свое сердце, окропленное кровію Іисуса, цвѣтущее на подобіе розы, я осквернилъ похотями: *и уже нѣсмь достоинъ нарещися сынъ твой.* Тебя я разгнѣвалъ, Духа Твоего Святого огорчилъ, блестящую одежду вѣры за-

грязнилъ грѣхомъ: *и уже нѣсмь достоинъ нарещися сынъ твой.* Душу свою, освобожденную крещеніемъ и, какъ снѣгъ, убѣленную просвѣщеніемъ, я поработилъ, омрачивъ грѣхомъ: *и уже нѣсмь достоинъ нарещися сынъ твой: сотвори мя яко единаго отъ наемникъ твоихъ.* Тѣлесныя чувства мои, отягченныя пьянствомъ, какъ бы безумныя служанки, предали душу, собственную свою госпожу, на распутство; а теперь, воспитавъ ихъ воздержаніемъ, я уцѣломудрю душу свою: *сотвори мя яко единаго отъ наемникъ твоихъ.* Я знаю блужданіе врага, знаю его преткновенія на меня, знаю стрѣлы его обжорства; буду избѣгать пьянства, которымъ разрушается сила цѣломудрія,—буду держать постъ, доставляющій мнѣ трезвенность: *сотвори мя яко единаго отъ наемникъ твоихъ.* И я буду работать въ виноградникѣ Твоемъ, и я обрѣжу ножомъ Духа излишніе побѣги своей внутренней духовной лозы, или лучше, пороки: *сотвори мя яко единаго отъ наемникъ твоихъ.* И я буду воздѣлывать сладчайшую лозу любви, и я буду ставить, какъ бы подпоры для своей души, заповѣди Господа, чтобы, по увлеченіи (ея) на землю, она не была похищена змѣемъ: *сотвори мя яко единаго отъ наемникъ твоихъ.* Буду стараться, чтобы она смотрѣла на небо, простирала руки человѣколюбія, чтобы носила въ объятіяхъ убогихъ, увлекаемыхъ на землю: *сотвори мя яко единаго отъ наемникъ твоихъ.* Дай мнѣ опять,
783 Отецъ, плугъ креста на плечи; буду воздѣлывать борозду своей души, выдергаю терніе и вредную траву лукаваго, посѣю на ней небесное сѣмя. Когда Ты одождишь свыше милостію, борозда души моей принесетъ плодъ тридцать, шестьдесятъ и сто: *сотвори мя яко единаго отъ наемникъ твоихъ.* Не отталкивай меня, Отецъ! Врагъ, обезсиливъ меня, не совсѣмъ еще снялъ одежду вѣры. Если онъ загрязнилъ красоту моего цѣломудрія, то (однако) никогда не склонилъ на служеніе его идоламъ; я не отвергся Тебя, Господь мой! Хотя и согрѣшилъ я въ цвѣтѣ юности моей, но попралъ тукъ идольскій, ниспровергъ образы демоновъ, посрамилъ кумиры идольскіе, дунулъ на діавола, плюнулъ на демоновъ. Теперь же припадаю къ Твоимъ стопамъ, Господь мой и Богъ мой: *сотвори мя яко единаго отъ наемникъ твоихъ.* Если такъ покаешься, если такъ исповѣдуешься, то вотъ небесный Отецъ спѣшитъ къ тебѣ, когда ты еще далеко отъ Него, духомъ припадаетъ къ выѣ души твоей, возлагаетъ на тебя ярмо благодати, и ремникомъ истины обвязываетъ выю сердца твоего, лобзаніемъ прекращаетъ вражду къ тебѣ, и говоритъ Своимъ слугамъ, священникамъ: несите первую одежду (Лук. XV, 22). Не сказалъ: несите только одежду, но: несите первую одежду, чтобы
784 показать, что тебѣ дается первое достоинство крещенія. Несите ему первую одежду, *и облецыте его, и дадите перстень,* знакъ богатства, стражъ сокровища, залогъ благодати, печать Духа. *И сапоги на нозѣ,* т. е., обвяжите стопы его души евангельскимъ словомъ, чтобы опять змѣй, ужаливъ въ пяту, не увлекъ его къ прежнему блужданію грѣха.

И ведите тельца упитаннаго. Кто это, какъ не Христосъ, Который дается достойнымъ послѣ крещенія, какъ говоритъ апостолъ: *въ томъ живетъ всяко исполненіе Божества тѣлеснѣ* (Кол. II, 9). Несите; во время ѣды, будемъ веселиться. Кто между іудеями и эллинами вѣруетъ, что телецъ закланъ и міръ утвержденъ? О, телецъ дѣвственной телицы, святое дитя невоздѣланной утробы! О, телецъ закланный и живой, всегда нами ядомый и неиждиваемый! Поэтому, возлюбленные, опустивъ якорь нашего слова въ надежной и тихой пристани, мы поручимъ васъ заступленію Святаго Духа; и Онъ, разсѣкши море божественнаго Писанія стройнымъ Своимъ языкомъ, введетъ васъ въ небесный городъ, во Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, Которому слава и держава, со Отцомъ, и со Святымъ и поклоняемымъ Духомъ, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

О томъ, что имѣющій какую-нибудь благодать знанія долженъ передавать нуждающемуся, и о пресвитерѣ.

Человѣколюбецъ Богъ, жалѣя нашъ родъ, не оставляетъ ни одного 783
человѣка безъ Своей благодати. Не только праведнымъ даетъ благодать, но и грѣшнымъ, такъ какъ Онъ щедръ и нелицепріятенъ, повелѣваетъ своему солнцу всходить на праведныхъ и неправедныхъ, и желаетъ всѣмъ людямъ спастись. Не пренебрегаетъ Онъ грѣшникомъ, и ему даетъ умѣренную благодать, чтобы, получивъ даръ, онъ почтилъ дателя и покаялся изъ благодарности къ Нему, обратившись отъ порочнаго пути. Если же, получивъ благодать, останется при своемъ нечестіи, то Онъ отниметъ, наконецъ, отъ него благодать, которую тотъ получилъ, и осудитъ въ геенну огненную, такъ какъ не позналъ чести и чествовавшаго; и на немъ исполняется написанное: *человѣкъ въ чести сый не разумѣ, приложися скотомъ несмысленнымъ, и уподобися имъ* (Пс. XLVIII, 13). Я знаю грѣшныхъ людей, и они возлагали руки на больныхъ, и исцѣляли ихъ. Но это бываетъ двояко, и не только въ отношеніи дающаго, но и получающаго. Если получающій не вѣруетъ, то онъ не получаетъ благодати ни отъ праведника, ни отъ грѣшника; вѣрующій получаетъ благодать исцѣленія даже отъ грѣшника. Каждому по вѣрѣ дается и благодать. И Господь говорилъ приходящимъ къ Нему: *по вѣрѣ* вашей *буди* вамъ (Мѳ. IX, 29). Ты вѣруй во имя Господа, къ Которому приходишь, и никоимъ образомъ не сомнѣвайся, и получишь благодать, потому что совершитель—Богъ. Многіе пресвитеры, будучи грѣшниками, приносятъ дары, и Богъ отъ нихъ не отвращается, но освящаетъ предлежащіе дары Святымъ Духомъ,—и хлѣбъ дѣлается Тѣломъ Господа, и чаша дѣлается честною Кровію Господа. Нѣкоторые полагаютъ, что они дѣлаютъ нѣчто разумное, когда не причащаются отъ нѣ-

которыхъ пресвитеровъ, такъ какъ знаютъ за пресвитеромъ нѣчто худое. И не знаютъ они, что больше грѣшатъ изъ желанія сдѣлать нѣчто хорошее. Кто ты, судья своего начальника? Развѣ ты не слышалъ словъ апостола: *князю людей твоихъ да не речеши зла* (Дѣян. XXIII, 5)? И еще: кто ты *еси судяй чуждему рабу? Своему Господеви стоитъ или падаетъ, станетъ же: силенъ бо есть Богъ поставити его* (Рим. XIV, 4)? Ты не имѣешь власти судить и обличать его, такъ какъ учишься и руководишься имъ, какъ сказалъ апостолъ Павелъ: *прежде времени ничтоже судите, дондеже пріидетъ Господь, иже во свѣтъ приведетъ тайная тмы, и объявитъ совѣты сердечныя: и тогда похвала будетъ комуждо отъ Бога* (1 Кор. IV, 5). Онъ имѣетъ власть судить тебя, а судья его есть Господь. И опять Господь (говоритъ): *не судите, да не судими будете* (Мѳ. VII, 1). Ты исполни должную честь правила, не отказывайся давать начатки первородствъ твоихъ, нужные для церкви.
784 Не любопытствуй, на что они израсходованы; а если вознамѣришься судить его и въ этомъ, то загляни прежде въ свой сосудъ и испытай самого себя, нѣтъ ли чего худого въ твоей совѣсти, не осуждаетъ ли тебя твоя мысль. И не говорю: изслѣдуй дѣла цѣлыхъ годовъ; но только— одного дня; разслѣдуй тщательно, какъ провелъ ты день: не осудилъ ли кого-нибудь, не соблазнился ли твой глазъ чѣмъ-либо, не презрѣлъ ли бѣднаго, не посмѣялся ли надъ ближнимъ своимъ, не ударилъ ли кого-нибудь? Смотри: не повредилъ ли ты этимъ своей душѣ? Если ты чистъ во всемъ этомъ, то чистота твоя остается при тебѣ, и не хорошо обвинять пресвитера или другого. Но онъ, говоришь, блудничалъ, а я нѣтъ. А ты обокралъ своего ближняго, и похитилъ у бѣднаго. Каждый пусть знаетъ худое въ своихъ дѣлахъ; не пренебрегай своимъ, когда изслѣдуешь то, что у ближняго. Если кто-нибудь преслушаетъ сказанное, и обратитъ свой языкъ на обвиненіе пресвитера или кого-нибудь другого, тотъ пусть ждетъ, что перенесетъ ту же самую отплату. Если ты дѣлаешь то, чего требуешь отъ ближняго, Господь скажетъ тебѣ: *лицемѣре, изми первѣе бервно изъ очесе твоего: и тогда узриши изъяти сучецъ изъ очесе брата твоего* (Мѳ. VII, 5). Позаботься о своихъ грѣхахъ, и не суди (того), къ кому ты не приставленъ для суда. Кромѣ того, и пресвитеръ обязанъ относиться къ народу такъ. Прежде всего, отъ всей души молиться за народъ, предстоять до смерти за терпящихъ несправедливость, и обязанъ полагать душу свою за стадо, въ нуждѣ помогать, въ печали утѣшать, не злопамятствовать прежде всего. Злопамятный пресвитеръ согрѣшаетъ ежедневно; душа злопамятнаго пресвитера никогда не приноситъ Богу чистой молитвы, такъ какъ злоба въ сердцѣ его. Если ты не примиряешься со своимъ ближнимъ, и не прекращаешь своей злобы, то не подходи къ престолу; вспомни, что тебѣ повелѣлъ Господь: *аще* будешь приносить *даръ твой ко олтарю, и ту помянеши, яко* имѣетъ *братъ твой* противъ тебя нѣчто: отойди, *прежде*

смирися съ братомъ твоимъ, и тогда пришедъ приноси *даръ твой* (Мѳ. v, 23—24). Не нарушай повелѣнія Владыки, чтобы не быть осужденнымъ, не думай о коварствѣ, не возвышай одного, не унижай другого; богача не чествуй первымъ мѣстомъ за столомъ, и не презирай бѣднаго, немогущаго тебѣ привести даровъ; но будемъ соблюдать равенство ко всѣмъ. Съ обвиненіемъ не спѣши, пустыхъ рѣчей не допускай, по слуху никогда не осуждай: многіе обвиняютъ по зависти и враждѣ. Если съ большою тщательностію ты найдешь согрѣшившаго, не обличай его сейчасъ при всѣхъ, чтобы не дать ему особеннаго случая никого не стыдиться. Обличеніе при всѣхъ вдвойнѣ худо. Обличаемые, не пере- 785
нося позора, не перенося упрека, обращаются къ другому, еще худшему; и когда не во́время обвиняются, прибѣгаютъ къ смерти чрезъ повѣшеніе. Таковъ сатана: онъ внушаетъ человѣку дѣлать зло, внушаетъ сдѣлать и другое и, по совершеніи его, насмѣхается. Онъ приготовляетъ обличенія, устраиваетъ обвинителей, чтобы обвинять въ несчастіи, дѣлается другомъ-обвинителемъ; (человѣкъ) во время обличенія доводится еще до большаго безумія; и когда онъ доводится до другого большаго позора, сатана удружаетъ его рѣкою или петлею. Вслѣдствіе такихъ опытовъ, тотъ, кому ввѣрено словесное стадо Христово, долженъ быть кроткимъ, и изслѣдовать согрѣшающихъ съ большою осторожностію; и когда найдетъ согрѣшившимъ, не извергать тотчасъ изъ церкви, чтобы сатана, ухватившись, не сдѣлалъ человѣка своимъ. Когда человѣкъ отлученъ архіереемъ, беретъ его сатана въ свои объятія, и не отступаетъ отъ него, пока онъ предается ему. Іерей не долженъ часто отлучать, ни проклинать. Въ виду этого, ты, пастырь, не долженъ безъ разбора отвергать овцу, ни отлучать отъ стада; но, когда найдешь согрѣшившимъ, позови его наединѣ, и въ одномъ упрекни, въ другомъ побуди его отстать отъ зла,—и разъ, и дважды, и трижды; и если онъ послушаетъ твоихъ увѣщаній, ты пріобрѣлъ брата своего, какъ сказано въ Писаніи: *обратившый грѣшника отъ заблужденія пути его, спасетъ душу* его *и покрыетъ множество грѣховъ* (Іак. v, 20). Прежде всего снизойди къ нему: отпускающему отпустится. И опять человѣколюбецъ Господь говоритъ: если *седмьдесятъ кратъ седмерицею* согрѣшитъ противъ тебя братъ твой, отпусти ему (Мѳ. xviii, 22). И не понося ничего сокрытаго, и не гнѣвайся, что обращается къ тебѣ; если послѣ трехъ внушеній 786
онъ исправится чрезъ покаяніе,—тогда пусть будетъ принятъ. Все это долженъ знать іерей, и какъ ему нужно вести себя съ народомъ, чтобы не быть осуждену на вѣкъ. Наконецъ, предложу слово о діаконахъ: какъ имъ нужно вести себя. Діаконъ долженъ все дѣлать съ соизволенія пресвитера и въ отношеніи канона, и въ отношеніи церковныхъ обязанностей; ни въ чемъ не самовластвовать въ отношеніи народа, но все устраивать по повелѣнію пресвитера, не имѣть власти отлучать кого-нибудь, ни иное что-нибудь дѣлать. Когда нѣтъ пресвитера, діаконъ

имѣетъ власть во всемъ, какъ и пресвитеръ, помимо божественныхъ тайнъ. Если пресвитеръ намѣренъ отлучиться,—долженъ призвать другого пресвитера изъ другого селенія, чтобы онъ возносилъ молитвы за народъ; если есть нужда, и пресвитеръ не окажется, то долженъ пресвитеръ освятить хлѣбъ, и приказать діакону давать народу. Если будетъ нужда, и окажется некрещенное дитя при смерти, можно крестить діакону; и если дитя умерло, то для него зачтено это въ крещеніе; если же дитя умретъ некрещеннымъ по безпечности пресвитера, то горе пресвитеру тому! Если по безпечности родителей умретъ некрещеннымъ. то горе родителямъ дитяти! Поэтому, не должны родители оставлять дитя некрещеннымъ на много лѣтъ: незапечатлѣнная овца—часть волка. Печать Христова сохраняетъ имѣющаго печать. Самому Христу подобаетъ слава и честь и держава, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

На притчу о неправедномъ домоправителѣ, и что нѣтъ ничего нашего (Лук. XVI, 1—9).

785 Часто во время бесѣды я вамъ говорилъ, что нѣкоторая ложная мысль, овладѣвъ людьми, умножаетъ грѣхи и сокращаетъ блага, которыя каждый изъ насъ долженъ возращать въ собственной жизни. Мысль эта—что всѣмъ, что у насъ есть на пользу жизни, мы владѣемъ, какъ господа и владыки; и вслѣдствіе этого предположенія, сильно боремся, воюемъ и судимся, и некстати привязываемся къ тому, какъ собственнымъ пріобрѣтеніямъ. Истина не такова, и даже очень противоположна. Все, чѣмъ мы наслаждаемся въ этой жизни, не наше, и мы не владѣемъ имъ, какъ самовластные и господа, но какъ поселенцы и пришлые; мы ведемся, куда не желаемъ и когда не ожидаемъ, — лишаемся существующаго, когда будетъ угодно Господу твари. Поэтому, что принадлежитъ этой смертной жизни, представляетъ нѣкоторую непостоянную вещь. Сегодня въ славѣ, на утро жалокъ, достоинъ скорби и помощи; нынѣ богатъ, и изобиленъ вещественнымъ богатствомъ, а немного спустя бѣденъ, и даже нѣтъ въ домѣ хлѣба для поддержанія жизни. Этимъ особенно превосходитъ насъ, смертныхъ, Богъ: тѣмъ, что Онъ всегда тотъ же, и у Него то же самое, неотъемлемо владѣетъ жизнью, славою и силою. Откуда же начало къ этому слову? Можетъ быть это извѣстно людямъ разумнымъ и любителямъ слова. Только что Лука намъ предложилъ образную притчу, въ которой описываетъ, что домоправитель чужого въ затрудненіи и скорби, когда, какъ страстный и расточительный, услышалъ отъ господина имущества и денегъ: отдай отчетъ въ управленіи и устранись; я не позволю тебѣ роскошничать моимъ, какъ бы собственнымъ. Это разсказъ не о дѣйствительномъ событіи, но образная притча, прикровенно наставляющая въ нравственной добродѣ-

тели. Итакъ, каждый пусть сознаетъ: ты правитель чужого; и сбросивъ съ себя самовластіе и надменность, пусть воспользуется смиреніемъ и осторожностію отвѣтственнаго домоправителя, при постоянномъ ожиданіи къ себѣ Господа, и при робкой записи своего защитительнаго отчета. Ты пришлецъ, получившій позволеніе на кратковременное пользованіе. Если сомнѣваешься, научись на извѣстномъ, наставься опытомъ, нелождымъ учителемъ. Ты владѣешь помѣстьемъ, или отъ отца получивъ, или ставъ господиномъ по договору. Воспроизведи въ памяти и сосчитай всѣхъ, если можешь, владѣвшихъ имъ раньше тебя; обратись умомъ и 786
къ будущему времени, и замѣть тѣхъ, которые будутъ господствовать надъ нимъ послѣ тебя; скажи же мнѣ, чье это господство, и къ кому въ особенности относится оно: къ владѣвшимъ, владѣющимъ или имѣющимъ владѣть? Если бы могъ кто-нибудь всѣхъ собрать, то оказалось бы, что владѣтелей больше оболовъ. Еще лучше: если ты желаешь въ точности увидѣть, чему подобна наша жизнь, то вспомни, не видѣлъ ли ты когда-нибудь въ лѣтнее время, во время путешествія, огромное дерево, далеко протягивающее свои вѣтви и вершину, удовлетворяющее своею достаточною тѣнью нужду дома? Ты съ удовольствіемъ подъ него подходилъ и, сколько нужно было, тамъ оставался. Но когда тебѣ нужно было опять подняться для предпринятаго дальнѣйшаго путешествія, твое мѣсто заступалъ другой. И ты поднималъ свои пожитки, а онъ снималъ и сразу принималъ все твое: ложе, огонь, тѣнь дерева, мимотекущую воду. Онъ отдыхаетъ, а ты идешь. И онъ насладился, потомъ оставилъ. И дерево сдѣлалось въ одинъ день случайно кратковременнымъ пристанищемъ десяти странниковъ; принадлежа всѣмъ, принадлежало одному дѣйствительному господину. Такъ и излишки здѣшняго пребыванія многихъ услаждаютъ и питаютъ, но владычество относится къ одному Богу, у Котораго нетлѣнная и безсмертная жизнь. Ты видѣлъ и гостинницу, въ которой во время пути останавливался для отдыха; тамъ многимъ пользовался ты, ничего не унося съ собою: постелью, столомъ, чашами, блюдомъ, другою различною утварью. Когда ты вдоволь еще не воспользовался, пришелъ другой; усталый и запыленный, онъ торопитъ тебя, вытѣсняетъ тебя изъ гостинницы и требуетъ чужого, будто своего. Такова наша жизнь, братъ, еще и болѣе скоропреходяща, чѣмъ сказанное. Я удивляюсь тѣмъ, которые говорятъ: это мое помѣстье; это мой домъ. О, какъ напрасно усвояется непринадлежащее, и чужое охватывается тремя обманчивыми буквами! Какъ никто не считаетъ своимъ маски фокусниковъ, но покрываются ими всѣ лицедѣи, такъ владѣютъ землею и вещами на ней: будто одѣваются въ одежды другъ за другомъ. Скажи мнѣ: вѣдь ты не могущественнѣе царя? Однако изслѣдуй царское, разбери верхнія царскія одежды. Ты достаточно найдешь такого, чѣмъ облекались тѣла многихъ царей, какъ-то: вѣнцы, застежки, поясы; (найдешь) все наслѣдство непостояннымъ, пользованіе пустымъ, перехо-

дящимъ отъ настоящихъ къ будущимъ. Въ чемъ же выражается достоин-
787 ство начальника? Въ серебряной повозкѣ? Въ золотой трости? Ты видишь, что начальникъ не всегда этимъ владѣетъ, и не всегда тотъ же самый, но каждый на короткое время. Какъ погребальныя носилки принимаютъ тѣла другъ за другомъ, такъ смѣняютъ эти начальническіе знаки пользующихся ими. Отсюда апостолъ, наставляя въ этой мысли, часто восклицалъ къ намъ: *преходитъ бо образъ міра сего* (1 Кор. VII, 31); *яко ничтоже имуще*, и *вся содержаще* (2 Кор. VI, 10); пользующіеся, какъ бы не пользующіеся. Все это направлено къ одной цѣли, что намъ нужно жить, какъ однодневнымъ, въ постоянномъ ожиданіи знака выхода. И чтобы ты въ точности зналъ, что подлежишь законамъ, и какъ тебѣ нужно аккуратно жить, замѣть прежде на самомъ себѣ, что даже душа твоя отовсюду подлежитъ повелѣніямъ добродѣтели, и ты не господинъ самого себя, но тебѣ нужно управлять и словомъ и дѣломъ и всякимъ движеніемъ твоей жизни. Ты получилъ тѣло отъ создателя своего, распоряжаешься пятью чувствами для нуждъ жизни. И они не свободны и не самостоятельны, но каждое—рабъ подзаконный. И первымъ глазъ видитъ: гляди и созерцай то, что красиво на взглядъ: солнце, освѣщающее всю вселенную, — луну, прогоняющую сіяніемъ угрюмость и мракъ ночи,—остальныя звѣзды, хотя доставляющія намъ отъ себя немного свѣта, все же блистающія своею долею красоты; созерцай землю, усыпанную различными цвѣтами и травами,—море широкое, какъ равнина, когда оно оцѣпенѣло въ чистую гладь. Пользуйся зрѣніемъ въ отношеніи этого и подобнаго; а остальныхъ зрѣлищъ, которыя приносятъ вредъ душѣ, когда на нихъ смотрятъ, бѣгай и минуй, и закройся, чтобы не глядѣть. Лучше затми свое чувство, когда оно доставляетъ тебѣ причину къ дѣламъ тьмы. Потому, вчера намъ говорилъ Господь чрезъ Матѳея: *всякъ*, смотрящій *на жену, ко еже вожделѣти ея, уже любодѣйствова съ нею въ сердцѣ своемъ* (Мѳ. V, 28); и лучше лишиться (глаза), когда онъ глядитъ на безпорядочное и вредное. И для слуха есть повелѣнія, мѣшающія худому слушанію. Нужно ему, когда слышитъ что-нибудь благое, расширяться, внимать и чрезъ себя препровождать смыслъ полезныхъ словъ; а если, вблизи язвы нечестія и порчи, онъ готовъ почерпнуть грязь грѣха, то нужно бѣгать его, какъ отравленнаго звѣря. Пусть будетъ цѣломудръ и языкъ твой съ устами, пусть говоритъ правду, воздерживается отъ запрещеннаго: злословія, ябеды, неправеднаго обвиненія, клеветы на братьевъ, злорѣчія противъ Бога; пусть произноситъ, что хорошо, что благочестиво, наставляетъ на благія дѣла; и пусть говоритъ всякій человѣкъ по священному псалмисту: *сохраню пути моя, еже не согрѣшати ми языкомъ моимъ* (Пс. XXXVIII, 1); *яко бритву изощрену сотворилъ еси лесть* (Пс. LI, 4); *языки своими льщаху* (Пс. V, 10); *что хвалишися во злобѣ силне? Беззаконіе весь день, неправду умысли языкъ твой* (Пс. LI, 3, 4); пусть исходитъ изъ

устъ должное. Пусть будетъ цѣломудръ и носъ, чтобы не нѣжиться постояннымъ обоняніемъ ни дорогихъ мазей, ни благоуханій; за это сильно винитъ Исаія. И рука пусть помнитъ свои заповѣди, чтобы не касаться 788
всего безпрепятственно: пусть простирается для милостыни, не для хищенія, пусть блюдетъ свое, не собираетъ чужого, пусть касается, путемъ благого посѣщенія, тѣлъ слабыхъ и удрученныхъ, не цвѣтущихъ и преданныхъ блуду. Слово намъ показало, что даже надъ самими собою мы не господа, но правители. Все подлежитъ законамъ и повелѣніямъ; (человѣкъ) есть рабъ Законодателя и подданный. Если части нашего тѣла не свободны отъ власти (надъ ними), но въ своихъ дѣйствіяхъ руководятся волею Владыки, то что сказать о тѣхъ, которые думаютъ, что они безотчетно владѣютъ золотомъ, серебромъ, землею и остальными веществами? Нѣтъ ничего твоего, человѣкъ! Ты рабъ, и твое принадлежитъ Господу; у раба нѣтъ свободнаго имущества. Ты нагимъ введенъ въ этотъ свѣтъ; ты по закону Господа твоего получилъ, что имѣешь: или унаслѣдовавъ отъ отца, когда такъ Богъ установилъ (говорится же, что родители раздѣляютъ добычу между дѣтьми), или пріобрѣвъ богатство бракомъ (бракъ же и все къ нему относящееся установлено Богомъ), или торговлею, земледѣліемъ и остальными средствами, когда Богъ содѣйствовалъ тебѣ въ томъ. Итакъ, вотъ показано, что ты получилъ не свое. Посмотримъ, наконецъ, что тебѣ повелѣно, и какъ должно распоряжаться этимъ. Дай голодному, одѣнь нагого, послужи удрученному, не презирай недостаточнаго, брошеннаго на распутіи; не заботься о самомъ себѣ, не обдумывай, какъ будешь жить до конца. И если, говорится, будешь дѣлать это, то будешь почтенъ Владыкой; а если преслушаешь заповѣдь, то будешь горько наказанъ. Я не вижу, что это принадлежитъ самовластному, или самому по себѣ живущему (человѣку), но, напротивъ, эти многія и постоянныя повелѣнія показываютъ мнѣ, что человѣкъ находится подъ сильнымъ царемъ, отвѣтственъ предъ закономъ Владыки, и съ него требуется, какъ долгъ, жизнь по руководству правила. Мы же ведемъ жизнь, точно не подлежащую отчету: несчастныхъ и нуждающихся, кончающихся въ несчастіи презираемъ, изъ честолюбія тратимся на пустяки, кормя толпу распутныхъ льстецовъ, привлекая къ себѣ множество злосчастныхъ тунеядцевъ, разбрасываемъ свое богатство на борьбу со звѣрями и на звѣрей, не щадимъ ничего своего на содержаніе лошадей, на фокусниковъ, и тратимъ свой достатокъ на гибель за гибелью. И мы испытываемъ нѣчто новое и почти безумное. Гдѣ издержка приноситъ безчисленную выгоду и вѣчное спасеніе, тамъ мы крѣпко держимъ свое серебро, чтобы не выпало изъ руки даже немного оболовъ; а гдѣ бываетъ трата грѣховная и повинная безчисленнымъ наказаніямъ и огненному мщенію, тамъ честолюбіе предваряетъ просьбу: открывъ всѣ двери, мы попускаемъ уходить своему богатству ко внѣшнимъ. Это не есть соображеніе рабовъ, ожидаю-

щихъ своего Господа, но распутныхъ юношей и необузданныхъ гулякъ. Если желаешь, слушатель, видѣть страхъ правителя, съ благоразумною осторожностію распоряжающагося ввѣреннымъ ему, то раскрой книгу Давида, найди слова, гдѣ говоритъ Богу мужъ, любопытствуя о предназначенной своей кончинѣ: *скажи ми Господи кончину мою, и* число дней моихъ (Пс. xxxviii, 5)...

(Здѣсь совсѣмъ прерывается).

О постѣ.

787 Я восклицаю сильнѣе трубы, не съ тѣмъ, чтобы обольстить слухъ
удовольствіемъ, но чтобы заглушить удовольствіе словомъ истины, страсть
желудка прекратить, и вызвать дѣйствіе поста. Постъ доставляетъ не-
бесную выгоду, а сладострастіе—вредъ, подлежащій наказанію. Кто пре-
дается пищѣ и удовлетворяетъ страсть желудка, тотъ теряетъ духовный
плодъ души; а кто постомъ изсушаетъ плоть и избѣгаетъ обжорства, тотъ
заготовляетъ себѣ, какъ сокровище, надежду лучшаго. Постъ учитъ
цѣломудрію, дѣлаетъ твердымъ; постъ приготовляетъ къ благочестію и
упражняетъ для терпѣнія; постъ создаетъ ангельскую жизнь и усовер-
шаетъ духовное тѣло; постъ защита души и непобѣдимое оружіе тѣла.
788 Не допускаетъ онъ къ себѣ коварнаго удовольствія и побораетъ воз-
стающую страсть. Постъ возводитъ мысль на небо и окрыляетъ ее къ
безсмертной природѣ. Итакъ, будемъ поститься, возлюбленные, не про-
ходя дни поста съ унылымъ лицомъ, но располагая ими со свѣтлою
душою, какъ рабы Христовы. Если ты подошелъ къ посту по желанію,
то не будь мраченъ, но радуйся: онъ очищаетъ твою душу отъ яда.
Не принимай на себя поста относительно хорошаго, вкушеніе чего
сладко; но будь долготерпѣливъ въ ожиданіи болѣе сладкихъ ученій.
Потому ты и воздерживаешься отъ снѣдей, чтобы тебя питалъ Духъ;
и удаляешься отъ тѣлесныхъ яствъ, чтобы исполниться духовныхъ при-
ношеній. Постъ есть лѣкарство, разрушительное для грѣха, и мягкая
мазь для души, очищающая съ цѣлію благочестія. Какъ, при наиболѣе
худыхъ болѣзняхъ, устраняется тѣлесный гной, когда дѣлаются присыпки
789 изъ чего-нибудь самаго остраго и стягивающаго, такимъ же образомъ и
плѣсень грѣха, проникшую въ душу, изсушаетъ стягивающій постъ, по-
немногу смягчая; (потомъ) очистивъ совершенно, онъ уничтожаетъ (ее).
Поэтому, если постъ и сопряженъ съ трудомъ, но полезенъ и удободо-
ступенъ. Не постись съ печалью, чтобы не потерять своего труда; не
ропщи, что немного замедлишь, чтобы изъ-за малаго не подвергнуться
наказанію за все. Насколько постъ стягиваетъ тѣло, настолько пользы
отъ поста. Обратись къ жизни праведныхъ, и найдешь, что они просла-
вились больше всего чрезъ постъ. Прежде всего Моисей, послѣ поста,

вошелъ въ мракъ, и сдѣлался чрезъ постъ собесѣдникомъ съ Богомъ. Присоединивъ (еще) сорокадневный постъ, онъ сталъ законодателемъ— ни хлѣба не ѣлъ, ни вина не пилъ; онъ довольствовался (той) пищей, что учился законоположенію отъ законополагателя. Чтобы тебѣ знать, насколько полезенъ постъ, и насколько вредно пьянство, возстающее противъ поста, — замѣть то, что дѣлаетъ Моисей, и то, что происходитъ у народа, — и найдешь силу поста. Вверху Моисей получалъ законъ, внизу народъ отвергалъ законъ. Опечалившись, Моисей разбилъ законъ, считая неразумнымъ—ввѣрять законъ опьяненнымъ и передавать изреченія душамъ, отягченнымъ виномъ. Смотри, сколь несправедливо пьянство въ возстаніи противъ поста! И постъ опять, исправивъ столько зла въ тѣ же самые дни, возобновилъ законъ, оставилъ его для насъ памятникомъ безопасной жизни. Можетъ быть этимъ происшествіемъ выражается нѣкоторая тайна, что первый законъ будетъ упраздненъ, (какъ) сокрушенный невѣріемъ перваго народа, а второй будетъ дѣйственъ всюду, такъ какъ второй народъ съ вѣрою принимаетъ второй законъ и сохраняетъ. И Илія, послѣ сорокадневнаго поста, и съ однимъ (пріемомъ) пищи прошедши пустыню, не чувствовалъ усталости: постъ носилъ его, облегчая трудъ; и послѣ поста онъ созерцалъ Бога, насколько то доступно человѣческой природѣ. Не тѣлесными очами онъ созерцалъ безтѣлеснаго, но сердцемъ умозрѣлъ незримаго, чистотою своей души: *блажени чистіи сердцемъ: яко Бога узрятъ* (Мѳ. v, 8). Такъ, послѣ поста онъ заключилъ небо противъ необузданныхъ и тратящихъ свою жизнь на наслажденіе, чтобы, чего они не избрали по собственному произволенію, воспитались въ этомъ голодомъ поста, и узнали, какъ полезенъ постъ, и (что) выражаетъ свою дѣйственность даже во время наслажденія. Даніилъ, пропостившись три седмицы и не вкусивъ хлѣба страстей,—сойдя въ львиный ровъ по зависти необузданныхъ, научилъ тамъ посту даже львовъ. Дикіе звѣри устыдились постника, стали кротче разумныхъ звѣрей и заключили свои пасти, не осмѣлившись коснуться святого тѣла. Одѣвъ свое тѣло постомъ, какъ бы оружіемъ, и совершенно укрѣпившись имъ, онъ отвлекъ глаза львовъ—показался имъ не въ человѣческомъ тѣлѣ, но ангельскомъ. И три отрока въ Вавилонѣ, не пожелавшіе причаститься царской беззаконной трапезы, но (пожелавшіе) послѣдовать законному посту, войдя въ раженную печь, угасили пламень, сдѣлали постомъ печь росною вмѣсто огненной; онъ (огонь) отступилъ отъ пріобыкшихъ въ постѣ, не будучи въ состояніи коснуться ихъ тѣла; а противъ незнающихъ поста огонь дерзнулъ,—всѣхъ окружающихъ халдеевъ истребилъ. Въ тѣлѣ (отроковъ) не было чего-нибудь вещественнаго, такъ какъ дѣйствіемъ поста оно стало духовнымъ. Также и ниневитяне постомъ отра- 790
зили смерть: пребывъ въ непрерывномъ постѣ три дня, они отмѣнили вѣчное наказаніе немногими днями, оставили вѣчную похвалу для міра.

Смотрите, возлюбленные, какъ силенъ постъ, совершаемый съ молитвою и дѣлами! Постъ и молитва избавляютъ отъ смерти; а правда выше ихъ обоихъ. Постъ—и уничтоженіе смерти, и освобожденіе отъ гнѣва; постъ—очищеніе мысли, сожитель воздержанія, упражненіе въ благочестіи, иго правды. Постъ умѣетъ бѣднаго дѣлать богатымъ: не позволяетъ не во-время трату, даетъ самостоятельность мѣры; онъ умѣетъ и богатаго дѣлать правителемъ собственнаго имущества, не позволяя ему безбоязненно его поглощать; постъ знаетъ и цвѣтъ юности. Онъ учитъ обузданію въ пищѣ, облекаетъ воздержаніемъ и мудро ведетъ къ благочестію и цѣломудрію. Онъ умѣетъ и старцевъ умудрять, и око мысли соблюдать въ чистотѣ. Постъ и тѣло сохраняетъ въ большемъ здравіи: не отягчаясь пищею, оно не принимаетъ вещества болѣзней, но, становясь легкимъ, укрѣпляется для принятія даровъ. Поэтому, будемъ поститься, возлюбленные, чтобы достигнуть духовныхъ даровъ. Кто постится, (тотъ) воспитываетъ душу для благочестія: онъ, пользуясь образомъ тѣлеснаго воздержанія для попеченія о душѣ, такъ же устраняется отъ порочныхъ помышленій, входящихъ въ душу, какъ удаляется отъ совнѣ приходящихъ снѣдей: *аще духъ владѣющаго взыдетъ на тя, мѣста твоего не* оставитъ; *яко исцѣленіе* утолитъ *грѣхи* (Еккл. х, 4). Какъ теперь ты удаляешься отъ пищи, ничего не вкушая, такъ удаляйся отъ грѣховъ, измѣняя себя. Ты постишься, не принимая вина; постись, удерживаясь и отъ порока; нечестіе умѣетъ производить въ душѣ еще большее опьяненіе. Ты постишься, не касаясь мяса; постись, удерживаясь и отъ клеветы, чтобы чрезъ нее не ѣсть тебѣ мяса братьевъ, не отвѣдать ихъ тѣла. Постъ—истинное воздержаніе отъ грѣховъ. Слушай слова пророка: *не сицеваго поста азъ избрахъ, и дне, еже смирити человѣку* душу свою (Ис. LVIII, 5),—но что?—*разрѣшай всякъ соузъ неправды, разрушай обдолженія насильныхъ писаній, раздробляй* алчущему *хлѣбъ твой*, безкровнаго *введи въ домъ твой: аще видиши нага, одѣй* (ст. 6, 7). Это, возлюбленные, истинный постъ, пріемлемый Богомъ, спасительный для человѣка и всѣмъ угодный. Вслѣдъ за нимъ идетъ обладаніе небомъ, съ неложнымъ обѣщаніемъ Владыки. Смотри, что онъ прибавляетъ: *тогда разверзется рано свѣтъ твой* и *тогда*, когда будешь взывать, *услышитъ тя, и еще глаголющу ти, речетъ:* вотъ Я здѣсь подлѣ тебя (ст. 8, 9). Видишь, сколько даровъ поста, и съ какимъ онъ связанъ благочестіемъ! Самого Бога онъ склоняетъ сойти къ человѣческой природѣ. Итакъ, постись, пребывай въ молитвахъ, общеніи, наставленіяхъ, не покидая собранія, какъ обычно нѣкоторымъ; (проводи) не въ хлопотахъ или судахъ цѣлый день, чтобы собрать денегъ, которыя ты долженъ расточать, или чтобы выступить противъ своего брата, которому тебѣ нужно служить. Ты пришелъ къ вечеру, или девятому часу, не съ тѣмъ, чтобы исполнить цѣль поста, но чтобы удовлетворить желаніе утробы. И не думай о себѣ, какъ трезвенникѣ, что устраняешься

отъ вина, но какъ о пьяномъ, такъ какъ полонъ порока,—чтобы тебѣ не услышать: *горе, піяніи безъ вина* (Ис. XXVIII, 1)! Пьянство не есть товарищъ поста, но врагъ и противникъ. Да поспѣшимъ же къ приготовленной намъ надеждѣ воскресенія, тамъ наслаждаясь назначенными благами, а здѣсь веселясь ожиданіемъ, во Христѣ Іисусѣ, Которому слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

О сынѣ вдовы.

И бысть по семъ, идяше Іисусъ *во градъ, нарицаемый Наинъ,* 789
и шли съ Нимъ *ученицы Его* въ достаточномъ количествѣ, *и народъ*
многъ. Яко же приближися ко вратомъ града, и се изношаху умерша,
сына единородна матери своей: и та бѣ вдова (Лук. VII, 11, 12). Все
горесть, жалость и полно многаго состраданія! Когда единородный сынъ
отрѣшился отъ настоящей жизни, сладчайшая мать восклицала: только 790
по названію я мать, у которой скорби родовъ пожала смерть. На виноградной лозѣ была одна кисть, и ту смертная буря уничтожила; у
нея была одна опора, и ту отняла смерть. Жена была безъ под- 791
держки, лишилась опоры; смотрѣла на жизнь, какъ нестоющую жизни. Не было у нея утѣшенія въ потерѣ единственнаго сына. Она была подвержена двойной скорби; страданіе было безутѣшно; никто не могъ облегчить муку; по щекамъ рѣкою лились слезы, и печаль у жены была невыносимая. Она думала о возмужалости сына; любовію разсѣкалась внутренность ея души. И она стала круглою вдовою, что тяжелѣе всего, что жалче всего; лишилась мужа и единственнаго (сына). Дѣйствительно, жалко имя вдовы, исполнено вопля, слезъ, вызываетъ на состраданіе. Никто изъ смотрѣвшихъ не оставался безъ печали; внутренности у всѣхъ надрывались; не находили, о комъ болѣе печалиться: объ умершемъ сынѣ, или о живой вдовѣ. Но я погрѣшилъ, назвавъ вдову живою: какая вдова живетъ жизнью? И если, повидимому, живетъ (говорю о настоящемъ, а не будущемъ), все же мертва. Въ настоящей жизни вдова, если богата, понемногу какъ бы крадетъ у себя свою скорбь, вооружается ожиданіемъ, исцѣляетъ свою рану и облегчаетъ страданіе, укрѣпляется плодородіемъ и часто понемногу усыпляется. Хотя и велика ея печаль, и хищники ея наготовѣ, но, при отсутствіи бѣдности, тяжесть легче. Но бѣдная вдова—это пристань слезъ, колодезь искушеній, беззащитный городъ, безводный источникъ, мать сѣтованія, тунеядецъ веселости, госпожа бѣдности, сосѣдъ голода, станокъ скорби, сокрушенный посохъ, непріятная встрѣча, горькое сожительство, некрасивое украшеніе, пустынный столбъ, дерево безъ корня, мгла неосвѣщенная, порогъ церковный, изобрѣтеніе многихъ молитвъ, смѣлый обвинитель враговъ. И, какъ къ мужу, она взываетъ къ Богу, и гнѣвъ Божій она имѣетъ готовымъ за

себя мщеніемъ. Она, огорченная сердцемъ, своими молитвами къ Богу разсѣкаетъ небо; какъ палачъ, она бьетъ себя въ грудь, если не скоро находитъ помощь Божію, въ отмщеніе несправедливо нападающимъ на нее. И бездѣтная, на землѣ бѣдная, безъ ходатайства, она подвигаетъ Бога, со всѣми Его небесными силами, на гнѣвъ и негодованіе противъ нежелающихъ вѣрить, что Богъ есть судія вдовъ и сиротъ. Если случится, что у нея есть сынъ,—она понемногу наслаждается возрастаніемъ (его) и обманываетъ себя ожиданіемъ, укрѣпляется этимъ плодомъ. Она глядитъ на вѣтвь, и уважаетъ корень; владѣетъ кистью, и любитъ насадившаго; у нея часть, и она думаетъ о цѣломъ; живого обнимаетъ, и мертваго не гнушается; черты сына замѣчаетъ, и образъ отца усматриваетъ. И пока дитя живо, вдова легче переноситъ треволненія этой жизни; а если случится, что дитя, при жизни матери, умерло, попрощалось съ матерью и ушло къ отцу, что испытала настоящая вдова, то она сразу принимаетъ на себя все страданіе. Лишь только единственный сынъ упомянутой вдовы умеръ, она, облекшись въ одежду печали, начала произносить необдуманныя слова, и Сущаго судила, какъ несправедливаго, употребляя укоризненныя слова; будто потерпѣвъ насиліе, она говорила: ужели мой единственный сынъ обременилъ міръ? Другіе отягчены чадородіемъ, а у меня единственной отнятъ единственный. Моя жизнь безпомощна: мужъ и сынъ умерли. Кто впредь утѣшитъ меня, кто призритъ меня? Мнѣ казалось, что чрезъ него у меня пріобрѣтена небольшая смѣлость; мнѣ достаточно было и того, что я слышала: мать! Отецъ оставилъ мнѣ его груднымъ, безъ средствъ; и я, безпомощная вдова, при поддержкѣ своихъ рукъ, старательно его вскормила, сдѣлала ему двойныя и тройныя одежды, щедро давала награду воспитателямъ его,—и теперь, когда ожидала благой жатвы, получила градъ испытаній. О, скорбь! Но я придумала, что мнѣ дѣлать. Погребусь вмѣстѣ съ своимъ сыномъ; удовлетворю завистниковъ своихъ; родственники меня поѣдали, что я владѣла мужественнымъ сыномъ. Позвольте, всѣ клеветники моего благочадія! Я опережу погребеніе своего родного сына: вѣдь для меня въ будущемъ жизнь смѣшна. Когда вдова такъ восклицала и
792 скорбѣла, тотчасъ подошелъ создатель нашъ, Христосъ Богъ; и увидѣлъ ее Богъ, предвидящій все, знающій ясно все до созданія: *прежде неже создати тя во чревѣ*, знаю *тя*, *и прежде неже изыти изъ ложеснъ, освятихъ тя* (Iер. I, 5). Онъ, отецъ сиротъ и судія вдовъ, прелагатель слезъ въ веселіе, сдѣлалъ церковью врата Наина, и постель мертваго жертвенникомъ. Гдѣ даръ воскресенія, тамъ краса жертвенника; и куда простираются руки Бога Слова, тамъ совершается мѣра воскресенія. Выходъ сталъ священнодѣйствіемъ, и изнесеніе стало внесеніемъ. Что же говоритъ евангелистъ? *Видѣвъ* же *ю* Іисусъ, т. е., Спаситель и Богъ Слово, Христосъ, *милосердова*. Что же увидѣвъ? Вдову бездѣтную, безъ мужа состарѣвшуюся, согбенную, жалкую, рвущую волосы, съ прахомъ

на головѣ, съ отяжелѣлыми глазами, рвущую непристойно одежду, ударяющую (себя) въ грудь и немогущую больше вопіять, но впрочемъ въ здравомъ умѣ. Въ такомъ состояніи увидѣвъ ее, Іисусъ сжалился надъ нею и, подойдя, сказалъ ей: *не плачи*. Она, объятая печалью, въ точности не узнавъ подошедшаго, отбросивъ печаль, въ отвѣтъ сказала Господу: Ты говоришь мнѣ, чтобы я не плакала? Но какое Ты мнѣ принесешь утѣшеніе? Если цѣлый міръ подвигнешь на утѣшеніе мнѣ, не окажешь мнѣ никакого утѣшенія. Что слаще сына для материнскаго утѣшенія? И особенно, когда онѣ вдовы, и ихъ опора въ единственныхъ сыновьяхъ? Какъ Ты говоришь мнѣ, чтобы я не плакала? О моемъ сынѣ чужіе печалятся, и я не буду плакать? Камни стенаютъ, и я буду молчать? Надежда моя потеряна, жизнь моя прекратилась, бодрость моя разрушена, я вижу свою жизнь безнадежною, и сама безнадежна. Смерть скосила мое ожиданіе, поставила меня въ безвыходное положеніе отовсюду; меня она оставила, а его унесла; оставила корень, а вѣтвь отсѣкла; пощадила стволъ, а зрѣлый побѣгъ изсушила; старушку оставила, а юношу усѣкла. У меня нѣтъ, на кого бы поглядѣть. Если бы у меня былъ другой сынъ, я могла бы обуздать свою печаль, и видомъ живого облегчить скорбь объ умершемъ; а теперь ничего хорошаго у меня не осталось, я лишена всякой радости. Я глядѣла на образъ сына, и видѣла образъ его отца; имѣя его, я представляла того; никогда не считала себя вдовою. Онъ облегчалъ мои несчастія и больше мужа служилъ мнѣ, и, при своей печали, я имѣла въ немъ утѣшителя. Если когда-нибудь овладѣвало моимъ помысломъ уныніе, онъ обнималъ меня, и обнимая, часто цѣлуя, услаждая меня дѣтскими словами, прогонялъ облако унынія; и Ты говоришь мнѣ: не плачь о сынѣ своемъ! Кто Ты, побуждающій меня къ тому? Нѣкоторые изъ толпы, подойдя, сказали ей: зачѣмъ ты, жена, осмѣливаешься возражать Богу? Господь предстоитъ, самъ съ тобою бесѣдуетъ; подойди, моли, умоляй; не напрасно Его присутствіе. Она, отерши свои глаза, поправивъ свою одежду, покрывъ грудь, припала къ стопамъ Владыки и въ отвѣтъ Господу говорила: отдай мнѣ сына, и я беру твой совѣтъ; я въ естественной старости признаюсь, (но) вижу Сарру, и пожинаю ея надежды. И упавъ къ ногамъ Іисуса, говорила: прости необдуманность Твоей рабы, Владыко, и слова, орошенныя моею печалію. Ты знаешь материнское страданіе во время печали о дѣтяхъ; это вѣдь твое повелѣніе. Я съ надеждою воспитала его. Я потеряла мужа; хотя сына подари мнѣ; поддержи мою старость; я уже слаба. Не говорю, какъ Мароа: *аще бы еси здѣ былъ, не бы братъ мой умерлъ* (Іоан. xi, 21); и во время присутствія Ты душу его носишь, и когда повидимому уходишь, ничего не оставляешь. Уступи въ маломъ, Владыко, рабѣ Твоей! Ты заплакалъ о Лазарѣ, котораго Своею силою воскресилъ изъ мертвыхъ; и мнѣ ли не плакать о своемъ сынѣ? *И приступль* Іисусъ *коснуся одра*,—касаю-

щійся горъ, и дымятся, — *носящіи же сташа: и рече: юноше, востани*, снова прими разумъ юноши и разрушь смерть. *Тебѣ гла-*
793 *голю, востани*, не медли въ воскресеніи, потому что *азъ есмь* жизнь и воскресеніе (Іоан. xi, 25). Я позвалъ Лазаря изъ гроба, и онъ тотчасъ вышелъ, хотя на четвертый день подвергся гніенію, и внутренности сильно были разрушены червями. Но голосъ жизни, приведши въ чувство мертваго, обратилъ разрушенное тѣло въ благовоніе, и гробъ сталъ материнскою утробою для лежащаго. А тебя недавно унесла смерть; тебѣ говорю: не медли въ воскресеніи, потому что *азъ есмь* воскресеніе. Мертвымъ былъ тотъ, котораго видѣли; и мертвому, какъ слушающему, говорилъ Господь. Когда мертвый слушаетъ? И что говоритъ Господь? *Тебѣ глаголю, востани*. И тотчасъ *сѣде мертвый*. Созерцающая толпа стала какъ бы мертвою, прежде всего по невѣрію, потомъ вслѣдствіе истины. Почему же онъ не соскочилъ, но сѣлъ? Чтобы увидѣли всѣ воскресеніе неприкровенно, и совершившееся не было признано видѣніемъ. Онъ почти говоритъ имъ: Я удовлетворю вашъ слухъ, что онъ есть тотъ, который незадолго умеръ. И, протянувъ Свою руку, Іисусъ взялъ умершаго и отдалъ его живымъ матери его. Она же, получивъ сына, была въ радости и невѣріи: она радуется воскрешенію сына, не вѣритъ при мысли о дѣлѣ. Жена старательно разсматривала сына, ощупывала руками, изслѣдуя глаза, носъ, губы, лобъ, изображеніе всего лица, потомъ руки и ноги и, словомъ сказать, все тѣло, и сама съ
794 собою разсуждала: ужели я не обманываюсь? Не держу ли другого? Не въ утѣшеніе ли мнѣ, въ обузданіе печали и для увеличенія скорби Онъ устроилъ хитрость со смертью сына моего—и кого-нибудь чужого, какъ своего, отдалъ Іисусъ, изъ желанія облегчить мое страданіе? У меня нѣтъ ни одного свидѣтеля о происшедшемъ: я не видѣла когда-нибудь этого, ни другой изъ тѣхъ, которые со мною, не видалъ; никогда не видали мертваго пробужденнымъ на одрѣ. Самому сыну своему она говорила: говори мнѣ, не бойся, ты ли сынъ мой? Скажи, узнаешь ли меня? Знаешь меня, кто я? Знаешь ли, что я твоя родительница? Я признаю черты, но не вѣрю дѣлу; говорятъ за себя глаза, зрачки, рѣсницы, губы, возрастъ. Скажи что-нибудь, милый! Покажи мнѣ признаки жизни. Радость возбудила мою дряхлость; гляжу на тебя, и удерживаюсь; я носила тебя на рукахъ; я кормила тебя маленькаго своею грудью; говори мнѣ, дитя мое, ты ли сынъ мой, и не бойся меня! И когда во всемъ этомъ она получила полную увѣренность, печаль измѣнила въ радость, плачъ въ прославленіе Бога, тогда, держа правою рукою сына и идя по городу, ко всѣмъ взывала великимъ голосомъ: *возвеличимъ Господа со мною, и вознесемъ имя его вкупѣ* (Пс. xxxiii, 3), такъ какъ Онъ воскресилъ моего умершаго, оградилъ престарѣлую лозу, переставшую быть матерью сдѣлалъ опять матерью и изсушилъ источники слезъ,—и прославляйте имя Его во вѣки, такъ какъ Ему подобаетъ слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

Противъ іудеевъ о мѣдномъ змѣѣ; и на слова: „дарова ему имя, еже паче всякаго имене" (Филип. II, 9), а также: „понеже ни единѣмъ имяше болшимъ клятися, клятся собою" (Евр. VI, 13).

Слово Божіе, возлюбленные, какъ часто раньше мы говорили, 793
просто, ясно, для всѣхъ очевидно и исполнено многаго свѣта; въ немъ различныя дѣйствія, и отсюда различны названія (его); часто его называютъ и свѣтомъ, и жизнью, и свѣтильникомъ, и свѣтиломъ, и мечомъ, и рѣкою, и источникомъ, и сѣкирою, и дверью. Оно допускаетъ эти названія соотвѣтственно своимъ благодѣяніямъ въ просвѣщеніи мысли слушателей и въ возведеніи нашей мысли отъ того, что у насъ, къ тому, что надъ нами. Отсюда Господь нашъ Іисусъ Христосъ, Слово Божіе, источникъ мудрости, во время бесѣды къ народу, пользовался притчами, уча премірному тѣмъ, что въ мірѣ, незримому видимымъ, божественному человѣческимъ. Онъ предлагаетъ то притчу о виноградникѣ, то притчу о рыбной ловлѣ, то о неводѣ, иной разъ о закваскѣ; такъ сегодня въ бесѣдѣ къ іудеямъ говорилъ: *человѣкъ нѣкій имяше два сына, и рече* первому: иди въ виноградникъ, работай (Мѳ. XXI, 28). Такъ какъ все это есть въ нашей жизни, среди этого мы вращаемся, то Онъ ведетъ насъ къ премірной мудрости; такъ Онъ говорилъ и съ самаго начала. Вчерашній день говорилъ Спаситель: *подобно есть царствіе небесное человѣку домовиту, иже изыде купно утро наяти дѣлатели въ виноградникъ свой* (Мѳ. XX, I). Вчера Онъ предложилъ притчу о виноградникѣ, и сегодня ее же. Необходимо обозначить и тѣ времена, въ которыя выходилъ господинъ виноградника. Онъ выходилъ, говорится, рано утромъ, около третьяго, шестого, девятаго и одиннадцатаго часа. Являются пять временъ приглашенія: раннее утро, часъ третій, шестой, девятый и одиннадцатый. Нѣтъ ничего празднаго у Бога. Онъ угрожаетъ: за всякое праздное слово отчетъ дадите (Мѳ. XII, 36); самъ Онъ, источникъ мудрости, тѣмъ болѣе не пользовался бы празднымъ словомъ. Учитъ насъ божественный учитель, что Богъ въ различныя времена зоветъ. Онъ тотъ же самый Господь, у Него та же самая пашня, но дѣлаетъ приглашеніе въ различныя времена различнымъ поколѣніямъ. День тотъ же самый, Владыка тотъ же самый, виноградникъ тотъ же самый, но времена, въ которыя нанимаются, не тѣ же самыя, но раннее утро, третій, шестой, девятый и одиннадцатый часъ. Когда Онъ вышелъ раннимъ утромъ нанять Себѣ дѣлателей? Утромъ называетъ начало боже-
ственнаго устроенія. Было утро, когда Адамъ былъ созданъ; въ началѣ 794
Вѣчный засвѣтилъ только что сотворенное солнце; показались только что созданная красота луны и великолѣпіе звѣздъ. Утромъ Владыка вышелъ для найма. Кого изъ людей Онъ нанялъ Себѣ прежде всего? Адама. Онъ назначилъ работу въ раю и охраненіе. Итакъ, это первый

наемъ отъ Адама до Ноя, это одно приглашеніе, одно время. Въ то время былъ нанятъ Адамъ для дѣланія, Авель для дѣланія добродѣтели, (также) Сиѳъ и Енохъ, переселенный за выдающуюся добродѣтель. До Ноя (было) первое время призванія. Когда явился Ной, (было) время третьяго часа, (и) Онъ опять вышелъ для найма. По истребленіи перваго поколѣнія, вслѣдствіе беззаконія, родъ человѣческій опять сталъ нуждаться во вторичномъ приглашеніи. Онъ вторично вводитъ дѣлателей въ виноградникъ—(это) отъ Ноя до Авраама; (это) вторичное приглашеніе. Вникни тщательно, прошу: первый часъ—это отъ Адама до Ноя; третій часъ—это отъ Ноя до Авраама; шестой часъ—это отъ Авраама до Моисея; девятый часъ—это отъ Моисея до Христа; одиннадцатый часъ—это отъ Христа до кончины. Какъ одиннадцатый часъ—конецъ дня, такъ и время пришествія—конецъ вѣковъ. Какъ одиннадцатый часъ указываетъ на конецъ дня, такъ время пришествія намекаетъ на кончину. Поэтому, апостолъ Павелъ говоритъ: *сія*, братіе, *образи прилучахуся онѣмъ: писана же быша въ наученіе наше, въ нихже концы вѣкъ достигоша* (1 Кор. x, 11). И смотри, какъ удивительно! Были наняты первые, вторые, третьи, четвертые и наконецъ пятые,—а награда не была дана первымъ, пока не пришли послѣдніе; они переносили тотъ же трудъ, и награды еще не получали. Богъ не желалъ дать первымъ награду, пока не придутъ плоды церкви, и прикажетъ (Онъ) домоправителю: дай отъ послѣдняго до перваго. Что Богъ отсрочилъ дать награду первымъ, пока придутъ послѣдніе, свидѣтельствуетъ Павелъ въ посланіи къ Евреямъ. Онъ вспомнилъ объ Авраамѣ, Исаакѣ, Іаковѣ, патріархахъ и о другихъ пророкахъ и праведникахъ, и прибавляетъ: *сіи вси послушествовани бывше вѣрою, не пріяша обѣтованія: Богу лучшее что о насъ преобрѣвшу, да не безъ насъ совершенство пріимутъ* (Евр. xi, 39, 40). Какъ здѣсь, братіе, Онъ далъ пять временъ и
795 приглашеній,—повторю: первое отъ Адама до Ноя, второе отъ Ноя до Авраама, третье отъ Авраама до Моисея, четвертое отъ Моисея до Христа, пятое отъ Спасителя до кончины,—такъ и въ другомъ мѣстѣ, въ притчѣ, Онъ говоритъ: подобно есть *царствіе небесное десяти дѣвамъ, яже изыдоша въ срѣтеніе жениху, пять мудры и пять юродивы* (Мѳ. xxv, 1). Почему пять и пять? Въ каждомъ родѣ (есть) праведные и неправедные. *Пять мудры и пять юродивы*,—въ каждомъ родѣ (есть) и старательные и лѣнивые, благочестивые и неблагочестивые. Смотри: всюду согласіе временъ; эти пять приглашеній имѣютъ свойственныя имъ занятія и свойственное время. И какъ земледѣльцы требуютъ отъ каждаго времени его плодовъ: весеннихъ отъ весны, отъ зимы зимнихъ, отъ лѣта его плодовъ, отъ осени ея плодовъ,—такъ и Богъ, требуя плодовъ, требуетъ отъ каждаго времени свойственныхъ его роду плодовъ. Онъ не требуетъ отъ тебя сегодня плода, котораго потребовалъ отъ первыхъ: иного требуетъ послѣ пришествія Христа. Также отъ

тѣхъ, которые (были) раньше тебя, не потребовалъ плодовъ твоихъ, но отъ каждаго рода требуетъ свойственныхъ плодовъ. Тогда было одно время, и съ собственнымъ закономъ; теперь время другое, и съ собственнымъ повелѣніемъ; не потому, что Богъ измѣняемъ, но потому, что Онъ согласуетъ повелѣнія (съ временемъ). Поэтому часто свидѣтельствуетъ о Ноѣ Писаніе: и былъ Ной *праведенъ, совершенъ*, — какъ? — *въ родѣ своемъ* (Быт. VI, 9), — для сравненія бывшихъ съ нимъ. Отъ каждаго требуется служеніе его рода, какъ говоритъ Петръ о Давидѣ: *Давидъ своему* послуживъ роду, *Божіимъ совѣтомъ успе* (Дѣян. XIII, 36). Каждый по своему роду, (а) родовъ пять. Это говоримъ не сами по себѣ, но слѣдуя Владыкѣ. Спаситель показалъ Свою силу: *возвращся во градъ*, увидѣлъ *смоковницу*, и не имѣла она (ничего), *токмо листвіе едино* (Мѳ. XXI, 18, 19), и искалъ плода. Онъ подошелъ голодный. Я сильно затрудняюсь въ своей рѣчи: боюсь произнести или подумать о Богѣ что-нибудь безразличное, (когда нужно) слѣдовать истинѣ. Возвращаясь, говорится, утромъ, Онъ сильно взалкалъ, и подошелъ къ смоковницѣ, чтобы найти плодовъ, и не нашелъ, потому что не было времени смоквъ. Такъ написано. Какой человѣкъ,—теперь не разумѣю Бога, ни достоинства Божія,—какой столь не разуменъ и несмысленъ, чтобы не вовремя подходить къ смоковницѣ? Если (судить) по человѣчеству, то безсмысленно не вовремя искать плода; если по божеству, то какъ Онъ не зналъ предѣловъ собственнаго творенія? Пожелаешь ли изслѣдовать это слово по человѣчеству или по божеству, оно не подходитъ къ Спасителю. Ни разумный человѣкъ не требуетъ плодовъ отъ насажденій не вовремя и не можетъ потребовать съ самаго начала, ни самъ Богъ, назначившій для каждаго насажденія и плода порядокъ, время и законы, не потребовалъ бы внѣ ихъ собственныхъ границъ. Если бы ты для смоковницы, не приносящей плода, назначилъ приличное время, между тѣмъ когда пришло время, она не принесла плода, то это зависѣло бы отъ воли Бога, не укрѣпившаго насажденія. Слѣдовательно, братіе, это скорѣе домостроительство (спасенія), чѣмъ нужда (Господа). Это не нужда Христова, но домостроительство: Онъ желалъ предуказать ученикамъ несомнѣнность Своего страданія. Такъ какъ, послѣ этого дѣла, тотчасъ войдя въ Іерусалимъ, Онъ намѣренъ былъ претерпѣть страданіе—внимательный читатель найдетъ вслѣдъ за этой исторіей силу креста,—такъ какъ (говорю) онъ намѣренъ былъ идти въ Іерусалимъ и страдать, а ученики соблазнялись страданіемъ, то, чтобы кто-нибудь не подумалъ, что Онъ страдаетъ по слабости, даетъ ясное доказательство, что Онъ могъ изсушить враговъ Своихъ, какъ смоковницу. Онъ показываетъ Свою силу надъ бездушной смоковницей, а долготерпѣніе надъ разумными людьми, чтобы, имѣя свѣжую память о чудѣ, понимали, что изсушитель словомъ пострадалъ по (Своему) желанію. Что, братіе, это истина, и все это съ цѣлію, чтобы

показать силу, можно замѣтить изъ слѣдующаго. Смоковница, говорятъ,
796 іудейская синагога; (будто) синагогѣ Онъ угрожалъ: *да николиже отъ тебе плода будетъ во вѣки*. Такъ нѣкоторые желали понимать; но дѣло не оказывается въ согласіи съ этимъ изреченіемъ: послѣ креста, послѣ этого рѣшенія миріады увѣровали изъ іудеевъ, и не согласуется—да не будетъ отъ тебя плода—съ тѣмъ, что столько увѣровало. Повторю сказанное: если Онъ высказался противъ іудеевъ и синагоги, что болѣе она не принесетъ плода, а плоды синагоги—церкви, то нужно было послѣ этого рѣшенія, чтобы никто изъ іудеевъ не увѣровалъ; а что много увѣровало, слушай изъ Писанія. Одна Петрова рѣчь къ народу уловила три тысячи, другое его наставленіе—четыре тысячи, и было душъ семь тысячъ (Дѣян. II, 41; IV, 4). А въ иныхъ мѣстахъ, когда слово преуспѣвало, множество іудеевъ покорилось вѣрѣ. Если въ концѣ слово настолько распространилось между іудеями, что апостолы говорятъ Павлу: *видиши ли, брате, колико темъ есть* увѣровавшихъ іудеевъ (Дѣян. XXI, 20), если есть миріады увѣровавшихъ іудеевъ, если миріады увѣровали, то какъ съ этимъ согласуется рѣшеніе: *да николиже отъ тебе плода будетъ?* Послѣ этого рѣшенія были миріады плодовъ. Но въ этомъ дѣлѣ есть своя послѣдовательность. Избѣгай натянутыхъ инотолкованій; бываетъ, когда само Писаніе позволяетъ прямо видѣть; бываетъ, когда оно учитъ подъ образомъ. Когда предлагается то, что можно только видѣть или разсказать, то не домогайся недостижимаго, но пользуйся послѣдовательностію въ томъ, что слышишь. Крестъ былъ; страданіе имѣло явиться. Чтобы они не приписали домостроительство слабости, Онъ высказываетъ силу надъ бездушной (смоковницей), и сохраняетъ долготерпѣніе для тѣхъ, которые будутъ имѣть надежду спасенія. Спаситель зналъ, что крестъ—спасеніе людей, и подъятіе Его на древо уловитъ всю вселенную. Поэтому, говоритъ: *аще азъ вознесенъ буду*, т. е., если буду распятъ на крестѣ, всѣхъ *привлеку къ себѣ* (Іоан. XII, 32). Будь внимателенъ, прошу. *Вознесенъ буду*—что такое? Если Онъ самъ не объяснитъ этого изреченія, то я не могу установить смыслъ. Спаситель говоритъ Никодиму: *и якоже Моисей вознесе змію въ пустыни, тако подобаетъ вознестися Сыну человѣческому, да всякъ вѣруяй въ онь не погибнетъ, но имать животъ вѣчный* (Іоан. III, 14, 15).

Что же значитъ эта загадка? Въ пустынѣ нѣкогда іудейскій народъ роптаъ за манну, и, поправъ эту съ неба данную пищу, пожелалъ трапезы египетской, и говорилъ: мы вспомнили котлы съ мясомъ, которое ѣли въ Египтѣ (Исх. XVI, 3); и были предпочтены египетскіе котлы небесной маннѣ. Что же Богъ? Такъ какъ былъ отвергнутъ хлѣбъ небесный, Онъ посылаетъ на народъ смертоносныхъ змѣй; змѣи ихъ жалили, и они умирали. И не другой какой звѣрь былъ посланъ—не левъ, не медвѣдь—но змѣи. Такъ какъ въ началѣ Богъ сказалъ змѣю: *землю снѣси вся дни* (Быт. III, 14), то Онъ противъ ядущихъ манну и

ропщущихъ послалъ этого звѣря, ядущаго и неропщущаго. Онъ послалъ ядовитаго змѣя; его ужаленіе сопровождалось смертію. Они умоляютъ Моисея, Моисей умоляетъ Бога, Богъ обѣщаетъ исцѣленіе ранамъ; Онъ могъ прогнать змѣй словомъ, но оставляетъ это бѣдствіе, и даетъ исцѣленіе. Сдѣлай мѣднаго змѣя, и укрѣпи его на древѣ при дверяхъ скиніи свидѣнія, объяви сынамъ израилевымъ, и скажи: если кто-нибудь будетъ ужаленъ змѣемъ, пусть придетъ и обратится къ этому змѣю, укрѣпленному на древѣ и, увѣровавъ, будетъ жить (Числ. XXI, 8). Ужели нельзя было прогнать змѣй, нельзя было истребить, нельзя было исцѣлить словомъ? Но какъ слово Божіе могло источить воду изъ скалы, скала же не раньше повиновалась, чѣмъ увидѣла знакъ креста,—такъ и здѣсь: оно могло прогнать змѣй, но змѣи не раньше были укрощены, чѣмъ увидѣли образъ креста, умертвившаго жало демоновъ. Почему же змѣя Онъ сдѣлалъ образомъ Спасителя? Какое сходство между образомъ и змѣемъ? Вотъ для памяти: когда будешь имѣть дѣло съ іудеями, или съ нѣкоторыми врагами, начинающими отъ Писанія и возстающими 797
противъ Писанія, (оспаривающими), что ты получаешь спасеніе и благословеніе отъ распятаго на крестѣ, такъ какъ написано: *проклятъ всякъ висяй на древѣ* (Втор. XXI, 23),—то тщательно вникай: если скажетъ іудей или другой врагъ церкви, выхватывая изреченіе изъ Писанія и вооружаясь противъ Писанія: какъ вы ожидаете благословенія отъ Господа, распятаго на крестѣ, когда Моисей ясно пишетъ, что *проклятъ всякъ висяй на древѣ*? ты скажи ему: если читаешь Писаніе, понимай его; не чтеніе требуется, но пониманіе, какъ говоритъ Филиппъ евнуху: *убо разумѣеши ли, яже чтеши?* и онъ благоразумно: *како могу*, Господи, *аще не кто наставитъ мя* (Дѣян. VIII, 30, 31)? Если скажетъ: какъ ты ожидаешь благословенія отъ распятаго на крестѣ, когда написано: *проклятъ всякъ висяй на древѣ*?—ты скажи ему: а какъ сыны Израиля получили въ пустынѣ благословеніе отъ змѣя, когда Богъ въ началѣ сказалъ: *проклятъ ты отъ всѣхъ скотовъ* земли (Быт. III, 14)? И змѣй проклятъ, и проклятъ всякій, висящій на древѣ. Не останавливайся на построеніи словъ, но замѣть разницу. Такъ какъ Спаситель намѣренъ былъ принять на Себя проклятіе, лежащее на мірѣ, а первымъ проклятіемъ было: *земля еси, и въ землю отъидеши* (Быт. III, 19), то Онъ принялъ этотъ приговоръ на Себя (какъ говоритъ апостолъ: *ны искупилъ есть отъ клятвы законныя, бывъ по насъ клятва*— Гал. III, 13), и напередъ пользуется образомъ змѣя, и именно змѣя. Какъ у того мѣднаго змѣя были видъ и образъ змѣя, а яда и лукавства змѣя не было, такъ и Спаситель является во плоти подъ видомъ грѣха; эта плоть была грѣховною до него. Онъ принимаетъ грѣховную плоть, и, самъ не согрѣшивъ, взялъ грѣхъ міра: *се агнецъ Божій, вземляй* грѣхъ *міра* (Іоан. I, 29). Такъ и Спаситель принялъ плоть, имѣющую образъ и истинную природу плоти, но не имѣющую грѣха плоти: *беззаконія не*

сотвори, ниже обрѣтеся лесть во устѣхъ его (Ис. LIII, 9). Что ядъ въ змѣѣ, то коварство въ человѣкѣ; о лукавыхъ говоритъ Писаніе: ядъ аспидовъ на губахъ ихъ, ихъ уста проклятія и горечи полны (Пс. IX, 28), *языки своими льщаху* (Пс. V, 10). Какъ (опять повторю) у того змѣя были видъ и образъ змѣя, а яда и лукавства не было, такъ и въ тѣлѣ Спасителя былъ образъ человѣческій, а лукавства человѣческаго не было. Еще другое сравненіе. Тамъ жалятъ одни змѣи, а другой за нихъ страдаетъ, потому что нужно было одного изъ жалящихъ взять и распять на крестѣ; жалящіе отпускаются, а ни въ чемъ не согрѣшившій распинался на крестѣ; кто не былъ причастенъ порчѣ или гибели остальныхъ змѣй, терпитъ пригвожденіе къ дереву, такъ какъ онъ былъ образомъ Спасителя,—при всеобщей грѣховности людей, никто изъ согрѣшившихъ за грѣшнаго не распинается, но безгрѣшный. Ты понялъ объясненіе; вспомни слова Господа къ Никодиму: *и якоже Моисей вознесе змію въ пустыни, тако подобаетъ вознестися Сыну человѣческому, да всякъ вѣруяй въ онь не погибнетъ, но иматъ животъ вѣчный. Тако подобаетъ вознестися Сыну человѣческому*,—хорошо сказано: страданіе считается униженіемъ, Спаситель называетъ возвышеніемъ. Вся вселенная возвышена крестомъ; вся вселенная, долу лежащая, исправлена домостроительствомъ креста. Поэтому *Господь воцарися, въ лѣпоту облечеся; ибо утверди вселенную* (Пс. XCII, 1). Не сказалъ: создалъ. Онъ создалъ въ первый разъ, а во второй разъ исправилъ. *Тако подобаетъ вознестися Сыну человѣческому, да всякъ вѣруяй въ онь не погибнетъ*. Необходимо сослаться на свидѣтеля этого возвышенія, (на) пророка ясно проповѣдующаго, что возвышается Богъ. Слушай блаженнаго Исаію, проповѣдующаго объ этомъ возвышеніи. Если и очень ясно онъ проповѣдуетъ о страданіи, въ словахъ: *яко овча на заколеніе ведеся, и яко агнецъ предъ стригущимъ его безгласенъ; сей грѣхи наша беретъ, и о насъ болѣзнуетъ*; за грѣхи народа Моего пришелъ Я *на смерть* (Ис. LIII, 7, 4, 8),—то однако въ другомъ мѣстѣ называетъ это страданіе возвышеніемъ. Что онъ говоритъ? Воспѣвайте Господа, *хвалите*
798 *имя* Его, возвѣщайте между язычниками славу Его, *яко высокая сотвори. Веселитеся и радуйтеся живущіи въ Сіонѣ*, яко вознесеся *Святый Израилевъ, посреди тебе* вознесенъ (Ис. XII, 5, 6). Но противъ этого поднимается еретическій голосъ, и говоритъ: хотя и былъ возвышенъ, но Отцомъ былъ возвышенъ, потому что написано: *тѣмже и Богъ его вознесе, и дарова ему имя, еже паче всякаго имене, да о имени Іисусовѣ всяко колѣно поклонится небесныхъ* (Филип. II, 9, 10), и прочее. Враги истины всегда вцѣпляются въ проповѣдь объ истинѣ. Такимъ не нужно давать отвѣта сразу, но прежде всего потребовать у нихъ основанія ихъ предвзятыхъ мнѣній, и тогда уже разрѣшать спрашиваемое. Такъ какъ ты говоришь, что Отецъ *его вознесе, и дарова ему имя, еже паче всякаго имене*, то прежде всего покажи мнѣ, какое такое

имя, которое выше всякаго имени; нельзя объявлять безъ околичностей, но (нужно говорить), что утверждается на истинѣ. Когда спроситъ лукавый, ты разрѣшай неумѣстный вопросъ справедливымъ взаимнымъ вопросомъ. Спаситель сегодня показалъ, какъ должно отвѣчать коварнымъ. Спасителя спросили фарисеи: *коею властію сія твориши; кто ти даде власть сію* (Мѳ. XXI, 23)? Спаситель, желая показать, что не должно удовлетворять злобѣ, ни отвѣчать на неумѣстные вопросы, говоритъ фарисеямъ: *вопрошу вы слово едино, еже аще речете мнѣ, и азъ* отвѣчаю: *крещеніе Іоанново откуду бѣ, съ небесе ли, или отъ человѣкъ* (ст. 24, 25)? Онъ, *запинаяй* мудрыхъ *въ коварствѣ ихъ* (1 Кор. III, 19), заключилъ лукавыхъ; и на вопросъ къ Нему не отвѣчаетъ имъ, но взаимно спрашиваетъ. Поэтому, пророкъ говоритъ: *съ преподобнымъ преподобенъ будеши, и съ мужемъ неповиннымъ неповиненъ будеши, и съ избраннымъ избранъ будеши, и со строптивымъ развратишися* (Пс. XVII, 26, 27). Многіе думаютъ, что это изреченіе говорится Богомъ къ людямъ, но пророкъ говоритъ это Богу, именно—что *съ преподобнымъ преподобенъ будеши, и съ мужемъ неповиннымъ неповиненъ будеши, и съ избраннымъ избранъ будеши, и со строптивымъ развратишися.* А чтобы тебѣ убѣдиться въ этомъ, онъ прибавляетъ: *яко ты* народъ смиренный *спасеши, и очи гордыхъ смириши* (ст. 28). Спаситель всегда мучилъ іудеевъ Своимъ молчаніемъ; злоба, не удовлетворяясь, еще больше мучится. Его часто спрашивали, и Онъ не отвѣчалъ; испытывали Его іудеи, и Онъ не подтверждалъ ихъ. Столько мучилъ Онъ ихъ души, что нѣкогда іудеи Ему сказали: *доколѣ* душу нашу *вземлеши? Аще ты еси Христосъ, рцы намъ не обинуяся* (Іоан. X, 24), и однако Онъ не отвѣтилъ, но (сказалъ): часто говорилъ Я вамъ, и вы не слушаете: что же опять желаете слушать? Смотри, какъ они высказали мученіе своей души: *доколѣ* душу нашу *вземлеши?* Не Ты ли сказалъ: *просите, и* получите, *толцыте, и отверзется вамъ, ищите, и обрящете* (Мѳ. VII, 7)? Вы читали Писаніе, но не поняли, что оно говоритъ—*взыщутъ мене зліи, и не обрящутъ* (Прит. I, 28). Чтобы тебѣ знать, что та же черта и говорившаго въ евангеліи и говорившаго чрезъ пророковъ, и что Онъ говорилъ тамъ и здѣсь,—замѣть: какъ здѣсь на вопросъ іудеевъ не отвѣчалъ, но связывалъ ихъ взаимными вопросами, такъ и въ ветхомъ завѣтѣ говоритъ Богъ Іезекіилю: *сыне человѣчь,* вотъ сыны народа идутъ ко Мнѣ спросить слово, *живу азъ, аще отвѣщаю* имъ (Іезек. XX, 3). Видишь: та же самая черта. Смотри, сколько мученій, сколько вопросовъ, сколько вывѣдываній, и Онъ не отвѣчалъ. А гдѣ находитъ душу простую и вѣрующую, исполненную свѣта и простоты, не только удовлетворяетъ (отвѣчая) на вопросъ, но даже безъ вопроса учитъ. Нѣкогда Іисусъ пошелъ около Самаріи; находитъ жену самарянку, черпающую воду, и говоритъ ей: *даждь ми пити* (Іоан. IV, 7); податель жизни говоритъ ей: *даждь ми пити.* Онъ сидѣлъ (тогда) около

колодца, (былъ) источникъ надъ источникомъ. (Желаю) кратко сказать, не предполагая объяснять эту исторію, но возвратиться къ главному своему предмету. Она спросила Его по вопросу, занимавшему іудеевъ и самарянъ, такъ какъ самаряне имѣли поклоненіе около теперь назы-
799 ваемаго Неаполя, а іудеи въ Іерусалимѣ. Спросила она: Господи, *отцы наши въ горѣ сей поклонишася*: какъ говорятъ іудеи, что въ Іерусалимѣ должно поклоняться (ст. 20)? Смотри: душа любознательная, жена жалкая, но высокая въ силѣ. Она вышла почерпнуть воды, и почерпаетъ изъ источника. Самаряне поклоняются здѣсь, іудеи въ Іерусалимѣ: разрѣши вопросъ! Спаситель говоритъ: поистинѣ говорю тебѣ, жена, что придетъ часъ, *егда ни въ горѣ сей, ни во Іерусалимѣхъ* будутъ поклоняться Отцу, потому что Богъ Духъ есть, т. е., всюду, и поклоняющимся Ему *духомъ и истиною* должно поклоняться (Іоан. IV, 21—24), не должно ограничивать мѣстомъ поклоненія Ему, но всюду прославлять. Такъ какъ она не могла ясно понять, что говорилъ Спаситель (это превосходило мысль жены), то говоритъ Ему: знаю, что идетъ Мессія, *глаголемый Христосъ;* когда Онъ придетъ, научитъ насъ всему (ст. 25). Смотри: (эта) душа раньше, чѣмъ видѣть, имѣетъ любовь. Іудеи, увидѣвъ, не увѣровали; эта, не видѣвъ, ожидаетъ. Когда Христосъ увидѣлъ простоту этой души, говоритъ: *азъ есмь, глаголяй съ тобою* (ст. 26). Сколько спрашивали іудеи и мучились: *доколѣ* душу нашу *вземлеши*,— и не было отъ Него отвѣта; эта сказала, что *идетъ*,—и проповѣданный высказалъ самого Себя. Это есть то, что сказано: *строптивая помышленія отлучаютъ отъ Бога; является же не невѣрующимъ ему* (Премуд. I, 3, 2).

Такъ какъ источникъ мудрости научилъ насъ разрѣшать неумѣстные вопросы, то я спрашиваю еретика, что это за *имя, еже паче всякаго имене?* Скажи его, какъ думаешь. Что это за *имя?* Іисусъ? Христосъ? Спаситель? Скажи мнѣ это *имя*. Назови его прежде всего, чтобы, когда приведу божественное свидѣтельство—пророческое, апостольское, ты не измѣнилъ этого свидѣтельства въ свою пользу. Вырази прежде всего свою мысль, скажи, какое ты разумѣешь имя, что̀ выше всякаго имени? Но что я дѣлаю? Я между вѣрными, и не хочу изъ-за враговъ оставлять въ сомнѣніи сыновъ церкви. Объяснимъ, и если присутствуетъ какой-нибудь врагъ, то пусть воспользуется, и будетъ другомъ вмѣсто врага, согласнымъ вмѣсто противника; пусть не считаетъ пораженіемъ, что поражается истиною; пусть не старается побѣдить худою побѣдою, но поразиться хорошимъ пораженіемъ. Будемъ объяснять, какъ они думаютъ. Какое, говоришь, было даровано Ему имя выше всякаго имени? Что Іисусомъ былъ названъ? Раньше Его былъ названъ такъ Іисусъ Навинъ. Что Христомъ былъ названъ? Всякій царь и пророкъ—христосъ. Такъ говоритъ Давидъ о царѣ Саулѣ, хотя порочномъ, однако имѣвшемъ царское помазаніе. Когда противъ него злоумышляли нѣкоторые

оруженосцы: *се день, о немже рече Господь предати врага твоего въ*
руцѣ твои, порази его,—Давидъ говоритъ: живъ Господь, не возложу
руки моей на него, *яко христосъ Господень есть* (1 Цар. xxiv, 5, 7).
И не одинъ только (этотъ) христосъ, но ихъ много: *не прикасайтеся*
христамъ *моимъ, и во пророцѣхъ моихъ не лукавнуйте* (Пс. civ, 15);
и Аввакумъ (говоритъ): *изшелъ еси во спасеніе* народа Твоего, *спасти*
христовъ *твоихъ* (Авв. iii, 13). Какъ же оно выше всякаго имени? Если
раньше (это имя) было у другихъ, то какъ же Отецъ далъ Ему имя
выше всякаго имени, или что это за имя? Что былъ названъ Спасите-
лемъ? Многіе были названы спасителями. Вспомни изъ прежде сказан-
наго: какое это имя выше всякаго? Но такъ какъ тебѣ неудобно отвѣ-
тить или ты, зная, коварствуешь и желаешь скрыть, то учись. Писаніе
часто называетъ именемъ не названіе Бога, но Его славу, именемъ
Божіимъ называется слава Божія. Такъ, когда (Господь) совершаетъ
чудеса, имя для Него происходитъ отъ чуда; блаженный пророкъ гово-
ритъ: *гдѣ есть* возведшій *десницею Моисеа?* Онъ одолѣлъ *воду предъ*
лицемъ его, и вывелъ народъ Его въ пустынѣ, и сдѣлалъ *ему имя*
(Ис. lxiii, 12, 13), т. е., молву, сдѣлалъ именитымъ. И у насъ гово-
рится: именитый человѣкъ, не потому, что у него есть имя (у всѣхъ
вѣдь есть имя), но потому, что именуется всюду. Именемъ называетъ
онъ славу и молву, произносимую всюду. Такъ говоритъ Богъ Соломону:
и сотворихъ тебѣ имя, якоже имя древнихъ царей (1 Парал. xvii, 8).
Не имя его перемѣнилъ, не Соломономъ пересталъ называться, но *со-* 800
творихъ тебѣ имя, т. е., молву, славу. Такъ и здѣсь говорится: *дарова*
ему имя, т. е., славу. И что это за слава? Чтобы мнѣ не объяснять,
слушай слова самого Павла: *да о имени Іисусовѣ всяко колѣно покло-*
нится небесныхъ и земныхъ и преисподнихъ: и всякъ языкъ испо-
вѣсть, яко Господь Іисусъ Христосъ. Видишь: онъ назвалъ именемъ
Его славу, поклоненіе вселенной, что Онъ всюду прославляется, и воз-
вѣщается во всей вселенной. Точно, говоритъ, я принимаю объясненіе,
но не отказываюсь отъ того, что Отецъ далъ Ему это имя. Ты желаешь
подъ именемъ понимать прозваніе; желаешь подъ именемъ понимать
славу; желаешь—молву; желаешь—извѣстность? Я до сихъ поръ не от-
казываюсь отъ того, (что) *тѣмже и Богъ его вознесе, и дарова ему*
имя. Итакъ, нужно изслѣдовать: оказывается, что эта слава—какъ бы
награда, данная Спасителю, потому что Павелъ говоритъ: *сіе да мудр-*
ствуется въ васъ, еже и во Христѣ Іисусѣ: иже во образѣ Божіи
сый, не восхищеніемъ непщева быти равенъ Богу: но себе умалилъ,
зракъ раба пріимъ, въ подобіи человѣчестѣмъ бывъ, и образомъ обрѣ-
теся яко человѣкъ. Смирилъ себе до смерти, смерти же крестныя.
Тѣмже и Богъ его превознесе, и дарова ему имя, еже паче всякаго
имене. Здѣсь показывается, что такъ какъ Онъ пострадалъ, то получилъ
награду страданія; такъ какъ самого Себя уничижилъ до смерти,—за

это и Богъ Его возвысилъ; *тѣмже* выражаетъ причину, по которой Онъ даетъ Ему славу. Эта слава, возвышеніе, есть награда за страданіе. Кто же страдалъ? Кто получилъ награду? Чтобы не позволить тебѣ безумствовать противъ божества, Павелъ прибавилъ: *смирилъ себе, послушливъ бывъ до смерти, въ подобіи человѣчестѣмъ бывъ, и образомъ обрѣтеся яко человѣкъ. Смирилъ себе.* Вникни тщательно: прежде всего онъ назвалъ образомъ Божіимъ: *во образѣ Божіи сый;* потомъ образомъ раба: *зракъ раба пріимъ, въ подобіи человѣчестѣмъ бывъ, и образомъ обрѣтеся яко человѣкъ;* а (все это) съ тѣмъ, чтобы показать, что образъ раба, человѣкъ, получилъ въ награду это имя. Здѣсь двѣ (вещи). Такъ какъ Спаситель положилъ Свою душу, — а Онъ имѣлъ душу, потому что былъ цѣльнымъ человѣкомъ,—то сама плоть, послужившая Спасителю Слову, получаетъ наградою служеніе ей выше всякаго имени, и *да всяко колѣно поклонится* Христу *небесныхъ и земныхъ и преисподнихъ.* О другомъ скажу кратко. Если послѣ креста Онъ получилъ это, и если вслѣдствіе уничиженія Его до смерти, Богъ, награждая Его, далъ Ему имя, если, повидимому, Онъ не имѣетъ этого имени до креста, то получилъ славу по благодати. Содѣйствуйте мнѣ, потому что мысль тонкая и глубокая. Говорятъ: такъ какъ пострадалъ Христосъ. Читаютъ апостола, не понимая апостольскаго, что такъ какъ пострадалъ, *тѣмже Богъ его превознесе, и дарова ему имя, еже паче всякаго имени, да о имени Іисусовѣ всяко колѣно поклонится небесныхъ и земныхъ и преисподнихъ.* До креста Онъ получилъ награду. Если Единородный не является поклоняемымъ до креста, и всякое колѣно не является преклоняющимся предъ Единороднымъ, то поистинѣ Онъ получилъ награду, которой не имѣлъ, принялъ благодать; а если оказывается, что вся тварь поклоняется и до креста, и прежде, чѣмъ пострадать, и прежде, чѣмъ быть возвышеннымъ, то къ чему здѣсь пустословіе? Почему, несчастный, не сознаешь, какое это довѣчное достоинство, какой это образъ домостроительства воплотившагося? Различай образъ Божій и образъ раба, берущаго и принятаго; не смѣшивай порядка, не нарушай истины, или лучше, не уничтожайся истиною. Вотъ мы покажемъ, что если всякое колѣно поклоняется и если раньше домостроительства поклоняемъ Единородный, то не отъ креста Онъ получилъ поклоненіе, но имѣетъ поклоненіе Себѣ раньше креста и раньше вѣковъ. Слушай, что говоритъ блаженный Исаія: вотъ что говоритъ Господь: я есмь Господь Богъ, *и нѣсть иного* праведнаго и Спасителя, *нѣсть кромѣ мене. Обратитеся ко мнѣ, и спасетеся, иже отъ края земнаго: азъ Богъ, и нѣсть иного* (Ис. XLV, 21, 22). И вслѣдъ за этимъ: самимъ Собою клянусь, *аще не изыдетъ изо устъ моихъ правда;*
801 я Богъ, нѣтъ иного; праведнаго и Спасителя кромѣ Меня нѣтъ; я Богъ, и опять нѣтъ иного (ст. 23). Въ третій разъ Онъ повторяетъ, и говоритъ: *обратитеся ко мнѣ*, самимъ Собою клянусь, *аще не изыдетъ*

изо устъ моихъ правда, словеса моя не возвратятся, т. е, не напрасно исходитъ слово Мое: *яко мнѣ поклонится всяко колѣно*, и всякій языкъ прославитъ Бога истиннаго (ст. 23). Кто это говоритъ? Отецъ. Такъ желаетъ еретикъ не съ тѣмъ, чтобы Отца чествовать, но чтобы Сына лишить его собственной славы. А мнѣ вѣрующему и церкви думается, что это говоритъ и Отецъ, это говоритъ и Сынъ, проповѣдуетъ и Духъ Святый. Объ этомъ я такъ богословствовалъ: здѣсь нѣтъ различія, потому что сказано: Я есть праведенъ, *и нѣсть иного*. Спросимъ ихъ: кто это говоритъ? Но имъ, какъ фарисеямъ, приходится сказать въ самихъ себѣ: если скажемъ это, отвѣтитъ намъ то. Чтобы не казалось, братіе, что я говорю самъ отъ себя, или по своему измышленному смыслу,—обращусь къ простой рѣчи: представлю изъ этого самаго пророчества свидѣтельство Павлово. Посмотримъ это пророчество у Павла: *живу азъ*, самъ Собою клянусь, *яко мнѣ поклонится всяко колѣно, и всякъ языкъ* (исповѣстся—Рим. XIV, 11). Посмотримъ, при какомъ случаѣ сказалъ это Павелъ. Онъ писалъ римлянамъ. Было несогласіе другъ съ другомъ у увѣровавшихъ іудеевъ и эллиновъ, сдѣлавшихся христіанами. Христіане изъ эллиновъ принимали всѣ снѣди безразлично, а изъ іудеевъ желали и Христу поклоняться и наблюдать іудейскую пищу. Одна часть укоряла другую: которые изъ іудеевъ укоряли тѣхъ, которые изъ язычниковъ, какъ не сохраняющихъ закона; а эти укоряли тѣхъ, какъ не поступающихъ по благодати евангелія. Они говорили іудеямъ: если законъ оправдываетъ, зачѣмъ пришелъ Христосъ? А если Христосъ пришелъ, зачѣмъ, оставивъ законъ Христовъ, слѣдуете іудейскимъ обычаямъ? Римляне были просвѣщены наставленіемъ Павла: *аще бо закономъ правда, убо Христосъ туне умре* (Гал. II, 21). Тѣ, которые изъ язычниковъ, были убѣждены, что безъ Христа невозможно иначе спастись, и не должно соблюдать іудейскихъ обрядовъ. Павелъ засталъ борьбу, засталъ (эту) распрю; онъ вступаетъ въ средину спорящихъ и раздѣляетъ ихъ на двѣ части. И смотри: прежде всего Павелъ не требуетъ тщательности отъ всѣхъ, но помышляетъ о твердости, (такъ какъ) предвзятое мнѣніе не разрѣшимо, и привычка уничтожается лишь временемъ. Онъ не захотѣлъ отвращать іудеевъ отъ вѣры, принуждая ихъ ѣсть пищу, но прежде всего (желалъ) укоренить въ нихъ вѣру во Христа. Что же христіане изъ іудеевъ? Такъ какъ они видѣли себя обличенными, что еще не увѣровали во Христа—наблюдаютъ іудейскую пищу и воздерживаются отъ свиного мяса, то, изъ желанія прикрыть свою слабость, они притворялись, будто совсѣмъ не ѣдятъ мяса, но овощи; совершеннымъ неядѣніемъ мяса устранялось обличеніе за старую привычку. Павелъ выступаетъ, прекращаетъ борьбу, и показываетъ, кто хорошо разсуждаетъ и кто немощенъ; онъ говоритъ: братіе, *овъ вѣруетъ ясти вся*, какъ христіанинъ, какъ вѣрный, *а изнемогаяй зелія ястъ* (Рим. XIV, 2). *Овъ вѣруетъ ясти вся*, зная, что вѣрою

все очищается: *зане всякое созданіе Божіе добро, и ничтоже отметно,*
802 *со благодареніемъ пріемлемо: освящается бо словомъ Божіимъ* (1 Тим. IV, 4, 5); *а изнемогаяй зелія ястъ*, (т. е.) немощью называетъ слѣдованіе іудейскому обычаю. *А изнемогаяй зелія ястъ.* Многіе думаютъ, что эти слова сказаны относительно аскетовъ и относительно ядущихъ безъ разбора; но священный языкъ не сказалъ бы такой странности, чтобы назвать аскетовъ немощными, а ядущихъ все вѣрными; онъ говоритъ для различенія наблюдающихъ іудейскія яства и принимающихъ все до безразличія: *овъ вѣруетъ ясти вся,* какъ христіанинъ, *а изнемогаяй зелія ястъ.* Кромѣ того, онъ устраняетъ борьбу: показалъ различіе, что это принадлежитъ вѣрѣ, а то немощи; а когда обличилъ, онъ соединилъ ихъ въ любви: *не ядый ядущаго да не осуждаетъ,*— т. е., іудей пусть не осуждаетъ эллина, что онъ ѣстъ вопреки закону Моисея,—и *ядый не ядущаго да не укоряетъ*, потому что они презирали ихъ. Вы не сдѣлались христіанами, еще не увѣровали: *ядый не ядущаго да не укоряетъ: Богъ бо его пріятъ. Ты кто еси судяй чуждему рабу?* Смотри, какъ удивительно: тѣмъ же самымъ и борьбу прекращаетъ, и іудеямъ показываетъ, что они нуждаются въ исправленіи: *ты кто еси судяй чуждему рабу?* Такъ онъ говоритъ христіанину изъ язычниковъ. *Ты кто еси судяй чуждему рабу?* Чужимъ называетъ потому, что онъ, повидимому, былъ подъ закономъ. *Своему Господеви стоитъ или падаетъ. Станетъ же: силенъ бо* Господь *поставити его* (ст. 4). Такъ объ іудействующихъ (говоритъ). *Станетъ же: силенъ бо* Господь *поставити его.* Прекратилъ (Павелъ) борьбу, и опять установилъ миръ. Итакъ: *ты кто еси судяй чуждему рабу? Своему Господеви стоитъ, или падаетъ: силенъ бо Богъ поставити его.* Итакъ: *овъ разсуждаетъ день чрезъ день, овъ судитъ на всякъ день* (ст. 5). Что значитъ *овъ убо разсуждаетъ день чрезъ день?* Такъ какъ и между іудействующими одни совершенно удерживались отъ свиныхъ яствъ, а другіе между замѣчательными днями почитали только субботу, то онъ говоритъ: *овъ разсуждаетъ день чрезъ день*, соблюдая законъ, *овъ же судитъ на всякъ день.* Потомъ: *мудрствуяй день, Господеви мудрствуетъ: и не мудрствуяй день, Господеви не мудрствуетъ. Ядый, Господеви ястъ: и не ядый, Господеви не ястъ* (ст. 6). Смотри, какъ прекращаетъ борьбу: *ты кто еси судяй чуждему рабу? Не ядый ядущаго да не осуждаетъ, и ядый не ядущаго да не укоряетъ* (ст. 4, 3). *Вси бо предстанемъ судищу Христову* (ст. 10). Здѣсь замѣть: самъ Собою клянусь, *яко мнѣ поклонится всяко колѣно.* Устраняетъ борьбу борющихся,—говоритъ: *ты кто еси судяй чуждему рабу? Вси бо предстанемъ судищу Христову.* Откуда это? *Писано бо есть: живу азъ, глаголетъ Господь: яко мнѣ поклонится всяко колѣно.* Итакъ, зачѣмъ ты осуждаешь брата своего? *Вси бо предстанемъ судищу Христову. Писано бо есть живу: азъ, глаголетъ Господь: яко мнѣ по-*

клонится всяко колѣно, и всякъ языкъ исповѣстся Богови истинному (ст. 11). Говорится къ тому: если Онъ получилъ награду поклоненія послѣ креста, то какъ пророки проповѣдали о поклоненіи раньше креста? Но сказаннаго пусть будетъ достаточно! Ученіе Духа да запечатлѣетъ нашу мысль, и всѣ вмѣстѣ вознесемъ славу Отцу и Сыну и Святому Духу, во вѣки вѣковъ. Аминь.

ОГЛАВЛЕНІЕ X-го ТОМА
ПОЛНАГО СОБРАНІЯ
ТВОРЕНІЙ СВЯТАГО ІОАННА ЗЛАТОУСТА.

Книга первая.

БЕСѢДЫ НА ПЕРВОЕ ПОСЛАНІЕ КЪ КОРИНѲЯНАМЪ.

БЕСѢДА XXIII на 1 Кор. IX, 24.

БЕСѢДА XXIV на 1 Кор. X, 13.

БЕСѢДА XXV на 1 Кор. X, 25.

БЕСѢДА XXVI на 1 Кор. XI, 2.

БЕСѢДА XXVII на 1 Кор. XI, 17.

БЕСѢДА XXVIII на 1 Кор. XI, 28.

БЕСѢДА XXIX на 1 Кор. XII, 1—2.

БЕСѢДА XXX на 1 Кор. XII, 12.

БЕСѢДА XXXI на 1 Кор. XII, 21.

Книга вторая.

ТОЛКОВАНІЕ НА ВТОРОЕ ПОСЛАНІЕ КЪ КОРИНѲЯНАМЪ.

БЕСѢДА V на 2 Кор. II, 12—13.

СТРАН.

БЕСѢДА VI на 2 Кор. III, 1.

БЕСѢДА VII на 2 Кор. III, 7—8.

БЕСѢДА VIII на 2 Кор. IV, 1.

БЕСѢДА IX на 2 Кор. IV, 8.

БЕСѢДА X на 2 Кор. V, 1.

БЕСѢДА XI на 2 Кор. V, 11.

БЕСѢДА XII на 2 Кор. VI, 1—2.

БЕСѢДА XIII на 2 Кор. VI, 11—12.

БЕСѢДА XXIV на 2 Кор. XI, 13.

БЕСѢДА XXV на 2 Кор. XI, 21.

БЕСѢДА XXVI на 2 Кор. XII, 1.

БЕСѢДА XXVII на 2 Кор. XII, 11.

БЕСѢДА XXVIII на 2 Кор. XII, 16—18.

БЕСѢДА XXIX на 2 Кор. XIII, 1.

БЕСѢДА XXX на 2 Кор. XIII, 10.

ТОЛКОВАНІЕ НА ПОСЛАНІЕ КЪ ГАЛАТАМЪ.

ГЛАВА I, ст. 1—3.

ГЛАВА II, ст. 1—2.

ГЛАВА III, ст. 1.

ГЛАВА IV, ст. 1—3.

ГЛАВА V, ст. 1.

ГЛАВА VI, ст. I.

ТВОРЕНІЯ,

приписываемыя св. Іоанну Златоусту и въ Патрологіи Миня отнесенныя къ разряду **Spuria**.